

Сенаторъ
Николай Яковлевичъ
Трегубовъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го января 1870 г.

1908.

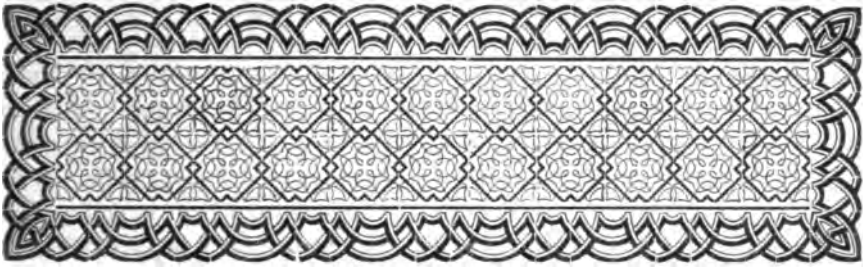
ОКТЯБРЬ, — НОЯБРЬ, — ДЕКАБРЬ.

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія «Надежда». Почтамтская, 13.
1908.

Тимошей Акундиновъ въ Римѣ. 1648.

дамъ Олеарій, дважды посѣтившій Москву въ XVII-мъ столѣтіи, впервые довольно подробно изложилъ походы Тимоея Акундинова, мнимаго сына царя Василя Шуйскаго. Главнымъ источникомъ послужили ему рассказы очевидцевъ ¹⁾. Почти два столѣтія спустя, и не ссылаясь на него, Соловьевъ, пользуясь архивными данными, подтвердилъ все сказанное Олеаріемъ ²⁾. Такимъ образомъ становится достовѣрно, что Акундиновъ бѣжалъ изъ Россіи, скитался за границею, побывалъ въ Турціи, Италіи, Малороссіи, наконецъ въ Голштиніи, откуда и былъ выданъ въ Москву, гдѣ, въ 1653 году, послѣ жестокой пытки, его немилосердно четвертовали.

Появленіе его въ Римѣ подтверждается мѣстными документами ³⁾. Уже товарищъ несчастнаго самозванца, Костка Конюховскій, показывалъ въ московскомъ застѣнкѣ, что Тимошка—такъ его обыкновенно звали—„былъ у папы и сакраментъ принималъ“.

На самомъ дѣлѣ, вотъ что намъ извѣстно: 27 апрѣля 1648 года состоялся объ Акундиновѣ докладъ въ конгрегациі Пропаганды. Онъ

¹⁾ Описаніе путешествія въ Московію и черезъ Московію въ Персію и обратно. Изданіе А. С. Суворина, стр. 242—254. У Олеарія употребляется форма Анкундиновъ.

²⁾ Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. II, столб. 1497--1500, 1601—1608, 1644—1649.

³⁾ Архивъ Пропаганды, *Acta congregationum particularium pro statu temporali Sacrae Congregationis de propaganda fide habitatum*, 1638—1649, f. 222, 223.

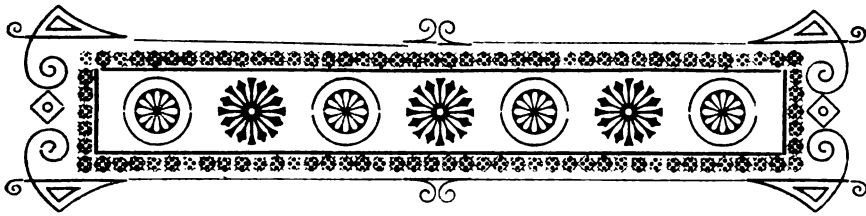
выдавалъ себя за Ивана Тимоеева, сына Василя, великаго князя московскаго, рассказывалъ, что былъ въ плѣну у татаръ, томился въ константинопольской тюрьмѣ и, показывая склонность къ католичеству, держалъ себя таинственно. Провѣрить его показанія было очень трудно. Члены конгрегаціи рѣшили навести справку въ инквизицію, гдѣ стекались иновѣрческія дѣла. Они обратились къ комиссару del Santo Uffizio, и, въ случаѣ перехода Тимоеева въ католичество, предлагали аудіенцію у папы Иннокентія X.

Два дня спустя, 29 апрѣля, послѣдовало другое рѣшеніе. Незвѣстно по какому поводу, конгрегація опредѣлила составить записку о Тимоеевѣ и вручить ее кардиналу Спада съ тѣмъ, чтобы онъ переговорилъ обо всемъ съ папою.

Какой былъ исходъ этихъ порученій, опять-таки неизвѣстно. Только-что упомянутая записка, если она и была составлена, то до сихъ поръ не нашлась. Кромѣ двухъ краткихъ, выше приведенныхъ намековъ, въ архивѣ Пропаганды ничего другого на-лицо не имѣется.

Пирлингъ.

Изъ дипломатической переписки сэра Джемса Гарриса—графа Мальмсбюри.

1777—1782 гг. ¹⁾.

(Окончаніе).

Въ исходѣ 1780 г. англійскій посланникъ получилъ изъ Лондона депешу, въ которой ему предлагалось подыскать предметъ, „достойный честолюбивыхъ помысловъ“ Ека- терины и который былъ бы на столько „выгоденъ для ея торговли и морскихъ силъ“, что ради приобрѣтенія его она согласилась бы ускорить заключеніе союза съ Англіей и пришла бы ей на помощь въ ея войнѣ съ Франціей, Испаніей и съ возставшими колоніями.

Въ разговорѣ, который посланникъ имѣлъ по этому поводу съ Потемкинымъ, послѣдній далъ ему понять, что приобрѣтеніе отдаленной колоніи не могло представить для Россіи никакого интереса.

„Уступите намъ что-нибудь поближе“, сказалъ Потемкинъ; „если бы, напр., вы уступили намъ о. Минорку, то я увѣренъ, что императрица согласилась бы исполнить всѣ ваши желанія“.

Трудно было ожидать, что англійское правительство согласится на такую уступку, однако его желаніе заключить союзъ съ Россіей было такъ велико, что Гаррисъ былъ уполномоченъ заявить петербургскому двору, что англійскій король, „желая сдѣлать пріятное императрицѣ“, готовъ „уступить ей это цѣнное владѣніе на возможно льготныхъ условіяхъ“, если она общается, со своей стороны,

¹⁾ См. „Русскую Старину“, сентябрь 1908 г.

содѣйствовать Англіи въ заключеніи мира на основѣ Парижскаго договора 1762 г. и сама заключить съ нею „на вѣчныя времена оборонительный союзъ“. Единственное условіе, поставленное Англіей, было—чтобы переговоры велись въ глубокой тайнѣ и чтобы въ нихъ были посвящены только императрица, Потемкинъ и англійскій посланникъ. Послѣдній—согласно съ полученной имъ инструкціей, не только ни съ кѣмъ не говорилъ объ этомъ, кромѣ Потемкина, но даже не передалъ ему никакихъ письменныхъ документовъ по этому поводу; но такъ какъ онъ не могъ добиться аудіенціи у императрицы, то для большей точности, онъ далъ Потемкину замѣтку съ перечисленіемъ тѣхъ пунктовъ, которыхъ онъ просилъ его коснуться въ бесѣдѣ съ нею; Потемкинъ, исполнивъ это порученіе, возвратилъ посланнику эту замѣтку; такимъ образомъ въ его бумагахъ не осталось слѣда происходившихъ переговоровъ.

По словамъ Гарриса, Потемкинъ былъ весьма доволенъ готовностью, съ какою англійское правительство согласилось на уступку Минорки. Выгоды, которыя доставило бы императрицѣ приобрѣтеніе этого острова, по его словамъ, не могли идти въ сравненіе съ услугой, какой требовала отъ нея за это Англія; „если бы удалось приобрѣсти на этихъ условіяхъ о. Минорку“, говорилъ онъ, „то императрица могла бы считать это подаркомъ, который свалился ей съ неба“¹⁾.

Нѣсколько дней спустя, послѣ того, какъ они впервые бесѣдовали объ этомъ вопросѣ, Потемкинъ передалъ Гаррису о томъ, какъ это предложеніе было принято императрицей.

Ея первымъ восклицаніемъ было: „*La mariée est trop belle, on veut me tromper*“. Быстро взвѣсивъ выгоды, какія могло доставить ей приобрѣтеніе острова, и обсудивъ ихъ всесторонне, Екатерина задалась вопросомъ: чѣмъ руководилась Англія, дѣлая ей подобное предложеніе? и высказала догадку, что она дѣйствовала съ вѣдома и согласія императора, которому ею были сдѣланы вѣроятно еще болѣе соблазнительныя предложенія; и что, если, получивъ Минорку, ей придется защищать ее, то англичане навѣрно подстрекнуть французовъ атаковать русскія суда въ Средиземномъ морѣ. Перебравъ самыя невозможныя предположенія, императрица рѣшила, что англичане хотятъ, во что бы то ни стало, *стянуть ее въ войну* и заявила, что она не приметъ никакихъ предложеній, которыя могли бы навлечь на ея подданныхъ подобное бѣдствіе.

¹⁾ Письмо Гарриса къ Стормонту отъ 13 (24) марта 1781 г.

Выслушавъ возраженія Потемкина, Екатерина видимо была поражена правдивостью его доводовъ, и пройдясь нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ, погруженная въ думу, она поручила ему переговорить съ посланникомъ вторично.

Затѣмъ, императрица какъ-будто забыла о предложеніи, сдѣланномъ Англіей, и долго не возвращалась къ этому разговору. Потемкинъ со своей стороны молчалъ. Наконецъ, однажды, Екатерина заговорила объ этомъ планѣ, съ большой живостью перечислила выгоды, которыя могло принести ей обладаніе Миноркой, и выразила сожалѣніе по поводу того, что только война могла доставить ей обладаніе этимъ островомъ. Тщетно старался Потемкинъ разсѣять это предубѣжденіе, оно крѣпко укоренилось въ умѣ императрицы, и когда Потемкинъ предложилъ выслушать самого посланника, то она возразила: „я не поддамся искушенію“.

На вопросъ Потемкина, что она разрѣшитъ отвѣтить Гаррису, императрица сказала, что она дастъ ему письменный отвѣтъ, который онъ долженъ будетъ перевести посланнику устно.

„Прошлый понедѣльникъ“, писалъ Гаррисъ лорду Стормонту 13 (24) марта 1781 г., „князь Потемкинъ, прочелъ мнѣ отвѣтъ императрицы; онъ былъ написанъ ею собственноручно по-русски и испещренъ помарками. Смыслъ отвѣта былъ таковъ:

„Ея и. в. весьма тронута дружескимъ предложеніемъ Лондонскаго двора; она говорила раньше и повторяетъ еще разъ, что она рада содѣйствовать Великобританіи къ достиженію справедливаго и почетнаго мира и будетъ энергично дѣйствовать въ этомъ смыслѣ; если счастье поможетъ ей въ этомъ, то она съ величайшимъ удовольствіемъ вступить въ тѣсный союзъ съ Англіей и скрѣпить его всѣмъ тѣмъ, что можетъ придать этому сближенію характеръ искренности и упрочить его. Но Ею к. в. пойметъ, что ей не идетъ вступать съ нимъ въ какое бы то ни было соглашеніе до тѣхъ поръ, пока она будетъ играть роль его посредницы при переговорахъ о мирѣ, ибо иначе, когда это соглашеніе, рано или поздно, перестало бы быть тайною, про нее могли бы подумать, что она находилась во время переговоровъ подъ вліяніемъ одной изъ воюющихъ сторонъ, и въ такомъ случаѣ могли бы заподозрѣть ея безпристрастіе и справедливость“. „Ничто не можетъ быть сильнѣе ея дружескихъ чувствъ къ Англіи“, говорилось въ заключеніе, „и ничто такъ не радуетъ государыню, какъ тѣ доказательства уваженія и расположенія, какія она получила со стороны короля“.

Чтеніе этой записки сопровождалось комментаріями Потемкина, имѣвшими тотъ смыслъ, что императрица страстно желала приоб-

рѣсти о. Минорку, но что у нея не хватало смѣлости рѣшиться на то, что могло доставить ей это пріобрѣтеніе.

Не предвидя возможности скорого заключенія мира между Англіей, Франціей и Испаніей, Екатерина увлеклась мыслию добиться мира между Англіей и Даніей; вице-канцлеръ передалъ Гаррису желаніе императрицы. Потемкинъ признавалъ неудобство для Англіи заключить отдѣльный миръ и совѣтовалъ дать понять посланнику, что императрица такъ упорно настаивала на этомъ, что нельзя было предсказать, до чего она способна была дойти, если бы Англія отвѣтила на ея предложеніе отказомъ. „Elle s'est piquée au jeu“, сказалъ онъ, „et croit son honneur intéressé à donner la paix aux Hollandais“.

Когда англійское правительство не приняло ея совѣта, Екатерина, не входя въ обсужденіе политическихъ мотивовъ, руководившихъ при этомъ Англіей, сочла отказъ съ ея стороны знакомъ недовѣрія и непочтительности къ ней лично, и ясно дала это понять англійскому посланнику при свиданіи съ нимъ.

„Хотя мнѣ случалось видѣть императрицу не въ духѣ“, писалъ Гаррисъ ¹⁾, но я никогда не видалъ, чтобы она была такъ недовольна, какъ при полученіи нашего отвѣта, въ коемъ мы отклонили ея предложеніе о посредничествѣ между нами и Даніей. Это былъ ея собственный планъ, который она не сообщила даже графу Панину.

„Перемѣна, происшедшая въ императрицѣ, на которую вы вполне основательно жалуетесь“, говорилъ посланнику Потемкинъ, „не есть результатъ французскихъ или испанскихъ интригъ; причина ея лежитъ въ самомъ характерѣ императрицы; она ссылагается на то, что вы не оказываете ей того довѣрія, о какомъ вы говорите, и котораго по ея мнѣнію она заслуживаетъ. Она полагаетъ, что вы противитесь ея планамъ, отвергаете ея предложенія, что вы требуете отъ нея доказательствъ дружескаго расположенія, не оказывая ей такового съ своей стороны“.

Видя, что я собираюсь возразить, онъ не далъ мнѣ говорить, замѣтивъ:

„Я знаю все, что вы скажете; я знаю все это и признаю, насколько это справедливо; повѣрьте моей искренности, я истощилъ всѣ доводы, чтобы убѣдить императрицу въ томъ, что она не права по отношенію къ вамъ; въ сущности, мнѣ удалось убѣдить ее, но она не признается въ этомъ даже самой себѣ“.

Нѣкоторымъ утѣшеніемъ для посланника былъ отъѣздъ изъ

¹⁾ Письмо Гарриса къ Стормонту отъ 23 апрѣля (4 мая) 1781 г.

Петербурга гр. Панина, всегдашняго недоброжелателя англійскаго кабинета, котораго Гаррисъ считалъ главнымъ препятствіемъ къ успѣху своей миссіи. Онъ уѣхалъ въ іюнѣ 1781 г. въ трехмѣсячный отпускъ. „Прусскій, французскій и датскій посланники почувствовали, что съ его отъѣздомъ они остались безъ защитника и руководителя“, а императрица, давно тяготившаяся Панинымъ, была довольна его отъѣздомъ.

„Трудно допустить“, писалъ Гаррисъ, „что гр. Панинъ станетъ когда-либо снова во главѣ управленія. Уѣзжая, онъ сказалъ, что вернется къ тому времени, когда маленькимъ князьямъ будутъ прививать оспу“.

Это очень не нравится императрицѣ, которая сказала въ сердцахъ, что она не видитъ, какая можетъ быть надобность въ Панинѣ въ этомъ случаѣ, и что онъ держитъ себя всегда, какъ членъ семьи, какъ будто ея дѣти и внуки принадлежать ему наравнѣ съ нею“. „Онъ жестоко ошибается“, прибавила она, „полагая, что онъ будетъ когда-либо вновь исполнять обязанности перваго министра. *Il ne sera jamais à ma cour autre chose que garde malade*“. (Онъ никогда не будетъ при моемъ дворѣ ничѣмъ инымъ, какъ сидѣлкою).

Вскорѣ по возвращеніи Панина, Гаррисъ съ удовольствіемъ сообщилъ лорду Стормонту, что престарѣлый канцлеръ уволенъ въ отставку.

„Прошлый вторникъ, 2-го сентября (ст. ст.) вице-канцлеру повелѣно вступить въ управленіе коллегіей иностранныхъ дѣлъ, подписывать акты и рескрипты и т. п.“

„По повелѣнію государыни вся иностранная корреспонденція будетъ отнынѣ адресоваться на его имя.“

„Столь странное и обидное устраниеніе гр. Панина отъ дѣлъ было предрѣшено императрицею недѣлю тому назадъ, но она держала это въ тайнѣ до его возвращенія изъ деревни, чтобы этимъ причинить ему возможно большую непріятность. Такъ какъ это было для всѣхъ совершенной неожиданностью, и гр. Панина считали слишкомъ ловкимъ и хорошо посвященнымъ во всѣ придворныя тайны, чтобы онъ могъ вернуться, когда его ожидала такая опала и такой позоръ, то это произвело огромную сенсацію, а такъ какъ онъ увлекаетъ за собою въ своемъ паденіи множество лицъ, то всѣ ропшутъ, насколько это возможно при здѣшнемъ образѣ правленія. Панинъ глубоко потрясенъ; онъ горько сожалеетъ о потерѣ власти и значенія и о несвоевременномъ отъѣздѣ своемъ

¹⁾ Письмо къ Стормонту отъ 7 (18) сентября 1781 г.

въ деревню, обвиняетъ своихъ родныхъ и друзей въ томъ, что ему сообщили невѣрные свѣдѣнія, упрекаетъ ихъ въ нерадѣніи и неблагодарности; обычное спокойствіе, коимъ онъ отличался въ частной жизни совершенно покинуло его.

„Появляясь въ обществѣ, онъ старается, какъ я неоднократно замѣтилъ, принять равнодушный видъ, но это ему не удается; его отчаяніе и страхъ берутъ верхъ надъ его притворствомъ и хитростью. Ничто такъ не подтверждаетъ справедливости моего мнѣнія о немъ, какъ его рѣшеніе остаться при этихъ обстоятельствахъ въ Петербургѣ, занять мѣсто въ Государственномъ Совѣтѣ—единственная, при томъ исключительно почетная должность, оставшаяся за нимъ,—и быть подчиненнымъ тѣхъ лицъ, коихъ онъ считалъ до сихъ поръ своими подчиненными.

„Я говорилъ вчера объ этомъ съ кн. Потемкинымъ. Онъ осуждаетъ для вида эту слишкомъ суровую мѣру, хотя находитъ ее справедливой и увѣряетъ, что слова, сказанныя мною императрицѣ въ мартѣ мѣсяцѣ, были первымъ поводомъ къ опалѣ гр. Панина, такъ какъ она старалась послѣ этого найти и дѣйствительно нашла доказательства, подтверждавшія справедливость всего мною сказаннаго. Онъ совѣтовалъ мнѣ однако для вида сохранить хорошія отношенія съ гр. Панинымъ и воздержаться отъ всякаго проявленія торжества по поводу постигшаго его несчастія.

„Извѣстно, какъ все измѣнчиво при этомъ дворѣ, присовокупилъ Потемкинъ; Панинъ можетъ занять свои прежнія должности, и ежели вы будете съ нимъ вѣжливы во время его опалы, то ему будетъ совѣстно дѣйствовать противъ васъ такъ явно, какъ это было до сихъ поръ“. Я замѣтилъ на это, что, разумѣется, я такъ и поступлю; но я не вижу, какимъ образомъ Панинъ можетъ оправиться отъ полученнаго имъ удара, если только онъ самъ не поможетъ ему подняться. Мысль, что Панинъ могъ найти въ немъ поддержку, очень насмѣшила Потемкина; чтобы доказать противное, онъ увѣрилъ меня, что онъ передалъ императрицѣ слово въ слово нашъ послѣдній разговоръ о графѣ Панинѣ, и что это и заставило ее наконецъ принять рѣшеніе, тогда какъ до этого она колебалась. Я увѣренъ, что кн. Потемкинъ не любитъ гр. Панина, и что онъ болѣе всѣхъ способствовалъ его паденію; но онъ еще менѣе благоволитъ къ Безбородко и его партіи и видитъ съ завистью и тревогою, какъ они все болѣе и болѣе приобрѣтаютъ довѣріе императрицы.

Когда прошелъ первый моментъ огорченія по поводу его отставки, въ душѣ гр. Панина снова затеплилась надежда.

„Гр. Панинъ, кажется, немного пришелъ себя, писалъ Гаррисъ

нѣсколько дней спустя, я провелъ съ нимъ вчерашній вечеръ, и онъ показался мнѣ гораздо спокойнѣе, нежели послѣдній разъ, когда мы съ нимъ видѣлись. Онъ рѣшилъ теперь дѣйствовать на великаго князя и на великую княгиню и всѣми силами старается убѣдить ихъ, что, отправляясь въ Вѣну, они ѣдутъ къ злѣйшему своему врагу“.

Какъ извѣстно, великій князь Павелъ Петровичъ и его супруга собирались въ это время въ заграничное путешествіе.

„Есть полное основаніе думать, писалъ Гаррисъ ¹⁾, что мысль о путешествіи великаго князя была подана государынѣ императоромъ австрійскимъ въ его бытность здѣсь въ прошломъ году, и что все тогда же было условлено между ними; я полагаю, что цѣлю этого путешествія было положить прочное основаніе союзу между Вѣнскимъ и Петербургскими дворами, обезпечить успѣхъ дѣла, затѣяннаго императрицей, ослабить узы, связывающія молодой дворъ съ королемъ прусскимъ, и поколебать расположеніе великаго князя и великой княгини къ этому монарху, замѣнивъ его иными чувствами. Этотъ планъ держали въ величайшей тайнѣ; объ немъ узнали только въ началѣ лѣта. Ея и. в., зная подозрительный характеръ своего преемника и враждебное къ ней настроеніе окружающихъ его лицъ, отлично понимала, что если бы это предложеніе было сдѣлано ею или кѣмъ нибудь изъ ея приближенныхъ, то оно вызвало бы массу возраженій и было бы принято съ подозрительностью, которую люди, имѣющіе вліяніе на взгляды и поступки великаго князя, всячески постарались бы поддержать. Вслѣдствіе этого, по совѣту и указанію кн. Потемкина, императрица открыла свой планъ князю Репнину, племяннику гр. Панина, котораго великій князь очень уважалъ, и не объясняя ему своихъ истинныхъ цѣлей и намѣреній, сказала ему, что ей хотѣлось бы, чтобы ея сынъ совершилъ путешествіе, съ цѣлюю пріобрѣсти знанія и опытность и отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ предразсудковъ; но что она не рѣшается предложить ему это, такъ какъ это могло быть истолковано ея желаніемъ удалить его отъ двора; поэтому, зная ловкость и умѣнье кн. Репнина и будучи увѣрена въ его преданности, она просила его, чтобы этотъ планъ былъ предложенъ имъ какъ бы невзначай, чтобы онъ добился согласія великаго князя и убѣдилъ его и великую княгиню въ томъ, что для особъ столь высокопоставленныхъ не только прилично, но даже необходимо видѣть новыя страны и познакомиться съ иными фор-

¹⁾ Письмо къ Стормонту отъ 21 окт. (1 ноября) 1781 г.

мами правленія. Въ случаѣ успѣха, императрица общала кн. Репнину отрицательное доказательство своего благоволенія.

„Кн. Репнинъ исполнилъ ея приказаніе съ большою ловкостью. Наводя какъ можно чаще разговоръ на иностранныя государства и на пользу, какую приносятъ путешествіе, онъ возбудилъ въ великомъ князѣ и еще болѣе въ великой княгинѣ страстное желаніе ѣхать за границу. Осуществленіе этой мысли казалось имъ верхомъ блаженства, и они постоянно горевали о томъ, что едва-ли имъ удастся когда-либо привести этотъ планъ въ исполненіе. Когда они были такимъ образомъ подготовлены, ими было получено письмо отъ императора, который настоятельно приглашалъ ихъ посѣтить Вѣну, общая пригласить на свиданіе съ ними мать великой княгини и прочихъ ея родныхъ, и выражалъ увѣренность, что императрица не будетъ ничего имѣть противъ этого, ежели они попросятъ ея согласія. Они посоветовались съ гр. Панинымъ и такъ какъ кн. Репнинъ строго хранилъ тайну, то они не встрѣтили съ его стороны того противодѣйствія, какого они ожидали. Панинъ представилъ себѣ, что это путешествіе могло принести пользу королю прусскому, и что главною цѣлью ихъ поѣздки будетъ Берлинъ, а не Вѣна. И такъ, ихъ императорскія высочества отправились 15 іюня къ императрицѣ и взволнованные изложили ей свою просьбу, ожидая отказа. Императрица сдѣлала видъ, что она удивлена и встревожена, и замѣтила, что ихъ просьба ставить ее въ очень затруднительное положеніе, такъ какъ въ случаѣ ихъ отъѣзда она на долго будетъ лишена ихъ общества, въ противномъ же случаѣ она будетъ виною того, что вопліи естественное съ ихъ стороны желаніе приобрести новыя свѣдѣнія и познанія не будетъ удовлетворено. Наконецъ, послѣ продолжительной бесѣды, въ теченіе которой ихъ высочества настаивали на своей просьбѣ, Государыня мало-по-малу сдалась. Было рѣшено, что они отправятся путешествовать, но съ условіемъ, что императрица сама начертаетъ имъ маршрутъ и назначитъ лицъ ихъ свиты.

Императрица, у которой все было уже подготовлено, составила въ нѣсколько дней списокъ лицъ, которыя должны были ихъ сопровождать, назначила время ихъ отъѣзда и намѣтила страны, какія имъ надлежало посѣтить. Ихъ императорскія высочества изъявили на все свое согласіе, выразивъ лишь желаніе, чтобы ихъ сопровождалъ кн. Куракинъ, и чтобы имъ было дозволено посѣтить Версальскій дворъ. Первая просьба была немедленно исполнена; въ послѣднемъ же имъ было сначала отказано и государыня согласилась на это лишь послѣ неоднократныхъ просьбъ съ ихъ стороны и то весьма неохотно. Великая княгиня упомянула о Берлинѣ, но полу-

чила рѣшительный отказъ, высказанный въ гнѣвномъ тонѣ; точно также всѣ настоянія, которыя дѣлались по этому поводу подъ разными предлогами королемъ прусскимъ какъ чрезъ ихъ императорскихъ высочествъ, такъ и чрезъ его посланника и другихъ лицъ, ему преданныхъ, остались безуспѣшны.

Пока здѣсь находился гр. Панинъ, въ настроеніи и намѣреніяхъ ихъ императорскихъ высочествъ постоянно происходили колебанія. Всякій разъ когда пріѣзжалъ курьеръ изъ Вѣны и привозилъ имъ письма отъ императора, они казались преданными Австріи и видимо были въ восторгѣ отъ предстоявшаго путешествія, но поговоривъ съ гр. Панинымъ, который нашептывалъ имъ совѣты, получаемые изъ Потсдама, они мѣняли свои взгляды, едва говорили съ гр. Кобенцелемъ и видимо были недовольны перспективою уѣхать изъ Петербурга. Съ отъѣздомъ гр. Панина въ деревню все измѣнилось, они стали рѣшительно проявлять свои симпатіи къ Австріи, только и говорили съ гр. Кобенцелемъ и его супругою; всѣ ихъ помыслы были заняты императоромъ и Вѣною; они были въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ императрицею, не только были вѣжливы съ кн. Потемкинымъ, но даже высказывали ему свое благоволеніе. Всѣмъ этимъ они снискали искреннее расположеніе императрицы и прожили съ нею два мѣсяца въ полномъ мирѣ и согласіи, но съ возвращеніемъ гр. Панина все снова измѣнилось. Тотчасъ пошли раздоры, вызвавшіе при дворѣ цѣлую бурю, которую можно сравнить съ настоящей революціей въ миниатюрѣ. Онъ повелъ дѣло съ искусствомъ чловека, состарѣвшагося въ придворныхъ интригахъ, и не давалъ бурѣ утихнуть до самаго ихъ отъѣзда.

„Чтобы пояснить сказанное, необходимо прослѣдить дѣйствія этого министра съ самаго начала нынѣшняго года. Видя, что его вліяніе падаетъ съ каждымъ днемъ, и что всѣ средства, которыя онъ такъ часто съ успѣхомъ пускалъ въ ходъ, чтобы упрочить свое значеніе, были недействительны, онъ сталъ жаловаться въ февралѣ мѣсяцѣ на свое здоровье, дѣлалъ видъ, что оно ухудшается, пока у него не явился наконецъ уважительный предлогъ не выходить болѣе изъ дома; хотя онъ продолжалъ видѣться со своими друзьями и знакомыми и чрезъ нихъ доводилъ до свѣдѣнія императрицы и распространялъ въ обществѣ преувеличенные слухи о своемъ болѣзненномъ состояніи, изображалъ себя старымъ, преданнымъ слугою императрицы, который дѣлалъ ошибки отъ чрезмѣрнаго усердія и такъ преданъ Ея Величеству, что изнемогаетъ подъ бременемъ ея неудовольствія и, не будучи въ силахъ долѣе переносить его, рѣшилъ удалиться на нѣкоторое время въ деревню, для поправленія своего здоровья, и чтобы удалиться отъ дѣлъ, для которыхъ

болѣе не нуждаются въ его совѣтахъ и относительно которыхъ ему уже не позволено высказывать своего мнѣнія. Говоря все это для вида, онъ пускалъ въ то же время въ ходъ всевозможные происки, чтобы вернуть довѣріе государыни, но не хотѣлъ подчиниться ея желаніямъ, а думалъ привлечь ее на свою сторону самой ловкой и искусной клеветой, но императрица относилась уже къ нему подозрительно и не вѣрила ничему, исходявшему отъ него; всѣ его хитрости не выдерживали ея критики“.

„Если бы ему были извѣстны истинныя намѣренія императрицы, то онъ, конечно, не вернулся бы сюда, чтобы подвергнуться неминуемой опалѣ, и не рискнулъ бы, очертя голову, пойти на тѣ испытанія, какія онъ перенесъ, а послѣдовалъ бы единодушному совѣту своихъ друзей и провелъ бы остатокъ дней въ Москвѣ и въ своихъ подмосковныхъ помѣстьяхъ; я увѣренъ, что онъ никогда не вернулся бы ко двору, если бы его не вынудилъ къ этому король прусскій. Этотъ монархъ приобрѣлъ на него такое вліяніе, что онъ не можетъ уже не подчиняться его волѣ; ему было тѣмъ труднѣе это въ данномъ случаѣ, что король умолялъ его возвратиться въ Петербургъ, говоря, что онъ единственный человѣкъ въ мірѣ, который въ состояніи дѣйствовать въ его интересахъ; король сумѣлъ при этомъ такъ ловко пустить въ ходъ все свое умѣнье и лесть, что даже человѣкъ менѣе стойкій и честолюбивый нежели гр. Панинъ, былъ бы поколебленъ. Письма съ самыми настоятельными просьбами посылались ему королемъ прусскимъ въ деревню съ курьерами, передѣтыми то купцами, то странниками; они же сообщили ему планъ дѣйствій, коего ему слѣдовало держаться по возвращеніи въ Петербургъ. Однако гр. Панинъ видимо не слишкомъ разсчитывалъ на успѣхъ, какъ это можно заключить изъ слѣдующихъ словъ, сказанныхъ имъ гр. Герцу, нѣсколько дней спустя послѣ его пріѣзда: „Votre maitre veut que je me sacrifie; eh bien! je le ferai“. (Вашъ монархъ хочетъ, чтобы я принесъ себя въ жертву, пусть будетъ такъ); событія показали, что его пророчество сбылось почти буквально“.

„Тотчасъ по возвращеніи въ столицу, гр. Панинъ сталъ смущать великую княгиню, высказывая ей опасенія на счетъ дурныхъ послѣдствій, какія могла имѣть для ея дѣтей прививка оспы; и она, какъ нѣжно любящая мать, строго относящаяся къ исполненію своихъ материнскихъ обязанностей, была глубоко этимъ смущена; мысль объ угрожавшей ей дѣтямъ опасности вызвала въ ея сердцѣ страшную борьбу, которая отравила ей самую мысль о путешествіи; боязнь, чтобы они не заболѣли отъ этой операціи, вызвала въ ней желаніе отложить отъѣздъ. Врачъ ихъ вы-

сочествъ, Крейсъ, преданный гр. Панину, усилилъ ея опасенія своими неопредѣленными отвѣтами, и никакія увѣренія барона Димсдала и доктора Роджерсона уже не могли успокоить великую княгиню. Великій князь вполнѣ раздѣлялъ ея чувства; на него гр. Панинъ постарался подѣйствовать другимъ, еще болѣе энергичнымъ способомъ.

„Ему удалось вывѣдать тайну кн. Репнина, и онъ открылъ великому князю, что путешествіе, которое послѣдній считалъ добровольнымъ, со своей стороны, поступкомъ, было дѣломъ глубокихъ и зрѣло обдуманныхъ расчетовъ постороннихъ лицъ; Панинъ намекнулъ великому князю, что подъ этимъ путешествіемъ скрываются самыя пагубныя цѣли, что можетъ быть онъ *никогда* болѣе не вернется въ Россію, что у него могутъ отнять дѣтей; хотя онъ и не утверждалъ всего этого положительно, но онъ старался коварными инсинуаціями придать вѣсъ своимъ словамъ, намекалъ на честолюбіе Потемкина и на отсутствіе у него всякихъ принциповъ; подобными же красками изображались имъ и прочіе приближенные императрицы; въ своихъ рѣчахъ, полныхъ коварства и хитрости, онъ коснулся даже императора и, сославшись на полученныя имъ достовѣрныя, будто бы, свѣдѣнія, увѣрялъ, что послѣдній отнюдь не желаетъ брака своего племянника съ сестрою великой княгини; при этомъ онъ высказалъ такія вещи, которыхъ нельзя передать письменно даже въ шифрованной депешѣ, отправляемой съ кабинетскимъ курьеромъ“.

Подобныя вещи, сказанныя человѣку, столь робкому, какъ великій князь, тѣмъ, кого онъ привыкъ уважать и кому вполнѣ довѣрялъ, должны были, разумѣется, произвести на него сильнѣйшее впечатлѣніе; онъ былъ совершенно разстроенъ, и его волненіе было столь велико, что на слѣдующій день, утромъ, въ воскресенье, 13 сентября (ст. ст.), великій князь и великая княгиня, которой его высочество имѣлъ слабость передать все слышанное, объявили, что они не уйдутъ до тѣхъ поръ, пока дѣти ихъ не поправятся окончательно, и что никакая сила не заставитъ ихъ измѣнить этого рѣшенія. Ихъ нельзя было даже уговорить назначить день отъѣзда; императрица не могла добиться отъ нихъ никакихъ объясненій. Весь этотъ день и слѣдующій понедѣльникъ и вторникъ всѣ были въ полной неизвѣстности; распоряженіе относительно почтовыхъ лошадей было отмѣнено; лица, коимъ было приказано выѣхать впередъ для приготовленія ночлеговъ и т. п., были задержаны, и великій князь и великая княгиня казались такъ непоколебимы въ своемъ рѣшеніи, что императрица не знала, что дѣлать. Всѣ ея слова не производили на нихъ ни малѣйшаго впечатлѣнія, всѣ ея просьбы и даже строгія увѣщанія остались безъ

результата. Въ такомъ положеніи я засталъ дворъ въ среду утромъ.

„Князь Потемкинъ былъ въ нерѣшительности; онъ, также какъ и всѣ остальные, не зналъ, что предпринять, и приходилъ въ отчаяніе. Когда я спросилъ его о причинѣ его волненія, онъ видимо не хотѣлъ говорить объ этомъ, но замѣтивъ, что мнѣ извѣстно все происходящее, онъ сталъ менѣе сдержанъ, а когда я сказалъ ему, что я слышалъ, еще до возвращенія графа Панина въ Петербургъ, о его намѣреніяхъ и о томъ, какимъ образомъ король прусскій заставилъ его дѣйствовать, то Потемкинъ заговорилъ откровенно, и взявъ съ меня слово держать все въ величайшей тайнѣ, рассказалъ о происшедшей сценѣ, передалъ подробно разговоръ графа Панина съ великимъ княземъ, сказалъ, что императрица находится въ самомъ непріятномъ и затруднительномъ положеніи, присовокупивъ, что ей придется, можетъ быть, уступить и не только отложить путешествіе ихъ высочествъ на мѣсяць, но даже дозволить имъ заѣхать на обратномъ пути въ Берлинъ, такъ какъ великая княгиня съ горечью жаловалась на то, что ей не дозволяютъ повидаться съ родными, которыхъ она имѣетъ при этомъ дворѣ. Я сталъ порицать самымъ рѣшительнымъ образомъ подобную уступчивость, которая свидѣтельствовала бы о слабости и могла имѣть самыя печальныя послѣдствія“. „По моему мнѣнію, сказалъ я Потемкину, лучше совершенно отказаться отъ путешествія ихъ высочествъ, нежели допускать его при подобныхъ условіяхъ; это значило бы играть въ руку графа Панина и доставить ему величайшее торжество, и дало бы великому князю поводъ считать коварныя инсинуаціи этого министра имѣющими основаніе, что въ свою очередь могло бы усилить, а отнюдь не ослабить его подозрѣнія; ея величество заслужила бы такимъ образомъ упрекъ въ нерѣшительности и отсутствіи твердости, а это было бы обидно для ея славы“; „обстоятельства кажутся мнѣ столь критическими, сказалъ я, что малѣйшее отступленіе отъ первоначальнаго плана можетъ имѣть самыя прискорбныя послѣдствія; это борьба, отъ исхода которой будетъ зависѣть, на чьей сторонѣ окажется преобладающее вліяніе; наконецъ его собственному вліянію будетъ нанесенъ чувствительный ударъ, ежели онъ допуститъ, чтобы императрица выказала такую слабость“.

„Князь Потемкинъ видимо былъ взволнованъ моими словами; походивъ, по своему обыкновенію, нѣсколько минутъ взадъ и впередъ по комнатѣ, не отвѣчая ни слова, онъ отправился къ императрицѣ и, возвратившись черезъ часъ, объявилъ, что все улажено. Отъѣздъ ихъ императорскихъ высочествъ былъ назначенъ на слѣ-

дующее воскресенье; особамъ, находившимся въ Царскомъ Селѣ, было повелѣно откланяться имъ немедленно. Князь передалъ мнѣ, что хотя императрица и настояла на этомъ, но она говорила съ великимъ княземъ и его супругою такъ ласково и такъ дружески, что ей удалось до известной степени успокоить ихъ. Впрочемъ, когда я явился вечеромъ, чтобы откланяться имъ, то мнѣ показалось, что они были очень разстроены и взволнованы: ихъ глаза были красны и полны слезъ; по оказанному мнѣ приему я видѣлъ ясно, что они повѣрили всему, что имъ наговорилъ графъ Панинъ.

„Откланявшись ихъ высочествамъ, я прошелъ къ Потемкину и сталъ энергически доказывать ему необходимость пресѣчь Панину возможность дѣлать подобный переполюхъ. Все происшедшее было столь вѣскимъ доводомъ въ пользу моихъ словъ, что мнѣ не стоило большого труда убѣдить его, и онъ сообщилъ мнѣ, что ея величество рѣшила удалить графа Панина; и что хотя она еще не знаетъ, какъ это сдѣлать, но ея рѣшеніе принято безповоротно; только изъ уваженія къ великому князю, она не хочетъ ничего предпринимать до отъѣзда его императорскаго высочества“.

„Великій князь и великая княгиня уѣхали изъ Царскаго Села въ воскресенье, 19 сентября (ст. ст.) въ 5½ часовъ по полудни“.

„Одному лицу было поручено мною, писалъ Гаррисъ ¹⁾, наблюдать за всѣмъ происходившимъ въ моментъ ихъ отъѣзда. Невозможно передать, какъ велико было волненіе великой княгини. Прощаясь съ дѣтьми, она упала въ обморокъ и была отнесена въ карету безъ чувствъ. Она пыталась сказать что-то императрицѣ, но у нея не хватило голоса. Вообще, по тому, какъ она держала себя, она менѣ всего походила на человѣка, добровольно принимающаго пріятное путешествіе; она скорѣ напоминала человѣка, отправляющагося въ ссылку. Великій князь былъ почти въ такомъ же состояніи. Сѣвъ въ карету, онъ опустилъ шторы и приказалъ кучеру ѣхать какъ можно скорѣ“.

Князь Орловъ, князь Потемкинъ, графъ Панинъ и большинство придворныхъ сановниковъ провожали его до кареты; графъ Панинъ стоялъ подлѣ великаго князя въ то время, когда онъ садился въ карету, и сказалъ ему на ухо нѣсколько словъ, на которыя не получилъ отвѣта. Императрица проводила великаго князя и великую княгиню до передней своихъ покоевъ и была чрезвычайно взволнована; простясь съ ними, она тотчасъ отправилась къ внукамъ.

Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что силь-

¹⁾ Письмо къ Стормонту отъ 21 сентября (2 октября) 1781 г.

ное волненіе, выказанное ихъ высочествами было вызвано не одной разлукою съ дѣтьми. Графъ Панинъ напугалъ ихъ, и они уѣхали крайне встревоженные. Онъ играетъ рискованную игру, ибо императрицѣ конечно извѣстны всѣ его происки, и она не проститъ ему этого. Она выказала ему, въ день отъѣзда ихъ высочествъ, явное пренебреженіе, и это произвело на него столь сильное впечатлѣніе, что на его обыкновенно спокойномъ и безстрастномъ лицѣ отразилось величайшее смущеніе.

Въ тѣхъ же приблизительныхъ выраженіяхъ описывалъ отъѣздъ великаго князя и французскій посланникъ де-Веракъ, незадолго передъ тѣмъ назначенный въ Петербургъ. „Это была такая трогательная сцена, писалъ онъ, какую трудно себѣ представить. Продливались слезы, слышались рыданія; ихъ высочества не могли сдержать и скрыть своего волненія и дали полную волю своимъ чувствамъ. Великая княгиня, замѣтивъ въ толпѣ придворныхъ графа Панина, направилась къ нему и бросилась въ его объятія. Она упала въ обморокъ и не успѣла придти въ себя, какъ ее снесли въ карету“.

„Разумѣется, никто не былъ такъ сильно взволнованъ ихъ отъѣздомъ, какъ гр. Панинъ. Онъ опасно заболѣлъ“.

„Утромъ на другой же день послѣ отъѣзда великаго князя, 20-го сентября (ст. ст.), гр. Панинъ получилъ приказаніе отпустить своего секретаря и возвратить всѣ бывшія у него бумаги; онъ оставленъ въ Совѣтъ, но ему дано понять, что это назначеніе будетъ только почетнымъ“.

„Этотъ ударъ, который не былъ для гр. Панина неожиданностью, все же чрезвычайно поразилъ его и, такъ какъ онъ получилъ это увѣдомленіе въ то время, когда онъ еще былъ взволнованъ прощаніемъ съ великимъ княземъ, то все это, вмѣстѣ взятое, такъ повліяло на его здоровье, что въ семь часовъ вечера съ нимъ сдѣлался сильный приступъ лихорадки, начался бредъ; онъ не сталъ узнавать окружающихъ и говорилъ безсвязно. Это состояніе продолжалось всю ночь; облегченіе наступило лишь послѣ того, какъ были испробованы всевозможныя средства: ему ставили мушки, пускали кровь и т. п.; тогда онъ впалъ какъ бы въ летаргическій сонъ, и ежели бы у него не сдѣлался нарывъ на ногѣ, то вѣроятно онъ скончался бы, не придя въ себя. Въ настоящее время серьезная опасность миновала, но умственные способности еще не вполне вернулись къ нему; вѣроятно, онъ не будетъ нѣсколько недѣль въ состояніи встать съ постели. Хотя императрица была огорчена его внезапной болѣзью, но ея рѣшеніе осталось неизмѣннымъ. Теперь

только перемѣна правленія могла бы вернуть гр. Панину прежнюю власть“.

Принявъ столь дѣятельное участіе въ низверженіи канцлера, увѣренный въ дружбѣ и довѣріи къ нему Потемкина, англійскій посланникъ полагалъ, что противодѣйствіе со стороны гр. Панина было единственнымъ препятствіемъ къ заключенію наступательнаго и оборонительнаго союза Россіи съ Великобританіей, и что для него насталъ теперь благопріятный моментъ пріобрѣсти преобладающее вліяніе на политику петербургскаго кабинета и благополучно завершить затянувшіеся переговоры. Но ему вскорѣ пришлось разубѣдиться въ этомъ.

Какъ только Потемкинъ отдѣлался отъ канцлера, и какъ только сближеніе съ Англіей не было для него болѣе средствомъ борьбы съ Панинымъ,—онъ совершенно измѣнилъ свое отношеніе къ англійскому посланнику. Въ одной изъ своихъ депешъ Гаррисъ признаетъ свое заблужденіе ¹⁾.

„Кн. Потемкинъ не оказываетъ мнѣ болѣе ни малѣйшей поддержки, пишетъ онъ, онъ не передаетъ того, что я ему говорю императрицѣ, не высказываетъ мнѣ своихъ взглядовъ, не сообщаетъ болѣе никакихъ свѣдѣній, и я не могу даже добиться отъ него, чтобы онъ опровергнулъ гнусную клевету и нелѣпыя слухи, которыми императрица вѣритъ.“

„Когда я говорю съ нимъ о дѣлахъ, онъ принимаетъ разсѣянный и нетерпѣливый видъ, и тогда какъ онъ интересовался прежде всѣмъ, что я ему говорилъ, въ настоящее время онъ видимо отнесется къ нашимъ дѣламъ совершенно равнодушно“.

Одновременно посланникъ отмѣчаетъ перемѣну, происшедшую въ обращеніи съ нимъ императрицы.

„Императрица оказываетъ теперь особое благоволеніе французскому и прусскому посланникамъ ²⁾; въ воскресенье она искала случая говорить съ послѣднимъ наединѣ. До сихъ поръ она относилась къ де-Вераку очень холодно и съ явной антипатіей, но на послѣднихъ пріемахъ она приглашала его (а не меня, какъ прежде) составить ей партію, и теперь отзывается объ немъ весьма одобрительно.“

„Несомнѣнно, они обязаны этимъ Потемкину; оказывается также—хотя это весьма невѣроятно,—что онъ находится въ тайныхъ сношеніяхъ съ графомъ Панинымъ и что, добившись его опалы, онъ видимо намѣренъ теперь сдѣлать все возможное, чтобы вер-

¹⁾ Письмо къ Стормунту отъ 21 октября (1 ноября) 1781 г.

²⁾ Письмо къ Стормунту отъ 9 (20) ноября 1781 г.

нута ему благоволеніе императрицы“. „Сношенія между ними происходятъ при посредствѣ Талызина, креатуры гр. Панина и Фонвизина. Все происходящее хранится въ глубочайшей тайнѣ“.

Англійскій посланникъ терялся въ этомъ лабиринтѣ интригъ и убаюкивалъ себя самыми странными иллюзіями на счетъ дружбы къ нему Потемкина, объясняя перемѣну, происшедшую въ его настроеніи и взглядахъ, то непостоянствомъ его характера, то происками Панина, то завистью къ возраставшему вліянію Безбородко.

Потемкинъ, со своей стороны, старался держать посланника какъ можно долѣе въ заблужденіи, увѣряя его, что онъ рѣшилъ болѣе не вмѣшиваться въ дѣла внѣшней политики, такъ какъ это вызвало будто бы недовольство императрицы.

Зная, что его частыя свиданія съ французскимъ и съ прусскимъ посланниками не могли остаться тайною для Гарриса, Потемкинъ однажды самъ завелъ объ этомъ рѣчь и объяснилъ между прочимъ, что Герцъ ведетъ съ нимъ переговоры о закупкѣ на Украинѣ лошадей для ремонта прусской кавалеріи, что онъ былъ у него нѣсколько разъ сперва для того, чтобы добиться этого разрѣшенія, а затѣмъ чтобы поблагодарить его, когда разрѣшеніе было получено. Что же касается де-Верака, то это былъ человѣкъ, по словамъ Потемкина, самъ по себѣ столь ничтожный, что едва-ли его посѣщенія могли возбудить какое-либо подозрѣніе. Тѣмъ не менѣе онъ считалъ долгомъ увѣрить Гарриса, что его посѣщенія не доставляли ему ни малѣйшаго удовольствія, и что онъ не говорилъ съ нимъ о политикѣ; де-Веракъ заходилъ къ нему будто бы только для того, чтобы замолвить слово за одного француза, присужденнаго къ смертной казни, и поговорить о частномъ дѣлѣ нѣкоего г. Антуана, который собирался основать торговый домъ въ Херсонѣ. „Желая отвлечь меня отъ серьезнаго разговора на эту тему, пишетъ Гаррисъ, князь пустилъ въ ходъ свой несравненный талантъ къ подражанію и съ такимъ искусствомъ передалъ разговоръ, происходившій между нимъ, французскимъ посланникомъ и французскимъ купцомъ, что нельзя было не отвлечься отъ тѣхъ интересныхъ вопросовъ, о которыхъ мы говорили. Впрочемъ, князь вскорѣ самъ вернулся къ прерванному разговору и привелъ разные факты въ доказательство того, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго значенія въ политикѣ, что все, что онъ дѣлалъ, хотя это и было весьма ничтожно, клонилось всегда ко благу Англій, и что не его вина, если онъ не могъ сдѣлать большаго. Онъ осуждалъ образъ дѣйствія императрицы и говорилъ, что ему прискорбно видѣть, что ея непослѣдовательные и безвольные поступки могутъ быть приписаны его вліянію и совѣтамъ“.

Вслѣдствіе перемѣны, происшедшей въ отношеніи императрицы и Потемкина къ Англіи, положеніе посланника становилось затруднительнѣе съ каждымъ днемъ; недоброжелательство Екатерины особенно бросилось ему въ глаза по тому, какъ ею было принято извѣстіе о побѣдѣ, одержанной американцами надъ англійскими войсками (въ октябрѣ 1781 г.). Екатерина не только не выразила посланнику своего сожалѣнія по поводу пораженія англійскихъ войскъ, но даже обвиняла въ неудачѣ самихъ англичанъ и осуждала ихъ дѣйствія. Какъ только при дворѣ замѣтили происшедшую перемѣну, къ англійскому посланнику охладѣли всѣ тѣ, кои думали, любезничая съ нимъ, угодить Потемкину.

Гаррисъ жалуется въ своихъ письмахъ на одиночество, на то, что онъ не можетъ никому довѣрять; такъ какъ подобное положеніе могло нанести ущербъ его правительству, то онъ рѣшительно заявилъ о своемъ желаніи быть отозваннымъ изъ Петербурга, гдѣ, къ тому же, дурно вліялъ на его здоровье суровый климатъ.

Между тѣмъ, въ исходѣ марта 1782 г., въ составѣ англійскаго кабинета произошла перемѣна, благопріятно отразившаяся на отношеніи къ Англіи петербургскаго двора. Во главѣ англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ сталъ Фоксъ, котораго императрица ставила очень высоко и въ выдающіяся способности котораго вѣрила; это сразу измѣнило ея отношеніе къ Англіи, и она стала снова живо интересоваться ея дѣлами. Въ то же время произошла замѣтная перемѣна и въ тонѣ прусскаго представителя при русскомъ дворѣ, гр. Герца. Державшій себя до тѣхъ поръ всегда враждебно по отношенію къ англійскому посланнику, Герцъ сталъ заискивать въ немъ и неоднократно давалъ понять Гаррису, что его монархъ также весьма доволенъ перемѣною министерства въ Англіи и готовъ возобновить съ нею прежнія дружескія отношенія.

Въ одной изъ своихъ депешъ къ Фоксу ¹⁾, англійскій посланникъ передаетъ ему любопытный разговоръ, который онъ имѣлъ съ гр. Герцомъ.

Прусскій посланникъ прочелъ ему шифрованное письмо, полученное имъ изъ Берлина, въ которомъ король расточалъ похвалы новому англійскому министерству и высказывалъ готовность возобновить союзъ съ лондонскимъ дворомъ; распространяясь о пользѣ, которую этотъ союзъ могъ бы принести обѣимъ державамъ, онъ спрашивалъ посланника, былъ ли бы этотъ союзъ пріятенъ императрицѣ, и не согласилась ли бы она присоединиться къ нему?

¹⁾ Письмо къ Фоксу отъ 31 мая (11 іюня) 1782 г.

Прочитавъ это письмо, графъ Герцъ замѣтилъ, что у него есть второе письмо, въ которомъ король высказывается еще яснѣе и содержаніе котораго онъ готовъ сообщить Гаррису: „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, продолжалъ онъ, король тщетно старался положить основаніе національной системѣ европейскихъ державъ; интриги Вѣнскаго двора съ одной стороны и нежеланіе, выказанное Англіей къ сближенію съ нимъ, съ другой стороны, были причиною того, что всѣ его старанія остались безуспѣшны; необходимость такой національной системы становилась очевиднѣе съ каждымъ днемъ. Таковой могъ быть единственно тройственный союзъ между Великобританіей, Пруссіей и Петербургскимъ дворомъ“.

Въ послѣдующіе дни прусскій посланникъ неоднократно возвращался къ разговору на эту тему, высказавъ предложеніе, что союзъ между Англіей и Пруссіей могъ бы быть заключенъ немедленно, и вообще оказывалъ англійскому посланнику величайшіе знаки вниманія. Очевидно, въ инструкціяхъ, полученныхъ имъ изъ Потсдама, ему повелѣно было увѣрить англичанина въ томъ, что намѣренія и симпатіи короля прусскаго измѣнились.

6 іюля король прусскій снова писалъ Герцу:

„Я совершенно искренно желаю союза съ Англіей и вполне одобряю все то, что вы говорили по этому поводу съ сэромъ Джемсомъ Гаррисомъ. Я не желаю одного — чтобы эти переговоры велись безъ предварительнаго ознакомленія съ ними русскаго правительства, во-первыхъ, потому, что это противорѣчило бы моимъ отношеніямъ къ императрицѣ, а во-вторыхъ, потому, что если бы она не присоединилась къ этому союзу, то онъ былъ бы бесполезенъ. Союзъ, котораго я желалъ бы, это союзъ Россіи, Даніи, Англіи и Пруссіи. Если бы это удалось, то Великобританія могла бы рассчитывать на помощь датскаго флота и нѣкоторой части русскаго флота; я же, при ихъ содѣйствіи, могъ бы не опасаться соединенныхъ силъ Франціи и Австріи. Я полагаю, что если бы сэру Джемсу Гаррису было разрѣшено предложить императрицѣ присоединиться къ этому четвертному союзу, то это дѣло можно было бы уладить мѣсяца въ два, ибо я ручаюсь, что со стороны Даніи къ этому не встрѣтилось бы препятствія; хотя эта комбинація не вполне вяжется съ ролью посредницы, какую взяла на себя ея величество, но я полагаю, что если бы она поняла всю его важность и поняла бы, насколько значительнѣе была бы роль, которую ей пришлось бы при этомъ играть, то она навѣрно согласилась бы заключить этотъ союзъ“.

Англійское правительство отнеслось къ предложенію Пруссіи недовѣрчиво; конечно, трудно было вѣрить искренности короля

прусскаго, который до тѣхъ поръ пользовался своимъ вліяніемъ при русскомъ дворѣ для того, чтобы дѣйствовать противъ Англіи, держалъ себя по отношенію къ ней враждебно, побуждалъ императрицу отвергать всѣ предложенія о союзѣ, которыя дѣлались ей Гаррисомъ въ теченіе 1778 г., убѣдилъ ее въ слѣдующемъ году не посылать на помощь Англіи ея судовъ и внушалъ ей, что англичане высокомерны, холодны, надменны и эгоистичны, что они оказываютъ ей менѣе вниманія и уваженія, нежели Бурбонамъ, что они стараются вредить ея торговлѣ.

Насколько увѣренія короля прусскаго заслуживали вѣры, видно изъ того, что, мечтая, яко бы, о союзѣ съ Англіей, онъ поручилъ въ то же время своему посланнику въ Парижѣ, барону Гольцу, увѣрить французскаго короля въ „непоколебимой привязанности его (короля прусскаго) къ Франціи и въ томъ, что союзъ съ ней онъ предпочиталъ союзу со всякой иной націей“. Одно изъ своихъ писемъ къ Гольцу онъ заканчивалъ слѣдующими знаменательными словами: „postарайтесь получить аудіенцію у короля и скажите ему „qu'il me permette de faire l'impartial afin que je lui devienne plus utile par la suite“.

Эти письма были перехвачены австрійскимъ посланникомъ въ Парижѣ (который подкупилъ низшихъ служащихъ въ домѣ барона Гольца) и доставлены съ австрійскимъ курьеромъ въ Петербургъ, гдѣ ихъ читалъ Гаррисъ. Если можно довѣрять источнику, откуда были получены письма, и если это были дѣйствительно подлинныя письма короля прусскаго, то это доказываетъ, что король льстилъ одновременно Англіи и Франціи и вводилъ обѣихъ въ обманъ; въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, такъ такъ это совершенно согласуется съ его обычными политическими приемами.

Зимой 1782 г. жизнь при Петербургскомъ дворѣ ознаменовалась печальнымъ случаемъ съ кн. Орловымъ, который возвратился въ Петербургъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ отсутствія, въ состояніи полного психическаго разстройства. „Это чрезвычайно опечалило императрицу. Никогда еще ея чувствамъ не было нанесено столь сильнаго и тяжкаго удара“ ¹⁾. „Она выказала по этому случаю Орлову расположеніе, доходившее до слабости, не позволила лечить его сильнодѣйствующими средствами, не допускала и мысли, чтобы его можно было лишить свободы и подчинить извѣстному режиму; она думала, что его удастся вылечить ласковымъ обхожденіемъ, и не только позволяла ему посѣщать знакомыхъ, но допускала его къ себѣ во всякое время безразлично, была ли она одна или въ об-

¹⁾ Письма Гарриса къ Стормонту отъ 4 (15) и 8 (19) ноября 1782 г.

ществѣ другихъ лицъ, и хотя бы она была занята самыми важными дѣлами. Состояніе кн. Орлова, его безумныя, безсвязныя рѣчи трогали ее до слезъ и приводили въ такое волненіе, что она весь остальной день бывала не въ состояніи дѣлать что-либо. Ей приходилось подчасъ выслушивать отъ него весьма непріятныя рѣчи; однажды онъ вдругъ закричалъ, что раскаяніе лишило его разсудка и что участіе, которое онъ принималъ въ одномъ, давно минувшемъ событіи, навлекло на него гнѣвъ Божій. Понятно, какія ужасныя воспоминанія были вызваны этими словами⁴.

Возвращеніе Орлова и его умственное разстройство взволновали дворъ.

Кн. Потемкинъ ¹⁾, общавшій въ это время быть у Гарриса, извинился подъ предлогомъ нездоровья. Ланской слегъ въ постель, ибо въ Россіи, говорилъ Гаррисъ, царедворцы и фавориты обыкновенно заболѣваютъ, какъ только они чѣмъ-нибудь недовольны. Несомнѣнно, что въ этомъ именно кроется причина болѣзни этихъ двухъ лицъ. Я имѣю основаніе думать, что они убѣждали императрицу не допускать къ себѣ Орлова и совѣтовали ей удалить его, отправивъ его въ Москву или въ какой-нибудь загородный дворецъ. Расположеніе, которое оказываетъ ему императрица, вызываетъ ихъ зависть, и они боятся, чтобы онъ не высказалъ ей какихъ-нибудь истинъ въ тѣ моменты, когда къ нему возвращается разсудокъ, и не сдѣлалъ бы замѣчаній, которыя могутъ быть невыгодны для нихъ.

Надобно замѣтить, что за послѣднее время характеръ и поведеніе кн. Потемкина совершенно измѣнились. Онъ встаетъ рано, усердно занимается дѣлами, сдѣлался чрезвычайно любезенъ со всѣми и доступенъ и, что всего удивительнѣе, онъ старается поладить съ самыми непримиримыми своими врагами, съ Безбородко и Воронцовыми, которыхъ ему не удалось погубить за эти три года.

Мимолетная его дружба съ Панинымъ быстро прошла; онъ скоро понималъ, что ему нечего рассчитывать на искреннее сближеніе съ этимъ министромъ, котораго онъ такъ жестоко оскорбилъ, и что если бы Панину удалось вернуть свое вліяніе, то онъ воспользовался бы имъ немедленно въ видахъ совершенно противоположныхъ цѣлямъ Потемкина. Поэтому Потемкинъ предоставилъ Панина своей судьбѣ, а послѣдній, ободрившись при мысли о скоромъ возвращеніи великаго князя и обрадованный пожалованной ему императрицей Владимірской лентой, мечтаетъ, не смотря на свое болѣзненное состояніе, занять прежнее положеніе; для достиженія этой цѣли,

¹⁾ Письмо къ лорду Грантгаму отъ 4 (15) ноября 1782.

онъ пустить конечно въ ходъ всѣ средства, какія могутъ доставить ему интриги и происки.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ прибыли въ Петербургъ изъ своего продолжительнаго заграничнаго путешествія великій князь и великая княгиня.

Ихъ встрѣча съ императрицей происходила безъ постороннихъ свидѣтелей ¹⁾. „Ихъ свиданіе продолжалось всего нѣсколько минутъ и едва-ли было пріятно той и другой сторонѣ“.

„Вчера (21 ноября) ихъ высочества принимали иностранныхъ пословъ; особое вниманіе было оказано ими французскому и австрійскому посланникамъ. Послѣ пріема у нихъ былъ обѣдъ для особъ первыхъ трехъ классовъ. Вечеромъ они посѣтили гр. Панина и принцессу Виртембергскую и провели минутъ около двадцати съ императрицей.

„Судя по всему, что мнѣ удалось узнать, они недовольны ея пріемомъ, и она недовольна ихъ возвращеніемъ“ и „ихъ поведеніемъ во время путешествія, въ особенности ихъ пребываніемъ въ Вѣнѣ, гдѣ они держали себя съ императоромъ такъ холодно, что это разрушило всѣ тайные замыслы государыни; очевидно, нѣтъ никакой возможности отвлечь ихъ отъ Пруссіи. Гр. Панинъ продолжалъ руководить великимъ княземъ, и ихъ переписка происходила при посредствѣ прусскаго посланника въ Петербургѣ, графа Герца. Это обстоятельство, извѣстное Екатеринѣ, не могло вызвать особаго благоволенія къ гр. Панину, котораго она обвиняла въ недружелюбіи къ Австріи, и не могло возбудить расположенія къ великому князю и его супругѣ, которые шли такъ настойчиво противъ ея политическихъ видовъ“. Огромные долги, сдѣланные ими во время ихъ продолжительнаго пребыванія внѣ предѣловъ Россіи, также увеличили ея недовольство, и такъ какъ Екатерина при всемъ своемъ выдающемся умѣ не была свободна отъ нѣкоторой мелочности, свойственной ея полу, то она выказала невѣсткѣ свое недовольствіе довольно своеобразнымъ образомъ.

„Въ дамскомъ туалетѣ произошла рѣзкая перемѣна, писалъ Гаррисъ ²⁾. Вышивки, фальборы, блонды и т. п. совершенно изгнаны изъ употребленія; вышина прически не должна превышать 2¹/₂ дюймовъ и т. д. Эта перемѣна вызвана яко бы возрастающимъ ввозомъ принадлежностей женскаго туалета изъ Франціи, но въ сущности это направлено противъ великой княгини, которая вернулась изъ своей поѣздки влюбленной во Францію, въ ея моды и обычаи и не

¹⁾ Письмо къ лорду Грантгаму 22 ноября (3 декабря) 1782 г.

²⁾ Письмо къ Грантгаму отъ 6 (17) декабря 1782 г.

только завела правильную переписку съ г-жею Бертенъ и другими французскими торговцами, но выписала изъ Парижа 200 ящиковъ, наполненныхъ газомъ, помпонами и другими принадлежностями туалета, и собиралась ввести въ моду новую прическу. Императрица не могла нанести ей и. в. болѣе чувствительнаго удара“.

„Екатериинѣ, пришлось ограничиться этой ничтожной местию. Великій князь и великая княгиня не дали ей повода прибѣгнуть къ болѣе серьезнымъ мѣрамъ; они ведутъ себя со времени своего приѣзда очень благоразумно, почти никого не видятъ, исключили изъ своего общества прежнихъ фаворитовъ, и повидимому намѣрены сообразоваться во всемъ съ желаніями императрицы“.

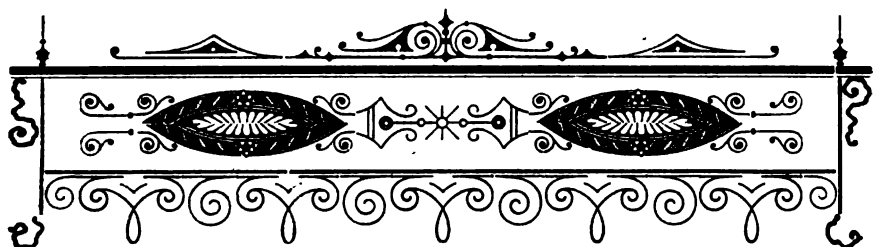
„Трудно сказать, чему слѣдуетъ приписать подобную переменѣ. Можетъ быть, это объясняется тѣмъ, что они застали гр. Панина въ весьма угнетенномъ состояніи духа и видѣли, что его умственныя способности настолько ослабѣли, что онъ уже не въ состояніи руководить ими и давать имъ совѣты ¹⁾. А можетъ быть имъ стало извѣстно, что многія лица ихъ свиты обманывали ихъ, или же до ихъ слуха дошло, будто императрица намѣрена лишить великаго князя престола и оставить его своему внуку. Какъ бы то ни было, они держать себя совершенно иначе, чѣмъ прежде, но императрица, къ сожалѣнію, такъ предубѣждена противъ нихъ, что не ставитъ имъ этого въ заслугу. Она называетъ ихъ теперь скрытными, надутыми и отшельниками, говоритъ, что путешествіе испортило ихъ, и что они не могутъ приспособиться къ нравамъ своей страны“.

Съ наступленіемъ новаго, 1783 г., письма Гарриса утрачиваютъ общій интересъ, такъ какъ они касаются, за весьма немногими исключеніями, вопроса объ его отозваніи, о передачѣ имъ полномочій его преемнику, Фицгерберту и чисто личныхъ его отношеній.

Осенью того же года Гаррисъ оставилъ Петербургъ.

¹⁾ Письмо къ лорду Грантгаму отъ 6 (17) дек. 1782 г.

Дневникъ академика В. П. Безобразова ¹⁾. 1885.

Ильинское, 3 октября. Долго не писалъ. Сперва въ Рай-волѣ было нечего писать, потомъ въ Петербургѣ некогда. 26 сентября поѣхалъ изъ Петербурга въ Торжокъ, изъ Торжка пріѣхалъ въ Москву 1 октября и сегодня 3 октября утромъ въ Ильинскомъ. Много приходится записать, если не фактовъ, то размышленій. Вездѣ, во всѣхъ кружкахъ, и въ Петербургѣ, и въ Торжкѣ, и въ Москвѣ, вездѣ только и слышалъ страшное недовольство противъ правительства. Я давно привыкъ къ этимъ русскимъ жалобамъ во всѣ времена, однако теперь онѣ что-то очень сильны.

Замѣчаю однако въ серьезныя минуты, какова нынѣшняя, (здѣсь начинаютъ понимать, что Европа насъ дурачить и Австрія насъ выталкиваетъ изъ Балкан. пол.), разговоръ дѣлается серьезнѣе и можно говорить откровеннѣе (такъ вчера съ Вел. Кн. Сергѣемъ Александровичемъ). Такъ было при катастрофахъ крамолы.

Характеристично замѣтилъ мнѣ вчера гр. Стенбокъ (гофъ-маршалъ), что я неосторожно говорю въ мрачномъ видѣ о Россіи передъ Великой Княгиней (о духовенствѣ).

„Il faut glisser sur les choses tristes, il faut presenter tout sous un jour agréable“ (sic) и всегда такъ.

Москва, 5 октября. Ночью пріѣхалъ изъ Ильинскаго въ Москву. 6 октября, 4 ч.—къ Троицѣ.

7 октября угощалъ на жел. д. станціи новый попечитель Сер-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ январь 1908 г.

гѣвской прогимназіи Александръ Петровичъ Бирюковъ. Выѣхалъ черезъ Хотьково въ Носково (по адской дорогѣ).

9 октября утромъ въ Дмитровѣ на земскомъ собраніи.

Оно рѣдѣетъ, наше поколѣніе вымираетъ, а молодежи нѣтъ.

Мертвѣе и малочисленнѣе собранія я не припомню. Это не случайность. Всего безучастнѣе дворяне. Много причинъ—главная: мы съ жаромъ принимаемся только за все новое. Затѣмъ и правительство разогнало недовѣріемъ къ земству и стѣсненіями. А говорятъ о дворянскомъ самоуправленіи, когда дворяне не умѣютъ пользоваться своими правами въ земствѣ.

Носково, 21 октября. Хочу записать одно воспоминаніе по поводу теперешнихъ обстоятельствъ.

Политика наша на Балканскомъ полуостровѣ — послѣ болгарскаго переворота, — производитъ вездѣ изумительное впечатлѣніе. Государь отвернулся отъ болгаръ и славянства. Какъ я помню передъ послѣдней войной, я лично слышалъ отъ Государя; въ какомъ онъ былъ недовѣданіи, что Александръ Николаевичъ медлилъ идти на помощь славянамъ противъ турокъ, а онъ посылалъ добровольцевъ на помощь Сербіи. Жаль мнѣ Государя, котораго я люблю и не могу не любить, и вслѣдствіе доброты и благородства его души, и того, чѣмъ я ему лично обязанъ.

Москва, 23 октября. 21 октября пріѣхалъ изъ Носкова въ Дмитровъ, гдѣ поселился у Савелова. Вчера 22 октября проѣхалъ по почтовой дорогѣ въ Москву (Славянскій Базаръ).

28 октября. Возвратился въ Петербургъ.

2 нояб. я. Вчера много слышалъ о наслѣдникѣ отъ Кюндингера, его учителя музыки.

Я теперь интересуюсь только наслѣдникомъ; къ его царствованію соберутся всѣ трудности, и оно будетъ однимъ изъ рѣшительныхъ въ нашей исторіи. Нынѣшнее пройдетъ *какъ-нибудь*, хотя и можетъ (это невѣроятно однако) разрѣшиться потрясеніями.

4 ноября. Вчера былъ у обѣдни и завтракалъ у В. Кн. Александры Іосифовны. Тамъ встрѣтился съ сенат. Селифонтовымъ, временно исправляющимъ обязанности Тов. Мин. Пут. Сообщ. Онъ долго настаивалъ въ разговорѣ со мной, чтобы я согласился быть Товар. Мин. Путей Сообщ. съ тѣмъ, чтобы съ близкимъ выходомъ Посѣта сдѣлаться министромъ. Что будто бы таково желаніе Посѣта (къ чему отъ Государя не можетъ быть препятствій). Что я стою кандидатомъ съ прошлаго года (этимъ объясняются прошлогодніе толки въ городѣ объ этомъ). Будто Посѣтъ не хочетъ пред-

лагать мнѣ прежде, чѣмъ знать мое согласіе. Я самымъ рѣшительнымъ образомъ отказался, ибо 1) вообще чувствую себя слишкомъ старымъ, чтобы снова начинать государственную карьеру; 2) тѣмъ болѣе, что финансовая сторона путей сообщенія (особенно желѣзныхъ дорогъ) наименѣе мнѣ знакома, а теперь вработываться я не въ силахъ. Да, поздно. Я доволенъ, что поступилъ по совѣсти. Это мнѣ и не стоило никакой жертвы. Тутъ я испыталъ себя: у меня дѣйствительно нѣтъ ни честолюбія, ни властолюбія. Я способенъ взяться за власть только, чтобы принести пользу (это было бы для меня самоотверженіе), но въ этомъ случаѣ я не могу имѣть этого убѣжденія. Затѣмъ 3) можно ли съ моими убѣжденіями идти по совѣсти въ ряды *нынѣшнихъ* министровъ.

14 ноября. Вчера представлялся Государю и Императрицѣ въ Гатчинѣ и поднесъ имъ II т. „Народнаго Хозяйства“.

Императрица была очень любезна, даже дружественна... Мнѣ показалось, что Государь холоднѣе, чѣмъ прѣжде, но, можетъ быть, это мое воображеніе. Я все думаю, что гадости, напечатанныя въ прошломъ году обо мнѣ въ „Гражданинѣ“ (о моей краснотѣ), произвели свое дѣйствіе.

15 ноября. Сегодня завтракалъ у В. Кн. Сергія Александровича, Онъ трогаетъ меня глубоко своей любовью.

13 ноября былъ экономическій обѣдъ. Я сообщилъ мои впечатлѣнія въ Финляндіи. Главная моя тема была говорить противъ нынѣшней у насъ травли инородцевъ. Всѣ были удивлены свободой моей рѣчи, многіе недовольны. Потому я очень успокоенъ тѣмъ, что слышалъ отъ С. А.....

18 ноября 12 ч. ночи. Очень досадно, что суматоха (больше, чѣмъ работа) не позволяетъ мнѣ (не достаетъ времени) записывать все интересное, что вижу и слышу. Сегодня обѣдалъ у Великой Княгини Александры Іосифовны. Былъ интереснѣйшій разговоръ о современныхъ дѣлахъ, и Александра Іосифовна была со мной особенно откровенна, сообщая и о настоящемъ и прошедшемъ разныя вещи, которыя она знаетъ. Она знаетъ многое интересное для исторіи, проведя свою жизнь между историческими лицами. Но я не могу успѣть записать всего разговора. Обѣдала только она, В. К. Дмитрій Константиновичъ и я. Бесѣда была самая откровенная и вызывающая на откровенность. Великая Княгиня ужасно возбуждена по поводу дѣйствій относительно кн. Болгарскаго — исключенія изъ списковъ (возбуждено все общество, я никогда не замѣчалъ такого единодушія). Она говоритъ, что уже раньше ей жаловался кн. Болгарскій на ненависть къ нему и униженія. Я сказалъ, что этотъ политически ошибочный поступокъ объясняется только одной особенной чертой: онъ

ненавидить людей безчестныхъ, преимущественно въ денежныхъ отношеніяхъ (а таковъ Александръ Батенбергскій), ему такіе люди *претятъ*. И вотъ онъ увлекся эти чувствомъ относительно кн. Болгарскаго и забылъ при этомъ всякую политику. Но В. К. права, что наше политическое положеніе ужасное. Всѣ это говорятъ.

12 декабря. Вотъ какъ долго я ничего не записывалъ, хотя именно въ послѣдніе дни было такъ много интереснаго. Я зналъ, что посреди условій моей жизни не могу вести интересныхъ записокъ, отъ того ихъ и не велъ.

Теперь запишу кратко все, что было *наибольше* интереснаго въ моей жизни за послѣдніе дни.

7 декабря былъ у насъ вечеръ для опытовъ Вишопъ (мага?) подъ наблюденіемъ врачей (Боткина, Здекауэра, Мержеевского и Квицинскаго); было 7 Великихъ Князей (Сергій Александровичъ, Павелъ Александровичъ и прочіе). Пѣли двѣ примадонны русской оперы въ антрактахъ опытовъ. Нѣтъ времени описывать вечеръ. Говорятъ, что онъ очень удался. Но этотъ вечеръ, который мнѣ стоилъ страшныхъ трудовъ, внушилъ мнѣ серьезное размышленіе. Великіе Князья въ восторгѣ. Но отчего они не могутъ устроить у себя ничего подобнаго, хотя имъ это неизмѣримо легче. А сколько бы было отъ этого пользы для общества и для нихъ. Могла устраивать это только Великая Княгиня Елена Павловна, но она была *замѣчательная* (талантливая) личность въ нашей Императорской Фамиліи, насколько я ее знаю (за исключеніемъ покойнаго Наслѣдника Николая Александровича, смерть котораго была величайшимъ несчастіемъ въ исторіи въ XIX в.) ¹⁾.

13 декабря. Послѣ вечера былъ обѣдъ у В. К. Александры Юсифовны. Она всегда приглашаетъ меня разспросить, какъ все происходило у меня въ подобныхъ случаяхъ. Кромѣ меня и семьи никого не было. Неожиданно явился къ обѣду Константинъ Николаевичъ прямо изъ бани. Былъ со мной очень любезенъ.

Какъ только я пріѣхалъ, В. К. спросилъ меня, почему я не бываю въ географическомъ обществѣ. Мой отвѣтъ: я далъ слово никогда не бывать въ географическомъ обществѣ и официально заявилъ это П. П. Семенову (вице-предсѣдателью) давно прося исключить меня изъ членовъ. Я оскорбленъ обществомъ. *Никто больше меня*

¹⁾ Правда, люди, его ближе знающіе, чѣмъ я (Здекауэръ), говорили мнѣ, что это былъ бы мученикъ на престолѣ, потому что онъ былъ крайній идеалистъ (но это было бы можетъ быть счастье для Россіи). Судьбы Провидѣнія неповѣдимы!

на него не работалъ и въ теченіе столькихъ лѣтъ. Я оставляю въ сторонѣ выборъ Семенова на должность вице-предсѣдателя, хотя я имѣлъ равное и большее, чѣмъ онъ, право (К. Н. Но онъ путешественникъ,—а я развѣ мало путешествовалъ), я подчинился вашему желанію и даже помогалъ выбору. Но я былъ оскорбленъ невыборомъ меня 2 раза въ члены совѣта. Я къ этому равнодушенъ и никогда ничѣмъ не обижаюсь. Да и тутъ обычные русскія недоразумѣнія безъ всякихъ намѣреній противъ меня. *Но надо же себя соблюдать* (какъ мнѣ сказала въ моей молодости одна дѣвушка, за которой я ухаживалъ въ путешествіи).

Потомъ онъ сталъ рассказывать мнѣ о спиритизмѣ и началъ даже дѣлать для меня опыты столоверченія. Въ это время Александра Іосифовна просила его прекратить эти опыты, которые она считаетъ за *шутку*.

20 декабря. Прошелъ спокойнѣйшимъ образомъ юбилей Училища Правовѣднія, на которомъ я былъ представителемъ академіи. Не люблю я эти юбилеи и казенныя торжества.

Сколько ни было интереснаго все это время, но нѣтъ времени все записать. Прилагаю при этомъ письмо А. Н. Куломзина, написанное вслѣдствіе ничтожнаго столкновенія, бывшаго между имъ и мною на экономическомъ обѣдѣ 11 декабря.

21 декабря. Вчера вечеромъ былъ у П. Е. Андреевскаго (проф. и ректоръ унив.). Собралось (какъ всегда у него по пятницамъ) много профессоровъ, съ которыми хотѣлось бы поговорить. Въ ту же минуту, какъ пріѣхали, всѣ засѣли за карты. Я уѣхалъ. Даже такіе люди не находятъ въ себѣ матеріала для другого препровожденія времени. Вотъ наша пустота. Съ нѣкоторыхъ поръ карты опять вездѣ свирѣпствуютъ: имъ предаются самые интеллигентные люди. Вотъ дѣйствіе государственныхъ условій нашей жизни натуральной апатіи русскихъ людей. Сверхъ того, всѣ эти ученые, хотя между нами и нѣтъ ни одной знаменитости, до того важны и преисполнены своего величія, что между ними непріятно быть. Я и не живу давно въ ученomъ и литературномъ мірѣ. Ничего рѣшительно между ними не пріобрѣтешь. Гораздо интереснѣе кругъ военныхъ—ученыхъ (генеральнаго штаба—около Леера). Сверхъ того, наши ученые и литераторы относятся ко мнѣ несочувственно—съ презрѣніемъ, или завистью, или враждой (не разберу)—особенно съ тѣхъ поръ, какъ я сенаторъ. Не могу судить, почему ко мнѣ относится такъ ученый и литературный міръ, особенно въ области моихъ наукъ (это видно ярко изъ господствующаго всегда замалчиванья моихъ сочиненій въ печати). Отчасти этотъ міръ не любитъ меня вслѣдствіе господствующихъ въ немъ демократическихъ и плебейскихъ чувствъ (ко-

торыя,—особенно послѣднія мнѣ противны), вслѣдствіе моихъ отношеній ко двору, моего консерватизма, моей непринадлежности ни къ какой партіи—Богъ съ ними!

26 декабря. Въ прошедшую субботу на вечеринкѣ въ Мраморномъ дворцѣ, Великій Князь Павелъ Александровичъ сказалъ мнѣ, что Государь очень ко мнѣ расположенъ. Не знаю, вѣрить ли. Впрочемъ, для меня въ этомъ только отрицательная польза (нѣкоторая охрана отъ гадостей людей), я же отъ правительства ничего больше не желаю и не ожидаю.

Впрочемъ, мнѣ пріятно доброе расположеніе Государя, котораго я люблю и которому преданъ. Чѣмъ больше я его люблю, тѣмъ мнѣ болѣе тяжело видѣть, какъ идетъ его царствованіе.

27 декабря. Пишу только потому, что хотѣлъ сдѣлать привычку записывать каждый день.

Вчера былъ на музыкальномъ вечерѣ у банкира Зака. Устроилъ себѣ цѣлый дворецъ: необыкновенная роскошь, но со вкусомъ, изяществомъ и комфортомъ. Это цари нашего времени. Къ нимъ перешло и умѣнье жить, которое покинуло баръ. При этомъ я размышлялъ, какъ быстро составляются у насъ сѣстоянія, и преимущественно иностранцами. А потомъ жалуются русскіе на неблагоприятныя условія промышленной дѣятельности въ Россіи. Не умѣютъ и жалуются.

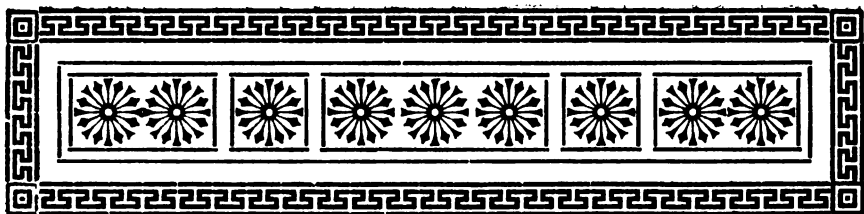
Я замѣтилъ вчера, какъ и случается часто, выраженіе особаго уваженія ко мнѣ публики. Оно мнѣ непріятно и меня стѣсняетъ. Я приписываю его не моимъ заслугамъ, а главнѣйше сенаторскому званію. Съ нимъ стали со мной обращаться иначе. Большинство лучше, иные хуже (изъ зависти).

31 декабря. Третьяго дня у меня была очень интересная бесѣда доктора Эдекауэра съ Бутлеровымъ о спиритизмѣ. Эдекауэръ, не вѣря въ спиритизмъ, констатировалъ, однако, факты чудеса, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ лично.

Собщ. М. В. Безобразова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ и военно-учебныя заведенія.

(Изъ воспоминаній).

Веречитывая свои записки, начатыя на школьной скамьѣ, еще нетвердымъ, юнымъ почеркомъ, я намѣтилъ себѣ извлечь изъ нихъ то, что онѣ содержатъ объ Михаилѣ Ивановичѣ Драгомировѣ.

Неполная его біографія здѣсь предлагается и не характеристика его многосторонней учености, а лишь воспоминанія объ нѣкоторыхъ случаяхъ его, болѣе или менѣе, частной жизни и личной служебной дѣятельности, пока главнымъ образомъ въ связи съ военно-учебными заведеніями.

По поводу дѣла веденія записокъ вообще, Михаилъ Ивановичъ не разъ высказывался такъ: „полезное обыкновение,—если въ немъ не ставится задачей подлаживаніе себя и своей жизни подъ событія, или,—еще того хуже,—подведеніе событій подъ себя; удерживать въ запискахъ для памяти все имѣющее значеніе, имѣть полную возможность связать все, а затѣмъ передать любознательному потомству,—вотъ задача безхитростнаго записыванья воспоминаній. Отъ того, что возможно-большее число людей, самостоятельно, безъ уговора, возьмется заносить въ свои тетрадки тѣ или другія событія,—потомство будетъ въ выигрышѣ, всякое происшествіе будетъ для него разнообразнѣе и разностороннѣе освѣщено;—точно также каждое лицо, о которомъ заносится въ частныя „любительскія“ записки, будетъ полнѣе выяснено со всѣми его дѣянiями и во всей его ха-

рактистикъ. Хорошій обычай, не бросайте этого „прекраснаго препровожденія времени“; не брезгайте случаемъ и имѣйте терпѣніе записывать все, что бросается вамъ въ глаза и что возбуждаетъ ваше вниманіе“.

Одинъ разъ, какъ бы продолжая или возобновляя бесѣду объ этомъ предметѣ, Михайлъ Ивановичъ, по частному случаю, сказалъ: „вотъ это чудесно, что вы занесли въ свою тетрадь разговоры, которыми васъ въ разное время дарили государи. Вѣдь цари вообще обречены на то, чтобы держать себя во всемъ, всегда и вездѣ официально; и разумѣется, они рады сбросить всю чопорность; рады поговорить просто, свободно, снявши официальное положеніе, нерѣдко нудящее ихъ; въ частномъ, простомъ разговорѣ, да еще съ глазу на глазъ, перекинетъ царь съ небольшимъ человѣкомъ нѣсколько фразъ, совершенно искренно, сердечно; маленькій человѣкъ, старательно, точно,—непремѣнно до пунктуальности точно и правдиво,—занесетъ слова царскія въ свою тетрадь. Изъ массы такого, записаннаго у разныхъ лицъ о царѣ, составитъ драгоценнѣйшій томъ матеріала для дополненія его характеристикъ.—Если массу этого частнаго матеріала, занесеннаго,—повторяю, въ полной точности,—приклеить со смысломъ къ тому, что собирается о царѣ историками, что передается записками ближайшихъ его сотрудниковъ по царственной дѣятельности, а также официальными источниками и документами, да хоть бы, въ придачу, и гофъ-фурьерскими журналами—изъ всего этого составитъ такое изображеніе его личности, что навѣрное выйдетъ яснѣе всякой фотографіи, точнѣе самаго вѣрнаго чертежа. Нѣтъ, не пренебрегайте этимъ, не пренебрегайте; ведите свою линію въ записяхъ; интересно было бы когда-нибудь прочесть“, пошутилъ при этомъ Михайлъ Ивановичъ. Въ запискахъ, которыя здѣсь предлагаются вниманію читателей, вообще нерѣдко будутъ встрѣчаться приводимыя въ большихъ подробностяхъ слова Михаила Ивановича. Это необходимо объяснить.

Михайлъ Ивановичъ, знавшій меня около сорока лѣтъ, всегда относился ко мнѣ неизмѣнно внимательно, а главное совершенно просто; нисколько онъ этого не подчеркивалъ и этимъ не занимался; такъ сложилось обстоятельствами. Особенно близкихъ отношеній у меня съ нимъ не было и быть не могло,—слишкомъ „огромнаго размѣра дистанція“ была между нами; но сношенія вообще между нами были по временамъ,—въ особенности въ ту пору, когда я долженъ былъ имѣть съ нимъ соприкосновеніе по своей службѣ въ Черниговской губерніи, въ которой онъ родился, женился, имѣлъ недвижимость; кстати она отнесена къ Кіевскому военному

округу, войсками котораго онъ такъ долго командовалъ, унаследовавъ его отъ Ѳедора Ѳедоровича Радецкаго ¹⁾.

За нѣсколько лѣтъ до кончины Михаила Ивановича (въ 1901 г.) мнѣ случилось, для лѣченія болѣзни жены, попасть въ Наугеймъ (Гессенъ), гдѣ въ то время для лѣченія проживалъ Михаилъ Ивановичъ и пребывалъ со своей супругой Софiей Абрамовной (рожденная Григоровичъ).

Между мною и Михаиломъ Ивановичемъ не было никакого приглашенія,—совершенно случайно мы оба выходили каждое утро отъ 6—8 часовъ гулять по окрестностямъ и, не обращая вниманія на состоянiе погоды, гуляли вдвоемъ часа полтора—два; такъ всѣ двадцать три дня нашего совмѣстнаго тамъ пребыванія мнѣ довелось провести утра съ нимъ: бесѣды наши были до крайности интересны, для меня поучительны; во мнѣ онъ ясно запечатлѣлись. Но объ этомъ впереди.

Съ своей стороны Михаилъ Ивановичъ былъ радъ разнообразить обязательные часы питья водѣ и проводить ихъ не въ томъ, не въ общемъ, какъ онъ говорилъ, казенномъ мѣстѣ прогулокъ — при кургаузѣ, а на свѣжемъ воздухѣ.

Въ этихъ бесѣдахъ Михаилъ Ивановичъ, между прочимъ, высказывался не разъ о веденiи записокъ.

У меня никогда не было съ нимъ разговора о томъ, что среди матеріала, заносимаго въ тетради моихъ воспоминанiй, я не пропускалъ случая записать и о немъ и что уже о немъ накопилось не мало. Не открывалъ я ему этого не потому, что хотѣлъ бы скрыть отъ него, а лишь потому, что, во-первыхъ, не представилось къ тому случая, а во-вторыхъ, изъ разговоровъ онъ могъ вывести, что о немъ, въ сущности, кое-что заносится; но ему это не-

¹⁾ Генер.-адъют. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Радецкій,—подъ начальствомъ котораго въ VIII арм. корпусѣ Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ находился во все время мобилизаціи дѣйствующей арміи и войны, — командовалъ послѣ войны Харьковскимъ военнымъ округомъ. Въ 1888 году 15 іюля—въ день праздника Св. Владиміра и всероссійскаго памятованія Крещенія Руси, командовавшій войсками Кіевскаго военнаго округа генераль-адъютантъ, безконечно уважавшійся всѣми Александръ Романовичъ Дренгельтъ, объѣзжая войска, участвовавшія въ парадѣ, внезапно скончался на горѣ Св. Владиміра. Вскорѣ послѣ того Харьковскій военный округъ былъ слитъ съ Кіевскимъ, штабъ округа остался въ Кіевѣ, а генераль Радецкій былъ назначенъ командующимъ войсками Кіевскаго военнаго округа, образовавшагося такимъ образомъ изъ двухъ округовъ. Не далѣе, какъ черезъ годъ скончался Ѳедоръ Ѳедоровичъ Радецкій, и тогда начальникъ академіи генеральнаго штаба генераль-адъют. Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ, — приблизительно въ октябрѣ 1889 года. былъ назначенъ командующимъ войсками Кіевскаго военнаго округа.

сомнѣнно было безразлично, онъ объ этомъ не думалъ и никакого значенія этому не давалъ.

Что касается вообще веденія записокъ о Михаилѣ Ивановичѣ,—я до разговора съ нимъ объ этомъ,—и полагалъ, что если одинъ, другой, третій дастъ „подшить“ свое частное, совершенно неофициальное воспоминаніе о немъ, къ военно-историческому, официальному, то явится „точный чертежъ“ этой несомнѣнно крупной въ военномъ мірѣ фигуры,—и только такимъ путемъ чертежъ этотъ можетъ получиться.

Для созданія полной характеристики человѣка недюжиннаго, должны быть тщательно подбираемы о немъ всякія мелочи. Полностью это относится къ памяти о такомъ человѣкѣ, какимъ былъ талантливый и своеобразный Михаилъ Ивановичъ; очертаніе его личности требуетъ самыхъ мелкихъ штриховъ.

Оканчивая это предисловіе или вступленіе, считаю нелишнимъ добавить, что, когда, не разъ при мнѣ, кому-либо случалось, въ какихъ-нибудь засѣданіяхъ или при иныхъ обстоятельствахъ, остановиться на томъ, какъ слѣдуетъ писать фамилію—Драгомировъ или Драгоміровъ, Михаилъ Ивановичъ отвѣчалъ: все равно, пишите какъ хотите; мнѣ безъ сомнѣнія дорогъ міръ, но еще дороже міръ—покой,—всеобщій, разумѣется,—не свой собственный, личный; „безъ мира міръ не міръ“, міру всегда нужно желать мира, а 1884 года тому назадъ ¹⁾ 25-го декабря самъ Господь послалъ міру міръ въ лицѣ Своего Единороднаго Сына. Я самъ, закончилъ Михаилъ Ивановичъ, принялъ за правило писать Драгомировъ—черезъ и восьмиричное; кажется, такъ правильнѣе и по документамъ, а затѣмъ каждому вольно писать, какъ кому заблагоразсудится; мнѣ лично это рѣшительно все равно ¹⁾.

I.

Привезенный въ августѣ 1854-го года въ семилѣтнемъ возрастѣ въ малолѣтнее отдѣленіе 1-го московскаго кадетскаго корпуса, (нынѣ 1-й московскій кадетскій Императрицы Екатерины II корпусъ), я былъ черезъ три года (1857) переведенъ въ главный (или какъ

¹⁾ Разговоръ этотъ произошелъ въ 1884 году въ засѣданіи правленія военно-санитарнаго общества, въ которомъ Мих. Ив.,—тогда нач. акад. генер. шт.,—состоялъ въ должности предсѣдателя; правленіе общества составляли: Инж. ген. - м. Карловичъ, полк. М. А. Газенкампфъ Д. С. С. доктора: Марсикани, Шенкъ, Архангельскій и Шмулевичъ.—Одинъ изъ военныхъ и одинъ изъ гражданскихъ, кажется, Карловичъ и Марсикани состояли вице-предсѣдателями; д-ръ Смоленскій и капитанъ гв. конной арт. Е. К. Андреевскій состояли секретарями правленія.

тогда называли, въ большой) корпусъ этого военно-учебнаго заведенія. Окончивъ шестилѣтній курсъ общихъ классовъ (приготовительный и пять общихъ), мы должны были бы перейти въ 1-й спеціальный классъ того же корпуса, но на этомъ насъ застало преобразование военно-учебныхъ заведеній.

Съ самаго начала царствованія Императора Александра II-го большіе журналы того времени „Современникъ“, „Отечеств. записки“, „Русскій вѣстникъ“ и „Библіотека для чтенія“, какъ бы перебивая одинъ другого, помѣщали на своихъ страницахъ разнообразныя статьи, раскрывавшія жизнь кадетскихъ корпусовъ и живо изображавшія характеръ и значеніе этихъ учебныхъ заведеній. Молодой военный министръ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ уже имѣлъ предубѣжденіе противъ кадетскихъ корпусовъ; изъ ряда статей многія были написаны талантливо, читались съ интересомъ и, конечно, укрѣпили Милютина въ этомъ предубѣжденіи, явившемся слѣдствіемъ того, что, долго служа на Кавказѣ, онъ привыкъ считать лучшими тѣхъ офицеровъ, которые прошли въ офицеры черезъ другія учебныя заведенія, а не черезъ кадетскіе корпуса;—къ тому же какъ нарочно, за предшествовавшіе тѣмъ временамъ, три-четыре года почти всѣ кадетскіе корпуса „перебунтовали“;—жизнь въ нихъ бродила. Все это натолкнуло Дмитрія Александровича Милютина на крайнюю необходимость „коренного измѣненія корпусныхъ порядковъ и общаго преобразованія ихъ“ въ возможной скорости.

Извѣстно, что въ 1849 году, послѣ кончины Великаго Князя Михаила Павловича, Императоръ Николай I назначилъ главнымъ начальникомъ ихъ Наслѣдника престола Великаго Князя Александра Николаевича. Цесаревичъ, пробывъ въ этой должности около семи лѣтъ, какъ самъ впоследствии при всякомъ удобномъ случаѣ говаривалъ, успѣлъ сродниться съ корпусами и отъ всего сердца полюбилъ своихъ питомцевъ—кадетъ.

По вступленіи на престолъ въ 1855 году, Государь немедленно передалъ начальствованіе надъ корпусами своему начальнику штаба, непосредственному помощнику и сотруднику—генералъ-адъютанту Якову Ивановичу Ростовцеву; при чемъ, дабы не терялась ближайшая связь Государя съ любимыми заведеніями, должность, которую занялъ Яковъ Ивановичъ, получила наименованіе: „Начальникъ Штаба Его Императорскаго Величества по военно-учебнымъ заведеніямъ“.

Послѣ кончины Ростовцева въ 1860 году военно-учебныя заведенія были переданы подъ начальство младшаго Царева брата: великій князь Михаилъ Николаевичъ былъ назначенъ „главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній“.

Недолго пробылъ Вел. Кн. въ этой должности: вскорѣ Государь избралъ его своимъ намѣстникомъ на Кавказѣ. Когда Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ захотѣлъ сдѣлать первые шаги въ дѣлѣ проведения преобразованія кадетскихъ корпусовъ, Государь и слышать объ этомъ не хотѣлъ.

Въ представителяхъ штаба военно-учебныхъ заведеній духъ Я. И. Ростовцева не умиралъ; по штату того времени при штабѣ состояло семь генераловъ—инспекторовъ военно-учебныхъ заведений (каждый назывался инспектирующій генералъ); они назначались въ эту должность изъ директоровъ кадетскихъ корпусовъ и ежегодно командировались въ разные корпуса; между прочимъ I-й моск. кадетскій корпусъ, за время съ 1855-го года по 1861-й, видѣлъ въ своихъ стѣнахъ грозныхъ инспекторовъ: барона Розена, барона Шлипенбаха ¹⁾, Сутгофа ²⁾, Клюффеля ³⁾, Анненкова, Мейнандера и, сравнительно молодого,—бывшаго до 1855 года директоромъ этого же корпуса — генерала Желтухина. Въ этихъ старыхъ представителяхъ николаевскихъ военно-учебныхъ заведений глубоко коренилось нежеланіе пожертвовать корпусами.

Конечно, никакая сила Сутгофовъ, Клюффелей и др. не могла бы ничего подѣлать, т. е. ни на минуту не задержала бы ходъ работы по преобразованію, которое затѣялъ Дм. Ал. Милютинъ, — если бы эти старики не находили нѣкоторое время отклика въ сердцѣ самого Государя и поддержки въ Его волѣ. Обо всемъ, что касалось идеи преобразованія, мы—кадеты, узнавали изъ разговоровъ, которые вели между собой наиболее развитые офицеры-воспитатели.

Между прочимъ изъ этихъ же разговоровъ мы узнали, что стариковъ инспекторовъ сильно поддерживалъ нач. шт. Д. В. Путята; едва-ли не это вызвало скорую замѣну его Никитой Вас. Корсаковымъ, который, кажется, до того состоялъ въ должности адъютанта при Ростовцевѣ и отъ него остался въ наслѣдство великому князю Михаилу Николаевичу.

О томъ, какъ относился къ намѣреніямъ Дм. Ал. Милютина великій князь, извѣстій до насъ доходило мало. Вообще же, всѣ знали тогда, что вел. князь, всегда во все входившій и близко принимавшій къ сердцу все касавшееся подвѣдомственныхъ ему учре-

¹⁾ Въ 1860 году въ первый день Свѣтло-Христовъ воскресенья застрѣлился въ Петербургѣ.

²⁾ Бывшій директоръ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

³⁾ Послѣ командованія кирасир. Его Величества полкомъ былъ долгое время директоромъ Павловскаго кадет. корпуса, должность эту передалъ ген. Мейнандеру.

ждений,—относительно корпусовъ уже мало могъ взять на себя съ той поры, когда былъ назначенъ намѣстникомъ или даже съ той минуты, когда узналъ отъ Государя, что назначеніе его на Кавказъ дѣло вполнѣ рѣшенное. За два съ лишнимъ, почти за три года управленія военно-учебными заведеніями, великому князю удалось посѣтить 1-й и 2-й Московскіе корпуса только одинъ разъ,—чуть ли не проѣздомъ на Кавказъ, т. е. уже не въ качествѣ нашего начальника.

Выслушивая доводы Дм. Ал. Милютина, который приводилъ и собственные взгляды и наиболѣе рельефныя извлеченія изъ журналовъ,—Государь, какъ гласила молва, доходившая до насъ, отвѣчалъ: „съ кадетами обожди, повремени, оставь ихъ, я ихъ любилъ и люблю; не уничтожай и не ломай хоть кадетскіе корпуса“¹⁾.

II.

Однако съ теченіемъ времени, нѣкоторыя обстоятельства, а главнымъ образомъ происшедшіе, сравнительно въ короткій промежутокъ времени, повсемѣстно кадетскіе бунты заставили Государя если не сразу уступить, то съ большимъ терпѣніемъ прислушиваться къ докладамъ и доводамъ Дмитрія Алексѣевича. Замѣчательно, что одинъ изъ первыхъ кадетскихъ бунтовъ,—бунтъ происшедшій на глазахъ Государя, произведя на его мягкую натуру громадное впечатлѣніе, не измѣнилъ въ немъ прежнихъ чувствъ къ корпусамъ.

Въ тѣ времена въ Москвѣ, кромѣ 1-го и 2-го Моск. корпусовъ (въ Лефортовѣ) и Александринскаго Сиротскаго (на Знаменкѣ), помещался еще, въ сосѣдствѣ съ первыми двумя въ Лефортовѣ же, въ такъ называемыхъ красныхъ казармахъ, Александровскій Брестскій кад. корпусъ. Уже былъ преднамѣченъ переводъ его въ Вильну, когда, въ одинъ изъ пріѣздовъ Государя въ Москву, въ августѣ 1860 г. во время Высочайшаго смотра, передъ началомъ церемоніальнаго марша, на полѣ между зданіями трехъ корпусовъ

¹⁾ Произнесъ ли эти слова Государь,—неизвѣстно, но ихъ передавали тогда изъ устъ въ уста и связывали съ тѣмъ, что Государь легко согласился уже на уничтоженіе корпусовъ, какъ тактическихъ единицъ въ русской арміи; въ то время уже рѣшено было введеніе военныхъ округовъ; отъ Франціи была заимствована территоріальная система въ раздѣленіи управленія войсками.

и Анненгофской рощей¹⁾, брестскіе кадеты изъ фронта „зашумѣли Царю жалобу“ на различныя притѣсненія и на несправедливость начальства. Какъ самымъ фактомъ, такъ и формой, въ которой жалоба была высказана, — Государь поразился до крайности. Его Величество, оставивъ этотъ корпусъ отъ смотра, велѣлъ немедленно произвести разслѣдованіе и подробно донести ему обо всемъ. Въ результатъ многіе изъ кадетъ были вскорѣ переведены юнкерами въ армейскіе пѣхотные полки; директоръ ген. Редигеръ былъ немедленно смѣненъ; а затѣмъ, въ теченіе послѣдовавшихъ двухъ лѣтъ, корпусъ, — уже въ Вильнѣ, — былъ расформированъ: лѣтомъ 1862 года брестскихъ кадетъ разсѣяли по другимъ корпусамъ. Государь крайне сурово отнесся къ Брестскому корпусу, даже, какъ видно, уничтожилъ его, — какъ тогда говорили, стеръ съ лица земли, но расположенія своего вообще къ другимъ кадетамъ и къ кадетскимъ корпусамъ не измѣнилъ; да и самое распредѣленіе брест. кадетъ по другимъ корпусамъ показало, что онъ считалъ ихъ виновными, но не преступниками и всю вину ихъ объяснялъ лишь молодую, незрѣлою, неопытною манерою вести себя — проще сказать, безтактностью.

Очевидцы этого событія рассказываютъ, что Государь, услышавъ изъ фронта брестскихъ кадетъ какой-то говоръ, прислушался съ недоумѣніемъ, которое ясно выразилось на его лицѣ.

— Что? что такое? спросилъ Государь спокойно, но серьезно. Нѣсколько голосовъ громче другихъ сказали: начальство постоянно притѣсняетъ...

— Они не научены порядкамъ, будто бы сказалъ Государь, обратившись къ лицамъ, его окружавшимъ, среди которыхъ нахо-

¹⁾ Императрица Анна Іоанновна, сидя однажды на балконѣ находившагося въ Лефортовѣ, Головинскаго дворца, высказала сожалѣніе о томъ, что передъ дворцомъ нѣтъ никакой растительности — чистое поле, точно безконечная степь. На другой день, проснувшись рано и выйдя на тотъ же балконъ, Государыня увидѣла, что уже небольшое сравнительно поле отдѣляетъ дворецъ отъ великолѣпной рощи; эта роща была насажена энергіей владѣльца дворца Головина. Она существовала и роскошно произростала въ теченіе полутора-ста лѣтъ: въ 1904 году лѣтомъ, ураганъ, прошедшій надъ окранными Москвы, снесъ ее; въ тотъ же часъ былъ снесенъ находившійся по другую сторону аданія корпуса, громадный кадетскій садъ, именовавшійся Лефортовскимъ, какъ принадлежавшій Лефорту. Въ томъ саду находилась каменная бесѣдка, въ которой на стѣнѣ была вѣлана мраморная плита съ надписью: «мѣсто отдохновенія Великаго Государя Петра I Алексѣевича». Бесѣдка та тоже сдѣлалась жертвой урагана. Садъ очевидно прежде принадлежалъ аданію, находившемуся по другую сторону рѣки Лузы; зданіе то сохранило названіе дворца Лефортовскаго, въ немъ проживали офицеры-воспитатели 1-го и 2-го Моск. кад. корпусовъ.

дился и директоръ генер.-лейт. Редигеръ; ведите ихъ прочь съ поля!

Одинъ изъ состоявшихъ тогда въ бунтовскихъ рядахъ и, по собственному сознанию, подававшій голосъ, Б., окончивъ въ послѣдствіи курсъ академіи генер. штаба, занималъ высокіе и видные посты, карьера его была изъ выдающихся; только недавно его уволили за болѣзнь отъ должности, и кажется, зачислили въ Военный Совѣтъ; онъ хорошо сохранилъ въ своей памяти воспоминанія объ этомъ эпизодѣ.

Въ августѣ 1862 г. Государь посѣтилъ 1-й Моск. корпусъ; смотръ сошли превосходно; начальство и кадеты не могли достаточно на- радоваться; въ послѣдній день своего пребыванія въ Москвѣ, Государь пожелалъ побывать въ помѣщеніяхъ кадетъ. Въ подобныхъ случаяхъ кадетъ ставили въ дортуарахъ по койкамъ, и Государь обходилъ ихъ. Въ 4-й ротѣ Государь увидѣлъ одного кадета, который стоялъ, придерживаясь за спинку кровати и нѣсколько согнувъ правую ногу въ колѣнѣ. Молча Государь подошелъ къ нему, вытянулъ ему обѣ руки, а своей ногой слегка поправилъ его колѣно. Что долженъ былъ подумать и испытать Государь, когда, отойдя лишь нѣсколько шаговъ и оглянувшись, онъ увидѣлъ, того же кадета принявшимъ прежнюю позу.

— Не умѣешь стоять, неучъ; какъ тебя звать?

— Кн. Д. С.

— Посадить его въ темную комнату...

Дальнѣйшій обходъ во всѣхъ ротахъ прошелъ благополучно, но Государь смотрѣлъ мрачно. Къ концу обхода всего корпуса Государь однако сказалъ директору генералъ-маіору Лермонтову:

— Я и думать не хочу, чтобы въ этомъ могъ быть умыселъ; я слишкомъ привыкъ знать 1-й Моск. корпусъ отмѣнно исправнымъ и примѣрно обученнымъ. Неуча передѣлай, научи, но въ карцеръ не отправляй; корпусъ я отпускаю на недѣлю; отпусти и его вмѣстѣ со всѣми въ отпускъ.

Долго мы переживали и самую исторію, и то милостивое снисходительное отношеніе, которое Государь, со свойственнымъ ему, никогда его не покидавшимъ великодушіемъ, показалъ огорчившему его кн. Д. С.

Въ послѣдніе дни того же 1862-го года 1-й Московскій корпусъ проявилъ себя совершенно не тѣмъ, какимъ Государь его считалъ: въ рождественскіе дни въ корпусѣ произошелъ большой бунтъ противъ директора генералъ-маіора Всеволода Николаевича Лермонтова.

Долго было бы рассказывать подробности этого въ высшей степени поучительнаго изъ жизни кадетскихъ корпусовъ эпизода.

Достаточно сказать, что старшія роты бунтовали открыто лично противъ директора, при чемъ одинъ изъ кадетъ, придя на квартиру директора, нанесъ ему оскорбленіе; первая рота цѣлыхъ двое сутокъ не давала его арестовать, вытолкала гевальдигернаго офицера, явившагося для этого съ командой нижнихъ чиновъ, забаррикадировала табуретами и шкапчиками ротную спальню; ротнаго командира, пришедшаго усовѣщивать кадетъ, они освистали и угрозами заставили удалиться; неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, если бы виновный А-ръ не ушелъ на другой день изъ роты подъ арестъ добровольно. Вся исторія, а въ особенности причина ея взбудоражила Москву, надѣлала шума во всей Россіи и заставила вмѣшаться въ это дѣло митрополита московскаго Филарета; шумные дни бунта продолжались съ рождественскаго сочельника непрерывно двѣ недѣли.

Все стихло лишь тогда, когда въ крещенскій сочельникъ принеслась по ротамъ вѣсть о прибытіи изъ Петербурга бывшаго директора генерала Желтухина, котораго Государь послалъ произвести строжайшее разслѣдованіе.

Сурово и строго принялся генералъ за дознаніе; оно было именно „строжайшее“; въ теченіе двухъ недѣль водили насъ съ утра до вечера къ допросу, дѣлали намъ серьезныя внушенія. Въ концѣ концовъ послѣдовало рѣшеніе: двухъ кадетъ разжаловать въ солдаты линейныхъ батальоновъ, четверыхъ перевести въ армію юнкерами, фельдфебеля 1-й роты и унтеръ-офицеровъ разжаловать въ кадеты, большей части кадетъ той роты и старшей полуроты 4-й роты рѣшено было снять погоны; многихъ кадетъ выдержали въ карцерѣ.

Когда все это было исполнено, генералъ Желтухинъ собралъ насъ въ громадный залъ, такъ называемый, Тронный и, прослезившись, сказалъ рѣчь. Въ первый разъ мы увидѣли, что онъ не утратилъ способности говорить мягко и отечески,—до такой степени онъ, во все время этого у насъ пребыванія, былъ съ нами суровъ. Вотъ что онъ сказалъ:

„Государь Императоръ, получивъ извѣстіе объ этой печальной исторіи, потребовалъ меня къ себѣ и встрѣтилъ словами, повергшими меня въ большое горе: „вотъ и твои москвичи возмутились; этого я никакъ не ожидалъ; Мнѣ очень больно было узнать, что Я такъ ошибался въ твоихъ питомцахъ“.

„Вы видите, какъ Государь относился къ славному нашему корпусу, и какого довѣрія вы теперь лишились“.

„Поѣзжай, разбери, подробно разузнай все; виновныхъ, а главное зачинщиковъ придется строго, въ примѣръ другимъ, наказывать“, добавилъ Государь.

„Потребовавъ меня вторично, въ день моего отъѣзда, Государь, при прощаньи, сказалъ: „повторяю, отъ 1-го Московскаго корпуса я ничего подобнаго не ожидалъ; тѣмъ, которые окажутся непричастными, передай, что я кадетъ любилъ и люблю, какъ дѣтей своихъ; я ихъ берегъ, но вижу, что теперь мнѣ не удастся сберечь корпуса; чувствую, что придется склониться къ производству коренныхъ перемѣнъ; мнѣ жаль кадетъ, но надо отнять у нихъ возможность такъ неосторожно и неблагоразумно-распущенно вести себя“.

Передавая все это, ген. Желтухинъ поминутно останавливался, слезы перебивали его рѣчь.

Долго мы оставались подъ впечатлѣніемъ этихъ словъ. Впослѣдствіи много разъ намъ доводилось слышать отъ своихъ офицеровъ, что эта, случившаяся послѣ цѣлой вереницы бунтовъ, происшедшихъ въ другихъ корпусахъ, бунтовская исторія 1-го Моск. корпуса едва ли не была той каплей, которая склонила Государя къ допущенію намѣченныхъ Д. А. Милютинымъ реформъ. Съ корпусною жизнью видно придется разстаться, говорили офицеры-воспитатели.

III.

Все описанное случилось на рубежѣ 1862 и 63-го годовъ, а лѣтомъ 63 года стало положительно извѣстно, что новый курсъ ученія 1863/4 г.г. военно-учебныхъ заведеній начнутъ въ обновленномъ, преобразованномъ видѣ.

Недавно на страницахъ „Русской Старины“ ¹⁾ было вскользь упомянуто о томъ, какъ въ августѣ 1863 года составились изъ корпусовъ военныя училища, и какія послѣдовали перемѣны въ бытѣ кадетъ, ставшихъ юнкерами.

Перемѣны эти совершенно перевернули нашу жизнь; переходъ этотъ изъ 1-го Моск. корпуса въ Александровское военное училище сохранился въ нашей памяти на всегда, какъ нѣчто особое, какъ „переломъ“. Долго не могли мы привыкнуть къ новымъ порядкамъ. Почти десять лѣтъ, проведенные въ корпусѣ, приучили насъ къ извѣстному строю жизни; жизнь въ четырехъ стѣнахъ вмѣстѣ съ ея нежелательною стороною, каковою является „застой,—лѣнливыхъ покой“, наложила на насъ свою печать; переходъ къ кореннымъ перемѣнамъ показался намъ очень непріятной и тяжелой ломкой.

¹⁾ См. журн. «Русская Старина», 1908 г., кн. V, май, ст. «Ошибки короля Лиры».

Мы прямо тосковали; собираясь по вечерамъ, толковали, утѣшали другъ друга, перебирали на разные лады прошлое, казавшееся лучшимъ, сопоставляли съ нимъ настоящее, являвшееся для насъ крайне непріятнымъ.

Какъ нарочно, носились толки о предстоявшихъ строгостяхъ; онѣ неминуемо должны были выплыть изъ новыхъ условій, въ которыя насъ поставили;—зачетъ годовъ, проводимыхъ на школьной скамьѣ, въ дѣйствительную военную службу, долженъ былъ вызывать во всемъ болѣе серьезную отвѣтственность.

Туго переживался весь этотъ переломъ, въ особенности людьми экспансивными; медленно входили нѣкоторые изъ насъ въ сознаніе того, что, въ сущности, жизнь наша стала лучше, что условія новой жизни показались суровыми лишь потому, что, какъ новыя,—они заставляли насъ расшевелиться, пораздумать, побеспокоиться, выйти изъ апатіи.

Прошло немало времени, пока на вечернихъ сборищахъ „первомосковцевъ“ стали раздаваться голоса, доказывавшіе, что если съ нами здѣсь и будутъ обходиться строже, то, во всякомъ случаѣ, будутъ къ намъ относиться человѣчнѣе, справедливѣе. Дошло до того, что только очень упорные не соглашались съ выводами большинства, начинавшего признавать жизнь корпусную кадетскую гораздо болѣе „безпроглядною“.

Съ теченіемъ времени въ этихъ сборищахъ начали принимать участіе бывшіе кадеты 2-го Московскаго корпуса; затѣмъ, мало-помалу, начали заходить и другіе, нашедшіе себѣ пріятелей между первомосковцами.

Однажды въ очень пасмурный, осенній вечеръ передъ всеночной сошлись мы на сборищѣ въ особенно большомъ числѣ; погода задержала, мало кто рѣшился оставить стѣны училища, нѣкоторые стали было толковать на старые лады, перебирая одно и то же, жалуясь на судьбу. Вдругъ одинъ изъ нашей среды, бывший кадетъ 1-го московскаго корпуса—Ивановъ 9-й Никаноръ,—юноша тихій, смирный, скромный, но малый развитой и серьезный,—заговорилъ предобродушно, однако съ большимъ отгѣнкомъ укора: „сѣтованія, которыя тутъ раздаются, однообразны, докучливы и, въ сущности, несправедливы; на что намъ жаловаться? только себя раздражаемъ; въ корпусѣ жилось намъ хорошо—словъ нѣтъ; но чѣмъ хорошо? только тѣмъ, что товарищество было между нами хорошее. Развѣ не отъ насъ зависить установить его здѣсь и сохранять впредь; наше житѣе тогда здѣсь несомнѣнно будетъ гораздо лучше. Вотъ двухъ мѣсяцевъ еще не прошло, какъ мы здѣсь, а развѣ не видно

уже, на сколько мы здѣсь удалены отъ того давленія, которымъ насъ щемили тамъ и ротные командиры, и офицеры-воспитатели? Посмотрите, какія здѣсь къ намъ отношенія всѣхъ офицеровъ, тамъ такія прорывались быть можетъ у одного-двухъ изъ сорока, а здѣсь давящихъ отношеній не прорывается положительно ни у одного изъ офицеровъ; всѣ они, при своемъ строгомъ, или, вѣрнѣе, серьезномъ отношеніи къ намъ, держатъ себя съ нами все-таки почти, какъ старшіе товарищи наши; вотъ проживемъ — увидимъ. А вѣдь если имѣть, во что бы то ни стало, неудовольствіе на все и только неудовольствіе, если предвзято находить все дурнымъ, — что изъ этого можетъ выйти? Невольно припомнишь, что именно во всѣ времена, во всѣхъ странахъ, такъ и нарождались ретрограды—приверженцы стараго порядка; они вездѣ, всегда и во всемъ мѣшали двигать жизнь впередъ, тормозили всякое движеніе. Намъ очевидно даютъ здѣсь что-то новое; стараго ужъ намъ не вернуть, будемъ лучше терпѣливо ожидать; увидимъ, что и какъ здѣсь для насъ сложится, что и какъ для насъ намѣчено. Возблагодаримъ нашъ славный 1-й Моск. кад. корпусъ, будемъ всегда вспоминать его привѣтливныя стѣны съ благодарностью, а сами, право, сдѣлаемъ во сто кратъ лучше, если обратимся всецѣло къ новой жизни. Присмотрите, какъ старается поднять каждого изъ насъ Борисъ Антоновичъ Шванебахъ, какъ ему въ этомъ содѣйствуютъ всѣ: и инспекторъ классовъ Сергѣй Александровичъ Слуцкій и его помощникъ Пав. Ник. Юшеновъ и всѣ, всѣ; при всемъ томъ, что они всѣ имѣютъ видъ суровый,—какъ они умѣютъ подчеркнуть свое къ намъ доброжелательство; могли ли бы въ корпусѣ увидѣть во снѣ такое обращеніе, какимъ насъ дарить, напимѣръ, нашъ ротный командиръ А. Г. Бринкманъ¹⁾.

Эти слова Иванова произвели немалое впечатлѣніе на собравшихся юнцовъ; они многихъ и отрезвили и ободрили и успокоили. Ивановъ сумѣлъ соединить все то, что каждому изъ насъ отрывками уже приходило въ голову.

Прошло немного времени, и мы всѣ пришли къ убѣжденію, что

¹⁾ Александръ Германовичъ фонъ Бринкманъ былъ въ 1858 году изъ школы гв. подпрапорщиковъ (нынѣ Никол. кавалер. училище) произведенъ въ прапорщики въ конно-гренад. полкъ, оттуда въ чинѣ шт.-капитана переведенъ былъ репетиторомъ въ Воронежскій кад. корпусъ, а затѣмъ въ Алекс. военное училище и назначенъ командиромъ 3-ей роты. Впослѣдствіи состоялъ въ должности вице-губернатора въ Самарской губ., потомъ въ Астраханской,—тамъ, кажется, скончался, оставивъ по себѣ прекрасную память во всѣхъ, знавшихъ его.

начальникъ училища Б. А. Шванебахъ задалъ себѣ главную задачу,—въ каждомъ изъ насъ разбудить человѣка и высоко поднять человѣческое достоинство. Онъ этого не подчеркивалъ, объ этомъ не говорилъ, но мы ясно видѣли это во всякомъ его шагѣ, во всякомъ его дѣйствіи. Совершенно точно и опредѣленно онъ направилъ, въ этомъ отношеніи, по своимъ стопамъ дѣятельность всѣхъ сотрудниковъ своихъ, начиная съ инспектора классовъ, батальоннаго и ротныхъ командировъ, кончая младшими отдѣленными офицерами. Въ этомъ отношеніи ему облегчило путь то обстоятельство, что, одновременно съ принятіемъ должности начальника училища, онъ выговорилъ себѣ право — самому выбрать себѣ весь составъ должностныхъ лицъ.

Мы чувствовали и знали, что если каждому изъ насъ, за всякій проступокъ, за всякое нарушеніе обязанностей, строго достанется по закону, то, въ случаѣ нужды, при нашей правотѣ и при попираніи кѣмъ бы то ни было нашихъ правъ, — Б. А. станетъ за каждого изъ насъ горой, хотя никогда этого не выкажетъ, не выскажетъ и не обнаружитъ¹⁾. Бывали случаи вмѣшательства военно-окружнаго начальства въ поведеніе и въ жизнь юнкеровъ, но Б. А., принимая отъ этого начальства заявленія справедливыя и правильныя, скоро отучилъ его отъ стремленія вмѣшиваться въ мелочи и придирокъ.

Такимъ образомъ за два года пребыванія въ этомъ заведеніи на Знаменкѣ въ Москвѣ, мы твердо узнали, что значить постоянная и бдительная защита нашихъ правъ, нашего достоинства; мы чувствовали себя подъ покровительствомъ и знали, что въ покровительствѣ этомъ Шванебаху всегда дружно и охотно оказывали поддержку всѣ стоявшіе надъ нами, т. е. всѣ его подчиненные,—наши прямые начальники.

Обходя роты, Шванебахъ завелъ обычай разговаривать съ юнкерами; онъ обыкновенно что-нибудь рассказывалъ, что-нибудь объяснялъ; сначала мы дичились, такъ какъ въ корпусѣ директоръ никогда просто съ кадетами не говорилъ; разговоръ директора вы-

¹⁾ Многое вообще было заботами генерала Шванебаха насаждено въ нашу пользу. Здѣсь же все это приведено вскользь по связи съ главнымъ предметомъ предлагаемыхъ извлеченій изъ воспоминаній Б. А. Шванебаха состоятъ начальникомъ Алекс. в. училища 11 лѣтъ—съ 1863 до 1874 года, когда былъ назначенъ членомъ конференціи Никол. инж. академіи, а также членомъ инж. комитета гл. инж. управл.; въ этихъ должностяхъ состоялъ до кончины, послѣдовавшей 4 февраля 1905 г.

ходилъ чѣмъ-то необыкновеннымъ, для этого насъ выстраивали и директоръ или даже ротные командиры иначе съ кадетами не говорили, какъ передъ фронтомъ. Скоро мы освоились на столько, что и со Шванебахомъ и съ другими начальниками нашими вступали въ разговоръ совершенно просто, безъ стѣсненія. Больше другихъ насъ привлекалъ своей бесѣдой помощникъ инспектора классовъ гв. артиллеріи поручикъ Пав. Ник. Юшеновъ (онъ же преподавалъ намъ артиллерію). Нѣсколько разъ мы бесѣдовали съ нимъ на излюбленную тему—сравненіе кадетской и юнкерской жизни; мы высказывали большое удовлетвореніе училищными порядками; самъ онъ, въ свое время, выйдя въ офицеры изъ фельдфебелей 1-го Моск. кад. корпуса, поступилъ въ офицерскіе классы Мих. арт. училища (нынѣ Мих. арт. академія), а затѣмъ опредѣлился въ 1-й же Моск. корпусъ учителемъ артиллеріи. Онъ высказывалъ нѣсколько разъ, что отдѣленіемъ специальныхъ классовъ изъ корпусовъ и доставленіемъ намъ такихъ условій жизни насъ просто облагодѣтельствовали; всѣмъ этимъ, говорилъ онъ, вы обязаны очень молодому офицеру генеральнаго штаба—Драгомирову,—профессору академіи генеральнаго штаба, онъ собственно представилъ проектъ отдѣленія специальныхъ классовъ отъ общихъ.

IV.

27 августа 1865 года въ Москвѣ на Николаевскомъ вокзалѣ Б. А. Шванебахъ заботливо и нервно усадилъ насъ—человѣкъ сорокъ юнкеровъ своего училища, въ два вагона третьего класса Ник. жел. дор. для отправленія въ Петербургъ; большинство направлялось въ Михайловское артиллерійское училище, а часть въ Никол. инженерное.

Подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ прощанья съ товарищами, оставшимися въ Алекс. в. училищѣ, и разставанья со своимъ начальникомъ двинулись мы въ путь.

По сравненію съ моментомъ приѣзда въ Алекс. в. училище каждый изъ насъ сталъ старше на два года; для каждого эти два года прошли далеко не безслѣдно; о той безотчетной тоскѣ, какую мы испытали, покинувъ стѣны 1-го Моск. корпуса и съ какою вошли въ Александр. в. училище,—не могло быть рѣчи. Однако тутъ, въ артил. училищѣ, присмотрѣвшись въ теченіе нѣсколькихъ дней къ положенію своему, а главное къ новому начальству, каждый изъ насъ почувствовалъ, что такой заботы о насъ, объ охраненіи

самаго дорогаго для насъ, самаго высокаго чувства—человѣческаго достоинства, мы не встрѣтимъ. Мы увидѣли, что новое начальство, при всей добротѣ своей, было совершенно безразлично по отношенію ко всему, что насъ касалось; оно, правда, не попирало умышленно нашихъ самолюбій, но оно и не стало бы горой за насъ, если бы кому-нибудь изъ насъ пришлось перенести что-либо непріятное; это было равнодушное начальство. Такъ разсуждали александровцы; безъ сомнѣній, въ этомъ было видно не мало избалованности и, пожалуй, сентиментальности. Но все это вылилось у каждаго изъ насъ. Послѣ кадетскаго корпуса мы быть можетъ оцѣнили бы это начальство иначе; быть можетъ, встрѣтившіеся съ нами здѣсь собранные на годъ для совмѣстнаго ученія товарищи, прибывшіе въ артил. училище изъ Павловскаго военнаго училища и изъ Константиновскаго, смотрѣли иначе на это начальство; мы же, александровцы, считали себя перешедшими къ худшему;—вкусивши сладкаго,—мы тяготились горькимъ.

Ко всему этому новое наше начальство, не обращая вниманія на многое важное, придавало значеніе нѣкоторымъ мелочамъ, чего въ Александр. училищѣ и въ поминѣ не было.

Изъ начальствовавшихъ лицъ, что называется, не на комъ было оживиться, не на комъ было дать отдыхъ чувствамъ. Нач. арт. училища и академіи генер.-лейт. А. С. Платовъ, горделиво несшій свою голову, поглядывавшій на все свысока, казалось, ни о чемъ больше и не думалъ кромѣ того, чтобы не уронить себя; злымъ онъ не былъ, но былъ вполне типомъ чловѣка равнодушнаго ко всему кромѣ себя.—Объ инспекторѣ классовъ полк. А. В. Гадолинѣ нечего и говорить: эта серьезная, угрюмая, по сути, пунктуальная шведская фигура вся была сосредоточена исключительно на своей персонѣ, къ тому же, казалось, у него была даже рѣшительно отнята способность улыбаться.—Батар. командиръ подполк. конной артил. А. Я. Фриде,—мягкій, ласковый, съ виду предобрый—нашему юному чутью представлялся хитрымъ и довѣря къ себѣ не возбуждалъ.—Офицеры, за исключеніемъ быть можетъ двухъ младшихъ, казались сонными старцами, очень напоминавшими тотъ типъ, который, въ лицѣ корпусныхъ офицеровъ, набилъ намъ оскмину своею безжизненною формалистикой.—Дурного объ нихъ никто изъ насъ сказать ничего не могъ: нельзя же осуждать чловѣка за то, что въ немъ не было видно положительныхъ качествъ; слава Богу, что приходилось отмѣтить отсутствіе отрицательныхъ.—Но вѣдь это не все-то, чего могли требовать или чего ожидали наши юныя сердца и юныя умы.—Къ тому же видѣлся какой-то разладъ въ отношеніяхъ между разнороднымъ начальствомъ—не было того единства, которое царило

во всей обстановкѣ взаимныхъ отношеній начальства Александр. училища.

Чувствовалось, что, прибывъ сюда мы, въ своемъ обиходѣ, какъ бы сдѣлали шагъ назадъ, и что въ этой училищной жизненной обстановкѣ все для насъ отодвинулось почти на ту линію, на которой наша жизнь держалась въ кад. корпусѣ.

Конечно, это все больше мелочи первыхъ впечатлѣній.

Некогда однако было долго грустить; пришлось скоро отдаться серьезнымъ занятіямъ, забыть все и погрузиться въ науку, тѣмъ болѣе, что, судя по программамъ, курсъ предстоялъ пространный, сложный и долженъ былъ потребовать отъ каждаго кропотливой работы.

V.

Однажды, приблизительно во второй половинѣ сентября 1866 года, я, въ толпѣ юнкеровъ, шелъ задумавшись по классному корридору училища и вдругъ увидѣлъ предъ собой незнакомаго полковника генеральнаго штаба; на немъ былъ довольно поношенный сюртукъ, помнится, съ мягкими, помятыми погонами; онъ тихо пробирался по стѣнкѣ, какъ будто сторонясь всего, что могло ему помѣшаться навстрѣчу.—По принятому порядку, мы,—юнкера, шедшіе тутъ же ему навстрѣчу, останавливались въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него и кланялись; ни слова не говоря, онъ отвѣчалъ наклономъ головы, но при этомъ такъ пристально на насъ смотрѣлъ, такъ каждаго изъ насъ оглядывалъ, что глазами своими просто пронизывалъ насъ.

— Кто это? спросили въ одинъ голосъ нѣкоторые изъ насъ, чуть ли не раньше, чѣмъ полковникъ успѣлъ достаточно удалиться.

— Какъ! Вы не знаете кто это! Вы не знаете профессора Драгомирова; эхъ, Москва, Москва матушка; какъ же не знать Драгомирова, вѣдь это всѣмъ профессорамъ профессоръ, а Сухарева башня спрашиваетъ, кто это, забарабанилъ въ шутовскомъ тонѣ, очень веселый, претендовавшій очевидно на обладаніе большой дозой остроумія, юнкеръ X—въ, поступившій въ старшій классъ изъ Константиновскаго училища.

Не обращая вниманія на его изощренія, я спросилъ:—а какой предметъ онъ будетъ у насъ читать?

— Будетъ читать, отвѣтилъ X—въ, только не вамъ, то бишь не намъ, а младшему классу, ботанику, то бишь тактику.—Дешевенькая острота, размѣшила нѣсколькихъ чловѣкъ, засмѣялся и обгонявшій насъ, спѣшно бѣжавшій по корридору, нашъ батарейный командиръ подполк. Фриде.

— Что, батенька Х—въ, вы все беззаботно веселы и веселите другихъ, отъѣнное дѣло! Сказавъ это, А. Я. Фриде скрылся въ концѣ коридора въ библиотечной комнатѣ, видимо, направляясь въ инспекторскую.

У многихъ изъ насъ, встрѣтившійся намъ полковникъ, что называется, врѣзался въ памяти.

Каждый разъ, встрѣчая его, мы присматривались къ нему такъ сильно, что казалось онъ замѣчалъ это.

На тотъ учебный 1865—6 годъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, въ которомъ въ предыдущемъ году состоялъ лишь одинъ старшій классъ, соответствовавшій 3-му спеціальному классу кадетскихъ корпусовъ, былъ собранъ изъ военныхъ училищъ опять такой же старшій классъ и, кромѣ того, въ видѣ младшаго класса былъ открытъ курсъ, соответствовавшій кадетскому 1-му спеціальному¹⁾; такимъ образомъ, средняго класса не существовало и лишь въ 1866—7 учебномъ году, когда новый младшій классъ составилъ тѣмъ же порядкомъ, въ средній классъ былъ переведенъ младшій классъ артил. учил. курса 1865—6 года, а старшій опять былъ набранъ исключительно изъ пожелавшихъ учениковъ старшихъ классовъ военныхъ училищъ.

Младшему классу 1865—6 учебного года предстояло слушать лекціи полковника Драгомирова по тактикѣ и стратегіи.—Мы таки позавидовали тому, что не доведется намъ послушать этого всѣмъ профессорамъ профессора! Намъ при этомъ вспоминалось то баловство, которое намъ доставилъ въ Александровскомъ училищѣ Б. А. Шванебахъ: въ теченіе двухъ лѣтъ мы слушали тамъ профессоровъ Московскаго университета С. М. Соловьева (исторія), М. Н. Капустина (законовѣдѣніе), И. К. Бабста (статистика), Лосковского (химія), Юркевича (логика и психологія), не говоря уже о томъ, что Законъ Божій, съ частью Богословія, преподавалъ намъ молодой училищный священникъ, впоследствии замѣчательный профессоръ богословія Московскаго университета Александръ Васильевичъ Иванцовъ-Платоновъ²⁾.

¹⁾ Приняты были лучшіе изъ числа окончившихъ курсъ въ общихъ классахъ кадетскихъ корпусовъ, и кромѣ того, по конкурсному экзамену, лица, пожелавшія опредѣлиться изъ гражданскихъ учебныхъ заведеній.

²⁾ Намъ стало тогда извѣстно, что фамилія Платоновъ прибавляется на всегда съ потомствомъ тому ученику, который оканчиваетъ первымъ курсъ Московской Духовной академіи на премію митрополита Платона (кажется, черезъ каждые четыре года разъ). Такимъ образомъ извѣстны до сихъ поръ фамиліи: Гилляровъ-Платоновъ, Смирновъ-Платоновъ, Иванцовъ-Платоновъ и др.

Въ Михайл. артиллерійскомъ училищѣ со своими однокурсниками пришлось познакомиться очень скоро, т. е. всѣ мы помѣщались въ одномъ общемъ дортуарѣ и въ теченіе сутокъ находились все время вмѣстѣ. Мало-по-малу довелось познакомиться и съ нѣкоторыми юнкерами младшаго класса. Среди нихъ Савичъ (тяжело раненый подъ Ловчей 22 авг. 1877 г.), Никитинъ Сухинскій (извѣстный работами по пороховому дѣлу), но особое вниманіе обращалъ на себя веселый, симпатичный, разбитной, остроумный мальчикъ Боголюбовъ (Алексѣй); онъ поступилъ въ младшій классъ училища изъ дому, учился въ русской гимназіи въ Варшавѣ, гдѣ отецъ его состоялъ въ должности военно-медицинскаго инспектора Варшавскаго военного округа. Мальчикъ онъ былъ чрезвычайно общительный, живой, говорилъ всегда громко, какъ бы ведя общій разговоръ; колокольчикомъ раздавался его голосъ, говору его придавало особую прелесть произношеніе буквы *р*, которую онъ отъ природы картавилъ, какъ французъ. Не разъ онъ рассказывалъ съ большимъ восторгомъ о лекціяхъ Драгомирова, нерѣдко передавалъ вкратцѣ содержаніе ихъ и такъ заинтересовалъ нѣкоторыхъ изъ насъ, что мы, подумавши немного, начали ходить на эти лекціи въ аудиторію младшаго класса. Это рискованное предпріятіе вызвало съ нашей стороны манкированіе своими лекціями; доводилось попадать на лекціи полковника Драгомирова украдкой, — контрабандно.

Въ нашемъ строевомъ отдѣленіи старшаго класса на одну изъ дававшихся въ младшемъ классѣ лекцій полковника Драгомирова, приходилась лекція фортификаціи высокообразованнаго, но намъ казавшагося скучнѣйшимъ изъ скучныхъ, — профессора инженеръ-полковника Квеста; на другую лекцію приходились практическія занятія въ богатѣйшей химической лабораторіи училища и академіи. Замѣняя съ легкимъ сердцемъ обязательную лекцію полковника Квеста лекціей полковника Драгомирова, мы скорбѣли о томъ, что не можемъ сдѣлать того же съ часомъ практическихъ по химіи занятій. Но скоро это дѣло уладилось: по самой постановкѣ дѣла можно было всегда занятія по химіи наверстать, такъ какъ каждому юнкеру ящикъ для занятій въ лабораторіи предоставлялся въ полное распоряженіе во всякое время.

Мы были крайне довольны тѣмъ, что дѣло „приватнаго“ слушанія лекцій полковника Драгомирова у насъ наладилось и какъ бы вошло въ колею; свои лекціи тактики и стратегіи онъ до крайности разнообразилъ, пересыпая ихъ яркими примѣрами изъ военной исторіи; говорилъ онъ совершенно просто, понятно, образно и увлекательно; выходило очень краснорѣчиво и интересно; не только

мы,—знакомые съ предметомъ, прослушавшіе двухгодичный курсъ спеціальныхъ военныхъ классовъ, увлекались его лекціями, но и ученики, только что начавшіе военныя науки, молодые люди, впервые соприкасавшіеся съ этими, въ сущности, сухими предметами, были такъ увлечены, заинтересованы безхитростнымъ, но умѣлымъ словомъ Михаила Ивановича, что рѣшительно съ нетерпѣніемъ ожидали его лекцій. Дѣйствительно это всѣмъ профессорамъ профессоръ, говорили мы между собой, оставаясь всякій разъ долго подъ впечатлѣніемъ всего слышаннаго отъ него, перебирая все, чего онъ касался и что передавалъ нашему увлеченному, очарованному вниманію.

Въ этихъ лекціяхъ не было ничего претенціознаго, бьющаго, съ какой бы то ни было стороны, на эффектъ, а главное не было ничего такого, чѣмъ уже въ тѣ времена начали грѣшить и шеголять нѣкоторые изъ профессоровъ и преподавателей, бившихъ на популярность. Полковникъ Драгомировъ и не думалъ давать себѣ трудъ проявлять въ своихъ лекціяхъ либерализмъ, который такъ нравился молодежи, и до котораго она вообще вездѣ и всегда бываетъ и бывала падека.

Онъ совершенно искренно дѣлился съ молодежью своими знаніями; а съ какой простотой онъ давалъ объясненія на чьи-либо вопросы! Случилось разъ, что тотъ же Боголюбовъ, желая получить разъясненіе слышаннаго на лекціи, подошелъ къ полковнику, безъ всякой церемоніи, при встрѣчѣ съ нимъ въ корридорѣ училища и заговорилъ объ интересовавшемъ его вопросѣ.

Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ остановился, выслушалъ, оглядѣлъ юнкера съ ногъ до головы своимъ испытующимъ взоромъ, спросилъ фамилію и сказалъ: и я теперь очень тороплюсь, но при слѣдующей встрѣчѣ потрудитесь мнѣ напомнить, и мы объ этомъ интересномъ вопросѣ потолкуемъ“.

Тогда же было узнано стороною, что полковникъ торопился, не болѣе не менѣе, какъ въ Зимній дворецъ на лекцію,—къ одному изъ великихъ князей—сыновей Государя.

Каково же было удивленіе юнкера Боголюбова, когда, дня черезъ четыре послѣ того, придя на лекцію въ аудиторію, полковникъ Драгомировъ вызвалъ его, самъ подробно повторилъ содержаніе его запроса и изъ этого вопроса, заданнаго, въ сущности юнымъ, любознательнымъ ученикомъ, сдѣлалъ въ высшей степени интересную, любопытную импровизированную лекцію, которая, конечно, была больше всего похожа на бесѣду.

Съ тѣхъ поръ сдѣлалось обычнымъ явленіемъ, что интересовавшійся какимъ-либо вопросомъ юнкеръ подходилъ къ Михаилу Ива-

новичу при окончаніи имъ лекцій, задавалъ ему вопросъ, и Драгомировъ при первомъ же удобномъ случаѣ съ большимъ терпѣніемъ давалъ свои поясненія. И никто этимъ не злоупотреблялъ. Мы видѣли, что Михаилъ Ивановичъ нисколько не тяготился появленіемъ въ нѣкоторыхъ запросахъ массы незрѣлаго, наивнаго; онъ при этомъ нисколько не гнушался давать объясненія серьезно, участливо и старательно. Далеко онъ былъ отъ того, чтобы подчеркивать чью бы то ни было неразвитость или осмѣивать ее; вообще во всемъ, какъ и во всѣхъ отгѣнкахъ его обращенія съ нами, видно было его стремленіе поставить cadaго изъ насъ въ такое положеніе, чтобы кажущееся недосигаемымъ являлось для насъ въ концѣ концовъ яснымъ и понятнымъ; дѣлалъ онъ все это совершенно незамѣтно и безъ подчеркиванья.

Мы, юнцы, просто переживали то сочувствіе, съ которымъ онъ къ намъ относился и которымъ отъ него вѣяло.

Все это мы, перебирая между собой на разные лады, скоро оцѣнили и этимъ, въ часы досуга, старательно дѣлились между собой. Иногда мы высказывали всплывавшее въ насъ чувство похожее на то, какое представлялось намъ при воспоминаніи о Б. А. Шванебахѣ. Однажды Боголюбовъ, прислушавшись къ нашимъ словамъ на этотъ счетъ, сказалъ: „Тутъ кроется что-то фатальное; не даромъ Драгомировъ славится, какъ человѣкъ, который главнымъ образомъ содѣйствовалъ выдѣленію въ военныя училища изъ кадетскихъ корпусовъ специальныхъ классовъ. Если бы не Драгомировъ, никогда реформа военно-учебныхъ заведеній не вылилась бы въ такое удачное отдѣленіе специальныхъ классовъ, и вы не попали бы въ руки вашего Шванебаха все было сдѣлано по его проекту“. Мы вспомнили слова П. Н. Юшенова.

Мало намъ доводилось разговаривать съ Драгомировымъ, а расположеніе наше къ нему все болѣе и болѣе росло.

Приглядываясь къ нему и слушая все, что онъ говорилъ, мы больше и больше видѣли въ немъ общаго между нимъ и Б. А. Шванебахомъ, именно въ ихъ отношеніяхъ къ намъ; мы убѣждались въ томъ, что этотъ державшій себя далеко отъ насъ, профессоръ, былъ крайне близокъ къ намъ: вселяя въ насъ воинскій духъ, онъ стремился поднять въ насъ понятія о человѣческомъ достоинствѣ, мы видѣли, что, по врожденному чувству, онъ въ каждомъ изъ малыхъ уважалъ человѣка. Выражалъ онъ это иначе, чѣмъ Б. А. Шванебахъ,—это были двѣ совершенно различныя натуры, и общаго между ними было то, что Драгомировъ, такъ же, какъ и Шванебахъ, дѣлалъ это безъ всякаго желанія показать намъ это

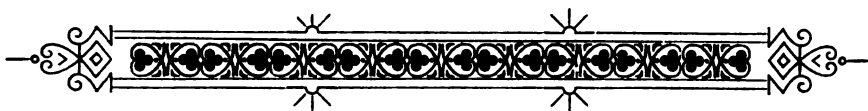
или вѣрнѣе съ полнѣйшимъ желаніемъ не обнаружить, не выставить и не дать почувствовать.

Мы находили тогда же, что Михаилъ Ивановичъ не проявлялъ ничего дѣланнаго, все у него являлось вполне цѣльнымъ и натуральнымъ.

А. Е. К.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Н. Н. Обручевъ.

Большіе начальники рѣдко любятъ „возраженія“, а „противорѣчія“ тѣмъ болѣе. Непріятно такому начальнику слышать отъ подчиненнаго, при полученіи приказанія, что-нибудь вроде, напримѣръ, слѣдующаго: „я съ этимъ вопросомъ не знакомъ“; „не могу взять на себя“, „увольте...“ и т. п., несмотря на то, что подобный отказъ основанъ часто на добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу. Еще хуже заявленіе, хотя и въ надлежащей формѣ выраженное: „я другого мнѣнія“.

Генералъ-адъютантъ Николай Николаевичъ Обручевъ, начальникъ главнаго штаба, былъ большимъ начальникомъ, человѣкомъ большого ума. Нѣкоторые прибавляли: „деспотическаго“ ума. Утверждали даже, что Обручевъ „возраженій“ не терпитъ, а быть „другого мнѣнія“—нечего и думать.

Такъ ли это однако было? Я склоненъ думать, что Обручевъ былъ, можетъ быть, „деспотиченъ“—но только къ „не уму“, или къ „незнанію“. Изъ множества моихъ воспоминаній, „изъ прошлаго“, привожу нижеслѣдующее.

Въ былое время, по зимамъ, въ Петербургъ сзывались начальники окружныхъ штабовъ, преимущественно пограничныхъ и въ главномъ штабѣ, подъ предсѣдательствомъ Н. Н. Обручева, происходили засѣданія, посвященныя весьма важнымъ вопросамъ, по „мобилизаціи“, „оборонѣ“, „крѣпостямъ“ и т. п. Обручевъ обыкновенно начиналъ съ того, что, сообщивъ засѣданію очередной вопросъ, рассматривалъ его, „освѣщалъ“ со всѣхъ сторонъ, дѣлалъ „сводку“, а въ концѣ своей рѣчи, всегда талантливой, представлялъ на обсужденіе собранія „выводъ“, въ которомъ, какъ хорошо знали члены собранія, всегда заключался взглядъ самого Н. Н. Обручева кончалъ даже, иногда, слѣдующими словами: „Казалось бы, что на этотъ вопросъ можно взглянуть такъ“... Такая постановка дѣла, при всей своей естественности, имѣла очень дурную сторону, такъ какъ всѣмъ былъ извѣстенъ личный характеръ „вывода“, и члены,

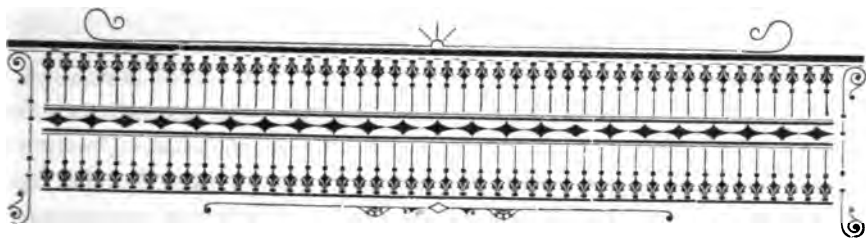
„слабые“ въ своихъ воззрѣніяхъ, считали долгомъ, безъ возраженій, безапелляціонно соглашаться съ „выводомъ“. На одномъ изъ такихъ засѣданій, Обручевъ, кончивъ свое вступленіе и сдѣлавъ „выводъ“, обратился къ ближайшему сосѣду, М. Θ. М., со словами: „М. Θ., вы, что скажете?“—„Я вполне согласенъ съ мнѣніемъ В. Пр.“,—послѣдовалъ отвѣтъ. „А вы Θ. А.?“—обратился Обручевъ къ слѣдующему. „И я тоже“, лаконически отвѣтилъ Θ. А. Ф. По мѣрѣ вопроса остальныхъ членовъ, очередь дошла до одного пріѣзжаго изъ провинціи Х. и, о ужасъ, этотъ Х. началъ возражать Обручеву, разбивать его „выводъ“. Многіе изъ присутствующихъ, одни съ изумленіемъ, другіе — не то съ негодованіемъ, не то со страхомъ, смотрѣли на этого смѣльчака. На лицахъ нѣкоторыхъ читалось: „дерзновенный!“... Обручевъ очень внимательно и терпѣливо выслушалъ до конца, опросилъ остальныхъ и затѣмъ, обращаясь ко всѣмъ сказалъ: „Теперь мы выслушали всѣхъ, и можно собирать голоса. М. Θ. что вы скажете?“—„Я, по-прежнему, согласенъ съ мнѣніемъ В. Пр.“—„А вы, Θ. А.?“—„Я тоже“...

Вдругъ, точно молнія зимой упала. Обручевъ, очень серьезно, весьма твердо и рѣшительно проговорилъ: „И напрасно-съ. Я отъ своего мнѣнія отступилъ и согласенъ вотъ—съ г. Х.“...

Картина.

Сообщ. П. Паренсовъ.

Изъ минувшаго.

(Воспоминанія и впечатлѣнія литератора. 1865—1897 г.) ¹⁾.

XII.

Славянское движеніе.

Начало славянскаго движенія въ 1875 году.—Оживленіе и новое направле-
ніе славянскаго комитета.

Освободительное движеніе 60-хъ годовъ весьма часто при-
равниваютъ къ анархіи. Преобразования Александра II
обзываютъ противонародными и яко-бы враждебными
истинно-русскому духу.

Люди, родившіеся послѣ 19-го февраля 1861 года,
чуть не съ презрѣніемъ говорятъ о великой реформѣ, какъ о какой-
то ничтожности. Другіе съ негодованіемъ отрицаютъ самую мысль
о возможности возобновленія выкупной операціи съ цѣлью земель-
наго обезпеченія крестьянъ. Всѣмъ этимъ хулителямъ можно от-
вѣтить стихомъ Некрасова:

Знаю: на мѣсто цѣпей крѣпостныхъ
Люди придумали много иныхъ;
Такъ... но распутать ихъ легче народу,
Муза!... Съ надеждой привѣтствуй свободу.

Въ свѣтлые дни освобожденія совершилось одно важное приоб-
рѣтеніе, которое теперь забыто. Освободился, развился нашъ род-

¹⁾ См. „Русская Старина“ 1903 г. май.

ной литературный языкъ. Хорошо ли или дурно, умно или глупо на русскомъ языкѣ говорятъ и въ новыхъ законодательныхъ палатахъ. Онъ служилъ орудіемъ объединенія и общенія. Русскимъ „глаголомъ“ всѣ національности, входящія въ составъ Россіи, встаютъ противъ произвола и варварства; на нашемъ литературномъ, чудномъ, образномъ, богатомъ языкѣ заявляютъ о своемъ горѣ всѣ угнетенные и оскорбленные; русскими звуками и музыкой русскаго слова взываютъ къ свободѣ, законности, человѣчности и справедливости. Правда, иные портятъ русскій языкъ, уродуютъ его безъ всякой надобности иностранными словами и чуждыми оборотами, но отъ этого нароста легко освободиться, по мѣрѣ развитія общенія и развитія образованности. Богатства нашего языка будутъ расти и множиться.

Въ юности моей въ обществѣ нельзя было обойтись безъ французскаго языка. По-русски говорили только съ прислугой, съ торговцами и ремесленниками, да съ будочниками или мелкими чиновниками. Для большинства дворянства все образованіе сводилось къ болтовнѣ на французско-нижегородскомъ жаргонѣ. Дамское общество, институты и пансіоны съ ихъ „chère maman“ нельзя было представить безъ французскаго говора. Даже русскія модистки, кондитерскія, парикмахерскія прикрывались иностранными вывѣсками и старались принять „парижскій“ обликъ. Въ Малороссіи рассказывали по этому поводу смѣшной анекдотъ. Помѣщикъ семья пріѣхала въ Полтаву на Ильинскую ярмарку. Барыня торопится получить заказанное платье и шлетъ къ портнихѣ крѣпостного слугу. Тотъ возвращается и докладываетъ:

— *Мадамъ* не було дома, а самъ *Мадамъ* вышовъ (вышелъ) и казавъ, шо пришлетъ.

Даже выдрессированная „галантерейная“ прислуга знала, что портнихъ неприлично называть по-русски. Соответственно этому, относились и къ литературѣ. Многіе не имѣли понятія о Пушкинѣ, Лермонтовѣ и Гоголѣ. Французскіе романы считалось приличнымъ держать на столѣ и въ рукахъ дѣвушекъ. Высшее петербургское общество бывало въ Михайловскомъ театрѣ или въ итальянской оперѣ; а въ русскую оперу или Александринскій театръ заглядывали только по торжественнымъ днямъ и въ исключительные „бенефисные“ спектакли. Переписывались по-французски между родственниками и знакомыми. Императоръ Николай Павловичъ прибѣгалъ къ французскому языку даже въ официальныхъ дѣлахъ, въ сношеніяхъ съ министрами, съ главнокомандующими и начальниками главнаго штаба. Чужой языкъ господствовалъ въ сношеніяхъ Царской Семьи. Шефъ жандармовъ, генералъ Бенкендорфъ велъ

свой дневникъ на языкѣ Вольтера, и императоръ Николай Павловичъ дѣлалъ на этомъ дневникѣ свои отмѣтки изреченіями „гнилого“ и „революціоннаго“ Запада. Изъ этого можно видѣть, въ какой мѣрѣ уважалась „народность“, входившая въ составъ извѣстной трехъ-членной формулы въ закрѣпощенномъ народѣ.

Въ эпоху застоя и реакціи мы весьма удачно обособлялись отъ общечеловѣческаго прогресса, отъ науки и „либеральныхъ идей“, но русскій языкъ, литература и русскій народъ находились въ полномъ пренебреженіи, какъ нѣчто грубое и низшее, обреченное лишь на служебную роль для господъ и чиновниковъ. На смотрахъ придирчивые генералы гнѣвно замѣчали: „Дышать!“...

Вздымавшіяся отъ дыханія груди нарушали равненіе, стройность марширующей линіи. Русскую душу, дыханіе жизни искореняли во всемъ народѣ, въ духовенствѣ, купечествѣ. Но прежде всего и тщательнѣе всего реакція давила, мертвила знаніе, мысль, литературу, устное слово. По-русски мы умѣли *молчать*, да развѣ браниться, сквернословить.

Въ 60-хъ годахъ русскій языкъ получилъ права гражданственности въ семьѣ, въ обществѣ, въ перепискѣ, въ новомъ судѣ, во всѣхъ государственныхъ учрежденіяхъ. Мнѣ случалось видѣть собственноручныя письма Царя-Освободителя. Они были написаны прекраснымъ, разборчивымъ почеркомъ, отличнымъ русскимъ языкомъ.

У императрицы Маріи Александровны бывали вечера, на которыхъ читались новѣйшія русскія произведенія, романы и стихи. Извѣстно, что графъ А. К. Толстой, чуждый всякой лести, въ самыхъ сердечныхъ выраженіяхъ, посвятилъ свои произведенія покойной Государынѣ, при которой преобразовалось и двинулось просвѣщеніе русской женщины. Въ 60-хъ годахъ ожилъ русскій театръ и окрѣпла русская опера.

Послѣ дореформеннаго мрака, особенно выигралъ публицистическій языкъ. На описаніи молебновъ и табельныхъ дней нельзя было развернуться даже работѣпному перу Булгарина и Греча. Перепуганные крѣпостники и бюрократы въ 60-хъ годахъ восклицали:

Прежде лишь мелкій чиновникъ
 Былъ твоей жертвой, печать;
 Если-жъ военный полковникъ—
 Стой! ни полслова! молчать!
 Но отъ чиновниковъ быстро
 Дѣло дошло до тузовъ,
 Даже коснулся министра
 Неустрашимый Катковъ.

Тронуто тамъ у него же
 Много забористыхъ темъ...
 Чѣмъ это кончится, Боже!
 Чѣмъ это кончится, чѣмъ?

Во времена неволи и застоя, немногое уцѣлѣло изъ „благихъ начинаній Екатерины II и Александра I“. Сохранилось въ окаменѣломъ состояніи Вольно-Экономическое общество въ Петербургѣ и не погибло общество „любителей Россійской словесности“ (въ Москвѣ), да и то потому лишь, что оно никогда не собиралось и о немъ всѣ забыли подъ господствомъ „трехъ китовъ“.

Съ освобожденіемъ народа, зародилось много новыхъ общественныхъ учрежденій. Всѣ они дѣйствовали съ оглядкой, подъ страхомъ закрытія и подъ надзоромъ „недреманнаго ока“, всегда глядѣвшаго не туда, куда надо; но все же кое-что шевелилось и прокладывало новые пути. Къ числу такихъ общественныхъ учрежденій принадлежали Славянскіе Комитеты въ Петербургѣ и Москвѣ.

Въ 1871 г., подъ вліяніемъ франко-прусской войны, я поступилъ въ число членовъ Славянскаго Комитета. Названіе „общество“ не прилагалось тогда къ этому учрежденію. Было нѣчто странное: существовало правленіе, величавшее себя Комитетомъ, а общества не было. Да и все славянофильство представляло много непонятнаго, противорѣчиваго. Сравнительно съ узкимъ націонализмомъ и обособленіемъ народнымъ и государственнымъ, славянофильство являло гораздо болѣе шири и простора. Оно распространялось на всѣ народности одного племени, признавало инныя національности, различіе языковъ и религій, чужіе нравы и обычаи. Въмѣсто патріотизма національнаго подставлялся патріотизмъ племенной. Въмѣсто національной вражды воскрешалась вражда племенная. Это былъ шагъ впередъ сравнительно съ стремленіями къ насильственному объединенію; славянофильство отвергло религіозную нетерпимость и звѣрскую ненависть къ чужому языку и мнѣнію. Но съ обличительной точки зрѣнія и по отношенію къ христіанской идеѣ славянофильство являлось отсталостью. Оно противорѣчило общечеловѣческому сближенію, международному союзу, сознанію, что всѣ люди—братья. Получалась какая-то путаница, что-то половинчатое, недодуманное. Во имя славянофильства русскій долженъ былъ забывать о своихъ отечественныхъ и національных интересахъ и спасать чеховъ, словаковъ, хорватовъ отъ австрійскихъ нѣмцевъ и венгровъ. Подъ вліяніемъ славянофильства, мы обязаны были воевать съ турками и со всѣми, кто предпочиталъ удерживать въ Босфорѣ и Константинополѣ ослабѣвшихъ турокъ, нежели встрѣчаться тамъ съ болѣе сильной, воинствующей держа-

вой. Отъ разлагавшейся Оттоманской имперіи можно было многое урвать. безнаказанно и достигнуть подъ выгоднѣйшимъ наслѣдствомъ фактической опеки мирныхъ завоеваній. Понятно поэтому, что всякое движеніе Россіи къ проливамъ или Дунаю подымало противъ насъ цѣлыя коалиціи. Но на всѣ эти условія, подъ давленіемъ славянофильства, мы не должны были обращать ни малѣйшаго вниманія. Россія обязана была проливать кровь своихъ народовъ, чтобъ освободить румынъ, сербовъ, болгаръ, македонцевъ, чтобъ устраивать благополучіе Черногоріи, Герцоговины и Босніи, чтобъ создать троны для Обреновичей, принцевъ Батенбергскихъ или Кобурговъ, наживая милліоны государственнаго долга, обрекая на нищету и голодъ сотни тысячъ семействъ своей родины. Но самое трагическое положеніе наступало послѣ тяжелыхъ жертвъ, по совершеніи всѣхъ этихъ самоотверженныхъ подвиговъ. За нашими арміями слѣдовали тыловые дѣльцы, чиновники и правители, которымъ тѣсно было въ отечественныхъ департаментахъ и канцеляріяхъ. Мы слали туда то, что намъ было негоже... Эти отбросы одаряли освобожденныхъ всѣми недостатками отжившаго бюрократическаго и полицейскаго произвола, „безсудія и взяточничества, а спасенные единовѣрцы или соплеменники всѣми способами оказывали „протавленіе“ этимъ дѣтелямъ. Они благодарили, но молили лишь объ одномъ: уйдите, оставьте насъ въ покоѣ. Всѣ взоры и помыслы ихъ обращались не къ Востоку, а къ Западу. Въ большинствѣ случаевъ братья-славяне охотно пользовались русской помощью для борьбы со своими угнетателями, но вовсе не желали мѣнять прежняго гнета на новый.

Многое изъ этихъ разочарованій выяснилось только впоследствии; но для „западниковъ“, къ которымъ я принадлежалъ, славянофильство всегда казалось сомнительнымъ, чѣмъ-то недоразвитымъ или притворнымъ. Мы не вѣримъ въ племенные чувства любви къ людямъ, которыхъ у насъ никто не зналъ. Мы съ своей стороны стали знакомиться только со времени реформъ... Для насъ несравненно ближе были французы, англичане, итальянцы, нѣмцы. Мы уважали ихъ науку и литературу, восхищались ихъ искусствомъ, завидовали ихъ обновленнымъ учрежденіямъ и ихъ общественности. Издавна мы поддерживали съ ними торговые и промышленные отношенія. Французовъ, нѣмцевъ, итальянцевъ и англичанъ мы видѣли не только за границей, но и у себя дома. Многіе изъ нихъ не только обрусѣли, а нѣмцы имѣлись въ числѣ нашихъ соотечественниковъ. Иные изъ нихъ были даже болѣе русскими, нежели сами русскіе. Славяне же, кромѣ поляковъ, были для насъ чужими и представляли лишь матеріалъ для воинственной шумихи и политикакта.

Тѣмъ не менѣе, въ 1871 году меня потянуло въ Славянскій Комитетъ, въ предчувствіи, что ему суждено сыграть видную роль въ ближайшемъ будущемъ нашей общественности. Какъ нарочно, въ это время я познакомился съ Тртіемъ Ивановичемъ Филипповымъ. Онъ занималъ уже вліятельное мѣсто въ Государственномъ Контролѣ, но нельзя было и предвидѣть тогда послѣдующаго его возвышенія. Онъ бывалъ у меня въ качествѣ сотрудника М. Н. Каткова. Мы обмѣнивались мыслями по поводу такого выдающагося, „чреватаго послѣдствіями“ событія, какъ появленіе объединенной Германской имперіи, сулившей „политику крови и жѣлѣза“ всей Европѣ. Т. И. Филипповъ писалъ статьи противъ отдѣленія болгарской церкви, въ защиту греко-восточнаго церковнаго единства. Я оспаривалъ это мнѣніе, высказываясь въ пользу болгарской самостоятельности, какъ основы дальнѣйшаго освобожденія. Прежде мы поддерживали возрожденіе грековъ, а теперь надо подкрѣпить славянъ,—въ противовѣсъ пангерманизму.

— Такъ вамъ слѣдуетъ записаться въ члены Славянскаго Комитета,—сказалъ намъ Филипповъ.

Оказалось, что онъ состоитъ членомъ Славянскаго Комитета; но это не мѣшало ему въ церковномъ вопросѣ быть на сторонѣ грековъ. Путаница была и тутъ, объясняемая невѣдѣніемъ дѣйствительныхъ отношеній грековъ къ болгарамъ.

Т. И. Филипповъ мнѣ очень нравился. Это былъ человѣкъ основательно образованный и серьезный. Онъ любилъ народную пѣсню и обладалъ хорошимъ голосомъ. Будучи москвичемъ по образованію, онъ всегда участвовалъ въ „Татьянинъ день“, въ объѣздахъ бывшихъ студентовъ Московскаго университета, и многіе съ большимъ удовольствіемъ слушали его пѣніе, когда заваривалась жжонка. Народные разсказчики были и сказокъ были любимыми гостями Филиппова. Помню, какъ одну зиму онъ возился съ какой-то громадной, сухой „сказательницей“, добытой, кажется, изъ Архангельской губерніи. По почину Тртія Ивановича, эта старуха сдѣлалась предметомъ моды столичнаго общества. Ее приглашали на вечера и слушали, какъ Мазини или Патти, хотя менѣе искренно и безъ просьбъ о повтореніи. Въ контролѣ, при Т. И. Филипповѣ, всегда находили мѣсто болѣе умѣренные литераторы, которыхъ можно было терпѣть на службѣ и въ реакціонное время; оказывалъ онъ покровительство и женскому труду. Ему же случилось обличать и крупныя злоупотребленія.

Преимущество Т. И. Филиппова состояло уже въ томъ, что онъ не былъ пропитанъ „приказной“ затхлостью и вышелъ изъ числа

способныхъ учителей-словесниковъ, когда въ Московскомъ университетѣ были живы традиціи Т. Н. Грановскаго и С. М. Соловьева.

По предложенію Т. И. Филиппова, я былъ избранъ въ члены Славянскаго Комитета. Предсѣдательствовалъ тамъ въ это время Гильфердингъ, видимо уже больной и недолговѣчный. Засѣданія Комитета и господствовавшіе въ немъ порядки могли охладить самое пылкое влеченіе къ славянскому дѣлу. Средства были убогія, дѣятельность кукольная. Въ засѣданіяхъ что-то сообщалось о тѣхъ или другихъ тощихъ пособіяхъ, заранѣе предрѣшенныхъ или даже выданныхъ; читались кое-какія выдержки изъ писемъ или просьбъ, полученныхъ случайно изъ порабощенныхъ славянскихъ земель.

Никого это не занимало и не задѣвало, не возбуждая даже любопытства. Принципиальныхъ разговоровъ и обсужденій не получалось. Къ попыткамъ этого рода относились какъ къ посягательству на авторитетъ и распорядительность Комитета или какъ къ риску навлечь непріятности и подозрительность администраціи.

Славянскій Комитетъ терпѣлся, но подѣ условіемъ, чтобъ все было шито-крыто и не выходило изъ предѣловъ умѣренности и установленнаго благоповеденія. Съ каждымъ годомъ и довольно быстро, однако, значеніе Славянскаго Комитета разрасталось. Къ нему предъявлялись болѣе широкія требованія со стороны общества, которое какъ-бы стихійно, безъ достаточнаго углубленія въ славяно-фильскія утопіи, чувствовало, что надо создать новыя опоры противъ германскаго націонализма, родившагося огнемъ и мечомъ!

Обновленное послѣ крымской войны русское общество сочувствовало всѣмъ освобожденіямъ, принимало къ сердцу все страдавшее и угнетенное. Мы зачитывались „Хижиной дяди Тома“ и радовались паденію рабства въ С.-Америкѣ. Общественное мнѣніе было на сторонѣ сѣверянъ въ ихъ борьбѣ съ южными плантаторами. Освобожденіе Италіи, изгнаніе австрійцевъ и неаполитанскихъ Бурбоновъ, обузданіе папства привѣтствовались въ нашей журналистикѣ, какъ побѣды свѣта и правды.

Дамы и дѣти носили шляпы имени Гарибальди, и во всѣхъ альбомахъ имѣлись портреты этого романическаго героя революціи и свободы.

Наполеоновскій деспотизмъ во Франціи оскорблялъ наши убѣжденія... Всѣ были довольны, когда Пруссія разбила отсталую Австрію, бывшую очагомъ всякой неправды и деспотизма. Можно сказать, что все, сколько-нибудь либеральное и человѣколюбивое въ нашемъ обществѣ, всегда было на сторонѣ свободы, свѣта и добра.

Не замѣчалось у насъ и враговъ германскаго объединенія. Но мы привыкли думать, что это единство совершится лучшими путями и предстанетъ въ такихъ формахъ, которыя будутъ благоприятны обществу, миру, наукѣ, прогрессу. Мы представляли себѣ германское единство сквозь призму германской прогрессивной литературы. Мы помнили Шиллера, Гейне и читали Шпильгагена. Въ 1871 году, казалось, что Германія исчезла, что она сама разбита и покорена гораздо болѣе Франціи. Въмѣсто мирной, ученой и музыкальной Германіи, явилась прусская казарма. Гроза вооруженнаго мира сулила много бѣдъ, и можно было опасаться, какъ бы она не обернулась и противъ насъ, хотя Пруссія сто лѣтъ пользовалась русской поддержкой и дружбой. Простое чувство самосохраненія побуждало поддерживать славянъ и оградить ихъ отъ порабощенія и истребленія. Если мы сочувствовали освобожденію негровъ, то тѣмъ болѣе умѣстно было радоваться освободительному движенію среди славянскихъ народностей, нисколько не задаваясь племенной враждой или новымъ отчужденіемъ отъ всего просвѣщеннаго запада.

Таковы были поводы къ оживленію и распространенію славянофильства со временъ франко-прусской войны. Славянофильскіе вожди понимали это въ смыслѣ торжества старо-московскихъ, дореформенныхъ идей и поворота „назадъ и домой“, къ мнимой „самобытности“, далеко отъ „гнилого запада“. Это заблужденіе привело насъ къ большимъ несчастіямъ, явно сказавшимися въ правленіи графа Н. П. Игнатьева.

Славянскій Комитетъ устраивалъ иногда торжественныя собранія, въ день памяти Кирилла и Меодія, и по другимъ случаямъ. Когда умеръ Ю. О. Самаринъ, состоялось торжественное засѣданіе для чествованія этого славянофила, горячаго сторонника всѣхъ преобразованій 60-хъ годовъ. Собраніе отличалось большимъ многолудствомъ. Было произнесено нѣсколько рѣчей въ честь этого публициста и искренняго, умнаго дѣятеля освободительной эпохи, автора „Окраинъ Россіи“. Самаринъ и въ дореформенное время умѣлъ служить добру и правдѣ. Онъ былъ нѣкоторое время въ Кіевѣ, въ видѣ подневольнаго чиновника, какъ это случалось въ царствованіе Николая I. Въ то время, въ Ю.-З. краѣ вводились инвентари, для ограниченія и смягченія крѣпостного права. Объ этой дѣятельности Юрія Федоровича Самарина читалъ я въ поминальномъ собраніи Славянскаго Комитета. Вице-президентъ академіи наукъ Я. К. Гротъ взялъ всѣ эти рѣчи и издалъ ихъ въ видѣ особой брошюры. Публика очень сочувственно отнеслась къ этому чествованію, явно обнаруживая, что въ ней все еще господствовали

тогда либеральныя идеи и сознание, не имѣющее ничего общаго съ реакціей. Легальная часть общества, какъ утопающій за соломенку, хваталась за малѣйшій случай, чтобы выразить свое стремленіе къ дальнѣйшему развитію освободительныхъ преобразованій, по почину правительства, законнымъ путемъ.

ГЛАВА XIII.

Славянское движеніе.

Сборы въ пользу Босніи и Герцеговины.—Возвратъ къ воинственности и забвенію внутреннихъ неурядицъ.—И. П. Корниловъ и князь Васильчиковъ.—Снаряженіе добровольцевъ въ Сербію.—Обсужденіе наступавшей войны.—На литературномъ обѣдѣ.—Мнѣніе Ф. М. Достоевскаго.—Шовинизмъ.—Появленіе архистратига славянской рати.

Былъ конецъ августа 1875 года. Въ Петербургѣ чувствовалась еще лѣтняя пустота. Сильные міра сего отдыхали или подкрѣпляли свои силы въ деревнѣ, купались въ морѣ или пили воды, наслаждались природой и дышали чистымъ горнымъ воздухомъ. Второстепенные чиновники пріѣзжали на три-четыре часа въ департаменты или банки и торопились на дачи. Приказчики зѣвали отъ бездѣлья и безлюдья даже въ перинномъ ряду; дамы закупили давно все лѣтнее и не начинали еще осеннихъ затратъ. У подѣздовъ, на скамеечкахъ, дворники и швейцары играли въ шашки. Шумная, суетливая столица превратилась въ сонное царство.

Но Россіи было не до сна. Подъ наружнымъ благополучіемъ, томила тоска, неопредѣленная тревога, неудовлетворенность. Либеральное направленіе внутренней политики утратило свою наступательную силу въ правительствѣ. Реакція сказывалась уже въ такой степени явственно, что въ новогоднемъ фельетонѣ („Голосъ“, 1 января 1875 г.) я изобразилъ тайное засѣданіе заговорщиковъ, гдѣ очерчены были главнѣйшіе враги преобразованій и измѣнники имъ. Они совершали таинственное „радѣніе“, напѣвая:

Охранителемъ нашъ взгляды!—
Восклицаемъ пакы:
Мы попятимъ всѣ назадъ,
Намъ эмблема—раки!

Въ 37 губерніяхъ ловили „пропаганду“. То и дѣло, доносились слухи объ обыскахъ, арестахъ. Тюрьмы наполнялись общественными

и государственными врагами, въ которыхъ общество видѣло самоотверженныхъ мечтателей, утопистовъ, провозвѣстниковъ свободы и новой жизни, новаго общаго счастья.

Въ международной жизни тоже было душно, туманно. Едва не повторилась страшная истребительная война между двумя великими государствами. Желѣзный канцлеръ и молчаливый Мольтке находили, что они обсчитались, недостаточно обобрали Францію: передовой, свободолюбивый народъ слѣдовало-де добить, чтобы ему и впредь было неповадно тревожить имперію Гогенцолерновъ, которые, забывъ наполеоновскій разгромъ, „никого не боятся, кромѣ Бога“. Вмѣшательство Государя Александра II-го остановило грозу; но мрачныя тучи носились еще надъ Европой. Рѣзкія потрясенія и крупныя перевороты совершенно измѣнили прежніе устои стараго свѣта, а новые порядки еще не окрѣпили. Застарѣлыя язвы Балканскаго полуострова снова раскрылись, и ими, попрежнему, готовы были воспользоваться „великія державы“, чтобы посчитаться между собою.

У дипломатическихъ хирурговъ восточный „больной человѣкъ“ всегда былъ въ запасѣ, чтобы создать необходимость какой-нибудь сложной, опасной операціи.

Такъ и случилось къ концу лѣта. Въ парижскихъ газетахъ появилось письмо сербскаго митрополита Михаила. Онъ взывалъ къ человѣколюбію и справедливости просвѣщенныхъ народовъ. Въ Босніи и Герцеговинѣ свирѣпствовалъ голодъ, а съ голодомъ соперничали варварскія расправы турокъ. Митрополитъ Михаилъ молилъ о помощи. Дайте хотя кусокъ хлѣба голоднымъ, если не хотите освободить ихъ отъ азіатскаго ига въ Европѣ!..

Было что-то странное, недоговоренное въ воззваніи митрополита Михаила. Онъ былъ воспитанникъ Кіевской духовной академіи, считался сторонникомъ Россіи, искреннимъ приверженцемъ славянскаго единенія. Но заступаясь за угнетенныя, родственныя сербамъ народности, митрополитъ Михаилъ обращался не къ Россіи, а къ французскому народу. Мнѣ казалось, что достоинство Россіи, всѣ традиціи русской политики требуютъ особаго вниманія къ этому дѣлу. Съ другой стороны, наше внутреннее положеніе страдало такими недугами, что естественно было схватиться за малѣйшій поводъ къ освѣженію застоявшейся заразной атмосферы. Помочь бѣдствующимъ, заступиться за угнетаемыхъ... Мы сами оздоровѣмъ, станемъ лучше, добрѣе, если насъ тронетъ чужая бѣда.

Эти соображенія и мысли я изложилъ В. А. Бильбасову, который въ то время руководилъ „Голосомъ“, породнившись съ А. А. Краевскимъ. Затронутая мною тема была прекрасно извѣстна

Бильбасову. Его не надо было долго уговаривать. Первые ученыя работы его были посвящены славянской исторіи. И Бильбасовъ, и престарѣлый издатель „Голоса“ были членами славянскаго комитета.

— Отлично,—отвѣтилъ мнѣ Бильбасовъ,—расшевелите славянский комитетъ... Позорно ему спать, когда даже въ Парижѣ дѣлаются пожертвованія въ пользу герцеговинцевъ,

Я и „пошевелилъ“ славянский комитетъ, въ ближайшемъ воскресномъ фельетонѣ. Пошевелилъ, должно быть убѣдительно; да и призывъ этотъ упалъ на подготовленную уже событіями почву. Освобожденный, возродившійся, послѣ долгаго застоя, русскій народъ давно уже хотѣлъ поразмять свои члены, испробовать молодые силы.

Стремленія къ самодѣтельности встрѣчали неодолимые преграды и препоны внутри, въ возобновлявшейся реакціи. Естественно было имъ найти исходъ въ сторонѣ „наименьшаго сопротивленія“. Десятки лѣтъ образованная часть русскаго общества говорила о европейскихъ дѣлахъ, вслѣдствіе вынужденнаго молчанія о своихъ. Мы знали, что дѣлается въ иностранныхъ парламентахъ, и переживали чужіе порывы къ свободѣ.

Въ 1875 году ловили и преслѣдовали, безъ разбора, за какую-нибудь соціалистическую книжку, за намекъ на конституцію; понятно, что молодое общество, чуткое къ всему самоотверженному, возвышенному,—съ пыломъ и безъ оглядки бросилось на помощь угнетеннымъ славянамъ. „Освобождая другихъ, мы сами освободимся, добьемся политическаго полноправія“.

Такъ говорило и чувствовало большинство молодежи.

Болѣе зрѣлые находили не бесполезнымъ противопоставить германскому единству славянскую сплоченность.

Въ воинственной части общества и въ обновленной арміи росло понятное желаніе наверстать утраченное въ Крымскую войну.

Когда совершаются важныя историческія событія, хорошія или дурныя,—всѣ условія, съ многоразличныхъ сторонъ, подталкиваютъ къ нимъ, какъ къ чему-то неизбежному. Такъ было и въ условіяхъ, вовлекшихъ Россію въ новую „восточную войну“, какъ называли у насъ, слѣдую европейской терминологіи, наши распри съ Турціей.

Общее собраніе славянскаго комитета состоялось ранѣе обыкновеннаго и было многолюднѣе всѣхъ прежнихъ. Всѣ „текущія“ и „очередныя дѣла“ были отброшены. Никто ими не интересовался. Вниманіе всѣхъ и cadaго сосредоточилось на воззваніи митрополита Михаила, на событіяхъ Балканскаго полуострова.

Профессоръ Орестъ Федоровичъ Миллеръ, съ свойственной ему

*

горячностью, произнесъ рѣчь объ обязанности не только славянскаго комитета, но и всей Россіи оказать помощь славянамъ. Онъ благодарилъ меня и печать, прервавшую нашу обычную лѣтнюю спячку, и выразилъ увѣренность, что пожертвованія польются широкой рѣкой.

Я настаивалъ, чтобъ славянскій комитетъ показалъ примѣръ и отдалъ немедленно всѣ свои наличныя средства, въ счетъ будущихъ пожертвованій.

Оказалось, что всѣ богатства злосчастнаго комитета не превышали 15.000 рублей, изъ которыхъ надо было производить кое-какія обязательныя пособія. Рѣшено было отослать къ митрополиту Михаилу 3.000 рублей, испросить разрѣшеніе правительства на сборъ пожертвованій и просить газеты печатать воззванія и поддерживать этотъ сборъ. Настроеніе было „приподнятое“, какъ говорить о подобныхъ собраніяхъ.

Какъ водится, возникли колебанія, сомнѣнія, нерѣшительность. Въ правительственныхъ сферахъ и въ рядахъ нашей дипломатіи смотрѣли довольно косо на возгоравшееся движеніе, уже потому, что оно было общественное. Искусственность, наносность его сказывалась и въ томъ, что мы ровно ничего не знали о славянахъ и о дѣйствительномъ положеніи дѣла на Балканскомъ полуостровѣ. Славянофильскіе вожди и „слависты“ были освѣдомлены не лучше другихъ. Почти всѣ свѣдѣнія ограничивались данными, содержащимися въ письмѣ сербскаго митрополита. Иныя газеты называли Герцеговину—„Жерзеговиной“, какъ писали и выговаривали французы. Болгаръ мы называли нищими, довѣряя воззваніямъ славянофиловъ, а сербы казались непобѣдимыми героями, ждущими только одобренія, чтобы въ пухъ и прахъ разбить Турцію. Были, конечно, и болѣе трезвые голоса, указывавшіе, что у насъ имѣются свои герцеговинцы, страдающіе отъ голода и безправія; но господствовавшее настроеніе, при непривычкѣ къ терпимости чужаго мнѣнія, заглушало всѣ доводы и возраженія, направленные „противъ теченія“. О войнѣ не было еще и рѣчи осенью 1875 года; тѣмъ обязательнѣе казалась общественная помощь страдальцамъ, надъ которыми издѣвалось турецкое звѣрство.

Увлекаясь этимъ общественнымъ настроеніемъ, считая его оздоровительнымъ для нашей внутренней обломовщины и возрождавшихъ язвъ крѣпостного быта, я горячо поддерживалъ сборъ пожертвованій въ пользу герцеговинцевъ. Я убѣждалъ, что, тронувшись чужой бѣдой, мы тѣмъ охотнѣе придемъ на помощь своимъ несчастнымъ. У добрыхъ людей средствъ хватить на всѣхъ. Европѣ постыдно сносить азіатское иго на своей территоріи, а Россія изъ

давна считала своей прямой задачей защиту единовѣрныхъ народовъ.

Пожертвованія пошли успѣшно. Принимали ихъ всѣ редакціи, банки, даже казначейства. Производились сборы въ храмахъ, во время богослуженія. Вездѣ появились кружки. На улицахъ, въ ресторанахъ, даже въ частныхъ домахъ появлялись совершенно незнакомыя дамы, съ кружками на груди. Все это служило признакомъ, что обычные препятствія преодолены, что общественное настроеніе проникаетъ и въ „сферы“. Какъ и во время франко-прусской войны, утверждали, что въ Аничковомъ дворцѣ сочувствіе на сторонѣ Франціи, такъ и теперь молва приписывала молодому двору поддержку славянскаго движенія.

Зимой, когда это общественное настроеніе разгорѣлось, состоялся одинъ изъ обычныхъ въ то время „литературныхъ обѣдовъ“. Онъ былъ очень многолюденъ, съ участіемъ ученыхъ, нѣкоторыхъ артистовъ и дамъ, болѣе или менѣе причастныхъ къ литературѣ. Если не ошибаюсь, я въ первый разъ увидѣлъ тогда молодую, начинавшую писательницу С. И. Смирнову, вышедшую замужъ за артиста Н. Ф. Сазонова. Эти обѣды назывались „большими“, и въ основѣ ихъ лежала безпартійность, сближеніе между различными лагерями. Конечно, главной задачей ихъ была „пища духовная“. Объ этихъ первообразахъ нашихъ „митинговъ“ будетъ рѣчь впереди. Въ данномъ же случаѣ ограничусь лишь указаніемъ, что обѣдъ былъ устроенъ въ существовавшемъ еще тогда клубѣ художниковъ, въ Троицкой улицѣ, въ домѣ Руадзе, впоследствии Павловой.

На обѣдѣ-митингѣ 1875 года предметомъ обсужденія было славянское освободительное движеніе. Живое участіе въ преніяхъ принималъ Ѳ. М. Достоевскій. Поэтому мнѣ и хочется припомнить этотъ обѣдъ.

Былъ поставленъ вопросъ: насколько расположенъ русскій народъ къ дѣлу освобожденія славянъ, и въ какой мѣрѣ Россія заинтересована въ этомъ движеніи? Если не ошибаюсь, я началъ съ изложенія своего мнѣнія. Чувствую до сихъ поръ, не смотря на знакомство съ Достоевскимъ, какъ тяготѣлъ на мнѣ пристальный, вдумчивый взоръ Ѳедора Михайловича, и какъ я боялся вызвать его неудовольствіе, задѣвъ какъ-нибудь его мнѣніе. Я съ нимъ часто расходился, какъ съ публицистомъ, но относился съ глубочайшимъ уваженіемъ къ его таланту и особенно къ прошлымъ, тяжкимъ страданіямъ, такъ тяжело отразившимся на его здоровьѣ и психикѣ. Онъ въ упоръ смотритъ на меня и стоитъ близко, не

дальше двухъ шаговъ, среди образовавшагося кружка, а я стараюсь какъ можно мягче выразить, что по истинѣ говоря, основные счеты наши съ Турціей давно покончены. еще со временъ „очаковскихъ и покоренія Крыма“, но остаются историческія традиціи, Босфоръ и не столько славяне, сколько христіане подъ властью разбитой нами Турціи. „Усмирять“ турокъ мы привыкли, и по старой памяти это всегда было популярно у насъ, заступаться за христіанскія народности, за славянъ, грековъ, армянъ, грузинъ тоже благочестивое дѣло въ глазахъ русскаго народа. Если бы можно было завладѣть Царьградомъ и проливами безъ особыхъ жертвъ, было бы не дурно; но это задача рискованная и ее можно отлагать до болѣе благопріятныхъ условій. Славяне намъ мало знакомы, и мы заинтересовались ими, какъ и всѣми другими угнетенными народностями; но болѣе всего подъ давленіемъ германскаго объединенія.

Ө. М. Достоевскій терпѣливо слушалъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ одобрительно кивалъ головой и, едва я умолкъ, сказалъ:

— Да, это почти, что такъ, много справедливаго... Но великій народъ не можетъ жить мелочной жизнью, только для своихъ домашнихъ дѣлъ... У Россіи двѣ великія задачи: христіанская православная и славянская...

И Достоевскій сталъ доказывать, что Россія никакъ не можетъ допустить международнаго, чужого заступничества за православіе и за славянъ. Европа загубить и ихъ, и это высокое дѣло, а Россія умалится, измѣнитъ самой себѣ, если усумнится въ своей миссіи, умоетъ руки, подобно Пилату. Существуютъ такія задачи, которыя не слѣдуетъ и невозможно цѣнить на рубли, на рыночныхъ счетахъ...

Въ дальнѣйшихъ преніяхъ я не принималъ участія, но убѣдился, что общее настроеніе зашло уже далеко, не только въ ширь, но и въ глубь. Въ воздухѣ слышалось мистическая струя, раздавались уже призывные звуки военной трубы. Запахло кровью.

Весной 1876 года воинственное настроеніе было въ полномъ разгарѣ. Появилось „Новое Время“ (въ обновленномъ видѣ, послѣ неудачныхъ находженій въ другихъ рукахъ) и разомъ взяло самый рѣзкій, воинственный тонъ.

Всѣ несогласные обвинялись въ туркофильствѣ и измѣнѣ отечеству. Появленіе неославянофиловъ и новыхъ „патріотовъ своего отечества“ было тѣмъ неожиданнѣе, что воинственность эта барабанила и трезвонила перьями вчерашнихъ либераловъ, главнѣйшихъ сотрудниковъ и ближайшихъ друзей В. Ф. Корша, загубившихъ его газету.

Теперь, съ подкожнымъ жаромъ и рвеніемъ неофитовъ, проповѣдывали они то, что осмѣивали и отрицали нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, въ чужой газетѣ. Общественное мнѣніе сбивалось съ толку и путалось, какъ въ извѣстномъ пушкинскомъ анекдотѣ. Съ запада являлось то, что прежде исходило съ востока. „Удивленные народы не знали, что начать: ложиться спать или вставать?“..

По старой привычкѣ, большинство держалось еще „Голоса“, какъ солидной и освѣдомленной газеты, богатой публицистическими силами, извѣстіями, объявленіями и „покойниками“... Они, „покойники“, всегда имѣли большое значеніе въ успѣхъ и распространеніи газеты... Перевѣсь былъ еще въ „Голосѣ“. Но скоро значительная часть читателей другихъ изданій хлынула въ новую, бойкую, веселую и воинственную газету, „попавшую въ тонъ“ въ господствующее настроеніе. „Голосъ“ сталъ именовать ее „неудобно-называемой“, но газета А. А. Краевского, вмѣстѣ съ другими прогрессивными изданіями, погибла, подъ давленіемъ административнаго произвола, лѣтъ черезъ шесть, а читатели, объявленія съ „покойниками“ перешли въ „Новое Время“, благополучно здравствующее и теперь.

Къ веснѣ 1876 года и въ славянскомъ комитетѣ произошли крупныя перемѣны. Гильфердинга давно не было уже въ живыхъ. Полумертвыя засѣданія о пустякахъ, съ крохотными, разбросанными пособіями, болѣе раздражавшими австрійское правительство, нежели „возрадовавшими“ славянъ,—смѣнились оживленными собраніями, главное вниманіе которыхъ приковано были балканскими событіями. Предсѣдателемъ былъ Иванъ Петровичъ Корниловъ, братъ извѣстнаго севастопольскаго адмирала и Федора Петровича Корнилова, управлявшаго дѣлами комитета министровъ; сколько извѣстно, никто изъ этихъ трехъ братьевъ не оставилъ потомства; а между тѣмъ всѣ они были замѣчательными людьми и дѣятелями, каждый въ своей сферѣ. Иванъ Петровичъ Корниловъ былъ добрейшій человекъ, миролюбивый, прямой, чуждый всякихъ интригъ. Болѣе всего онъ былъ преданъ народному просвѣщенію и считалъ, что дѣло это превышаетъ всѣхъ другихъ, что помимо хорошей народной школы нельзя обойтись ни во внутреннихъ, ни во внѣшнихъ политическихъ и общественныхъ задачахъ.

Нѣкоторое время Корниловъ былъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа. Онъ много сдѣлалъ для изученія этого края, для правильной постановки школъ, для образованія и поддержки хорошихъ учителей. Реакція и торжество тогдашней политики выжили И. П. Корнилова изъ Вильны. Вернувшись въ Петербургъ,

онъ былъ членомъ Совѣта министерства народнаго просвѣщенія и почетнымъ опекуномъ, завѣдывавшимъ Гатчинскимъ институтомъ. По субботамъ у И. П. Корнилова собирався кружокъ людей, преданныхъ славянской идеѣ, русскому дѣлу, просвѣщенію народа и мирному, безостановочному внутреннему развитію, при дружномъ единеніи правительственныхъ и общественныхъ силъ.

И. П. Корниловъ отличался необычайной разсѣянностью. Безчисленные анекдоты рассказывались о самыхъ уморительныхъ случаяхъ, возникавшихъ вслѣдствіе разсѣянности Корнилова и съ нимъ самимъ, и съ его знакомыми. Ему случалось приглашать къ себѣ на обѣдъ и уѣзжать обѣдать къ другимъ, перепутывать дни и т. п. Разъ пріѣзжаетъ онъ ко мнѣ и жалуется на В. И. Ламанскаго, извѣстнаго профессора-слависта. Это не возможный-де человѣкъ, горячности его нѣтъ предѣловъ, придется оставить славянской комитетъ.

Ламанскій даже ругается „дуракомъ“, въ глаза, при всѣхъ, называетъ.—рассказывалъ Корниловъ, добродушно улыбаясь, безъ малѣйшаго озлобленія. Я переспрашиваю, какъ это случилось, и Иванъ Петровичъ поясняетъ, что В. И. Ламанскій, оспаривая мнѣніе или распоряженіе Корнилова, заявилъ, что у насъ всѣ глупѣютъ, становятся дураками, какъ только получаютъ генеральскій чинъ.

— Чѣмъ же я виноватъ, что меня произвели въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Ну и Ламанскаго произведутъ когда-нибудь, значить, и онъ въ дураки попадетъ?

— Иванъ Петровичъ, вы уже тайный совѣтникъ.

— Ну, вотъ, видите... Можетъ быть я поумнѣлъ съ тѣхъ поръ... А Ламанскому надо еще пройти чрезъ первое производство въ дураки,—шутливо говорилъ Корниловъ, болѣе огорченный, нежели обиженный.

Онъ забывалъ свой чинъ, но не забылъ добродушно отомстить Ламанскому, когда онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Корниловъ, въ присутствіи многихъ, знавшихъ этотъ случай, припомнилъ мнѣніе Ламанскаго о генералахъ и выразилъ сожалѣніе, что „ихъ полку прибыло“.

— Поздравляю, поздравляю съ отличіемъ, но очень сожалѣю, если ваше мнѣніе о генералахъ подтвердится и въ данномъ случаѣ,—если однимъ умнымъ человѣкомъ станетъ меньше...

Въ другой разъ, Корниловъ пріѣхалъ ко мнѣ „на минутку“ и просидѣлъ часа два, вспоминая, о чемъ ему надо было переговорить со мной. Наконецъ, прощаясь и надѣвая шубу, онъ случайно

нащупалъ въ карманѣ свою брошюру по школьному вопросу и про-
сѣялъ. Это и было то „дѣло“, по поводу котораго онъ заѣхалъ ко
мнѣ.

— Прочтите и поддержите, если будете согласны,—сказалъ
Корниловъ, и съ полчася еще объяснялся въ передней.

При немъ Славянскій комитетъ оживился; но Корниловъ былъ
чуждъ всякой воинственности и не желалъ выходить изъ предѣ-
ловъ мирной общественной дѣятельности. Онъ отказался отъ пред-
сѣдательства, и на его мѣсто былъ избранъ князь А. И. Васильчи-
ковъ.

Авторъ извѣстнаго сочиненія о самоуправленіи, князь А. И.
Васильчиковъ пользовался большимъ уваженіемъ, и избраніе его
являлось признакомъ укрѣпленія прогрессивнаго движенія. Никто
не подозрѣвалъ славянофильства въ новомъ предсѣдателѣ Славян-
скаго комитета, но многіе хотѣли думать, что въ данномъ случаѣ
торжествуетъ сознаніе, что, „освобождая другихъ, мы и сами добъ-
емся свободы“.

Пожертвованія росли; былъ изданъ литературный сборникъ
„Братская помощь“, разошедшійся быстро и принесшій нѣсколько
тысячъ. Славянскій комитетъ превратился въ вербовщика, въ ма-
ленькое общественное министерство военныхъ и интендантскихъ
дѣлъ. Снаряжали и отправляли въ Сербію добровольцевъ. Градо-
начальникъ Ѳ. Ѳ. Треповъ, какъ передавали, выражалъ удоволь-
ствіе, что благодаря Славянскому комитету Вяземская лавра и
другіе ночлежные дома очищаются отъ „золоторотцевъ“ и „босо-
ногой команды“. Но за Дунай направлялись не только люди, не
знавшіе, куда дѣваться, и отвыкшіе отъ труда, но и добровольцы
высшаго разряда, дѣйствительно воодушевленные освободительной
идеей. Иные приходили ко мнѣ прощаться, передъ отъѣздомъ въ
Бѣлградъ. Молодой, красивый, рослый Кирѣевъ тоже захотѣлъ
доказать, что у русскихъ слово не расходится съ дѣломъ. Онъ
первый и палъ отъ турецкой пули въ какой-то ничтожной, погра-
ничной схваткѣ. Другіе не такъ были щепетильны; сами не шли,
ограничиваясь посылкой „пущечнаго мяса“.

Воинственное увлеченіе все болѣе и долѣе разгоралось. Под-
крѣпляли сербовъ не только рядовыми, но и офицерами. Многіе
выходили въ отставку и ѣхали погибать въ Сербію.

Скоро сочли нужнымъ осчастливить нашихъ добровольцевъ и
сербскую армію и вышихъ военнымъ начальствомъ. Составился
добровольческій штабъ, и надъ всѣмъ этимъ случайнымъ воинст-

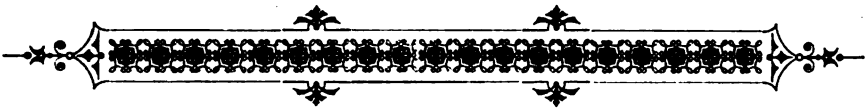
вомъ появился „вождь славянской рати“, заранѣ прославленный герой, генералъ не у дѣлъ М. Г. Черняевъ.

Онъ издавалъ газету „Русскій Міръ“, въ которой воевалъ съ Д. А. Милютинымъ и со всѣми преобразованіями. Теперь его возвели въ „архистратига“ и освободителя славянъ. Турокъ, въ кредитъ, закидывали шапками. Старые грѣхи возрождались.

Г. Градовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Два письма Цесаревича Константина Павловича къ П. И. Линдестрему (1812 г.).

Одна изъ сердечныхъ привязанностей Цесаревича Константина Павловича, Жозефина Фридрихсъ, была по происхожденію французка. Въ 1807 г. она развелась съ мужемъ, простымъ фельд-егеремъ, выдававшимъ себя за границу, гдѣ произошла свадьба, за знатнаго русскаго офицера и богатаго прибалтійскаго нѣмца. Въ Цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ она нашла себѣ покровителя, искренно къ ней привязавшагося. Въ 1808 г. у нея родился сынъ, названный Павломъ Константиновичемъ Александровымъ (впослѣдствіи генераль-адъютантъ, въ супружествѣ съ кн. А. А. Щербатовой). Въ 1812 г. Фридрихсъ пріѣзжала къ Цесаревичу въ армію, въ 1815 г. послѣдовала за нимъ въ Варшаву, а въ 1820 г. вышла замужъ за адъютанта Цесаревича, полковника А. С. Вейсса. Сжатая, но тщательно составленная біографія Фридрихсъ помѣщена въ 4-мъ выпускѣ II-го тома историко-художественнаго труда Великаго Князя Николая Михайловича (подъ № 41); тамъ же помѣщенъ и великолѣпный портретъ ея вмѣстѣ съ сыномъ.

Въ семейныхъ бумагахъ контръ-адмирала В. В. Линдестрема хранятся въ настоящее время подлинныя письма Цесаревича Константина Павловича къ извѣстному врачу, лейбъ-медику, Петру Ивановичу Линдестрему, впослѣдствіи тайному совѣтнику. За 1812 г. такихъ писемъ сохранилось двадцать. Всѣ они писаны собственноручно Цесаревичемъ, носятъ искренній, сердечный характеръ и доказываютъ тѣ теплыя чувства, которыя питалъ Константинъ Павловичъ къ Жозефинѣ Фридрихсъ и ея сыну, и ту степень довѣрія и расположенія, которою пользовался у Цесаревича П. И. Линдестремъ. Въ каждомъ письмѣ Цесаревичъ просилъ передать Павлу Константиновичу, что онъ его очень любитъ и постоянно о немъ думаетъ. Часть писемъ писана во время нахождения въ арміи, при

Цесаревичъ, Жозефины Фридрихсъ; сынъ ея оставался въ Петербургѣ; за это время Цесаревичъ въ своихъ письмахъ уполномочивалъ Линдестрема завѣрить маленькаго Павла Константиновича въ любви къ нему его родителей.

Для обрисовки личности Константина Павловича письма его къ Линдестрему имѣютъ несомнѣнный интересъ. Къ сожалѣнію, они въ общемъ довольно однообразны. Ниже приводятся, съ любезнаго разрѣшенія контръ-адмирала В. В. Линдестрема, два письма Цесаревича къ его дѣду.

Мих. Соколовскій.

I.

Faites bien mes compliments, mon cher Lindeström, à notre cher et bien petit Paul. Dites lui que Maman et Papa se portent très bien et qu'ils pensent beaucoup à lui et qu'ils l'embrassent de tout leur coeur. Mes amitiés à Opochinin et à Kleinmichel, ainsi qu'à l'Anglaise et aux enfants. Pour Vous, mon cher ami, j'espère que Vous vous portez bien ainsi que tous les vôtres et que pour ce moment Vous êtes déjà à Strelna. Au revoir, mon cher. M-me Friederichs Vous dit mille choses aimables.

Tout à Vous.

Constantin.

Widzy.

Le 14 mai 1812.

(Переводъ). Передайте мой привѣтъ, дорогой Линдестремъ, нашему дорогому маленькому Павлу. Скажите ему, что мать и отецъ чувствуютъ себя очень хорошо и что они отъ всего сердца его обнимаютъ. Мой привѣтъ Опочинину и Клейнмихелю, равно какъ англичанкѣ и дѣтямъ. Относительно Васъ, дорогой другъ, надѣюсь, что Вы, также какъ всѣ Ваши, здоровы и что въ эту минуту Вы уже въ Стрѣльнѣ. До свиданія, мой дорогой. Г-жа Фридрихсъ Вамъ передаетъ тысячу любезностей.

Весь Вашъ

Константинъ.

Видзн.

14 мая 1812 г.

II.

Je me porte grâce à Dieu bien, cher Lindeström, et espère que Vous en faites de même. M-me Friderichs doit déjà être arrivée à Strelna. Je Vous la recommande; prenez soin d'elle,—ce sera une nouvelle

marque de Votre amitié pour moi. Embrassez le cher Paul de ma part; qu'il me tarde de le revoir. Dites lui que je pense toujours à lui. Mes amitiés à l'Anglaise et aux enfants ainsi qu'à Opochinin et à Kleinmichel. Ne m'oubliez pas et soyez sûr de mon amitié. Tout à Vous de tout mon coeur.

Constantin.

Ce 5 juillet 1812.

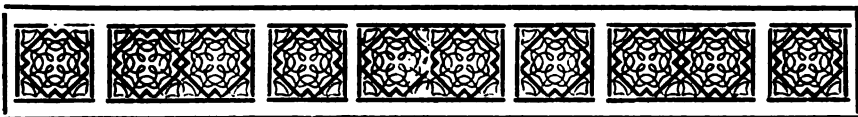
(Переводъ). Благодарю Бога, я здоровъ, дорогой Линдестремъ, и надѣюсь, что и Вы здоровы. Г-жа Фридрихсъ должна была уже при-
быть въ Стрѣльну. Я вамъ ее поручаю; позаботьтесь о ней,—это будетъ новымъ знакомъ Вашей любезности ко мнѣ. Обнимите отъ меня дорогого Павла; какъ мнѣ хочется его снова увидѣть. Скажите ему, что я постоянно думаю о немъ. Мой привѣтъ англичанкѣ и дѣтямъ, а также Опочинину и Клейнмихелю. Не забывайте меня и будьте увѣрены въ моей преданности. Всегда вашъ всѣмъ сердцемъ

Константинъ.

5 іюля 1812 г.

Сообщ. Мих. Соколовскій.

В р у н ы.

(Изъ записокъ стараго помѣщика).

Въ Саратовской губерніи, лѣтъ 30-ть назадъ, умеръ одинъ изъ крупныхъ помѣщиковъ, Николай Ивановичъ Е., извѣстный въ губерніи коннозаводчикъ, рысистыя лошади котораго нерѣдко брали первые призы въ столицахъ. Человѣкъ красивой наружности, онъ во время царствованія Николая I служилъ ротмистромъ въ одномъ изъ конныхъ полковъ гвардіи и, выйдя въ концѣ 40-хъ годовъ въ отставку съ чиномъ полковника, командовалъ во время севастопольской войны дружиной мѣстнаго ополченія, а затѣмъ былъ камышинскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства.

Николай Ивановичъ, несмотря на свои преклонные годы, всегда молодился и былъ ужасный, хотя и безуспѣшный, ухаживатель за женщинами и не пропускалъ случая участвовать въ любительскихъ концертахъ, щеголяя своимъ, далеко не блестящимъ, баритономъ. Въ обществѣ любилъ рассказывать смѣшныя анекдоты, и когда онъ съ особенной серьезностью рассказывалъ что-либо о себѣ, то всѣ знали, что онъ вреть, а такъ какъ это происходило большею частью, то его и называли государственнымъ вруномъ.

Я былъ хорошо съ нимъ знакомъ и очень уважалъ его бездѣтную прекрасную супругу, которая всегда внушала сожалѣніе, когда безмолвно присутствовала при его враньѣ въ обществѣ, но былъ случай, что и ей пришлось невольно изобличить его во лжи. Это случилось при мнѣ, въ домѣ одной мѣстной вдовой помѣщицы Т., маленькихъ дѣтей которой Николай Ивановичъ на этотъ разъ ласкалъ съ особой нѣжностью, почему хозяйка дома спросила его:

— „Вы любите дѣтей?“

— Еще бы, отвѣтилъ онъ,—и очень.

— „А у Васъ были когда-нибудь дѣти?“

— Да, какъ же, какъ же.

— „Значить, Вы теряли ихъ?“

— Да, да,—отвѣтилъ онъ со вздохомъ, и слезы навернулись на его глазахъ.

Но въ эту минуту лакей доложилъ о пріѣздѣ его супруги, которую хозяйка, обнимая, съ упрекомъ встрѣтила:

— „А я только сейчасъ, впервые, узнала, что у Васъ, моя милая, были дѣти и Вы ихъ теряли“.

Удивленная этой новостью, его жена спросила:

— „Какъ, у меня были дѣти?“

Но Николай Ивановичъ, нисколько не смущаясь, махнувъ на нее рукой, сказалъ: „Ты, матушка, забыла“.

Другой интересный случай разсказа Николая Ивановича былъ о томъ, что, однажды, во время облавы на звѣря, выводокъ молодыхъ волковъ какъ разъ вышелъ на него, и они, выглянувъ на половину изъ опушки, стояли въ шеренгу, какъ гвардейскіе солдаты, онъ сталъ на колѣно, и ему однимъ выстрѣломъ изъ винтовки удалось сразу убить всѣхъ шестерыхъ волковъ.

Въ домѣ же у меня на вечерѣ Е. разсказывалъ, что во время службы его въ Петербургѣ, бывъ дежурнымъ по полку, ему пришлось явиться по требованію Императора Николая Павловича въ Зимній Дворецъ и получить лично отъ Государя конвертъ для передачи бывшему коменданту Петропавловской крѣпости, Скобелеву. „Ну, сказалъ Николай Ивановичъ, я не могу никогда забыть этого, для меня рискованнаго, случая. Едва я верхомъ подъѣхалъ къ разводному мосту, какъ увидѣлъ передъ собой лишь его остатки, такъ какъ онъ былъ разобранъ. Минута была критическая. И мнѣ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ дать шпоры своему коню и съ Божіей помощью пуститься вплавъ черезъ Неву. Конечно, обстоятельство это обошлось мнѣ не дешево, такъ какъ послѣ этого я сталъ прихварывать и долженъ былъ выйти въ отставку, лишаясь блестящей карьеры“.

Слушатели съ ироніей спросили: „Ну, а какъ Государь посматрѣлъ на Вашъ подвигъ?“

— „Конечно, конечно“, отвѣтилъ Николай Ивановичъ, „Государь, узнавъ объ этомъ, потребовалъ меня къ себѣ и, похлопавъ по плечу, сказалъ:—„молодецъ ты, большое тебѣ спасибо“.

Изъ числа бывшихъ въ это время у меня гостей, пріѣзжій изъ Пензы мой родственникъ, старый отставной гусарь, Сергѣй Ивановичъ С. сталъ разсказывать одинъ замѣчательный съ нимъ случай на глазахъ того же Государя, который часто пріѣзжалъ на пожары. Вотъ, однажды, близъ Казанскаго моста загорѣлся большой трех-этажный домъ. Полкъ, въ которому былъ прикомандированъ С., въ это время былъ на дежурствѣ и явился на мѣсто пожара почти

въ одно время съ Государемъ Николаемъ Павловичемъ. Нижний этажъ уже былъ объятъ пламенемъ, а въ одномъ изъ оконъ верхняго этажа полураздѣтая молодая женщина съ ребенкомъ на рукахъ молила о помощи, и когда Государь, обратившись къ толпѣ, сказалъ: „Неужели нельзя спасти эту несчастную“, то онъ, С., находясь около Государя, велѣлъ пожарной командѣ обдать себя водой и черезъ пламя, полѣстницамъ внутреннихъ покоевъ, добрался до верхняго этажа, гдѣ, привязавъ захваченную имъ веревочную лѣстницу, заставилъ погибавшую мать по ней спуститься внизъ, а самъ, какъ хорошій гимнастъ, держа въ рукахъ ребенка, спустился по водосточной трубѣ.

Когда С. кончилъ этотъ разсказъ, Николай Ивановичъ недовѣрчиво сказалъ ему:

— „Странно, какъ это вы, Сергѣй Ивановичъ, по водосточной-то трубѣ спустились изъ третьяго этажа съ ребенкомъ“.

Но С., не смущаясь, ему отвѣтилъ:

— Вѣдь я не мѣшалъ Вамъ, Николай Ивановичъ, въ Петропавловскую крѣпость переплывать верхомъ Неву, позвольте же мнѣ хотя спуститься по водосточной трубѣ“.

Такой остроумный отвѣтъ С. вызвалъ всеобщій громкій хохотъ.

Сообщ. В. А. Шомпулевъ.

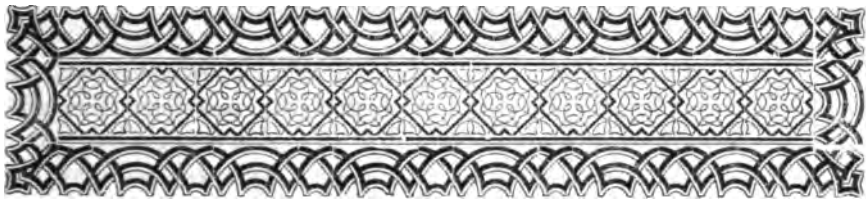

Императоръ Павелъ I съ масонскими атрибутами.
Изъ музея П. И. Щукина.

Императоръ Павелъ I съ масонскими атрибутами.
Изъ музея П. И. Щукина.

Два портрета Императора Павла I съ масонскими эмблемами.

Въ Москвѣ, въ музеѣ Петра Ивановича Щукина, находятся два портрета Императора Павла I съ масонскими эмблемами. Чьей они работы, неизвѣстно. Неизвѣстна также и дата ихъ написанія.

Первый портретъ (съ стоячимъ изображеніемъ Императора) писанъ на бумагѣ водяными красками; вышина портрета $6\frac{1}{2}$ вершковъ, ширина — 4 вершка. Внизу портрета имѣется надпись: „Императоръ Всероссійскій Павелъ I Петровичъ. 1754-го сентября 20 д. 5 апрѣля 1797 г. 1801-го марта 12 д. въ Михайловск. замкѣ“.

Второй портретъ (съ сидячимъ изображеніемъ Императора) писанъ на пергаментѣ клеевыми красками: вышина портрета $5\frac{1}{2}$ вершковъ, ширина— $3\frac{5}{8}$ вершковъ. Внизу портрета имѣется надпись: „Императоръ всероссійскій Павелъ Петровичъ великій магистръ державнаго ордена Святаго Іоанна Іерусалимскаго“.

Съ художественной точки зрѣнія оба портрета не представляютъ большого интереса. Но они въ высшей степени интересны въ иконографическомъ отношеніи и по своему сюжету, по своимъ масонскимъ деталямъ вполне достойны самаго тщательнаго обслѣдованія. На моемъ докладѣ о масонствѣ, 2 мая 1908 г., въ Московскомъ Археологическомъ Институтѣ, я демонстрировала посредствомъ волшебнаго фонаря снимки съ этихъ рѣдкихъ портретовъ, и они вызвали живѣйшій интересъ аудиторіи. Пользуясь просвѣщенной любезностью П. И. Щукина, воспроизвожу эти портреты и въ настоящемъ изданіи, полагая, что иконографическая ихъ рѣдкость заинтересуетъ читателей „Русской Старины“.

На первомъ портретѣ Императоръ Павелъ представленъ въ стоячемъ положеніи, въ коронѣ, съ накинутою мантиею. На шеѣ одѣты: орденъ Іоанна Іерусалимскаго и масонскій золотой треугольникъ на голубой лентѣ. Особенный интересъ представляетъ правая сторона картины. Здѣсь изображены масонскія эмблемы: всевидящее око въ шестиугольной звѣздѣ, молотокъ и кирка, а также надпись *momento mori* и изображение богини Астреи. Надпись *momento mori*, вѣроятно, ошибочна: нужно было написать *memento mori*, т. е. помни смерть. Это былъ возгласъ масоновъ при посвященіи въ масоны профановъ-новичковъ; такіе же слова были обыкновенно начертаны въ такъ называемой темной хранинѣ, въ которую вводился посвящаемый до принятія въ ложу и которая служила для предоставленія профану углубиться мыслью въ себя; обставлялась она очень мрачно; большею частью ей придавался видъ сводчатаго подвала или погреба; сводъ виденъ и на картинѣ; по стѣнамъ темной хранины развѣшивались эмблемы смерти—черепъ на сложенныхъ костяхъ, на полу ставился иногда разверстый гробъ съ вложеннымъ въ него цѣлымъ костякомъ; на столѣ полагался черепъ, изъ глазныхъ впадинъ котораго едва мерцалъ свѣтъ отъ зажженной внутри свѣчи; этотъ свѣтъ едва позволялъ различать всю мрачную обстановку хранины и открытую на столѣ библию; убранство хранины знаменовало смерть, мракъ порока; слабый свѣтъ, исходившій изъ глазныхъ впадинъ, символизировалъ искру Божества, совѣсть, заложенную въ душѣ каждого человѣка и при свѣтѣ которой онъ можетъ различить добро отъ зла; символизировала хранина также желаніе въ ищущемъ нравственнаго усовершенствованія. Надпись *memento mori*, т. е. помни смерть, напоминала посвящаемому о тлѣнности всѣхъ мірскихъ радостей и о томъ, что только одни добрыя дѣла—или, по-масонски, премудрость,—должны быть стремленіемъ человѣка. Однако подпись *momento mori* можетъ быть толкуема и иначе. Можетъ быть, въ правописаніи слова *momento* и нѣтъ ошибки. Вѣдь существуетъ въ литературѣ воззрѣніе, что смерть Императора Павла I тѣсно связана съ его масонствомъ. Какъ нарушившій клятву ордену каменщиковъ, не покровительствовавшій масонамъ и не раздѣлявшій ихъ собраній, Павелъ I—какъ говорятъ послѣдователи этого воззрѣнія—не дѣйствовалъ по-масонски и былъ присужденъ масонами къ смерти. Согласно такому воззрѣнію, надпись *momento mori*, т. е. смертный часъ, могла бы почитаться вѣрною; къ тому же подъ портретомъ имѣется дата кончины Императора. Однако это объясненіе едва-ли приемлемо, потому что Императоръ Павелъ изображенъ въ позѣ, вполне соответствующей императорскому достоинству, да и весь

характеръ картины ничуть не носить слѣда какого-либо отрицательнаго отношенія художника къ изображенной на портретѣ особѣ Государя. Статуя богини правосудія и справедливости, богини Астрей, также принадлежитъ къ масонскимъ атрибутамъ. Это изображение обыкновенно имѣло въ лѣвой рукѣ наугольникъ, а въ правой—пиркуль, что знаменовало на масонскомъ символическомъ языкѣ законность и совѣсть. Масоны любили повторять преданіе, что богиня Астрея ушла съ земли, возмущенная людскою неправдою. Особенно благоволила Астрея будто бы масонамъ. Съ наименованіемъ Астреи въ Россіи, въ XVIII вѣкѣ, существовали двѣ ложи: одна въ Петербургѣ (съ 1775 г.), а другая въ Ригѣ (съ 1785 г. или 1787 г.). Особенно же извѣстна въ XIX вѣкѣ съ этимъ же наименованіемъ Великая, управляющая ложа, основанная въ 1814 г. Съ двухъ сторонъ статуи Астреи, на портретѣ, нарисованы столбы, которые обыкновенно изображались и на масонскихъ коврахъ, и на масонскихъ знакахъ, и на масонскихъ виньettekахъ; столбы символизировали жизнь и смерть, свѣтъ и тьму, добро и зло, а также вѣчность и бессмертіе души. Полъ на картинѣ съ перваго взгляда кажется обычнымъ паркетнымъ, шахматнымъ. Но, принимая во вниманіе наличность на портретѣ остальныхъ масонскихъ символовъ, рисунку пола можетъ быть приписано масонское значеніе. Это—мозаическій полъ, символъ различнаго положенія въ этомъ мірѣ людей, которые однако по рожденію и смерти всѣ равны.

Второй портретъ еще болѣе любопытенъ въ иконографическомъ отношеніи.

На этомъ портретѣ Императоръ Павелъ изображенъ возсѣдающимъ. На немъ—мантія. Рядомъ на столѣ корона. Императоръ украшенъ мальтійскимъ орденомъ. На Императорѣ повязанъ масонскій передникъ—запонъ, обшитый голубымъ, съ голубыми розетами. Запонъ относится къ третьей степени шведской масонской системы, т. е. къ степени мастера. Въ правой рукѣ Императоръ держитъ золотой треугольникъ съ изображеніемъ Астреи. Подобный треугольникъ служилъ почетнымъ знакомъ для великихъ офицаловъ въ Великой ложѣ Астреи въ Александровское время. Къ сожалѣнію, знаки ложъ Астреи XVIII вѣка не обнаружены, и потому нельзя проверить, таковъ ли былъ знакъ у Великой ложи Астреи XIX вѣка, какимъ онъ былъ у простыхъ ложъ Астреи XVIII столѣтія; это обстоятельство, однако, представляется существенно важнымъ, ибо, если тождества между указанными знаками не установится, то разбираемый портретъ долженъ быть съ несомнѣнностью отнесенъ къ апокрифическимъ, писаннымъ послѣ 1814 г., когда образовалась Великая ложа Астреи. Другимъ масонскимъ украше-

ніемъ Императора Павла является надѣтый на шею, поверхъ ордена Іоанна Іерусалимскаго, золотой крестъ съ обвивающеюся змѣею. На крестѣ имѣются литеры: P. Z. W., т. е. Peter zur Warheit, или Петра къ Истинѣ. Ложа съ такимъ наименованіемъ была основана въ Петербургѣ въ 1810 г. Она первою отдѣлилась отъ союза Директоріальной ложи Владиміра къ порядку и вмѣстѣ съ тремя прочими ложами основала отдѣльную Великую ложу Астрей. По имѣющимся документамъ, другой ложи съ подобнымъ же наименованіемъ, т. е. другой ложи Петра къ Истинѣ, въ Россіи не существовало. Но вообще масонская археологія, а въ частности археологія знаковъ масонскихъ ложъ, разработаны слабо. Многое здѣсь зависитъ отъ трудной доступности для изслѣдователей къ масонскимъ архивамъ и коллекціямъ; большая часть масонскихъ матеріаловъ хранится въ частныхъ рукахъ и не всегда охотно предоставляется для изслѣдованія. Если предположить, что другой ложи съ наименованіемъ Петра къ Истинѣ не существовало, то станетъ очевиднымъ, что разбираемый портретъ писанъ не ранѣе 1810 г., т. е. года основанія петербургской ложи Петра къ Истинѣ. Чрезвычайно любопытно, съ другой стороны, что Императоръ Павелъ украшенъ именно знакомъ первой ложи изъ союза Астрей, а въ рукахъ держитъ треугольникъ съ изображеніемъ Астрей. Однако заимствуя изъ - за границы украшенія для знаковъ ложъ, русскіе масоны могли позаимствовать оттуда же и этотъ знакъ. Въ такомъ случаѣ знакъ, надѣтый на Императора, могъ принадлежать къ какой-либо иностранной ложѣ. Можетъ быть, этотъ знакъ послужитъ путеводною нитью для дальнѣйшихъ розысковъ къ точному опредѣленію мѣста посвященія Императора Павла въ масонство, если таковое вообще состоялось. На столѣ, близъ Императора, виденъ дипломъ съ вислою печатью. Дипломъ имѣетъ видъ масонскаго; по борту онъ украшенъ масонскими шестиконечными звѣздами, состоящими изъ двухъ взаимно пересѣкающихся треугольниковъ. Текстъ и подписи диплома, къ сожалѣнію, не разборчивы и чтенію не поддаются. На безымянномъ пальцѣ лѣвой руки Императора одѣто масонское кольцо съ мертвою головою. Изображена на портретѣ также и богиня Астрея. Внизу портрета, какъ бы въ видѣ масонскаго герба, изображены подъ короною обычные масонскіе символы—треугольникъ, циркуль, молотокъ, лопатка, кирка. Съ боковъ, съ обѣихъ сторонъ щита, помѣщены литеры Б и В. Можетъ быть, это одна и та же буква В, написанная разъ по-русски, а другой разъ по-латыни; въ такомъ случаѣ эта буква означаетъ начальную букву масонскаго слова боадъ, т. е. сила моя въ Богѣ. Масонскій гербъ давался въ шведской системѣ седьмой

степени; этой же степени присвоенъ былъ такой же іоанитскій крестъ, какъ орденъ Іоанна Іерусалимскаго, которымъ украшенъ на портретѣ Императоръ Павелъ. Шестая степень шведской системы носила наименованіе рыцарей востока и Іерусалима, а седьмая—рыцарей запада.

Произведенныя мною поясненія двухъ портретовъ Императора Павла I показываютъ, какой громаднѣйшій историческій интересъ они представляютъ собою. По академику Пекарскому (Дополненіе къ исторіи масонства въ Россіи въ XVIII столѣтіи, 181), въ Стокгольмѣ имѣется портретная галерея масоновъ, среди которыхъ имѣется и портретъ Павла Петровича. Но послѣдній не воспроизведенъ въ нашей литературѣ, а потому и нельзя судить объ его тождествѣ съ двумя портретами, приводимыми въ настоящемъ очеркѣ.

По поводу описанныхъ портретовъ не безъинтересно привести нѣкоторыя данныя касательно причастности къ масонству Императора Павла I и его отношенія къ масонамъ.

О посвященіи въ масонство Императора Павла I существуетъ нѣсколько версій.

По одной версіи, посвященіе это состоялось въ самой Россіи при посѣщеніи русскаго двора въ іюнѣ 1777 г., шведскимъ королемъ Густавомъ III, когда въ петербургской ложѣ Аполлона давались соединенными ложами блестящія празднества въ честь короля (Финдель, Истор. фр. мас., т. II, стр. IV; Пекарскій, *op. cit.*, 181; *Handbuch d. Fr.*, III, 109; „Вѣстн. Евр.“, 1868 г., кн. 6, 576; Ешевскій въ „Рус. Вѣст.“, 1864 г., № 8, 375). По другой версіи, посвященіе состоялось за границей въ 1776 г.; къ этому году относится брошюра берлинскаго француза Le Bauld de Nans подъ заглавіемъ: *Prologue pour la reception de Son Altesse Impériale M^r le Grand Duc de Russie à Friedrichsfelde le 1 août 1776*, Berlin, in 8° (Пекарскій, *op. cit.* 180, со ссылкой на Клосса № 9356). Наконецъ, по третьей версіи, посвященіе состоялось въ 1781—82 г.г. за границей, во время путешествія, въ которомъ сопровождали Цесаревича кн. Куракинъ и Плещеевъ. (Кобеко, Цес. Пав. Петр., 381; Лонгиновъ, Новиковъ и московскіе мартинисты, 159).

Называютъ нѣсколько лицъ, приведшихъ Павла Петровича къ масонству. Это—король шведскій Густавъ III, принцъ Генрихъ Пруссскій, гр. Никита Ивановичъ Панинъ, кн. Александръ Борисовичъ Куракинъ, Сергій Ивановичъ Плещеевъ, Иванъ Перфильевичъ Елагинъ. Кромѣ иноземныхъ особъ, всѣ эти лица были близки

къ Павлу Петровичу и въ то же время являлись выдающимися русскими масонами.

Н. И. Панинъ былъ братъ П. И. Панина, великаго намѣстнаго мастера въ Россіи въ царствованіе Екатерины II и замѣстителя И. П. Елагина. Въ масонскомъ стихотвореніи Н. И. Панинъ называется почтеннымъ старцемъ, которому удалось ввести въ масонство царское сердце. Вотъ это любопытное стихотвореніе.

Не чудно возложить оковы
На слабы смертныхъ тѣлеса,
Но взять подъ власть сердца свободны
Прямые зряся чудеса.

* * *

А если обладать душою
Того, кто участію своею
На свѣтъ превосходитъ всѣхъ,
Съ какимъ примѣромъ не умѣю
Сравнить великій сей успѣхъ!

* * *

О старецъ, братьямъ всѣмъ почтенный,
Коль славно, Панинъ, ты успѣлъ:
Своимъ премудрымъ ты совѣтомъ
Въ храмъ дружбы сердце Царско ввелъ.

* * *

Вѣнчанна, мира красотою
Плѣнилъ невинной простотою
И что есть смертный вразумилъ,
Власть пышну съ службою святою
И съ человѣчествомъ смирилъ.

* * *

Не мни, что рабствомъ утѣсненный
Тебя ласкаетъ слабый льстецъ—
Масоновъ ревность то вѣщаетъ
И оныхъ искренность сердецъ.

* * *

Въ порфирѣ дружбы удаленный,
Союзовъ братскихъ отчужденный,
Послѣдую стезѣ твоей
И въ нашъ вступивши храмъ священный,
Колико приобрѣлъ друзей!

* * *

Погибъ отвергнувши совѣты,
 Что въ жизнь его давалъ Солонъ.
 Грядущій за твоимъ примѣромъ
 Блаженъ стократно! онъ масонъ!

* * *

Твоя доброта успѣваетъ,
 Къ отрадѣ бѣдныхъ честь сіяетъ
 И съ той восходитъ вверхъ звѣздой,
 Что въ утренней странѣ блистаетъ,
 Предвозвѣщая вѣкъ златой.

Это стихотвореніе помѣщено въ сборникѣ XVIII вѣка подъ заглавіемъ „Хоры и пѣсни“ и въ двухъ позднѣйшихъ сборникахъ 54 и 56 масонскихъ пѣсенъ. Напечатано у Ешевскаго (ч. III, стр. 462—463), откуда вторая строфа перепечатана въ Арх. кн. Куракина (т. VIII, стр. VI).

Сродни Панинымъ приходился князь А. Б. Куракинъ (Арх. кн. Куракина т. VIII, стр. VI), съ юности окруженный масонами, близкими людьми къ трону Тутъ были: Т. И. Остервальдъ, информаторъ Цесаревича Павла и его преподаватель исторіи, географіи, русскаго и нѣмецкаго языковъ; фельдмаршалъ кн. Н. В. Репнинъ, женатый на родной теткѣ князя; пріятель его гр. А. С. Мусинъ-Пушкинъ, посланникъ въ Лондонъ. Кн. Куракинъ вступилъ въ масонство 21 года, въ 1773 г.; въ 1776 г., еще до пріѣзда Густава III въ Россію, онъ былъ посвященъ въ Стокгольмъ герцогомъ Зюдерманландскимъ въ высшія масонскія степени. Въ двухъ очень интересныхъ письмахъ Адама Левенгаупта къ кн. Куракину, писанныхъ въ 1776 году, есть свѣдѣнія, касающіяся этого посвященія, и высказывается надежда на процвѣтаніе въ Россіи масонства въ ближайшемъ будущемъ и установленіе дружбы между масонами обѣихъ странъ, чему особенно долженъ былъ споспѣшествовать предстоявшій пріѣздъ въ Россію шведскаго короля (Арх. кн. Куракина, VIII, 300—302). Куракинъ привезъ въ Россію акты шведской системы, которой подчинились нѣкоторые ложи. Въ 1779 г. была, по шведской системѣ, основана великая управляющая ложа, такъ называемая Національная, подъ начальствомъ кн. Гавріила Петровича Гагарина.

Относительно С. И. Плещеева имѣется указаніе въ запискѣ Ѳ. В. Ростопчина о мартинистахъ (Рус. Арх., 1875, III, 76), гдѣ говорится, что Цесаревичъ Павелъ былъ расположенъ къ масон-

ству, „довѣрившись нѣкому Плещееву, состоявшему при немъ въ качествѣ секретаря по морскому вѣдомству“.

Наконецъ, въ запискѣ особенной канцеляріи министерства полиціи есть извѣстіе, будто бы Цесаревичъ Павелъ былъ келейно принятъ въ масоны сенаторомъ И. П. Елагинымъ въ собственномъ его домѣ, въ присутствіи гр. Панина (Минув. годъ. 1908, февр. 11). По масонству Елагинъ вообще имѣлъ вліяніе на Панина; онъ былъ великимъ провинціальнымъ мастеромъ въ Россіи съ 1772 г.

Посредствующимъ звеномъ между Павломъ I и масонами, также нѣкоторымъ орудіемъ „уловленія“ Великаго Князя въ масонство, служилъ архитекторъ Василій Баженовъ, строитель каменно-островскаго дворца. Масонскій кружокъ Новикова дважды посылалъ Павлу Петровичу свои книги черезъ посредство Баженова; это были книги религіозно-мистическаго содержанія. Оба раза, по завѣренію Баженова, книги были приняты благосклонно; это было въ серединѣ и въ концѣ 1780 годовъ. Въ послѣдній разъ Баженовъ вынесъ впечатлѣніе, будто Цесаревичъ сомнѣвается, что въ масонствѣ все хорошо, и былъ какъ бы недоволенъ его клятвенными завѣреніями въ противномъ. Разговоръ все-таки окончился мило-стиво: „Богъ съ вами, только живите смирно!“ сказалъ будто бы Цесаревичъ. При разговорѣ же съ Баженовымъ въ 1791 г. Цесаревичъ Павелъ обошелся „гнѣвно“ и сказалъ: „я тебя люблю и принимаю, какъ художника, а не какъ мартиниста; о нихъ же и слышать не хочу; ты и рта не развѣвай о нихъ говорить“.

Это „уловленіе“ Павла Петровича Новиковскимъ кружкомъ было однимъ изъ главныхъ пунктовъ, которые послѣ ареста Новикова, при допросѣ дѣятелей его кружка, старались освѣтить и выяснить правительственныя власти. Князь Трубецкой, одинъ изъ членовъ Новиковскаго кружка, не отрицаетъ желанія видѣть въ орденѣ Павла Петровича, и показываетъ: „покойный Шварцъ предлагалъ намъ, чтобы извѣстную особу сдѣлать великимъ мастеромъ въ масонствѣ въ Россіи, а я передъ Богомъ скажу, что, предполагая, что сія особа въ чужихъ краяхъ принята въ масоны, согласовался на оное изъ единого того, чтобы имѣть покровителя въ ономъ“. Самъ Павелъ Петровичъ, когда къ нему былъ присланъ Императрицею Екатериною II обнаруженный при обыскѣ у членовъ Новиковскаго кружка записанный разговоръ между нимъ и Баженовымъ, отрицалъ свою причастность къ масонству и писалъ: „Votre Majesté peut d'avance se dire ce que j'ai pu me dire en moi même en lisant le papier qu'Elle a eu la bonté de me confier, d'un ramas de paroles de moitié vuide de sens, et l'autre de paroles dont on a fait apparemment un abus, car je crois qu'il s'agit de quelqu'un

qui aura voulu s'appuyer de son très humble serviteur, serviteur qui aura pu avoir demandé le prix du comestible, ou bien des nouvelles monitoires même sur une secte dont certainement il n'a pas été. Il auroit fallu ou être fou, ou imbécile pour avoir été, pour quelque chose dans tout ceci autrement qu'avec des propos d'antichambre. D'ailleurs toute explication ultérieure me sembleroit inutile". (Пекарский, 134). Къ этой запискѣ Императрица Екатерина приложила собственноручную записку: „приложенный пасквиль у Новикова найденный показано мною Великому Князю и онъ оный прочтя ко мнѣ возвратилъ съ приложенной цѣдулою изъ которой оказывается что на него всѣ вышеписанный пасквиль всклѣпалъ и солгалъ чему охотно вѣрѣ и нахожю яще виннымъ сочинителя онаго“.

Любопытна пѣснь, съ которою масоны обращаются къ Павлу Петровичу. Вотъ ея текстъ, который заимствую изъ масонскаго журнала „Магазинъ свободнокаменщическій“ 1784 г. (т. I, ч. 1, стр. 132).

Залогъ любви небесной
Въ тебѣ мы, Павелъ, зримъ;
Въ четѣ твоей прелестной
Зракъ ангела мы чтимъ.

Украшенный вѣнцомъ,
Ты будешь намъ отцомъ!

Судьба благоволила
Петровъ возвысить домъ
И насъ всѣхъ одарила
Даря тебя плодомъ.

Украшенный вѣнцомъ,
Ты будешь намъ отцомъ!

Съ тобой да воцарятся
Блаженство, правда, миръ!
Безъ страха да явятся
Предъ трономъ нищъ и сиръ.

Украшенный вѣнцомъ
Ты будешь намъ отцомъ.

Уже ты видишь ясно
Врата безмертныхъ въ храмъ,
Къ которому опасно
Ступаютъ по трудамъ.

Тебѣ Минерва мать,
Ты можешь путь скончать!

Петрова кровь безцѣнна
 Богини Русской сынъ,
 О отрасль вождѣнна,
 Теки, какъ исполинъ,
 Блаженства вѣчный свѣтъ
 Куда тебя ведетъ!

Съ воцареніемъ Павла Петровича масоны ожидали наступленія свѣтлыхъ дней для масонства. И первые дни его царствованія не только не могли поколебать эту надежду, но наоборотъ ее укрѣпляли. Такъ, рескриптомъ 7 ноября 1798 г. на имя гр. А. П. Самойлова былъ освобожденъ изъ крѣпости Новиковъ съ Багрянскимъ. 12 того же ноября освобожденъ отъ надзора Лопухинъ, а Трубецкой и Тургеневъ получили разрѣшеніе на выѣздъ изъ своихъ деревень и на свободное повсюду проживаніе. 13 ноября масонъ Херасковъ произведенъ въ тайные совѣтники. Упомянутый вышемасонъ Баженовъ, привозившій отъ Новиковскаго кружка книги Великому Князю, былъ произведенъ прямо изъ коллежскихъ ассесоровъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, затѣмъ награжденъ имѣніями и въ 1799 г. назначенъ вице-президентомъ академіи художествъ. Другой „уловитель“, князь А. Б. Куракинъ, также осыпанъ милостями и на протяженіи шестнадцати дней получилъ чины тайнаго и дѣйствительнаго тайнаго совѣтниковъ, пожалованъ домомъ и назначенъ вице-канцлеромъ. Явилась даже мысль о возобновленіи масонскихъ ложъ; но Рейнбеу при съѣздѣ вліятельнѣйшихъ масоновъ въ Москвѣ, Императоръ Павелъ обошелся съ ними весьма любезно, подалъ каждому руку и сказалъ: „въ случаѣ надобности, пишите ко мнѣ просто, по-братски и безъ всякихъ комплиментовъ“; братья просили съ открытіемъ ложъ повременить (моя монографія „Русское масонство“, 12). По другой версіи, приведенной въ запискѣ особенной канцеляріи министерства полиціи, этотъ эпизодъ передается съ нѣсколькими другими подробностями. По пріѣздѣ Императора Павла I въ Москву на коронацію, онъ велѣлъ профессору Маттен, управлявшему ложю Трехъ мечей, созвать всѣхъ главныхъ масоновъ; Государь пріѣхалъ на собраніе и предложилъ присутствующимъ высказаться, не признаютъ ли они за лучшее прекратить масонскія собранія въ виду распространившихся со времени французской революціи правилъ и продолжающихся покушеній на мнѣніе общее. Всѣ отвѣтили отрицательно, только провинціальный великій мастеръ рижскихъ ложъ баронъ Унгерн-Штернбергъ высказалъ, что мѣра, предложенная Государемъ, необходима, особенно для пограничныхъ губерній, куда могутъ про-

никать всякаго рода люди. Государь остался доволенъ заявленіемъ Штернберга и сказалъ: „не собирайтесь болѣе до моего повелѣнія“. (Минув. годы, 1908, февр., 12).

Однако послѣдующее царствованіе Павла I не оправдало масонскихъ надеждъ. Ложи не были возстановлены. Появился мальтійскій орденъ, который по своей обрядности близко подходилъ къ высшимъ рыцарскимъ степенямъ шведскаго масонства. Государь охлаждалъ къ масонству. Ростопчинъ эту остуду приписываетъ себѣ. Другіе видятъ здѣсь промски іезуитовъ. Наконецъ, третьи находятъ объясненіе этому въ измѣнчивомъ нравѣ Императора.

Тира Соколовская.

Два секретаря Спб. цензурнаго комитета въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петроп. крѣпости.

Д. объ арестантахъ Гуммель и Лерхъ, содержащихся въ Алексѣевскомъ равелинѣ С.-Петербургской крѣпости.

Его Императорскому Величеству
коменданта Спб. крѣпости
генерала-отъ-инфантеріи
Сукина

РАПОРТЪ.

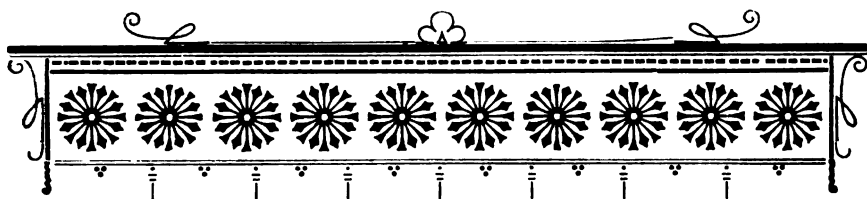
При отношеніи дѣйств. тайн. сов. 1-го класса князя Лопухина отъ 7-го сего августа изъ комитета, учрежденнаго указомъ 18 генв. 1807 года, присланные ко мнѣ: секретарь здѣшняго цензурнаго комитета Гуммель, по полудни въ половинѣ 12-го часа, и другой—бывшій секретарь того же комитета Лерхъ, въ 12 часовъ, для содержанія ихъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ, каждаго порознь, такъ чтобы они ни сами между собою видѣться и никакихъ сношеній одинъ съ другимъ имѣть не могли, приняты и посажены въ домѣ, состоящемъ въ равелинѣ: Гуммель въ № 17, а Лерхъ въ № 8, о чемъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу.

Комендантъ (подпись)
ген.-отъ-инф. Сукинъ.

№ 137.
Спб. крѣпость
8 авг. 1825 г.

Сообщилъ К. Военскій.

Дѣла давно живувшихъ лѣтъ.

(Записки сенатора Николая Яковлевича Трегубова).

*Описаніе жизни моей, дѣтямъ моимъ, бывъ подъ арестомъ
(1799 юда, декабря 25 дня).*

Я предпріялъ, любезныя мои дѣти, описать вамъ жизнь мою для того, что оное чтеніе всегда должно быть пріятно дѣтямъ, любящимъ своего родителя, тѣмъ паче, что изъ онаго вы можете почерпнуть многое къ пользѣ вашей, бывъ въ общежитіи (иногда противъ своего желанія) между людей такихъ, коихъ должно остерегаться по ихъ коварности, и каковыхъ есть большая часть къ всеобщему людей несчастію въ свѣтѣ. При томъ увидите, какія, смотря по временамъ, надо брать предосторожности, дабы не впасть въ подобныя моимъ несчастія безвинно. Хотя я и имѣлъ отъ природы склонность къ справедливости, къ исправленію всѣхъ моихъ обязанностей со стороны службы и приватнаго въ общежитіи человека, хотя имѣлъ правила не дѣлать никому зла, а дѣлать сколько возможно добра, которое и дѣлалъ, сколько имѣлъ силъ, даже злодѣямъ моимъ, но со всѣмъ тѣмъ имѣлъ непріятелей, которые за мое добро платили мнѣ зломъ и неоднократно ввергали меня въ несчастіе въ такое время, когда легко находили оное возможнымъ. Однако же если бы и теперь былъ случай воздать имъ добромъ, я бы не отказался, безъ всякаго самолюбія, не искавъ себѣ въ томъ похвалы, но единственно отъ склонности къ добру, за что ежечасно и благодарю Всевышняго Творца, что вліялъ въ меня таковыя склонности, чему,

¹⁾ Изъ бумагъ скончавшагося въ 1905 г. тайнаго совѣтника Алексѣя Владиміровича Телесницкаго.

любезныя дѣти, и васъ прошу слѣдовать, ибо оно пріятно тѣмъ, кто въ томъ находитъ собственное удовольствіе, а похвально тѣмъ, кто его не чувствуетъ, но дѣлаетъ, тѣмъ паче ежели оное употребляетъ вмѣсто мщенія, отъ котораго себя удерживаетъ. Се есть долгъ честнаго человѣка, кромѣ того, что всякій благовоспитанный долженъ такъ мыслить, поелику благовоспитаніе полагается въ добродѣтеляхъ человѣка и въ образованіи его сердца, а не въ томъ, чтобы умѣть быть свѣтскимъ и пріятнымъ въ компаніяхъ, что не иное есть, какъ хорошій переплетъ на хорошей книгѣ, которая и безъ переплета также похваляема знающими читателями; переплетъ же служитъ только для тѣхъ, кои не читаютъ, а только любятъ имъ, какъ игрушкой. Такъ и внѣшнія дарованія человѣка похваляемы только тѣми, кои никогда не вникаютъ въ сердце человѣческое; но благовоспитанный человѣкъ требуетъ образованія сердца, дабы могъ назвать кого-либо именемъ благовоспитанности. Не мѣшаетъ, однако же, какъ хорошій переплетъ книгѣ, такъ и знаніе^о быть свѣтскимъ и обходительнымъ человѣкомъ, но это не есть вещь самая нужная, а только украшеніе добродѣтелямъ человѣческимъ. Почему я самъ и не тщился о семъ украшеніи, а старался себя болѣе укрѣпить въ добродѣтеляхъ; сіе требуетъ размышленія и твердости, а то только практики свѣтской жизни; ибо есть много глупыхъ, коварныхъ и вредныхъ людей, но знающихъ свѣтъ, коихъ люди несмысленные называютъ благовоспитанными; но они нечто иное есть (какъ я выше сказалъ) хорошій переплетъ на дурной или глупой книгѣ.

Въ описаніи жизни моей за нужное почитаю коснуться умоначертанія того вѣка, въ коемъ я жилъ, и тогда бывшаго правленія, ибо все сіе для васъ полезно знать, яко сыновъ того отечества, а при томъ и откуда родъ нашъ происходитъ и koliko древность и знатность его требуютъ отъ васъ вѣщихъ силъ быть ему полезными.

Родъ Трегубовыхъ происходитъ отъ Султана Кабардинскаго, имѣвшаго прозвище Трегубъ, бывшаго самовладѣтельнымъ бывшей Золотой орды, за Волгой, около Царицына. Оный выѣхалъ служить во время княженія Великаго Князя Ивана Васильевича, въ XV вѣкѣ, въ Россію, съ двумя сыновьями и многимъ числомъ его подданныхъ татаръ, и данъ былъ ему въ удѣлъ городъ Курмышъ и Закудемскія волости. Отъ одного его сына царевича Даньяра (о коемъ въ исторіи російской князя Щербатова упоминается, что въ 1471 году ходилъ съ войсками на Новгородъ) пошелъ родъ Трегубовыхъ, а отъ другого, который имѣлъ пять сыновъ, произошли пять разныхъ фамилій, по прозванію cadaго изъ нихъ (какъ

тогда обычай былъ), какъ-то: отъ Молвы — Моловениновы, отъ Хитра—Хитровы, отъ Сабура—Сабуровы и проч.

Дѣдъ мой, отецъ отца моего, Алексѣй Максимовичъ Трегубовъ жилъ во время царствованія прославившаго Россію и просвѣтившаго ее Петра Перваго, вѣкъ котораго достоинъ чтенія, по его дѣяніямъ и проицанію, по привязанности къ своему народу и желанію его просвѣтить. Хотя строгость Государя выходила иногда изъ границъ, но сіе приписать надобно умоначертанію того непросвѣщеннаго вѣка, ибо каковъ ни былъ его умъ, но воспитаніе и привычки иногда брали поверхность надъ разсудкомъ.

Алексѣй Максимовичъ отъ ранъ, въ шведскую войну полученныхъ, принужденъ былъ взять свою отставку въ маломъ чинѣ, т. е. капитаномъ; женатъ былъ на Арсеньевой; имѣлъ за собою, со взятыми въ приданое, болѣе 1.000 душъ, что въ тогдѣшнемъ вѣкѣ считалось большимъ богатствомъ или имѣніемъ. Онъ былъ человѣкъ суровый, но справедливый; для доказательства же его твердаго и похвальнаго образа мыслей, не бесполезно вамъ разсказать одинъ случай въ его жизни. Продавалось тогда село Овторово, смежное съ селомъ Лаптевымъ (Владимірской губерніи), которое теперь за мною съ братьями моими, гдѣ Алексѣй Максимовичъ, женившись, и пребываніе всегда имѣлъ, ибо оное изъ рода Арсеньевыхъ въ приданое получилъ. Просили за оное Овторово, имѣвшее въ себѣ тогда до 200 душъ, 1.500 руб. Онъ его не купилъ, не смотря на смежность и дешевую цѣну. Для чего же? Для того, что имѣлъ своихъ денегъ наличныхъ только 500 рублей, а 1.000 рублей надобно было занять; но онъ не хотѣлъ, говоря, что стыдно въ его лѣта быть должну. Похвальная стыдливость, предохранявшая тогда многихъ отъ неоплатныхъ долговъ, въ нашъ вѣкъ видимыхъ, въ который не только не стыдятся занять, но даже и не платить долга. Когда онъ ѣзжалъ въ поле и находилъ крестьянъ на работѣ, то равно наказывалъ лѣниваго и дурно обрабатывающаго землю мужика, какъ своего, такъ и чужого. Жаль, что такой человѣкъ не употребленъ былъ къ государственнымъ должностямъ.

Это было золото, сокрытое въ навозѣ, какъ сказалъ Томасъ въ своемъ сочиненіи.

Имѣлъ онъ двоихъ дѣтей: сына Якова Алексѣевича, а моего отца, и дочь Татьяну Алексѣевну, бывшую въ замужествѣ за Николаемъ Васильевичемъ Zubовымъ, котораго внукъ, князь Платонъ Александровичъ Zubовъ, игралъ столь значительную роль во время царствованія блаженныя памяти любимой народомъ государыни Екатерины Второй.

Отецъ мой, Яковъ Алексѣевичъ, рожденный въ 1723 году, слу-

жилъ въ арміи въ конномъ полку, былъ въ шведскомъ походѣ и, бывъ еще молодъ, женился на княжнѣ Юсуповой Екатеринѣ Алексѣевнѣ, а меньшая княжна Анна Алексѣевна была за Абрамомъ Степановичемъ Лопухинымъ, генераль-поручикомъ, который умеръ въ отставку сего 1799 года, а Анна Алексѣевна умерла въ 1794 году.

У нихъ остался сынъ Степанъ Абрамовичъ, который служить теперь при дворѣ камергеромъ.

Онъ прижитъ ими черезъ 13 лѣтъ послѣ женитьбы; мать его, Анна Алексѣевна, желая имѣть дѣтей, лечилась долгое время и доказала тѣмъ, что натурѣ чрезъ искусство во многихъ случаяхъ можно помогать.

И такъ отецъ мой, женившись, вышелъ въ отставку и по нѣкоторомъ времени опредѣлился директоромъ надъ таможенъ Шелеговской въ Смоленскѣ, бывшей противъ польскаго тогда мѣстечка, называемаго Ляды, гдѣ я и родился въ 1756 году; но я былъ не первый. Старше меня, кромѣ трехъ сестеръ, умершихъ въ младыхъ лѣтахъ, была сестра Авдотья, которая съ 1775 года въ замужествѣ за Александромъ Васильевичемъ Салтыковымъ, тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ Св. Анны и Мальтійскаго Ордена. У нихъ въ живыхъ одна дочь Екатерина Александровна, родившаяся въ 1776 году, въ замужествѣ за генераль-маіоромъ Николаемъ Ѳедоровичемъ Тишинскимъ. Послѣ Авдотьи Яковлевны родился Алексѣй Яковлевичъ, который, служа полковникомъ въ Крыму въ 3-мъ гренадерскомъ Екатеринославскомъ полку, умеръ въ 1785 г. сентября 5-го. Онъ былъ любимъ всѣми, а паче своими солдатами, которые его оплакивали, какъ дѣти любимаго отца, а одного гренадера съ великимъ трудомъ могли оттащить отъ гроба, когда по обыкновенію церковному, послѣ отпѣванія, всѣ прощались съ усопшимъ. Примѣръ привязанности рѣдкій въ простомъ солдатѣ, завидный случай, достойный подражанія, и рѣдко кто того удостоивается отъ людей, не бывшихъ ни въ дружбѣ, ни въ родствѣ. Одинъ Петръ Великій такъ былъ оплакиваемъ своимъ народомъ, какъ онъ своими солдатами. Онъ былъ также счастливъ со стороны репутаціи. Князь Потемкинъ, человѣкъ проникательный и отменно искусный въ познаніи людей, самъ его избралъ въ сей любимый полкъ единственно потому, что почиталъ его добродѣтельнымъ человекомъ, въ чемъ ни мало и не ошибся, хотя съ нимъ не былъ коротокъ, и князя просили о помѣщеніи въ онъ другой. Императрица Екатерина II также разумѣла о немъ съ хорошей стороны. Когда онъ былъ еще гвардіи Семеновскаго полка поручикъ и посланъ былъ съ командой для содержанія караула въ Царское Село,

то вышеупомянутая государыня, яко имѣвшая проникательный разумъ, видно замѣтила въ немъ умнаго человѣка, что никогда не пропускала случая, чтобы не сдѣлать ему какого привѣтствія и даже заставила его одинъ вечеръ въ собраніи рассказывать себѣ похождения его, когда онъ былъ плѣнникомъ у турокъ, вмѣстѣ съ россійскими посланниками Обрѣзковымъ Алексѣемъ Михайловичемъ и Левашевымъ Павломъ Артемьевичемъ. Въ Турцію онъ былъ посланъ въ 1768 г. курьеромъ, бывъ еще гвардіи сержантомъ, и не доѣхавъ далѣе, какъ до Яссы, по причинѣ войны, объявленной Россіи, и по обыкновенію въ такихъ случаяхъ Порты Оттоманской, взятъ былъ подъ арестъ. Чему у меня есть и журналъ, его рукой писанный. Въ семъ плѣну онъ пробылъ три года и возвратился въ 1771 году въ Петербургъ, за что въ томъ же году въ декабрѣ былъ прямо изъ сержантовъ пожалованъ въ подпоручики, а въ началѣ 1772 года (годъ, въ который я пріѣхалъ служить въ Петербургъ), онъ отправился (въ апрѣлѣ) на конгрессъ съ княземъ Григоріемъ Григорьевичемъ Орловымъ, тогда бывшимъ графомъ. Онъ поѣхалъ вмѣстѣ съ того же полка поручикомъ Александромъ Николаевичемъ Самойловымъ¹⁾, нынѣ графомъ и тайнымъ дѣйствительнымъ совѣтникомъ, въ отставку со времени царствованія императора Павла Перваго. Самойловъ есть племянникъ того славнаго умомъ князя Потемкина, который толикія услуги оказалъ своему отечеству покореніемъ Крыма безъ войны и одинъ только могъ быть исполнителемъ дальновидныхъ намѣреній Великой Екатерины. Потемкинъ есть виновникъ спокойствія Россіи отъ набѣговъ крымскихъ татаръ взятіемъ Крыма, сего плодоноснаго и владычествующаго надъ Чернымъ моремъ края, слѣдственно онъ же виновникъ сильнаго нашего въ томъ краѣ военнаго флота, держащаго въ уздѣ Оттоманскую Порту, и тѣмъ болѣе виновникъ сего, что одинъ въ Совѣтѣ утвердительно взялъ на себя пріобщить Крымъ къ Россіи, не подвергая ее на тотъ разъ войнѣ. Онъ виновникъ завоеванія земель, гдѣ процвѣтаетъ теперь торговля, какъ, напримѣръ, новосозданный городъ Одесса, въ короткое время чрезвычайно населившійся; онъ создатель Николаева и Херсона, гдѣ строятся военные корабли, и основатель столь твердой границы, какъ Днѣстръ. Онъ же виновникъ спокойствія отъ набѣговъ кавказскихъ народовъ завоеваніемъ земель отъ турокъ и поселеніемъ тутъ черноморцевъ, прежде называвшихся запорожцами, народа военнаго и для своей безопасности пекущагося взбранять набѣги и быть бдительною стражею. Онъ былъ не менѣе человѣкъ, ненавидящій всякое педанство или дон-

¹⁾ Умеръ въ 1815 году.

кишотство и обряды, продолжавшіеся въ націяхъ или отъ заблужденія, или отъ привычки, или упрямства, и потому уничтожилъ все то, что отнимало время у солдата и его попусту озабочивало безо всякой пользы; запретилъ солдатамъ пудриться, остригъ ихъ въ кружокъ, такъ что солдатъ могъ за часъ до развода идти въ баню и поспѣть къ должности, и не мучиться, не спать цѣлую ночь, причесавши съ вечера, яко болванъ, свою голову; сдѣлалъ имъ куртки, яко одѣяніе, которое нигдѣ не мотается и не мѣшаетъ легкости, свойственной и нужной солдату, и шаровары, кои избавляютъ солдата отъ чулокъ, кои для него дороги, и позволяютъ носить онучи холщевыя, кои здоровѣе для ноги и которыхъ подъ шароварами не видать, при томъ просторны и солдата не беспокоятъ, если только висятъ на помочахъ, которыя не накрестъ лежать на плечахъ, ибо таковыя рѣжутъ плечо. Онъ уничтожилъ гусарскіе полки, разсуждая, что не платьемъ бьютъ непріятеля, что прилично утѣшаться и заниматься щегольствомъ людямъ несмысленнымъ, поелику гусарское одѣяніе убыточно для офицера, получающаго только четвертую часть того жалованья, что стоитъ мундиръ, а для гусара оно тягостно. Повелѣнія его доказываютъ, что онъ старался и учить солдата только тому, что необходимо нужно противъ непріятеля, запрещая строго всѣ ребячкія игрушки и паче парадные разводы, яко утѣха, а не польза. Таковъ былъ сей полезный человѣкъ своего отечества, достойный памятника отъ потомства. Онъ хотя былъ расточителенъ и дорого стоилъ государству, но если бы онъ и этой слабости не имѣлъ, то превзошелъ бы всѣхъ славныхъ въ свѣтѣ людей.

Заслуги его отечеству и польза, чрезъ то ощущаемая всѣми, не могутъ быть куплены за тѣ деньги, что онъ расточилъ. Замѣчательно было въ немъ и воображеніе его; онъ ничего не любилъ не чрезвычайнаго: если строилъ что, то такъ огромно, что нельзя назвать партикулярнымъ строеніемъ, но публичнымъ зданіемъ; концерты, для него сочиняемые, составлялись отъ 300 до 500 человѣкъ и вмѣщали въ себѣ всѣ роды инструментовъ.

Когда онъ былъ еще офицеръ гвардіи и бѣдный человѣкъ, то и тогда не любилъ быть въ кругу сотоварищей, а былъ уединенъ и занимался прожеками. Словомъ, это былъ человѣкъ, рожденный для игранія первой роли въ государствѣ, чего и достигъ, подобно Бонапарту, безъ всякой подпоры, единственно своимъ умомъ, и держался до смерти, имѣя большихъ людей себѣ злодѣями. Умеръ Потемкинъ въ 1791 году въ октябрѣ мѣсяцѣ, ѣхавъ лечиться изъ Яссы въ Николаевъ, гдѣ какъ здоровое мѣстоположеніе сего города,

имъ созданнаго, такъ и вода могли дать ему облегченіе ¹⁾. Замѣчательно, что оный городъ былъ построенъ не болѣе, какъ въ три года, бригадиромъ Фалеевымъ. Выборъ сего достойнаго человѣка дѣлаетъ честь проицанію князя Потемкина, который его зналъ, когда въ первую турецкую войну, начавшуюся въ 1768 году, тотъ былъ сидѣльцемъ въ суконной лавкѣ, и видно тогда еще замѣтилъ, что оный человѣкъ достоинъ по уму своему быть употребленнымъ въ государственныя должности и полезнѣе будетъ своему отечеству, нежели мѣрить сукно. И подлинно онъ не ошибся въ его на все способностихъ. Честь и ту надо воздать г-ну Фалееву, что онъ былъ наиблагодарнѣйшій человѣкъ, каковыхъ въ свѣтѣ немного, и надо искать со свѣчкой, такъ какъ Діогенъ искалъ человѣка. Фалеевъ, послѣ смерти князя Потемкина, жилъ недолго и умеръ точно съ печали, потерявъ своего благодѣтеля, доставлявшаго ему средства къ услугамъ отечеству. Мнѣ на это скажутъ, можетъ быть, что Фалеевъ пополамъ съ княземъ подрядами грабили казну. Правда, я не буду защищать ихъ съ этой стороны, но польза государственная, отъ ихъ заслугъ проистекшая, всегда для меня затмитъ ущербъ въ казнѣ денежной. Надобно себѣ только вообразить, что будто бы народъ, въ благодарность имъ, обложилъ себя податью и намъ оную подарилъ за ихъ великія услуги. То худо, когда безъ заслугъ казну обкрадываютъ. Я говорю вообще для того, что и Фалеевъ былъ во многомъ князю Потемкину помощникъ.

Теперь возвратимся къ Алексѣю Яковлевичу. Я его оставилъ поѣхавшаго на конгрессъ съ Самойловымъ, что также дѣлаетъ ему честь со стороны его репутаціи, ибо былъ самъ еще съ небольшимъ 22 лѣтъ, но отецъ Самойлова, Николай Борисовичъ, поручилъ ему сына и просилъ не оставлять. Конгрессъ скоро рушился, и Алексѣй Яковлевичъ остался до окончанія войны волонтеромъ. Алексѣй Яковлевичъ имѣлъ слабость къ картамъ, игралъ безъ всякаго разсчета и потому никогда не имѣлъ денегъ; страсть предосудительная, ввергающая людей въ несносныя несчастія, ибо когда свои всѣ проиграютъ, то принимаются за казенныя и подвергаютъ себя тѣмъ всѣмъ безчестіямъ, по закону опредѣленнымъ. Онъ имѣлъ побочнаго сына отъ одной итальянки, жены морского бригадира Алексіано. Сынъ оной названъ Иваномъ Алексѣевичемъ Раславскимъ и воспитывался у сестеръ моихъ Варвары, которая дала ему

¹⁾ Князь Потемкинъ умеръ точно оттого, что, пріѣхавъ въ армію, нашель рескриптъ, данный кн. Репнину, заключить миръ. Изъ сего видно, что Екатерина замѣтила въ Потемкинѣ желаніе продолжать войну для какихъ-нибудь видовъ, ею неапробованныхъ.

60 душъ въ Каширѣ, и Надежды, родившихся послѣ брата Алексѣя, и умершихъ въ дѣвкахъ.

Потомъ по старшинству слѣдуетъ сестра Екатерина Яковлевна; замужемъ за графомъ Василиемъ Андреевичемъ Толстымъ, человекомъ отмѣнно честнымъ и любящимъ родныхъ своихъ, что есть немалое дарованіе въ вѣкъ семъ, когда родство уже ни во что не считается отъ испорченности нравовъ и фальшивыхъ правилъ воспитанія, ибо толкуютъ молодому воспитаннику, что онъ долженъ снискивать любовь въ знатныхъ и въ свѣтѣ живущихъ, но и не поминаютъ о томъ, что прежде всего должно снискать любовь родныхъ, въ какомъ бы положеніи они ни были, и тѣмъ самымъ подержать связь между ближними ¹⁾.

Послѣ Екатерины Яковлевны родился я въ 1756 году октября 12-го, а послѣ меня Александръ Яковлевичъ. Онъ въ отставкѣ полковникомъ и кавалеръ Георгія 4-го класса, который получилъ въ Шведскую войну въ 1790 году; по сіе время холостъ, нрава суроваго и необходимого, и какъ, при дурномъ воспитаніи, природнаго ничего хорошаго не имѣлъ, то и остался съ большими пороками; (захватчивъ и безстыденъ, не имѣя ни на что правилъ), отъ непросвѣщенія самолюбивъ до крайности, словомъ несчастливый человекъ, у коего похвалить совсѣмъ нечего и потому останется навѣкъ таковъ, каковъ родился. Впослѣдствіи сдѣлался ханжа и не перемѣнилъ свойствъ своихъ. Послѣ Александра родился Ѳедоръ Яковлевичъ, — бригадиръ въ отставкѣ, по упрямому и своеобразному характеру потерялъ мѣсто въ Комиссаріатѣ; имѣетъ много побочных дѣтей, а достатку не болѣе 175 душъ, и словомъ впалъ въ нищету оттого, что не имѣетъ дальновидности ни въ чемъ, не просвѣщенъ, захватчивъ, но добрый человекъ. Послѣ Ѳедора рождена Анна Яковлевна, воспитанная въ Петербургѣ, въ обществѣ благородныхъ дѣвицъ, заведеніи Великой Екатерины. Это заведеніе есть памятникъ, служащій къ славѣ Екатерины, ибо она старалась тѣмъ и бѣднымъ подать способы быть просвѣщенными.

Анна Яковлевна вышла изъ сего монастыря въ 1779 году, а умерла въ 1792 отъ лекаря, который даваніемъ сильныхъ лекарствъ въ мѣсяцы сдѣлалъ у ней чахотку, и не болѣе какъ чрезъ три мѣсяца она скончалась. Сіе подаетъ намъ правило остерегаться незнающаго лекаря, яко и самой чумы. Она укрѣпила свою часть, — 60 душъ, сестрѣ Марѣ Яковлевнѣ, какъ вмѣстѣ воспитанной, съ коей была болѣе дружна, чѣмъ съ другими; была простодушна и ла-

¹⁾ У графа Василя Андреевича было четыре сына: Сергѣй, Андрей, Яковъ и Александръ и дочь Екатерина.

слова. Сестра Анна похоронена въ селѣ Лаптевѣ, гдѣ похороненъ и дѣдъ нашъ Алексѣй Максимовичъ Трегубовъ. Поэтому долгъ нашъ есть стараться никогда не выпустить изъ рода нашего оное село, какъ родовую деревню, могущую сдѣлаться командорствомъ для потомковъ рода Трегубовыхъ, ибо она вообще приноситъ до 3.000 дохода, число, которое полагается для командорства, а по древности рода нашего старшій въ родѣ всегда уже онымъ будетъ пользоваться, ибо ни продать оное, ни заложить нельзя будетъ. Имѣніе это не должно выпустить изъ рукъ и потому еще, что тутъ лежатъ дѣдъ нашъ и сестра; къ чему, любезныя дѣти, надо имѣть уваженіе и безъ крайнихъ обстоятельствъ не продавать въ чужія руки. Уваженіе къ праотцамъ своимъ есть долгъ священный и при томъ взаимственный, ибо потомки ваши также въ васъ будутъ почитать своихъ праотцевъ, почтенія достойныхъ, если не пренебрежете, при воспитаніи, внушить имъ оное. Рожденная потомъ Марія Яковлевна воспитывалась также въ монастырѣ Смольномъ, вмѣстѣ съ Анной Яковлевной вышла въ 1794 году замужъ за итальянскаго музыканта Джоліо. Со стороны философической разсуждая, она сдѣлала похвально, ибо выбирала человѣка, а не знатность породы и богатство, и нашла въ немъ хорошаго друга и добраго человѣка. Какъ воспитанная въ публичномъ воспиталищѣ, гдѣ обыкновенно, кромѣ наукъ, никакихъ правилъ къ жизни, свойственныхъ тому вѣку, въ коемъ живетъ, не преподавалось, и оттого всякая изъ нихъ, вышедъ въ свѣтъ, дѣлаетъ уже сама себѣ оныя или не имѣетъ никакихъ во всю жизнь, изъ чего и произошло, что она сдѣлала себѣ свои правила, несходственные съ обычаями и предразсудками того вѣка, въ коемъ жила, и вышла замужъ, презря, что оный союзъ дѣлаетъ къ ней отъ публики презрѣніе, а роднымъ всѣмъ поношеніе. По крайней мѣрѣ, если не могла превозмочь своей страсти или разсудила презрѣть предразсужденіе, должна была продать имѣніе и удалиться въ чужіе края, гдѣ ее не знаютъ, ибо непростительно есть презирать принятые въ общежитіи обычаи, поелику оныя всѣ почти основаны на пользѣ общественной, и тотъ, кто оныя нарушаетъ, есть преступникъ, который не заслуживаетъ сожалѣнія, но наказанія. Марья Яковлевна, презря молву, или обычаи, тоже какъ бы презрѣла какой установленный законъ, ибо всѣ законы взяли свое начало отъ обычаевъ; удаленіемъ же изъ отечества призналась бы тѣмъ въ своемъ проступкѣ и заслужила бы какъ отъ родныхъ, такъ и отъ публики снисходительное сожалѣніе, ибо всякій съ удовольствіемъ самъ спѣшитъ извинить проступокъ того, кто въ немъ признается.

Послѣ Марьи Яковлевны нѣсколько было рожденныхъ дѣвочекъ;

въ младенществѣ умершихъ, ибо насъ было всѣхъ 19-ть, а послѣдній былъ братъ Дмитрій Яковлевичъ, родившійся въ 1769 году. Онъ отставку взялъ конной гвардіи поручикомъ, при восшествіи на престолъ Императора Павла I-го, поелику служба уже стала строже, а онъ ея ничего не зналъ, не имѣя склонности, то и принужденъ былъ ее оставить. Онъ человѣкъ тихій и скромный, но фальшивый, что происходитъ отъ дурного воспитанія, т. е. при воспитаніи не получилъ никакихъ правилъ. Живя въ деревнѣ, спился. Воспитаніе наше состояло въ томъ, что нанимали намъ учителей для французскаго языка, и стоимъ мы нашимъ родителямъ довольно дорого.

Хотя оный языкъ способствовалъ много къ просвѣщенію изъ насъ того, кто хотѣлъ воспользоваться, и мы должны благодарить родителей, что не жалѣли денегъ; но, со стороны образованія сердца и правилъ, всякій изъ насъ, если ихъ имѣеть, то уже самъ ихъ себѣ сдѣлалъ на свой манеръ, а при воспитаніи оное было позабыто. Въ Россіи много такихъ, которые и не знаютъ, въ чемъ состоитъ настоящее воспитаніе, а особливо по незнанію языковъ чужеземныхъ имъ и прочестъ о томъ не случалось. Слѣдственно, по наслышкѣ, что въ общежитіи называютъ хорошо воспитаннымъ того, кто говоритъ чужимъ языкомъ и знаетъ обращеніе, тому всѣ и слѣдовали, упуская самое важное, чтобы примѣромъ своимъ образовать сердце своихъ дѣтей, т. е. кротостію, скромностію, чистосердечіемъ, разными добродѣтелями, исполняя христіанскій законъ не моленіемъ и постомъ, но на дѣлѣ, ибо примѣръ все производитъ, а не слова, и никакое доказательство безъ примѣра сего не подѣйствуетъ. Однако же дѣти иногда являются съ такими пороками, какихъ родители ихъ не имѣли, но родители не старались въ началѣ искоренить ихъ, внушая къ нимъ омерзеніе и стыдъ, оттого проистекающій, чему натурально воспитанники легко должны бы повѣрить, не находя таковыхъ пороковъ въ своихъ родителяхъ.

Я оставилъ повѣствованіе о родителяхъ моемъ, для окончанія родословной всѣхъ дѣтей его. Теперь же возвратимся къ нему. Строгія правила его, внѣ корыстолюбія, доказываютъ то, что, служа въ такомъ мѣстѣ ¹⁾, гдѣ другіе обогащаются, онъ ничего не нажилъ, да и не хотѣлъ тамъ оставаться и перемѣщенъ былъ въ судный приказъ ассессоромъ, а потомъ въ Нижній прокуроромъ и къ монетному двору директоромъ. Въ бытность его тамъ, въ 1762 г. скончалась Императрица Елисавета, Государыня набожная, но слабая, которою владѣли фавориты, и, къ несчастію ея, такіе, кото-

¹⁾ Въ таможенѣ.

рые не о благѣ отечества пеклись, а о себѣ и своей силѣ. По ней вступилъ въ правленіе Петръ 3-й, который умеръ въ іюнѣ 1762 года, а по немъ та Великая Екатерина, мать своихъ подданныхъ, которая дала имъ почувствовать, что вольность народа состоитъ не въ необузданности, но въ мудромъ, кроткомъ и на милосердіи основанномъ правленіи. Во время ея правленія всякій чтилъ себя столько же вольнымъ, какъ и республиканецъ, имѣя ту выгоду монархическаго правленія, что не опасался междоусобій, каковымъ подвержена бываетъ всякая республика. Она первая дала право своему народу самому для себя избирать судей и быть ими судиму, и не она уже въ томъ виновна, что мы сами противъ себя дѣлали изъ того злоупотребленіе, выбирая судей не по достоинству, а по пристрастіямъ или по какимъ-либо собственнымъ видамъ. Таковъ есть порочный человѣкъ, что находитъ и въ томъ свои выгоды, чтобы быть судиму криводушнымъ судьей.

Отецъ мой, взявъ опять отставку, былъ опредѣленъ въ 1763 году въ Москвѣ вице-директоромъ Павловской больницы, а чрезъ нѣкоторое время въ бергъ-контору главнымъ,—мѣсто, гдѣ другой могъ бы нажить имѣніе отъ заводчиковъ, но не онъ, ибо онъ не принималъ даже и такихъ подарковъ, каковыя не за дѣло какое, но единственно отъ любви къ нему заводчики присылали со своихъ заводовъ.

Отецъ мой былъ рѣдкій чадолюбивый отецъ, рѣдкій сосѣдь по деревнѣ, ибо никогда не касался не только чего чужого, но и свое нерѣдко уступалъ, избѣгая тяжбъ; привязанность имѣлъ ко всѣмъ своимъ роднымъ и самъ искалъ первый помириться съ обидѣвшимъ его, какъ онъ поступилъ съ роднымъ племянникомъ своимъ, покойнымъ графомъ Александромъ Николаевичемъ Зубовымъ, отцомъ князя Зубова.

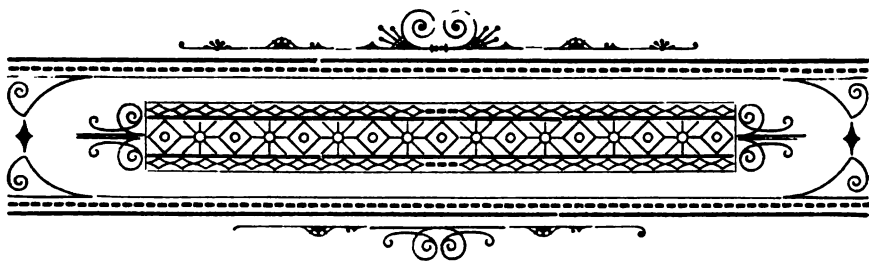
Выйдя въ отставку изъ бергъ-конторы и получивъ при отставкѣ чинъ статскаго совѣтника, онъ оставался при одной больницѣ великаго князя и наслѣдника, а нынѣ Императора Павла I-го, но и ту оставилъ, бывъ обиженъ тѣмъ, что въ главные директоры, мимо его, пожалованъ былъ оберъ-камергеръ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ. Потерявъ въ 1787 году въ апрѣлѣ мѣсяцѣ мать мою, а свою супругу, кою очень любилъ и всегда былъ ей вѣренъ, жилъ вдовцомъ до 1791 года, въ коемъ въ маѣ мѣсяцѣ и скончался въ подмосковной, „Николаевское“ именуемой. Онъ былъ трудолюбивъ и великій садовникъ, не любилъ большого свѣта, а любилъ деревню, охотникъ былъ строить, но при всемъ томъ любилъ покойную жизнь и оттого имѣніе прожилъ и ничего не приобрѣлъ и оставилъ лишь половину того, что имѣлъ прежде.

Теперь приступаю къ описанію жизни матери моей, урожденной княжны Юсуповой. Съ тѣхъ поръ, какъ я ее зачалъ помнить, она всегда любила людей, въ чемъ главная страсть ея была и отчего и прожилась. Она не только любила быть сама въ компаніяхъ, но любила болѣе ихъ у себя имѣть и быть съ лучшими людьми знакомой. Не было, можетъ быть, недѣли, чтобы не имѣла собранія. Хотя была богомольна, но не совсѣмъ наблюдала христіанскія обязанности, ибо была насмѣшлива и горяча къ окружавшимъ ее; имѣла пристрастіе къ нѣкоторымъ изъ дѣтей, изъ чего происходило два зла: тѣхъ, которыхъ любила, баловала и чрезъ то дѣлала ихъ порочными или невѣждами, а тѣхъ, коихъ не такъ любила, оставляла безъ призрѣнія и въ нуждѣ и также порочными. При всемъ этомъ она имѣла природный разумъ, была добродѣтельна къ бѣднымъ, что и вознаграждало съ избыткомъ другія слабости, ибо поможенье бѣдному есть наипервѣйшая добродѣтель въ свѣтѣ, которая равняется справедливости.

Мать моя скончалась въ Москвѣ въ 1787 году въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ страстную субботу, и похоронена въ Хотьковомъ монастырѣ, въ 7 верстахъ отъ Троицкой Лавры, ближе къ Москвѣ, гдѣ и родитель мой похороненъ и сестра Варвара. Быть можетъ, она могла бы продлить свою жизнь, если бы не столько употребляла въ жизни своей лекарствъ, которыя все въ ней ослабили, а особливо желудокъ, изъ чего и слѣдуетъ, что не надо употреблять лекарства безъ крайней нужды.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ неизданныхъ матеріаловъ для біографіи Пушкина.

„Дѣло о высланномъ изъ столицы коллежск. секретарѣ
Пушкинѣ, 1824“.

Дѣло архива рижскаго военнаго генералъ-губернаторскаго управленія „о высланномъ изъ столицы коллежскомъ секретарѣ Пушкинѣ“ хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ; краткое описаніе его помѣщено въ отчетѣ бібліотеки за 1900 и 1901 гг. (СПБ., 1905 г., стр. 232—233). Какъ все относящееся до Пушкина, оно не можетъ не быть весьма интереснымъ. Мы воспроизводимъ его почти цѣликомъ, за исключеніемъ лишь немногихъ мѣстъ, извѣстныхъ уже ранѣе. Оно даетъ нѣсколько новыхъ данныхъ и кое-что вноситъ въ біографію великаго поэта.

1-й листъ дѣла занимаетъ бѣловое французское отношеніе министра иностранныхъ дѣлъ графа К. В. Нессельроде къ маркизу Ф. О. Паулуччи, въ рукахъ котораго находилось главное управленіе Прибалтійскимъ краемъ и Псковской губерніей. Даемъ этотъ документъ, нигдѣ еще не напечатанный, въ подлинникѣ и въ переводѣ.

St. Pétersbourg. Ce 12 Juillet 1824.

Monsieur le Marquis,

L'Empereur m'ordonne de transmettre à Votre Excellence la copie ci-jointe d'une dépêche que je viens d'adresser à M-r le Gouverneur Général de la Nouvelle Russie au sujet du Secrétaire de Collège Pouschkine, qui depuis plusieurs années avoit été relégué dans les contrées méridionales de l'Empire pour quelques écarts dont il s'étoit

rendu coupable à Pétersbourg. On avoit espéré dans le tems que l'éloignement de la Capitale, joint à l'activité que pouvoit offrir à ce jeune homme le service auprès du Général Inzoff d'abord, et plus tard auprès du Comte Woronzoff, suffiroient pour le ramener sur la bonne voie et calmeroient l'excès d'une imagination qui malheureusement ne se consacroit pas tout entière à la culture des lettres Russes, vocation naturelle de M-r Pouschkine et qu' il avoit déjà suivie avec le plus grand succès. Votre Excellence apprendra par la lecture des pièces que j'ai l'honneur de Lui communiquer, que cette attente ne s'est pas vérifiée. L'Empereur s'est donc vu obligé de prendre à l'égard de M-r Pouschkine quelques nouvelles mesures de sévérité, et sachant que ses parents possèdent des propriétés dans le Gouvernement de Pskoff, Sa Majesté a résolu de l'y reléguer, en le confiant à vos soins vigilants, Monsieur le Marquis, et à la garde des autorités locales. C'est de Votre Excellence qu' il dépendra, à l'arrivée du jeune Pouschkine à Pskoff, de donner à cette décision de Sa Majesté l'exécution la plus convenable.

Recevez, Monsieur le Marquis, l'assurance de ma haute considération.

Nesselrode.

à S. E. M-r le Général-Marquis de Paulucci.

Переводъ:

Господинъ Маркизь,

Императоръ повелѣваетъ мнѣ препроводить Вашему Превосходительству прилагаемую копію депеши, отправленной мною господину Новороссійскому генералъ-губернатору касательно коллежскаго секретаря Пушкина, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ посланъ въ полуденные края Имперіи за нѣкоторыя заблужденія, въ которыхъ онъ провинился въ Петербургѣ. Надѣялись, что съ теченіемъ времени удаленіе отъ столицы и въ связи съ нею дѣятельность, которую могла предоставить этому молодому человѣку служба, сначала при генералѣ Инзовѣ и потомъ при графѣ Воронцовѣ, будутъ въ состояніи привести его на стезю добра и успокоить избытокъ воображенія, къ несчастію не всецѣло посвященнаго развитію русской литературы, природному призванію г-на Пушкина, которому онъ уже слѣдовалъ съ величайшимъ успѣхомъ. Прочитавъ бумаги, которыя я имѣю честь вамъ сообщить, Ваше Превосходительство усмотрите, что это ожиданіе не оправдалось. Императоръ убѣдился, что ему необходимо принять по отношенію къ Г-ну Пушкину нѣкоторыя новыя мѣры строгости, и, зная, что его родные владѣютъ недвижимостью въ Псковской губерніи, Его Величество положилъ сослать его туда, ввѣряя его Вашимъ, Го-

сподинъ Маркизь, неусыпнымъ заботамъ, и надзору мѣстныхъ властей. Отъ Вашего Превосходительства будетъ зависѣть, по прибытіи молодого Пушкина въ Псковъ, дать этому рѣшенію Его Величества наиболѣе соотвѣтствующее исполненіе.

Примите, Господинъ Маркизь, увѣреніе въ моемъ высокомъ уваженіи.

Нессельроде.

Его Пр-ву генералу маркизу Паулуччи.

Вверху помѣты: „№ 4937“ и „15 іюля 1824“, означающія день полученія Паулуччи этого отношенія; ниже—„15 іюля, № 3013“, номеръ и дата предписанія Паулуччи псковскому губернатору.

На 2-мъ листѣ находится „Copie d'une dépêche au Général S—te Woronzoff, en date de St. Pétersbourg, 11 Juillet 1824“. Это копія извѣстнаго отношенія министра къ графу М. С. Воронцову, о высылкѣ Пушкина изъ Одессы въ Псковскую губернію (см. „Русск. Стар.“ 1879 г., т. XXVI, стр. 293—294; 1887 г., январь, 246; „Вѣдом. Одесск. Градоначальства“ 1899 г., № 102).

На 3-мъ листѣ находится копія того письма Пушкина изъ Одессы, которое послужило однимъ изъ поводовъ къ его ссылке въ Михайловское: „Читая Шекспира и Библію“... и т. д. Объ этомъ письмѣ см. „Пушкинъ въ Александровскую эпоху“ П. В. Анненкова, стр. 261—262).

Прочитавъ отношеніе Нессельроде и приложенныя къ нему копіи, маркизь Паулуччи въ тотъ же день послалъ псковскому губернатору Б. А. Адеркасу слѣдующее предписаніе, которое сообщаемъ по черновому отпуску (листъ 4-й).

Г. Псковскому Гражд. Губ. Г. Д. С. С.

и Кав. Борису Антоновичу Адеркасу.

Управляющій Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ Г. Д. Тайный Сов. Графъ Нессельроде, препроводивъ ко мнѣ списокъ съ прилагаемаго у сего въ копіи отношенія его къ Г. Генералъ-Губернатору Графу Воронцову, изъ коего В. Пр. усмотрите обстоятельства отправленія въ Псковъ Коллежскаго Секретаря Пушкина, сообщилъ мнѣ Высочайшую Е. И. В. волю, дабы я учредилъ надъ означеннымъ Пушкинымъ, сосланнымъ на жительство къ родственникамъ своимъ въ губерніи Вамъ ввѣренной, надлежащій надзоръ.

Во исполненіе сего я поручаю В. Пр. снестись съ Г. Предво-

дѣтелемъ Дворянства о избраніи имъ одного изъ благонадежныхъ Дворянъ для наблюденія за поступками и поведеніемъ Пушкина, дабы сей по прибытіи въ Псковскую губернію и по взятіи В-мъ Пр. отъ него подписки въ томъ, что онъ будетъ вести себя благоправно, не занимаясь никакими неприличными сочиненіями и сужденіями, находился подъ бдительнымъ надзоромъ, при чемъ нужно поручить избранному для надзора Дворянину, чтобы онъ въ такихъ случаяхъ, когда замѣчены будутъ предосудительные его, Пушкина, поступки, тотчасъ доносилъ о томъ мнѣ черезъ В. Пр. О всѣхъ же распоряженіяхъ Вашихъ по сему предмету я буду ожидать Вашего увѣдомленія.

Вверху бумаги помѣты: „3013“ и „15 іюля 1824“ — номеръ и дата предписанія, бѣловой подлинникъ котораго долженъ находиться въ соотвѣтствующемъ дѣлѣ псковскаго губернскаго правленія. Не знаемъ, сохранилось ли оно.

Въ 1868 г. въ „Псковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 10, стр. 68) было напечатано изложеніе этого дѣла, небрежно пересказанное И. И. Василевымъ („Слѣды пребыванія А. С. Пушкина въ Псковской губерніи“, Спб., 1899 г., стр. 4—6, 7—8). Анненковъ пользовался имъ („Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, стр. 321).

Отвѣтъ на это предписаніе находимъ на 5-мъ листѣ дѣла. Вотъ что писалъ псковскій губернаторъ въ своемъ рапортѣ, который приводимъ полностью.

Его Сіятельству

Его Императорскаго Величества Генераль-Адъютанту Господину Генераль-отъ-Инфантеріи, Рижскому Военному и Псковскому, Лифляндскому, Эстляндскому и Курляндскому Генераль-Губернатору и Кавалеру Маркизу Филиппу Осиповичу Пауллучи.

Псковскаго Гражданскаго Губернатора Фонъ Адеркаса

РАПОРТЪ.

Имѣвъ честь получить предписаніе Вашего Сіятельства отъ 15 іюля за № 3013-мъ о высланиомъ по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію на жительство въ ввѣренную мнѣ Губернію, Коллежскомъ Секретарѣ Пушкинѣ и о учрежденіи надъ нимъ пристрастнаго, я относился къ Г. Губернскому Предводителю Дворянства, дабы избралъ одного изъ благонадежныхъ дворянъ для наблюденія за поступками и поведеніемъ его, Пушкина, и получилъ отъ него, Г. Губернскаго Предводителя Дворянства, увѣдомленіе, что попе-

чителемъ надъ Пушкинымъ назначилъ онъ Коллежскаго Совѣтника Рокотова, который, узнавъ о семъ назначеніи, отозвался болѣзнію, а равно и отъ порученія, на него возложеннаго. Г. Губернскій Предводитель Дворянства, увѣдомивъ меня о семъ, присовокупилъ, что помимо Рокотова, которому бы можно поручить смотрѣніе за Пушкинымъ, онъ другихъ дворянъ не имѣеть.

Итакъ, по прибытіи означеннаго Коллежскаго Секретаря Александра Пушкина и по отобраніи у него подписки и по сношеніи о семъ съ родителемъ его Г. Статскимъ Совѣтникомъ Сергѣемъ Пушкинымъ, извѣстнымъ въ Губерніи какъ по его добронравію, такъ и честности, и который съ крайнимъ огорченіемъ о учиненномъ преступленіи сыномъ его отозвался неизвѣстностію, порученъ въ полное его смотрѣніе съ тѣмъ завѣреніемъ, что онъ будетъ имѣть бдительное смотрѣніе и попеченіе за сыномъ своимъ.

Губернаторъ Б. фонъ Адеркасъ.

№ 7797.

4 октября 1824.

Г. Псковъ.

Вверху бумаги помѣты: „№ 6817“ и „8 октября 1824“. Ниже помѣта: „10 октября № 4381“.

Какъ разсказывается въ „Псков. Губернс. Вѣдом.“, 1868 г., № 10, губернский предводитель дворянства Львовъ, по соглашенію съ губернаторомъ, предложилъ Рокотову слѣдить за Пушкинымъ, но тотъ отказался. Въ августѣ 1824 г. Пушкинъ, въ присутствіи псковскаго губернатора, далъ подписку жить безотлучно въ помѣстьѣ отца, „вести себя благоправно“... и т. д., какъ говорится въ генераль-губернаторскомъ предписаніи.

На рапортъ губернатора маркизъ Пауллуччи отвѣтилъ (листъ 6-ой):

Псковскому Гражданскому Губернатору.

На рапортъ В. Пр-ва отъ 4-го сего октября за № 7797-мъ даю знать, что если Отецъ высланнаго на жительство во вѣренную вамъ губернію къ родственникамъ, Коллежскаго Секретаря Пушкина, Г. Статскій Совѣтникъ Пушкинъ согласится дать подписку въ томъ, что онъ будетъ имѣть неослабный надзоръ за поступками и поведеніемъ своего сына, то въ семъ случаѣ можетъ сей послѣдній оставаться подъ присмотромъ отца своего и безъ избранія особаго къ таковому надзору дворянина, тѣмъ болѣе, что родительская власть неограниченнѣе посторонней, и что Отецъ Пушкина по

удостовѣренію В. Пр—ва есть изъ числа добронравнѣйшихъ и честнѣйшихъ людей.

Генераль-Адъютантъ...

Вверху помѣты: „4381“, „10 октября 1824“ и „къ № 6817“.

По распоряженію Паулуччи, опочечкому предводителю дворянства А. Н. Пешурову было сообщено, что „если статскій совѣтникъ Пушкинъ дастъ подписку, что будетъ имѣть неослабный надзоръ за поступками и поведеніемъ сына, то въ семь случаевъ послѣдній можетъ оставаться подъ присмотромъ своего отца и безъ избранія особаго къ таковому надзору дворянина, тѣмъ болѣе, что отецъ Пушкина есть изъ числа добронравнѣйшихъ и честнѣйшихъ людей“. (Псковск. Губерн. Вѣдом., 1. с.).

Извѣстно, какая буря разыгралась между возмущеннымъ сыномъ и „добронравнѣйшимъ“ Сергѣемъ Львовичемъ, когда поэтъ узналъ, что отецъ не уклонился отъ этого предложенія. Отецъ и сынъ долго разсорились. Сергѣй Львовичъ вскорѣ уѣхалъ въ Петербургъ. Въ ноябрѣ 1824 г. онъ прислалъ увѣдомленіе, что довѣріемъ, оказаннымъ ему генераль-губернаторомъ, воспользоваться не можетъ, такъ какъ дѣла его требуютъ его пребыванія въ Москвѣ и Петербургѣ (Анненковъ, „Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, стр. 274; „Псковск. Губерн. Вѣдом.“, 1. с.).

Сидя въ Михайловскомъ, Пушкинъ, ссылаясь на болѣзнь, просилъ дозволенія ѣхать для поправленія здоровья въ столицы или за границу. Результатъ ходатайства былъ очень скромный и горько разочаровалъ поэта: ему было позволено лѣчиться въ Псковѣ. На 7-мъ листѣ дѣла находимъ слѣдующій документъ:

Милостивый Государь

Осипъ Осиповичъ.

Имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что Государь Императоръ Всемилоостивѣйше позволилъ уволенному отъ службы Коллежскому Секретарю Александру Пушкину, переведенному по Высочайшему повелѣнію изъ Одессы на жительство въ Псковскую Губернію, пріѣхать въ Г. Псковъ и имѣть тамъ пребываніе до излѣченія отъ болѣзни, о чемъ сообщено уже мною Г. Псковскому Гражданскому Губернатору, равно и о томъ, чтобы имѣлъ наблюдение за поведеніемъ и разговорами Г. Пушкина.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть

№ 843.

Вашего Превосходительства

Въ Царскомъ Селѣ

покорнѣйшій слуга

Іюня 1825.

Иванъ Дибичъ.

Его Императорскому Высочайшему.

Вверху помѣты: „№ 4446“ и „4 Іюля 1825“.

19 іюля 1825 г. псковская врачебная управа, освидѣтельствовавъ Пушкина по предложенію губернатора, выдала ему свидѣтельство о болѣзни („Псковск. Губерн. Вѣдом.“, I. с.; П. В. Анненковъ, цитир. сочин., стр. 316—317, у Анненкова свидѣтельство датировано 1826 годомъ). Ровно черезъ годъ свидѣтельство управы пригодилось Пушкину. 19 іюля 1826 г. псковскій губернаторъ отправилъ маркизу Паулуччи прошеніе Пушкина на высочайшее имя о дозволеніи ѣхать лѣчиться въ столицы или за границу (Анненковъ, цит. соч., 315—316)—при слѣдующемъ рапортѣ (листъ 9-й, на 8-мъ листѣ ничего не написано):

Его Сіятельству

Его Императорскаго Величества Генераль-Адъютанту, Господину Генераль-отъ-Инфантеріи, Рижскому Военному и Псковскому, Лифляндскому, Эстляндскому и Курляндскому Генераль-Губернатору и Кавалеру Маркизу Филиппу Осиповичу Паулуччи

Псковскаго Гражданскаго Губернатора фонъ-Адеркаса

РАПОРТЪ.

Извѣстный Вашему Сіятельству, находящійся по Высочайшему повелѣнію подъ надзоромъ Губернскаго Начальства и проживающій въ имѣніи отца своего Коллежскій Секретарь Александръ Пушкинъ, представивъ ко мнѣ на Высочайшее имя Его Императорскаго Величества прошеніе,—проситъ представить оное по Начальству.

Прошеніе сіе на Высочайшее имя, свидѣтельство о болѣзни и взятую отъ него Пушкина подписку о небытіи имъ ни въ какомъ тайномъ обществѣ, у сего почтительнѣйше Вашему Сіятельству представить честь имѣю.

Гражданскій Губернаторъ Б. фонъ-Адеркасъ.

№ 5498.

19 іюля 1826 г.

Псковъ.

Помѣты—вверху: „№ 5344“ и „24 іюля 1826“ и ниже: „30 іюля, № 922“. Первая дата обозначаетъ день полученія бумажки въ Ригѣ, а вторая—день отправленія подлежащаго отношенія къ Нессельроде.

Это отношеніе было извѣстно Анненкову, который привелъ выдержку изъ него (Анненковъ, пѣтир. сочин., стр. 319 — 320) Мы приводимъ его полностью съ находящагося въ дѣлѣ отпуски (листъ 10-й):

Милостивый Государь мой,

Графъ Карлъ Васильевичъ!

Выключенный изъ службы Коллежскій Секретарь Александръ Пушкинъ, посланный по распоряженію Г. Новороссійскаго Генералъ-Губернатора изъ Одессы въ Псковскую Губернію, и о подверженіи коего надзору Псковскаго Губернскаго Начальства В. С—во сообщить мнѣ изволили въ отношеніи отъ 12-го іюля прошлаго 1824 г. Высочайшую волю блаженной памяти Государя Императора Александра Павловича, поданнымъ нынѣ къ Псковскому Гражданскому Губернатору на Высочайшее имя прошеніемъ, при коемъ представилъ свидѣтельство Псковской Врачебной Управы о болѣзненномъ состояніи и подписку о непринадлежности его къ тайнымъ обществамъ, просить дозволенія ѣхать въ Москву или С.-Петербургъ или же въ чужіе края для излеченія болѣзни.

Усматривая изъ представленныхъ ко мнѣ вѣдомостей о состоящихъ подъ надзоромъ Полиціи, проживающихъ во ввѣренныхъ Главному Управленію моему губерніяхъ, что упомянутый Пушкинъ ведетъ себя хорошо, я побуждаюсь въ уваженіе приносимаго имъ раскаянія и обязательства никогда не противорѣчить своими мнѣніями общепринятому порядку, препроводить при семъ означенное прошеніе съ приложеніями къ В. С—ву, полагая мнѣніемъ не позволять Пушкину выѣзда за границу и покорнѣйше Васъ, Милостивый Государь мой, прося повергнуть оное на Всемиловѣйшее Его И. В—а воззрѣніе и о послѣдующемъ почтить меня увѣдомленіемъ Вашимъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть,

Милостивый Государь мой,

В. С—ва

Покорнѣйшій Слуга.

Вверху помѣты: „922“, „30 іюля 1826“, „къ № 5344“ и „Несельроде“.

Остальныя бумаги относятся къ освобожденію Пушкина изъ ссылки.

На 11-мъ листѣ находится слѣдующій рапортъ Адеркаса Пауллучи:

Его Сіятельству

Его Императорскаго Величества Генераль-Адъютанту Господину Генераль-отъ-Инфантеріи, Рижскому Военному и Псковскому, Лифляндскому, Эстляндскому и Курляндскому Генераль-Губернатору и Кавалеру Маркизу Филиппу Осиповичу Паулуччи

Псковскаго Гражданскаго Губернатора фонъ-Адеркаса

РАПОРТЪ.

Вчерашняго числа получилъ я отъ Его Высокопревосходительства Господина Начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, барона Дибича, съ нарочнымъ фельдъ-егеремъ предписаніе, — съ коего копію имѣю честь Вашему Сіятельству у сего представить.

Гражданскій Губернаторъ Б. фонъ-Адеркасъ.

№ 187.

4 Сентября 1826.

Псковъ.

Вверху помѣты: „№ 112“ и „12 Сент. 1826“.

Того же 4 сентября Адеркасъ послалъ Дибичу увѣдомленіе, за № 188, объ исполненіи его предписанія (Анненковъ, цитир. соч., 321).

На 12-мъ листѣ находится копія отношенія Дибича къ Адеркасу. Оно напечатано П. В. Анненковымъ (цитированное сочиненіе, 321).

На 13-мъ листѣ, которымъ заканчивается дѣло, находится слѣдующій рапортъ Адеркаса Паулуччи:

Секретно.

Его Сіятельству

Его Императорскаго Величества Генераль-Адъютанту, Господину Генераль-отъ-Инфантеріи, Рижскому Военному и Псковскому, Лифляндскому, Эстляндскому и Курляндскому Генераль-Губернатору и Кавалеру Маркизу Филиппу Осиповичу Паулуччи

Псковскаго Гражданскаго Губернатора фонъ-Адеркаса

РАПОРТЪ.

Дополнительно къ донесенію моему отъ 4-го числа сего мѣсяца за № 187, имѣю честь Вашему Сіятельству почтительнѣйше довести, что проживавшій въ Псковской Губерніи, извѣстный Вашему Сіятельству, 10-го класса Пушкинъ, по явкѣ ко мнѣ сего Сентября

5-го числа,—того жъ числа, во исполненіе Высочайшаго Государя Императора повелѣнія, съ нарочно-присланнымъ ко мнѣ отъ Г. Начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества Барона Дибича, фельдъегеремъ отправленъ при донесеніи моемъ къ Его Высокопревосходительству въ Москву.

Гражданскій Губернаторъ Б. фонъ-Адеркасъ.

№ 189.

7 сентября 1826.

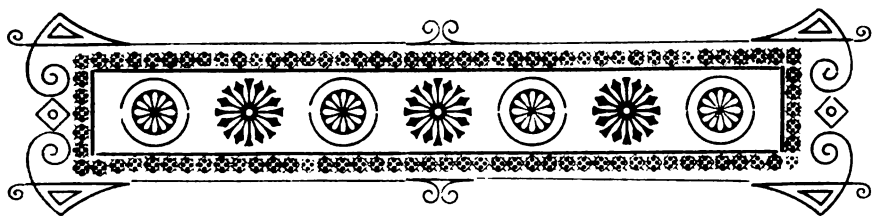
Псковъ.

Вверху помѣты: „№ 114“ и „12 Сент. 1826“.

По словамъ П. В. Анненкова (цитир. соч., 321), изъ посланнаго Адеркасомъ Дибичу увѣдомленія видно, что Пушкинъ выѣхалъ изъ Пскова 4 сентября вечеромъ. Надо думать, что оно было написано еще до отъѣзда Пушкина, который, вѣроятно, послѣдовалъ утромъ 5 сентября.

Сообщ. Н. Лернеръ.

Изъ прошлаго').

Эпизодъ изъ жизни „Военнаго Сборника“.

ОБЪЯСНЕНИЕ

на докладъ о вредномъ направленіи всей русской литературы вообще и „Военнаго Сборника“ въ особенности, составленный 1. военнымъ цензоромъ полковникомъ Штюмеромъ.

Въ Высочайше одобренномъ объявленіи о „Военномъ Сборникѣ“ сказано: „Всестороннее, добросовѣстное изученіе настоящаго матеріальнаго и нравственнаго состоянія нашихъ войскъ составляетъ первую обязанность этого журнала“.

Значеніе такого желанія Правительства не могло быть сомнительно, особенно по соображенію съ фактами, всѣмъ извѣстными и составлявшими одну изъ главныхъ заботъ Правительства.

Изслѣдованіе причинъ неуспѣха послѣдней войны¹⁾ открыло Правительству существованіе значительныхъ недостатковъ и злоупотребленій въ обученіи, вооруженіи и хозяйствѣ нашей арміи. Представлялась необходимость склонить всѣхъ благомыслящихъ офицеровъ къ искреннему исполненію мѣръ, принимаемыхъ Правительствомъ, для искорененія зла; вѣрнѣйшимъ путемъ къ тому было—дать самимъ офицерамъ средство узнать и высказать истину,—этимъ доказывалась бы для нихъ, собственными ихъ устами, неиз-

¹⁾ См. „Русскую Старину“, май 1908 г.

²⁾ 1853—54 г.г.

бѣжность и полезность преобразованій, предпринимаемыхъ Правительствомъ. Объясняя сами для себя недостатки, принадлежавшіе нашему военному быту, офицеры излагали бы и средства къ ихъ отстраненію. Если кто изъ нихъ жаловался бы неосновательно, или предполагалъ бы для улучшеній способы непрактичныя, изъ самой среды его товарищей поднимались бы голоса, показывающіе неосновательность его претензій, неудобопримѣнимость его проекта, — и собственнымъ убѣжденіемъ самихъ офицеровъ, сужденія ихъ о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ лишались бы всякаго преувеличеннаго характера; ихъ желанія относительно улучшеній въ ихъ бытѣ приводились бы къ размѣрамъ удобоисполнимымъ. А такъ какъ Правительство дѣйствительно искренно заботится объ улучшеніяхъ въ арміи и приняло уже, или готовится принять всѣ практически возможныя мѣры къ улучшенію ея быта, то и оказывалось бы, что мѣры Правительства соотвѣтствуютъ всѣмъ здравымъ желаніямъ самихъ офицеровъ, что Правительство дѣлаетъ все, что возможно, не дѣлаетъ только того, что признано за невозможное самими офицерами. Черезъ это водворялось бы въ арміи полнѣйшее довѣріе къ заботливости о ней Правительства, уничтожались бы всякія неудовольствія, и Правительству обезпечивалось бы точное и дѣятельное исполненіе всѣмъ сословіемъ офицеровъ тѣхъ улучшеній по вооруженію, тактическому обученію и хозяйству арміи, какія уже предприняты волею Государя. Такое довѣріе арміи къ Правительству въ особенности необходимо тогда, когда Правительство предпринимаетъ великія преобразованія въ государственномъ устройствѣ.

Итакъ, вопросъ о направленіи „Военнаго Сборника“ зависѣлъ отъ вопроса: хочетъ ли правительство, чтобы его мѣры понимались арміею въ истинномъ ихъ смыслѣ и исполнялись съ добросовѣстнымъ усердіемъ?

Отвѣтъ не могъ быть сомнительнымъ; онъ заключался въ дѣйствіяхъ самаго правительства; на тотъ же самый отвѣтъ указывали и основанія, Высочайше утвержденныя для изданія „Военнаго Сборника“.

Направленіе „Военнаго Сборника“ было понято огромнымъ большинствомъ русскихъ офицеровъ точно такъ, какъ предполагала понимать его редакция „Сборника“. Армія увидѣла въ этомъ изданіи новый залогъ довѣрія къ ней и заботливости о ней правительства. Изъ нѣсколькихъ сотъ статей, доставленныхъ въ „Военный Сборникъ“, не было ни одной, которая имѣла бы иной смыслъ.

Назначеніе, опредѣленное для „Военнаго Сборника“ его Высо-

чайше утвержденнымъ объявленіемъ, могло достигаться только дѣятельностью самихъ офицеровъ русской арміи; потому объявленіе прямо и обращалось къ офицерамъ, говоря имъ, что они одни могутъ рѣшить задачу, исполненію которой долженъ, по указанію правительства, служить „Военный Сборникъ“.

Офицеры русской арміи отвѣчали на это приглашеніе съ такимъ просвѣщеннымъ сочувствіемъ къ намѣренію, съ которымъ правительство основало „Военный Сборникъ“, что съ самаго начала этотъ журналъ сталъ однимъ изъ пользующихся наибольшимъ уваженіемъ въ публикѣ. Мы можемъ это сказать, не нарушая скромности, потому что заслуга принадлежит не редакціи, а сотрудникамъ, дѣйствовавшимъ совершенно самостоятельно. Редакція должна сказать о себѣ въ этомъ отношеніи развѣ только то одно, что она не отвергала хорошихъ статей и не портила ихъ.

Такимъ образомъ, направленіе „Военнаго Сборника“ не зависѣло отъ редакціи: оно было указано журналу Высочайше утвержденными основаніями и осуществлено дѣятельностью всего корпуса офицеровъ русской арміи, въ которомъ всѣ просвѣщенные люди явились проникнутыми однимъ и тѣмъ же духомъ.

Послѣднее обстоятельство особенно ясно выказывается слѣдующимъ фактомъ. Редакція объявляла, что съ готовностью будетъ печатать всякія возраженія на статьи, помѣщенныя въ „Сборникъ“. Дѣйствительно, возраженій явилось очень много, и всѣ они, если были хотя сколько-нибудь грамотны, печатались въ „Сборникъ“. Но и эти возраженія всѣ написаны въ томъ же самомъ духѣ, какъ и остальные статьи „Сборника“¹⁾. Спорившіе разнились между собою въ оцѣнкѣ важности того или другого факта, въ сужденіяхъ о предпочтительности той или другой подробности какого нибудь предложеннаго способа къ улучшенію, а въ основныхъ понятіяхъ и желаніяхъ всѣ сходились единодушно.

Но извѣстно всѣмъ, что просвѣщенные намѣренія Государя возбуждаютъ неудовольствіе въ горсти людей, незначительной по числу, но сильной именно тѣмъ, что она защищаетъ злоупотребленія, слѣдовательно, неразборчива въ средствахъ оппозиція. Не отвѣщая на открытое сопротивленіе, эти люди прикрываютъ свои умыслы разными предлогами.

¹⁾ Кромѣ одного возраженія, помѣщеннаго въ № 7 „Военнаго Сборника“; редакція была обязана напечатать это возраженіе, потому что имъ думалъ защитить себя авторъ, захотѣвшій видѣть обвиненіе своимъ распоряженіемъ въ словахъ статьи „Военнаго Сборника“, говорившей о состояніи здоровья Южной арміи въ минувшую войну.

Главное коварство тайныхъ противниковъ просвѣщенной воли Государя Императора заключается въ томъ, чтобы говорить о вредѣ, будто бы приносимомъ правительству раскрытіемъ злоупотребленій и довѣріемъ къ Россіи. Они проповѣдуютъ скрытность, мракъ. Цѣль ихъ при этомъ очевидна, обманъ слишкомъ грубъ. Пока злоупотребленіе не обличено вполнѣ, до той поры они имѣютъ надежду какъ-нибудь отстоять и сохранить его для своей личной выгоды. Но развѣ можетъ любить мракъ и скрытность тотъ, кто хочетъ чести правительству, пользы Государству, чьи намѣренія чисты? Дурное правительство разнится отъ хорошаго не тѣмъ, что при дурномъ существуютъ злоупотребленія, а при хорошемъ ихъ не существуетъ, — нѣтъ, они существуютъ всегда и повсюду, при всякомъ правительствѣ; нѣтъ, разница въ томъ, что дурное правительство покровительствуетъ злоупотребленіямъ и прикрываетъ ихъ, а хорошее старается искоренить ихъ, пользуется для того всѣми честными средствами, изъ которыхъ первое—преслѣдованіе злоупотребленій свѣтомъ истины, и призываетъ къ содѣйствію себѣ всѣхъ честныхъ людей, то есть любить правду.

По мѣрѣ своихъ силъ, въ кругу дѣйствія, ему предназначенномъ, „Военный Сборникъ“ усердно служилъ просвѣщеннымъ намѣреніямъ Государя Императора. Противники намѣреній Государя не могли не чувствовать вражды и къ нему, какъ враждуютъ они противъ всякой правды. Средствомъ въ этой враждѣ послужило имъ, какъ всегда, недобросовѣстное искаженіе фактовъ.

Мы подробно разсмотримъ докладъ полковника Штюрмера, обвиняющій всю русскую литературу въ стремленіи унижить честь русской арміи (какъ будто бы русская публика, вся масса которой состоитъ изъ людей, принадлежащихъ или принадлежавшихъ къ арміи, или имѣющихъ родственниками офицеровъ, могла потерпѣть въ литературѣ подобное стремленіе), особенно обвиняемый въ этомъ направленіи „Военный Сборникъ“, какъ будто бы онъ издается не подъ непосредственнымъ наблюденіемъ начальства одного изъ корпусовъ русской арміи, какъ будто бы изъ трехъ его редакторовъ два не принадлежать къ офицерамъ русской арміи, какъ будто бы всѣ статьи этого изданія ¹⁾ написаны не офицерами русской арміи, какъ будто бы 5.800 человекъ ²⁾ офицеровъ русской арміи могли

¹⁾ За исключеніемъ только двухъ, имѣющихъ чисто историческое содержаніе и относящихся къ отдаленной старинѣ.

²⁾ Изъ 6.000 экземпляровъ «Военнаго Сборника», расходившихся въ нынѣшнемъ году, менѣе двухъ сотъ получались лицами не военного сословія; остальные болѣе нежели 5.800 экземпляровъ выписывались офицерами.

сочувствовать изданію, когда бы оно не служило къ чести русской арміи.

Г. военный цензоръ говоритъ, что военно-цензурныя правила начинаются слѣдующими двумя параграфами: „1) не допускать къ напечатанію ничего оскорбительнаго для чести русскаго войска. 2) не допускать никакихъ нападокъ, ни насмѣшекъ на счетъ-какой либо части нашихъ войскъ или корпуса офицеровъ“.

Чтобы умѣть охранять эти правила, надобно, прежде всего, умѣть понимать ихъ.

Честь каждаго сословія состоитъ въ томъ, чтобы не обнаруживать преступнаго потворства недостойнымъ своимъ сочленамъ и сочувствовать всему тому, что нужно для достиженія цѣли, предназначенной этому сословію государственнымъ устройствомъ и желаніями правительства. Русская армія хорошо понимаетъ это и ставитъ себѣ за честь радоваться всему, что ведетъ къ искорененію въ ея рядахъ невѣжества и недобросовѣстности. Она понимаетъ, что каждое многочисленное сословіе заключаетъ въ себѣ нѣсколькихъ людей, достойныхъ порицанія, что честь сословія требуетъ не прикрывать ихъ и не потворствовать имъ, а стараться исправить ихъ.

Необходимымъ средствомъ къ тому всѣ образованные люди считаютъ литературное изобличеніе недобросовѣстности и пороковъ, потому русская армія съ одобреніемъ принимаетъ статьи, способствующія совершенному очищенію ея отъ недостатковъ. Но г. военный цензоръ понимаетъ честь не такъ, какъ понимаетъ ее огромное большинство офицеровъ русской арміи. Онъ не доволенъ, онъ находитъ предосудительнымъ для чести русской арміи направленіе „Военнаго Сборника“.

О направленіи „Военнаго Сборника“ каждый можетъ судить сообразно своимъ понятіямъ. Но какъ бы ни судилъ кто, не долженъ упускать онъ изъ виду одного факта: направленіе „Военнаго Сборника“ придано этому изданію не редакціей, не начальствомъ Гвардейскаго штаба, а самими офицерами русской арміи. Тотъ, кто осуждаетъ это направленіе, не долженъ забывать, что онъ идетъ противъ чувствъ огромнаго большинства русскихъ офицеровъ.

Редакція, изъ множества получаемыхъ ею статей, выбирала къ напечатанію тѣ или другія, не по различію въ ихъ направленіи, а единственно по степени ихъ занимательности, дѣльности и достоинству изложенія. Относительно направленія, выборъ былъ невозможенъ, потому что рѣшительно всѣ безъ исключенія статьи были приняты сдѣлаковымъ направленіемъ. Даже полковникъ Штур-

меръ не могъ не замѣтить этого: въ запискѣ о „Военномъ Сборникѣ“, приложенной къ докладу о направленіи литературы вообще, онъ говоритъ самъ, что четыре статьи, написанныя, одна пѣхотнымъ армейскимъ офицеромъ, другая артиллерійскимъ, третья стрѣлковымъ, четвертая казачьимъ, и помѣщенныя въ первой книжкѣ „Сборника“, „заслуживаютъ особаго вниманія (собственные слова полковника Штюрмера), съ одной стороны, по важности разсматриваемыхъ предметовъ и видимому сходству, почти тождественности взгляда на оныя, а съ другой потому, что слѣчайное совокупленіе сихъ четырехъ голосовъ можетъ быть принято неопытнымъ читателемъ за гласъ большинства всей арміи“.

Если бы полковникъ Штюрмеръ самъ былъ опытнымъ судьей въ литературныхъ дѣлахъ, то онъ понималъ бы, что, написавъ эти слова, онъ безвозвратно осуждаетъ самъ себя. Что говоритъ онъ этими словами? Онъ говоритъ, что четыре офицера, принадлежащіе къ совершенно различнымъ родамъ войскъ, думаютъ о положеніи нашей арміи, ея потребностяхъ, достоинствахъ и недостаткахъ, совершенно одинаково. Редакція можетъ прибавить, что эти офицеры живутъ въ различныхъ концахъ Россіи: одинъ въ Петербургѣ, другой въ деревнѣ на сѣверѣ Россіи, третій въ Оренбургскомъ краѣ, четвертый въ районѣ расположенія первой арміи. Взгляды этихъ людей, не видѣвшихъ другъ друга въ лицо, сходны, по словамъ полковника Штюрмера, до тождественности. Если бы ихъ мысли были ихъ личными частными мнѣніями, они разошлись бы между собою хотя въ чемъ-нибудь. Но они говорятъ совершенно одно и то же. Ясно, что каждый изъ нихъ выражаетъ общее мнѣніе, одинаковое во всѣхъ частяхъ войскъ. Сходство простирается до того, что полковникъ Штюрмеръ не можетъ раздѣлить этихъ четырехъ статей одну отъ другой и въ своей запискѣ разбираетъ ихъ всѣ вмѣстѣ, какъ будто одну статью. Да и какъ мнѣнію, выражаемому этими четырьмя статьями, не быть одинакову во всѣхъ частяхъ арміи, когда во всѣхъ частяхъ происходитъ одно и то же, когда въ одно и то же время правительство получаетъ извѣстія объ одинаковыхъ злоупотребленіяхъ въ Кронштадтѣ, въ Петровскѣ, въ Саратовѣ и Балашовѣ? Если бы полковникъ Штюрмеръ понималъ значеніе того, что самъ говоритъ, онъ, или не написалъ бы этихъ словъ, или зналъ бы, что, написавъ ихъ, онъ самъ себя опровергъ, или чувствовалъ бы, по крайней мѣрѣ, что, послѣ этихъ словъ, осуждая „Военный Сборникъ“, онъ осуждаетъ большинство офицеровъ русской арміи. Вѣдь онъ самъ прибавляетъ, что впечатлѣніе, производимое сходствомъ осуждаемыхъ имъ статей, представляетъ ихъ за „голосъ большинства всей арміи“; въ другомъ мѣстѣ своей

записки о „Военномъ Сборникѣ“ онъ положительно говорить, что направленіе осуждаемаго имъ журнала пользуется сочувствіемъ въ арміи.

Надобно ли объяснять послѣ этого, что такое дѣлають люди, возбуждающіе Правительство противъ статей, служащихъ выраженіемъ мнѣній большинства офицеровъ русской арміи и на гражданныхъ, по собственному признанію этихъ людей, сочувствіемъ арміи? Понимаетъ ли полковникъ Штюмеръ, что онъ дѣлаеть, желая возбудить неудовольствіе Правительства противъ чувствъ всего сословія офицеровъ русской арміи? И чѣмъ заслужило сословіе нашихъ офицеровъ этотъ гнѣвъ? Развѣ тѣмъ, что хочетъ быть еще лучшимъ, нежели каково оно теперь? Или тѣмъ, что, по собственнымъ словамъ полковника Штюмера „офицеры нашей арміи принесли, въ недавнее время, престолу и отечеству столько благородныхъ жертвъ, которыхъ прахъ еще не остылъ и раны еще не закрылись“?

Первымъ параграфомъ военно-цензурныхъ правилъ охраняется честь всей арміи; второй параграфъ охраняетъ честь каждой отдѣльной части войска и корпуса офицеровъ въ особенности. Говоря о нападкахъ и насмѣшкахъ, второй параграфъ, конечно, разумѣетъ нападки и насмѣшки предосудительныя для чести того или другого рода войскъ и корпуса офицеровъ: это видно изъ соображенія его съ первымъ параграфомъ.

Но кромѣ насмѣшекъ, оскорбительныхъ для чести, есть невинная шутка, надъ которою въ образованномъ обществѣ весело хочется первый тотъ самый, къ кому она относится. Извѣстно, что человѣкъ, умственно неразвитый, не понимаетъ разницы между этою шуткою и оскорбительною для чести насмѣшкою. Онъ становится смѣшонъ или отвратителенъ, оскорбляясь тѣмъ, что ни мало не оскорбительно.

Теперь посмотримъ, какъ понимаетъ полковникъ Штюмеръ второй параграфъ военно-цензурныхъ правилъ и чего требуетъ онъ отъ нашихъ офицеровъ. Вотъ его собственныя слова: „Когда, въ недавнемъ времени, фельетонистъ Де-Пеннь позволилъ себѣ упомянуть о подпоручикахъ, которые къ ущербу дамскихъ нарядовъ являются на балы въ мундирѣ“ (дѣло шло вовсе не о мундирѣ), „то хотя статья его и не заключала повидимому ничего лично оскорбительнаго, однакожъ порицаніе носить мундиръ въ обществѣ показалось военнымъ людямъ обиднымъ. Не одни только подпоручики“ (нѣтъ, они одни) „все офицерское сословіе признало себя оскорбленнымъ, и офицеры разныхъ чиновъ“ (нѣтъ, только

одни подпоручики), „разныхъ командъ и изъ разныхъ городовъ потребовали удовлетворенія редакціи у журнала. Можетъ быть они обнаружили въ этомъ случаѣ излишнюю щекотливость, можно также упрекнуть дравшихся подпоручиковъ въ неблагородномъ окончаніи дуэли съ Пенномъ, но за всѣмъ тѣмъ, надобно согласится, что первоначальный порывъ негодованія офицеровъ произошелъ изъ понятія объ оскорбленіи ихъ званія и что это, сильно развитое чувство чести, составляетъ главнѣйшую долю нравственной силы французской арміи. Изъ этого наконецъ видно, въ какой степени необходимо дѣлать это чувство въ арміи и охранять отъ незаслуженныхъ нападковъ“.

Полковникъ Штюмеръ хвалитъ поведеніе французскихъ подпоручиковъ въ исторіи съ фельетонистомъ Пенномъ. Надобно изложить эту исторію, чтобы видѣть, какія понятія о чести офицера имѣетъ полковникъ Штюмеръ. Рассказывая въ забавномъ видѣ о какомъ-то балѣ и подсмѣиваясь надъ всѣми лицами, тутъ бывшими, Пенъ сказалъ, между прочимъ, что былъ на балѣ одинъ подпоручикъ, который плохо умѣлъ танцевать и по неловкости разорвалъ шпорою платье дамы, съ которою танцевалъ. Само собою разумѣется, что всѣ дѣйствующія лица, и въ томъ числѣ подпоручикъ, были выдуманы. Кажется, тутъ не было обиды никому, но французскіе подпоручики обидѣлись. Можетъ ли благовоспитанный человѣкъ принимать въ обиду шутки надъ неловкостью его манеръ? Онъ чувствуетъ, что сдѣлался бы черезъ это смѣшнымъ и пошлымъ; онъ знаетъ, что ему слѣдуетъ первому отъ души смѣяться при этихъ шуткахъ, и дѣйствительно смѣется отъ души, понимая, что ловкость или неловкость манеръ не возвышаетъ и не унижаетъ его чести. Французскіе подпоручики, обидѣвшіеся шуткою Пена, только выказали себя людьми дѣйствительно неблаговоспитанными и смѣшными.

Но тѣмъ не кончилось дѣло: этихъ обиженныхъ собралась цѣлая ватага, и всѣ они послали вызовъ Пengu драться поочередно съ каждымъ изъ нихъ. Если цѣлое общество считаетъ нужнымъ загладить посредствомъ дуэли оскорбленіе, нанесенное ему отдѣльнымъ лицомъ, то между порядочными людьми принято за правило, чтобы это общество выбирало отъ себя одного, такъ сказать, депутата, который бы дрался одинъ отъ имени всѣхъ. Нарушивъ это правило, подпоручики, составившіе ватагу, показали себя людьми не только неблаговоспитанными и смѣшными, но и неблагородными.

И этого мало. Они поставили драться противъ Пена такого офицера, который служилъ учителемъ фехтованія. Они выставили

человѣка, который навѣрняка долженъ былъ убить Пена, такъ чтобы до нихъ не дошла и очередь драться, а между тѣмъ каждый изъ нихъ хвастался своимъ вызовомъ. Это было уже поступкомъ не просто людей смѣшныхъ, неблаговоспитанныхъ и не совсѣмъ порядочныхъ, но прямо дѣломъ низкихъ, трусливыхъ хвастуновъ, дѣлающихъ подлость. Мы увѣрены, что въ цѣлой нашей арміи не найдется ни одного офицера, который бы согласился участвовать въ подобной подлой штукѣ.

И этого всего мало. Низкій бандитъ, избранный отъ цѣлой ватаги, чтобы навѣрняка зарѣзать человѣка, плохо владѣвшаго шпагой, не успѣлъ первымъ ударомъ зарѣзать его: рана была не смертельна; однако же, была такъ тяжела, что Пенъ выпустилъ изъ рукъ шпагу и зашатался, падая. Въ эту минуту господинъ учитель фехтованія, прицѣпившись хорошенько, воткнулъ шпагу въ грудь обезоруженнаго, падающаго противника и проткнулъ его насквозь. Въ нашей арміи, слава Богу, не бывало еще примѣра, чтобы офицеръ совершилъ подобную гнусность. Но если бы она совершилась, нѣтъ сомнѣнія, что всѣ до одного офицеры того полка, къ которому принадлежалъ бы негодяй, потребовали бы, чтобы онъ снялъ мундиръ, имъ обезчещенный, потребовали бы, чтобы этотъ человѣкъ былъ преданъ военному суду, подвергнутъ позорнѣйшему наказанію, чтобы надъ его головой была сломана шпага, которую онъ осквернилъ.

И чувства этихъ-то людей осмѣливается полковникъ Штюрмеръ ставить въ примѣръ нашимъ офицерамъ. Онъ не понималъ, какъ подлѣ, какъ гнусенъ поступокъ, выставляемый имъ за примѣръ для подражанія русскимъ офицерамъ. Такимъ ли людямъ, которые не знаютъ различія между чувствомъ чести и гнуснѣйшею подлостью, такимъ ли людямъ охранять честь русской арміи? Имъ ли учить кого бы то ни было пониманію чести?

Онъ извиняется незнаніемъ и непониманіемъ; онъ просто хотѣлъ похвалить французскую армію,—намѣреніе доброе, только случай къ похвалѣ выбранъ неудачно.

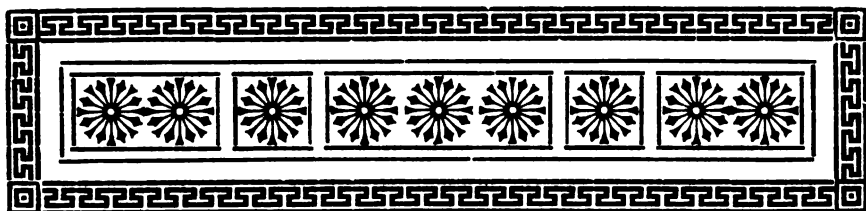
Можетъ быть, не совсѣмъ удачна и вообще его мысль ставить французскую армію примѣромъ для русской въ дѣлахъ чести. Первый долгъ чести для арміи — вѣрность Правительству. Что же дѣлала французская армія въ послѣднія тридцать лѣтъ? Она измѣнила въ 1830 году Бурбонамъ, она измѣнила въ 1848 году Людовику Филиппу, она измѣнила своимъ генераламъ, возмущившись противъ нихъ 2-го декабря 1837 года, она теперь готовится измѣнить Наполеону III: подъ Севастополемъ она уже кричала: *vive la republique!* Она храбра на полѣ битвы, но она при каждой смутѣ покрывала

себя безчестіемъ въ Парижѣ. Каждый разъ она звѣрски рѣзала стариковъ и женщинъ при началѣ народнаго волненія, и каждый разъ, какъ только волненіе усиливалось, покидала свои знамена и фратернизировала съ мятежниками. Это ли чувство чести, которое ставятъ въ примѣръ русской арміи противники „Военнаго Сборника“?

Сообщ. П. Паренсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сандепу и Мукденъ ¹⁾.

(Воспоминанія запаснаго).

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СХЕМЪ).

(Окончаніе).

Квартіры, отведенныя намъ въ Чжантани, не были конечно роскошны, и онѣ отнюдь не напоминали собою тѣхъ казарменныхъ помѣщеній, къ которымъ мы привыкли въ мирное время. Конечно, никто изъ насъ и не помышлялъ о подобныхъ помѣщеніяхъ; хорошо уже было и то, что каждая рота имѣла въ своемъ распоряженіи отдѣльный дворъ съ фанзою и прочими хозяйственными постройками—сараями, конюшнями, навѣсами и прочее. Фанза могла вмѣстить только часть людей роты, остальные расположились въ пристройкахъ, при чемъ было уже и то хорошо, что являлась возможность временами заходить въ фанзу и обогрѣваться.

Когда мы пришли въ Чжантань, то эта огромная деревня, вмѣстившая въ себя множество войскъ, изобиловала огромными запасами всякаго рода зерна, а также и соломы. Зерно китайцы постарались хорошо укрыть въ особыхъ ямахъ, которыя они нарочно съ этой цѣлью выкопали въ такихъ мѣстахъ, гдѣ трудно было заподозрить присутствіе какого бы то ни было склада; но русскій человѣкъ какъ-то особенно чутко относительно хранилищъ чужого добра. Несмотря на прекрасную маскировку этихъ ямъ соломой, мусоромъ, навозомъ и прочими препаратами, солдаты легко отыскивали присутствіе такихъ вмѣстителей съ помощью прикладовъ: постучить солдатъ легонько прикладомъ о землю и скажетъ—стоитъ тутъ копать или не стоитъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“. 1908 г. февраль.

Много было извлечено изъ-подъ земли картошки, чумизы и всякаго рода зерновыхъ запасовъ. Попадались ямы, въ которыхъ были сложены теплая одежда, женскіе костюмы,—нѣкоторые весьма цѣнные, вышитые шелками, но все это было не нужное, а потому вещей этихъ и не трогали.

Самымъ цѣннымъ предметомъ въ солдатскомъ обиходѣ была гаоляновая солома, на которой солдаты спали, устраивалъ изъ нея себѣ шалашъ и кипятилъ на ней свой чайникъ. Этой соломы были всюду цѣлыя скирды, и такъ какъ русскій человѣкъ совсѣмъ не привыкъ быть экономнымъ, да къ тому же никто и не зналъ—долго ли намъ придется просидѣть въ этой деревнѣ, то на скирды эти набросались, и дѣло о правильномъ распредѣленіи и употребленіи соломы не было упорядочено; солдаты жгли ее цѣлыми снопами, благодаря чему загорались соломенные крыши фанзъ, и въ деревнѣ начались частые пожары.

Если какой-нибудь китайскій историкъ, описывая въ будущемъ это трудное для жителей время, желая отбѣнить чувство патріотизма китайцевъ, скажетъ, что жители деревень жгли свои дома для того только, чтобы они не достались русскимъ, то онъ скажетъ неправду. Китайскія фанзы горѣли вовсе не ради патріотизма ихъ хозяевъ, а ради халатности и безопасности русскихъ.

Правда, бывали случаи, что китайцы поджигали свои фанзы, какъ объ этомъ было уже сказано, но это дѣлалось совершенно съ другой цѣлью, и на это нужно смотрѣть какъ на исключительное явленіе.

Благодаря этимъ пожарамъ, которые начались чуть ли не съ первыхъ часовъ нашего появленія въ деревнѣ, число домовъ и надворныхъ построекъ значительно уменьшилось, и многимъ людямъ, за неимѣніемъ мѣста, пришлось расположиться на дворахъ подъ открытымъ небомъ въ теченіе болѣе чѣмъ мѣсячнаго стоянія въ этой деревнѣ.

Первый день нашего прибытія въ Чжантанъ мы провели спокойно, и непріятель не тревожилъ насъ до ночи, но часовъ въ 11 ночи, когда мы расположились отдохнуть, вдругъ началась пальба. Пули засвистѣли въ разныхъ направленіяхъ, и черезъ нѣсколько минутъ роты поднялись и построились. Было приказано слѣдовать на сборный пунктъ, куда минутъ черезъ 10 собрался весь полкъ. Такъ какъ никакихъ приказаній не получалось, то мы и стояли, не зная что дѣлать; а перестрѣлка продолжалась, причемъ съ нашей стороны выстрѣловъ не было, а стрѣляли японцы.

Въ темнотѣ трудно даже было понять—откуда собственно летятъ пули, и казалось, что онѣ летѣли со всѣхъ сторонъ.

Мало по малу перестрѣлка начала стихать, а вскорѣ и совсѣмъ замолкла, и намъ приказали возвратиться на свои мѣста.

Оказалось впоследствии, что это какая-то незначительная японская часть—смѣлая и отважная, въ темнотѣ подкралась къ развалинамъ, бывшимъ на другой сторонѣ рѣки противъ деревни, и оттуда открыла огонь съ цѣлью надѣлать переполохъ.

Остатокъ ночи мы провели спокойно.

До 20-го января наша служба въ Чжантани была сравнительно легкою. Полки поочередно ходили на южную окраину деревни и располагались тамъ на позиціи за стѣнками, вполне готовые къ бою; еще южнѣе стѣнокъ въ полъ-верстѣ разстоянія отъ нихъ находилась небольшая деревенька, которую мы называли Безымянной. Въ эту „Безымянку“ высылалась обыкновенно на сутки, а то и на двое рота, которая также должна была соблюдать полную боевую бдительность. На ночь впереди Безымянной выставлялось сторожевое охраненіе отъ берега рѣки Хунхе—на лѣвомъ флангѣ, до соприкосновенія съ войсками, стоящими въ верстахъ трехъ правѣе насъ въ деревнѣ Яндіопа.

Схема Чжантани и ея окрестности видна здѣсь на кроки.

При первоначальномъ нашемъ расположеніи деревня Чжантань-Хенань не была нами занята, а находилась во власти японцевъ и они могли, слѣдовательно, постоянно тревожить насъ изъ этой деревни огнемъ, а по ночамъ устраивать тревоги, подобныя той, о которой было уже сказано.

До 20-го января деревня эта однако находилась въ рукахъ непріятеля.

Помню, 18-го января днемъ нашъ полкъ уже второй разъ заступилъ на дежурство на стѣнкахъ; мы расположились на знакомыхъ уже намъ мѣстахъ, выславъ роту въ Безымянную.

18-го и 19-го простояли спокойно и ночью были увѣрены, что насъ смѣнитъ другой полкъ, а насъ отведутъ въ деревню на отдыхъ.

Командиръ полка сидѣлъ въ фанзѣ, которая была въ серединѣ нашего расположенія. Слышно было, какъ онъ, грѣясь надъ разложеннымъ въ чугунномъ китайскомъ котлѣ костромъ, отъ котораго вся фанза наполнилась ѣдкимъ дымомъ, говорилъ офицерамъ, что непременно, по возвращеніи домой, поставитъ у себя въ гостиной подобную универсальную грѣлку; офицеры смѣялись, а въ общемъ настроеніе было довольно веселое, несмотря на убожество окружающей обстановки.

Въ углу фанзы, спрятавшись въ грудахъ разнаго наваленнаго здѣсь мусора и всякихъ обломковъ, жалобно мяукала одичавшая кошка, для которой настали также невыносимо тяжелые дни, съ

ухода отсюда хозяевъ. Помню, эта несчастная кошка ужасно насъ всѣхъ беспокоила. Неоднократно предпринимались облавы на бѣдное животное, ничѣмъ неповинное, которое своимъ, душу раздирающимъ крикомъ напоминало намъ о томъ, что оно голодно и страдаетъ невыносимо. Днемъ кошка эта успокаивалась, но какъ только темнѣло, и фанза освѣщалась мигающими отблесками разложеннаго въ тазу костра, такъ и начиналась эта непріятная исторія.

Она то кричала гдѣ-то на поверхности въ темномъ углу среди мусора, то уходила куда-то подъ кирпичныя каны, и тогда ея жалобное мяуканіе дѣлалось глухимъ, какъ бы выходящимъ изъ-подъ земли; то мяуканіе это затихало на время и потомъ снова возобновлялось совершенно ясно и отчетливо. Пробовали поймать ее на приманку, для чего клали какую-нибудь корку, или сахаръ, но животное было хитро; оно стаскивало приманку и уносило ее куда-то въ нѣдра земли, и оттуда снова слышалось его жалобное мяуканіе.

Ночь по обыкновенію была свѣтлая и морозная.

Часа въ три загрохотала впереди и влѣво перестрѣлка. Пули начали долетать и къ намъ, но никто на нихъ не обращалъ уже никакого вниманія; всѣ привыкли къ подобнымъ сюрпризамъ и знали, что пострѣляютъ съ полъ часа, да и кончатъ; такъ оно и теперь было.

Мы вошли въ фанзу; снова развели огонекъ, намѣреваясь погрѣться, но вдругъ командиру полка принесли экстренную записку отъ начальника дивизіи. Въ запискѣ этой говорилось, что черезъ полъ-часа нашъ полкъ будетъ смѣненъ другимъ полкомъ, а намъ приказано прибыть на сборный пунктъ дивизіи, откуда мы, поддерживаемые двумя баталіонами отъ другихъ полковъ, должны будемъ немедленно идти на штурмъ деревни Чжантань-Хенань, которую приказано взять во что бы то ни стало.

Попробуйте, читатель, стать на наше мѣсто для того, чтобы дать себѣ отчетъ о томъ, что мы должны были чувствовать, получивъ приказаніе идти въ атаку; вы навѣрное скажете, что страхъ смерти долженъ былъ заглушить у каждого изъ насъ всякое другое чувство. Но я, какъ участникъ этой войны, скажу вамъ, что это совершенно не такъ. Мысль о смерти не бередитъ мозгъ, а такъ:—мелькнетъ на одно мгновеніе и сейчасъ же какъ бы растаетъ среди другихъ мыслей и заботъ, изъ коихъ главное—о томъ, чтобы по возможности добросовѣстно исполнить свой долгъ. Надъ этимъ вопросомъ мысль сильно работаетъ: а что, если струшу, и ноги откажутся повиноваться; а что, если не выдержу огня и поверну

назадъ; вотъ, приблизительно какія мысли волнуютъ большинство людей, которыхъ ведутъ въ бой.

Люди эти, когда передъ рѣшительной минутой осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ, то молятъ Бога не о томъ, чтобы Онъ сохранилъ бы ихъ, а о томъ, чтобы поддержалъ въ трудную минуту.

Помоги, Господи, шепчутъ уста этихъ людей, когда они, снявъ свои шапки, начинаютъ набожно креститься.

Часовъ въ пять утра 20-го января полкъ нашъ былъ смѣненъ другимъ полкомъ нашей дивизіи, за исключеніемъ только первой роты, которая на этотъ разъ занимала постъ въ Безымянной.

Мы пошли на сборный пунктъ, который былъ недалеко—на площади въ Чжантани. Помню, что мы проходили мимо горѣвшей фанзы. Пламя высоко поднималось къ небу, освѣщая насъ красноватымъ заревомъ. Никто и не думалъ тушить пожараща, и такъ фанза эта и догорѣла до тла.

На сборномъ пунктѣ начальникъ дивизіи назначилъ нашъ полкъ въ боевую линію и приказалъ выдѣлить одну роту въ прикрытіе пулеметовъ, которые были приданы нашей штурмовой колоннѣ. Была выдѣлена вторая рота, и такимъ образомъ въ полку осталось шесть ротъ.

Во вторую линію за нами были назначены два баталіона отъ другихъ полковъ нашей дивизіи; лѣвѣе насъ должны были идти на штурмъ на ту же деревню баталіоны отъ прочихъ дивизій, расположенныхъ вмѣстѣ съ нами въ Чжантани.

Въ виду того, что было приказано атаковать съ разсвѣтомъ, а востокъ уже загорался зарею, то начальникъ дивизіи и приказалъ немедленно начать движеніе.

Стройной колонной, идя въ ногу, мы тронулись по улицѣ деревни и вскорѣ достигли окраины ея, выходящей на берегъ рѣки Хунхе.

Командиръ полка остановилъ голову колонны и, стоя у опрокинутой и обмерзшей большой лодки, началъ отдавать приказанія о томъ—въ какомъ порядкѣ и куда должны были слѣдовать роты.

Порядокъ этого слѣдованія виденъ на прилагаемой схемѣ. Роты по одиночкѣ были подведены подъ крутой берегъ у развалинъ Гауцзы.

Несмотря на то, что мы переходили по льду рѣки Хунхе тогда, когда было уже совершенно свѣтло, японцы насъ не потревожили ни однимъ выстрѣломъ. Вѣроятно они—или не видали насъ, или же умышленно давали намъ возможность выбраться скорѣе на открытую и ровную какъ столбъ мѣстность—между Гауцзы и Чжантань-Хенанью.

Скрывъ роты подъ крутымъ берегомъ у Гауцзы, командиръ полка пошелъ впередъ, чтобы осмотрѣть впереди лежащую мѣстность. Съ восточной окраины Гауцзы отлично была видна деревня Чжантань-Хенань, но разстояніе до нея было не менѣе версты; мѣстность—совершенно ровная и открытая, такъ что рѣшительно не за что было зацѣпиться. Оставалось одно—это какъ можно скорѣе перемахнуть черезъ эту равнину, дѣйствуя, что называется, нахрапомъ, вопреки всѣмъ правиламъ современной тактики, которая рекомендуетъ всюду и вездѣ наступленіе съ огнемъ, для чего необходимо перебѣгать постепенно впередъ и, пользуясь складками и неровностями мѣстности, прятаться за нихъ и открывать огонь.

Опытъ этой войны указалъ еще одинъ способъ подобныхъ перебѣжекъ, заключающійся въ томъ, что наступающая часть не перебѣгала по-отдѣленно или по-взводно, а по одиночкѣ. Способъ этотъ былъ позаимствованъ нами у японцевъ и на пересѣченной мѣстности онъ безусловно хорошъ и вполнѣ достигаетъ цѣли, но за то и требуетъ очень много времени, такъ какъ приходится ждать, пока перебѣгающій солдатъ, достигнувъ до закрытія, заложетъ за нимъ, и тогда только начинаетъ перебѣгать слѣдующій.

Здѣсь, уже на театрѣ военныхъ дѣйствій, насъ начали учить подобному способу перебѣжекъ; но, какъ я уже сказалъ, способъ этотъ вполнѣ достигаетъ цѣли только лишь на неровной мѣстности, въ данномъ же случаѣ мѣстность была такова, что нельзя было укрыться отъ огня, и начини мы наступать такимъ именно образомъ—мы бы навѣрно потеряли половину людей, если не больше, убитыми и ранеными.

Въ виду этого рѣшено было идти въ атаку бевостановочно и безъ выстрѣла.

Двѣ передовыя роты были разсыпаны въ цѣпи и выдвинуты впередъ на гребень крутого берега рѣки. Позади идущія роты, разомкнувъ ряды, стояли еще внизу и ждали команды для того, чтобы въ подобномъ порядкѣ двинуться за цѣпями.

Указавъ ротамъ направленіе движенія и обезпечивъ свой обнаженный правый флангъ расположеніемъ ротъ второй линіи (лѣвый былъ обезпеченъ частями другой дивизіи), командиръ полка подалъ команду: „цѣпи впередъ!“ двинувшись и самъ за цѣпью лѣвофланговой роты.

Еще въ то время, когда производилась рекогносцировка впереди лежащей мѣстности, до насъ долетали уже пули справа—изъ деревень, занятыхъ японцами; но теперь, когда весь полкъ, двигаясь въ три линіи, вышелъ на совершенно ровное и открытое мѣсто, то насъ встрѣтили жестокимъ огнемъ.

Шимозы и шрапнели, летя къ намъ навстрѣчу, рвались группами; затрещали ружья и пулеметы, осыпая насъ пулями и справа и съ фронта, но никто и не думалъ объ остановкѣ, или о поворотѣ назадъ. Всѣ мы, какъ ураганъ стремились впередъ и впередъ, желая какъ можно скорѣе достигнуть до цѣли нашей атаки съ тѣмъ, чтобы за стѣнами этой деревни найти скорѣе укрытіе отъ убійственнаго огня.

Люди валились десятками, но на раненыхъ и на убитыхъ никто уже не обращалъ вниманія. Удивительно—откуда взялись силы у людей, откуда взялась эта стремительность, но мы безъ отдыха и не чувствуя даже усталости двигались впередъ и впередъ. Несмолкаемое „ура“ раскатывалось по рядамъ, и въ этомъ побѣдномъ крикѣ было дѣйствительно что-то стихійное, могучее, непреодолимое.

Японцамъ трудно было мѣтко стрѣлять по нашимъ рядамъ, потому что имъ постоянно приходилось мѣнять прицѣлъ, такъ какъ разстояніе между нами и ими ежеминутно сокращалось.

Наконецъ они не выдержали нашего стремительнаго движенія и, не желая сойтись съ нами на штыки, покинули Чжантань-Хенань, пользуясь при своемъ отступленіи глубокимъ оврагомъ, а также и рощами, которыя росли на той сторонѣ оврага.

Но огонь, съ отходомъ японцевъ, не прекратился; ихъ артиллерія, расположенная къ востоку отъ Чжантань-Хенань, продолжала насъ громить; пулеметы работали съ прежней силой, а пѣхота, скрытая въ окопахъ и за стѣнками сосѣднихъ съ Чжантань-Хенанью деревень (Ванзевопу и другихъ), продолжала насъ по-прежнему обстрѣливать.

Наконецъ мы ворвались въ деревню. Помѣю, намъ попалась наша рота, при которой было знамя.

— Смотри, братцы, храни знамя, какъ зѣницу ока,—закричалъ командиръ и побѣжалъ далѣе на противоположную окраину деревни.

Мы спустились въ оврагъ, на днѣ котораго лежалъ полуобгорѣлый и совершенно голый японскій трупъ, и это былъ единственный и безмолвный представитель со стороны непріятеля, который встрѣтилъ насъ; больше никого не было, потому что всѣ успѣли уйти и уйти совершенно безнаказанно.

Ворвавшись въ деревню, мы заняли оврагъ и противоположную окраину деревни, гдѣ были глинобитныя стѣнки.

Сейчасъ же прибылъ нашъ командующій дивизіей и объявилъ, что задача наша окончилась.

Изъ сопровождавшихъ его адъютантовъ и ординарцевъ многіе были раненные.

Быстро мы постарались привести роты въ порядокъ, при чемъ каждой ротѣ былъ назначенъ ея участокъ.

Японцы, думая, что мы и дальше поведемъ наступленіе, продолжали громить насъ своей артиллеріей и ружейнымъ огнемъ, отъ котораго въ особенности было скверно ротамъ, занимавшимъ переднія стѣнки деревни; здѣсь раненные продолжали валиться. Храброму и дѣятельному командиру баталіона—подполковнику Ф. пуля попала въ грудь, но его спасъ небольшой металлическій образъ, по которому пуля скользнула и отскочила въ сторону, помявъ конечно образъ. Командиръ четвертой роты капитанъ И. былъ тяжело раненъ стаканомъ шрапнели въ ногу съ переломомъ бедра. Молодому подпоручику М. пуля угодила въ бокъ. Множество солдатъ было здѣсь переранено. Несчастные со стономъ ползли въ оврагъ, желая въ немъ скорѣе укрыться отъ губительнаго огня; нѣкоторые умирали по дорогѣ, не будучи въ состояніи даже приподняться, а нѣкоторые просили жалобно, чтобы имъ подмогли и вытащили бы скорѣе изъ-подъ огня. Санитары, которымъ было по горло работы, сбились съ ногъ, подбирая раненыхъ товарищей. Помню одного по фамиліи Комисаревъ. Это былъ добродушный, безусый парень съ круглымъ лицомъ и съ необыкновенно добрыми и веселыми глазами. Онъ совершенно спокойно выполнялъ свое святое дѣло, шутя и говоря разныя смѣшныя прибаутки. Не помню уже—получилъ ли этотъ молодецъ награду за свои подвиги, но онъ былъ представленъ къ ней, какъ достойнѣйшій. Дороги и цѣнны такіе молодцы въ рядахъ русской арміи, и слава Богу, они у насъ еще не переводятся. Многіе изъ санитаровъ были ранены и убиты.

Въ общемъ впечатлѣніе было тяжелое, и смерть витала надъ каждымъ изъ насъ.

Непріятель не прекращалъ пальбы до наступленія темноты, все думая, что мы вотъ, вотъ снова двинемся впередъ. Временами огонь былъ до того силенъ, что весь оврагъ покрывался дымомъ и пылью отъ рвущихся снарядовъ.

Сучья съ деревьевъ ломались и летѣли внизъ; словомъ, это былъ какой-то страшный вихрь, какой-то сатанинскій пиръ, на которомъ вмѣсто вина лилась кровь человѣческая, а вмѣсто яствъ всюду валялись обезображенные и окровавленные трупы, вмѣсто же пѣсенъ и музыки раздавался стонъ раненныхъ, трескъ ружейной пальбы, свистъ пуль и могучіе раскатистые взрывы снарядовъ.

Не знаю: или нервы у людей какъ-то притупляются, или же человѣкъ входитъ въ какой-то экстазъ и дѣлается неуязвимымъ для тонкихъ ощущеній, но я положительно удивляюсь тому,—какъ эти люди могли выносить цѣлые часы, а въ эту войну даже и дни при подобной обстановкѣ.

Когда шли въ атаку подъ градомъ пуль и снарядовъ, когда каждый изъ насъ ежесекундно рисковалъ быть раненымъ или убитымъ; когда всюду со стономъ и безъ стона валились десятки людей, одѣтыхъ въ сѣрые, неуклюжія шинели и съ безобразными мѣшками на боку,—валились безъ ропота, не посылая къ небу и къ людямъ проклятій, а вспоминая въ тяжелый смертный часъ Бога и свою далекую, бѣдную родину,—тогда никто изъ насъ не обращалъ на все это вниманія: у каждого была цѣль достигнуть какъ можно скорѣе того мѣста, куда надо было идти. Но вотъ, когда цѣль достигнута, когда дальше уже идти некуда, тутъ-то и защемило душу, тутъ-то и бросилась въ глаза эта жестокая тризна смерти.

Просто не хотѣлось какъ-то вѣрить, чтобы люди были въ состояніи учинить эту бойню,—это ужасное кровопролитіе и причинить столько страданій себѣ подобнымъ. Но какъ ни работала мозгъ надъ этими вопросами—все же факты были на лицо и приходилось убѣждаться въ томъ, что человѣкъ еще далеко не доросъ до пониманія и проведенія въ жизнь словъ Спасителя, полныхъ любви и жалости къ дикому, смрадному человѣку, исполненному злобой, эгоизмомъ и прочими отрицательными данными, съ которыми онъ никакъ не можетъ разстаться и съ которыми долго, очень долго будетъ жить для того, чтобы превращать землю въ ужасный міръ скорби,—въ міръ печали и слезъ.

Я не знаю, но мнѣ кажется, что нѣтъ большаго нравственнаго страданія, нѣтъ большей скорби здѣсь на землѣ, какъ та, которая охватываетъ душу человѣка на боевомъ полѣ тогда, когда эта душа начинаетъ давать себѣ отчетъ тому, что совершается и будетъ еще совершаться; душа тогда тоскуетъ отъ скорби и отъ наплыва тяжелыхъ и мрачныхъ думъ; хочется исчезнуть, провалиться куда-нибудь для того, чтобы не быть среди этой безысходной тоски, не испытывать ея непосильной тяжести; но вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то внутренній голосъ подсказывалъ, что надо быть, надо испытать во что бы то ни стало эту чашу страданій до конца,—надо во что бы то ни стало—иначе что-то очень важное и существенное, что-то святое не будетъ выполнено въ жизни.

И вотъ тутъ возникаетъ самъ собою вопросъ: почему мы, военные, съ такой охотой и радостію шли на войну; чему мы радова-

лись, какъ дѣти, когда была объявлена полку мобилизація и былъ назначенъ часъ посадки въ вагоны; вѣдь каждый изъ насъ взрослый человѣкъ; всѣ мы читали газеты, и никто конечно не представлялъ себѣ походы и бой, какъ что-то особенно радостное, гдѣ веселье и смѣхъ; каждый зналъ, что бой есть кровавая расправа, которая оканчивается тысячами и десятками тысячъ жертвъ; каждый зналъ, что въ военное время кромѣ боя есть еще очень много тяжелаго и непріятнаго: есть походы, утомительные въ зимнюю стужу, или въ лѣтній зной—безъ пищи и питья, походы, во время которыхъ люди сотнями валятся отъ изнеможенія; каждый зналъ, что кромѣ этихъ походовъ есть безсонныя ночи, когда все время приходится быть на чеку—гдѣ-нибудь въ сторожевомъ охраненіи и рисковать ежесекундно получить пулю, или ударъ штыкомъ отъ хитраго и предприимчиваго противника который всегда умѣлъ использовать ночную темноту; каждый, повторяю, зналъ то, что его ожидаютъ всѣ эти трудности, и между прочимъ всѣ мы, за весьма малыми исключеніями радовались какъ дѣти, идя на эти лишения.

Почему это такъ? Кто дастъ вѣрный отвѣтъ на этотъ вопросъ? Не таится ли этотъ отвѣтъ тамъ же, гдѣ тлѣетъ слабая искорка, освѣщающая собою вопросъ о необходимости нашего земного бытія; не есть ли это бытіе,—эта наша земная юдоль и въ самомъ дѣлѣ какая-то „долина скорби“, черезъ которую мы должны во что бы то ни стало перейти и выпить до конца ту горькую чашу, которая каждому изъ насъ вручается при нашемъ появленіи на свѣтъ изъ міра радости и ликованія, изъ котораго нѣкоторые изъ насъ—лучшіе и наиболѣе совершенные, приносятъ сюда отрывки своихъ воспоминаній о возвышенномъ и прекрасномъ и воспроизводятъ эти воспоминанія въ музыкѣ, поэзіи и въ живописи. Не есть ли война одна изъ самыхъ горькихъ и самыхъ тяжелыхъ чашъ, выпить которую мы, понуждаемые нашимъ сверхсознаніемъ, не проявляемымъ съ полною рельефностью въ обыденной жизни, но руководящимъ нѣкоторыми поступками человѣка, стремимся съ радостью, потому что, если сможемъ ее осилить и понять всю ея горечь, почувствовать въ полной мѣрѣ ея отраву, то тѣмъ самымъ приобрѣтемъ доступъ къ болѣе быстрому и широкому совершенствованію въ будущемъ, когда съ облегченнымъ сердцемъ простимся съ этимъ міромъ.

Не потому ли каждый изъ насъ съ жадностью и съ радостью хваталъ эту чашу, благословляя судьбу за то, что она дала возможность приложить къ ней свои засохшія и воспаленныя губы; хваталъ бессознательно, но прислушиваясь къ внутреннему голосу,

который говорилъ: не бойся, пей до конца, ибо этотъ ядъ не отравитъ въ тебѣ того, что вѣчно, безсмертно и которое здѣсь должно страдать, потому что таковъ законъ, которому ты долженъ подчиниться; не бойся же страданій, ибо въ этомъ мірѣ ты кромѣ нихъ ничего не увидишь, и дано тебѣ здѣсь радости ровно на столько, чтобы твои глаза не воспалились бы отъ слезъ и сохранили бы способность различать все, что прекрасно, и къ достиженію чего ты стремишься, страдая; бери же и радуйся тому, что на долю твою выпала полная и одна изъ горькихъ чашъ страданій.

И мы брали и радовались.

Цѣлый день 20-го января не прекращалась пальба, и утихла она только съ наступленіемъ темноты, но и тогда временами разгоралась. Вѣроятно, японцы все время были нервно напряжены, ежеминутно ожидая возобновленія нашей атаки; въ особенности же это напряженіе достигло своего максимума съ наступленіемъ темноты. Достаточно было тогда, чтобы раздался какой-нибудь одиночный выстрѣлъ, какъ въ слѣдъ за нимъ открывалась беспорядочная ружейная пальба. Нѣсколько разъ въ теченіе ночи поднимались подобныя тревоги, а разъ даже дѣло дошло до того, что японцы открыли и артиллерійскую канонаду, стрѣляя залпами и такъ мѣтко, что всѣ ихъ шрапнели рвались надъ оврагомъ, который мы занимали, и тогда всѣхъ насъ на мгновеніе освѣщала какъ бы молнія и видно было, какъ пули сшибали замерзшія вѣтки надъ нашими головами.

Помню, эта канонада была довольно продолжительной, и мы ожидали тогда штурма, но его не было.

На другой день изъ корпуснаго штаба прибылъ ординарецъ справиться для доклада корпусному командиру, каковы были результаты атаки непріятеля. Вѣроятно, пальба была въ достаточной степени сильна, иначе бы въ штабъ корпуса не было бы особаго безпокойства.

20, 21 и 22-го простояли мы въ этомъ оврагѣ подъ открытымъ небомъ, не будучи въ состояніи согрѣться и развести огонекъ. Даже за естественною надобностью приходилось отлучаться съ оглядкой, и многіе были ранены въ это время, потому что пули всюду бороздили оврагъ. Только съ наступленіемъ темноты дѣлалось спокойнѣе, хотя врагъ нашъ—морозъ отравлялъ въ это время наше существованіе. Не легко было въ эти ужасныя ночи безъ сна; иной разъ ходишь, ходишь, стараешься согрѣться и не можешь согрѣться; проклятый холодъ пронизывалъ до костей, несмотря на полушубокъ и валенки.

Съ наступленіемъ темноты, въ полкъ обыкновенно подвозили обѣдъ въ походныхъ кухняхъ, но при этомъ нужно было соблюдать крайнюю осторожность, такъ какъ малѣйшій шумъ, или стукъ колесъ сейчасъ же вызывали огонь со стороны японцевъ. Колеса кухонъ обматывались соломой, и огни въ нихъ тушили, благодаря чему пища получалась чуть только тепленькая. Роты поочередно ходили на обѣдъ, крадучись въ темнотѣ и ощупью.

Разъ, помню, уже пообѣдали, и кухни поѣхали назадъ, и вдругъ со стороны непріятеля затрещали пулеметы, посылая свой свинцовый дождь въ догонку удаляющимся кухнямъ. Лошади испугались и понесли; конюхи растерялись.

Офицеръ, сопровождавшій кухню—подпоручикъ С., былъ сбитъ съ лошади и упалъ какъ разъ подъ несущіся кухни, но какимъ-то чудомъ остался живъ, хотя и обморозилъ себѣ руки до того, что принужденъ былъ отправиться въ госпиталь. Цѣлый мѣсяцъ онъ пробылъ тамъ и вернулся въ полкъ съ сильно поврежденными руками; мучился онъ ужасно.

Не могу не упомянуть еще при этомъ про нашу канцелярщину, которая всегда-то отравляетъ жизнь военного человѣка, а здѣсь, на полѣ сраженія, когда и безъ того-то тошно, она являлась какимъ-то бичемъ—какимъ-то ужаснымъ „зміемъ гориннымъ“, про котораго повѣствуетъ русская сказка.

Одолѣла насъ эта гидра, и казалось бы, на войнѣ-то ей уже совсѣмъ не мѣсто.

Помню, 20-го числа вечеромъ, когда бой затихъ, - приносятъ командиру полка наградные листы, которые онъ уже передъ этимъ два раза переписывалъ въ то время, когда полкъ занималъ дежурство на южныхъ стѣнкахъ Чжантани,—переписывалъ, сидя въ фанзѣ и пользуясь свѣтомъ стеариноваго огарка и теплотою отъ „универсальной грѣлки“, о достоинствахъ которой я уже упоминалъ. Тогда было приказано составить одинъ наградной листъ на всѣхъ отличившихся офицеровъ, при чемъ было сказано, что можно писать этотъ листъ даже и карандашомъ.

Это было вполнѣ понятно и естественно, потому что гдѣ же при подобныхъ условіяхъ разводить канцелярскую канитель и упражняться въ крючкахъ и витіеватостяхъ.

Взялъ командиръ полка листъ бумаги, написалъ на немъ, что было нужно, и съ облегченнымъ сердцемъ отправилъ ее по назначенію. На слѣдующій день вечеромъ приносятъ этотъ самый листъ обратно и докладываютъ, что приказано дескать переписать чернилами.

Снова на сцену появились стеариновый огарокъ и универсаль-

ная грѣлка; но къ этимъ атрибутамъ прибавилась еще ругань и проклятіе, которыя командиръ началъ извергать по адресу канцелярскихъ крючкотворовъ, не могущихъ даже и здѣсь, на войнѣ, успокоиться.

Но все же дѣло было сдѣлано: листъ запечатанъ и снова, съ надписью „секретно“, отправленъ по назначенію.

Вечеромъ 20-го, когда бой стихъ, приходитъ писарь и, подавая конвертъ, докладываетъ: „такъ что Ваше Высокоблагородіе, приказано все передѣлать и представить листы на каждого офицера въ отдѣльности, а работу безпремѣнно приказали кончить сего дня же“.

Боже мой, какъ вскипѣлъ командиръ; чуть было не досталось ни въ чемъ неповинному писарю.

Да и правда—было отъ чего сердиться: приходилось писать листы сейчасъ же послѣ боя, на морозѣ и среди темноты; приходилось заниматься „писаниной“ и выводить канцелярскіе крючки тогда, когда совсѣмъ не до нихъ, когда весь организмъ утомленъ только-что пережитыми сильными ощущеніями.

Первый вопросъ, который возникъ,—это о томъ, гдѣ писать; нельзя же было писать здѣсь, въ оврагѣ, среди темноты. Нашли какую-то полуразвалившуюся фанзу, въ которой были сложены убитые; вынесли всѣхъ мертвецовъ на дворъ фанзы: не мѣсто вамъ, дескать, братцы, лежать тамъ, гдѣ будетъ вершиться важнѣйшая канцелярская тайна.

Покойники, когда ихъ выносили, покачивали своими окровавленными головами и помахивали закованными руками, какъ бы желая этимъ сказать: что же, намъ все равно,—мы на дворѣ по-лежимъ.

Достали маленькій фонарикъ, какой-то полуразвалившійся столъ, и вотъ при этихъ атрибутахъ началось писаніе.

Мы окружили командира, стараясь заслонить собою свѣтъ отъ фонаря, такъ какъ онъ могъ служить цѣлью для непріятеля: фанза стояла на возвышенномъ мѣстѣ и если бы по огоньку былъ бы открытъ огонь, то на наградныхъ листахъ вмѣсто чернилъ получились бы кровавыя пятна.

Но тутъ явилось снова препятствіе: благодаря сильному морозу, руки у писавшаго стыли, а чернила, какъ на перѣ, такъ и въ чернильницѣ мерзли.

Увидя это, командиръ пришелъ въ отчаяніе; былъ такой моментъ, что онъ хотѣлъ схватить чернильницу и швырнуть ее объ полъ, но воздержался. Тогда одинъ изъ насъ, взявъ чернильницу,

отогрѣвалъ ее въ рукахъ, постоянно дыша на нее своимъ теплымъ дыханіемъ.

Писаніе послѣ этого кое-какъ наладилось, хотя писавшему постоянно приходилось грѣть руки въ карманахъ, а въ это время перо съ замерзшими чернилами тоже подносилось къ чьимъ-нибудь губамъ и такимъ способомъ отогрѣвалось.

Часа два продолжалась эта утомительная работа. И спрашивается: неужели въ ней была такая экстренная надобность; неужели люди, сидѣвшіе все время въ теплыхъ фанзахъ и не подвергавшіе себя никакой опасности въ теченіе этого дня, не могли представить себѣ той ужасной обстановки, среди которой приходилось исполнять ихъ требованіе. Одно только и можно сказать, что у этихъ людей было слишкомъ скудное воображеніе.

Остается еще упомянуть про первую роту нашего полка, которая въ бою не участвовала, занимая караулъ въ Безымянной, но потери понесла огромныя.

Ротѣ этой было послано приказаніе: по смѣнѣ присоединиться къ полку. Командиръ роты привелъ благополучно ее въ Гауцзы и, выждавъ здѣсь затишья въ огнѣ, рѣшилъ немедленно двигаться на присоединеніе къ полку по тому самому полю, по которому мы шли на штурмъ.

Когда рота вся обнаруживалась среди поля, то конечно японцы не замедлили осыпать ее огнемъ, который вывелъ изъ строя до 40 человѣкъ.

Это было едва-ли не самое грустное воспоминаніе за весь истекшій день.

Съ 21-го начались саперныя работы по устройству въ оврагѣ окоповъ и засѣкъ за оврагомъ, при чемъ послѣднія сооружали по ночамъ. Работа была очень утомительна. Мерзлая почва обратилась въ желѣзо и едва поддавалась ударамъ тяжелыхъ кирокъ и мотыгъ; по ночамъ людямъ не приходилось спать, потому что ихъ посмѣнно посылали на работу по устройству засѣкъ. Приходилось пилить большія деревья и перетаскивать ихъ на плечахъ на весьма значительное разстояніе — къ мѣсту, предназначенному для засѣкъ.

Такимъ образомъ, полкъ продежурилъ до ночи съ 22 на 23 января.

За то какъ облегченно мы всѣ вздохнули, когда около полуночи къ намъ прибыла смѣна; но прибывшая часть была совершенно неознакомлена съ мѣстностью, а потому самая смѣна производилась очень долго; роты, сдавъ свои участки, одна за другой ухо-

дили по оврагу въ Чжантань, гдѣ и располагались на отдыхъ, который былъ вполне каждымъ изъ нихъ заслуженъ.

Только часа въ 4 ночи мы вернулись въ Чжантань, почувствовавъ себя въ грязной фанзѣ какъ въ раю; не раздѣваясь, мы повалились въ изнеможеніи и заснули крѣпкимъ и здоровымъ сномъ, который былъ необходимъ для поддержанія упавшихъ силъ.

Съ этого времени началась наша служба въ окопахъ, сооруженныхъ близъ Чжантани, служба крайне тяжелая, всегда подъ огнемъ, на морозѣ, съ бессонными ночами и съ питаніемъ только по ночамъ. Даже и тогда, когда мы, по смѣнѣ изъ окоповъ, въ которыхъ обыкновенно дежурили по двое сутокъ, приходили въ Чжантань для того, чтобы, отдохнувъ, идти снова въ окопы,—мы не могли ручаться за то, что останемся живы.

Чжантань находилась всего только въ двухъ верстахъ отъ японскихъ позицій, и сюда постоянно залетали непріятельскія пули и ранили людей, сидѣвшихъ въ фанзахъ.

Иной разъ солдаты сидятъ около огонька и, покуривая трубочки, ведутъ бесѣду, вспоминая или про домашность, или же про пережитое во время сраженія; вдругъ что-то пробиваетъ бумагу въ рамѣ и моментально же шлепаетъ или солдатскую спину или бокъ. Человѣкъ вскрикиваетъ и начинаетъ стонать; оказывается—раненъ.

Подобныя раненія были очень опасны, потому что пули не вмѣли уже въ себѣ достаточно силы для того, чтобы пронизать человѣка, и ихъ приходилось вырѣзывать, а это, какъ извѣстно, не всегда сходить благополучно.

Нерѣдко японцы угощали насъ и артиллерійскимъ огнемъ, который раздражался какъ-то вдругъ. Въ этомъ случаѣ быть въ фанзахъ становилось очень непріятно: такъ и казалось, что вотъ какая-нибудь проклятая шимоза, которая на подобіе перелетающей стаи воробьевъ разсѣкаетъ воздухъ надъ крышами фанзъ, возьметъ да и грохнетъ либо въ крышу, либо въ окно и лопнетъ внутри фанзы; тогда конечно отъ всѣхъ обитателей послѣдней останется одна слякоть. Вотъ это нежеланіе—обратиться въ слякоть и выгоняло всѣхъ изъ фанзъ въ то время, когда начиналась артиллерійская канонада.

Помню, разъ такая непрошенная гостья ворвалась въ помѣщеніе канцеляріи одного изъ полковъ, гдѣ въ это время занималось нѣсколько писарей; ни одинъ изъ нихъ не вышелъ цѣлъ изъ этого помѣщенія, и всѣхъ ихъ вынесли на носилкахъ; нѣкоторыхъ уже мертвыми, а нѣкоторыхъ сильно ранеными.

Но помню, былъ и другой случай: чей-то конюхъ, справившись

со своимъ дѣломъ, зашелъ въ фанзу и, пользуясь тѣмъ, что въ ней случайно въ это время никого не было, прилегъ на канъ. Въ это время началась пальба. Слышу я, рассказывалъ потомъ этотъ солдатъ: шимозы рвутся на дворахъ сосѣднихъ фанзъ и летятъ черезъ крышу, да и думаю себѣ—лежать мнѣ теперича, аль уходить, одинъ-то голосъ шепчетъ мнѣ: уходи сейчасъ,—шимоза вдарить и тебя пришибетъ, а другой:—ничего,—знай полеживай, пострѣляютъ, да и перестанутъ. Однако, думаю, буду лежать; перекрестился; молитву сотворилъ и только это закрылъ глаза, а она проклятушая какъ вдарить въ стѣну да опосля того и пошла подъ канъ, какъ разъ рядомъ со мною; и канъ-то трещину здоровущую далъ; только заглохла и не разорвалась, а то бы быть мнѣ въ царствѣ небесномъ. И дѣйствительно, пошли мы посмотреть и видимъ, что канъ пополамъ разрѣзанъ, а она тутъ же на полу лежить—гладкая и блестящая. Взяли, да тутъ же на дворѣ въ колодезь и бросили.

Помню также одинъ забавный и вмѣстѣ съ тѣмъ печальный случай: поймали на постахъ плѣннаго японца и привезли его на двуколку въ деревню. Солдаты, конечно, обѣжались посмотреть на узника и плотной толпой окружили двуколку. Но оказалось, что японецъ лежалъ совершенно неподвижно, не открывалъ глазъ и, нагнувъ шапку на свое желтое скуластое лицо, не хотѣлъ даже отвѣчать ни на какіе вопросы.

Солдаты и въ бокъ его легонько толкали, и за плечи тормозили, и шапку съ него пробовали снимать,—ничего не помогало — лежить какъ бревно и лишь только временами откроетъ свои глаза съ желтыми бѣлками, посмотреть безсмысленно на окружающихъ и снова, закрывъ ихъ, становится безразличнымъ ко всему на свѣтѣ.

Вдругъ изъ толпы раздается крикъ и затѣмъ какая-то запасная борода начинаетъ жалобно нюнить и увѣрять всѣхъ, что сейчасъ „апонецъ стрѣлилъ въ него изъ пистолета“ и пуля попала ему въ голову подъ лѣвое ухо.

— Да что ты, чудака, почудилось тебѣ; всѣ мы тутъ были, никто не стрѣлялъ; это онъ на другой бокъ перевернуться хотѣлъ, да рукой объ грядку стукнулъ, а тебѣ послышалось, что онъ въ тебя стрѣлялъ, стараются увѣрить оторопѣвшую бороду товарищи.

Но борода не унимается; въ доказательство снимается рваная папахъ съ мохнатой головы и начинаются поиски раны, но ничего, кромѣ всклокоченныхъ волосъ, на головѣ не обрѣтается.

Борода все же стоитъ на своемъ, увѣряя, что пуля отскочила

отъ головы и, что онъ самъ видѣлъ, какъ японецъ вынулъ пистоль изъ кармана и стрѣлилъ.

Голову злополучнаго бородача начинаютъ звать мѣднымъ котломъ, но все же рѣшаются обыскать японца. Здоровенный горнистъ первой роты, Крымша, человекъ силищи непомѣрной, вынимаетъ на рукахъ японца изъ двуколки и пытается поставить его на ноги, но бѣдняга не можетъ встать: ноги его сгибаются въ колѣняхъ, расползаются въ стороны, голова повисла на грудь, ротъ открытъ, а руки какъ плети.

Люди начинаютъ присматриваться къ ногамъ.

— Клади на земь,—слышатся голоса, и Крымша, не соблюдая осторожности, кладетъ несчастнаго на землю, при чемъ голова его стучается объ ледъ, а руки безсильно падаютъ по сторонамъ; полуоткрытый ротъ складывается въ подобіе жалостной и растерянной улыбки, а глаза устремляются вверхъ, какъ бы ища тамъ чего-то, какъ бы ожидая оттуда помощи и спасенія.

— Гляди, ребята, безпремѣнно ноги у него поморожены, говорятъ солдаты, трогая опухшія какъ колоды ноги японца, завернутыя въ какое-то тряпье.

— Такъ и есть, братцы, поморожены у него ноги; и тутъ среди толпы начинаетъ пробуждаться жалость къ несчастному.

— Неси, ребята, въ фанзу,—тамъ все жъ теплѣе; гдѣ жъ тутъ на морозѣ человѣка раздѣвать; такъ и вовсе замерзнетъ.

Крымша беретъ японца на руки и, внеся его въ фанзу, кладетъ его на полъ; несчастный принимаетъ снова то же положеніе. Начинается подробный осмотръ; ощупываютъ всѣ карманы, снимаютъ верхнюю одежду, потомъ мундиръ, шаровары и, наконецъ, добираются до бѣлья. Начинаютъ стаскивать рубаху. Японецъ раскрылъ ротъ, и изъ груди его вырывается тяжелое и хриплое дыханіе. И вдругъ онъ какъ-то безжизненно и грузно повисаетъ на рукахъ у солдата, тяжело и съ хрипомъ втягиваетъ въ себя воздухъ и вытягивается въ какой-то судорогѣ.

Солдаты опускаютъ его на полъ и смотрятъ съ недоумѣніемъ и съ жалостью на неподвижно распростершуюся фигуру съ открытымъ ртомъ и съ начинающими стеклянить глазами, которые устремлены въ потолокъ закоптѣлой фанзы, какъ бы желая найти тамъ какую-то тайну,—какую-то загадку, которая была до сего времени трудна и неразрѣшима.

— „Вовсе умеръ“, говоритъ какой-то хохолъ, нарушая общее молчаніе.

— Эхъ и помереть-то спокойно человѣку не дали; надо было тормошить, добавляетъ другой.

— А все это заноза бородастая;—причудилось, что его по мѣдной башкѣ пуля ударила. И посыпалась ругань и насмѣшки надъ злополучной бородой, которая, чувствуя себя виноватой, сконфуженно удаляется.

Мертвеца снова одѣваютъ, теперь ужъ бережно и осторожно, снова, кладутъ на двуколку и отвозятъ въ штабъ дивизіи, съ докладомъ, что японецъ умеръ по дорогѣ.

Районъ нашего охраненія у Чжантани раздѣлялся на три участка: 1) оврагъ, 2) зарѣчный участокъ и 3) южная стѣнка.

Въ оврагѣ полку послѣ смѣны пришлось продежурить еще двое сутокъ, и послѣ этого участокъ этотъ отошелъ въ вѣдѣніе другой дивизіи, а намъ остались только два послѣднихъ участка, причемъ полкъ заступалъ сначала на дежурство на стѣнку, высылая роту въ Безымянную, а по ночамъ и еще одну роту—въ сторожевое охраненіе; простоявъ здѣсь двое сутокъ, полкъ переходилъ въ окопы зарѣчнаго участка, гдѣ въ теченіе цѣлаго дня велась перестрѣлка съ японцами и нельзя было безъ риска выходить изъ окоповъ. Здѣсь тоже стояли двое сутокъ и, наконецъ, на двое сутокъ шли въ Чжантань на отдыхъ и вкушали рай и блаженство подъ гостепріимнымъ кровомъ полуразвалившихся фанзъ и сараевъ.

Служба въ зарѣчномъ участкѣ была конечно труднѣе, нежели на стѣнкахъ; во-первыхъ, тамъ все время свистали пули, свистали онѣ, правда, и надъ стѣнками, но все же вѣроятность ихъ нападанія была значительно меньше, вслѣдствіе значительной дальности въ разстояніи, такъ какъ отъ Чжантани до непріятеля было около двухъ верстъ, а окопы на зарѣчной сторонѣ были всего только въ верстѣ отъ японцевъ.

Находясь на дежурствѣ за стѣнками, люди могли обѣдать своевременно, но на зарѣчномъ участкѣ можно было выходить изъ окоповъ только съ наступленіемъ темноты. Въ это время къ Гауцзамъ подвозились кухни, и роты поочередно ходили обѣдать. Второй разъ кухни подвозились къ разсвѣту, и люди снова торопились получить пищу и вернуться въ окопы до разсвѣта, съ которымъ начиналась и стрѣльба. Ночью же запасались и водой, а также и дровами; все это сносилося въ окопы, гдѣ днемъ раскладывали большіе костерки и грѣли въ нихъ чай. Не мало было и такихъ смѣльчаковъ, которые и днемъ ходили за водой; нѣкоторымъ сходило съ рукъ это молодечество, но многіе жестоко за него расплачивались, получая непріятельскую пулю либо въ животъ, либо въ грудь.

Помню, былъ у насъ горнистъ въ четвертой ротѣ,—молодой, отчаянный парень, съ открытымъ, вѣчно довольнымъ лицомъ. Онъ съ полнымъ презрѣніемъ всегда относился къ японской пулѣ и вы-

ходилъ очень часто изъ окопа даже безъ всякой надобности. Разъ возвращается въ окопъ; смотрю, рука у него перевязана; оказалось, что пуля изрядно царапнула его по пальцу, но это нисколько не убавило его смѣлости, и онъ продолжалъ свои отважныя прогулки и нисколько не убавилъ презрѣнія къ несмолкаемому свисту этой „мелюзги“.

Былъ еще одинъ герой. Это былъ уже пожилой солдатъ, съ пробритымъ подбородкомъ, какъ это требовалось отъ солдатъ еще въ доброе, старое время. Фамалія его была Бейгисъ. Онъ давно уже выслужилъ всѣ сроки, но передъ походомъ, узнавъ, что полкъ идетъ на войну, поступилъ добровольно къ намъ. Это былъ человѣкъ необычайно мужественный и спокойный. Бывало, днемъ, не обращая никакого вниманія на огонь непріятеля, онъ съ самымъ спокойнымъ видомъ отправляется за водой и за дровами. Солдаты относились къ нему съ большимъ уваженіемъ. Помню, подъ Сандепу этотъ молодецъ ухитрился взять въ плѣнъ двухъ японцевъ и доставить ихъ въ корпусный штабъ. Во время мукденскихъ боевъ ему раздробило ногу шрапнелью, такъ что сломанная кость обнажилась. Долго онъ лечился, былъ отправленъ въ Россію, но солдатская душа потянула его снова въ строй, и онъ вернулся.

Скучно и тяжело было сидѣть цѣлый день въ окопахъ. Возьмешь, бывало, винтовку и долго смотришь впередъ—не видно ли гдѣ-нибудь непріятеля, но онъ такъ искусно всегда прятался, что увидѣть даже одиночнаго японца—была большая рѣдкость.

Возьмешь бинокль и наведешь его на впереди лежащую деревню, которая вдругъ приблизится на столько, что станетъ видно все до мельчайшей подробности. Напрягаешь зрѣніе и все-таки никого живого не увидишь и если бы не летящія изъ деревни пули, то можно было бы подумать, что въ деревнѣ никого нѣтъ.

Вотъ стоятъ фанзы, видны глинобитные заборы, въ нихъ пробиты частыя бойницы, устроена передъ ними засѣка; вотъ на высокомъ деревѣ, какъ бы большое воронье гнѣздо; наводишь и на него бинокль и видишь совершенно ясно, что не гнѣздо, а вышка для наблюденій. И нигдѣ-то ни одного человѣка, ни движенія, ни шевеленія; а стрѣльба не перестаетъ, и пули все летятъ и летятъ.

Досадно станетъ; выпустишь нѣсколько пуль по какой-нибудь фанзѣ или по забору, положишь винтовку на брустверь и снова сидишь; а время такъ безконечно долго тянется; думы разныя въ голову напираютъ, одна другой мрачнѣе. Что-то тамъ теперь дѣлается—на далекой родинѣ; у насъ вотъ день за поддень пошелъ, а тамъ еще утро, только поди вставать начинаютъ; тамъ теплыя

хаты, и пули не свистятъ такъ жалобно и непріятно, а тутъ такъ холодно и на душѣ тяжело и кажется, что и конца не будетъ этому безпредѣльному злу.

Гонишь эту навязчивую и печальную мысль и стараешься думать о чемъ-нибудь иномъ, болѣе веселомъ; вотъ завтра вечеромъ смѣнять, пойдемъ въ Чжантань, тамъ какъ ни какъ, а все легче; а то вотъ можетъ Богъ дать японцевъ погонимъ и тогда кончимъ войну, стараешься настроить себя на болѣе веселый ладъ и тутъ же улавливаешь разговоръ сосѣдней группы солдатъ, которые тоже тоскуютъ.

— Да, братъ ты мой, говорить кто-то ровнымъ и тихимъ голосомъ: она шутить не любитъ, она какъ, братъ, погладить, такъ мокро отъ человѣка останется. Это 20-го-то, когда деревню штурмой брали, какъ значить рвануло ее впереди нашей роты, такъ Шустову черепокъ по башкѣ какъ вдарить, такъ и башки нѣтъ, мозги, это, въ стороны, а черепки тоже—который куда; вотъ, братъ, какъ она нашего брата по головкѣ-то гладить.

— Что жъ Шустовъ-то, поди сейчасъ и упалъ, слышится чей-то неумѣстный вопросъ.

— Нѣтъ, не упалъ, флегматично и спокойно отвѣчаетъ первый голосъ, вмѣстѣ съ нами до деревни бѣгъ и ура кричалъ—безъ головы, а кричалъ.

Слышится сдержанный смѣхъ.

— А то вотъ, братцы, со мной рядомъ Коваленко шелъ, такъ ему тоже черепокъ по рукѣ хватилъ и сразу мослы показались, перешибъ, значить, руку-то пополамъ, и мослы торчатъ. Ротный это къ нему подбѣгъ, говорить: Коваленко, ступай на перевязку, а овъ съ горяча-то и боли, знать, не чувствовалъ,—побѣждалъ было впередъ за ротой-то, да потомъ сразу ослабъ и объ землю; должно, кровью истекъ.

— Ну чего истекъ; санитары небось подняли, старается успокоить унтеръ.

— А можетъ и въ правду подняли, говорить первый голосъ, мы все впередъ ломились; всѣхъ-то не позапримѣтишь;—много тамъ народу полегло. О, Господи,—Господи, вздыхаетъ солдатъ.

И еще грустнѣе становится отъ этихъ разговоровъ. Начинаешь себя представлять,—что долженъ былъ чувствовать Шустовъ, когда ему моментально раздробило голову, и мозги разлетѣлись по сторонамъ—и никакъ не можешь представить, какъ это такъ:—шелъ человѣкъ, видѣлъ, слышалъ, быть можетъ былъ воодушевленъ храбростью, а быть можетъ и струхнулъ изрядно, и шелъ только потому, что и другіе идутъ—и вдругъ какой-то большой и тяже-

лый осколокъ—трахъ, и мозги полетѣли въ стороны. Но что же съ мыслью-то сталося.

„Стремленіе къ вѣчности. Ужель оно только мечта капризнаго ребенка, или слеза измученнаго сердца. Мозгъ, сердце и всѣ нервы изъ мертвой сотканы матеріи, такъ кто же имъ сказалъ, что были они живы, кто легкими, „какъ сонъ перстами“ ихъ къ жизни пробудилъ и сдѣлалъ ихъ проводникомъ понятій. Кто мозгу далъ способность мыслить и носить великія идеи; кто сердцу—этому, комку изъ мускуловъ и крови, далъ даръ божественный любить возвышенно и чисто, жалѣть все то, что въ прахъ повержено, унижено, забыто, или презирать достойное презрѣніе. Иль можетъ быть, все то, что называемъ жизнью—всѣ наши радости, и горести, и чувства и порывы—все это сонъ—небытье-миражъ; но кто жъ тогда такъ издѣвается надъ нами. Зачѣмъ же лишь на мигъ приподнята завѣса и свѣтъ изъ-за нея блеснулъ намъ только на мгновенье—и снова вѣчный мракъ небытья предъ нами. Зачѣмъ и кто намъ приподнялъ завѣсу?

И хочется научно намъ познать „Артиста“, который въ насъ имѣетъ бытие и въ вѣчность унесетъ все то, что мы зовемъ сознаниемъ, чтобы путемъ труда стремиться къ Вѣчному, Святому Совершенству.

Разбить внезапно мысли инструментъ у человѣка; ужели жъ, кто игралъ на немъ, исчезъ и, переставъ существовать на вѣки, здѣсь перешелъ въ небытие, благодаря какому-то чугунному осколку. А если бъ вмѣсто сѣраго и мыслею убогаго солдата, съ которымъ здѣсь все это совершилось, вообразить Бетховена, Сократа, или Спинозу, принесшихъ на землю съ собой намъ „райскіе напѣвы“—ужели жъ нѣжныя, глубокія созвучія ихъ арфы, умолкнувъ на землѣ такъ быстро и внезапно, не зазвучатъ опять въ иномъ существованіи—въ странѣ міровъ, гдѣ свѣтитъ солнце правды; или имъ было дано бряцать на струнахъ арфы, но только здѣсь—въ земномъ существованіи, среди долины слезъ, чтобъ подъ гармонію звуковъ лились изъ ихъ глазъ все тѣ же слезы—слезы.

И неужели жъ то, что разлетѣлось прахомъ и окровавленное здѣсь замерзло на поляхъ, а можетъ быть и сожрано голоднымъ псомъ, который съ налитыми глазами кровью по полю рыскаетъ, питаясь мертвецами,—ужели этотъ мозгъ, что падали сталъ равенъ, вѣщалъ намъ только-что про райскіе напѣвы и потрясалъ сердца глаголомъ не земнымъ. Ужели этотъ мозгъ былъ въ состояніи вліять на человѣка: согрѣть его измученное сердце, или къ чистому въ душѣ стремленіе пробудить, или въ трепетъ привести аккордами созву-

чий. Ужели этотъ мозгъ, что падали сталь равенъ, могъ самъ въ себя вмѣщать глубокія идеи.

И гдѣ жъ теперъ они—носители идеи. Гдѣ Будда, гдѣ Сократъ, Конфуцій, Зороастръ, гдѣ многіе десятки имъ подобныхъ; ужель они только того достойны стали, чтобъ трупами своими почву утучнить и чтобъ изъ почвы той выросла морковь иль рѣпа, которую пожретъ двуногое созданіе, чтобъ силы поддержать.

Иль женщина, что красотой своей иль лаской царить здѣсь на землѣ, отъ глубины временъ и всѣхъ влечетъ къ себѣ въ волшебныя тенета; взгляните на нее;—о, какъ она прекрасна: какъ вѣшняя заря горятъ ея ланиты, коралломъ свѣтятся прекрасныя уста и жемчугомъ сверкаютъ зубы, а очи загораются огнемъ, когда дарить она свою улыбку другу. И станъ ея такъ гибокъ и изященъ и грудь полна въ разсвѣтъ красоты. . . . И вотъ приходитъ то, что называемъ смертію, и вмѣсто красоты мы видимъ смрадный трупъ—обезображенный, изъѣденный червями, съ прогнившимъ носомъ. И все, что насъ влекло, чѣмъ всѣ мы восхищались, молились, плакали на юной груди дѣвы,—все это стало мерзкимъ, смраднымъ трупомъ, и червяки ползутъ изъ ямъ, въ которыхъ были очи, что слали намъ привѣтъ, улыбку, счастье. Ужели-жъ то, что съѣдено червями, одно лишь насъ влекло—одно лишь было живо.

А здѣсь такъ холодно, такъ скверно, и вотъ эти вѣчно свистящія пули наводятъ невыносимую тоску; зачѣмъ онѣ летятъ, зачѣмъ онѣ убиваютъ и ранятъ людей; вѣдь они же и безъ того почти захлебнулись въ потокахъ своихъ слезъ; зачѣмъ же еще эта ужасная злоба, это смертоубійство. Боже, помоги намъ терпѣливо допить уготованную для каждаго чашу и раскрой тогда передъ нами безконечно прекрасные горизонты Твоей вѣчной правды и святой любви.

Нѣкоторые солдаты по цѣлымъ днямъ храпятъ, свернувшись калачикомъ на днѣ окопа. Счастливы: они на половину меньше переживаютъ и чувствуютъ, чѣмъ тѣ, которые не могутъ спать. Завернется такой солдатъ въ китайское ватное одѣяло и храпитъ напропалую. Въ окопахъ тѣснота и давка; то и дѣло по ногамъ такого храпуна путешествуютъ солдаты, а онъ себѣ храпитъ да храпитъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Въ общемъ сидѣнье въ окопахъ было до тошноты томительно и скучно.

Въ виду того, что полки постоянно мѣнялись на участкахъ, никто не хотѣлъ взяться за устройство какихъ-нибудь болѣе или менѣе удобныхъ помѣщеній въ окопахъ: землянокъ, блиндажей и тому подобныхъ, благодаря чему и офицеры и командиръ полка помѣ-

Письма А. Г. Венеціанова ¹⁾.

1.

Ваше Превосходительство!

Имѣю честь Васъ поздравить съ наступившимъ праздникомъ и наступающимъ Новымъ Годомъ.

Здѣсь, въ глуши нашей, слышно, что князь Д. В. Голицынъ ²⁾ не будетъ въ Петербургѣ прежде свадьбы Наслѣдника, которая ежели не совершится прежде маія, то и штатъ на отдѣленіе Академіи въ Москвѣ прежде того времени имъ не представится, почему я бы желалъ въ генварѣ мѣсяцѣ съѣздить въ Москву, тамъ побывать у Львова, Орлова и самого князя, чтобы ознакомить себя съ ихъ намѣреніемъ столько же, сколько я знакомъ съ готовностію народа, а на полученіе какой-нибудь обязанности въ самой Академіи художествъ мнѣ совершенно отказано навсегда.

Паспортъ я имѣю только въ Тверскую губернію и по немъ не могу ѣхать въ Москву, почему и осмѣливаюсь утруждать Васъ, Ваше Превосходительство, пожаловать мнѣ другой, для побыванія въ Москвѣ.

¹⁾ Знаменитый жанристъ и портретистъ, Алексѣй Гавриловичъ Венеціановъ, родоначальникъ русскаго жанра, родился въ 1780 г. и погибъ насильственною смертію въ 1847 году близъ погоста Поддубье, Вышневолоцкаго уѣзда, Тверской губ. Письма писаны цѣликомъ рукой художника. Имя адресата намъ неизвѣстно. Не писаны ли письма Вл. Ив. Панаеву? На верхнемъ правомъ полѣ верхней страницы карандашемъ: Заготовить новый паспортъ и увѣдомить о ходѣ дѣла.

²⁾ Московскій военный генералъ - губернаторъ, другъ просвѣщенія (1771—1844).

Желаніе мое принять на себя обязанность наставника въ Москвѣ и въ моемъ любимомъ искусствѣ, на свободѣ, доходить до малодушія, особливо когда я воображаю тѣ тысячи жаждущихъ ученія, то ихъ успѣхи мнѣ мерещатся какъ старинному цѣмцу.

Доброе Ваше расположеніе ко мнѣ обнадеживаетъ меня, что этою моею малодушною просьбою не много обременю Васъ. Ваше Превосходительство малодушію снисходите, почему не почтитесь у Его Свѣтлости ¹⁾ испросить мнѣ позволеніе и паспортъ на побывку въ Москвѣ, имѣющему навсегда быть съ истиннымъ, чисто-сердечнымъ уваженіемъ

Вашего Превосходительства.

Покорнѣйшимъ слугою

Алексѣемъ Венеціановымъ.

27 декабря
1840 г.
Село Сафоново.

P. S. Работа моя здѣсь доставляетъ мнѣ большое удовольствіе, но удовлетворять меня начинаетъ только одна малюта — никто и ее лучше изучилъ ²⁾).

2.

Ваше Превосходительство!

Запискою лично просилъ я Его Свѣтлость, министра Императорскаго двора, снизойти къ долговременнымъ моимъ попеченіямъ ³⁾ о образованіи многихъ молодыхъ художниковъ и пожаловать мнѣ квартиру въ Академіи художествъ, но, къ душевному моему огорченію, соизволенія не получилъ.

Сею же запискою просилъ я Его Свѣтлость позволить мнѣ съ наступленіемъ весны заняться работами моими и учениками у себя

¹⁾ Министра двора, кн. П. М. Волконскаго.

²⁾ Не русскій оборотъ. Не забудемъ, что Венеціановъ по происхожденію былъ грекомъ.

³⁾ Не дописано въ оригиналѣ.

въ деревнѣ. Его Свѣтлость мнѣ это позволилъ ¹⁾, почему покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство, при докладѣ Его Свѣтлости, испросить ²⁾ мнѣ, за подписаніемъ Его Свѣтлости, паспортъ.

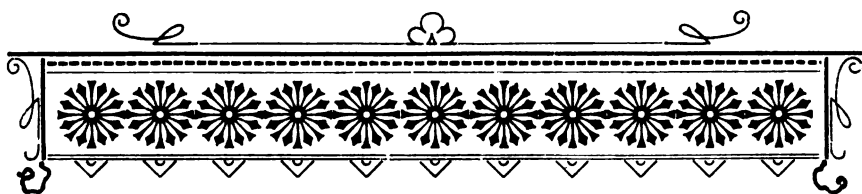
Съ полнымъ уваженіемъ и совершенною преданностію
 Честь имѣю быть
 Вашего Превосходительства
 Покорнѣйшимъ слугою
 Алексѣемъ Венеціановымъ.

Сообщ. В. А. Алексѣевъ.

¹⁾ Съ с. Сафонковъ Вышневолоцкаго у. Венеціанову удалось, при поддержкѣ кн. П. М. Волконскаго, основать нѣчто въ родѣ художественной школы. Здѣсь получили свою художественную подготовку многіе русскіе живописцы, напр., превосходный портретистъ С. К. Зарянка, даровитый портретный и перспективный живописецъ и портретистъ Г. К. Михайловъ, А. В. Тырановъ и др.

²⁾ Въ текстѣ это слово ошибкой повторено два раза.

Сношенія Россіи съ папскимъ престоломъ въ исходѣ 17 и первой половинѣ 18 вѣка ¹⁾.

По изслѣдованіямъ П. О. Пирлинга.

IV.

Перемѣна въ отношеніи Петра къ католикамъ.--Положеніе іезуитовъ по возвращеніи въ Москву.--Возобновленіе католической часовни.--Іезуиты держатъ себя по отношенію къ русскимъ пассивно.--Вліяніе протестантовъ.--Яворскій и іезуитская школа.--Смерть Гордона.--Отношеніе царя къ миссіонерамъ.--Значеніе, которое Петръ придавалъ вмѣшательству папы.--Точка зрѣнія Климента XI.--Программа кардинала Паулуччи.--Положеніе кн. Голицына въ Вѣнѣ.--Неудавшійся проектъ миссіи.

Петръ I вернулся изъ-за границы съ твердымъ намѣреніемъ, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, искоренить тотъ духъ оппозиціи, который воплощался въ лицѣ московскихъ бояръ, во главѣ которыхъ стояли Милославскіе. Весь поглощенный кровавымъ усмиреніемъ стрѣleckаго бунта и своими семейными дѣлами (разводъ съ царицей Евдокіей Лопухиной), онъ не имѣлъ ни времени, ни охоты заняться серьезно вопросами католической церкви. Вѣнскія впечатлѣнія быстро изгладились изъ его памяти, и имперскіе миссіонеры утратили въ его глазахъ всякій интересъ съ того момента, какъ было получено изъ Карловицъ, отъ Возницына, извѣстіе, что Австрія не думаетъ о своихъ союзникахъ, а заботится только о своихъ собственныхъ интересахъ. Оборотъ, который приняли переговоры съ этой державой, и продолжительное перемиріе, заключенное ею съ Турціей, подтвердили эти слова и вызвали озлобленіе царя. Съ другой стороны Лефортъ изображалъ царю католическое духовенство всецѣло преданнымъ Австріи и, склонявшимъ ее заключить миръ съ Турціей и слѣдовательно не заслуживающимъ благоволенія Петра.

¹⁾ См. „Русск. Стар.“, май 1908 г.

Перемишу, происшедшую въ его отношеніи къ католикамъ, испытала на себѣ, прежде всего, французскіе миссіонеры, бывшіе въ Китай. Они привезли съ собою патентъ отъ императора Леопольда, имѣли письма отъ Августа II, ссылались на обѣщанія, данныя имъ нунціемъ Давіей, и несмотря не все это, не могли добиться разрѣшенія проѣхать по Сибири. „Мало ли что говорится за столомъ“, заявилъ Петръ, когда ему напомнили объ обѣщаніяхъ, данныхъ въ Замостьѣ; „нунцій навѣрно давно все это позабылъ и не довелъ объ этомъ до свѣдѣнія папы“.

Австрійскій посланникъ, Гварьенъ, не раздѣлялъ иллюзій высшихъ представителей католическаго духовенства: какъ дипломатъ, лучше ихъ освѣдомленный, и какъ человѣкъ дальновидный, онъ понималъ, что русскіе не только не питали никакой симпатіи къ католикамъ, но, напротивъ того, имѣли непреодолимое отвращеніе къ нимъ и къ латинской вѣрѣ, и что это предубѣжденіе поддерживалось и эксплуатировалось духовенствомъ. Въ этомъ убѣждало его недружелюбное и даже враждебное отношеніе нѣкоторыхъ дьяковъ къ католикамъ и преслѣдованія, которымъ они подвергались съ ихъ стороны.

Бояре смотрѣли на миссіонеровъ какъ на смутьяновъ или, по меньшей мѣрѣ, какъ на дипломатическихъ агентовъ, коихъ нужно было остерегаться, и ихъ отношеніе къ латинянамъ заставляло посла быть крайне осторожнымъ въ своихъ заключеніяхъ. Особенно навелъ его на эти мысли князь Борисъ Голицынъ, назначенный губернаторомъ въ Астрахань, который, несмотря на всѣ настоянія Гварьена, не соглашался на сооруженіе въ этомъ городѣ костела.

„Я скорѣе пожертвую всѣмъ своимъ состояніемъ и даже жизнью“, говорилъ онъ „а буду противиться повелѣнію царя, если дѣло до этого дойдетъ“.

Подъ впечатлѣніемъ подобныхъ разговоровъ, Гварьенъ впалъ въ другую крайность; онъ повѣрилъ напр., слухамъ, будто Шереметевъ, по возвращеніи изъ Рима, перешелъ снова въ православіе, будто стрѣлецкій бунтъ былъ вызванъ полученнымъ въ Москвѣ извѣстіемъ о томъ, что царь перешелъ, за границу, въ католическую вѣру.

Какъ бы то ни было, въ своихъ письмахъ къ императору, Гварьенъ совѣтовалъ ему дѣйствовать осторожно, не спѣша, и выбирать миссіонеровъ съ большою оглядкою, хотя бы они были въ Россіи только проѣздомъ. Онъ самъ дѣйствовалъ крайне осторожно, не начиналъ съ русскими никакихъ серьезныхъ переговоровъ и, за время его пребыванія въ Москвѣ, дѣло сближенія Россіи съ папскимъ престоломъ не подвинулось ни на шагъ; единственною его за-

службою было, что онъ преобразовалъ на свои средства московскую католическую общину.

Каково же было въ то время положеніе іезуитовъ, возвратившихся въ Москву?

Такъ какъ число католиковъ, прїѣзжавшихъ въ Россію, постоянно возрастало, и они проживали не только въ Москвѣ, но и въ другихъ городахъ имперіи, въ особенности въ Воронежѣ и Азовѣ, колыбеляхъ русскаго флота, то было необходимо позаботиться о церквяхъ и на первыхъ порахъ хотя бы реставрировать скромную деревянную часовеньку, сооруженную нѣкогда іезуитами до ихъ изгнанія изъ Москвы. При дѣятельномъ содѣйствіи Гварьена она была надстроена, въ ней появились хоры и четыре придѣла. Гварьенъ пожертвовалъ для часовни золотые и серебряные сосуды и великолѣпный образъ Божіей Матери.

Подлѣ часовни, въ помѣщеніи, занимаемомъ миссіонерами, была открыта школа, куда католики стали посылать своихъ дѣтей. Іезуиты съумѣли быстро завоевать утраченныя ими позиціи; оставалось только, пользуясь пріобрѣтеннымъ опытомъ, дѣйствовать осмотрительнѣе, чѣмъ прежде. По отношенію къ русскимъ они держали себя пассивно; число сращенныхъ ими въ латинскую вѣру было очень невелико, и имена этихъ обращенныхъ остались неизвѣстны, такъ какъ они держались въ глубокой тайнѣ, изъ опасенія преслѣдованій со стороны православнаго духовенства. Многочисленные въ Россіи протестанты, среди которыхъ было немало вліятельныхъ лицъ и приближенныхъ царя, неустанно вели борьбу съ католиками. Однимъ изъ самыхъ ярыхъ ихъ противниковъ былъ другъ Петра, Францъ Лефортъ. Онъ восхищался гнуснымъ пасквилемъ, написаннымъ противъ папы и іезуитовъ, всячески интриговалъ противъ нихъ и преслѣдовалъ своими насмѣшками патера Вольфа и его товарищей, прибывшихъ изъ Вѣны. Лефортъ особенно не любилъ ихъ за то, что они слишкомъ ухаживали за царемъ; зная увлекающійся, характеръ Петра, онъ опасался ихъ вліянія на него.

Что касается патріарха Адріана, то онъ не внушалъ католикамъ ни малѣйшаго опасенія; вѣчно недомогавшій, онъ не имѣлъ ни силы, ни охоты вступать съ кѣмъ бы то ни было въ борьбу. Когда, въ 1700 г., его мѣсто занялъ Стефанъ Яворскій, іезуиты думали, что они найдутъ въ немъ преданнаго друга. „Мы братья, мы дѣти одной матери“ любилъ говорить Яворскій. Онъ былъ знакомъ съ католическимъ богослуженіемъ и былъ настолько далекъ отъ предразсудковъ, что признавалъ даже крещеніе по латинскому обряду. Но съ теченіемъ времени отношеніе Яворскаго къ католи-

камъ рѣзко измѣнилось; оно стало враждебнымъ: причиною тому было соперничество на поприщѣ учебнаго дѣла. Одною изъ главныхъ заботъ Стефана Яворскаго было, какъ извѣстно, воспитаніе юношества; цѣль, которую онъ преслѣдовалъ—была поднять уровень знанія какъ въ средѣ духовенства, такъ и свѣтскихъ лицъ. Для основанныхъ имъ школъ были выписаны изъ Кіева учителя, но они не могли соперничать въ дѣлѣ преподаванія съ іезуитами; школа, открытая послѣдними, отвлекала учениковъ; этого было достаточно для того, чтобы у Яворскаго явилось желаніе закрыть ее; но этому воспротивились бояре, пославшіе въ іезуитскую школу своихъ дѣтей. Тогда іезуиты, чтобы упрочить положеніе своей школы, увеличили ея программу и открыли курсъ нѣмецкаго языка, что давало имъ большое преимущество; преподававшіе въ школѣ Яворскаго профессора—малороссы не могли въ этомъ случаѣ конкурировать съ ними. Отношеніе между обѣими школами и ихъ преподавателями всегда было натянутое.

Іезуитамъ, для того, чтобы упрочить свое положеніе, конечно, было необходимо заручиться, прежде всего, благоволеніемъ царя; они прекрасно понимали это. Петръ самъ по себѣ не относился враждебно ни къ іезуитамъ, ни къ католической вѣрѣ вообще; изгнаніе іезуитовъ изъ Москвы было дѣломъ патріарха, но царя постоянно возстановляли лютеране и кальвинисты, и ихъ происки могли въ концѣ концовъ увѣнчаться успѣхомъ, такъ какъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ не было ни одного католика, который пользовался бы благосклонностью царя и могъ бы отстаивать ихъ интересы. Генералъ Патрикъ Гордонъ, въ лицѣ котораго латиняне имѣли горячаго защитника, скончался 29 ноября (9 декабря) 1699 г. У его смертнаго одра царь встрѣтился съ іезуитомъ, о. Миланомъ, который находился при больномъ неотлучно. Петръ, часто навѣщавшій любимаго имъ генерала, принялъ іезуита за врача. „Да, отвѣтилъ Гордонъ, на вопросъ царя, это врачъ моей души и единственное мое утѣшеніе, такъ какъ врачи тѣла уже ничего не могутъ мнѣ помочь“ и когда умирающій просилъ Петра не оставлять дорогой его сердцу католической паствы, „будь спокоенъ, батюшка“, отвѣтилъ ему Петръ.

Торжественныя похороны Гордона были совершены въ православномъ городѣ, въ присутствіи царя, по обряду католической церкви. Несмотря на сильный морозъ, царь самъ командовалъ войсками и отдалъ Гордону послѣднія воинскія почести. Послѣ похоронъ онъ послалъ къ іезуитамъ своего сына Алексѣя, который интересовался всѣмъ имѣвшимъ отношеніе къ религіи, и свою сестру Наталію, которая держала себя съ ними съ большимъ тактомъ.

Узнавъ случайно, что духовникъ Гордона былъ прекрасный механикъ, Петръ тотчасъ заказалъ ему разныя бездѣлки, которыя тотъ исполнилъ весьма искусно и къ сроку, чѣмъ снискалъ одобреніе царя. Другой іезуитъ, отецъ Берула, давалъ уроки дѣтямъ именитыхъ бояръ; въ числѣ его учениковъ были Апраксины, Лопухины, Головины—будущіе видные государственные дѣятели. Это вполне соотвѣтствовало видамъ Петра, и такъ какъ онъ ни въ чемъ не могъ упрекнуть іезуитовъ, то когда нападали на ихъ школу, его неизмѣннымъ отвѣтомъ было: „Не слѣдуетъ уничтожать того, что хорошо начато“.

Миссіонеры были увѣрены, что ихъ судьба зависѣла единственно отъ царя и отъ его доброй воли; но онъ былъ чело-вѣкъ столь своеобразный, что относительно его можно было дѣлать самыя смѣлыя предположенія. Іезуиты восторгались его умомъ, его любовью къ наукѣ, его разнообразными познаніями. Во время болѣзни Гордона онъ говорилъ съ ними о медицинѣ какъ знатокъ дѣла, понимавшій спеціальныя медицинскіе термины и современныя приемы леченія. Подкупленные этимъ католики питали втайнѣ надежду, что Господь совершитъ чудо, просвѣтитъ умъ царя и склонить его къ униі.

Между тѣмъ Петру, для осуществленія его политическихъ цѣлей, было необходимо содѣйствіе папскаго престола. Его неудержимо тянуло къ морю; его мечтою было открыть Россіи новыя морскіе пути, развить ея торговлю, создать флотъ, но, для осуществленія этихъ гигантскихъ замысловъ, ему приходилось вступить въ борьбу съ могучимъ противникомъ, къ услугамъ котораго была превосходная, испытанная въ бояхъ армія. Петръ чувствовалъ, что побороть Карла XII собственными силами ему не удастся, что ему необходимы для этого союзники; самымъ подходящимъ представлялась ему Польша, но ее раздирали въ это время внутреннія смуты и на престолъ преданнаго Россіи Августа II заявлялъ претензіи кандидатъ Швеціи—Станиславъ Лещинскій. Борьба этихъ двухъ соперниковъ на польскій престолъ разыгралась одновременно съ войною между Швеціей и Россіей, театромъ которой сдѣлалась Польша.

Царю, силою вещей, приходилось такимъ образомъ отстаивать права Августа, ибо иначе онъ могъ лишиться союза Польши, которая могла перейти на сторону его враговъ. Вмѣшательство въ дѣло папы принесло бы ему огромную пользу. Во главѣ управленія Рѣчи Посполитой стоялъ временно примасть, въ ея сенатѣ засѣдали епископы; духовенство пользовалось въ Польшѣ огромнымъ вліяніемъ, а всѣ эти лица находились въ непосредственной зависимости отъ Рима, всѣ они постоянно сносились съ Варшавскимъ нунціемъ.

Поэтому дальновидная политика требовала поддерживать дружескія отношенія съ папой и не давать заглухнуть надеждамъ, возбужденнымъ нѣкогда въ Римѣ Шереметевымъ и Курбатовымъ, а въ Вѣнѣ самимъ царемъ. Желаніе подкупить папскій дворъ соблазнительными обѣщаніями было такъ велико, что Петръ не задумался сознательно мистифицировать папу. Самъ царь и его ближайшіе сановники сулили Ватикану въ недалекомъ будущемъ чуда и увѣряли его, что единство церкви скоро будетъ возстановлено. Расточая эти обѣщанія, русскіе не связывали себя ничѣмъ даже по отношенію къ католикамъ, жившимъ въ Россіи, которымъ не были даны никакія опредѣленные гарантіи.

Хотя въ Ватиканѣ знали, что обѣщаніямъ Россіи нельзя было довѣрять, тѣмъ не менѣе эти обѣщанія выслушивались съ удовольствіемъ. Папскій престолъ занималъ въ то время Климентъ XI, человѣкъ высоко образованный и тонкій дипломатъ. Онъ живо интересовался вопросомъ о распространеніи католической вѣры на востокъ: въ Индіи, Китаѣ и Персіи и связывалъ съ этимъ надежды на распространеніе въ этихъ странахъ просвѣщенія. Вполнѣ естественно, что возраставшее могущество Россіи привлекло его вниманіе къ этой странѣ, и что онъ не счелъ возможнымъ пренебречь предложеніями, которыя были ему сдѣланы петербургскимъ дворомъ.

Если судить по огромному числу сочиненій о Польшѣ и Московіи, которыя появились въ Римѣ при Климентѣ XI, можно подумать, что сѣверные славяне занимали по преимуществу его вниманіе. Изъ депешъ, близкаго къ Клименту XI лица — кардинала Фабриція Паулуччи видно, что относительно намѣреній царя въ Ватиканѣ возникали время отъ времени серьезныя сомнѣнія. Варшавскій и вѣнскій нунціи предостерегали папу, что у царя были заднія мысли; Людовикъ XIV говорилъ „о проискахъ великаго князя московскаго“ — и невольно являлась мысль, что на обѣщанія русскихъ нельзя было полагаться. Принимая все это къ свѣдѣнію, Ватиканъ не измѣнилъ однако своей традиціонной политикѣ по отношенію къ Москвѣ, и мысль о возстановленіи единой церкви — составляла по-прежнему главную заботу римской курии. „Не намъ предугадывать неисповѣдимые пути Провидѣнія въ дѣлѣ распространенія нашей святой вѣры, писалъ кардиналъ Паулуччи 25 ноября 1702 г., но мы обязаны распространять истинную вѣру среди народовъ и побуждать къ тому монарховъ. Высказывая пожеланіе, чтобы подданные царя присоединились къ лону нашей церкви, святой отецъ не думаетъ о томъ, искренни ли намѣренія этого монарха; онъ надѣется, что коль скоро представляется случай просвѣтить и спасти столько душъ, то Господь, по своему милосердію,

благословить усилія, которыя будутъ сдѣланы для достиженія этой великой цѣли“. Въ этихъ словахъ вся программа Климента XI. Они вполне объясняютъ его образъ дѣйствій: рискуя быть обманутымъ, папа возлагалъ надежду на что-то сверхъестественное и считалъ долгомъ дѣйствовать, руководясь вышесказаннымъ принципомъ.

Въ 1699 г. переговоры съ Римомъ сосредоточились въ Вѣнѣ и велись представителемъ Петра при австрійскомъ дворѣ, княземъ Голицынымъ, непосредственно съ самимъ нунціемъ Давіемъ, тѣмъ самымъ, съ которымъ Петръ былъ такъ любезенъ при посѣщеніи имъ Замостья, и которому онъ надавалъ обѣщанія, никогда имъ неисполненныя. Это послѣднее обстоятельство въ особенности утвердило Давія въ нелестномъ мнѣніи, которое онъ составилъ себѣ о русскихъ, объ ихъ непостоянствѣ и двоедушіи. Что касается князя Петра Голицына, представителя царя въ Вѣнѣ, то онъ былъ лишь простымъ исполнителемъ царскихъ повелѣній.

Прибывъ въ Вѣну 30 декабря 1701 г., Голицынъ прожилъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ инкогнито и только передъ Пасхой выступилъ официально въ званіи царскаго посла; впрочемъ, онъ предупреждалъ нунція ранѣе о томъ, что имъ предстоитъ обсудить весьма важные вопросы, между прочимъ, „о присоединеніи русскихъ къ священной римской церкви“, для чего онъ настоятельно просилъ его о свиданіи. Давій немедленно снесся съ Римомъ, прося инструкцій; онъ не успѣлъ еще получить ихъ, какъ Голицынъ, вопреки всѣмъ правиламъ этикета, самъ явился къ нунцію и заявилъ ему съ самымъ любезнымъ видомъ, что „царь, его монархъ, горячо желаетъ стать преданнымъ сыномъ святой римско-католической церкви и установить прочный союзъ между латинскимъ и православнымъ народами“. „Подробно вопросъ этотъ можно будетъ обсудить позднеѣ,—говорилъ Голицынъ,—когда будутъ окончены переговоры съ императоромъ“. Нунцій, пріятно удивленный этимъ заявленіемъ, ограничился лестными замѣчаніями относительно папы и царя, но рѣшился замѣтить, что вопросъ объ уніи возникалъ уже неоднократно, но всякій разъ не приводилъ ни къ чему. Голицынъ понималъ намекъ и 18 февраля 1702 г., когда нунцій былъ у него съ отвѣтнымъ визитомъ, онъ высказался болѣе опредѣленно, упомянулъ о благоговѣніи, съ какимъ царь относится къ папѣ, и о его намѣреніи „подчинить свои владѣнія папскому престолу“.

Послѣ всего, что было говорено Шереметевымъ и Курбатовымъ въ Римѣ, послѣ донесеній кардинала Коллоница и патера Вольфа, заявленія Голицына не могли возбудить въ Ватиканѣ никакихъ подозрѣній, тѣмъ болѣе, что вскорѣ и варшавскій нунцій Пиньятели,

подъ вліяніемъ слышаннаго отъ князя Долгорукова, заговорилъ въ томъ же смыслѣ.

Въ Ватиканѣ было рѣшено послать въ Москву представителя папскаго престола, чтобы провѣрить сказанное Голицынымъ и условиться на счетъ предварительныхъ переговоровъ. Выборъ палъ сначала на патріарха антиохійскаго, Туриона, который, по пути въ Китай, куда онъ былъ назначенъ викаріемъ, свободно могъ захватить въ Москву, но онъ откладывалъ подъ разными предлогами свою поѣздку и въ концѣ концовъ отправился въ Китай другимъ путемъ; тогда рѣшено было послать въ Россію доминиканца Левези, но и ему не суждено было попасть въ Москву; въ безплодныхъ переговорахъ съ этими двумя лицами и съ кн. Голицынымъ прошло болѣе двухъ лѣтъ. Однако мысль о посылкѣ въ Москву миссіонера не была оставлена, хотя вѣнскій нунцій, черезъ котораго шли переговоры, не разъ задавалъ себѣ вопросъ, не были ли всѣ эти увѣренія въ страстномъ желаніи Россіи заключить унію съ Римомъ чѣмъ-то показнымъ, не дѣлались ли они только для того, чтобы уладить при помощи папы дѣла съ Польшей, заключить миръ со Швеціей и женить царевича Алексѣя Петровича на эрцгерцогинѣ. Эти подозрѣнія подтверждались до извѣстной степени быстрою смѣною въ настроеніи и рѣчахъ князя Голицына. Онъ зачастую переходилъ внезапно отъ разговора о религіи къ свѣтскимъ дѣламъ и какъ-будто интересовался первой только для того, чтобы уладить вопросы дипломатіи. Къ тому же, онъ видимо заискивалъ въ нунціи и нуждался въ его поддержкѣ, такъ какъ его положеніе при австрійскомъ дворѣ было весьма не блестящее. Передъ нимъ были заперты всѣ двери; чтобы проникнуть въ нихъ, у него не хватало денегъ. Въ то время какъ его коллеги расточали министрамъ и ихъ женамъ подарки и пенсіи, онъ ублажалъ ихъ одними обѣщаніями. Вдобавокъ ему давались иногда Петромъ самыя невозможныя порученія. Такъ, напр., однажды Голицынъ, по приказанію царя, потребовалъ у нунція категорическаго отвѣта на счетъ уніи съ Римомъ и предупредилъ его, что если такового не послѣдуетъ къ назначенному сроку, то царь обратится къ лютеранамъ. Это требованіе вызвало въ Ватиканѣ и въ нунціатурѣ большой переполохъ, такъ какъ ранѣе Россіей не ставилось опредѣленно вопроса объ уніи. У Голицына хватило впрочемъ такта не настаивать на этомъ требованіи. Не менѣе странно и двусмысленно показалось нунцію предложеніе одного русскаго князя, выразившаго желаніе совершить поѣздку въ Римъ, чтобы перейти тамъ въ лоно католической вѣры. Его заподозрили въ желаніи просто-напросто совершить на средства папы путешествіе въ Италію.

Сбитый съ толку этими предложеніями и домогательствами, вѣнскій нунцій не скрывалъ отъ Ватикана своихъ недоумѣній. „Я не сомнѣвался бы,—писалъ онъ 8 ноября 1702 г.,—въ полномъ успѣхѣ, если бы распространеніе католической вѣры зависѣло единственно отъ старанія людей, если бы это не было, главнымъ образомъ, дѣломъ Господа Бога. Когда я вижу желаніе московитовъ войти въ сношенія съ Европой, ихъ любовь къ Италіи, почтеніе, съ какимъ они относятся къ апостолу Петру, къ его мощамъ и къ людямъ, кои охраняютъ ихъ, то во мнѣ зарождается надежда, что представителямъ святѣйшаго престола удастся достигнуть уніи съ ними. Но когда я вижу, что монархъ, избранный Провидѣніемъ для столь высокой дѣли, губить свои таланты и способности въ порокахъ, въ угожденіи плоти, въ тиранніи и жестокости по отношенію къ своимъ собственнымъ подданнымъ, то я, право, не знаю, возможно ли что-нибудь ожидать отъ всѣхъ нашихъ плановъ“.

Менѣе впечатлительный и болѣе хладнокровный кардиналъ Паулуччи поддерживалъ бодрость духа нунція и совѣтовалъ ему продолжать переговоры съ кн. Голицынымъ и постараться даже войти въ сношеніе съ Паткулемъ, бывшимъ въ это время проѣздомъ въ Вѣнѣ. Этотъ завзятый врагъ Карла XII, состоявшій на службѣ Петра, занятый только мыслию найти ему союзниковъ противъ Швеціи, также говорилъ о стремленіи царя къ уніи съ Римомъ.

Итакъ, цѣль, которую преслѣдовалъ въ то время Ватиканъ, т. е. возстановленіе сношеній съ Россіей, казалась вполне достижимой и соотвѣтствовавшей намѣреніямъ русскаго царя. 16 августа 1703 г. на засѣданіи кардиналовъ, собравшихся для обсужденія вопроса о посылкѣ въ Россію представителя папы, было рѣшено придать миссіи характеръ исключительно религіозный, а не политическій; единственная цѣль, которую миссія должна была преслѣдовать, была унія церквей. По одобреніи этой программы папой, была послана въ Вѣну депеша, въ которой говорилось въ трогательныхъ выраженіяхъ, что „отеческое сердце его святѣйшества радуется добрымъ намѣреніямъ царя и что, желая предупредить его желанія, папа рѣшилъ послать къ его двору прелата, который будетъ возведенъ въ епископскій санъ и будетъ уполномоченъ указать ему и его доблестной націи путь къ заключенію уніи церквей и установить между обоими дворами вѣчную дружбу и переписку“.

Оставалось рѣшить вѣчный вопросъ объ этикетѣ. Въ этомъ отношеніи Ватиканъ рѣшилъ пойти на всевозможныя уступки, чтобы не тормозить формальностями дѣло, столь важное для „славы Божіей и для спасенія душъ“.

Удовольствіе, съ какимъ кн. Голицынъ выслушалъ сообщеніе нунція о рѣшеніи, принятомъ папскимъ дворомъ, возбудило въ нунціи самыя оптимическія надежды.

„Выслушавъ это сообщеніе,—писалъ нунцій 8 сентября,—князь выразилъ величайшую радость, что вполне согласуется съ тѣмъ рвеніемъ, которое онъ всегда выказывалъ къ славѣ его святѣйшества и къ униіи церквей“.

Голицынъ выразилъ желаніе имѣть копію съ ватиканскихъ депешъ, чтобы представить ее на благовоззрѣніе царя, и предложилъ немедленно выдать паспортъ тому, кто будетъ высланъ въ Москву, чтобы приготовить помѣщеніе для нунція.

„Пусть онъ ѣдетъ немедленно,—сказалъ Голицынъ,—черезъ нѣсколько дней онъ будетъ въ Москвѣ. Если не будетъ остановки за царскимъ титуломъ, то папскому послу будетъ оказанъ такой приемъ, память о которомъ не изгладится во вѣки“.

Разумѣется, рѣшеніе Ватикана слѣдовало привести въ исполненіе, не откладывая его въ долгій ящикъ: появленіе въ Москвѣ папскаго посла устранило бы всѣ затрудненія, но Ватиканъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ съ необычайной медлительностью, и благоприятный моментъ былъ упущенъ. На помощь Риму пришелъ король польскій.

V.

Дзялыньскій подѣ Нарвой.—Политическія и религіозныя уступки.—Нунцій Спада.—Письмо о. Конрада.—Онъ получаетъ назначеніе въ Москву.—Непредвидѣнное препятствіе.—Прискорбный случай въ Вазилянскомъ монастырѣ.—Различныя версіи.—Трудность производства слѣдствія.—Перерывъ сношеній съ Ватиканомъ.—Петръ старается загладить неблагоприятное впечатлѣніе, произведенное событіемъ въ Полоцкѣ,—Предложеніе канцлера Головина объ учрежденіи нунціатуры.—Условія, поставленныя кардиналомъ Паулуччи.

Августъ II давно желалъ заключить съ русскимъ царемъ договоръ и отправить въ Москву посольство, но антирусская партія въ Польшѣ упорно противилась этому; къ тому же въ польской казнѣ, по обыкновенію, не было денегъ на снаряженіе дипломатической миссіи. Послѣ долгихъ проволочекъ королю удалось все же исполнить свое желаніе, и во главѣ посольства, отправленнаго имъ къ Петру, былъ поставленъ Ома Дзялыньскій, которому одновременно были поручены и переговоры о церковныхъ дѣлахъ.

Въ то время когда Дзялыньскій пріѣхалъ въ Россію, въ іюні мѣсяцѣ 1704 г., Петръ находился съ войскомъ подѣ стѣнами Нарвы. вмѣстѣ съ царемъ руководилъ осадными работами фельд-

маршалъ Огильви, не задолго передъ тѣмъ поступившій на русскую службу.

9 (20) августа Нарва была взята приступомъ, а десять дней спустя Дзялынскій заключилъ съ Петромъ, отъ имени Августа II, договоръ, на условіяхъ, коими король польскій имѣлъ полное основаніе быть довольнымъ. Что касается церковныхъ дѣлъ, то и въ этомъ отношеніи Дзялынскому удалось кое-что достигнуть: царь дозволилъ католикамъ по-прежнему свободно исповѣдывать свою вѣру въ Москвѣ и другихъ городахъ Россіи, дозволилъ имъ соорудить въ Москвѣ каменную церковь и разрѣшилъ латинскимъ миссіонерамъ свободный проѣздъ чрезъ Россію въ Персію, на что было приказано выдать имъ безъ задержки паспорта. Впрочемъ, не всѣ требованія Дзялынскаго были удовлетворены: ему не было сказано ни слова о путевыхъ издержкахъ миссіонеровъ, которыя папѣ хотѣлось возложить на царя; миссіонерамъ также не было разрѣшено пробѣхать по Сибири въ Китай, куда они такъ жаждали проникнуть, и католикамъ было разрѣшено построить храмъ только въ Москвѣ, а не во всѣхъ городахъ, какъ они того добивались. Но Дзялынскій счелъ за лучшее не возражать и удовольствоваться полученнымъ. Главное, онъ всячески старался разузнать, какъ это ему было поручено, истинныя намѣренія Петра относительно нунціатуры.

Петръ произвелъ на него впечатлѣніе человѣка, жаждавшаго стяжать лавры на всѣхъ поприщахъ, но не созрѣвшаго еще для перемѣны вѣры; онъ смѣялся надъ патеромъ Вольфомъ и надъ его попытками обратить его въ католичество, хотя, повидимому, онъ и былъ не прочь играть роль реформатора; онъ не уклонялся отъ религіозныхъ споровъ и ничего не имѣлъ противъ появленія при его дворѣ папскаго нунція.

Результатомъ посольства Дзялынскаго было то, что переговоры съ Римомъ возобновились и были перенесены изъ Вѣны въ Польшу.

Въ началѣ 1704 г. варшавскимъ нунціемъ былъ Спада; ему удалось установить самыя дружественныя отношенія съ княземъ Долгорукимъ — представителемъ царя въ Польшѣ, съ которымъ онъ познакомился и близко сошелся въ бытность князя въ Римѣ. Въ душѣ нунцій раздѣлялъ опасенія своего вѣнскаго коллеги, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ нижеслѣдующая его депеша изъ Ратибора отъ 19 апрѣля 1705 г.

„Что касается дѣлъ церковныхъ,—писалъ онъ,— то въ этомъ отношеніи нельзя относиться къ московскому царю съ полнымъ довѣріемъ, такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ народомъ, склоннымъ къ притворству, который во всѣ трудныя минуты жизни обольщаль

папскій престолъ обѣщаніями заключить унію; къ тому же самъ царь имѣетъ не однѣ добродѣтели; всѣмъ извѣстно его пристрастіе къ женщинамъ и къ вину“.

Несмотря на эту оцѣнку, Спада все же предавался нѣкоторымъ надеждамъ; въ особенности когда до него доходили слухи объ успѣхахъ, достигнутыхъ въ Москвѣ Дзялынскимъ. Въ январѣ мѣсяцѣ 1705 г. его посѣтилъ самъ Дзялыньскій и показалъ ему полученный изъ Московской канцеляріи документъ, въ которомъ перечислялись льготы, предоставленныя католикамъ. Точная копія съ этого документа была немедленно послана миссіонерамъ, чтобы они могли, не теряя времени, принятыя за сооруженіе церкви, на что имъ даже была обѣщана королемъ польскимъ субсидія.

Обрадованный этимъ, Спада испросилъ у папы благодарственную грамоту на имя Дзялынскаго и другую на имя царя, которую онъ думалъ передать ему собственноручно, когда царь пріѣдетъ въ Польшу.

Одновременно съ сообщеніями отъ варшавскаго нунція, кардиналъ Пиньятелли получилъ массу писемъ, въ которыхъ ему сообщали о сочувствіи Петра къ римско-католической вѣрѣ; о томъ же говорилъ ему и графъ Ланьяско, агентъ Августа II въ Римѣ.

Грамота на имя Дзялынскаго была немедленно послана вмѣстѣ съ инструкціями, коими нунцію предписывалось, въ случаѣ свиданія съ царемъ, постараться снискать его благоволеніе и приготовить путь къ учрежденію нунціатуры. Нунцію не удалось видѣть Петра, поэтому нѣсколько мѣсяцевъ спустя, для обсужденія все того же вопроса о нунціатурѣ, была созвана комиссія изъ двѣнадцати кардиналовъ, собравшаяся 20 апрѣля 1705 г., подъ личнымъ предсѣдательствомъ папы. Комиссія рѣшила послать въ Россію уполномоченнаго, чтобы выяснитъ истинное положеніе дѣлъ. Порученіе было возложено на кармелита патера Конрада, миссіонерствовавшего съ 1698 г. въ славянскихъ земляхъ. Будучи ранѣе полковымъ священникомъ, онъ попалъ въ плѣнъ къ шведамъ и, получивъ свободу, въ 1704 г., присутствовалъ при осадѣ Нарвы, состоя священникомъ въ отрядѣ Огильви. 29 апрѣля 1705 г. онъ писалъ кардиналу Сакрипанте весьма любопытное письмо, заслуживающее особаго вниманія не только по сообщаемымъ въ немъ подробностямъ, но и какъ образчикъ тѣхъ свѣдѣній, какія доходили до Рима.

„Едва успѣли мы благополучно прибыть въ столицу Московіи вмѣстѣ съ барономъ Огильви, назначеннымъ генералиссимусомъ царскихъ войскъ въ Ингрію“, писалъ о. Конрадъ, „какъ насъ послѣдшне отправляли въ походъ подъ Нарву; недѣль черезъ пять—шесть,

этотъ городъ былъ взятъ приступомъ, также какъ и крѣпость Иван-городъ, и отданъ на разграбленіе войску. Несмотря на послѣдовавшее нѣсколько дней спустя повелѣніе царя возвратить жителямъ награбленное имущество, имъ возвратили только одно тряпье и бездѣлушки“.

„Во время осады я часто имѣлъ случай говорить съ царемъ, съ его сыномъ ¹⁾ и съ знатными особами, приходившими къ намъ чуть не каждый день. Его величество высказалъ мнѣ свое отрицательное удовольствіе по поводу того, что онъ видитъ меня снова въ Москвитин. Онъ разспрашивалъ меня о моемъ пребываніи въ Швеціи и о другихъ плѣнныхъ. Послѣ взятія Нарвы, его величество часто бывалъ въ нашей квартирѣ; я имѣлъ также честь принимать царевича. Онъ отслушалъ однажды обѣдню и затѣмъ попросилъ у меня требникъ и приказалъ перевести его на русскій языкъ, т. е. одинъ только канонъ, а нѣсколько дней спустя, онъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что ихъ канонъ во всемъ приблизительно сходенъ съ нашимъ, очень хвалилъ наши церковные обряды, которые ему очень понравились, къ великому неудовольствію офицеровъ—еретиковъ, которые относятся неодобрительно къ его пристрастію къ нашимъ обрядамъ. Однажды царевичъ сказалъ мнѣ дословно слѣдующее: „я надѣюсь, что мнѣ еще удастся на моемъ вѣку видѣть насъ добрыми братьями во Христѣ. Я разумѣю подъ этимъ, что мнѣ хотѣлось бы, чтобы мы вступили въ унію“. Дай-то Богъ! какъ только окончится эта тягостная война, Царь пріѣдетъ со своимъ сыномъ, я въ томъ увѣренъ, въ Римъ, и св. церковь возрадуется этому“.

„Въ г. Нарвѣ было двѣ лютеранскія церкви (тамъ не было ни одного католика),—одна шведская, другая нѣмецкая. Обѣ онѣ были преданы разграбленію; даже трупы были извлечены изъ могилъ и брошены въ воду. Когда шведская церковь была приведена въ порядокъ, русскіе священники завладѣли ею, отслужили молебенъ, произнесли проповѣди и съ торжествомъ отслужили обѣдню, при грохотѣ орудій. Нѣмецкая церковь до сихъ поръ запечатана по повелѣнію царя. Я полагаю, что если бы я сдѣлалъ попытку взять ее въ свое распоряженіе, то это мнѣ не стоило бы труда, но я отказался отъ этой мысли, чтобы не было повода думать, что мною руководятъ корыстные цѣли. При томъ, хотя бы церковь и была предоставлена въ мое распоряженіе, но я не могъ бы снабдить ее необходимыми предметами для богослуженія, и у меня не было бы священнослужителей; ибо при отсутствіи денегъ нельзя было бы

¹⁾ Царевичъ Алексѣй Петровичъ.

найти священниковъ, которые согласились бы совершать богослуженіе бесплатно; просить же субсидію у царя значило бы испортить дѣло, которое мы надѣемся еще совершить въ этой странѣ“.

„Послѣ кратковременнаго пребыванія въ Нарвѣ намъ пришлось вернуться въ Москву для того, чтобы торжественно отвезти туда плѣнныхъ, взятыхъ у непріятеля пушки, знамена и прочую добычу. Въ Москвѣ было сооружено множество триумфальныхъ арокъ. Возлѣ первой изъ нихъ стоялъ епископъ, на котораго была возложена обязанность привѣтствовать царя и войско съ побѣдою; я стоялъ подлѣ него. Это доставило мнѣ случай познакомиться съ этимъ ученымъ и высокообразованнымъ духовнымъ сановникомъ ¹⁾. Я воспользовался случаемъ, чтобы засвидѣтельствовать ему свое почтеніе, посѣтивъ его въ занимаемомъ имъ дворцѣ, и онъ сказалъ мнѣ, послѣ разныхъ оговорокъ и предисловій, что если только царь повелитъ осуществить унію, то онъ, епископъ, всѣмъ сердцемъ и всей душою будетъ содѣйствовать этому дѣлу, но одинъ онъ не будетъ въ состояніи убѣдить невѣжественный народъ въ необходимости уніи; по его словамъ, это могло даже вызвать бунтъ. „Пока, присовокупилъ онъ, мы должны молить Господа, чтобы Онъ даровалъ царю долгія лѣта; со временемъ все устроится“. Итакъ, ваше святѣйшество, можете быть увѣрены въ томъ, что все идетъ какъ нельзя лучше; только бы эта злополучная война не привела всего въ замѣшательство“.

„Въ настоящее время генералиссимусъ посылаетъ меня въ Вѣну съ письмами къ министрамъ императорскаго двора. Содержаніе ихъ мнѣ неизвѣстно. Первымъ любимцемъ царя, Александромъ Даниловичемъ Меншиковымъ поручено мнѣ заказать для него въ Вѣнѣ два мундира, одинъ шитый золотомъ, другой серебромъ. Я не знаю, для кого они предназначаются, для него или для царя. Онъ далъ мнѣ сто рублей на путевыя издержки туда и обратно. Такъ какъ мнѣ придется пробыть въ Вѣнѣ по меньшей мѣрѣ два мѣсяца, то я умоляю ваше святѣйшество выслать мнѣ своевременно новыя инструкціи и патенты. По возвращеніи въ Москву, я рассчитываю состоять при особѣ упомянутаго выше, важнаго фаворита или при царевичѣ и полагаю, что это будетъ имѣть благоприятныя послѣдствія для нашей святой вѣры“.

Сообщенія о Конрада подтверждались свѣдѣніями, полученными изъ Вильны. Въ этомъ городѣ находился съ войскомъ Меншиковъ. Тамъ же находился нѣкоторое время Гюйсень—довѣренное лицо

¹⁾ Стефанъ Яворскій.

царя. Оба они, на вопросы поляковъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ, открывали имъ самыя радужныя перспективы. Въ особенности Гюйсенъ, самъ католикъ, настаивалъ на учрежденіи нунціатуры и утверждалъ, что это вполнѣ соответствовало желанію царя и сулило самыя плодотворные результаты. Все заставляло думать, что надеждамъ, которыя лелѣяли въ Римѣ, суждено было вскорѣ сбыться.

Такъ какъ о. Конрадъ, какъ нѣмецъ, не былъ достаточно хорошо знакомъ съ тонкостями римскаго этикета, то вмѣстѣ съ нимъ хотѣли послать италіанца Фабри, начальника Виленской семинаріи, но отъ этой мысли пришлось отказаться, такъ какъ Фабри, какъ стороннику польскаго примаса, преданнаго Карлу XII, едва-ли былъ бы оказанъ въ Россіи хорошій приѣмъ. Такимъ образомъ о. Конраду пришлось отправиться въ Россію одному, хотя вѣнскій нунцій и не считалъ его способнымъ выполнить съ успѣхомъ возложенную на него трудную миссію. Кн. Голицынъ считалъ о. Конрада „человѣкомъ неосторожнымъ“, а нунцій удивлялся тому, что миссіонеръ занимался не своимъ дѣломъ, а покушкою шитыхъ мундировъ для Меншикова. „Впрочемъ, говорилъ онъ, можетъ быть это только невинная уловка, придуманная для того, чтобы снискать симпатіи вліятельныхъ лицъ“.

Болѣе снисходительный варшавскій нунцій не смущался подобными мелочами. Когда о. Конрадъ, проѣздомъ черезъ Тронпау, посѣтилъ его въ августѣ мѣсяцѣ, то онъ далъ ему нѣкоторые совѣты и полезныя свѣдѣнія. Миссіонеръ провелъ у него нѣсколько дней; эта задержка была причиною того, что онъ вовсе не попалъ въ Россію, такъ какъ онъ передъ самымъ отъѣздомъ заболѣлъ и въ то время, какъ онъ не успѣлъ еще оправиться, были получены тревожныя вѣсти, заставившія его окончательно отказаться отъ поѣздки въ Москву.

Дѣло въ томъ, что въ іюлѣ мѣсяцѣ 1705 г., когда Петръ приближался съ войскомъ къ Полоцку, разнесся слухъ, что, въ бытность въ Витебскѣ, царь, не терпѣвшій униатовъ, приказалъ сжечь икону, изображавшую св. Іосафата (Кунцевича), убитаго въ 1623 г. его православными врагами и сопричисленнаго папою Піемъ IX къ лику святыхъ. Та же участь угрожала его мощамъ, хранившимся въ Полоцкомъ соборѣ. Этотъ слухъ привелъ въ ужасъ базилианскихъ монаховъ, охранявшихъ серебряную раку съ мощами святаго, и они поспѣшно перенесли ее изъ собора въ домъ великаго канцлера литовскаго князя Карла Радзивилла. Происшедшее въ Полоцкѣ вполнѣ оправдало ихъ опасенія.

По случаю приѣзда царя, городъ далъ большой официальный

банкетъ, затянувшійся далеко за полночь. Утромъ, когда Петръ еще не вполне отрезвился, онъ зашелъ въ смежный съ соборомъ Базилианскій монастырь. Тутъ ему бросилась въ глаза статуя св. Иосафата: святой былъ изображенъ съ топоромъ въ рукѣ—эмблема его мученической кончины, съ разсѣченнымъ черепомъ и сіяніемъ вокругъ головы. На вопросъ царя, кѣмъ былъ убитъ Иосафатъ, базилианскій монахъ, сопровождавшій его при осмотрѣ монастыря, отвѣтилъ: „еретиками“. Это слово вызвало гнѣвъ царя, и онъ, въ порывѣ бѣшеной злобы, не помня себя, выхватилъ изъ ноженъ шпагу и вонзилъ ее въ монаха. Четверо монаховъ, прибѣжавшихъ на помощь своего собрата, подверглись той же участи,—они пали отъ руки царя и его свиты, послѣ чего монастырь былъ преданъ на разграбленіе, церковь обращена въ военный складъ, а монахи заточены въ тюрьму.

„Объ этихъ пяти жертвахъ царскаго гнѣва упоминается“, говоритъ Пирлингъ, „въ достаточно достовѣрномъ источникѣ,—въ первоначальной редакціи исторіи шведской войны, Макарова, но въ послѣдствіи строки, касающіяся этого эпизода, были вычеркнуты самимъ царемъ“.

Эта варварская расправа и оскверненіе святыни монастыря во владѣніяхъ союзника Петра, которому онъ шелъ на помощь съ войскомъ, повергли въ ужасъ всю страну, ибо Петръ далъ слово, что русскія войска будутъ соблюдать строгую дисциплину. Въ Римѣ этотъ случай произвелъ самое тягостное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что число жертвъ было сильно преувеличено, и событіе разукрашено самыми ужасающими подробностями. Передавали, напр., что было убито не пять, а двадцать два монаха, изъ коихъ двадцать одинъ пали отъ рукъ самого царя, и что трупы убитыхъ были, по его приказанію, повѣшены или сожжены, и царь грозилъ, что та же участь постигнетъ всѣхъ базилианскихъ монаховъ г. Вильны.

5 сентября кардиналъ Паулуччи сообщилъ эти прискорбныя вѣсти варшавскому нунцію, требуя, чтобы какъ можно скорѣе было произведено слѣдствіе. Поѣздка о. Коврада въ Москву была отложена.

Одновременно съ этими депешами въ Римѣ были получены депеши отъ нунціа отъ 31 августа и 14 сентября. Въ Троппау, гдѣ проживалъ въ то время Спада, о кровавой сценѣ, разыгравшейся въ Польшѣ, рассказывали совершенно невѣроятныя вещи. Говорили, будто царь не только собственноручно покоячилъ съ монахами, но даже натравилъ на нихъ огромнаго бульдога; передавали также, будто царь перебилъ всю братію Базилианскаго монастыря и, войдя въ церковь, прошелъ въ алтарь и разбросалъ освященную остію;

наконецъ, будто нѣсколькимъ женщинамъ, выразившимъ свое состраданіе къ жертвамъ его гнѣва, вырѣзали, по его приказанію, груди. Слушая эти ужасы, нунцій не зналъ, чему вѣрить; во всякомъ случаѣ онъ не ожидалъ ничего хорошаго „отъ народа, способнаго на все“.

Слѣдствіе по этому дѣлу, которое поручено было произвести нунцію, было сопряжено съ величайшими затрудненіями вслѣдствіе отдаленности Троппау отъ Полоцка, трудности сообщенія въ военное время и крайне разнорѣчивыхъ показаній свидѣтелей, провѣрить которыя было почти невозможно. Такъ, напр., три донесенія, полученные изъ одного и того же „достовернаго“ источника—отъ кіевского митрополита Іосифа Рутскаго, не согласовались между собою, и въ то время какъ доминиканцы передавали самые ужасающіе варианты событія, корреспондентъ саксонскаго двора, баронъ Шеннъ, писалъ изъ Дрездена, что въ Полоцкѣ былъ убитъ всего на всего одинъ базилианскій монахъ, да и тотъ, по его словамъ, былъ виновенъ венъ въ томъ, что онъ дерзко отвѣтилъ царю.

Въ Римѣ, гдѣ представитель Августа II, графъ Ланьяско, отнесся крайне недовѣрчиво къ мрачнымъ рассказамъ, доходившимъ изъ Польши, были въ большомъ затрудненіи и не знали, какъ отнестись къ этому происшествію. Всѣ противорѣчивые рассказы сводились лишь къ тому, что была пролита кровь невиннаго; поэтому было рѣшено отмѣнить окончательно посылку о. Конрада въ Москву. Такимъ образомъ сношенія между Ватиканомъ и Петербургскимъ дворомъ временно прекратились; между ними произошелъ разрывъ.

Но царь также скоро раскаялся въ своемъ поступкѣ, какъ скоро онъ его совершилъ, и съ его стороны, въ скоромъ времени, вновь была сдѣлана попытка къ сближенію съ Ватиканомъ. Нѣсколько дней спустя послѣ убійства базилианскаго монаха, онъ посѣтилъ іезуитскую коллегію,—великолѣпное зданіе, сооруженное иждивеніемъ Баторія. Прийдя въ себя, Петръ былъ совершенно другимъ человѣкомъ; отслушавъ обѣдню, отслуженную по католическому образцу, онъ любезно принялъ приглашеніе отобѣдать за общей трапезой и тутъ, какъ нѣкогда въ Вѣнѣ, очаровалъ всѣхъ своей бесѣдою. Каждый разъ, какъ царь осушалъ стаканъ, по условному знаку раздавалось нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Въ общемъ было сдѣлано до 120 выстрѣловъ. Обильныя возліанія привели царя въ отличное настроеніе духа и сдѣлали его сообщительнымъ. Подойдя къ географической картѣ, онъ припомнилъ все свое путешествіе по Европѣ, высказалъ сожалѣніе по поводу того, что онъ не могъ быть въ Римѣ, и свое страстное желаніе видѣть святой го-

родъ, разспрашивалъ о папѣ Климентѣ XI, о томъ, сколько ему лѣтъ, какими онъ отличается особенностями. Объ убійствѣ монаховъ, само собою разумѣется, никто не заикался.

Но въ бытность, въ Гроднѣ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, Петръ, въ присутствіи нѣсколькихъ магнатовъ, сдѣлалъ попытку оправдаться въ своей винѣ. Сидя за столомъ въ трапезной Базилианскаго монастыря, глядя на Распятіе, онъ клялся, что его поступокъ былъ неумышленный, и что отвѣтъ базилианскаго монаха вывелъ его изъ себя. Виною всему оказывался несчастный монахъ. Выразивъ глубокое сожалѣніе по поводу случившагося, царь обѣщалъ загладить свою вину и подтвердилъ еще разъ свое намѣреніе оказать покровительство уніатамъ. А между тѣмъ патеры, заключенные въ тюрьму въ Полоцкѣ, продолжали сидѣть въ заключеніи.

Стараясь всячески загладить непріятное впечатлѣніе, произведенное убійствомъ монаховъ въ Полоцкѣ, царь имѣлъ задіюю мысль: нуждаясь въ поддержкѣ папскаго престола, онъ хотѣлъ какъ можно скорѣе возобновить сношенія съ папою. Во время пребыванія царя въ Гродно, былъ выработанъ проектъ договора, въ силу котораго взаимнѣ извѣстныхъ уступокъ въ пользу католиковъ въ Россіи, Рѣчь Посполитая признала подобныя же права за православными въ Польшѣ. Но проектъ этотъ не былъ утвержденъ папскимъ престоломъ. Тогда (въ исходѣ 1705 г.), канцлеръ гр. Головинъ предложилъ нунцію Спада возобновить переговоры объ учрежденіи нунціатуры при русскомъ дворѣ и одновременно намекнулъ на обѣщаніе царя подарить капуцинамъ въ Москвѣ церковь во имя апостола Петра и монастырь съ садомъ.

Узнавъ объ этомъ, въ Ватиканѣ сочли себя въ правѣ поставить царю извѣстныя условія, тѣмъ болѣе, что онъ высказалъ Августу II свое желаніе отправить въ Римъ посольство.

16 января 1706 г. кардиналъ Паулуччи извѣстилъ нунція, что переговоры съ московскимъ дворомъ могли быть возобновлены не иначе, какъ по исполненіи нижеслѣдующихъ трехъ условій: чтобы по поводу случая въ Полоцкѣ были представлены извиненія письменно или черезъ посланника, чтобы католикамъ была обезпечена въ Россіи полная свобода вѣроисповѣданія и чтобы вопросъ о пребываніи папскаго нунція въ Москвѣ былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Иначе папа считалъ неудобнымъ предпринять какіе бы то ни было дальнѣйшіе шаги для сближенія съ Москвою.

Польскій нунцій сообщилъ эти условія въ Москву. Петръ былъ вынужденъ считаться съ этимъ, ибо, несмотря на одержанныя имъ побѣды, поколебавшія до нѣкоторой степени легенду о непобѣдимыхъ шведскихъ войскахъ, несмотря на то, что ему удалось заложить,

на болотахъ Ингріи, Петербургъ,—будущее казалось ему весьма смутнымъ: Карлъ XII лишилъ его всѣхъ союзниковъ, въ томъ числѣ и короля польскаго. 13 октября 1706 г. Августъ II заключилъ съ королемъ шведскимъ, безъ вѣдома Петра, унижительный Альтранштадтскій мирный договоръ. Чтобы спасти Саксонію, онъ поступался Польшей, отказывался отъ короны Пястовъ и опозорилъ себя выдачею Паткуля, котораго ожидали пытки и смертная казнь.

Чтобы обезпечить себѣ содѣйствіе поляковъ противъ шведовъ, Петру было необходимо помѣшать Станиславу Лещинскому, признанному уже частью польскаго народа, утвердиться на престолѣ и либо посадить снова на престолъ Пястовъ Августа II, либо какого-нибудь иного противника шведовъ, который въ силу этого былъ бы неизбѣжно его союзникомъ.

Полагая, что вмѣшательство папы будетъ имѣть для него огромное значеніе, Петръ рѣшилъ послать въ Римъ кн. Куракина съ политической миссіей, на которую онъ возлагалъ большія надежды; князю было поручено уладить отношенія Россіи къ папскому престолу.

VI.

Броджіо въ лагерѣ Меншикова.—Результаты его миссіи.—Вторичный пріѣздъ іезуитовъ въ Россію. — Петръ рѣшаетъ послать въ Римъ Куракина и Броджіо.—Отчетъ, представленный іезуитомъ Іосифу I. — Отъѣздъ въ Римъ. — Аудіенція у папы.—Куракинъ въ Римѣ.—Политика Климента XI.—Аудіенція 28 марта въ Ватиканѣ. — Разочарованіе.—Давленіе на папу со стороны Людовика XIV.—Результатъ миссіи Куракина.—Прощальная аудіенція у папы.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1706 г., въ то время, какъ Петръ задумалъ послать князя Куракина въ Римъ, въ Петроковъ, близъ Люблина, гдѣ стоялъ съ войскомъ Меншиковъ, прибылъ знакомый ему іезуитъ Броджіо съ письмомъ отъ императора австрійскаго, въ которомъ Іосифъ I, встревоженный слухами о покровительствѣ, оказываемомъ царемъ капуцинамъ, рекомендовалъ его вниманію іезуитовъ и основанную ими школу, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ для его миссіонеровъ разрѣшенія проѣхать въ Китай черезъ Сибирь.

Меншиковъ, уполномоченный вести переговоры съ іезуитомъ, общалъ ему, что всѣ желанія императора будутъ исполнены, тѣмъ болѣе, что онъ настаивалъ лишь на подтвержденіи обѣщаній, данныхъ католиками черезъ Дзялынскаго еще въ 1704 г.

20 (31) октября 1706 г. Броджіо была вручена грамота, коей

католикамъ обезпечивалась свобода вѣроисповѣданія въ Россіи, разрѣшалась постройка въ Москвѣ каменной церкви и коллегій и миссіонерамъ разрѣшался проѣздъ въ Китай. На словахъ было обѣщано еще большее. Оригиналъ этого документа, съ собственноручной подписью А. Д. Меншикова и его печатью, хранится въ Ватиканскомъ архивѣ.

Двѣ копіи съ вышеупомянутой грамоты были даны іезуиту для представленія въ Вѣну и въ Римъ, такъ какъ Меншиковъ выразилъ желаніе, чтобы Броджіо побывалъ въ обѣихъ столицахъ и общалъ возмѣстить ему путевыя издержки.

Броджіо не ожидалъ подобнаго успѣха; онъ вернулся въ Вѣну торжествующимъ, и Іосифъ I рѣшилъ воспользоваться случаемъ для устройства черезъ него собственныхъ дѣлъ. Онъ уговорилъ іезуита отложить поѣздку въ Римъ и послать его снова въ Москву съ благодарственнымъ письмомъ къ царю и съ словесными предложеніями.

Моментъ для переговоровъ съ Петромъ былъ самый подходящій. Въ началѣ 1707 г. царь находился въ весьма затруднительномъ положеніи: Августъ II отказался отъ престола, Карлъ XII настаивалъ на избраніи Станислава Лещинскаго, державы этому не препятствовали, и царь видѣлъ, что онъ очутится вскорѣ лицомъ къ лицу съ воинственнымъ королемъ шведскимъ, не имѣя союзниковъ, которые поддержали бы его въ борьбѣ съ нимъ и не имѣя посредника, который помогъ бы ему заключить съ Карломъ почетный миръ.

Посланный императора австрійскаго прибылъ въ удачный моментъ, но на него была возложена неблагоприятная миссія. Императоръ хотѣлъ сохранить полную свободу дѣйствій относительно Польши и Швеціи, получить отъ царя большую сумму денегъ, которая дала бы ему возможность усмирить возставшихъ венгровъ; Петръ, со своей стороны, не хотѣлъ дать ему денегъ, а общалъ выставить вспомогательный корпусъ, но требовалъ за это, чтобы императоръ принялъ на себя совершенно опредѣленные обязательства. Понятно, что никакого соглашенія не могло состояться, и обѣ стороны ограничились одними дружескими увѣреніями.

Что касается церковныхъ дѣлъ, то царь оказался сговорчивѣе, и такъ какъ Іосифъ I, по увѣренію Броджіо, интересовался вопросомъ объ учрежденіи въ Москвѣ нунціатуры, то Петръ заявилъ, что, идя навстрѣчу этому желанію, онъ пошлетъ къ Клименту XI для переговоровъ своего посла, кн. Куракина. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ одобрилъ предложеніе Меншикова, чтобы одновременно былъ посланъ въ Римъ Броджіо, дабы поддержать тамъ кн. Куракина.

„Русскіе“, говорилъ по этому поводу Броджіо, „такъ часто обманывали папскій престолъ, что они боятся, что имъ болѣе не повѣрятъ, и посылаютъ меня въ Римъ для того, чтобы я разсказалъ тамъ все, что я видѣлъ своими собственными глазами, и что я слышалъ своими собственными ушами“.

15 апрѣля 1707 г. Броджіо былъ уже въ Вѣнѣ и доложилъ императору о результатѣ своей поѣздки къ царю. Несмотря на дружескія увѣренія, было ясно, что въ вопросахъ политики согласія между державами не было; доказательство—отказъ Петра въ субсидіи, о которой просилъ императоръ, было на-лицо. Броджіо отлично понималъ это, но онъ рассчитывалъ, что положеніе дѣлъ со временемъ измѣнится. Лучше освѣдомленный и трезвѣе смотрѣвшій на дѣло, представитель царя въ Вѣнѣ, Гюйсень, писалъ Петру: „На Вѣну не рассчитывайте. Тутъ взяли верхъ шведы. Императоръ призналъ Станислава; онъ никогда не допуститъ русскую армію въ Вѣну“.

Когда Броджіо прибылъ въ Римъ, генераль іезуитскаго ордена отнесся къ нему вначалѣ недовѣрчиво, недоумѣвая, какимъ образомъ ему было дано дипломатическое порученіе императоромъ, отношенія котораго къ папѣ были въ то время довольно натянуты; предъявленныя іезуитомъ письма Іосифа I разсѣяли всѣ сомнѣнія. Положеніе Броджіо по отношенію къ кн. Куракину, пріѣхавшему въ Римъ еще въ мартѣ мѣсяцѣ, также было затруднительно, такъ какъ посланный не предупредилъ о пріѣздѣ іезуита со словеснымъ порученіемъ отъ царя, и онъ узналъ объ этомъ отъ самого Броджіо, когда тотъ показалъ ему въ доказательство письмо Гюйсена; тѣмъ не менѣе между ними установились дружелюбныя отношенія.

Хотя Броджіо не носилъ официально званія посла, но онъ все же добился аудіенціи у папы и изложилъ ему подробно свою программу: считая церковную унію дѣломъ возможнымъ, онъ полагалъ, однако, что достигнуть этой цѣли путемъ однихъ дипломатическихъ переговоровъ было невозможно, что вѣрнѣе будетъ дѣйствовать инымъ, болѣе длиннымъ, но за то и болѣе вѣрнымъ путемъ, а именно, распространяя въ Россіи просвѣщеніе, сооружая церкви, увеличивая число миссіонеровъ, чему обстоятельства, по его словамъ, вполне способствовали.

По существу этотъ планъ былъ одобренъ кардиналами и самимъ папою; къ сожалѣнію, съ Броджіо можно было только обсуждать его, но нельзя было придти къ окончательному рѣшенію, такъ какъ у него не было соотвѣтственныхъ полномочій.

Онъ уѣхалъ изъ Рима 11 іюля, и съ тѣхъ поръ, въ дипломати-

ческихъ сношеніяхъ съ Римомъ, его имя болѣе не упоминается. Все вниманіе папскаго престола было сосредоточено на царскомъ послѣ.

Инструкціи, данныя кн. Куракину 18 (29) января 1707 г., очень любопытны въ томъ отношеніи, что въ нихъ не говорится ни слова о дѣлахъ, наиболѣе интересовавшихъ папскій престолъ, т. е. не упоминается вовсе о нунціатурѣ или о какихъ-либо новыхъ уступкахъ въ пользу католиковъ, хотя царь и называлъ себя защитникомъ латинской церкви и польскихъ вольностей, — разумѣется, съ точки зрѣнія своихъ собственныхъ интересовъ, которые смѣло отождествились имъ съ интересами папы. „Если король шведскій, протестантъ, овладѣвъ Польшей, посадить на престолъ Станислава Лещинскаго, то это будетъ пагубно для Россіи“, говорилось въ инструкціи Куракина, „но развѣ отъ этого не пострадаетъ католическая церковь и поляки, которые утратятъ свои законныя привилегіи?“ Царь не только выражалъ въ этомъ увѣренность, онъ ручался, что это такъ будетъ, и умолялъ папу не признавать Станислава, ставленника одной партіи, а признать того, кто будетъ избранъ всеѣмъ польскимъ народомъ. Само собою разумѣется, что въ глазахъ царя такимъ избранникомъ могъ быть только человѣкъ, угодный Россіи и готовый предпочесть ея интересы своимъ собственнымъ. Словомъ, Петръ хотѣлъ, чтобы на польскій престолъ былъ избранъ человѣкъ, соответствовавшій его видамъ; въ этомъ и заключалась, главнымъ образомъ, политическая миссія кн. Куракина.

Онъ пріѣхалъ въ Римъ въ исходѣ марта 1707 г., въ самый разгаръ войны за испанское наслѣдство, когда положеніе папы между двумя соперниками, между Франціей и Австріей, было чрезвычайно затруднительно: лично, и изъ видовъ политики, онъ сочувствовалъ скорѣе Версальскому двору и съ ужасомъ видѣлъ, что имперскія войска наводнили Италію и по пути въ Неаполь проходили черезъ папскія владѣнія. Поглощенный этими тревогами и заботами, онъ не имѣлъ времени удѣлить царскому послу достаточно вниманія. Къ тому же въ Ватиканѣ ожидали отъ Куракина извиненій по поводу прискорбнаго случая въ Полоцкѣ и полагали, что онъ начнетъ переговоры объ уніи церквей. Аудіенція, которую папа далъ Куракину 28 марта, принесла ему одни разочарованія.

Строго придерживаясь своихъ инструкцій, Куракинъ упомянулъ о предоставленной католикамъ свободѣ вѣроисповѣданія и о разрѣшеніи миссіонерамъ проѣхать на востокъ; говорилъ о польскихъ

выборахъ, о Карлѣ XII, о Станиславѣ Лещинскомъ, о томъ, что папѣ слѣдовало признать московскаго кандидата, но не обмолвился ни словомъ объ уніи и объ убійствѣ базиліанскихъ монаховъ, что было ему строго воспрещено. Какъ видимъ, главною заботою Куракина было устройство политическихъ дѣлъ.

„У Римской церкви нѣтъ иныхъ враговъ, кромѣ враговъ Иисуса Христа“, отвѣчалъ папа, „онъ не желаетъ зла королю шведскому, но хочетъ, чтобы король обратился къ истинной вѣрѣ, чтобы смуты, раздирающія Польшу, прекратились, и чтобы она умиротворилась подъ управленіемъ законнаго короля католической вѣры“.

Въ отвѣтѣ Климента XI ясно чувствовалось постигшее его разочарованіе. Куракинъ понялъ, что Ватиканъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ и что все, сказанное имъ отъ имени царя, нанесло чувствительный ударъ надеждамъ папы, тѣмъ болѣе, что онъ совершенно къ этому не былъ подготовленъ.

„Здѣсь нечего дѣлать“, писалъ Куракинъ 4 апрѣля царю, „папа не приметъ никакого рѣшенія до окончанія выборовъ въ Польшѣ“.

Разумѣется, Климентъ XI предпочелъ бы занять выжидательное положеніе, но это было довольно трудно, такъ какъ Людовикъ XIV энергично настаивалъ на томъ, чтобы папа принялъ сторону Станислава Лещинскаго и ставилъ въ зависимость отъ этого процвѣтаніе католической церкви въ Польшѣ. Естественно поэтому, что аббатъ Молиньякъ, вѣдавшій въ Римѣ, по порученію Людовика XIV, польскими дѣлами, былъ недоволенъ появленіемъ Куракина въ Ватиканѣ. Онъ жестоко критиковалъ политику Россіи и папскаго двора; полагая, что Куракинъ пріѣхалъ хлопотать объ уніи, онъ писалъ французскому королю 4 апрѣля: „унія съ православной церковью такой же обманъ, какимъ было нѣкогда отреченіе Августа II; кардиналы пойдутъ на эту удочку и, увлекшись безумной надеждой привлечь еретиковъ въ лоно церкви, они потеряютъ цѣлое католическое государство; они отговарятъ папу признать Станислава, который одинъ только и можетъ вывести Польшу изъ того тупика, въ который она зашла“.

Людовикъ XIV раздѣлялъ взглядъ своего уполномоченнаго и писалъ въ Римъ своему официальному представителю, кардиналу de la Trémoille, что ежели папа склонится на предложеніе царя и измѣнитъ свое рѣшеніе относительно Станислава, то онъ этимъ

поставить себя въ крайне неудобное положеніе, отъ чего можетъ пострадать и католическая церковь.

Папа принялъ это предостереженіе къ свѣдѣнію и обѣщалъ дѣйствовать осмотрительно.

Относительно Польши онъ рѣшилъ держаться совершенно нейтрально и не поддерживать ни одной партіи, а признать королемъ того, кто будетъ избранъ народомъ, такъ какъ, поддерживая одну сторону, онъ неизбѣжно возстановилъ бы противъ себя другую. Въ этомъ смыслѣ папа высказался Куракину во время второй аудіенціи; то же онъ сказалъ и аббату Полиньяну, показавъ ему письмо Петра.

Какъ бы идеаленъ ни былъ проповѣдуемый папою принципъ высшаго безпристрастія, но на практикѣ онъ былъ не всегда осуществимъ. Съ каждымъ днемъ становилось очевиднѣе, что Августъ II отрекся отъ престола фиктивно, что онъ готовъ былъ сдѣлать все возможное, чтобы вернуть утраченную корону. Баронъ Шенкъ уже вербовалъ ему сторонниковъ въ Римѣ, да и самъ Августъ заискивалъ у папы: онъ строилъ церкви въ Дрезденѣ и покровительствовалъ іезуитамъ. Его вторичное избраніе казалось вполне возможнымъ; это заставляло папу не пренебрегать сближеніемъ съ царемъ, на сторонѣ котораго былъ Августъ, а между тѣмъ представители Людовика XIV не давали покоя Клименту XI, убѣждая его признать Станислава, чтобы не раздражить короля шведскаго.

Такова была та зыбкая почва, на которой Куракину приходилось дѣйствовать исключительно на свой страхъ, ибо онъ не получалъ отъ своего непосредственнаго начальства почти никакихъ указаній, и его многочисленныя письма либо оставались вовсе безъ отвѣта, либо вызывали такой отвѣтъ, который ничего не говорилъ ему. Его не увѣдомляли даже о ходѣ военныхъ дѣлъ и дипломатическихъ переговоровъ. Мы уже знаемъ, что когда Броджіо пріѣхалъ въ Римъ съ словеснымъ порученіемъ отъ царя, то Куракину объ этомъ не было извѣстно. Когда баронъ Шенкъ сталъ агитировать въ пользу Августа, Куракинъ не зналъ, поддерживать его или нѣтъ. Когда архіепископъ львовскій, Константинъ Зелинскій былъ взятъ въ плѣнъ русскими, и папа потребовалъ, чтобы ему вернули свободу, — онъ не зналъ, что ему отвѣтить на это требованіе, но, несмотря на столь трудное положеніе, онъ съумѣлъ искусно лавировать въ Римѣ; сошелся съ кардиналами и съ іезуитами, успѣлъ расположить ихъ въ свою пользу, и это дало ему смѣлость не только начать переговоры, отъ которыхъ онъ не ожидалъ вна-

чалъ никакого успѣха, но предъявить даже довольно смѣлыя требованія. Между прочимъ онъ выразилъ желаніе, чтобы папа далъ ему официально письменное обѣщаніе не признавать королемъ Станислава и потребовалъ, чтобы въ этомъ документѣ былъ упомянутъ императорскій титулъ, которымъ Петръ дорожилъ. Тогда и папа, со своей стороны, потребовалъ, чтобы привилегіи, дарованныя въ Россіи католикамъ, были закрѣплены именнымъ царскимъ указомъ.

Но какъ только съ той и съ другой стороны были предъявлены категорическія требованія, въ переговорахъ произошла заминка. Куракинъ не могъ ничего обѣщать положительно и далъ понять, что указъ могъ быть данъ только по окончаніи войны. Папа не удовлетворился столь туманными обѣщаніями и не рѣшился высказаться противъ Станислава, чтобы не стѣснять свободу выборовъ въ Польшѣ и не испортить своихъ отношеній къ Людовику XIV.

Нерѣшительность папы раздражала французскаго короля и волновала Куракина. Его уже начинало тяготить вынужденное бездѣйствіе въ Римѣ, и онъ спѣшилъ возвратиться въ Россію, тѣмъ болѣе, что онъ очень страдалъ отъ жаркаго климата Италіи. Однако, прощальная аудіенція была дана ему папою лишь въ половинѣ октября. На прощанье, Климентъ XI былъ очень любезенъ съ посланникомъ. Онъ коснулся вопроса о Польшѣ и, не считаясь съ требованіями Франціи, заявилъ рѣшительно, что онъ еще не призналъ Станислава, не желаетъ признавать его и впредь. Желая сдѣлать пріятное царю, онъ подтвердилъ Куракину свое намѣреніе послать въ Москву нунція. При этомъ, само собою разумѣется, былъ затронутъ вопросъ о царскомъ титулѣ; послу было заявлено, что вопросъ этотъ нужно еще обсудить, и что такъ какъ онъ спѣшитъ отъѣздомъ, то отвѣтъ будетъ препровожденъ въ Вѣну. При этомъ была выражена надежда, что это промедленіе не будетъ истолковано въ дурную сторону, и что между Россіей и папскимъ престоломъ установятся добрыя отношенія.

Куракинъ былъ въ сущности доволенъ результатомъ своихъ переговоровъ. Не сдѣлавъ никакихъ уступокъ, онъ достигъ, хотя отчасти, цѣли своей миссіи: папа не отказывался признать королемъ польскимъ кандидата Россіи, и самому Куракину такъ хорошо удалось сыграть свою роль до конца, что въ Римѣ были вполне убѣждены въ его симпатіи къ папскому престолу, хотя онъ относился къ нему весьма отрицательно. Сдѣланный папою въ вѣжливой формѣ отказъ въ выдачѣ грамоты съ

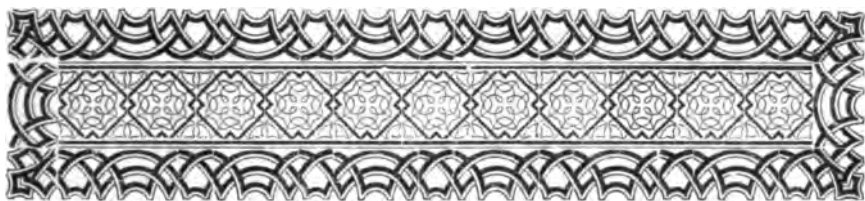
*

императорскимъ титуломъ не былъ поводомъ къ разрыву дипломатическихъ переговоровъ, но, по отъѣздѣ Куракина, они грозили затянуться до безконечности. Чтобы ихъ оживить, нужно было какое-нибудь чрезвычайное событіе. Таковымъ оказалась блестящая побѣда, одержанная Петромъ надъ своимъ противникомъ подъ Полтавою.

Сообщ. В. Т.

(Продолженіе слѣдуетъ).

На службѣ въ лейбъ-уланахъ.

1859—1864 годы.

и Польское возстаніе 1863 года.

(Продолженіе воспоминаній Д. А. Скалона).

Глава I.

Презъ нѣсколько дней послѣ производства молодые офицеры изъ всѣхъ учебныхъ заведеній были собраны для торжественной присяги на плацу передъ строемъ нашего корпуса.

По окончаніи присяги, возвращаясь домой и проѣзжая мимо зданій портовой таможни, я заѣхалъ туда, чтобы показаться мужу моей сестры, Густаву Густавовичу Кроссъ.

Кроссъ, служившій въ таможнѣ, досматривалъ въ это время вина въ погребахъ. Его товарищи, увидя меня въ парадной лейбъ-уланской формѣ, подошли съ поздравленіями, при чемъ приказали нацѣдить сначала мадеры, а потомъ рейнвейна и пили за мое здоровье.

Купорщикъ, какъ ихъ, кажется, называютъ въ винныхъ погребахъ, длиннымъ сифономъ вытягивалъ вино изъ бочекъ и цѣдилъ его въ стаканчики, схожіе съ бокалами, только безъ ножекъ.

Глядя, какъ онъ производилъ вытяжку и наполнялъ стаканчики, не проливая не единой капли,—я вспомнилъ чудныя лекціи по физикѣ, которыя намъ читалъ генераль Гадолинъ, столь прославившійся своими. . . . вспомнилъ, что дѣйствіе сифона основано на законѣ, изслѣдованномъ ученикомъ Галилея—Евангелисто Торичелли: на законѣ истеченія жидкостей при помощи атмосфернаго давленія, для измѣренія котораго имъ былъ изобрѣтенъ барометръ... Однако, о подобномъ примѣненіи сифона изъ бочки въ стаканчикъ и въ юнаго лейбъ-уланскаго корнета, Гадолинъ намъ ничего не говорилъ.

Послѣ 18 домашнихъ и 18 публичныхъ экзаменовъ голова моя по инерціи все еще не могла успокоиться и продолжала днемъ и ночью перебирать, какъ въ калейдоскопѣ: законы, правила, выводы, формулы, наставленія, событія, описанія и пр. и пр. и пр. Потомъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, экзамены тревожили мой сонъ и сердце и всегда незнаніемъ спрашиваемаго.

Однако, возліяніе и запахъ винныхъ паровъ, которыми насыщены погреба въ таможнѣ, возымѣли свое дѣйствіе, и я съ трудомъ сохранялъ равновѣсіе въ то время, какъ ноги, противъ моей воли, старались выписывать „мыслете“.

Мадера мягкая, вкрадчивая, но настойчивая своею крѣпостью не уживалась съ огненнымъ характеромъ рейнвейна.

Хорошо, что до дому было не далеко: черезъ Дворцовый мостъ, въ ворота Главнаго штаба, и я былъ у себя.

Послѣ строгостей корпусной жизни, переходъ къ свободѣ былъ слишкомъ рѣзокъ и самъ собою обаятельно дѣйствовалъ на душу, а подъ чарами выпитыхъ винъ я еще болѣе восчувствовалъ свое уланство.

Ощущенія эти испытывались мною еще впервые, но вино было для меня совершенно чуждою влагой, и я скоро почувствовалъ его тѣневую сторону, хоть и безъ особенно обидныхъ для лихого улана послѣдствій, но впечатлѣніе винныхъ паровъ осталось скорѣе отталкивающее, и я, въ дальнѣйшей жизни, никогда не увлекался культомъ Діонисія.

Черезъ нѣсколько дней батюшка позволилъ мнѣ пригласить товарищей къ обѣду; это было въ послѣдній разъ, что мы всѣ безъ исключенія сошлись, потомъ наши жизненные пути навсегда развели насъ по расходящимся дорогамъ, а нѣкоторыхъ, какъ-то: Калугина, Ушакова, Воробьева,—мнѣ болѣе въ жизни не пришлось встрѣтить.

Послѣ представленія Якову Ивановичу Ростовцеву, мы были осчастливлены представленіемъ Государю Императору, а потомъ своему военному начальству, включительно до командира полка Петра Николаевича Волкова.

Въ это время, 12 апрѣля 1859 года Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ былъ назначенъ командующимъ гвардейскимъ резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ.

Ему я представлялся не только, какъ корпусному командиру, но и какъ шефу лейбъ-уланъ.

Великій князь былъ обаятеленъ въ своемъ обращеніи. Его видъ, его ласковое слово невольно влекло къ исполненію долга службы.

Наконецъ, черезъ мѣсяцъ послѣ производства, съ окончаніемъ отпуска я поѣхалъ, благословясь, на службу въ полкъ.

Былъ июль; мой 4-ый эскадронъ стоялъ въ деревнѣ Терелевѣ.

Мой старшій братъ Александръ Антоновичъ занималъ избу, въ которой и для меня была приготовлена постель. Въ утро моего пріѣзда, Государь неожиданно ударилъ тревогу, и полкъ вышелъ, почти безъ офицеровъ, такъ какъ былъ праздникъ, и большинство разѣхалось по своимъ дѣламъ.

Мнѣ пришлось бы встать передъ первымъ взводомъ, ни разу не бывши въ строю, къ тому же на неизвѣстной лошади, такъ какъ моя еще не была куплена.

Для перваго дебюта это было бы слишкомъ требовательно, я еще совершенно не былъ знакомъ съ кавалерійскимъ строемъ и не зналъ сигналовъ.

По счастью я пріѣхалъ уже послѣ тревоги и первый разъ въ строй пришлось встать на эскадронномъ ученіи.

Варенцовъ посадилъ меня на строевую лошадь „Торичелли“. Вскочивъ въ сѣдло, я невольно подумалъ:— не представлялъ ли я изъ себя Торичеллиеву пустоту съ моимъ полнымъ незнаніемъ на „практикѣ обязанностей командира взвода“. И что это? случайность, или предзнаменованіе: что имя Торичелли въ самомъ непродолжительномъ времени вторично появляется передо мною и теперь уже не только въ мысляхъ, но и въ видѣ красиваго, живого существа подо мною.

Командиръ эскадрона произвелъ ломку фронта сначала на шагу, а затѣмъ на быстрыхъ аллюрахъ и похвалилъ за то, что во время перестроеній я ни разу не потерялъ своего мѣста передъ взводомъ. Съ одной стороны меня вывозила лошадь—съ другой старники-уланъ первой шеренги подсказывали, что командовать, и что мнѣ надо дѣлать.

При такихъ условіяхъ я скоро совершенно освоился со своими обязанностями и полюбилъ строевыя занятія.

Однако Торичелли съ его пустотой не выходили у меня изъ головы, а затѣмъ и—сифонъ, атмосферное давленіе и сила, которую это давленіе вызываетъ—навели меня на мысль, чтобы въ жизни дѣйствовать, примѣняясь къ сифону: втягивая въ себя и по мѣрѣ силъ проводя въ жизнь все прекрасное, все возвышающее духъ, все полезное и—не стѣсняться, если сознаешь въ себѣ пустоту, а пользоваться ею, какъ барометромъ своихъ несовершенствъ и незнаній, чтобы, въ такомъ случаѣ, забывая свое самолюбіе—привлекать къ дѣлу чужія способности и познанія.

Командиръ полка замѣнилъ, купленную моимъ братомъ для меня

трехлѣтку, лошадей изъ строя. Это были чудныхъ статей конь „Хуленый“, изъ военно-конскихъ заводовъ.

Я къ нему привязался и холилъ его, какъ друга.

Тогда другое было время: парилъ манежъ и берегли коней.

Его Высочество еще не ввелъ своихъ требованій.

Люди были 23-хъ лѣтней службы въ гвардіи и въ постоянной муштрѣ не нуждались. Впереди всего стояло требованіе манежной ѣзды и стройности въ движеніяхъ и перестроеніяхъ, что вполне и достигалось.

На первой же надѣлѣ, какъ я явился въ полкъ, мы выступили на отрядные маневры. Проходя Краснымъ Селомъ походною колонною по шести, я ѣхалъ на флангѣ третьяго взвода, вдругъ слышу команду: „смирно“, „глаза налѣво“.—Сзади насъ обгоняла тройка, вижу въ ней Великаго Князя Михаила Николаевича, который пристально смотритъ на меня, а я въ отвѣтъ тяну посадку и ѣмъ его глазами.

Мнѣ слѣдовало приложиться, чего я не зналъ.

Великій Князь сказалъ командиру полка, „что я дерзко смотрѣлъ въ глаза и не прикладывался“, и приказалъ посадить меня на три дня на гауптвахту.

Командиръ полка доложилъ корпусному командиру Великому Князю Николаю Николаевичу, что Скалонъ только-что всталъ въ строй и не приложился по незнанію.

Его Высочество вступился за меня, и на гауптвахту я не попалъ, а былъ посланъ на ординарцы къ начальнику отряда и очень веселился, передавая приказанія.

Лагерь окончился большими маневрами, при чемъ за всѣ шесть дней полкъ ни разу не былъ на аванпостахъ.

На дневкѣ мы остановились въ имѣніи Ореста Семеновича Лихонина, моего бывшего директора. Я провелъ день въ его семействѣ.

Послѣ лагеря поѣхалъ въ отпускъ къ бабушкѣ, графинѣ Сиверсъ въ „Райзала“—имѣніе на р. Воксѣ, недалеко отъ Кексгольма. Большую часть времени проводилъ на рѣкѣ, забавляясь преодоленіемъ пороговъ Тулоскоски и Унункоски, гулялъ по окрестнымъ лѣсамъ и угодіямъ, посѣщалъ приходскую церковь, крестьянскіе хутора, избы рыбаковъ и, невольно, напѣвалъ речитативъ Финна изъ „Руслана и Людмилы“: „угрюмый край“, тщетно стараясь найти красавицу Найну, изъ-за которой стояло бы громить враговъ булатомъ и предаться изученію волшебныхъ чаръ.

Возвращаясь изъ отпуска на службу, я былъ назначенъ приказомъ по полку—заниматься обученіемъ, не помню какой-то пре-

мудрости въ эскадронѣ. Послѣ третьяго посѣщенія полковникъ Варенцовъ—нашъ эскадронный командиръ, пригласилъ меня къ обѣду и обратился съ слѣдующимъ наставленіемъ:

— Любезный Скалонъ, мнѣ докладывалъ вахмистръ Анисимовъ, что вы усердно принялись за дѣло обученія; это весьма похвально, но не къ чему вамъ этимъ заниматься; люди все это отлично знаютъ, лучше васъ, а вамъ не стоитъ терять время. Извольте посѣщать общество, балы, театры, это для васъ будетъ гораздо полезнѣе, и даже необходимо послѣ корпуса приглядѣться къ свѣту и себя показать, а потомъ займетесь службой“.

Само собою разумѣется, совѣтъ нашего умнаго, опытнаго и выдающагося эскадроннаго командира былъ мною въ точности исполненъ и не безъ пользы для завершенія моего образованія—воспитаніемъ общественною средой.

На службу, кромѣ дежурства, приходилось ѣздить два раза въ недѣлю на офицерскую ѣзду, что не требовало много времени;—а затѣмъ я много читалъ, посѣщалъ знакомыхъ, выѣзжалъ на вечера, балы и былъ усерднымъ посѣтителемъ оперы, французскаго и нѣмецкаго театровъ.

По понедѣльникамъ, послѣ итальянской оперы постоянно собирався кружокъ товарищей, друзей и пріятелей у Сергѣя Филипповича Христіановича.

Тамъ я сошелся съ Петромъ Ильичемъ Чайковскимъ, Эдуардомъ Францовичемъ Направникомъ, Иваномъ Ѳедоровичемъ Горбуновымъ; познакомился съ Всеволодомъ Крестовскимъ, Апухтинымъ, Щербиною, Сѣровымъ, Путилинымъ и товарищами Христіановича по правовѣднію, приглашенными вмѣстѣ съ нимъ оберъ-полицеймейстеромъ графомъ Шуваловымъ въ слѣдователи при полиціи.

За стаканомъ чая, рюмкой водки съ закускою, время проходило въ живыхъ разсказахъ пережитаго за недѣлю въ камерахъ слѣдователей, или же мы наслаждались слушаніемъ игры на фортепіано Чайковскаго и художественными разсказами Горбунова. Для меня это была академія дѣйствительной жизни со всѣми ея свѣтлыми и мрачными явленіями. Благодаря Христіановичу—Всеволодъ Крестовскій подъ покровительствомъ Путилина проникъ въ Вяземскую Лавру и, живя въ ея трущобахъ, передавалъ живымъ словомъ видѣнное и пережитое за недѣлю, а потомъ описанное въ его романѣ „Петербургскія Трущобы“.

Его разсказы подтверждались и дополнялись знаменитымъ Путилинымъ и дышали захватывающимъ интересомъ; точно также разсказы самого Христіановича и его товарищей—слѣдователей, о выдающихся случаяхъ ихъ практики дополняли картину преступ-

ной дѣятельности въ разныхъ слояхъ населенія и знакомили съ жизнью, отъ ужасовъ которой иногда замирало сердце.

. Лично я больше любилъ, когда вниманіе наше сосредоточивалось на вопросахъ искусства.

Возвращаясь изъ Петергофа, я иногда заѣзжалъ къ Сергѣю Филипповичу днемъ и часто встрѣчался съ Горбуновымъ и Петромъ Ильичемъ, который бывало часами игралъ мнѣ на фортепіано Моцарта, Бетховена, Шумана, Мендельсона, но никогда ничего своего. Потомъ я спросилъ у него: были ли у васъ, Петръ Ильичъ въ то время уже собственные произведенія?

— Были, отвѣтилъ онъ.

— Отчего же вы никогда мнѣ ничего не сыграли?

— Я не придавалъ имъ значенія и исполнялъ ихъ только для себя.

Разказы Горбунова сосредоточивались преимущественно на бытѣ москвичей и духовенства, и на этихъ вечерахъ онъ создалъ типъ генерала Дитятина. Кромѣ того, онъ присутствовалъ часто въ камерѣ Христіановича, или сопровождалъ Путилина, когда онъ самъ выслѣживалъ и преслѣдовалъ какое-либо сложное преступленіе или убійство. Путилинъ былъ скромнѣе въ своихъ разказахъ, а Иванъ Федоровичъ съ неподражаемымъ мастерствомъ въ живыхъ образахъ передавалъ и воспроизводилъ типы мазуриковъ, татей, убійцъ, пострадавшихъ лицъ, свидѣтелей, полицейскихъ агентовъ и прочихъ участниковъ дѣла.

Вотъ гдѣ Горбуновъ изучалъ психологію человѣческой души и улавливалъ бытовые черточки и особенности описываемыхъ имъ лицъ и сценъ.

Дома у моихъ родителей бывали музыкальные вечера; игралъ знаменитый по тому времени квартетъ: Пикеля, Альбрехта, Вейкмана и Зейферта.

Первое время партію віолончели исполнялъ самъ Карлъ Шубертъ, а Зейфертъ игралъ въ квинтетахъ второй альтъ или віолончель. Густавъ Густавовичъ Кроссъ исполнялъ въ ансамбляхъ партію фортепіано. У него я познакомился съ віолончелистомъ-любителемъ Щуковымъ, гдѣ, на музыкальныхъ вечерахъ, сошелся съ Константиномъ Егоровичемъ Маковскимъ и попалъ въ мастерскія учениковъ академіи.

Тамъ въ кругъ пріятелей и знакомыхъ вошли: Дмитріевъ-Оренбургскій, Крамской, пейзажистъ Васильевъ; Якоби, Клодтъ, Шишкинъ, потомъ уже Семирадскій, Антокольскій, К. Лемохъ, И. Гоголинскій, А. Сомовъ, А. Морозовъ.

Вся эта талантливая молодежь жила художественными интере-

сами; посѣщая и слушая ихъ, я кромѣ того часто заходилъ въ эрмитажъ, любовался старыми мастерами, а затѣмъ удостоился приглашенія принять участіе въ вечерахъ офортистовъ и произвелъ два-три рисунка, заслужившіе одобреніе. Одинъ изъ нихъ „Голова всадника Леонардо да Винчи“ сохранился у меня, и къ удивленію, дѣйствительно весьма порядочно исполненъ; но я увлекся Эвтерпою и забросилъ рисованіе, убѣдившись, что живопись требуетъ безпрерывныхъ трудовъ; а какъ для отдыха и забавы, то у меня и теперь еще достаточно ловкости въ рукѣ, и что-нибудь нарисовать для себя я всегда могу безъ всякаго труда, — музыка же меня больше привлекала.

Въ полку, какъ видно изъ вышесказаннаго, мнѣ жилось прекрасно.

Полковая жизнь офицерской среды отличалась вполне отъ настоящаго времени.

Въ числѣ офицеровъ были: богатые, съ средними и небольшими средствами. Въ большинствѣ мы жили своимъ хозяйствомъ, обѣдали дома, а кто жилъ въ Петербургѣ, — тѣ на вокзалѣ, въ желѣзно-дорожномъ буфетѣ, который отлично содержался французомъ Амбилье.

Въ то время мы не были такъ стѣснены обязательными расходами, какъ теперь—съ устройствомъ въ полкахъ офицерскихъ собраний, гдѣ по принципу всѣ равны средствами, при чемъ равняются въ средствахъ не по тѣмъ, кто въ нихъ ограниченъ, а по тѣмъ, которые съ большимъ достаткомъ.

Вотъ, на примѣръ, что было со мною.

У насъ въ селѣ сгорѣла церковь, построенная еще при императрицѣ Аннѣ. Батюшка принялъ близко къ сердцу этотъ пожаръ и уѣхалъ на лѣто съ братомъ Александромъ въ имѣніе, чтобы немедленно возобновить Крестовоздвиженскій храмъ; въ виду же расходовъ на постройку, сократилъ выдачу намъ денегъ, а я сократилъ расходъ на столъ и удовольствіе: пилъ утромъ молоко, въ обѣдъ ѣлъ какую-либо кашу, картофель, яйца, вечеромъ чай или молоко и прожилъ такимъ образомъ въ расходѣ 50 копеекъ въ день, готовясь въ академію два съ половиною мѣсяца и выйдя съ оставленными мнѣ средствами.

Для меня, послѣ корпуснаго воспитанія, это, можно сказать, даже не было особымъ лишеніемъ, и я радовался легкости движенія, пробѣгая отъ собора въ Нижній садъ двумя репризами. Теперь такой добровольный постъ почти невозможенъ, посѣщеніе собранія обязательно, а тамъ обѣдъ стоитъ 1 р. 20 к. и завтракъ 80 к., безъ вина и всѣхъ побочныхъ расходовъ.

Мы съ братомъ не держали денщиковъ; за нами ходилъ нашъ крѣпостной человѣкъ Илья Ивановичъ Моисѣевъ.

Онъ варилъ обѣды, чинилъ и утюжилъ платья, мылъ перчатки и велъ расходы по дому.

Братъ началъ службу въ 1855 году въ Митавскомъ гусарскомъ полку, былъ прикомандированъ къ намъ въ январѣ 1859 и переведенъ 13 октября; а въ 1863 принялъ должность полкового адъютанта. Братъ любилъ лошадей, и мы держали съ нимъ тройку, которая по тѣмъ временамъ была почти необходима, въ особенности во время лагернаго сбора. Зимой мы пользовались ею, возвращаясь съ вечеровъ въ Петергофъ — домой, а то прямо на офицерскую ѣзду, или другое занятіе.

Въ особенности пріятно было въ морозную, лунную ночь скользить по морю, выѣзжая на Петергофскій берегъ Нижнимъ садомъ, у сторожевой будки, подлѣ Александріи.

Мы дружили и чаще всего проводили вечера въ полку съ Ив. Ѡ. Тутолминымъ, Ѡ. М. Климовымъ, Ип. Ип. Бларамбергомъ, Ѡ. Н. барономъ Криденеръ и А. М. Пильсудскимъ. Послѣдній былъ богато одаренъ музыкальными способностями и отлично владѣлъ скрипкою и фортепіано.

Я любилъ слушать рассказы старшихъ офицеровъ, какъ В. П. Крейтера и А. М. Лаврова, у котораго мы сходились.

Крейтеръ былъ живая полковая хроника, онъ прекрасно рассказывалъ подвиги полка на поляхъ брани и бытовые картинки.

Въ то время еще не остыло вниманіе къ дуэли Поливанова съ Гербелемъ 2.

По словамъ очевидца, ротмистра Михаила Николаевича Дохтурова, дуэль эта произошла слѣдующимъ образомъ:

Полкъ, во время маневровъ на дневкѣ, стоялъ бивуакомъ подлѣ села. Гербель 2-й съ Дохтуровымъ собирались въ церковь. „Возьмемъ съ собой Поливанова“, обратился къ нему Гербель, и оба вошли въ его палатку.

Поливановъ брился. Гербель, шутя, подтолкнулъ его подъ локоть, сказавъ: „Кончай бриться, пойдемъ въ церковь“.

— Терпѣть не могу такихъ шутокъ,—отвѣчалъ Поливановъ и въ сердцахъ отмахнулъ руку Гербеля на столько сильно, что отмахъ коснулся лица Гербеля, но не ладонью, а наружной стороной руки.

Такъ бы дѣло и кончилось между ними, потому что они были пріятелями и не придали значенія чистой случайности.

Однако же, черезъ день, черезъ два, пошелъ слухъ, будто Гер-

бель получилъ пощечину, находили дуэль неизбежной, и она была рѣшена, такъ какъ нельзя было отрицать нанесенія удара по лицу.

Начали приглашать секундантовъ.

Гербель хотѣлъ обратиться къ Дохтурову и съ этимъ желаніемъ вошелъ къ нему въ палатку въ то время, когда у него сидѣлъ старшій братъ Гербея флигель-адъютантъ Данила Гербель.

Увидя брата, Гербель, мгновенно вышелъ, сказавъ: „зайду послѣ“. Самъ же отправился къ Чевкину и засталъ тамъ Поливанова, тоже предложившаго Чевкину быть его секундантомъ. Сговорились, что Чевкинъ будетъ одинъ секундантъ у обоихъ.

Гербель близорукій, никогда не стрѣлявшій изъ пистолета, выстрѣлялъ первымъ и попалъ выше живота въ Поливанова, который выстрѣлялъ уже раненымъ и, конечно, не попалъ, а стрѣлялъ онъ настолько мѣтко, что убивалъ на стѣнѣ муху.

Нѣкоторые офицеры слѣдили за дуэлистами, и когда Поливановъ упалъ, то по первому же взгляду было видно, что надо припасать хорошаго хирурга. Двое вскочили на лошадей, изъ которыхъ одинъ—Дохтуровъ сѣлъ на пристяжную и пустилъ вскачь.

Дорога послѣ дождя была грязная, вскорѣ онъ былъ весь забрызганъ и въ такомъ видѣ попался навстрѣчу командиру корпуса, Цесаревичу Александру Николаевичу, ѣхавшему съ Цесаревою въ коляскѣ.

— Откуда ты въ такомъ видѣ?—спросилъ Цесаревичъ.

— Спѣшу за докторомъ, такъ какъ одинъ изъ офицеровъ расшибся,—отвѣчалъ Дохтуровъ.

— И это дѣйствительно такъ?—переспросилъ Цесаревичъ. Дохтуровъ подтвердилъ.

— Ну, такъ поворачивай назадъ къ моему доктору Енохину, привези его по моему приказанію къ разбившемуся, и чтобы ѣхалъ немедленно.

Енохинъ пріѣхалъ, но засталъ Поливанова уже оперированнымъ хирургомъ, котораго привезъ другой поскакавшій офицеръ.

Оказалось, что пуля пробила сюртукъ, жилетъ, нижнее бѣлье, вогнавъ въ животъ куски сукна, жилета и бѣлья.

Гербель и Поливановъ были разжалованы въ рядовые на Кавказъ и зачислены въ разные полки, но Поливановъ долго болѣлъ, а затѣмъ безъ всякихъ послабленій исполнялъ службу рядового и участвовалъ въ нѣсколькихъ извѣстныхъ экспедиціяхъ; Гербелю, какъ слабому и болѣзненному, дѣлали нѣкоторые послабленія.

Оба были помилованы передъ Крымской войной съ возвращеніемъ чиновъ.

Поливановъ прибылъ въ полкъ и принялъ эскадронъ, но скоро вышелъ въ отставку и вновь былъ принятъ на службу Великимъ Княземъ главнокомандующимъ въ Турецкую войну 1877—78 года, и назначенъ вторымъ комендантомъ главной квартиры.

Гербель же отправился прямо въ Севастополь, былъ раненъ, попался въ госпиталь, гдѣ заразился тифомъ отъ раненаго сосѣда и умеръ.

Дуэль эта, вызванная случайностью, безъ злобы, была вынужденная, какъ дань взгляду, преобладавшему среди дворянскаго и офицерскаго общества, на неприкосновенность лица, требовавшую смѣтлн кровью, хотя бы случайное къ лицу прикосновеніе.

Не были также забыты продѣлки Якова Николаевича Волкова, брата нашего командира Петра Николаевича.

Волковъ былъ больше извѣстенъ подѣ именемъ Яшки, и шалости его въ духѣ того времени нельзя было назвать злыми.

Такъ, однажды, гуляя съ товарищами въ ожиданіи проѣзда Императрицы, они подошли къ шлагъ-бауму на дорогѣ изъ Петербурга.

Волковъ сѣлъ верхомъ на бревно, а товарищи отпустили пѣнь, и шлагъ-баумъ поднялся съ Волковымъ на концѣ. Изъ угла въ это время выѣхалъ экипажъ съ Императрицей Александрой Ѳеодоровной, которая знала Волкова и только пригрозила ему пальцемъ, а Яшка приложился и сталъ молить: „ради Бога, Ваше Величество, не говорите Государю, что меня видѣли въ такомъ положеніи“.

Какъ-то Волковъ разсердился на своего булочника, а въ то время каждая булочная имѣла въ нижней оконной рамѣ мѣдную форточку, называвшуюся васъ-исъ-дасъ; онъ набралъ отрядъ уличныхъ мальчишекъ, приказалъ одному изъ нихъ раннимъ утромъ постучать въ форточку и скрыться, затѣмъ повторить это нѣсколько разъ, пока булочникъ не выглянетъ,—тогда накинуть ему на шею петлю и вытянуть изъ форточки, а отряду мальчишекъ справа по одному брать барьеръ черезъ натянутую веревку.

Мальчишки все въ точности исполнили.

Булочникъ свирѣпѣлъ, ругался и не былъ въ состояніи что-либо сдѣлать, а Волковъ явился избавителемъ, перерѣзалъ веревку и разогналъ мальчишекъ при веселомъ смѣхѣ прохожихъ.

Аркадій Михайловичъ Лавровъ былъ большой оригиналъ. Остроумный, начитанный, онъ любилъ говорить и вносилъ большое оживленіе въ общество.

Лавровъ отличался особымъ выговоромъ, произносилъ „въ“, какъ „ф“, „вотъ“—слышалось какъ „фотъ“; вмѣсто „б“—„п“, а „д“ какъ „т“.

Ему ничего не стоило сегодня съ жаромъ доказать одно, а черезъ день—противоположное.

Однажды кто-то изъ насъ его остановилъ: „Аркадій Михайловичъ, что же это такое? Вчера вы были совершенно противоположнаго взгляда на обсуждаемый вопросъ?“

— Что-жъ, патюшка, это прогрессъ въ мысляхъ, чему вы удивляетесь? По-вашему надо застыть въ своихъ сужденіяхъ, а по моему мысль должна искриться, какъ шампанское.

Къ Лаврову пріѣхалъ изъ Вологодской деревни отецъ. Аркадій Михайловичъ черезъ малое время сталъ у него просить денегъ. Старикъ отказалъ. Они пошли гулять по Невскому; Лавровъ повторилъ просьбу:

— Что же, патюшка, тайте пятьсотъ рублей.

— Нѣтъ, Аркаша, не могу.

— Такъ не татите?

— Нѣтъ, сказалъ: не могу.

— Городовой!—крикнулъ Лавровъ.

— Что ты, Аркаша, городского зовешь, зачѣмъ это?

— Вотъ, фы денегъ не хотите тафать, такъ я фась оттамъ горотофому,—и, обращаясь къ послѣднему, произнесъ:

— Городовой, фозьми этого штатскаго въ участокъ, онъ меня терзитъ, я самъ объяснюсь съ пристафомъ.

Старикъ повѣрилъ, испугался и согласился дать, что сынъ просилъ.

Однажды на маневрахъ Аркадій Михайловичъ сидѣлъ на конѣ и перечитывалъ письмо съ недовольнымъ выраженіемъ на лицѣ.

— Отъ кого это вы получили письмо? спросилъ я его, да еще здѣсь?

— Отъ madame Скалонъ.

— Какъ отъ madame Скалонъ! удивленно воскликнули мы вмѣстѣ съ братомъ, какая это Скалонъ, съ которой вы въ перепискѣ?

— Это моя сестра, вдова Юрія Степановича Скалона.

— Какъ сестра! Вы никогда не говорили, что у васъ есть сестра, которая была замужемъ за Юріемъ Степановичемъ Скалонъ, а вотъ ужъ три года, какъ мы съ вами хлѣбъ-соль водимъ.

— Я ей долженъ, отвѣчалъ Лавровъ, и не желалъ ее вспоминать. Вотъ она опять спрашиваетъ свои деньги, придется отдать.

Со временемъ, года черезъ два мнѣ пришлось принять участіе въ сынѣ его сестры Степанѣ Скалонѣ и его внукѣ Василии, но Лавровъ для нихъ кромѣ зла ничего не дѣлалъ.

Послѣ полковника Воронцова, никогда не прибѣгавшаго въ эскадронѣ къ тѣлеснымъ наказаніямъ, а командовавшаго, развивая со-

знаніе своего достоинства у людей,—Лавровъ послѣ него сталъ ихъ унижать, ругать, изводить требованіями и придирками и достигъ того, что эскадронъ строемъ пошелъ приносить жалобу командиру полка и ослушался старшаго полковника В. П. Крейтера, который до прибытія командира полка ихъ останавливалъ и приказывалъ возвратиться въ казармы, но они ослушались.

Люди пострадали, были раскассированы по армейскимъ полкамъ и частью сосланы въ арестантскія роты. Затѣмъ изъ другихъ гвардейскихъ частей были собраны люди, и вновь сформированъ 4-й эскадронъ.

Во время этой исторіи я былъ въ академіи и очень жалѣлъ нашихъ людей, доведенныхъ до крайности придирками Лаврова и вахтмистра Шандры; по незнанію они нарушали основное требованіе военной службы „не дѣйствовать скопомъ“.

Лавровъ номинально былъ оставленъ командиромъ эскадрона, но скорѣ упалъ съ лошади, зашибъ ногу и уволился въ отставку.

Эта печальная исторія тяжело отразилась на немъ, онъ сдѣлался угрюмъ, рѣдко выходилъ изъ дома и избѣгалъ нашего общества. Лично я его больше не встрѣчалъ.

Вскорѣ Иванъ Федоровичъ Тутолминъ поступилъ въ академію, Климовъ вышелъ въ отставку, а Бларамбергъ перевелся на какую-то административную должность.

Составъ полка въ младшихъ чинахъ удивительно скоро измѣняется, такъ и нашъ тѣсный кружокъ разсыпался, только съ Криденеръ и Пильсудскимъ я по-прежнему часто видѣлся и дружилъ.

Требованія Его Высочества Великаго Князя Николая Николаевича, назначеннаго командиромъ гвардейскаго корпуса, уже начали вносить въ нашъ конный строй нѣкоторое оживленіе. Мы стали дѣлать строевыя проѣздки по эскадронно и цѣлымъ полкомъ, скакать черезъ барьеры, отвѣчать за свой взводъ, хотя послѣднее было скорѣ номинально и выражалось лишь только знаніемъ по именамъ и прозвищамъ людей своего взвода.

Въ этомъ отношеніи я имѣлъ случай на опытъ убѣдиться, какъ трудно нарушить установившіяся привычки.

Общество офицеровъ сходилось рѣдко, собирались только на ѣзду, полковой праздникъ и проводы товарищей. Въ лагеряхъ стояли по эскадронно и довольствовались артелями, при чемъ лѣто обходилось, глядя по артели, отъ 250 до 600 р.

Самый скромный былъ 3-й эскадронъ; самый роскошный 1-й; во 2-мъ процвѣтала ѣда; въ моемъ 4-мъ столовались хорошо, при чемъ въ ходу были преимущественно крѣпкія вина: хересъ, мадера, заурядное красное вино и изрѣдка шампанское.

Михаилъ Петровичъ Варенцовъ былъ замѣчательно умный и начитанный человѣкъ и необыкновенно выносливый на вино, которое только слегка его оживляло.

Верстахъ въ двухъ отъ Терелева лежитъ деревня Русское Капорское, въ которой стояли лейбъ-гусары. Иногда мы ходили другъ къ другу въ гости.

Однажды, до моего прихода, за попойкой поспорили. Михаилъ Петровичъ предложилъ пари на двѣ тысячи рублей, что выпьетъ шесть бутылокъ шампанскаго и проскачетъ шесть верстъ. Между Терелевомъ и Капорскимъ отмѣрили версту; на концахъ поставили осѣдланыхъ лошадей. Михаилъ Петровичъ выпивалъ бутылку, скакалъ версту, выпивалъ слѣдующую—опять скакалъ версту; передъ послѣдней бутылкой онъ предложилъ помириться въ проигрышѣ на половину, то есть на тысячу рублей.

Но противная сторона не согласилась, тогда онъ выпилъ послѣднюю бутылку, проскакалъ версту и свалился безъ памяти.

Проболѣвъ двое сутокъ, онъ совершенно оправился. Пари имъ было выиграно.

Время за завтракомъ и обѣдомъ у насъ проходило незамѣтно. Варенцовъ, Лавровъ, Петръ Карловичъ Зейфертъ были интересные собесѣдники.

Вопросы служебные, социальныя, правительственныя, внѣшнія—все обсуждалось.

П. К. Зейфертъ окончилъ по первому разряду лицей, поступилъ на гражданскую службу, потомъ въ Павловскій полкъ и 7-го декабря былъ переведенъ къ намъ для совмѣстной службы съ братомъ Николаемъ Карловичемъ.

Къ сожалѣнію, Петръ Карловичъ былъ алкоголикъ, и я могъ убѣдиться въ печальныхъ послѣдствіяхъ этой ужасной болѣзни, парализующей волю самаго разумнаго человѣка.

Меня не заставляли пить, напротивъ—Варенцовъ совѣтовалъ мнѣ не упускать времени и заняться чтеніемъ военныхъ писателей.

Я взялъ комментаріи Юрія Цезаря и читалъ ихъ въ свободные часы. Между строевыми занятіями мы навѣщали товарищей другихъ эскадроновъ.

Зимой полкъ ходилъ въ Петербургъ на парады. Мы останавливались въ Ямской у Глазова кабака. Переходъ совершался обыкновенно шагомъ; пройдя верстъ семь, слѣзали и вели лошадей въ поводу; въ рысь никогда не переходили.

У Сергіевской пустыни была первая продолжительная остановка, подтягивали подпруги, оправлялись, а офицеры заходили въ заго-

родный ресторанъ, расположенный противъ монастыря, пили водку и закусывали.

Слѣдующій привалъ бывалъ у Краснато кабачка, пройдя, такъ называвшуюся нами, Чортову долину, потому что на этой прогалинѣ, открытой къ морю, часто свирѣпствовалъ сильный вѣтеръ, а при морозѣ руки и ноги коченѣли; въ особенности же доставалось лицу, когда навстрѣчу неслась злая обледеница. Однажды она была такъ сильна,—какъ Новороссійская бора, что мы сплошь были покрыты слоемъ льда и совершенно уподобились фигурамъ ледяного дома временъ Императрицы Анны.

Офицерамъ отводилось помѣщеніе на постояломъ дворѣ, на углу Глазовой улицы, который содержала почтенная старушка—Завитаиха, душевно привязанная къ полку. Она знала большинство офицеровъ и принимала насъ всегда радушно, угощая кулебякою и чаемъ.

Лѣтомъ она ежегодно паломничала въ Коневецъ, Балаамъ, къ Пятницѣ, при чемъ возносилась ея молитва и вынимались части за здравіе лейбъ-уланъ.

При Императорахъ Николаѣ I и Александрѣ II въ Крещеніе иногда бывалъ наружный парадъ.

Войска стояли въ колоннахъ на Дворцовой площади; церковное шествіе выходило изъ главныхъ воротъ и проходило среди войскъ, мимо Александровской колонны, черезъ разводную площадку на набережную, къ Иордани.

Однажды мы вышли при 3-хъ градусной оттепели, а возвратились съ 18° морозомъ.

Многіе обморозились, въ особенности пострадали полковые адъютанты, шествующіе передъ штандартомъ и знаменами съ рубкою подъ козырекъ.

Адъютантъ Л.-Г. 1-го стрѣлковаго баталіона потерялъ руку, которую пришлось ампутировать.

На одномъ изъ зимнихъ парадовъ мы стояли на концѣ бульвара, въ ожиданіи Царскаго объѣзда дано было „вольно“, шелъ разговоръ.

— Это кто на углу стоять съ мечемъ, говорилъ какой-то уланъ.

— Должно быть, апостолъ Павелъ,—отвѣчаетъ уланикъ изъ молодыхъ.

— Ишь, неучъ! Слышу раздраженный голосъ стараго служакки. — Апостолъ Павелъ! Развѣ не видишь кто?

— Кто же? Кто? Коль не апостолъ Павелъ?

— Кто? Кто?—слышится разные голоса.

— Суворовъ!—наставительно объявляетъ шевронистъ.

Вотъ гдѣ сказалась душа стараго-служаки. Я не нарушилъ его авторитета, и для меня съ той поры изваяніе это стало Суворовымъ.

Въ 1861 году я поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба, которую окончилъ въ 1863 году.

Въ академіи я внимательно слушалъ лекціи Генриха Антоновича Леера, Михайла Ивановича Драгомирова, Богдановича, Н. Н. Обручева, Квиста, Максимовскаго, Эгерштрома, но былъ влюбленъ, а послѣднее обстоятельство очень отвлекало меня отъ усидчивыхъ занятій на дому.

Въ академіи многихъ изъ насъ отравляла обязательность астрономіи и геодезіи, со всѣми ихъ сложными выводами и формулами.

Эти предметы намъ читалъ полковникъ Галензовскій, который, входя въ кругъ польскихъ революціонеровъ, съ Огрызкой и Сѣраковскимъ во главѣ,—въ одинъ прекрасный для насъ день бѣжалъ до ясу, а его замѣнилъ уважаемый капитанъ Штубендорфъ, который по нашей просьбѣ согласился продолжать чтеніе этихъ предметовъ, избѣгая сложныхъ вычисленій.

Галензовскій, читая, обыкновенно заканчивалъ свои вычисленія фразой: „а дальнѣйшіе выводы прошу принять на вѣру, т. к. они требуютъ знаній высшей математики“.

Мы упросили Штубендорфа читать безъ сложныхъ вычисленій, обѣщая принимать на вѣру все, что онъ укажетъ.

Между тѣмъ на майскомъ парадѣ Государемъ поздравлены лейб-улааны съ походомъ.

Полкъ черезъ сутки уже снова былъ въ Петербургѣ, и эскадроны, одинъ за другимъ, были посажены въ поѣзда и отправлены въ Литву.

Уходъ полка подѣйствовалъ на меня удручающе.—Все возмущалось во мнѣ: товарищи въ походѣ, въ полѣ, на коняхъ,—а я вмѣсто того, чтобы сидѣть верхомъ на рыжемъ конѣ, скакать по полямъ, дышать свѣжимъ воздухомъ, вглядываться въ мѣстность, выслеживать и биться съ врагами,—сѣжу скрюченный надъ книгами и записками.

А часто ли, думаю, бываютъ войны! Сиди за указкою легко пропустить рѣдкій случай въ молодыхъ годахъ участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, и доживешь такимъ образомъ до зрѣлаго возраста, не понюхавъ пороху, и не приобрѣтя боевого крещенія въ то время, какъ товарищи въ правѣ будутъ гордиться приобрѣтеннымъ боевымъ опытомъ,—ты останешься при теоретической умозрительности.

Долженъ сказать, что на человѣка, посвятившаго себя военной

службѣ, одно слово „походъ“ производить какое-то упойтельное впечатлѣніе и дѣйствіе. Съ походомъ поздравляютъ воинскія части, какъ съ торжествомъ, или праздникомъ.

„Съ походомъ! съ походомъ!“ поздравляютъ другъ друга товарищи, приходя при этомъ словъ въ возбужденное настроеніе.

Все это оттого, что походъ и надежда на боевыя встрѣчи вызываютъ духъ; къ тому же на войнѣ совершается то самое дѣйствіе, къ которому въ долгіе годы мирной работы только готовятся; наконецъ, на войнѣ пріобрѣтается слава полка и выступаетъ геройство отдѣльныхъ лицъ.

По счастью, Богъ войны сжалился надо мной: намъ было предложено удовольствоваться правами 2-го разряда и быть выпущенными изъ академіи, если сдадимъ всѣ установленныя практическія занятія.

Выпускъ и сборы въ походъ были непродолжительны.

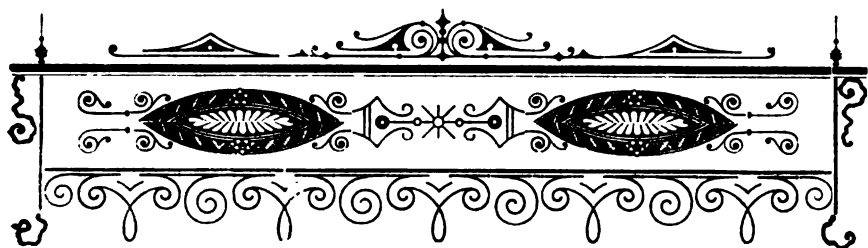
Спустя двѣ недѣли съ ухода полка, я уже въ походной формѣ сидѣлъ въ вагонѣ и догонялъ полкъ, который еще не успѣлъ вступить въ дѣйствіе и находился въ Динабургѣ, что нынѣ Двинскъ.

Я былъ преисполненъ счастьемъ; все мнѣ представлялось прекраснымъ, а главное то, что въ этой жизни мнѣ уже не придется болѣе держать экзаменовъ и терять время на изученіе предметовъ, къ которымъ не чувствуешь расположенія; наконецъ, въ дальнѣйшемъ можешь заниматься преимущественно лишь тѣмъ, что тебя привлекаетъ.

Дмитрій Скалонъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ автобіографіи маленькаго человѣка.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Отдавая печати отрывки изъ автобіографіи, которую друзья мои упросили меня написать, я преимущественно хотѣла остановиться на моей литературной дѣятельности, главнымъ образомъ посвященной мною дѣтямъ, начавъ ее съ дѣтскаго разсказа, помѣщеннаго въ журналѣ „Дѣтское чтеніе“ въ 1873 году.

Появленіе въ печати этого перваго моего разсказа произошло случайно, — о чемъ я разскажу своевременно, — но, встрѣченное успѣхомъ, оно было первымъ камнемъ, къ которому я, мало по малу, стала прикладывать другіе, созидавая не храмъ, а небольшой очагъ, у котораго хотѣла погрѣть маленькія сердца, всегда любимыя мною, дѣтей, которымъ, въ продолженіе слишкомъ тридцати лѣтъ и отдала мое скромное перо. Года три-четыре тому назадъ, нѣкоторые изъ членовъ Комитета Литературно - музыкальнаго кружка, при Женскомъ Обществѣ, — въ которомъ и я состояла членомъ, — узнавъ, случайно о столь продолжительной моей литературной дѣятельности, задумали отпраздновать якобы мой юбилей. Но я рѣшительно его отклонила, опираясь на неподходящее вообще для празднествъ время, — по случаю грустныхъ событій войны, — и совсѣмъ не симпатизируя такимъ оффиціальнымъ торжествамъ; и тутъ же я вспомнила о другомъ юбилей, бывшемъ для моего сердца несравненно пріятнѣе.

25 марта нынѣшняго года, „Русское Женское взаимно-благотво-

рительное Общество“,—гдѣ я, какъ его членъ, съ удовольствіемъ работаю съ его основанія,—по иниціативѣ почетнаго члена общества А. П. Философовой, предсѣдательницы совѣта общества А. Н. Шабановой и редактора-издательницы журнала „Игрушечка“ А. Н. Пѣшковой-Толивѣровой, къ чему съ полнымъ сочувствіемъ отнеслись другіе члены общества,—отпраздновали мою, совершившуюся въ этомъ году, 35-лѣтнюю литературную и общественную дѣятельность, самымъ трогательнымъ,—въ стѣнахъ помѣщенія общества,—семейнымъ праздникомъ, оставившимъ во мнѣ незабвенное воспоминаніе! Поднесенный отъ членовъ общества бюваръ, съ замѣчательно-художественной серебряной отдѣлкой, вмѣщалъ въ себѣ самый лестный для моей дѣятельности адресъ, украшенный превосходнымъ рисункомъ—даромъ сердечно-соединяющей насъ дружбы, нашей высоко-талантливой художницы Е. М. Бемъ.

Это было въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда я, кромѣ прежнихъ дѣтскихъ журналовъ, какъ „Дѣтское чтеніе“ и „Семейные вечера“, уже участвовала въ журналѣ „Игрушечка“, начавъ мою тамъ дѣятельность съ первыхъ номеровъ его появленія въ свѣтъ, тогда же дружески сойдясь съ его создательницей, Татьяной Петровной Пассекъ, съ которой непрерывно работала до самой ея смерти ¹⁾. Это было лѣтомъ. Татьяна Петровна жила на дачѣ въ Лѣсномъ, гдѣ я, до моего отъѣзда въ Крымъ, часто ее навѣщала. Въ то время въ „Игрушечкѣ“ шелъ мой длинный рассказъ „Нашъ домъ“, имѣвшій, какъ я слышала, большой успѣхъ между маленькими читателями.

— Знаешь, другъ сердечный,—сказала мнѣ Татьяна Петровна, въ одинъ изъ моихъ къ ней пріѣздовъ: у насъ здѣсь, на дворѣ, въ одной дачѣ, дѣти живутъ; страсть, какъ любятъ твои вещи читать и особенно въ восторгѣ отъ твоей повѣсти „Нашъ домъ“. Узнали, что ты у меня бываешь,—Христомъ Богомъ умоляли, чтобы я за ними послала, какъ ты ко мнѣ пріѣдешь!

И онѣ пришли—эти двѣ милыя дѣвурочки. Робко приблизясь ко мнѣ, онѣ поочередно вскинули ручки мнѣ на шею и нѣжно, прямо въ губы поцѣловали; а затѣмъ нѣсколько минутъ стояли передо мной, устремивъ на меня, съ ласковой улыбкой, свои ясные глазки. И какъ я была счастлива, отъ сознанія, что я могу прямо смотрѣть въ эти ясные, довѣрчивые глаза; думать, что я не заронила ничего дурного въ чистыя сердца „малыхъ сихъ“, которымъ посвятила мое скромное перо, согрѣтое той теплотой, что вынесла

¹⁾ Моя подробная о ней статья: „Т. П. Пассекъ“—была помѣщена въ журналѣ „Русская Старина“ въ февралѣ 1890 г.

изъ своего домашняго очага, счастливыхъ дѣтей честной, патриархальной семьи! Помню, какъ разъ, покойный Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ, въ отвѣтъ на посланную мною ему статейку, писалъ слѣдующее:

„Сердечно благодарю васъ за присланную брошюрку; я уже читалъ ее ¹⁾),—но съ удовольствіемъ прочту еще разъ. Мнѣ кажется, вы ошибаетесь, предполагая, что у присяжнаго литератора эти воспоминанія вышли бы лучше. Въ произведеніяхъ этого рода цѣнятся всего выше: искренность и теплота чувства,—а этого у васъ не занимать стать“.

Эту же лестную аттестацію слышала я и отъ почтеннаго Виктора Петровича Острогорскаго, съ которымъ мнѣ много пришлось поработать въ тѣ многіе годы, въ продолженіе которыхъ я, съ 1873 г. и до перемѣщенія журнала въ Москву, писала въ „Дѣтскомъ чтеніи“. И вотъ, повторяя, что эту теплоту, приписанную моему перу, я приобрѣла у своего дѣтскаго очага, я и хочу слегка,—въ моихъ отрывкахъ, затронуть мои дѣтскіе годы и вынесенныя изъ нихъ воспоминанія.

I.

Я родилась въ г. Уфѣ, меньшей въ семьѣ, состоявшей до меня изъ шести человѣкъ: трехъ сыновей, изъ которыхъ старшій, въ годъ моего рожденія, былъ уже офицеромъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка, и трехъ дочерей.

Мнѣ не было еще года, когда отецъ получилъ мѣсто предсѣдателя губернскаго суда въ г. Tobольскѣ; и въ этомъ положеніи, часто за отсутствіемъ губернатора, исправляя его должность, могъ вполне показать свою гуманность и былъ благословляемъ тѣми несчастными ссыльными, дѣла которыхъ проходили черезъ его руки; а нашъ домъ былъ теплымъ очагомъ для тѣхъ интеллигентныхъ поляковъ, которые,—послѣ возстанія 1831 года, окончивъ свое тяжелое наказаніе, жили на поселеніи въ Tobольскѣ.

Сохранивъ воспоминанія съ четырехъ-лѣтняго возраста, я живо помню и симпатичнаго графа Валицкаго, когда-то блестящаго богача-аристократа, имѣвшаго свои оркестры, а теперь довольствовавшагося мѣстомъ капельмейстера одного оркестра и дававшего уроки фортепьянной игры, въ томъ числѣ и моей старшей сестрѣ, отдыхая душой въ нашей теплой семьѣ, какъ въ родной. Помню

¹⁾ Въ журналѣ, гдѣ она была напечатана (именно „Русская Старина“).

милаго, веселаго старичка, графа Мархоцкаго, вѣчно возившагося съ нами, дѣтворой, забывая среди нашихъ ласкъ свои невзгоды и далекую семью. Моей няней была тоже полька, панни Терлецкая, дворянка-помѣщица, державшаяся у насъ въ домѣ на „господской ногѣ“. Любила она меня до обожанія; учила пѣть польскія пѣсни и нерѣдко водила съ собою въ костелъ, гдѣ, въ подражаніе ей, я усердно была себя кулачкомъ въ грудь. Мои родители, глубоко религіозные, но широко смотрѣвшіе на религію,—ничего противъ этого не имѣли; тѣмъ болѣе, что это нисколько не мѣшало мнѣ также усердно класть поклоны во время нашихъ домашнихъ молебновъ и всенощныхъ, справлявшихся на всѣ большіе праздники и обставлявшихся очень торжественно; тѣмъ болѣе, что къ намъ нерѣдко прїѣзжалъ, очень любившій отца, архіерей. Молеельщиковъ на этихъ службахъ всегда было много; такъ какъ, кромѣ нашей семьи и нѣкоторыхъ знакомыхъ, тутъ присутствовала большая часть нашихъ дворовыхъ; а ихъ у насъ, съ дѣтьми было тридцать человѣкъ.

Не могу не упомянуть, при этомъ, о той гуманности, съ которой отецъ и мать относились къ прислугѣ; гуманности, на которую нужно было особенно указывать въ это время крѣпостнаго права! Мы, дѣти, тоже были очень ласковы и вѣжливы съ прислугой и дружили съ дворовыми ребятами. Къ характеристикѣ отца и матери прибавлю, что они были не только по тому времени,—но и опередивъ его,—образованные люди; очень начитанные, съ либеральными взглядами. Отецъ былъ друженъ съ Сперанскимъ, съ которымъ былъ въ перепискѣ. При всей своей серьезности, онъ умѣлъ быть и шутливо-острымъ, иногда пописывая и стихи. Мать была замѣчательной красавицей и была очаровательна въ обществѣ, что сохранила до старости. Помню ее, стоящую передъ огромнымъ трюмо, въ массивной рамѣ изъ краснаго дерева,—готовую вѣхать на балъ. Помню голубой бархатный уборъ, въ видѣ тюрбана, перевитый бѣлыми бусами, и легкую, тонкой работы, фероньерку, положенную посреди лба, и длинныя, грушевидныя брильянтовыя серьги въ ушахъ. Мы стоимъ кругомъ нея и любуемся ею и гордимся ею и чувствуемъ, что она все же наша, и что, вернувшись съ бала, она непременно зайдетъ къ намъ въ спальни, и всѣхъ перекрестить, въ нашихъ бѣленькихъ кроваткахъ и каждому сунетъ подъ подушку гостинчикъ! И когда, сквозь сонъ слышишь, этотъ тихій, какъ вздохъ, шелестъ ея шаговъ; ощущаешь, какъ она наклонится надъ тобой; сунетъ тихо-тихо, руку подъ подушку; лѣнь пробудиться совсѣмъ; и такъ хорошо тебѣ въ этомъ полу-бытіи и сознаніи, что тебя любятъ!..

Наша семья была совершенно типомъ патріархальной русской семьи того времени, со всѣми ея традиціями. У насъ соблюдались всѣ исконные, старинные обычаи, вошедшіе въ плоть и кровь. Весь великій постъ мы постились, даже дѣти, при чемъ первую, четвертую и послѣднюю недѣлю даже безъ рыбы. Въ среду на четвертой—„крестопоклонной“, недѣлѣ,—у насъ пеклись изъ здобнаго, на постномъ маслѣ, тѣста, кресты, во внутренность одного изъ нихъ запекался серебряный пятакъ; и съ какимъ трепетомъ сердца и осторожностью, каждый взламывалъ свой крестъ и какъ счастливъ былъ нашедшій его у себя счастливецъ! Въ день начала весны, девятого марта,—пекли у насъ, изъ такого же тѣста жаворонковъ; при чемъ дѣлали матку съ широкими, растопыренными крыльями, на каждомъ изъ которыхъ лѣпились крошечные—жаворонята. Съ этими жаворонками въ рукахъ, мы бѣгали по комнатамъ, дружно выкрикивая: „жаворонки прилетѣли“!

Въ вербную субботу, тѣ вербочки, съ которыми стояли у всенощной, приносились домой, и ими тихонько похлопывали дѣтей по спинѣ, приговаривая: „Верба хлестъ, бей до слезъ, на доброе здорově“! А въ великій четвергъ, послѣ стоянія у всенощной, за чтеніемъ двѣнадцати Евангелій,—старались донести съ огнемъ свѣчи, чтобы отъ этого огня зажечь теплившіяся передъ образами лампы, которыя передъ тѣмъ нарочно тушили. Страстная недѣля была посвящена приготовленіямъ разныхъ пасхальныхъ снадобій, въ разнообразіи и огромномъ количествѣ, какъ для господъ, такъ и для дворни. Мы, дѣти, изощрялись въ крашеніи яицъ, употребляя: разноцвѣтные лоскутки, луковые перья, листья березовыхъ вѣнчиковъ, синюю сахарную бумагу и пр. Большинство яицъ красили краснымъ сандаломъ, такъ какъ позднѣйшихъ, разноцвѣтныхъ красокъ и порошковъ тогда еще не существовало. Катанье яицъ на Пасхѣ у насъ практиковалось.

Коснувшись игръ, скажу, что мы вообще любили игры и не гнушались ими, какъ большинство нынѣшнихъ дѣтей. Мы, дѣвочки, очень любили и долго играли въ куклы, приучаясь на нихъ и шить; изощряя свой вкусъ, въ отдѣлкѣ ихъ комнатъ, или устройствѣ ихъ садовъ, на окошкахъ, намъ для того отводимыхъ. Вмѣстѣ съ братьями или съ приходившими къ намъ маленькими гостями, мы заводили болѣе шумныя игры, какъ: „Весь туалетъ“,—„жмурки“,—„веревочка“, „кошка и мышка“, „краски“ и пр. А затѣмъ игра въ „дорогу“, когда изъ опрокинутыхъ стульевъ устраивались сани, въ которыя, предварительно сильно закутавшись, усаживалась дорожная семья. Кучеръ очень искусно управлялъ тройкой, изображаемой тоже стульями, при чемъ, подгоняя ихъ, исправлялъ и должность бубенчи-

ковъ, звонко выкрикивая: „динь-делнь-динь, делнь-динь, динь-динь“. Самый интересъ заключался въ дорожныхъ происшествіяхъ, причемъ фантазія разыгрывалась самымъ разнообразнымъ проявленіемъ!

Что еще нами сильно любилось, помимо удовольствія развивая и фантазію,—то были сказки, особенно когда ихъ рассказывала мамаша, имѣвшая особенный даръ вкладывать въ нихъ, помимо поэзіи, много таинственнаго и сердечнаго! Сколько слезъ пролили мы, слушая раздирательные вопли брата „Алешеньки“, взывавшаго къ сестрицѣ „Аленушкѣ“: „Кипятъ котлы кипучіе, точатъ ножи булатные“... Съ какимъ интересомъ слѣдили мы за походомъ „Пирожка-колобка“, что былъ: „На маслѣ печенъ, на сметанѣ мѣшенъ“... Сколько было смѣху при всѣхъ неудачахъ „Ивана-дурачка“, не смотря на его глупость, искренне нами любимаго! А тамъ вставали другія: „Котъ въ сапогахъ“,—„Милонѣга-бѣлоручка, васильковый глазокъ“,—„Мальчикъ съ пальчикъ“,—„Семьсимоновъ“,—„Конекъ-Горбунокъ“,—авторъ котораго былъ хорошо знакомъ моимъ родителямъ и пр.

На меня особенное, совсѣмъ отличное отъ другихъ сказокъ, впечатлѣніе, производила одна, названіе которой, также какъ и ея подробное содержаніе,—я не помню. Помню только, что была въ ней рѣчь о странствіяхъ какого-то витязя; и въ этихъ странствіяхъ большую роль,—какъ бы непремѣнный припѣвъ,—играла фраза, произносимая мамашей особенно таинственно, немного на-распѣвъ: „Я-асно, ясно небо чи-и-стое... Ыдетъ, ѣдетъ добрый мѣ-о-лодецъ“!.. Эта фраза охватывала мое маленькое сердце чѣмъ-то грустнымъ и въ то же время таинственнымъ; и вмѣстѣ такимъ поэтическимъ, чего я не могла тогда еще понять, ни оцѣнить, но что инстинктивно затрогивало фантазію и манило вдаль и въ-высь; что было схоже съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое гораздо позже произвела на меня картина Васнецова „На распутіи“... И я потомъ, уже лежа въ своей бѣленькой постелькѣ, еще думала объ этомъ „добромъ мѣлодцѣ“... Въ моемъ воображеніи такъ ясно рисовался его темный силуэтъ на ясномъ, еще окрашенномъ желтымъ закатомъ вечернемъ небѣ, и я засыпала, отъ души пожелавъ ему добраго пути!..

II.

Теперь мнѣ придется упомянуть еще о нашихъ праздничныхъ увеселеніяхъ и прежде всего о елкѣ, которая бывала всегда въ сочельникъ.

Въ этотъ день мы постились „до звѣзды“ (такъ же, какъ въ кре-

щенскій—„до воды“, т. е. до тѣхъ поръ, пока не выпивали принесенную, послѣ освященія въ церкви воду). Проголодавшись, мы, дѣти, бывало безпрестанно подбѣгали къ окну посмотрѣть: не появилась ли на небѣ звѣзда?—Радостно превозгласивъ ея появленіе, мы затѣмъ садились за обѣдъ, конечно постный, даже безъ рыбы, пирожнымъ, къ которому служили пышки съ медомъ, или левашники съ макомъ.

Всѣ украшенія къ елкѣ дѣлались у насъ дома и были очень незатѣйливы; безъ тѣхъ вычурныхъ гирляндъ и прочихъ пестрыхъ украшеній, только портившихъ красоту дерева. Наша хорошенькая елочка, стоявшая на деревянной подставкѣ, на столѣ, покрытомъ бѣлой скатертью, украшалась только свѣчами и мѣшечками, искусно, самымъ отцомъ, вырѣзанными изъ разноцвѣтной бумаги такимъ образомъ, что они имѣли видъ продолговатыхъ, прозрачныхъ свѣтокъ, наполненныхъ: миндалемъ, изюмомъ, шепталой (называвшейся въ Сибири—урюкомъ) и прочими сладостями. Было и нѣсколько висѣвшихъ, румяныхъ яблочковъ, составлявшихъ въ Тобольскѣ,—при его климатѣ, гдѣ яблоки росли въ оранжереѣ,—большую драгоцѣнность. Подъ елкой, на скатерти, были разложены незатѣйливые, дѣтскіе подарочки, доставлявшіе намъ громадное удовольствіе! Введенные отцемъ въ залу, гдѣ весело свѣтилась наша елочка, мы, раньше чѣмъ подойти къ ней, должны были встать, передъ висѣвшимъ въ углу комнаты, образомъ и, хоромъ, пропѣть рождественскіе гимны. При этомъ нужно замѣтить, что хотя стояли мы чинно, но, кто-нибудь, старательно вытягивая: „Дѣва днесъ Пресу-ще-ственнойнаго рож-да-а-а-еть“... невольно косился на весело сіявшее дерево!

На этой рождественской недѣлѣ, или, „святкахъ“ производились особенныя, святочные игры; какъ: „рублѣкъ“,—„Курилка-мурилка“ и пр. А тоже святочные гаданья.

Такъ же патріархально соблюдалось у насъ и семейные праздники, дни рожденія и именинъ отца и матери, къ которымъ мы всѣ готовили, сообразно своимъ силамъ, подарочки и выучивали стихи. Но этимъ торжество не кончалось и состояло въ вечернемъ спектаклѣ, для чего такъ удобна была наша большая, въ два свѣта, зала, поддержанная толстыми бѣлыми колоннами, ярко освѣщенная и уставленная рядами стульевъ. Гости съѣзжаются рано и размѣщаются передъ тихо-колыхавшейся занавѣсью. Слѣдуетъ музыкальная интермедія, или на роялѣ, стоявшемъ въ залѣ или,—если послѣ спектакля предполагался балъ,—то оркестра, помѣщенного на хорахъ. Играли кромѣ нашихъ и другія знакомыя дѣти, а репетиціями завѣдывалъ тотъ изъ родителей, кто не былъ винов-

никомъ торжества, приготавливая сюрпризъ для другого. Конечно, были иногда маленькіе, неспридівдінные инциденты, какъ напр. слѣдующее. Въ одной пьесѣ, гдѣ братъ Саша игралъ старика, съ роскошной, сѣдой, сдѣланной изъ пакли бородой и устало лежалъ въ лѣсу, составленномъ изъ растений въ кадкахъ, вынесенныхъ изъ нашей оранжереи;—у него въ корзинѣ лежали, якобы набранные имъ грибы, которые нашъ поваръ, Родивонъ, очень искусно сдѣлалъ изъ тѣста. Но когда почтенный старецъ хотѣлъ показать ихъ маленькой пастушкѣ,—сестрѣ Лизѣ—грибовъ въ корзинѣ не оказалось; такъ ихъ, съ аппетитомъ, скушала, незамѣтно подкрававшаяся, собака Дѣмка, привлеченная вкуснымъ запахомъ печенаго хлѣба!.. Спектакли эти были первыми проблесками, развившимися впоследствии мою страсть къ театру, увлекая то оперными, то драматическими спектаклями. Въ описываемое время, я еще не была готова для театральныхъ ролей, и мой дебютъ, пяти-лѣтней каплюги, состоялъ только изъ русской пляски, въ полномъ русскомъ костюмѣ,—въ красномъ сарафанѣ съ голубой повязкой,—и въ произнесеніи соответственныхъ случаю стиховъ. Но, этотъ вполне успѣшный дебютъ имѣлъ неудачный финалъ. Упоенная своимъ успѣхомъ, я испросила разрѣшеніе остаться до конца бала, т. е. дожидаться ужина, предполагавшагося въ 12 часовъ. Вначалѣ заинтересованная танцами и музыкой, я, подъ конецъ, стала уныло слоняться между большими, все болѣе удаляясь. Заглянула и въ столовую, гдѣ толпа слугъ приготавливала столъ для ужина; кинула полу-сонный взглядъ на соблазнительныя пирамиды разноцвѣтнаго мороженаго и, незамѣтно очутилась въ спальнѣ мамы, этой уютной, голубой комнатѣ, освѣщенной висячей лампой; съ этимъ нѣжнымъ, бронзовымъ голубкомъ, поддерживавшимъ голубой пологъ кровати и привѣтливо-манящимъ, голубымъ диванчикомъ... Отчего же и не отдохнуть немножко, въ ожиданіи ужина?.. Музыка доносится издали такъ мягко и нѣжно.. Голубокъ, кажется, спускается ниже, прямо ко мнѣ... А лампа немного потускла... Музыка все тише... Голубокъ совсѣмъ слетѣлъ... Тронулъ меня...

— Софичка, пойдемъ баньки! Дай я тебя раздѣну! Слышу я нѣжный голосъ мамы...

Я проспала ужинъ!..

Мнѣ не было еще шести лѣтъ, когда мы выѣхали изъ Тобольска. Отцу выходило значительное мѣсто въ Петербургѣ, и онъ, не рассчитавъ, что сильно разстроивъ свое здоровье климатомъ Тобольска, мѣнялъ его не на лучший,—поспѣшилъ этимъ воспользоваться, имѣя главное въ виду опредѣленіе въ заведенія Петербурга двоихъ мальчиковъ и желаніе быть тамъ и со старшимъ сыномъ. Для

этого часть пути мы должны были сдѣлать вмѣстѣ; а затѣмъ, онъ, съ мальчиками, двинется прямо въ Петербургъ, а мы, дѣвочки съ мамашей, пройдемъ въ Уфу, чтобы продать бывшее у насъ тамъ, подъ городомъ небольшое имѣніе и ждать устройства отца въ Петербургъ.

Можно себѣ вообразить сборы большой семьи, поднимавшейся на далекій путь, съ тѣмъ комфортомъ, безъ котораго трудно было себѣ представить путешествіе того времени: съ прислугой, массой вещей, провизіи; въ нѣсколькихъ тяжелыхъ возкахъ, съ ночевками на станціяхъ и все на лошадяхъ, такъ какъ въ то время въ Россіи не существовало ни одной желѣзной дороги; и при томъ путешествіе зимой, при 40° сибирскихъ морозовъ! За то, какъ хорошо были заморожены пельмени, будто орѣхи, сыпанные въ мѣшки; и на станціяхъ, разогрѣваемые, ѣхавшимъ съ нами поваромъ, были вкуснѣй и сочнѣй. Въ такомъ же замороженномъ видѣ ѣхали съ нами и щи, которыя, по мѣрѣ надобности, раскалывались топоромъ.

Не буду описывать нашу дорогу, ни первое время пребыванія въ Уфѣ, куда къ намъ пришло тяжелое извѣстіе о кончинѣ въ Петербургѣ отца, застарѣлая болѣзнь котораго быстро развилась въ еще болѣе неблагоприятномъ климатѣ Петербурга;—прямо перейдя къ нашему, по окончаніи всѣхъ въ Уфѣ дѣлъ,—отъѣзду въ Петербургъ и къ одному изъ самыхъ драматичныхъ моментовъ въ моей жизни....

III.

Надо сказать, что насъ, дѣтей, не начинали учить такъ рано, какъ это практикуется съ нынѣшними дѣтьми. Ровно въ шесть лѣтъ, отслуживъ въ самый день рожденія, молебень,—на другой же день, наша первая учительница, мамаша, садила ребенка за азбуку; и когда выучивался читать безъ складовъ,—которые были неперемѣнны при той методѣ,—то переходилъ къ учителю.

Я, хотя и была бойкой болтушкой, училась лѣниво и неавидѣла свою толстую азбуку, несмотря на то, что она была въ красной глянцевитой обложкѣ и полна ярко-раскрашенными картинками. Нужно при этомъ замѣтить, что раскраска ихъ была произведена такъ небрежно, что желтыя, синія и красныя полосы совершенно произвольно протягивались черезъ весь рисунокъ; такъ что у Авраама, смиренно приносящаго въ жертву Исаака,—полълица было ярко-синее, дружно сливавшееся съ его синей одеждой

и таковой же бородой; а полъ-лица—кирпично-розовое, захватившее и его вострепанные кудри. Чтобы избѣгнуть урока, я часто пускалась на всевозможныя выдумки. Разъ даже,—показавъ дремавшій во мнѣ драматическій талантъ, — прикинулась сумашедшей; и до того удачно, что страшно напугала сестеръ, бросившихся къ мамашѣ, съ этимъ печальнымъ извѣстіемъ. Однако мамаша усомнилась въ разстройствѣ моихъ умственныхъ способностей, и ненавистная азбука появилась въ залѣ, на столѣ. И вотъ, это та самая лѣнь, мѣшавшая моимъ успѣхамъ въ чтеніи и дальше, чѣмъ слѣдовало, державшая на складахъ, и привела меня къ такому моменту, который можетъ быть названъ однимъ изъ самыхъ драматическихъ въ моей жизни!

Сборы въ Петербургъ сопровождались безконечными о немъ разговорами и разсказами; и я, подъ конецъ, стала воображать себѣ его какимъ-то сказочнымъ Эльдорадо, гдѣ все блистательно-чудесно; гдѣ, почти, какъ въ сказкахъ: въ кисельныхъ берегахъ текутъ медовыя рѣки и сбываются всѣ желанія! Подъ такими впечатлѣніями я, не задолго до нашего, изъ Уфы, отъѣзда, помню себя, въ теплый, августовскій день, стоящую на зеленомъ дворѣ нашего дома, любопытно слѣдя за работой мастера, отдѣлывавшаго заново карету, предназначавшуюся собственно для насъ. Еще разъ проведя артистической кистью по блестящей, какъ зеркало, лакированной поверхности экипажа,—мастеръ, съ гордостью, отошелъ въ сторону, проговоривъ именно эти слова: „Ишь, блеститъ, какъ зеркало!“ Да: она блестѣла, какъ зеркало, цѣликомъ отражая мою крошечную фигурку...

И вдругъ, въ эту минуту, вспомнивъ о томъ, что въ этой каретѣ мы поѣдемъ въ волшебнo-сказочный Петербургъ,—меня, будто ударъ грома, поразила мысль, что я їду въ это Эльдорадо, не умѣя читать безъ складовъ!.. Не знаю, какихъ размѣровъ было тогда мое сердце; но оно заняло такой тоской; сознание это показало мнѣ такъ ужасно, что я почувствовала себя глубоко-несчастной! И, еще недавно считая почти невозможнымъ,—до того казалось труднымъ,—читать не по складамъ,—теперь, приложивъ все стараніе, я, менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ, именно къ нашему отъѣзду, могла уже бѣгло читать безъ складовъ, и уже, съ большей смѣлостью вѣхала, черезъ Триумфальныя ворота московской заставы въ баснословный, въ моихъ дѣтскихъ мечтахъ, — Петербургъ!

Теперь мнѣ предстоитъ разсказать, какъ я окончательно одолѣла грамоту, укрѣпившись въ писаніи, которое до того времени хромо-ло: въ то же время положивъ первое основаніе для зданія будущей

писательницы; эпизодъ, могущій носить названіе: „Какъ я начала писать“.

Первое лѣто по прїѣздѣ въ Петербургъ, мы жили на дачѣ въ Петергофѣ, такъ какъ меньшій братъ, Саша, поступившій въ 1-й кадетскій корпусъ, въ первый разъ шелъ въ лагерь, и мамашѣ хотѣлось быть вблизи его. Въ одинъ прекрасный день, мы всѣ осматривали знаменитую, гранильную Петергофскую фабрику. Я разсѣянно слушала нашего проводника, какъ вдругъ глаза мои остановились на цѣлой грудѣ, небрежно брошенныхъ, крошечныхъ тетрадошекъ, красно-оранжеваго цвѣта, между полу-прозрачными листками которыхъ, до того, хранилось листовое, сусальное золото. Проводникъ, замѣтивъ мой, такъ выразительно говорившій взоръ,—подарилъ мнѣ кипу этихъ соблазнительныхъ тетрадошекъ, и я съ восторгомъ несла ихъ домой.

— Что же ты съ ними будешь дѣлать?—спросила меня дорогой старшая сестра, уже окончившая дома свое воспитаніе. Надо въ нихъ, что-нибудь писать!

„Что нибудь писать!..“ Легко было ей, давно писавшей свой дневникъ, сказать такія слова!.. Но отчего же и мнѣ не писать дневникъ? Но, что писать? Какъ писать?.. Меня, крошечнаго человека, часто укоряли за обѣдомъ за то, что я мало ѣмъ... Чего же лучше? — Такъ я докажу имъ, что я все ѣмъ и много ѣмъ! Вопросъ былъ рѣшенъ и, на другой же день, на красно-оранжевыхъ страничкахъ, кривыми, косыми, немного расплывшимися и бѣжавшими то внизъ, то вверхъ,—буквами, было написано: „Пять ложекъ супу скушала. Семь кусочковъ тетерки скушала“, что было, кромѣ изложенія совершившагося, примѣненіемъ перваго опыта самостоятельнаго математическаго изученія, — никогда, увы, — не пустившаго во мнѣ глубокихъ корней!.. Счетъ велся очень добросовѣстно; и, хотя сюжетъ для дневника былъ не достаточно интересенъ; тѣмъ не менѣе, дѣло постояло за себя и дневникъ произвелъ эффектъ! Но скоро я пришла къ заключенію о слишкомъ бѣдномъ его содержаніи, и онъ былъ оставленъ; а, вмѣсто того, на красно-оранжевыхъ страничкахъ появился романъ!.. Романъ этотъ тоже остался безъ окончанія и совсѣмъ погибъ для потомства; но я смутно помню, что тамъ фигурировали какія-то великосвѣтскія дамы, въ раззолоченныхъ салонахъ.

Страстно полюбивъ чтеніе, я просто глотала книги, среди которыхъ у меня были такія любимицы, что я, читая ихъ безъ счету разъ, подъ-конецъ знала наизусть. Особенно увлекалась я всѣмъ таинственнымъ, какъ древніе замки съ ихъ рыцарями и романтическими приключеніями. Но зачитывалась и книжками тогдашнихъ

дѣтскихъ журналовъ, какъ „Звѣздочка“ и „Лучи“; а въ десять лѣтъ начала читать романы, въ перемежку со сказками, какъ русскими, такъ и французскими. И, рядомъ со всѣмъ романтизмомъ и фантазіей, поглощаемыми мною изъ этихъ книгъ, я, укромно усѣвши въ уголку, часами просиживала неподвижно, жадно вслушиваясь въ житія святыхъ, читаемая вслухъ мамашѣ жившей у насъ, бѣдной вдовой, изъ огромной, въ деревянномъ, обтянутомъ темной кожей, переплетѣ, книги Четьи-Минеи. И мое воображеніе ярко рисовало себѣ этихъ святыхъ аскетовъ, съ экстазомъ шедшихъ на муки за Христа; и въ моей душѣ тоже вспыхнуло желаніе пострадать за Христа; и, разыгрываясь, воображеніе рисовало мнѣ уже мои собственныя муки и такъ ярко, что иногда я проливала слезы уже надъ собой.

Но въ праздники приходили знакомыя дѣти; моя прежняя живость пробуждалась, а фантазія, ища пищи, сосредоточивалась теперь на излюбленной игрѣ, замѣнявшей другія. Это была страсть устраивать вполне импровизированные спектакли; при чемъ я, тутъ же, сочинивъ сценки, со словъ заучивала ихъ моею маленькою труппѣ, и мы тотчасъ же ихъ разыгрывали, часто не имѣя другой публики, какъ мамашина лектриса и двѣ наши горничныя, что не уменьшало нашъ театральныи пылъ.

Первымъ настоящимъ спектаклемъ, видѣннымъ мною на настоящемъ театрѣ, въ первый годъ по приѣздѣ въ Петербургъ, была опера Мейербера „Робертъ“, дававшаяся на русской сценѣ. Этотъ спектакль произвелъ на насъ, дѣтей, чарующее впечатлѣніе. Конечно, мы тогда еще не могли дать себѣ отчета въ отношеніи красоты музыки и исполненія, хотя роль Бертрама исполнялъ Петровъ, бывшій въ полной силѣ своего могучаго голоса и артистическаго таланта. Былъ моментъ,—именно тогда, когда, взамѣнъ опусканія занавѣса, сцену стали застилать густыя облака,—что мнѣ стало жутко, что во мнѣ возникло желаніе отправиться домой... Но, пересиливъ свой страхъ,—я была вполне вознаграждена блистательнымъ балетомъ грѣшныхъ дѣвъ, появившихся изъ гробницъ стараго кладбища. Этотъ балетъ завершилъ восторгъ; и долго, послѣ того, по вечерамъ, передъ сномъ, уже полу-раздѣвшись, мы изображали изъ себя этихъ дѣвъ; при чемъ особенно отличалась сестра Лиза, дѣвочка очень граціозная, выдѣлявавшая невозможные пируэты на тюфякѣ, распуская при этомъ свои длинныя густыя волосы.

Съ этой поры театръ сталъ моею мечтой; и въ праздничные дни, мамаша не могла сдѣлать намъ большаго удовольствія, какъ взять ложу въ театръ, что потомъ сосредоточилось на Александринскомъ театрѣ. Плеяда артистовъ Александринскаго театра была въ

то время замѣчательной, что мнѣ пришлось оцѣнить, конечно, нѣсколько позднѣе. Вотъ колоссъ—красавецъ Каратыгинъ 1-й, съ его нѣсколько приподнятымъ пафосомъ, но безспорно, большимъ драматическимъ талантомъ, особенно въ сильныхъ роляхъ, къ которымъ такъ шла его величавая фигура и пластическія позы. Помню, какъ поразилъ онъ и восхитилъ меня, въ поставленной въ его бенефисъ очень интересной драмѣ „Бенвенуто Челлини“, изъ романа Дюма: „Асканіо“, въ которой онъ вполне олицетворялъ гиганта-скульптора, одинаково гениальнаго и въ лѣпкѣ боговъ и героевъ, и въ миниатюрной, изящной ювелирной работѣ. Эта драма, вообще, была блистательно обставлена всѣми силами труппы. Орлова, артистка московскаго театра, вполне подходила къ ревнивой, жестоко-мстительной графинѣ д'Этампъ. Нельзя было болѣе тонко и изящно исполнить небольшую роль, изнѣженнаго короля Франциска I—какъ это понималъ Максимовъ 1-й, этотъ умный, тонкій, образованный артистъ; равно умный и изящный, какъ въ драматическихъ, такъ и въ легкихъ роляхъ. Сколько граціи, ума и сердца было въ игрѣ Вѣры В. Самойловой 2-й, исполнявшей роль молочной сестры Бенвенуто-Сканпоне! Тогда же, въ этой пьесѣ, дебютировала юная хорошенькая брюнетка—Читау, позднѣе прославившаяся на драматическихъ роляхъ, создавъ незабвенный типъ Дуни, въ комедіи „Не въ свои сани не садись“,—и передавшая свой талантъ своей дочери, Маріи Мих. Читау. А далѣе: двое Самойловыхъ,—Надежда, съ ея забористымъ весельемъ, какъ въ игрѣ, такъ и въ пѣніи; и Василій В. этотъ, по истинѣ гениальный артистъ, равно превосходный въ комедіи и драмѣ и даже классической трагедіи. А рядомъ другой гениальный артистъ—Мартыновъ, этотъ истинный, не ходульный комикъ, избѣгавшій всякаго шаржа, всякаго дешеваго эффекта на потѣху райка; комикъ, не разъ заставлявшій публику плакать; комикъ, силою своего таланта, создавшій позже типъ, потрясавшій своимъ драматизмомъ, въ родѣ станціоннаго зрителя въ комедіи „Не въ свои сани не садись!“

Далѣе: Гусева, двое Смирновыхъ, Каратыгинъ 2-й, Сосницкій и пр. Да, это было хорошее время! Тогда и вообще, наше искусство, во всѣхъ его проявленіяхъ, бодро шло впередъ, рождая новые таланты, которые работали, а не размѣнивались на гроши; когда мы и на академическихъ выставкахъ прохаживались часами, переживая пережитое и перечувствованное художниками; когда у насъ была и историческая живопись и бытовая, идейная, не обозначающаяся

только „Мальчикомъ съ книгой“, или „Дѣвочкой съ куклой“; когда бездарность не прикрывалась пошлостью и безобразіемъ, такъ называемыхъ „декадентскихъ“ картинъ; и незнаніе рисунка и всего остального не старалось драпироваться въ слишкомъ дырявый плащъ, именуемый ими „настроеніемъ!“...

IV.

Я не буду, конечно, останавливаться на моемъ воспитаніи въ Институтѣ¹⁾, гдѣ я провела всего четыре года. поступивъ уже достаточно подготовленной и оставаясь до выпуска. Скажу только, что моя литературная дѣятельность имѣла широкое поле въ старшемъ классѣ, во время задачи намъ сочиненій; такъ какъ я, кромѣ своего—всегда получавшаго, отъ преподавателя, одобренія,—должна была пять-шесть и болѣе, писать сочиненій для подругъ, лишенныхъ фантазіи, считаясь въ классѣ одной изъ „знаменитыхъ сочинительницъ“. Русская литература была моимъ любимымъ предметомъ, преимущественно поэзія, и я, владѣя прекрасной памятью, съ необыкновенной легкостью, заучивала стихи и помимо задаваемыхъ, какъ раньше, въ дѣтствѣ, для личнаго удовольствія, заучивала басни Крылова. Собственные мои стихи появлялись на свѣтъ, въ совершенно подходящій для того возрастъ, именно въ 16 лѣтъ и хотя были до крайности наивны, но все же положили начало ихъ безконечной плядѣ.

Послѣ выпуска, я, большая домосѣдка, еще съ большею страстностью накинута на чтеніе, упиваясь тѣми перлами беллетристики, которыми была такъ богата тогда наша литература. Даже и теперь вострепещетъ сердце, какъ вспомнишь тѣхъ гигантовъ, послѣднихъ Могиканъ, что вносили въ сокровищницу эти перлы.

Каждая книжка „Современника“, „Отечественныхъ записокъ“, даже Катковскаго „Русскаго вѣстника“, куда помѣщалъ свои повѣсти и романы И. С. Тургеневъ,—приносила намъ массу наслажденій. Тогда былъ ключъ живой воды изъ-подъ пера Л. Н. Толстого; благоухалъ чудной весной, какъ букетъ бѣлыхъ розъ, опрысканныхъ утренней росой,—талантъ И. С. Тургенева; оставя въ сторонѣ великосвѣтскіе салоны, Д. В. Григоровичъ показалъ намъ людей

¹⁾ „Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ“ (Смольный).

(хотя и смахивавшихъ немного на оперныхъ „пейзановъ“) въ своихъ „Рыбакахъ“. Смѣло взошелъ въ самые укромные уголки нашей души, какъ искусный хирургъ, со своимъ скальпелемъ,—„мучительный“ талантъ О. М. Достоевскаго... А далѣе: Глѣбъ Успенскій, Гончаровъ, Помяловскій, Писемскій, Авдѣевъ,—всѣ эти, что проводили передъ нами живые образы живыхъ людей, не вымазывая ихъ грязью „Со дна“ помойной ямы; не напуская на нихъ затхлаго „тумана“, или погружая въ „бездну“ мерзости,—чтобы этимъ заставить ихъ полюбить; но которыхъ мы любили и понимали, какъ умѣли любить и понимать люди этого времени, идеалисты 40-хъ годовъ!..

И мы жили съ этими образами; мы переживали всѣ ихъ страданія; мы видѣли въ литературѣ не *passé-temps* и не ходячую тенденцію,—а нѣчто такое, что насъ подымало изъ болота низменныхъ человѣческихъ страстей; внушало мысли о поднятіи человѣка изъ болота, и рождало людей 60-хъ годовъ, людей, имѣвшихъ идеалы; умиравшихъ за идею, а не желавшихъ подъ видомъ любви къ „меньшей братіи“—„ловить рыбу въ мутной водѣ!“...

Прежде чѣмъ перейти къ первому появленію въ свѣтъ моихъ твореній, я должна нѣсколько остановиться на моемъ пребываніи въ рисовальной школѣ „Общества поощренія художествъ“¹⁾ — какъ потому, что она,—какъ будетъ видно далѣе,—отчасти сыграла для нихъ ту роль, которую сыграли „красно-оранжевыя“ тетрадошки, толкнувшія меня впервые на поприще писательницы хотя бы и не интереснаго дневника;—такъ и потому, что она дала мнѣ случай познакомиться съ нѣкоторыми интересными личностями. Начну съ того, что рисованіе съ самаго дѣтства было моимъ излюбленнымъ занятіемъ гораздо раньше писательства; и я практиковала его всѣми способами, начиная съ рисованія цѣлыхъ исторій, избранныхъ мною героевъ, изощряя свою фантазію и разрисовывая все это красками. Не получивъ никакой правильной методы рисованія въ институтѣ, гдѣ оно тогда преподавалось очень неумѣло, я все же, послѣ выпуска много рисовала дома, надъ копировкой мелкихъ вещей съ тонкихъ гравюръ, а также много рисуя перомъ, что мнѣ потомъ очень пригодилось, когда въ рисовальной школѣ, пройдя всѣ классы, съ натурнымъ включительно, —

¹⁾ Моя подробная статья о рисовальной школѣ,—по случаю 50-лѣтія,—была помѣщена въ ноябрѣ 1889 г. въ журналѣ «Русская Старина».

и выбрала своею спеціальною ксилографію или гравюру на деревѣ.

Рисовальная школа помѣщалась тогда еще на Васильевскомъ островѣ, въ зданіи Биржи (у Дворцоваго моста) и не отличалась той щеголеватостію и грандіозностію, какъ нынѣшняя. Въ ней не было такого богатаго запаса моделей, орнаментовъ и всего прочаго,—но то была хорошая школа, гдѣ ученицы занимались не отъ нечего дѣлать, походивъ мѣсяца два-три да и бросивъ;—но занимались серьезно, всецѣло отдавшись искусству, составляя одно цѣлое съ нашими преподавателями—и какими преподавателями!... И что у насъ были за бесѣды въ свободное время! Мы разбирали и искусство, со всѣми, проходившими передъ нашими глазами, его представителями и ихъ произведеніями; и музыку и литературу, слѣдя за всѣми новинками. Мы толковали, спорили, приходили въ экстазъ. Поднявъ вопросъ о какой-нибудь, только-что появившейся на выставкѣ картинѣ, и не рѣшивъ его заглядно,—мы на-скоро одѣвались и бѣжали или въ академію, или на постоянную выставку, бывшую тутъ же въ зданіи Биржи и, вернувшись спокойно, какъ ни въ чемъ не бывало, принимались за работу. Набрасывая свои мазки, или наливая „мокрый соусъ“ на бумагу, мы восторгались Кальцолари или Тамберликомъ; разбирали „Отцы и дѣти“, съ только-что воцарившимся Базаровымъ; мы говорили обо всемъ,—кромѣ модъ, хотя и не были „стриженными замарашками“.

Заговоривъ о школѣ того времени, я упомянула о нашихъ преподавателяхъ. Ихъ имена сами говорятъ за себя: Крамской, Келлеръ, Горавскій, Клодтъ, Бейдеманъ, — это были величины, подъ руководствомъ которыхъ работа была истиннымъ наслажденіемъ! Бейдеманъ—былъ вполне художникъ-энтузіастъ, говорившій объ искусствѣ съ экстазомъ и поклонявшійся ему съ благоговѣніемъ Весталки, поддерживающей недремотно священный огонь на жертвенникѣ своей богини. Когда онъ съ жаромъ и блескомъ въ глазахъ говорилъ объ искусствѣ, онъ вполне наэлектризовывалъ, и тогда еще болѣе начиналъ любить это искусство, еще ревностнѣе хотѣлось ему отдаться! И при томъ замѣчанія его были чрезвычайно мѣткі и запечатлѣвались навсегда. Помню его восторгъ по поводу „Тайной вечера“—Ге, — появившейся осенью 1863 г. на академической выставкѣ, куда мы, еще до открытія выставки, ходили ее смотрѣть толпой подъ предводительствомъ директора школы, Дьяконова, а потомъ передавали наши впечатлѣнія Бейдеману. Восхищаясь тѣмъ, что художникъ, въ изображеніи Христа, представилъ его „энтузіастомъ“, — „Мученикомъ идеи“, готовымъ за пра-

воту своихъ убѣжденій идти „на костеръ или на Голгофу“,—онъ главное одобрялъ въ картинѣ то, что въ ней видно: „и то, что до этого было, и то, что за тѣмъ послѣдуетъ, о чемъ непременно долженъ заботиться художникъ, начиная картину“. Управляя классомъ композиціи, онъ намъ давалъ иногда очень трудно-выполнимыя задачи, вродѣ „Избіеніе младенцевъ“, но самъ, увлекаясь фантазіей, отдавалъ ей преимущество передъ рисункомъ. Помню, какъ разъ, разсматривая мой, сильно грѣшившій рисунокъ — эскизъ, на ошибки котораго я сама ему указала, онъ проговорилъ: „Всего важнѣе то, что я въ васъ вижу душу; а руки придутъ потомъ“!

Впослѣдствіи классъ композиціи, — по отъѣздѣ Бейдемана въ Крымъ, расписывать церковь Ливадіи, — перешелъ къ жанристу Клодту, очень хорошему, серьезному преподавателю, манерой котораго было, задавъ намъ тему, требовать ея первый набросокъ тутъ же, во время урока, съ дальнѣйшей выработкой дома. Передъ тѣмъ, онъ занимался съ нами живописью въ натурномъ классѣ.

Но совершеннымъ событіемъ, внесшимъ въ школу новый свѣтъ, было появленіе въ ней Крамского, для уроковъ пластической анатоміи при рисованіи съ натуры карандашомъ или растушкой. Уроки Крамского были для насъ просто откровеніемъ; мы смотрѣли на него, какъ на апостола, впервые возвѣстившаго намъ ту истину, о которой мы долго инстинктивно мечтали! Онъ былъ неутомимъ; все время урока переходя отъ одной ученицы къ другой, не переставая дѣлать замѣчанія, поразительныя по вѣрности взгляда и простотѣ изложенія, для всѣхъ понятнаго, сразу указывая на то, что отъ васъ требовалось, при томъ онъ былъ необыкновенно краснорѣчивъ. Его знаніе анатоміи человѣческаго тѣла было такъ превосходно, что, при первомъ взглядѣ на вашъ рисунокъ, онъ замѣчалъ малѣйшую противъ нея погрѣшность и не дарилъ вамъ ни малѣйшей ошибки, тотчасъ же ее карая; но всегда такъ деликатно, что вы не только не обижались, а старались сами помочь ему отыскать ее зная, что его замѣчанія выведутъ васъ на дорогу изъ тѣни сомнѣнія.

— Это надо не-мно-жечко поправить!—говорилъ онъ мягко, нѣсколько растягивая это „немножечко“, требовавшее иногда грандіозныхъ поправокъ! И, поправляя, онъ читалъ цѣлыя лекціи пластической анатоміи, на память, на скелетъ, или одѣвающие ихъ мускулы и мышцы.

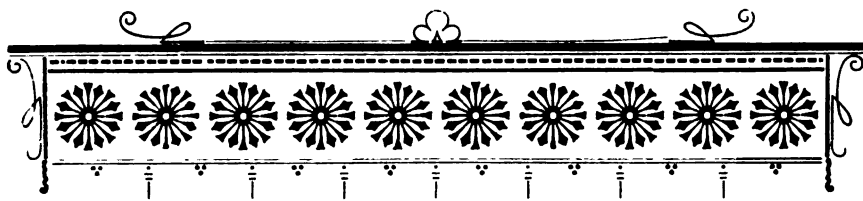
Большую частію, онъ приходилъ въ школу нѣсколько раньше начала занятій, и къ нему бѣжали за совѣтами всѣ, сколько-нибудь въ

нихъ нуждавшіся! Ему показывали этюды масляной живописи, композиціи, чертежи. Нѣкоторыя, въ томъ числѣ и я, изъ натурнаго по живописи класса, до прихода своего преподавателя, усаживались подъ его руководствомъ рисовать анатомическія фигуры съ гипса, и для всѣхъ у него былъ добрый совѣтъ.

С. Лаврентьева.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Забытая писательница и ея заслуги ¹⁾.

IV.

Переписка Л. Х. Симоновой съ М. В. Малаховымъ.

Еллетристическія работы г-жи Симоновой по этнографіи Сибири обращаютъ вниманіа многихъ русскихъ ученыхъ, изъ которыхъ антропологъ М. В. Малаховъ писалъ Симоновой въ началѣ 1883 года изъ Ментоны слѣдующее: „Вогуловъ“ я прочиталъ съ большимъ удовольствіемъ и пожалѣлъ лишь объ одномъ, что Вы упустили крайне удобный случай сдѣлать для ознакомленія публики хотя бы небольшой сравнительный очеркъ культа, переживаемаго вогулами. Для сравнительнаго очерка достаточный матеріалъ можетъ дать крайне популярная книга Тэйлора „Антропология“. Читатели сказали бы „спасибо“, а то они по обычному воззрѣнію жреческой культи будутъ объяснять лишь невѣжествомъ племени. Мнѣ кажется, что, окончивъ эту статью, Вы непременно должны имѣть въ виду помѣстить ее въ сборникъ Вашихъ статей и къ тому времени нѣсколько дополнить данными, вновь увидавшими свѣтъ, каковы, напр. „Рукопись Новицкаго“ въ изданіи Майкова, съ многими примѣчаніями, которая скоро выйдетъ, и затѣмъ „Путешествіе Скафарія“ и т. п.—тогда за этою работою окончательно можно будетъ укрѣпить ея большое значеніе для будущихъ изслѣдователей. Клише Полевой вѣроятно Вамъ уступить, и эти рисунки далеко не излишни. Работа, проектированная Николаемъ Михайловичемъ Михайловымъ,

¹⁾ См. „Русскую Старину“, сентябрь 1908 г.

о которой Вы упоминали въ письмѣ, „изслѣдованія данныхъ о инородцахъ до русской эпохи“, безспорно крайне необходима, и китайцы въ этомъ случаѣ могутъ дать наибольшій матеріалъ. Но забираться въ эти дебри крайне трудно и, повидимому, до настоящаго времени у насъ не было охотниковъ-спеціалистовъ, къ тому же и итогъ нашимъ матеріаламъ стараго времени еще не подведенъ, и если были попытки, то весьма слабыя. Изъ газетныхъ объявленій я узналъ, что въ мартовской книжкѣ „Вѣстника Европы“ помѣщено начало статьи „Пермяки“ Добротворскаго. Это меня крайне заинтересовало. Имя автора не знаю. По какимъ источникамъ и о какихъ пермякахъ говоритъ онъ? Если Вы будете имѣть случай читать эту книгу, оповѣстите меня; здѣсь же „Вѣстникъ Европы“ нигдѣ нельзя раздобыть. Выписываютъ преимущественно „Отечественныя Записки“. Вскорѣ я рассчитываю побывать въ Ниццѣ и тамъ есть библіотека, гдѣ получаютъ русскіе журналы. „Эхо“ получаю аккуратно и перечитываю весь нумеръ. Но по правдѣ сказать, отсутствіе въ немъ „собственности“ и особенно нѣкоторыя передовыя статьи (напр. о волненіи въ Ново-Александр. училищѣ) производятъ невыгодное впечатлѣніе. Номера „Восточн. Обзор.“ отличаются теперь значительнымъ разнообразіемъ и содержательностью, такъ что читаешь съ большимъ удовольствіемъ. На сколько у нихъ возросла подписка? Воскресъ опять „Русск. Кур.“, но вѣроятно его постигнетъ та же участь „Москов. Телегр.“, ибо имѣетъ съ послѣднимъ много общаго и зубы на него точатъ давно. Здѣсь въ розничной продажѣ появились „Новости“, вслѣдъ за прекращеніемъ „Голоса“. Не были ли Вы на засѣданіи въ геогр. общ. или въ библіотекѣ его? Что тамъ творится—не знаю. Оставить ли Срезневскій постъ секретаря и почему на общ. собр. предсѣдательствовалъ не Семеновъ, а Штубендорфъ? Что слышно о новыхъ экспедиціяхъ, кто и куда? Статья моя о книгѣ Иностранцева вышла въ Март. кн. „Жур. мин. нар. просв.“ и оттиски ея переданы Свѣчину, котораго я просилъ уже, чрезъ сестру, передать Вамъ, Ядринцеву и Потанину. Статья подверглась нѣкоторому сокращенію, но все же основныя мои взгляды не уничтожены. Біографія Чунина до сихъ поръ, кажется, не увидала еще свѣтъ, хотя почти полгода назадъ торопили нещадно съ корректурой.

Третьяго дня я съ трудомъ собрался написать замѣтку объ Уральск. общ. естеств. для „Восточн. Обзор.“. Если послѣдняя будетъ напечатана, то будьте добры, попросите Ник. Мих. тотъ нумеръ одинъ экзмп. препроводить въ Екатеринбургъ, Уральскому общ. естеств.

Приступили ли Вы къ задуманнымъ Вами описаніямъ инородцевъ

для дѣтскаго журнала, и съ чего начали? Въ моемъ коробѣ книгъ, гостящемъ у васъ, Вы найдете нѣкоторые источники, потому располагайте имъ и добывайте, что пригодится.

Здѣсь съ окрестностями мы ознакомились довольно порядочно, не мало мѣстъ живописныхъ, но все же преобладаніе искусственности видно всюду, а это уже не природа.

Съ вещами, добытыми на раскопкахъ на границѣ Италіи въ т. н. „Новой Помпей“, я также ознакомился, но онѣ относятся уже къ новѣйшимъ временамъ. Наибольшій интересъ представляютъ пещеры, не вдали отъ Ментоны, гдѣ были найдены скелеты и орудія кам. вѣка. Съ тѣмъ и другимъ мѣстомъ я обязательно освоюсь и побываю при первомъ удобномъ случаѣ. Желаю Вамъ отъ всей души всѣхъ благъ.

Глубокоуважающій Васъ М. Малаховъ.

Дальнѣйшая переписка М. В. Малахова свидѣтельствуетъ, между прочимъ, не только прекрасныя качества г-жи Симоновой, какъ хорошаго товарища, но и тотъ научный интересъ, которымъ она жила и который вносился ею въ свои работы. Онъ пишетъ ей изъ Швейцаріи отъ 14 февр. 1883 г.:

„Очень радъ, что Вы, наконецъ, ближе познакомились съ Н. М. Михайловымъ; онъ, безспорно, лучшій человѣкъ въ геогр. общ. и къ тому же человѣкъ съ душой, а не чиновникъ, какъ большинство. Ваше прекрасное намѣреніе къ осени заниматься въ геогр. общ. непременно должно осуществиться; кромѣ того, что Вы тамъ будете имѣть возможность слѣдить за текущей литературой по интересующимъ Васъ вопросамъ, и будете пользоваться матеріалами, которые тамъ специально собраны,—Вы всего скорѣе въ той средѣ встрѣтите лицъ, которые серьезно отнесутся къ Вашимъ работамъ; общеніе же великое дѣло и въ этомъ отношеніи. Майковъ же къ Вамъ иначе и не могъ отнестись, и я надѣюсь, что съ осени Ваше имя будетъ въ спискѣ членовъ общества.

Если Вы думаете теперь перейти къ вотякамъ, то въ числѣ моихъ книгъ найдете: Попова, Опис. Пермской губ., Мозеля. Перм. губ. и Штиглица Спис. насел. мѣстъ Перм. губ. и кое-что еще. „Очерки быта вотяковъ“ Бехтерева въ „Вѣстн. Европы“ за май Вамъ, вѣроятно также, извѣстны.

Многоуважаемая

Людмила Христофоровна.

Душевно привѣтствую Ваше близкое вступленіе въ кругъ дѣятелей географ. общества, видѣть Васъ тутъ, какъ Вы знаете, мое

давнишнее желаніе. Леонидъ Ник. иначе, разумѣется, не могъ отнестись. Кромѣ несомнѣнной пользы, каковую географ. общество отъ Васъ имѣетъ всѣ шансы ожидать, мнѣ кажется, что эта дѣятельность будетъ имѣть значеніе и лично для Васъ, при чемъ я не говорю уже о извѣстномъ нравственномъ удовольствіи. Архивъ геогр. общ., насколько я могъ съ нимъ ознакомиться, великъ и обилень, но также какъ и во всемъ на Руси „порядка въ немъ нѣтъ“. Это для многихъ служить препоною къ его пользованію. Вамъ на первыхъ же порахъ придется погрузиться въ пыль и грязь, но зато и жатва будетъ хорошая.

Относительно систематическаго описанія инородцевъ по печатнымъ источникамъ и архивнымъ даннымъ, Леон. Ник. высказывался и раньше. Благая мысль наконецъ придвигается къ осуществленію, потому нельзя не порадоваться. Чѣмъ я богатъ, тѣмъ и радъ, а мой матеріаль о вогулахъ, который долженъ оказаться весьма незначителенъ, такъ какъ я видѣлъ ихъ мимоходомъ, будетъ къ Вашимъ услугамъ. Всѣ сколько-нибудь интересные факты мною уже были сообщены Г. М. Потанину. Какая мнѣ обида, что я лично не могу примкнуть къ Вашему кружку, но душа моя будетъ неразлучна съ нимъ. По моему мнѣнію, необходимо при описаніи каждой группы—прилагать полную библіографію, что будетъ крайне важно для будущихъ изслѣдователей. Починъ въ этомъ отношеніи сдѣланъ Чуминымъ, въ его „словарѣ“, гдѣ о вогулахъ собрано не мало указаній, какъ я Вамъ какъ-то показывалъ. Монографическій очеркъ пермяковъ—мой матеріаль, въ связи съ литературными данными, подвигается—хотя и весьма туго. Антропологическія измѣренія ихъ, страдающія отрывочностью, я, кажется, не рѣшусь печатать до тѣхъ поръ, пока судьба снова не закинетъ меня къ нимъ и я не тополню необходимыми данными. Библіографію я также собираю. Вообще я съ нетерпѣніемъ буду ожидать извѣстій о началѣ дѣятельности кружка. Программа описанія, предполагаемая Леонид. Ник., также меня очень интересуешь, ибо до сихъ поръ еще таковой не имѣется, которая была бы безъ крупныхъ недостатковъ.

Друскеники

Гродненской губ.

2 ав. 1883 г.

Большое спасибо Вамъ за приглашеніе участвовать въ нарождающемся „Еженед. Обзор.“ Слѣдуя Вашему настроенію, я взялся за перо и послѣ продолжительной его пробы, что хотя и служить неотраднымъ предзнаменованіемъ, тѣмъ не менѣе избрѣлъ или

надумалъ два небольшихъ очерка: „Повѣдка на изумрудныя копи“ и „Среди шишкарей“ (кедровый промыселъ); который изъ нихъ раньше настрочу, тотъ и не замедлю выслать. Но съ уговоромъ: если окажется что-либо не такъ, то тогда Вы препроводите рукопись въ Вашъ столъ для успокоенія.

Сегодня я получилъ очерки остяковъ „Эзе“, и сердце мое порадовалось при видѣ Вашего новаго труда. Благодарю за присылку и душевно желаю, чтобы эта серія очерковъ росла и росла. Нельзя не сказать также спасибо и редакціи за такое тщательное изданіе.

Ялта.

12/III. 1884 г.

Многоуважаемая и дорогая

Людмила Христофоровна.

Зная Вашу безконечную доброту, рѣшаюсь беспокоить Васъ новою просьбою, безъ коихъ, вообще, я теперь не обхожусь. Докучаю, докучаю и докучаю. На-дняхъ я получилъ письмо отъ Сергѣя Николаевича Шубинскаго, т. е. изъ редакціи „Истор. Вѣстн.“ съ извѣщеніемъ, что статья моя „Въ Уральскомъ кедровникѣ“ взята ею быть не можетъ, такъ какъ редакціею недавно приобрѣтена большая рукопись Немировича-Данченко, трактующая о жизни же въ уральской тайгѣ.

Теперь весь вопросъ въ томъ, что мою рукопись нужно получить изъ редакціи обратно, устроить, что я покорнѣйше Васъ прошу.

Далѣе я буду просить Васъ направить куда-либо рукопись: по ознакомленіи съ содержаніемъ ея, Вамъ легче опредѣлить это. Говорятъ, что редакція журнала „Дѣло“ теперь нуждается въ матеріалѣ и охотно беретъ бытовые очерки. Все это я пишу къ слову, а орудуйте какъ хотите, не хотѣлъ бы только видѣть статью ни въ „Гражданинѣ“, ни въ „Эхо“, а также получить не менѣе обычной платы, т. е. или 5 коп. строка или 50 руб. листъ.

Ялта.

1884 г. 27/III.

Многоуважаемая и дорогая

Людмила Христофоровна.

Не разсчитывалъ я слишкомъ докучать Вамъ, да видно судьба. Въ прошломъ письмѣ Вамъ я упоминалъ объ очеркѣ, начатомъ мною для г. Скворцова (редакт. „Еженед. Обзорѣнія“). Когда этотъ очеркъ пришелъ къ концу, то объемъ его оказался значительно

большимъ, чѣмъ я рассчитывалъ. Сокращать не хотѣлось и потому рѣшилъ поступить слѣдующимъ образомъ: препроводить очеркъ „Въ горахъ“ на Ваше благоусмотрѣніе. Не найдете ли возможнымъ предложить его г. Михайлову (Шеллеру) для „Живоп. Обзор.“, кажется, вы съ нимъ нерѣдко видите. Это будетъ отчасти и кстати, потому что братъ писалъ мнѣ, что Михайловъ въ разговорѣ съ нимъ высказалъ желаніе, чтобы я что-нибудь имъ прислалъ. Если же вообще пристройка этого очерка Вамъ будетъ не съ руки, то я покорнѣйше прошу Васъ передать его при свиданіи г. Скворцову.

Изъ дальнѣйшей переписки М. В. Малахова къ Симоновой все болѣе и болѣе обрисовывается все тотъ же ея добрый, всегда готовый къ товарищескимъ услугамъ характеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣтенъ и ея литературный ростъ, хотя переходъ изъ этнографически-областной литературы къ русской жизни въ собственномъ смыслѣ этого слова совершился не разомъ.

Она помѣстила въ „Еженедѣльномъ Обзорѣніи“ И. В. Скворцова два романа: „Самъ“, „Оля“ и эскизы „Развиватель“, „Языкъ глазъ“ и т. д. Въ „Живоп. Обзор.“ напечатаны: повѣсти „Местъ“, „Одна“, „Отдохнуть бы“, и романы „Убила“, „Спутница“ и „На поискахъ за богатствомъ“. Въ журналѣ „Дѣло“ за 1879 годъ помѣщена повѣсть „Что-то будетъ?“ Во многихъ газетахъ она печатаетъ беллетристику, черпая матеріалъ изъ жизни того же русскаго общества.

V.

Кружокъ А. К. Шеллера.—Оригинальное трактованіе Симоновой женскаго и рабочаго вопроса—Одна изъ причинъ ея непопулярности.

Наибольшее вліяніе на окончательное сформированіе литературныхъ и политическихъ взглядовъ г-жи Симоновой оказалъ, по ея многократнымъ признаніямъ, „кружокъ А. К. Шеллера“ или правильнѣе сказать самъ Шеллеръ-Михайловъ.

Близкими къ нему людьми были въ эти годы его литературной жизни, не литераторы съ именами, а большею частью директора и дѣлопроизводители банковъ и иныхъ учреждений (Н. С. Тишевскій, братья Никитины и др.), военные генералы (Юр. Мельницкій, Гр. Забужскій, Сиверскій и др.), маленькіе художники (Малышевъ, Е. П. Пономаревъ), педагоги изъ духовной академіи (П. В. Васильевъ), переводчики (Коншинъ, М. Москалева) артисты (Аяровъ), индифферентные поэты и критики такіе же (К. Фофановъ, Л. Афанасьевъ, Ф. Червинскій, Мазуркевичъ, Чупко и т. д.) и, наконецъ,

будущіе реакціонеры Голицынъ-Муравлинъ, В. Л. Величко, Н. И. Мердеръ, С. В. Воейковъ и т. д.

Не здѣсь, конечно, было вліяніе „шестидесятихъ годовъ“ на Л. Х. Симонову; но среди этихъ людей былъ самъ А. К. Шеллеръ — человекъ со множествомъ недостатковъ и сквернѣйшимъ характеромъ—но съ большимъ литературнымъ именемъ, и образованіемъ, съ европейскимъ демократическимъ идеаломъ и блестящимъ даромъ слова.

Ему Л. Х. Симонова обязана усвоеніемъ лучшихъ традицій русской литературы. Онъ поддерживалъ всѣ ея лучшія начинанія и своими совѣтами помогъ ей избѣгнуть роковыхъ ошибокъ, въ которыя она могла впасть.

Г-жа Симонова была болѣе практикомъ, чѣмъ теоретикомъ русской жизни. Ея практицизмъ, лишенный корысти или примиримости къ житейскому злу, выразился въ томъ, что она не могла трактовать жизнь односторонне и умѣла сказать правду не только врагамъ, но и друзьямъ. Она была горячимъ сторонникомъ женскаго труда и равноправности.

Находясь на телеграфной службѣ, она съ судьбой телеграфистокъ связываетъ общій женскій вопросъ, указывая въ газетахъ на то, что „если въ 1864 году позволено принимать женщинъ въ видѣ опыта на три года на телеграфно-почтовую службу, то почему, по прошествіи около двухъ десятковъ лѣтъ, женщина-телеграфистка на службѣ не сравнена въ своихъ правахъ съ мужчинами? Для поступленія на службу отъ женщинъ требуются тѣ же знанія, какъ и отъ мужчинъ, тотъ и другой полъ обставлены одинаковыми требованіями. Но это равенство продолжается только до дня поступленія на службу. Здѣсь дороги ихъ существенно расходятся. Для женщинъ, какъ для лицъ, допущенныхъ въ видѣ опыта на три года, установлены были особыя правила, по которымъ содержаніе женщинамъ телеграфистамъ производится отъ 200—300 руб. въ годъ. Квартиръ ни въ натурѣ, ни квартирныхъ денегъ не полагается. Лица женскаго пола никакими преимуществами въ службѣ не пользуются и права на перечисленіе въ высшіе разряды не имѣютъ“. („Новое Время“ отъ 17 сент. 1882 г.).

Симонова часто говорила:

— Прослуживъ на телеграфѣ четырнадцать лѣтъ, я имѣла полную возможность обстоятельно изучить женскій вопросъ на телеграфной службѣ и изложить его сначала въ видѣ передовой статьи. Я была уже въ отставкѣ... Редактора „Нов. Вр.“ М. П. Федорова я тщательно просила не заявлять моей фамиліи, боясь, чтобы не заподозрили меня въ пристрастіи тѣ, отъ кого зависитъ судьба пенсій для телеграфистокъ. Но многіе изъ писателей того времени

знали, кто авторъ статьи. Женщины телеграфистки ужасно хотѣли узнать и узнали меня. Въ квартирѣ А. Г. Сахаровой (писательницы), ея родственницы и другія женщины телеграфистки явились совершенно неожиданно депутаціей ко мнѣ (на одномъ изъ журфиксовъ Сахаровой) и изъявили женскую благодарность отъ лица всѣхъ женщинъ телеграфистокъ. Я не думала, чтобы такъ скоро Безакъ, новый директоръ почтъ и телеграфа, отозвался на статью. По рассказамъ женщинъ телеграфистокъ, онъ явился въ аппаратную съ газетою въ рукахъ, разспрашивалъ женщинъ телеграфистокъ о разныхъ подробностяхъ ихъ службы, отнесся къ нимъ сочувственно и общалъ поправить дѣло.

Когда у насъ началась почтово-телеграфная забастовка, г-жа Симонова говорила, что ея уже была „отмѣчена“ возможность этой забастовки еще во время ея собственной службы на телеграфѣ.

Несмотря на полное сочувствіе аболіціонизму женщинъ, она — въ разгаръ горячихъ пожеланій русскимъ женщинамъ вырваться изъ невѣжественныхъ семей на свободу и самостоятельный трудъ — пишетъ повѣсть: „На свободѣ“. Героиня ея, поссорившись съ родными, пріѣзжаетъ въ Петербургъ искать себѣ умственнаго труда, но остается совершенно „одна“...

Симонова писала мнѣ:

„Увидѣвъ, что всѣ рассказы о женскомъ трудѣ, предложенія, приглашенія, поощренія были только „игрою словъ“ у сторонниковъ женскаго движенія — моя героиня покончила съ голоду и одиночества самоубійствомъ. Повѣсть имѣетъ мрачный характеръ. Я сама имѣла случай убѣдиться, что всѣ разговоры тогда о женскомъ вопросѣ были неискренни или теоретичны. Повѣсти моей пришлось долго лежать въ портфелѣ, такъ какъ если я показывала ее редактору либеральной газеты, то онъ чуть не кричалъ мнѣ: „Что вы дѣлаете? Намъ нужно, чтобы женщины бросали все и бѣжали въ столицы; вы же стараетесь, какъ бы напугать ихъ и тѣмъ задержать движеніе“. Если я приносила въ ретроградный журналъ, то мнѣ говорили: „Это напечатать невозможно — у васъ слишкомъ мрачный взглядъ на вопросъ“. Я хотѣла издать „На свободѣ“ сама и отдала ее на просмотръ въ цензурный комитетъ. Тамъ послѣ довольно крупныхъ дебатовъ, наложили на нее запрещеніе и у фамиліи моей поставили крестикъ. Впослѣдствіи повѣсть эта была напечатана подъ заглавіемъ „Одна“ въ „Живописномъ Обозрѣніи“ временъ А. К. Шеллера.

Такимъ образомъ, г-жа Симонова очень рано въ своей литературной дѣятельности усмотрѣла въ женскомъ вопросѣ двѣ стороны:

идеальную и практическую. Сочувствуя первой, она не щадила красокъ для изображенія второй со всѣми ея отрицательными сторонами.

Семейныя наблюденія ея были непосредственны и заимствованы прямо изъ жизни.

— Я находила такія семьи,—высказывалась она въ частной перепискѣ:—въ которыхъ мужъ свое скудное жалованье чуть не дѣлилъ на два дома, превращая свою квартиру въ какую-то станцію, куда онъ является пить, ѣсть и спать, и гдѣ жена была и кухарка, и прачка, и нянька. Все же свободное отъ занятій время онъ проводилъ въ обществѣ товарищей и свободного права дѣвицъ. Не видя въ мужѣ ни друга, ни любовника, ни воспитателя собственныхъ дѣтей, женщина становится забитой, впадаетъ въ серьезные болѣзни или ожесточается и мститъ своему мужу измѣной съ тѣмъ человѣкомъ, который окажетъ вниманіе и сочувствіе ея положенію. Такая, напримѣръ, изображена мною въ романѣ „Спутница“. Нѣкоторымъ борцамъ мужской самостоятельности этотъ романъ также не понравился: „стрѣла попала не въ бровь, а въ глазъ“. Въ рецензіяхъ отзывались, что будто бы я романомъ „Спутница“ разрушаю семейныя основы и ввожу безнравственность въ семейную жизнь. Подобная рецензія была въ „Русской Мысли“ и въ „Руси“ Аксакова. Я написала разъяснительное письмо, но въ „Руси“ оно не было напечатано, а напечатано въ „Новостяхъ“ отъ 25 апр. 1886 г.

Въ этомъ письмѣ она, между прочимъ, пишетъ: „Изображая въ повѣсти факты и явленія, наблюденныя мною, мнѣ хотѣлось показать читателямъ, до чего можетъ довести свою жену, въ какое невыносимое положеніе поставить развратникъ мужъ. Я утверждаю, что цѣлостность семейныхъ отношеній, прочность семейнаго счастья зависятъ отъ мужчины, а не отъ женщины. Мнѣ хотѣлось, чтобы развратникъ оглянулся на себя и вдумался въ положеніе жены. Вотъ цѣль, съ которою написана повѣсть. Въ чемъ здѣсь вредъ? безнравственность? преступная пропаганда? Фактъ жажды ласкъ, женскаго обаянія въ моей героинѣ кажется особенно преступнымъ рецензенту „Русской Мысли“. По его мнѣнію, физиологическая сторона существованія женщины не должна участвовать въ жизненномъ процессѣ... Да жизнь-то говорить не то... Или г. рецензентъ повѣсти моей „Спутница“ самъ не повѣлъ того, что написалъ, или желаетъ провести слѣдующую мораль: „Пусть мужья развратничаютъ, сколько хотятъ, — жены не должны замѣчать этого“. Для развратниковъ оно выгодно. О, конечно, съ этой точки зрѣнія, я совершила великое преступленіе... Нѣтъ, г. рецензентъ, не

глупо и не стыдно открывать завѣсу на мрачные уголки нашей жизни“...

Та же мысль и тѣ же нравы отмѣчены ею изъ купеческаго быта въ романѣ „Самъ“ въ „Еженедѣльномъ Обзорѣни“ за 1884 г.

Оригинальное трактованіе женскаго вопроса не прошло г-жѣ Симоновой, хотя врагомъ женскаго аболіціонизма ее никто не считалъ. Въ письмѣ М. К. Цебриковой, отъ 20 іюня 1886 г. на имя Симоновой, попадаетъ фраза весьма характерная для разгадки нападокъ на реализмъ писательницы. Цебрикова находитъ рецензію „Русской Мысли“—„очень шаблонной и фарисейски-моральной“, но тутъ же она прибавляетъ, что „Спутница“ подаетъ поводъ къ такому толкованію.

„Я то, пишетъ Цебрикова, поняла, что вы хотѣли сказать, но вѣдь пишутъ не для своихъ, а для читателей“.

Симоновой всегда казалось весьма ошибочнымъ такое приниженіе толпы. Она полагала, что писатель долженъ указать толпѣ не только идеалы меньшинства, но и ихъ искаженіе на практикѣ тою же толпой.

Тотъ же обличительный приѣмъ, съ идеалистическимъ настроеніемъ писателя, обнаружила г-жа Симонова и въ воспроизведеніи русскаго народа и той же женщины въ его радахъ. Въ то время, когда она писала романъ „Убила“, она управляла городскою телеграфною станціею и жила за Невской заставой.

Вблизи фабрикъ и заводовъ она опять столкнулась съ печальной жизнью женщинъ изъ „народа“ и съ самимъ народомъ.

„Въ моемъ сердцѣ опять разбередилось то больное мѣстечко, которое у меня образовалось въ Сибири,—писала Симонова объ этомъ времени въ одномъ изъ частныхъ ко мнѣ писемъ.—Многіе изъ фабричныхъ рабочихъ выписывали своихъ женъ и старшихъ дѣтей изъ деревень. Жень помѣщали они на бумагопрядильныя фабрики, а мальчиковъ—на заводы „Русскаго Общества“ и „Сѣмянникова“ вертѣть гайки и проч. Мальчики могли зарабатывать по 12 рублей въ мѣсяцъ, а бабы между 15 и 20 рублями. Такимъ образомъ этими деньгами семья могла быть обеспечена, если бы глава ея, имѣя заработокъ семьи, не пропивалъ свой собственный. Послѣ каждой получки за свой личный трудъ, въ двѣ недѣли разъ, онъ, не заходя домой, отправлялся въ городъ и прокучивалъ въ два дня все свое жалованье, а въ воскресенье вечеромъ возвращался пьяный и билъ свою жену. Предлоговъ было много: или она изъ своей получки не сѣмѣла уплатить весь мѣсячный долгъ, или за то, что у нея не было на-лицо денегъ на продолженіе пьянства, или

просто за то, что передъ нимъ находился человѣкъ, носящій въ себѣ укоръ, часто не выражавшійся на словахъ, а лишь во взглядѣ... И вотъ изъ домовъ, населенныхъ рабочими, слышались вопли то тутъ, то тамъ. Тѣ же отношенія и въ деревнѣ, у деревенскаго мужика къ своей женѣ, лѣнивое отношеніе мужиковъ къ своему хозяйству, плохая работа, плохіе посѣвы, продажа хлѣба иногда на корню и деньги, пропитыя въ кабакахъ... И тамъ тоже передъ мужемъ стоитъ женщина съ укоромъ во взглядѣ и на словахъ; и тамъ онъ отстаиваетъ свои жестокіе, несправедливые поступки кулаками, вожжами, сапогами и проч.“.

Всѣ такія картины создали типъ многострадальной Мары (романъ „Убила“). Онъ былъ напечатанъ въ „Живописномъ Обзорѣніи“ 1884 г. Романъ этотъ вызвалъ различные отзывы. Одна изъ газетъ назвала его „юридическимъ“, на который даже „Юридическое Обзорѣніе“ дѣлало ссылки. Многіе признавали въ романѣ рельефное изображеніе русской женщины по обычному праву, по которому она не гарантирована отъ посягательствъ мужа, какъ на ея имущество, такъ и на ея личность. По поводу романа „Убила“ было сказано въ газетахъ, что, идеализируя семью, какъ союзъ, основанный на любви и сотрудничествѣ, наше законодательство и доселѣ еще не выработало основаній для дѣйствительнаго воплощенія въ жизни подобнаго идеала. За закономъ слѣдуетъ признать воспитательное значеніе для массъ, между тѣмъ, отдавая жену на произволъ мужа, судья тѣмъ самымъ какъ бы укрѣпляетъ въ народѣ взглядъ на жену, какъ на подневольную для мужчины работницу, закрѣпленную за нимъ закономъ. Единственнымъ для законодательства выходомъ, стало быть, оказывается признаніе совершившагося факта и юридическое расторгненіе брака въ тѣхъ случаяхъ, когда на практикѣ рѣзко нарушены основныя его начала, другими словами, когда семьи уже на самомъ дѣлѣ не существуютъ, когда она выродилась въ рядъ возмутительныхъ насилій мужчины надъ женщиной. Другіе писатели и редакторы возмутились противъ этого романа, говоря, что выпускъ его въ свѣтъ несвоевременъ. Начиная съ 1860-хъ и 1870-хъ годовъ, литература положительно поставила крестьянина на пьедесталъ и приписывала ему только однѣ хорошія черты. А такое отношеніе крестьянина къ женѣ, какое выведено въ романѣ Симоновой, разумѣется, компрометтировало его нравственность. Такое мнѣніе приходилось вслушивать ей въ газетахъ и въ частныхъ собраніяхъ.

По напечатаніи этого романа на Симонову посыпались опять упреки въ томъ, что она развѣнчиваетъ простой народъ, которому съ легкой руки Златовратскаго, Засодимскаго и т. п. „народ-

никовъ“ приписывали исключительно хорошія черты; а между тѣмъ, у Симоновой выведена семья (какъ и въ „Спутникѣ“), гдѣ женѣ нѣтъ много спасенія отъ безнравственнаго мужа, кромѣ преступленія.

„Семейныя наблюденія“ г-жи Симоновой, какъ среди простонародья, такъ и въ культурныхъ классахъ, крайне безотрадны, и отвѣтственнымъ лицомъ за нихъ всегда является мужчина. Шеллеръ часто говорилъ мнѣ о ней:

— Она точно мститъ мужчинамъ. Страшной ненавистью къ нимъ дышать ея произведенія по семейному вопросу, но всѣ они очень правдивы.

Эта правота однако шла въ разрѣзъ съ общепринятымъ направленіемъ женскаго и рабочаго вопроса въ лучшей части русской литературы. Всѣ понимали, что г-жа Симонова стоитъ за аболіціонизмъ женщины, но многіе не мирились съ ея безпристрастіемъ и обличеніемъ недостатковъ и самой женщины, и еще болѣе ея друзей и покровителей.

Никто не считалъ Симонову и по рабочему вопросу проповѣдницей отжившихъ началъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, г-жа Симонова прекрасно знала одичалую среду какъ крестьянъ, такъ и фабричныхъ. Это безпристрастіе къ народу оттолкнуло отъ нея идеалистовъ-народниковъ, всегда вліятельныхъ въ русской литературѣ.

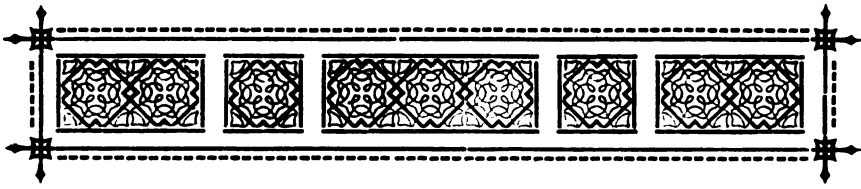
Такимъ образомъ, присоединяясь къ популярнымъ идеаламъ русской литературы, г-жа Симонова въ то же время постоянно обнаруживала противорѣчіе русской жизни съ идеаломъ интеллигенціи.

Это не могло не отразиться и на судьбѣ писательницы. Она никогда не была въ фаворѣ у русской авторитетной критики, и имя ея весьма рѣдко упоминалось. Между тѣмъ она несомнѣнно имѣетъ свою определенную фізіономію бытописательницы и чрезвычайно выгодно выдѣляется среди безцвѣтныхъ беллетристокъ, безсильныхъ выбраться изъ психологическихъ сферъ къ изученію русской жизни и ея соціальной борьбы.

А. И. Фаресовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Австрія и Россія послѣ Крымской войны¹⁾.

(Окончаніе).

III.

Предпринятыя австрійскимъ министромъ графомъ Рехбергомъ переговоры съ иностранными правительствами о пересмотрѣ Парижскаго договора не удаются.

Неудавшееся до итальянской войны сближеніе съ Россіей побудило императора Франца-Иосифа искать его послѣ войны съ Наполеономъ. Первымъ предвѣстникомъ этого сближенія былъ Александръ Гессенскій, братъ государыни Маріи Александровны, которому Францъ-Иосифъ сказалъ²⁾: „мое положеніе за границей отвратительно, внутреннія дѣла затруднительны. Я возлагаю всю надежду на поддержку Россіи. Я вамъ даю полную свободу (*je vous donne carte blanche*)“. На вопросъ князя Горчакова, въ чемъ заключались первыя строчки его полномочія, принцъ гессенскій сознался, что онъ болѣе ничего не можетъ сказать, надѣясь точнѣе объясниться по возвращеніи князя Меттерниха (австрійскаго посла при Тюильрійскомъ дворѣ) въ Парижъ. Независимо отъ порученія, даннаго принцу Гессенскому, императоръ Францъ-Иосифъ отправилъ въ Варшаву привѣтствовать Александра II, во время его пребыванія въ этомъ городѣ, своего дядю эрцгерцога Альбрехта³⁾, съ которымъ прибылъ гофратъ баронъ Вернеръ для особыхъ переговоровъ съ княземъ Горчаковымъ отъ лица графа Рехберга, состоявшаго министромъ президентомъ на мѣсто графа Буоля⁴⁾. Въ это время (въ началѣ октября) собрались въ Варшаву русскіе дипломатическіе представители при

¹⁾ См. „Русская Старина“, апрѣль 1907 г.

²⁾ 1859. Paris. Expéd., lettre très secrète 6 septembre.

³⁾ Vienne. 1859. Récept., tél. 26 septembre.

⁴⁾ Vienne. 1859. Récept., tél. 22/10 août.

главнѣйшихъ иностранныхъ дворахъ бароны Брунновъ и Будбергъ, графъ Киселевъ и Балабинъ, вызванные для совмѣстнаго обсужденія политическаго положенія. „Австрія, писалъ князь Горчаковъ ¹⁾, вамъ сдѣлала въ Варшавѣ предложенія свойства самаго чувствительнаго для вѣнскаго кабинета (*des ouvertures de la nature la plus délicate pour le cabinet de Vienne*), исполненіе коихъ было бы очень выгодно Россіи. Опытъ прошедшаго не позволяетъ намъ увлекаться особыми надеждами, почему мы предоставимъ Австріи озаботиться приведеніемъ въ исполненіе этихъ мыслей, которыя она намъ выразила. Если дѣйствія будутъ соотвѣтствовать словамъ, вѣнскій кабинетъ пріобрѣтетъ выгоду отъ нравственной силы, которую принесетъ ей мнѣніе въ Европѣ о сближеніи съ Россіей, безъ того, чтобы мы чѣмъ-либо пожертвовали или что-либо уступили. Задача нашихъ представителей будетъ заключаться въ томъ, чтобы слѣдить, въ мѣстахъ ихъ пребыванія, за дѣйствіями, которыя Австрія обязалась предпринять, и доносить, не предпринимая лично какихъ-либо шаговъ, о всѣхъ отбѣнкахъ, которые они бы примѣтили“. Къ этому времени относится отвѣтъ князя Горчакова на письмо князя Павла Эстергази, бывшаго австрійскаго посланника въ С.-Петербургѣ, отъ 8/20 октября, предлагавшаго ему свои услуги для сближенія обѣихъ имперій. Русскій вице-канцлеръ писалъ своему хорошему знакомому ²⁾, что Вернеръ сдѣлалъ прекрасный шагъ въ Варшавѣ, на который ему откровенно отвѣтили, и что дѣло сближенія въ рукахъ вѣнскаго кабинета. „Но, продолжалъ князь Горчаковъ, ничего не сдѣлано, если исполненіе не будетъ соотвѣтствовать откровенности предложеній или если оно будетъ неполнымъ. Если Россія и Австрія останутся лишь при платоническихъ воздыханіяхъ, т. е. при фразахъ съ изъявленіемъ одного добраго желанія другъ другу, ваши выгоды не получаютъ никакого успѣха, а также и выгоды Европы, имъ присущія“.

Изъ слѣдующей депеши посланника Балабина мы узнаемъ, въ чемъ заключалось предложеніе Австріи ³⁾. Онъ пишетъ: „Графъ Рехбергъ мнѣ сообщаетъ, что согласно уговору, совершившемуся въ Варшавѣ, онъ предписалъ князю Меттерниху, австрійскому послу въ Парижѣ, начать переговоры съ французскимъ правительствомъ объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ статей Парижскаго договора, а именно касавшихся флота и исправленія границы, т. е. части Бессарабіи, отошедшей къ Молдавіи. Графъ Рехбергъ еще не получилъ отвѣта;

¹⁾ 1859. Doklades, 13 octobre.

²⁾ 1859. Autriche, Prince Paul Esterhazy. Exp., lettre 12 octobre.

³⁾ 1859. Vienne. Réc. № 1861. dép. 25 octobre (6 novembre) № 177.

коль скоро сообщеніе будетъ сдѣлано въ Парижѣ, таковое же получить Берлинскій кабинетъ, который уже о томъ предувѣдомленъ. Рехбергъ полагалъ, что ни въ Парижѣ, ни въ Берлинѣ не встрѣтятся препятствій, которыхъ надо ожидать только со стороны Лондонскаго кабинета“. Затѣмъ Балабинъ сообщаетъ въ той же депешѣ, что прусскій посланникъ баронъ Вертеръ былъ уже предупрежденъ графомъ Рехбергомъ о предполагавшихся переговорахъ по сему предмету съ Берлиномъ. Увѣдомляя князя Горчакова о завязанныхъ имъ сношеніяхъ съ Парижскимъ кабинетомъ, графъ Рехбергъ ¹⁾ пишетъ, что онъ не преминетъ обратиться въ Берлинъ съ такимъ же предложеніемъ о пересмотрѣ нѣкоторыхъ статей Парижскаго договора, и если будетъ полученъ благопріятный отвѣтъ изъ Франціи и Пруссіи, то будетъ поставлена первая вѣха, къ достиженію цѣли (*un premier jalon sera posé vers l'atteinte du but*), которая станетъ общою обоимъ императорскимъ дворамъ. Австрія, продолжаетъ Рехбергъ, дѣйствуя этимъ путемъ, несетъ большія и дѣйствительныя жертвы, но она не будетъ о нихъ сожалѣть, если она достигнетъ прекращенія неестественной и опасной политики въ пользу величайшихъ благъ общественнаго міра (*du monde social*). Рехбергъ заключаетъ письмо желаніемъ знать, въ какомъ направленіи С.-Петербургскій кабинетъ думаетъ разрѣшить на предстоящей конференціи вопросы, касающіеся австрійскихъ интересовъ. Князь Горчаковъ отвѣтилъ графу Рехбергу ²⁾, что онъ оцѣниваетъ по достоинству первый шагъ, сдѣланный Австріею, что, по его мнѣнію, жертва, которую она несетъ, заключается лишь въ признаніи ошибочнымъ и не оправдавшимся политическаго разсчета, сдѣланнаго въ прежнее время во вредъ нашимъ добрымъ отношеніямъ. Жертва была бы большою и дѣйствительною, если бы восстановление Россіи въ ея правахъ грозило порядку вещей на востокѣ, но въ самомъ дѣлѣ это не такъ. Россія не ищетъ никакого территориальнаго расширенія; въ ея прямыхъ выгодахъ—сохраненіе неприкосновенности Оттоманской имперіи, что касается того направленія, котораго императорскій кабинетъ думаетъ держаться на предстоящемъ конгрессѣ, въ вопросахъ, интересующихъ Австрію, то князь Горчаковъ просилъ графа Рехберга сообщить ему воззрѣніе вѣнскаго кабинета на эти вопросы.

Въ слѣдующемъ письмѣ графъ Рехбергъ ³⁾ увѣдомляетъ князя Горчакова о томъ, что французское правительство, не возражая

¹⁾ 1859. Autriche. C-te Rechberg. Récep.; lettre 31 octobre.

²⁾ 1859. Autriche. C-te Rechberg. Expéd.; lettre 6 novembre.

³⁾ 1859. Autriche. C-te Rechberg. Récept.; lettre 4 décembre.

противъ пересмотра нѣкоторыхъ статей Парижскаго договора, нарушавшихъ права Россіи, нашло несвоевременнымъ возбужденіе этого вопроса. Сообщая затѣмъ, что, по его свѣдѣніямъ, русскій посолъ въ Парижѣ графъ Киселевъ обсуждалъ тотъ же вопросъ съ графомъ Валуевскимъ, графъ Рехбергъ просилъ князя Горчакова снабдить его указаніемъ для того, чтобы не мѣшать другъ другу, въ переговорахъ съ иностранными правительствами по одному и тому же предмету. На этомъ письмѣ имѣется помѣта Государя: „Selon moi il vaudrait mieux laisser tomber la chose pour le moment“.

И дѣйствительно, по содержанію писемъ графа Рехберга, нельзя было ожидать благопріятныхъ послѣдствій отъ переговоровъ, затѣянныхъ австрійскимъ министромъ. Графъ Рехбергъ хотя съ формальной стороны исполнилъ обѣщанное, обратившись и въ Парижъ и въ Берлинъ, но дѣйствія его не были откровенны. Подъ видомъ желанія изгладить коварныя дѣйствія австрійскаго правительства во время крымской войны графъ Рехбергъ въ дѣйствительности имѣлъ въ виду выторговать въ пользу Австріи какое-либо вознагражденіе за ея хлопоты по пересмотру Парижскаго договора, что составляло, по выраженію графа Рехберга, большую и чувствительную жертву для Австріи.

Баронъ Брунновъ очень мѣтко выразился относительно предложенія, сдѣланнаго барономъ Вернеромъ въ Варшавѣ: „Quand j'ai vu Werner, пишетъ онъ ¹⁾, mettre tant d'empressement à entrer dans nos vues, je me suis dit: voilà une chose, qu'ils sont sûrs de ne pas tenir. Ils se montrent prêts à se désister des stipulations du traité de Paris, bien persuadés comme ils le sont que l'Angleterre n'y renoncera point. En résumé ils conserveront le traité tel quel, tout en se donnant l'air de vouloir le défaire“. (Когда я увидалъ, какъ заботливо баронъ Вернеръ входитъ въ наши предложенія, я себѣ сказалъ: вотъ этого они увѣрены никогда не исполнить. Они, кажется, готовились отказаться отъ постановленій Парижскаго договора, будучи убѣжденными въ томъ, что Англія никогда отъ нихъ не откажется. Въ концѣ концовъ они оставляютъ договоръ въ прежнемъ видѣ, но будутъ притворяться, что желали бы его разрушить).

Русскій посланникъ въ Берлинѣ, баронъ Будбергъ высказалъ еще рѣшительнѣе свое мнѣніе о неудачѣ переговоровъ, возбужденныхъ Австріею. Онъ сказалъ ²⁾: „Il me semble que le C-te Rechberg ait eu un grand intérêt à relever à nos yeux la valeur de sa démarche et à amoindrir l'empressement de l'accueil qu'elle peut avoir

¹⁾ 1859. Londres. III. Réc., lettre 22 novembre (4 décembre).

²⁾ 1859. Berlin. Réc. № 2164, dép. 30 novembre (12 décembre) № 144.

trouvé à Paris et surtout à Berlin. Dans les conjonctures politiques actuelles le rôle de l'Autriche en Europe n'est guère de nature à assurer de prime abord des auspices particulièrement favorables aux propositions qu'elle est dans le cas de faire aux autres puissances. Elle est trop entourée de suspicion, on la croit trop à la recherche d'expédients politiques pour que les ouvertures dont elle se constitue le promoteur n'éveillent la méfiance". (Мнѣ кажется, что графъ Рехбергъ очень заинтересованъ въ томъ, чтобы придать въ нашихъ глазахъ большое значеніе предпринятому имъ шагу и умалить готовность, съ которой встрѣтили его въ Парижѣ, а преимущественно въ Берлинѣ. При стеченіи настоящихъ политическихъ обстоятельствъ, роль Австріи въ Европѣ не такова, чтобы державы относились особенно благосклонно къ предложеніямъ, которыя она бы сдѣлала. Она слишкомъ подвержена подозрѣніямъ, слишкомъ увѣрена въ томъ, что она разыскиваетъ политическія средства къ тому, чтобы предложенія, починъ которыхъ ей принадлежитъ, не возбудили недовѣрія).

По мысли князя Горчакова, изложенной въ докладѣ 13 октября, предложенія Австріи должны были быть приведены въ исполненіе безъ всякаго вмѣшательства нашихъ дипломатическихъ представителей, которымъ было наказано слѣдить за ходомъ дѣла, доносить о всѣхъ оттѣнкахъ и только въ случаѣ запроса со стороны правительства, при которомъ они состояли, давать объясненія болѣе или менѣе обстоятельныя ¹⁾. Между тѣмъ, какъ видно изъ письма графа Рехберга князю Горчакову, а также изъ сообщеній посланника Балабина ²⁾, князь Меттернихъ, исполняя порученіе своего начальника, нашелъ графа Валуевскаго болѣе освѣдомленнымъ, нежели онъ ожидалъ, относительно тѣхъ предложеній, которыя должны были быть переданы французскому правительству отъ лица австрійскаго, и, что, по поводу сего, князь Меттернихъ высказалъ графу Рехбергу свое удивленіе. На письмѣ Балабина князю Горчакову, увѣдомлявшаго его объ этомъ свиданіи русскаго и австрійскаго представителей въ Парижѣ, князь Горчаковъ сдѣлалъ помѣтку. „Première conséquence de la fâcheuse initiative prise par le comte Kisselew et qui cependant avait été explicitement interdite dans l'expose que d'ordre de l'empereur j'avais lu dans la réunion de Varsovie" (первое послѣдствіе почина графа Киселева, о которомъ слѣдуетъ пожалѣть, но который однако былъ запрещенъ въ запискѣ, которую я, по приказанію государя, прочелъ въ собраніи, бывшемъ въ Вар-

¹⁾ 1859. Paris. Expéd.; lettre 26 novembre.

²⁾ 1859. Vienne. Réc.; lettre 8/15 novembre.

шавѣ), а государь замѣтилъ: „Je le regrette extrêmement et ne comprends pas Kisselew“. (Я тоже объ этомъ очень сожалѣю и не понимаю Киселева). Князь Горчаковъ въ виду сего не преминулъ указать графу Киселеву, что ему вовсе не подобало первому заговаривать съ графомъ Валевскимъ по вопросу о пересмотрѣ нѣкоторыхъ постановленій Парижскаго договора; этимъ князь Горчаковъ объяснялъ то, что графъ Валевскій не былъ откровененъ, такъ какъ когда Киселевъ затронулъ съ нимъ этотъ вопросъ, князь Меттернихъ еще не исполнилъ своего порученія, но все-таки надо сожалѣть, писалъ Горчаковъ Киселеву, что „вы приняли на себя починъ, такъ какъ въ Варшавѣ было условлено, что онъ принадлежалъ Австріи ¹⁾, но теперь, продолжалъ вице-канцлеръ, когда сдѣланъ первый шагъ, вы можете, если Валевскій подниметъ о томъ вопросъ въ Компіенѣ, ему передать, какъ все произошло въ Варшавѣ“.

Высказывая свое мнѣніе о депешѣ князю Меттерниху, заключающей инструкція о переговорахъ съ Парижскимъ кабинетомъ и сообщенной русскому правительству графомъ Сечени по приказанію графа Рехберга, князь Горчаковъ нашелъ, что выраженія депеши могли бы быть опредѣленнѣе, настойчивѣе и тверже ²⁾. Въ письмѣ отъ 7 ноября Балабину князь Горчаковъ писалъ, что этотъ вопросъ, касавшійся прямыхъ выгодъ и достоинства Россіи, возбужденъ совершенно добровольно Австріей, т. е. той изъ великихъ державъ, съ которой наши отношенія со времени Парижскаго мира отличались постоянной сдержанностью, и что пріемъ, котораго удостоится предложенія Австріи въ Парижѣ и Берлинѣ, будетъ служить пробнымъ камнемъ для опредѣленія искренности и степени дружескихъ расположеній, питаемыхъ къ намъ французскимъ и прусскимъ кабинетомъ.

Что же касается порученія, даннаго князю Меттерниху въ Парижѣ, то по свѣдѣніямъ графа Киселева австрійскій посланникъ ограничился обмѣномъ съ графомъ Валевскимъ нѣсколькихъ неясныхъ словъ безъ заключенія и связи. Самъ Валевскій усмотрѣлъ въ предложеніи Меттерниха одинъ общій неопредѣленный разговоръ, но не формальное заявленіе ³⁾. Князь Горчаковъ предполагалъ, что Меттернихъ или не понялъ данныхъ ему инструкцій или получилъ безъ нашего вѣдома предписаніе не придавать своему предложенію характера формальнаго шага. „Это мнѣ неизвѣстно, писалъ князь Гор-

¹⁾ 1859. Paris. Y. Exp. № 504; 9 novembre. Exd. № 506, lettre 11 novembre.

²⁾ 1859. Vienne. Exp.; lettres du 7 et 9 novembre.

³⁾ 1859. Vienne. Exp. № 615; dép. 24 novembre.

чаковъ Балабину ¹⁾, но во всякомъ случаѣ князь Меттернихъ не исполнилъ порученія въ томъ смыслѣ, въ какомъ графъ Рехбергъ намъ обѣщалъ, и не поставилъ первой вѣхи, съ которой долженъ былъ начаться новый путь сношеній между нашимъ и австрійскимъ кабинетами“. Балабинъ съ своей стороны выразилъ предположеніе, что Меттернихъ, будучи занятымъ проведеніемъ итальянскихъ дѣлъ, не настаивалъ передъ Валевскимъ въ немедленномъ разрѣшеніи вопроса о пересмотрѣ Парижскаго договора. Въ томъ же письмѣ ²⁾ Балабинъ сообщалъ, что, по свѣдѣніямъ графа Рехберга, Валевскій нашелъ несвоевременнымъ обсуждать переданное ему княземъ Меттернихомъ предложеніе, къ которому въ принципѣ Франція готова примкнуть. Какъ показалось Балабину, пріемъ, оказанный въ Парижѣ предложеніямъ графа Рехберга, его не удовлетворилъ. На этомъ мѣстѣ письма Балабина имѣется помѣта государя: „nous l'avons pressenti“. (Мы это предвидѣли). Наконецъ, самъ Меттернихъ объяснился съ Киселевымъ ³⁾. „Вы знаете, сказалъ онъ, переговоры, которые происходили въ Варшавѣ между княземъ Горчаковымъ и барономъ Вернеромъ о Парижскомъ договорѣ; князь Горчаковъ высказалъ желаніе, чтобы мы приняли на себя починъ въ его пересмотрѣ“. На этомъ я, пишетъ графъ Киселевъ, перебилъ Меттерниха, чтобы съ самаго начала вывести вопросъ на чистую воду. Я ему сказалъ, что всѣ объясненія клонились къ восстановленію добрыхъ отношеній между обоими кабинетами, что, такъ какъ вѣнскій дворъ первый ихъ прервалъ, ему надлежало первому найти средства доказать дѣйствительными фактами его готовность возвратиться къ лучшимъ отношеніямъ между обѣими имперіями. Князь Горчаковъ, въ Варшавѣ, при этомъ сказалъ: „имѣйте въ виду, что мы ни о чемъ не просимъ, но что мы были бы очень рады признать во всемъ доброе расположеніе Австріи къ намъ“. Князь Меттернихъ отвѣтилъ, что въ отчетѣ Вернера онъ дѣйствительно нашелъ эти оговорки, но что ему было поручено сдѣлать о семъ довѣрительное сообщеніе Тюильрійскому кабинету, дознавшись, предварительно, о томъ, какъ оно будетъ принято въ Парижѣ. „Строго подчинившись этимъ предначертаніямъ, продолжалъ австрійскій посолъ, я въ разговорѣ въ Компіенѣ съ графомъ Валевскимъ замолвилъ ему нѣсколько словъ о семъ порученіи. Изъ отвѣта его я заключилъ, что это дѣло ему уже было очень хорошо извѣстно, и что парижскій кабинетъ былъ очень

¹⁾ 1859. Vienne. Exp.; lettre 9 novembre.

²⁾ 1859. Vienne. Réception; lettre secrète 20 novembre (2 décembre).

³⁾ 1859. Paris, III, Réc. № 240; dep. secr. 22 novembre (4 décembre).

расположенъ его поддержать, когда наступятъ благоприятныя обстоятельства. Нѣтъ никакого сомнѣнія, сказалъ графъ Валевскій, что Англія будетъ этому сильно противиться и что необходимо выждать случая, который бы намъ обезпечилъ возможность успѣха. Усмотрѣвъ, прибавилъ князь Меттернихъ, что официальное сообщеніе, при такихъ обстоятельствахъ, не имѣло бы другихъ послѣдствій, я воздержался отъ него, и я донесъ о происшедшемъ своему правительству“. Въ заключеніе Меттернихъ высказалъ графу Киселеву свое расположеніе къ Россіи и намекнулъ, насколько было бы желательнымъ изъять изъ дальнѣйшихъ переговоровъ всякія оговорки, которыя онъ замѣтилъ въ нашихъ сношеніяхъ съ Вернеромъ, и повѣдать австрійскому кабинету наши сокровенныя мысли по этому поводу“. Такимъ образомъ, оканчивалъ графъ Киселевъ свою депешу, официальное сообщеніе не было сдѣлано австрійскимъ посломъ, и не безъ основанія вслѣдствіе предварительныхъ отвѣтовъ графа Валевскаго, которому были уже давно извѣстны мысли, положенныя въ основаніе варшавскихъ переговоровъ, и который, хотя и сочувствовалъ имъ, но отложилъ ихъ осуществленіе до болѣе благоприятнаго момента. На эту депешу графъ Киселевъ получилъ телеграфное сообщеніе отъ князя Горчакова ¹⁾, въ которомъ онъ благодарилъ посла за правдивое сообщеніе Меттерниху варшавскихъ событій и за установленіе того, что починъ переговоровъ былъ сдѣланъ Вернеромъ.

Что же касается переговоровъ по тому же вопросу, веденныхъ графомъ Рехбергомъ въ Берлинѣ, то вскорѣ послѣ варшавскаго свиданія онъ посвятилъ въ тайну прусскаго посланника въ Вѣнѣ барона Вертера ²⁾, но только по полученіи отвѣта князя Меттерниха объ исполненномъ порученіи графъ Рехбергъ обратился официально въ Берлинъ ³⁾ и высказалъ Балабину, на сколько надо быть осторожнымъ съ прусскимъ кабинетомъ въ виду его близости съ лондонскимъ, которому ни въ какомъ случаѣ нельзя было въ это время сообщать о предполагавшемся дѣлѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора съ Балабинымъ графъ Рехбергъ ему выразилъ ⁴⁾ свое неудовольствіе по поводу того приѣма, который былъ сдѣланъ въ Берлинѣ его предложенію. Прусскій кабинетъ сочувствовалъ принципу, но избѣгалъ дѣйствія подъ предлогомъ ожидавшагося сопротивленія со стороны Англіи. По сооб-

¹⁾ 1859. Paris. Exp. № 540, tél. 3 décembre.

²⁾ 1859. Vienne. Réc. № 1961, dép. 25 octobre (6 novembre) № 177. Berlin. Réc., lettre 30 octobre (11 novembre).

³⁾ 1859. Vienne. Réc., lettre 20 novembre (2 décembre).

⁴⁾ 1859. Vienne. Réc., tél. 26 novembre (8 décembre).

щеніи нашему посланнику въ Берлинѣ барону Будбергу этихъ свѣдѣній ¹⁾, послѣдній отвѣтилъ ²⁾, что прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ баронъ Шлейницъ ему передалъ разговоръ, который онъ имѣлъ съ австрійскимъ посланникомъ графомъ Хотekomъ. По словамъ послѣдняго, вѣнскій кабинетъ пришелъ къ убѣжденію, что существующая между великими державами натянутость отношеній частью происходитъ отъ того положенія, которое Россія принуждена была занять со времени заключенія Парижскаго договора. Это положеніе совершенно не соотвѣтствуетъ государству столь значительному, почему австрійское правительство, задавъ себѣ вопросъ, какими средствами можно было бы прекратить замѣченный недугъ, грозящій развиться, чѣмъ дольше онъ будетъ продолжаться, обмѣнялось въ Варшавѣ общими разсужденіями черезъ посредство барона Вернера, съ С.-Петербургскимъ кабинетомъ и убѣдилось въ томъ, что пересмотръ нѣкоторыхъ статей Парижскаго договора является существеннымъ условіемъ возстановленія Россіи въ то положеніе, которое она должна занимать для блага Европы. На запросъ графа Хотeka, какъ смотритъ прусскій кабинетъ на это заключеніе, Шлейницъ отвѣтилъ, что его правительство готово заранѣе примкнуть ко всякимъ предложеніямъ Австріи объ отмѣнѣ въ пользу Россіи порядка вещей, созданнаго противъ нея. Но такъ какъ участіе Пруссіи въ постановленіяхъ Парижскаго конгресса было второстепеннымъ, то она не считаетъ умѣстнымъ принять на себя починъ въ ихъ измѣненіи. При этомъ Шлейницъ замѣтилъ Хотeku, что надлежало первоначально удостовѣриться въ согласіи Англіи, которая предубѣждена противъ допущенія какихъ-либо перемѣнъ въ постановленіяхъ означеннаго договора. Свою депешу баронъ Будбергъ заключаетъ разсужденіемъ, что графъ Рехбергъ очень расположенъ преувеличивать значеніе своихъ хлопотъ и высказывать сомнѣніе относительно искренности приѣма австрійскихъ предложеній со стороны парижскаго, а въ особенности берлинскаго кабинета. При томъ же свиданіи съ барономъ Шлейницомъ, послѣдній передалъ барону Будбергу ³⁾ разговоръ, который имѣлъ прусскій посланникъ въ Лондонѣ графъ Бернсторфъ съ главнымъ секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ лордомъ Джономъ Росселемъ о томъ, насколько было бы желательно для общаго мира прекращеніе той политики преслѣдованія и недовѣрія, которую ведетъ Англія въ отношеніи Россіи. Лордъ Россель выска-

¹⁾ 1859. Berlin. Exp. № 525; tel. 27 novembre (9 décembre).

²⁾ 1859. Berlin, 11. Réc. № 2164; dép. 30 novembre (12 décembre) № 144.

³⁾ 1859. Berlin, 11. Réc. № 2165; dépêche 30 novembre (12 décembre) № 145.

заль желаніе сблизиться съ нами, но прибавилъ при этомъ отъ себя, что если Россія въ дѣйствительности имѣла бы въ виду отмѣну постановленій Парижскаго договора, то Англія рѣшилась бы воспротивиться этому всѣми средствами и не остановилась бы ни передъ какими жертвами; несмотря на то, что графу Бернсторфу не были извѣстны переговоры, которые Австрія намѣрена была предпринять по этому поводу, онъ старался убѣдить великобританскаго главнаго секретаря въ неосновательности его опасеній. Но лордъ Россель остался непоколебимымъ. Его возраженія были по этому вопросу настолько непреклонны, что нельзя было сомнѣваться въ его дѣйствительныхъ намѣреніяхъ. Почти одновременно писалъ баронъ Брунновъ изъ Лондона ¹⁾ по тому же вопросу, что Англія безъ сомнѣнія откажетъ въ своемъ согласіи на пересмотръ Парижскаго договора. Она даромъ никогда не дѣлаетъ уступокъ, никогда она не отречется отъ постановленій договора, достигнутыхъ ею послѣ столькихъ жертвъ. Министръ, который безъ крайней необходимости, безъ особаго вознагражденія согласился бы на такую сдѣлку, подписалъ бы свой собственный приговоръ. Пальмерстонъ не способенъ на такое самоубійство. Представляя эти соображенія, баронъ Брунновъ доказывалъ, что никто болѣе его не желалъ достиженія результата, къ которому стремился князь Горчаковъ, но онъ убѣждалъ его не спѣшить, такъ какъ вѣнскій кабинетъ рѣшился отказаться отъ нѣкоторыхъ постановленій договора 1856 года и склонить Парижскій и Берлинскій кабинеты къ тому же; если это удастся, то надо перехватить духъ (*faites une halte*). „Вы сами сказали мнѣ въ Варшавѣ, пишетъ баронъ Брунновъ: „*Je mettrai le désistement de l'Autriche dans mon portefeuille et je le garderai pour l'avenir*“. (Я положу отказъ Австріи въ свой портфель и сохранию его на будущее время). Если бы затѣмъ одновременно пришли въ Англію представленія Австріи, Пруссіи и Франціи о пересмотрѣ договора 1856 года, они бы остались безъ успѣха. Австріи Пальмерстонъ бы отвѣтилъ: Вы хотите разорвать Парижскій договоръ, такъ какъ вы желали бы улучшить свои отношенія къ Россіи, это меня вовсе не касается. Англія не можетъ отказаться отъ постановленій, заключенныхъ въ ея пользу; она не должна вредить своему положенію въ угоду вамъ. Пруссіи бы онъ сказалъ: постановленія, касающіяся Чернаго моря и Бессарабской границы, состоялись безъ вашего участія. Если вы отказываетесь отъ условій договора, определенныхъ помимо васъ, я ни во что не ставлю вашихъ недоумѣній. Съ одной Франціей Пальмерстонъ бы поцеремонился, но

¹⁾ 1859. Londres. 11. Réception; lettre 22 novembre (4 décembre).

и французскій министръ старался бы избѣгнуть ссоры съ Англіей“. Такими разсужденіями баронъ Брунновъ убѣждалъ князя Горчакова не торопиться, выждать болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. По мнѣнію барона Наполеонъ долженъ былъ имѣть серьезный поводъ шадить Англію. Ему будетъ пріятно доказать ей, что онъ не намѣренъ порвать Парижскій договоръ для того, чтобы намъ угодить. Даже если бы онъ заступился за насъ, то очень вяло, чтобы затѣмъ сказать: „à l'impossible nul n'est tenu (на нѣтъ и суда нѣтъ)“. Въ этомъ мѣстѣ письма на поляхъ стоитъ помѣта князя Горчакова: „Ici, je le crois dans le vrai (я думаю, что онъ говоритъ правду), государь же прибавилъ: „Et moi aussi (я я тоже)“.

Письмо барона Бруннова, полученное вице-канцлеромъ 3 декабря 1859 года, совпало съ сообщеніемъ графа Рехберга о неудачѣ его представленій въ Парижѣ, что, какъ мы видѣли выше, вызвало помѣту государя на письмѣ графа Рехберга: „d'après moi il vaut mieux laisser tomber la chose pour le moment“ (по-моему предпочтительнѣе оставить на время дѣло).

Для характеристики личности графа Рехберга и его взгляда на тѣ переговоры, которые онъ вызвался предпринять въ 1859 г. съ цѣлью сближенія Австріи съ Россіей, здѣсь уместно будетъ привести разсказъ, переданный нашему посланнику въ Вѣнѣ Новикову въ 1870 г. тогдашнимъ австро-венгерскимъ канцлеромъ графомъ Бейстомъ ¹⁾, который въ 1867 году также предложилъ съ тою же цѣлью возбудить вопросъ объ отмѣнѣ тѣхъ же постановленій Парижскаго договора и потерпѣлъ неудачу наравнѣ съ графомъ Рехбергомъ. Въ 1870 г. Императоръ Александръ II рѣшился порвать узы, ограничившія его верховныя права на Черномъ морѣ, о чемъ было разослано всѣмъ правительствамъ, подписавшимъ договоръ 1856 г., циркулярное сообщеніе. При обсужденіи его въ австрійскихъ делегаціяхъ въ палатѣ графу Бейсту пришлось выслушать порицанія за возбужденіе имъ въ 1867 г. вопроса о пересмотрѣ Парижскаго договора отъ многихъ членовъ делегацій, между прочимъ и отъ графа Рехберга. „il avait“, рассказывалъ графъ Бейстъ Новикову: „oublié complètement sa propre correspondance antérieure avec le prince Gortchacow. Je lui ai répondu que j'avais eu tort peut être d'adopter une pareille attitude, mais que je croyais me rappeler qu'un autre homme d'état dirigeant la politique extérieure de l'Autriche en 1859 et dont le nom m'échappait, m'en avait frayé la voie“. (Онъ совершенно забылъ свою переписку съ княземъ Горчаковымъ. Я ему отвѣтилъ, что я, можетъ быть, былъ не правъ,

¹⁾ 1870. Vienne II. Réc. № 2229; dép. 25 novembre-7 décembre № 77.

если занялъ такое положеніе, но что, насколько мнѣ помнится, другой государственный мужъ, управлявшій вѣдѣнною политикою Австріи въ 1859 г., имя котораго я забылъ, указалъ мнѣ этотъ путь).

Сближеніе Австріи съ Россіей на почвѣ отміны нѣкоторыхъ постановленій Парижскаго договора преслѣдовалось въ 1859 г. не однимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Рехбергомъ; съ тою же цѣлью эрцъ-герцогъ Альбрехтъ пріѣзжалъ въ Варшаву въ октябрѣ того же года для привѣтствованія императора Александра¹⁾; по тому же предмету принцъ Александръ Гессенскій, шуринъ государя, велъ съ нимъ переписку по приказанію императора Франца-Иосифа. Послѣдній благодарилъ за сердечный пріемъ своего дяди эрцгерцога Альбрехта²⁾ и выразилъ, что насколько онъ счастливъ укрѣпить миръ и согласіе между державами, въ знакъ чего онъ назначилъ цесаревича Николая Александровича шефомъ 61-го пѣхотнаго полка. Въ отвѣтъ на это письмо³⁾ императоръ Александръ II, благодаря Франца-Иосифа за это назначеніе, сообщилъ ему: *Mon beau frère le prince Alexandre de Hesse m'a écrit par ton ordre sur un sujet qui avait été touché dans mes conversations avec l'archiduc Albert, conversations qui n'étaient que des épanchements envers un ami et n'avaient nullement le caractère de récriminations de ma part*. (Мой шуринъ, принцъ Александръ Гессенскій, мнѣ написалъ, согласно твоему приказанію, по вопросу, который былъ затронутъ въ моихъ бесѣдахъ съ эрцгерцогомъ Альбертомъ, имѣвшихъ значеніе изліяній чувствъ по отношенію къ другу, но отнюдь не жалобъ съ моей стороны).

Князь Горчаковъ не довѣрялъ Австріи и предостерегалъ государя отъ ея козней. „*Me fondant,—писалъ онъ 14 февраля 1860 г.*“⁴⁾—*sur une expérience de 40 années, sur celle surtout qui résulte d'une participation, plus immédiate aux intérêts de la Russie, je vous dirai toujours, la main sur la conscience: défiez-vous, Sire, du cabinet de Vienne, quels que soient les hommes qui en représentent la pensée*. На этомъ докладѣ государь помѣтилъ: „*Quant à la défiance envers l'Autriche personne n'est plus payé que moi pour en avoir; ainsi ne pensez pas que je me laisse leurrer par qui que ce soit*“. (Основываясь на сорокалѣтнемъ опытѣ, въ особенности на опытѣ, получен-

¹⁾ 1859. Autriche. Empereur. Réception. Voyage № 3 Lettre de François-Joseph. 17 octobre.

²⁾ 1859. Autriche. Empereur. Réception № 2172, Lettre de François-Joseph 4 décembre.

³⁾ 1859. Autriche. Empereur. Expédition. Lettre autographe 1—13 décembre.

⁴⁾ 1860 г. Доклады.

номъ отъ непосредственнаго участія въ дѣлахъ, соприкосновенныхъ съ выгодами Россіи, я вамъ всегда скажу, положи руку на сердце: не довѣряйте, государь, вѣнскому кабинету, какіе бы то ни были люди, которые вдохновляются его мыслями).

IV.

Послѣ неудачной войны съ Пруссіей въ 1866 г. Австрія вновь возбуждаетъ вопросъ о пересмотрѣ Парижскаго договора; предложеніе австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ барона Бейста остается безъ успѣха.

Побѣды Пруссіи надъ Австріей подъ Садовой и Кенигсгрецомъ положили основаніе къ объединенію Германіи.

Извѣщая о нихъ своего племянника императора Александра II собственноручнымъ письмомъ ¹⁾, король Вильгельмъ поручилъ своему генералъ-адъютанту Мантейфелю передать государю Александру Николаевичу свои сокровенные взгляды на совершившіяся событія. „Онъ, писалъ король, въ состояніи вамъ нарисовать все положеніе. Онъ съ благодарностью выслушаетъ всѣ замѣчанія, которыя вы пожелаете ему сдѣлать. Вы ему сообщите откровенно, не существуютъ ли какіе-либо русскіе интересы, удовлетвореніе коихъ могло бы еще тѣснѣ стянуть узы, связывающія насъ цѣлое столѣтіе, въ теченіе котораго выгоды Россіи никогда не противорѣчили выгодамъ моей страны“. Въ отвѣтъ на это письмо государь писалъ ²⁾: „Графъ Мантейфель привезъ вашу сокровенную мысль. Онъ вамъ сообщить, какія думы она мнѣ внушила. Я всею душою васъ благодарю за это новое свидѣтельство вашего довѣрія. Я ему отозвался съ полною искренностью. Въ нашихъ частныхъ бесѣдахъ Мантейфель узналъ мою сокровенную мысль. Онъ вамъ ее передастъ съ точностью“.

Мысль, о которой упоминалось въ этихъ письмахъ, заключалась въ непреклонномъ намѣреніи императора освободиться отъ постановленій Парижскаго договора, несовмѣстныхъ съ достоинствомъ и безопасностью Россіи. Правильность этого вывода подтверждается тѣмъ, что, когда въ 1870 году государь обратился къ королю Вильгельму съ просьбой содѣйствовать ему въ исполненіи своихъ предначертаній въ этомъ направленіи, онъ сослался на свою бесѣду съ генераломъ Мантейфелемъ.

¹⁾ 1866. Prusse. (roi). Récep. Lettre. 8 août 1866.

²⁾ 1866. Prusse. (roi). Expéd. №№ 329 (b), 336 (b) lettres autographes 31 juillet/12 août, 12/24 août.

Завѣтною мыслию Александра II воспользовался назначенный 2-го ноября/21 октября 1866 года австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ саксонецъ баронъ Бейстъ ¹⁾, чтобы, возбудивъ вопросъ объ ея осуществленіи, способствовать сближенію Австріи съ Россіею. Баронъ Бейстъ объявилъ императорскому посланнику въ Вѣнѣ графу Штакельбергу ²⁾, что онъ намѣренъ положить новыя основанія политикѣ, относящейся къ восточнымъ христіанамъ, что онъ расположенъ благопріятствовать развитію между ними автономіи и самоуправленія и желаетъ согласиться съ Россіей по этому вопросу. На это заявленіе барона Бейста князь Горчаковъ просилъ нашего посланника ³⁾ передать ему свои поздравленія по поводу его намѣренія ввести въ австрійскую политику по отношенію къ востоку новыя начала болѣе либеральныя и возвышенныя. Депеша заключалась увѣреніемъ въ нашемъ полномъ сочувствіи къ благимъ намѣреніямъ австрійскаго министра и выраженіемъ нашего ожиданія того, что онѣ осуществятся въ дѣйствительности.

Начало осуществленія новой эры, провозглашенной барономъ Бейстомъ въ австрійской политикѣ, выразилось въ депешѣ его отъ 1 января 1867 года на имя австрійскаго посла въ Парижѣ князя Меттерниха. Въ ней выражалось мнѣніе, что осложненія на востокѣ могли бы быть разрѣшены мирнымъ путемъ посредствомъ удовлетворенія справедливыхъ требованій всѣхъ христіанскихъ племенъ, которыя успокоились бы, убѣдившись, что Европа ими занимается, и посредствомъ соглашенія всѣхъ великихъ державъ съ Россіей, которую надлежало бы удовлетворить путемъ пересмотра Парижскаго договора. Соглашеніе это было бы достигнуто въ конференціи, созванной въ Вѣнѣ.

Сообщая въ этой депешѣ, которую князь Меттернихъ долженъ былъ передать парижскому кабинету, графъ Штакельбергъ писалъ ⁴⁾, что въ ней Бейстъ очень горячо настаивалъ на пересмотрѣ ограничительныхъ постановленій 1856 года, такъ какъ восточный вопросъ могъ бы быть разрѣшенъ только съ согласія Россіи, но Россіи вполне удовлетворенной.

По словамъ графа Штакельберга, французскій посолъ въ Вѣнѣ герцогъ Грамонъ былъ настолько удивленъ депешей Бейста, что приписывалъ ее заговору, состоявшемуся между Штакельбергомъ и австрійскими министрами. Еще большее недоумѣніе произвела она на князя Горчакова, который поспѣшилъ телеграфировать къ Шта-

¹⁾ 1866. Vienne. III. Réc. № 2033, dép. 23 octobre/4 novembre № 134.

²⁾ 1866. Vienne. III. Réc. № 2132, dép. 16/28 novembre.

³⁾ 1866. Vienne. III. Expéd. № 402; dépêche chiffrée 22 novembre.

⁴⁾ 1866. Vienne. III. Réc.; lettre 26 décembre/7 janvier.

кельбергу ¹⁾: Il y a excès de zèle de Beust, dont résultent commérages à Paris. Son initiative est prise pour la nôtre. Il faudra observer plus de réserve à son égard». (Отъ слишкомъ большого рвенія со стороны Бейста происходятъ сплетни въ Парижѣ. Его починъ тамъ считаютъ нашимъ. Необходимо соблюдать болѣе сдержанности по отношенію къ нему).

Въ Парижѣ министръ иностранныхъ дѣлъ маркизъ Мутье при передачѣ ему австрійскихъ предложеній, вскочилъ до потолка отъ удивленія, по словамъ самого Бейста. Раздѣляя опасенія Австріи въ случаѣ невмѣшательства Европы во внутреннія смуты Оттоманской имперіи, Мутье находилъ, что баронъ Бейстъ зашелъ слишкомъ далеко въ своей депешѣ князю Меттерниху, которая ему казалась внушенной Россією. Мутье не одобрялъ предложенія конференціи для обсужденія восточнаго вопроса въ полномъ объемѣ и хотя Франція и расположена была къ отміну нѣкоторыхъ постановленій Парижскаго договора, но она не могла примкнуть къ конференціи, созванной съ открытою цѣлью пересмотра договора, служившаго обезпеченіемъ существованія Оттоманской имперіи.

Въ бесѣдѣ съ графомъ Штакельбергомъ баронъ Бейстъ высказалъ ему свое сожалѣніе по поводу того, что его предложенія не были приняты въ Парижѣ, такъ какъ онъ считалъ необходимымъ удовлетворить Россію. Штакельбергъ его упрекнулъ за починъ, принятый имъ относительно пересмотра Парижскаго договора, этотъ починъ послужилъ только къ возбужденію недовѣрія Франціи. „Мы не нуждаемся ни въ чемъ заступничествѣ для защиты нашего дѣла“, поясняя графъ Штакельбергъ барону Бейсту, занятое нами положеніе достаточно доказываетъ, что мы не намѣрены торговаться изъ нашего участія въ европейскомъ соглашеніи, къ тому же ограниченія, наложенныя на насъ недовѣріемъ, сами собою исчезнутъ безъ всякаго нашего вмѣшательства ²⁾. Герцогу Грамону Штакельбергъ сказалъ, что мы никакого порученія Бейсту не давали, что Бейстъ дѣйствовалъ по своему внутреннему внушенію, вѣроятно изъ желанія угодить вице-канцлеру князю Горчакову.

Изъ переписки послѣдняго съ императорскимъ посломъ въ Парижѣ барономъ Будбергомъ видно, что вице-канцлеръ не считалъ готовность Франціи содѣйствовать прекращенію смуты между христіанскимъ населеніемъ Оттоманской имперіи путемъ настояній на

¹⁾ 1866. Vienne. III. Exp. № 431, tél. 29 décembre.

²⁾ 1867 Vienne, I, Réa. № 45, dépêche 6/18 janvier № 2. Réc. № 46, dépêche 6/18 janvier № 3.

Порту,—особою заслугою въ интересахъ Россіи“. „Соглашеніе съ нами, писалъ князь Горчаковъ барону Будбергу ¹⁾, съ цѣлю предупредить возстаніе на востокѣ, не есть заслуга въ пользу одной Россіи, оно соотвѣтствовало бы столько же выгодѣ Франціи и даже всей Европы. Въ планѣ умиротворенія христіанскаго населенія Турціи, предположенномъ Парижскимъ кабинетомъ, нѣтъ никакихъ указаній на что-либо, затрогивающее прямые интересы Россіи. Мутье ни слова не упоминаетъ о нихъ, напр., объ отмѣнѣ постановленій договора 1856 г. противныхъ нашему достоинству. При осуществленіи этого плана выиграли бы общіе интересы Европы, такъ какъ сохраненіе мира было бы достигнуто“. Почему князь Горчаковъ не усматривалъ никакихъ выгодъ для Россіи въ томъ, чтобы обѣщанное содѣйствіе Франціи къ умиротворенію востока было положено въ основаніе болѣе тѣснаго союза съ нею. Въ отвѣтъ на эту депешу баронъ Будбергъ разъяснилъ ²⁾, что французскій кабинетъ признавалъ свое содѣйствіе намъ въ Константинополѣ за услугу, оказанную намъ, считая, что востокъ былъ всегда излюбленнымъ полемъ русскаго вліянія и русскихъ симпатій. Если маркизь Мутье, желая угодить Россіи новымъ направленіемъ французской политики въ Константинополѣ, не замолвилъ никакого обѣщанія относительно отмѣны нѣкоторыхъ постановленій Парижскаго договора, то, онъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Наполеонъ III, не рѣшались пожертвовать, безъ соотвѣтственнаго вознагражденія, однимъ изъ результатовъ кровопролитной войны, на что Англія никогда бы не согласилась. Кромѣ того французскій кабинетъ не имѣлъ яснаго представленія, какое значеніе русское правительство приписывало отмѣнѣ этихъ постановленій. Съ одной стороны изъ того, что Россія только-что сократила число своихъ судовъ на Черномъ морѣ, можно было предполагать, что она рѣшилась посвятить свои средства на развитіе своихъ внутреннихъ силъ, съ другой стороны, въ виду ея все увеличивавшагося могущества, вытекало соображеніе, что незначительныя ограниченія, наложенныя договоромъ, потерявшимъ уже свою силу, сами собою исчезнутъ, коль скоро они покажутся слишкомъ стѣснительными. При этихъ условіяхъ французскому правительству могло бы представляться плохимъ разсчетомъ хлопотать по такому дѣлу, благоприятный исходъ котораго былъ бы встрѣченъ вполнѣ равнодушно Россіею. Опытъ же достаточно насъ научилъ, что французское правительство поровить всегда преувеличивать свои малѣйшія услуги, но не умалять ихъ.

¹⁾ 1867. Paris. III. Exp. № 47, dép. 16 février.

²⁾ 1867. I. Réc. № 432, dép. 24 février-8 mars № 27.

Такимъ образомъ готовность австро-венгерскаго министра барона Бейста возбудить вопросъ о пересмотрѣ Парижскаго договора, выражавшаяся только въ словахъ и въ фразахъ, встрѣтила холодный пріемъ въ Парижѣ. Изъ депешъ императорскаго посла въ Лондонѣ барона Бруннова видно, что онъ затронулъ этотъ вопросъ въ своей бесѣдѣ съ англійскимъ министромъ лордомъ Росселемъ по поводу измѣнившагося положенія дунайскихъ княжествъ 1). Хотя лордъ Россель призналъ, что эта переменна, противная постановленіямъ Парижскаго договора, могла бы имѣть своимъ послѣдствіемъ пересмотръ Парижскаго договора, вслѣдствіе чего Россія пріобрѣла бы право на полученіе уступленной границы и на извѣстное территоріальное расширеніе въ Молдавіи, но на отмѣну ограниченій, которымъ подвергся нашъ флотъ по договору 1856 г., Англія никогда бы не согласилась. Баронъ Брунновъ писалъ 2): „L'Angleterre à moins d'être vaincue par le sort des armes ne consentirait pas volontairement à se désister d'un gage de sûreté obtenu au prix des plus grands sacrifices. Aucun cabinet ne serait assez fort pour nous faire une pareille concession, s'il n'était pas à même de la justifier aux yeux du pays par une compensation équivalente“.

(Англія, развѣ только она была бы побѣждена, добровольно не согласилась бы отказаться отъ залога, обезпечивающаго безопасность и добытаго столь дорогою цѣною. Ни одинъ кабинетъ не отважится сдѣлать намъ такую уступку, если бы онъ не былъ въ состояніи оправдать ее въ глазахъ страны равномѣрнымъ вознагражденіемъ).

Вспоминая объ обстоятельствахъ заключенія Парижскаго договора, баронъ Брунновъ излагаетъ далѣе въ своемъ письмѣ, что въ то время закрытіе проливовъ было для насъ необходимо въ виду неоконченнаго еще тогда усмиренія Кавказскаго побережья. Въ 1866 г. закрытіе проливовъ потеряло для насъ свое значеніе. „Я скажу болѣе, говоритъ Брунновъ, со времени договора 1856 г. Черное море осталось ни открытымъ, ни закрытымъ, въ виду того, что каждая держава пріобрѣла права содержать по два военныхъ судна у устья Дуная. Это приводитъ меня къ заключенію, что Россія ничего бы не потеряла отмѣною начала закрытія проливовъ, въ мирное время; очевидно, что это начало въ военное время не имѣло для насъ никакого значенія, такъ какъ Порты вольна была всегда отворять проливы для пропуска эскадръ западныхъ державъ, если она признавала ихъ присутствіе необходимымъ для своей за-

1) 1866. Londres. II. Réc. № 3206, dép. 30 avril/12 mai № 91.

2) 1866. Londres. II, Réc. lettre 30 avril/12 mai.

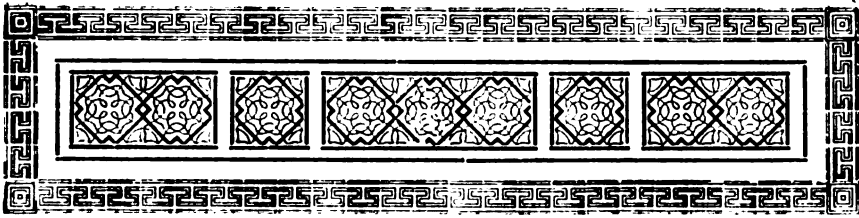
щиты. Наконецъ наши моряки всегда считали закрытіе проливовъ большимъ неудобствомъ для насъ, такъ какъ оно препятствовало пропуску нашихъ судовъ въ Средиземное море“. Это письмо баронъ Брунновъ заключаетъ словами: „*Toutes ces considérations ont besoin d'être mûrement examinées avant d'arriver à une conclusion pratique sur les propositions à émettre lorsqu'on en viendrait à la révision du traité de Paris*“.

(Всѣ эти соображенія подлежатъ зрѣлому обсужденію прежде чѣмъ будетъ выражено практическое заключеніе о предложеніяхъ, которыя можно будетъ представить, приступая къ пересмотру Парижскаго договора).

И такъ, отмѣны ограничительныхъ постановленій договора 1856 года Россія не получила изъ рукъ Австріи, въ виду чего она рѣшилась самостоятельно отъ нихъ освободиться путемъ односторонняго заявленія державамъ, наложеннаго въ циркулярной депешѣ канцлера отъ 19/31 октября 1870 года.

С. Горяиновъ.

Учебныя воспоминакія ¹⁾.

Нѣкоторые изъ студентовъ очень интересовались также технологіей, наукой еще больше, чѣмъ химія, съ ея труднозапоминаемыми названіями, представляющею интересъ для пытливаго юнаго ума, стремящагося знать, что изъ чего, какъ и для чего дѣлается.

Преподавалъ технологію симпатичнѣйшій профессоръ Модестъ Яковлевичъ Киттары, стараясь при томъ привлекать студентовъ для практическихъ занятій въ свою скудную лабораторію. И дѣйствительно—нѣкоторые занимались, но едва-ли съ тѣмъ успѣхомъ, какъ повѣствовалося въ университетскихъ отчетахъ. Для поощренія занимающихся М. Я. печаталъ сообщенія о ихъ работахъ въ редактировавшихся имъ запискахъ Казанскаго Общества сельскаго хозяйства.

Хотя эти „технологи“, пожалуй, чаще мѣшали работамъ самаго профессора (какъ это было и съ любителями химіи у Бутлерова), чѣмъ достигали какихъ-либо практическихъ цѣлей (если не считать таковыми—стараніе заручиться расположеніемъ профессора), тѣмъ не менѣе между ними оказывались даже изобрѣтатели. Такъ напр., въ „Запискахъ“—профессоръ сообщалъ, между прочимъ, объ изобрѣтеніи нашимъ товарищемъ В. В. Эннатскимъ какой-то „салорѣзки“ для нуждъ свѣчнаго и мыльнаго производствъ ²⁾.

Киттары былъ очень знающій профессоръ; по лекціямъ его видно было, что онъ въ своемъ предметѣ какъ рыба въ водѣ; много

¹⁾ См. „Русскую Старину“ сентябрь 1908 г.

²⁾ Этотъ Вас. Вас. Эннатскій, считавшійся у насъ не особенно способнымъ, до нѣкоторой степени чудачкомъ, надо думать—отецъ того чудака г. Эннатскаго, который въ 70-хъ или 80-хъ г.г. путешествовалъ—изъ Саратова или Самары «на тройкѣ» въ Парижъ.

интересовался онъ мѣстной казанской промышленностью; посѣщалъ мѣстные заводы и, конечно, не безъ противодѣйствія ихъ владѣльцевъ, давая указанія для улучшенія производства, остававшіяся, вѣроятно, гласомъ вопіющаго въ пустынь ¹⁾.

Обстановка для практическихъ занятій студентовъ химіей и технологіей была весьма скудная. Поэтому нѣкоторой проницательностью кажутся хвалебные отзывы университетскихъ отчетовъ объ особенныхъ успѣхахъ и усердіи гг. камералистовъ. Не отрицая усердія, нельзя было однако не признать, что арена для его примѣненія была очень неудобная. Однако напр. въ отчетѣ за 1855—56 г. сообщалось, въ доказательство, что камералисты очень усердно занимаются теоріей и практикой, что „несмотря на краткій срокъ существованія камеральнаго отдѣленія (учр. въ 1844 г.) оно произвело уже двухъ магистровъ технологіи (Фирстова и Чугунова) и приступило къ экзамену третьяго (Степанова), при чемъ особенно отмѣчалось, что ученыя изслѣдованія „сихъ молодыхъ дѣятелей, равно и курсовыя сочиненія студентовъ, касаются исключительно мѣстныхъ техническихъ производствъ“. Этимъ составитель отчета хотѣлъ, конечно, отмѣнить пользу камеральнаго отдѣленія для Приволжскаго края. Далѣе пояснялось, что „студенты опытно знакомятся съ мѣстными производствами, раскрывая ихъ недостатки и указывая на возможные улучшенія,“... что „Казанское Экономическое Общество и учебная земледѣльческая ферма М-ва государственныхъ имуществъ постоянно предлагаютъ свое содѣйствіе“... что общество это, заботясь, чтобы камералисты приобрѣтали практическій навыкъ къ занятію сельскимъ хозяйствомъ, приглашало своихъ членовъ брать камералистовъ на лѣтнюю рабочую пору въ свои имѣнія и печатало ихъ письменныя попытки въ своихъ запискахъ... что „такую же готовность споспѣшествовать практическимъ трудамъ студентовъ оказывала и учебная ферма“. Впрочемъ ни мнѣ, ни, сколько помню, моимъ товарищамъ приглашеній поучиться сельскому хозяйству „въ лѣтнюю рабочую пору“ дѣлаемо не было. Хорошо помню только, что со сдачею экзаменовъ всѣ стремились какъ можно скорѣе уѣзжать домой. А кто имѣлъ касательство къ сельскому хозяйству, баричи-помѣщичьи дѣти (особенно любившіе камеральное

¹⁾ Не безъ грусти рассказывалъ онъ намъ, напримѣръ, что на его совѣтъ ввести нѣкоторое улучшеніе въ свѣчносальномъ производствѣ, вслѣдствіе котораго свѣчи стали бы яснѣе и дольше горѣть — заводчикъ отвѣчалъ ему: „что же намъ-то будетъ хорошаго? Чѣмъ скорѣе свѣчи сгораютъ, тѣмъ больше нашъ сбытъ“. Не мало интересныхъ замѣчаній сообщалъ онъ въ своей актовой рѣчи 1857 г. о нашей промышленности. («Очеркъ современнаго положенія и нужды русской мануфактурной промышленности»).

отдѣленіе за его „легкость“, никакъ не за интересныя науки), то они, забравшись въ свои деревни, больше интересовались, конечно, лошадьми, собаками, да охотой за зайцами и прекрасными поселениями, чѣмъ сельскимъ хозяйствомъ.

Объ успѣшности занятій камералистовъ другой категоріей камеральныхъ наукъ свидѣній въ отчетахъ не имѣется; думаю — потому, что эти науки не имѣли такого энергичнаго заступника и пропагатора, какимъ былъ проф. Киттары для своей области и соприкосновенныхъ къ ней наукъ.

Правда, что онъ орудовалъ очень усердно, стараясь заинтересовывать своихъ слушателей общѣдованіемъ и изученіемъ мѣстныхъ отраслей заводской промышленности и печатаніемъ ихъ письменныхъ работъ и наблюденій въ редактируемыхъ имъ вышеупомянутыхъ „запискахъ“, но поддавались на это лишь немногіе, придерживаясь, должно быть, поговорки „лѣнь прежде насъ родилась“. Впрочемъ, можетъ быть, уже нѣсколько растративъ свою энергію, онъ вовсе не приглашалъ нашъ курсъ ни на осмотры заводовъ, ни на какія-либо изслѣдованія, а только показывалъ намъ нѣкоторые продукты и модели орудій производствъ въ технологическомъ кабинетѣ при своей аудиторіи (находившейся въ томъ же корридорѣ, гдѣ была аудиторія Пелля), да въ своей мизерной лабораторіи опыты нѣкоторыхъ простѣйшихъ производствъ. Лабораторія эта помѣщалась въ низенькомъ сараевидномъ зданіи, противъ зданія, отведеннаго подъ химію и физику... Какъ бы то ни было, все-таки химія и технологія больше интересовали камералистовъ, чѣмъ группа наукъ государственныхъ и юридическихъ. Но для практическихъ занятій тѣми двумя науками оказывалось, помимо неудобствъ помѣщеній, препятствіе еще въ томъ, что студенты должны были платить за матеріалы и порчу посуды, что бѣдныхъ совсѣмъ отпугивало, да и состоятельнымъ не очень было по душѣ, такъ какъ деньги, получаемыя изъ дому для этой цѣли, охотнѣе расходовались на что-нибудь хотя менѣе полезное, но болѣе пріятное ¹⁾.

По своему добродушію, участливому вниманію къ интересамъ молодежи, по желанію быть ей полезнымъ, Киттары былъ прямо идеальнымъ человѣкомъ ²⁾.

¹⁾ Читающая публика въ свое время съ большимъ интересомъ читала въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (1852—53 г.) прекрасное описаніе первой всемірной выставки, бывшей въ Лондонѣ въ 1851 г., подписанное Кттр.

²⁾ Въ студенческой пѣснѣ имѣется о немъ такой отзывъ:

Модесту Киттары
Общая любовь!

Изъ Казани Киттары перешелъ въ 1857 г. въ Московскій университетъ, потомъ былъ, кажется, директоромъ Московской Практической Коммерческой Академіи; а впослѣдствіи предсѣдителемъ ученаго комитета интендантскаго вѣдомства. Окончательно оставивъ профессуру въ 1879 г., онъ умеръ въ Петербургѣ, въ 1880 г.

Г. Скальковскій въ своихъ воспоминаніяхъ „по морю житейскому“ („Новое Время“ 12 іюля 1905, № 10.595) называетъ Киттары „ловкимъ и юркимъ человѣкомъ“. Такая характеристика, мнѣ кажется, обидна для памяти Модеста Яковлевича: онъ жилъ интересами русской промышленности, печаловался ея печалями, сокрушался о ея косности и—конечно могъ принести много пользы интендантству, если только мнѣнія и совѣты его были принимаемы въ уваженіе... Если же съ теченіемъ времени, убѣдившись, что у насъ идти напрямки невозможно, онъ сталъ приноравливаться къ людямъ и обстоятельствамъ для проведенія своихъ идей, то это были „юркость и ловкость“, вполне объяснимыя положеніемъ дѣлъ и потому извинительныя ¹⁾.

Дополнительными или побочными предметами были для камералистовъ, какъ выше сказано, гражданское и уголовное право и судопроизводство.

Гражданское право читалъ С. В. Пахманъ. Небольшая характеристика его преподаванія и его личности приведена мною выше. Прибавлю, что студенты очень любили его, не только какъ хорошаго профессора, но и какъ человѣка очень отзывчиваго. Къ обоимъ предметамъ этимъ однако наши камералисты относились, какъ и те-

¹⁾ Прибавлю еще, что косвенно я обязанъ ему моимъ выступленіемъ на литературное поприще: въ своихъ замѣткахъ о промышленной выставкѣ, бывшей въ Петербургѣ въ 1861 г., онъ, упомянувъ въ одной изъ газетъ, съ похвалою о журналѣ «Промышленность», издававшемся тогда Струбинскимъ, высказалъ сожалѣніе, что журналъ этотъ имѣетъ мало сотрудниковъ. Это навело меня на мысль предложить свои услуги редактору «Промышленности» Узловскому. Въ этомъ журналѣ и было напечатано въ 1862—63 г. нѣсколько моихъ статей—выдержекъ изъ иностранныхъ брошюръ и журналовъ, отчетъ о Лейпцигской ярмаркѣ 1863 г. (корреспонденція изъ Лейпцига), нѣкоторыя библиографическія замѣтки и переводъ книги Bastiat-Sophismes économiques.

перь относятся студенты къ предметамъ дополнительнымъ, т. е. спустя рукава; тройки-де вполне достаточно. Хотя экзаменовалъ онъ довольно серьезно; но единицами и двойками угощалъ неохотно, кажется, даже и юристовъ, у которыхъ гражданское право было, разумѣется, предметомъ главнымъ. А съ камералиста, если онъ могъ отвѣтить хотя по „Рождественскому“, чего же больше и спрашивать!

Прощаясь съ Семеномъ Викентьевичемъ весною 1857 года (онъ исправлялъ тогда должность инспектора, какъ выше сказано), я, конечно, не предчувствовалъ, что со временемъ встрѣчусь съ нимъ уже въ качествѣ коллеги-профессора въ С.-Петербургскомъ университетѣ, пригласившемъ его въ 1866 году занять кафедру гражданского права, послѣ того, какъ онъ съ 1859 г. занималъ въ Харьковскомъ университетѣ сперва кафедру полицейскаго права, потомъ гражданского. Въ Петербургѣ онъ 10 лѣтъ преподавалъ свой любимый предметъ, неся нѣсколько лѣтъ и обязанности декана; но вынужденъ былъ покинуть университетъ вслѣдствіе образовавшейся противъ него коалиціи въ Факультетѣ и Совѣтѣ. Опустимъ завѣсу на это прискорбное для университета и въ частности для его юридическаго факультета обстоятельство, лишившее факультетъ такой крупной научной силы. Обстоятельство это не помѣшало однако факультету въ скоромъ времени увѣнчать шеститысячной преміей въ память Сперанскаго его капитальный трудъ „Обычное гражданское право въ Россіи“ (1877—1879), преміей, великодушно пожертвованной г. Пахманомъ на учрежденіе стипендіи для студентовъ университета, не пожелавшаго сохранить его въ средѣ ¹⁾).

Съ уходомъ изъ университета С. В. однако не совсѣмъ покинулъ преподавательскую дѣятельность и состоитъ донинѣ, несмотря на свой преклонный возрастъ (81 г.) въ числѣ профессоровъ Училища Правовѣдѣнія, а званіе сенатора (съ 1882 г.) открыло ему обширное поприще для приложенія его глубокихъ познаній и искусства разбираться въ сложныхъ вопросахъ гражданского права.

Въ настоящее время С. В. Пахманъ единственный, остающійся въ живыхъ изъ числа профессоровъ-юристовъ, современныхъ моему штудированію въ Казанскомъ университетѣ (1853—57 гг.). Изъ прочихъ тогдашнихъ профессоровъ оставался въ живыхъ до 1907 г.

¹⁾ Утѣшеніемъ было ему избраніе его въ почетные члены университетами Новороссійскимъ, Казанскимъ, Харьковскимъ, Кіевскимъ и, наконецъ, уже и Петербургскимъ.

еще милѣйшій „котъ Мурлыка“, Николай Петровичъ Вагнеръ, сослуживецъ мой по Петербургскому университету съ 1871 г.; но слушателемъ его въ Казани я не былъ, такъ какъ началъ онъ читать камералистамъ на первомъ курсѣ, когда я былъ уже на второмъ.

Изъ скончавшихся уже современниковъ моихъ—профессоровъ Казанскаго университета сослуживцами моими въ Петербургскомъ были, сверхъ С. В. Пахмана, А. М. Бутлеровъ (съ 1868 г.) и восточники, перешедшіе въ Петербургъ еще въ 1855 г. въ преобразованный факультетъ восточныхъ языковъ. На юридическомъ факультетѣ я засталъ изъ бывшихъ казанскихъ профессоровъ И. Я. Горлова, А. И. Вицына и А. М. Чебышева-Дмитріева ¹⁾).

¹⁾ Отмѣчу кстати, что за профессору въ Казанскомъ университетѣ, пожалуй, больше, чѣмъ за преподавательство въ другихъ провинціальныхъ университетахъ, ученые наши, повидимому, берутся только за неимѣніемъ свободныхъ кафедръ въ столицахъ, т. е. смотреть на Казань и вообще провинцію, какъ на кратковременную станцію на пути въ Петербургъ или Москву, при чемъ больше стремятся въ нашу Невскую столицу.

Такъ напр., начиная съ конца 40-хъ годовъ перешли въ Петербургскій университетъ: И. Я. Горловъ (1847 г.), Н. М. Влговѣщенскій (1852 г.), Л. И. Мейеръ (1855 г.), Ф. В. Овсянниковъ (1862), А. П. Чебышевъ-Дмитріевъ (1864 г.), С. В. Пахманъ (1866 г. перейдя сначала въ Харьковъ 1859), А. М. Бутлеровъ (1868 г.), В. И. Модестовъ (1878 уже изъ Кіева), Н. П. Вагнеръ (1871 г.), П. Ф. Лесгафтъ (1878 г. въ Военно-Медицинскую Академію, 1886 г. въ университетъ), А. С. Догель (1889 г.), А. О. Ковалевскій (1891 г. послѣ перехода изъ Казани въ Одессу 1870 г.; а оттуда 1890 г. академикомъ въ Академію наукъ), И. А. Водуанъ-де-Куртенэ (1900 г.), Э. Д. Гриммъ (1901 г.), Д. В. Айналовъ (1903 г.). И только, кажется, одинъ профессоръ А. М. Фортунатовъ перешелъ изъ Петербургскаго университета въ Казанскій (1891 г.).

Нѣкоторые только перешли въ Военно-Медицинскую академію: Н. Н. Зининъ (1848 г.), К. Θ. Славянскій (1877 г.), В. В. Пашутинъ (1879 г.), В. М. Вехтеревъ (1893 г.), а Н. Н. Феноменовъ перешелъ въ Женскій Медицинскій Институтъ (1899 г.).

Были набраны Совѣтомъ Казанскаго университета, но не пожелаши отправиться или по независимымъ причинамъ не поѣхали въ Казань: Н. И. Костомаровъ, А. В. Лохвицкій, А. Н. Пыпинъ, А. В. Совѣтовъ, В. Д. Спасовичъ. По окончаніи службы въ Казани перешли въ нашъ университетъ приватъ-доцентами: И. М. Гвоздевъ, вскорѣ умершій (1896 г.), и Н. А. Кремлевъ (1891 г.).

Профессора-восточники перешли въ Петербургъ обязательно съ переводомъ сюда разряда восточной словесности въ 1855 г.: Н. Н. Березинъ, В. П. Васильевъ, М. Т. Навроцкій, А. В. Поповъ (въ 1853 г. перешедшій въ Петербургъ въ М-во Гос. Имуществъ, съ 1885 г. профессоръ Петербургскаго университета), Н. Д. Сонинъ. А. Мирза Каземъ-Бекъ перешелъ въ Петербургскій университетъ еще въ 1849 г.

Желающимъ ознакомиться съ дѣятельностью и біографіями профессо-

Второй побочный предметъ, уголовное право и полицейскіе законы читалъ профессоръ Густавъ Львовичъ Фогель.

Это былъ добрый старикъ (или по крайней мѣрѣ казавшійся старикомъ, хотя въ мое время ему было лѣтъ 50 только), сынъ Казанскаго же профессора (фармаціи), оригинальный типъ нѣмецкаго профессора. По-русски выражался онъ не особенно удачно; даже изученіе Русской Правды, о которой имъ написана особая монографія, не помогло ему усвоить себѣ вполнѣ русскую рѣчь. Лекціи онъ читалъ какъ-то нараспѣвъ; добросовѣстно старался быть понятнымъ читателямъ, которые впрочемъ больше обращали вниманія на неправильность его выраженій или неудачно приводимые примѣры, чѣмъ на самый предметъ преподаванія, больше издѣвались надъ нимъ, чѣмъ поучались. Одну изъ лекцій онъ ежегодно начиналъ фразою: „съ тѣхъ поръ какъ Астрея оставила землю, люди потеряли другъ къ другу довѣренность“... Фраза эта была, кажется, вступленіемъ къ ученію о письменномъ доказательствѣхъ или т. п. Кто-то выцарапалъ ее крупными буквами на словъ черной краски, покрывавшей желѣзную доску парты, и каждое новое поколѣніе студентовъ уже заранѣе знало, такимъ образомъ, что въ свое время услышатъ эту фразу изъ устъ профессора ¹⁾).

Какъ къ предмету для камералистовъ второстепенному, они относились къ уголовному праву еще равнодушнѣе, чѣмъ къ гражданскому, лишь бы о чемъ-нибудь поговорить на экзаменѣ, благо Фогель былъ не требователенъ, да повидимому и не очень схватывалъ быструю болтовню. Да и право-то уголовное состояло тогда не столько въ изученіи какихъ-нибудь тамъ теорій преступности, условнаго осужденія или права наказанія и т. п. премудростей, такъ усердно разрабатываемыхъ нынѣшними криминалистами, сколько въ томъ, какое количество ударовъ розгами или плетьюми слѣдуетъ всыпать виновному за то или другое преступное дѣяніе и на сколько лѣтъ сослать въ каторгу или на поселеніе, съ клейменіемъ или безъ онаго и т. д.... Развивалъ, правда, Фогель передъ

ровъ Казанскаго университета рекомендую прекрасный трудъ проф. Заго-скина: «За сто лѣтъ. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Казанскаго университета». Казань. 1904.

¹⁾ Желѣзныя доски на партахъ были вѣроятно придуманы начальствомъ для устраненія обычной порчи деревянныхъ досокъ партъ рѣзбю перочиннымъ ножомъ. Студенческая практика показала, что воспронравляетъ надписи и изображенія на словъ черной краски даже удобнѣе, чѣмъ вырѣзывать ихъ на деревѣ.

нами идею суда присяжныхъ, указывалъ на хорошія стороны выясненія виновности этимъ способомъ, но слова его объ этомъ были только *pium desiderium*: о судебной реформѣ рѣчи еще не было; о ней позволялось, да и то едва-ли очень, только мечтать исподтишка. Фогель оставался на кафедрѣ до 1859 года, когда его смѣнилъ сперва Н. А. Кремлевъ, а потомъ А. П. Чебышевъ-Дмитріевъ ¹⁾).

Вотъ и весь кругъ наукъ, предлагавшихся камералистамъ въ Казанскомъ университетѣ. Изъ представленнаго мною ихъ обзора читатель видитъ, что камералисты не очень были обременены количествомъ предметовъ; при разнообразіи же этихъ послѣднихъ вниманіе учащихся менѣе утомлялось, чѣмъ утомляется науками однороднаго характера. Послѣ лекціи о какихъ-нибудь „законахъ“ очень пріятно было освѣжить мозгъ лекціей химіи, технологіи, ботаники, даже сельскаго хозяйства,—предметовъ, напоминавшихъ намъ о существованіи внѣшней природы, съ ея „законами“ и явленіями, конечно, болѣе интересными, чѣмъ законы и явленія юридическаго міра. И это—несмотря на то, что и главные юридическіе предметы камеральнаго разряда—государственное право, финансовое, полицейское — больше были способны привлекать вниманіе, чѣмъ чисто-юридическіе съ ихъ сухой догматикой... И, право, чувствовали мы себя очень хорошо въ этомъ смѣшеніи наукъ, казавшемся страннымъ со стороны, хотя существуетъ же оно въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. *Varietas delectat*, говорятъ латинская поговорка; не поэтому ли и казалось молодежи камеральное отдѣленіе очень легкимъ?

Однако это впечатлѣніе легкости, собственно говоря, существовало только для тѣхъ изъ студентовъ, которые имѣли цѣлью не изученіе предлагаемыхъ наукъ, а только—какъ-нибудь проскользнуть черезъ университетъ для полученія „правъ“. Но кто желалъ дѣйствительно заниматься и усваивать себѣ науку, тому дѣла было

¹⁾ У Фогеля былъ сынъ студентъ, не то озорникъ, не то не выполнѣ нормальный человѣкъ, впрочемъ добрый малый. Ходило не мало разсказовъ о его похожденияхъ; разсказывали, между прочимъ, что, влюбившись въ губернаторшу, Анну Давыдовну Баратынскую (женщину уже не первой молодости, но все еще красавицу, къ которой относится извѣстный мадригалъ Пушкина «Когда-то, помню съ умиленіемъ, я смѣлъ васъ нанячить съ восхищеніемъ, Вы разцвѣли» и т. д.), онъ какъ-то проникъ въ губернаторскій дворецъ и оказался въ спальнѣ губернаторши, подъ ея кроватью. Студентомъ онъ былъ что-то очень долго, благодаря ходатайствамъ отца и все-таки курса, кажется, такъ и не кончилъ. Впослѣдствіи я видалъ его въ Петербургѣ, приказчикомъ въ книжномъ магазинѣ извѣстнаго Маврикія Вольфа.

вдоволь: сколько труда и времени долженъ былъ употребить добросовѣстный студентъ, напримѣръ, для проштудированія огромнаго курса финансоваго права, таковаго же полицейскаго, или курса химіи съ массою ея дикихъ многоэтажныхъ терминовъ, или—технологіи—требующей основательнаго знакомства съ химіей и тоже достаточнаго вниманія, при сколько-нибудь серьезномъ отношеніи... Надъ всѣмъ же этимъ царилъ, въ качествѣ объединительницы, глубоко-интересная наука, столь увлекательная для молодежи.—Политическая Экономія, хотя и читавшаяся намъ „по утвержденной программѣ“, но доступная для желающихъ и вѣдъ предѣловъ этой программы, благо профессоръ Бабстъ не скупился на указанія и рекомендацію литературы и охотно дѣлился съ слушателями своими знаніями и помимо лекціонныхъ часовъ, снабжая и книгами изъ своей бібліотеки.

Касаясь общей характеристики занятій студентовъ нашего времени, т. е. 50 лѣтъ тому назадъ, едва-ли я ошибусь, если скажу, что большинство, какъ впрочемъ и теперь, больше имѣло въ виду полученіе „правъ“, даваемыхъ дипломами кандидата и дѣйствительнаго студента (коимъ нынѣ соотвѣтствуютъ дипломы 1-й и 2-й степени), чѣмъ дѣйствительное обогащеніе себя знаніями, въ предѣлахъ возможности предлагаемыми университетомъ. Словомъ—дипломъ, какъ былъ, такъ и останется главнымъ побужденіемъ, влекущимъ нашу молодежь въ университеты!

Мудрое правило „non scholae, sed vitae studendum est“ было и остается для большинства этой молодежи, увы, пустымъ звукомъ. Получены „права“, можно съ спокойной совѣстью забыть все, чему учились, какъ это стараются дѣлать иные гимназисты, спѣша сжечь свои учебники по сдачѣ выпускныхъ экзаменовъ.

Что касается до учебныхъ пособій и вообще обстановки занятій въ Казанскомъ университетѣ въ то время, то, какъ выше я замѣтилъ уже, она была далеко не блистательна. Библіотека была, правда, кажется, довольно богата книгами по тогдашнему состоянію наукъ; и профессора не отказывались дѣлиться со студентами своими книгами; но вѣдь средства ихъ, да и бібліотеки были куда какъ не обильны. Для практическихъ же занятій лабораторіи были тѣсны, не богаты обстановкой, кабинеты—тоже; инструментовъ и снарядоѡъ было мало; такъ что студентамъ въ опытныхъ наукахъ больше приходилось, пожалуй, производить практическія работы въ умѣ, т. е. прочитывая учебники и записки представлять себѣ, что и какъ должно совершаться, припоминая при томъ опыты, показанные профессорами. Но и учебниковъ было мало: выбирать

было почти не изъ чего; приходилось довольствоваться тѣмъ, что находили въ библіотекѣ, да у университетскаго книгопродавца Дубровина. По нѣкоторымъ предметамъ и вовсе не было учебниковъ на русскомъ языкѣ, достаточно подходившихъ къ содержанію и объему профессорскихъ курсовъ, построенныхъ большею частію подъ вліяніемъ европейской учености. Но, по слабому знанію иностранныхъ языковъ, эта европейская ученость была для большинства студентовъ книгой за семью печатями.

Такимъ образомъ, даже и лѣтямъ, *volens-nolens*, все-таки приходилось, по временамъ, посѣщать лекціи, чтобы хоть кое-какъ слѣдить за чтеніями профессоровъ и имѣть понятіе, о чемъ они могутъ спросить. Записывали лекціи, конечно, только студенты болѣе усердные; большая же часть довольствовалась записками предшественниковъ, когда-то кое-какъ составленными и не всегда проверенными профессорами. Когда наступало горячее время приготовленія къ экзаменамъ, записки эти, по частямъ, тетрадками (рѣдко было ихъ 2—3 полныхъ экземпляра на весь курсъ) передавались изъ рукъ въ руки или читались по кучкамъ студентовъ, гдѣ читали по очереди, другъ друга спрашивая и поправляя. Не знаю, насколько вообще полезенъ такой способъ приготовленія къ экзаменамъ; но въ наше время результаты этой совмѣстной работы были не особенно плодотворны, особенно, когда вниманіе слушающихъ подкрѣплялось, сверхъ чаю, еще выпивкой и закуской или хотя бы и чаемъ, но съ прибавкой рому или кизлярки и т. п. Впрочемъ, и безъ помощи этого допинга продолжительное слушаніе быстрого и не всегда внятнаго чтенія, конечно, наводило дремоту и сонъ. Я готовился обыкновенно съ товарищемъ, который великодушно бралъ на себя трудъ чтенія вслухъ, при чемъ я слушалъ лежа на кровати и, конечно, дремалъ и даже засыпалъ иногда, просыпаясь, когда онъ окликнетъ и потребуетъ повторить имъ прочитанное, что рѣдко оказывалось для меня возможнымъ. Надо замѣтить, что занятія эти происходили обыкновенно по ночамъ, ради полной тишины и отсутствія сторонней помѣхи. Кончивъ чтеніе, товарищъ, начиненный прочитаннымъ, ложился спать и засыпалъ сномъ невинности; а я принимался за чтеніе недослышаннаго или заспаннаго, читая, конечно, уже не вслухъ. Къ подкрѣпленію силъ и вниманія какимъ-либо „допингомъ“, ни даже чаемъ, мы не прибѣгали; это не препятствовало намъ, выспавшись въ остальные 2—3 часа ночи, придти на экзамены съ неотуманенной головой и свѣжею памятью.

При маломъ тогда количествѣ студентовъ пользованіе записками, (имѣвшимися по нѣк. предметамъ чуть-ли не въ одномъ единствен-

номъ полномъ экземпляръ) путемъ ихъ дѣленія на части, съ задачею изъ рукъ въ руки, было, конечно, незатруднительно, тѣмъ болѣе, что Казань городъ не очень большой и бѣгать товарищамъ другъ къ другу приходилось недалеко. Намъ, камералистовъ, было на курсѣ, кажется, около 15 человѣкъ, юристовъ едва-ли больше.

Я былъ усерднымъ записывателемъ лекцій тѣхъ предметовъ, для которыхъ не было печатныхъ руководствъ или по которымъ имѣвшіяся записки были неполны. Помогалъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ одинъ изъ товарищей и, такимъ образомъ, у насъ составились полные курсы полицейскаго и финансоваго права. Послѣдній, весьма подробный, остался, къ сожалѣнію, въ Казани на пользу позднѣйшихъ слушателей профессора Осокина. Курсъ органической химіи профессора Бутлерова былъ мною записанъ почти буквально съ его словъ, также какъ и курсъ статистики и ученія о кредитѣ профессора Бабста.

Такъ какъ мы, русскіе профессора лекцій своихъ не диктуемъ, подобно нѣкоторымъ изъ нѣмецкихъ профессоровъ, то записывающимъ наши лекціи приходится стараться схватывать „суть“ сообщаемого, опуская отступленія несущественныя и нѣк. подробности. У меня выработался навыкъ писать очень быстро, такъ что иногда я записывалъ лекціи почти дословно. Навыкъ этотъ пригодился мнѣ впослѣдствіи, когда я слушалъ лекціи въ нѣмецкихъ университетахъ: я успѣвалъ записывать интересовавшія меня лекціи прямо по-русски, не говоря уже о лекціяхъ тѣхъ профессоровъ, которые ихъ диктовали, какъ это, кажется, и доселѣ дѣлаютъ нѣкоторые изъ нѣмецкихъ профессоровъ.

И какъ же мы, казанцы, завидовали студентамъ столичныхъ университетовъ, издавна набалованнымъ существованіемъ литографированныхъ записокъ. Особенно зависть эта разгоралась, когда приходилось корпѣть надъ чтеніемъ отвратительно написанныхъ и прескверно составленныхъ записокъ. Тѣмъ не менѣе зависть эта была, пожалуй, и не совсѣмъ основательна: записывая и обрабатывая лекцію, особенно, если она предназначена на просмотръ профессора, студентъ относится внимательнѣе къ дѣлу, стараясь не ударить лицомъ въ грязь, попополняетъ пропуски, справляясь въ книгахъ по мѣрѣ возможности. Такимъ образомъ, кто поусердиѣе, тотъ незамѣтно усваиваетъ себѣ хотя общія черты предмета. Впрочемъ, въ Казани очень немногіе профессора брались просматривать студенческія записки; немного было между нами и настоящихъ studiosus'овъ litterarum, усердныхъ посѣтителей лекцій, считавшихъ предосудительнымъ не ходить на лекціи, не ради существовавшего

тогда принужденія, а въ сознаніи своего студенческаго долга. Другіе ходили „изъ-подъ палки“; ибо посѣщеніе лекцій было до того обязательно, что въ случаѣ нездоровья, не позволяющаго нѣсколько дней выходить изъ квартиры, требовалось посылать рапортъ инспектору; за дѣйствительностью этихъ болѣзненныхъ состояній инспекція, впрочемъ, неособенно наблюдала; однако за присутствіемъ на лекціяхъ слѣдили и дѣлали замѣчанія за пропуски. Впослѣдствіи обязательность посѣщенія лекцій, по крайней мѣрѣ въ нашемъ Петербургскомъ университетѣ, стала чисто-номинальною, благо въ правилахъ для студентовъ сказано, что оное обязательно, а мѣрѣ противъ нарушенія этого требованія никакихъ не указано. Опытъ же контроля посредствомъ наблюденія за полнотою вѣшалокъ привелъ только къ тому, что гг. студенты стали платить оброкъ, такъ называемому „шинельному“, чтобы онъ вѣшалъ на ихъ номера запасные экземпляры фуражекъ, свидѣтельствующіе ихъ нахожденіе въ стѣнахъ университета, тогда какъ они находятся, напр., у Доминика или въ другомъ подобномъ, гостепріимномъ убѣжищѣ.

Число лѣнливыхъ посѣтителей университета, а то вовсе почти незаглядывающихъ въ него, какъ убѣдился я въ теченіе моей долговременной службы университету, увеличивалось болѣе и болѣе съ размноженіемъ литографированныхъ курсовъ и по мѣрѣ того, какъ курсъ каждаго новаго профессора пріобрѣталъ извѣстную устойчивость. Имѣя въ рукахъ записки, большинство студентовъ считало слушаніе устной рѣчи преподавателя уже излишнимъ, хотя бы онъ сообщалъ и нѣчто новое, чего въ запискахъ нѣтъ; вѣдь на экзаменѣ можно какъ-нибудь обойтись и безъ этихъ дополненій. Съ появленіемъ же печатныхъ учебниковъ (за отсутствіе которыхъ такъ много упрековъ сыпалось съ разныхъ сторонъ на нашу ученую братію), студенты стали еще рѣже появляться въ аудиторіяхъ, болѣе и болѣе уподобляясь своему товарищу г. Ге-гидзе, автору книжки „Въ университетѣ“, „съ отвращеніемъ“ подходившему къ длинному зданію нашего Петербургскаго университета и предпочитавшему наукѣ амурныя дѣла, описанію которыхъ не мало горячихъ страницъ удѣляетъ онъ въ своей талантливо-написанной книжкѣ.

Чтобъ привлечь теперь студента въ аудиторію, нужно или выбирать для лекцій самыя забористыя темы, обладая при томъ хорошимъ лекторскимъ талантомъ, или въ самомъ себѣ, въ своемъ прошломъ или настоящемъ имѣть что-либо политическое—привлекательное. Но, къ сожалѣнію, не всѣ науки имѣютъ пикантныя стороны, не всякій профессоръ обладаетъ качествомъ хорошаго лек-

тора, прекраснымъ органомъ и даромъ увлекательнаго изложенія; да и не всякій рѣшится, на потѣху аудиторіи, улащать свою рѣчь хлесткими фразами или подольше останавливаться на сколькихъ сторонахъ своего предмета, если онѣ имѣются,—ради привлеченія слушателей. И немногіе, наконецъ, изъ профессоровъ окружены какимъ-нибудь ореоломъ, помимо своей учености, которая не очень-то цѣнится политиканствующею молодежью.

Возвращаясь къ вопросу объ учебникахъ, нельзя не отмѣтить, что изданіе ихъ имѣетъ, конечно, ту хорошую сторону, что ими, во-первыхъ, устранялась чепуха, нерѣдко царившая, какъ въ рукописныхъ, такъ и въ литографированныхъ запискахъ, кое-какъ составленныхъ и не всегда внимательно просмотрѣнныхъ, а то и вовсе не просмотрѣнныхъ профессорами; во-вторыхъ, прекратилась спекуляція издательства литографированныхъ курсовъ, дававшая хорошіе барыши издателямъ-студентамъ. Не знаю, какъ въ другихъ университетахъ, но въ Петербургскомъ, на юридическомъ факультетѣ въ 1870—80 хъ гг. одинъ издатель, бывшій студентъ,—упростилъ свою задачу до того, что просто нанималъ студента—стенографа, а то, кажется, и прямо сажалъ въ аудиторію профессиональнаго стенографа (благо съ 1863 г. форма студенческая была упразднена), который и стенографировалъ по своему крайнему разумѣнію, не различая существеннаго отъ маловажнаго, основоположеній науки отъ поясненій и отступленій, которыми профессоръ старается иногда привлечь вниманіе слушателей и отдалить ихъ утомленіе...

Литографировались лекціи, разумѣется, съ согласія профессоровъ и издавались въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ большею частью по подпискѣ. Но вотъ М-во Нар. Просвѣщенія для чего-то потребовало въ 70-хъ гг., помнится, чтобы онѣ продавались, подобно книгамъ, въ книжныхъ лавкахъ. Требованіе въ высокой степени стѣснительное: выпуская печатный курсъ, я беру на себя полную отвѣтственность за его содержаніе, за выдержанность его частей, за слогъ и т. д.; тогда какъ литографированный курсъ, особенно у преподавателя начинающаго, является далеко недостаточно обработаннымъ, недостаточно установившимся, несоразмѣрнымъ въ частяхъ, иногда и прямо съ недосмотрами, при поспѣшномъ просмотрѣ его для изданія—и вдругъ онъ долженъ сдать его книгопродавцу, чтобы любой литературный наѣздникъ—всезнайка имѣлъ бы возможность его обругать! Кого же вѣдь и разносятъ больше въ газетахъ, а особенно въ отдѣлахъ критики въ толстыхъ журналахъ, какъ не университетскихъ преподавателей. Кого, какъ не ихъ стараются уличить въ педантизмъ, бездарности, отсутствіи науч-

наго чутья, правильныхъ понятій о наукѣ, даже въ плагиатѣ?

Въ настоящее время къ услугамъ студентовъ, особенно по юридическому факультету, имѣется масса учебниковъ; удобства для изученія наукъ огромныя; да и зрѣніе меньше уже страдаетъ, чѣмъ при чтеніи рукописныхъ, литографированныхъ или гектографированныхъ курсовъ, не всегда разборчиво написанныхъ и ясно оттиснутыхъ... Казалось бы, только учись себѣ... А прибавилось ли этимъ знанія у студентовъ, любви къ наукѣ, идущей имъ навстрѣчу, не только съ кафедры въ формѣ живой бесѣды, но и въ видѣ книги? Многолѣтній опытъ не позволяетъ мнѣ отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Сколь это ни печально, но опытъ говоритъ, что изъ нѣсколькихъ сотенъ студентовъ на курсѣ дѣйствительно интересуются и занимаются наукой—единицы; а остальные только и работаютъ, что для экзаменовъ, передъ самой ихъ сдачей, для полученія всѣми правдами и неправдами дипломовъ. А затѣмъ поспѣшно начиненная разными науками голова быстро, такъ сказать, атрофируется и остаются въ ней только кое-какіе обрывки знаній, съ которыми удостоенные дипломовъ 1-й и 2-й степени и вступаютъ въ жизнь „обществу на пользу“, какъ гласитъ учебная молитва.

Итакъ, благодаря существованію учебниковъ, трудъ студента теперь облегченъ до послѣдней возможности и посѣщеніе лекцій стало считаться напрасной тратой времени. Ужъ какъ бы, казалось, стипендіаты должны бы относиться съ полнымъ усердіемъ къ наукамъ, хотя бы изъ опасенія лишиться стипендіи въ случаѣ неуспѣшности;—но и между ними появились личности, постоянно живущія гдѣ-нибудь на кондичіяхъ внѣ столицы и получающія свои стипендіи черезъ товарищей. Вообще стоятъ ли, думаютъ многіе изъ студентовъ, терять время на сидѣніе въ аудиторіяхъ, когда можно съ большимъ удовольствіемъ употребить его, напр., на игру въ винтъ или на билліардъ, или даже съ прямой пользой—на даваніе уроковъ, на подготовленіе къ университету подобныхъ себѣ господъ или и на другія занятія. Вѣдь есть учебники и—баста ¹⁾. Правда—

¹⁾ А вотъ отзывъ о значеніи учебниковъ даже для среднихъ учебныхъ заведеній,—такого опытнаго педагога, какимъ былъ Е. В. Вѣлявскій: „обыкновенно говорятъ, что учебникъ долженъ только напоминать ученику или служить краткимъ конспектомъ тому, что объяснялъ преподаватель. Но на дѣлѣ бываетъ такъ: если есть учебникъ, то ученики худо слушаютъ преподавателя и мало заботятся о томъ, понимаютъ ли они или нѣтъ то, что онъ говоритъ, разсчитывая, что они подзабрутъ объ этомъ по книжкѣ. Въ

экзаменъ даетъ провѣрку знаній; но при массѣ экзаменуемыхъ и самый внимательный экзаменаторъ, наконецъ, утомляется, и не въ силахъ уже основательно щупать познанія особенно къ концу, въ послѣдніе дни: къ этому-то времени не только трусливые, но и плохо подготовившіеся и оттягиваютъ всѣми неправдами свое появленіе. Тутъ пускаются въ ходъ и медицинскія свидѣтельства, и сообщенія о болѣе или менѣе достовѣрныхъ важныхъ событіяхъ въ семьѣ: о болѣзняхъ родителей, сестеръ и т. п.

Заявленія декановъ, что пропустившій свою группу считается не сдавшимъ экзамена, обыкновенно оказываются гласомъ вопіющаго въ пустынь. Слишкомъ уже велико у насъ стараніе не огорчать молодежь строгимъ соблюденіемъ правилъ. А эта снисходительность много способствуетъ ея распушенности,—къ ея же вреду въ будущемъ.

Можетъ быть, я грѣшу, ошибаюсь подъ вліяніемъ старческой привычки находить, что „въ наше время лучше было“; но, по совѣсти говоря, не помню случая, чтобы напр. кто-нибудь изъ моихъ товарищей вступалъ съ профессоромъ въ споръ о поставленномъ баллѣ или выпрашивалъ бы прибавки.

Давъ краткія характеристики профессоровъ, читавшихъ на нашемъ камеральномъ отдѣленіи, не могу распространяться о тѣхъ, которыхъ мнѣ вовсе не пришлось слушать. Скажу лишь съ чужихъ словъ о нѣкоторыхъ, оставившихъ по себѣ хорошую или худую память въ университетѣ своими странностями или своими профессорскими качествами.

Странно и жаль, что нѣкоторые изъ бывшихъ студентовъ Казанскаго университета описываемой мною эпохи 50—60 годовъ, въ напечатанныхъ ими воспоминаніяхъ припомнили больше только слабя и дурныя стороны тогдашней университетской жизни и про-

этомъ и причина того, что ученики учатся, учатся и не выносятъ изъ преподаванія ничего живого, ничего освѣжающаго и бодрящаго умственныхъ силы... Если нуженъ учебникъ, то развѣ только къ экзамену, когда предметъ дѣйствительно усвоенъ“... (Педагогическія воспоминанія 1861—1902. Спб. 1904).

Наши студенты, къ сожалѣнію, принимаютъ за учебники передъ самыми экзаменами, не постаравшись предварительно *усвоить* себѣ знакомство съ предметами посредствомъ посѣщенія лекцій.

фессоровъ, забывъ, что, какъ бы то ни было, университетъ и его преподаватели,—пусть даже плохи были нѣкоторые изъ нихъ—сдѣлали ихъ тѣмъ, что они есть. Плохи были осмѣиваемые ими профессора; но не могутъ же эти господа не сознать, что и эти слабые преподаватели небезучастны были въ ихъ развитіи, хотя бы даже отрицательными своими сторонами—порождая критику, а критика есть уже стимулъ къ познанію... Міръ и, въ частности, наша Русь не кишитъ геніями и талантами; а потому и нѣтъ возможности подбирать въ университеты штатъ исключительно изъ выдающихся ученыхъ. Если профессоръ и не блещетъ научными открытіями, массою печатныхъ работъ, даромъ слова, способностью увлекать слушателей,—но знаетъ свой предметъ, не отстаетъ отъ науки, добросовѣстно знакомитъ слушателей съ ея состояніемъ въ данное время, даже—просто даетъ имъ толчекъ въ самостоятельности; то неразумно съ ихъ стороны не довольствоваться тѣмъ, что имъ предлагается. Это можно сказать и о тѣхъ старыхъ казанскихъ профессорахъ, которые подвергались осмѣянію: они дѣлали свое дѣло по крайнему разумію, стараясь принести пользу молодежи и, въ извѣстной степени, ее все-таки приносили.

Ораторскій талантъ, умѣнье красиво и завлекательно излагать,—это уже дѣло второстепенное. Выдающіеся профессора, обладающіе всѣми качествами, требуемыми отъ первостепеннаго преподавателя—всѣ наперечетъ даже въ такомъ разсадникѣ учености и талантовъ, какъ Германія. Мастерски, на первый взглядъ, читають лекціи французскіе профессора; но у нихъ нерѣдко за пышными фразами и ораторскими приѣмами скрываются самыя обыденныя и скудныя мысли. Несравненно солиднѣе преподаваніе въ нѣмецкихъ университетахъ; но и здѣсь профессора, обладающіе всѣми требуемыми качествами, встрѣчаются не такъ чтобы уже сплошь и рядомъ. Но нѣмецкій студентъ, при множествѣ университетовъ, близости разстояній между ними и отсутствіи стѣснительныхъ формальностей, можетъ свободно кочевать изъ одного университета въ другой, чтобъ прослушать курсъ у той или другой знаменитости; но и тамъ дѣлають это, вѣроятно, не очень многіе. У насъ, при нашихъ порядкахъ и разстояніяхъ и при почти огульной бѣдности студенчества, эти перебѣжки были бы очень затруднительны; да если бы и не было затрудненій, то, по многолѣтнему моему опыту, скажу, едва-ли бы многіе отъ нашихъ студентовъ проявили такое рвеніе къ наукѣ, что поѣхали бы въ другой университетъ послушать какую-либо знаменитость,—потому уже, что большинство поступаетъ въ университеты не для науки, а для полученія правъ, даваемыхъ университетскимъ дипломомъ.

Если у насъ и есть „любители науки“, остающіеся въ университетахъ долѣе узаконныхъ (четырёхъ) лѣтъ, какъ это бываетъ въ нѣмецкихъ университетахъ, то остаются они не науки ради, а вслѣдствіе лѣности, приводящей къ неудачамъ на экзаменахъ и къ сидѣнію многіе годы.

О казанскихъ профессорахъ моего времени, не моего факультета, могу сказать лишь очень немногое.

Многимъ изъ читающей публики напримѣръ, вѣроятно извѣстна изъ отзывовъ бывшихъ казанцевъ личность профессора Римскаго, а потомъ международнаго права и дипломатіи—Камбека, достаточно осмѣянная въ разныхъ воспоминаніяхъ его учениковъ... Я на его лекціяхъ не бывалъ и потому не могу сказать по личному опыту, такъ ли плохо онъ читалъ, какъ о немъ шла молва. и такъ ли мало зналъ русскій языкъ. Слышалъ отъ товарищей юристовъ, что римское право онъ читалъ по курсу профессора Станиславскаго со всѣми сокращеніями рукописи, напр. краго вм. котораго и пр. По запискамъ Станиславскаго и отвѣчали ему на экзаменѣ ¹⁾).

¹⁾ Отъ старыхъ студентовъ привелось слышать, что еще оригинальнѣе былъ профессоръ Политической Экономіи и Дипломатики—Винтеръ, состоявшій профессоромъ въ 1834—47 годахъ. По-русски онъ вовсе не зналъ, а читалъ на ломаномъ французскомъ языкѣ, при чемъ одному изъ студентовъ поручать переводить его рѣчь товарищамъ на русскій языкъ. Первые его лекціи при началѣ курса обыкновенно настолько смѣшили слушателей, что для удержанія ихъ въ предѣлахъ приличія у аудиторіи Винтера дежурилъ инспекторъ съ помощникомъ. На репетиціяхъ, которыя онъ очень любилъ дѣлать, студенты болтали ему всякій вздоръ по-русски, при чемъ онъ только наблюдалъ, чтобы отвѣчающій не останавливался. Однажды студентъ Н. П. Смирновъ (недавно скончавшійся сенаторъ—пишу съ его словъ) съ товарищемъ приготовили для отвѣта на репетиціи—первый стихотвореніе: «стрекошущу кузнецу, во злакѣ сельномъ сушу» и т. д., а товарищъ—стихи изъ какой-то пьесы и отвѣтили очень бойко, безъ запинки. Винтеръ пришелъ въ восторгъ, сошелъ съ кафедръ и, ударивъ рукой по первой парті, сказалъ: „короши студентъ здѣсь“, давая знакъ имъ пересѣсть сюда. Запинавшимся при отвѣтахъ и нежелавшимъ молоть вздоръ онъ рѣшительно ставилъ нули. Подобныя же рассказы слышалъ я и отъ другого казанца тѣхъ временъ, А. Н. Лещева (впослѣдствіи долгое время бывшаго губернаторомъ Кълевской губерніи).

О профессорѣ греческой словесности Мистаки (1823—1839 г.) въ мое время рассказывали, какъ о большомъ чудака и очень скупомъ человѣкѣ; что, будто обзаведясь собственнымъ домикомъ, онъ, чтобы не расходоваться на содержаніе собаки, выходилъ по ночамъ на дворъ и лаялъ по-собачьи, чтобы пугать воровъ. Богатства однако онъ не нажилъ, такъ какъ унаслѣдованный послѣ него университетомъ, какъ выморочное имущество, капиталъ оказался всего въ 60 рублей.

Международное право Камбекъ читалъ, кажется, по-французски. Въ числѣ ходившихъ о немъ анекдотовъ не попалъ, кажется, въ печать рассказъ о томъ, какъ онъ, наткнувшись на фонарный столбъ, сказалъ ему „pardon, monsieur“ и продолжалъ путь. Надъ этимъ случаемъ (если онъ дѣйствительно былъ) смѣялись, но напрасно: будучи кривъ на одинъ глазъ, К. могъ и не разглядѣть, что передъ нимъ столбъ, а не человѣкъ.

Къ сожалѣнію, ничего не могу сказать о профессорѣ—совершенно противоположнаго типа—знаменитомъ Д. И. Мейерѣ. Знаю, что товарищи студенты юридическаго отдѣленія имъ восхищались; но побывать на его лекціяхъ мнѣ не привелось: во 1-хъ, потому, что инспекція довольно зорко наблюдала, чтобы ходили на свои лекціи, а во 2-хъ, было опасеніе, что Мейеръ, замѣтивъ на лекціи „чужака“, пожалуй, попросилъ бы къ выходу, какъ строгій законникъ. Подобное случилось разъ на лекціи даже такого благодушнаго профессора, какъ Бабстъ, который прямо предложилъ уйти студенту медику (Хронщевскому, бывшему, кажется, впоследствии профессоромъ въ Кіевѣ), случайно оставшемуся въ его аудиторіи.

Факультетъ историко-филологическій въ мое время могъ указать въ качествѣ выдающихся ученыхъ и профессоровъ въ особенности В. И. Григоровича, затѣмъ Н. А. Иванова; да, пожалуй, Н. Н. Булича, мнѣнія о которомъ у студентовъ были впрочемъ различныя. Изъ математиковъ славилась: П. И. Котельниковъ, А. Ѳ. Поповъ, М. В. Ковальскій (астрономъ), А. С. Савельевъ (физикъ). Между восточниками выдавались особенно И. Н. Березинъ и В. П. Васильевъ—вскорѣ переведенные въ Петербургъ вмѣстѣ съ восточными языками.

На медицинскомъ факультетѣ были извѣстны: Е. Ф. Аристовъ—своей оригинальной фигурой, глубокимъ знаніемъ своего предмета анатоміи и строгостью требованій на экзаменахъ;—профессоръ хирургіи А. Н. Бекетовъ былъ извѣстенъ не только какъ профессоръ и хирургъ-практикъ, но и какъ свѣтскій кавалеръ, къ которому не всѣ дамы казанскаго большого свѣта были равнодушны, по словамъ, конечно, кумушекъ;—далѣе Ф. О. Елачичъ—какъ хирургъ и врачъ-практикъ;—какъ профессора и практическіе врачи пользовались извѣстностью И. И. Зедершмедтъ, А. И. Козловъ, И. Г. Линдегрень.

Съ казанскимъ (вышимъ конечно) обществомъ профессора мало, кажется, имѣли соприкосновенія; только нѣкоторые были въ немъ приняты à bras ouverts—какъ А. Н. Бекетовъ, И. К. Бабстъ, М. Я. Киттары. Другіе, кажется, только изрѣдка и случайно попадали въ этотъ кругъ.

Большинство профессоровъ жило своею замкнутою жизнью, мало интересуясь и съ своей стороны мѣстнымъ обществомъ; а тѣ, которые были приняты въ немъ, вѣроятно, не особенно хорошо себя чувствовали. Чтобы вращаться профессору въ обществѣ, надо бы было имѣть болѣе широкія средства, чѣмъ скудное профессорское жалованье. Еще куда ни шло—человѣку холостому; но семейному—ходить въ гости, не имѣя средствъ принимать знакомыхъ у себя—какъ-то уже очень неловко. Такъ что не только по свойственной многимъ ученымъ нѣкоторой застѣнчивости и склонности быть больше съ самими собою или въ своемъ товарищескомъ кругу, но также и по ограниченности содержанія вести сколько-нибудь открытую жизнь не было никакой возможности.

Вотъ, напримѣръ, какіе крупные оклады получали профессора по уставу 1835 г.: ординарный профессоръ 1429 р. 60 к.+142 р. 95 к. квартирныхъ, и того 1572 р. 55 к.; экстраординарный 1000 р. 72 к.+114 р. 80 к. квартирныхъ=1115 р. 52 к.; адъюнктъ—714 р. 80 к.+85 р. 80 к. квартирныхъ=800 р. 60 к.; лекторъ 514 р. 60 к.+85 р. 80 к.=600 р. 40 к. ¹⁾. Все это—не считая еще 20% вычета на составленіе такъ называемаго (въ дѣйствительности однако не существующаго) пенсіоннаго капитала. На такіе капиталы не раскутишься; а если кого Богъ благословилъ порядочной семьей, такъ и ординарному приходилось подъ часъ трудненько жить, несмотря на всю дешевизну тогдашней казанской жизни. Конечно, въ провинціи еще кое-какъ можно было существовать и при этихъ мизерныхъ окладахъ. Но вѣдь, чтобъ достигнуть званія ординарнаго профессора, сопряженнаго съ наивысшимъ содержаніемъ, какое только было доступно ученому мужу, сколько надо было пройти мытарствъ! Предстояло сдать два экзамена—на магистра и на доктора изъ довольно значительнаго по уставу 1835 г. и правиламъ 1846 г. числа предметовъ; написать и защитить двѣ диссертации (при чемъ отъ магистерской требовалось „преимущественно историческое знаніе предмета“, а отъ докторской „преимущественно философское“);—затѣмъ быть избраннымъ въ факультетъ и въ совѣтъ, если при томъ имѣлась налицо вакантная ординатура; далѣе—быть по душѣ начальству, представляющему избраннаго на утвержденіе министра.

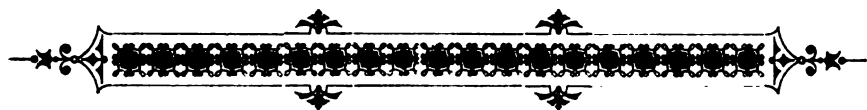
¹⁾ Странныя цифры этихъ окладовъ получились вслѣдствіе слишкомъ точнаго переложенія въ 1843 г. счета ассигнаціями на серебро. Такимъ образомъ 5000 р. ассигнаціями оказались равными 1429 р. 60 к. с., 500 р. асс.=142 р. 95 к. с. и т. д.

Жить въ столицахъ на такія средства, какія давала профессура, было, разумѣется, крайне трудно; просторъ для писательской и публицистической дѣятельности былъ очень невеликъ по ничтожному количеству органовъ періодической печати,—да при томъ, неровень часъ, легко было попасть въ подозрѣніе, оказаться неблагонадежнымъ, съ пріятной перспективой удаленія въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя. Неудивительно поэтому, что профессора въ столицахъ старались набирать по нѣсколько должностей, въ погоню за необходимыми средствами въ жизни. А хѣкоторые, не могшіе добиться такого совмѣстительства или и помимо его, брали къ себѣ пансіонерами студентовъ со средствами, разныхъ маменькиныхъ сынковъ, и старались, чѣмъ грѣха таить,—всеми силами доводить ихъ до благополучнаго окончанія курса. Въ Казани впрочемъ, въ мое время, не практиковалось, кажется, ни то, ни другое: совмѣстительство было невозможно или почти невозможно за отсутствіемъ подходящихъ должностей; а держаніе нахлѣбниковъ, сколько помнится, не было въ ходу. Да, пожалуй, и мало было юношей достаточно богатыхъ, чтобы соблазнять профессоровъ своимъ нахлѣбничествомъ.

В. Лебедевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Прошеніе въ стихахъ на имя Екатерины II.

Въ хранящемся въ Императорской Публичной библіотекѣ рукописномъ сборникѣ подъ названіемъ: „Разныя Сочиненія. Начаты 1793 г.“, въ числѣ разныхъ одъ, писемъ, эпиграммъ, которыя четкой скорописью записывалъ какой-то старинный любитель, находится и курьезное прошеніе въ стихахъ, съ которымъ обратился къ Екатеринѣ II поручикъ В. Анненковъ. Первые четыре стиха прошенія цитированы въ „Отчетѣ Имп. Публичн. библіотеки за 1900 и 1901 г.г.“, СПб., 1905 г., стр. 171.

Всепресвѣтлѣйшая Монархія
и Всемиловитѣйшая Государыня!

Мать моя ужъ предварила
И письмомъ тебя просила
Нашу участь облегчить,
Долгъ отцовскій заплатить.
Ея просьбу повторяю,
Подъ покровъ твой прибѣгаю.
Будь намъ матерью несчастныхъ
И намъ бѣднымъ помоги,
Чтобъ въ страданіяхъ ужасныхъ
Не вели мы свои дни.
Безпредѣльну твою благость
Здѣсь надъ нами покажи
И, на нашу сжалась младость,
Свою милость ниспошли.
Мы остались сиротами,
Мы лишились отца;
Кредиторы съ векселями
Разоряютъ до конца.

Мать мою я зрю вдовицей
 Съ тремя малыми дѣтьми
 И четвертою сестрицей;
 Еще жъ служимъ тебѣ три.
 Мы имѣніе имѣемъ—
 Сорокъ только душъ;
 Долгу тѣмъ не одолѣемъ,
 Есть закладные къ тому жъ
 И просрочены два года,
 Но по нихъ въ закладѣ много.
 Заплатить не знаемъ чѣмъ,
 Разоряемся совсѣмъ,
 Въ бездну бѣдности впадаемъ,
 Хлѣбъ насущный ужъ теряемъ.
 Удрученные судьбой
 Припадаемъ предъ тобой.

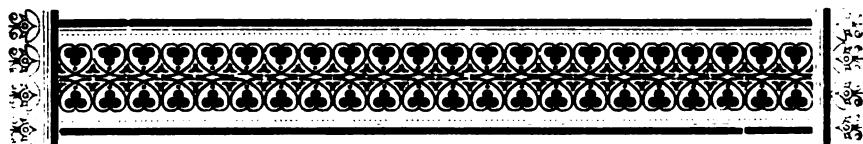
Будь ты намъ премилосердна,
 Всеблагая Россовъ мать.
 Просимъ мы тебя усердно
 Насъ упавшихъ поддержать.
 Повели взять въ Банкъ заемный
 Все имѣніе отъ насъ
 И двѣнадцать тысячъ долгу
 Повели отдать за насъ,
 А съ имѣнія доходы
 На уплату обратить,
 Чтобъ въ различные мы годы
 Долгъ могли весь заплатить.

Призри щедротой твоею
 На страданія сіи
 И на нашу семью слезну
 О! Монархія, воззри.

Всемилостивѣйшая Государыня,
 Всеподданнѣйшій слуга
 Порутчикъ Василій Анненковъ.

Сообщ. Н. Л.

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей 1806—1812 гг. ¹⁾

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Многіе изъ генераловъ не могли простить ему такого быстрого возвышенія, прежде совершенно неизвѣстнаго въ Россіи, гдѣ производство въ чины совершалось только по табели ²⁾ о рангахъ. Фамилія графа Каменскаго не была особенно древней и знаменитой; она произошла отъ польскихъ выходцевъ. Дѣдъ гр. Каменскаго былъ правителемъ всѣхъ имѣній князя Меншикова; отецъ его былъ сдѣланъ графомъ и фельдмаршаломъ Павломъ I, въ одинъ изъ моментовъ вспышки пристрастія и великодушія. Командующимъ арміей Каменскаго назначилъ военный министръ Барклай, который былъ съ нимъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ и высоко цѣнилъ его.

Объ его братѣ, графѣ Сергѣѣ Каменскомъ, я уже говорилъ въ запискахъ 1806 года; оба они были сыновья фельдмаршала, о которомъ я упоминалъ ранѣе, въ моихъ описаніяхъ русской арміи.

Прибывъ въ Яссы, графъ Каменскій принялъ генераловъ и бояръ очень холодно, не отличивъ отъ другихъ и князя Долгорукова, чего впрочемъ тотъ вполне заслужилъ; болѣе любезно онъ отнесся ко мнѣ. Два дня онъ запирался со мной въ кабинетѣ и я сообщалъ ему нужныя свѣдѣнія какъ о странѣ и арміи, такъ и о характерѣ войны, котораго онъ совершенно не зналъ.

¹⁾ См. „Русск. Стар.“, сентябрь 1908 г.

²⁾ Повышеніе по табели о рангахъ можетъ быть причиною многихъ несоразбразностей, но тѣмъ не менѣе я считаю ихъ менѣе неправильными, чѣмъ эти произвольныя повышенія, въ которыхъ интрига, случай, расположение, выгодное впечатлѣніе и прислуживаніе—часто имѣютъ большее значеніе, нежели дѣйствительныя заслуги. Мы слишкомъ много видѣли подобныхъ примѣровъ въ царствованіе Александра I.

Его первыя распоряженія въ Яссахъ не были одобрены, и армія начинала быть недовольна имъ; изъ уваженія къ своему предшественнику, князю Багратіону, онъ долженъ бы былъ объявить о принятіи командованія арміей только по прїѣздѣ въ Бухарестъ, а онъ поспѣшилъ объявить объ этомъ еще въ Яссахъ, при чемъ самъ написалъ приказъ и такимъ тономъ, который совершенно не соотвѣтствовалъ обстоятельствамъ: онъ слишкомъ много говорилъ о себѣ, о своихъ успѣхахъ въ Финляндіи и скорѣе угрожалъ своей арміи, нежели общалъ ей свое расположеніе и снисходительность.

Этотъ первый приказъ новаго главнокомандующаго былъ полнѣйшимъ контрастомъ съ прощальнымъ приказомъ князя Багратіона, который самолично продиктовалъ его Безаку, владѣвшему хорошо перомъ и сумѣвшему передать всѣ мысли своего начальника. Прощальный приказъ кн. Багратіона былъ однимъ изъ самыхъ трогательныхъ и хорошо написанныхъ статей, которыя я когда-нибудь читалъ въ Россіи, и имѣлъ настолько успѣха, насколько приказъ графа Каменскаго возбудилъ неудовольствіе. Графъ Каменскій самъ распредѣлялъ войска и объявилъ новый планъ кампаніи. Меня очень удивило это распредѣленіе, сдѣланное такъ быстро и безъ всякаго знанія полковъ и генераловъ, и я не могъ не видѣть въ немъ ребенка, спѣшившаго позабавиться новой игрошкой.

Прїѣхавъ въ Бухарестъ, онъ принужденъ былъ измѣнить всѣ свои распоряженія, но сдѣланныя имъ новыя также не имѣли успѣха. Между другими странностями, онъ непремѣнно хотѣлъ распредѣлить полки изъ своихъ дивизій въ различные корпуса такимъ образомъ, чтобы всѣ командиры этихъ корпусовъ, прекрасно знавшіе всѣхъ офицеровъ и даже многихъ солдатъ, не имѣли бы подъ своей командой ни одного батальона прежняго состава и не знали бы своихъ подчиненныхъ ¹⁾.

Графъ Каменскій также проявилъ свою безтактность въ очень неосторожной болтовнѣ, которая заставила всѣхъ генераловъ арміи чуждаться его; онъ публично показалъ приказаніе Государя, которымъ предписывалось ему не обращать вниманіе на старшинство въ выборѣ командующихъ корпусами и отрядами ²⁾. Онъ также легкомысленно объявилъ, что будетъ давать предпочтеніе генераламъ, которыхъ привезъ съ собой (о нихъ я буду говорить ниже).

¹⁾ Про это распредѣленіе войскъ генер. Марковъ шутилъ, сказавъ, что онъ былъ бы счастливъ, если бы гр. Каменскій разбилъ непріятеля также, какъ онъ разбилъ дивизію.

²⁾ Онъ далъ намъ такое же приказаніе относительно нашихъ подчиненныхъ.

и что онъ имѣетъ мало довѣрія къ старымъ генераламъ Молдавской арміи, отзываясь о нихъ довольно безпощадно.

Оскорбленное самолюбіе прощается меньше всего, и можно судить, какое впечатлѣніе произвели въ арміи эти неосторожные поступки новаго главнокомандующаго. Офицеры, привезенные съ собой графомъ Каменскимъ, а также выписанные имъ потомъ, предназначенные для исполненія главнѣйшихъ должностей въ арміи, были: генералы Сабанѣвъ, Кульневъ, Ансельмъ-де-Жибори, князь Михайлъ Вяземскій и полковникъ Фридрице.

Сабанѣвъ былъ очень храбрый, образованный и дѣятельный офицеръ; но слабость его зрѣнія мѣшала всѣмъ его военнымъ талантамъ, онъ былъ почти слѣпой, а для генерала на войнѣ это большое неудобство; по честности это былъ идеальнѣйшій человекъ, добродѣтельный и обязательный, но, къ сожалѣнію, у него былъ слишкомъ рѣзкій характеръ, онъ не умѣлъ обуздывать и сдерживать себя, а живость и откровенность его не всегда были умѣстны.

Кульневъ—обладалъ мужественнымъ характеромъ; былъ прекраснымъ командиромъ гусаръ и хорошимъ начальникомъ аванпостовъ; онъ былъ честный, добродушный человекъ, пріятнаго обращенія и большой оригиналъ въ манерѣ обращенія и въ разговорѣ (онъ былъ убитъ 1812 г.).

Ансельмъ—былъ, въ полномъ смыслѣ слова, революціонеръ французъ; это выражалось въ его манерѣ, тонѣ и рѣчахъ. Во время первой французской революціи онъ былъ въ числѣ приверженцевъ королевской партіи въ Вандеѣ; затѣмъ, послѣ Прусской войны, во время республики и Бонапарта, онъ оставилъ французскую службу. Участвуя въ Финляндской войнѣ, онъ получилъ много чиновъ и орденовъ. Всю свою жизнь провелъ онъ въ войнахъ, любилъ ихъ и приобрѣлъ въ нихъ большую опытность; онъ обладалъ храбростью и военными талантами, но совсѣмъ не зналъ русскаго языка, что представляло большое затрудненіе для командованія русскими войсками. Ярый приверженецъ Фронды, этотъ мало деликатный и хвастливый человекъ былъ ненавидимъ въ арміи.

Князь Михайлъ Вяземскій,—двоюродный братъ графа Каменскаго, былъ ему обязанъ своимъ возвращеніемъ на службу; его отчисленіе, хотя было и строго, но заслуженно; у него былъ очень суровый характеръ, но какъ офицеръ онъ былъ крайне знающій, дѣятельный и способный командовать отдѣльнымъ отрядомъ.

Полковникъ генеральнаго штаба Фридрице былъ такимъ же довѣреннымъ у графа Каменскаго, какъ Адеркасъ у князя Багратіона; это былъ очень честный и мужественный человекъ, не лишенный

военныхъ знаній, но очень медлительный въ своихъ рѣшеніяхъ и дѣйствіяхъ. Я не считаю его подходящимъ для должности квартирмейстера арміи, которую онъ занималъ въ эту кампанію.

Прибывъ въ Бухарестъ, графъ Каменскій очень рѣзкимъ приказомъ отрѣшилъ Безака отъ должности, а затѣмъ принудилъ его покинуть Валахію. Онъ объявилъ приказаніе Государя, который, отправляя его изъ Петербурга, сказалъ ему: „Я надѣюсь, что вы меня освободите отъ Безака; до сихъ поръ я не рѣшался отнять его отъ Прозоровскаго и Багратіона“.

Графъ Каменскій привезъ съ собой также одного адъютанта Закревскаго, которому передали должность Безака, такъ какъ его отчисленіе произошло очень скоро. Я еще буду имѣть случай поговорить объ этомъ адъютантѣ ¹⁾.

Графъ Каменскій пріѣхалъ въ Бухарестъ 30 марта; онъ выказалъ большое уваженіе къ князю Багратіону, но, казалось, вѣжливость его была напускная и вынужденная.

Князь Багратіонъ передалъ ему командованіе арміей и черезъ 10 дней уѣхалъ. Рѣшительно всѣ его подчиненные и почти всѣ жители страны выражали ему чувство сожалѣнія, привязанности и искренности, что дѣлало честь и имъ, и тому, къ кому они относились. Подобное вниманіе къ князю Багратіону сильно кололо самолюбіе графа Каменскаго, и, какъ онъ ни старался скрыть, все-таки-это было очень замѣтно.

Изъ первыхъ же дѣйствій графа Каменскаго оказалось, что онъ хотѣлъ обращаться съ греками и валахами очень сурово и презрительно. Онъ вздумалъ публично наказать тѣхъ бояръ, которые среди другихъ, отличались своей безнравственностью; вступившійся за нихъ митрополитъ выпросилъ имъ прошеніе, но всѣ бояре послѣ этого происшествія были охвачены ужасомъ, который, впрочемъ, могъ бы въ будущемъ благотворно повліять на нихъ.

За графомъ Каменскимъ изъ Петербурга пріѣзжали цѣлыми толпами въ Бухарестъ такъ называемые волонтеры. Это все молодые люди, лучшихъ семействъ Петербурга, всѣ не приносящіе никакой пользы при дворѣ, камергеры, камеръ-юнкеры, гвардейскіе офи-

¹⁾ Этотъ Закревскій сдѣлалъ очень быструю и блестящую карьеру: въ короткое время онъ былъ сдѣланъ полковникомъ гвардіи, генераль-маіоромъ, генераль-лейтенантомъ, дежурнымъ генераломъ арміи, генераль-адъютантомъ Государя и генераль-губернаторомъ Финляндіи, а ему было всего только 40 л. Онъ былъ богатъ, уменъ и дѣятеленъ, но крайне мало свѣдущъ; темное его происхожденіе, казалось, не могло обѣщать ему такой блестящей карьеры; въ молодыхъ годахъ его образованіе не было подготовкой къ настоящему.

церы. Польщенные примѣромъ, что человекъ въ 30 лѣтъ уже командуетъ арміей, вообразили, что такая же судьба ожидаетъ и ихъ, если они примутъ участіе въ одной или двухъ кампаніяхъ и сдѣлаютъ видъ, что они находятся въ дѣлахъ.

Часто бывало такъ, что для нихъ отнимали командованіе у храбрыхъ, заслуженныхъ и знающихъ офицеровъ и затѣмъ, всѣмъ неправильно, награждали этихъ выскочекъ чинами и орденами. Государь не любилъ волонтеровъ и имѣлъ на то причину, но, поддаваясь просьбамъ родителей и покровителей ихъ, все-таки принималъ ихъ и приказалъ графу Каменскому опредѣлять ихъ въ полки по ихъ чинамъ.

Нашъ генералъ-аншефъ этого не исполнилъ и всѣхъ оставилъ у себя въ свитѣ, къ которой прибавилась и масса прислуги и прикомандированныхъ офицеровъ; такимъ образомъ, въ его главной квартирѣ было болѣе 100 человекъ, сверхъ огромнаго штаба: однихъ экипажей, вмѣстѣ съ экипажами его свиты, было болѣе 300, а если къ нимъ прибавить еще маркизантовъ-рестораторовъ и купцовъ, то нельзя сказать, чтобы колонна главной квартиры была бы особенно малочисленна и не обременительна для арміи.

Такъ какъ планъ кампаніи графа Каменскаго былъ совершенно противоположенъ плану князя Багратіона, то главнокомандующій вызвалъ генерала Исаева, который уже перешелъ Дунай, и объявилъ ему свое намѣреніе не помогать сербамъ. Со своей стороны, считая такое распоряженіе не согласнымъ ни въ политическомъ, ни въ военномъ отношеніяхъ (позднѣе я перемѣнилъ свое мнѣніе), я словесно и письменно убѣждалъ графа измѣнить свое рѣшеніе, что съ большимъ трудомъ мнѣ и удалось; онъ уменьшилъ назначенный отрядъ и далъ его графу Цукато, что привело послѣдняго на верхъ блаженства. Это назначеніе уже съ давнихъ поръ было предметомъ его желаній и честолюбія; давно уже онъ прибѣгалъ ко всевозможнымъ интригамъ, чтобы достичь подобнаго назначенія и, надо сознаться, никто больше него не заслуживалъ этого мѣста. Графъ Цукато былъ человекъ достойный, но недостатокъ его средствъ и протекція заставлялъ его иногда быть интриганомъ; можно только пожалѣть его, что онъ въ силу необходимости долженъ былъ прибѣгать къ такому средству.

Генералъ Исаевъ былъ очень обиженъ, когда его удалили съ должности, которую онъ занималъ уже три года, и которую онъ исполнялъ съ большимъ усердіемъ. Сдѣланныя имъ или допущенныя злоупотребленія отдалили отъ него графа Каменскаго, который собирался назначить его начальникомъ аванпостовъ.

Исаевъ, казалось, самъ желалъ этого назначенія, во-первыхъ, для того, чтобы служить подъ начальствомъ Цукато, а во-вторыхъ, чтобы не оставаться въ этой странѣ, гдѣ онъ такъ деспотично правилъ; но вскорѣ онъ успокоился и, не желая упускать своихъ интересовъ согласился остаться въ Малой Валахїи и даже самъ просилъ объ этомъ назначеніи, на что и получилъ согласіе.

Въ концѣ марта графъ Каменскій передвинулъ изъ Яссы 18-ую пѣхотную дивизію и нѣсколько кавалерійскихъ полковъ къ Гирсову для того, чтобы соединиться съ корпусомъ своего брата.

Мы всѣ приготавливались, чтобы въ началѣ апрѣля подойти къ Дунаю, когда я черезъ курьера получилъ приказаніе собрать всѣ свои войска и приготовиться къ войнѣ съ австрійцами. Другіе генералы получили такое же приказаніе и были удивлены такъ же, какъ и я. Мы не сомнѣвались въ томъ, что графъ Каменскій имѣлъ, вѣроятно, свѣдѣнія о движеніи австрійскихъ войскъ въ Валахїю и Молдавію и, какъ ни странно казались эти свѣдѣнія, приказаніе нашего главнокомандующаго было такъ настоятельно, что мы всѣ думали, что онъ имѣетъ основательныя приказанія отъ Государя или, по крайней мѣрѣ, точныя свѣдѣнія отъ нашего посланника въ Вѣнѣ. Но каково же было наше удивленіе, когда мы узнали, что такую тревогу произвели нѣсколько частныхъ писемъ вѣнскихъ купцовъ къ своимъ торговымъ коммерсантамъ въ Бухарестѣ и донесеніе какого-то грека Самуркаше къ каймакану, въ Малой Валахїи, тогда какъ австрійцы, на самомъ дѣлѣ, и не думали нападать на насъ. Вотъ причина всего этого шума и страха графа Каменскаго, который, казалось, совсѣмъ забылъ о туркахъ. Черезъ недѣлю мы получили отмѣну этого приказанія, но это происшествіе набросило нѣкоторую тѣнь легковѣрности на нашего главнокомандующаго и породило непріязненное къ нему отношеніе арміи ¹⁾.

Между тѣмъ, графъ Каменскій перемѣнилъ свое распоряженіе о расположеніи войскъ, сдѣланное имъ нѣсколько легкомысленно въ Яссахъ.

Вотъ то распредѣленіе войскъ, на которомъ онъ остановился послѣ прїѣзда генерала Уварова. Какъ я уже говорилъ выше, это было какое-то странное смѣшеніе полковъ и генераловъ.

¹⁾ По приказанію графа Каменскаго, я послалъ въ Лембергъ одного изъ моихъ адъютантовъ, Руссея, какъ разумнаго офицера. Черезъ десять дней онъ вернулся, и отдавая отчетъ мнѣ о своей повѣздкѣ, сообщилъ, что во всей Галиціи нѣтъ никакого движенія войскъ, и ни о какомъ походѣ нѣтъ и рѣчи.

Новое распредѣленіе войскъ:

Корпусъ генераль-лейтенанта Засса, расположенный лагерями въ Бухарестѣ.

Полки: Переяславскій драгунскій.

Тверской	"
Волынский	уланскій.
Грекова	казачій.
Естахова	"
Малороссійскій	гренадерскій.
Выборгскій	пѣхотный
Апшеронскій	"
Нижегородскій	"
Вятскій	"
Украинскій	"
Одесскій	"
29-ый егерскій	"
13-ый	" "

Артиллерійскія роты: Вегетинскаго 30 орудій

Богуславскаго "

полурота Лакса "

Генераль Зассъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ графа Цукато, корпусъ котораго состоялъ изъ трехъ отрядовъ:

1-й отрядъ: генераль-маіора Назимова, въ Бухарестѣ.

Житомирскій драгунскій полкъ.

Резервные батальоны: Нижегородскаго полка.

Одесскаго "

Камчатскаго "

Рота конной артиллеріи подполковника Обухова.

2-й отрядъ: генераль-маіора Ермолова, расположеннаго лагеремъ подъ Журжевымъ.

Чернозубова казачій полкъ.

Власова 2-го " "

Мелентьева 3-го " "

Ладожскій пѣхотный полкъ.

Нашебургскій " "

Резервные батальоны: Апшеронскаго полка.

Олонцакаго "

Сибирскаго "

6 пушекъ, 12-ти фунт., Лакса.

3-й отрядъ: генералъ-маіора Исаева, въ Малой Валахіи:

Исаева 1-го казачій полкъ.

Исаева 2-го „

Уральскій „

Олонецкій пѣхотный полкъ.

Ново-Ингерманландскій „ „

Старооскольскій „ „

Пензенскій „

Резервные батальоны: Ново-Ингерманландскаго полка.

Выборгскаго „

6 егерскаго „

6 пушекъ Донской конной артиллеріи.

Численность корпуса:

40 батальоновъ.

25 эскадроновъ.

8 казачьихъ полковъ.

36 двѣнадцати фунт. пушекъ.

18 конной артиллеріи

72 полковыхъ

Всего 126 пушекъ.

Корпусъ генералъ-лейтенанта графа Ланжерона, въ Обилешти.

Кинбурискій драгунскій полкъ.

Смоленскій „

Мелентьева 2-го казачій полкъ.

Платова 3-го „ „

Колыванскій пѣхотный полкъ.

Мингрельскій „

Охотскій „

Воронежскій „

14-й пѣхотный егерскій полкъ.

27-й „ „ „

Резервные батальоны: Витебскаго полка.

Новгородскаго „

Охотскаго „

27-го пѣхотнаго егерскаго полка.

13-го „ „ „

14-го „ „ „

12 пушекъ 12-ти фунт. роты Бастиона, 12 пушекъ Салля (Salle).

5 ротъ осадной артиллеріи.

Численность корпуса:

18 батальоновъ.

10 эскадроновъ.
 2 полка казаковъ.
 24 двѣнадцата ф. пушки.
 22 полковыхъ пушекъ.

Всего 46 пушекъ.

Корпусъ генераль-лейтенанта графа Каменскаго, въ Гирсовѣ:

Чугуевскій уланскій полкъ.

Серпуховскій драгунскій полкъ.

Денисова 6-го казачій полкъ.

Нисоенова " "

Андропова 2-го " "

Сулинова 9-го " "

Фанагорійскіе гренадеры:

Орловскій пѣхотный полкъ.

Нарвскій " "

Витебскій " "

Козловскій " "

Смоленскій " "

Тамбовскій " "

Костромской " "

Дѣпровскій " "

6-й пѣхотный егерскій полкъ.

11-й " " "

32-й " " "

6 двѣнадцати фунт. пушекъ роты Ансіо, 12 пушекъ конной артиллеріи Навака:

Численность корпуса:

24 батальона.

15 эскадроновъ.

4 полка казаковъ.

6 12-ти фунт. пушекъ.

12 пушекъ конной артиллеріи.

36 полковыхъ пушекъ.

Всего 54 орудія.

Главныя силы, подъ непосредственнымъ начальствомъ графа Каменскаго 2-го, состояли: Изъ авангарда и 4-хъ корпусовъ. Сборный пунктъ былъ въ Слободзеѣ.

Авангардъ—подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Уварова.

5 эскадроновъ Бѣлорусскихъ гусаръ.

Полки: Атаманскій въ 1.000 чел. казачій.

Иловайскаго 2-го "

Иловайскаго 5-го	казаки.
Иловайскаго 10-го	"
Иловайскаго 11-го	"
Иловайскаго 12-го	"
Кутейникова	"
7-й егерскій пѣхотный	"

Двѣ роты конной Донской артиллеріи. Къ этому отряду присоединился отрядъ Кульнева:

Полки: Гордѣева казачій.
 Барабанщикова "
 2-й Уральскій "
 28-й егерскій пѣхотный полкъ.
 6 пушекъ донской артиллеріи.

Численность авангарда.

4 батальона.
 5 эскадроновъ.
 11 казачьихъ полковъ.
 30 Донскихъ пушекъ.

1-й корпусъ, генераль-лейтенантъ Марковъ.

Полки: Тираспольскій драгунскій.

Ливонскій "
 Московскій гренадерскій.
 Сибирскій "
 Куринскій пѣхотный.
 Новгородскій "

12 пушекъ конной артиллеріи Кривцова.

Численность корпуса:

8 батальоновъ.
 10 эскадроновъ.
 12 пушекъ конной артиллеріи.
 16 пушекъ полковыхъ.

Всего 28 орудій.

2-ой корпусъ, генераль-лейтенанта Эссена 3-го.

Полки: Сѣверскій драгунскій.

Дерптскій "
 Старо-Ингерманландскій пѣхотный.
 Шлиссельбургскій "
 Архангелогородскій "
 Камчатскій "

12 пушекъ 12 фунт. Франкевича.

Численность корпуса.

8 батальоновъ.
 10 эскадроновъ.
 12 двѣнадцати фунт. пушекъ.
 16 полковыхъ.
 Всего 28 орудій.

3-й корпусъ, генераль-лейтенанта Раевского.
 Полки: Серпуховскій драгунскій.
 Арзамаскій "
 Якутскій пѣхотный.
 Нейшлотскій "
 Брянскій "
 8-й Егерскій "
 12 пушекъ конной артиллеріи Кучуева.

Численность корпуса.

8 батальоновъ.
 10 эскадроновъ.
 12 пушекъ кон. артил.
 12 " полковыхъ.
 Всего 24 орудія.

4-й, корпусъ генераль-лейтенанта Левиса.
 Полки: Александрійскій гусарскій.
 С.-Петербургскій драгунскій.
 Кіевскій гренадерскій.
 Курскій пѣхотный.
 Ярославскій "
 Крымскій "
 12 пушекъ 12-ти фун., роты Кучковского.
 16 " конной артиллеріи Игнатьева.

Численность корпуса.

8 батальоновъ.
 15 эскадроновъ.
 12 12-ти ф. пушекъ.
 12 пушекъ конной арт.
 16 " полковыхъ.
 Всего 40 орудій.

Резервный корпусъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Олсуфьева состоялъ изъ:

- 23 резервныхъ батальоновъ.
- 1-го гренадерскаго полка.
- 3-хъ казачьихъ полковъ.
- 34 пушекъ полковыхъ и флотскихъ.

Численность главныхъ силъ.

- 36 батальоновъ.
 - 50 эскадроновъ.
 - 11 казачьихъ полковъ.
 - 24 двѣнадцати фунт. пушки.
 - 66 пушекъ конной артил.
 - 60 „ полковыхъ.
- Всего 150 орудій.

Вся численность силъ арміи,

- 142 батальона.
- 90 эскадроновъ.
- 25 казачьихъ полковъ.
- 90 двѣнадцати фунт. пушекъ.
- 96 пушекъ конной артиллеріи.
- 224 „ полковыхъ.
- 5 ротъ осадной артиллеріи.
- 2 роты понтонныхъ.
- 2 роты піонеровъ.

Всего 410 орудій, что составляло всего около 125 тысячъ чело-
вѣкъ.

Никогда еще противъ турокъ не собиралось столь значитель-
ныхъ силъ.

Всѣ мы, около 15 апрѣля, собрались въ назначенныхъ мѣстахъ. Сначала я расположился въ Обилешти, затѣмъ перешелъ въ Слободзею, въ 40 верстахъ отъ Калараша и Силистріи. Тамъ я нашелъ корпуса Эссена, Раевского и графа Каменскаго, а также и авангардъ.

Къ главнокомандующему была прислана депутація изъ Сили-
стріи: Эмиль-Оглы посылалъ ему кофе, табакъ и просилъ принять
увѣренія въ преданности и дружбѣ. Нѣсколько дней тому назадъ
я отправилъ къ нему капитана 14-го Егерскаго полка, Воронцова,
говорящаго по-турецки и очень сообразительнаго офицера; онъ до-

несъ мнѣ, что я могу не опасаться особенно сильнаго сопротивленія (я былъ назначенъ начальникомъ осады этого города).

Графъ Каменскій собрался перейти Дунай въ апрѣлѣ, но такъ какъ продовольствіе еще не было готово къ отправленію на сборныя мѣста, а генералъ Бѣлуха объявилъ намъ невозможность собрать все необходимое раньше 25-го марта, то графъ Каменскій, несмотря на свое нетерпѣніе и торопливость, а также выгодность начинать движеніе въ моментъ сосредоточиванія войскъ, все-таки отложилъ это движеніе до тѣхъ поръ, пока не будетъ приготовлено все нужное.

Это рѣшеніе дѣлаетъ ему честь. Онъ приказалъ каждому полку приготовить на 30 дней сухарей и уложить ихъ въ лазаретныя линейки, запряженные быками, которые были куплены провіантской комиссіей. Эта мѣра была бы превосходной, если бы графъ Каменскій имѣлъ осторожность сдѣлать командировъ полковъ ответственными за потерю этихъ повозокъ и быковъ или, если бы онъ назначилъ особыхъ чиновниковъ провіантской комиссіи, которые бы приняли на себя всѣ эти заботы, но онъ не сдѣлалъ этого и полки для наблюденія за этими повозками, назначали самыхъ дурныхъ солдатъ. Большинство командировъ (особенно кавалерійскихъ) употребляли ихъ для перевозки фуража, вещей и фруктовъ, добытыхъ ими послѣ приступа Базарджика и, щадя своихъ лошадей, они всю тяжесть работы ввалили на коммисіонныхъ быковъ, которые, конечно, не вынесли этого непосильнаго труда и болѣе трехъ четвертей изъ нихъ подохло. Это былъ большой уронъ для казны ¹⁾).

Графъ Каменскій сначала хотѣлъ весь ущербъ взыскать съ командировъ частей, и это было бы вполне правильнымъ съ его стороны, но, вслѣдствіе своей нерѣшительности, онъ не былъ способенъ на такую строгую мѣру, никто изъ командировъ нисколько не пострадалъ.

Когда я узналъ объ этомъ, то далъ понять главнокомандующему, что онъ единственный виновникъ всѣхъ этихъ потерь, и если бы онъ сдѣлалъ заранѣе всѣ нужныя предупрежденія, ничего бы не случилось; онъ согласился со мной, но все-таки потеря легла всецѣло на государство.

Въ теченіе 10 дней, которые мы провели около Слободзен, нашъ главнокомандующій былъ очень внимательно изучаемъ гене-

¹⁾ Полагають, что эта потеря стоила казнѣ около милліона рублей.

ралами, большая часть которыхъ были далеко не расположены къ нему и многіе его поступки были очень строго осуждены ими.

Будучи часто больнымъ, онъ пользовался этимъ правомъ, чтобы почти никогда не одѣваться какъ слѣдуетъ, онъ не считалъ нужнымъ стѣсняться съ нами и утромъ выходилъ не иначе какъ въ шелковомъ халатѣ и турецкихъ туфляхъ. Если только ему не было необходимости работать, онъ все время сидѣлъ или лежалъ на диванѣ; здоровался онъ очень небрежно и то только съ нѣкоторыми генералами, а другимъ и вовсе не отвѣчалъ имъ на ихъ привѣтствія. Когда къ нему приходили съ докладами или за какимъ-нибудь приказаніемъ, онъ нѣсколько минутъ молчалъ сначала, а ужъ потомъ, если передъ нимъ былъ генералъ-лейтенантъ, то дѣлалъ ему знакъ садиться; генералъ-маіоры почти никогда не удостоивались этого.

Обѣдалъ онъ обыкновенно одинъ, въ своей комнатѣ; если же онъ и приглашалъ къ себѣ кого-нибудь, то гостямъ подавались отдѣльныя блюда гораздо хуже тѣхъ, которыя готовились для хозяина.

20 лѣтъ назадъ мы видѣли князя Потемкина поступающимъ такъ же, но вѣдь ему уже было 50 лѣтъ; затѣмъ, онъ былъ чуть не императоромъ въ Россіи, которая была въ ту эпоху болѣе Азіатской, нежели Европейской. Съ тѣхъ поръ Россія значительно измѣнилась. Я уже говорилъ, что въ эти 20 лѣтъ она ушла впередъ на 2 столѣтія.

Съвершенно въ противоположность холодности и высокомерію, съ какимъ графъ Каменскій обращался съ генералами, къ волонтерамъ онъ выказывалъ какую-то необыкновенную, прямо шокирующую его, фамильярность. Эти вертопрахи проводили съ нимъ почти цѣлые дни и ужасно этимъ гордились, такъ какъ ихъ чванство равнялось ихъ ничтожеству. Грустно было видѣть, какъ нашъ главнокомандующій не скрывалъ ни одного секрета, ни одного плана и громко диктовалъ интересные приказы; когда волонтеры совершенно свободно входили въ его кабинетъ и часто бывало такъ, что генералъ черезъ нихъ узнавалъ о предстоящемъ ему назначеніи.

Генералъ-маіоръ Унгернъ-Штернбергъ, человѣкъ дѣйствительно необыкновенный и малоуважаемый; за грабительство и безчестность въ Мингрельскомъ полку, онъ заслужилъ судъ, но графъ Каменскій поступилъ иначе; онъ при всѣхъ оскорбилъ его и отнялъ у него полкъ. Последнее онъ имѣлъ право сдѣлать, но вѣдь надо же уважать чины и не оскорблять человѣка, а это именно онъ и сдѣлалъ въ крайне грубой формѣ. Все то, что я описалъ въ этихъ

строкахъ, конечно, не говоритъ въ его пользу; напротивъ, поведеніе его оттолкнуло только отъ него всѣ сердца, которыя Багратіонъ счумѣлъ такъ хорошо расположить и привязать къ себѣ.

Онъ окружилъ себя почти азіатской роскошью: у него было 5 или 6 огромныхъ палатокъ и 3 маленькихъ переносныхъ домика, соединявшихся одинъ съ другимъ такимъ образомъ, что получалось цѣлое помѣщеніе. Внутри палатки были убраны богатыми матеріями, изысканной мебелью, различными украшеніями, бронзой и проч.

Въ 1809 г. въ Гирсовѣ, мы видѣли, какъ кн. Багратіонъ забавлялся шутомъ-калмыкомъ; графъ Каменскій также привелъ съ собою шута; это былъ надворный совѣтникъ Петровъ (чинъ надворнаго совѣтника равенъ военному подполковнику). Во времена войнъ фельдмаршала Румянцева, онъ былъ солдатомъ, затѣмъ пажомъ и сдѣлался турецкимъ плѣннымъ; 3 или 4 раза онъ былъ битъ палками, и несмотря на это позорное прошлое, а также и на пьянство, ставшее его ежедневной привычкой, я не знаю, какимъ образомъ онъ сталъ статскимъ чиновникомъ въ Петербургѣ. Онъ былъ очень дерзкій, нахальный, но совсѣмъ не смѣшной; въ награду за свое гаерство онъ получилъ въ концѣ кампаніи орденъ Св. Владиміра. Всѣ эти шуты были остатки азіатскихъ нравовъ въ Россіи.

Когда графъ Каменскій собралъ всю свою многочисленную армию, и когда всѣ продовольственные припасы были уже приготовлены, онъ двинулся на Слабодзею для того, чтобы перейти Дунай въ Гирсовѣ. До моста было 45 верстъ, а затѣмъ пять верстъ до Гирсовской равнины, гдѣ мы всѣ и собрались 15 мая. На этомъ одномъ пунктѣ было собрано болѣе 6.000 человекъ.

Сначала мнѣ было приказано соединиться съ генераломъ Зассомъ около Ольтеницы, при устьѣ Аржиша, для того, чтобы вмѣстѣ съ нимъ перейти Дунай, взять Туртукай и затѣмъ подойти къ Силистріи, тогда какъ графъ Каменскій прибудетъ туда черезъ Гирсово, но его предупредили, что дорога изъ Туртукая въ Силистрію была очень плоха, и онъ, вслѣдствіе этого, перемѣнилъ мое назначеніе.

Мостъ въ Гирсовѣ, въ продолженіе всей зимы, былъ сохраненъ въ неприкосновенности, но вслѣдствіе разлитія водъ, вся почва, особенно лѣвый берегъ, была сильно затоплена, и мы принуждены были построить черезъ эти болота фашинные части. Эта работа была довольно скоро окончена, ея завѣдывалъ маіоръ Магденко изъ понтонеровъ и полковникъ Піеспотре, котораго графъ Каменскій выписалъ изъ Финляндіи, и которому онъ приписывалъ боль-

шія заслуги, чѣмъ онъ имѣлъ въ дѣйствительности, и тогда выяснилось, насколько дворъ былъ правъ, оставляя одинъ корпусъ на другомъ берегу Дуная; рѣку можно было бы перейти безъ всякихъ препятствій, но если бы пришлось снова строить мостъ, то навѣрное бы встрѣтили множество затрудненій и сопротивленія. Цегливанъ, конечно, явился бы изъ Базарджика и отрѣзалъ бы намъ путь.

Во время нашего пребыванія въ Гирсовѣ, туда прибылъ генераль-адъютантъ Уваровъ, одинъ изъ фаворитовъ Государя. Графъ Каменскій, самъ никогда близко не стоявшій ко двору и не любившій тѣхъ, которые имѣютъ тамъ протекцію, думалъ, что всякій, отправленный оттуда въ армію, былъ посланъ, чтобы шпионить и доносить о его дѣйствіяхъ, поэтому онъ съ неудовольствіемъ ожидалъ приѣзда Уварова и принялъ его сначала очень холодно. Графъ Строгановъ и князь Трубецкой, всегда пользовавшійся расположеніемъ Багратіона, были также третируемы Каменскимъ. Уваровъ представлялъ изъ себя примѣръ необыкновеннаго счастья, соединеннаго съ богатствомъ. Будучи не особенно высокаго происхожденія, не обладая широкимъ умомъ и мало образованный, онъ не могъ ожидать блестящей карьеры и вѣроятно долго бы просидѣлъ въ чинѣ поручика, если бы не протекція княгини Лопухиной, устроившей его при дворѣ Павла I, когда онъ влюбился въ дочь княгини, которую она потомъ выдала замужъ за князя Гагарина. Уваровъ былъ очень скоро произведенъ въ генераль-маіоры, генераль-лейтенанты, назначенъ генераль-адъютантомъ и украшенъ многими орденами. Онъ сѣмѣлъ поддерживать расположеніе Павла и Александра. Онъ женился на вдовѣ графа Валеріана Зубова, урожденной княжнѣ Любомірской, разведенной съ графомъ Потопкимъ; это была очень красивая и кокетливая женщина, но чрезвычайно испорченная нравственно. Женись на ней, Уваровъ вѣроятно преслѣдовалъ только ея богатства и, въ ущербъ своему счастью и репутаціи, онъ сдѣлался милліонеромъ.

Уваровъ былъ человѣкъ прямой, справедливый и честный, хотя онъ и не былъ воспитанъ при дворѣ, но своею ловкостью онъ сѣмѣлъ составилъ себѣ тамъ положеніе. Онъ участвовалъ въ войнѣ съ французами и выказалъ много храбрости, но въ настоящей кампаніи онъ былъ менѣе рѣшителенъ ¹⁾.

¹⁾ Уваровъ запятналъ свое имя поступкомъ, который останется вѣчнымъ укоромъ. Онъ участвовалъ въ заговорѣ противъ Павла I—своего благодѣтеля. Уваровъ умеръ въ 1827 году.

Слѣдовало дать ему большой отрядъ или даже корпусъ, для фиктивнаго камандованія, а ему дали Кульневскій авангаръ, увеличенный двумя пѣхотными полками.

Насколько казаки были покровительствуемы Багратиономъ, настолько Каменскій, не чувствовавшій къ нимъ никакого расположенія, отдалилъ ихъ отъ себя.

Я уже довольно много говорилъ о казакахъ, чтобы повторять здѣсь мое мнѣніе о нихъ, я считалъ ихъ очень полезнымъ войскомъ. Каждый отрядъ, каждый корпусъ долженъ имѣть известное число казаковъ, но во время войнъ, особенно во время войны съ турками, было бы очень полезно имѣть цѣлый корпусъ казаковъ, совершенно отдѣленныхъ отъ армій, который всегда можно быстро направить на фланги и даже въ тылъ непріятеля, и графъ Каменскій сдѣлалъ большую ошибку, не отдѣливъ такого корпуса. Этотъ корпусъ долженъ быть подъ командою одного изъ казачьихъ генераловъ, къ которому слѣдовало бы прикомандировать нѣсколько офицеровъ генеральнаго штаба.

Съ апрѣля мѣсяца графъ Каменскій поручилъ генераламъ: Войнову, Ансельму и князю Долгорукову произвести нѣсколько быстрыхъ набѣговъ на Болгарію; но набѣги эти не представляли ничего интереснаго. Ансельмъ выказалъ большую дѣятельность и проникъ до Каварны, взявъ нѣсколько челоувѣкъ въ плѣнъ ¹⁾.

Планъ кампаніи графа Каменскаго былъ много лучше плана, составленнаго княземъ Багратиономъ, но онъ не счумѣлъ его выполнить. Во всякой кампаніи нужно или захватывать базы или стремиться овладѣть стратегическими пунктами. Первый способъ болѣе вѣрный; второй же болѣе блестящій, и въ войнѣ съ турками—болѣе легкій. Графъ Каменскій былъ правъ, дѣйствуя своимъ лѣвымъ флангомъ для того, чтобы быть ближе къ провіантскимъ магазинамъ и имѣть возможность не опасаться за ту часть Болгаріи, которая омывалась моремъ; но если бы онъ удовольствовался только наблюденіемъ за Силистріей и быстро двинулся бы 5.000 чел. на Базарджикъ и Шумлу, онъ могъ бы дойти туда въ шесть переходовъ и тогда уже дѣйствительно захватить ихъ. Взятіе Шумлы окончательно рѣшило бы эту кампанію въ нашу пользу и можетъ

¹⁾ Не задолго до нашего пріѣзда въ Гирсово, гр. Каменскій отличился однимъ поступкомъ, который напомнилъ Россіи времена Петра I. Найдя однажды одного солдата Витебскаго полка пьянымъ, онъ приказалъ перенести его на кровать генерала Степанова—командира этого полка. Этотъ генералъ по правдѣ сказать, не пользовался особымъ уваженіемъ, но тѣмъ не менѣе это не давало права графу на подобные поступки. Степановъ казался больнымъ и не служилъ въ продолженіе всей кампаніи.

быть принудило бы турокъ къ заключенію мира, такъ какъ изъ Шумлы можно было тотчасъ же занять Балканы и тѣмъ произвести панику въ Константинополѣ. Эмикъ-Оглы не желалъ ничего другого, какъ только, чтобы мы прекратили наше наступленіе, онъ предлагалъ держаться нейтралитета и не хотѣлъ мѣшать нашимъ операціямъ. Въ городѣ у него было очень мало войскъ, и онъ боялся потерять его, тѣмъ болѣе, что не всѣ жители были одинаково расположены къ нему, а ему нужно было по крайней мѣрѣ 4.000 человекъ для охраны города.

Овлажденіе Силистріей было намъ очень полезно, такъ какъ оно давало намъ возможность перенести туда Гирсовскій мостъ и устроить госпитали, а также сокращало операціонную линію и облегчало подвозъ припасовъ. Графъ Каменскій могъ бы оставить тамъ меня съ 15.000 ч., которыхъ было совершенно достаточно для осады города, а самому, безъ остановокъ, вмѣстѣ съ остальными войсками и корпусомъ своего брата, силою въ 22.000 ч., идти на Базарджикъ и Шумлу. Если онъ хотѣлъ еще болѣе укрѣпить свой лѣвый флангъ, онъ долженъ былъ осадить Варну (этотъ городъ былъ бы портомъ для нашего флота), а изъ Варны можно перейти Балканы, обойдя Шумлу. Всѣ эти операціи могли быть окончены раньше, чѣмъ турки успѣли бы собрать 100.000 человекъ.

Во всякомъ случаѣ, графъ Каменскій не долженъ былъ брать съ собой въ Силистрію большую часть своихъ силъ и терять тамъ 15 дней, имѣвшихъ роковое вліяніе на исходъ кампаніи. Онъ ни за что не долженъ былъ предпринимать осаду Рушука и Силистріи; одной тысячи человекъ было бы совершенно достаточно, чтобы наблюдать за этими двумя городами, гдѣ было войскъ всего около 4.000 человекъ. Но Каменскій не достаточно хорошо еще зналъ турокъ и испугался 15.000 человекъ, занимавшихъ эти двѣ крѣпости. Онъ не зналъ, что въ числѣ этихъ 15.000 ч. до 12.000 были жители, которые храбро бьются только въ стѣнахъ своего города, но никогда не выходятъ изъ него, и что войска, которыя турки могли собрать въ остальной части Болгаріи, не занятой нами, и за Балканами, прибыли бы не раньше іюля мѣсяца и, конечно, не двинулись бы на защиту Рушука, а стремились бы соединиться съ великимъ визиремъ, который еще только собирался дѣйствовать противъ нашей арміи.

Изъ этого видно, что въ планѣ нашей кампаніи были сдѣланы упущенія съ самаго начала и что первые шаги графа Каменскаго были ошибочны и имѣли рѣшительное вліяніе на послѣдующія операціи.

Тѣмъ не менѣе, можно сказать, что графъ Каменскій, посылая

своего брата въ Базарджикъ, а оттуда въ Варну, могъ надѣяться взять эти два города. Первый дѣйствительно былъ взятъ, да и второй былъ бы нашимъ, если бы этимъ корпусомъ не командовалъ графъ Сергѣй Каменскій. Главнокомандующій долженъ былъ хорошо знать своего брата, чтобы не пускать его далеко изъ виду и не довѣрять отдѣльную операцію столь важную въ стратегическомъ отношеніи непосильную для него. Эту задачу слѣдовало бы поручить Зассу.

Взятіе Силистріи.

17 мая мы двинулись къ Троянову валу. 19-го графъ Сергѣй Каменскій, которому придали еще корпусъ генерала Маркова, и уже 21 мая былъ около Базарджика. Остальные войска двинулись на Силистрію.

Графъ Каменскій могъ бы пойти по Черноводской дорогѣ вдоль Дуная, но онъ думалъ, что эта дорога, вслѣдствіе разлитія водъ, стала непроходимой, и хотѣлъ идти по Шумлинской дорогѣ, на Кайнаджи, чтобы съ этой стороны начать осаду Силистріи. Дороги отъ Кузауна въ Кайнаджи были ужасны, и намъ приходилось перенести много трудностей во время этого похода.

21 мая всѣ были собраны въ 4 вер. отъ Силистріи по Гирсовской дорогѣ. 22 мая, графъ Каменскій хотѣлъ произвести рекогносцировку Силистріи, но это было совершенно лишнее, потому что всѣ тѣ, которые были назначены для осады города, знали его до мельчайшихъ подробностей, и если я упоминаю здѣсь объ этой рекогносцировкѣ, которая сама по себѣ не стоитъ труда, чтобы ею занимались, то только для того, чтобы описать удивленіе всѣхъ тѣхъ, которые не достаточно хорошо знали графа Каменскаго и его слабости. Онъ самъ ѣхалъ въ дрожкахъ, а за нимъ слѣдовали два полка егерей, казаки и толпа волонтеровъ и прислуги.

Когда мы подошли къ городу, то я вмѣстѣ съ генераломъ Гамцеромъ, Рѣзвымъ и Попандопуло отправились осматривать окрестности города.

На разстояніи 3.000 футовъ отъ него я предполагалъ построить редуты. Мы не встрѣтили ни одного турка кромѣ—какого-то старика, работавшаго въ виноградникѣ, и котораго мы отправили обратно въ городъ. Вдругъ, въ верстѣ отъ насъ, мы увидали большое движеніе среди войскъ и толпы окружавшей гр. Каменскаго. Недоумѣвая, что тамъ могло произойти, я поспѣшалъ къ графу; онъ былъ очень блѣденъ и дрожа отъ страха и злобы, которая была чрезвычайно комична, бранилъ

весь свѣтъ, набрасывался на всякаго, кто только подходилъ къ нему, и говорилъ рѣзкости уважаемому генералу Павлу Иловайскому за то, что его казаки не особенно скоро двигались. Наконецъ, изливъ всю свою злобу, онъ, сидя въ дрожкахъ, вѣхалъ въ каре егерей.

Тогда я подошелъ къ нему и спросилъ о причинѣ всего этого переполоха. „Какъ“—отвѣтилъ онъ мнѣ—„вы не знаете, что турецкая кавалерія уже выступила? я совсѣмъ не хочу, что бы сегодня утромъ произошло сраженіе!“ Оказалось, что одинъ изъ волонтеровъ, я не знаю, кто именно, увидалъ, или можетъ быть это ему такъ показалось, что 4 или 6 турокъ взобрались на возвышенность, и этотъ достойный петербуржецъ принялъ ихъ за цѣлую армію и донесъ графу Каменскому, что турецкая конница выступила противъ насъ.

Я увѣрилъ графа, что изъ города не вышло ни одного человека, и что если бы даже 10.000 человекъ непріятельской конницы атаковали бы насъ, то мы, со всѣмъ тѣмъ, что у насъ было, непременно побии бы ихъ, а кромѣ того, у насъ въ 4-хъ вер. было болѣе 50.000 человекъ. „Все равно“, отвѣчалъ онъ мнѣ—„я не хочу, чтобы сегодня было сраженіе“ и, не докончивъ рекогносцировки, онъ возвратился въ свой лагерь, оставаясь все время въ каре, какъ будто бы онъ уже былъ окруженъ врагами.

Хотя эта сцена и кажется невѣроятной, но тѣмъ не менѣе все это произошло на самомъ дѣлѣ, что могутъ засвидѣтельствовать 20 генераловъ и 4 или 5.000 солдатъ. Невозможно передать то удивленіе, которое вызвало у насъ это происшествіе; всякій смотрѣлъ на своего сосѣда, ища въ его глазахъ объясненія всему происходящему, а приближенные графа краснѣли за него. Этотъ маленькій эпизодъ изъ его военной жизни окончательно лишилъ его всякаго уваженія и убѣдилъ насъ въ томъ, чего одни еще не знали и чему другіе раньше не хотѣли вѣрить.

Графъ Каменскій спросилъ меня, во сколько дней я могу взять Силистрію? я сказалъ, что съ тѣми средствами, которыя онъ мнѣ далъ ¹⁾ и которыхъ было совершенно достаточно, я отвѣчаю ему за взятіе города, какъ только я окружу его. По первымъ же вылазкамъ гарнизона я буду судить объ ихъ силахъ, а по той оборонѣ, которую они намъ окажутъ—объ ихъ рѣшимости. Если гарнизонъ крѣпости, какъ было прежде, составляетъ 12.000 человекъ вооруженныхъ, то мнѣ для осады нужно 18 дней; если же у нихъ,

¹⁾ Онъ присоединилъ къ моему корпусу корпусъ генераль-лейтенанта Раевского; а артиллеріи и продовольственныхъ продуктовъ у меня было больше, чѣмъ нужно.

какъ и предполагали, только 5 или 6.000 чел., я возьму городъ въ 10 дней.—„Я вамъ даю 3 недѣли“ отвѣчалъ мнѣ графъ.

23 мая я окружилъ городъ, это былъ настоящій маневръ, исполненный съ такой точностью и порядкомъ, какихъ можно рѣдко ожидать даже на плацу. 4 колонны, подъ командой генераль-лейтенанта Раевского, съ бывшими подъ его начальствомъ, генералами: Бахметьевымъ, княземъ Михайломъ Вяземскимъ, Попандопуло и Гамперомъ всѣ одновременно, къ 12 ч. дня прибыли къ назначенному пункту, и городъ былъ взятъ.

Колонна князя Вяземскаго, занимавшаго правый флангъ, была единственной, которая имѣла маленькое дѣло.

Турки вышли къ ней навстрѣчу въ свои сады и виноградники, гдѣ въ прошломъ году у насъ происходили безконечныя стычки; перестрѣлка длилась до вечера и стояла намъ 40 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Съ наступленіемъ темноты, турки возвратились въ городъ.

Поэтому я судилъ, что они не были ни сильны, ни энергичны, и что осада не будетъ очень продолжительной. Графъ Каменскій съ корпусомъ Эссена остался въ 4-хъ верстахъ отъ города на Гирсовской дорогѣ; генераль Левисъ занялъ позицію на Разградской дорогѣ, а Уваровъ и казаки—на дорогѣ въ Шумлу.

У меня было 20.000 человѣкъ подъ ружьемъ; я раздѣлилъ эту маленькую армію на 2 корпуса и 7 отрядовъ. Подъ моимъ прямымъ начальствомъ были: отрядъ князя Вяземскаго, на правомъ флангѣ, около Дуная, въ центрѣ, на Шумлинской дорогѣ—отряды Гампера и Попандопуло.

Генераль Раевскій имѣлъ подъ своимъ начальствомъ генераловъ Бахметьева и графа Строганова, расположенныхъ на Разградской и Крушевской дорогахъ, на лѣвомъ флангѣ, на равнинѣ, около Дуная.

Генераль Шлитеръ командовалъ моимъ 7-мъ отрядомъ на лѣвомъ берегу Дуная, онъ уже давно былъ въ Каларашѣ, около Силистріи, а за мѣсяцъ до осады, онъ занялъ островъ, образованный Дунаемъ и р. Борщемъ. Нѣсколько ротъ егерей вытѣснили турокъ, которые высадились было тамъ съ цѣлью построить редутъ, крайне вредный для насъ.

Конечно, графъ Каменскій былъ очень расположенъ ко мнѣ, но, такъ какъ онъ совершенно не зналъ генераловъ своей арміи, то выборъ его всѣхъ тѣхъ, кто должны были служить подъ моимъ начальствомъ, можно отнести только къ случайности, которая для меня была очень счастливой, потому что трудно было сдѣлать даже сознательно болѣе удачный выборъ. Шлитеръ, Гамперъ, Попандо-

пуло, Бахметьевъ, гр. Строгановъ и Раевскій были найдостойнѣйшіе офицеры, отличавшіеся большимъ мужествомъ. Крушевъ не былъ ничѣмъ извѣстенъ, но тѣмъ не менѣе я остался имъ очень доволенъ. Князь Вяземскій же выказалъ себя самымъ блестящимъ образомъ. Главнымъ инженеромъ ко мнѣ былъ назначенъ генералъ Гамперъ, котораго я очень уважалъ за его качества и героическую храбрость, но который, къ сожалѣнію, не обладалъ особенными талантами въ своемъ инженерномъ искусствѣ, и я рѣшилъ не давать ему самостоятельнаго дѣла.

Сообщ. Е. Каменскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

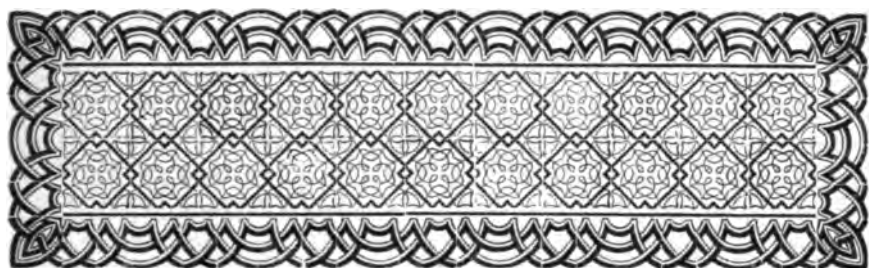

H. Pocher. Kopie

H. A. Rockwell. Boston

Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣателя ¹⁾.

V.

Изъ прокурорской службы.

о нѣкоторымъ специальнымъ дѣламъ, преимущественно объ оскорбленіи женской чести и цѣломудрія, мнѣ не разъ приходилось встрѣчаться съ экспертомъ, весьма свѣдущимъ врачомъ. Это былъ изящный молодой человѣкъ, всегда элегантно одѣтый и, очевидно, придававшій значеніе, какъ и всѣ почти акушеры и гинекологи, которыхъ я зналъ, своей внѣшности. У него были холенныя руки, онъ всегда былъ красиво причесанъ и отъ него слегка пахло тонкими духами.

Однажды, въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ, курьеръ мнѣ доложилъ, въ моей камерѣ, что приходилъ этотъ экспертъ и настойчиво желалъ меня видѣть. „Они очень разстроены, прибавилъ курьеръ, и даже какъ будто не въ себѣ. Обѣщали придти опять“. И дѣйствительно, черезъ четверть часа онъ явился. Но Боже! въ какомъ видѣ: растрепанный, съ взъерошенною бородкою и торчащими вверхъ и внизъ усами, въ небрежно повязанномъ галстукѣ, въ косо сидящемъ сюртукѣ вслѣдствіе того, что онъ былъ застегнутъ на несоот-

¹⁾ См. „Русская Старина“, февраль, октябрь, декабрь 1907 г. и мартъ 1908 г.

вѣтствующихъ петлямъ пуговицы. Сюртукъ его былъ въ пуху, холеные ногти съ траурной каймой. Онъ былъ блѣденъ и дышалъ тяжело, глаза его блуждали и руки нервно дрожали. „Что съ вами?“ воскликнулъ я невольно: „что случилось?“ Онъ безсильно опустился въ кресло и сказалъ: „Ахъ, я такъ разстроенъ! со мною случилось ужасное несчастье: я сталъ жертвою негодяевъ и пришелъ къ вамъ искать помощи и защиты. Вотъ въ чемъ дѣло“. И онъ, вздыхая и дѣлая длинныя паузы отъ волненія, продолжалъ: „я хотѣлъ купить билетъ внутренняго займа и для этого зашелъ третьяго дня въ мѣняльную лавку вблизи Гостиного двора. Приказчикъ подаль мнѣ нѣсколько билетовъ, и я, выбравъ наудачу одинъ, спросилъ, не вышелъ ли онъ, однако, въ тиражъ, на что приказчикъ отвѣчалъ отрицательно. Но я продолжалъ выражать сомнѣніе, и тогда хозяинъ лавки, находившійся на другомъ ея концѣ, сказалъ мнѣ съ неудовольствіемъ: „мы не продаемъ вышедшихъ въ тиражъ билетовъ, а если вы, господинъ, сомнѣваетесь, то не лучше ли вамъ пойти въ другую лавку? А впрочемъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ приказчику,—подай имъ тиражныя таблицы: пусть сами удостовѣрятся“. Я сталъ просматривать таблицы и, къ изумленію моему, увидѣлъ, что находившійся у меня въ рукахъ билетъ, плата за который уже лежала на прилавкѣ, но еще не была взята хозяиномъ, выигралъ 75.000. „Вотъ вы говорите, сказалъ я, что провѣряете таблицу, а между тѣмъ...“—„Ахъ, господинъ, перебилъ меня хозяинъ лавки, возьмите вы ваши деньги и пойдите въ другую лавку: право, вы только на сердце наводите“.—„Да нѣтъ, сказалъ я, подавая ему билетъ и тиражную таблицу, посмотрите сами: мой билетъ вѣдь выигралъ 75.000“.—Хозяинъ лавки вперилъ широкооткрытые глаза въ поданное ему, потомъ вдругъ поблѣднѣлъ, всплеснулъ руками и, закрывъ ими лицо, сталъ бормотать: „Господи, Господи! наводженіе, наводженіе“. Когда онъ немного успокоился, я сказалъ ему, что не хочу пользоваться его несчастіемъ и не возьму этого билета, но надѣюсь, что онъ пойметъ, что я имѣю право на вознагражденіе и желаю объ этомъ нынѣ же условиться. „Какъ же-съ, какъ же-съ!“ засуетился онъ,—„мы это вполне понимаемъ, и вы отъ насъ въ обидѣ не останетесь. Только сейчасъ это никакъ не возможно: я очень разстроенъ, совсѣмъ даже сообразить ничего не могу; вы ужъ пожалуйста завтра утречкомъ: тогда обо всемъ и переговоримъ“. И онъ заперъ билетъ въ конторку, а мнѣ выдали другой, на этотъ разъ уже тщательно провѣривъ таблицу. Это было вечеромъ, а вчера я два раза заходилъ въ лавку, но все не заставлялъ въ ней хозяина и нашелъ его лишь въ третій разъ уже передъ обѣдомъ. Когда я сказалъ, что пришелъ по поводу би-

лета, онъ взглянулъ на меня вопросительно, а потомъ, какъ будто что-то припомнивъ, сказалъ: „ахъ, да-съ! какъ же-съ! у насъ приготовлено. Вотъ-съ“, и подаль мнѣ конвертъ. Въ немъ было *триста рублей*. Вся кровь бросилась мнѣ въ голову отъ этой наглости. „Какъ! триста рублей? за семьдесятъ пять тысячъ? Да вѣдь мнѣ слѣдуетъ половина!“ — „На какомъ основаніи?“ дерзко спросилъ мѣняла: — „развѣ я эти деньги обронилъ, а вы ихъ нашли?“ — Я бросилъ этотъ пакетъ ему чуть не въ лицо и громко крикнулъ ему, что это подлость. Но онъ спокойно подобралъ выпавшія изъ пакета бумажки и сказалъ мнѣ: „ругаться вы не имѣете права, да и требовать отъ меня ничего не можете, а не хотите брать эти деньги, такъ вамъ же хуже. И о какомъ билетѣ вы говорите, я не знаю, а въ книгахъ у насъ записана вамъ продажа билета, и вы его получили“. — Я вышелъ отъ него взбѣшенный и имъ, и своею поспѣшностью: чортъ меня дернулъ отдавать ему выигравшій билетъ! Вѣдь они номеровъ не записываютъ, да и не знали бы, что билетъ выигралъ 75.000, такъ какъ уже проморгали его въ таблицѣ. Но я хотѣлъ поступить съ этими скотами, какъ благородный человѣкъ, и вотъ результатъ! Вѣдь это мошенничество! дневной грабежъ! вѣдь разъ я выbralъ этотъ билетъ и отдалъ за него деньги — онъ мой! не такъ ли? Вѣдь меня ограбили! Я такъ этимъ возмущенъ, что не спалъ всю ночь. Я зашелъ туда вечеромъ опять и сказалъ, что я обращаюсь къ прокурору, но это не подѣйствовало. Я думаю, что этихъ мошенниковъ приведетъ въ разсудокъ лишь ваше распоряженіе о производствѣ слѣдствія, и они увидятъ, что съ ними не шутятъ“. И глаза его остановились на мнѣ чуть не съ мольбою. Изъ-за изящнаго врача и ученаго вдругъ выглянулъ, быть можетъ, неожиданно для него самого, человѣкъ, въ которомъ проснулись алчные инстинкты, какъ въ прирученномъ звѣрѣ, лизнувшемъ крови, т. е. въ данномъ случаѣ денегъ.

„Я не могу начать никакого слѣдствія, — сказалъ я — сдѣлка не была окончена, да и во всякомъ случаѣ не дѣйствительна, такъ какъ хозяинъ дѣйствовалъ въ заблужденіи, воспользоваться которымъ вы же сами, въ первомъ порывѣ, считали невозможнымъ. Конечно, онъ могъ бы вамъ предложить гораздо большее вознагражденіе и поступилъ съ вами, предлагая триста рублей, довольно некрасиво, но преступленія здѣсь нѣтъ, и, пожалуй, если бы вы утаили отъ него ваше открытіе и воспользовались билетомъ, онъ имѣлъ бы большее, чѣмъ вы, основаніе обращаться къ уголовному суду“. — „Неужели все потеряно? — сокрушенно говорилъ мой посѣтитель, — неужели нельзя мнѣ помочь?“ — Онъ былъ просто жалокъ, и становилось очевиднымъ, что онъ провелъ тяжкій день и еще

болѣе тяжкую бессонную ночь въ состояніи отчаянія отъ пролетѣвшихъ мимо его кармана семидесяти пяти или во всякомъ случаѣ многихъ тысячъ. А между тѣмъ это былъ человѣкъ молодой, полный энергіи и не только не нуждавшійся, но имѣвшій прекрасную практику.

Вскорѣ послѣ того, какъ онъ ушелъ отъ меня колеблющеюся походкой, растерянный и печальный, мнѣ доложили, что пришелъ владѣлецъ мѣняльной лавки и проситъ его принять. Типическій скопецъ, уже немолодой, объяснилъ мнѣ, что проситъ сообщить ему, справедлива ли угроза „господина доктора“ о возбужденіи имъ противъ него обвиненія въ мошенничествѣ и можно ли такое дѣло прекратить миромъ. Я сказалъ ему, что упомянутое имъ лицо дѣйствительно было у меня, но въ сообщенныхъ имъ данныхъ я не вижу признаковъ преступленія, а по вопросу о томъ, достаточно ли вознагражденъ онъ за свой поступокъ, не считаю нужнымъ высказаться. „Да вѣдь помилуйте, господинъ прокуроръ“, замѣтилъ скопецъ своимъ бабьимъ голосомъ, „вѣдь господинъ докторъ все о благородствѣ своемъ говорили, такъ вѣдь это самое благородство опѣивать на деньги никакъ не возможно. Впрочемъ, если вы изволите сказать, что предложено было мало, такъ я готовъ сотенки двѣ накинуть для ихъ... благородства за то, что они мой выигрышъ себѣ не присвоили. Прикажете накинуть?“ Я отвѣчалъ, что это до меня не касается, и больше не встрѣчалъ въ жизни ни того, ни другого.

Въ началѣ марта 1874 года въ одной изъ второстепенныхъ и давно уже не существующихъ петербургскихъ газетъ появилась передовая статья на тему о безнравственныхъ проявленіяхъ общественной жизни въ Петербургѣ. Въ ней говорилось, главнымъ образомъ, о развитіи въ Петербургѣ азартной игры, въ роскошные пріюты для которой заманивается свѣтская молодежь, разоряемая и обираемая самымъ безсовѣстнымъ образомъ. „Игорные дома процвѣтаютъ въ столицѣ,—говорилось въ статьѣ,—и безопасно раскинули свои сѣти чуть не на всѣхъ перекресткахъ главныхъ улицъ; мы могли бы указать не меньше, какъ на десятокъ такихъ полезныхъ заведеній, а между тѣмъ нашъ прокурорскій надзоръ не только бездѣйствуетъ, но и поощряетъ этимъ бездѣйствіемъ дальнѣйшее развитіе и распространеніе этихъ ядовитыхъ грибовъ современной и, къ сожалѣнію, повидимому совершенно безопасной предпріимчивости. Слѣдовало бы прокурорскому надзору не быть слѣпымъ и глухимъ по

отношенію къ такому явленію, которое всѣ видятъ и о которомъ всѣ слышатъ“ и т. д.

Обвинительный характеръ этой статьи и указаніе на существованіе ряда игорныхъ домовъ побудили меня поручить секретарю при прокурорѣ окружного суда К. И. Масленникову посѣтить редакцію газеты и спросить, обладаетъ ли она фактическимъ матеріаломъ въ подтвержденіе сообщенныхъ ею данныхъ и не пожелаетъ ли она подѣлиться послѣдними съ прокурорскимъ надзоромъ, который она такъ изобличаетъ въ бездѣйствіи. Отвѣтъ былъ данъ очень неопредѣленный, но дня черезъ два мнѣ подали въ моей камерѣ карточку отвѣтственнаго редактора газеты. Ни въ манерѣ этого господина выражаться, ни въ его внѣшнихъ приѣмахъ не было ничего, что давало бы поводъ видѣть въ немъ журналиста по призванію или по долготѣней профессіи. Съ первыхъ же его словъ я увидѣлъ, что это человѣкъ, чуждый литературѣ и ея истиннымъ интересамъ и „примазавшійся“ къ ней изъ личныхъ расчетовъ или, быть можетъ, нанятый въ качествѣ Strohhedactor'a для отвѣта по искамъ о клеветѣ и диффамачіи въ печати. Впадая то въ таинственный, то въ фамиллярный тонъ,—поглядывая на меня съ „безпокойной ласковостью взгляда“,—онъ повѣдалъ мнѣ, что свѣдѣнія объ игорныхъ домахъ составляютъ секретъ редакціи. „Такимъ образомъ,—сказалъ я ему,—вы обвиняете прокуратуру въ бездѣйствіи и призываете ее къ исполненію своего долга и въ то же время отказываете ей въ необходимыхъ свѣдѣніяхъ для борьбы съ указаннымъ вами зломъ. Это, конечно, дѣло ваше, но, въ виду статьи въ вашей газетѣ, я вынужденъ буду поручить начальнику сыскной полиціи произвести самое тщательное дознаніе объ игорныхъ домахъ въ Петербургѣ и, если ваши утвержденія не подтвердятся, я долженъ буду, защищая ввѣренную мнѣ прокуратуру отъ несправедливыхъ обвиненій въ явномъ бездѣйствіи власти, въ свою очередь возбудить вопросъ о распространеніи вами ложныхъ слуховъ“. Мой посѣтитель смѣшался и, промямливъ о затруднительности для редакціи провѣрять всѣ доходящія до нея слухи, неожиданно объявилъ мнѣ, что въ сущности не располагаетъ никакими точными свѣдѣніями объ игорныхъ домахъ въ Петербургѣ, а допустилъ напечатаніе статьи лишь потому, что повѣрилъ сообщенію кого-то изъ своихъ знакомыхъ о дошедшемъ до послѣдняго слухѣ о томъ, что будто бы въ Петербургѣ существуетъ нѣсколько игорныхъ домовъ. На мое заявленіе, что я во всякомъ случаѣ поручу произвести дознаніе, онъ сталъ увѣрять меня, что дознаніе ничего не откроетъ, такъ какъ теперь онъ и самъ убѣдился, что допустилъ ввести читателей въ обманъ ложными сообщеніями о несуществую-

щемъ явленіи, „но зато,—прибавилъ онъ таинственно и понижая голосъ,—я могу сослужить прокуратурѣ службу уже совершенно достовѣрными сообщеніями о дѣлѣ, которое будетъ поважнѣе, чѣмъ игорные дома. Видите ли,—продолжалъ онъ, отвѣчая на мой вопросительный взглядъ,—я издавна вхожъ въ домъ однихъ моихъ хорошихъ знакомыхъ. Въ ихъ семьѣ довольно много молодежи, посѣщаемой товарищами и однолѣтками. Мнѣ часто приходится присутствовать при ихъ разговорахъ, при чемъ они меня не стѣсняются и выкладываютъ все напрямикъ. Такъ я вамъ скажу, у нихъ такіе взгляды и убѣжденія, что они всякихъ социалистовъ и нигилистовъ за поясъ заткнутъ. Теперь, какъ я слышалъ, производится большое дѣло о „распространеніи пропаганды“ (sic!) въ 30 губерніяхъ, такъ было бы очень полезно обратить вниманіе на эту молодежь и, въ случаѣ чего, поприжать ей хвостъ. Они вѣдь, повторяю, со мною откровенны и книжки мнѣ показываютъ, которыя читаютъ, такъ что я могу дать, конечно, *по секрету*, много полезныхъ указаній. У меня и фотографическія карточки почти всѣхъ ихъ есть, а нѣкоторыя даже съ надписями“. И, ласково заглядывая мнѣ въ глаза, онъ вытащилъ изъ бокового кармана сюртука пакетъ и сталъ вынимать изъ него фотографическія карточки. Но я остановилъ этого господина, объяснивъ ему кратко и вразумительно, что со своимъ предложеніемъ онъ ошибся адресомъ, и что онъ могъ бы обратиться въ какое-нибудь другое мѣсто, гдѣ, быть можетъ, не побрезгаютъ его услугами по предательскому искорененію превратныхъ идей въ средѣ довѣрившагося ему семейства „старыхъ и близкихъ“ знакомыхъ. Онъ принялъ обиженный видъ, торопливо спряталъ карточки, пробормоталъ: „какъ вамъ угодно“... и мы разошлись.

На другой день я пригласилъ къ себѣ начальника сыскной полиціи И. Д. Путилина и поручилъ ему произвести самое тщательное дознаніе объ игорныхъ домахъ. Онъ доставилъ мнѣ его черезъ недѣлю. Оказалось, что въ Петербургѣ дѣйствительно существуетъ домъ, гдѣ происходитъ азартная игра въ рулетку на большія суммы и при наличности всѣхъ необходимыхъ по закону атрибутовъ игорнаго дома, т. е. куда возможенъ доступъ незнакомымъ съ хозяиномъ квартиры, гдѣ организованъ размѣнъ денегъ, облегчающій игру, и гдѣ есть особый крупье или, какъ его называютъ нашъ законъ, счетчикъ. Устроителемъ и содержателемъ этого дома оказался штабъ-ротмистръ Колеминъ, а счетчикомъ—отставной поручикъ Тебенковъ. Представляя дознаніе, Путилинъ далъ мнѣ понять, что на содѣйствіе мѣстной общей полиціи для обнаруженія этого игорнаго дома рассчитывать трудно: одни могутъ быть заинте-

ресованы въ его существованіи матеріально, другіе же бояться ответственности за несвоевременное донесеніе объ этомъ существованіи. Сознавая, что по самому характеру своего устройства типическій игорный домъ можетъ быть доказательно установленъ лишь во время игры въ немъ, я рѣшился воспользоваться закономъ 18 мая 1871 года, по которому прокурорскому надзору было предоставлено прибѣгать къ содѣйствію жандармской полиціи и по общимъ, а не только по политическимъ преступленіямъ. Я пригласилъ къ себѣ на квартиру въ 11 ч. вечера 14 марта товарища прокурора Маркова, о которомъ я уже упоминалъ въ воспоминаніяхъ о дѣлѣ Овсянникова, и мѣстнаго судебнаго слѣдователя, съ которымъ уже заранѣе условился, и, давъ послѣднему письменное предложеніе и планъ квартиры Колемина, доставленный мнѣ Путилинымъ; просилъ ихъ обоихъ немедленно отправиться съ командированными въ ихъ распоряженіе жандармскими чинами къ Колемину, захвативъ съ собою по дорогѣ мѣстнаго участковаго пристава. По имѣвшимся у меня свѣдѣніямъ, игра у Колемина происходила по понедѣльникамъ, четвергамъ и воскресеньямъ и начиналась около 10 часовъ, при чемъ главные посѣтителы пріѣзжали обыкновенно послѣ театра, и всѣмъ присутствующимъ подавался роскошный ужинъ съ дорогими винами.

Поставивъ стражу у парадныхъ дверей квартиры и установивъ надзоръ за швейцаромъ, лица, уѣхавшія отъ меня, вошли съ чернаго хода и, принявъ мѣры, чтобы прислуга, которую застали при благодушномъ чаепитіи, не могла поднять тревоги, прошли черезъ рядъ комнатъ и вошли въ ярко освѣщенную залу въ тотъ моментъ, когда Колеминъ, обращаясь къ сидѣвшимъ за длиннымъ столомъ съ рулеткой гостямъ, воскликнулъ: „Messieurs, faites votre jeu!“ Всѣ были такъ увлечены, что даже не замѣтили вошедшихъ и только обращенныя къ Колемину слова Маркова: „позвольте васъ остановить“, вывели изъ безоглядной напряженности этихъ людей, „здобимыхъ—по выраженію Пушкина—стяжанія лихорадкой“. Всѣ вскочили съ мѣстъ, и большинство, побросавъ лежавшія передъ ними деньги, бросилось бѣжать въ переднюю, чтобъ тщетно попытаться уйти. А между тѣмъ среди нихъ было нѣсколько лицъ титулованныхъ и съ довольно виднымъ общественнымъ положеніемъ и даже одинъ дипломатическій представитель одной изъ второстепенныхъ державъ. Во время составленія полицейскаго протокола нѣкоторые изъ нихъ заявили, что состоятъ близкими знакомыми хозяина, но лишь двухъ изъ 14 человекъ Колеминъ могъ назвать по имени и отчеству, а большую часть фамилій перепуталъ. Двое изъ гостей, очевидно, не сознавая, какую

улику они даютъ противъ него, растерянно спросили Колемина, слѣдуетъ ли имъ платить за роскошный ужинъ *à la fourchette*, накрытый въ сосѣдней комнатѣ, а губернской предводитель дворянства одной изъ внутреннихъ губерній сталъ увѣрять, что попалъ сюда по недоразумѣнію, ошибшись квартирой, и отказывался взять лежащую передъ нимъ кучку несомнѣнно ему принадлежавшихъ полуимперіаловъ. По составленіи протокола „гости“ отправились по домамъ, и начался осмотръ квартиры, при чемъ, кромѣ бывшей въ дѣйствиіи рулетки, было обнаружено еще восемь различной величины рулетокъ и найдены четыре прихода - расходныя счетныя книги, въ которыхъ рукою Колемина, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ бухгалтеріи, отмѣчались операціи его заведенія. Во время этого осмотра, почти до 3 часовъ ночи, у парадныхъ дверей много разъ раздавались звонки новыхъ посѣтителей, предупреждать которыхъ швейцару было воспрещено. Только войдя въ переднюю, они узнавали, въ чемъ дѣло, и спѣшили сконфуженно отретироваться.

Все это, въ четвертомъ часу ночи, лично сообщилъ мнѣ Марковъ, привезшій актъ осмотра и копію постановленія слѣдователя о приступѣ къ слѣдствію и о привлеченіи Колемина въ качествѣ обвиняемаго въ устройствѣ игорнаго дома. Успѣхъ превзошелъ наши ожиданія... Но, просматривая протоколъ, я не нашелъ въ немъ фамиліи Тебенъкова, и на мой вопросъ по этому поводу, Марковъ сказалъ мнѣ, что Тебенъковъ на этотъ разъ отсутствовалъ по болѣзни, а роль крупье исполнялъ самъ Колеминъ. Это обстоятельство заставило меня сильно встревожиться. Всѣ признаки игорнаго дома были на лицо, но дѣло въ томъ, что Колеминъ находился на дѣйствительной военной службѣ, а по закону дѣла о преступленіяхъ воинскихъ чиновъ подсудны суду гражданскаго вѣдомства—и слѣдовательно, могутъ быть возбуждены прокуроромъ окружнаго суда—лишь въ томъ случаѣ, когда вмѣстѣ съ военными, въ качествѣ пособниковъ или сообщниковъ, участвуютъ лица гражданскія. На удостовѣренное мнѣ Путилинымъ постоянное пребываніе у Колемина при игрѣ, въ качествѣ крупье (т. е. пособника), отставного офицера Тебенъкова я и рассчитывалъ твердо, и, вдругъ его-то, какъ нарочно, и не оказалось! Такимъ образомъ выходило, что я возбудилъ дѣло, окружному суду не подсудное, и, слѣдовательно, превысилъ свою власть. Это было чревато разнаго рода жалобами и протестами со стороны не только обвиняемаго, но и военныхъ властей.

Я рѣшился пойти навстрѣчу опасности и утромъ послалъ въ собственныя руки военнаго министра, Дмитрія Алексѣевича Ми-

лютина, письмо съ подробнымъ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ привлеченія Колемина. Результатъ былъ совершенно неожиданный. Случилось такъ, что Милютинъ въ это же утро ѣхалъ съ докладомъ къ Императору Александру II. Онъ доложилъ о существѣ упавшаго на Колемина обвиненія и о крайней неблагоприятности появленія на скамьѣ подсудимыхъ гвардейскаго офицера, устроившаго себѣ такой постыдный заработокъ. Государь приказалъ считать Колемина уволеннымъ отъ службы съ того дня, вечеромъ котораго у него былъ обнаруженъ игорный домъ. Такимъ образомъ сама собою возстановилась подсудность этого дѣла гражданскому суду, временно мною нарушенная.

По закону (ст. 990 улож. о наказ.) Колеминъ, въ случаѣ осужденія его за устройство игорнаго дома, подлежалъ штрафу до трехъ тысячъ рублей, но, въ виду того, что по книгамъ его значился выигрышъ въ размѣрѣ 49.500 руб. за одни лишь послѣдніе мѣсяцы до обнаруженія его игорнаго дома, такое наказаніе, очевидно, было лишено и карательной, и предупредительной силы. Онъ могъ, подобно одному изъ героевъ Островскаго, сказать: „при нашемъ капиталѣ это всегда возможно“, и, оставивъ свою дѣятельность большими предосторожностями, продолжать ее впредь до новаго штрафа. Эти 49 тысячъ были приобрѣтены несомнѣнно преступнымъ образомъ въ заманчиво устроенномъ и роскошно обставленномъ притонѣ. Но вещи, приобрѣтенныя преступленіемъ, согласно 512 ст. полицейскаго устава, возвращаются тѣмъ, у кого они взяты, а если хозяевъ не окажется, то вещи продаются, и вырученная сумма поступаетъ на улучшеніе мѣстъ заключенія. Я рѣшился примѣнить эту статью къ Колемину, „дабы и другимъ, на него глядячи, не повадно было такъ дѣлать“, и предложилъ наложить въ этомъ размѣрѣ арестъ на деньги Колемина, находившіяся на храненіи въ Волжско-Камскомъ банкѣ, съ тѣмъ, чтобы та сумма, которая не будетъ востребована проигравшимися у него лицами, была обращена въ пользу колоніи и пріюта для малолѣтнихъ преступниковъ въ окрестностяхъ Петербурга. Судебный слѣдователь и Окружный судъ согласились съ такимъ моимъ взглядомъ, и арестъ былъ наложенъ.

Это произвело чрезвычайный переполохъ въ кругу петербургскихъ игроковъ и вызвало массу толковъ самаго фантастическаго содержанія. Стали рассказывать, что я заваленъ просьбами отъ когда-либо и что-либо проигравшихъ о возвращеніи имъ ихъ денегъ, и что я намѣренъ привлечь къ суду всѣхъ лицъ, извѣстныхъ крупными карточными выигрышами, и въ томъ числѣ нѣ-

сколькихъ видныхъ и вліятельныхъ членовъ англійскаго клуба, носившихъ имена, громкія не въ одной офіціальной области. Все это были нелѣпыя и невѣжественныя съ юридической точки зрѣнія измышленія, но по дѣлу Колемина, дѣйствительно, поступило два или три заявленія о принадлежности подавшимъ ихъ оставшихся въ ночь на 15 марта на игорномъ столѣ денегъ. Нечего и говорить, что пріятели и единомышленники Колемина были приведены моими „мѣропріятіями“ въ крайнее негодованіе, раздѣляемое и многими завсегдатаями тѣхъ клубовъ, гдѣ велась крупная игра. Какъ это часто бываетъ у насъ, люди, весьма беззаботные по части своихъ гражданскихъ и политическихъ правъ, едва дѣло коснулось одного изъ близкихъ къ нимъ по духу рыцарей легкой наживы, стали вопить чуть не о нарушеніи мною священной неприкосновенности домашняго очага.

Въ одинъ прекрасный день ко мнѣ въ камеру пришелъ въ сопровожденіи молодого человѣка видный сановникъ, причастный вмѣстѣ съ тѣмъ къ литературѣ. Высказавъ мнѣ свой взглядъ на содержаніе игорнаго дома, какъ на дѣло совершенно домашнее и никого не касающееся, кромѣ посѣтителей, которые „вѣдь не маленькіе и понимаютъ, что дѣлаютъ“, онъ просилъ меня заступиться за „бѣднаго“ Колемина, съ которымъ судъ, наложившій арестъ на деньги, поступилъ возмутительно и по-грабительски, какъ непоступаютъ съ порядочными людьми. При этомъ онъ прибавилъ, что не обращается къ министру юстиціи только въ увѣренности, что я его пойму и сдѣлаю такъ, чтобы судъ отдалъ деньги назадъ. „Вы ошибаетесь, сказалъ я,—я васъ не понимаю, такъ какъ не могу себя представить, чтобы человѣкъ, носящій ваше званіе и при томъ писатель, могъ не сознавать преступности содержанія игорнаго дома. А въ судъ помочь не могу: вы, очевидно, не знаете, что „возмутительный“ арестъ на деньги наложенъ по моему предложенію. Считать это законное распоряженіе суда грабежомъ (не говоря уже о неумѣстности этого выраженія) такъ же основательно, какъ и называть Колемина порядочнымъ человѣкомъ, забывая, что слово „грабежъ“ скорѣе всего должно быть отнесено къ нему“. Приведенный сановникомъ молодой человѣкъ, котораго я считалъ за кого-либо изъ многочисленныхъ родственниковъ перваго изъ нихъ, въ видимомъ смущеніи быстро всталъ со стула и густо покраснѣлъ. „Ахъ, помилуйте, что вы, что вы?“ забормоталъ мой чиновный посѣтитель,—„это ему обидно. Позвольте вамъ представить его — это Колеминъ“.—„Вы слишкомъ поздно это дѣлаете, — замѣтилъ я,—и приведу ко мнѣ господина Колемина безъ предупрежденія меня о томъ и безъ моего разрѣшенія, вы повинны передъ нимъ въ томъ,

что ему пришлось выслушать рѣзкій о себѣ отзывъ. Бесѣда наша кончена, и я васъ, господа, не удерживаю“.—„Вы разбили карьеру молодого человѣка“, съ пафосомъ сказалъ мнѣ, уходя, глубоко обиженный сановникъ. „Игорную?“—отвѣтилъ я ему вопросительно. Но онъ только махнулъ рукой, очевидно убѣдившись въ невозможности добиться правосудія.

Колеминъ былъ присужденъ окружнымъ судомъ къ двумъ тысячамъ рублей штрафа, а съ деньгами, арестованными у него, опредѣлено было поступить по 512 ст. полицейскаго устава.

„Qui a bu — boiga!“. Колеминъ переселился во Францію, а затѣмъ въ Испанію и тамъ по слухамъ продолжалъ нѣкоторое время свою дѣятельность въ С.-Себастьянѣ.

Перейдя въ Петербургъ изъ Казани, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, я нашелъ въ производствѣ у слѣдователя одно изъ тѣхъ мрачныхъ дѣлъ, про которыя можно сказать словами знаменитаго Tardieu: *c'est ici que l'on désespère de l'humanité*.

Въ Петербургѣ жило семейство чиновника N. N., состоявшее изъ родителей, двухъ дочерей, замѣчательныхъ красавицъ, и забулдыги—брата. Старшая дочь была замужемъ тоже за чиновникомъ, но не жила съ нимъ. Семейство познакомилось съ богатымъ банкиромъ, который среди петербургскихъ развратниковъ слылъ за особаго любителя и цѣнителя молодыхъ дѣвушекъ, сохранившихъ вѣщныя признаки дѣвства, за право разрушенія которыхъ старый и безобразный торговецъ деньгами платилъ большія суммы. Почтенная семья рѣшила представить ему старшую дочь въ качествѣ дѣвственницы и, повидимому, получила кое-что авансомъ. Но къмѣ-то предупрежденный о готовившемся обманѣ, банкиръ потребовалъ точнаго исполненія условленнаго, грозя какими-то имѣвшимися у него компрометирующими родителей подложной дѣвственницы документами. Тогда вся семья, за исключеніемъ младшей дочери Надежды, рѣшилась принести ее въ жертву современному Минотавру, при чемъ старшая сестра ея играла самую активную роль и была посредницей въ переговорахъ, выговоривъ себѣ за это часть изъ общаго вознагражденія. Но несчастная Надежда N. N., которой только-что минуло 19 лѣтъ, приходила въ ужасъ отъ той роли, на которую ее обрекала развращенная семья. Кромѣ того, она была влюблена, хотя безъ доказательствъ взаимности, въ красавца-офицера лейбъ-гвардіи Казачьяго полка. Понадобились просьбы, слезы, настоянія и всякаго рода психическое принужденіе и давленіе, чтобы побудить ее, наконецъ, согласиться отдаться въ опыт-

ныя и жадныя объятія старой обезьяны. Для этого назначенъ былъ и день, въ который сестра должна была пріѣхать съ нею къ банкиру и затѣмъ, послѣ роскошнаго ужина, оставить ихъ вдвоемъ.

Но произошло нѣчто неожиданное.

Наканунѣ своего жертвоприношенія Надежда N. N. написала письмо любимому человѣку въ казармы, въ которомъ просила пріѣхать отобѣдать съ нею въ одномъ изъ загородныхъ ресторановъ. Около 5 часовъ дня она явилась въ этотъ ресторанъ, взяла отдѣльный кабинетъ, заказала обѣдъ на двоихъ и приказала заморозить бутылку шампанскаго. Но ожидаемый сотрапезникъ не пріѣхалъ. Прождавъ его до 9 часовъ вечера, не дотрогиваясь до обѣда, но выпивъ нѣсколько бокаловъ шампанскаго, Надежда N. N. уѣхала. Около 11 часовъ вечера она явилась въ казачьи гвардейскія казармы, гдѣ пожелала видѣть своего знакомаго, но его не было дома, и она, весело поболтавъ съ тремя его товарищами, удалилась, сказавъ, что отправляется домой. На этомъ слѣдъ ея потерялся. Въ 6 ч. утра (дѣло было лѣтомъ) какая-то дама, растрепанная и шатавшаяся, наняла на Знаменской площади извозчика и, подѣхавъ къ дому, гдѣ жило семейство N. N., дала извозчику полуимперіалъ, а на выраженное имъ недоумѣніе, махнула рукой и вошла въ подъѣздъ. Это была Надежда N. N. Она быстро прошла черезъ комнату спавшаго брата, потревоживъ его своимъ появленіемъ и тѣмъ, что чего-то искала въ комнатѣ; ничего не отвѣтивъ на его вопросъ. Черезъ нѣсколько минутъ въ ея комнатѣ раздался выстрѣлъ. Пуля прошла снизу вверхъ, не задѣвъ сердца, но произведя жестокое поврежденіе спинного мозга, вызвавшее въ быстромъ нарастаніи паралича верхнихъ конечностей и языка. Понесшая убытокъ благородная семья (—, а счастье было такъ близко, такъ возможно!“—) не дала, однако, знать полиціи, а пригласила находившагося въ близкихъ отношеніяхъ со старшею сестрою доктора медицины, преподававшаго студентамъ Медико-Хирургической академіи и извѣстнаго нѣкоторыми научными работами. Онъ подавалъ первую помощь несчастной дѣвушкѣ, покуда она еще владѣла рѣчью, но когда, черезъ нѣсколько часовъ, она уже не могла владѣть ни руками, ни языкомъ, было дано знать полицейскому врачу, который нашелъ Надежду N. N. въ ужасномъ положеніи. Она не могла говорить и двигать руками, лицо ея выражало жесточайшее страданіе, а когда врачъ, осматривая рану, обратилъ вниманіе на ея половые органы, то нашелъ, что они находятся въ такомъ состояніи воспаленія и даже омертвѣнія, которое свидѣтельствуетъ о томъ, что она сдѣлалась жертвою, въ-

роятно, нѣсколькихъ человѣкъ, лишившихъ ее невинности и обладавшихъ ею послѣдовательно много разъ. Никакихъ знаковъ насилія, однако, на ея тѣлѣ найдено не было. Несчастная протрѣпала нѣсколькихъ дней, на разспросы полиціи и слѣдователя отвѣчала лишь слезами и стономъ и, наконецъ, умерла отъ своей раны и отъ явленій острой уремїи, какъ послѣдствія мѣстнаго поврежденія.

Къ слѣдствію была привлечена старшая сестра, взятая на поруки упомянутымъ выше профессоромъ, но, несмотря на всѣ усилія слѣдователя и сыскной полиціи, открыть виновниковъ совершеннаго надъ Надеждой N. N. злодѣянія и вообще разъяснить эту драму не удалось. Существовалъ рядъ предположеній, розыски направлялись то въ ту, то въ другую сторону, но это не приводило ни къ чему, и все обрывалось на роковомъ и вынужденномъ молчаніи покойной.

Въ началѣ октября того года, когда все это случилось, ко мнѣ въ камеру пришелъ поручитель за старшую сестру и съ большимъ сознаніемъ собственнаго достоинства сказалъ, что желаетъ отказаться отъ поручительства за нее, такъ какъ разошелся и не хочетъ болѣе имѣть съ нею ничего общаго. Я сказалъ ему, что онъ можетъ подать объ отказѣ отъ поручительства заявленіе мнѣ или слѣдователю, но, воспользовавшись его пребываніемъ у меня, завелъ съ нимъ разговоръ о существѣ этого дѣла. Онъ согласился со мною, что оно ужасно, и когда я сказалъ ему, въ какихъ направленіяхъ шли розыски, онъ заявилъ мнѣ, что это все ложные пути, и, если бы покойная могла теперь говорить, она бы рассказала другое, „и весьма неожиданное“, прибавилъ онъ, лукаво усмѣхаясь. „Но вѣдь вы были при ней, когда она еще говорила, конечно разспрашивали ее, и безъ сомнѣнія она вамъ сказала все, какъ другу семьи. Вы могли бы поэтому насъ вывести изъ лабиринта, дать намъ руководящую нить... вѣдь вы тоже возмущаетесь этимъ мрачнымъ дѣломъ и не можете не жалѣть несчастную дѣвушку.—Ну, само собою разумѣется,—отвѣтилъ онъ совершенно спокойно—она мнѣ все рассказала, и жаль мнѣ ее и возмущаюсь я, а все-таки помогать вамъ не хочу. Ея не воротить, а мнѣ это невыгодно и неудобно. Впрочемъ, если вы дадите честное слово, — и онъ оглянулся на двери кабинета,—что не только не передадите никому того, что я вамъ скажу, но ни въ какомъ случаѣ и никакимъ способомъ этимъ не воспользуетесь, то я вамъ, какъ знакомому, для удовлетворенія вашего любопытства, по дружбѣ, пожалуй кое-что расскажу.— Милостивый Государь—я съ вами говорю, какъ прокуроръ, а не по дружбѣ, которой между нами существовать не можетъ,

тѣмъ болѣе, что я не имѣю чести быть съ вами знакомымъ, а вижу васъ въ первый разъ.—Ну вотъ, вы ужъ и сердитесь! Если такъ, то я вамъ, господинъ прокуроръ, заявляю, что я ничего по этому дѣлу не знаю.—Даже и того, что старшая сестра погибшей заявила, что поддѣлка ея невинности для господина банкира должна была совершиться при вашемъ техническомъ содѣйствіи?—Нѣтъ,—знаю!—Но развѣ это возможно?!—Почему же нѣтъ? Для этого есть разные способы, между прочимъ, нѣкоторыя вяжущія средства.—Я не въ этомъ смыслѣ говорю о невозможности. Но развѣ мыслимо, чтобы врачъ, профессоръ, руководитель молодежи служилъ своими знаніями такому презрѣнному предпріятію. Вѣдь это безнравственно!—Э-э-эхъ, господинъ прокуроръ, зачѣмъ вы такія страшныя слова употребляете: *нравственно, безнравственно*. Нравственность - то вѣдь понятіе гуттаперчивое, растяжимое. Есть болѣе реальныя вещи: возможность, цѣлесообразность,—о нихъ только и стоитъ говорить. Такъ то-съ!—И онъ, съ напускнымъ добродушіемъ, протянулъ мнѣ руку, а когда я ея не принялъ, то съ насмѣшливымъ удивленіемъ пожалъ плечами и неторопливой походкой пошелъ изъ кабинета.

Дѣло было прекращено Судебной Палатой.

А. Ө. Кони.

1906 г.

Памяти Н. А. Римскаго-Корсакова.

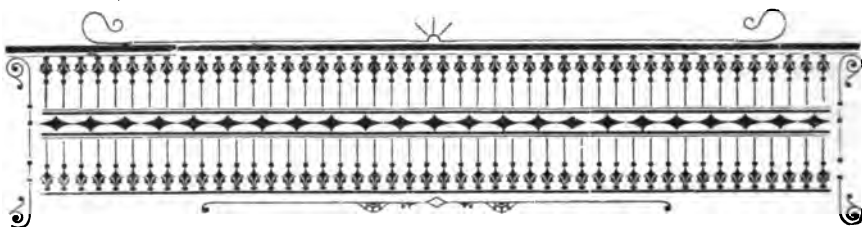
8 іюня этого года не стало Николая Андреевича Римскаго-Корсакова. Смерть сочинителя „Снѣгурочки“ глубоко опечалила всѣхъ, кому дорого родное искусство. Творчество славнаго композитора являло намъ столь чистые и чудесные образцы опернаго стиля, націонализмъ его открывалъ такіе неожиданные горизонты для дальнѣйшихъ слѣдованій въ области прекраснаго, что появленіе каждаго новаго корсаковскаго произведенія охватывало русскаго музыканта полнымъ и еще неизвѣданнымъ счастьемъ. Корсаковъ углубилъ, утончилъ приемы, завѣщанные Глинкой, осуществилъ надежды и стремленія Балакирева, Мусоргскаго, Бородина. Что могъ еще дать чудный этотъ талантъ, показываютъ послѣднія оперы — „Кашей“, „Сказаніе о градѣ Китежѣ“, „Золотой пѣтушокъ“... Все росло значеніе его для русской культуры. Теперь жизнь прекратилась, но прекрасный образъ русскаго человѣка неустанно развивавшагося, находившаго новыя и новыя связи съ народнымъ творческимъ духомъ, будетъ сіять все усиливающимся свѣтомъ. Лишившись композитора, наше общество лишилось съ тѣмъ вмѣстѣ и исключительнаго педагога, оставившаго цѣлое созвѣздіе талантливыхъ учениковъ.

Смерть Корсакова — горестная, дѣйствительно незамѣнимая утрата.

В. В.

Описаніе жизни Н. А. Римскаго-Корсакова съ подробною оцѣнкою его творчества редакція «Русской Старины» предполагаетъ помѣстить въ одномъ изъ послѣдующихъ №№ журнала.

Дневникъ академика В. П. Безобразова ¹⁾.

1886.

1 января. Да благословить Господь новый годъ. Наканунъ новаго года я былъ у В. К. Сергѣя Александровича и былъ счастливъ видѣть, какъ онъ меня любить. Не могу я не тратить силъ и времени на Вел. Князей.

Сегодня ѣздилъ поздравлять съ рожденіемъ В. К. Алексѣя Александровича. Какой холодный приемъ!... Тутъ были ближайшіе и высокіе люди: морской министръ Посыетъ и проч.

4 января. Вчера, какъ завелось послѣдніе годы, В. Кн. Сергѣй и Павелъ Александровичи, Константинъ и Дмитрій Конст., Петръ Николаевичъ и Георгій Михайловичъ (послѣдній недавно приобретенный къ нашему кружку) завтракали у меня. Было очень *gemüthlich*, завтракъ былъ отъ Дюпон на славу. В. Кн. очень любятъ быть у меня; я изучилъ ихъ натуру; знаю, что для нихъ пріятно, знаю ихъ обиходъ. Между тѣмъ у меня все (даже тепи) оригинально, не такъ какъ у нихъ. Поэтому они у меня такъ веселятся. За завтракомъ послѣ питья за мое здоровье, я предложилъ тостъ за Государя (я сказалъ, что пью за него просто, какъ за человека, которому обязанъ неизмѣримо больше, чѣмъ покойному Государю, хотя и не успѣлъ заслужить ему моей службой и, вѣроятно, не успѣю, и гораздо больше служилъ прошедшему царствованію; — и просилъ Сергѣя Александровича передать мои слова Государю; при

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1903 г.

этомъ всѣ запѣли: „Боже, Царя Храни!“); потомъ за Александру Іосифовну, Елизавету Теодоровну, Елизавету Маврикіевну и Марію Павловну. В. К. въ заключеніе предложили тостъ за моихъ дѣтей.

Вечеромъ пришелъ Н. Н. Левашевъ и сообщилъ мнѣ странную и неожиданную для меня вещь, что Манасенинъ (Упр. Мин. Юстиціи) очень ко мнѣ расположенъ и даже хочетъ представить меня въ этомъ году въ Дѣйств. Тайн. Сов. Вотъ не ожидалъ, вслѣдствіе моихъ отношеній къ Остзейскому краю, въ которомъ такъ враждебно и неосновательно враждебно дѣйствовалъ М. Но въ Россіи нѣтъ партій, а Богъ знаетъ что. Все личныя отношенія, перепутанныя какими-то quasi-политическими убѣжденіями.

13 января. 6 января крещенскій парадъ въ Зимнемъ дворцѣ. Послѣ него я долго оставался съ В. К. Павломъ Александровичемъ. У него замѣтилъ очень пренебрежительное обращеніе со мной высшихъ. Не знаю, чему приписать. Можетъ быть, это только мое впечатлѣніе. Если это вѣрно, то я предполагаю, что это происходитъ отъ необыкновенно любовнаго и короткаго обращенія со мной Имп. фамиліи, которое внушаетъ всѣмъ зависть (хотя это глупо, ибо я, ничего не желая, никому не мѣшаю). Такъ сегодня, на завтракъ въ Мраморномъ дворцѣ (рожденіе В. К. Елизаветы Маврикіевны) все Августѣйшее семейство было занято только мной, начиная съ Константина Николаевича. Отсюда злой говоръ женщинъ, что я позволяю легко съ собой обращаться.

Многое, самое интересное, въ эти необычайно суматошные дни не было мной записано, напр., обѣдъ у В. К. Александры Іосифовны. Господи, когда прекратится эта бессмысленная суматоха моей жизни, и я обрѣту спокойствіе! Отъ этого я съ такимъ наслажденіемъ вспоминаю время, когда я сломалъ себѣ ногу, лежалъ больной и принадлежалъ себѣ и своей работѣ.

16 января. Ужасно трудно записывать при недостаткѣ времени, но никакъ не хочу бросить записокъ.

19 января. Сенаторы Д-та Герольдіи давали обѣдъ сен. Харитонову по случаю его перемѣщенія Первоприсутствующ. во 2 общее собраніе. Было очень *gemüthlich*—несмотря на разнообразіе людей, есть какой-то единый духъ между сенаторами, мнѣ симпатичный (нравственная независимость). Можетъ быть, это только въ нашемъ Д-тѣ, которымъ я очень доволенъ.

Господствуетъ духъ законности и неугодливости администраціи, а это не нравится, и это хотятъ уничтожить. Очень было сильно, хотя и не довольно сильно перемѣщеніе сенаторовъ съ новаго года (изъ одного Д-та въ другой). Эти перемѣщенія нарушаютъ само-

стоятельность (inamovilité) сенаторовъ. Два сенатора были переведены изъ I департамента за оппозицію (?), т. е. просто за то, что высказываютъ свободно свои мнѣнія, непріятныя министрамъ. При духѣ реакціи, дующей изъ нѣкоторыхъ сферъ (Катковъ), надо удивляться, что еще нѣтъ худшаго. Нынѣ хотѣли бы сокрушить все порядочное (все противное личному произволу) въ правительственной средѣ.

Вчера, 15 янв., завтракалъ у В. К. Сергѣя Александровича и потомъ къ Павлу Александровичу, который боленъ. Не могъ у него обѣдать, потому что былъ экон. обѣдъ, но былъ вечеромъ тотчасъ послѣ обѣда съ Сергѣемъ Александровичемъ и Елизаветой Θεодоровной. Они меня трогаютъ своей любовью, особенно Павелъ Александровичъ (да и С. А.). Мнѣ дѣлаютъ упреки, что я такъ много съ ними, но они мнѣ сдѣлались, какъ родные. Я къ нимъ страшно привязанъ: никто не знаетъ этой близости, и потому различно толкуютъ мои отношенія.

Экономическій обѣдъ вчера былъ очень многолюденъ; мы уничтожаемъ гостей. Они такъ надоѣли, и интимный характеръ обѣдовъ измѣняется.

Сегодня былъ у Павла Александровича, который меня трогаетъ своей благодарностью за то, что я его больного посѣщаю: ѣзжу къ нему каждый день. Съ нимъ можно вести серьезные политическіе разговоры.

18 января. Сегодня за завтракомъ у В. К. Павла Александровича (были кромѣ меня Здекауэръ и Степановъ) шелъ пространный разговоръ о конституціи. Степановъ ругалъ конституціонные порядки (по поводу Англіи), я защищалъ, Здекауэръ молчалъ, Павелъ Александровичъ умно слушалъ. Нужно многое объяснить и истолковать, когда эти придворные и по невѣжеству и по подлости путаютъ, смѣшивая, напр., конституціонализмъ съ парламентаризмомъ, деспотическое самодержавіе съ законной монархіей.

21 января. Опять было довольно суматошно и трудно записывать.

Опять гости экономического обѣда изрыгнули въ разныхъ газетахъ разные сплетни насчетъ экономическихъ обѣдовъ. Мнѣ это все равно, но гадко поведеніе людей, именующихъ себя порядочными. Вся реакціонерная партія усиливается сдѣлать экономическіе обѣды невозможными. Они ей противны, отчасти своимъ свободомысліемъ, отчасти просто, потому что реакціонеры въ нихъ не участвуютъ.

19 января. Былъ у меня по случаю Бэра (родств. Грота), митавскаго предводителя дворянства, нѣчто въ родѣ Остзейскаго обѣда (Н. Латке, П. Л. Корфъ, Лиліенфельдъ). Говорили объ остзейскомъ краѣ. Я не сочувствую нелѣпой, фанатической, руссофильской, чиновничьей ломкѣ, которую тамъ производятъ; кромѣ раздраженія національностей никакого результата. А развѣ еще вотъ—создають латышскую національность (около 4 мил. душъ), которая будетъ стремиться къ самостоятельности, — на мѣсто преданныхъ намъ бароновъ. Отъ нихъ нѣтъ никакой опасности для Россіи. А между тѣмъ что же выходитъ?—Нелѣпость: тѣ самые, которые видятъ гибель Россіи отъ учрежденій Александра II (земскихъ и другихъ), хотятъ вводить ихъ въ Остзейскомъ краѣ, а его учрежденія—сословныя, въ которыхъ видятъ его гибель, хотятъ вводить въ Россіи.

Въ воскресенье 19 янв. съѣхались по обыкновенію кое-кто. Говорили всего болѣе о министрѣ финансовъ Бунге, котораго увольняютъ, отчасти вслѣдствіе общаго голоса и его несостоятельности, отчасти вслѣдствіе нелѣпыхъ клеветъ въ реакціонерныхъ газетахъ („Гражданинъ“, „Москов. Вѣд.“), что въ министерствѣ финансовъ гнѣзда революціи. Все это чепуха, характеризующая время. Но мое раздумье: посреди общихъ невѣжественныхъ криковъ, требующихъ невозможнаго отъ министра финансовъ, я считаю просто невозможнымъ, чтобы былъ назначенъ, или удержался, или согласился принять этотъ постъ человѣкъ честный и знающій дѣло. Несчастные русскіе финансы!

Вчера обѣдалъ у Павла Александровича съ Сергѣемъ Александровичемъ и Елизаветой Θεодоровной. Обращеніе всѣхъ ихъ со мной глубоко меня трогаетъ.

Еще забылъ записать, что 18 января на обычномъ субботнемъ вечерѣ въ Мраморномъ дворцѣ появился въ первый разъ Вел. Кн. Николай Николаевичъ Младшій.

Николай Николаевичъ Младшій совсѣмъ особое лицо въ Императорской фамиліи, хотя и типически выражающее собой нѣкоторыя черты, общія ей всей.

22 января. Не записывалъ опять эти дни, потому что было суматошно и много работалъ. Но хотя происходило не мало интереснаго, не все лично до меня касающееся. А что же я буду записывать здѣсь только мое личное?—Для этого моя личность слишкомъ ничтожна. Былъ на большомъ балѣ во дворцѣ. Великій Князь Павелъ Александровичъ такъ милъ со мной, что пригласилъ въ этотъ день къ себѣ обѣдать; чтобы у него одѣться, онъ отвелъ для меня

особый апартаментъ и все такъ устроилъ, — сигары, папиросы и красное вино. Съ одной стороны, они любятъ заниматься этими мелочами, съ другой стороны — необыкновенная любезность ко мнѣ.

Близость моя къ Вел. Князьямъ возбуждаетъ зависть и недоброжелательство и даже злобу противъ меня. Я это почувствовалъ на балѣ, чѣмъ менѣе я лѣзу впередъ и все себя держу вдаль отъ царской фамиліи и высокихъ, чѣмъ менѣе даю повода къ нареканіямъ на меня, что я лѣзу, тѣмъ болѣе противъ меня злобствуютъ. Моя независимость и смѣлая манера обращенія возбуждаютъ общее неудовольствіе, особенно среди придворныхъ. О, если бы люди знали, что я ни къ чему не стремлюсь! Всего пріятнѣе проводить мнѣ теперь время у Павла Александровича. Онъ всѣхъ лучше со мной.

Не мало разстройствъ доставляютъ мнѣ экономическіе обѣды. Они дѣлаются рѣшительно невозможными послѣ своего 27-лѣтняго существованія: враги хотятъ ихъ подкопать. Послѣ каждого обѣда пасквиль въ газетахъ (главнѣйше въ „Гражданинѣ“). У насъ нѣтъ въ обществѣ постоянства, чтобы выдержать враждебные натиски. Я одинъ держу 27 лѣтъ эти обѣды. Наконецъ мнѣ надоѣло держать все на моихъ плечахъ. Не знаю, на что мнѣ рѣшаться. Меня компрометируетъ, что непрерывно пишутъ на меня карикатуры въ газетахъ. Здѣсь публикой и высшимъ міромъ это понимается не такъ, какъ въ Европѣ. А жаль бросить вещь, все-таки приносящую свою долю пользы. Экономическіе обѣды, единственный въ Петербургѣ *foyer de discussions politiques*, гдѣ свободно обсуждаются государственные вопросы дня въ кругу самыхъ видныхъ представителей всѣхъ сферъ отъ высшихъ правительственныхъ лицъ до самыхъ низшихъ спеціалистовъ. Къ тому же грустно бросать свое созданіе. А если я откажусь, то обѣды закроются.

Сегодня завтракалъ у В. К. Павла Александровича. Удивительную вещь я отъ него слышалъ: третьяго дня въ Александринскомъ театрѣ давали въ первый разъ пьесу кн. Мещерскаго. Въ антрактѣ Государь (при этомъ былъ П. А.) говорить: „позвать Мещерскаго!“. Онъ его комплиментировалъ, посадилъ съ собой пить чай. Какой же это консерватизмъ осмѣивать высшихъ должностныхъ лицъ. Эти люди даже не смѣютъ возражать. И къ этому пріучается публика! Что это за положеніе печати, развращающее общество! Самая умѣренная общая мысль не можетъ свободно высказываться, а для личныхъ вопросовъ и скандаловъ полный просторъ, да и тутъ обругиваютъ

только тѣхъ, кто не хочетъ браться за мерзкое оружіе—зажимать ротъ печати и кто не милъ. Людей въ фаворѣ не смѣютъ трогать. Возражать нельзя. Я послалъ корреспонденцію въ „Рус. Вѣд.“, въ которой защищалъ Бунге противъ „Москов. Вѣд.“. Редакторъ долженъ былъ это выпустить изъ моей корреспонденціи, потому что запрещено писать по этому предмету (былъ секретный циркуляръ). Нельзя защищать министра. Нельзя понять, что графъ Толстой—какія бы ни были его политическія убѣжденія—но какъ человѣкъ умный, могъ держать печать въ такомъ положеніи. Это положеніе вредно съ какой бы то ни было политической точки зрѣнія. Это положеніе ведетъ общество къ отупѣнію и несравненно вреднѣе въ будущемъ даже въ политическомъ отношеніи, чѣмъ полная настоящая свобода печати (охраненная закономъ).

29 января. Завтракалъ сегодня у В. К. Сергія Александровича. Вообще эти дни въ настроеніи неудовлетворительномъ относительно сихъ сферъ. Иногда я себя чувствую въ крайне чуждомъ положеніи въ этихъ сферахъ. Дѣло въ томъ, что я все-таки не имѣю ничего общаго съ придворными. Отсюда всѣ противорѣчія моихъ отношеній къ этой средѣ.

Я очень огорченъ и пораженъ внезапной кончиной Аксакова. Это большая утрата: еще однимъ замѣчательнымъ человѣкомъ и еще однимъ представителемъ нашего поколѣнія меньше въ Россіи. Мы рѣшительно сходимъ въ могилу.

29 января. Я, наконецъ, въ нормальной своей температурѣ—совсѣмъ меланхолической. Когда я веселъ, то мнѣ кажется, что это ненормально, потому что почти всю жизнь я провелъ въ горѣ. Мнѣ кажется, что все въ моихъ отношеніяхъ къ людямъ разваливается; о любви и дружбѣ не можетъ быть рѣчи. Я разуверился въ лучшихъ моихъ друзьяхъ и убѣдился... Но о любви говорить нечего. Я убѣдился, что въ обществѣ и во всѣхъ его сферахъ, кромѣ развѣ самыхъ низменныхъ—нѣсколькихъ крестьянъ и прислуги, которая у меня была въ домѣ, можетъ быть нѣкоторыхъ моихъ лицейскихъ учениковъ—нѣтъ ко мнѣ никакого нравственнаго уваженія. На меня смотрятъ почти, какъ на шута, съ которымъ можно отъ нечего дѣлать иногда провести забавно время. Именно, въ этихъ отношеніяхъ ко мнѣ людей, я обвиняю только самого себя. Не могутъ быть всѣ люди виноваты относительно одного; виноваты только я одинъ и каюсь въ этомъ передъ Богомъ, сознавая всѣ мои недостатки. Какъ-то все около меня въ разладѣ относительно меня—и въ обществѣ, и въ семьѣ. И всегда такъ было за рѣдкими исключеніями. Я недоволенъ самъ собой, своимъ неумѣніемъ, своими

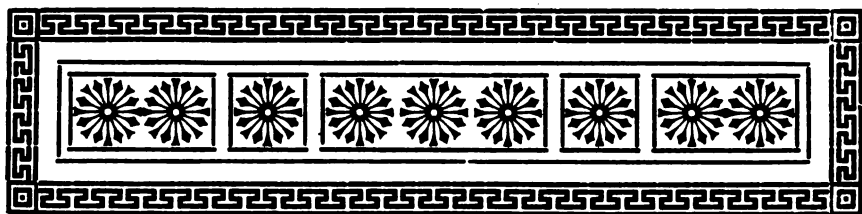
грѣхами, и въ этомъ самое большое терзаніе для человѣка. Легко, когда несчастливъ, винить только другихъ.—Я виню только самого себя, да простить меня Богъ и приметъ съ миромъ мой духъ.

3 февраля. Третьяго дня былъ обыкновенный ужинъ у К. В. Дмитрія Константиновича. Я отказывался, но по особннымъ настояніямъ его поѣхалъ. Я удаляюсь это время отъ дворовъ—не совсѣмъ доволенъ обращеніемъ и, по моему обыкновению, даю это имъ чувствовать. Въ субботу было то особенное, что ужиналъ В. К. Николай Николаевичъ Младшій, и онъ заказывалъ особенно дорогой ужинъ и необыкновенныя вина, 5 кушаній.

Сообщ. М. В. Безобразова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дѣла давко живущихъ лѣтъ.

(Записки сенатора Николая Яковлевича Трегубова) ¹⁾.

(Окончаніе).

еперь начну свою исторію съ того времени, какъ я себя зачалъ помнить.

Въ бытность отца моего въ Нижнемъ, приставленъ былъ къ намъ дядька Григорій Макаровъ, человѣкъ умный, но суровый, который сѣкалъ меня съ Александромъ Яковлевичемъ почти всякую субботу, хотя бы во всю недѣлю мы и ничего такого не сдѣлали, чѣмъ заслуживали бы наказанія, но онъ дѣлалъ то иногда, чтобы впередъ не спалили чего, думая тѣмъ содержать насъ болѣе въ страхѣ, и тѣмъ самымъ, приуча къ наказанію, болѣе помогъ Александру Яковлевичу стать великимъ шалуномъ, ибо его чаще наказывалъ; боясь же, чтобы не узнали родители, всегда сѣкалъ сквозъ мокрую салфетку, дабы не было знаковъ; однако же родители узнали и его бранили. Вотъ что изъ того слѣдуетъ, когда родители не пекутся о своихъ дѣтяхъ, а отдають ихъ на попеченіе слугамъ своимъ, полагая воспитаніе въ томъ только, чтобы вскормить ребенка.

Скоро потомъ, какъ воцарилась великая Екатерина, отецъ мой взялъ отставку и переѣхалъ въ Москву, гдѣ вскорѣ и дядька нашъ умеръ. Въ 1767 году записали насъ въ полкъ Московскій пѣхотный ²⁾, а въ 1768 г. перевели въ Рязанскій, къ полковнику Шестакову, меня, Александра Яковлевича и Ѳедора Яковлевича сер-

¹⁾ Изъ бумагъ скончавшагося въ 1905 г. тайнаго совѣтника Алексѣя Владиміровича Телесничаго. См. „Русскую Старину“, октябрь 1908 г.

²⁾ Полковникъ Каменскій, что послѣ былъ графъ и фельдмаршалъ.

жантами. Въ 1772 году повхалъ я весною на службу въ Петербургъ, и какъ еще чума въ Москвѣ не совсѣмъ окончилась, то и сидѣлъ въ Москвѣ недѣлю въ карантинѣ, въ томъ домѣ, гдѣ нынѣ Екатерининская больница. Товарищъ мой былъ полковникъ Петръ Ѳедоровичъ Талызинъ. На петербургской дорогѣ, за 30 верстъ до Твери, въ селѣ Городнѣ, я долженъ былъ еще недѣлю выдержать карантинъ. Тутъ я попалъ на очень дурную компанію: при карантинѣ былъ гвардіи капитанъ Николай Димитріевичъ Щетневъ, который былъ пьянъ всякій день, да содержавшійся въ карантинѣ гвардіи прапорщикъ Хрущовъ—также, и они вмѣстѣ были всякій день въ трактирѣ, гдѣ всѣхъ содержавшихся было сходбище. Въ одинъ вечеръ, когда они очень понаклаукались, то и меня принудили, страшая битъ, если не буду, а дабы съ пьяными не сдѣлать исторіи, принужденъ былъ исполнить ихъ желаніе, и хотя былъ 16-ти лѣтъ, но былъ крѣпокъ и не опьянѣлъ. Сверхъ того они меня обыграли и едва оставили чѣмъ доѣхать, и я всю ночь съ досады не спалъ.

Сіе первое мое приключеніе ясно вамъ показываетъ, сколь надо стараться убѣгать компаніи неизвѣстныхъ своимъ поведеніемъ людей, ибо если бы я остался дома, то они бы меня не напоили и не обыграли; и еще счастье, что таковая компанія попалась на дорогѣ, а если бы въ городѣ, то и навсегда пьяницею могъ бы остаться, ибо пьянство нечто иное—какъ привычка, сдѣланная въ компаніяхъ распутныхъ людей, которые нарочно, изъ одной злости, дабы хорошаго поведенія люди не гнушались ими, стараются всячески заводить таковыхъ подъ разными предлогами, снискивая даже дружбу ихъ и вводя понемногу въ привычку къ употребленію напитковъ, а когда имъ удастся въ ономъ успѣть, то послѣ они хвастаютъ и смѣются тому. Такъ было въ полку Изюмскомъ, въ коемъ я служилъ. Еще до меня прибылъ въ оный изъ гвардіи, выпущенный въ ротмистры, Языковъ, который былъ лучше воспитанъ, нежели обыкновенно служащіе въ полкахъ, никакого воспитанія не имѣющіе, и съ таковыми долженъ былъ быть всякій день вмѣстѣ пріѣхавшій на службу благовоспитанный молодой человекъ. Натурально таковой, какъ Языковъ имѣлъ къ нимъ презрѣніе, видя ихъ развратное поведеніе, а имъ было это натурально больно, почему и согласились ухищреніями своими не чувствительно приучить его быть въ ихъ компаніяхъ, въ чемъ успѣвъ, сдѣлали изъ него прегорькаго пьяницу, такъ что съ небольшимъ въ 20-тъ лѣтъ онъ умеръ, а они же потомъ съ насмѣшкою мнѣ рассказывали, что они были тому причиною. Таковые безъ воспитанія люди рѣдко имѣютъ стыдъ и совѣсть, чтобы воздержаться не только раз-

сказывать о своихъ порокахъ, но даже ими хвастать, какъ бы добродѣтельный человѣкъ и самыми своими добродѣтелями постыдился самъ себя выхвалять.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1772 года прибылъ я въ Петербургъ, въ домъ графа Андрея Ивановича Толстого, жившаго въ Семеновскомъ полку, гдѣ и братъ Алексѣй Яковлевичъ жилъ, который очень скоро по прїѣздѣ моемъ поѣхалъ на вышеупомянутый конгрессъ, а какъ онъ долженъ былъ сдѣлать себѣ штатское платье, то и мнѣ подарилъ шелковую матерію на таковое же, и я въ немъ щеголялъ въ придворный театръ и во всѣ собранія при дворѣ, а какъ платье было одно и другого сдѣлать не на что было, то около шпаги все обилось, но, по молодости, это мнѣ не препятствовало въ немъ ѣздить. Это я для того говорю, чтобы показать вамъ, сколько молодость надъ нами владычествуетъ, ибо вѣрно въ ономъ оборванномъ нарядѣ я былъ осмѣянъ, но того не примѣчалъ, тогда какъ лучше быть въ простомъ кафтанѣ, но крѣпкомъ, нежели въ шелковомъ, но оборванномъ.

Жилъ я съ братомъ во флигелѣ вмѣстѣ съ сыномъ графа Иваномъ Андреевичемъ, тогда бывшимъ прапорщикомъ Семеновскаго полка. Когда братъ мой уѣхалъ, тогда оный гр. Иванъ Андреевичъ выжилъ меня отъ себя подъ разными предлогами, дабы я не мѣшалъ ему имѣть свиданія съ горничной дѣвкой сестры его Александры Андреевны Перфильевой, а послѣ Гурьевой.

Вотъ что дѣлаетъ дурное воспитаніе;—ибо, позабывъ родство, связь домовъ нашихъ, дружбу отца его съ моимъ и благопристойность и послѣдую слѣпо своимъ только страстямъ, онъ не постыдился сдѣлать оное, и то еще болѣе подтвердило худое его воспитаніе, что онъ и не зналъ, что противно благородно-воспитанному дѣлаетъ, ибо самъ мнѣ послѣ причину сказалъ, для чего онъ меня выжилъ отъ себя. Со всѣмъ тѣмъ онъ очень добродушный человѣкъ, что и доказываетъ, что доброта сердца безъ правилъ—недостаточна. Имѣя правила нравственности, онъ бы того не сдѣлалъ, если бы и не столько добродушенъ былъ отъ природы, поелику благопристойность и порочныхъ людей отъ многого воздерживаетъ. Я принужденъ былъ перейти жить къ двоюродному его брату, Александру Николаевичу Карамышеву, жившему въ солдатскомъ домикѣ черезъ улицу. Въ сіе время, отъ молодости и безразсудства, случилось со мной несчастіе, которое счастьемъ скоро поправилось. Оный графъ Иванъ Андреевичъ Толстой, отъѣзжая на короткое время изъ Петербурга, оставилъ мнѣ на сбереженіе денегъ 200 рублей, а я ихъ вмѣсто того проигралъ; но благодарю Бога за то, что совѣсть меня столь мучила (хотя я имѣлъ только

16 лѣтъ), что даже тотъ, который выигралъ, сжалился и отыгралъ меня, такъ что къ прїѣзду Толстого деньги уже были на лицо. Хотя я и послѣ, во время службы унтеръ-офицеромъ, игралъ въ карты, но страстнымъ игрокомъ никогда не былъ и тѣмъ избавился такого положенія, въ какомъ братъ покойный Алексѣй Яковлевичъ бывалъ, ибо какъ скоро деньги у него появлялись, онъ ихъ проигрывалъ тогда, когда люди его и лошади стояли безъ корму, и самъ онъ имѣлъ только двѣ рубашки. Справедливо, что пьянство и картежная игра изъ всѣхъ страстей наизлѣйшія и коихъ нужно весьма остерегаться, дабы нечувствительно не пристраститься, ибо, отвѣдавъ рюмку, захочется другую и такъ далѣе, также и въ карты: проигравъ рубль, захочешь отыграть и проиграешь тысячу, а тамъ и все, что имѣешь. Этому не мало примѣровъ въ свѣтѣ есть; но я, первое, убѣгалъ случаевъ, а при томъ умѣя и воздержаться, когда вошелъ въ лѣта.

Въ томъ же 1772 году стараніемъ графа Андрея Ивановича Толстого, у котораго я жилъ, переведенъ я былъ изъ армейскихъ сержантовъ лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ въ подпрапорщики, гвардіи подполковникомъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Ватковскимъ, и зачалъ служить въ 7-й ротѣ у капитана Степана Андреевича Зиновьева. Въ 1774 году пожалованъ въ каптенармусы. Стояли въ лагерѣ на Васильевскомъ Острову, и какъ я тщился всегда быть въ компаніи съ лучшими офицерами и даже жилъ въ лагерѣ съ капитаномъ-поручикомъ Чадаевымъ, племянникомъ графа Толстого, то по сему и былъ принятъ въ складку между офицерами, по 25 р. на мѣсяцъ, для содержанія стола. Служба моя была очень пріятна тѣмъ, что я не чувствовалъ, что былъ въ такомъ чинѣ, ибо всѣ обходились ласково, кромѣ капитанъ-поручика моей роты Фраундорфа, который мало зналъ, какъ различать людей, то онъ трактовалъ меня такъ, какъ обыкновенно всякаго унтеръ-офицера трактуютъ, когда приходитъ съ приказомъ. Онъ былъ небогатый человекъ, и была у него вверху въ услугахъ одна старуха, то двери въ сѣняхъ были всегда заперты, и надо было стучать, а потомъ въ пустой передней дожидаться, пока къ нему пустятъ. По службѣ таковыхъ случаевъ будетъ и вамъ встрѣчаться милліоны и еще болѣе непріятныхъ, но ихъ надо съ холодностію сносить и относить это къ чину, въ коемъ разныя непріятности—вещь неизбѣжная, и чѣмъ меньше чинъ, тѣмъ ихъ встрѣчается болѣе. Если уже кто предпринялъ намѣреніе служить, то надо ему, собравъ всѣ силы, укрѣпиться на всѣ случаи и идти, зажмуривши глаза, по оной дорогѣ, дабы дойти до предмета, но только не оставляя пути честности, если же найдутся какія препятствія на семъ пути

и невозможно будетъ далѣе по немъ слѣдовать, то лучше оставить службу. Наконецъ въ 1774 г. графъ Андрей Ивановичъ Толстой былъ опредѣленъ въ Москву президентомъ магистрата, выпросилъ меня въ отпускъ, и я съ нимъ поѣхалъ, гдѣ и былъ до 1776 года. Императрица Екатерина была тогда (въ 1775 г.) въ Москвѣ для торжества мира съ турками.

Въ отсутствіе мое изъ Петербурга Дмитрій Ѳеодоровичъ Щепинъ, пріятель отца моего и матери, при томъ любившій и меня, перевелъ меня, въ іюнѣ 1774 года, изъ Семеновскаго въ Преображенскій полкъ сержантомъ. Онъ мнѣ великую тѣмъ сдѣлалъ разность, ибо въ 1779 году генваря 1-го досталось мнѣ уже въ офицеры. Въ Москвѣ, бывъ еще сержантомъ, служилъ я въ ротѣ Розенберга, что нынѣ генераль-аншефъ ¹⁾.

Въ 1776 году поѣхалъ я съ зятемъ Александромъ Васильевичемъ Салтыковымъ въ Петербургъ и по его старанію опредѣленъ былъ курьеромъ въ иностранную коллегію. Хотя и хотѣли отправить меня въ Константинополь, но какъ тогда настояла опасность отъ турецкаго двора и я боялся быть засаженымъ въ Едикуль, подобно брату Алексѣю, то, сказавшись больнымъ, не поѣхалъ.

Въ 1777 году, въ бытность мою въ Петербургѣ, было наводненіе таково, что по улицамъ ѣздили въ шляпкахъ.

Въ 1778 году былъ въ Москвѣ и прибылъ къ полку къ октябрю, ибо майоръ Преображенскаго полка Ѳеодоръ Матвѣевичъ Толстой сказалъ графу Андрею Ивановичу Толстому, что если я не приѣду служить до офицерскаго чина, то не буду произведенъ офицеромъ, что и понудило меня скорѣе ѣхать.

По приѣздѣ тотчасъ принялъ должность фельдфебеля, въ ротѣ Петра Ѳеодоровича Бергмана, который нынѣ генераль-лейтенантъ въ отставкѣ. Майоръ видно хотѣлъ показать другимъ, что я служилъ до офицерскаго чина; но можно ли узнать службу въ три мѣсяца, а особливо бывши только фельдфебелемъ. Надобно, чтобы подробно оную узнать, быть въ строю на ученьяхъ и караулахъ.

Въ 1779 году генваря 1-го дня бывъ произведенъ прапорщикомъ, скоро отъ простуды колѣна въ каретѣ, въ коей дуло въ дверь, заболѣлъ такъ, что меня ворочали на простынѣ. Меня выле-

¹⁾ Былъ впоследствии херсонскимъ военнымъ губернаторомъ и умеръ въ 1813 или 1814 году.

чилъ докторъ Альманъ изъ Дармштата, пріѣхавшій въ свитѣ Великой Княгини Натальи Алексѣевны, первой жены Императора Павла I.

Въ томъ же году приняла Варвара Ивановна Кошелева ¹⁾, урожденная Плещеева, сестеръ моихъ Анну и Марью изъ Смольнаго монастыря, называемаго Воспитательнымъ Обществомъ благородныхъ дѣвицъ, и я ихъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ отвезъ въ Москву, а самъ поѣхалъ въ Пензу къ сестрѣ Авдотѣ Яковлевнѣ Салтыковой и въ томъ же году воротился въ Петербургъ и уже жилъ тамъ безвыѣздно по 1785 годъ, по причинѣ связи съ Турчаниновой.

Въ сіи четыре года, какъ и въ 1779 году, я жилъ уже съ братомъ Алексѣемъ въ Семеновскому полку, въ офицерской связи; имѣлъ столъ, пару лошадей съ каретой и трехъ человѣкъ; изъ дому имѣлъ не болѣе 300 рублей въ годъ; въ 7-мъ лѣтъ пребыванія въ гвардіи износилъ только три мундира, кои тогда обкладывались золотымъ галуномъ; устраивалъ концерты изъ аматеровъ, когда жилъ у меня графъ Вареоломей Васильевичъ Толстой, что теперь женатъ на фрейлинѣ Протасовой, его двоюродной племянницѣ. На сихъ концертахъ бывалъ и нынѣшній князь Зубовъ, бывшій тогда офицеромъ гвардіи.

Сіе доказываетъ, что съ распорядкомъ въ домѣ можно жить и малымъ хорошо. Братъ Алексѣй Яковлевичъ имѣлъ болѣе дохода, ибо имѣлъ болѣе жалованья, но ѣлъ у меня же за столомъ, когда не выѣзжалъ, и лошади его часто стояли безъ овса.

Въ 1786 году генваря 1-го я былъ выпущенъ подполковникомъ и по желанію моему написанъ былъ въ Драгунскій С.-Петербургскій полкъ, которымъ командовалъ генералъ-маіоръ Петръ Алексѣевичъ Исленевъ. Полкъ стоялъ въ Воронежской губерніи, Валуйскаго уѣзда, въ селѣ Уразовѣ. Заѣхавъ въ Москву для исправленія нужнаго, поѣхалъ въ полкъ въ сентябрѣ. Съ Исленевымъ я былъ такъ друженъ, что были мы неразлучны, но впослѣдствіи, въ Збурьевскѣ, на короткое время дружба наша поразстроилась, черезъ сплетни женщинъ.

Въ томъ же году ѣздилъ я съ Исленевымъ въ Харьковъ къ главному командиру князю Юрію Владиміровичу Долгорукову, теперешнему тестю министра князя Горчакова, и въ январѣ 1787 года въ другой разъ. Тутъ впервые видѣлъ графа Бенигсона, тогдашняго барона и подполковника. Въ томъ же 1787 году весною пошли

¹⁾ Бывшая замужемъ за Родіономъ Александровичемъ, братомъ Маргариты Александровны Волковой, матери Рахманова жены.

въ походѣ въ Крымъ и дошли до Кайданъ на Днѣпрѣ, какъ насъ воротили въ Полтаву, гдѣ собраны были всѣ легкоконные полки, подъ командою князя Юрія Владиміровича Долгорукова, для маневровъ, когда проѣзжала изъ Крыма Императрица Екатерина II, сія великая Государыня, желавшая все видѣть своими глазами. Ей хотѣлось скорѣе видѣть вновь пріобрѣтенный край, дабы знать, что изъ онаго впоследствии быть можетъ, а въ проѣздѣ чрезъ многія губерніи узнать злоупотребленія и недостатки. Кто же въ новѣйшія времена ей въ семъ уподоблялся? Только Іосифъ II императоръ Германскій и король Пруссскій Фридрихъ II. Съ тѣхъ поръ уже никто не ѣздитъ изъ Государей и знаютъ только по имени свои владѣнія, подобно какъ и подданные самихъ ихъ.

Проклятый Бонапартъ ввелъ во всю Европу одно военное правленіе, и всѣ ударились въ разводы и обученіе солдатъ. Будто бы, безъ донкишотства, гишпанцы не выгнали отъ себя французовъ. Лишь бы дрались всегда за отчизну, тогда и мужикъ съ палкой воинъ. Возьмемъ въ примѣръ Петра I. У него не было маневровъ 30-ти и 40-ка тысячныхъ и парадныхъ разводовъ, но билъ всѣхъ непріятелей и занимался ежеминутно государственными дѣлами и путешествіями по государству. Екатерина II не знала разводовъ, а была всѣхъ своихъ непріятелей. Врядъ ли кто съ учеными войсками и тысячами генераловъ достигнетъ до ея славы въ управленіи. Она имѣла правила въ правленіи, а другіе, нынѣ царствующіе, или идутъ ощупью, или блуждаютъ, или обезьянничаютъ.

По приходѣ полка въ Полтаву, отправилъ меня Исленьевъ въ Москву, для подряда офицерскихъ вещей. Я успѣлъ все ему отправить и самъ возвратился къ прибытію Екатерины изъ Крыма въ Полтаву.

Послѣ проѣзда Императрицы, полкъ пошелъ на квартиры въ Алексѣевскую крѣпость бывшей старой линіи, Екатеринославской губерніи; но скоро пошли опять въ походъ, по причинѣ объявленія войны турками. Дошедъ до Перекопа лѣвою стороною Днѣпра, получили повелѣніе повернуть въ Збурьевскъ, въ Кинбурнскій корпусъ князя Италійскаго графа Суворова Римникскаго, тогда бывшаго просто генералъ-аншефомъ Суворовымъ.

Прибывъ въ Збурьевскъ, нашли тамъ пѣхотный Орловскій полкъ, подъ командою подполковника Ѳедора Ивановича Маркова, имѣвшаго за собою сестру адмирала Николая Семеновича Мордвинова, и вотъ отъ нея-то загорѣлась ссора моя и подполковника Василя Николаевича Яшкова съ Исленьевымъ, ибо она, дѣлая дамамъ визиты, не сдѣлала такового его любовницѣ Колокольцовой, которая,

бросивъ мужа, изъ Пензы уѣхала съ нимъ и таскалась по походамъ, имѣвъ любовникомъ адъютанта Исленьева, пресквернаго лицомъ. Исленьевъ хотѣлъ, чтобы мы оставили домъ Маркова, гдѣ мы были всякій день, а мы того не сдѣлали, и онъ всячески насъ тѣснилъ по службѣ. Но чрезъ короткое время я потребованъ былъ въ дежурные къ Суворову, коему меня рекомендовалъ на свое мѣсто генералъ Шевичъ; самъ же генералъ-маіоръ Шевичъ потребованъ былъ княземъ Потемкинымъ въ главную квартиру. Исленьевъ хотя сначала отъ сего происшествія трухнулъ, но впоследствии увидѣлъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и мы опять были всегда пріятелями.

Прежде нежели я поступилъ еще въ дежурные, 1-го октября 1787 года, было первое сраженіе съ турками на Кинбурнской косѣ, и насъ Суворовъ потребовалъ изъ Александровскаго редута, гдѣ мы тогда съ полкомъ стояли; но уже пришли поздно и въ дѣлѣ не были, да кавалеріи тутъ и дѣлать было нечего.

Сіе сраженіе было вознесено княземъ Потемкинымъ для того только, что оно было первое и дѣлало вліяніе на непріятеля на всю, можетъ быть, кампанію; но само по себѣ оно было глупо, ибо можно было крѣпостными пушками не допустить непріятеля высадить войска съ судовъ и не потерять хорошаго генерала Река ¹⁾, нѣсколькихъ штабъ и оберъ-офицеровъ и слишкомъ 300 человекъ рядовыхъ убитыми. Непріятелю позволено было на косѣ сдѣлать 17 ложементовъ, которые надо было каждый штурмовать. Три раза наши войска были смяты и прогоняемы до крѣпостныхъ воротъ. Суворовъ еще болѣе надѣлалъ сумятицы, заставивъ на такомъ узенькомъ язычкѣ (ибо у самой крѣпости врядъ-ли ширина косы составляетъ 50 сажень) сражаться три полка легкоконныхъ: Мариупольскій, Павлоградскій и Острогожскій, и казаковъ. Самъ онъ былъ раненъ легко въ руку, такъ что не оставлялъ поля сраженія, и былъ въ состояніи, по его странностямъ, самъ тутъ же зашивать рубашку. Ни въ комъ такъ не была замѣтна слабость хвататься ранами, какъ въ немъ. Онъ носилъ долго распоротый рукавъ и обвитую щею послѣ Очаковской раны.

Свита Суворова тогда состояла изъ генералъ-адъютанта Хастатова, флигель-адъютанта Борщова и правителя канцеляріи Куриса, капитанскаго чина.

Реляцію сочиняли Хастатовъ и Курисъ и писали тѣхъ, кого хо-

¹⁾ Ген.-маіоръ Рекъ былъ въ этомъ сраженіи раненъ и послѣ этой раны не могъ болѣе служить.

тѣли. Между прочими вышеупомянутому Маркову дали крестъ 4-го Георгія, а онъ, во время дѣла, въ лагерѣ пилъ чай и полкъ свой оставилъ. Орлову Василю Петровичу, донскому полковнику, что при Императорѣ Павлѣ былъ войсковымъ атаманомъ, данъ былъ тоже крестъ 4-го Георгія, а онъ былъ только лично при Суворовѣ.

Хотя и глупо было высылать тутъ кавалерію, однако же начальникамъ полки свои оставлять было не должно. Ихъ нашли сидящихъ въ крѣпости, извиняющихся тѣмъ, что они не хотятъ быть жертвою глупаго распоряженія. Суворовъ же въ сумятицѣ, когда нашихъ гнали къ крѣпости, спросилъ, кто начальникъ кавалеріи. Является ротмистръ Шухановъ, дуракъ набитый, и онъ его представилъ, яко командующаго всѣми тремя полками.

Въ самомъ же дѣлѣ никто не командовалъ, ибо былъ такой ералашъ, что всякій уходилъ и приходилъ изъ крѣпости и лагеря, когда кому хотѣлось, ибо диспозиціи, по обыкновенію Суворова, никакой не было дано, и всякій дѣлалъ, что хотѣлъ.

Поелику посланы драться, то и дрались: а какъ? До того — дѣла никому не было. Генералъ-маіоръ Рекъ къ несчастію былъ раненъ при началѣ дѣла.

Послѣ сего сраженія сочтено было тѣлъ турецкихъ до 1000 ¹⁾; прочіе, ночевавъ тутъ, на разсвѣтѣ переправились назадъ въ Очаковъ на лодкахъ, и Суворовъ не велѣлъ ихъ трогать. Другой, я думаю, причины не было тому, какъ то, что не хотѣлъ, чтобы другой кто былъ, а не онъ, хотя генералъ-маіоръ Исленьевъ убѣдительно просилъ у него на сіе позволенія.

Черезъ нѣсколько дней отпустили насъ опять въ Збурьевскъ, къ Суворову же пріѣхалъ въ дежурные Шевичъ. Въ оную-то зиму, какъ ссора наша съ Исленьевымъ произошла, потребованъ я былъ въ дежурные къ Суворову на мѣсто уже Шевича. Бытіе мое у него въ сей должности продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ, ибо въ сентябрѣ 1788 года я принялъ Маріупольскій легкоконный полкъ.

Въ продолженіе сего времени много было дурачествъ: учили войска своимъ манеромъ, дѣлали примѣрные штурмы и, того глупѣе, ѣздили верхомъ по кордонамъ, сами не зная — зачѣмъ, и проч.

¹⁾ Въ реляціи написали 5.000.

Экспедиція на Лиманъ принца Нассау подчинена была Суворову, однако же безъ всякаго отъ него вліянія. Потомъ поручено было ему взять островъ Березань, и присланъ былъ дежурный князь Потемкина бригадиръ Рибасъ для содѣйствія въ распоряженіи; но они промѣшкали—армія пришла подъ Очаковъ, а островъ былъ еще не занятъ.

Потемкинъ, призвавъ Суворова, вымылъ ему голову, отчего у послѣдняго сдѣлался поносъ, и мы возвратились въ Кинбурнъ, а островъ взяли запорожцы.

Въ іюлѣ призвали Суворова подъ Очаковъ командовать лѣвымъ флангомъ. Тутъ неудача: безъ всякаго повелѣнія фельдмаршала, на перестрѣлку, по совѣту Скаржинскаго, полковника Бугскихъ казаковъ, высланъ баталіонъ, потомъ другой и третій, и сдѣлалось жаркое сраженіе.

Наши не имѣли другого повелѣнія, кромѣ какъ идти, а куда и зачѣмъ—никто не зналъ. Шли да шли и зашли въ оврагъ, такъ что и назадъ уже выйти не могли. Самого Суворова ранили пулей въ шею, хотя мы и далеко были отъ мѣста сраженія: онъ завязжалъ и усакалъ.

Князь Потемкинъ прислалъ Ренина, который придвинулъ пушки, выручилъ людей изъ оврага, и тѣмъ кончилась наступшая ночь, съ потерей тутъ, ни дай, ни вынеси, до 300 человекъ, а вся потеря окончилась тѣмъ, что намъ велѣли ѣхать въ Кинбурнъ.

По возвращеніи изъ-подъ Очакова въ Кинбурнъ въ сентябрѣ, какъ выше сказано, я получилъ Мариупольскій полкъ, коего командиръ былъ дежурный бригадиръ Рибасъ, который уговорилъ меня принять его съ тѣмъ, что я буду онымъ командовать, хотя бы онъ былъ пожалованъ и генералъ-маіоромъ. Суворовъ разсердился, а Рибасъ обманулъ, ибо продалъ полкъ полковнику графу Головину, что нынѣ оберъ-шенкъ.

3-го декабря, за три дня до взятія Очакова въ 1788 году, отпустили всю кавалерію въ Малороссію, и мы пошли по лѣвую сторону Днѣпра; шли вмѣстѣ съ Острогожскимъ полкомъ, который поморозилъ болѣе 70 человекъ отъ вьюги, а я къ счастію въ тотъ день дневалъ; пришелъ въ Сельцы, что нынѣ Новомосковскъ, и, видѣвъ, что Рибасъ имѣетъ полкъ только для грабежа, отпросился въ отпускъ и поѣхалъ въ Москву. 1789 года весной полкъ опять пошелъ въ Кинбурнъ, и я его нагналъ въ пути.

Въ Кинбурнѣ уже былъ командиромъ Ферзенъ, генералъ-лейте-

нантъ. Онъ былъ послѣ пожалованъ графомъ, человекъ прямой. Извѣстно, что князь Потемкинъ, хотя былъ и геній, но торговалъ съ Фалеевымъ хлѣбомъ, который былъ поставщикъ на войска провіанта.

Ферзенъ зналъ, что отъ Фалеева идутъ лодки съ гнилымъ провіантомъ. Онъ пишетъ Потемкину, что, какъ только окажется сіе справедливо, онъ затопитъ провіантъ, будто не зная, что князь Потемкинъ есть настоящій оному хозяинъ, и какъ скоро оный прибылъ, то и затопилъ. Князь Потемкинъ пишетъ ему въ отвѣтъ, чтобы отнюдь не затоплялъ провіанта, а исправилъ бы его. Онъ отвѣчалъ, что провіантъ гнилой, и онъ уже его потопилъ. Ферзенъ зналъ, что за сіе будетъ не въ милости, но на это не смотрѣлъ.

Въ томъ же 1789 году пріѣхалъ и Головинъ принимать отъ меня полкъ. Потомъ пошли въ походъ въ Дубосары, гдѣ была главная квартира фельдмаршала князя Потемкина. Вся кавалерія пришла сюда изъ Соколовъ¹⁾, подъ командою генераль-лейтенанта принца Амедея Ангальтъ-Бьернебургскаго. Тогда-то у него былъ адъютантомъ и дежурнымъ Барклай-де-Толли, нынѣшній графъ и фельдмаршалъ, главнокомандующій Россійско-прусской арміи на Рейнѣ. Отъ Буга до Днѣстра вся кавалерія шла вмѣстѣ, и у меня всѣхъ прежде, на лагерномъ мѣстѣ, изготовлялся завтракъ изъ голландскихъ сельдей, языковъ и свѣжаго масла, и весь генералитетъ бѣжали въ мою палатку, въ томъ числѣ Сергій Лаврентьевичъ Львовъ, князя Потемкина шутъ, впоследствии генераль-полный.

Онъ-то, въ семъ уже чинѣ, леталъ на шарѣ, на который случай были написаны стихи, что будто бы онъ отъ долговъ улетѣлъ на луну. Онъ былъ игрокъ, и сколько Александръ I-й и Павелъ ни давали ему денегъ, все проигрывалъ. Впрочемъ, ни къ чему способенъ не былъ, кромѣ шутокъ, и тѣ уже подъ конецъ состарились.

Изъ Дубосаръ пошла армія подъ Бендеры, а Яссы заняты были арміею графа Румянцева Задунайскаго. Подъ Каушаны, гдѣ было турецкаго войска тысячи полторы, князь Потемкинъ приказалъ идти всѣмъ легкоконнымъ полкамъ и казакамъ, кои составляли авангардъ и до прибытія кавалеріи разбили турокъ и пашу въ плѣнъ взяли, догнавъ за 25 верстъ.

¹⁾ Вознесенскъ.

Предъ симъ-то неважнымъ дѣломъ князь Потемкинъ пѣлъ молебень и заставилъ всѣхъ своихъ адъютантовъ молиться и просить о побѣдѣ.

Сіе и письма принца де-Линя доказываютъ, какъ князь Потемкинъ страшился турокъ въ Очаковскую и сію кампанію; но когда уже Суворовъ зачалъ бить сотни тысячъ малымъ числомъ войскъ, тогда и въ немъ прибавилось духу.

Сей страхъ въ главнокомандующемъ происходилъ: 1-е потому, что онъ первый разъ командовалъ арміей, и начальныя неудачи могли бы повести къ худымъ заключеніямъ о немъ публики, ибо она смотритъ всегда на первыя происшествія и по нимъ дѣлаетъ заключеніе о командующемъ; 2-е, что знатокъ этого ремесла и критикъ графъ Румянцевъ находился близко и наблюдалъ всѣ шаги его. Лично же Потемкинъ совсѣмъ не былъ трусъ.

Потомъ Потемкинъ пошелъ подъ Бендеры, обложилъ ихъ, показавъ имъ свои силы; оставивъ корпусъ для блокированія, пошла армія въ Акерманъ, который тотчасъ сдался.

Въ семъ мѣстѣ я поступилъ въ дежурные къ Павлу Сергѣевичу Потемкину, послѣ бывшему графомъ, и оставался въ сей должности до окончанія кампаніи. Армія возвратилась къ Бендерамъ, которые и сдались. Главная квартира перешла въ Яссы; Румянцевъ былъ отозванъ и поселился въ деревнѣ, въ 12-ти верстахъ отъ Яссъ, гдѣ жилъ года два.

Въ сію же кампанію князь Горчаковъ взятъ былъ въ генераль-адъютанты къ Потемкину. Полкъ Мариупольскій пошелъ на квартиры въ Хотинскій рай; я же поѣхалъ въ Яссы и жилъ у Горчакова, гдѣ также жилъ майоръ Михаилъ Александровичъ Салтыковъ, нынѣ камергеръ и попечитель Казанскаго университета. Пробывъ нѣсколько дней, я уѣхалъ въ Москву, гдѣ въ скоромъ времени увидѣлъ у сестеръ покойную жену мою, урожденную Рывданскую, влюбился и въ 1790 году въ мартѣ женился.

Мать ваша, Екатерина Алексѣевна, родилась въ 1759 году декабря 4-го ¹⁾; въ 1764 году была отдана въ общество благородныхъ воспитанницъ въ Смольный монастырь, въ первый наборъ по учрежденіи сего заведенія Императрицей Екатериной. У Рывданскихъ, родителей Екатерины Алексѣевны, кромѣ ея было еще

¹⁾ Скончалась 1803 года сент. 16.

три дочери и сынъ. Имѣя землю въ Духовщинскомъ уѣздѣ Смол. губ. незаселенную (ибо всѣ крестьяне ушли за границу), Рывданскіе были столь бѣдны, что, при выпускѣ дочери изъ воспитательнаго общества въ 1772 году, не могли ее взять къ себѣ, а взяла ее княгиня Наталья Петровна Куракина, урожденная Нарышкина. Когда послѣдняя развелась съ мужемъ, то мать ваша нанимала уже домъ и жила одна, то есть ночевала, ибо по утру карета за ней пріѣзжала и ее отвозили къ Прасковѣ Васильевнѣ Нарышкиной (сестрѣ Репнина и матери Куракиной, у которой по разводѣ сія послѣдняя жила), а послѣ ужина ее отвозили обратно. Когда мать ваша жила одна, ее хотѣли было убить свои люди, но лай собакъ спасъ ее. Она была добродѣтельна, но строга до крайности.

Въ маѣ мѣсяцѣ мы съ нею поѣхали въ Молдавію, въ самой той каретѣ, въ которой и теперь ѣздимъ; нашли полкъ на тѣхъ же квартирахъ, въ Хотинскомъ раю, гдѣ и отвели намъ избу.

Въ дорогѣ были 20 дней. Въ скоромъ времени пошли съ полкомъ къ Бендерамъ. Съ полковникомъ своимъ графомъ Головинымъ ¹⁾ я былъ всегда не въ ладахъ, а потому и остановился въ старыхъ Дубосарахъ и ѣздилъ изрѣдка въ полкъ верхомъ 25-ть верстъ; когда же полкъ пошелъ подъ Килію, то мать ваша осталась со всѣмъ домомъ въ Дубосарахъ въ избушкѣ, а я пошелъ съ полкомъ, - подъ командою генерала артиллеріи барона Меллера-Закомельскаго, который подъ Килією умеръ отъ раны. На его мѣсто присланъ генералъ-лейтенантъ Гудовичъ, который послѣ, при Императорѣ Павлѣ, сдѣланъ графомъ и фельдмаршаломъ. Когда же сдалась Килія, то я уѣхалъ къ женѣ и въ томъ же 1790 году, по прибытіи моемъ въ Дубосары, въ началѣ декабря родился у меня сынъ Николай, умершій въ 1804 году, во второмъ кадетскомъ корпусѣ, что при Императрицѣ Екатеринѣ назывался Инженерный.

Въ февралѣ 1791 года полкъ пошелъ на Днѣпръ, а я съ женою пріѣхалъ жить въ Новоселицы, что нынѣ Новомосковскъ, и поселился въ той же тѣсной квартирѣ, гдѣ и прежде жилъ холостымъ, ибо лучшей не было. Живя тутъ, познакомились съ славною, между

¹⁾ Гр. Головинъ, что нынѣ оберъ-шенкъ, братъ двоюродный по матери Степану Абрамовичу Лопухину, такъ какъ и мы. Ему-то принадлежалъ Воротынецъ, розыгранный въ лотерею.

femmes galantes. графиню Сиверсъ, что нынѣ сенаторша Алексѣева; умная и со свѣдѣніями женщина, съ которою проводили время отменно пріятно. Она въ 7 верстахъ отъ мѣста нашего жилища управляла имѣніемъ Фалеева, называемымъ „Вольное“, гдѣ мы у нея часто и ночевывали. Между тѣмъ получили извѣстіе о смерти князя Потемкина изъ Яссы, о коемъ Сиверша горькія проливала слезы, ибо была и его, предъ начатіемъ войны, фавориткой и играла роль въ Кременчугѣ. Въ скоромъ времени получили извѣстіе отъ княгини Куракиной, что и батюшка мой скончался, и я въ престестокѣ лихорадкѣ, отъ гнилого мѣстоположенія Новомосковска и гнилой осени, пустился въ Яссы, дабы у главнокомандовавшаго арміей М. В. Каховскаго испросить отпускъ, ибо уже миръ, до пріѣзда въ Яссы изъ Петербурга кн. Потемкина, княземъ Николаемъ Васильевичемъ Репнинымъ былъ заключенъ въ семъ 1791 году. Лихорадка отъ дороги тотчасъ отстала, хотя ничего, кромѣ молока, не ѣлъ; но по пріѣздѣ въ Балту случилась непріятность. Польша тогда была готова съ нами къ войнѣ, и ихъ Балта отъ нашей отдѣлялась мостомъ.

Тутъ остановился я ночевать, и жида подговорили мальчика, со мною бывшаго; бѣжать, и хотя ему было только 17 лѣтъ, но онъ былъ настолько честенъ, что взялъ съ собою изъ кибитки только 3 рубля. Отсюда поѣхалъ я до Кишинева одинъ безъ слуги. Въ семъ послѣднемъ мѣстѣ далъ мнѣ солдата Карлъ Ѳеодоровичъ Кнорингъ, полковникъ Таврическаго Гренадерскаго полка, а нынѣ генералъ-лейтенантъ въ отставкѣ. Пріѣхавъ въ Яссы, тотчасъ просилъ дежурнаго генерала Василя Ивановича Милашевича о представленіи меня главнокомандующему Михаилу Васильевичу Каховскому, и я былъ отпущенъ.

Возвращаясь въ Новомосковскъ, въ декабрѣ выѣхали въ Москву, въ самую распутицу. Въ Константиноградѣ оставили Николашину кормилицу, откуда она и была, ибо не захотѣла далѣе ѣхать. Въ Москву прибыли въ началѣ января 1792 года. Достопамятный годъ войны въ соединеніи съ пруссаками противъ Польши и раздѣлъ части ея, при чемъ Россіи достались Минская, Волынская и Подольская губерніи. Пріѣхавъ въ Москву, остановились у моихъ сестеръ въ домѣ, который онѣ занимали. Много было труда согласить братьевъ въ раздѣлѣ наслѣдства, но такъ какъ братъ Дмитрій Яковлевичъ былъ въ Петербургѣ и мнѣ оставилъ довѣренность, то кончили оный полюбовно. Сестрамъ дали четыремъ материнскую деревню Конохово, Шуйской округи, слишкомъ 200 душъ, которая впослѣдствіи ими продана; графинѣ Екатеринѣ

Яковлевнѣ дано было уже въ приданое 50 душъ въ Останинѣ, Юрьевского уѣзда.

За долгъ же батюшки — 6.000 руб. уступили мы, три брата, сестрамъ три части, а Ѳедоръ Яковлевичъ свою часть и 1.500 руб. долга оставилъ за собою, и отъ сего произошли великія тяжбы между имъ и Марьей Яковлевной, которая впослѣдствіи скупила части Надежды Як. и Варвары Як., а Анна Яков. при смерти ей все имѣніе свое отдала; Варвара же Яковлевна сестрѣ Надеждѣ Як. отдала свое. Сія послѣдняя и сестра Марья Яковлевна Конохово продали, а Каширскую деревню Надежда Яковлевна, по завѣщанію Варвары Яковлевны, отдала брата Алексѣя побочному сыну Ивану, ибо эта деревня, изъ 50 душъ состоящая, особо была дана ей отъ бабки нашей княгини Юсуповой.

При раздѣлѣ положили было мы жить всѣ вмѣстѣ въ подмосковной, гдѣ было я имъ и домъ выстроилъ, но вскорѣ послѣдовали несогласія между женскимъ поломъ, и мы поѣхали во Владимірѣ, взявъ съ собою сестеръ Анну и Марью. Сестру Анну мы повезли уже въ чахоткѣ, полученной ею отъ крѣпкихъ лекарствъ, даваемыхъ ей лекаремъ отъ затвердѣлости груди, которую она ушибла; она и умерла въ томъ же 1792 году въ октябрѣ, въ селѣ Лаптевѣ. Потомъ, когда жена моя поссорилась чрезъ короткое время съ Марьей Яковлевной, мы уѣхали жить во Владимірѣ. Тутъ Екатерина Алексѣевна подружилась съ двумя дѣвушками Потаповыми, конхъ отецъ былъ отрѣшенъ за взятки, въ конхъ кто признался, тѣ только и были сосланы въ Сибирь, а другіе, которые были поумнѣе и, не повѣривъ обѣщаніямъ фельдмаршала, тогдашняго генерала и намѣстника графа Салтыкова, ни въ чемъ не признались, тѣ остались. Это было до моего пріѣзда туда; въ мое же время былъ намѣстникомъ Заборовской.

Въ 1793 году я ѣздилъ въ Петербургъ просить, о производствѣ въ полковники князя Зубова, тогдашняго фаворита, и онъ, хотя уже въ отсутствіи моемъ, однако жъ въ томъ же еще году сдѣлалъ меня полковникомъ.

По полученіи о семъ извѣстія, я поѣхалъ въ другой разъ въ Петербургъ просить полкъ, и такъ какъ не было вакансій, то написался въ полкъ Бенигсена, который былъ тогда бригадиромъ.— Въ этомъ же году родилась у меня дочь Варвара ¹⁾.

¹⁾ Впослѣдствіи замужемъ за штабсъ-ротмистромъ л.-гв. уланскаго полка Влад. Ник. Телесническимъ. Послѣ смерти мужа была первой начальницей новоучрежденнаго Керченскаго Института. Скончалась въ 1851 году.

Въ 1794-мъ году въ мартѣ поѣхалъ я одинъ въ полкъ, который стоялъ въ Слуцкѣ, и со мною написались въ оный же два сына Потапова, выпущенные изъ гвардіи маіорами. Поѣхали они на своихъ лошадяхъ; но я, ихъ оставя, поскакалъ впередъ на почтовыхъ и, переговоривъ съ Бенигсеномъ, который соглашался сдать мнѣ полкъ, чрезъ два дня поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ князь Зубовъ сдѣлалъ мнѣ сіе въ одну недѣлю.

Я поскакалъ назадъ, и уже не въ Слуцкъ, а въ Минскъ; догналъ полкъ на походѣ. Отъ Минска уже опасно было ѣхать безъ конвоя, и губернаторъ Иванъ Николаевичъ Неплюевъ, теперешній членъ Совѣта (1824 г.), далъ мнѣ 20 казаковъ.

Первое дѣло отряда Бенигсена въ сію съ поляками кампанію было подъ *Вишневомъ*, гдѣ я получилъ 4-го класса Владимира съ бантомъ; второе дѣло подъ *Солами*, гдѣ былъ въ дѣлѣ одинъ мой эскадронъ съ подполковникомъ Войновымъ (что нынѣ генералъ-отъ-кавалеріи), за что онъ получилъ крестъ Георгія 4-го класса; *третье* сраженіе корпусное Кноринга подъ *Вильною*, гдѣ я получилъ 3-го Владимира, а по окончаніи кампаніи золотую шпагу.

Въ семъ же 1794 году октября 24-го пріѣхала изъ Владимира въ Гродно жена съ тремя дѣтьми и оттуда уже со мною въ мѣсто расположенія полка, мѣстечко Зельво, гдѣ у насъ родился сынъ Алексѣй.

По смерти Имп. Екатерины въ 1796 году начались мои и всѣхъ вообще несчастія, ибо вступилъ въ правленіе сынъ ея Павелъ, котораго она отрѣшить хотѣла отъ управленія, но нѣкоторые вельможи, въ Совѣтѣ бывшіе, отсовѣтовали для избѣжанія дурныхъ послѣдствій для государства, но графъ Паленъ, послѣ 52-хъ мѣсяцевъ и нѣсколькихъ дней его правленія, удовлетворилъ ея и всѣхъ желанія, и сынъ его старшій Александръ вступилъ въ правленіе 1801 года марта 12-го.

Несчастія мои начались тѣмъ, что ко мнѣ опредѣленъ былъ въ полкъ первымъ шефомъ *Зоричъ*, бывшій фаворитъ Екатерины, которому впослѣдствіи ею же запрещено было вѣззать въ столицу, ибо онъ замѣшанъ былъ въ дѣланіи ассигнацій однимъ иностранцемъ, у него въ Шкловѣ жившимъ. Онъ, Зоричъ, тогда такъ уже былъ долженъ, что сколько бы его произведеній привозимо ни было, всегда въ Рижскомъ портѣ его кредиторами арестовывались; пріѣхавъ же въ полкъ, онъ былъ въ такой крайности, что привезъ отставного маіора обыгрывать на подборъ офицеровъ, а

также хотѣлъ ночью вынуть изъ полкового ящика деньги, но часовой не допустилъ.

Зоричъ, чрезъ соучастника своего, подполковника Дембровскаго, просилъ у меня 80/т. р., чтобы дать квитанцію въ принятіи полка; но я не только 80-ти тысячъ, но даже 10/т., которые Дембровскій послѣ уже просилъ, дать не согласился. Зоричъ зналъ, что, донеся Государю о неисправности полка, надобно представить доказательства, то онъ, по отправленіи меня въ Петербургъ, отдѣлилъ большую часть полковыхъ лошадей въ табунъ: и нарочно пасли ихъ въ такихъ мѣстахъ, чтобы ихъ сморить. Инспекторъ генералъ Нумсенъ въпослѣдствіи все сіе обнаружилъ.

Зорича выключили и все взыскали, и онъ умеръ, и Дембровскій тоже. Со всѣмъ тѣмъ я просидѣлъ во дворцѣ подъ арестомъ, пока судъ кончили, съ мая 1797 г. по февраль 1798 года, и былъ обойденъ.

Со мной вмѣстѣ содержались: князь Горчаковъ, что послѣ былъ военный министръ при Александрѣ,—дуракъ, и Платовъ, въпослѣдствіи войсковою атаманъ и графъ,—плутъ—все за полки.

Въ сіе мое пребываніе въ Петербургѣ родилась въ Биржѣ дочь Еватерина, 1797 года, ноября 1-го ¹⁾).

По окончаніи дѣла, я просилъ Императора Павла у развода остаться на короткое время посмотрѣть разводныя ученія, и онъ позволилъ, но на другой же день отъ развода выславъ въ полкъ и приславъ выпроводить меня за заставу флигель-адъютанта Жилинскаго, который былъ со мною въ С.-Петербургскомъ полку.

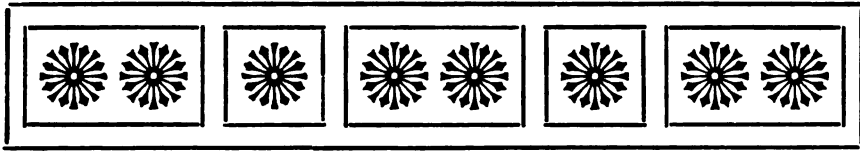
¹⁾ Въпослѣдствіи замужемъ за тайнымъ совѣтникомъ Всев. Никандр. Жадовскимъ, скончалась въ 1887 году.

Дальнѣйшая служба Н. Я. Трегубова послѣ ареста по доносу
Зорича и оправданія.

1798 г. августа 10-го произведенъ въ генераль-маіоры, а въ сентябрѣ дано старшинство съ 1797 года ноября 15-го. — Того же 1798 г. ноября 2-го отставленъ съ половиннымъ жалованьемъ. — Въ 1805 г. опредѣленъ членомъ Таганрогскаго комитета — 1810 г. февраля 4-го назначенъ главнымъ попечителемъ купеческаго судоходства по Азовскому морю. — 1811 г. апрѣля 30-го предсѣдателемъ Одесскаго Коммерческаго суда. — 1818 г. мая 3-го получилъ орденъ Св. Анны 1 ст., въ чинѣ д. ст. сов. по должности предсѣд. Одесск. Ком. суда, а 26 авг. аренду. — 1820 г. мая 25 пожалованъ въ тайные совѣтники и назначенъ одесскимъ градоначальникомъ. — 1821 г. ноября 26 уволенъ отъ должности къ герольдіи. — 1822 г. іюля 4-го возобновленъ пансіонъ 900 р. въ годъ. — 1826 г. августа 3-го данъ пансіонъ 2.160 р. — 1829 г. ноября 21-го въ сенаторы въ 8-й департаментъ: съ 1832 г. марта 15 во 2-мъ отдѣленіи 6-го департамента.

Скончался въ началѣ 1845 года.

Петръ Великій и Людовикъ XIV ¹⁾.

Къ исторіи франко-русскихъ отношеній въ царствованіе Петра I до заключенія перваго франко-русскаго договора.

1682—1717.

Петръ Великій, съ самаго вступленія своего въ управленіе государствомъ, ясно сознавалъ огромное значеніе, которое могъ имѣть для него союзъ съ Франціей, съ которой у Россіи существовали до тѣхъ поръ лишь случайныя сношенія.

Главнымъ препятствіемъ, преграждавшимъ Россіи путь къ центральной Европѣ и къ морю—къ которому Петръ стремился неудержимо, было существованіе вдоль русской границы цѣлаго ряда воинственныхъ государствъ, которыя всѣ были болѣе или менѣе близки къ Франціи, или на которыхъ она смотрѣла какъ на полезныхъ пособниковъ своей политики, и которыя вслѣдствіе этого могли, въ случаѣ опасности, рассчитывать на ея поддержку.

Швеція, Польша, Турція—исконныя союзницы французскихъ королей, плотнымъ кольцомъ окружали владѣнія царя и стояли ему на пути въ его стремленіи расширить свои владѣнія.

Естественно, что Петръ задался цѣлью отдалить отъ Франціи, и тѣмъ по возможности ослабить, непріятныхъ ему сосѣдей и вмѣстѣ съ тѣмъ заключить союзъ съ Версальскимъ дворомъ, но Франція, переживавшая въ то время золотой вѣкъ своей силы, своего величія и славы, не чувствовала ни малѣйшаго желанія сближаться съ страной мало культурной, мало извѣстной въ Европѣ, жившей совершенно обособленно. Первые попытки къ сближенію со стороны Петра были встрѣчены французскимъ правительствомъ

¹⁾ Vicomte de Guichen. *Pierre le Grand et le premier traité Franco-russe 1682-1717.* Paris. 1908.

съ холоднымъ пренебреженіемъ и были имъ отвергнуты. Посольства, коими обмѣнялись обѣ страны вскорѣ по вступленіи на престолъ Петра, не привели ни къ чему.

Еще ранѣе, въ царствованіе Θεодора Алексѣевича, французскій король, недовольный Швеціей, которая склонялась на сторону его враговъ, считалъ весьма желательнымъ заключеніе союза между великимъ княземъ московскимъ, Даніей и Бранденбургомъ. Видя въ этомъ средство разстроить планы Карла XII, онъ готовъ былъ содѣйствовать заключенію этого союза и съ этой цѣлью поручилъ Ляпикетьеру отправиться въ Москву, гдѣ онъ долженъ былъ вести съ бранденбургскимъ и датскимъ посланниками переговоры, истинная цѣль которыхъ была замаскирована подъ видомъ торговыхъ сдѣлокъ.

Въ секретныхъ инструкціяхъ, данныхъ Ляпикетьеру, ему было поручено собрать для короля обстоятельныя свѣдѣнія о русскомъ дворѣ, о которомъ во Франціи въ то время почти ничего не знали. Но смерть Θεодора Алексѣевича и перемѣны, происшедшія въ русской политикѣ во время малолѣтства его братьевъ, были причиною, что этотъ планъ остался неосуществленнымъ. Ляпикетьеръ даже не уѣзжалъ изъ Франціи.

Въ 1684 г. во Францію прибыло изъ Москвы посольство съ извѣщеніемъ о вступленіи на престолъ царей Петра и Ивана Алексѣевичей. Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ французскій король увѣрялъ новыхъ царей въ своихъ дружескихъ чувствахъ и выразилъ желаніе поддержать съ Москвою „доброе согласіе“.

Любопытны подробности, касающіяся посольства, отправленнаго во Францію правительницей Софіей въ 1689 г. съ цѣлью склонить Людовика XIV примкнуть къ священной лигѣ противъ турокъ, въ которую вступили Австрія, Россія, Польша и Венеція. Самый выборъ пословъ, князя Якова Долгорукова и князя Якова Мышцакаго, былъ чрезвычайно неудаченъ. Они оба не говорили ни на одномъ иностранномъ языкѣ; Франція была для нихъ страной совершенно неизвѣстной. Въ Дюнкирхенѣ ихъ встрѣтилъ уполномоченный короля Торфъ. Сойдя на берегъ, они изложили письменно цѣль своего путешествія, и ихъ письмо было препровождено въ Версаль, откуда они получили разрѣшеніе пріѣхать въ Парижъ. Начиная съ этого момента съ ними произошелъ рядъ самыхъ необычайныхъ и подъ-часъ комическихъ приключеній. Такъ какъ ихъ багажъ, опечатанный въ таможи, могъ быть вскрытъ только на мѣстѣ, то имъ объяснили, что они не должны снимать печатей до Парижа. Послы обѣщали подчиниться этому правилу; но, доѣхавъ до Сентъ-Дени, гдѣ была въ то время ярмарка, они безъ церемоніи

сорвали печати со своихъ сундуковъ, чтобы продать на ярмаркѣ привезенныя ими вещи. Въ оправданіе ихъ надобно сказать, что по причинѣ крайне разстроеннаго состоянія русскихъ финансовъ, чрезвычайное посольство получало вмѣсто жалованія подарки мѣхами, которые послы вынуждены были продавать, чтобы жить на вырученныя деньги.

9 августа посольство торжественно въѣхало въ Парижъ. Пять дней спустя король назначилъ ему аудіенцію въ Версаль. Но тутъ неожиданно возникло новое затрудненіе: послы наотрѣзъ отказались допустить таможенный осмотръ своихъ вещей, и когда полицейскій чинъ собирался вскрыть ихъ сундуки, они побили его и одинъ изъ московитовъ даже бросился на него съ ножомъ въ рукахъ.

При Версальскомъ дворѣ всѣмъ этимъ были глубоко возмущены, и король повелѣлъ, чтобы русскіе немедленно оставили Парижъ; однако послалъ имъ подарки для царя. Но послы заявили рѣшительно, что они не уйдутъ, не получивъ обѣщанной аудіенціи. Тогда Людовикъ XIV возвратилъ всѣ привезенныя ими подарки и приказалъ подтвердить имъ повелѣніе выѣхать изъ Франціи. Долго-рукъ и Мышецкій, взбѣшенныя до послѣдней крайности, отвѣчали снова отказомъ. Послѣ этого у нихъ были отобраны всѣ ящики, привезенныя ими съ вещами; имъ грозила смерть отъ голода. Очутившись въ безвыходномъ положеніи, они стали умолять Торфа замолвить слово въ ихъ пользу и откровенно сознались ему, что если король не дастъ имъ аудіенціи, то имъ придется „отвѣтить“ за это по приѣздѣ въ Москву. Послѣ безконечныхъ переговоровъ, они согласились наконецъ на осмотръ своего багажа.

Нѣсколько дней спустя состоялся приѣмъ въ Версаль; вотъ какъ описываетъ его въ своихъ мемуарахъ церемоніймейстеръ французскаго двора Сенто (Saintot).

„Послы, въ сопровожденіи маршала Дестрэ и нѣсколькихъ придворныхъ, были доставлены, въ парадныхъ каретахъ, въ Версаль, гдѣ во дворахъ, прилегавшихъ ко дворцу, были выстроены швейцарцы и королевскіе тѣлохранители. На главной лѣстницѣ, у которой ихъ приняли оберъ-церемоніймейстеръ, маркизъ де Бленвиль и церемоніймейстеръ Сенто, стоялъ отрядъ швейцарцевъ; въ залѣ были разставлены шпалерами тѣлохранители короля.

Когда послы вошли въ аудіенцъ-зало, гдѣ сидѣлъ Людовикъ, они сдѣлали ему почтительный поклонъ; послѣ чего посолъ произнесъ по-русски привѣтствіе. За нимъ говорили два другихъ посла.

Окончивъ привѣтствіе, которое было переведено на француз-

скій языкъ, они подали королю свои вѣрительныя грамоты, послѣ чего ихъ многочисленная свита внесла подарки, присланные царями: цѣнные матеріи и мѣха. По окончаніи аудіенціи посламъ было предложено роскошное угощеніе, затѣмъ они были доставлены обратно въ Парижъ.

4 сентября состоялась съ обычнымъ церемоніаломъ прощальная аудіенція; король принялъ пословъ сидя, обнажилъ голову, когда они вошли, а вручая имъ письмо, которое онъ посылалъ царямъ, онъ всталъ, обнажилъ голову и тотчасъ сѣлъ.

Откланиваясь Людовику, послы просили позволенія поцѣловать е. в. руку, что и было имъ дозволено. Они всѣ трое получили отъ короля подарки“.

Жизнь въ Парижѣ такъ понравилась кн. Долгорукову и Мышецкому, что они отказались уѣхать въ назначенный день, и лишь послѣ долгихъ проволочекъ согласились выѣхать 19 сентября. Въ Гаврѣ, гдѣ они сѣли на суда, Торфъ передалъ имъ письмо, въ которомъ имъ ставилось на видъ, что русское правительство обязано впредь принимать на свой счетъ всѣ расходы по содержанію посольства, если таковое будетъ послано во Францію.

По пріѣздѣ въ Москву, Долгорукій и Мышецкій, рассказывая о пріемѣ, который былъ оказанъ имъ при дворѣ Людовика XIV, до того исказили истину, что вызвали, своими рассказами, враждебное чувство къ Франціи; это отразилось на отношеніяхъ обоихъ дворовъ, которыя сдѣлались временно болѣе натянутыми. Московскіе послы, въ свою очередь, произвели на французскій дворъ неблагоприятное впечатлѣніе той настойчивостью, съ какою они требовали, чтобы въ отвѣтномъ письмѣ короля былъ упомянутъ императорскій титулъ, — предметъ самыхъ страстныхъ желаній Петра.

Непріязненное чувство, возбужденное въ Россіи рассказами московскихъ пословъ, отразилось и на пріемѣ, который былъ оказанъ двумъ іезуитамъ, пріѣхавшимъ въ скоромъ времени въ Россію съ письмомъ отъ Людовика XIV и съ просьбою дозволить имъ проѣхать черезъ Сибирь въ Китай. Эти миссіонеры, несмотря на все стараніе кн. Голицына, не получили желаемого разрѣшенія и были вынуждены уѣхать обратно за границу.

Таковъ былъ печальный результатъ неудачнаго посольства, отправленнаго во Францію правительницей Софьей. Неблагопріятное впечатлѣніе, оставленное имъ при дворѣ Людовика XVI, изгладилось лишь по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, подъ впечатлѣніемъ широкой преобразовательной дѣятельности даровитаго и энергичнаго Петра I.

Въ 1697 г. царь совершилъ свое первое заграничное путешествіе и посѣтилъ Голландію и Англію. Несмотря на его жнѣйшее желаніе быть во Франціи, обстоятельства этому въ то время не благопріятствовали. Неудача кандидатуры на польскій престолъ принца Конти, которую во Франціи приписывали отчасти русскому вліянію, настроила Людовика XIV непріязненно къ царю; онъ не могъ простить Петру его враждебныхъ плановъ по отношенію къ туркамъ и продолжалъ смотрѣть на него какъ на монарха, не имѣвшаго авторитета и значенія въ Европѣ, но отказъ Людовика XIV принять его, сдѣланный въ вѣжливой формѣ, не вызвалъ со стороны царя озлобленія; его подкупала слава Людовика, и онъ все не оставлялъ мысли рано или поздно сблизиться съ нимъ.

Начиная съ 1703 г. Петръ имѣлъ въ Парижѣ особаго агента, который не носилъ оффиціального званія, но на обязанности коего лежало разглашать слухи о его побѣдахъ, о его преобразованіяхъ, о его любви къ европейской цивилизаціи, а года два передъ тѣмъ, принимая въ аудіенціи Дюгерона, чрезвычайнаго французскаго посла при дворѣ Августа II, Петръ высказалъ ему свое восхищеніе королемъ французскимъ и свое желаніе быть съ нимъ въ тѣсной дружбѣ. Указавъ на выгоды, которыя могло принести Франціи заключеніе торговаго договора съ Россіей, гдѣ вся торговля находилась въ рукахъ англичанъ и голландцевъ, царь настаивалъ на томъ, что Людовику XIV слѣдовало помочь Россіи въ приобрѣтеніи порта на Балтійскомъ морѣ и въ войнѣ со Швеціей.

Во время дальнѣйшихъ бесѣдъ, царь далъ понять Дюгерону, что и онъ со своей стороны могъ бы быть полезенъ французскому королю въ Польшѣ и что если бы король пожелалъ воспользоваться этимъ, чтобы посадить на польскій престолъ французскаго принца, то онъ былъ бы готовъ всячески содѣйствовать ему въ этомъ.

Въ то же время къ Дюгерону обратился заклятый врагъ Швеціи, Паткуль, имѣвшій мысль вооружить противъ нея Польшу, Россію, Данію и, если удастся, Францію.

Чрезвычайная важность предложеній, сдѣланныхъ Дюгерону, и почтительность, съ какой царь отзывался о французскомъ королѣ, возбудили въ умѣ Людовика XIV надежду на то, что Петръ присоединится къ его политикѣ и откажется отъ дальнѣйшей войны со Швеціей.

Для переговоровъ объ этомъ предметѣ былъ посланъ въ Москву нѣкто Валювій, полякъ, состоявшій на французской службѣ. Ему было поручено оффиціально благодарить русскаго царя отъ имени Людовика XIV за выраженное имъ желаніе поддерживать съ коро-

лемъ постоянную переписку и убѣдить его въ томъ, что Англія, Голландія и курфюрстъ Бранденбургскій, которые добивались съ нимъ союза, преслѣдовали исключительно свои личныя цѣли. Балюзію вѣрно было намекнуть царю, что только одна Франція могла бы быть полезной союзницей Россіи и что въ то время представлялся удобный случай объявить войну императору.

Изъ инструкцій, полученныхъ Балюзіемъ, видно, что французскій дворъ сильно заблуждался на счетъ истинныхъ намѣреній царя, ибо онъ питалъ надежду, что Петръ согласится дать Франціи денежную субсидію для войны съ императоромъ; впрочемъ посланному было приказано затронуть этотъ щекотливый вопросъ какъ можно осторожнѣе.

10 апрѣля 1703 г., Балюзій писалъ Людовику XIV:

„Осмѣливаюсь молить в. в. прислать мнѣ какъ можно скорѣе указанія вашего величества, такъ какъ я нахожусь здѣсь въ полномъ бездѣйствіи, что можетъ быть непріятно здѣшнему двору и мнѣ самому. Если бы вашему величеству были извѣстны здѣшніе нравы, то, я увѣренъ, вы повелѣли бы прислать мнѣ нѣсколько драгоценныхъ вещей для поднесенія ихъ царю, который принимаетъ подарки съ удовольствіемъ; къ этому средству прибѣгаютъ иностранные министры, когда они хотятъ достигнуть успѣха въ переговорахъ...

Здѣсь есть еще нѣсколько лицъ, заручиться дружбою коихъ было бы полезно вашему величеству, если вы желаете снискать дружбу царя и вступить съ нимъ въ соглашеніе...

Могущество царя на сушѣ очень велико; что касается до его могущества на морѣ, оно возрастаетъ съ каждымъ днемъ“.

Миссія, возложенная на Балюзія, вызвала переполохъ среди враждебныхъ Франціи державъ, однако Плейеръ, австрійскій посланникъ въ Россіи, извѣщая своего монарха о переговорахъ, которые вѣлъ Балюзій, писалъ:

„Мнѣ кажется, намъ особенно беспокоиться нечего, тѣмъ болѣе, что французскому резиденту оказано здѣсь не болѣе почета и уваженія, чѣмъ прежде. Все французское не пользуется тутъ особымъ почетомъ; только польскій посланникъ покровительствуетъ французскимъ офицерамъ и заботится объ ихъ интересахъ“.

Пребываніе въ Москвѣ Балюзія не увѣнчалось никакими осязательными результатами; отъ него ожидали опредѣленныхъ предложеній, которыя ему строго запрещено было дѣлать. Поэтому Людовикъ XIV письмомъ отъ 10 іюля 1703 г. извѣстилъ его о томъ, что онъ можетъ возвратиться во Францію.

„Я вижу, писалъ король, изъ вашего донесенія, что царскіе

министры хотѣтъ заставитьъ васъ перваго сдѣлать отъ моего имени предложеніе о заключеніи союзнаго договора. Такъ какъ, посылая васъ (въ Россію), я хотѣлъ этимъ отозваться на выраженное этимъ монархомъ желаніе сблизиться со мною, и такъ какъ я не вижу, чтобы его намѣренія остались неизмѣнны, то дальнѣйшее пребываніе ваше въ Москвѣ является излишнимъ“.

Между тѣмъ на сѣверѣ Европы событія развертывались съ изумительной быстротою. Россія оправилась отъ понесенныхъ ею пораженій и въ свою очередь стала наносить пораженія Швеціи, которая при этихъ обстоятельствахъ уже не могла быть для Франціи сколько-нибудь полезной соперницей, а союзъ, заключенный Петромъ съ врагомъ Франціи, создалъ натянутыя и даже непріятныя отношенія къ Франціи. Это непріятное чувство росло съ каждымъ днемъ и поддерживалось слухами, которые волновали общественное мнѣніе Франціи. Рассказывали, напр., будто царь, въ бытность свою въ Голландіи, разбилъ въ дребезги кубокъ, въ который было налито французское вино; говорили, что его деспотизмъ проявлялся въ Россіи въ самыхъ ужасающихъ актахъ.

Бояринъ Матвѣевъ, посланный въ 1705 году къ французскому двору для переговоровъ по поводу задержанія двухъ русскихъ судовъ корсарами, вышедшими изъ Дюнкирхена, испыталъ на себѣ недоброжелательство, съ какимъ относились въ то время къ Россіи; его переговоры съ министрами Людовика XIV не привели ни къ чему; тѣмъ не менѣе его миссія не осталась совершенно безплодной, такъ какъ ему удалось до извѣстной степени разсвѣять предубѣжденіе, существовавшее при дворѣ противъ царя.

Дибerville, которому было поручено вести съ нимъ переговоры, говоритъ, что Матвѣевъ усердно убѣждалъ его въ томъ, что „царь не только не питалъ ненависти къ королю и къ французской націи, но что онъ, напротивъ того, преклонялся передъ добродѣтелью, набожностью и геніемъ Людовика XIV и считалъ его правленіе самымъ совершеннымъ и образцовымъ правленіемъ, которому всѣмъ монархамъ надлежало подражать“.

Распространенное во Франціи мнѣніе о ненависти царя къ Франціи основано на ложныхъ донесеніяхъ враговъ царя и короля, говорилъ Матвѣевъ; если бы при французскомъ и при московскомъ дворахъ были официальные послы, то они опровергли бы эти ошибочныя сужденія, которыя такъ вредно отзывались на интересахъ обѣихъ державъ.

Указывая на то, что отмѣна пошлины на французскія вина повела къ увеличенію ихъ потребленія въ Россіи, Матвѣевъ на-

ставалъ на выгодахъ, какія могло принести доброе согласіе между державами.

Стараясь расположить общественное мнѣніе Франціи въ пользу Россіи, Матвѣевъ дѣйствовалъ, въ то же время, какъ это видно изъ его донесеній, совершенно иначе по отношенію къ Франціи.

Онъ писалъ изъ Парижа: „здѣсь воображаютъ, что я пріѣхалъ просить короля о посредничествѣ для заключенія мира со Швеціей. Французы озлоблены на то, что ихъ посоль, пріѣзжавшій въ Петербургъ со спеціальной миссіей, ничего не достигъ, и я очень боюсь, что здѣшній дворъ, дѣйствующій всегда съ хитростью, не оплатилъ бы намъ тѣмъ же“. „Этотъ гордый дворъ мало интересуется нашими дѣлами. На меня смотрятъ не какъ на посла, а какъ на какое-то диво; вотъ почему я настоятельно прошу отвѣта, чтобы не вести далѣе праздную жизнь при этомъ роскошномъ и пустомъ дворѣ“.

„Шведы“, писалъ онъ далѣе, „въ большомъ почетѣ при здѣшнемъ дворѣ и распространяютъ на нашъ счетъ злую клевету. Дружба, которую намъ яко-бы выказываютъ здѣсь, лицеѣрна и ни къ чему не поведетъ“. Изъ этого онъ выводилъ заключеніе, что „мѣнять дружбу англичанъ и голландцевъ на дружбу Франціи было бы отнюдь не выгодно“.

Но логика событій говорила иное. Пораженіе, нанесенное шведамъ подъ Полтавою, въ корнѣ измѣнило соотношеніе силъ. Франція, въ конецъ истощенная продолжительными войнами, не имѣла надобности щадить долѣе свою прежнюю союзницу, которая едва ли могла оправиться отъ нанесеннаго ей пораженія, и французское правительство поняло, какъ неосмотрительно было съ его стороны уклоняться отъ сближенія съ Россіей, морскіе успѣхи которой затрогивали весьма близко торговые интересы Франціи; и оно сочло нужнымъ расположить царя въ свою пользу, предложивъ ему свою поддержку для того, чтобы добиться отъ Турціи пропуска русскихъ судовъ изъ Чернаго моря въ Средиземное (это было вскорѣ послѣ взятія Азова).

Русскому резиденту въ Парижѣ, Скрофу, поручено было извѣстить Петра о намѣреніи Людовика XIV послать въ Россію для переговоровъ объ этомъ новое посольство, во главѣ котораго снова сталъ Балюзій. Ему было повелѣно употребить всѣ старанія къ тому, чтобы Петръ пришелъ на помощь венграмъ въ ихъ борьбѣ съ Австріей, и чтобы онъ далъ обѣщаніе защищать славянскіе народы, терпѣвшіе притѣсненіе отъ Австріи, могущество которой было постоянной угрозой для самой Россіи.

Балюзій прибылъ въ Москву въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1711 г., когда

Петръ готовился къ походу противъ Турціи, только-что объявившей ему войну, не безъ участія въ этомъ дѣлѣ Франціи, какъ полагалъ царь. Крайне смущенный намеками, которые были ему сдѣланы въ этомъ смыслѣ. Балюзій попытался разсвѣять это неблагоприятное для Франціи впечатлѣніе, но ко всѣмъ его заявленіямъ отнеслись „иронически“. Послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ совѣщаній съ канцлеромъ Головкинымъ, княземъ Долгорукимъ и барономъ Шафировымъ, агентъ Людовика XIV постарался увидѣть самого царя, отъ котораго его систематически отстраняли. Ему удалось, послѣ долгихъ стараній, встрѣтиться съ нимъ въ дворцовомъ саду. Нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ царемъ, было достаточно для того, чтобы Балюзій понялъ, что Петръ, побѣдивъ Швецію, рассчитывалъ впредь господствовать на сѣверѣ Европы. Онъ далъ понять посланному французскаго короля, что онъ желалъ вмѣшательства Людовика единственно для заключенія мира съ Портой.

Балюзій не могъ дать на этотъ счетъ никакихъ обѣщаній и рѣшилъ обождать въ Москвѣ возвращенія Григорія Волкова, посланнаго царемъ во Францію для переговоровъ.

Въ то время, какъ Волковъ находился въ Парижѣ, Петръ понесъ пораженіе на берегахъ Прута и заключилъ, 23 іюля 1711 г., миръ съ турками, уступивъ имъ только-что завоеванный русскими войсками Азовъ. Моментъ для французскаго посредничества былъ выбранъ неудачно.

Но въ то время какъ всѣ попытки царя достигнуть сближенія съ французскимъ правительствомъ на дипломатическомъ поприщѣ кончились полной неудачей, на почвѣ торговыхъ сношеній съ Франціей устанавливалась мало-по-малу прочная связь, такъ что возникла даже мысль о необходимости основать торговую компанію для конкуренціи съ англичанами и голландцами. Чтобы выхлопотать для нея особыя привилегіи, комиссаръ королевскаго флота въ Гамбургѣ, La Vie, получилъ приказаніе отправиться въ Россію и собрать обстоятельныя свѣдѣнія объ ея естественныхъ богатствахъ и средствахъ.

Изъ Петербурга, куда La Vie пріѣхалъ въ январѣ 1715 г., онъ написалъ рядъ любопытныхъ писемъ, въ которыхъ выяснилъ значеніе торговли съ Москвой, выгоды, какія она сулила Франціи, и необходимость создать французскую торговую компанію для конкуренціи съ англичанами и голландцами. Попутно онъ сообщалъ подробности изъ русской жизни и описывалъ интриги двухъ партій, соперничавшихъ при русскомъ дворѣ, изъ коихъ во главѣ одной стоялъ Головкинъ, всецѣло преданный Австріи, а во главѣ другой Меншиковъ, Куракинъ и Шафировъ — любимцы Петра. Любопыт-

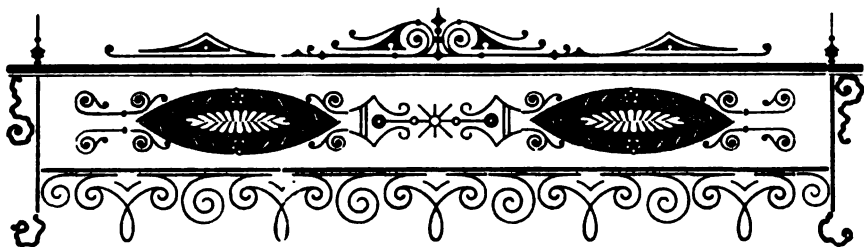
ныя сообщенія французскаго агента изображали совершенно въ новомъ свѣтѣ событія, разыгравшіяся въ Россіи. Къ сожалѣнію, онъ велъ безпорядочную жизнь, дѣлалъ огромные долги, дружилъ съ завзятыми врагами Франціи, такъ что французское правительство было вынуждено отозвать его.

Незадолго до кончины Людовика XIV, Петръ сдѣлалъ еще одну попытку посѣтить Францію, но старикъ-король и этотъ разъ отклонилъ предложеніе Петра, давъ понять, что, въ виду плохого состоянія французскихъ финансовъ, его собственныхъ недуговъ и преклонныхъ лѣтъ, онъ былъ лишенъ возможности сдѣлать царю такой торжественный пріемъ, который соотвѣтствовалъ бы его желанію. Такимъ образомъ французское правительство еще разъ отклонило предложеніе царя посѣтить Францію, и сближеніе котораго онъ такъ желалъ и выгоды котораго для обѣихъ странъ были столь очевидны, не осуществилось при жизни Людовика XIV. Франція не могла отрѣшиться отъ своей традиціонной политики и не откликнулась на предложеніе царя.

Но послѣ его кончины положеніе измѣнилось. Аббатъ Любуа, довѣренное лицо регента, мечталъ о заключеніи новыхъ союзовъ, которые помогли бы Франціи исправить ошибки, сдѣланныя въ предыдущее царствованіе. Петръ воспользовался этимъ и счелъ моментъ благоприятнымъ для осуществленія своего давнишняго плана. Онъ совершилъ въ 1717 г. поѣздку въ Парижъ, сдѣлалъ французскому кабинету формальное предложеніе заключить съ нимъ союзъ и пустилъ въ ходъ все обаяніе своей личности и все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить французскихъ министровъ въ томъ, что роль, которую играла до тѣхъ поръ среди сѣверныхъ державъ Швеція, могла быть, съ большою выгодой для французской политики, взята на себя возрождающейся Россіей.

Домогательства царя увѣнчались этотъ разъ успѣхомъ и привели къ заключенію 15 августа 1717 г. союзнаго договора, къ которому присоединилась Пруссія и которымъ было положено начало новой политической системѣ европейскихъ державъ.

Изъ автобіографіи маленькаго человѣка ¹⁾.

V.

(Окончаніе).

Теперь мнѣ придется подольше остановиться на личности Сѣрякова, преподавателя ксилографіи или гравюры на деревѣ,—классъ, который возникъ въ школѣ въ 1865 г., когда я была уже въ натуральномъ классѣ живописи.

Сѣряковъ былъ вполне самородокъ, вышедшій изъ народа и трудомъ и неослабѣваемой энергіей пробившій себѣ дорогу. Интересенъ былъ его разсказъ о томъ, когда онъ, еще юношей, подерживая мать и теряясь безъ работы, почти умирая съ голоду, разъ увидя, какъ работалъ одинъ знакомый ему граверъ, еще не умѣя гравировать, взялъ заказъ на 15 рисунковъ и, не имѣя инструментовъ, вырѣзалъ ихъ перочиннымъ ножомъ! Кое-какъ перебиваясь заказами, онъ рискнулъ поѣхать въ Парижъ, къ знаменитому учителю Панемакеру, гдѣ страшно бѣдствовалъ, питаясь иногда одной селедкой,—не зная вначалѣ и языка;—вмѣстѣ съ матерью, поѣхавшей за нимъ и тамъ, пристроился на какой-то мизерной должности при портьершѣ того дома, гдѣ они помѣщались. Сила характера и неустанный трудъ взяли свое, и Сѣряковъ вернулся изъ Парижа мастеромъ своего дѣла, засыпанный работами, тѣмъ болѣе, что гравюра на деревѣ тогда царила, не задуманная еще цинкографіей и фототипіей. Конечно, сквозь небольшую парижскую шлифовку сильно пробивалась шереховатость прежней

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1908 г.

жизни, что временами прорывалось наружу, покируя нѣкоторыхъ ученицъ до того, что, сначала набросившись на новинку, онѣ ретировались,—при томъ же спасовавъ передъ трудностью работы. Но я, избравъ эту спеціальность, шла по ней неуклонно; послѣ своей первой, малой серебряной медали, вызвала у Сѣрякова такое замѣчаніе, съ нѣкоторымъ намекомъ на терпѣливо переносимыя мною его рѣзкія выходки: „Вотъ на васъ оправдывается поговорка: терпи казакъ—будешь атаманомъ!“

Школа Сѣрякова была очень строгая. Онъ главное напиралъ на „тонъ“ и долго держалъ насъ на нихъ, приучая и къ тому, чтобы „умѣть рисовать инструментомъ“. Тутъ мнѣ много помогла моя прежняя рисовка перомъ, придавшая вѣрность рукъ, а также моя близорукость, позволявшая мнѣ, гравирова, видѣть собственными глазами тѣ мелкіе штрихи, которые самъ Сѣряковъ не могъ видѣть безъ лупы, съ которой постоянно работалъ.

Черезъ годъ, уже весной, мы на столько успѣли, что Сѣряковъ намъ, первымъ ученицамъ, задалъ на лѣто композицію на стихи котораго-нибудь изъ нашихъ поэтовъ, изъ деревенской жизни, что нужно было срисовать съ натуры, а затѣмъ, приведя въ извѣстную величину, самой нарисовать на доскѣ и награвировать. Я выбрала стихи Никитина „Соха“, — которая, какъ будетъ видно дальше, — была первымъ толчкомъ къ моей литературной дѣятельности. Тогда, на экзаменѣ, гравюра заслужила похвалу и предложеніе гравировать на малую серебряную медаль; но прежде чѣмъ подумать о томъ, я уже получила первую заказную работу, часть которой уступила мнѣ моя товарка,—именно къ книгѣ проф. Вагнера „Изъ природы“, издаваемой г-жами Трубниковой и Стасовой, и это, кромѣ работы, дало мнѣ возможность познакомиться съ чудной личностью Н. В. Стасовой, съ которой мы сошлись еще болѣе на тѣхъ лекціяхъ женскихъ курсовъ, что, возникнувъ осенью 1871 г., были первообразомъ „Высшихъ женскихъ“ или „Бестужевскихъ“ курсовъ.

Вскорѣ послѣ этой работы я получила большой заказъ на ботаническіе рисунки отъ профессора ботаники А. Н. Бекетова, бывшаго тогда ректоромъ университета. Работа эта продолжалась всю зиму, такъ какъ нужно было самой же ихъ нарисовать на деревѣ, сдѣлать болѣе 40 рисунковъ къ издававшейся тогда Бекетовымъ „Ботаникѣ“, включавшей самые мелкіе рисунки всевозможныхъ пальмъ; и это дало мнѣ случай часто видѣться и сойтись съ достойнѣйшимъ Андреемъ Николаевичемъ и его милой семьей. Бывало, принеся ему одни рисунки и потолковавъ о слѣдующихъ примемся мы съ нимъ толковать о разныхъ, наводящихъ на раз-

мышленія. предметахъ, касавшихся часто „злобы дня“; говоримъ, при чемъ онъ все шагаетъ взадъ и впередъ по кабинету; отзывчивый на все свѣтлое, горячій, чуткій!.. Благородная была личность и въ высшей степени симпатичная!

Иногда, если я не тороплюсь куда, пойдѣмъ съ нимъ къ семьѣ, завтракать. Она умница была большая; а дѣтки тогда были невелики: старшая—подростокъ, а меньшая—крошка.

Эти самые рисунки и доставили мнѣ на экзаменѣ малую серебряную медаль и громкія похвалы со всѣхъ сторонъ, начиная съ самаго заказчика и кончая Сѣряковымъ, пришедшимъ отъ нихъ въ такой восторгъ, что говорилъ, что радуется моимъ успѣхамъ, какъ своимъ собственнымъ! Теперь я имѣла уже много заказовъ, часто приходя съ моей работой въ школу, за какимъ-нибудь совѣтомъ Сѣрякова; да и жаль было совсѣмъ оставить школу, ставшую мнѣ родной! Я даже, къ моимъ прежнимъ въ ней работамъ, присоединила занятія лѣпкой, когда въ 1873 г. тамъ открылся этотъ классъ, подъ вѣдѣніемъ проф. Крейтана, отличнаго преподавателя и препочтенной въ высшей степени деликатной личности! Попробовала я даже потомъ и отливать мои глиняныя вещи изъ гипса, что вызвало страшную возню, на которую съ интересомъ сбѣжалась чуть не вся школа, особенно когда, послѣ отливки, мнѣ пришлось рубить форму!

Между тѣмъ, какъ Дьяконовъ, такъ и Сѣряковъ не переставали допекать меня тѣмъ, что я не выставлю ничего на большую серебряную медаль, и когда я согласилась, наконецъ, то, по ихъ выбору принялась за большую гравюру съ Виландова „Оберона“. Рисунокъ былъ очень мелкій, очень планистый, трудный и для рисовки, не только для гравировки. Но справилась я съ нимъ настолько хорошо, что получила большую медаль и свидѣтельство окончившей курсъ, съ предложеніемъ гравировать на золотую медаль, что давала уже не школа, а академія. Но это представляло столько трудностей и столько отняло бы у меня времени, занятого тогда моими заказами, и кромѣ того самыми ревностными посѣщеніями итальянской оперы, сильно меня увлекавшей и бывшей въ самомъ апогеѣ своего блеска,—что я совершенно отказалась отъ этого предложенія, удовлетворившись своими двумя медалями. Гравюра „Оберона“ была у меня куплена художественнымъ журналомъ „Пчела“.

Теперь я дошла до объясненія, какъ мое гравированіе сыграло роль „орапжево-красныхъ“ тетрадочекъ гранильной фабрики. Этому непосредственно послужила та гравюра „Сохи“, что была мной представлена, какъ композиція на заданную тему.

Предполагавшееся было, въ мечтахъ Сѣрякова, изданіе стиховъ русскихъ поэтовъ, съ нашими иллюстраціями, не осуществилось, и наши работы остались у насъ на рукахъ. И вотъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ лежанія подъ спудомъ, — именно въ апрѣлѣ 1873 года, попавшаяся мнѣ на глаза доска съ гравюрой „Сохи“ порождаетъ въ моей головѣ мысль написать къ этому рисунку дѣтскій разсказъ и отнести его въ дѣтскій журналъ, причемъ выборъ мой остановился на журналѣ „Дѣтское чтеніе“, редакторомъ котораго былъ тогда Алексѣй Ник. Острогорскій, воспитатель Пажескаго корпуса, въ зданіи котораго помѣщалась тогда и редакція журнала. Разсказъ мой понравился; тотчасъ же былъ принятъ и напечатанъ, съ просьбой стать постоянной сотрудницей журнала, что я и продолжала все время, какъ упоминала раньше, пока онъ существовалъ въ Петербургѣ, работая для него и перомъ и рѣзцомъ.

Теперь, объяснивъ, какимъ образомъ школа, въ образѣ гравирования, повліяла на появленіе моихъ произведеній въ печати, я хочу указать еще на одно, въ ея стѣнахъ пріобрѣтенное мною пріятное знакомство, именно съ Дмитріемъ Васильевичемъ Григоровичемъ, секретаремъ „Общества поощренія художествъ“. Школа наша до него имѣла чисто-художественный характеръ; онъ первый внесъ въ нее—художественно-ремесленный. Ревностно начавъ посѣщать школу, Д. В. сначала пришелъ въ восторгъ отъ работъ ученицъ; восхищался ихъ дѣльными замѣчаніями, въ первый разъ пройдясь съ нами по постоянной выставкѣ, помѣщавшейся въ домѣ, въ одномъ этажѣ со школой и даже съ ней соединенной. Выражалъ онъ и желаніе прочесть намъ рядъ лекцій по искусству и обходить съ нами всѣ открывавшіяся выставки. Какъ теперь вижу его подвижную фигуру съ живой, несмолкаемой рѣчью, быстро переходящаго изъ класса въ классъ, заглядывая то тутъ, то тамъ, рассыпая замѣчанія, приправленные любезностью, сглаживавшею рѣзкость замѣчанія, иногда рассыпаясь блестящей французской фразой. Но, расточая любезности передъ произведеніями ученицъ, Д. В. однако не оставлялъ своей первоначальной идеи и понемногу приводилъ ее въ исполненіе.

— Это все конфетки, изумрудныя брошки!—вскорѣ заговорилъ онъ про наши композиціи и акварельные пейзажи, изощряясь въ оригинальности выраженій, — имъ гораздо полезнѣе сочинять барельефы и рамки, рисовать все то, что можетъ представить художественно-ремесленный интересъ, болѣе производительный и практичный!

Нѣкоторые изъ нашихъ преподавателей возмущались такимъ

взглядомъ, считая его посягательствомъ на святыню искусства; от-
ставивъ за школою характеръ исключительно художественный; имъ
вторили и ученицы. Но, открывавшіеся вслѣдъ затѣмъ, одинъ за
другимъ, классы: гравированія, лѣпки, живописи на фарфорѣ, се-
рамыки, рѣзбы изъ дерева, тисненія по кожѣ, классы „Nature
 morte“ и декоративный,—скоро примирили всѣхъ съ этими ново-
введеніями, показавъ, что отъ ихъ практичности не страдала часть
художественная, не исключала возможности желающимъ предаться
„чистому“ искусству. Часто посѣщая школу, Д. В. всегда былъ го-
товъ любезно предложить ученицамъ всякую помощь, въ какомъ
бы видѣ она ни проявлялась: былъ ли то личный совѣтъ или нуж-
ное руководство. Предполагавшіяся, однако, имъ лекціи не состоя-
лись, но онъ не разъ вмѣстѣ съ нами ходилъ въ академію на вы-
ставки, до ихъ открытій для публики, а разъ мы съ нимъ сдѣлали
обзоръ скульптурнаго отдѣла Эрмитажа.

Здѣсь Д. В. проявилъ себя не только знатокомъ, прилежно и
фундаментально изучившимъ то, о чемъ говорилъ, но и блестя-
щимъ рассказчикомъ, пересыпавшимъ серьезное анекдотами изъ
жизни мастеровъ, о которыхъ говорилъ. Въ этихъ рассказахъ пе-
редъ нами вставали великія тѣни гениевъ искусства, творившихъ
не для славы мірской, а для искусства! Намъ казалось, что мы
видимъ, какъ дрожитъ мраморъ при приближеніи къ нему гиганта
Микель-Анджело, съ его титаническимъ молотомъ, нѣсколько уда-
ровъ котораго, по безобразно разбитой глыбѣ мрамора, создали то
чудо анатоміи, въ склоненной фигурѣ человѣка, передъ которой
тогда мы стояли.

Но рассказчикъ предлагалъ намъ отдохнуть. Мы разсаживались
по диванамъ и кресламъ верхней галлерей Эрмитажа и Д. В. одинъ,
неутомимый, продолжалъ свои рассказы, выхваченные изъ другой
сферы, болѣе легкой, коснувшись какого-нибудь эпизода изъ его
многочисленныхъ путешествій. И вотъ, передъ вами рисовалось
яркое небо Испаніи съ горячею нѣгой, напоеннаго ароматомъ цвѣ-
товъ,—воздуха, съ причудливой архитектурой домовъ и храмовъ, и
какъ мимолетный, веселый аккордъ гдѣ-нибудь на высокомъ бал-
конѣ онъ ставилъ красавицу испанку съ алой розой, въ черныхъ,
какъ ночь, волосахъ, а гдѣ-то томно звучала гитара и звукъ ея
таялъ въ золотистой мглѣ горячаго воздуха... Къ сожалѣнію, слѣ-
дующія, предполагавшіяся наши прогулки съ Д. В. по Эрмитажу не
состоялись!..

Но и среди своихъ новыхъ заботъ по устройству новаго помѣ-
щенія школы и открывавшагося тамъ музея. Д. В. по-прежнему
готовъ былъ оказывать вниманіе ко всѣмъ приходившимъ къ нему.

за совѣтомъ ученикамъ и ученицамъ, даже уже оставившимъ, какъ я, — школу. Поэтому мои сношенія съ Д. В. не прекращались, и я всегда находила въ немъ все того же, въ высшей степени любезнаго и предупредительнаго совѣтника, интересовавшагося моими занятіями, какъ литературными, такъ и художественными. Когда я писала для старшаго возраста журнала „Игрушечка“ — „Исторію искусства“¹⁾, я зашла къ Д. В. посоветоваться насчетъ руководства. Онъ встрѣтилъ меня, какъ всегда, очень любезно, очень заинтересовался моею работою и предложилъ мнѣ приходить заниматься въ богато-снабженную всѣми руководствами бібліотеку при музеѣ.

— Мы вамъ тутъ устроимъ чудесное мѣстечко, — говорилъ онъ съ привѣтливой улыбкой, — все будетъ къ вашимъ услугамъ и я самъ тоже. Только ужъ вы насъ не оставляйте!

Онъ очень дорожилъ ученицами, не забывавшими школу, а смотрѣвшими на нее, какъ на что-то близкое!

VI.

Между тѣмъ, сотрудничество мое въ „Дѣтскомъ чтеніи“ продолжалось и при слѣдующемъ редакторѣ журнала, двоюродномъ братѣ прежняго — Викторѣ Петровичѣ Острогорскомъ, о которомъ я уже упомянула вначалѣ. Извѣстный педагогъ и писатель, умница онъ былъ поэтомъ въ душѣ, съ тѣмъ полетомъ въ высь, что такъ характеризовалъ идеалистовъ 40-хъ годовъ, иногда, можетъ быть, и не чувствовавшихъ почву подъ ногами, но за то и не пачкавшихся той грязью, въ которой такъ любятъ копаться современные реалисты! В. П. былъ изъ послѣднихъ могикианъ Тургеневской эпохи, обожавшій Пушкина и умилавшійся передъ идеалами Тургенева. Любила я съ нимъ поговорить и помимо редакціонныхъ вопросовъ, и залетали мы за облака, отрезвляясь отъ сѣрой сутолоки повседневной жизни!

Радовало меня и то, что онъ былъ доволенъ моими вещами; такъ что, скажу не хвастаясь, что за весь длинный періодъ нашей совмѣстной работы, не было статьи, которую онъ бы не одобрилъ.

— Я вѣдь всегда — говорилъ онъ, — эти рукописи читаю, собравъ вокругъ себя ребятишекъ. Какъ эти судьи заинтересуются, — такъ и рѣшено: посылай въ типографію!

¹⁾ Теперь это вышло отдельной книгой, подъ именемъ «Въ мірѣ искусства».

Успѣхъ въ одномъ журналѣ далъ мнѣ смѣлость обратиться и къ другому, а именно: къ журналу „Семейные вечера“,—издававшемуся Кашперовой, сразу принявшей меня съ распростертыми объятіями. Кашперова была интересной женщиной; очень образованной, съ которой всегда было пріятно поговорить. Немного саркастическая, очень энергичная, она ловко устраивала свои дѣла; много работая для журнала и сама; отлично владѣла языками и помѣщала свои переводы. Она всегда была ко мнѣ мила и исправна и я сохранила съ ней хорошія отношенія, долго работая въ ея журналѣ и оставивъ его только тогда, когда онъ нѣсколько измѣнилъ направленіе, ставшее менѣе симпатичнымъ.

Отдавшись по преимуществу дѣтской литературѣ, захотѣлось мнѣ попробовать свои силы и въ литературѣ для взрослыхъ, и первымъ моихъ произведеніемъ былъ драматическій рассказъ „На скамьѣ подсудимыхъ“,—написанный подъ впечатлѣніемъ одного, надѣлавшаго тогда большого шума, процесса, главные герои котораго были мнѣ извѣстны; а къ исторіи героини я присоединила еще черты жизни другой, знакомой мнѣ особы. Эту вещь я рѣшила снести въ газету „Новое время“, передавъ ее самому редактору А. С. Суворину. Придя къ нему въ назначенный имъ день за отвѣтомъ, я узнала, что вещь принята, при чемъ А. С. любезно добавилъ:

— Это такъ живо написано, будто вы сами все это пережили!

Статья была напечатана въ двухъ фельетонахъ; а пока я отдала другой, уже написанный мною, рассказъ „Роковое“—въ газету „С.-Петербургскія Вѣдомости“, гдѣ онъ былъ тотчасъ же напечатанъ, а вслѣдъ за нимъ и другой: „Не расцвѣла“. Много въ то время работая для дѣтскихъ журналовъ, при томъ и гравирова и рисуя акварелью съ натуры разныхъ насѣкомыхъ, для энтомологическаго общества,—при чемъ иногда приходилось работать и съ микроскопомъ—я, только урывками могла писать для взрослыхъ, хотя это было мнѣ тоже заманчиво. Кромѣ того, я чувствовала, что послѣ такой литературы, требовался интервалъ, чтобы снова встать на ту степень простоты,—безъ педантизма,—съ которой надо говорить дѣтямъ.

Не помню теперь, по чьему совѣту, отнесла я одинъ рассказъ въ толстый журналъ „Русская рѣчь“, издававшійся Навроцкимъ. Рассказъ ему понравился; но вслѣдствіе выше-изложенныхъ причинъ,—я могла только изрѣдка давать ему другіе, вызвавъ даже у него замѣчаніе, что „я даю ему чрезъ часъ по ложкѣ“.

Просьбу же его написать ему романъ не могла совѣсть исполнить, находя этотъ трудъ,—требовавшій полной выдержки характеровъ и ясности отношеній, выведенныхъ личностей, другъ къ другу, съ выполненіемъ полной картины, а не фигуръ калейдоскопа—не подъсилу! Я съ удовольствіемъ работала въ этомъ миломъ журналѣ, встрѣтивъ и въ самомъ Навроцкомъ очень образованнаго человѣка, и мнѣ было жаль, когда онъ,—по домашнимъ обстоятельствамъ—прекратилъ его. Но судьба, затѣмъ, натолкнула меня на другого симпатичнаго издателя-редактора,—И. В. Скворцова, издававшего „Еженедѣльную газету“, съ приложеніемъ журнала „День“. Ивану Васильевичу такъ нравились мои маленькіе рассказы, онъ такъ цѣнилъ мой трудъ и довѣрялъ мнѣ, что когда я, сначала, приходила къ нему за отвѣтомъ, онъ спокойно говорилъ мнѣ:

— Да вѣдь я ваши вещи прочитываю въ корректурѣ!

Пріятно было работать и съ Л. Оболенскимъ, тогда редакторомъ журнала „Русское богатство“. Оболенскій былъ чисто-русскій человѣкъ, именно: „душа-человѣкъ“, который и руку-то пожималъ душевно, крѣпко, какъ пожимають безхитростные люди! Помѣщала я кое-что въ „Русской Старинѣ“,—„Историческомъ вѣстникѣ“ и долго работала для „Наблюдателя“—пока онъ не измѣнилъ своего направленія ¹⁾. Много пищи для моей литературы давало мое многолѣтнее служеніе на помощь „малымъ симъ“ изъ нищей братіи; бывъ членомъ-попечительницей, а позднѣе и членомъ Совѣта, въ одномъ—именно при Соборѣ Спаса Преображенія,—приходскомъ Обществѣ вспоможенія бѣднымъ.

Много мрачныхъ картинъ безысходной бѣдности пришлось видѣть мнѣ, обходя эти ужасные подвалы и взлѣзая на столь же ужасные чердаки, гдѣ гнѣздились въ смрадныхъ углахъ петербургская голь; гдѣ росли эти несчастныя дѣти, гдѣ догорали, искалѣченные нуждой, старухи и старики, среди удушающаго подобія воздуха; среди сырости, не только зеленой мозаикой плѣсени покрывавшей стѣны, по выступавшей грязной водой, сквозь щели половъ, при болѣе сильномъ нажатіи ихъ ногой. Здѣсь, въ этомъ разгулѣ нужды и разврата, я воочію убѣдилась въ томъ, насколько были не преувеличены до того только читаемые мною рассказы, вроде „Петербургскихъ трущобъ“ и прочаго!

Очень пріятнымъ событіемъ было мое знакомство съ Е. А. Сы-

¹⁾ Въ журналъ „Русская мысль“ была помѣщена статья „Мои воспоминанія объ артистѣ Эрнесто Росси“, съ которымъ мы были въ очень дружескихъ отношеніяхъ.

своей, первой издательницей и редакторомъ журнала „Воспитаніе и обученіе“,—нынѣшній „Родникъ“,—которая сама, письмомъ, просила моего сотрудничества въ ея журналѣ, на что я тотчасъ же охотно отозвалась. Большая умица, многосторонне образованная и серьезно развитая, вполне передовая и при томъ чисто-русская (даже своей симпатичной, свѣжей, открытой фізіономіей), чрезвычайно живая, чуткая,—она сразу располагала къ себѣ, и бесѣды съ ней вносили неослабывающій интересъ! И почти въ одно время состоялось мое знакомство съ Т. П. Пассекъ.

Объявленіе объ открытіи ея журнала „Игрушечка“ какъ разъ совпало съ только-что прочтенными мною въ журналѣ „Русская Старина“,—ея записками „Изъ дальнихъ лѣтъ“ и, подѣ обаяніемъ этого чтенія, я тотчасъ же помчалась къ ней, съ предложеніемъ моего сотрудничества въ ея журналѣ, что было встрѣчено самымъ сердечнымъ сочувствіемъ, и тотчасъ же установило нашу, не слабѣвшую, но все увеличивавшуюся съ нею, дружбу. Не буду повторяться, отдавъ печати,—какъ я уже писала,—мои воспоминанія о дорогой старушкѣ, но не могу здѣсь не коснуться нѣкоторыхъ сторонъ, касавшихся, какъ ея личной характеристики, такъ и совершенно характеризовавшей ее, ея обстановки, въ старинномъ домѣ на Малой Подъяческой.

— Она и домъ-то умѣла подыскать какой-то особенный, московскій!—говорила одна наша общая знакомая.

И точно: домъ стоялъ за рѣшекой, во дворѣ, съ отдѣльнымъ въ ея квартиру подъѣздомъ и невысокой деревянной лѣстницей. Мебель въ ея спальнѣ была самая старинная; а у кровати, на которой она часто занималась полу-лежа,—стоялъ простой некрашенный столъ. Ходила Т. П. всегда въ широкой ситцевой блузѣ, на кокеткѣ, обшитой по шеѣ бѣлой фрезкой; съ широкими рукавами, застегнутыми у кистей рукъ узкими общивочками. Чепцовъ она не любила, а дома надѣвала на голову бѣлый полотняный платокъ, туго подвязанный узломъ подъ подбородкомъ.

— Люблю такіе старенькіе, мягкіе; хоть вотъ и дырявенькій ужъ, а мякенькой, пріятный!—скажетъ, затягивая потуже узелокъ, чтобы платокъ не сползалъ.

„Несмотря на тотъ кружекъ высоко образованныхъ „западниковъ“,—писала я о ней въ своей статьѣ,—среди которыхъ вращалась при жизни мужа, и на долгое пребываніе, въ различные періоды, за границей, послѣ его смерти,—Т. П. была вполне русская натура, со всеми симпатіями и привычками русскаго человека 30 и 40-хъ годовъ и, при этомъ, она была одною изъ тѣхъ свѣтлыхъ личностей, которыхъ мы обобщаемъ именемъ „идеалистовъ“

сороковыхъ годовъ“. Въ ней все было коренное русское: складъ рѣчи, манера говорить; русскій юморъ, русская безшабашная до-вѣрчивость, широкое гостепріимство, съ девизомъ: „все, что есть въ печи, то на столъ мечи“, широкое сердце и беззабѣтная лю-бовь къ родинѣ. Она, своимъ глубокимъ, выдающимся умомъ, вполне цѣнившая европейскую цивилизацію, сочувственно воспри-нимавшая все свѣтлое, чѣмъ дарилъ насъ западъ, въ то же время чутко слѣдила за всякимъ успѣхомъ въ русскомъ обществѣ, гото-вая чѣмъ можетъ поддержать молодой русскій талантъ, восхи-щаясь по-дѣтски всякому, иногда даже сомнительному проявле-нію такого таланта. Воздавая должное хорошему западному, она обожала все русское, начиная съ лежанки, шей съ головизной и гусиныхъ полотковъ, до русской пѣсни, что звучитъ заунывной струной подъ необозримыми полями родной стороны. Она хранила въ кладенцѣ своей необыкновенной живсой памяти всѣ обычаи, пре-данія, всѣ мелочи, относящіяся до обстановки жизни баръ своего времени, и въ то же время это была одна изъ гуманнѣйшихъ жен-щинъ, на которую барство не наложило печати, и она къ самому простому человѣку относилась съ тѣмъ же привѣтомъ, какъ ко всѣмъ. Впрочемъ, она, казалось, вся состояла изъ любви, всепро-щенія и безграничнаго снисхожденія къ людямъ. Философіи тоже было у нея много, совсѣмъ не женской, также какъ энергіи и за-мѣчательной силы воли, которыя и поддерживали это маленькое, старческое тѣло“.

Гостепріимна она была также совсѣмъ по-русски. Только-что, бывало, явишься къ ней утромъ, и первымъ вопросомъ, послѣ „здравствуй“, было: ты со мной пообѣдаешь?

Если отвѣтъ былъ отрицательный, то я награждалась эпите-томъ: —ну, и выходитъ, что ты тетеря!

При прощаньи тоже непременно прибавлялось: — Пріѣзжай, голубчикъ, ко мнѣ на цѣлый день, пообѣдать. Хочешь, щи кислые закажу съ кашей? А то и пирогъ загнемъ; бабушка и это мо-жетъ!

Она такъ и слыла общей бабушкой. Къ ней ѣхали и за совѣ-томъ, и со своими слезами и горестями, и для всѣхъ у „бабушки“ было теплое слово! Пріѣзжали даже совсѣмъ незнакомые ей люди. Иногда устанетъ она, послѣ просмотра статей, да посѣщеній раз-ныхъ; взберется на постель съ ногами, спустивъ теплые бархат-ные сапожки, какъ снова звонокъ: новый визитъ.

— Да вы бы, Т. П., отказали!

— Ахъ, нѣтъ, другъ сердечный, какъ можно! Можетъ, издалека пріѣхали, видѣть меня хотятъ, а я откажу!

Самое лучшее время для нашихъ совмѣстныхъ занятій было уже послѣ обѣда, когда мы оставались съ ней вдвоемъ. Станемъ перебирать статьи, которыхъ накоплялось много; я ей читала.

— Мило! Это мы возьмемъ,—говорила она повременамъ, слушая мое чтеніе; или: нѣтъ, это прочь, не надо!

Поработаемъ, а тамъ примемся бесѣдовать. О чемъ только, бывало, не переговоримъ, отъ гусиныхъ полотковъ до философскихъ вопросовъ включительно! Много она тоже рассказывала изъ своего прошлаго; о разныхъ эпохахъ изъ своей и чужой жизни. Рассказывала она прелестно; рѣчь лилась свободно, просто и красиво, и люди выходили совсѣмъ живыми. Много было тоже юмора въ ея разсказахъ, такъ что мы обѣ, нерѣдко, принимались хохотать.

Горничная Даша принесетъ чайный сервизъ и ставить его попросту, безъ скатерти, на некрашенный столъ у кровати, на которой лежитъ старушка. Съ боку приставляется некрашенный же табуретъ, на которомъ появляется пузатый желтый самоваръ. Тихо кругомъ; только замирая, вытягиваетъ самоваръ однообразныя ноты, подъ которыя, не замолкая, кипитъ наша бесѣда, да изъ столовой, повременамъ, покрикиваетъ часовая кукушка...

VII.

Въ „Татьянинъ“ день,—12 января,—день именинъ старушки, у нея было, что называется: нетолченная труба! Что народу у нея въ этотъ день перебивается—такъ и не перечесть! Тутъ бывали и старики, — писатели, что бабушку не забывали: и Салтыковъ (Щедринъ) и Лѣсковъ; Семевскій, Терпигоревъ (Атава), и только-что нарождавшіеся юнцы. Тутъ я встрѣчала и Мердеръ, и Самойловичъ, не говоря уже о всѣхъ сотрудникахъ и сотрудницахъ „Игрушечки“. Шло угощеніе,—надо признаться,—самое безалаберное, вѣнцомъ которому было одно: когда неумѣлая горничная, приступивъ къ варкѣ шоколаду, на одну его плитку влила пять бутылокъ молока. Общими силами, съ прибавкой всего отыскавагося въ домѣ, у дѣтей ¹⁾ шоколада, а также и принесеннаго въ подарокъ, удалось устроить приличный напитокъ, а въ приносимыхъ сладкихъ пирогахъ и пирожкахъ—недостатка не было. А кругомъ шла шумная бесѣда и веселый говоръ.

Живя лѣтомъ на дачѣ, Т. П. вела ту же трудовую жизнь, что

¹⁾ Т. П. жила вмѣстѣ со своей невѣсткой, вдовой ея сына Владиміра, и ея двумя дѣтьми.

и въ городѣ; рѣдко выходя прогуляться даже въ свой садъ. Но, разъ выйдя, она восхищалась всякой травкой-муравкѣй. Все наводило ее на размышленіе.

— Какая во всемъ гармонія, стройность,—говорила она, и глаза ея блестѣли восторгомъ,—и въ то же время величіе и простота! Возьми ты съ самаго малаго цвѣтка; а вотъ тебѣ дерево вышло изъ маленькаго сѣмени, и все выше, стройнѣе... Такъ вотъ и во всемъ созданіи, всѣ животныя, все это развивается, крѣпнеть; вотъ тоже какъ дерево раскидывается вѣтвями, растетъ, такъ и духъ человѣка все расширяется, расширяется и, наконецъ, охватываетъ весь горизонтъ. Блескъ какой-то, какъ лучи отъ центра расходятся и все шире и шире становится!

Въ гнѣздѣ подъ крышей прошебечетъ ласточка, изъ лѣсу заунывное „ку-ку“ раздастся, и старушка моя умиляется, и младенческая улыбка заиграетъ на ея губахъ...

Съ весны 1887 г. Т. П. стала чаще прихварывать и слабѣть, такъ что, не окончивъ года, сдала „Игрушечку“ А. Н. Тюфяевой ¹⁾). Но она не почилла на лаврахъ, а приступила къ разбору своихъ бумагъ, думая кое-что отдѣлать и напечатать, особенно остановившись на давно задуманной ею статьѣ „О судьбѣ женщины съ древнѣйшихъ временъ“,—нѣкоторыя страницы которой были такъ хороши, что не требовали редакціи. Надъ ней мы и начали съ нею работать, такъ какъ она непременно хотѣла ее проредактировать вмѣстѣ со мной. Душа ея еще была такъ молода и свѣжа, что, несмотря на слабость физическихъ силъ, она постоянно жила иллюзіями, заглядывая далеко впередъ; мечтая и о продолженіи своихъ записокъ,—которыя довела до конца, а затѣмъ и объ изданіи того энциклопедическаго журнала для юношества, который когда-то задумалъ ея покойный мужъ, Вадимъ Васильевичъ. Она все еще чувствовала въ себѣ довольно силы, чтобы держать свою „свѣчку“.

— Всякій долженъ держать свою свѣчку, какая по рукѣ придется,—говорила она,—да такъ ты ее держи, чтобы отъ нея и другіе, если захотятъ, могли бы свѣтъ зажечь. Чѣмъ больше отъ твоей свѣчки зажглось, тѣмъ лучше. Рука опустится, а другія, что отъ нея зажглись, горятъ, и отъ нихъ еще зажгутся свѣчки, такъ свѣтъ въ людяхъ и не гаснетъ. Такъ-то, другъ сердечный! Вотъ и наша „Игрушечка“—маленькая свѣчка, которая тоже свѣтъ, какой ни есть, а разлиываетъ. Отъ нея дурному никто не

¹⁾ Нынѣ Пѣшкова-Толивірова.

научится! Вотъ и ты держишь въ ней свою свѣчку и держи крѣпко!

Иногда на нее находили минуты тоски.

— Устала я—говорила она, отъ всей жизни устала; хочется и на покой! Знаю, что ты поплачешь обо мнѣ и не забудешь, придешь на бабушкину могилку.—Тебѣ я вѣрю, что ты меня любишь... Ты мой истинный другъ!

Взгляды ея стали теперь еще болѣе глубокими и философскими.

— Лежу я вотъ такъ одна,—говорила она мнѣ,—и все думаю, все думаю... и такъ я до многого теперь додумалась, такъ мнѣ многое стало понятно, чего я прежде не понимала! Точно будто горизонтъ передо мною расширяется, расширяется... Помню, когда я еще молода была, также я послѣ болѣзни лежала и вижу я, какъ бы не во снѣ, что около меня свѣтъ какой-то появился, и стали отъ него отдѣляться лучи, все шире, шире, все стремясь вверхъ, къ какому-то центру, и мнѣ самой такъ легко стало, будто и я отъ земли отдѣляюсь и тоже стремлюсь туда, вверхъ... Вотъ я и теперь тоже ощущаю... И знаешь,—добавила она, таинственно,—говорятъ, что къ старости глупѣютъ, а я, напротивъ, поумнѣла!..

О своихъ болѣзненныхъ ощущеніяхъ она говорила совершенно спокойно, не переставая работать, за двѣ недѣли до смерти продиктовавъ послѣднія страницы своихъ записокъ.

Давно хотѣлось всѣмъ намъ имѣть портретъ нашей дорогой бабушки, но она рѣшительно отказывалась снять съ себя фотографію; и послѣ долгихъ упрасиваній согласилась только на то, чтобы Елизавета Меркурьевна *Бемъ* сдѣлала съ нея силуэтъ. Я уже до знакомства съ Т. П. находилась въ дружескихъ отношеніяхъ съ нашей прелестной художницей и такимъ же прелестнымъ человекомъ, а также съ ея сестрой Любовью Меркурьевной *Эндауровой*, чудные цвѣты которой, появляясь на выставкахъ, кажется, разливаютъ на нихъ свой ароматъ. Большую симпатію почувствовала къ нимъ и Т. П. при знакомствѣ съ ними, особенно питая нѣжность къ Елизаветѣ Меркурьевнѣ, всегда восхищаясь и ея исключительнымъ, проникнутымъ чувствомъ, поэзіей и фантазіей—талантомъ и къ ней самой и всегда съ радостью ее принимая у себя.

Но сеансъ тогда все же не состоялся. Теперь, видя, что старушка все слабѣетъ, мы съ Елизаветой Меркурьевной энергичнѣе принялись за дѣло, и въ началѣ марта 1889 г., за три недѣли до кончины Т. П., мы сговорились въ одно утро съѣхаться у нея, не встрѣтивъ съ ея стороны никакого препятствія. Уложили ее поуютнѣе, и Е. М. принялась рисовать, не силуэтомъ, а просто аква-

релью, сепіей; а я сѣла поближе къ Т. П., чтобы занимать ее разговорами. Вспоминая, какъ ее прежде какъ-то мучали, когда она позировала два раза для портретовъ, одинъ изъ которыхъ остался въ эскизѣ, а другой вышелъ очень неудачнымъ, она говорила про Елизавету Меркурьевну:

— Лиза меня не мучаетъ; а вотъ тѣ ужъ мучали; все нужно было передъ ними позировать; бывало, какъ устанешь!

Портретъ Е. М. вышелъ поразительнымъ, по сходству и выраженію, какъ и все выходящее изъ - подъ кисти нашей дорогой художницы! Т. П. пожелала его видѣть и очень осталась имъ довольной.

Вскорѣ это дорогое, такъ ласково всегда улыбавшееся намъ лицо предстало намъ въ своемъ спокойствіи вѣчнаго безмолвія, будто говорившаго: „Ахъ, какъ хорошо такъ отдохнуть послѣ всѣхъ трудовъ и земного горя!“

VIII.

Черезъ годъ послѣ моего знакомства съ Татьяной Петровной, память о которой сохранилась неизмѣнно въ моемъ сердцѣ,—я познакомилась съ Иваномъ Сергѣевичемъ *Тургеневымъ* ¹⁾. Встрѣтить когда-нибудь лицомъ къ лицу моего любимаго художника - поэта было моей мечтой съ самой юности, когда я зачитывалась его художественными произведеніями! Оно осуществилось въ послѣдній пріѣздъ Ивана Сергѣевича въ Петербургъ весною 1881 г. и вотъ при какихъ обстоятельствахъ, кромѣ описанной мною въ вышеупомянутой мною статейкѣ моей первой съ нимъ встрѣчи, когда я пришла къ нему, въ его бесѣдѣ отдохнуть отъ гнетущаго впечатлѣнія, навѣяннаго трагическимъ событіемъ 1-го марта,—послѣдовали и мои дальнѣйшія посѣщенія моего любимаго поэта.

Незадолго до его пріѣзда въ Петербургъ я, посѣщая тогда школу ради класса лѣпки, работая и глиной и воскомъ, начала изъ воску лѣпить барельефомъ съ фотографіи силуэтъ Ивана Сергѣевича, окруженный орнаментами моей композиціи. Когда онъ пріѣхалъ, вещь была почти готова и я, придя въ школу, показала ее Д. В. Григоровичу, какъ я уже говорила раньше, всегда интересовавшемуся моими работами, рассказавъ ему при томъ о моемъ съ нимъ знакомствѣ. Д. В. со всегдашней своей любезностью,

¹⁾ Маленькая статейка объ этомъ знакомствѣ была помѣщена въ „Историческомъ вѣстникѣ“.

разсыпался въ похвалахъ; сдѣлалъ кое-какія замѣчанія, а потомъ говорить:

— Хорошо бы вамъ его лицо закончить съ натуры! Теперь-то онъ боленъ; такъ вы пока хорошенько вырисуйте остальное. а потомъ я доставлю вамъ случай поцѣпить его съ натуры.

Нечего и говорить о томъ, что засѣло у меня въ головѣ и придало собственной рѣшимости. Узнавъ на тѣхъ же дняхъ отъ Е. М. Бемъ, что она была у него и показала ему свои силуэты къ „Запискамъ охотника“ (отъ которыхъ онъ былъ въ восторгѣ), я въ тотъ же день написала ему, съ посыльнымъ, письмо, излагая причину, почему хотѣла бы его навѣстить и спрашивая, когда онъ могъ бы принять меня? Съ тѣмъ же посыльнымъ я получила отвѣтъ: „Если вамъ угодно пожаловать ко мнѣ въ воскресенье между 12-ю ч. и 1 ч., то я съ великимъ удовольствіемъ приму васъ“.

Работа моя очень заинтересовала Ивана Сергѣевича. Онъ долго, со всѣми подробностями разсматривалъ ее.

— На сколько я понимаю, это очень хорошо; и на сколько знаю свое лицо, это похоже,—даже очень похоже! подтвердилъ онъ рѣшительнымъ тономъ. Вы мнѣ скажите, какъ мнѣ сѣсть, чтобъ вамъ было удобнѣй.

Но я позаботилась о томъ, чтобы ему было удобнѣй. Сидѣлъ онъ прекрасно, что не мѣшало намъ съ нимъ бесѣдовать о различныхъ предметахъ, начиная съ его твореній и кончая политикой и славянофильствомъ... Иногда моя работа прерывалась приходомъ нѣкоторыхъ посѣтителей. Такъ, разъ, явилось нѣсколько студентовъ просить его написать что-нибудь въ разрѣшенный тогда имъ журналъ; на что онъ отвѣчалъ, что у него ничего нѣтъ, да и вообще нѣтъ никакой охоты писать.

— Для васъ-то бы я ужъ, конечно, написалъ. Вотъ, можетъ быть, потомъ что-нибудь изъ моихъ воспоминаній въ Московскомъ университетѣ. Я вѣдь туда поступилъ рано,—шестнадцати лѣтъ.

Они стали просить, чтобы онъ написалъ о Герценѣ и Бакунинѣ.

— Но вѣдь если бы я и написалъ про нихъ,—отвѣтилъ онъ, спокойно,—то вамъ этого вѣроятно не позволили бы напечатать.

Они заговорили о недавней лекціи Соловьева и упомянули о нигилизмѣ.

— Это не совсѣмъ вѣрно,—замѣтилъ онъ: теперь уже нельзя говорить о нигилизмѣ въ томъ смыслѣ, какъ говорили прежде. То, что видимъ мы нынче, это не нигилизмъ, а терроризмъ.

Во время нашихъ съ нимъ разговоровъ, коснувшись крайнихъ славянофиловъ и ихъ направленія, онъ замѣтилъ:

— Вѣдь они совсѣмъ не знаютъ народа! Я помню, какъ Кон-

стантинъ Аксаковъ терялся, заговаривая съ крестьянами. Но онъ былъ все же... честнѣе; а эти всѣ поступаютъ въ высшей степени возмутительно! И затѣмъ эти нелѣпые нападки на все западное! Я помню, какъ покойный Достоевскій разъ набросился на слово „конституція“.—Да что вы кипятитесь изъ-за названія-то?—говорю я ему, и что это за поворотъ назадъ, ко всему прежнему, до Петровскому? Хоть бы они подумали о томъ, что тогда нужно будетъ возвратити къ прежнему и нашъ прекрасный богатый языкъ, который до временъ Петра былъ такъ тяжелъ и который съ Пушкина развился такъ богато, сложился такъ поэтично!

Очень онъ былъ доволенъ, когда я передала ему въ рассказѣ о нашемъ путешествіи по Швеціи и Норвегіи, о томъ на сколько тамъ интересуются его произведеніями, которыя всѣ переведены на норвежскій языкъ, при чемъ особенно любятъ его „Рудина“. На мой вопросъ о томъ, которыя изъ его твореній онъ болѣе любитъ, онъ отвѣчалъ:

— Знаете, отвѣтити на такой вопросъ для меня затруднительно. Хотя повидимому мнѣ дороги всѣ мои произведенія, какъ мои дѣти; но, когда случается мнѣ ихъ просматривать всѣ, при новомъ изданіи, то прежде всего является недовольство. Все кажется, что многое недостаточно выработано; сшито бѣлыми нитками; многое недосказано. Интереснѣе слышать мнѣніе другихъ.

Когда я при этомъ заговорила о моемъ предполагаемомъ рисункѣ, съ его портретомъ посреди, окруженнымъ сценками изъ его сочиненій и назвала тѣ, что выбрала, онъ, выслушавъ внимательно, замѣтилъ:

— Я нахожу, что вашъ выборъ очень хорошъ ¹⁾!

Въ мое послѣднее къ нему посѣщеніе, за нѣсколько дней до его отъѣзда въ деревню, я поднесла ему мое коротенькое стихотвореніе съ его акростихомъ. Онъ былъ очень тронутъ; такая свѣтлая улыбка озарила его лицо, когда онъ прочиталъ стихи.

— Я не стою этого!—проговорилъ онъ, съ чувствомъ. Очень, очень вамъ благодаренъ!

Но мое стихотворное вдохновеніе, возбужденное твореніями художника-поэта, не ограничилось однимъ акростихомъ, вылившись въ большомъ стихотвореніи, въ которомъ я воспѣвала главныхъ изъ его твореній и ихъ героевъ.

¹⁾ Избранныя мною сценки были: двѣ изъ „Записокъ охотника“—Пѣвцы и Бѣжинъ лугъ. Четыре изъ повѣстей: „Фаустъ“, „Ася“, „Первая любовь“ и „Затишье“, 4 изъ романовъ: „Рудинъ“, „Дворянское гнѣздо“, „Наканунъ“, „Отцы и дѣти“.

Перекидываясь изрѣдка письмами съ Иваномъ Сергѣевичемъ, я ко дню его рожденія послала ему за границу какъ это стихотвореніе такъ и эскизъ перомъ предполагавшагося мною рисунка съ его портретомъ, на что онъ мнѣ отвѣтилъ такимъ письмомъ: „Примите мою искреннюю благодарность за вашъ прекрасный, изящный подарокъ. Память ваша обо мнѣ меня сердечно тронула. Я счастливъ тѣмъ, что мои вымыслы могли виушнить вамъ такіе гармоническіе и красивые стихи. Вотъ настоящая награда писателю! Сдѣланный вами выборъ сценокъ, долженствующихъ окружить мой портретъ, кажется мнѣ весьма удачнымъ—и въ аллегорической рамкѣ цвѣтовъ и растений я признаю руку художника и поэтическое чувство женщины. Еще разъ благодарю васъ и прошу принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и нелицемѣрной преданности“.

Между тѣмъ, чѣмъ дальше, тѣмъ его записочки, въ отвѣтъ на мои спросы объ его здоровьи, становились все безотраднѣй. Последняя, полученная мною отъ него записочка въ февралѣ 1888 г. была написана уже карандашемъ. „Искренне благодарю васъ за сочувствіе,—писалъ онъ; имѣю сказать вамъ, что операцію я перенесъ благополучно, но старый мой недугъ вернулся съ такой силой, что я принужденъ лежать и пишу даже съ трудомъ. Быть можетъ, дѣло поправится, но надежду на возвращеніе въ Россію, кажется, надо оставить ¹⁾. Желаю вамъ всего лучшаго и прошу принять увѣреніе въ моемъ сердечномъ уваженіи“.

Между тѣмъ окончивъ свой рисунокъ и снявъ съ него фотографію, я одну изъ нихъ послала, въ маѣ мѣсяцѣ, передъ моимъ отъѣздомъ въ Крымъ, ему въ Vouglival. Не имѣя отвѣта и желая узнать, получилъ ли онъ ее, я, среди лѣта, опять написала туда. Но на это письмо мнѣ отвѣчала М-е Віардо, уже послѣ его кончины, послѣдовавшей 22 августа.

„Я очень ясно помню, что видѣла посланную вами фотографію,—писала она,—въ рукахъ нашего дорогого усопшаго, но онъ былъ уже такъ слабъ въ это время, что могъ только улыбнуться, проговоривъ: „Какъ это любезно“; но уже не могъ написать вамъ благодарность за ваше милое вниманіе. Позвольте мнѣ сдѣлать это вмѣсто него, прося васъ принять увѣреніе въ моихъ самыхъ искреннихъ чувствахъ“.

Въ концѣ письма она добавляла: „На-дняхъ его драгоценные

¹⁾ Въ одно изъ моихъ съ нимъ свиданій въ Петербургѣ, Н. С. говорилъ, что теперь намѣревается каждый годъ, хотя не надолго, пріѣзжать въ Россію.

останки будутъ перевезены къ вамъ, въ Петербургъ. Я вамъ искренне завидую“.

Мнѣ пришлось проводить эти дорогіе останки отъ станціи Варшавской дороги до Волковского кладбища, идя депутаткой съ вѣнкомъ отъ „Игрушечки“. Неизмѣнно-внимательный Д. В. Григоровичъ и тутъ остался вѣренъ себѣ и, увидя, при входѣ на кладбище, меня съ вѣнкомъ, въ депутаціи, поставилъ насъ у самой могилы, среди цвѣтовъ которой и нашелъ покой нашъ любимый художникъ-поэтъ, давшій столько высокаго наслажденія своею теплою, вдохновенною музою!

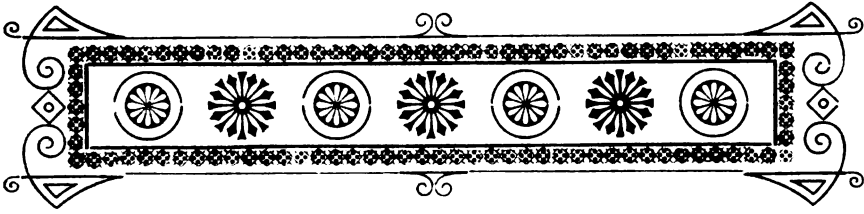
Стоя такъ близко у могилы, я хорошо могла слышать всё, говорившіяся надъ нею рѣчи, самой прочувствованной изъ которыхъ была рѣчь Д. В. Григоровича, сказавшаго, между прочимъ, что они „никогда не расходились, хотя и разставались“.

Теперь оба леги подъ сѣренькимъ небомъ любившаго ихъ сѣвера; обонхъ покрылъ бѣлый, снѣжный саванъ... Лежатъ они такъ близко другъ отъ друга, что, поднявшись, могутъ протянуть другъ другу руки и, смѣло поднявъ, осязавъ сѣдинами головы, сказать:

„Братъ! Мы честно служили родной странѣ и заслужили ея сердечное спасибо!“

С. Лаврентьева.

Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ и военно-учебныя заведенія ¹⁾).

(Изъ воспоминаній)

VI.

(Окончаніе.)

Время на лекціяхъ и бесѣдахъ полковника Михаила Ивановича Драгомирова проходило для всѣхъ совершенно незамѣтно и, безъ сомнѣнія, только благодаря особому его искусству заинтересовать молодежь, намъ,—контрабандистамъ, легко было совершенно забывать, что мы на такой лекціи присутствуемъ нелегально; жаль было покидать аудиторию въ ту минуту, когда пушка на адмиралтействѣ возвѣщала о томъ, что во всемъ Петербургѣ бьетъ полдень.

Одинъ случай чуть не лишилъ насъ особаго удовольствія нелегально посѣщать лекціи, которыми мы дорожили и къ которымъ относились со всѣми чувствами увлеченія молодости. Аудитория собралась въ ожиданіи прибытія полковника Драгомирова. Мы, контрабандисты, по обыкновенію, усѣлись на верхнюю заднюю скамью, (аудитория Мих. Арт. Училища тогда была расположена амфитеатромъ). Совершенно неожиданно полковникъ пришелъ въ аудиторию съ начальникомъ училища генераломъ Платовымъ. Генералъ поздоровался съ юнкерами, оглядѣлъ всѣхъ; лично со мной, помню, прямо встрѣтился глазами. Но вѣроятно, благодаря тому обстоятельству, что онъ на все умѣлъ смотрѣть только свысока, его взглядъ просто скользнулъ, и генералъ не замѣтилъ среди юн-

¹⁾ См. „Русская Старина“, октябрь 1908 г.

коровъ младшаго класса нѣсколькихъ человѣкъ пришельцевъ изъ старшаго. Въ лицо онъ насъ всѣхъ зналъ прекрасно и, хотя все это происходило на первыхъ порахъ нашего пребыванія въ училищѣ, — онъ не могъ не узнать каждаго изъ насъ и не признать въ насъ добровольцевъ лекцій профессора Драгомирова. Но вниманіе его въ эту пору было гдѣ-то очень далеко или крайне высоко!

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ того мы узнали отъ Боголюбова, что предстоитъ особенно интересная лекція; между тѣмъ намъ пришлось быть въ раздумьи, — идти на нее или нѣтъ? Дѣло въ томъ, что обычныя занятія въ лабораторіи мы приноровились пропускать, а затѣмъ нагонять, но въ день и часть той особо возвѣщенной лекціи Драгомирова, преподаватель химіи шт.-к. Ник. Павл. Оедоровъ долженъ былъ показать намъ въ подробностяхъ примѣрный способъ или общіе приемы производства анализовъ; было избрано какое-то сложное химическое соединеніе и разложеніемъ его преподаватель собирался научить насъ производству этой сложной манипуляціи. Опытъ представлялъ большой интересъ, необходимо было при немъ присутствовать, дабы разъ на всегда усвоить себѣ методъ; впредь уже не могло представиться такого случая, такъ какъ, вслѣдствіе большой стоимости препаратовъ, показывать этотъ опытъ больше одного раза не представлялось возможнымъ.

День выходилъ сложный: и особую лекцію Драгомирова жалъ было пропустить, и отъ анализа уйти рѣшительно не приходилось; какъ быть?

Скоро однако мы напали на возможное согласованіе событий: лекція начиналась въ 10½ часовъ, анализъ въ 11½ ч.; мы и рѣшили, прослушавъ часть лекціи, уйти съ нея въ лабораторію за четверть часа до окончанія ея, дабы попасть на анализъ во-время или, въ крайнемъ случаѣ, съ незначительнымъ опозданіемъ.

Забрались мы втроемъ, заслушались; пора уходить; вотъ-вотъ дослушаемъ немного, еще немного и еще, — наконецъ, встаемъ и уходимъ. — Не постигаю до сей поры, какъ случилось, что, когда мы, спустившись сбоку по ступенькамъ, стали выходить и двое изъ насъ проскользнули въ выходную дверь, я, — третій, какъ-то отсталъ, а въ тотъ самый моментъ около меня сбоку очутился полк. Драгомировъ, и я долженъ былъ неминуемо преградить ему путь къ выходу.

Вся аудитория оставалась въ ожиданіи ухода профессора, а я одинъ оказался впереди его; выходило такъ, какъ будто въ ту минуту, когда онъ окончилъ лекцію и началъ вставать, я успѣшилъ выйти раньше его.

Нѣчто подобное вѣроятно и произошло безъ умысла съ моей стороны: рассчитывая дослужать еще и еще немного, мы не замѣтили какъ дотянули до того момента, когда профессоръ кончилъ и всталъ...

— Что это вы, молодой человѣкъ, поспѣшили, не дождались ухода лектора?—спросилъ онъ меня серьезно, но безъ всякой тѣни суровости, продолжая свой выходной изъ аудиторіи путь мимо меня.

— Не поспѣшилъ,—сказалъ я, смущаясь и запинаясь,—а я... я опоздалъ.

— Что? опоздали? какъ опоздали? куда опоздали?—сыпалъ полковникъ вопросы на ходу.—Что же, моя сегодняшняя лекція, несмотря на ея содержаніе, прошла для васъ безслѣдно (извѣстѣйшая и интереснѣйшая лекція о субординаціи) или вы ее недостаточно прослушали? И почему я васъ не всякій разъ вижу у себя на лекціяхъ? почему вы иногда отсутствуете, — вдругъ оживился онъ и вонзилъ въ меня тотъ взглядъ, который такъ поразилъ насъ при первой нашей встрѣчѣ съ нимъ въ классномъ корридорѣ училища.

— Въ сущности, г-нъ полковникъ,—сказалъ я довольно робко,—я состою въ старшемъ классѣ; мы... я... такъ... прихожу иногда сюда въ аудиторію, когда можно, послушать ваши лекціи...

— Ааа! вотъ что! охотники, любопытные добровольцы! поздравляю, милости просимъ! Какъ же вы устраиваетесь со своими лекціями?

— Такъ, случается, что иногда пропускаемъ.

— Какія же лекціи вамъ можно такъ легко пропускать?

— Легко пропускать никакихъ нельзя; но мы даемъ свободу, пропускаемъ лекцію фортификаціи полковника Квиста.—Тутъ я кое-какъ собрался съ силами, рассказалъ ему по порядку все случившееся съ нами и добавилъ, что на анализъ Федорова необходимо было поспѣть 11¹/₂ часомъ.

— Отчего же вы Квиста такъ легко пропускаете?

— Оттого, что онъ намъ преподаетъ совершенно то же самое, что уже мы проходили въ старшемъ классѣ военнаго училища.

— Повторяете задъ? — сказалъ съ усмѣшкой полковникъ.

— Да; а вотъ по химіи совершенно новыя свѣдѣнія и сложные опыты; безъ нихъ нельзя; ихъ пропустить не всегда можно, они и интересны и къ экзамену важны.

— А субординація?—вдругъ уставился въ меня полковникъ поверхъ очковъ;—да помимо субординаціи, вы можете себя такимъ манкированіемъ очень повредить; службу надо нести точно; на-

частьство за такія продѣлки по головѣ не погладить. Э, э,—вдругъ какъ бы спохватился онъ, взглянувъ на часы;—вы еще, пожалуй, и совсѣмъ опоздаете; торопитесь, бѣгите; потомъ еще увидимся;—онъ подавъ мнѣ руку, пропустилъ меня мимо себя впередъ; — бѣгите что есть силъ, а то еще вашъ анализъ отъ васъ уйдетъ,—смылся онъ мнѣ вслѣдъ.

VII.

Какъ меня ноги донесли — не знаю; признаюсь, впечатлѣніе всей этой неловкости, непріятности осталось во мнѣ на всю жизнь.

Нескоро послѣ того мы рѣшились забраться контрабандно на его лекцію, а все-таки забрались; въ то время, когда намъ казалось, что наше присутствіе осталось незамѣченнымъ, полковникъ Драгомировъ, кинувъ взоръ въ нашу сторону, сдѣлалъ намъ легкій кивокъ и очень ласково улыбнулся. Это насъ ободрило, и такимъ образомъ намъ еще нѣсколько разъ довелось его послушать; но затѣмъ я сильно простудился и слегъ въ училищный лазаретъ, а выздоровѣвъ къ Рождеству, увидѣлъ, что манкированье занятіями по фортификаціи не прошло даромъ: Квистъ мои чертенныя умѣнья сначала оцѣнилъ пятеркой, потомъ тройкой; а за отвѣты на репетиціяхъ, въ то время, когда я ожидалъ получить оцѣнку въ 6—7 балловъ, онъ, безъ всякой церемоніи, поставилъ мнѣ на второй репетиціи единицу, на третьей ноль. На первой репетиціи, у замѣщавшаго Квиста шт.-капитана Кюи, я получилъ 10; эта, разжиженная единицей съ нолемъ, десятка обратилась въ 3; до экзаменовъ оставалась одна репетиція, если бы на ней получить хоть 12, то все-таки съ отмѣтками за чертежи удовлетворительнаго балла для выпуска по первому разряду не вышло бы.

Похоже было на то, что по Квиста дошло мое пренебреженіе къ его лекціямъ.

Съ большой грустью сталъ я подумывать о томъ, какъ выйти изъ этого положенія; надо было, или просить сейчасъ о производствѣ въ офицеры съ правами, которыя дало Александровское военное училище, или же терпѣливо ждать исхода экзаменовъ съ выпускомъ въ прапорщики артиллеріи; въ томъ и другомъ случаѣ долженъ былъ пропасть цѣлый годъ.

Полковникъ Драгомировъ, при встрѣчѣ со мной, отъ времени до времени перебрасывался мимоходомъ короткимъ разговоромъ.— Однажды я сидѣлъ въ училищной библіотекѣ, прочитывая одну изъ шумѣвшихъ тогда передовыхъ статей Каткова въ „Москов. Вѣдо-

мостяхъ"; услышавъ тихіе шаги, я оглянулся и увидѣлъ полковника Драгомирова; онъ подошелъ, поздоровался и участливо разспросилъ о дѣлахъ. Когда я, отвѣчая на короткіе распросы, освѣдомилъ его о результатахъ контрабанднаго посѣщенія его „бесѣды“, онъ высказалъ большое сожалѣніе; затѣмъ, немного подумавъ, сказалъ: отчего высобственно предпочли поступить на строевое отдѣленіе, а не на математическое? вѣдь это зависѣло отъ вашего выбора; развѣ вы въ военномъ училищѣ были уже такъ слабы по математикѣ?

— Нѣтъ, слабъ не былъ; а такъ показалось легче и проще ограничиться высшей алгеброй, дифференціальное же и интегральное исчисленіе замѣнить фортификаціей и артиллеріей.

— А теперь не можете вы наладить свои дѣла такъ, взяться чтобы пройти дифференціалы и интегралы? тогда Квистъ со своей фортификаціей пойдетъ не въ счетъ.

-- Гдѣ ужъ теперь, г-нъ полковникъ, догнать; уже болѣе половины курса на математическихъ отдѣленіяхъ пройдено, а лекцій я вовсе не слушалъ.

— Кто-нибудь изъ товарищей пособить; не боги горшки лѣпятъ; попробуйте. возьмитесь головой.

— Къ тому же врядъ ли разрѣшать и вообще очень трудно, продолжалъ я, поразившись неожиданностью этого изобрѣтенія.

— Если бъ легко было, такъ и говорить не о чемъ было бы; а вотъ сдѣлайте трудное...

Въ это время вошелъ генералъ Платовъ и, глядя по обыкновенію вверхъ, сказалъ полковнику: вотъ у насъ, къ сожалѣнію, уже начали обозначаться нѣкоторые юнкера, не выдерживающіе на подпоручика... продолжая разговоръ и, какъ бы втягивая Драгомирова въ него, Платовъ пошелъ дальше въ инспекторскую; полковникъ, обратившись ко мнѣ на ходу, сказалъ:

— Подумайте - ка, наладьте это дѣло, молодой человекъ, не бросайте этой мысли; да поторопитесь...

Черезъ день—въ крещенскій сочельникъ, я явился къ инспектору классовъ и изложилъ ему свое желаніе держать репетиціи дифференціального и интегрального исчисленія съ тѣмъ, чтобы такимъ путемъ вычеркнуть свои неуспѣхи по фортификаціи.

Полковникъ Гадолинъ слылъ за человека крайне ученаго, былъ вообще очень сосредоточеннымъ, серьезнымъ и, какъ говорили,—въ такихъ наукахъ, каковы физика, математика, баллистика, механика,—являлся въ высшей степени сообразительнымъ; но въ обществѣ онъ представлялъ типъ человека, который всякое, требующее размышленія понятіе, сразу бывало не усвоить, а затѣмъ лишь черезъ нѣ-

сколько часовъ сообразить; вообще во все жизненное онъ вникалъ очень туго и все житейское соображалъ плохо.

Когда я сказалъ ему о цѣли своего къ нему прибытія, онъ потеръ лобъ, подумалъ, глядя мнѣ въ глаза, а затѣмъ, сядясь припомнить, пробормоталъ: гдѣ я объ этомъ слышалъ? кто мнѣ говорилъ?

Я понялъ, что говорить могъ только Драгомировъ.

Минуты полторы мы оба молчали.

— Да, но какже, репетиціи строевого отдѣленія по фортификаціи, замѣнить репетиціями математики! вѣдь это невозможно; я самъ проходилъ дифференціальное и интегральное исчисленіе, держалъ экзаменъ и теперь, при своихъ изслѣдованіяхъ¹⁾, держусь руководства ими, но опять сдавать экзаменъ въ два три мѣсяца я бы не рѣшилъ... Это невозможно.

— Но, г-нъ полковникъ, сказалъ я, мнѣ осталось избрать что-либо; фортификація уже для меня закрыта, остается мнѣ замѣнить ее математикой; если и тутъ будетъ неудача, хуже для меня уже не можетъ быть.

Назначивъ мнѣ придти для выслушанія рѣшенія этого вопроса 7-го числа, Гадолинъ повторилъ: это невозможно.

Въ концѣ концовъ, однако, разрѣшеніе было дано; пришлось держать 12 репетицій дифференціального и интегрального исчисленія у профессора математики П. А. Рощина. Къ концу марта всѣ онѣ были выдержаны, въ среднемъ на 11 балловъ, а какъ дѣло это было продѣлано совершенно добросовѣстно при помощи товарищей-математиковъ,—объ этомъ долго было бы рассказывать въ подробностяхъ.

VIII.

Отъ лекцій полковника Драгомирова я поневолѣ отдалился; но окончилась страдная дифференціально-интегральная пора, и насъ потянуло на экзаменъ младшаго класса по Драгомировскимъ преподаваніямъ.

Между прочимъ нельзя не вспомнить, что этотъ, посѣщенный нами экзаменъ одного изъ отдѣленій младшаго класса происходилъ вскорѣ послѣ 4-го апрѣля—дня дерзкаго покушенія Каракозова на жизнь Государя Александра Николаевича.

¹⁾ А. В. Гадолинъ былъ родомъ шведъ; ведя русскую рѣчь, онъ не всегда справлялся съ согласованіями въ родѣ, числѣ и падежѣ.

Большой интересъ возбуждалъ въ насъ этотъ экзаменъ заранее, а, попавъ на него, мы увидѣли, что не ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ.

Вмѣсто шаблонныхъ отвѣтовъ „по билетамъ“, намъ довелось, въ одномъ изъ отдѣленій младшаго класса, въ теченіе четырехъ часовъ слушать бесѣды Михаила Ивановича Драгомирова по предметамъ его лекцій.

Знаніями, соображеніями и понятіями нѣкоторыхъ изъ юнкеровъ онъ вполне удовлетворился; ихъ отвѣты и возраженія доставили ему удовольствіе. Собесѣдованіе съ Боголюбовымъ привело его въ восторгъ.

Формальный, обычный ходъ экзаменовъ все же былъ вполне соблюденъ: каждый, выйдя къ отвѣту, вынималъ билетъ и начиналъ по немъ отвѣчать; но полковникъ Драгомировъ тотчасъ незамѣтно переходилъ на другіе предметы и экзаменъ обращался въ бесѣду.

Нѣкоторые изъ юнкеровъ начинали очень бойко отвѣчать по билету заученное, но при всякихъ постороннихъ вопросахъ, предположеніяхъ и вообще при уклоненіяхъ отъ изображеннаго въ программѣ, — терялись, сбивались, становились въ затрудненіе. Такимъ юнкерамъ полковникъ Драгомировъ давалъ спокойно продолжать отвѣтъ по билету, при чемъ ободрялъ ихъ.

Въ концѣ экзамена Михаилъ Ивановичъ объявилъ, что онъ и не можетъ требовать одинаковаго успѣха отъ каждого; это значило бы требовать чего-либо выходящаго изъ ряда; въ одинъ курсъ нельзя было уйти впередъ въ дѣлѣ удовлетворенія всѣмъ его требованіямъ, съ теченіемъ времени это наладится у всѣхъ, какъ у нѣкоторыхъ уже сильно налаживается. Во всемъ проявлялосьнисходительное отношеніе профессора къ слушателямъ.

Полковникъ Драгомировъ, какъ сказано выше, остался въ полномъ восторгѣ отъ тѣхъ отвѣтовъ, которые давалъ на экзаменѣ Боголюбовъ, а также отъ способовъ веденія имъ возраженій и вообще разсужденій.

Во все время преподаванія своего въ училищѣ, Михаилъ Ивановичъ отличалъ Боголюбова своимъ особымъ вниманіемъ, а по окончаніи этимъ молодымъ человѣкомъ курса наукъ въ старшемъ классѣ (1868 г.), профессоръ, совершенно неожиданно, завелъ съ нимъ разговоръ на тему о дальнѣйшихъ его планахъ по службѣ.

На объясненіе Боголюбова относительно того, что выходитъ онъ въ офицеры въ кавказскую гренадерскую артиллерійскую бригаду, при чемъ рѣшилъ, въ свое время, идти въ академію, Михаилъ Ивановичъ сказалъ:

— Прекрасное дѣло; но только у васъ, артиллеристовъ, есть своя притягательная сила,—артиллерійская академія; я никого не со-
блазняю ничѣмъ и съ намѣченного пути не имѣю привычки увле-
кать, но есть случаи, когда всѣ данныя требуютъ со стороны молодого
человѣка отдаванія полной справедливости собственнымъ способно-
стямъ и оцѣнки своихъ силъ; а это все обязываетъ его поступить
въ генеральный штабъ черезъ академію генеральнаго штаба; вотъ
что я вамъ рекомендовалъ бы; что вы на это скажете?

— Я, признаться, не знаю, имѣю ли право считать, что я дол-
женъ отдавать справедливость своимъ способностямъ, отвѣтилъ
Боголюбовъ, мнѣ это и въ голову не приходило, но я намѣтилъ
идти именно въ академію генеральнаго штаба.

— Ну, вотъ и чудесно, сказалъ Драгомировъ, ваша положитель-
ность мнѣ ручается за то, что вы не измѣните своего желанія,
исполните намѣченное въ точности; дай же, Боже, въ добрый часъ.

Служба на Кавказѣ привела Боголюбова скоро въ экспедицію
противъ возставшихъ горцевъ; въ этомъ военномъ походѣ молодой
человѣкъ показалъ себя дѣльнымъ, распорядительнымъ и храбрымъ
офицеромъ.

Въ 1872 году онъ перешелъ въ гвардейскую конную артилле-
рію, а въ 1873 поступилъ въ академію генеральнаго штаба. Бле-
стяще окончивъ курсъ, онъ былъ вскорѣ переведенъ въ генераль-
ный штабъ, а ко дню мобилизаціи,—въ ноябрѣ 1876 г., уже состоя
въ чинѣ подполковника, получилъ отъ Святи Его Величества гене-
ралъ-маіора Драгомирова приглашеніе вступить въ командованіе
батальономъ Подольскаго полка въ славной Драгомировской 14-ой
пѣхотной дивизіи.

Вслѣдъ за раненіемъ генерала Драгомирова на Шипкѣ—14-го
августа 1877 года молодой штабъ-офицеръ этотъ былъ очень
тяжко раненъ въ правый бокъ, пуля вылетѣла черезъ лѣвый, задѣвъ
спинной хребетъ со внутренней стороны и искалѣчивъ молодого
человѣка на всю жизнь.

IX.

Лѣто 1866 года, по окончаніи выпускныхъ экзаменовъ въ артил-
лерійскомъ училищѣ, мы провели въ лагеряхъ подъ Краснымъ
Селомъ, куда перешли 1-го мая—тотчасъ по окончаніи экза-
меновъ. Составивъ собою въ строю пѣшую батарею, мы должны
были до середины іюня пройти курсъ практической стрѣльбы изъ
вводившихся тогда въ вооруженіе всей артиллеріи четырехфун-
товыхъ мѣдныхъ, заряжавшихся съ дула орудій, упражняться въ

строевыхъ занятіяхъ при орудіяхъ и, въ конномъ строю пѣшей батареи, участвовать съ войсками Красносельскаго лагернаго сбора, во всѣхъ парадахъ, въ различныхъ ученіяхъ разныхъ родовъ оружія, а также въ отрядныхъ, дивизіонныхъ и общихъ маневрахъ.

Кромѣ этихъ занятій лѣтомъ же, подъ руководствомъ батарейнаго командира полковника Фриде, происходили особыя занятія съ юнкерами, выходившими въ конную артиллерію,—изъ нихъ было составлено одно орудіе, и они каждый день упражнялись въ исполненіи строевой, легкой конно-артиллерійской службы, занимая мѣста нижнихъ чиновъ.

Всѣ эти занятія, какъ совершенно новыя, смѣнившія десятилѣтнее занятіе пѣхотнымъ строемъ, насъ очень занимали и даже увлекали; хотя, нужно сказать правду, ожидали мы производства въ офицеры съ большимъ нетерпѣніемъ.

Въ началѣ іюня полковникъ Фриде, возвратясь однажды изъ города, объявилъ намъ, что полковникъ Драгомировъ находилъ бы полезнымъ и необходимымъ въ теченіе лагеря привлечь выпускной, старшій классъ къ тактическимъ занятіямъ въ полѣ; съ этимъ вполне согласился тов. генер. фельдцеймейстера генералъ-адъютантъ А. А. Баряцевъ, и вотъ, намъ было объявлено, что послѣ сообщенія отъ штаба Красносельскаго лагернаго сбора полнаго росписанія ученій и маневровъ, будетъ выдѣлено для старшаго класса дней десять для этихъ занятій и что руководить ими взялся самъ Драгомировъ ¹⁾.

Очень обрадовались многіе изъ насъ случаю еще нѣкоторое время послушать бесѣды и наставленія этого обаятельнаго профессора и, главное, послушать законно, легально, неконтрабандно,—что значитъ совершенно спокойно.

Самое наше нетерпѣніе ожиданія производства въ офицеры какъ бы облегчалось предстоявшими уроками и поученіями такого учителя.

Вскорѣ, однако, начали ходить слухи о томъ, что выполненіе этой программы встрѣчаетъ препятствіе въ необходимости веденія практическихъ занятій и работъ, конми и безъ того обременены юнкера въ лагерное время.

¹⁾ Предполагалось ввести практику въ чтеніи картъ, рекогносцировку, бивуакъ, оборону позицій, по атакузиціи—во всѣхъ этихъ занятіяхъ предстояло больше всего обращать вниманіе на роль, движеніе и дѣйствія артиллеріи; кромѣ того предполагались наблюденія за ученіями пѣхоты и кавалеріи для ознакомленія съ этими родами оружія.

Ко всему этому, въ началѣ іюля, совершенно неожиданно, какъ шкваль, разразилась австро-прусская война; намъ стало извѣстно, что для присутствованія на театрѣ войны при прусскомъ главномъ штабѣ арміи, отправляется, по волѣ Государя, въ главную прусскую квартиру полковникъ Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ; такимъ образомъ улыбавшееся намъ веденіе тактическихъ задачъ въ полѣ не состоялось, и уже больше мы полковника Драгомирова тогда не видѣли.

Я лично очень пожалѣлъ объ этомъ, быть можетъ, больше, чѣмъ другіе, такъ какъ хотѣлъ непременно воспользоваться случаемъ—принести ему благодарность за показанное мнѣ участіе: намѣтивъ путь, которымъ посредствомъ дифференціаловъ и интеграловъ я вышелъ изъ крайне затруднительнаго положенія, онъ избавилъ меня отъ грозившаго мнѣ выхода изъ училища по второму разряду. Вся судьба моя этимъ измѣнилась и перевернулась. Раньше я не благодарилъ Михаила Ивановича не потому, что не догадался это сдѣлать, а лишь не рѣшился, такъ какъ считалъ этотъ шагъ за нѣкотораго рода фамиллярность. На моей совѣсти тогда это такъ и осталось, хотя я понималъ, что въ моей благодарности онъ не нуждался, объ ней не думалъ, а если бы подумалъ, то ни на минуту въ ней не усумнился бы.

Велись ли эти занятія въ артиллерійскомъ училищѣ съ юнкерами послѣдовавшихъ за нами выпусковъ,—сказать не могу.

Х.

Краткое описаніе нѣкоторыхъ событій и обстоятельствъ, приведшихъ къ преобразованію военно-учебныхъ заведеній, грѣшило бы крайнею неполнотою, если бы не привести здѣсь то, что довелось гораздо позже услышать обо всемъ этомъ отъ самого Михаила Ивановича.

Однажды въ Наугеймѣ, выйдя на совмѣстную утреннюю прогулку, Михаилъ Ивановичъ, находился въ какомъ-то особенно хорошемъ, оживленномъ расположеніи духа.

— А вотъ что, сказалъ онъ, не подняться ли намъ сегодня на Іоганнисбергъ ¹⁾?

— Отчего же? Я съ большимъ удовольствіемъ поднимусь, но я слышалъ, что всѣмъ тѣмъ, кто беретъ ванны и вообще лѣчится

¹⁾ Крутая гора, примыкающая къ городу Наугейму.

здѣсь, доктора рекомендуютъ не предпринимать этого подъема; онъ можетъ повредить ходу лѣченія.

— Мнѣ докторъ Янковскій ¹⁾ сказалъ, что я могу совершать это восшествіе, но только съ осторожностью: не идти слишкомъ скоро, останавливаться почаще для отдыха, а если силы хоть немного начнутъ измѣнять, то вернуться, не доводить во что бы то ни стало путешествія до самаго верха, отвѣтилъ Мих. Ив.

Хотя доктора нашли тогда необходимымъ укрѣпить его здоровье въ этомъ курортѣ, славящемся укрѣпляющими сердце ваннами,—Михаилъ Ив. не имѣлъ вида больного человѣка,—былъ бодръ, крѣпокъ, веселъ и энергиченъ. Подъемъ на Іоганнисбергъ однако и совершенно здоровому человѣку не легко было одолѣть. Приходилось взбираться версты двѣ съ лишнимъ по подъему почти въ 60°.

Мы пошли со всѣми указанными врачомъ предосторожностями; Мих. Ив. не столько утомлялся, сколько волновался; при каждой возможности мы присаживались—благо скамеекъ тамъ разставлено достаточно. Въ одномъ мѣстѣ Мих. Ив. повернулся спиной къ сторонѣ подъема и пошелъ, отступая. Подъ горой уже вырисовался видъ старинной части города Наугейма.

— Что это вы, Михаилъ Ивановичъ, повернулись? видами любуетесь?

— А это, видите ли, я вспомнилъ, что одинъ старый, очень старый кавказецъ, по-просту сказать, покойный Фед. Фед. Радецкій, училъ меня сноровкѣ: если, говорить, почувствуете усталость или нѣкоторое стѣсненіе въ груди, повернитесь и продѣлывайте шествіе въ гору „назадъ, равняйся“,—повѣрьте, что въ сто разъ легче будетъ вамъ брать высоту; въ это время дыханіе не встрѣчаетъ воздуха и легкія, не имѣя нужды преодолевать его, не испытываютъ усталости; вся суть въ томъ, чтобы приноровиться, взять привычку, идти пятясь, какъ ракъ; такимъ порядкомъ легко пройти большой подъемъ въ гору. Я попробовалъ, сказалъ Драгомировъ, и дѣйствительно оказалось, что брать подъемъ пятясь просто нипочемъ; съ тою же скоростью идешь совершенно легко, это прямо отдыхъ.

Мы добрались до верху, присаживаясь и прибѣгая по временамъ къ этой сноровкѣ; Мих. Ив. почти не испытывалъ одышки,

¹⁾ Изъ числа находившихся тамъ въ тѣ годы докторовъ только д-ръ Янковскій говорилъ по-русски; онъ, родомъ полякъ изъ нашего Привислянскаго края; по зимамъ жилъ въ Торнѣ, а на лѣто ежегодно пріѣзжалъ въ Наугеймъ, гдѣ и пользовался большою практикой среди пріѣзжавшихъ изъ Россіи пациентовъ.

а я, несмотря на полное здоровье, съ непривычки, порядкомъ таки усталъ.

Всю дорогу во время отдыховъ и передышекъ, а также, сидя на верху горы въ „Кафе“ за стаканомъ маріенбадской воды, — Михаилъ Ивановичъ рассказывалъ объ Мольтке, о началѣ восхожденія его звѣзды во время Датской войны за Шлезвигъ-Гольштейнъ въ 1864-мъ г.; о продолженіи этого восхожденія и развитія его геніальныхъ способностей въ 1866-мъ году во время Австро-Прусской кампаніи; тутъ Мих. Ив. остановился на нѣкоторыхъ эпизодахъ этой войны.

Я, полушутя, рассказалъ, какъ и почему мы въ артил. училищѣ огорчились тѣмъ, что онъ былъ посланъ въ прусскую главную квартиру; Мих. Ив. смѣялся. Разговоръ понемногу перешелъ на воспоминанія объ артил. училищѣ; я выискалъ удобную минуту и спросилъ: правда ли, что вы были авторомъ проекта преобразованія военно-учебныхъ заведеній?

— Откуда вы это взяли? усмѣхнулся Мих. Ив.

— Намъ въ Алекс. училищѣ объ этомъ Юшеновъ рассказывалъ; а потомъ, когда въ артил. училищѣ мы слышали подтвержденіе этого и увидѣли васъ, то воспылали къ вамъ чувствами громадной благодарности за такое улучшеніе нашей судьбы.

Мих. Ив. посмѣялся и сказалъ:

— Съ П. Н. Юшеновымъ я познакомился въ самомъ началѣ семидесятыхъ годовъ въ бытность свою начальникомъ штаба Кіевского военного округа; онъ тогда былъ директоромъ Кіевского кадетскаго корпуса; вотъ былъ умница первосортный; не на такомъ мелкомъ трудѣ слѣдовало ему сидѣть—это человѣкъ, который былъ способенъ объять и развивать самыя сложныя понятія. О ходѣ преобразованія кад. корпусовъ онъ долженъ былъ знать; но то обстоятельство, будто бы я былъ авторомъ проекта, не вѣрно. Однако, нѣтъ дыма безъ огня, и я сейчасъ расскажу, что могло вызвать подобные толки. Относительно же выраженія мнѣ благодарности—юнкеровъ, — бывшихъ кадетъ—за улучшеніе ихъ судьбы и быта, я этой благодарности не могу считать себя достойнымъ; понимая чувства этихъ юнкеровъ, отношу ихъ всецѣло къ сентиментальности, — не въ дурную, конечно, сторону. Молодые сердца всегда, за всякую малѣйшую имъ услугу, ищутъ кого бы благодарить; въ этомъ громадная потребность и громадная необходимость удовлетворенія ея. Добрыя, значить, были у васъ сердца, а благодарность-то надо было всецѣло обратить на Дм. Алекс. Милютину.

Дѣло произошло такъ, продолжалъ Мих. Ив. свой рассказъ:

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда Дм. Алекс. Милютинъ успѣлъ достаточно окрѣпнуть и окрылиться въ должности военного

министра, я, еще будучи очень молодымъ офицеромъ генер. штаба, получилъ приглашеніе явиться къ нему въ канцелярію. Вскорѣ стало извѣстно, что подѣ председательствомъ Дм. Ал. назначено засѣданіе по вопросу о преобразованіи военно-учебныхъ заведеній.

Собрались. Стариковъ было туда приглашено видимо невидимо, такъ, что въ числѣ всѣхъ Тотлебенъ, Баранцовъ, братья Кауфманы, Тидебель были сравнительно молодые генералы; Ванновскій былъ еще моложе, чуть ли онъ не былъ тогда еще полковникомъ; вѣдь собрались такіе Маеусайлы, какъ Розенъ, Клюпфель, Сутгофъ, Рѣзвый, Драке,—все люди, родившіеся въ царствованіе матушки Екатерины; появился и молодой генералъ Исаковъ—тогда попечитель Московскаго учебнаго округа; мы, офицеры генеральнаго штаба, были совсѣмъ ребята, а я чуть ли не самый молодой изъ всѣхъ. Находились тамъ еще генералы и штабъ-офицеры въ формѣ кадетскихъ корпусовъ,—видимо, директора, инспекторы, а можетъ быть и батальонные командиры.

Милютинъ, въ короткой ясной рѣчи, рассказалъ, зачѣмъ онъ насъ собралъ; затѣмъ какъ-то вдругъ, совершенно неожиданно повернулся и, назвавъ меня по чину и фамиліи, сказалъ: не приходилось ли вамъ когда-нибудь, какъ бывшему кадету, поразмыслить о томъ, что въ главныхъ чертахъ требовало бы настоящаго измѣненія?

Давно, я, по совершенной случайности, раздумывалъ о томъ, насколько являлось необходимымъ отдѣлѣть старшіе,—спеціальные классы отъ младшихъ—общихъ. Только-что я прицѣлился объ этомъ ему сказать, какъ онъ, съ свойственной ему всегдашней опредѣленностью, поторопился добавить въ поясненіе: вы сами очень хорошо понимаете, что я не ожидаю отъ васъ какого-либо проекта, еще менѣе жду чего-нибудь обработаннаго; скажите лишь въ краткихъ словахъ, не доводилось ли вамъ когда-нибудь остановиться на какой бы то ни было мысли относительно теперешней постановки нашихъ военно-учебныхъ заведеній и желательной?

Я, разумѣется, очень смутился, но тотчасъ же изложилъ ему кратко свою мысль. Выслушавъ меня внимательно и не остановившись на моихъ словахъ, Дм. Ал. сталъ спрашивать другихъ; сначала были спрошены мои коллеги, потомъ батальонные командиры, а затѣмъ по порядку отъ малыхъ до большихъ всѣ. Многие высказывались очень пространно; иные были солидарны со мной, а нѣкоторые односложно объявляли, что все идетъ прекрасно и гораздо полезнѣе оставить все по-старому, никакихъ-де преобразованій не требуется.

Не обошлось и безъ курьезовъ. Одинъ изъ батальонныхъ ко-

мандировъ „имѣлъ честь“ доложить, что отъ строгости стали отступать и все дѣло въ этомъ; надо къ строгости вернуться, больше подтягивать, тогда все будетъ въ порядкѣ и не будетъ распушенности.

Это еще ничего,—Дмитрій Алексѣевичъ показаніе старца выслушалъ также внимательно и терпѣливо, но этотъ „докладчикъ“ раза три принимался повторять свое мнѣніе, когда его не спрашивали; наконецъ, Милютинъ, опять совершенно спокойно, сказалъ ему: вы не трудитесь больше высказываться; ваше мнѣніе мы знаемъ, дайте намъ другихъ выслушать, къ вамъ мы еще обратимся.

Разспросивъ и выслушавъ всѣхъ, Милютинъ обратился снова ко мнѣ: почему вы полагаете, что будетъ цѣлесообразно отдѣлать спеціальныя классы?

Я сказалъ, что требованія, которыя во всѣхъ отношеніяхъ необходимо предъявлять къ воспитанникамъ, находящимся почти накануне производства въ офицеры, совершенно различны отъ требованій, кои устанавливаются по отношенію къ питомцамъ младшихъ возрастовъ; старшимъ можно разрѣшать многое такое, чего ни въ какомъ случаѣ нельзя дозволить малолѣтнимъ и вообще младшимъ; устанавливается различіе обязанностей и правъ по возрастамъ; а между тѣмъ представляется крайне неудобнымъ дѣлать такое различіе, и такое раздѣленіе по правамъ и обязанностямъ въ одномъ и томъ же заведеніи; при этомъ неминуемо роняется достоинство старшихъ — взрослыхъ, — а это достоинство необходимо вообще поднимать; если старшихъ отдѣлать, то и явится возможность установить для нихъ, безъ какого-либо стѣсненія, совершенно особый порядокъ, младшихъ же, въ ихъ заведеніяхъ, можно поставить безъ всякаго неудобства въ условія, соответствующія ихъ возрасту. Ко всему этому я нашелъ нужнымъ добавить, что если младшимъ возрастамъ до извѣстной степени нужны воспитатели, то для старшихъ является безусловная потребность въ хорошихъ, образованныхъ строевыхъ офицерахъ.

Не долго длилось это памятное засѣданіе. Дмитрій Алексѣевичъ поблагодарилъ всѣхъ и заявилъ, что къ нашему труду онъ еще прибѣгнетъ, т. е. насъ пригласить въ особую комиссію, которая будетъ по этому поводу составлена.

Вскорѣ было объявлено, что согласно представленію начальника военно-учебныхъ заведеній великаго князя Михаила Николаевича, составляется комиссія подъ предсѣдательствомъ одного изъ старичковъ,—кажется, Роговского; не знаю, что она дѣлала и дѣлала ли что-нибудь, но затѣмъ, года черезъ полтора,—въ началѣ 1863 года,—

я лично былъ въ числѣ другихъ назначенъ въ комиссію генерала Исакова; намъ разослали проектъ преобразованія кадетскихъ корпусовъ на началахъ отдѣленія старшихъ классовъ, а въ самыхъ засѣданіяхъ, которыхъ состоялось всего два или три, читали готовое положеніе о военныхъ училищахъ; въ нихъ рѣшено было выдѣлить спеціальныя классы.

Дѣло это, видимо, было изложено, какъ давно назрѣвшее и, конечно, я, высказываясь за эту подробность, не открылъ Америку; необходимость ея бросалась въ глаза всѣмъ, а нами она чувствовалась еще въ стѣнахъ корпуса, изъ котораго я въ свое время вышелъ въ офицеры, мы, еще находясь на школьной скамьѣ и разбирая свою—„полковую“¹⁾ жизнь, и вглядываясь по сосѣдству въ кадетскую жизнь, поняли и сознали необходимость этого выдѣленія;—совмѣстное пребываніе съ малышами до крайности стѣсняло великовозрастныхъ и стѣсняло,—не потому, что они хотѣли чего-нибудь для себя, а потому, что не хотѣли пользоваться самымъ необходимымъ на глазахъ тѣхъ, коимъ это самое не могло быть ни необходимо, ни дозволено; тутъ на каждомъ шагу говорило въ нихъ чувство деликатности.

Само собою разумѣется, что и комиссія старичка, и совѣщаніе Исакова, а тѣмъ болѣе я,—въ этомъ были ни при чемъ: самъ Дмитрій Алексѣевичъ это все давно обмозговалъ, намѣтилъ, начерталъ, сотворилъ и доложилъ; такова была его голова и его способность создавать.

Все это было бы хорошо, закончилъ свое сообщеніе Михаилъ Ивановичъ, если бы Дмитрій Алексѣевичъ до конца выдержалъ, до конца отнесся къ этому дѣлу съ тѣмъ же вниманіемъ, если бы его напряженное вниманіе не было отвлечено чѣмъ-либо другимъ, оказавшимся, по всѣмъ вѣроятіямъ, болѣе важнымъ и болѣе насущнымъ. Въ дѣлѣ образованія новыхъ учебныхъ заведеній изъ общихъ классовъ кадетскихъ корпусовъ обнаружилось полное оскудѣніе въ Милютинѣ вниманія; этими учебными заведеніями Дмитрій Алексѣевичъ нанесъ большой ущербъ нашей арміи, учрежденіе ихъ много напортило дѣлу формированія состава офицеровъ.—И что это въ самомъ дѣлѣ за заведеніе—военная гимназія, кадетская гимназія!!! что-то совершенно гермафродитское.

Закончивъ этотъ свой рассказъ, Михаилъ Ивановичъ предложилъ „налаживаться“ въ обратный путь.

¹⁾ Извѣстно, что Мих. Ив. Драгомировъ былъ произведенъ въ офицеры въ 1849 году изъ Дворянскаго полка.

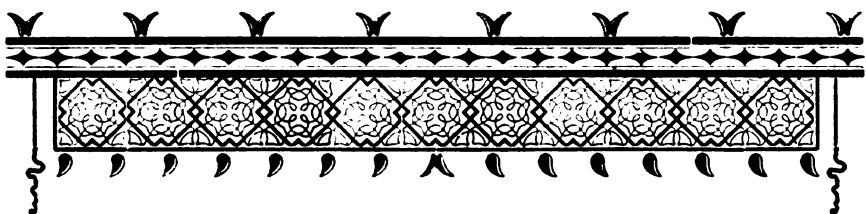
Мы направились на спускъ въ Наугеймъ; спускъ этотъ мы продѣлали другой, некрутой, прохладной дорогой, по прекраснымъ лѣсамъ, рощамъ и тѣнистымъ аллеямъ.

Заканчивая этотъ первый очеркъ воспоминаній о Михаилѣ Ивановичѣ, я нарочно нарушилъ его хронологическій порядокъ. Всѣ здѣсь изложенные эпизоды касаются юныхъ взглядовъ на профессора и соприкосновеній съ нимъ за время моей бытности въ училищныхъ стѣнахъ. Разсказъ объ участіи его въ дѣлѣ преобразованія нашего быта, имѣя прямое касательство къ дѣлу корпусныхъ бунтовъ и неурядицъ, правильнѣе всего было выдѣлить и „прислать“ къ описанію тѣхъ неурядицъ.

Послѣ памятнаго наставленія и совѣта о томъ, какъ мнѣ отдѣлаться отъ фортификаціи, послѣ поучительнаго экзамена въ младшемъ классѣ и послѣ отъѣзда Михаила Ивановича въ прусскую главную квартиру арміи, дѣйствовавшей противъ злосчастной пестрой австрійской державы, я не встрѣчался съ Михаиломъ Ивановичемъ 11 лѣтъ. Видѣлъ въ самомъ началѣ 1876 года въ зданіи штаба войскъ гвардіи на одномъ изъ военныхъ сообщеній, которыя онъ дѣлалъ тамъ по приглашенію высшаго начальства войскъ гвардіи и округа; но собственно новая встрѣча съ нимъ послѣдовала въ Кишиневѣ во время кратковременнаго пребыванія моего тамъ въ концѣ марта 1877 года при главной квартирѣ главнокомандующаго,—незабвеннаго великаго князя Николая Николаевича Старшаго;—Михаилъ Ивановичъ командовалъ тамъ своей славной 14-ой пѣхотной дивизіей, а я былъ взятъ въ скромную должность ординарца Его Высочества.

А. Е. К.

Сношенія Россіи съ папскимъ престоломъ въ исходѣ 17 и первой половинѣ 18 вѣка

По изслѣдованіямъ П. О. Пирляга.

XII ¹⁾).

Послѣ Полтавы.—Депеша кардинала Паулуччи.—Неудачи Шембека и Спинолы.—Петръ I и Лейбницъ.—Программа преобразованій, выработанная Лейбницемъ.—Петръ I въ Парижѣ.—Новыя надежды папскаго престола.—Инструкціи, полученныя Бентивоглио.—Его аудіенція у царя.—Посѣщеніе Петромъ Сорбонны.—Записка докторовъ Сорбонны.—Отвѣтъ на нее, составленный Ѳ. Прокоповичемъ и Яворскимъ.—Всѣгда Долгорукова съ докторами.

На подробная реляція о кровопролитномъ сраженіи, доставившемъ Петру побѣду надъ шведами, была сообщена въ Римѣ Головкинымъ. Послѣдствія этой побѣды не трудно было предугадать: Россіи предстояло, съ этого момента, играть преобладающую роль среди сѣверныхъ державъ. Естественно поэтому, что въ Ватиканѣ возникъ снова вопросъ о необходимости обезпечить, возможно скорѣе, положеніе католиковъ въ Россіи и добиться того, чтобы неопредѣленные обѣщанія, данныя царемъ, были закрѣплены на бумагѣ.

Кардиналъ Паулуччи, не теряя времени, отправилъ польскому нунцію депешу, въ которой, ссылаясь на свои переговоры съ кн. Куракинымъ, онъ обсуждалъ пространно вопросъ объ учрежденіи въ Россіи нунціатуры. Одновременно были разсланы папскія грамоты польскимъ епископамъ и сановникамъ и даже самому королю Августу, занимавшему вновь престолъ Пястовъ, съ просьбою содѣйствовать успѣху этого дѣла.

Особенно ревностно взялся за него примасъ гнезенскій Станиславъ Шембекъ, сторонникъ Августа. Онъ послалъ къ царю одного

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1903 г. октябрь.

изъ своихъ племянниковъ съ порученіемъ привѣтствовать его съ побѣдой и добиться отъ Петра указа о свободѣ вѣроисповѣданія для католиковъ. Несмотря на то, что посланному удалось бесѣдовать неоднократно съ кн. Куракинымъ и однажды даже съ самимъ царемъ, его миссія не увѣнчалась успѣхомъ.

Такъ же безуспѣшна была попытка добиться какихъ-либо гарантій для католиковъ, сдѣланная въ слѣдующемъ, 1710 г., варшавскимъ нунціемъ Спинолою при свиданіи съ представителемъ Петра въ Польшѣ, княземъ Долгорукимъ. Князь былъ въ высшей степени любезенъ съ нунціемъ, восторгался видѣннымъ у него портретомъ Климента XIV, который тотчасъ былъ подаренъ ему для передачи царю; но когда нунцій захотѣлъ возобновить переговоры, не доведенные Куракинымъ до конца въ Римѣ, то Долгорукій сдѣлалъ видъ, что ему объ этомъ ничего неизвѣстно, и просилъ нунція изложить сущность дѣла письменно, обѣщая передать его записку царю. Спинола, находившій, что русскіе слишкомъ практичны и слишкомъ большіе оппортунисты, счелъ за лучшее воздержаться отъ подачи этой записки. Впрочемъ, годъ спустя, онъ измѣнилъ свой взглядъ и разрѣшилъ о. Тромбетти, настоятелю семинаріи въ Леопольдѣ, подать царю, при его проѣздѣ въ Галиціи, записку съ напомниманіемъ о грамотѣ, обѣщанной Меншиковымъ. На это напомниманіе не послѣдовало никакого отвѣта, изъ чего нунцій заключилъ, что „царю нельзя было вѣрить, что всѣ его обѣщанія были обманчивы, и что на него нельзя было рассчитывать“.

Въ самомъ дѣлѣ, цѣль, къ которой стремился Петръ, была уже достигнута: Швеція была побѣждена, Августъ II снова возсѣдалъ на престолѣ, и Петръ, несмотря на пораженіе, понесенное его войсками на берегахъ Прута, надѣялся скорѣ заключить выгодный миръ со Швеціей. Содѣйствіе папы было, слѣдовательно, ему болѣе не нужно. Чего же ради было ему дѣлать уступки Ватикану?

Въ Римѣ скоро поняли, какія практическія послѣдствія имѣла для Петра побѣда, одержанная подъ Полтавой. „Ослѣпленный успѣхами своего оружія, царь не заботится болѣе о насъ“, говорили въ инструкціи, данной Ватиканомъ вновь назначенному въ Польшу нунцію Одескальки. Пропаганда, взвѣсивъ все достигнутое въ теченіе 1703 и 1705 гг., убѣдилась, что всѣ старанія обезпечить и упрочить существованіе католической церкви въ Россіи окончились полной неудачей, а проживавшій въ Москвѣ іезуитъ, о. Миланъ, писалъ 17 декабря 1714 г. своему начальству, что „только какое-нибудь особое чудо могло бы произвести въ царѣ перемѣну и заставить его войти въ соглашеніе съ Ватиканомъ, такъ какъ къ этому были слишкомъ большія преграды: въ

случаѣ уніи царю пришлось бы подчиниться авторитету папы и нравственныхъ законовъ, отказаться отъ своихъ прихотей и отъ злоупотребленія властью“. Такъ оцѣнивалъ о. Миланъ настроеніе царя, отъ котораго, главнымъ образомъ, зависѣлъ успѣхъ соглашенія съ Римомъ.

Слухи о сочувствіи Петра къ лютеранамъ и католикамъ и о его стремленіи къ уніи интересовали извѣстнаго германскаго философа Лейбница, любимую мечтою котораго съ юныхъ лѣтъ было единеніе церквей. Увлекавшійся широкимъ планомъ соединенія всѣхъ христіанскихъ исповѣданій и въ частности вопросомъ объ уніи лютеранской и реформатской церквей, Лейбницъ полагалъ необходимымъ для осуществленія этого плана созвать представителей всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, для совмѣстнаго обсужденія церковныхъ вопросовъ; но, зная, что папы никогда не возьмутъ на себя починъ въ этомъ дѣлѣ, онъ обратилъ свои взоры къ Россіи, полагая, что созывъ церковнаго собора былъ дѣломъ вполне достойнымъ православнаго царя. Этотъ вопросъ неоднократно обсуждался имъ съ барономъ Урбихомъ, съ 1707 г. представителемъ Россіи въ Вѣнѣ; 15 октября 1710 г. Урбихъ, ѣздившій въ Москву, писалъ: „Въ бытность мою въ Москвѣ я сдѣлалъ все возможное для Лейбница и для его проекта, который одобренъ царемъ. Я говорилъ также о созывѣ духовнаго собора, по инициативѣ царя, и предложилъ привлечь къ этому дѣлу Лейбница, который могъ бы выработать для него программу; хотя эта мысль поправилась, однако было высказано, что предварительно слѣдуетъ заключить миръ“.

Изъ этого мы видимъ, что Петръ велъ съ Лейбницемъ ту же игру, которая удалась ему съ папой. Подавая ему надежду на созывъ собора, онъ откладывалъ его до заключенія мира со Швеціей, о чемъ онъ заботился гораздо болѣе, нежели о созывѣ духовнаго собора.

Въ 1711 г. Лейбницъ встрѣтился съ Петромъ I въ Торгау, куда онъ сопровождалъ герцога Антона Ульриха Брауншвейгскаго на бракосочетаніе его внучки Софіи - Шарлотты съ царевичемъ Алексѣемъ. Во время свиданія въ Торгау и при послѣдующихъ встрѣчахъ съ германскимъ философомъ, въ 1712 и 1716 гг., Петръ много бесѣдовалъ съ нимъ о распространеніи науки и просвѣщенія въ Россіи и поручилъ Лейбницу выработать для него программу преобразованій, которая обнимала бы всѣ стороны народной жизни. Ему же обязана своимъ основаніемъ академія наукъ въ Петербургѣ; но она рисовалась въ его воображеніи не собраніемъ нѣсколькихъ ученыхъ, занятыхъ своими научными трудами, а высшимъ раз-

садникомъ знанія, изъ котораго свѣтъ науки и просвѣщенія исходилъ бы на всю страну. По его же иниціативѣ была снаряжена извѣстная экспедиція Беринга для изслѣдованія береговъ Азіи и Америки.

Вѣрный своимъ идеаламъ, Лейбницъ чистосердечно писалъ царю, что онъ „не принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые отдають себя всецѣло своей родинѣ или какому-нибудь опредѣленному народу; что его заботитъ счастье всего человѣчества, такъ какъ онъ смотритъ на небо, какъ на наше общее отечество, гражданами коего суть всѣ благомыслящіе люди. Мнѣ пріятнѣе сдѣлать много добра для русскихъ“, писалъ онъ, „нежели немного для нѣмцевъ, хотя бы я и получилъ за это на родинѣ почести, богатство, славу. Я только ищу случая быть полезнымъ“.

Лейбницъ думалъ, что онъ найдетъ въ Петрѣ „великаго человѣка, который поможетъ ему осуществить его несбыточные мечты относительно Германіи“, но онъ ошибся; отъ великаго проекта, который онъ обсуждалъ съ Петромъ, не осталось слѣда.

Во время своей первой заграничной поѣздки, Петру I, несмотря на все его желаніе, не удалось быть во Франціи; препятствіемъ къ этому послужила политика Людовика XIV, не согласовавшаяся съ видами царя; когда Людовикъ скончался, Петръ поспѣшилъ извѣстить герцога Орлеанскаго о своемъ намѣреніи быть въ Парижѣ.

Въ это второе заграничное путешествіе царя сопровождали вице канцлеръ Шафировъ, кнзь Куракинъ, Петръ Толстой и Василій Долгоруковъ, съ которыми, во время ихъ пребыванія въ Парижѣ, вели дипломатическіе переговоры маршалъ Юксель, министр иностранныхъ дѣлъ и маршалъ Тессе. Въ результатъ былъ заключенъ 4 (15) августа 1717 г. тройственный союзъ между Франціей, Прусіей и Россіей, и подписанъ скрѣпившій его Амстердамскій договоръ.

Путешествіе царя, надѣлавшее въ Европѣ много шума, привлекло вниманіе папскаго престола и возбудило въ Ватиканѣ сильнѣйшее желаніе упрочить отношенія къ Россіи, тогда уже могущественной державѣ.

11 мая 1717 г. парижскій нунцій Бентивоглио получилъ отъ кардинала Паулуччи депешу и инструкціи, коими на него возлагалась важная миссія — добиться отъ царя столь желанной грамоты для католиковъ, взамѣнъ чего папа изъявлялъ согласіе дать Петру императорскій титулъ. Одновременно, нунцію предписывалось содѣйствовать Карлу VI въ образованіи лиги противъ турокъ.

Ознакомившись съ содержаніемъ депеши, Бентивоглио обратился къ князю Куракину съ просьбою устроить ему аудіенцію у царя. Въ Ватиканѣ были увѣрены, что Куракинъ, во время своего послѣдняго пребыванія въ Римѣ, имѣлъ въ рукахъ царскую грамоту, но не вручилъ ее папѣ только потому, что имъ не было достигнуто соглашенія относительно императорскаго титула. Поэтому нунцію была послана на всякій случай папская грамота съ полнымъ императорскимъ титуломъ и было разрѣшено заявить, что къ окончательному соглашенію съ Россіей со стороны папы не встрѣчается препятствія. Но все было напрасно: Куракинъ съ умысломъ не заводилъ объ этомъ рѣчи, а когда нунцій упомянулъ о царской грамотѣ, то онъ замѣтилъ, что въ ней нѣтъ ни малѣйшей надобности, коль скоро католики фактически пользуются въ Россіи полной свободой вѣроисповѣданія. Когда же нунцій сталъ настаивать, то онъ обѣщалъ доложить царю и дать отвѣтъ дня черезъ два.

Только 13 іюня, передъ самымъ отъѣздомъ Петра изъ Парижа, нунцій получилъ желаемую аудіенцію. Она была назначена въ Версалѣ, въ часъ дня. Когда нунцій вошелъ, Петръ, окруженный свитой, стоялъ склонившись надъ столомъ, разсматривая какую-то старинную книгу. Онъ прервалъ свое занятіе, чтобы выслушать нунція, произнесшаго обычное привѣтствіе съ просьбой оказать покровительство католикамъ въ Россіи. Шафировъ съ трудомъ перевелъ на италіанскій языкъ отвѣтъ царя, сводившійся къ общимъ мѣстамъ; о религіи не было упомянуто ни слова. Петръ освѣдомился о здоровьи папы, о пребываніи Бентивоглио въ Парижѣ, и аудіенція была окончена.

Это было совсѣмъ не то, чего ожидали въ Римѣ. Какая разница между этимъ официальнымъ свиданіемъ и дружеской бесѣдой, которую царь велъ нѣкогда въ Вѣнѣ съ кардиналомъ Коллоницемъ и съ патеромъ Вольфомъ.

Впрочемъ, вопросы вѣры по-прежнему занимали царя. Онъ признался маршалу Тессэ, что онъ готовъ признать высшій авторитетъ папы, что онъ хотѣлъ бы видѣть въ немъ высшаго сановника церкви, но что онъ не можетъ подчинить православный народъ папской власти. „Царь хотѣлъ присоединиться къ латинской церкви, не признавая папской власти“, говорилъ австрійскій посланникъ, графъ Кенигсегъ. Парижскій нунцій не заблуждался на счетъ намѣреній Петра. Онъ вполне оцѣнилъ его ненасытную жажду знаній, но находилъ его „неустойчивымъ, слишкомъ преданнымъ удовольствіямъ“ и не рассчитывалъ на его инициативу въ дѣлѣ единенія церквей.

Если судить по сказанному нунцію княземъ Куракинымъ, царь не имѣлъ ни малѣйшаго желанія возобновлять сношеній съ Римомъ. Что касалось лиги противъ турокъ, то объ этомъ не могло быть и рѣчи; у царя были на этотъ предметъ иные планы; онъ видимо не спѣшилъ связывать себя союзами; когда же рѣчь зашла о царской грамотѣ, то Шафировъ предложилъ для обсужденія этого вопроса послать въ Петербургъ представителя папы.

Парижскому нунцію такъ и не удалось ничего добиться отъ царя; вслѣдствіе этого кельнскому нунцію Архинти было поручено завести съ Петромъ рѣчь о грамотѣ въ Голландіи, куда царь отправился изъ Парижа.

Канцлеръ Головкинъ и нунцій Архинти обмѣнялись любезными письмами, но „во время пребыванія царя за границей, дѣло не подвинулось ни на іоту, и въ концѣ концовъ папа былъ вынужденъ согласиться на посылку въ Петербургъ довѣреннаго лица для переговоровъ; впрочемъ, и это осуществилось не скоро“.

На другой день послѣ аудіенціи, данной нунцію Бендивоглю, 3 (14) іюня, Петръ посѣтилъ знаменитую Сорбонну. Это посѣщеніе описано въ извѣстномъ журналѣ Петра Великаго, писанномъ подъ диктовку самого царя слѣдующимъ образомъ:

„Іюня въ 3 день по утру его величество былъ въ академіи, гдѣ предлагали его величеству учителя Сорбонскіе о соединеніи вѣры, разсуждая, что легко сіе учинить. На что его величество изволилъ имъ отвѣтствовать: что сіе дѣло не малое, и учинить скоро того не возможно; къ тому жъ его величество больше обращается въ дѣлахъ воинскихъ. А ежели они того подлинно желаютъ, чтобъ о томъ писали къ россійскимъ архіереямъ; ибо сіе дѣло важное и требуетъ на то духовнаго собранія: и при томъ изволилъ обѣщать имъ по своей отъ Бога дарованной власти повелѣть россійскимъ архіереямъ, ежели тѣ учителя будутъ писать къ нимъ, на то отвѣтствовать и по тому его величества обѣщанію оныя учителя по щастливомъ возвращеніи его величества въ Санктпетербургъ, писали о томъ къ Россійскимъ архіереямъ, и его величество повелѣлъ имъ отвѣтствовать“.

Это краткое описаніе можетъ быть дополнено подробностями, по разсказамъ докторовъ Сорбонны. По своему обыкновенію, Петръ прибылъ въ Сорбонну, не предупредивъ никого официально о своемъ пріѣздѣ. Царя встрѣтилъ одинъ только докторъ Бурсье,—самый молодой изъ богослововъ Сорбонны. Онъ провелъ царя и сопровождавшаго его князя Василя Долгорукова въ церковь, гдѣ Петръ съ любопытствомъ осматривалъ гробницу кардинала Ришелье. Когда они вышли въ бібліотеку, туда уже собрались всѣ

прочіе богословы. Они видимо желали завязать съ царемъ богословскій споръ, но „Петръ расхаживалъ по библиотекѣ взадъ и впередъ, ни на минуту не останавливаясь, и бѣгло осматривалъ рукописи“; только показавъ ему толстую книгу, отпечатанную славянскимъ шрифтомъ, удалось остановить ненадолго его вниманіе.

Бурсье воспользовался * моментомъ и успѣшилъ замѣтить, что унія западной и восточной церкви могла бы довершить его славу, пріобшивъ къ побѣдамъ, одержаннымъ царемъ на поляхъ битвы, эту мирную побѣду; унія, присовокупилъ Бурсье, представляется дѣломъ далеко не сплошь труднымъ, какъ думаютъ. Петръ улыбнулся и возразилъ черезъ переводчика, что онъ не болѣе какъ воинъ.

„Не только воинъ“, ловко подхватилъ Бурсье, „но герой и какъ монархъ естественный покровитель церкви“. Лестъ подѣйствовала: царь сдѣлался разговорчивѣе и замѣтилъ, что уніи церковью мѣшаютъ три пункта, относительно которыхъ обѣ стороны не могутъ сойтись, а именно вопросъ о главенствѣ папы, о происхожденіи святого Духа и...., видя, что царь старался припомнить третій пунктъ, Бурсье подсказалъ: „причащеніе“.

„На счетъ этого нетрудно было бы сговориться“, отвѣтилъ Петръ. Доктора согласились съ нимъ, замѣтивъ, что и относительно другихъ спорныхъ вопросовъ легко будетъ сговориться, такъ какъ разногласіе относительно происхожденія Св. Духа есть не болѣе какъ споръ о словахъ; вопросъ же о главенствѣ папы можно вполне согласовать съ уставомъ православной церкви. Тогда Петръ, желая отдѣлаться отъ докучливости докторовъ Сорбонны или быть можетъ желая сдѣлать еще разъ попытку къ сближенію, сказалъ, обращаясь къ Бурсье: „Такъ составьте объ этомъ записку; только поспѣшите, такъ какъ я скоро уѣзжаю. Обѣщаю вамъ передать ее нашимъ архіереямъ и заставить ихъ отвѣтить вамъ“.

Петръ оставилъ Сорбонну вполне довольный своимъ посѣщеніемъ.

Богословы тотчасъ принялись за составленіе записки, которая была написана ими въ двое сутокъ, подписана 4 (15) іюня восемнадцатію докторами Сорбонны, переведена на латинскій языкъ и скрѣплена парижскимъ архіепископомъ. Богословы доказывали, что единство вѣры можетъ существовать при различіи въ обрядахъ, лишь бы не существовало разногласія въ догматахъ. Что касается послѣднихъ, то различіе въ нихъ не такъ велико, чтобы его можно было считать непримиримымъ.

Петръ сдержалъ слово. Несмотря на множество дѣлъ и заботъ, онъ не забылъ, по возвращеніи въ Петербургъ, о запискѣ Сорбонны.

скихъ докторовъ и передалъ ее на разсмотрѣніе высшаго духовенства. Отвѣтъ на эту записку былъ составленъ въ двухъ редакціяхъ: Теофаномъ Прокоповичемъ и Стефаномъ Яворскимъ; и тотъ и другой сводились къ тому, что такъ какъ православная церковь составляетъ лишь часть восточной церкви, то она не можетъ приступить къ обсужденію столь важнаго вопроса безъ вѣдома восточныхъ патріарховъ. Прокоповичъ, въ своемъ холодномъ и ироническомъ отвѣтѣ не входилъ въ обсужденіе причинъ раскола, возникшаго между западной и восточной церковью, а указывалъ лишь на трудность церковной уніи, говоря, что для обсужденія этого вопроса прежде всего долженъ быть созванъ духовный соборъ и получено согласіе восточныхъ патріарховъ. Онъ видимо уклонялся отъ серьезнаго обсужденія вопроса и искалъ только приличную отговорку. Иначе былъ формулированъ отвѣтъ Яворскаго, не раздѣлявшаго предубѣжденій Прокоповича и его ненависти къ латинянамъ; онъ вдался въ обсужденіе вопроса, кто именно виновать въ раздѣленіи церквей и заявилъ, что соглашеніе между католиками и православными было бы возможно, если бы не существовало одного непреодолимаго препятствія къ переговорамъ. Согласно канону, архіереи не могутъ ничего предпринимать безъ согласія ихъ іерархическаго главы, а въ Россіи не было въ то время патріарха. Отвѣтъ на записку Сорбонны былъ посланъ въ Парижъ въ редакціи Прокоповича.

Убѣдившись въ неудачѣ своего плана, доктора пригласили еще разъ на свиданіе князя Василія Долгорукова, котораго царь оставилъ въ Парижѣ. Бесѣда ихъ продолжалась три часа, Долгоруковъ сказалъ, между прочимъ, что лучше всего было бы устроить въ Петербургѣ собесѣдованіе католическихъ и православныхъ богослововъ, и на прощаніе обѣщалъ пріѣхать въ Сорбонну еще разъ чтобы обсудить этотъ вопросъ; онъ обѣщалъ также прислать Новый Завѣтъ и карту побережья Каспійскаго моря, отпечатанные по повелѣнію царя.

Ни одно изъ этихъ обѣщаній не было имъ исполнено.

VIII.

Бесѣда Петра съ королемъ Нидерландскимъ.—Какъ отразилась церковная реформа на католикахъ.—Труды миссіонеровъ.—Притѣсненія іезуитовъ.— Ихъ вторичное изгнаніе изъ Россіи.—Отъѣздъ.—Послѣднія сношенія Петра съ Римомъ.—Статуя Венеры, пріобрѣтенная Кологривовымъ.—Климентъ XI дарить ее Петру.—Переговоры прерываются со смертію Климента XI.— Отношеніе Петра къ миссіонерамъ въ послѣдній годъ его жизни.

Сенъ Симонъ передаетъ любопытный разговоръ между Петромъ и королемъ Нидерландскимъ, Вильгельмомъ, по поводу уніи. Вильгельмъ не одобрялъ плановъ Петра и совѣтовалъ ему взять примѣръ съ Англіи и сдѣлаться главою церкви, ибо иначе „его власть никогда не будетъ полной“.

Происходилъ ли подобный разговоръ въ дѣйствительности и, король ли нидерландскій первый подалъ Петру мысль о необходимости церковной реформы и о подчиненіи церкви царской власти, какъ бы то ни было, Петръ съумѣлъ создать такой органъ, при посредствѣ котораго церковь была всецѣло подчинена государству.

Со смерти Адріана въ Россіи не было патріарха; теперь на его мѣсто явился Синодъ, въ рукахъ котораго была сосредоточена вся полнота духовной власти, но рѣшенія Синода подлежали санкціи царя; посредникомъ же между царемъ и духовенствомъ явился оберъ-прокуроръ синода. Вся реформа вылилась окончательно въ знаменитомъ духовномъ регламентѣ, коимъ церковь была подчинена свѣтской власти.

Посягательство, совершенное царемъ на прерогативы православной церкви, конечно должно было отразиться на его отношеніи къ Риму, или, лучше сказать, должно было повліять на его планы относительно уніи, которая при этихъ условіяхъ была невозможна, такъ какъ представители папскаго престола конечно не допустили бы и мысли о смѣшеніи духовной и свѣтской власти и о подчиненіи духовенства государству. Петръ отлично понималъ это, поэтому, весьма вѣроятно, онъ не придавалъ никакого значенія перепискѣ съ Сорбонной, и письмо, составленное Теофаномъ Прокоповичемъ, было послано въ Парижъ только для того, чтобы исполнить данное царемъ слово.

Духовный регламентъ не только разрушилъ всѣ планы на унію, которые, со стороны Петра, впрочемъ, никогда и не были серьезны, но онъ долженъ былъ неминуемо отразиться и на положеніи католиковъ въ Россіи, для которыхъ верховнымъ главою оставался

по-прежнему папа—не подчиненный никакой свѣтской власти; это сказалося, впрочемъ, гораздо позднѣе, съ присоединеніемъ къ Россіи областей съ католическимъ населеніемъ. Въ царствованіе же Петра, хотя число католиковъ въ Россіи и было довольно велико, но это были по преимуществу иностранцы, либо поступившіе на русскую службу, либо пріѣхавшіе въ Россію для какихъ-нибудь специальныхъ цѣлей. Хотя они не жаловались на притѣсненія въ дѣлѣ религіи, и іезуиты, изгнанные официально изъ Россіи въ 1680 году, жили въ Москвѣ совершенно спокойно, но Ватиканъ не покидалъ мысли добиться отъ царя грамоты, которая упрочила бы положеніе католиковъ. Вновь прибывшіе въ Россію іезуиты, о. Миланъ и Берула, жили инкогнито, подъ видомъ имперскихъ пословъ, получали жалованье отъ австрійскаго правительства, зависѣли отъ австрійскаго посланника, носили одежду католическихъ священниковъ, а назывались *missionarii saesarei*.

„Мы не могли бы сдѣлать и тысячной доли того, что мы дѣлаемъ, писали они, если бы здѣсь знали, что мы іезуиты“. Ихъ излюбленнымъ правиломъ было: работать возможно больше и говорить возможно меньше; дѣлать дѣло и молчать.

Но инкогнито ставило ихъ подъ часъ въ щекотливое положеніе. Такъ, напр., однажды, когда одинъ изъ миссіонеровъ посѣтилъ монастырь Новый Іерусалимъ, его приняли тамъ любезно, показали ему церковь, кельи, но какъ только онъ, ничего не подозревая, упомянулъ о іезуитахъ, монахи не могли скрыть чувства ненависти и презрѣнія къ нимъ.

Тайна іезуитовъ не могла долго сохраниться. Въ нее было посвящено столько лицъ, что она по неволѣ должна была обнаружиться. Лефортъ первый заподозрѣлъ ихъ тайну, хотя никому не высказалъ своихъ подозрѣній; царь лучше другихъ зналъ, въ чемъ дѣло, и когда въ Россію прибылъ еще одинъ іезуитъ, то первымъ его вопросомъ было: „Вы іезуитъ, точно, такъ же, какъ и оба остальные?“ и когда тотъ отвѣтилъ утвердительно, царь посоветовалъ ему быть осторожнѣе. Хотя іезуиты слѣдовали этому совѣту и не подавали ни малѣйшаго повода принять противъ нихъ какія-либо репрессивныя мѣры, но все же они не были покойны и сравнивали свое положеніе въ Россіи съ утлой ладьею, несомой въ открытомъ морѣ на предательскихъ волнахъ, подъ небомъ, омраченнымъ грозowymi тучами.

Между тѣмъ число католиковъ возросло въ Россіи изъ года въ годъ и хотя, въ общей сложности, ихъ никогда не было болѣе двухъ тысячъ, но такъ какъ они были разсѣяны на большомъ пространствѣ, то іезуитамъ приходилось тратить не мало времени и

труда для обслуживанія своей паствы. До 1715 г. постояннымъ мѣстожительствомъ миссіонеровъ была Москва, но они часто ѣздили въ Петербургъ, Нарву, Архангельскъ, Воронежъ, Казань, Астрахань, Азовъ, гдѣ жили католики плѣнные, ремесленники и военные.

Пока Петру нужна была поддержка императора и папы въ его борьбѣ съ Карломъ XII, католикамъ дѣлались всевозможныя послабленія. Такъ напр., когда ихъ скромная деревянная часовенка была истреблена въ 1705 г. пожаромъ, они получили официально разрѣшеніе выстроить на томъ же мѣстѣ каменную церковь, которая и была освящена въ 1707 г. Около церкви было даже отведено мѣсто для кладбища, на которомъ былъ похороненъ о. Бойэ; и никто не протестовалъ противъ этого. На слѣдующій годъ въ церкви былъ установленъ органъ.

Царю все это было извѣстно; онъ даже воспользовался постройками іезуитовъ для своихъ собственныхъ цѣлей: домъ для священниковъ, построенный подлѣ церкви, служилъ одно время, по его приказанію, мѣстомъ заточенія львовскаго архіепископа Константина Зѣлинскаго. Родственникъ Станислава Лещинскаго, Зѣлинскій короновалъ его въ Варшавѣ, а когда Зѣлинскій былъ взятъ въ плѣнъ русскими и отправленъ подъ конвоемъ въ Москву, то Петръ приказалъ помѣстить его въ домъ католической церкви, съ воспрещеніемъ отлучаться оттуда. Тщетно настаивалъ папа на томъ, чтобы Зѣлинскаго освободили. Куракинъ, бывшій въ ту пору въ Римѣ, ограничился одними обѣщаніями. Зѣлинскій такъ и скончался въ заточеніи 6 (17) февраля 1709 г. „Какое тиранство, какіе нравы!“ писалъ возмущенный этимъ о. Берула. Его письмо, адресованное одному изъ приближенныхъ царя, было перехвачено и хранится по сейчасъ въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Къ счастью для о. Берулы письмо было написано по-латыни, и такъ какъ въ Россіи не нашлось довольно ученаго дьяка чтобы перевести его, то іезуитъ не заплатилъ за свое сочувствіе къ заключенному.

Въ 1715 г. исполнилось наконецъ желаніе петербургскихъ католиковъ имѣть своего особаго священника, который находился бы постоянно въ столицѣ, гдѣ уже была сооружена въ то время скромная католическая церковь. Въ Петербургъ былъ посланъ изъ Литвы іезуитъ Даніилъ Зѣровский. Первые впечатлѣнія его были, какъ всегда, благоприятны. „Царь и царица, писалъ онъ 9 апрѣля 1715 г., относятся къ намъ благосклонно. Царь пожертвовалъ для церкви изящные серебряные сосуды. Школа посѣщается сыновьями бояръ и князей; число учениковъ растетъ. Нѣкоторые православные епископы горячо желаютъ сліянія съ римской церковью“. Изъ этого

о. Даніилъ выводилъ заключеніе, что въ Россію можно было прислать неограниченное число іезуитовъ, лишь бы они были знакомы съ науками и искусствами. Въ исходѣ 1716 г. ему былъ присланъ въ помощники о. Михайлъ Энгель.

Но радужныя мечты іезуитовъ скоро разсѣялись. Уже въ 1717 г. начались притѣсненія: іезуитамъ было запрещено предпринимать далекія поѣздки; имъ пришлось жить почти безвыѣздно въ столицахъ. Въ слѣдующемъ году отъ нихъ потребовали, чтобы они присягнули сыну Екатерины I, взамѣнъ лишеннаго престола царевича Алексѣя. Къ нимъ на каждомъ шагѣ стали придираться, хотя многіе изъ русскихъ расточали имъ похвалы.

Такъ напр. Измайловъ, назначенный въ 1719 г. посланникомъ въ Китай, заискивалъ ихъ дружбы и не могъ нахвалиться ихъ дѣятельностью въ Пекинѣ.

Притѣсненія, которымъ подвергались миссіонеры, ничѣмъ не были вызваны съ ихъ стороны; они были послѣдствіемъ натянутыхъ отношеній Россіи къ священной римской имперіи. Побѣда, одержанная Петромъ надъ Карломъ XII, еще болѣе запутала политическое положеніе. Другой причиной недоразумѣній между Россіей и Австріей было дѣло Алексѣя Петровича, который искалъ убѣжища у Карла VI. Въ Вѣнѣ остались его письма, которыя царь настойчиво требовалъ обратно.

Представителемъ австрійскаго императора при дворѣ Петра былъ въ то время Отто Плейеръ. Онъ не сумѣлъ поставить себя при русскомъ дворѣ какъ подобало, но іезуиты и прочіе католики не находили въ немъ поддержки. Царь также не возлюбилъ его и требовалъ его отозванія подѣ предлогомъ, будто онъ былъ въ сношеніи съ какими-то подозрительными личностями. Добившись этого, наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, царь не далъ Плейеру прощальной аудіенціи и обычныхъ подарковъ. Вѣнскій дворъ, крайне возмущенный, поспѣшилъ отплатить за это. Представителю Россіи въ Вѣнѣ Веселовскому и русскому агенту въ Бреславлѣ было предложено немедленно уѣхать обратно въ Россію. Вѣнѣ себя отъ гнѣва, Петръ не захотѣлъ остаться въ долгу. Чтобы отомстить за нанесенное ему оскорбленіе, у него были подѣ рукою имперскіе миссіонеры. Они сдѣлались козлищами отпущенія.

17 апрѣля 1719 г. ст. ст. былъ подписанъ указъ о вторичномъ изгнаніи іезуитовъ изъ Россіи. По закону, говорилось въ указѣ, іезуиты не имѣли права жить въ Россіи; ихъ терпѣли только изъ уваженія къ императору. Но коль скоро это соображеніе отпадало, законъ слѣдовало примѣнить во всей строгости.

25 апрѣля о. Энгель былъ вызванъ къ канцлеру Головкину и

вице-канцлеру Шафирову, гдѣ ему былъ предъявленъ указъ о высылкѣ іезуитовъ изъ Петербурга въ 24 часа. Ихъ бумаги приказано было конфисковать. Особенное подозрѣніе вызвали письма о. Милана и о. Энгеля; они были переведены на русскій языкъ, и по поводу ихъ іезуиты были строго допрошены.

Изъ Москвы іезуиты были изгнаны самымъ грубымъ образомъ; администрація безъ всякой надобности прибѣгла даже къ содѣйствію войска.

28 апрѣля, въ 11 часовъ вечера, домъ, въ которомъ жили іезуиты, былъ окруженъ отрядомъ въ шестьдесятъ человекъ солдатъ. Прибывшій туда комендантъ потребовалъ прежде всего дневникъ, который вели іезуиты. Когда такового не оказалось, были конфискованы ихъ бумаги. Къ полуночи обыскъ былъ оконченъ, но въ четыре часа ночи лица, производившія обыскъ, возвратились обратно и показали іезуитамъ найденный въ ихъ домѣ клочекъ бумаги, который возбудилъ ихъ подозрѣніе. Это оказалась просто ученическая задача о торговлѣ г. Петербурга. Хотя это было объяснено, однако полицейскіе усердно искали въ домѣ подозрительныхъ товаровъ, которыхъ они конечно не нашли.

30 апрѣля была отслужена по утру обѣдня, за которой прихожане пріобщались св. тайнъ и простились со своими духовными отцами. Вечеромъ на домъ іезуитовъ напала чернь; онъ былъ разграбленъ до тла на глазахъ полицейскихъ, которые этому не препятствовали, ссылаясь на то, что ими не получено на этотъ счетъ никакихъ приказаній. Когда все имущество іезуитовъ было разграблено, у нихъ потребовали ключи отъ дома.

„Земля и домъ принадлежать царю, ему должны быть отданы ключи“, отвѣчали іезуиты и положили ихъ у подножія статуи Божіей Матери. Подъ вечеръ они выѣхали изъ города, окруженные солдатами. Ихъ везли кружнымъ путемъ; на остановкахъ запирали въ тюрьмы и обращались съ ними самымъ ужаснымъ образомъ и отпустили ихъ на свободу только на границѣ.

Между тѣмъ Петръ, не желая озлоблять католиковъ, позаботился замѣнить имперскихъ миссіонеровъ капуцинами, не имѣвшими связей съ Австріей. Это не вызвало со стороны Рима никакого протеста, хотя мысль о возвращеніи іезуитовъ въ Россію не была оставлена.

Между тѣмъ прерванные съ отъѣздомъ іезуитовъ сношенія Рима съ Петербургскимъ дворомъ возобновились по слѣдующему поводу:

Въ Италію былъ посланъ царемъ Кологривовъ съ порученіемъ пріобрѣсти нѣсколько картинъ и статуй великихъ мастеровъ. Ему посчастливилось пріобрѣсти великолѣпную античную мраморную

статую Венеры, которую онъ рѣшилъ реставрировать и собирався тайно увезти изъ Италіи. Но римскій губернаторъ строго слѣдившій за художественными сокровищами и за соблюденіемъ закона, коимъ воспрещался ихъ вывозъ за границу, узнавъ о намѣреніи Кологривова, запретилъ увозить статую.

Петръ плавалъ въ это время въ водахъ Балтійскаго моря, близъ Аландскихъ острововъ, гдѣ велись со Швеціей переговоры о мирѣ. Получивъ отъ Кологривова письмо, въ которомъ тотъ спрашивалъ, какъ ему поступить относительно статуи, Царь тотчасъ повелѣлъ Рагузинскому, находившемуся съ дипломатическимъ порученіемъ въ Венеціи, добиться разрѣшенія на вывозъ статуи—и между канцлеромъ Головкинымъ, вице-канцлеромъ Шафировымъ и царемъ съ одной стороны и кардиналами Оттобони и Альбани съ другой, завязалась переписка, въ которой обсуждался вопросъ о такихъ разнорѣчивыхъ предметахъ, какъ статуя Венеры, мощи св. Бригитты и грамота о привилегіяхъ для католиковъ.

Хотя по закону статую не имѣли права вывезти изъ Италіи, но Климентъ XI, изъ уваженія къ Петру, не только разрѣшилъ это сдѣлать, но даже подарилъ царю „это недавно найденное, выдающееся произведеніе искусства“. Кардиналъ Оттобони приказалъ перевезти статую къ себѣ во дворецъ, реставрировать ее и самъ передалъ ее въ руки агента, который повезъ ее въ Россію. Эта статуя находится нынѣ въ Эрмитажѣ.

Кардиналъ Оттобони, со своей стороны, страстно желалъ имѣть мощи св. Бригитты, находившіяся въ Стокгольмѣ, и русскіе, воевавшіе съ королемъ Шведскимъ, обѣщали ему въ случаѣ успѣха подарить эти мощи, но папу интересовало нѣчто болѣе важное, нежели мощи и статуя Венеры; посылая ее царю, онъ поднималъ снова вопросъ о грамотѣ и о привилегіяхъ для католиковъ. Благодаря этой случайности, между Ватиканомъ и Россіей возобновились прерывавшіеся столько разъ переговоры.

Они шли довольно успѣшно, и Савва Владиславовичъ Рагузинскій—временный представитель царя въ Вѣнѣ, на котораго были возложены эти переговоры, собирався уже въ Римъ для передачи папѣ грамоты, взаменъ которой св. отецъ долженъ былъ вручить ему грамоту съ полнымъ императорскимъ титуломъ. Цѣль, къ которой Климентъ XI стремился съ такой непоколебимой настойчивостью, казалась почти достигнутой; оставалось лишь соблюсти послѣднія формальности, какъ вдругъ, 8-го марта 1721 г. папа скончался.

Извѣщая объ этомъ царя, Рагузинскій, какъ ловкій дипломатъ, совѣтовалъ повременить посылкой грамоты и подождать, пока пре-

емникъ Климента XI не возобновить его домогательствъ. Совѣтъ былъ принятъ, о грамотѣ болѣе никто не заикался, какъ будто она была погребена въ могилѣ Климента XI. При его преемникѣ, Иннокентіѣ XIII, въ Римѣ продолжали доходить оптимистическіе слухи о намѣреніяхъ Петра. Капуцинъ о. Апполинарій, прожившій два года въ Петербургѣ, перечислялъ въ своихъ письмахъ побѣды, одержанныя имъ и его коллегами. Подобно своимъ предшественникамъ, онъ былъ увѣренъ въ расположеніи Петра къ католикамъ, и унія церквей представлялась ему дѣломъ возможнымъ. Ею интересовались, по его словамъ, многія высокопоставленныя лица. Но эти мнимыя побѣды одерживались только на бумагѣ. Не только между православными и католиками не происходило ни малѣйшаго сближенія, но и среди католиковъ, проживавшихъ въ Россіи, все болѣе и болѣе обозначалась разнь.

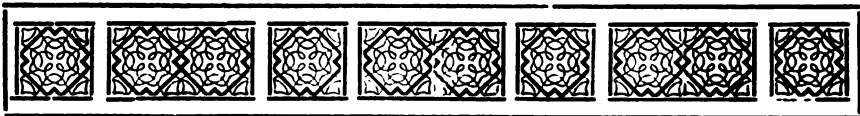
Въ 1721 г. царь сталъ относиться подозрительно къ реформатамъ; ихъ переписка съ Римомъ была перехвачена и передана на разсмотрѣніе Синода, гдѣ засѣдалъ ярый врагъ папскаго престола Ѳеофанъ Прокоповичъ. Въ отчетѣ, представленномъ царю, реформаты назывались папскими шпионами, и папѣ, приписывались самыя злостныя намѣренія. Петръ имѣлъ слабость повѣрить этому и повелѣлъ произвести строжайшее слѣдствіе для того, чтобы „охранить неприкосновенность вѣры и безопасность государства“. Не только реформаты, но и всѣ католики были переписаны и точно зарегистрированы. За вновь прибывавшими миссіонерами былъ учрежденъ строгій надзоръ; имъ было воспрещено жить въ частныхъ домахъ. Что касается реформатовъ, то слѣдствіе ничего не обнаружило, и царь вернулъ имъ свое благоволеніе. Имъ была передана въ собственность старинная іезуитская церковь и повелѣно было называться впредь „кураторами душъ“, а не миссіонерами. Этимъ какъ бы указывалось на ихъ прямыя обязанности и исключалась всякая возможность иновѣрной проповѣди. Строго говоря, и францисканцы и капуцины, постоянно враждовавшіе между собою, порядкомъ надоѣли царю, и въ исходѣ 1725 г. онъ потребовалъ, чтобы они выѣхали изъ Россіи, и хотѣлъ, чтобы на ихъ мѣсто были присланы доминиканцы, но смерть помѣшала ему принять болѣе рѣшительныя мѣры.

25 января (8 февраля) 1725 г. Петра не стало.

Сообщ. В. Т.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Запечатанная церковь.

Изъ жизни нашего духовенства.

Въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія Н—ю кафедрѣ занималъ епископъ І—я, владыка строгій, почти аскетической жизни, большой законникъ, требовавшій отъ духовенства неукоснительнаго исполненія обязанностей.

Онъ любилъ часто совершать богослуженіе у себя въ домовоѣ церкви и въ приходскихъ церквахъ, а въ праздничные и воскресные дни обязательно служилъ въ кафедральномъ соборѣ. Владыка ѣздилъ изъ своего архіерейскаго дома въ соборъ черезъ Благовѣщенскую площадь, на которой расположены двѣ приходскія церкви; второй изъ этихъ храмовъ, Благовѣщенскій, состоялъ изъ двухъ этажей: въ верхнемъ была устроена церковь, а въ нижнемъ— нѣсколько лавокъ, торгующихъ церковными принадлежностями, бакалеей, мануфактурой и пр.—Епископъ всегда съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на это и нѣсколько разъ призывалъ къ себѣ настоятеля церкви, поставляя ему на видъ все неудобство, происходящее отъ помѣщенія въ нижнемъ этажѣ храма лавокъ. Настоятель, ссылаясь на бѣдность церкви и причта, говорилъ, что единственной поддержкой благолѣпія церкви, а также благосостоянія причта— служить сдача лавокъ въ аренду, какъ одна изъ доходныхъ статей. Магазины, говорилъ онъ, сданы по контракту на нѣсколько лѣтъ, и нѣтъ никакой возможности нарушить арендные договоры.

Вечеромъ, въ страстной четвергъ, преосвященный ѣхалъ черезъ Благовѣщенскую площадь въ кафедральный соборъ для чтенія Страстей Христовыхъ. Какъ разъ въ это время около Благовѣщенской церкви толпился народъ; народъ наполнялъ и лавки, расположен-

ныя въ нижнемъ этажѣ храма. Въ толпѣ слышался шумъ и крики. Возмущенный владыка, возвратясь послѣ всенощной домой, несмотря на позднее время, призвалъ къ себѣ настоятеля Благовѣщенской церкви и категорически объявилъ ему, что если черезъ сутки лавки подъ церковью не будутъ закрыты, то онъ въ субботу прикажетъ запечатать церковь.

— Такое безобразіе, прибавилъ владыка, которое я видѣлъ сегодня вечеромъ, не можетъ быть болѣе терпимо. Это мое послѣднее слово.

Опечаленный священникъ только развелъ руками. Его переговоры съ торговымъ лицомъ не привели ни къ чему; купцы рѣшительно отказались закрыть лавки, ссылаясь на арендные договоры и на то, что въ такое горячее для торговли время, какъ послѣдніе дни предъ великимъ праздникомъ, нечего и думать о прекращеніи торговли. Думалъ было о. настоятель обратиться за содѣйствіемъ въ полицію, но ему отсовѣтовали, увѣряя, что едва-ли и полиція рѣшится оказать ему помощь, зная о договорѣ. — Въ пятницу все было по-старому: лавки были открыты, а въ церкви совершалось богослуженіе и въ обычное время была вынесена плащаница.

Въ субботу утромъ преосвященный послалъ келейника узнать, производится ли по-прежнему торговля въ лавкахъ подъ церковью и, получивъ утвердительный отвѣтъ, приказалъ секретарю консисторіи въ присутствіи настоятеля Благовѣщенской церкви запереть и запечатать двери храма.

Наступила Пасха. На первый день праздника одинъ изъ прихожанъ Благовѣщенской церкви, почтенный и вліятельный помѣщикъ, бывавшій у преосвященнаго по временамъ за-просто, пріѣхалъ къ владыкѣ въ послѣобѣденное время. Владыка принялъ его и подивился, увидавъ своего стараго знакомаго одѣтаго за-просто, въ сюртукѣ, такъ какъ привыкъ его видѣть въ торжественные праздничные дни въ дворянской формѣ и регаліяхъ. Во время бесѣды преосвященный, между прочимъ, сдѣлалъ тонкій намекъ на то обстоятельство, что де въ такой большой праздникъ не худо было бы почтить своего архипастыря утренимъ визитомъ, да и одѣться немного поторжественнѣе. При этомъ онъ глубоко вздохнулъ и укоризненно покачалъ головой.

— Простите, ваше преосвященство, сказалъ гость, — но, вѣдь, у насъ въ приходѣ праздника нѣтъ.

— Какъ нѣтъ праздника?

И владыка даже приподнялся съ кресла.

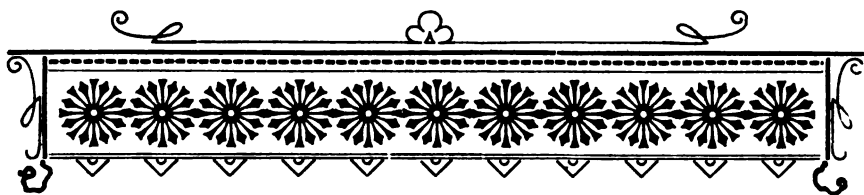
— Да такъ, владыка, въ приходѣ у насъ никакого праздника нѣтъ. Наша церковь заперта и запечатана по вашему приказанію, а плащаница, вынесенная за вечерней въ страстную пятницу, и теперь находится по срединѣ храма.

Владыка понурилъ голову и ничего не отвѣтилъ гостю; на его глазахъ показались слезы.

Послѣ отъѣзда гостя преосвященный долго ходилъ въ раздумьи по своему кабинету, волнуясь и вздыхая. На другой же день Благовѣщенская церковь была распечатана.

А. Н. Сергѣевъ.

Изъ афоризмовъ масона графа М. Ю. Виельгорскаго о масонствѣ.

Графъ Михаилъ Юрьевичъ Виельгорскій (1787—1856) былъ одинъ изъ крупнѣйшихъ русскихъ масоновъ. Руководимый извѣстнѣйшимъ масономъ екатерининскаго времени І. А. Повдѣвымъ самъ Виельгорскій пользовался большимъ вліяніемъ въ нѣкоторыхъ масонскихъ кругахъ. Состоя въ Александровское время великимъ мастеромъ великой провинціальной ложи, онъ часто собиралъ братьевъ союзныхъ ложъ для масонскихъ поученій.

Печатаемые ниже афоризмы о масонствѣ заимствованы мною изъ хранящейся въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Академіи Наукъ тетради, озаглавленной „Бесѣды гр. Виельгорскаго“. Тетрадь была ведена въ видѣ дневника, и изреченія помѣщены въ ней вразбивку; изъ этихъ афоризмовъ приводятся мною въ системѣ тѣ, которыя касаются выясненія сущности и цѣли масонства.

Тира Соколовская.

Можно имѣть нѣкоторые знанія о масонствѣ, но самого масонства не знать.

Масонство есть воспитаніе вѣчнаго человѣка.

Весьма многіе заблуждаются, думая, что только можно пользоваться благотворнымъ свѣтомъ масонства въ совершенныхъ лѣ-

тахъ. Напротивъ, гораздо легче согнуть молодое дерево, нежели старое.

Каменщикъ, начавшій работать, узнаетъ всю цѣну масонства, хотя часто въ своихъ трудахъ бываетъ сбиваемъ и приводимъ къ уныніе малымъ успѣхомъ своихъ усилій. Священный союзъ таковъ, что, сплетаясь гармонически руками и сердцами, всѣ идутъ впередъ. Всѣ сильны и крѣпки одинъ другимъ. Каждый долженъ предохранять своего ближняго, а въ случаѣ его нетвердости не допускать его паденія, а ежели оное даже и учинится, то и тогда спѣшить ему подать помощь и, снова возстановя на истинный путь, позволять ему содѣйствовать въ напряженіи къ единому концу и къ единой цѣли.

Всѣ состоянія гражданскія и духовныя ненавидятъ и гонятъ масонство. Каменщикъ, посвятившій себя, долженъ быть готовъ на все. Одно уже гоненіе есть печать истины. Да и въ орденѣ мы научаемся смотрѣть на смерть не только равнодушно, но даже съ удовольствіемъ.

Орденъ нашъ есть гробъ эгоизму, который напротивъ есть душа всѣхъ мірскихъ обществъ.

Орденъ существенно непоколебимъ и неизмѣняемъ, а потому и есть та цѣль, къ которой мы должны стремиться; исполнители же онаго суть только средства, чрезъ которыя мы къ ней приводимся, а для сего и не надлежитъ намъ засматриваться и взирать на нихъ, какъ на самую цѣль, ибо они суть временны и подвержены перемѣнѣ. Орденъ же есть вѣченъ.

Каждый изъ насъ, кто немного уже придерживается сей цѣли ¹⁾,

¹⁾ Цѣпью символически назывался весь масонскій орденъ, котораго отдѣльные члены являются отдѣльными звеньями. Цѣпью именовалась еще братская любовь, которая связывала всѣхъ членовъ братства. Чѣмъ больше звеньевъ цѣпи, т. е. братьевъ, тѣмъ больше пространство охватить цѣпь и тѣмъ сильнѣе будетъ эта цѣпь по совокупности братской любви.

насъ связующей, весьма много дѣйствуетъ собою на исправленіе профановъ; дѣйствіе же сіе производятъ не слова, краснорѣчіе, доказательства или споры наши,—но примѣръ; всѣ сіи вышеозначенные дѣйствуютъ только на разумъ, сей же—на сердце, не надлежитъ намъ далече искать случаевъ къ исполненію у себя въ кругу, съ родными, домашними и служителями, должны мы быть истинными каменщиками. Каждый изъ насъ, принявъ себя за центръ, если будетъ съ помощію Божіей дѣйствовать въ своемъ кругу, то сколько сихъ центровъ? обнимая мыслью весь родъ человеческій, мы составляемъ большой кругъ.

Масонъ долженъ быть самый любезнѣйшій для общества человѣкъ, онъ никогда никого не огорчаетъ, никого не судитъ, всегда ласковъ, услужливъ и терпѣливъ, но въ самомъ масонствѣ иногда бываютъ мнѣнія противоположныя и такъ сказать самое масонство порождаетъ разныхъ чадъ, а потому-то орденъ и масонство суть весьма различны, что и пребываетъ великой тайной.

Часто возражаютъ въ профанскомъ свѣтѣ ¹⁾ на счетъ масонства, что ежели бы дѣйствительно оно имѣло какую полезную цѣль, то для чего оное бы не сдѣлать общимъ и извѣстнымъ; храмъ добродѣтели и премудрости отворенъ каждому желающему внидти въ оный, чтобъ тамъ учиться и что для прочихъ отъ онаго отдаляющихся и пребывающихъ въ безпечности и предающихся страстямъ необходимо нужно скрыть его, ибо сіи божественныя достоинства поражаютъ своимъ блескомъ пребывающихъ во мракѣ и возбуждаютъ въ несовершенствѣ ненависть и пагубное желаніе

¹⁾ Т. е. въ большой публикѣ, непосвященной въ масонскія тайны. Любопытно объясненіе масона И. В. Лопухина о причинѣ тайны, которою окружаютъ масоны свои дѣла. „Порочили особливо тайность общества и его собраній. Для чего, говорили, тайно дѣлать хорошее? Отвѣтъ на это легокъ. Для чего въ собраніяхъ такъ называемыхъ лучшихъ людей или публики не только никогда не говорятъ о Богѣ, о добродѣтели, о вѣчности, о суетѣ жизни, о томъ, сколь порочны люди и какъ нужно имъ заботиться о нравственномъ своемъ исправленіи“? Значитъ, для разговоровъ о всемъ этомъ нужны тайныя собранія. Окружали масоны свои работы тайною еще для большаго успѣха масонства, такъ какъ по мнѣнію ихъ работа въ тѣсномъ кругу единомышленниковъ плодотворнѣе, нежели на виду у несочувствующей толпы.

ниспровергнуть все то, что выше его и къ чему оно не причастно и столь далеко.

Нашъ орденъ раскрываетъ намъ глаза и заставляетъ насъ смотрѣть на тотъ столбъ, гдѣ мы будемъ получать плату ¹⁾. Сія высокая цѣль, возвышаясь болѣе и болѣе по мѣрѣ нашихъ трудовъ, уменьшаетъ въ глазахъ всѣ тѣ ничтожныя приманки, кои до сихъ поръ привлекали наши взоры, и слѣдовательно всѣ суетныя желанія симъ истребляются. Между тѣмъ какъ профаны, не зная къ чему держаться, кидаются отъ одной мѣты къ другой, одно желаніе прогоняемо другимъ, то хватаютъ одну мысль, чтобъ ее въ то же мгновеніе оставить, но ничто не насыщаетъ душъ ихъ жаждущихъ и стремящихся начать правильно работать и достигать постоянной и непреходящей цѣли.

Каменщикъ долженъ помышлять о цѣли своего назначенія въ семь свѣтъ, что весьма мало занимаетъ профановъ. Они не стараются узнавать, откуда они, гдѣ они, куда они. Можно имъ приписать нѣмецкую извѣстную поговорку, что корова стоитъ у своихъ воротъ и не входитъ въ нихъ потому, что ихъ выкрасили. И отъ сего то происходитъ, что часто смерть застаетъ ихъ, когда они еще и не начинали о ней думать и не приготовили себя такъ, чтобъ оной не бояться.

Молчаніе ²⁾ имѣетъ великую силу; всѣ добродѣтели преподаются

¹⁾ Это намекъ на символическіе столбы въ масонской ложѣ, заимствованные изъ преданія о построеніи Соломонова храма. Рабочіе, строившіе храмъ, получали заработанную плату у столбовъ. Масоны, какъ строители духовнаго храма истиннаго, почитали для себя смерть тѣмъ столбомъ, за которымъ они получаютъ воздаяніе въ иной жизни за свои земныя дѣла.

²⁾ Уставъ вольныхъ каменщиковъ XV^{III} и XIX вв., въ 9-мъ отдѣлѣ, касается обязательствъ каждаго масона по отношенію къ ордену. О молчаніи тамъ читаемъ: «паче всего есть одинъ законъ, коего наблюденіе ты обѣщалъ предъ лицомъ небесъ, т. е. законъ ненарушимой тайны въ разсужденіи нашихъ обрядовъ, законовъ и проч.». Молчаніе признавалось масонами лучшимъ средствомъ воспитанія воли и способствовало, по ихъ мнѣнію, къ самоуглубленію и къ сдерживанію себя. Для достиженія экстаза также предписывалось молчаніе на опредѣленное количество дней. Символически масоны изображали молчаніе въ видѣ красивой женщины, въ свѣтлыхъ одеждахъ, съ повязкою на устахъ; лѣвая рука ея приподнята,

и въ другихъ училищахъ, но часто ли упоминають тамъ о молчаніи? но такъ какъ орденъ имѣетъ въ себѣ отличительныя въ ученіи своемъ черты, то и (проповѣдуетъ) молчаніе; должность сія стоитъ тамъ въ заглавіи и какъ бы была мать для порожденія другихъ дѣтей своихъ — добродѣтелей, сама же по себѣ она не есть еще какая-либо добродѣтель.

Отличительныя же еще черты въ орденѣ есть послѣ молчанія руководство¹⁾, безъ котораго мы никогда не можемъ еще стоять въ той цѣпи съ братьями, ибо подобно какъ электрическая машина дѣйствіе свое распространяетъ на тѣхъ только, кто касается и держится сей цѣпи и какъ бы далече онъ ни находился, но она и послѣднему сообщаетъ дѣйствіе свое, стоящіе же и близко подлѣ нея, но не въ цѣпи, ничего не получаютъ.

Самый высокій братъ, если бы онъ былъ нашимъ руководителемъ, не возмогъ бы ничего сдѣлать къ успѣху нашему въ добрѣ, доколѣ мы будемъ только взирать на тотъ путь, которой онъ указываетъ, но не передвигая нисколько своихъ шаговъ. Всѣ поученія, бесѣды и чтеніе также не доставятъ намъ пользы, если мы будемъ довольствоваться однимъ токмо слушаніемъ ихъ, но не стараясь на самомъ дѣлѣ то исполнять, что въ нихъ предписано, а потому-то воля наша и есть величайшая драгоценность, дарованная намъ отъ Бога, чрезъ которую мы можемъ все.

Время теперь управляетъ нами, по мѣрѣ же достиженія нашего къ цѣли ордена, мы будемъ его имѣть въ своей власти²⁾.

съ отдѣленнымъ указательнымъ пальцемъ, какъ бы повелѣвая къ молчанію; фигура вырисовывается на темномъ фонѣ грозового неба; кругомъ нея сверкають молніи; у ея ногъ извиваются змѣи и разбросаны масонскіе символическіе знаки.

¹⁾ Руководство или водительство составляло обязанность посвященныхъ въ глубинѣ орденскаго ученія. Они должны были прививать профанамъ масонскіе идеалы и воззрѣнія, считаясь съ понятіями не только всего общества, но даже отдѣльныхъ личностей. Эта пропаганда (вмѣстѣ съ благотворительностью) составляла лицевую сторону масонской дѣятельности; другая же сторона, скрытая, разрабатывала все относящееся до тайны бытія.

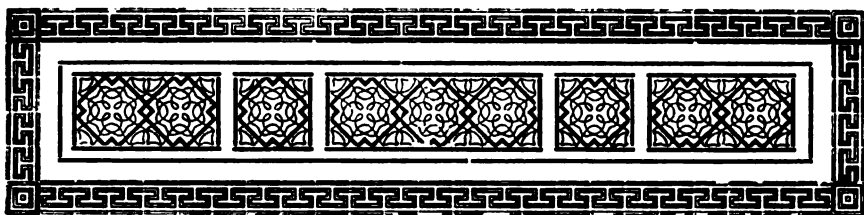
²⁾ Это—намекъ на занятіе масоновъ оккультными науками.

Исполняя всѣ должности, предписанныя намъ орденомъ, если бы мы захотѣли спросить себя, сходственно ли мы всему оному поступаемъ, гдѣ мы найдемъ повѣрку самихъ себя, то на сіе безошибочно будемъ отвѣтствовать каждому: повѣрка сія есть—любовь.

Вопросимъ самихъ себя: что насъ привлекаетъ къ ордену? Собранія наши не веселыя, братья также, говоримъ мы о вещахъ, которыя намъ никакъ не льстятъ, напротивъ же, открываютъ намъ болѣе и болѣе всю нашу гнусность. Конечно, въ семъ есть особливая и неисповѣдимая благодѣтельность Божеская, которая по мѣрѣ собственнаго нашего желанія и воли открываетъ намъ таковую нашу гнусность и въ то же время посылаетъ необходимыя для исправленія нашего средства, предписывая наисладчайшія для души нашей добродѣтели, какъ-то любовь къ ближнему и пр.,—искушенія же наши никакъ не превышаютъ силы.

Сообщ. Тира Соколовская.

Забытая писательница и ея заслуги ¹⁾.

(Окончаніе).

VI.

Безпринципная критика о Симоновой. Художество—часть цѣлаго, жизнь—цѣлое.—Признаніе ея литературныхъ заслугъ въ письмахъ М. Малахова, Гл. Успенскаго, С. Надсона, П. Полеваго и А. Шеллера.

Симонову никто не разносилъ въ критикѣ, но и друзья, сочувствовавшіе ея реализму и идейности, и безпринципные критики, не сочувствовавшіе этому направленію, умудрились „замолчать“ ее.

Въ то время, редакціонные „кружки“ не имѣли рекламнаго характера: въ еженедѣльныхъ изданіяхъ А. И. Поповицкаго, Н. М. Ядринцева, И. В. Скворцова и А. К. Шеллера никто не догадывался посодѣйствовать популярности г-жи Симоновой въ болѣе значительныхъ органахъ печати.

А когда оцѣнка литературныхъ произведеній попала въ руки критиковъ, лишенныхъ соціального идеала и признававшихъ литературу источникомъ эстетическихъ наслажденій, а не орудіемъ борьбы, то Симонову просто не хотѣли замѣчать, какъ не замѣчали и болѣе крупныхъ писателей того періода, напр., А. К. Шеллера...

Даже сочиненія Л. Н. Толстого, исполненныя великихъ религіозныхъ и нравственныхъ задачъ, принижались, какъ паденіе его художественнаго и эстетическаго дарованія.

Пахарь хочетъ пахать огромное поле, а ему, по словамъ Л. Н.

¹⁾ См. «Русск. Стар.», октябрь 1908 г.

Толстого, кричать: „Что ты собираешься дѣлать, вѣдь ты своей работой испортишь полевые цвѣты. Они такъ прекрасны!“

Эти „прекрасные цвѣты“ не должны останавливать пахаря: сѣйте хлѣбъ, а васильки сами родятся...

„Цвѣты“ въ литературѣ, по опредѣленію Толстого, „сказки“, которыя нянька вчера рассказывала ребенку и которыя онъ сегодня просить вновь рассказать ему. Толстой даже предсказываетъ (въ одномъ изъ писемъ къ Н. С. Лѣскову), что „художественная форма со временемъ распадется“ и что для писателя останется одно воспроизведеніе жизни и ея правды, ея существенныхъ интересовъ, безъ авторскихъ вымысловъ и прикрасъ. Дѣйствительная жизнь такъ красна, что не требуетъ кисти для сгущенія красокъ, если художникъ сумѣетъ усмотрѣть въ ней не случайныя, а типичныя и обобщенныя требованія красоты и истины.

Жизнь даетъ такія „обобщенія“, не менѣе яркія, чѣмъ и „художественная правда“ въ вымыслахъ писателей о жизни. Это не фотографія случайныхъ фактовъ, не портретная литература, но именно та „правда“, черезъ которую, по словамъ Бѣлинскаго, писатель доходитъ до поэзіи. Онъ только напрасно полагалъ, что это не одно и то же въ таковомъ представленіи объ искусствѣ.

Левъ Николаевичъ Толстой находитъ художественныя „образы“ даже въ живыхъ рѣчахъ крестьянскихъ дѣтей. Читая имъ въ рукописи свои рассказы и выслушивая ихъ пересказы, онъ называетъ дѣтей своими „учителями“. Если въ творествѣ писателя такъ значительны рѣчи дѣтей, то какъ же велика должна быть въ томъ же творествѣ самая жизнь страны? Въ ней—не только живыя рѣчи дѣтей и самаго народа, но и глубокое пониманіе интересовъ страны страдавшей за нихъ интеллигенціи.

Жизнь—„всенародна“ и ея образы гораздо художественнѣе, чѣмъ созданныя индивидуальными усиліями автора въ тиши кабинета. Крупный писатель беретъ изъ жизни матеріалъ, а отдѣлываетъ и полируетъ его своимъ талантомъ. Такъ мастеръ изъ лучшаго матеріала кроитъ и prepares вещь, а подмастерье доканчиваетъ ее. Это не умаленіе искусства, а его служебная роль въ нашей жизни.

„Художественная правда“ всегда только часть „правды жизни“, особенно если писатель знаетъ однѣ частныя черты жизни и не доросъ до ея типичныхъ сторонъ. Никакое мастерство писателя, со всей его фантазіей, не можетъ конкурировать съ мировымъ творчествомъ, съ жизнью массъ въ ея типичныхъ и обобщенныхъ требованіяхъ... Шекспиръ, создавшій геніальныхъ злодѣевъ и гамлетизированныхъ героевъ, все-таки слабѣе христіанскаго идеала въ жизни людей.

Л. Н. Толстой, создавая „Войну и миръ“, неоднократно чувствовалъ, какъ эпоха Отечественной войны грандіознѣе типовъ, созданныхъ подъ его могучимъ перомъ; а величественность исторіи „Декабристовъ“ свела автора къ тому, что у него опустились руки, и онъ бросилъ писать повѣсть о нихъ. То же случилось съ Гоголемъ и второй частью его „Мертвыхъ душъ“; то же неоднократно чувствовалъ и Щедринъ. Это непременно происходитъ съ каждымъ крупнымъ писателемъ, когда, увлекаясь изученіемъ реальной жизни, онъ чувствуетъ мощь ея живыхъ типовъ, нужныхъ ему для воспроизведенія, и сознаетъ, что искусство всегда будетъ частью цѣлаго и никогда не обниметъ всѣ стороны послѣдняго.

Болѣе мелкіе писатели не проникаются величіемъ живыхъ типовъ и восполняютъ недостаточное съ ними ознакомленіе вымыслами и сказками о нихъ.

Не возвышаясь до крупныхъ именъ русской литературы, Л. Х. Симонова все-таки слѣдовала, въ размѣрѣ своихъ силъ, ея лучшимъ традиціямъ въ области творчества. Она избѣгала „сказочныхъ красокъ“ и всегда старалась въ художественную форму своихъ произведеній вложить гражданское и правдивое содержаніе жизни.

Это, во мнѣніи критиковъ à la В. В. Чуйко, портило „полевые цвѣты“, т. е. самое искусство.

Но мы увѣрены, что изданіе избранныхъ сочиненій покойной писательницы найдетъ для себя мѣсто во всякой хорошо составленной библіотекѣ. Въ Симоновой оцѣнить и ея художественное дарованіе, съ склонностью къ тяжелой психологической драмѣ, и ея основательное знаніе русскаго быта, со строгимъ судомъ надъ нимъ.

Тотъ же антропологъ М. В. Малаховъ писалъ ей:

Ялта. 7 января 1884 г. Съ Новымъ годомъ—съ новымъ счастьемъ, многоуважаемая и дорогая Людмила Христофоровна!

Спасибо Вамъ большое за письмо и высылку оттиска „Убила“. Послѣдній послужилъ намъ матеріаломъ для литературнаго вечера, которые время отъ времени бывають въ нашей колоніи. „Убила“ прочли мы наканунѣ Нового года, и этотъ романъ произвелъ на всѣхъ довольно сильное, но вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелое впечатлѣніе. Типъ, обрисованный въ лицѣ Маренъ (мужеубійцы)—прекрасенъ, выдержанъ вполне, благодаря чему интересъ ни на минуту не замираетъ, и предъ читателемъ въ концѣ концовъ вырастаетъ этотъ мощный, жизненный типъ русской крестьянки, во всей, такъ сказать, правдивой наготѣ. Прибавлю къ этому еще, что типъ, избранный Вами, сравнительно съ другими типами, имѣетъ всѣ преимущества на своей сторонѣ, благодаря его своеобразной цѣльности, которая невольно привлекаетъ къ себѣ всѣ симпатіи читателя.

Ялта. 27 февраля 1884 г. Многоуважаемая и дорогая Людмила Христофоровна. Нельзя не поздравить Васъ со счастливою мыслью передѣлать Вашъ романъ на пьесу. Марѳа воспроизведена полно и потому на сценѣ это будетъ живая симпатичная личность. Радуюсь за Васъ, что Вы пришли еще къ новому источнику приложенія Вашихъ творческихъ силъ.

Вашъ М. Малаховъ.

Еще большимъ авторитетомъ должно служить письмо Гл. И. Успенскаго, изъ котораго видно, что онъ весьма цѣнилъ способности г-жи Симоновой и предлагалъ ей постоянное сотрудничество въ одномъ изъ ежемѣсячниковъ.

Онъ писалъ ей:

Милостивая Государыня, Людмила Христофоровна. Простите пожалуйста, что такъ поздно отвѣчаю на Ваше письмо—я былъ въ Москвѣ. Что касается адреса Лудмера,—то я знаю только одно, что онъ живетъ въ Архангельскѣ, я писалъ ему однажды туда, просто адресуя г. Лудмеру, и письмо дошло.

Повѣсть Вашу я прочелъ съ большимъ удовольствіемъ. Кой что ей вредить,—напр., пьяница мѣщанинъ,—содержатель постоялаго двора,—очень длинно; кое-что—мало,—напр., старикъ, ухаживающій за Марьей, разгульной дѣвицей, на которой онъ женится. Все это любопытныя фигуры. Но Марѳа и Степанъ отличные, безупречные, говорю это по сущей справедливости.

Что если бы Вамъ взятыся за одно большое дѣло, о которомъ я давно думаю: описать въ беллетристической формѣ воспитательный домъ въ Петербургѣ? Я думаю, что тамъ масса такого матеріала, отъ котораго у читающей публики морозъ бы пошелъ по кожѣ, а вѣдь надо же, чтобы кожа эта когда-нибудь и что-нибудь чувствовала. Отъ привоса невѣдомо чьего ребенка—до деревни, и до дальнѣйшей карьеры его,—вѣдь это неисчерпаемая тема и, если бы Вы попробовали посидѣть въ пріемной только, посмотрѣть, что тамъ дѣлается,—то я увѣренъ, что Вы заинтересовались бы этимъ дѣломъ. А дѣло это огромное. Если бы пошло удачно, то можно бы было хлопотать, чтобы редакція одного знакомаго мнѣ журнала поставила бы Васъ въ возможность не спѣшить и писать потихоньку. Конечно, если Вы сами можете не принуждать себя къ спѣшной работѣ,—то и говорить не о чемъ.

Покорнѣйшій слуга Вашъ

Г. Успенскій.

Чудово.

28 февраля.

1885 г.

Два слѣдующія письма С. Я. Надсона рисуютъ симпатичную и деликатную личность поэта и въ то же время то уваженіе, съ которымъ онъ относился къ литературному имени г-жи Симоновой.

Онъ писалъ ей:

Милостивая Государыня.

Тороплюсь отвѣтить на Ваше теплое письмо изъявленіемъ моей полной готовности служить по мѣрѣ силъ и возможности новой редакціи. Продолженіе ея я считаю за высокую честь для себя и надѣюсь, что у меня напишется что-нибудь къ первому номеру. Крайне сожалею, что обстоятельства мѣшали мнѣ до сихъ поръ воспользоваться Вашимъ приглашеніемъ. Я имѣлъ въ виду встрѣтиться съ Вами лѣтомъ, въ Павловскѣ, который я предполагалъ посѣщать довольно часто,—но заболѣлъ и все время пролежалъ въ постели. Въ Петербургѣ я бываю теперь довольно часто и, конечно, не премину доставить себѣ удовольствіе быть у Васъ. Позвольте передать Вамъ привѣтъ и благодарность моей сестры (если Вы ее не забыли), которая съ нетерпѣніемъ ждетъ открытія П. К. (Пушкинскаго кружка, а не Пиквикскаго клуба, какъ можно бы подумать), гдѣ она благодаря Вамъ, такъ весело провела время.

С. Надсонъ.

14 октября
1883 г.

2 апрѣля 1886 г.

Вчера только получилъ Ваше письмо, дорогая Людмила Христовна, а сегодня спѣшу уже отвѣтить на него. Разумѣется, я отъ всей души радъ служить новому журналу по мѣрѣ силъ и умѣнья, и Ваше приглашеніе участвовать въ немъ мнѣ доставило большое удовольствіе, доказавъ мнѣ, что меня не забываютъ, ни какъ человѣка, ни какъ писателя. Участіе Ваше ручается мнѣ за то, что журналъ будетъ вполнѣ чистоплотнымъ и порядочнымъ. Не знаю только, насколько удастся мнѣ привести въ исполненіе мои искреннія желанія быть полезнымъ. Пишу я вообще очень не много,—а для дѣтей и совсѣмъ никогда не писалъ, если не считать одного маленькаго стихотворенія въ „Дѣтскомъ чтеніи“, написаннаго случайно. Во всякомъ случаѣ, буду имѣть въ виду приглашеніе г-жи Несвицкой и, если что-нибудь надумается подходящее, не премину выслать.

Если бы изъ Вашего письма я не догадывался бы, что увольненіе Танина въ отставку повлекло къ новымъ осложненіямъ въ его положеніи (вѣроятно, только матеріальномъ?),—я бы склоненъ былъ считать этотъ фактъ скорѣе счастливымъ обстоятельствомъ,

чѣмъ наоборотъ, такъ какъ положеніе его на службѣ послѣ всего происшедшаго не могло не быть натянутымъ и невыгоднымъ. Впрочемъ и съ матеріальной точки зрѣнія, заработокъ, который онъ получалъ, былъ такъ не великъ, что молодой человѣкъ, здоровый и съ царемъ въ головѣ, наверстаеъ его на всякомъ поприщѣ. Что же касается Вашего намѣренія ѣхать туда, куда воронъ и костей не заносилъ,—я не очень его одобряю, если позволите. Положимъ, писать можно всюду,—но въ Петербургѣ Вы у центра, и если съ одной стороны въ немъ не трудно измаяться, то и идиллическая глушь имѣетъ свои прелести: скучищу непролазную, отсутствіе общества, отсутствіе импульса, толкающаго къ работѣ, и пр. и пр., что Вамъ, вѣроятно, извѣстно не хуже меня. Я теперь именно въ такомъ положеніи и какъ ни хороша благословенная Украина, я отъ нея сбѣгу при первомъ же удобномъ случаѣ. Моему здоровью, этому молоху моей жизни, и такъ принесено слишкомъ много жертвъ. Если все только лечится,—то некогда и существовать, а я хочу еще кое-что сдѣлать, если успѣю.

Спасибо вамъ за теплое отношеніе къ моей книгѣ. Дѣйствительно, успѣхъ ея превзошелъ самыя наглыя мои ожиданія: 2-ое изданіе разошлось въ два мѣсяца, и есть шансы, что выходящее теперь третье тоже не залежится. Вы очень мило поступили, выславъ мнѣ „Спутницу“: я „Живописн. Обзор.“ не получаю съ тѣхъ поръ, какъ тамъ водворился г-нъ Добродѣевъ и внесъ съ собой скарредно-купеческое отношеніе къ сотрудникамъ, и поэтому „Спутницы“ прочесть не могъ. Впрочемъ, она еще не получена мною: письмо ваше пришло раньше въ сопровожденіи журнала,—который, такимъ образомъ, можетъ скорѣй назваться „Спутникомъ“, чѣмъ „Спутницей“—(простите плохой каламбуръ,—это я отъ деревенской скуки). У насъ тутъ весна въ полномъ разгарѣ. Мой столъ загроможденъ букетами съ фіалками и ароматъ ихъ кружитъ голову. Небо ясно, солнце сіяетъ, ласточки щебечутъ,—а мнѣ все приходитъ въ голову, что это послѣдняя весна, которую я встрѣчаю. Впрочемъ, не хочу вдаваться въ элегическій тонъ. Поклонитесь отъ меня вашимъ дѣтямъ, когда будете писать имъ и передайте Е. А. Невидцкой мое искреннее желаніе быть ей полезнымъ.

Крѣпко жму Вашу руку.

С. Надсонъ.

Ея переписка съ П. Н. Полевымъ, который былъ одно время издателемъ „Живописнаго Обозрѣнія“, и съ А. К. Шеллеромъ, который и при Шульгинѣ, и при Полевомъ, и при Добродѣевѣ, и при фирмѣ Пализенъ и К^о былъ редакторомъ „Живописнаго Обо-

зрѣнія“, рисуешь любопытными штрихами литературное поприще г-жи Симоновой съ многочисленными огорченіями въ однихъ случаяхъ и признаніемъ ея литературныхъ заслугъ въ другихъ случаяхъ.

СПБ. 11 февраля 1885.

Многоуважаемая

Людмила Христофоровна.

А. С. Труппъ (секретарь „Живоп. Обзорѣнія“) передалъ мнѣ выраженное Вами неудовольствіе, и я спѣшу, съ обычнымъ моимъ желаніемъ поддерживать добрыя отношенія къ уважаемымъ мною сотрудникамъ—сообщить Вамъ, что вовсе не А. К. Шеллеръ, а я самъ, лично и собственноручно, урѣзалъ конецъ Вашей хроники, опасаясь, съ одной стороны упрека въ излишнемъ пристрастіи къ почтенному юбиляру, а съ другой—очищая мѣсто для Вашего же некролога Малахова, который, пожалуй, заваялся бы...

Не складывайте же моей вины на другого; за свою вину я всегда самъ готовъ отвѣтить.

Кстати скажу два слова и о замедленіи Вамъ выплаты остальной части Вашего гонорара. Откровенно говоря, замедленія тутъ никакого не произошло, потому что и замедлять было нечего.

Мы понесли въ теченіе двухъ мѣсяцевъ (декаб. и январь) убыль доходовъ ровно въ 18.000 руб. по сравненію даже съ прошлымъ годомъ. Можете себѣ представить, какъ это должно отразиться на нашихъ платежахъ?

Очень хорошо понимаю и предвижу, что Вы можете на это мнѣ отвѣтить; а въ этихъ именно видахъ, обращаю Ваше вниманіе на то, что я теперь забочусь только объ устройствѣ дѣлъ журнала именно такимъ образомъ, чтобы никакихъ замедленій не происходило въ уплатѣ гонорара, особенно такимъ сотрудникамъ, какъ Вы, которую я считаю одною изъ существенныхъ опоръ моего изданія.

Если Вы и послѣ этихъ объясненій пожелаете еще мстить мнѣ или моему журналу (какъ Вы отвѣтили А. С. Т—у), то я полагаю, это будетъ несовсѣмъ справедливо... Жму Вашу руку
уважающій Васъ

П. Полевой.

Дорогая Людмила Христофоровна, въ воскресенье дома. „Бѣгле“ еще въ субботу сбѣжали въ типографію, я работаю только по буднямъ въ качествѣ обыкновеннаго фабричнаго и въ праздники напиваюсь пьянъ ¹⁾, значить... Ахъ, да чего я пишу, если увидимся и будемъ говорить.

Вашъ А. Шеллеръ.

¹⁾ А. К. Шеллеръ ничего не пилъ.

Р. С. Если бы Вы знали, какъ я радъ, что еще недѣля или двѣ и я буду дѣлать то, что я хочу, а не то, что нужно для журнала. Вѣдь это та жизнь возвращается, которую я жилъ до двадцати семи лѣтъ. Я точно любовникъ жду свиданія съ нею и считаю минуты. И какъ мнѣ смѣшно теперь глядѣть на Суп..., который боится опоздать прочесть корректуру и подписать листъ. Тоже человечество спасаетъ, прочитаю ихъ во-время. И не вѣрится, что я тоже былъ такой колпачной фигурой.

Что это Вы, сестрица, вздумали хворать? Мнѣ-то ужъ и Богъ приказалъ репетиціи дѣлать: теперь-то на каждую весну такъ-то придется репетировать, пока не подохну. Вчера къ вечеру я такъ расхрабрился, что думалъ сегодня у Васъ быть, но сегодня опять хуже и приходится сидѣть. Боюсь сегодня нашествія иноплемennыхъ, такъ какъ иноплемennые-то и доби́ли меня окончательно. Если на этой недѣлѣ поправлюсь, забѣгу къ Вамъ. Поправитесь Вы—забѣгайте ко мнѣ: Васъ примутъ, хоть бы даже я спалъ. Ну, поправляйтесь и дай Вамъ Богъ бодрости и здоровья на многая лѣта. Сродственникамъ поклонъ. Обнимаю Васъ.

Братъ—Шеллеръ.

Дорогая Людмила Христофоровна.

Повѣсть, хотя это и не Вашъ жанръ (а какой Вашъ жанръ,—это опредѣлила Ваша поклонница, читающая Васъ въ слухъ знакомымъ, Александра Константиновна Гордовская,—она говоритъ, что Ваша сила въ описаніи природы, обстановки и т. д. и въ изображеніи всего, что несчастно и забыто, т. е. въ теплотѣ чувства)—очень мила и ужъ никакъ не можетъ быть пятнышкомъ въ № „Ежен. Об.“. Разговоръ ведется легко, положенія ясны. Жаль, что проскользнуло нѣсколько ошибокъ, изъ которыхъ „вздымались“ вмѣсто „поднимались“ просто досадно. Первый № „Еж. Об.“ произвелъ на меня странное впечатлѣніе: въ немъ много предисловій; чувствуется недостатокъ серьезной статьи; странно поражаетъ, что отчетъ о театрахъ начинается не русскимъ театромъ, т. е. не главнымъ, что можетъ интересовать провинцію; не нужно было начинать полемику съ „Сыномъ“, „Недѣлей“, „Гатцугомъ“, такъ какъ онѣ могутъ отвѣтить вполне основательно, что ихъ уже притянули чуть не къ суду за публикаціи объ „Иллюстрированномъ мірѣ“, о чемъ въ „Недѣлѣ“ уже и писалось. Дай Богъ, чтобы И. В. Скворцову удалось вполне справиться со своей задачей: честный дешевый органъ нуженъ. Вы пишете о моемъ мрачномъ настроеніи. Я все еще не здоровъ, хотя и выхожу понемногу. но

не здоровъ не только физически, а и душевно; причинъ много, и съ каждымъ днемъ предо мною открывается все большая и большая пропасть, въ которую и радъ бы не заглядывать да приходится. О, если бы мнѣ удалось устроить хоть свои личныя дѣла и уѣхать—на мѣсяцъ, на два, на три куда бы то ни было, впрочемъ лучше бы всего уѣхать совсѣмъ, безвозвратно. Очень ужъ гадко въ литературномъ міркѣ, а идти въ другой мірокъ—поздно мнѣ учиться ходить на четверенькахъ, когда свои ноги давно окрѣпли... Ваше обозрѣніе хорошо, но цензура? Что помараетъ она—не знаю. Крестницѣ скажите, что ея рассказъ я перечиталъ; отмѣтки еще сдѣлаю; помѣстить не откажусь у себя, если останусь въ „Жив. Об.“, что выяснится не позже 15 января. Не останусь—тогда, конечно, все будетъ зависѣть отъ Полевого.

Жму крѣпко Вашу руку и руку крестницы. Завтра свидимся? Чужихъ, вѣрно, не будетъ и тѣмъ лучше. До свиданья.

Вашъ весь А. Шеллеръ.

Благодарю Васъ, дорогая сестричка, за присланное: это тѣмъ болѣе кстати, что я переживаю скверныя-скверныя времена тоски и скуки, приготовляясь понемногу къ полному разоренію своего гнѣзда. Не завернете ли въ четвергъ: четверговъ нѣтъ, но я остаюсь дома, такъ какъ друзья знать ничего не хотятъ и прутъ. И то сказать, скоро все это кончится. Поклонъ племянницѣ. Жму Вашу руку.

Вашъ А. Ш.

Большое и большое спасибо, сестрица, за портретъ. Но зачѣмъ состарили Васъ? Для важности, что ли? Вы бы фотографу за это къ мировому, „не старъ, молъ, я вдова“!.. Но все же такъ или не такъ, Вы снялись, и это дѣлаетъ Вамъ честь, такъ какъ забираясь на фотографическіе чердаки и сидѣть передъ фотографической пушкой, не боясь, что она выстрѣлитъ,—это подвигъ, на который не особенно смѣлые люди не сразу рѣшаются. Вотъ, напримѣръ, я—все собираюсь и все боюсь: вдругъ заберусь къ фотографу, а онъ меня и сдѣлаетъ объ двухъ головахъ—со мной это уже разъ было... Теперь перейду къ другой матеріи: къ Б—у (не думайте, что хочу каламбурить и считаю его какимъ-нибудь ситцемъ, а не писателемъ). О немъ и вообще о подающихъ надежды писателяхъ Вы выразились вѣрно: ужъ чего считать ихъ подающими надежды, когда у иныхъ изъ нихъ дѣти блудить начинаютъ. Пора дѣйствительно опредѣлить ихъ значеніе, но... есть ли у нихъ значеніе? не тѣни ли это, идущія слѣдомъ за другими дѣятельными талантами? Не лучше ли, вмѣсто всякаго опредѣленія ихъ значенія, сказать просто: это солдаты изъ того полка, гдѣ командирами

являются графъ Толстой, Достоевскій, Тургеневъ и Островскій? Распространяться много объ этихъ отдѣльныхъ солдатахъ, право, нечего: напишутъ они что-нибудь—нужно одобрить, вотъ и все; такъ одобряютъ и обыкновенныхъ солдатъ за ихъ личные „подвиги“. Когда-нибудь потолкуемъ лично объ этомъ предметѣ... Третья матерія—мое не пребываніе къ Вамъ. Дѣло въ томъ, что я съ четверга расхворался: распухли бока, т. е. всякія печенки, селезенки, такъ что пришлось заклеить все это согрѣвающими тканями. Во имя этого же буду сидѣть и завтра вечеромъ дома (чай, примѣчай, куда чайки летятъ!) и былъ бы я очень радъ видѣть у себя за чаемъ оригиналъ присланнаго портрета. Племянницѣ скажите, что ее я бы радъ видѣть въ среду утромъ; если это не удобно, то не угодно ли, чтобы я самъ завернулъ въ четвергъ между 7 и 9 часами? Отвѣтъ дадите завтра, если завернете вечеромъ. Жму руку и низенько кланяюсь всей компаніи вмѣстѣ и порознь.

Вашъ Александръ Косой ¹⁾.

Уважаемая

Людмила Христофоровна.

Не приготовите ли завтра хроники для № 1, какъ мы говорили? Нужно не болѣе 300 строкъ для обѣихъ хроникъ, которыя должны представлять только бѣглый обзоръ того, что въ прошедшій годъ не сдѣлано нигдѣ ничего, что вездѣ только поютъ арію: „Мы пойдемъ! мы пойдемъ!“ а сами ни съ мѣста...

Вашъ весь

А. Шеллеръ.

Дорогая Людмила Христофоровна.

Къ величайшему моему сожалѣнію, не могу опредѣлить срока, когда напишу статейку для „Еженедѣльнаго Обзорѣнія“. Написать кое-какъ, наскоро—это значитъ оказать плохую услугу и издателю, и себѣ, т. е. вызвать на новый органъ незаслуженную брань, написать же болѣе или менѣе пригодную вещь—покуда еще не справился. Какъ только удастся одолѣть хотя что-нибудь изъ намѣченнаго мною, такъ тотчасъ же передамъ г. Скворцову.

Кстати захватите осторожно мой очеркъ отъ Поповицкаго. Его нечего и думать протащить сквозь Тихоновъ, Исидоровъ, Фотіевъ и всѣхъ святыхъ. Я попробую его провести сквозь статскихъ и дѣйствительныхъ статскихъ цензоровъ. Завтра увидимся? Поклонъ юной ученицѣ—въ будущемъ; говорю: „въ будущемъ“, такъ

¹⁾ А. К. Шеллеръ немного косилъ глазами.

какъ теперь только изъявляю желаніе учить; уроки же начнутся неизвестно когда. О юность легкомысленная, какъ ты тратишь попусту золотое время и къ труду оказываешься лѣнива. Это изъ святого отца Нѣтова, уроженца страны небывалой, жившаго за 70.000 лѣтъ до Р. Х.

Вашъ весь

А. Шеллеръ.

Я поставилъ сегодня на своемъ романѣ послѣднюю точку. Памятенъ будетъ для меня сей день. 16 ноября 1888 года.

Дорогая Людмила Христофоровна, убавить романъ приходится на листъ, ибо вышло такое число, что мы не имѣемъ права выпустить такого левіоана-книгу. Что убавить, какъ убавить? не знаю. Въ инквизиціи еще не служилъ. Ужъ лучше Вы, мать, отрѣжьте у своей дочери то, безъ чего она можетъ обойтись. Это нужно совершить до завтрашняго дня. Грустно, но... Отъ сожалѣнія ни тепло, ни холодно. Жму Вашу руку. Жду завтра Валентину Константиновну между 1—3 ч.

Весь Вашъ

А. Шеллеръ.

2 октября 1886 года.

Милая Людмила Христофоровна, пишу Вамъ тотчасъ же по возвращеніи съ вокзала, чтобы письмо успѣло обогнать Васъ и чтобы въ далекомъ Оренбургѣ Вы вспомнили о Питерѣ, о тѣхъ, кто остался тамъ смотрѣть на ту же бѣлую стѣну, называемую „будничной“ жизнью. Вы на время оторвали глаза отъ этой скучной бѣлой стѣны и взглянули на нѣчто иное—дурное или хорошее, все равно, лишь бы это было „иное“. У малороссовъ есть вѣрная поговорка: „горче да иначе“. Дай Богъ, чтобы у Васъ было и иначе, и слаще. Посылаю свою карточку для передачи отъ меня ее Зинаидѣ Александровнѣ Малиновской, которой посылаю сердечный привѣтъ. Она, бѣдняжка, тоже не безъ страха ѣхала на оренбургскую сцену, хотя ей и предназначались первыя роли. Антрепренеръ оренбургскаго театра тоже изъ Питера и вѣрно помнитъ меня, такъ какъ встрѣчался со мной у Надежды Дмитріевны Заюнчковой (Всеv. Крестовской—псевдонимъ). Если увидите его—кланяйтесь. У Зинаиды Александровны побывайте непременно: она добрый человѣкъ... Нечего и говорить, что новостей нѣтъ, такъ какъ я доѣхалъ домой, не разбивъ головы, и домъ нашелъ несгорѣвшимъ: въ эти же полчаса только это и могло случиться новаго. Обнимаю Васъ и—Богъ помощь Вамъ. Набирайтесь силъ, работайте, наблюдайте и пробивайте себѣ широкій путь.

Вашъ А. Шеллеръ.

Дата послѣдняго письма Шеллера показываетъ точно время, когда онъ проводилъ на вокзалѣ отъѣзжающую изъ Петербурга Симонову на службу по Министерству Народнаго Просвѣщенія въ г. Ташкентъ. На пути она намѣревалась остановиться въ городѣ Оренбургѣ и прожить въ немъ нѣкоторое время. Въ „Живописномъ Обзорѣнїи“ были напечатаны частью ея путевыя впечатлѣнїя „Отъ Петербурга до Ташкента“.

VII.

Въ Ташкентѣ. —Послѣднїе дни изъ жизни Л. Х. Симоновой —Заключительное о ней слово.

Въ Ташкентѣ она приняла званіе учительницы нѣмецкаго языка въ мѣстной гимназіи и въ 1899 г. была назначена начальницей въ г. Самаркандѣ четырехкласснаго женскаго училища, въ каковомъ званіи осталась въ теченіе десяти лѣтъ, снискавъ себѣ всеобщую любовь и среди учительскаго персонала, и среди ученицъ.

Мѣстныя газеты писали о ней:

„Въ 1890 г. Л. Х. была назначена начальницей вновь открытаго тогда въ г. Самаркандѣ 4-хъ-класснаго Маринскаго женскаго училища. Въ десять лѣтъ усидчивой работы, стоя во главѣ учебнаго заведенія, Л. Х. поставила его на образцовомъ положеніи, такъ что, когда училище было преобразовано въ гимназію, ученицы оказались настолько подготовленными, что могли съ успѣхомъ, безъ экзамена, продолжать курсъ ученія по программѣ гимназій. Во все время своей педагогической дѣятельности Л. Х. отдавала всю душу и всѣ помысленія на это дѣло. Она глядѣла на ученицъ, какъ на своихъ дѣтей, вникала въ ихъ положеніе, многимъ, чѣмъ могла, помогала, любила ихъ и берегла. Особенно много она содѣйствовала преобразованію училища въ гимназію. Многіе родители, вмѣсто того, чтобы отправлять своихъ дѣтей въ чужой городъ, могутъ имѣть ихъ при себѣ и воспитывать на глазахъ“.

Педагогическихъ занятій у нея было такъ много, что на литературу не хватало времени.

При отъѣздѣ на службу петербургскіе друзья утѣшали ее тѣмъ, что она на новыхъ мѣстахъ найдетъ новыхъ „Вогуличей, хотя и не финскаго племени“, и создастъ рядъ бытовыхъ произведеній изъ мѣстной жизни.

Но „вогуличей не финскаго племени“ ей уже не пришлось написать, хотя едва-ли она терпѣла недостатокъ въ матеріалѣ. Скорѣе предсказаніе С. Я. Надсона, объ опасности для литературнаго творчества такъ называемой провинціальной „идиллической глуши“, оправдалось.

Въ Ферганскихъ и Ташкентскихъ палестинахъ Симонова была

въ состояніи написать всего нѣсколько незначительныхъ работъ: „Легенда о Сауранѣ“, „Сартянки“, „Разказы о взятіи Самарканда“. „Андрей Евграфовичъ Маловъ“ — герой туркестанскихъ войнъ. „Гаданіе и леченіе ташкентскихъ и самаркандскихъ сартянокъ“.

Получивъ за выслугу лѣтъ по министерству народнаго просвѣщенія пенсію въ 300 рублей, она вышла въ отставку и вновь вернулась къ литературѣ. Но писать много она уже не могла. здоровье ея расшаталось, и она могла только диктовать, вспоминая разнообразно прожитую жизнь. Скончалась она отъ паралича сердца на 68 году жизни, въ г. Ташкентѣ 12 марта 1906 г.

О послѣднихъ минутахъ ея жизни весьма трогательно свидѣтельствуемъ письмо изъ г. Ташкента ея замужней дочери, Валентины Константиновны Губаревичъ Радобыльской, присланное на мое имя отъ 28 марта 1906 года.

Она пишетъ:

28 марта.
1906 г.

Многоуважаемый Анатолій Ивановичъ.

Умирая, мать моя, Людмила Христофоровна Симонова-Хохрякова просила немедленно дать вамъ знать, что я и сдѣлала. давъ телеграмму.

Въ сущности умерла она за работой. Здѣсь съ января издается Туркестанская Военная Газета. Редакторъ ея Карцевъ просилъ ее сотрудничать. Такъ какъ мама очень любила солдатиковъ, то охотно согласилась сотрудничать и вотъ написала сначала легенду „Былины о разрушеніи города Саурана“. Въ № 54 „Русскаго Инвалида“ замѣтили этотъ фельетонъ и написали: „Достоинъ вниманія фельетонъ „Туркестанской Военной Газеты“ въ № 2: Былины о разрушеніи города Саурана“ и т. д.“. Затѣмъ она написала очеркъ „Монголы“. Не одинъ разъ, входя въ комнату, я замѣчала, что она устала. Устала писать и она жаловалась, что выходитъ длинно, что надо сократить, а сокращеніе—времени отнимаетъ много. Я ей совѣтовала дать это право редактору. Часть она сократила сама, начало, а часть оставила и послала. Между тѣмъ слабость ея усиливалась уже съ осени, и одышка ея увеличивалась, и съ Рождества особенно по утрамъ она тяжело страдала.

Утромъ проснется, ее одѣнетъ горничная, она кое-какъ перекучетъ къ столу (тутъ же около кровати) и затѣмъ съ часъ она „отдыхивается“ и потомъ только можетъ уже поднять голову и глядѣть, и говорить, и сейчасъ же за перо. Цѣлый день до сумерокъ все пишетъ и все торопилась закончить въ „Родникъ“ по-

вый рассказъ. Наконецъ, когда „Монголы“ были готовы для мѣстной газеты, и она ихъ отослала въ редакцію, она слегла, начался отекъ легкихъ; она слабѣла и задыхалась, не спала совсѣмъ, какъ то забывала и время и обстоятельства, и снова приходила въ себя, но не все время лежала, а сидѣла, опустивъ голову на руки.

Слушала чтеніе „Историческаго Вѣстника“ и между прочимъ „современное настроеніе крестьянъ“¹⁾). Въ четвергъ вышелъ первый фельетонъ „Монголь“. Я прочитала ей и ей не понравился, говорить: „вода“. Докторъ давалъ ей камфору. Пятницу 10 марта ночью и подъ утро мучительный приступъ одышки, въ субботу будто лучше. Я дежурила до 9-ти часовъ утра слѣдующаго дня. Она по-прежнему не спала. Въ 6 часовъ ушла я спать, а въ 9 „сестрица“ разбудила меня. Я пришла. Мама сидѣла и задыхалась, какъ будто ее кто душилъ. Глаза изумленные, все лицо покрывалъ потъ. Она сказала: „я, кажется, умираю“.

Тутъ принесли кислородъ, и она начала дышать. Собирая все мужество и желая скрыть отъ нея истину, я взяла (это было воскресенье 12 марта) номеръ только-что принесенной „Туркестанской военной газеты“, гдѣ было продолженіе „Монголь“, и стала ей читать. Она пробовала слушать и заплетающимся языкомъ сказала: „Это немного погуще. Не правда ли, сестрица“? Это за два часа до смерти и за часъ до потери сознанія... Чтеніе прерывалось, она дышала кислородомъ и снова возобновлялось. Наконецъ, она сказала: „погоди читать, я теперь буду дышать кислородомъ, а потомъ дочитаемъ“. Тутъ пришла докторша, начала слушать. Я отошла къ окну, чтобы овладѣть собой и выпить „вальерьяну“, а она съ усиленіемъ сказала: „куда ты уходишь, ты слушай, что говорить врачъ“. Докторша прописала опять камфору, мама просила добавить стрихнинъ и спросила, когда придетъ еще разъ врачъ. Та сказала черезъ два часа. Тутъ она легла, а сестра держала подушку съ кислородомъ. Она закрыла глаза и стала какъ бы крѣпко засыпать. Я сѣла около на скамеечку и поддерживала ее голову. Она засыпала все крѣпче, и, наконецъ, этотъ сонъ перешелъ въ смерть. Теперь я займусь разборкой ея писемъ и все, что будетъ интересно, письма Шеллера, Надсона, Малахова и др., я перешлю Вамъ, если это нужно? А также если есть какія-нибудь воспоминанія или замѣтки.

Рукописи ея въ образцовомъ порядкѣ, такъ какъ завѣтной мечтой ея было напечатать „собраніе сочиненій“—увы, не исполнив-

¹⁾ Помѣщено въ моей книгѣ «Мужики и Начальство». См. также „Пробужденный народъ“, „Голоса Земли“. А. Ф.—въ.

шейся. Миръ праху твоему, моя бѣдная мама. Продолжать ли Вамъ еще писать о ней, о жизни въ Ташкентѣ за это время?

Уважающая В. Губаревичъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ признать, что Симонова прошла жизнь весьма разнообразно. Она испытала ее въ самыхъ разнообразныхъ поприщахъ. Она писала свои произведенія не изъ четырехъ стѣнъ своего кабинета, обеспеченная заработкомъ мужа, но горбомъ пробивала себѣ дорогу въ литературу. Она выдѣляется среди литературныхъ труженицъ и образомъ жизни и бытовымъ разнообразіемъ своихъ произведеній, съ большимъ критическимъ отношеніемъ къ насущнымъ вопросамъ современности. Я уже не говорю о томъ, какъ она гораздо значительнѣе одновременно начавшихъ съ ней писать женщинъ: Н. И. Мердеръ, К. В. Назаревой, Ек. О. Дубровиной, А. А. Виницкой и т. д.; но и женщины психологи, болѣе даровитыя, чѣмъ Симонова (Ол. Шапиръ, Л. Веселитская), уступаютъ ей въ разнообразіи литературнаго сюжета.

Женскіе типы Ол. Шапиръ и „Мимочка“ г-жи Веселитской, конечно, не только ярко художественны, но и большого жизненнаго содержанія. Тѣмъ не менѣе, обѣ писательницы, въ особенности авторша „Мимочки“, совсѣмъ не выходятъ изъ области женскаго романа. Уступая имъ въ художественной силѣ и отдѣлкѣ своихъ типовъ, г-жа Симонова пыталась слѣдить за русской жизнью во всѣхъ ея областяхъ. Этого нельзя не цѣнить въ женщинѣ-писательницѣ, въ большинствѣ случаевъ одностороннихъ и очень субъективныхъ.

Трудолюбіе и энергія г-жи Симоновой всегда были равными и постоянными. Она могла вести одну линію, не колеблясь отъ разныхъ настроеній и вѣяній. Она видѣла свой путь, какъ машинистъ рельсы, и не бросалась въ стороны. Извѣстный періодъ ея личной жизни совпадаетъ съ извѣстнымъ періодомъ писанія, гдѣ опять какая-нибудь извѣстная идея въ цѣломъ рядѣ сочиненій проводится до конца. Она никогда не бросалась отъ корреспонденцій къ лирикѣ, отъ одного произведенія къ другому на темы, какія случайно подвернутся подъ руку, одна съ другой не связанная общимъ планомъ работы, общей задачей и преслѣдуемой цѣлью. Ея вещи можно ясно раздѣлить начетыре періода: сибирскій, петербургскій, туркестанскій и забайкальскій.

Такова Л. Х. Симонова въ жизни и ея литературномъ поприщѣ.

Съ мужемъ-чиновникомъ она ѣздитъ по командировкамъ въ За-

уральѣ; позднѣе служить на телеграфѣ въ фабричныхъ районахъ Петербурга и по министерству народнаго просвѣщенія на далекой окраинѣ... Большой жизненный опытъ и наблюденіе надъ дѣйствительностью внесены ею въ литературу.

Въ то время, какъ многихъ женщинъ-писательницъ хватаетъ на воспроизведеніе исключительно своей личной жизни; въ то время, какъ послѣ перваго, часто талантливаго произведенія, у нихъ обнаруживается вскорѣ полное оскудѣніе жизненнаго опыта и знаній, Симонова была подавлена обиліемъ матеріала, почерпнутаго ею въ широкихъ слояхъ русской жизни.

— Не переработать всего въ образы, что знаешь и что видѣла,—говорила она.—Времени не хватаетъ. Торопиться воспроизвести главное, а подробности не успѣваешь отдѣлывать...

Но торопясь работать, она уважала своихъ читателей и, прежде чѣмъ появиться въ печати, она вкладывала въ свой трудъ всѣ свои силы. Трудовая честность заключается, между прочимъ, и въ томъ, чтобы довести свой трудъ до того совершенства, до котораго хватаетъ у человѣка затрата всѣхъ его наличныхъ силъ. Между тѣмъ, это часто упускается изъ виду тѣми работниками пера, которые торопливостью всегда склонны оправдывать недобросовѣстное отношеніе къ дѣлу, т. е. когда къ нему не были приложены всѣ силы автора.

Симонову въ этомъ нельзя упрекать. Если чего не хватало въ ея работахъ, то происходило это не отъ недостатка прилежанія и труда. Недобросовѣстное отношеніе къ работѣ она не могла простить ни въ комъ и часто скорбно жаловалась:

— Удивляюсь я молодымъ литераторамъ... Если мнѣ удавалось получить постоянную работу въ журналѣ, то я изъ кожи лѣзла, чтобы сдѣлать ее возможно лучше. Дорожишь и заработкомъ, и литературной честью! А теперь видишь людей еще бѣднѣе меня, а халатности гораздо больше. Ведутъ они всякіе отдѣлы въ періодическихъ изданіяхъ и пихаютъ туда разныя вырѣзки изъ разныхъ газетъ. Да развѣ это значитъ составить номеръ? Развѣ читатель самъ не могъ ранѣе прочесть всѣ газеты? Кажется, необходимо всякую вырѣзку о томъ или другомъ фактѣ самому одухотворить, понять его связь съ общимъ вопросомъ и т. д. Но для этого нужны знанія и воображеніе, а не ножницы! Безъ этого, работѣ ихъ грошъ цѣна, да по правдѣ сказать грошъ имъ и платять! Они теперь стали какими-то циниками... За какую угодно плату идутъ завѣдывать отдѣлами и пишутъ „для денегъ“... Такъ откровенно и говорятъ: найдите болѣе выгодную профессію—и мы пера въ руки не возьмемъ...

— Да, соглашался я съ ней: многіе изъ пишущей братіи склонны разсуждать, что литература ничѣмъ не отличается отъ прочихъ профессій и что быть литераторомъ не составляетъ гордость человека...

— Это и обидно! перебивала она. Сами они по чужой книгѣ составляютъ статьи, по статьѣ—газетную замѣтку, по перепечаткамъ—ведутся отдѣлы и думаютъ, что всѣ литераторы таковы; что ни у кого нѣтъ ни собственного освѣщенія событій, ни литературнаго воображенія и призванія...

— Существуетъ, сказалъ я, въ поясненіе ея мысли, анекдотъ про одного издателя. Дѣти его, играя между собой, хотѣли изорвать газету, какъ вдругъ дѣвочка закричала на брата: „не рви! не рви газету! Папа прочтетъ и новую шляпку купить мнѣ“... Очевидно, дѣти подглядѣли, какъ отецъ, читая газеты, рѣзалъ ихъ, потомъ склеивалъ статьи... Такъ многіе теперь пишутъ: читаютъ чужія книги, крадутъ оттуда все содержаніе и покупаютъ дѣтямъ новыя шляпки...

Однако вращаться среди пересудовъ и жалобъ на литературу Людмила Христофоровна не любила подолгу. Литературныя „перестрѣлки“ не мѣшали быть ей ровной и счастливой за собственной работой.

Вообще надо сказать, что, будучи человекомъ труда и упорной воли, она въ личной жизни была крайне доброй и жизнерадостно настроенной женщиной.

Одно изъ ея стихотвореній, посвященное въ шутливой формѣ одному изъ нашихъ поэтовъ, какъ приглашеніе къ себѣ на журфиксъ—прекрасно передаетъ ея душевный строй, въ которомъ она всегда пребывала и куда заманивала своихъ друзей.

Часть чтенья..
Сегодня вы приходите—
Плоды вдохновенья
Съ собой захватите.
Весьда польется рѣкою.
Мечты, идеалы творца чередомъ
Пройдутъ мимо насъ
И Гѣте творенья
Я безъ сомнѣнья
Услышу отъ васъ.

Около нея всегда былъ и собственный кружокъ пріятелей и пріятельницъ, изъ того же литературнаго міра: сибиряки Ядринцевы, издатели И. Скворцовъ и Шеллеръ, поэты Хрущовъ-Сокольниковъ, Сапѣнца, Щедровъ, Кругловъ, Родіоновъ, романистки Назарьева, Дубровина и т. д.

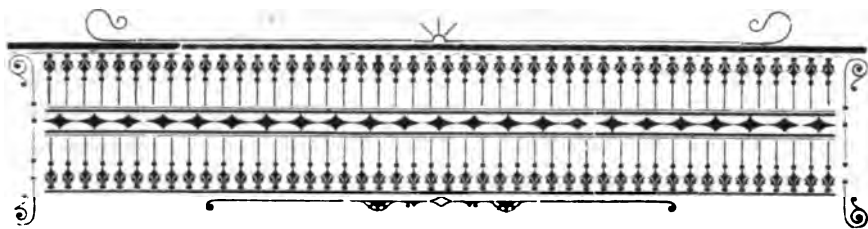
„Это было самое счастливое время моей жизни,—писала мнѣ Симонова незадолго до своей смерти.—Мнѣ казалось тогда, что я не живу, а горю. Около меня въ свою очередь собирались молодые литераторы, художники, учащаяся молодежь, и я съ живымъ интересомъ относилась къ каждому новичку, его планамъ, его мечтамъ и начинаніямъ. Ихъ честные порывы придавали и мнѣ самой и жизнь, и бодрость. Мнѣ никогда не было скучно выслушивать ихъ рукописныя сочиненія, и я по возможности старалась быть полезна имъ своимъ уже прибрѣтеннымъ опытомъ.

Вполнѣ заслуженной характеристикой для покойной писательницы служить стихотвореніе одного изъ нашихъ поэтовъ, посвященное Людмилѣ Христофоровнѣ при ея жизни:

Каждому правому дѣлу готово
Въ васъ и горячее честное слово.
Умное слово безъ фразъ,
И энергическій, сонныхъ будящій
Божією искрой во взоръ горящій,
Истинно женскій экстазъ.
Долгіе годы труда и печали
Силы энергій въ васъ не сломали,
Лишь закалили въ бою;
Эту-то свѣжесть и чувствъ, и сознанія,
Юморъ безъ признаковъ нотки брюзжанія,
Я въ васъ душевно люблю.

А. И. Фаресовъ.

Отъ Сингапура до Владивостока.

(Изъ воспоминаній моряка о плаваніи на крейсеръ «Африка» ¹⁾).

ГЛАВА II.

3-го августа крейсеръ „Африка“ подошелъ къ Сингапуру. Приближаясь къ нему, надо проходить сравнительно узкимъ каналомъ между множества острововъ различной величины, покрытыхъ роскошной тропической растительностью. Это замѣчательно живописный видъ. Крейсеръ подвигается узкимъ фарватеромъ, обставленнымъ баканами, фонарями и другими знаками, а кругомъ встаетъ точно волшебная панорама — появляются все новые и новые прелестные островки, заросшіе чудными саговыми пальмами, кокосами и какими-то до сихъ поръ невиданными кустарниками. Справа на скалѣ высится стройный маякъ, а впереди по направлению къ Сингапуру виднѣется довольно высокій холмъ, только на самомъ верху покрытый группой роскошныхъ пальмъ.

По принятіи лодмана прошли на рейдъ болѣе широкимъ проходомъ. Существуетъ еще другой, болѣе узкій и при томъ болѣе живописный между берегомъ и островами, покрытыми араукаріями и другими породами тропическихъ растений, въ густой зелени которыхъ скрываются европейскія бенгалуу — дома тропическаго типа. Около берега раскинуты малайскія деревни на сваяхъ, одна изъ нихъ носитъ названіе Танджонгъ-поо, дающая имя докамъ, вырытымъ недалеко отъ пристани Нью-Харбургъ.

¹⁾ См. «Русск. Стар.», май 1908 г.

На другой день крейсеръ перешелъ къ вышеупомянутой пристани для погрузки угля; эта пристань, построенная на сваяхъ, тянется на большое разстояніе, давая возможность грузиться нѣсколькимъ судамъ одновременно.

Уголь заказали съ вечера, а потому тотчасъ по установкѣ крейсера у пристани явились китайцы, быстро устроили приспособленіе для бѣганья на судно съ корзинками угля, и работа закипѣла. У каждой сходни утѣлся китаецъ, отмѣчавшій палочками въ книжкѣ корзину угля, вносимую на судно, и выдававшій по два цента за нее носильщикамъ—кули. Китайцы замѣчательно быстро ходятъ съ корзинами и возвращаются обратно за новыми, дѣлая все безъ суетни, но зато отравляютъ воздухъ смѣсью кокосоваго масла съ касторовымъ и чеснокомъ.

Въ виду ожидавшагося скораго окончанія погрузки угля насъ отпустили только не надолго погулять около складовъ угля. Не смотря на это, мы успѣли пробраться къ горамъ, полюбовались вблизи тропической растительностью—все было намъ интересно какъ зелень, такъ и хижины малайцевъ, китайцевъ и другихъ національностей. Накупили ананасовъ, кокосовъ, съ которыми не могли справиться, и массу другихъ незнакомыхъ фруктовъ. Впослѣдствіи мы пробовали кокосы, но многимъ они не понравились, зато мангустаны замѣчательно вкусный фруктъ; своей формой съ дѣленіями похожъ на мандаринъ; его особенность та, что пористая оболочка дѣлаетъ этотъ фруктъ прохладнымъ—качество особо цѣнное въ жаркомъ климатѣ.

Къ вечеру попали все-таки въ городъ. Сначала проѣхали мимо хижинъ у пристани, затѣмъ въѣхали на шоссе, идущее къ болотистому лѣсу. На всемъ протяженіи шоссе стоятъ фонари, зажигающіеся вечеромъ, и прокопаны канавы для осушенія почвы.

Черезъ нѣсколько времени въѣхали на главную улицу, проходящую черезъ весь Сингапуръ и мѣняющую по участкамъ свое названіе: до моста она называется Соутъ-бриджъ, затѣмъ Кафедральной, Викторіей и др.

До моста зданія преимущественно торговые, большею частію двухъ-этажныя съ галлеріями въ каждомъ этажѣ. Внизу лавки или конторы, на верху жилыя помѣщенія. У китайскихъ лавокъ красуются оригинальныя вывѣски, состоящія изъ шестовъ съ длинной вертикально повѣшенной доской.

Мостъ перекинутъ черезъ каналъ наполненный джонками, въ которыхъ китайцы живутъ со своими семьями, не имѣя другого жилища.

День нашего съѣзда на берегъ совпалъ съ китайскимъ праздникомъ „злого духа“, котораго они въ этотъ день стараются умиротворить. По пути всей компаніей заѣхали въ гостиницу „Европа“ освѣжиться прохладнымъ питьемъ, тутъ мы и узнали объ этомъ праздникѣ.

— Господа, ѣдемъ духа умиротворять, предложилъ одинъ изъ обстоятельныхъ мичмановъ.

— Да мы-то чѣмъ провинились передъ нимъ?

— Ахъ, господа, надо быть дальновиднѣе! какъ вы не хотите понять, что духъ можетъ забраться въ наше начальство, и тогда „клади шапку подъ орудіе“¹⁾.

— Вотъ нашелъ объ чемъ заботиться!

— А что?

— Да, вѣдь ваканція занята.

— Ну, тогда надо ѣхать, чтобы навести справки, нельзя ли уже сидящаго духа пригласить сюда въ гости, да и оставить тутъ.

Перебравъ нѣсколько комбинацій, мы рѣшили ѣхать поучиться у китайцевъ искусству умиротворять злого духа для примѣненія на суднѣ.

Весь кварталъ горѣлъ массой разнообразныхъ огней, начиная со свѣчей, лампъ и кончая кучами сухого тростника. Около храма стояли столы съ красиво убранными цвѣтами яствами, приносимыми китайцами въ даръ. Эти яства раздаются около полуночи бѣднымъ жителямъ. Въ веселіи повсюду не было недостатка—вездѣ музыка на флейтахъ, мѣстами заглушаемая шумомъ гонговъ и барабановъ. Надо замѣтить, что весь вечеръ китайскіе дома были открыты и на столахъ виднѣлись угощенія для гостей, а можетъ быть и на случай посѣщенія злого духа. Проходя мимо китайскихъ домовъ, нельзя было не обратить вниманія на внутреннее устройство жилища и наружныя двери, которыя у богатыхъ китайцевъ дѣлаются изъ хорошаго дерева, ажурныя, украшенныя рѣзбой. Противъ входа у стѣны одного изъ домовъ мы увидѣли алтарь—узкій, длинный столикъ, покрытый кругомъ рѣзбой, лакомъ и позолотой. Надъ столикомъ виситъ изображеніе бога, задрапированное матеріей въ видѣ балдахина, все вышито драконами и украшено талисманами, сдѣланными изъ бумаги въ формѣ сердецъ. На столѣ стоитъ курильница, пара подсвѣчниковъ, вазочки съ цвѣтами и фарфоровая чашка съ рисомъ для бога. Посреди комнаты обѣденный

¹⁾ Матросское выраженіе—одинъ матросъ, придя въ отчаяніе въ какомъ-то случаѣ, сказалъ, что ему ничего не остается дѣлать, какъ только «положить шапку подъ орудіе».

столъ, кругомъ по стѣнамъ стулья съ прямыми спинками, а надъ ними заклинанія, написанныя на длинныхъ бумажныхъ лентахъ. Позднее время заставило вернуться на крейсеръ, и продолжать осмотръ Сингапура пришлось, съѣхавъ на берегъ съ рейда послѣ погрузки углемъ.

Должно быть, мы плохо учились у китайцевъ, какъ заклинать духа, такъ какъ пріѣхавъ на судно попали въ такую передѣлку, какія рѣдко бываютъ, а все за то, что уѣхали въ городъ съ погрузки угля.

— Какой толкъ было ѣздить на китайскій праздникъ!

— А вы вѣдь не научились у китайцевъ, и небось никого не спросили?

— Когда же было, у насъ мало времени было въ распоряженіи.

— Ну, такъ нечего и пенять.

Главная цѣль нашей поѣздки была прогулка въ Ботаническій садъ. Дорога идетъ между загородными садами, окружающими европейскія дачи, китайскія фанзы и малайскія хижины. Вправо въ зелени виднѣется дворецъ губернатора, по англійскому обыкновенію, прекрасной постройки съ балконами, террасами и многочисленными службами. Сады и рощи со стороны дороги отгорожены изгородью изъ перистой мимозы, за которой въ изобиліи высятся разнообразныя пальмы, изъ нихъ особенно красивы вѣрныя. Часто встрѣчаются плодовые деревья—мандарины, мангустаны, мангу, папелымусы, но больше всего кокосовъ.

Наконецъ живописная дорога развернулась въ площадь, и мы подъѣхали къ воротамъ желѣзной ограды сада. Онъ довольно обширный, наполненъ почти всѣми сортами растительности Азіи, остъ-индскаго и японскаго архипелаговъ, даже кедры, ель и лиственница нашли себѣ здѣсь мѣсто.

Внутри сада проведены дорожки, устроены клумбы и газоны. Одинъ уголокъ сада отведенъ подъ зоологію, правда, тутъ немного звѣрей и птицъ, но есть очень красивые экземпляры.

Пріятная прогулка въ Ботаническій садъ содѣйствовала усиленію аппетита, почему мы отнеслись довольно неразборчиво къ меню обѣда, состоявшаго изъ мяса зебу, риса съ соусомъ кэрри и ѣдкими приправами и другихъ т. п. кушаньевъ, зато и были наказаны: когда подали знаменитое кэрри, совершенно намъ не знакомое, нѣкоторые взяли ѣдкой приправы больше, чѣмъ слѣдуетъ; но только взяли въ ротъ, какъ ужасъ изобразился на ихъ лицахъ—приправа сожгла ротъ, проглотить страшно, а уйти не ловко. Это критическое положеніе вызвало общій смѣхъ, а у насъ досаду.

12 августа ушли изъ Сингапура, конвоируя пароходъ „Барце-

лона“ съ военнымъ грузомъ. Въ описываемое нами время пароходы, зафрахтованные правительствомъ для доставки военного груза во Владивостокъ, обязательно сопровождались военными судами въ цѣляхъ безопасности плаванія и сохранности груза. На каждомъ пароходѣ находился флотскій офицеръ (суперъ каргъ), сопровождавшій грузъ, а на нѣкоторыхъ кромѣ того совершали переходы офицеры съ семьями, назначенные для службы въ войскахъ Восточной Сибири.

Оба судна вышли изъ Сингапура при хорошей погодѣ и порядочно высокой температурѣ наружнаго воздуха. Было такъ тихо и спокойно, всё мы надѣялись, что погода установилась на долго; однако ужъ 15 августа при закатѣ солнца небо окрасилось въ темно багровый цвѣтъ, несомнѣнно указывающій на перемѣну погоды, а потому было отдано приказаніе приготовиться къ встрѣчѣ непріятнаго гостя Китайскаго моря—тайфуна, посѣщающаго эти мѣста въ нѣкоторые мѣсяцы по нѣсколько разъ. 17 августа при падающемъ барометрѣ съ утра задулъ вѣтеръ отъ сѣв. запада, рѣзко мѣнявшійся въ силѣ и сопровождаемый шквалами съ дождемъ и пасмурностью. Къ 2 часамъ дня вѣтеръ дошелъ до 8 балловъ и общее состояніе погоды начало принимать штормовой характеръ.

Въ 9 часовъ вечера вѣтеръ при падающемъ барометрѣ началъ мѣняться влѣво и къ 11 часамъ достигъ степени урагана. До 5 часовъ утра 18 августа при вѣтрѣ, перешедшемъ къ юго-западу, ураганъ дулъ съ наибольшей силой; волненіе и зыбь дошли до значительныхъ размѣровъ и наибольшіе розмахи достигали 40 градусовъ на сторону; палуба отъ набѣгавшихъ волнъ была все время въ водѣ. Вѣтеръ завывалъ въ снастяхъ, крейсеръ бросало какъ щепку, что-то трещало, гремѣло, однимъ словомъ, положеніе было ужасное. Такъ продолжалось до 6 часовъ утра, когда, наконецъ, барометръ тронулся вверхъ, сила урагана стала слабѣть, и къ 10 часамъ при вѣтрѣ, отошедшемъ къ югу, начало прояснивать. Въ полдень добавили парусовъ и взяли курсъ на сѣверъ. Тайфунъ былъ встрѣченъ въ широтѣ сѣверной $17^{\circ} 59'$ и долготѣ западной $114^{\circ} 30'$ въ 270 миляхъ отъ острова Гайнанъ. Благодаря искусному управленію и крѣпкой постройкѣ крейсера, тайфунъ не могъ совладать съ „Африкой“, не досталась она ему, но потрепало ее таки порядочно, причинивъ не мало бѣдъ.

Во время урагана волной разбило катеръ, сломало лафетъ у орудія, два спасательныхъ буя, разорвало штормовые паруса и помяло второй катеръ, не считая другихъ болѣе мелкихъ поврежденій.

Мнѣ пришлось стоять вахту, будучи привязаннымъ къ поручню, держась одной рукой, и мѣняя положеніе ногъ сообразно наклоненію мостика, другой же рукой закрывалъ по очереди каждую сторону лица, такъ какъ боль отъ дождя, ударявшагося съ большою силой, была невыносима.

Съ каждымъ размахомъ судна волны обдавали съ головы до ногъ, и за четырехъ- часовую вахту на мнѣ не осталось сухой нитки; впрочемъ, это нисколько не мѣшало бодрому, даже веселому настроенію духа.

Спокойствіе командира, сумѣвшаго вдохнуть въ насъ увѣренность и бодрость, передавалась и на команду.

Стоишь на мостикѣ въ такой ужасной обстановкѣ, а самому и больно отъ дождя и смѣшно смотрѣть при видѣ вахтенныхъ матросовъ, которые прилагали невѣроятныя усилія, чтобы въ промежуткѣ между работами, танцевать подъ гармонику, около полубака, куда попадали только брызги, ихъ комическія движенія для сохраненія равновѣсія заставляли повременамъ хохотать отъ души.

По окончаніи вахты командиръ обратился ко мнѣ со словами: „вы все равно промокли, такъ сходите посмотрѣть, что дѣлается на кормѣ“. Задача оказалась не такой легкой, какъ кажется: чтобы пройти 150 футовъ, потребовалось полчаса времени. Сдѣлаешь нѣсколько шаговъ, а сбоку въ это время поднимается водяная стѣна; надо скорѣй хвататься за что-нибудь солидное въ обхватъ руками и подставить спину, закрывъ глаза. Стѣна обрушивается, покрываетъ всего на нѣсколько мгновеній, и только-что вода стекла съ головы, сдѣлаешь нѣсколько шаговъ впередъ, какъ получаешь душъ съ другой стороны и такъ весь путь до кормы и обратно. Внизу въ палубахъ и каютъ-компаніи о какомъ-либо комфортаѣ и думать было нечего—повсюду едва успѣвали откачивать воду.

До урагана свѣтлый люкъ надъ каютъ-компаніей закрыли глухимъ люкомъ, покрыли чехломъ, сверху положили брезентъ и забили досками, но волна ловко сдернула всѣ прикрытія, и вода полилась каскадомъ внизъ, наполняя каюты, пианино и обмывая мебель; къ довершенію всего, многіе ящики выскочили изъ шкаповъ, поплыло тутъ офицерское имущество, скоро принявъ не соответствующій ему видъ, начиная съ крахмальныхъ сорочекъ. Офицеры по-смѣнно работали въ палубахъ, а свободные отдыхали на скамейкахъ въ каютъ-компаніи, при чемъ приходилось упираться то головою, то ногами. Несмотря на переживаемыя тяже-

лыя минуты, запасъ шутокъ не истощался, только докторъ ворчалъ на насъ: „такое страшное время переживаемъ, а вы смѣетесь, какъ вамъ не стыдно“. Конечно это больше подзадаривало насъ, пошли поддразниванія и разные остроты.

Когда на другой день стихло, на моей вахтѣ было отдано приказаніе открыть люки. Команда высыпала на верхъ, и всѣ какъ одинъ, снявъ фуражки, перекрестились, благодаря Бога за спасеніе отъ угрожавшей опасности.

Нашъ компаніонъ, пароходъ „Барселона“, отдѣлялся также довольно благополучно, только одинъ матросъ сломалъ ногу: съ парохода меня объ этомъ увѣдомили сигналомъ; тогда командиръ, несмотря на большую еще не улегшуюся зыбь, послалъ врача, а какъ ему не хотѣлось ѣхать!

23 августа благополучно пришли въ Нагасаки.

Живописная Японія начинаетъ уже сказываться при приближеніи къ южной оконечности крайняго изъ острововъ Гото: очень гористый, онъ весь покрытъ зелеными полосами риса и красивой зеленью. Черезъ нѣсколько времени открывается возвышенность огромнаго острова Кіу-Сіу, затѣмъ показывается бѣлый маякъ у входа на рейдъ, или вѣрнѣе у входа въ заливъ, которымъ начинается входъ въ Нагасаки. Пройдя по заливу мимо нѣсколькихъ маленькихъ острововъ, крейсеръ повернулъ у острова Токобоко, извѣстнаго болѣе подъ названіемъ Папенберга, и черезъ небольшой промежутокъ времени вошелъ во внутренній рейдъ. Островъ Папенбергъ покрытъ хвойными деревьями, одна сторона его оканчивается крутымъ обрывомъ, съ котораго, по преданію, японцы сбросили миссіонеровъ и ихъ послѣдователей.

Внутренній рейдъ занимаетъ пространство въ одну милю шириною и четыре мили длиною; онъ защищенъ отъ вѣтровъ съ трехъ сторонъ высокими горами, покрытыми рисовыми полями, въ видѣ террасъ, кустарниками, хвойными деревьями и бамбуками. Горы носятъ названія: на западной сторонѣ Иноса-Таке, на восточной горная группа Хико-санъ и Хоква-санъ, а на сѣверной—гора Кампира. Общій видъ Нагасакской бухты чрезвычайно живописенъ и даетъ много разнообразныхъ чудныхъ пейзажей. На рейдѣ мы застали крейсеръ „Азія“ подъ флагомъ контръ-адмирала барона О. Р. Штапельберга.

На смѣну недавнихъ воспоминаній о роскошной тропической природѣ и жизни различныхъ народовъ — явились опять новыя впечатлѣнія, произведенныя видомъ уютныхъ пейзажей и своеобразной жизнью незнакомаго намъ народа. Мы много читали о

Японіи на разныхъ языкахъ, но описанія не даютъ яснаго представленія о странѣ, и только личное знакомство можетъ пополнить картину. Въ посѣщенныхъ нами странахъ безусловно много оригинальнаго, но всюду встрѣчается насажденіе англійской цивилизаціи: вездѣ европейскіе дома, коляски, прекрасно устроенные сады и т. п., здѣсь же, т. е. въ Японіи все ново, начиная со способовъ передвиженія.

Для сообщенія съ берегомъ существуютъ такъ называемыя „фунэ“—плоскодонныя шлюпки съ рубкой, очень удобной для лежанья, но если приходится сидѣть, то нужно сгибаться въ три погибели. Не дурна была бы шлюпка, если бы при движеніи посредствомъ одного весла не было мотанья изъ стороны въ сторону, доходящаго почти до отрыванія головы отъ плечъ. Несмотря, однако, на эти особенности шлюпокъ, офицеры нанимали ихъ по-мѣсячно; хозяинъ фуне не имѣлъ права уйти безъ разрѣшенія, хотя бы пришлось стоять на якорѣ у крейсера день и ночь. Конечно, мы ихъ отпускали по минованіи въ нихъ надобности, назначая время возвращенія. Въ прежніе годы это удобство оплачивалось необыкновенно дешево, но съ теченіемъ времени и подъ вліяніемъ цивилизаціи цѣны возросли баснословно. Способъ передвиженія на берегу тоже очень оригиналенъ: вмѣсто экипажей, запряженныхъ лошадьми, имѣются джигерикши—легкія двухъ-колесныя колясочки, везомыя однимъ человѣкомъ (курума). Только при поѣздкахъ на большія разстоянія, въ горы, или для большей скорости нанимаютъ добавочнаго человѣка (атоси), толкающаго колясочку сзади. Костюмы курумы мѣняются сообразно погодѣ, начиная съ самаго упрощеннаго въ жаркое время и кончая дождевикомъ, сдѣланнымъ изъ соломѣ, концы которой торчатъ точно иглы ежа, можно подуматъ также, что курума накинулъ себѣ на плечи крышу нашей деревенской избы.

Знакомство съ Нагасаки начали не съ самаго города, а съ деревни Иноса, лежащей на другой сторонѣ бухты. Здѣсь наше правительство, въ виду частыхъ заходовъ и стоянки русскихъ судовъ арендовало участокъ земли у г. Сига и возвело нѣкоторыя постройки, какъ-то: лазаретъ, шлюпочный сарай для почивки и окраски шлюпокъ и баню для офицеровъ и команды. Намъ пришлось отвезти въ лазаретъ гардемарина Раковича, который былъ во время тайфуна сброшенъ парусомъ на палубу; послѣдствіемъ чего былъ параличъ ногъ.

Хозяинъ участка, православный японецъ Александръ Алексѣевичъ Сига, бывшій секретарь японской миссіи въ С.-Петербургѣ, живетъ не далеко отъ своихъ владѣній. Его домъ можно было изъ

дали узнать по вывѣшенному у одного изъ оконъ мундиру. По этой нѣсколько оригинальной примѣтѣ русскіе офицеры всегда безошибочно находили домъ г. Сига, когда шли къ нему въ гости.

Самая Иноса—деревня раскинута по склону горы и состоитъ изъ одной главной улицы и переулочковъ. Дома деревянные съ открытыми галлереями, закрывающимися особыми рѣшетчатыми щитами съ наклееной бумагой. Ниже главной улицы на набережной стоятъ небольшіе домики, окруженные миниатюрными садиками. На верху горы построена гостиница, которую офицеры не знаю почему прозвали „холодный домъ“; въ нее не допускались никакіе посѣтители кромѣ русскихъ офицеровъ. Съ террасы этой гостиницы открывается чудный видъ на Нагасаки, бухту и окрестности, терраса окружена садомъ съ разнообразной зеленью и массой цвѣтовъ. Прогулка по Иносѣ была бы не закончена, если бы мы пропустили русское кладбище. На одномъ участкѣ помѣщаются три кладбища: русское, голландское и японское. Самое красивое—это русское, оно все обсажено кипарисами, соснами, туями и другими деревьями, могилы хорошо содержатся заботами консульства Японскіе бонзы ближайшаго храма, какъ намъ рассказывали, всегда ходятъ молиться объ усопшихъ въ тѣ дни, когда это полагается по правиламъ ихъ религіи, и украшаютъ могилки цвѣтами.

30 августа пришелъ въ Нагасаки адмиралъ Лесовскій со своимъ штабомъ, перебрался на крейсеръ „Африка“, который гордо поднималъ флагъ уважаемаго адмирала при громкомъ салютѣ судовъ, стоявшихъ на рейдѣ. На другой день состоялось засѣданіе адмираловъ и командировъ вмѣстѣ съ нашимъ посланникомъ въ Токио К. В. Струве, прибывшимъ къ этому времени на крейсеръ „Забіяка“.

Намъ, молодежи ужасно, хотѣлось знать, о чемъ толкуетъ начальство, будетъ ли война, какія политическія осложненія, долго ли простоемъ въ Нагасаки, куда пойдемъ и т. д., но предметъ засѣданій и рѣшенія, принятія въ нихъ, строго соблюдались въ тайнѣ, зато въ каютъ-компаніи дѣлали массу своихъ предположеній и рѣшили судьбу чуть не всѣхъ государствъ. Единственную новость мы узнали изъ приказа, а именно, раздѣленіе эскадры на отряды, это для насъ былъ важный вопросъ: мы волновались, кто подниметъ у насъ флагъ, когда командующій морскими силами перейдетъ на крейсеръ „Европа“—приказъ насъ успокоилъ.

Раздѣленіе было слѣдующее:

Крейсеръ „Европа“, флагъ вице-адмирала Лесовскаго.

1-й отрядъ.

Крейсеръ „Африка“ — флагъ контръ-адмирала барона О. Р. Штакельберга.

фрегатъ „Мининъ“.

клипера: „Джигитъ“,
 „Стрѣлокъ“,
 „Наѣздникъ“,
 „Пластунъ“.

2-й отрядъ.

Крейсеръ „Азія“ — флагъ контръ-адмирала Асланбегова.

флегатъ „Князь Пожарскій“.

клипера: „Крейсеръ“,
 „Разбойникъ“,
 „Абрекъ“,
 „Забіяка“.

Такой составъ эскадры казался намъ очень грознымъ, мы не только не боялись войны, но ждали ее съ радостью, будучи увѣрены въ своей силѣ и опытности нашихъ руководителей.

Пока начальство рѣшало важные вопросы, не спрашивая нашихъ мнѣній, мы ѣздили на берегъ осматривать по очереди отдѣльныя части города. Прежде всего посѣтили кварталъ Децима. Въ него надо ѣхать по набережной мимо европейскихъ домовъ, совершенно укрытыхъ зеленью полисадинокъ; оставивъ въ сторонѣ старую китайскую факторію съ длинными флагштоками и переѣхавъ черезъ мостъ, попали на островокъ, на которомъ помѣщалась голландская факторія Децима, основанная въ 1638 году и прекратившая свою дѣятельность въ 1853 году, т. е. въ годъ открытія порта Нагасаки для судовъ всѣхъ націй.

Отъ факторіи осталась только кирка и зданія голландскаго и германскаго консульствъ.

Собственно главною цѣлью нашей поѣздки былъ магазинъ фарфоровыхъ издѣлій, въ которомъ мы, дѣйствительно, нашли громадный выборъ вазъ и сервизовъ, чрезвычайно изящной работы, съ изображеніями птицъ и цвѣтовъ.

Изъ Децима проѣхали вверхъ по горному потоку въ Накашиму — эта часть города, расположенная у подножья горы — чрезвычайно

живописна, начиная съ береговъ потока и кончая далекими перспективами окружающихъ горъ. Въ Накашимѣ живетъ фотографъ Уэно, обладающій большимъ выборомъ фотографическихъ видовъ Японіи, а въ приѣмной комнатѣ въ альбомахъ и въ рамкахъ на стѣнахъ можно встрѣтить массу портретовъ знакомыхъ русскихъ офицеровъ, считающихъ долгомъ непременно сняться у него по приходѣ въ Нагасаки.

Недалеко отъ фотографіи надъ обрывомъ увидѣли памятникъ глубокой японской старины. Это священный фонарь, составленный изъ грубыхъ плитъ и кусковъ дикаго камня. Онъ похожъ на два гриба, поставленныхъ одинъ надъ другимъ. Ножкой верхняго гриба служить выточенный внутри каменный шаръ съ двумя отверстиями съ противоположныхъ сторонъ, онъ служитъ для помѣщенія лампы.

Напротивъ фонаря стоитъ буддѣйская часовня, въ которой показываютъ интересную древнюю статую лежащей коровы, отлитой почти въ половину натуральной величины изъ темной бронзы, статуя удивительно хорошо сдѣлана и, повидимому, прекраснаго металла.

Побывавъ въ нѣкоторыхъ магазинахъ, пріѣхали въ магазинъ черепаховыхъ издѣлій, наиболѣе посѣщаемый моряками всѣхъ націй; хозяина его, Изаки, русскіе называютъ „черепаха-человѣкъ“. Никто не уходитъ изъ магазина, не купивъ что-нибудь, хотя цѣны нельзя назвать дешевыми. Надъ входомъ въ магазинъ помѣщается деревянная божница съ рѣзными фигурами двухъ боговъ:

Цзянь-сю, генія покровителя отъ пожаровъ и воровъ.

Умино-ками, покровителя моряковъ.

Осматривая храмы и встрѣчая въ лавкахъ статуи различныхъ боговъ, мы, конечно, заинтересовались свѣдѣніями о нихъ и намъ удалось познакомиться съ кое-какою характеристикою боговъ религіи Синто:

1. Будда — изображается сидящимъ на лотосѣ и благословляющимъ міръ.

2. Бентинъ—одна изъ семи геніевъ домашнего счастья, наиболѣе почитаемая, представляетъ идеалъ женщины, семьи, гармоніи и моря, какъ элемента, доставляющаго Японіи питаніе.

3. Шіу-Ро, геній долгоденствія, пользуется одинаковыми пра-

вами съ Бентенъ. Онъ изображается съ огромнымъ открытымъ лбомъ, который у него выросъ во время долготѣней его жизни отъ размышлений, наблюдений и соображений надъ явленіями жизни физической и духовной. Его атрибуты — журавль и черепаха — эмблема долговѣчности.

4. Гибисъ—рыбакъ, братъ солнца, заботится о питаніи и хлѣбѣ для страны, изображается съ довольной улыбкой и удочкой въ рукахъ, изображеніе очень подходящее къ нынѣшнимъ временамъ: довольная улыбочка — отъ удачной поставки хлѣба въ голодающія мѣстности, а удочка—для ловли рыбы въ мутной водѣ.

5. Тосси-Теку—геній талантовъ, старецъ покровитель дѣтей, изобрѣтатель игръ и издѣлій изъ бумаги.

6. Бизжамонъ — богъ славы, чтимый военными, самураями, чиновниками, поэтами и писателями.

7. Готей — олицетворяетъ внутреннее довольство среди бѣдности и лишеній, геній поселянъ.

Вѣроятно его девизъ: „съ милымъ рай въ шалашѣ“.

8. Дайкокъ—купеческій идеалъ, толстоухій, тучный, богъ матеріальныхъ богатствъ.

Должно быть, отъ него пошли толстые кушцы съ тугимъ ухомъ къ нуждамъ обывателей.

Наше первое знакомство съ Нагасаки ограничилось этими достопримѣчательностями, тѣмъ болѣе, что одинъ день пришлось сидѣть по судамъ по случаю шторма съ дождемъ; на рейдѣ образовалась каша изъ сорванныхъ съ якорей шлюпокъ, имъ оказывали помощь шлюпки съ военныхъ судовъ.

4 сентября крейсеръ „Африка“ съ командующимъ морскими силами ушелъ въ Чифу, гдѣ стояли на рейдѣ иностранныя эскадры со своими адмиралами. По обычаю, вновь прибывшій адмиралъ долженъ сдѣлать визиты и познакомиться со своими коллегами.

Прибывъ 6 сентября въ Чифу, мы застали слѣдующія суда:

1. Англійскую эскадру подъ флагомъ вице-адмирала Кутъ на яхтѣ „Виджилентъ“, корветъ „Модестъ“, „Энкаунтеръ“, „Альбатросъ“ и лодку „Лили“.

2. Французскую эскадру подъ флагомъ контръ-адмирала Дюперре на корветѣ „Темисъ“, корветъ „Керкелянъ“ и авизо.

3. Германскую — съ начальникомъ отряда Цирцовъ, онъ же командиръ корвета „Винета“, корветъ „Фрея“, лодки: „Циклопъ“ и „Вольфъ“.

4. Представителями американцевъ были: пароходъ „Ашелотъ“ и лодка „Алертъ“.

5. Испанцевъ—корветъ „Донна Марія де Молина“.

6. Китайцевъ—лодка „Тай-анъ“.

Изъ русскихъ судовъ здѣсь находилась въ качествѣ станціонера лодка „Нерпа“.

Съ самаго нашего прихода не переставалъ дуть сѣверный вѣтеръ, прекращающій или по крайней мѣрѣ затрудняющій сообщеніе съ берегомъ, и потому намъ удалось попасть въ городъ только одинъ разъ.

Чифу расположенъ по берегамъ двухъ бухтъ, между которыми выдвигается гористый полуостровъ. Въ правой бухтѣ (если смотрѣть съ рейда) обыкновенно пристають всѣ шлюпки, здѣсь на берегу помѣщается таможня, которая функціонируетъ подъ управленіемъ англичанина, состоящаго подъ начальствомъ главнаго директора китайскихъ таможенъ сэра Роберта Гарта. Невдалекѣ находятся угольные склады, для снабженія приходящихъ судовъ.

Берега лѣвой бухты песчаные, образуютъ отличный пляжъ для купанья въ морѣ, охотно посѣщаемый любителями въ лѣтнее время. Здѣсь же помѣщается клубъ и двѣ гостиницы; существуетъ еще третья на этомъ же берегу, но порядочно далеко отъ города, она служитъ главнымъ образомъ пансіономъ для пріѣзжающихъ въ Чифу на лѣто.

На мысу между бухтами возвышается круглый холмъ, носящій названіе „Янтай“ (Янь-тау), хотя англичане зовутъ Тоуеръ-поэнтъ, вѣроятно по пирамидной башнѣ, служащей наблюдательнымъ пунктомъ за движеніемъ судовъ на рейдѣ. На этомъ мысу красуются европейскіе дома, отвѣчающіе своею постройкой условіямъ жаркаго климата. Одинъ изъ лучшихъ домовъ принадлежитъ А. Д. Старцеву извѣстному русскому коммерсанту, проводящему лѣто въ Чифу. Зашли, конечно, къ нашему поставщику Сіатасъ и К, въ магазинъ котораго можно найти что угодно.

Къ юго-западу отъ мыса расположенъ китайскій городъ, состоящій изъ нѣсколькихъ улицъ, наполненныхъ грязью и лужами, съ убійственнымъ запахомъ.

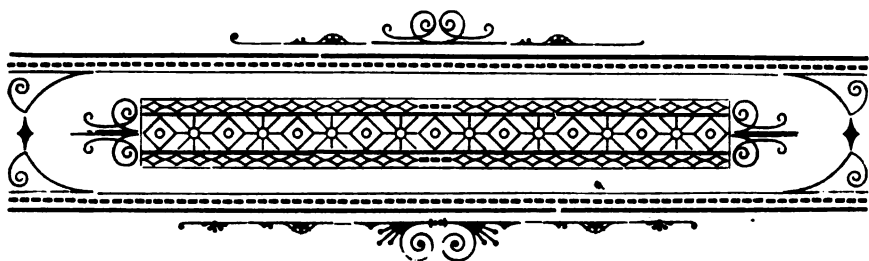
Недостатокъ времени и дурная погода заставили рано вернуться на судно, къ тому же визитныя церемоніи приходили къ концу, и адмиралъ долженъ былъ вернуться въ Нагасаки, куда мы и ушли 9 сентября. Съ удовольствіемъ покинули неприглядные берега Чифу; всѣ торопились въ теплый и уютный уголокъ Японіи, но и тамъ пробыли не долго—адмиралъ спѣшилъ во Владивостокъ, гдѣ ожидали его распоряженій.

Нашъ уходъ изъ Нагасаки состоялся 14 сентября.

В. Рудневъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Ермолафія“ А. М. Тургенева.

Александръ Михайловичъ Тургеневъ (1772—1862), военный и гражданскій дѣятель, извѣстенъ своими „Записками“ (печатавшимися въ „Русской Старинѣ“) и тѣсной дружбой съ В. А. Жуковскимъ ¹⁾. Какъ цѣнилъ его знаменитый поэтъ, видно изъ одного письма къ нему, гдѣ Жуковскій говоритъ: „я еще не писалъ къ тебѣ о томъ, что было со мною ²⁾“, къ тебѣ, который принималъ въ судьбѣ моей такое живое братское участіе, къ тебѣ, котораго люблю какъ вѣрнаго друга, уважаю какъ лучшаго и самаго чистаго изъ людей... Знай, что не проходило дня, въ который бы я о тебѣ не думалъ съ любовью, въ который бы не желалъ всѣмъ сердцемъ, чтобы ты былъ свидѣтелемъ моей семейной жизни... До сихъ поръ я все твой по-прежнему, и на всю остальную жизнь“... Это была дѣйствительно святая, благородная личность.

Жуковскій, который самъ умѣлъ шутить и смѣяться, какъ никто другой, цѣнилъ въ характерѣ Тургенева его любовь къ юмору и способность понимать комическое. Рѣдко гдѣ такъ смѣялись, какъ въ

¹⁾ Записки Тургенева печатались въ „Русской Старинѣ“ 1885 г. т. 47, 48; 1886 г., т. 49, 52; 1887 г., т. 53; 1889 г., т. 61, 62; 1895 г., т. 84. Переписка его съ Жуковскимъ напечатана также въ „Русск. Стар.“ 1892 г., ноябрь, и 1892 г., январь. Его дневникъ 1837 г. и замѣтку о немъ помѣстилъ К. Я. Гротъ, въ изданномъ академіей наукъ сборникѣ «Памяти Жуковскаго и Гоголя», вып. I, Спб., 1907, отд. 2-ой. См. также «Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу» изд. «Русск. Архива», М., 1895, стр. 248.

²⁾ О своей женитьбѣ.

кружкѣ Жуковскаго, А. А. Плещеева, Свѣчина, А. М. Тургенева. Для этихъ шутокъ и забавныхъ сочиненій былъ подобранъ особый терминъ—ермолафія, и Жуковскій часто называлъ своего друга „ермолафомъ“. Это семинарское слово, которое значитъ „много-словная болтовня, чепуха, дребедень“¹⁾. Этимъ словомъ Тургеневъ любилъ озаглавливать всѣ свои произведенія; такъ называлъ онъ свои извѣстныя записки и одно любопытное обращеніе къ Жуковскому; въ послѣднемъ онъ также называетъ ермолафіей длинную дворянскую родословную („у тебя нѣтъ трехсаженной поколѣнной ермолафіи“), а себя самого—ермолафомъ²⁾.

Печатаемая нами „Ермолафія“³⁾ писана въ обычномъ А. М. Тургеневу добродушно-веселомъ тонѣ. Разсказъ интересенъ типическими и смѣшными сторонами стараго русскаго помѣстнаго быта и оригинальнымъ языкомъ. Трудно сказать, „сочиненіе“ ли это самого Тургенева; быть можетъ, онъ воспользовался разсказомъ, который ему дѣйствительно повѣдалъ бѣдный „бездушный Гидалго“, или слышаннымъ анекдотомъ, но литературное авторство Тургенева несомнѣнно: „Ермолафія“ отражаетъ всегдашній юморъ и тонкую, добрую иронию А. М. Тургенева.

Н. Л.

„Ермолафія“.

Трусь часто дѣлаетъ вреда, нежели смѣлый! Трусь причиною, что я вмѣсто богача ничего не имѣющій Гидалго—то есть дворянинъ бездушный. Когда трусь причинилъ мнѣ сіе величайшее зло, котораго подъ солнцемъ болѣе не бываетъ и никогда не будетъ? Это совершилось за сто передъ сямъ лѣтъ, тогда, какъ отецъ мой не родился еще!—Вы подумаете—я въ горячкѣ, брежу, порю дичь, сумбуршину или просто я рехнулся, разсудокъ мой спрыгнулъ съ грядки своей. Нѣтъ! отнюдь нѣтъ, имѣйте терпѣніе, слушайте, и, когда выслушаете, вы скажете, что я не сумасшедшій. За сто лѣтъ прадѣдъ мой былъ сильный, могучій бояринъ; на берегахъ рѣкъ Угры и Оки стояли 60 его селъ, и въ нихъ жило 13 тысячъ ему принадлежавшихъ крестьянъ; сверхъ сего ему же принадлежали два посада—Воротынъ да Брынъ. Все дошло бы

¹⁾ К. Я. Гротъ. цитир. сборн., отд. 2-ой, стр. 6.

²⁾ Тамъ же, 7.

³⁾ Съ писарской копіи, хранящейся въ Имп. Публичной Библіотекѣ (см. ея «Отчетъ за 1884 г.», стр. 51).

мнѣ по наслѣдству, есть ли бы проклятый, ничтожный трусъ не напроказилъ бѣдъ для меня за сто лѣтъ! У прадѣда моего былъ одинъ сынъ, мой дѣдъ; отецъ его любилъ, конечно, болѣе всего въ мірѣ. Какъ сынъ — не скажу вельможи, но боярина богача, дѣдъ мой былъ чѣмъ-то, что-то такое при дворѣ Царскомъ, въ числѣ тѣхъ, которыхъ не знаютъ, куда дѣтъ, что съ ними дѣлать, и которымъ позволяють носить шитый золотомъ кафтанъ — ходячая мебель — камергеръ!

Дѣда моего прадѣдъ мой поторопился женить, невѣсту сыскать было не трудно; ближайшая родственница близкаго Ц. . . графа Г. . . а вышла за дѣда. Слыхалъ преданія о свадебномъ пиру; прадѣдъ мой пировалъ три мѣсяца на радостяхъ, что Богъ сподобилъ его видѣть сына женатаго.

Прадѣдъ мой былъ, какъ говорятъ, стараго лѣса кочерга; ему было тогда отъ роду 94 года, какъ онъ, гнавшійся на охотѣ за лосемъ, кинулся за звѣремъ на конѣ въ рѣку Угру и зарѣзалъ лося охотничьимъ ножомъ! Охота у него была княжеская; двѣсти чловѣкъ садилось на коней, когда изволилъ выѣзжать въ поле, погулять, позабавиться. Сынъ его, мой дѣдъ, былъ также страстный охотникъ; поѣхавъ на полеваніе, и не въ дальномъ разстояніи отъ села, шли опушкою лѣса, вдругъ изъ куста роковой заяцъ. Всѣ поскакали травить зайца, мѣсто было усѣяно пнями, конь подѣдомъ спотыкнулся, — и блаженной памяти, царство ему небесное, дѣдушка мой такъ ловко ударился о пень грудью, что его подняли псаріи преселившагося въ жизнь вѣчную! Старикъ, отецъ дѣда, неутѣшно плакалъ. Молодая жена дѣда моего, бабка моя, какъ въ то время жены бояръ не приобрѣли еще познаній о истерикѣ, спазмахъ, обморокѣ, ревѣла во все горло, рвала себѣ волосы, билась головою не объ уголъ, а о подушку, не хотѣла жить въ мірѣ, но чрезъ годъ вышла за другого замужъ! Что дѣлать, идетъ старинная пословица, вѣроятно со временъ праотца Ноя: „жаль батька, а везть на погостъ“. То же сдѣлали и съ дѣдомъ моимъ, созвали изъ шестидесяти своихъ сель священники съ причты, изъ четырехъ монастырей пригласили архимандритовъ, изъ провинціи подняли самого владыку архіерея. При богатствѣ чего не придетъ на мысль! Погребеніе было пышное. Архіерей, архимандриты, священники, діаконы кричали успшему боярину вѣчную память такъ громко, что за версту было слышно отъ мѣста погребенія. Но покричали, покричали да опустили дѣда въ могилу. Отецъ мой, то есть сынъ дѣда моего, въ то время возрасталъ въ утробѣ матери — моей бабки, не дозрѣвъ еще; ему было семь мѣсяцевъ отъ посѣва. Чрезъ два мѣсяца старикъ прадѣдъ былъ несказанно обрадованъ

рожденіемъ внука, благодарилъ Господа за милость посланную. надѣялся, что родъ его не пресѣчется. Прошелъ годъ. Старикъ лелѣялъ птенца внука, угождалъ невѣстушкѣ; но бабка моя, какъ ни любила единственнаго сына своего, однако же, царство ей небесное, пресвѣтлый Рай, мѣсто прохладное, бабѣ захотѣлось вступить во второй бракъ. Событіе весьма естественное; баба молодая, жила съ мужемъ только семь мѣсяцевъ, — какъ было ей не захотѣть опять имѣть мужа? Но прадѣдушка мой прогнѣвался на невѣстку за такое желаніе ея!

Въ преданіяхъ о прадѣдѣ слыхалъ я, что онъ былъ человѣкъ большого ума, слылъ міросудомъ во всей области; къ нему съѣзжались бояре на судъ и расправу, — а свое-то дѣло не умѣлъ обсудить. Справедлива пословица: „чужую бѣду бобами разведу, а къ своей бѣдѣ ума не приложу!“ Бабка моя не послушала прадѣда, вступила во второй бракъ. Да когда женщина послушаетъ, когда чего захочетъ!

Прадѣдъ мой хотѣлъ младенца дѣда моего оставить у себя. Бабка моя никакъ на это не согласилась; какъ вѣрная мать, не хотѣла разстаться съ сыномъ. Но что сотворилъ умный прадѣдъ мой міросудъ? Ахъ! не тѣмъ будь помянуть, міросудъ поступилъ вовсе безразсудно. Злобствуя на невѣстку за ослушаніе, прадѣдъ мой 96 лѣтъ отъ роду вступилъ во второй бракъ! И всѣ его шестьдесятъ селъ на берегахъ Угры и Оки перешли продажею въ родъ второй жены его. Несчастный сирота отецъ мой остался безъ ничего. Прадѣдушка, скажу не обинуясь, поступилъ противъ внука своего какъ самый лютый злодѣй. Не вѣрю преданіямъ, что онъ былъ великаго ума человѣкъ. Нѣтъ, прадѣдъ мой, царствіе ему небесное, былъ скотина. Онъ, какъ говорить пословица, „осердясъ на вши, бросилъ шубу въ огонь“.

Видите, М. Г., что ничтожный трусъ, заяцъ, шкурка котораго въ то время, какъ онъ выскочилъ изъ куста передъ дѣдомъ моимъ, стояла алтынъ (3 коп.), виною, что я, прямой, непосредственный наслѣдникъ шестидесяти селъ на берегахъ рѣкъ Угры и Оки, поступилъ въ ничтожнаго Гидалго, то есть безпомѣстнаго или понынѣшнему бездушнаго дворянина.

Если бы изъ-за куста, вмѣсто зайца, изволилъ выступить медвѣдь и представилъ собою гербъ Ярославской губерніи, дѣдъ мой не треснулся бы грудью о пень, кончилось бы смертию богатыря лѣсовъ, а не дѣдушки моего, царство ему небесное, и я не поступилъ бы въ Гидалго. У меня было бы шестьдесятъ селъ на берегахъ Угры и Оки, я не ходилъ бы по грязи, по образу пѣшаго

хожденія, но ѣздилъ бы въ прекрасной каретѣ мастера Фребеліуса, выписалъ бы экипажи изъ Лондона. И, что всего выше, меня во уваженіе шестидесяти моихъ селъ на берегахъ Угры и Оки, уважали бы на берегахъ Невы, Сены, Темзы и Дуная. Проклятый трусъ, сколько ты зла мнѣ натворилъ.

Императоръ Николай Павловичъ передъ портретомъ Императора Павла I.

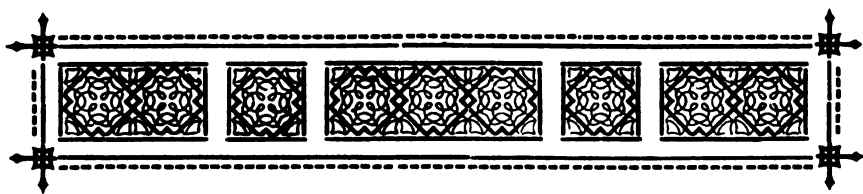
(Записано со словъ Н. К. Шильдера).

Императоръ Николай Павловичъ, проходя однажды съ графомъ Паленомъ (сыномъ главы заговорщиковъ на жизнь Императора Павла) по Романовской галлерей Зимняго Дворца и указывая на портретъ Императора Павла I-го, сказалъ: „Voilà un homme auquel on n'a pas rendu justice“, на что гр. Паленъ, помолчавъ, отвѣтилъ: „Sire, Votre Majesté en le disant et moi en me taisant nous avons agi comme deux bons fils“ ¹⁾.

Сообщ. П. Паренсовъ.

¹⁾ «Вотъ человѣкъ, котораго не оцѣнили» — «Ваше Величество говоря такъ и я, промолчавъ, поступили, какъ хорошіе сыновья».

Изъ прошлаго ¹⁾.

Эпизодъ изъ жизни «Военнаго Сборника».

Разсмотрѣвъ, изъ какихъ понятій о чести вытекають мнѣнія полковника Штюмера относительно обязанностей военной цензуры ²⁾, мы рассмотримъ теперь, до какой степени знакомъ онъ съ ценсурнымъ уставомъ.

Онъ начинаетъ обвиненіемъ гражданской цензуры за то, что она не присылала на разсмотрѣніе военнаго цензора двухъ повѣстей, изъ которыхъ одна помѣщена въ „Современникъ“, а другая въ „Отечественныхъ Запискахъ“, и въ которыхъ, между множествомъ дѣйствующихъ лицъ разныхъ званій, представлены два или три лица военнаго сословія. Мы не обязаны защищать гражданскую цензуру. Но мы должны разсмотрѣть мнѣніе полковника Штюмера о ея обязанностяхъ, чтобы видѣть, знаетъ ли онъ ценсурный уставъ. Онъ полагаетъ, что гражданская цензура обязана присылать военному цензору каждую повѣсть, въ которой, хотя мимоходомъ, являются лица военнаго сословія.

(Въ двухъ повѣстяхъ, на которыя указываетъ полковникъ Штюмеръ, военныя лица являются только мимоходомъ). Сообразно такому понятію, если въ повѣсти, хотя мимоходомъ, является купецъ, она должна быть препровождаема изъ гражданской цензуры въ департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ, занимающійся городскими дѣлами. Если являются: государственный, удѣльный и дворцовый крестьяне, повѣсть должна перебувать поочередно въ министерствахъ: государственныхъ имуществъ, удѣловъ и Императорскаго двора.

¹⁾ См. „Русскую Старину“, октябрь 1908 г.

²⁾ Печатается съ сохраненіемъ орфографіи подлинника.

Полковнику Штюрмеру, какъ видно изъ его претензій, неавѣстны первыя основанія нашего ценсурнаго устройства. Общая цензура должна передавать на разсмотрѣнiе частной цензуры того или другаго вѣдомства только тѣ статьи, которыя касаются какихъ-нибудь административныхъ или законодательныхъ вопросовъ по этому вѣдомству. Если бы каждое упоминанiе о лицѣ какого-нибудь званія вело къ посылкѣ статьи на разсмотрѣнiе того вѣдомства, которому подчинено это званiе, каждая повѣсть должна была бы, два три года бродить по десяткамъ различныхъ вѣдомствъ, потому что въ каждой выводится много лицъ самыхъ разнородныхъ званiй.

Но вотъ отъ литературныхъ журналовъ полковникъ Штюрмеръ переходитъ къ „Военному Сборнику“; тутъ мы должны быть внимательнѣе. Вотъ его подлинныя слова: „Въ iюньской книжкѣ „Военнаго Сборника“ помѣщено весьма неутѣшительное для военныхъ людей открытiе, что служба офицера безцвѣтна, скучна, не представляетъ никакой пищи для ума, и потому приводитъ нѣкоторыхъ къ пьянству“.

На какихъ страницахъ iюньской книжки „Военнаго Сборника“ полковникъ Штюрмеръ нашелъ это открытiе? Вотъ на какихъ. Одинъ изъ офицеровъ, служившихъ въ пѣхотѣ, говоритъ, что когда онъ стоялъ съ своимъ взводомъ одинъ въ деревнѣ, то ему было очень скучно, потому что помѣщиковъ кругомъ не было, а товарищи по расположенiю полка на просторныхъ квартирахъ стояли очень далеко отъ этой деревни, и что ему прекраснымъ развлеченiемъ послужила охота. Онъ совѣтуетъ испробовать это развлеченiе тѣмъ офицерамъ, которые подобно ему живутъ разбросанно и поодинокѣ на просторныхъ квартирахъ, и предлагаетъ свои совѣты о томъ, какъ обзавестись ружьемъ и собакою для охоты; потомъ говоритъ, что солдаты также съ удовольствiемъ занимаются охотою, и если офицеръ, при расположенiи на просторныхъ квартирахъ, позволить имъ иногда, въ свободное время, это развлеченiе, то оно будетъ полезно и для здоровья солдатъ и для самой службы, потому что солдаты приучатся къ вѣрной стрѣльбѣ.

Мы просимъ прочесть всю эту небольшую статейку въ подлинникѣ ¹⁾, чтобы убѣдиться, какъ она невинна. Впрочемъ, и по самому содержанiю ея уже легко отгадать, что статья эта написана совершенно спокойнымъ тономъ, съ теплымъ сочувствiемъ къ армейскому офицеру, съ единственнымъ желанiемъ нѣкоторой пользы

¹⁾ Ружейная охота въ примѣненiи къ военному дѣлу и военной жизни. «Военный Сборникъ» № 2-й.

и этому офицеру и самой службѣ. Но полковникъ Штюмеръ набралъ прилагательныхъ именъ съ разныхъ страницъ, прибавилъ нѣсколько существительныхъ собственнаго изобрѣтенія (напримѣръ, слово „пьянство“,—этого слова нѣтъ въ статьѣ); замѣнилъ другія выраженія автора фразами собственнаго изобрѣтенія (напримѣръ: „Служба офицера не представляетъ никакой пищи для ума“,—этой фразы нѣтъ въ цѣлой статьѣ), приписалъ свое изобрѣтеніе автору статьи и такимъ образомъ сдѣлалъ „открытіе“, присочинивъ еще, будто бы авторъ говорилъ вообще о службѣ офицера, между тѣмъ какъ авторъ говорилъ только о случаяхъ одинокой жизни офицера, которому пришлось стоять одному вдаль отъ всѣхъ товарищей. Эта недобросовѣстность превосходитъ всякое вѣроятіе.

Далѣе полковникъ Штюмеръ осуждаетъ два отрывка изъ двухъ статей, помѣщенныхъ въ майской книжкѣ „Военнаго Сборника“, искажая приводимые отрывки по тому же способу. Полковникъ Штюмеръ не хотѣлъ замѣтить, что первый изъ приводимыхъ имъ отрывковъ принадлежитъ не „Военному Сборнику“, а „Морскому Сборнику“, изъ котораго перепечатанъ въ „Военномъ Сборникѣ“. Такимъ образомъ, мнѣніе полковника Штюмера о предметахъ чести расходится съ мнѣніемъ морскаго начальства, издающаго „Морской Сборникъ“, и съ понятіями самого Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, принимающаго столь близкое участіе въ этомъ изданіи. Вторая же изъ статей, безчестящихъ по мнѣнію полковника Штюмера русскую армію, есть „Голосъ изъ арміи“,—статья, одобренная къ печатанію самимъ Его Величествомъ Государемъ Императоромъ, о чемъ хранится въ редакціи „Военнаго Сборника“ письменное засвидѣтельство. Замѣтимъ, что эта статья („Голосъ изъ арміи“) болѣе всѣхъ другихъ статей доставила полковнику Штюмеру матеріаловъ для его особенной записки о „Военномъ Сборникѣ“. Такимъ образомъ, мысли, одобренные Государемъ Императоромъ, наиболѣе безчестятъ, по мнѣнію полковника Штюмера, русскую армію. Какимъ путемъ искаженій достигъ онъ до такого ужаснаго результата, совершенно раскрывается сличеніемъ его записки о „Военномъ Сборникѣ“ съ подлиннымъ текстомъ „Военнаго Сборника“. Подобнымъ образомъ онъ искажаетъ и статьи другихъ журналовъ, имъ упоминаемыхъ, заканчиваетъ свои добросовѣстные выписки слѣдующимъ заключеніемъ:

„Такимъ образомъ, русская публика, въ послѣдніе три мѣсяца, освѣдомилась изъ трехъ лучшихъ журналовъ (Современникъ, Отечественныя записки и Военный сборникъ), что офицеры нашей арміи невѣжды, пьяницы и воры!..“

Эта клевета на гражданскую цензуру, которая никакимъ образомъ не позволила бы выражаться о русскихъ офицерахъ столь площадными словами. Полковнику Штюрмеру позволительно предполагать, что подобная клевета не покажется неправдоподобною: онъ не знаетъ ценсурнаго устава. Въ „Военномъ Сборникѣ“ ни разу не употребляемы эти грязныя слова. Можно ручаться за то, что не найдется ихъ и ни въ какомъ русскомъ журналѣ. Если называть русскихъ офицеровъ невѣждами, пьяницами и ворами, значить „стремиться къ униженію и представленію на поруганіе военной службы“, какъ говорить далѣе полковникъ Штюрмеръ, то это стремленіе принадлежитъ исключительно одному полковнику Штюрмеру, который первый и одинъ отважился сочетать эти слова съ словомъ русскій офицеръ.

Утвердившись на такихъ основаніяхъ, онъ начинаетъ давать совѣты литературѣ.

Онъ говоритъ во-первыхъ, что литература „должна преслѣдовать только тѣ пороки и недостатки, которые дѣйствительно существуютъ, и представлять типы, дѣйствительно взятые изъ среды общества“; но именно такъ и дѣйствуетъ русская литература. Всѣ повѣсти и статьи, на которыя онъ нападаетъ, могутъ служить тому примѣромъ. Въ одной изъ нихъ („Внукъ русскаго миллионера“) изображается, какимъ образомъ богатый купеческій сынокъ проматываетъ наслѣдство, доставшееся ему послѣ дѣда,—развѣ этотъ типъ не дѣйствительно взятъ изъ среды общества? Что другая повѣсть или, точнѣе говоря, романъ („Тысяча душъ“), вѣрно изображаетъ дѣйствительную жизнь нашихъ губернскихъ городовъ, это рѣшено всею русскою публикою, которая съ громкимъ одобреніемъ приняла превосходный романъ одного изъ первыхъ писателей нашего времени ¹⁾. О томъ, скучно ли жить одному въ деревнѣ, вдали отъ всѣхъ товарищей (первая изъ статей „Военнаго Сборника“, осуждаемыхъ полковникомъ Штюрмеромъ), можетъ сказать каждый армейскій офицеръ. О томъ, выдуманные ли факты изображены въ отрывкѣ изъ „Морскаго Сборника“, который также осуждается полковникомъ Штюрмеромъ, можетъ свидѣтельствовать морское начальство. Взяты ли изъ дѣйствительности факты, изображаемые въ третьей статьѣ („Голосъ изъ арміи“), благоволилъ рѣшить самъ Государь Императоръ, удостоившій своего одобренія эту статью, особенно осуждаемую полковникомъ Штюрмеромъ.

И такъ, вѣрны ли дѣйствительности, правдивы ли тѣ статьи,

¹⁾ Писемскаго.

которыя осуждаются полковникомъ Штюрмеромъ? Лучше было бы ему не поднимать этого вопроса, который не можетъ быть рѣшенъ въ его пользу.

Вторымъ правиломъ для литературы полковникъ Штюрмеръ ставитъ: „Не представлять явленіями общими тѣхъ недостатковъ и пороковъ, которые составляютъ случаи частные, встрѣчающіеся рѣдко“. Нельзя не улыбнуться, видя, что эта мысль, относящаяся къ дарованію, а вовсе не къ направленію беллетриста, ставится полковникомъ Штюрмеромъ за общее правило для всей литературы. Беллетристъ талантливый всегда изображаетъ такіе типы, которые не составляютъ случаевъ частныхъ, а принадлежать къ характеристическимъ чертамъ общественной жизни; писатель безъ таланта никакъ не умѣетъ достичь этого. И такъ, полковникъ Штюрмеръ ставитъ въ обязанность ценсурѣ запрещать все написанное беллетристами мало-талантливыми. Къ чему такое жестокосердіе къ людямъ, и безъ того уже обиженнымъ природою? Не лучше ли согласиться съ ценсурнымъ уставомъ, который предписываетъ ценсурѣ судить о направленіи писателя, предоставляя уже публикѣ разбирать, сколько таланта имѣетъ писатель.

Послѣднее изъ своихъ правилъ полковникъ Штюрмеръ излагаетъ въ такомъ странномъ видѣ, что одна фраза его прямо противорѣчитъ другой. Вотъ начало: „Въ отношеніи пороковъ и злоупотребленій, караемыхъ законами, достаточно, чтобы законы исполнялись; а потому, литературѣ остается только представлять на судъ публики всѣ гнусности зла“. Эти слова означаютъ, что литература должна обличать зло, караемое закономъ. Но что далѣе? „Не рѣдко случается также, что подробныя описанія злоупотребленій научаютъ плутовъ тому, чего они еще не знали“. Стало быть литература должна скрывать зло? И какая вѣрная мысль: плуты научаются плутовать изъ литературныхъ разсказовъ, карающихъ плутовство! Послѣ этого воры не научаются ли воровать изъ уложенія о преступленіяхъ?

Составивъ общія правила, онъ занимается далѣе примѣненіемъ ихъ къ военному сословію.

„Военное сословіе составляетъ, какъ и всѣ другія, часть народа. Оно имѣетъ какъ общія, такъ и свои собственныя страсти, недостатки и пороки. Оно не лучше и не хуже другихъ сословій и подлежитъ наравнѣ съ прочими литературному представленію дурной стороны ума и сердца“.

Справедливо. Но въ такомъ случаѣ о чемъ же хлопотать, зачѣмъ говорить, что честь военнаго званія унижается, когда оно подвергается литературному изображенію точно въ такой же сте-

пени, какъ прочія сословія, которыя ни мало не принимаютъ за оскорбленіе своей чести такія изображенія?

Но продолжаемъ слушать полковника Штюрмера: „Въ каждой арміи, говоритъ онъ, могутъ быть хвастуны, лгуны, жестокосердые, хитрецы, скупые и даже безнравственные офицеры; но объ офицерахъ плутахъ, пьяницахъ, трусахъ, ворахъ и т. п. говорить нечего,—ибо если бъ такой офицеръ встрѣтился, то онъ по закону исключается изъ службы“. Но законъ также исключаетъ изъ гражданской службы взяточниковъ, слѣдовательно, и о нихъ также нечего говорить? Именно о томъ-то и говорится, исполняется ли законъ?—это во-первыхъ. А во-вторыхъ, въ цѣлой Россіи одинъ только полковникъ Штюрмеръ осмѣливается „говорить объ офицерахъ плутахъ, пьяницахъ, трусахъ, ворахъ и т. п.“. Никто другой не употребляетъ такихъ грязныхъ словъ. Но слушаемъ далѣе. Представлять такого рода типы есть то же самое, что „говорить о сфинксахъ или центаврахъ“. Мысль полковника Штюрмера имѣетъ сильную склонность къ сфинксамъ, которые растерывали невинныхъ людей. Она уже не въ первый разъ склоняется къ этимъ чудовищамъ. Излагая свое первое правило, полковникъ Штюрмеръ уже говорилъ, что литература не должна представлять „страсти и злодѣянія сфинксовъ, центавровъ и сальфидъ“. Но слушаемъ далѣе.

„Въ Германіи, въ Англіи и даже во Франціи, гдѣ литературная письменность часто употреблялась во зло, никто не осмѣлится представить позорную картину офицера“. Будто бы въ самомъ дѣлѣ французскіе, нѣмецкіе и англійскіе романы и повѣсти не осмѣливаются изображать французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ офицеровъ съ невыгодной стороны? Изъ этого видно, что полковникъ Штюрмеръ знаетъ иностранную литературу не такъ хорошо, какъ ценсурный уставъ.

„Гдѣ не имѣется цензуры (продолжаетъ онъ), тамъ существуютъ обыкновенно особые законы, ограждающіе военное сословіе отъ печатныхъ нападокъ и оскорбленій“. Гдѣ же это существуютъ такіе особенные законы? Ни въ одномъ изъ государствъ западной Европы ихъ нѣтъ. А гдѣ нѣтъ такихъ законовъ, продолжаетъ онъ, тамъ офицеры сами должны защищать себя; и въ примѣръ всѣмъ офицерамъ русской арміи приводитъ дуэль французскихъ поручиковъ съ Пэнотъ. Мы уже разбирали эту исторію, которая служитъ представительницею понятій полковника Штюрмера о чести. Такъ вотъ чего онъ хочетъ: онъ хочетъ, чтобы русскіе офицеры, подобно нѣкоторымъ французскимъ подпоручикамъ, обижались тѣмъ, въ чемъ нѣтъ ничего обиднаго, и сами себя дѣлали смѣшными такой щепетильностью. Онъ хочетъ, чтобы офицеры русской арміи испол-

няли предположеніе „статскаго“, разговаривающаго съ „военнымъ“ у Гоголя (въ „Разъѣздѣ изъ театра“): „Вѣдь вотъ, вы какіе господа военные! Вы готовы вдоволь посмѣяться надъ какимъ-нибудь статскимъ чиновникомъ, а затронь какъ-нибудь военныхъ, скажи только, что есть офицеры,—не говоря уже о прочихъ наклонностяхъ,—но просто скажи: есть офицеры дурного тона,—да вы изъ одного этого готовы съ жалобой полѣзть въ самый Государственный Совѣтъ“. Именно такъ понимаетъ честь полковникъ Штурмеръ.

Далѣе представляетъ онъ ужасающую картину послѣдствій отъ такихъ страшныхъ обидъ, какія нанесены были русской арміи пятью тысячами восемьюстами офицеровъ, одобравшихъ „Военный Сборникъ“. Чего тутъ нѣтъ!—и никто изъ молодыхъ людей не пойдетъ въ военную службу, и начальства никто не будетъ уважать, и Россія потеряетъ свой голосъ въ европейскихъ дѣлахъ, и внутренняя безопасность исчезнетъ, если правительство не запретитъ русскимъ писателямъ говорить, что иногда офицеры посѣщаютъ московскихъ цыганъ и петербургскія минеральныя воды.

Усердіе защищать сфинксовъ и другихъ чудовищъ—качество достойное всякаго уваженія, но добросовѣстность и истинное понятіе о чести, это качества еще болѣе важныя. Примѣромъ послѣдняго служила намъ дуэль французскихъ подпоручиковъ. Доказательствъ добросовѣстности мы видѣли много, но еще больше увидимъ въ запискѣ о „Военномъ Сборникѣ“, она—документъ образцовый въ своемъ родѣ.

Сообщ. П. Паренсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О происшествіи по московской дирекціи 19 іюня.

Контора московскихъ театровъ доноситъ мнѣ, что приставъ Тверской части увѣдомилъ московскую дирекцію, что 19 числа сего іюня въ 2-мъ часу по полудни, отставной поручикъ Эрастъ Алексѣевъ Вингremовскій пришедшую къ нему, по любовной съ нимъ связи, актрису московскихъ театровъ Александру Алинскую застрѣлилъ изъ пистолета, въ животъ пулею на вылетъ, но которая находится въ животѣ (!). Вслѣдъ за симъ изъ другого пистолета выстрѣлилъ въ себя и вскорѣ умеръ.

О такомъ происшествіи долгомъ имѣю Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше донести.

Директоръ императорскихъ театровъ Геденовъ.

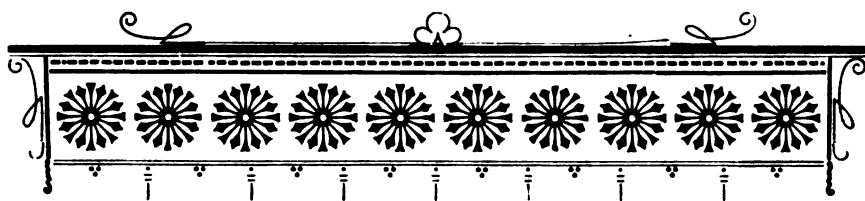
№ 297.

26 іюня 1846 ¹⁾.

Сообщилъ В. А. Алексѣевъ.

¹⁾ На лѣвомъ полѣ помѣтка: Доложено Его Величеству. 27 іюня 1846. Генералъ-адъютантъ Адлербергъ.

Матеріалы для біографіи Воейкова.

I.

Письмо А. Θ. Воейкова А. И. Михайловскому-Данилевскому.

(Воен. учен. арх., II, 1835, л. 297).

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь
Александръ Ивановичъ.

Порученіе Ваше, данное мнѣ при отъѣздѣ въ Дерптъ къ бывшему въ 1812 г. при сожженіи Рижскаго форштадта полицеймейстеромъ г. Криднеру, посчастливилось мнѣ выполнить гораздо успѣшнѣе, нежели я ожидать могъ.

Семидесятилѣтній старикъ этотъ, бывшій полицеймейстеромъ въ Петербургѣ и въ Ригѣ, а потомъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и пермскимъ гражданскимъ губернаторомъ, живетъ въ Дерптѣ и противъ самаго дома свояка моего дѣйств. ст. сов. Мойера.

Онъ разбитъ параличомъ, почти никого не принимаетъ, но меня, какъ стараго пріятеля и пріѣзжаго изъ столицы, принялъ ласково. Я объяснилъ ему, что я имѣю честь представлять особу Вашего уполномоченнаго; онъ расплакался и сказалъ мнѣ, что Богъ посылаетъ меня къ нему для того, чтобы снять пятно съ его чести, брызнутое врагами его; послѣ вручилъ мнѣ документы, при семъ къ Вашему Превосходительству препровождаемые. Записка: „прикажете форштадтъ зажечь“ писана рукою рижскаго военнаго губернатора г.-л. Эссена. Говоря о клеветѣ (будто бы возведенной на него генераломъ Эмме, врагомъ его), старикъ очень разгорячился до того, что ему сдѣлалось дурно, и я ушелъ отъ него, боясь

еще больше растревожить его. Самолюбіе мое не позволяет мнѣ упоминать, что Криднеръ, говоря о томъ, что онъ хочетъ оставить своимъ дѣтямъ имя, безукоризненное, прочелъ мнѣ два мои стиха изъ „Дома съумасшедшихъ“.

Дѣтямъ лучшее наслѣдство
Имя честнаго отца.

Не полагаясь вполнѣ на его увѣренія, ибо это было слишкомъ односторонне, я справлялся объ этомъ важномъ происшествіи 1812-го года, и вотъ собранныя мною поясненія.

Военный губернаторъ Эссенъ былъ послѣ обѣда каждый день мертвецки пьянъ; онъ имѣлъ секретное повелѣніе сжечь форштадтъ, какъ скоро французы подойдутъ на 20 верстъ къ Ригѣ. Въ тотъ же день, въ который сіе повелѣніе исполнено, авангардъ генерала Гюрка находился въ Кирхгольмѣ, въ 5-ти верстахъ отъ Риги, а его главная квартира въ Экаи, въ 20-ти верстахъ. Всего гарнизона находилось въ Ригѣ не болѣе 3.000 человекъ.

Прежде, нежели приступить къ сожженію форштадта, ген.-лейт. Эссенъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ кромѣ его присутствовали: ген.-лейт. Левизъ, инженерный начальникъ Трузсонъ, комендантъ Эмме. Они всѣ единогласно опредѣлили: сжечь.

N. S. Не благоугодно ли будетъ Вашему Превосходительству снести съ г.-л. Левизомъ. Онъ живетъ въ Лифляндіи, недалеко отъ Дерпта.

Отдавъ Вамъ отчетъ по дѣлу, довѣренностью Вашею мнѣ порученному, съ высокопочитаніемъ и искреннею приверженностью имѣю честь быть,

Милостивый Государь,
Вашего Превосходительства
покорнѣйшій слуга
А. Воейковъ.

1836 года
мая 28 дня
С.-Петербургъ
№ 573.

P. S. О полученіи сего донесенія моего и документовъ покорнѣйше прошу почтить меня увѣдомленіемъ.

В.

II.

Рекомендательное письмо гр. Хвостова о А. Θ. Воейковъ А. А. Никитину передъ баллотировкой его въ члены общества любителей російской словесности.

(Рук. отд. Имп. Ак. Наукъ).

Милостивый Государь мой
Андрей Афанасьевичъ.

Я крайне сожалью, что лишаюсь чести и удовольствія быть сегодня въ обществѣ, ибо долженъ ѣхать въ Троицкую пустынь почевать для погребенія завтра одной изъ родственницъ моихъ. Сіе не препятствуетъ мнѣ на случай выборовъ ходатайствовать у Васъ, почтеннѣйшаго Ѳедора Николаевича и всѣхъ членовъ о избраніи препонента моего Александра Ѳедоровича Воейкова, чловѣка извѣстнаго прекрасными стихотвореніями и знаменитыми переводами. Я прошу Васъ въ моемъ лицѣ представить сіе обществу и почту сіе знакомъ высшей къ себѣ дружбы и благоволенія общества, къ коему питаю и питать буду непремѣнное усердіе.

Ожидая на сіе благосклоннаго увѣдомленія, имѣю честь быть Вамъ, милостивый государь, покорный слуга

Графъ Хвостовъ.

Августа 23 дня
1820 г.

III.

Благодарственное письмо А. Θ. Воейкова Ѳ. Н. Глинкѣ по поводу его избранія въ члены указаннаго общества.

Милостивый Государь
Ѳедоръ Николаевичъ.

Почтенное письмо Ваше ко мнѣ отъ 25 сего августа, въ которомъ Вы взяли на себя трудъ извѣстить меня объ избраніи меня въ почетные члены СПБ. вольнаго общества любителей російской словесности, имѣлъ я честь получить. Я—членъ многихъ ученыхъ обществъ, но скажу Вамъ откровенно, что никакое избраніе не принесло мнѣ столько чести и удовольствія, какъ сіе послѣднее. И это основано на весьма важныхъ причинахъ. Какая бесѣда для чловѣка, любящаго свое отечество, можетъ быть пріятнѣе той, гдѣ молодые люди съ талантомъ и просвѣщеніемъ, подъ руковод-

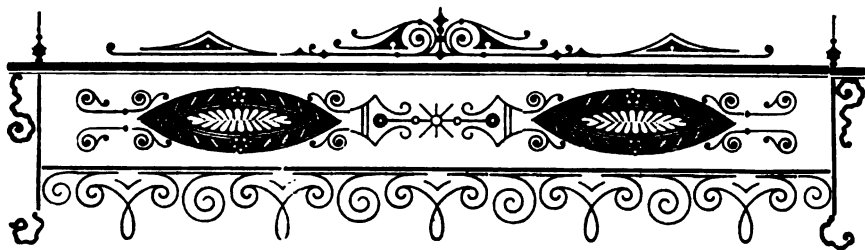
ствомъ заслуженныхъ, увѣнчанныхъ славою писателей, вступаютъ на поприще словесности и, постепенно усовершеншаяся и возвышаясь, становятся передъ глазами нашими на первыя степени? Избраніе въ члены какого общества можетъ быть лестнѣе того, какъ сдѣлаться членомъ общества, собирающаго дань съ талантовъ и употребляющаго оную на вспоможеніе бѣднымъ писателямъ и художникамъ, или ихъ вдовамъ и сиротамъ безпріютнымъ, и имѣющаго своимъ предсѣдателемъ человѣка, который равно отличился военными, гражданскими и литературными заслугами отечеству вѣрѣ и Государю, твердаго защитника правъ угнетеннаго человечества?

Съ отличнымъ уваженіемъ и
преданностью имѣю честь быть Вашимъ,
Милостивый Государь,
покорнѣйшимъ слугою
Александръ Воейковъ.

1820 г.
Сентября 1 дня.
С.-Петербургъ.

Сообщ. Мих. Соколовскій.

Учебныя воспоминакія ¹⁾.

Студенческій бытъ.

Въ описываемое мною время студенты Казанскаго университета раздѣлялись на двѣ группы: казеннокоштныхъ съ пансіонерами и своекоштныхъ. Первые жили и столовались въ университетѣ. Но да не подумаетъ читатель, что обстановка ихъ имѣла какое-либо подобіе обстановки нынѣшнихъ коллегій и общежитій, въ смыслѣ удобствъ и изящества. „Казенные“ и пансіонеры помѣщались въ комнатахъ 3-го этажа лѣвой половины главнаго университетскаго зданія, выходящихъ окнами во дворъ. Это было нѣчто вродѣ антресолей, состоявшихъ изъ нѣсколькихъ большихъ низенькихъ комнатъ съ близкими къ полу квадратными окнами, освѣщавшими плохо и неудобно. Въ комнатѣ помѣщалось человекъ 8—10. Постоянный говоръ, движеніе, дымъ отъ куренія, игра въ карты порядочно мѣшали желавшимъ заниматься въ этихъ „занимательныхъ“.

Меблировка ихъ тоже не отличалась удобствомъ: она состояла изъ табуретокъ съ кожанними сидѣньями, и изъ столовъ ввидѣ конторокъ. Было, помнится, также по одному на комнату обыкновенному столу; стульевъ не полагалось.

Не часто заглядывавши въ „занимательныя“, не знаю, насколько тамъ соблюдались „правила“, гласившія, что „живущіе въ университетѣ казеннокоштные, стипендіаты, пансіонеры и полупансіонеры

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1908 г.

обязаны строго соблюдать въ своихъ занятіяхъ распредѣленіе времени, утвержденное инспекторомъ"; „усердно“ ли и „ежедневно ли они отправляли утреннія и вечернія молитвы“ въ занимательныхъ и съ „должнымъ ли благоговѣніемъ“, всегда ли, читали установленныя молитвы передъ обѣдомъ и ужиномъ и послѣ оныхъ“, какъ требовалось „правилами“. Что же касается до предписываемаго оными соблюденія чистоты и опрятности въ столахъ и некладенія въ нихъ „ничего, кромѣ предметовъ, относящихся до учебныхъ занятій“, то могу сказать, что опрятность и чистота далеко не процвѣтали. Если бы инспекція заглядывала иногда въ эти столы, то, конечно, въ числѣ предметовъ, относящихся до учебныхъ занятій, находила бы въ нихъ и запрещенные къ употребленію табакъ и „фосфорныя“ спички, и булки, и колбасу, и косушки съ крѣпкими напитками... При всей тогдашней строгости инспекція смотрѣла на эти нарушенія правилъ сквозь пальцы, сама вѣроятно сознавая всю нелѣпость требованій, кругомъ обставлявшихъ жизнь студента стѣсненіями,—требованій, точное выполненіе которыхъ вело бы скорѣе къ развитію лицемерія и обмановъ, чѣмъ къ насажденію добронравія.

Спартанская обстановка „занимательныхъ“ имѣла, должно быть, цѣлю дать, „казеннымъ“ въ особенности, понять, что хотя корень ученія горекъ, но плоды его (въ видѣ отслуживанія казнѣ за воспитаніе—куда пошлютъ) сладки, а также—поощрять къ занятіямъ отсутствіемъ удобствъ, располагающихъ къ праздности и дающихъ возможность спать въ теченіе дня, т. е. въ неположенное время. Спальни были этажомъ ниже, въ бель-этажѣ и отпирались, кажется, только около 9 ч. вечера. Но обитатели занимательныхъ, съ ихъ неудобной обстановкой, предвосхитивъ у Дарвина идею приспособляемости, устраивались довольно остроумно въ случаѣ желанія поспать въ незаконное время: и вотъ ставили 3—4 табуретки въ рядъ и—получалось ложе, хотя довольно жесткое и неудобное, но тогдашній козеннокоштникъ не былъ прихотливъ. Въмѣсто подушки подкладывалась какая-нибудь часть одежды, свернутая комкомъ, большею частію—скрутокъ (тужурокъ тогда еще вовсе не знали, а пальто появились только въ концѣ крымской войны),—а то и кучка книгъ, прикрытая чѣмъ-нибудь мягкимъ. На такомъ импровизированномъ ложѣ студентъ отдыхалъ себѣ на славу, пока не вздумаетъ его потревожить своимъ визитомъ кто-либо изъ инспекціи (что случилось впрочемъ не часто), или пока не возвратятся отсутствовавшіе владѣльцы табуретовъ. Кто же хотѣлъ спать съ удобствомъ и законнымъ образомъ, тотъ долженъ былъ выжидать часа открытія дортуаровъ.

Освѣщеніе въ студенческихъ помѣщеніяхъ состояло изъ саленныхъ свѣчей въ мѣдныхъ шандалахъ; керосинъ еще не былъ извѣстенъ, а масляныя лампы были, помнится, только въ корридорахъ. Неособенно удобно было и отдаваніе долговъ природѣ: мѣсто *ad hoc*, самаго примитивнаго устройства, находилось въ самомъ низу, въ очень невзрачной пристройкѣ и далеко не блистало ни чистотой, ни благораствореніемъ воздуховъ; о дезинфекціи же, о карболкахъ, лизоляхъ и т. п. тогда еще и понятія, кажется, не имѣлось.

Удобнѣе помѣщались, „казенные“, принадлежавшіе къ составу хора пѣвчихъ университетской церкви; комнаты ихъ находились въ нижнемъ этажѣ, — окнами на площадь передъ клиникой. Но и ихъ обстановка была не первый сортъ; жили они тоже по нѣсколько человѣкъ въ комнатахъ; тутъ же и спали, и занимались. По близости ихъ помѣщенія была, кажется, и общая столовая, гдѣ съ казенными обѣдали и ужинали и тѣ бѣдняки изъ своекоштныхъ, которымъ разрѣшалъ всевластный Ланге пользоваться казеннымъ столомъ взамѣнъ денежныхъ пособій.

Своекоштные не изъ мѣстныхъ, имѣвшихъ въ городѣ родныхъ, жили, конечно, на частныхъ квартирахъ, главнымъ образомъ, у хозяекъ, специально промышлявшихъ сдачею комнатъ и, большею частію, со столомъ; чай же надо было имѣть свой. Было и нѣчто вродѣ общежитій въ частныхъ домахъ. Таковы были, напр. вышеупомянутые, такъ называемые Акчуринскіе нумера, въ домѣ Акчурина на Воскресенской, иначе „Лавра“. Тутъ жизнь шла нараспашку, въ полномъ удовольствіи: студенты жили въ перемежку съ дѣвками легкаго поведенія, при чемъ платки и накидки сихъ послѣднихъ замѣняли, при случаѣ, ихъ сосѣдямъ халаты и домашніе костюмы. Сомнѣваюсь, заглядывала ли туда инспекція. Мнѣ же только разъ случилось посѣтить это своеобразное общежитіе и видѣть его свободныя нравы и странныя обычаи.

Промыселъ квартирохозяевъ и хозяекъ былъ, повидимому, выгоденъ, по крайней мѣрѣ, на столько, что окупались квартира, отопленіе и собственное содержаніе. Жизнь въ Казани, въ то время, — не только нетребовательная студенческая, но и вообще — была очень дешева. Это можно видѣть напр. изъ справочныхъ и таксовыхъ цѣнъ, публиковавшихся въ губернскихъ вѣдомостяхъ — и отъ которыхъ рыночныя почти не отличались. Такъ напр. мясо 1-го сорта стоило — фунтъ 3 к., телятина задняя нога 3¹/₂ — 4 к. ф., ветчина 7 к. ф., курица 14 — 18 к. штука, гусь 25 — 30 к., индейка 45 — 50 к., сотня яицъ 50 и 60 к., пудъ ржаной муки 20 к., крупичатой высшаго сорта 1 р. 10 к., сажень березовыхъ дровъ,

почти аршинныхъ 2 р. 30 к., осиновыхъ и еловыхъ 1 р. 60 к. При такихъ цѣнахъ естественно, что хозяйки могли кормить жильцовъ очень прилично... Дешевизна сѣна и овса давала возможность держать лошадей даже людямъ съ очень малымъ достаткомъ. Такъ наприм. мой первый хозяинъ, танцмейстеръ Биллевичъ, имѣвшій не только жену, но и кучу ребятъ, находилъ болѣе выгоднымъ держать собственный немудрый экипажъ и лошадку, чѣмъ ѣздить по урокамъ на извозчикахъ; а извозчики-то тогда брали по 10 к. почти за всякій конецъ въ чертъ города.

Неудивительно поэтому, что при такой всеобщей дешевизнѣ хозяева брали за комнату (конечно не важную) со столомъ, самоваромъ и услугой по 8—9 р. въ мѣсяцъ; за стирку брали отдѣльно и тоже очень дешево. Приходящимъ столоваться, а также и надомъ кушанье отпускалось по (3 блюда) 4 р. въ мѣсяцъ. Если же хозяйка держала кормить очень однообразно или недостаточно вкусно, то случались курьезы въ такомъ родѣ, что недовольный нахлѣбникъ събѣдалъ все принесенное ему блюдо, чтобы поставить хозяйку въ затрудненіе, что подать прочимъ ѣдокамъ; такъ дѣлывалъ одинъ изъ моихъ сосѣдей—чиновникъ, когда я жилъ у одной изъ хозяекъ.

При дешевой стоимости нельзя было быть уже очень требовательнымъ относительно предлагаемой пищи и ея достаточности. Удовлетворяя естественному желанію поѣсть повкуснѣе или поплотнѣе, студентъ шелъ въ трактиръ и угощался тамъ, смотря по состоянію своихъ финансовъ, то пирогомъ съ мясомъ или вареньемъ (ц. 10 коп.), то телячьими котлетами съ горошкомъ (2 штуки 23 к. с.), то бифштексомъ (23—30 к. порція — 2 куса), и т. д., то очень вкусными пельменями (сотня 30 к.). Особенной любовью у насъ пользовался трактиръ „Китай“ на углу Воскресенской и переулка, ведущаго къ Черному озеру, нынѣ уничтоженному. Не мало времени удѣлялось здѣсь и билліарду. „Китай“, имѣя очень приличную обстановку, и посѣщался порядочной публикой; но и въ „заведеніяхъ“ низшаго разбора кормили не худо; помню напр. „Парижъ“, на Малой Проломной, близъ университета, довольно грязный, но кормившій сносно. Тутъ маркеръ билліардной услаждалъ иногда посѣтителей игрой на гусляхъ; а любители азартныхъ игръ имѣли возможность попростату свои карманы въ пользу того же маркера или какого-нибудь татарина, или другого любителя чужой собственности, всегда игравшихъ необыкновенно „счастливо“, особенно къ изумленію новичковъ изъ посѣтителей. На Рыбной улицѣ былъ помнитси, трактиръ „Византія“, гдѣ для азартной игры были особыя уютныя комнатки, въ сторонѣ отъ общихъ; одинъ мой знакомый студентъ медикъ нерѣдко сбывалъ тамъ присылаемыя родителями

деньги. Были и помимо трактировъ искусники игры въ „шtosъ“, ловко опустошавшіе студенческіе карманы на собственныхъ или студенческихъ квартирахъ; въ одномъ домѣ со мной жилъ, напр., землемѣръ, однажды обыгравшій упомянутого студента до нитки и потомъ уже, видя его отчаяніе—давшій ему немножко отыграться. А господинъ былъ очень приличный на видъ.

Студенты болѣе высокаго полета посѣщали, разумѣется, заведенія высшаго разряда. Къ нимъ-то и относится куплетъ студенческой пѣсни:

Инспектору Ланге
Дѣлаетъ то честь,
Что онъ ходитъ въ Станге (винный погребъ съ ѣдою),
Смотрить, кто тамъ есть.

Съ появленіемъ первой кондитерской въ 1854 или 55 году—Штейнгейзера на Воскресенской, противъ вице-губернаторскаго дома,—соединявшей въ себѣ торговлю кондитерскими издѣліями и ресторанъ, съ очень хорошими билліардами, многіе изъ студентовъ сдѣлались ея усердными завсегдатаями. До ея появленія конфеты, вѣроятно московскаго издѣлія, можно было получать только въ бакалейныхъ магазинахъ Санина и др. Для баловъ ихъ, кажется, прямо выписывали изъ Москвы. Казань въ этомъ отношеніи была тогда позади даже Нижняго, въ которомъ были уже двѣ кондитерскія...

Влекло въ трактиры и желаніе почитать газетъ; время было интересное, военное. У Штейнгейзера можно было удовлетворять этой потребности въ обстановкѣ болѣе приличной, чѣмъ трактирная, да кстати и закусить, и выпить чего-нибудь, и убаготворить себя глинтвейномъ, чаемъ, кофе, шоколадомъ, мороженымъ и пр. Ланге однако смотрѣлъ на посѣщеніе нами этой кондитерской неодобрительно; да и посѣщали-то ее студенты только, когда были при деньгахъ, и болѣе зажиточные вообще, такъ какъ въ ней все было дороже, хотя, при общей тогдашней дешевизнѣ, только сравнительно...

Въ молодые годы нерѣдко приходилось намъ слышать ропотъ нашихъ стариковъ на дороговизну и похвалы дешевизнѣ ихъ временъ. Какова же, значить, была эта дешевизна, если еще въ 50-хъ годахъ прошедшаго столѣтія существовали цѣны вродѣ вышеприведенныхъ казанскихъ!

При общей дешевизнѣ припасовъ дешево были и квартиры, дешева прислуга—1½—2 р. въ мѣсяцъ. Не припомню, сколько платилъ за очень порядочную квартиру и сколько прислугѣ мой первый хозяинъ г. Билевичъ; но что расходъ этотъ былъ не ве-

ликъ, видно изъ того, что при скудномъ жалованьи по должности танцевальнаго учителя въ Родіоновскомъ институтѣ, онъ, имѣя жену и 6 человѣкъ дѣтей, держалъ горничную (она же и нянька) кухарку, лошадь, корову, да парня, исполнявшаго обязанности кучера и коровника. А между тѣмъ 15 рублей въ мѣсяцъ, платимые мною за комнату съ полнымъ содержаніемъ, прислугой и стиркой, составляли важную статью доходовъ этого семейства. Прибавлю, что довольно часто у нихъ бывали гости; нѣкоторые являлись къ обѣду и оставались до вечера; другіе приходили по вечерамъ. А если приходилъ ко мнѣ товарищъ—радушные хозяева обыкновенно приглашали его къ столу или чаю, смотря по времени дня...

Невелики деньги—15 р. въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ; но нѣкоторые изъ товарищей и знакомыхъ находили, что я плачу очень дорого, такъ какъ могъ бы имѣть все это рублей за 10 въ мѣсяцъ. Правда, что у меня была очень порядочная комната. Вообще же помѣщенія у „хозяекъ“ были большею частію плохи, какъ мнѣ потомъ лично пришлось убѣдиться, поселившись у одной изъ таковыхъ. Но много ли требуется неприхотливому студенту? А такихъ въ мое время было большинство; было бы лишь подешевле, и слава Богу. И жилъ студентъ за 8 рублей со столомъ и прислугой, и не тужилъ; а придутъ деньги,—съ ними—желаніе кутнуть, онъ забывалъ о правилѣ, воспрещавшемъ посѣщеніе мѣстъ вредныхъ и предосудительныхъ для нравственности и шелъ въ трактиръ; разыграются страсти—шелъ за Булакъ, гдѣ тоже брали недорого ¹⁾.

Въ числѣ студенческихъ развлеченій болѣе скромнаго свойства и болѣе дешевыхъ стоитъ упомянуть о масляничныхъ блинахъ и

¹⁾ Къ этимъ забулачнымъ и т. п. мѣстамъ и относится грустно-поэтическая пѣсня старыхъ казанскихъ студентовъ: «Стою одинъ передъ избушкой», въ которой студентъ между прочимъ говоритъ:

«Какъ страшно было пробужденье
Отъ этихъ гибельныхъ проказъ,
Когда прямое назначенье
Студента вспомнишь въ этотъ разъ!»

И, какъ бы махнувъ на все рукою—заканчиваетъ:

«Пройдетъ тоска, проснутся страсти,
Сроднятся, сблизятся съ душой;
Но передъ ихъ могучей властью—
Не думай выступать на бой!»

Напомню интересующимся, что пѣсни казанскихъ студентовъ собраны къ столѣтію университета и изданы въ 1904 г., стараніемъ бывшихъ казанцевъ, доктора А. П. Аристова и сенатора Н. П. Смирнова.

катанья. Блинами особенно славился трактиръ—не помню названія—помѣщавшійся въ противоположномъ университету концѣ Малой Проломной, въ старинномъ зданіи со сводами, вблизи собора Петра и Павла. Блины тутъ были не только дешевы, но и очень вкусны. Они, какъ и вообще трактирные экскурсіи, не обходились, разумѣется, безъ возліаній, иногда сопровождавшихся и безобразіями, вопреки „правиламъ“, внушавшимъ воздерживаться отъ горячихъ напитковъ и удаляться отъ шумныхъ, непристойныхъ и вредныхъ сообществъ“.

Катанье на масляницѣ, вѣроятно, древній русскій обычай, какъ качели на Пасхѣ; въ провинціи онъ соблюдается, полагаю, и теперь съ полнымъ усердіемъ. Помню скучное, шагъ за шагомъ, масляничное катанье въ Нижнемѣ, по главной улицѣ; и шло это цѣлую недѣлю безъ усталы. Въ Казани на масляницу съѣзжались изъ окрестностей татары съ широкими пошевнями, запряженными по большей части парюю лошадей,—и катали мѣстный людъ по крайне дешевой цѣнѣ, какъ „вейки“ въ Петербургѣ. На масляной почти не было человѣка въ Казани, изъ средняго рода людей, который даже на близкое разстояніе не ѣхалъ бы на „татаринѣ“. А истые любители кататься носились по городу во всю прыть, при чемъ иные студенты, нанявъ „князя“ по часамъ, 15 - 20 к. въ часъ, усердно погоняли не только лошадей, но и самого возницу, тузя его въ спину. Добродушный татаринъ этимъ, однако, не обижался, а на замѣчаніе о страдающей спинѣ лукаво говорилъ: „ничего, у насъ тамъ лубка есть“, т. е. что подъ кафтаномъ на спинѣ у него подложенъ лубокъ, можетъ быть, какъ средство не только противъ рѣзкостей публики, но и какъ защита отъ воздѣйствія блюстителей порядка, у которыхъ въ тѣ времена тѣлесная расправа была въ порядкѣ вещей... Существуетъ ли и теперь въ Казани хорошій обычай давать масляничный заработокъ подгороднымъ аборигенамъ, а публикѣ дешевое удовольствіе? Или постигла и ихъ та же участь, что и нашихъ финновъ, районъ масляничной ѣзды которыхъ петербургскіе градоначальники, неизвѣстно зачѣмъ, ограничиваютъ все больше и больше къ ихъ ущербу и къ великому огорченію средняго и мелкаго обывателя невской столицы.

Чтобы быть правдивымъ историкомъ, не умолчу и о черезъ-чуръ иногда проявлявшейся склонности казанскихъ студентовъ къ выпивкѣ. Особенно отличался по этой части медицинскій факультетъ; но мало отставали и другіе, особенно на первыхъ курсахъ. Пили, конечно, не въ убѣжденіи, что русскому талантливому человѣку такъ свыше суждено, и не въ чаяніи этимъ обрѣсти въ себѣ и укрѣпить талантъ, а просто больше по слабости характера и подъ

вліяніемъ „опытныхъ“ товарищей. Вырвавшись изъ подъ домашняго крова и гимназической ферулы, очутившись въ другомъ городѣ, вдали отъ старшихъ, юноша чувствуетъ себя человѣкомъ свободнымъ, самостоятельнымъ, почти гражданиномъ, а потому и легко увлекается не въ мѣру этимъ сознаніемъ: „иду куда хочу, дѣлаю что хочу“. И только существовавшій еще въ наше время страхъ передъ инспекціей (нынѣ, увы, упраздненной!) нѣсколько омрачалъ это сознаніе („а вдругъ въ карцеръ засадятъ“)! А тутъ какъ разъ примѣръ старшихъ товарищей и ихъ подзадориванье новичка: „да что ты за студентъ, коли и водки не умѣешь пить“!.. И вотъ, мало по малу, нѣкоторые становились заправскими пьяницами; иные же, въ-время одумавшись, съ успѣхомъ оканчивали курсъ. Двоихъ изъ моихъ товарищей-нижегородцевъ,—оба были математики,—пьяный омулъ совсѣмъ засосалъ; курса они такъ и не кончили и, какъ казеннокоштные—были посланы отслуживать учителями въ уѣздныя училища. А оба были люди съ талантомъ, одинъ не дурно даже писалъ стихи и рассказы; но талантъ ихъ такъ и угасъ, не доразвившись, благодаря печальной страсти къ вину.

Нечего впрочемъ грѣха таить: небезгрѣшны были и нѣкоторые изъ профессоровъ и при томъ, какъ бы въ оправданіе замѣчанія о русскихъ талантливыхъ людяхъ—именно наиболѣе даровитые ¹⁾).

Въ общемъ ходъ студенческой жизни кутежи преобладали на

¹⁾ Выше я привелъ четверостишіе о проф. Ивановѣ; а вотъ что пѣлось объ А. Ѳ. Поповѣ, профессорѣ высшей математики:

А Поповъ короткій,
Онъ же интегралъ,
Слишкомъ занятъ водкой,
Оттого и малъ.

Этотъ Поповъ былъ очень малъ ростомъ, въ противоположность своему однофамильцу А. В. Попову, профессору монгольскаго языка, о которомъ значилось только, что «Поповъ монголъ, подпираетъ разомъ, потолокъ и полъ».

Молва, а можетъ быть и сплетня называла, въ числѣ усердныхъ поклонниковъ Вахуса и итейнаго откупа, и нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ. Базанская жизнь, вѣроятно, и сдѣлала таковыми проф. ботаники Борнухъ-Троцкаго, финансоваго права—Е. Г. Осокина, историка Н. А. Иванова и нѣкоторыхъ другихъ. Она же, должно быть, положила начало и склонности къ итейному дѣлу такихъ свѣтлыхъ личностей, какъ Н. К. Бабстъ, М. Я. Киттары. Не мало вѣдь талантовъ загубила наша безцвѣтная и безпросвѣтная провинціальная жизнь стараго времени!

первыхъ двухъ курсахъ, когда было еще далеко до окончанія и слѣдовательно можно было не очень усидчиво заниматься наукой, имѣя еще довольно времени впереди; да и въ ходъ-то учебной университетской жизни молодой человѣкъ еще не втянулся... Конечно, и тутъ были исключенія; да и степень увлеченія вольной жизнью была разная.

Наибольшимъ шикомъ считалось, разумѣется, по врожденному что ли свойству русскаго человѣка, пить свободно крѣпкіе напитки—водку, ромъ и т. п., вѣроятно въ оправданіе словъ одного изъ героевъ повѣстей Марлинскаго, что „вода создана для рыбъ и раковъ, вино—для женщинъ и дѣтей, а ромъ и водка для однихъ героевъ“. Этими героями и силились сдѣлаться тотчасъ же новички. Но не всякій изъ нихъ легко переносилъ, на первыхъ порахъ, эти напитки и, какъ ни крѣпится иной бывало, какъ ни стыдить его болѣе опытные товарищи, не обходилось безъ извѣстныхъ непріятныхъ послѣдствій, когда желудокъ возставалъ противъ налитыхъ въ него жидкостей. Впрочемъ, у кого натура слишкомъ реагировала противъ водокъ и т. п., тотъ предпочиталъ пить наливки—простыя и шипучія (эти послѣднія чуть-ли не спеціально казанское издѣліе, благодаря существованію тогда въ Казани завода шипучихъ водъ лаборанта Грахе), пиво и еще одинъ напитокъ, довольно впрочемъ крѣпкій, называвшійся „старовѣръ съ нѣмцемъ“ или „сливонское“. Это была смѣсь, приготовлявшаяся въ винныхъ погребахъ, повидимому, изъ остатковъ разныхъ винъ, съ примѣсью водки. Сія послѣдняя, однако, подъ разными заманчивыми названіями, придуманными отеупомъ, занимала все-таки первое мѣсто между студенческими напитками. Для кармановъ заурядныхъ студентовъ ромъ, коньякъ и т. п. были менѣе доступны; но употреблялись при случаѣ, весьма охотно и такъ, и съ чаемъ, при чемъ чай съ ромомъ или коньякомъ постепенно превращался въ ромъ или коньякъ съ чаемъ, а то и безъ чаю, какъ повѣствуется въ анекдотѣ о какомъ-то морякѣ, отвѣчавшемъ на предложеніе хозяйки подлить рому въ чай—„позвольте мнѣ ужъ лучше такъ—безъ чаю“. У нѣкоторыхъ считалось шикомъ не только быть въ состояніи выпить по нѣсколько рюмокъ, но и умѣть ловко опрокидывать содержимое рюмки въ глотку, ухвативъ рюмку зубами.

Описываю все это не въ осужденіе моихъ современниковъ—соучениковъ: таковъ былъ духъ времени, что служеніе Бахусу имѣло массу адептовъ не только въ простонародіи, но и въ среднемъ и высшемъ классѣ. Такъ и въ Казани обыватели всякихъ званій чуть не долгомъ считали нести свою лепту въ казну откупа. Надо замѣтить, что

и откупъ, съ своей стороны, поощрялъ потребленіе даровою раздачею своихъ напитковъ чуть не всѣмъ членамъ губернской администраціи, снабжая ихъ оными въ извѣстной пропорціи, смотря по чинамъ и званіямъ.

Водка и закуска всегда были и остаются необходимой частью питанія русскаго человѣка и примѣняются во всѣхъ случаяхъ жизни. Въ Казани мнѣ случалось бывать въ обществѣ мелкаго и среднего чиновничества и офицерства, гдѣ обыкновенно играли въ преферансъ; такъ какъ тутъ играютъ собственно трое, а четвертый игрокъ, сдающій, по очереди свободенъ, то, сдавши карты, каждый отправлялся къ столу съ водкой и закуской, въ результатъ чего вся компанія къ концу игры оказывалась въ очень веселомъ настроеніи; тѣмъ болѣе, что и гости, вовсе не принимающіе участія въ игрѣ, тоже не забывали подходить къ соблазнительному столу.

Да не подумаетъ однако же читатель, что студенты наши тѣхъ временъ только и дѣлали, что пили, да кутили, въ оправданіе отзыва о нихъ, будто бы сказаннаго Николаемъ I, что онъ предполагаетъ казанскихъ студентовъ столичнымъ, ибо первые-де только пьютъ и кутятъ, тогда какъ вторые, сверхъ того, занимаются и политикой... Нѣтъ:—студенты-казанцы не забывали и науки, доказательствомъ чему служить немалое количество дѣльныхъ и талантливыхъ людей изъ ихъ числа, и, вообще, значительное число студентовъ, кончавшихъ курсъ со степенью кандидата.

По обычаю того времени инспекція, придираясь къ мелочамъ, къ незастегнутому скюртку, къ длиннымъ волосамъ, упущенію во-время отдать честь, совсѣмъ упускала изъ вида дѣйствительно темныя стороны студенческаго поведенія. Слабохарактерный юноша, попавъ въ среду неблагонадежныхъ товарищей, легко сбивался съ пути, за отсутствіемъ должнаго наблюденія со стороны лицъ, къ тому приставленныхъ. И если бы большинство было слабохарактернѣе или не образумливалось бы съ половины курса, серьезнѣе принимаясь за дѣло, то, конечно, не много выходило бы изъ университета людей порядочныхъ. Къ счастью, съ приближеніемъ конца ученія, даже и отчаянные кутили нерѣдко обращались на путь истинный и сильно работали передъ экзаменами, стараясь наверстывать потерянное время ¹⁾.

¹⁾ Не знаю, поется ли нынѣшними казанскими студентами пѣсня «стою одинъ передъ язбушкой», въ которой такъ хорошо выражено раскаяніе студента-кутилы въ своемъ неблагоповеденіи; но у старыхъ студентовъ

Съ приближеніемъ экзаменовъ наступало затишье; однако въ промежуткахъ между ними нѣкоторые считали-таки нужнымъ „подкрѣплять“ свои силы для дальнѣйшихъ трудовъ и бессонныхъ ночей—„горячими напитками“, отъ которыхъ предостерегали „правила“. Болѣе усердные, уже за годъ до окончанія курса, а то и раньше принимались за обработку медальныхъ и кандидатскихъ диссертаций. Да и вообще кончающимъ приходилось работать гораздо больше, потому уже, что предстояло освѣжить въ памяти всѣ главные предметы, хотя бы они и не одинъ годъ читались, напр. всю химию, все сельское хозяйство (а читались они по три года), все финансовое право (читавшееся два года) и т. д.. Помимо этой работы пишущимъ диссертации приходилось чаще обыкновеннаго заглядывать въ библіотеку и къ профессорамъ, по предметамъ которыхъ писались диссертации. Въ Казанскомъ университетѣ не было въ обычаѣ читать объяснительныя лекціи на темы, задаваемые на медали. Поэтому приходилось частенько надѣлать профессорамъ для полученія объясненій и указаній. Кстати сказать, пользованіе библіотекой университета было довольно затруднительно: такъ называемая главная библіотека была въ завѣдываніи очень суроваго помощника библіотекаря г. Вагнера. Непривѣтливость его къ студентамъ, происходившая, можетъ быть, не столько отъ лѣности или нелюбви къ студентамъ, сколько отъ крайней близорукости, вслѣдствіе которой ему трудно было розыскивать требуемыя книги, заставляла нѣкоторыхъ заискивать въ немъ, доходя даже до приглашеній на чай съ угощеніемъ. Главнаго библіотекаря профессора Готвальда рѣдко удавалось видѣть въ библіотекѣ; да и неловко было обращаться прямо къ нему, тѣмъ болѣе, что онъ, конечно, отсылалъ бы къ тому же свирѣпому помощнику. Полученіе книгъ студентами стѣснено было еще и требованіемъ на бланкахъ съ названіями требуемыхъ книгъ ручательства профессора. Нѣкоторые профессора неохотно давали эти ручательства, другіе напротивъ подписывали охотно; къ нимъ, разумѣется, мы обращались. Кто посмѣлѣе—ставилъ и самъ подпись профессора.

Итакъ все-таки мы работали и не мало; а будь мы разумнѣе въ тѣ юные годы, мы лучше сумѣли бы распредѣлить и употребить

она и понынѣ остается любимой пѣснью и непременно входитъ въ репертуаръ на петербургскихъ обѣдахъ бывшихъ воспитанниковъ Казанскаго университета, ежегодно собирающихся на товарищескую бесѣду въ день годовщины своего университета, 5 ноября.

свое время. Но кто же изъ людей, оглядываясь на прожитые годы, не сознается, что много и много времени тратилъ по-пустому, что потерянное время можно было использовать лучше и экономнѣе? И кто же рѣшится осудить себя за стремленіе къ удовольствіямъ въ юные годы и вообще молодежь за часы, урванные на это отъ дѣла? Развлеченія—это отдыхъ отъ трудовъ, освѣженіе силъ для ихъ продолженія. Худо, если развлеченія эти безобразны, не нравственны. Но что подѣлать съ человѣческими страстями?

Но не чужды были намъ, студентамъ, и эстетическія потребности; нѣкоторые охотно занимались музыкой (для чего имѣлся преподаватель Мукъ), рисованіемъ (преп. Раковичъ), учились танцовать (танцмейстеръ Севастьяновъ) и съ успѣхомъ подвизались на балахъ и маскарадахъ; любили посѣщать театръ и концерты. Были даже партіи театраловъ—поклонниковъ выдающихся артистокъ и артистовъ тогдашней казанской труппы—Стрѣлковой, Прокофьевой, Шмидгофъ, Мило-славскаго, Виноградова и др.; случались и горячіе споры о ихъ достоинствахъ. Какъ теперь наиболѣе яркими, хотя и неособенно компетентными цѣнителями талантовъ состоятъ посѣтители „верховъ“, такъ и было и тогда: большинство студентовъ, главнымъ образомъ по ограниченности средствъ, предпочитало ходить въ раскъ, что имѣло три существенныхъ удобства: 1) было дешево; 2) избавляло отъ обязательнаго для „низовъ“ появленія при шпагѣ и трехуголкѣ и 3) избавляло отъ лицемерія Лапге, обязательно присутствовавшаго почти на каждомъ представленіи и концертѣ и нестѣснявшагося, какъ выше сказано, дѣлать студентамъ замѣчанія и выговоры при всей публикѣ, если усматривалъ своимъ проницательнымъ окомъ какой-либо непорядокъ въ студентѣ или его костюмѣ. Имѣвшіе статское платье ходили на верхи въ немъ, а у кого такового не было—прятались за прочую публику райка, если вдругъ бинокль инспектора направлялся на верхъ.

Иногда въ городскомъ театрѣ давались и благородные спектакли, конечно, съ благотворительной цѣлью. Помню спектакль въпользу раненыхъ севастопольцевъ, въ которомъ участвовали дамы и кавалеры изъ высшаго общества, а изъ нашихъ университетскихъ—профессоръ хирургіи Бекетовъ—лицо, близкое аристократической семьѣ Мерцаловыхъ и синдикъ университета (была такая должность—вродѣ университетскаго стряпчаго) Олферьевъ.

Изъ концертовъ остались у меня въ памяти концертъ извѣстнаго скрипача Аполлинарія Контскаго съ піанистомъ Будеусомъ, произведшій фуроръ между студентами... Затѣмъ—благотворительный концертъ въ Дворянскомъ Собраніи, съ дѣятельнымъ участіемъ

профессора С. В. Пахмана, дирижировавшаго тутъ піекою, исполнявшеюся на 16 (если не ошибаюсь) рояляхъ 32-мя барышнями и дамами,—а потомъ выступившаго въ качествѣ скрипача-солиста, превосходно владѣющаго своимъ инструментомъ ¹⁾).

Еще раньше Аполлинарія посѣтилъ въ мое время Казань — Антонъ Контскій—знаменитый піанистъ, тоже немало взбудоражившій своею игрою вялое провинціальное общество. Это случилось какъ разъ во время празднованія (неофициальнаго впрочемъ) университетомъ своего 50-тилѣтія. Контскій былъ и танцевалъ на балу, данномъ (осенью 1854 года) по этому случаю университетомъ казанскому обществу. Мнѣ случилось даже перекинуться на этомъ балу нѣсколькими словами съ знаменитымъ виртуозомъ. Вторично я видѣлъ его, когда онъ концертировалъ въ Петербургѣ, уже глубокимъ старикомъ, незадолго до своей кончины.

Помимо вышеупомянутаго ученаго сборника, изданнаго профессорами, балъ этотъ, состоявшійся по подпискѣ студентовъ, вѣроятно съ помощью отъ профессоровъ, былъ единственнымъ ознаменованіемъ исполнившагося 50-тилѣтія его существованія. Главнымъ дѣятелемъ при устройствѣ бала былъ профессоръ Киттары; не мало потрудились и студенты распорядители. Хорошее общество тогда еще не чужалось студентовъ, а потому многіе изъ казанской аристократіи удостоили ихъ балъ своимъ посѣщеніемъ.

Къ концу бала, когда „чистая публика“ уже поразѣхалась, нѣкоторые изъ подвыпившихъ студентовъ произвели какія-то безчинства, не имѣвшія, кажется, впрочемъ для нихъ дурныхъ послѣдствій.

Балъ этотъ былъ, кажется, единственнымъ случаемъ, въ мое время, посѣщенія университета „сливками“ казанскаго общества. Бывалъ же кое-кто изъ этого общества вообще только въ торжественныхъ случаяхъ, напр., на университетскихъ актахъ. Вообще же общество относилось къ университету, повидимому, довольно безразлично, возмущаясь только иногда выходками студентовъ.

За малыми исключеніями, профессора жили всторонѣ отъ большого свѣта; студенты, большею частью, тоже; тѣ и другіе,

¹⁾ По провинціальному обычаю сочинять стихи на разные случаи мѣстной жизни, о концертѣ этомъ были написаны стихи съ юмористическимъ отзывомъ о піанисткахъ съ ихъ 320-ю пальцами и восторженнымъ — объ игрѣ Пахмана.

какъ люди, въ большинствѣ небогатые и прямо бѣдные, довольствовались больше собственной товарищеской средой. И только тѣ изъ студентовъ, что были побогаче и со связями, вроде нынѣшнихъ нашихъ „бѣлоподкладочниковъ“, вращались въ болѣе высокихъ сферахъ мѣстнаго общества, были обычными гостями на его балахъ. Масса же студентовъ, состоявшая изъ разночинцевъ, семинаристовъ и вообще изъ молодежи не „бѣлой кости“, едва-ли даже пользовалась какимъ-либо вниманіемъ и сочувствіемъ мѣстнаго общества, знавшаго о ея склонности къ кутежамъ и неодобрительнымъ выходкамъ. Между нѣкоторыми изъ этого общества и студентами не его круга случались даже прямые столкновения, доходившія до рукопашной. Такъ, напр. еще до моего поступленія въ университетъ, пріѣхавшій на вакацію сынъ начальницы Родіоновскаго института студентъ Петербургскаго университета Загоскинъ за презрительное отношеніе къ казанскимъ студентамъ былъ оставленъ на улицѣ, кажется, студентомъ-медикомъ Бѣлиновичемъ, здорово обруганъ и, кажется, даже поколоченъ. А въ мое время случилось столкновение студентовъ съ дурно отзывавшимися о нихъ пріѣзжими офицерами гвардіи кн. Оболенскимъ и Лобачевскимъ, (сыномъ знаменитаго профессора).

Балы, вечера, концерты, маскарады случались не такъ часто, чтобы можно было отнести ихъ къ числу постоянныхъ студенческихъ увеселеній. Да и театральные спектакли давались, помнится, не ежедневно. Маскарады въ театрѣ и въ Дворянскомъ собраніи посѣщались студентами охотно, разумѣется, не безъ задней мысли—поинтриговать небезрезультатно. Иные, для большаго удобства и для укрытія отъ взоровъ инспекціи, закутывались въ домино. Мой хозяинъ Билевичъ одну зиму тоже давалъ маскарады въ обширномъ помѣщеніи на Бол. Проломной.

Это все были, конечно, развлечения зимнія. Въ весеннее и осеннее время непрочъ мы были прогуляться; многіе гуляли просто по Воскресенской улицѣ, благо ѣзды на ней было мало, а какъ вымощенная тогда торцами, она представляла очень гладкую поверхность. Любимою весеннею прогулкою было хожденіе въ Русскую Швейцарію, нѣчто вроде парка на Арскомъ полѣ; здѣсь весною по вечерамъ играла военная музыка; но это считалось дальнею прогулкой; ближайшимъ мѣстомъ съ тѣнью и зеленью было Черное Озеро—длинный, окруженный аллеями прудъ, во впадинѣ между Воскресенской и Грузинской улицами, нынѣ засыпанный. Тутъ въ весенніе вечера (и лѣтніе, но студентовъ, конечно, лѣтомъ было мало) набиралась масса публики и студентовъ, наслаждавшихся, помимо прогулки и гляденія на хорошенькихъ,—прекраснымъ

дешевымъ мороженымъ у трехъ братьевъ мороженщиковъ, отпускавшихъ даже и въ кредитъ.

Въ 1891 году, въ прїѣздъ мой въ Казань, впервые послѣ окончанія курса, я засталъ въ самомъ разгарѣ работы по уничтоженію „озера“; его заваливали всякой дрянью. Теперь площадь для гулянья стала, конечно, больше; но не увеличилась ли и пожарная опасность? Казань вѣдь городъ, знаменитый своею склонностью къ пожарамъ; лишній запасъ воды для нея былъ бы вовсе не лишнимъ. А вода въ Черное Озеро доставлялась, вѣроятно, какими-нибудь подземными ключами, съ прекращеніемъ выхода которымъ очень возможно, что нижніе этажи и подвалы ближнихъ домовъ станутъ страдать отъ сырости. Возобладали, надо полагать, санитарные виды: правда „озеро“ содержалось очень нечисто, значить, заражало воздухъ; уничтожить его представлялось, Городскому управленію, разумѣется, простѣйшей мѣрой ¹⁾.

Для весеннихъ прогулокъ невзыскательныхъ людей было и еще одно мѣсто: вскорѣ послѣ Пасхи на набережной Вулака, невдалекѣ отъ Гостиннаго Двора, устраивалось (какъ и нынѣ остается вѣроятно) нѣчто вродѣ ярмарки; появлялись лавочки съ разными незатѣйливыми товарами, игрушками, лакомствами и даже балаганы съ представленіями „гимнастической ломки и балансировки“, фокусовъ и т. п. Тутъ можно было потолкаться не безъ удовольствія.

Доставляли развлеченіе гуляющимъ и хороводы, устраивавшіеся весною на всѣхъ, сколько-нибудь удобныхъ для того площад-

¹⁾ Кстати замѣчу—наши города въ послѣдніе годы очень усердно уничтожали свои водохранилища, съ древнихъ временъ существовавшія и большею частью дававшія выходъ подземнымъ водамъ. Чтобы не портили они воздухъ своимъ гніеніемъ, происходящимъ отъ отсутствія надзора и ухода, городскіе заправилы обратились къ радикальной мѣрѣ—уничтоженію. Такъ исчезли, кажется, нѣкоторые историческіе пруды въ Москвѣ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ, моей родинѣ, было нѣсколько прудовъ (частію при церквяхъ), мало-по-малу засоренныхъ обывателями, имѣющими на Руси обыкновеніе валить въ воду всякій хламъ, не исключая навоза,дохлыхъ кошекъ и собакъ. Въ бытность мою тамъ въ 1891 году прудовъ этихъ почти и слѣдовъ уже не оставалось. А при мнѣ засыпали едва-ли не послѣдній уже прекрасный, обильный водою «Звѣздинъ прудъ», яко бы съ санитарной цѣлью, лишая выхода подземные ключи, которыми такъ обильна нижегородская почва и которые, благодаря ихъ закрытію, неразъ уже производили оползни. А о пожарныхъ случаяхъ, когда такъ важно имѣть воду какъ можно ближе, и говорить нечего. Въ центрѣ города для прогулокъ и катанья на конькахъ остался одинъ «Черный Прудъ»,—подобіе казанскаго «Чернаго Озера», съ аллеями вокругъ.

кахъ. Тутъ собирались по вечерамъ мѣстное простонародіе и прислуга и до поздней ночи водили хороводы, распѣвая, какъ „мужъ жену училъ“—плеткой, купленной „во Китай-городѣ“,—чтобы къ нему „ходила личикомъ“, а къ другимъ „плечикомъ“, вмѣсто усвоеннаго ею обратнаго приѣма; далѣе какъ „на улицѣ (было) диво, варилъ чернецъ пиво, чернецкое пиво забористо было“ и т. д. — или какъ „намъ жениться—раззориться—стару бабу взять на печи ее держать, киселемъ ее кормить“ и т. д. При этомъ содержаніе нѣкоторыхъ пѣсенъ изображалось въ лицахъ кавалерами и дамами, становившимися въ средину круга¹⁾. Все это доставляло намъ нѣкоторое развлеченіе въ періодъ экзаменной страды.

Какъ только кончались экзамены, всѣ иногородные студенты спѣшили въ свои города и веси, оставляя на произволъ судьбы своихъ хозяевъ и не думая о томъ, какъ-то промаячатъ они лѣто въ ихъ отсутствіи. Комнату свою едва-ли кто оставлялъ за собой, благо по возвращеніи всегда можно было найти другую свободную, если прежняя была вежелательна или оказывалась уже занятою. А что возвращеніе студентовъ къ прежнимъ хозяевамъ было послѣднимъ по душѣ, видно было изъ радушія, съ какимъ они принимали прежнихъ жильцовъ и старались изъ всѣхъ силъ имъ угодить.

¹⁾ Въ числѣ особенностей тогдашней Казани вспоминается мнѣ нигдѣ болѣе, чѣмъ мнѣю невиданный свадебный обычай простонародья: должно быть на другой день послѣ свадьбы поѣзжане ѣздили по городу на телѣгахъ съ пѣснями, при чемъ кто-нибудь изъ пожилыхъ, вѣроятно, свать, сидя на переднемъ мѣстѣ, билъ скалкой въ мѣдный тазъ. Однажды видѣлъ я и такую сцену, должно быть тоже свадебнаго характера: дѣвушка, или новобрачная бѣжала впереди, держа березку, украшенную лентами; а сзади нея шли—должно быть, поѣзжане съ приличными случаю пѣснями.

Кстати еще:—нѣкоторыхъ удивляла продажа яблоковъ на вѣсѣ, теперь входящая въ обычай даже въ столицѣ. Далѣе — оригинальная продажа уксуса въ развозѣ, при чемъ продавецъ возглашалъ о своемъ товарѣ въ длинную жестяную трубу;—далѣе продажа въ развозѣ воды „кабанной“ (изъ озера Кабанъ, находящагося на окраинѣ города) и т. д. Водопровода еще не было.

Можетъ быть, постояннымъ жителямъ и сторожиламъ извѣстны и другія особенности мѣстнаго быта, конечно исчезающія или уже исчезнувшія подъ все уравнивающимъ напоромъ цивилизаціи; но мы, жившіе въ Казани только наѣздомъ, отъ начала лекцій до окончанія экзаменовъ, не могли, конечно, подмѣтить того, что происходило въ нашемъ отсутствіи.

Въ числѣ особыхъ событій, имѣвшихъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ студенчеству, слѣдуетъ отмѣтить кончину ректора И. М. Симонова. Это былъ не только ученый астрономъ и профессоръ, но и очень хорошій человѣкъ, мягко относившійся къ студентамъ въ противоположность грубому Ланге—инспектору. Не приходилось слышать, чтобы онъ сдѣлалъ непріятность кому-нибудь изъ студентовъ. Нѣсколько лѣтъ онъ страдалъ полипомъ въ носу и умеръ 10 января 1855 года, на 61 году жизни. Хоронили его 12 января, въ тотъ самый день, когда Московскій университетъ такъ торжественно справлялъ столѣтіе своего существованія.

Другимъ событіемъ, всколыхнувшимъ жизнь и города, и университета—была кончина Императора Николая I, совершенно неожиданная, а потому давшая поводъ къ разнымъ толкамъ. При отсутствіи желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ свѣдѣнія изъ столицы въ провинцію приходили очень нескоро; такъ что казанцы почти одновременно узнали и о болѣзни Государя, и о его кончинѣ. Какими-то путями слухи о важныхъ происшествіяхъ въ столицѣ доходили въ провинцію раньше официальныхъ извѣстій: въ церквахъ, за отсутствіемъ приказаній отъ Синода, продолжали еще молиться „о здравіи и спасеніи“..., а въ публикѣ ходили уже зловѣщія слухи, что того, о комъ молятся, нѣтъ уже на свѣтѣ. Слухи эти можно, пожалуй, объяснить тѣмъ, что извѣстіе, привезенное губернатору фельдъегеремъ, стало извѣстнымъ по секрету публикѣ черезъ приближенныхъ губернатора, раньше его официальнаго оглашенія. Уже за нѣсколько дней до опубликованія и до полученія газетъ, вѣсть о кончинѣ Императора передавалась въ народѣ шопотомъ другъ другу; если же разговоры эти достигали слуха полиціи, то таковыхъ зловредныхъ болтуновъ забирали, говорятъ, въ кутузку. Большинство казанской публики отнеслось къ кончинѣ Николая I съ большимъ прискорбіемъ; часть равнодушно; часть же студенчества и вообще молодежь съ надеждами на наступленіе новой эры въ нашей государственной жизни, какъ это вскорѣ и оказалось. Съ воцареніемъ Александра II мы, студенты, въ качествѣ почти уже гражданъ, были приведены къ присягѣ, въ присутствіи помощника попечителя Н. И. Лобачевского.

Довольно крупнымъ событіемъ въ общественной и спеціально университетской жизни былъ пріѣздъ въ Казань въ концѣ августа 1856 г. министра Народнаго Просвѣщенія А. С. Норова. Престарѣлый мѣгиканъ 1812 года, на деревяшкѣ, съ костылемъ въ рукѣ, произвелъ на насъ очень пріятное впечатлѣніе своимъ дружелюбнымъ къ намъ отношеніемъ.

Въ короткое время своего пребыванія въ Казани онъ осмотрѣлъ университетскія учрежденія, бесѣдовалъ съ профессорами, посѣтилъ нѣкоторыя лекціи, очень ласково относясь къ студентамъ, такъ что при отѣздѣ его одинъ студентъ-медикъ (помнится, сибирякъ Миловановъ) сказалъ ему очень чувствительную прощальную рѣчь, на которую министръ отвѣтилъ нѣсколькими дружественными словами, выразивъ свое сочувствіе студентамъ — поговоркой: „сердце сердцу вѣсть подаетъ“.

Къ числу еще особыхъ событій, всколыхнувшихъ тихое болото казанской жизни и все населеніе города, слѣдуетъ отнести празднованіе коронаціи Александра II, состоявшееся въ концѣ августа или въ первыхъ числахъ сентября 1856 г. По этому случаю лекціи были пріостановлены на нѣсколько дней. Городъ и разныя учрежденія выразили свою радость устройствомъ роскошной, по-тогдашнему, иллюминаціи, состоявшей не только изъ вонючихъ и коптящихъ плошекъ и шкаликовъ, но и изъ соотвѣствующихъ случаю транспарантовъ съ вензелями, гербами и пр. О газѣ тогда даже и въ Москвѣ еще помину не было (тамъ только нѣкоторые трактиры освѣщались газомъ переноснымъ); керосиновое и электрическое освѣщеніе еще вовсе не были извѣстны... Поэтому неудивительно, что въ провинціи, да и въ столицахъ, чѣмъ торжественнѣе было празднованіе, тѣмъ больше было вони отъ плошекъ и шкаликовъ. Рассказывали тогда, что и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ иллюминаціи, устроенныя за большія деньги какимъ-то ловкимъ французомъ, блистали больше вонью и копотью, чѣмъ свѣтомъ и красотою.

Коронація состоялась по заключеніи Парижскаго мира, коимъ закончилась тяжелая Крымская война. Война эта волновала всѣхъ, не исключая, конечно, и студентовъ; жадно читались приходившія извѣстія; но приходили они очень поздно и были очень скудны. Телеграфной сѣти еще не было, и не помню, былъ ли телеграфъ даже изъ Москвы въ Севастополь; за отсутствіемъ желѣзныхъ дорогъ (кроме Николаевской) газеты, со своими запоздалыми и процѣженными цензурою извѣстіями, являлись къ намъ долгое время спустя послѣ тѣхъ событій, о которыхъ въ нихъ сообщалось. Да и читать-то ихъ студенты могли только у знакомыхъ или въ трактирахъ; но тутъ чтеніе было сопряжено съ нѣкоторыми расходами: приходилось заказывать какую-нибудь *consommation*, какъ выражаются французы, да при томъ еще ждать, пока газета освободится. Въ болѣе приличной обстановкѣ, можно было читать въ кондитерской Штейнгейзера; но къ посѣщенію ея студентами, какъ я уже сказалъ, Ланге относился неблагоклонно.

Какъ ни старались въ Петербургѣ прикрашивать и искажать въ лучшую сторону извѣстія съ войны, стараясь внушить обществу, что намъ „спорить съ Европой не ново“, и что дѣла наши вовсе не такъ плохи,—какъ-то между строкъ читалось иное. Правда, иногда вдругъ откуда-то появлялся слухъ о какомъ-нибудь невѣроятномъ нашемъ успѣхѣ, оказывавшійся потомъ, разумѣется, вздоромъ, къ вѣщшему огорченію повѣрившихъ ему. Такъ напр. вдругъ пришла сказка, что Наполеонъ поссорился съ Пальмерстономъ и предложилъ намъ союзъ противъ Англіи, чтобы вмѣстѣ доконать коварный Альбіонъ. А то пронесся слухъ о необычайномъ подвигѣ мужиковъ Курскаго ополченія, какъ они будто бы бросились въ топоры на непріятеля и чуть-ли не столкнули его въ море. Такъ было сильно желаніе хотя какого-либо успѣха въ нашей борьбѣ съ „союзниками“, что и этимъ дикимъ выдумкамъ вѣрили охотно; удивлялись только, почему это одно только Курское ополченіе оказалось способнымъ на подвигъ... Но вотъ въ концѣ августа 1855 г. пришло грустное извѣстіе, что Севастополь палъ, съ утѣшительной фразой изъ донесенія Горчакова, что „непріятель найдетъ въ немъ одиѣ окровавленные развалины“. Извѣстіе это крайне опечалило всѣхъ; войска наши, уступая отчаянному натиску непріятеля, не положили оружія, по приказанію главнаго командира, какъ это случилось 50 лѣтъ спустя, а только перешли съ южной стороны Севастопольской бухты на сѣверную, по заблаговременно, для нуждъ обороны, наведенному мосту.

По случаю паденія нашей черноморской твердыни многіе, въ томъ числѣ и изъ студентовъ, не преминули утопить свое горе въ винѣ и разгулѣ...

На Казанской губерніи война, передъ самымъ уже концомъ своимъ, кромѣ сбора ополченія, сказала еще тѣмъ, что въ концѣ зимы 1855 года было потребовано собрать для арміи съ крестьянъ всѣхъ наименованій до 1000 телѣгъ съ лошадьми и проводниками. Большой переполохъ причинило это требованіе всѣмъ казанскимъ начальствамъ, начиная съ губернатора, управляющихъ государственными имуществами и удѣлами и кончая помѣщиками съ ихъ крестьянами. Хотя Казанская губернія славилась своимъ производствомъ телѣгъ и тарантасовъ, но быстро выполнить заказъ, можетъ быть, свыше даже тысячи телѣгъ, съ принадлежностями и сбруей, закупить лошадей и собрать возницъ было очень нелегко. А кромѣ всей этой заготовки надо было еще снабдить проводниковъ и лошадей продовольствіемъ на нѣкоторое время, до назначенныхъ по маршруту пунктовъ... А потомъ оказалось, что, какъ это, къ несчастію, нерѣдко бываетъ при нашихъ административныхъ поряд-

кахъ, что подводы были вовсе не нужны: далеко не дойдя до мѣста назначенія, онѣ были обращены вспять и распроданы за безцѣнокъ. Получили ли какое-либо вознагражденіе проводники за свой трудъ, и люди, на которыхъ снаряженіе подводъ было возложено за повинность—не знаю.

Все неладное волновало общество, начавшее уже оживать съ переменной царствованія; а волненія его передавались и студенчеству. Но юность, при всей своей восприимчивости, не долго остается подъ давленіемъ непріятныхъ впечатлѣній, она или ищетъ изъ нихъ выхода не всегда согласнаго съ требованіями морали, (какъ было напр. при полученіи извѣстія о паденіи Севастополя, „когда нѣкоторые „съ горя“ выпили не въ мѣру“), или принимается усиленно заниматься своимъ дѣломъ.

Для насъ близилось уже окончаніе курса, и потому на первомъ планѣ стояло дѣло, а затѣмъ роились предположенія о будущемъ... что-то Богъ дастъ? Каковы-то будутъ новые порядки, начало которымъ было уже положено Александромъ II? Конечно, всѣ больше или меньше рассчитывали, что прежнее худое смѣнится лучшимъ новымъ, подобно тому какъ прежняя форменная одежда замѣнена была новою, болѣе красивою и удобною.

Но вотъ послѣдніе экзамены сданы; диссертациі представлены; курсъ конченъ! Иной окончилъ кандидатомъ, другой при томъ съ медалью золотою или серебряною или, на худой конецъ, съ „почетнымъ отзывомъ“. Менѣе удачливые оказались „дѣйствительными студентами“ какъ будто цѣлыхъ четыре учебныхъ года не были они въ дѣйствительности студентами!

Вотъ близится и разлука съ товарищами, съ которыми 4 года сидѣли въ однѣхъ и тѣхъ же аудиторіяхъ, за однѣми и тѣми же партами, испещренными инициалами и надписями предшественниковъ—разлука съ тѣми, съ кѣмъ волновались событіями жизни, съ кѣмъ радовались радостями и скорбѣли печалями своей *almae matris*.

Но какъ же не ознаменовать окончаніе ученія и предстоящую разлуку приличной пирушкой? Для этой цѣли мы—камералисты съ юристами въ числѣ человекъ 15-ти (всѣхъ-то насъ было немного, но нѣкоторые успѣвши уже уѣхать) устрйоли поѣздку *ins Grüne*, за городъ. Тамъ не только усладились весеннимъ воздухомъ съ закуской, но выпили даже шампанскаго, съ пожеланіями другъ другу

всякихъ благъ и успѣховъ на жизненныхъ путяхъ, неизвѣстно кого куда имѣвшихъ привести. Эта неизвѣстность будущаго (кромѣ казенныхъ стипендіановъ, обязанныхъ отслуживать правительству тамъ, куда оно ихъ пошлетъ), сомнѣніе — придется ли еще когда встрѣтиться съ товарищами въ житейской сутолокѣ — всегда порядкомъ омрачаютъ радость, ощущаемую молодымъ человекомъ при переходѣ изъ міра учебнаго въ міръ житейскій, отъ подготовки къ дѣлу въ область самаго дѣла, въ область практическаго примѣненія своихъ знаній.

Разстались мы съ товарищами, конечно, пообщавъ переписываться, обмѣнялись адресами; но потомъ, погрузившись въ волны моря житейскаго, общанія позабыли, адреса затеряли. Сношенія не прекратились только между особенно дружившими ¹⁾.

Въ концѣ концовъ что же вынесли мы изъ университета? Что далъ онъ намъ? Былъ ли онъ для насъ тѣмъ ключемъ живой воды о которомъ мечталъ Гете? Есть ли за что его благодарить? Есть ли чѣмъ хорошимъ помянуть наше 4-хъ-лѣтнее въ немъ пребываніе?

Прежде, чѣмъ отвѣтить на эти вопросы, слѣдуетъ припомнить обстоятельства тѣхъ временъ, вернуться памятью за 50 слишкомъ лѣтъ! И вотъ припоминается, что „не въ авантажъ обрѣтались“ тогда университеты, что правительство къ нимъ не благоволило, хотя и присвоено имъ названіе „Императорскихъ“, дающее имъ нѣкоторое основаніе считать себя состоящими подъ особымъ монаршимъ покровительствомъ. На дѣлѣ же высшая власть не симпатизировала имъ на столько, что, казалось, допускала ихъ существованіе только, какъ неизбежное зло, неискоренимое только потому, что какъ-то неловко было бы передъ Европой. Уже самое

¹⁾ Я, напримѣръ, въ теченіе 47 лѣтъ не прекращалъ переписки съ М. В. Суринымъ, бывшимъ въ послѣдствіи членомъ Кіевской Судебной Палаты, до самой его кончины въ 1903 году; такъ что дружба наша длилась почти 50 лѣтъ, съ поступленія въ университетъ въ 1853 году. Переписка съ другимъ товарищемъ, прерванная на долгіе годы, случайно возобновилась незадолго до его кончины. Трое изъ бывшихъ товарищей (Н. Н. Лещовъ, Н. А. Кремлевъ, К. А. Пашковскій), живутъ въ Петербургѣ. Четвертый, жившій въ послѣднее время здѣсь (членъ Гос. Совѣта Х. Н. Хлѣбниковъ) умеръ въ сентябрѣ 1908 г. А въ общемъ — припоминая, кто теперь и гдѣ, приходится сказать съ поэтомъ:

И сколько нѣтъ теперь въ живыхъ
Тогда веселыхъ молодыхъ!

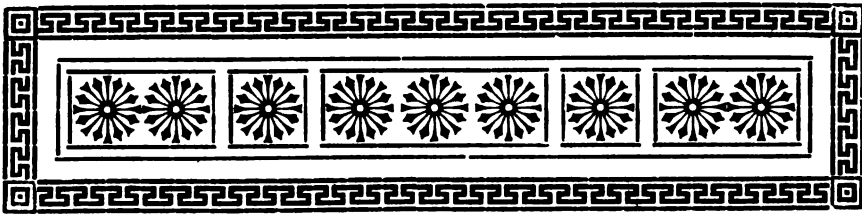
установленіе съ конца 40-хъ годовъ нормы въ 300 учащихся на университетъ, достаточно показывало, что существованіе университетовъ допускалось, такъ сказать, только приличія ради. Средства ихъ были крайне ограничены; содержаніе профессора получали болѣе чѣмъ скромное— можно сказать—нищенское, если сообразить, сколько человѣку приходится учиться, работать, читать, чтобы достигнуть этого званія и не уронить его достоинства и—сколько требовалось бы дѣйствительно средствъ, чтобы жить прилично, хотя бы не особенно нуждаясь... между тѣмъ, какъ рядомъ съ перебивающимся „съ хлѣба на квасъ“ профессоромъ, преуспѣвалъ, да и теперь преуспѣваетъ чиновникъ, большею частію, его же ученикъ, безъ особенно выдающихся познаній и дарованій доходящій до „степеней извѣстныхъ“ и до крупныхъ окладовъ, благодаря, быть можетъ, снисходительности того же профессора, изъ состраданія поставившаго ему хорошій баллъ! Иногда впрочемъ этимъ преуспѣвающимъ бываетъ лицо и вовсе не бывшее въ университетѣ, даже не всегда изъ числа вполне кончившихъ гимназію.

Да, въ николаевскую эпоху положеніе университетовъ было тяжелое; тѣмъ не менѣе тихо, скромно, но дѣлали они свое дѣло, бережно храня врученный имъ свѣточъ знанія, усиленно озаряя имъ умы своихъ питомцевъ и выпуская изъ стѣнъ своихъ все же немалое число людей дѣла, не безъ пользы для отечества работавшихъ на разныхъ поприщахъ государственной и общественной дѣятельности. И Казанскій университетъ въ этомъ отношеніи не обиженъ судьбою; и онъ можетъ насчитать не только достаточное число вообще дѣльных людей, получившихъ въ немъ образованіе, но и немалое количество ученыхъ, въ немъ получившихъ свое научное крещеніе,—благодаря его вліянію, сердцемъ полюбившихъ науку и безкорыстно ей отдававшихся, съ честью ей служившихъ и служащихъ, несмотря на то, что лавры, ею даваемые, иногда обращаются въ терніе, и вообще рѣдко приносятъ съ собою матеріальныя выгоды, обезпечивающія безбѣдное существованіе!

В. Лебедевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

О первой постановкѣ на сценѣ „Демона“.

Князь Григорій Григорьевичъ Гагаринъ, археологъ и художникъ, бывшій вице-президентомъ Императорской академіи художествъ съ 1859—1872 года, долгое время провелъ на Кавказѣ въ періодъ его покоренія, изучилъ быть горцевъ, посѣтилъ достопримѣчательныя мѣстности Кавказа, въ томъ числѣ и развалины воспѣтаго Лермонтовымъ замка Тамары, и вернувшись въ Петербургъ, своими восторженными рассказами и особенно рисунками въ изданіи „*Le Caucase pittoresque*“, настолько заинтересовалъ Кавказомъ все высшее общество, начиная съ ближайшаго своего начальника—президента академіи Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Николаевны, герцогини Лейхтенбергской, что у Императрицы Маріи Александровны зародилась мысль олицетворить въ живыхъ картинахъ поему „Демонъ“.

Въ то время эта чудная восточная повѣсть еще не была въ печати и среди интеллигентнаго класса ходила въ рукописяхъ тайкомъ, какъ нѣчто запрещенное¹⁾. Но цензура—одно, а желаніе Императрицы—другое. Государыня лично обратилась къ митрополиту за разрѣшеніемъ поставить въ Дворцѣ живыя картины изъ „Демона“. За иллюстрацію взялся князь Гагаринъ, выполнивъ задачу со свойственнымъ ему художественнымъ талантомъ, техническую же часть, т. е. самую постановку картинъ, Государыня милостиво поручила моему дѣду по матери—художнику-архитек-

¹⁾ Одна изъ такихъ рукописей сохранилась у меня.

тору и академику Андрею Адамовичу Роллеру, бывшему главнымъ декораторомъ и механикомъ „Большого Театра“ въ царствованіе Императоровъ Николая I и Александра II.

Изъ сохранившихся у моей матери и переданныхъ мнѣ документовъ видно между прочимъ слѣдующее: 31 марта 1863 года (это былъ первый день Пасхи) князь Гагаринъ написалъ моему дѣду письмо на французскомъ языкѣ, въ которомъ сообщаетъ, что предстоитъ постановка живыхъ картинъ въ Зимнемъ дворцѣ, въ виду чего проситъ Андрея Адамовича пріѣхать къ нему для переговоровъ во вторникъ 2 апрѣля къ 11 часамъ утра. Въ пятницу на Оминой недѣлѣ, 12 апрѣля, князь Гагаринъ получилъ письменное увѣдомленіе отъ графа Шувалова, что имъ сдѣлано распоряженіе объ отводѣ зала въ Зимнемъ дворцѣ для постановки живыхъ картинъ на понедѣльникъ 15 апрѣля, но съ тѣмъ, чтобы всѣ сооруженія были убраны къ утру вторника, т. е. въ этотъ день, 16 апрѣля, предстояло представленіе дамъ, а къ 17 апрѣля залъ надо было приготовить къ балу. Получивъ это письмо, князь Гагаринъ немедленно переслалъ его для свѣдѣнія Роллеру.

И такъ, въ первый разъ „Демонъ“ появился на сценѣ 15 апрѣля 1873 года въ понедѣльникъ послѣ Оминой подъ кровлей Зимняго дворца, а на слѣдующій годъ, въ первое воскресенье Великаго поста, эти же живыя картины, только подъ другими названіями, появились съ Высочайшаго соизволенія на сценѣ Большого Театра въ бенефисъ Андрея Адамовича Роллера.

Какъ я уже упомянулъ выше, иллюстрація живыхъ картинъ была воспроизведена княземъ Гагаринымъ, а детали разработаны и самая постановка выполнена Роллеромъ. Изъ сохранившихся у меня иллюстрацій видно, что во дворцѣ „Демонъ“ былъ поставленъ въ 10 картинахъ, а въ театрѣ въ 8-ми. Кромѣ того были поставлены живыя картины, олицетворявшія собою картины извѣстныхъ художниковъ. Во дворцѣ такихъ картинъ было поставлено 4, а въ театрѣ 6; всего по 14 картинъ раздѣленныхъ: во дворцѣ на три отдѣленія (5, 5 и 4), а въ театрѣ на два (7 и 7).

Вотъ перечень картинъ, съ обозначеніемъ въ скобкахъ тѣхъ названій, подъ которыми онѣ были поставлены въ театрѣ:

1-е отдѣленіе.

Карт. 1. *Панорама Кавказа*. (Похищеніе Ганимеда).

Демонъ А. Жемчужниковъ.

Въ театрѣ въ живыхъ картинахъ участвовали, конечно, актеры и актрисы, при чемъ въ первой картинѣ

фигурировали два лица: Бубновъ и Муравьевъ въ роли Ганимеда.

Карт. 2. *Лезгинка*. (Терраса въ Тифлисъ).

Участвующие: Г-жи: Гамалей (Тамара), К. Тимашева, Е. Кознакова, К. Пашкова, Н. Кочубей, княжна С. Гагарина, Е. Офенбергъ, Е. Стааль, В. Леонтьева, М. Пашкова, Канкриня, М. Голицына, графиня М. Борхъ и г-нъ Бушкинъ (?)

Карт. 3. *Нитва*. (Нападеніе бедуиновъ на французскіе аванпосты).

Участвующие: М. Нарышкинъ, баронъ А. Тетенбергъ, В. Перовскій, князь М. Голицынъ, А. Веймарнъ, графъ А. Мусинъ-Пушкинъ, А. Олсуфьевъ, А. Эссенъ, князь Д. Горчаковъ, графъ В. Бобринскій, Д. Скобелевъ, графъ П. Шуваловъ, Ф. Эльстонъ, и пять учениковъ театральнаго училища.

Карт. 4. *Смерть*. Картина изображала плачъ Тамары надъ трупомъ жениха (Умиравшій воинъ).

Участвующие: М. Нарышкинъ, г-жи: К. Тимашева (Тамара), К. Пашкова, княжна С. Гагарина, М. Пашкова, В. Леонтьева, Е. Офенбергъ, Е. Кочубей, княжна М. Голицына, Е. Корнакова, Е. Стааль, графиня О. Канкриня, М. Борхъ и два ученика театральнаго училища.

Карт. 5. *Видѣніе*. (Св. Цицилія, Тиціана).

Участвующие: Г-жа Гамалей (Тамара), А. Жемчужниковъ (Демонъ), М. Нарышкинъ (женихъ въ облакахъ) и его окружаютъ хоръ ангеловъ: г-жи О. Олсуфьева, К. Офенбергъ, княжна А. Трубецкая, княжна О. Барятинская, Л. Шереметева, Д. Олсуфьева, Н. Бартеньева, княжна М. Голицына, графиня С. Шувалова, А. Соколова, графиня А. Пушкина и шесть ученицъ театральнаго училища.

2-е отдѣленіе.

Карт. 6. *Серенада*. Демонъ передъ кельей Тамары. (Въ театрѣ тоже серенада).

Демонъ А. Жемчужниковъ.

Карт. 7. *Ангелъ и Демонъ* (въ театрѣ не ставилась).

Участвующие: г-жи: Н. Гамалей (Тамара) и К. Офенбергъ (Ангелъ)
и А. Жемчужниковъ (Демонъ).

Карт. 8. *Клятва* (въ театрѣ не ставилась).

Участвующие: г-жа Н. Гамалей (Тамара) и А. Жемчужниковъ (Демонъ).

Карт. 9. *Поиребеніе..* (Свадебное шествіе въ горахъ).

Участвующие: г-жи: княжна С. Гагарина, К. Пашкова, К. Тимашева, М. Пашкова, Е. Стааль, графиня О. Канкринна, М. Борхъ, Е. Офенбергъ, Е. Кочубей, Е. Кознакова, В. Леонтьева и княжна М. Голицына; г-да: А. Олсуфьевъ, князь М. Голицынъ, Б. Перовскій, графъ В. Бобринскій, А. Веймарнъ, князь Д. Горчаковъ, баронъ А. Тетинборнъ, графъ П. Шуваловъ, Ф. Эльстонъ, графъ А. Мусиянъ-Пушкинъ, Д. Скобелевъ и восемь ученицъ театрального училища.

Карт. 10. *Апогеозъ*. (Добрый Геній).

Участвующие: г-жи: Н. Гамалей (Тамара) и К. Офенбергъ (Ангелъ)
и А. Жемчужниковъ (Демонъ).

3-е отдѣленіе.

Карт. 11. *Барка*. Картина П. Веронеза.

Участвующие: князь М. Кочубей, княжна А. Гагарина, г-жа Т. Рибопьеръ, князь П. Витгенштейнъ, князь С. Гагаринъ, г-жа А. Александрова, графиня: М. Потоцкая и А. Пушкина и баронъ А. Тетинборнъ.

Карт. 12. *Три отрока въ пещи огненной*.

Карт. 13. *Неаполитанская сцена*.

Участвующие не извѣстны.

Карт. 14. *Лѣстница Іакова*.

Участвующие: А. Корсаковъ и г-жи: Л. Шереметева, княжны А. Трубецкая и К. Бяратинская, А. Соколова, К. Офенбергъ,

княжна М. Голицына, Офенбергъ, Олсуфьева, Н. Бартеньева, графиня С. Шувалова и пять ученицъ театральнаго училища.

Въ театрѣ во второмъ отдѣленіи были поставлены: одна картина изъ Демона подъ названіемъ Св. Цицилія и затѣмъ: Барка Поля Веронеза, уроки амура нимфамъ, Давидъ и Саулъ, Туалетъ Юдиен и Навуходоносоръ.

Сообщ. Е. Петерсенъ.

„Опасная“ машинка.

3 марта 1802 года изъ Москвы графъ Салтыковъ Государю доноситъ:

„Здѣшнею полиціею усмотрѣна въ мебельной лавкѣ купца Денкера и Компанін, здѣсь въ Мясницкой части стоящей, и мнѣ предоставлена машина, посредствомъ которой можно не только писать, вдругъ два письма одного содержанія и одного даже почерка, но вода однимъ сухимъ перомъ по чьей-либо подписи, другое напишетъ подъ ту руку точно такъ, что писавшій собственною рукою не за свою рукопись едва признать можетъ-ли. О родѣ таковыхъ я хотя и несвѣдущъ, не могу однако не почитать ихъ удобными къ злоупотребленію со стороны неблагомыслящихъ людей, покушающихся подписывать векселя и прочіе акты подъ чужую руку. Поелику-же о истребленіи сихъ машинъ закона и особаго повелѣнія нѣтъ, то осмѣливаюсь обстоятельство сіе передать на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества благоусмотрѣніе и ожидать повелѣнія“.

Государь 10 марта того же года отвѣчалъ:

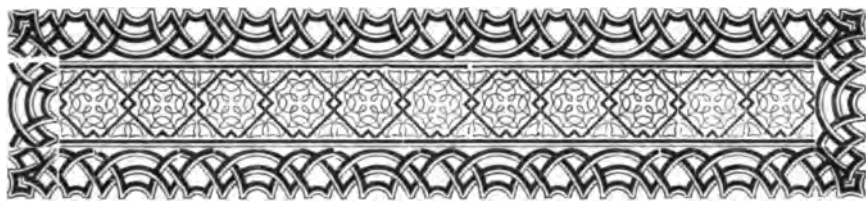
„Графъ Иванъ Петровичъ!

Описанную въ донесеніи вашемъ машину, подъ именемъ пантографа вообще извѣстную, я не нахожу никакой необходимости запрещать, тѣмъ болѣе, что она введена уже въ употребленіе; послѣдствія же подлога, къ коему можетъ она случай, должно отнести къ тѣмъ злоупотребленіямъ, кои изъ самыхъ лучшихъ изобрѣтеній злонамѣренность извлекаетъ и кои однако же не могутъ быть правиломъ къ воспрещенію оныхъ. Посему возвратите машину сію безъ всякаго взысканія.

Впрочемъ пребываю вамъ благосклонный Александръ.

Сообщ. Д. Успенскій.

Маріенбургскій узникъ.

(Историческій очеркъ).

I.

Нодъ этимъ заглавіемъ мы находимъ въ „Историческихъ очеркахъ“ извѣстнаго польскаго историка А. Даровскаго весьма интересныя данныя о заточеніи поляками въ Маріенбургскомъ замкѣ отца московскаго царя Михаила, митрополита Филарета, въ бытность его посломъ подъ Смоленскъ къ польскому королю Сигизмунду III-му.

Въ историческихъ дѣяніяхъ Польши,—говоритъ г. Даровскій,—прошелъ почти незамѣченнымъ отрывокъ изъ письма короля Сигизмунда III-го, заключающій въ себѣ, несмотря на свою лаконичность, длинную одиссею страданій и мытарствъ человѣка, котораго судьба бросала въ разныя стороны съ восемнадцатилѣтняго возраста, не давая ему покоя: который испыталъ и перенесъ всякія перипетіи жизни и перевероты, постигшіе Москву въ началѣ XVII столѣтія.

22 января 1619 года, король Сигизмундъ III послалъ письмо съ нарочнымъ гонцомъ въ г. Вязьму къ польскимъ комиссарамъ, избраннымъ на сеймъ въ „Московскую Экспедицію“. Въ этомъ письмѣ онъ увѣдомлялъ послѣднихъ о нижеслѣдующемъ:

„Въ соглашеніи Вашихъ Милостей и Любезностей, учиненномъ съ Москвою и доставленномъ Намъ секретаремъ Нашимъ Гридичемъ, Мы усматриваемъ между прочими кондиціями, такой параграфъ, чтобы плѣнные обѣихъ сторонъ были доставлены своевременно на мѣсто обмѣна къ извѣстному сроку. Въ виду этого и во избѣжаніе съ нашей стороны не желательныхъ замедленій, Мы сочли за благо приказать дворянину Якову Бедржицкому тотчасъ

же отправиться въ Маріенбургъ, взять изъ тамошняго замка митрополита московскаго Филарета и немедленно доставить его Вашимъ Любезностямъ, для поступленія съ нимъ, какъ и съ другими плѣнными, согласно учиненныхъ Вами договорныхъ статей трактата ¹⁾“.

Само собою разумѣется, что приказъ, данный королемъ, послужилъ для митрополита Филарета и Василя Голицына, — хотя о немъ и не упоминается—не только освобожденіемъ изъ плѣна, но въ то же время громаднымъ переломомъ въ его жизни, преисполненной ударовъ судьбы. Если бъ Филаретъ велъ дневникъ своей жизни или записывалъ событія, то навѣрное оставилъ бы намъ преинтересную историческую страницу. Постриженный въ 1601 г. и сосланный Борисомъ Годуновымъ въ Сибирь; заключенный тамъ въ тюрьму; возвращенный потомъ Гришкой Отрепьевымъ въ Москву: схваченный затѣмъ вторымъ самозванцемъ; бывшій свидѣтель всей кампаніи короля Сигизмунда подъ Смоленскъ и Москву; наконецъ, содержимый восемь лѣтъ въ роскошнѣйшемъ Маріенбургскомъ замкѣ, — въ сравненіи съ которымъ меркли кремлевскія богатства,—Филаретъ, точнѣе Ѳеодоръ Никитичъ, могъ теперь освободиться и занять мѣсто на ступенькахъ царскаго престола и воссѣдать рядомъ съ своимъ сыномъ, молодымъ монархомъ, Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Эта игрушка судьбы и одна изъ главныхъ жертвъ бурной эпохи, какъ равно и одинъ изъ главныхъ дѣятелей противъ Вазъ и ихъ политики,—окончилъ свое бременное существованіе почти одновременно съ Сигизмундомъ III, виновникомъ его заточенія въ бывшемъ замкѣ крестоносцевъ.

Однако, не слѣдуетъ принимать черезчуръ трагически пребыванія митрополита въ прусскомъ Маріенбургѣ: ни онъ, ни Василій Голицынъ не были строго заточенными, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда: они не раздѣляли судьбы сосланныхъ на заточеніе узниковъ. Мы подчеркиваемъ это обстоятельство потому, что, въ сущности, Маріенбургская тюрьма была политическая: въ ней были подземелья, извѣстныя еще съ временъ крестоносцевъ, въ которыя заточали преступниковъ для отбыванія наказаній: но Филаретъ не раздѣлялъ печальной участи литвиновъ, захватываемыхъ великимъ магистромъ и сажаемыхъ въ темныя и сырыя подвалы. Правда, онъ былъ военноплѣннымъ; но условія, при какихъ онъ былъ взятъ въ плѣнъ, были совсѣмъ иныя, какъ было и иное положеніе, вообще. Какъ извѣстно, все посольство, отправленное изъ Москвы подъ Смоленскъ, было схвачено и отправлено въ Польшу. Но вѣдь то же самое совершилъ до этого, да еще два

¹⁾ «Подлинныя Свидѣтельства», П. Муханова.

раза, царь Василій Шуйскій съ королевскими послами, благодаря чему и боярскіе легаты были схвачены, въ отместку, а съ ними, слѣдовательно, и Филаретъ съ Голицынымъ, независимо отъ другихъ причинъ. Поэтому, никакого злоупотребленія со стороны короля не было и не могло быть: онъ только поквитался. Съ маріенбургскимъ узникомъ и обходились совсѣмъ иначе: онъ былъ только интернированъ, т. е. сосланъ въ этотъ замокъ и содержимъ при всѣхъ удобствахъ, подобающихъ его высокому духовному сану. тѣмъ больше, что вскорѣ по взятіи митрополита въ плѣнъ, его сынъ Михаилъ воссѣлъ на престолъ Іоанна Грознаго.

Очень жаль, — говоритъ г. Даровскій, — что мы не имѣемъ болѣе обширныхъ свѣдѣній о пребываніи Филарета въ замкѣ Конрада Валенрода и Ульриха Юнгингена, въ величественномъ, художественномъ, громадномъ, омываемомъ съ трехъ сторонъ рѣкою Ногатомъ и каналомъ, готическомъ замкѣ, состоящемъ изъ цѣлаго комплекта великолѣпныхъ зданій, окруженныхъ каменными стѣнами, башнями и каналами, а съ стороны главныхъ воротъ — охраняемомъ болѣе скромнымъ подворьемъ, хозяйственными постройками, мастерскими и конюшнями!.. Какая колоссальная разница съ Кремлемъ, съ его почернѣлыми стѣнами, тѣсными комнатами, византийской позолотой и даже дворцомъ въ стилѣ ренесансъ, построеннымъ итальянскимъ архитекторомъ посрединѣ Кремля въ царствованіе Іоанна Грознаго! Въ 1612 году, т. е., когда русскіе послы были заточены въ Маріенбургскомъ замкѣ, всѣ зданія его оставались такими, какими ихъ оставилъ орденъ крестоносцевъ, только назначеніе ихъ измѣнилось во времена поляковъ, т. е. съ 1468 года.

По нашему мнѣнію, Филаретъ и Голицынъ не имѣли ничего общаго съ „Шильонскимъ узникомъ“ или „Желѣзной Маской“, напротивъ, они навѣрное содержались, по всѣмъ даннымъ, свободно, согласно гуманнымъ взглядамъ начальства и гражданъ Рѣчи Посполитой. Правда, у насъ нѣтъ никакихъ тому доказательствъ, и поэтому мы можемъ допустить, что они находились въ комнатахъ низкаго зданія на первомъ дворѣ, или даже въ королевскихъ, когда король отсутствовалъ. Надо полагать, что узники пользовались полной свободой, гуляли съ своими свитами и товарищами по великолѣпнымъ корридорамъ и галлереямъ. Навѣрное можно предположить, что они содержались не хуже, чѣмъ князя Шуйскіе, увезенные одновременно въ плѣнъ, послѣ которыхъ однако же имѣются живые слѣды, что они получали отъ королевской четы въ Гостынинѣ драгоценныя одежды и разные подарки. Очевидно, имъ жило тамъ хорошо, если Иванъ Шуйскій, пере-

жившій свою неволю, долгое время не хотѣлъ возвращаться въ Москву, несмотря на то, что въ Кремлѣ усиленно хлопотали о его возвращеніи. Такимъ образомъ и Филарету должно быть жилось не хуже его, съ точки зрѣнія матеріальной, о нравственной же, конечно, трудно что-либо сказать.

II.

Несчастія всей семьи пошли отъ Бориса Годунова. Одинъ изъ Романовыхъ былъ отцомъ Анастасіи, первой жены Іоанна Грознаго, и ея брата Никиты, отца митрополита; по этому, родство Федора Никитича съ царскимъ домомъ являлось причиной всякихъ опасеній Годунова относительно претендентовъ на царскій престолъ, такъ какъ поводомъ для волненій на Москвѣ служила борьба за скипетръ трехъ боярскихъ родовъ родственными настоящимъ Димитрію, а слѣдовательно, имѣющими всѣ права на правленіе, — т. е., Годуновыхъ, Шуйскихъ и Романовыхъ. Торжество Годунова ускорило развязку борьбы, потому что его противники не могли примириться съ мыслью, что на московскій престолъ возсядетъ татарскій потомокъ, обойдя ихъ. Возможно, что и первый самозванецъ былъ подставленъ нѣкоторыми боярами, врагами Годунова. Въ 1610—11 годахъ Василій Голицынъ тоже стремился дать шахъ Сигизмунду вторымъ самозванцемъ, впустить послѣдняго въ столицу, — съ цѣлю потомъ низвергнуть — и, можетъ быть, самому сѣсть на престолъ. Отважность, предпримчивость или сила характера видны въ каждомъ шагѣ Василя Шуйскаго, только одни Шуйскіе противились Годунову, даже дѣлали заговоръ противъ него. Самъ Годуновъ неоднократно обвинялъ бояръ, что самозванецъ былъ подставленъ ими, съ цѣлю обманомъ и бунтомъ низвергнуть его съ престола. Наконецъ, Шуйскіе были одинаково враждебно настроены, какъ противъ Годуновыхъ, такъ и противъ Романовыхъ; они тайно звали королевича Владислава въ Москву. Фактъ этотъ мы затрогиваемъ вслѣдствіе того, что современный бытописатель К. Бассовъ доказываетъ, что поляки признались ему, будто первый Самозванецъ былъ настоящимъ сыномъ Стефана Баторія, а Гришка Отрепьевъ — только его наставникомъ, — что совсѣмъ невѣроятно и похоже на сказку. Одно лишь справедливо, что, благодаря Рѣчи Посполитой и поддержкѣ нѣсколькихъ магнатовъ, самозванецъ сдѣлался историческою личностью, съ которымъ

папа входилъ, черезъ своего нунція, въ переговоры, послѣдствіемъ чего у Лжедмитрія явились латинско-церковныя тенденціи и симпатіи къ западной цивилизаціи, къ Польшѣ.

Годуновъ, лишенный возможности спокойно проявлять свою власть вслѣдствіе убійства настоящаго Дмитрія, сослалъ въ Сибирь Романовыхъ въ 1601 году; изъ нихъ нѣкоторые умерли въ изгнаніи въ Перми. Способнѣйшій изъ нихъ Ѳеодоръ Никитичъ былъ запертъ въ Сейскій монастырь и постриженъ въ монахи подъ именемъ Филарета, а жена его, урожденная Шестова и молодой Михайлъ—отправлены на Бѣлое Озеро. Только смерть Годунова и прибытіе перваго самозванца въ Кремль возвратили имъ свободу, послѣ чего Филаретъ, какъ близкій родственникъ, былъ возведенъ въ санъ митрополита Ростовскаго и Ярославскаго. Въ Ростовѣ же онъ дождался паденія Шуйскихъ и пришествія второго самозванца...

Когда король Сигизмундъ натягивалъ всѣ струны съ цѣлюю пріобрѣсти регентство въ Москвѣ и обезпечить московскій престолъ за Владиславомъ, Филаретъ поставилъ ему въ условіе переходъ молодого королевича въ православіе, какъ политическій догматъ, который онъ защищалъ, быть можетъ, не съ такимъ усердіемъ, какъ патріархъ Гермогенъ, но все же съ неменьшей настойчивостью.

Онъ не отличался своимъ положеніемъ отъ другихъ агитаторовъ въ моменты выступленія противъ королевской политики точно также являлся ярымъ врагомъ сторонниковъ Сигизмунда, ненавидѣлъ западно-латинскую жизнь и такимъ остался до конца жизни, въ особенности, по возвращеніи изъ плѣна, когда получилъ вліяніе на политическія и церковныя дѣла въ Кремлѣ.

Воспитанный въ церковной школѣ византійскихъ традицій, въ которой свѣтскій авторитетъ и монаршая власть стояли выше духовной, онъ умѣлъ, однако же, защищать въ минуты опасности обѣ идеи. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ однимъ изъ выдающихся противниковъ латинизма.

Что у короля Сигизмунда были важныя причины для неудовольствія на митрополита—это понятно: Филаретъ не только не соглашался на королевскія предложенія, но даже игнорировалъ ихъ, что доказывается преніями, которыя велись комиссарами обѣихъ сторонъ подъ Смоленскомъ въ 1616 году. Тогда шелъ разговоръ не только о заключеніи мира, но и объ освобожденіи Филарета съ его товарищами изъ неволи. Комиссія эта не имѣла успѣха, такъ какъ обѣ стороны не сошлись въ условіяхъ.

Польскіе комиссары показали противникамъ „собственноручныя письма патріарха московскаго, что черезъ десять недѣль послѣ присяги королевичу, по соглашенію съ Филаретомъ, этотъ послѣдній, ради возведенія на престолъ сына Михаила, разсылалъ тайныя письма въ замки, чтобы оттуда шелъ народъ удалять изъ столицы людей его королевскаго величества“... Показали и то,—пишутъ комиссары,—что „Филаретъ и Голицынъ, посланные къ королевичу, фальшиво въ своемъ посольствѣ поступали, наружно—они королевича на престолъ приглашали, а тайно въ замки письма разсылали и людей бунтовали“. Вскорѣ по отъѣздѣ этихъ пословъ изъ столицы, поступокъ Филарета открылся благодаря его родственнику Ѳеодору Погожеву, который былъ заключенъ въ острогъ и тамъ показалъ, что Филаретъ фальшиво принялъ это посольство, съ цѣлью повредить королевичу и возвеличить своего сына Михаила. Голицынъ же сносился въ Калугѣ съ самозванцемъ, чтобы помѣшать Владиславу, а Лжедмитрія посадить на престолъ, а потомъ убить его. Послѣ сего къ столицѣ восемьдесятъ тысячъ людей подступило“ ¹⁾...

Мы не ручаемся, такъ ли въ сущности было, какъ утверждали поляки, такъ какъ сомнѣваемся, чтобы Филаретъ думалъ въ это время о возведеніи своего сына на престолъ; признаніе же Погожева тоже едва-ли заслуживаетъ довѣрія, хотя, съ другой стороны, наслѣдованіе престола, естественнымъ теченіемъ событій, само собою клонилась въ пользу малолѣтняго Романова, имѣвшаго всѣ права на корону, послѣ Шуйскихъ и Годуновыхъ. Объ этомъ было извѣстно на королевскомъ дворѣ,—чего собственно и опасались, и поэтому упрямство Филарета очень раздражало поляковъ.

Въ моментъ, когда всѣ плѣнные шли по дорогѣ на Литву, жена Филарета Марѳа, съ сыномъ Михаиломъ, сидѣла запершись въ Кремль съ боярами и поляками, И. Сапѣгой, М. Струсемъ, Будилей, Стравинскимъ и др.; она смотрѣла съ высокихъ каменныхъ теремовъ на борьбу польскаго гарнизона со всеобщимъ ополченіемъ и на подходившія къ воротамъ и башнямъ полчища Минина и Пожарскаго. Когда гарнизонъ былъ взятъ голодомъ, Марѳа вышла съ сыномъ, а вслѣдъ за нею—всѣ поляки и литвины, которые были взяты въ плѣнъ.

А между тѣмъ Филаретъ со свитой подвигался къ Варшавѣ. Кромѣ Томили Луговскаго,—кажется дьяка, точнѣе, секретаря плѣннаго посольства, Филарета окружали: Данило Мезецкій, дьякъ

¹⁾ «Сборн. ист. матерьяловъ», Кіевъ, 1890 г.

Иванъ Грамотинъ, Борисъ Ивановичъ Пушкинъ, Богданъ Матвѣвичъ Глѣбовъ, Андрей Ивановичъ Баскаковъ, Иванъ Гавриловичъ Коробинъ, Борисъ Бартеневъ, Антонъ Лагосткинъ, Фома Квашнинъ и Василій Павловъ. Вѣроятно, они сопутствовали ему и въ Маріенбургъ, хотя двое изъ нихъ ухитрились бѣжать въ Москву. Въ это же время молодой Михаилъ былъ избранъ на царскій престолъ, несмотря на то, что его мать, боясь за жизнь своего сына, сначала не хотѣла и слышать объ избраніи. Видя измѣну вѣрности и присягѣ по отношенію къ прежнимъ монархамъ, бунты и убійства, она не хотѣла жертвовать единственнымъ сыномъ и бросать его на произволъ событій, а тѣмъ больше боялась, чтобы это избраніе не ухудшило положенія ея мужа, бывшаго плѣнникомъ короля Сигизмунда...

Въ концѣ концовъ, она согласилась, въ надеждѣ на то, что въ предстоящемъ заключеніи мирнаго договора произойдетъ обмѣнъ плѣнныхъ на захваченныхъ въ Кремлѣ, и что всякія условія будутъ зависѣть отъ территоріальныхъ уступокъ, о которыхъ Рѣчь Посполитая давно уже мечтала. Кромѣ того, въ зависимости отъ событій, вступленіе на тронъ молодого Романова могло ускорить освобожденіе ея мужа...

III.

Что Филаретъ содержался въ польскомъ плѣну съ надлежащимъ ему уваженіемъ, на это имѣется много данныхъ. Ему не запрещалось писать письма въ Россію. Въ октябрѣ 1613 года, жена его Марѳа Ивановна прислала ему соболью шубу и другія одежды; затѣмъ возобновляла эти послышки. Великая потеря для исторіи, что по сіе время не удалось разыскать корреспонденцію, которая велась въ теченіе восьмилѣтняго плѣна между Филаретомъ и Ѳеодоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ, хотя извѣстно, что корреспонденція эта находилась когда-то въ архивѣ князей Шереметевыхъ. Въ 1613 году, на выборномъ конгрессѣ, письмо митрополита читалось въ Кремлѣ. Матеріалъ признанъ настолько важнымъ, что прежде, чѣмъ онъ не разыщется, мы не можемъ обсуждать интересующую насъ эпоху. Однако же странно, что не найденъ до сихъ поръ даже совѣщательный протоколъ объ избраніи Михаила Ѳеодоровича на царство, хотя есть данныя, что онъ находился въ документахъ Шереметевыхъ. Что касается князей Шуйскихъ, то о нихъ сохранился весьма краснорѣчивый документъ, ясно свидѣтельствующій, что король Сигизмундъ очень милостиво и ласково

обходился съ плѣнными, даже съ такими,—какъ напримѣръ царь Василій,—которые жестоко обидѣли его. Царю Василю король дарить подѣ Смоленскомъ образъ—складень, имѣющій съ одной стороны изображеніе Богородицы, а съ другой—святыхъ угодниковъ. Складень украшенъ серебромъ и мѣдью. Затѣмъ дарить зарецъ съ червонцами и талерами и, кромѣ того, широкія одежды, вышитыя золотомъ; одинъ пурпурный бархатный кафтанъ, другой голубой, адамасковый; одну шапку изъ черныхъ лисицъ, другую изъ вишневаго сукна, подбитую лисицей двѣ шубы, еще кафтаны и всевозможныя постельныя принадлежности.

Затѣмъ, великій канцлеръ литовскій, Левъ Сапѣга, подарилъ серебряную вызолоченную ложку; другую, болѣе скромную, подарилъ Балабанъ, потому что посуда, которая была у низвергнутаго съ престола монарха, состояла изъ цинка, олова и мѣди. Князь Димитрій Шуйскій получилъ отъ Сигизмунда разныя одежды, крытыя бархатомъ, и кафтанъ зеленаго атласа, а княгиню обдарила гетманша Жолкѣвская разными золотыми браслетками съ брилліантами и рубинами, шапкой чернаго бархата на пуху съ золотыми запястями, какъ это видно изъ инвентаря вещей, оставшихся послѣ плѣнныхъ въ Гостынинѣ, вѣроятно, не обнимающій всѣхъ подарковъ, какими королевскій дворъ старался усладить жизнь изгнанниковъ въ неволѣ.

Нѣтъ данныхъ допустить, чтобы товарищъ Василя Голицына очутился въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ были другіе; напротивъ, даже высылка его въ великолѣпный Маріенбургскій замокъ наводитъ на мысль, что человѣку, занимающему высокое духовное положеніе, отведена была наилучшая резиденція, какія въ то время имѣлись въ распоряженіи Рѣчи Посполитой, что дѣлается болѣе понятнымъ, если принять во вниманіе провозглашеніе его сына наслѣдникомъ Іоанна Грознаго, Годунова и Шуйскаго.

Впрочемъ, въ Варшавѣ уже питали надежду на заключеніе мира съ сосѣднимъ государствомъ: тогда насталъ бы моментъ освобожденія Филарета, посредствомъ выкупа его съ помощью обширныхъ территоріальныхъ концессій. Но въ Москвѣ, несмотря на вступленіе на престолъ Михаила Феодоровича, нисколько не смѣшили. Собственно, мысль объ освобожденіи митрополита и его товарищей изъ плѣна была предметомъ обсужденій съ обѣихъ сторонъ, которыя начались съ 1615 года; но затрудненія для достиженія дѣли были чрезвычайно велики, а воспоминанія о событіяхъ—еще очень свѣжи, чтобы можно было надѣяться на скорое успокоеніе и устраненіе тѣхъ неудовольствій, которыя вызвали обостренныя отношенія при Іоаннѣ Грозномъ...

Какъ извѣстно, въ началѣ 1615 года въ Варшаву явился посолъ отъ бояръ, а не отъ царя, не признававагося ни Польшей, ни Швеціей, грозившей тоже войною. Посломъ этимъ былъ Ѳеодоръ Григорьевичъ Желябускій. Грамата, которую онъ представилъ, была подписана одиннадцатью боярами и восемью окольными. Очевидно, прибытіе посла имѣло цѣлью не только начать переговоры, но и ориентироваться на мѣстѣ относительно условий, какія Рѣчь Посполитая намѣревалась продиктовать, какъ равно и видѣться съ Филаретомъ, выписаннымъ въ польскую столицу въ виду предстоящихъ трактатовъ.

Положеніе явилось весьма щекотливымъ, но намъ не извѣстно, какъ въ Кремлѣ принимали это положеніе, серьезно или хладнокровно, несмотря на горячія письма и указанія, какими былъ снабженъ Желябускій.

„Великій Государь, сынъ Вашъ приказалъ Васъ, великаго государя, о здоровьи спросити; что касается своего здоровья, приказалъ сказать, что Вашими святыми отеческими, и матеря нашей монахини, Великой Государыни, молитвами на нашемъ великомъ и славномъ государствѣ живемъ, только печалуемся и болѣемъ, что вашихъ благочестивыхъ отцовскихъ очей не можемъ узрѣть. Молимся милосердному Богу, мыслимъ о томъ, какъ бы ваше пресвященство изъ этой неволи освободить“...

Такъ долженъ былъ сказать посолъ свою рѣчь, если бъ увидѣлся съ митрополитомъ въ Варшавѣ или гдѣ онъ находился. Кромѣ того, собственноручное письмо царя къ отцу, украшенное обыкновеннымъ вступленіемъ въ церковно-оріентальномъ стилѣ, придающемъ ему особенный характеръ, — заключало въ себѣ такое же привѣтствіе и объясненіе, понятное съ точки зрѣнія особеннаго стеченія обстоятельствъ. Надо полагать, что посолъ имѣлъ возможность, при отдачѣ письма, видѣться съ лицомъ, могущимъ дать полезныя наставленія относительно начинавшихся переговоровъ, хотя трудно было допустить, чтобы это свиданіе состоялось безъ свидѣтелей.

Письмо начиналось слѣдующими словами:

„Къ Великому, въ Троицѣ Святой прославленному Богу нашему, великимъ благочестивымъ достоинствомъ почтеннаго и украшеннаго и нашего христіанскаго народа истиннаго учителя, возносящаго моленья къ Богу о спасеніи нашемъ, наказующаго словами овецъ Христовыхъ, защитника и мученика за святую церковь христіанскую и крѣпкій оплотъ православія, пользующагося милою жизнью на землѣ (?) и будущаго жителя небеснаго рая, наивысшаго, най-

старшаго въ святомъ достоинствѣ, великаго Государя Отца Своего митрополита Филарета Никитича, Божіею милостію и Его сильной и непобѣдимой длани держателя скипетра великаго царства Россійскаго, на страхъ врагамъ, на славу добродѣтелей, Сынъ Твой преславнаго отечества, Михаилъ, Божіею милостію царь и великій князь, самодержецъ Всея Руси, земно кланяется, прикасаясь къ благодѣтельнымъ стопамъ Твоимъ, со слезами прося благословенія“...

Далѣе въ письмѣ говорится, что бояре и окольничіе просили царя и т. д. позволить имъ снестись съ Сигизмундомъ по вопросу о мирѣ. „А предъ тѣмъ—говорится въ письмѣ,—мы посылали вамъ черезъ духовнаго Ефрема и слугу нашего нѣсколько необходимыхъ вещей; въ то же время писалъ къ своимъ Николай Струсь (т. е., на родину, въ Польшу), чтобы вамъ послали, что нужно, такъ какъ мы все изъ казны, что онъ требовалъ, выдать приказали“ и т. д..

Митрополиты, епископы и др. пишутъ особо къ обоимъ великимъ посламъ въ Варшаву, характеризуя слѣдующимъ образомъ послѣднія событія:

„Вы пошли по приказу патріарха Гермогена и васъ всѣхъ къ королю Сигизмунду совѣщаться о великихъ дѣлахъ, а король присягѣ гетманской измѣнилъ и васъ всѣхъ по тюрьмамъ поразослалъ. То, зачѣмъ вы были посланы, давно уже прошло и нынѣ, Божіею милостію, избранъ на престолъ царь Михаилъ. А вы, господа, не теряйте присутствія духа въ неволѣ и надѣйтесь на Бога, ибо царь нашъ не забываетъ о васъ и думаетъ, какъ освободить. Онъ соизволилъ на посылъ пословъ съглашенія ради съ поляками относительно мира,—обмѣна плѣнныхъ и освобожденія Васъ“¹⁾...

Кромѣ, какъ бы официальныхъ, поклоновъ посольствъ привезъ привѣты и поздравленія отъ жены Филарета, монахини Марѣы, отъ высшаго духовенства, отъ всей боярской Думы и наконецъ отъ царя: одновременно съ симъ привѣтствовали Вас. Вас. Голицына и всю свиту нарочно составленнымъ и выписаннымъ вѣжливымъ оборотомъ словъ, какъ напримѣръ:

„Служба Ваша, желанія и терпѣніе Намъ извѣстны; Мы, Великій Государь, думаемъ о томъ, какъ васъ освободить“...

Желябускій засталъ Филарета въ Варшавѣ, въ домѣ канцлера литовскаго, Льва Сапѣги; ему, согласно тогдашнему обычаю и по-

¹⁾ Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ, т. IV, стр. 12.—126.

нятіямъ, было предоставлено право выкупа, какъ военно-плѣннаго и дозволено видѣться съ митрополитомъ при свидѣтеляхъ. Филаретъ, прочитавъ царское письмо, спросилъ посла:

— Милостивъ ли Господь къ моему сыну?

Посолъ отвѣтилъ, что слѣдовало, а затѣмъ узникъ обратился ко всей посольской свитѣ со словомъ порицанія, что его сына избрали царемъ.

— Хорошо ли вы сдѣлали, что послали меня отъ имени всего Московскаго государства съ инструкціями къ королю Сигизмунду? Я откровенно поступалъ до сего времени, а вы посадили на престолъ московскій моего сына Михаила Ѳеодоровича и поэтому провинились передо мною... Если вы хотѣли избрать царя на Московское Государство, то могли избрать кого угодно, кромѣ моего сына, а вы сдѣлали это тайно отъ меня и я не зналъ о томъ...

Узника беспокоили двѣ вещи: во-первыхъ, что при свиданіи съ посломъ присутствовали сенаторы, вельможи, Левъ Сапѣга и другіе; вслѣдствіе этого онъ старался отклонить отъ себя подозрѣніе, что онъ якобы затруднялъ переговоры о королевичѣ Владиславѣ подѣ Смоленскомъ съ цѣлью проторить своему сыну путь ко все-россійскому престолу; во-вторыхъ, на самомъ дѣлѣ могло казаться, что вслѣдствіе этой комбинаціи, освобожденіе его изъ плѣна встрѣтится съ осложненіями, ибо Рѣчь Посполитая, имѣя въ своихъ рукахъ такого, какъ онъ, заложника, поставитъ невозможныя условія, будетъ держаться ихъ и приобрѣтетъ всякія политическія концессіи, какихъ она только пожелаетъ.

Подозрѣнія эти много выиграли на силѣ и правдѣ съ того времени, когда Михаила провозгласили царемъ. Такимъ образомъ мы можемъ себѣ объяснить не только приведенную нами выше рѣчь, но и согласованный съ нею отвѣтъ московскаго посла, которые являлись предумышленною ими манифестаціей.

— Провозглашеніе царемъ Михаила нисколько бы не устранило избраніе его, еслибъ ты самъ, великій государь, присутствовалъ въ Москвѣ, ибо оно свершилось по волѣ Божьей, а не по желанію твоего сына... отвѣтилъ Желябускій.

— Ты доказываешь, что сынъ мой былъ избранъ монархомъ исключительно по волѣ Божьей и по вашему принужденію, а не по собственному желанію? спросилъ Филаретъ; при чемъ обратился къ Льву Сапѣгѣ и прибавилъ:—Что могъ сдѣлать мой сынъ? Онъ остался послѣ меня шестнадцать лѣтъ, безъ родни. Изъ всѣхъ насъ остались только я и мой братъ Иванъ Никитичъ, живущій въ Москвѣ...

Намъ извѣстно, какое положеніе занималъ королевскій совѣтъ, добивавшійся удовлетворенія касательно правъ Владислава на корону; поэтому Сапѣга рѣзко отвѣтилъ:

— Твоего сына посадили на престолъ донскіе казаки!..

— Что вы говорите, господинъ канцлеръ?—отвѣчилъ Желябускій,—Все случилось по волѣ Всевышняго и Божескому попущенію. Господь внушилъ Духомъ Святымъ нашему народу...

Сапѣга промолчалъ; ни варшавскій дворъ, ни шведскій король Густавъ-Адольфъ царя не признавали...

Аудіенція кончилась обыкновеннымъ челобитьемъ и поклонами посла, послѣ чего Филаретъ далъ Сапѣгѣ прочесть письмо, написанное имъ въ Москву. Что касается отсутствія Василія Голицына, то канцлеръ Сапѣга объяснилъ, что онъ остался въ Маріенбургскомъ замкѣ (можетъ быть вслѣдствіе болѣзни), а Михаилъ Шейнъ съ женою и дочерью живутъ въ имѣніи Сапѣги, Рожанѣ, на Литвѣ, гдѣ ихъ посолъ могъ посѣтить при возвращеніи въ Москву; а молодой Шейнъ, сынъ смоленскаго богатыря, находится въ Варшавѣ. На вопросъ относительно здоровья князя Голицына, Филаретъ отвѣтилъ:

— Не знаю, живъ ли бояринъ Василій, такъ какъ я давно не видался съ нимъ.

Очевидно, старый Голицынъ былъ слабаго здоровья, и онъ не дохалъ до своего отечества: онъ умеръ по дорогѣ, въ г. Вильнѣ, спустя четыре года. Вѣроятно, по слабости здоровья не пріѣхалъ въ Варшаву, куда хотѣли собрать важнѣйшихъ плѣнныхъ, чтобы, въ случаѣ благополучныхъ переговоровъ о мирѣ, немедленно выдать ихъ прибывшимъ посламъ.

Кромѣ Льва Сапѣги, при разговорѣ присутствовалъ Николай Олесницкій, кастелянъ Мологоскій, арестованный въ свое время Василиемъ Шуйскимъ. Филаретъ обратился къ нему:

— Царь Борисъ обозлился на всѣхъ насъ: меня сослалъ въ монастырь, трехъ моихъ братьевъ уморилъ голодомъ и подушилъ и теперь у меня остался только одинъ братъ, Иванъ Никитичъ...

— Почему Годуновъ сдѣлалъ это? спросилъ Олесницкій Сапѣгу.

— Потому что боялся, чтобы не посадили кого-либо изъ нихъ на московскій престолъ,—отвѣтилъ послѣдній,—такъ какъ они были великіе люди и близкіе царю Ѳеодору!..

Тѣмъ кончилась аудіенція. Заключеніе мира, а слѣдовательно и освобожденіе плѣнныхъ должно было состояться въ томъ же году на смоленской границѣ, да и то съ помощью посредника, посла

отъ нѣмецкаго короля. Но мы знаемъ, что къ этому соглашенію пришли только черезъ четыре года, въ продолженіе которыхъ плѣнные обѣихъ сторонъ находились въ неволѣ.

IV.

Болѣе чѣмъ въ два года, военная драма въ Кремлѣ была разыграна, польско-литовскій гарнизонъ былъ взятъ въ плѣнъ и Москва очищена. 25-го октября (по старому стилю) 1613 года открылись ворота вооруженнаго Кремля, поляки сложили оружіе и были загнаны въ таборы всеобщаго ополченія Минина и Пожарскаго; Николу Струси заперли въ Чудовомъ монастырѣ, а его полкъ отданъ казакамъ. Хорунжаго мовырскаго, Будиллу, съ остаткомъ солдатъ Сапѣга, взялъ князь Пожарскій, а многихъ, вопреки мирному договору, побили войска. Плѣнные были розсланы по городамъ,—въ Нижній-Новгородъ, Ярославль, Галичъ, Бѣлоозерскъ и Вологду,—и поразсажены въ сырые и темные казематы. Очевидно, состояніе ихъ тамъ было достойно сожалѣнія, такъ какъ узники писали оттуда,—по собственному ли наитію или по внушенію царскихъ слугъ,—слезныя письма въ Варшаву съ просьбами освободить ихъ. Николай Струсь послалъ слѣдующее письмо къ королю Сигизмунду.

„Всепресвѣтлѣйшій, всемилостивѣйшій король и государь мой! Сидя въ темномъ, тяжеломъ казематѣ, мы утѣшаемъ себя милосердіемъ Бога и Твоимъ, Король и Государь нашъ, и преклоняемся предъ Твоимъ величествомъ! Сжальтесь надъ нами, ваше величество, вспомните о нашей вѣрной службѣ и освободите насъ изъ плѣна. Господь не пожелалъ утѣшить насъ отстояніемъ мѣста Твоего; но да будетъ извѣстно Вашему Величеству, что это случилось не по нашей винѣ и что не враги насъ побѣдили, а ужасный голодъ, лишившій насъ силы и предавшій въ руки непріятеля. Десять недѣль мы ждали отъ Бога и братьи нашей помилованія, но не дождались. Мнѣ кажется, что нѣтъ на свѣтѣ несчастнѣе насъ, страдающихъ за вѣрную службу въ тюрьмѣ. Челомъ бью Вашему Величеству отъ имени всѣхъ братьевъ моихъ, страдающихъ въ узахъ вмѣстѣ со мною, сжался надъ нами и пришли пословъ за нами. А если не смилуешься, то мы всѣ погибнемъ здѣсь. Помилуй насъ, Милостивый Государь! и мы вѣчно будемъ молиться за Твое здорovie“ ¹⁾.

¹⁾ «Собр. госуд. грамотъ» т. III, стр. 38-я.

Вѣроятно еще хуже было съ литвинами, увезенными въ глубину края; они еще съ бѣльшимъ нетерпѣніемъ ожидали освобожденія, лишенные всякихъ извѣстій съ родины, хотя совступленіемъ на престолъ Михаила Ѳеодоровича положеніе ихъ значительно улучшилось. Это видно изъ ихъ письма. Какимъ образомъ оно дошло до Варшавы и попало въ руки короля—неизвѣстно; но надо предполагать, что въ Кремлѣ были желательны таковыя напоминанія съ цѣлю скорѣйшаго, освобожденія своихъ узниковъ, Филарета и Голицына.

Подобное же письмо получилъ гетманъ литовскій И. К. Ходкевичъ изъ Нижняго-Новгорода отъ литвиновъ, схваченныхъ въ Кремлѣ, писанное въ концѣ сентября 1614 года ¹⁾.

„Милостивый Государь, Господинъ гетманъ.

„Тяжело намъ было сидѣть при осадѣ Москвы и кровью своею защищать Его Королевское Величество, но нынѣ намъ тяжелѣе, потому что мы, служившіе вѣрой и правдой королю, не видѣли сожалѣнія. Мы ждали отъ Его Величества освобожденія и писали ему о томъ не разъ, какъ и къ Вашей милости. Нынѣ же, вслѣдствіе просьбъ нашихъ, по милости Государя Михаила, посылаемъ г. Радвана отнести наши кровавыя слезы къ Его Величеству и къ Вамъ. Просимъ Васъ внять нашимъ просьбамъ и помочь въ нашемъ несчастіи. Господарь московскій не возьметъ за насъ ни золота, ни серебра, ни городовъ, а только людей своихъ, находящихся въ королевствѣ Его Величества, Филарета и Голицына съ ихъ товарищами, отъ которыхъ Его Величеству нѣтъ никакой пользы. Слезно просимъ Вашего ходатайства и донесенія нашихъ просьбъ Его Королевскому Величеству освободить насъ взаимно нихъ. Живемъ въ Нижнемъ-Новгородѣ спокойно и пользуемся достаточнымъ содержаніемъ по милости Государя. Царь и Великій князь Михаилъ посылаетъ къ Его Величеству своего посла для оповѣщенія о своемъ вступленіи на московскій престолъ и о иныхъ дѣлахъ; поэтому униженно просимъ Васъ исходатайствовать у Его Величества Короля прислать пропускъ для сего посланца“.

Подписали: Іосифъ Будилло (хорунжій Мозырскій), Эразмъ Стравинскій (конюшій Троцкій), Андрей Телефусъ и нѣсколько другихъ. „Нижній-Новгородъ, 30-го сентября 1614 года“.

Но и эти литвинцы, сосланные въ отдаленныя губерніи и ожидающіе съ величающею жадностью момента возвращенія ихъ въ

¹⁾ «Археограф. Сб. док. къ исторіи Сѣверо-Западной Россіи». Вильна, 1867 г., т. IV. стр. 75.

свое отечество къ женамъ и семьямъ, вѣроятно, не знали тогда, что пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, пока настанетъ часть обмѣна плѣнныхъ и, одновременно, смягченія—хотя и временнаго—жестокъ военной борьбы. Потребовалось составить новую кампанію, чтобы принудить противника къ мирнымъ переговорамъ, очевидно, корыстнымъ, если задержка такого важнаго плѣннаго нисколько не перетягивала вѣсовъ той корысти, которую ожидала и имѣла право ожидать Рѣчь Посполитая.

Московская экспедиція королевича Владислава въ 1617 году вызвана была тяжелою необходимостью для Польши: ей грозила война со стороны Турціи, находившейся въ тѣсной связи съ политикой кремлевскихъ бояръ; поэтому Польшѣ предстояло имѣть дѣло съ двумя врагами.

Въ іюнѣ 1618 года король Сигизмундъ III понуждалъ своихъ комиссаровъ заключить болѣе продолжительное перемиріе съ Москвою, при условіи, чтобы Сѣверщина осталась при Польшѣ. Онъ не видѣлъ способа, какъ далѣе вести войну, не только „вслѣдствіе учиненной на прошломъ сеймѣ деклараціи Всѣхъ Чиновъ“, но и въ виду подвигавшихся къ Подоліи турецкихъ войскъ. При томъ Рѣчь Посполитая находилась въ затрудненіи относительно выдачи жалованья солдатамъ ¹⁾.

Несмотря на это—что весьма странно—король съ грустью принялъ извѣстіе о заключеніи перемирія „Мы не могли безъ сожалѣнія слышать, — пишетъ онъ, — что вы такъ поспѣшно приступили къ переговорамъ, не донесши намъ о томъ Изъ этого Мы видимъ не славу, а позоръ для Рѣчи Посполитой, ибо она понесла громадныя убытки задаромъ въ борьбѣ съ непріателемъ, который былъ не только безсиленъ, но и не питалъ никакой надежды на побѣду и т. д. Но это ужъ придется поручить Господу Богу, Который хотѣлъ поступкомъ такимъ покарать Рѣчь Посполитую“...

Въ сущности, положеніе польско-литовскихъ войскъ было гораздо хуже, чѣмъ это казалось изъ варшавскаго замка. Поэтому королевское письмо, очевидно написанное въ моментъ раздражительности, кажется неосновательнымъ. Не оплаченные войска, сильные морозы и состояніе дорогъ (что и самъ король признаетъ въ своемъ письмѣ) заставляли отказаться отъ всякихъ на-

¹⁾ „Подлин. свидѣт., Муханова, 1834 г. Письма Сигизмунда III“.

деждъ и корысти, „ибо не только лошадей и вещи, но и людей помороженныхъ мертвыми свалили“.

До полного мира не дошло, а только до перемирія о чемъ ужъ сказано выше; поэтому ограничимся тѣми обстоятельствами, которыя вызвали освобожденіе узниковъ и пред-стоявшій обмѣнъ плѣнныхъ.

Ф. В. Домбровскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Дѣйствительный прототипъ Пушкинской Татьяны.

Въ замѣткѣ „Одинъ изъ прототиновъ Пушкинской Татьяны“, сообщенной А. Е. К. (въ 1 № „Русской Старины“ за 1908 г., стр. 37) встрѣчаются такія неточности, что я счелъ своимъ долгомъ сдѣлать по сему поводу нѣкоторыя разъясненія.

Въ началѣ прошедшаго столѣтія въ Псковской губ., Опочскаго уѣзд., въ селѣ Тригорскомъ, живописно расположенномъ на высокомъ берегу красивой рѣки Сороти, впадающей въ р. Великую, въ 2-хъ верстахъ отъ с. Михайловскаго, имѣнія А. С. Пушкина, проживала Прасковья Александровна Осипова съ своимъ семействомъ. Всякій, кто только читалъ соч. А. С. Пушкина, конечно, помнитъ нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній, посвященныхъ Тригорскому и два или три письма къ его владѣлицѣ П. А. Осиповой. А. С. Пушкинъ очень часто посѣщалъ Тригорское и былъ съ его обитателями въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

П. А. Осипова по первому мужу Вульфъ, по второму Осипова, имѣла отъ перваго брака дѣтей: Алексѣя Николаевича, друга Пушкина и Языкова, и дочерей: Александру, Анну и Евпраксію Николаевну, которая впослѣдствіи вышла за мужъ за барона Бориса Александровича Вревскаго, сынъ котораго Александръ Борисовичъ былъ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, а нынѣ въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи, членъ Государственнаго Совѣта. Отъ второго брака у П. А. Осиповой было двѣ дочери: Марія и Екатерина Ивановна; послѣдняя и есть мать генералъ-лейтенанта Александра Викторовича Фока.

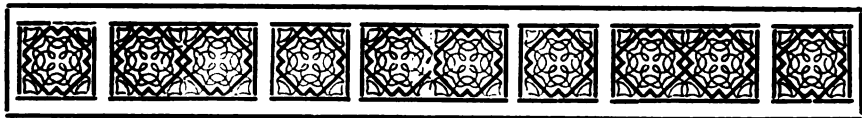
Отъ Екатерины Ивановны Фокъ (родилась въ 1823 г., нынѣ 85 л. старушка проживаетъ въ г. Псковѣ) я неоднократно слышалъ воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ. Екатерина Ивановна въ то время была ребенкомъ, неоднократно играла съ Пушкинымъ въ прятки, при чемъ онъ залѣзалъ подъ диванъ и вытаскивать его оттуда было очень трудно; она рассказывала, что А. С. былъ необыкновенно веселый, игривый, находчивый и милый, любилъ дѣтей, умѣлъ говорить съ ними и охотно игралъ. Я неоднократно возбуждалъ во-

прось, кто служилъ Пушкину моделью для Татьяны, и она нѣсколько разъ говорила мнѣ: „Сестра моя Евпраксія, она была очень красива, а главное характеръ ея вполне соответствовалъ Пушкинской Татьянѣ“—я въ то время была еще ребенкомъ и только впоследствии могла это оценить, да и вся родня наша была того же мнѣнія“.

Такимъ образомъ дѣйствительнымъ прототипомъ Татьяны Пушкина была Евпраксія Николаевна Вульфъ, впоследствии баронесса Вревская.

Сообщ. Н. Ф. Быковскій.

Замѣтки стараго кавказца.

Въ одномъ изъ номеровъ „Новаго Времени“ за 1904 годъ, г-жей Смирновой приведены были выдержки изъ записокъ князя Дондукова-Корсакова, которыя, къ сожалѣнію, я прочелъ очень поздно, почему, находя въ нихъ нѣкоторыя неточности, касающіяся такихъ личностей какъ кавказскіе военнопачальники Слѣпцовъ и Коляловскій, которыхъ я зналъ очень, очень близко, я считаю своимъ долгомъ сказать о нихъ то, что мнѣ, какъ старому кавказцу, хорошо извѣстно.

Въ этихъ запискахъ Дондуковъ-Корсаковъ, начавшій службу на Кавказѣ въ сороковыхъ годахъ, рассказывая о вспылчивомъ характерѣ Николая Павловича Слѣпцова, говоритъ между прочимъ: „духъ боевого товарищества соблюдался на Кавказѣ такъ свято, что вызывалъ не только подвиги, но и комическіе эпизоды. Извѣстный кавказскій герой Слѣпцовъ поѣхалъ разъ въ отпускъ въ Саратовъ и взялъ съ собой нѣсколько казаковъ. Одного тамъ за буйство забрали въ полицію. Слѣпцовъ узналъ объ этомъ, вскипѣлъ, бросился съ остальными на выручку съ обнаженными шашками, съ пистолетными выстрѣлами, разбилъ всю саратовскую полицію и, выручивъ казака, уѣхалъ на Кавказъ. Объ этомъ набѣгѣ на мирный губернскій городъ донесли Государю. Дѣло могло бы кончиться плохо, но Слѣпцовъ, не доживъ до его окончанія, умеръ“.

Все это произошло совершенно не такъ и обнаженныхъ шашекъ и выстрѣловъ не было. Я самъ находился въ то время въ Саратовѣ и, видясь почти каждый день съ Слѣпцовымъ, хорошо знаю этотъ случай.

Николай Павловичъ Слѣпцовъ, въ половинѣ сороковыхъ годовъ прославившійся уже своими необычайными подвигами на Кавказѣ, пріѣзжалъ въ Саратовъ поклониться могилѣ своего умершаго передъ этимъ отца. При немъ, кромѣ лакея Ларьки, находились младшій

переводчикъ чеченецъ прапорщикъ Исай и его любимый урядникъ Сунженскаго полка, которымъ Слѣпцовъ командовалъ, состоя въ то же время и начальникомъ Сунженской линіи.

Лакей Ларька, однажды, выпросился у Слѣпцова въ нагорную часть Саратова, чтобы отыскать какого-то своего родственника и такъ какъ онъ, ѣхавъ на извозчикѣ, вздумалъ играть на гармоникѣ, то его и забрали въ четвертую часть города и посадили за рѣшетку. Взятка въ то время въ провинціи существовала въ ужасающихъ размѣрахъ, и полиція брала не только деньгами, но всѣмъ, чѣмъ угодно, но, на бѣду, у Ларьки, чтобы откупиться, денегъ не было, почему онъ и послалъ извозчика дать знать своему барину о своемъ арестѣ.

Слѣпцовъ поѣхалъ выручать Ларьку, но это было уже ночью, и та часть города была небезопасна вслѣдствіе грабежей, почему онъ и взялъ съ собой своего урядника, а когда вошелъ въ приемную четвертой части, то его встрѣтилъ съ просонокъ растрепанный дежурный квартальный надзиратель въ высокихъ галошахъ на босую ногу и въ теплой шинели, надѣтой поверхъ нижняго бѣлья. Слѣпцовъ въ высшей степени былъ деликатенъ не только съ равными себѣ, но и со своими низшими и имѣлъ обыкновеніе начинать рѣчь чрезвычайно тихо. Комната въ это время была тускло освѣщена ночникомъ, и квартальный, видимо, не узнавъ, Слѣпцова, грубо отказалъ ему въ его просьбѣ освободить Ларьку. Вспыльчивый Слѣпцовъ быстро поддавался гнѣву, и тогда его тихій голосъ становился рѣзкимъ и повелительнымъ, но такъ какъ квартальный и послѣ этого, направляясь въ свою комнату и обернувшись къ Слѣпцову позволилъ себѣ сказать: „вотъ какая еще птица!“ то Слѣпцовъ, далъ ему такую плюху, что онъ отлетѣлъ въ сторону и сначала вскочилъ на столъ, но когда въ тотъ же моментъ на шумъ вбѣжалъ изъ сѣней, вооруженный съ ногъ до головы, урядникъ, то квартальный со страху сразу очутился на шкафу, спрятавшись за кипу книгъ, которыя тамъ лежали. Перепуганные сторожа поторопились выпустить Ларьку, при чемъ ползулся суматохой, убѣжали и нѣсколько заарестованныхъ городскихъ обывателей.

Обо всемъ этомъ на другой день Слѣпцовъ передалъ губернатору, Кожевникову, добавивъ, что потерпѣвшему квартальному онъ готовъ выдать вознагражденіе до 3.000 рублей и передъ нимъ извиниться.

Кожевниковъ хотя и имѣлъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, но ранѣе самъ былъ военнымъ и состоялъ когда-то казачьимъ атаманомъ и, кромѣ того, еще участвовалъ въ неудач-

номъ походѣ Перовскаго на Хиву. Онъ принялъ Слѣпцова очень холодно и, не сказавъ на его объясненія ничего положительнаго, прислалъ къ нему на другой день саратовскаго полицеймейстера, маіора Ф . . онова.

Слѣпцовъ въ Саратовѣ занималъ небольшой домикъ, принадлежавшій тогда Нестеровой, на Константиновской улицѣ. Николай Павловичъ и на этотъ разъ, какъ и всегда, принялъ посѣтителя съ большой любезностью, усадивъ полицеймейстера съ собой на диванъ, но полицеймейстеръ, не зная характера Слѣпцова, принялъ, вѣроятно, его любезность и тихій голосъ за робость и въ своемъ разговорѣ началъ забываться, послѣ чего возвышавшійся постепенно голосъ Слѣпцова уже показывалъ на приближеніе бури. Когда же на согласіе Слѣпцова, кромѣ выдачи квартальному 8.000 р. и желанія извиниться передъ нимъ при полицеймейстерѣ и самомъ губернаторѣ, Ф . . оновъ потребовалъ для удовлетворенія чести полиціи сдѣлать извиненіе въ присутствіи губернскаго правленія и находившихся при этомъ случаѣ полицейскихъ сторожей, то Слѣпцовъ, понизивъ свой голосъ и стараясь сдержать себя отъ вспышки, началъ объяснять полиціимейстеру, какъ военному штаб-офицеру, о невозможности этого требованія, но Ф . . оновъ, вѣроятно, вообразилъ, что Слѣпцовъ окончательно струсилъ и позволилъ сказать ему, что, въ противномъ случаѣ, дѣло это можетъ кончиться для Слѣпцова сѣрой шинелью. Тутъ моментъ былъ ужасный. Слѣпцовъ вскочилъ какъ ужаленный, глаза его страшно за-сверкали и послѣ крика: „вонъ, негодяй!“ полиціимейстеръ очутился у подъѣзда, на снѣгу, куда ему подали шинель и трехуголку съ чернымъ султаномъ.

Конечно, все это завистники постарались страшно раздуть, и составленный по этому дѣлу актъ, съ добавленіемъ, что квартальный надзиратель состоялъ въ тѣ дни исправляющимъ должность частнаго пристава, былъ переданъ генералъ-лейтенанту Левенталю, начальнику округа гарнизона внутренней стражи, каковой, до учрежденія Казанскаго военнаго округа, находился тогда въ Саратовѣ.

Производимое по этому поводу слѣдствіе съ искаженными фактами и отобраніе отъ Слѣпцова подписки о невыѣздѣ изъ Саратова ставило его въ крайне затруднительное положеніе, тѣмъ болѣе, что все это произошло, когда отпускъ его кончался, почему онъ о случившемся и поспѣшилъ донести намѣстнику Кавказа, князю Воронцову, который, въ свою очередь, доложилъ обо всемъ Государю, по повелѣнію котораго все слѣдственное дѣло, съ подведенными статьями карающаго закона, было представлено Его Вели-

честву военнымъ министромъ Чернышевымъ и послѣ резолюціи Государя Николая Павловича: „желаю полковника Слѣпцова видѣть полковникомъ русской арміи, а не солдатомъ!“ дѣло это тутъ же было прекращено, и Слѣпцовъ получилъ Владиміра 8-й степени, къ которому былъ представленъ передъ своимъ отпускомъ.

Послѣ этого Слѣпцовъ, какъ извѣстно, еще шесть лѣтъ служилъ на Кавказѣ и за свои славные подвиги былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, получилъ Георгія 4 ст., Станислава и Анну 1 ст. и даже былъ назначенъ начальникомъ Владикавказскаго военного отдѣльнаго округа, но назначеніе это пришло, когда онъ уже палъ въ бою.

Увѣжая изъ Саратова, Слѣпцовъ вызвалъ къ себѣ злополучнаго квартальнаго, вручилъ ему значительную сумму и, извинившись передъ нимъ при своихъ близкихъ, крѣпко разцѣловалъ, такъ что растроганный такою честью квартальный даже плакалъ навзрыдь.

Что же касается замѣчанія въ тѣхъ же запискахъ князя Дондукова-Корсакова, гдѣ онъ, ставя Слѣпцова на высшій пьедесталъ какъ героя и человѣка, говоритъ, между прочимъ, что Слѣпцовъ все состояніе свое прожилъ на хлѣбосољство, то это также несовсѣмъ вѣрно, такъ какъ онъ хотя и былъ большой хлѣбосолъ, но всѣ средства его, какъ хорошо извѣстно, употреблялись имъ на покупку лошадей и другія обзаведенія сформированнаго имъ Сунженскаго казачьяго полка и на обезпеченіе семействъ казаковъ, павшихъ въ бою, для чего даже Слѣпцовъ не одинъ разъ просилъ Воронцова о предоставленіи ему денежныхъ наградъ, вмѣсто крестовъ.

Затѣмъ, нельзя пропустить молчаніемъ насмѣшливый тонъ этихъ записокъ, относительно, извѣстнаго въ свое время, кавказскаго генерала Викентія Михайловича Козловскаго, который хотя и имѣлъ свои странности храбраго боевого солдата, прослужившаго почти всю свою жизнь на Кавказѣ, но въ разсказахъ о немъ не только слишкомъ много утрировки, но и такія недостойныя выдумки, которыя потомство можетъ принять за правду.

Я, служа въ Куринскомъ полку, хорошо зналъ Викентія Михайловича и, часто посѣщая его въ Грозной, не разъ былъ свидѣтелемъ, какъ онъ диктовалъ своимъ адъютантамъ различныя болѣе важныя бумаги, и я никогда не слыхалъ, чтобы о Козловскомъ говорили, что онъ воспитывался въ моздокскомъ университетѣ, гдѣ въ то время не было даже и порядочной школы, но при этомъ хорошо помню, что онъ не долюбивалъ штабныхъ, которые къ нему пріѣзжали изъ Тифлиса на время экспедицій, для

полученія награды, о чемъ даже, не скрывая, высказывался. Особенно же онъ не любилъ кутиль, которые и были за это имъ недовольны. Что же касается выдумки Дондукова, что Козловскій будто-бы, прося руки особы, на которой предполагалъ жениться, писалъ по этому поводу къ ея родителямъ на бланкахъ за №., то эта недостойная насмѣшка не заслуживаетъ сама собою даже и опроверженія.

У Козловскаго была только одна извѣстная смѣшная привычка прибавлять къ каждому слову „ка-къ“, и въ особенности это смѣшно выходило, когда бывало спросишь о здоровьи его жены и свояченицы,—„благодарю,—говорилъ генералъ,—Анна Васильевна ка-къ, Марья Васильевна ка-къ, и Надежда Васильевна, ка-къ, всѣ онѣ здоровы, ка-къ“.

Козловскій, какъ извѣстно, послѣдніе годы жизни, бывъ уже полнымъ генераломъ, состоялъ членомъ военнаго совѣта, пользуясь особеннымъ вниманіемъ императора Александра II.

Что же касается замѣтки князя Дондукова-Карсакова, что тѣлесныя наказанія въ кавказскихъ войскахъ почти не примѣнялись и что наказывали только за воровство у товарищей, но на воровство въ другихъ, не кунакскихъ, частяхъ смотрѣли снисходительно, то я не знаю, гдѣ именно была такая снисходительность, но хорошо помню, что въ тѣ времена хотя офицеры на Кавказѣ волю своимъ рукамъ не давали, но розга существовала въ избыткѣ, и одинъ изъ начальниковъ дивизіи, III—цъ, былъ даже преданъ суду за жестокое наказаніе солдатъ розгами въ банѣ. Вообще же сѣкли не только за кражи, но и за пьянство, и я былъ свидѣтелемъ, какъ командиръ одной изъ ротъ нашего Куринскаго полка, штабсъ-капитанъ Босацкій, выскъ за пьянство даже Георгіевскаго кавалера фельдфебеля Зубанова, приказавъ ему снять самому Георгіевскій крестъ и положить во время наказанія себѣ на скамейку подъ носъ, сдѣлавъ это, не желая предавать Зубанова суду, по которому онъ могъ быть разжалованъ и лишенъ Георгіа. Это обстоятельство знали всѣ, но даже и запросовъ у Босацкаго по этому поводу не было, такъ какъ лишать Георгіевскаго креста храброго фельдфебеля было не желательно, тѣмъ болѣе, что солдатскій Георгій получать тогда было труднѣе, потому что онъ имѣлъ только одну степень, а не четыре, какъ теперь.

Вообще же въ тѣ времена дисциплина въ нашей мѣстности на Кавказѣ была очень строгая, такъ что даже юнкеровъ, опаздывавшихъ къ расчету роты фельдфебелемъ на разсвѣтъ дня, ротные командиры нерѣдко ставили подъ ружье за рядовыхъ на караулъ,

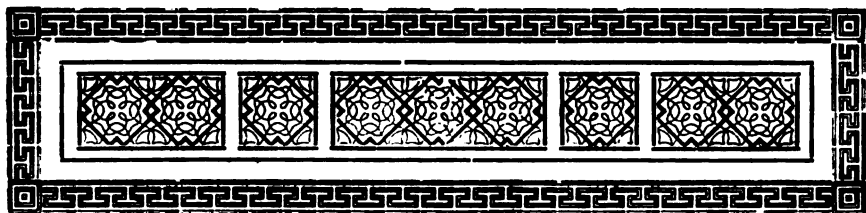
•

и всѣ Николаевскіе порядки насчетъ субординаціи исполнялись въ точности.

Князя Дондукова-Корсакова я на Кавказѣ хорошо зналъ и особенно близко познакомился съ нимъ на Сунжѣ, гдѣ послѣ тяжелой раны я лѣчился минеральными водами, пользуясь гостепріимствомъ Слѣпцова, къ которому Дондуковъ былъ присланъ Воронцовымъ изъ Тифлиса въ числѣ нѣсколькихъ такихъ же молодыхъ, какъ онъ, штабныхъ офицеровъ, для участія въ экспедиціи, о которой я упоминалъ ранѣе въ „Развѣдчикѣ“.

В. А. Шомпулевъ.

**На службѣ въ лейбъ-уланахъ,
1859—1864 годы,
и Польское возстаніе 1863 года.**

(Воспоминанія Д. А. Скалона).

Полкъ былъ высланъ, какъ выше упомянуто, прямо съ майскаго парада черезъ 24 часа въ Рѣжицу (Витебск. губ.) и принималъ участіе въ усмирении польскаго мятежа, дѣйствуя сначала въ Литвѣ, а затѣмъ и въ Царствѣ Польскомъ, въ Августовской губерніи.

Это было еще доброе старое время,—мы были вооружены пиками, саблями и карабинами временъ Отечественной войны, казенники которыхъ выкручивались изъ ствола при ударѣ по нимъ пальцемъ.

Наши эскадроны были распределены по разнымъ уѣздамъ, выслѣживали и гонялись за шайками польскихъ инсургентовъ, бивуакировали въ лѣсахъ, на поляхъ, фольваркахъ и усадьбахъ помѣщиковъ. 4-ый эскадронъ, въ которомъ я служилъ, былъ вызванъ Муравьевымъ въ Вильно, содержалъ тамъ, недѣли двѣ, разъѣзды въ окрестностяхъ города и затѣмъ былъ отправленъ въ Новотроцкій уѣздъ. Городъ Новые Троки лежитъ на берегу живописнаго озера, съ довольно сохранившимися на островѣ развалинами замка Кейстута.

Вскорѣ командиръ л.-гв. Егерскаго полка генераль-маіоръ Дюбуа

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1908 г.

выслалъ меня со взводомъ для наблюденія, въ окрестностяхъ мѣстечка Меречь, —могущихъ переправляться черезъ Нѣманъ повстанцевъ изъ Литвы въ Польшу. Какъ ни странно, но войска, расположенныя въ Литвѣ, не могли переходить Нѣманъ, границу царства, иначе какъ по слѣдамъ шаекъ.

Мнѣ довелось съ своимъ взводомъ мѣсяца два рыскать вдоль Нѣмана и за это время нѣсколько разъ, въ разныхъ мѣстахъ, переплывать его взадъ и впередъ. Однажды въ половинѣ іюля, соединившись въ отрядъ съ казаками есаула Кушкерева 17-го полка и сотника Грекова — 42-го полка, въ числѣ около 75 человекъ съ моими 20 уланами мы сдѣлали набѣгъ за Нѣманъ; на одномъ фольваркѣ захватили нѣсколькихъ повстанцевъ и, возвратившись на свой правый берегъ, расположились на отдыхъ въ усадьбѣ помѣщика Рыдзевского „Живулишкахъ“.

Около 2-хъ часовъ по полудни съ лѣвой стороны рѣки показалась значительная шайка пѣшихъ и конныхъ мятежниковъ, силою до 500 человекъ и завязала съ нами перестрѣлку, продолжавшуюся до вечера.

Въ ихъ числѣ была конная банда Кракусовъ, подъ начальствомъ Доллена и Реклицкаго, хорошо организованная, вооруженная и обмундированная уланами. Она состояла изъ эскадрона съ тремя взводами, вооруженными пиками, и однимъ взводомъ съ ружьями. Получивъ донесеніе о нашей перестрѣлкѣ, начальникъ отряда, пользуясь разрѣшеніемъ переходить Нѣманъ по пятамъ шаекъ, переправился у Мереча черезъ рѣку, и мы прошли перехода на два въ глубь страны, но мятежники успѣли уклониться.

Возвратившись въ Меречь, начальникъ отряда получилъ новыя свѣдѣнія о присутствіи значительной шайки на переходъ ниже по теченію Нѣмана.

Мы выступили подъ вечеръ и ночью, черезъ обширный лѣсъ стали подходить къ рѣкѣ, противъ мѣстечка Бельвержишки.

Ночь была темная, въ лѣсу мы слѣдовали справа по одному тропю, по которой насъ вывелъ къ мѣстечку проводникъ изъ крестьянъ.

Чтобы, не сбиваясь, слѣдовать другъ за другомъ, мы подвѣсили изъ подъ шапокъ на затылки носовые платки.

Отъ усталости меня клонило ко сну, а мѣрное движеніе лошади и темнота вызывали ощущеніе какъ бы морской болѣзни.

На берегу эскадронъ собрался и, не выжидая разсвѣта, мы стали готовиться къ переправѣ. Вскорѣ подошли къ берегу роты гвардейскихъ егерей.

Правый берегъ, гдѣ мы остановились, подходилъ къ Нѣману песчаною отмелью, лѣвый—крутыми обрывами.

Мѣстечко Бельвержишки расположилось на вершинѣ такого откоса и спускалось по долинѣ къ рѣкѣ.

Согнавъ нѣсколько рыбацкихъ лодокъ, мы разсѣдали лошадей, сложили сѣдла и оружіе въ лодки и переправили на тотъ берегъ взводъ егерей, которымъ было приказано прикрыть нашу переправу.

Затѣмъ въ слѣдующей партіи были отправлены люди, не умѣющіе плавать, для принятія лошадей, которыхъ мы погнали въ воду табуномъ.

Лучшіе пловцы изъ уланъ съ надежными лошадьми окружали табунъ со всѣхъ сторонъ. Я и мой другъ корнетъ баронъ Крюденеръ замыкали плывшихъ лошадей.

Благодаря быстрому теченію мы переплывали Нѣманъ по діагонали. Рѣка противъ Бельвержишекъ дѣлаетъ крутой поворотъ и уноситъ своимъ сильнымъ теченіемъ.

Нѣсколько лошадей передо мною неожиданно повернули назадъ и мигомъ окружили меня, но, имѣя хлыстъ въ рукѣ, я далъ отбиться только съ десятку изъ нихъ, а остальныхъ повернулъ къ плывшему табуну, и мы благополучно переправились.

Отъ Бельвержишекъ мы пошли тремя колоннами, окружая и перерѣзывая лѣсъ, а повстанцы искуснымъ движеніемъ уклонились отъ нашихъ колоннъ и, возвратившись въ Бельвержишки, переночевали и скрылись въ Августовскихъ лѣсахъ. Движеніе это было мною прослѣжено и донесено генералу Дюбуа, но онъ не придалъ ему вѣры, потому что находившіеся во главѣ другой колонны казаки объ этомъ ничего не развѣдали.

Мѣсяцъ спустя намъ все-таки удалось разбить эту шайку, но уже съ преображенцами, подъ начальствомъ князя Барятинскаго.

Одинъ изъ плѣнныхъ узналъ меня и говорилъ, что видѣлъ, какъ я на разсвѣтѣ переплывалъ Нѣманъ съ табуномъ лошадей.

На мой вопросъ: отчего же онъ не открылъ огонь? полякъ отвѣтилъ: „Намъ приказано существовать, а не вступать съ вами въ бой, на который мы и не способны“.

Въ преслѣдованіи шаекъ мы пробыли въ лѣсахъ до сентября. Къ этому времени въ Литвѣ ихъ уже не было, а въ Польшѣ разгонялись послѣднія скопища. Собственно говоря—мятежъ былъ подавленъ.

Партизанскій характеръ дѣйствій, если злоупотреблять этимъ словомъ, отличался полной самостоятельностью небольшихъ отрядовъ пѣхоты съ кавалеріею и имѣлъ за собою много увлекательнаго.

Питаюсь, чѣмъ Богъ послалъ, или что забирали у помѣщиковъ, мы жили на полной свободѣ, думая только объ одномъ, какъ бы выслѣдить и захватить повстанцевъ.

Наши лошади замѣчательно втянулись въ работу, мы легко дѣлали переходы отъ 40—70 верстъ въ сутки, такъ какъ, провѣряя сбивчивыя показанія жителей, приходилось иногда крутиться около какого-нибудь одного и того же мѣста.

Лошади шагомъ легко проходили отъ 7—8 верстъ въ часъ, бивуакировали преимущественно подъ открытымъ небомъ и только въ непогоду укрывались въ сараяхъ, никогда не разбиваясь по отдѣльнымъ дворамъ.

Пѣхота обыкновенно исполняла сторожевую службу, давая намъ возможность отдохнуть и спокойно выкормить лошадей.

Лошади всегда были въ полной силѣ и не изнурялись, несмотря на большіе переходы и быстрые передвиженія.

Преслѣдованіе повстанцевъ обратилось въ своего рода спортъ и чрезвычайно насъ увлекало.

Однажды, дѣйствуя съ преображенцами, мы почти по пятамъ преслѣдовали въ Августовской губер. довольно значительную шайку. Былъ августъ и стояла жара. Въ одномъ перелѣскѣ мы наткнулись на брошенную стоянку повстанцевъ; еще дымились костры и валялись остатки прерваннаго обѣда.

По дорогѣ, въ деревняхъ крестьяне показывали, что шайка только-что прошла на подводахъ.

Наконецъ въ мѣстечкѣ Симно мы нагнали подводы, но сами повстанцы уже скрылись.

Оказалось, что начальникъ штаба отряда генеральнаго штаба полковникъ Кладищевъ заблаговременно распорядился, чтобы въ Симно были собраны изъ окрестностей подводы, которыми вмѣсто нашей пѣхоты воспользовались повстанцы и успѣли скрыться.

Мы страшно досадовали, потому что преслѣдованіе этой шайки продолжалось цѣлый день.

Затѣмъ эта же шайка была все-таки нами уничтожена черезъ нѣсколько дней, — у деревни Сименишки, подъ начальствомъ Преображенскаго полка полковника Дена, — въ составѣ одного баталіона и нашихъ двухъ эскадроновъ 3-го и 4-го.

Въ сентябрѣ нашъ эскадронъ возвратился въ Вильнуду для содержанія разъѣздовъ. Мы помѣстились на дворахъ около Остробрамскихъ воротъ.

Время мы проводили очень пріятно, любуясь живописными

окрестностями Вильны во время несенія службы и на прогулкахъ.

По вечерамъ иногда развлекались спектаклями въ городскомъ саду отличной польской труппы. Среди разныхъ пьесъ и водевилей мнѣ доставили особенно большое удовольствіе забавный водевиль: „Бабушкины попугаи“ или „Попуги нашей бабуни“, который я зналъ по рассказамъ отца, участвовавшего въ этомъ водевилѣ, будучи пажомъ въ корпусѣ.

Въ ноябрѣ полкъ нашъ возвратился въ Петербургъ.

Вообще о польскомъ возстаніи 1863 года можно сказать, что оно было бессмысленно. Сами повстанцы признавали невозможность бороться съ нашими войсками, и только одна неосуществимая надежда на поддержку Франціи кружила имъ головы.

Для насъ же жизнь въ лѣсахъ, въ поляхъ и на свободѣ была полна очарованій, и до сихъ поръ я съ удовольствіемъ вспоминаю это время, кромѣ одного случая, когда мнѣ пришлось съ двумя взводами конвоировать на казнь разстрѣляніемъ одного перебѣжчика къ повстанцамъ, офицера, вовлеченнаго любовью въ ряды мятежниковъ.

Возвратясь съ казни въ распоряженіе эскадрона, опять пришлось присутствовать при экзекуціи рядового изъ нашего сборнаго эскадрона, присужденнаго полковымъ судомъ къ розгамъ передъ фронтомъ.

Вотъ и психологическая задача:—я спокойно смотрѣлъ, какъ ему всыпали березовую кашу и какъ бы возстановилъ свое душевное равновѣсіе, потрясенное присутствіемъ при разстрѣляніи повстанца.

Во все время похода я ежедневно по утрамъ или купался, или обливался холодной водой изъ колодезь.

На бивуакахъ я всегда совершенно раздѣвался и, прикрывшись пальто, ложился спать въ одной рубашкѣ.

Просыпаясь отъ ночной свѣжести, я одѣвался и продолжалъ спать.

Благодаря этому я всегда былъ свѣжъ, здоровъ и полонъ силы.

Черезъ недѣлю по возвращеніи въ Петербургъ, при благопріятныхъ условіяхъ домашней обстановки я заболѣлъ ангиной и такъ сильно, что чуть не разстался съ жизнью.

Я даже мысленно распредѣлялъ свои вещи братьямъ.

Нашъ докторъ Христіанъ Андреевичъ Нордштремъ самъ былъ боленъ и пріѣхалъ, когда я уже началъ задыхаться отъ назрѣв-

шаго нарыва. Онъ вскрылъ его прижиганіемъ лаписа и припарками.

Войдя снова въ свою полковую семью, я въ свободное отъ службы время много читалъ, посѣщалъ театры и сталъ усиленно заниматься музыкой.

Иванъ Ивановичъ Зейфертъ, принимавшій дѣятельное участіе въ музыкальных вечерахъ, въ домѣ моихъ родителей, предложилъ мнѣ бросить игру по слуху на флейтѣ, чеканѣ и фортепіано и заняться віолончелью.

Предложеніе его въ послѣдній годъ моего пребыванія въ академіи я съ благодарностью принялъ и сталъ упражняться на этомъ дивномъ инструментѣ.

Занявшись музыкой, по возвращеніи изъ похода, я могъ составить себѣ репертуаръ изъ доступныхъ мнѣ по технике пьесъ и много игралъ съ тетужкой, графиней Анной Егоровной Сиверсъ, а затѣмъ сталъ принимать участіе въ нѣкоторыхъ ансамбляхъ у Петра Карловича Альбрехтъ, В. И. Асташева и князя Александра Имеретинскаго.

Музыка доставляла мнѣ громадное удовольствіе, кромѣ того я очень любилъ Петра Карловича Альбрехтъ, дружилъ съ нимъ и проводилъ у него самые пріятные по воспоминаніямъ вечера.

Христіановичъ за это время женился, былъ правителемъ канцеляріи Трепова, у него собирались къ завтраку, но характеръ прежнихъ собраній измѣнился; хотя и въ новой обстановкѣ его симпатичный нравъ и выдающійся умъ привлекали многихъ интересныхъ людей, и за завтраками часто происходили занятные разговоры и рассказы.

Уланскимъ полкомъ командовалъ Евгений Тимоѣевичъ Крыловъ, онъ былъ человѣкъ выдающагося ума, образованія и благородства; его нельзя было не любить, и онъ пользовался уваженіемъ подчиненныхъ.

У него былъ одинъ только врагъ— это онъ самъ.

Къ характеристикѣ Крылова я вернусь, когда поведу рассказъ о Турецкой войнѣ 1877 - 1878 годовъ.

Лѣтомъ 1864 года я былъ назначенъ на лагерный сборъ въ штабъ округа для исполненія обязанностей офицера генеральнаго штаба, но я предпочелъ воспользоваться своимъ 4-хъ мѣсячнымъ академическимъ отпускомъ и уѣхалъ съ отцомъ въ наше Нижегородское имѣніе, находящееся въ Княгининскомъ уѣздѣ, на р. Пьянѣ, при селѣ Игнатовѣ.

Въ деревнѣ батюшка только-что построилъ усадьбу на берегу

Большого Игнатовскаго озера въ полугорѣ, среди села, уступомъ ниже церкви.

Домъ былъ только-что отстроенъ изъ дубоваго лѣса, выштукатуренъ и окрашенъ. Оставалось достроить примыкающій къ нему флигель и кухню.

Непосредственно за озеромъ, тремя большими группами раскинулся чудный дубовый лѣсъ, вдоль теченія р. Пяны, которая, крутясь и измѣняя свое русло,—оставила въ разныхъ мѣстахъ лѣса и пересѣкающихъ его поемныхъ луговъ, называемыхъ Старицами, или Старухами—озера и болота.

Озера эти необыкновенно красиво извиваются по лѣсу: гдѣ въ видѣ подковы, гдѣ въ видѣ французской буквы W, образуя тупики съ единственнымъ выходомъ.

Крестьянки, собирая грибы и ягоды, иногда попадаютъ въ эти, по мѣстному называемые, горшки и долго не могутъ выбраться, перекликаясь съ товарками, пока ихъ кто-нибудь изъ знающихъ мѣстность не выведетъ на дорогу.

Поемные луга окаймлены лѣсомъ и болотами, съ растущими по нимъ тальникомъ и ёлошникомъ.

Въ эти непроходимыя трущобы иногда забѣгаютъ изъ-за Волги лоси отдѣльными экземплярами и живутъ тамъ все лѣто.

Дубы въ лѣсу достигаютъ громадныхъ размѣровъ, отъ одного до четырехъ охватовъ.

Рѣка Пяна, притокъ Суры, вытекаетъ близъ впаденія Суры въ Волгу, течетъ, описывая фигуру груши и впадаетъ въ Суру въ нѣсколькихъ верстахъ отъ своего истока. Но всемъ своемъ теченіи она вьется змѣйкой, сохраняя въ завиткахъ свое общее грушевидное очертаніе, такъ что завороты ея, мѣстами, пробѣжавши двѣ-три версты, почти что сходятся. Кое-гдѣ рѣка прорѣзаетъ остающуюся полоску земли и образуетъ острова, называемые: „кругами“, какъ напримѣръ: Мельничный кругъ, Дальній кругъ. Луговые поляны, опоясанныя рѣкой, называются луками, какъ напр. Лука Волкъ удавился, Черторой, Яблонная, Черемуховая, Дубовая, Широкая съ подкурнымъ мысомъ.

По лугамъ и лукамъ Пяна весной разливается и, удобряя почву, способствуетъ обильному урожаю травъ.

Однажды, на маневрахъ подъ Берлиномъ, я замѣтилъ среди извивовъ рѣки такія же поляны, при чемъ онѣ на картѣ также назывались луками. Я обратилъ на это вниманіе, состоявшаго при его высочествѣ флигель-адъютанта императора германскаго полковника Вильома, и онъ былъ очень удивленъ, узнавши славянское

происхождение этого наименованія, такъ же, какъ и тѣмъ, что ихъ провинція „Поммернъ“ происходитъ отъ русскаго слова Поморы, или Поморяне.

Я съ братьями наслаждался необыкновенно живописною мѣстностью Нижегородскаго имѣнія, и мы любили плавать по рѣкѣ и озерамъ въ челнокахъ, называемыхъ по мѣстному ботниками. Это узкія лодочки, выдолбленныя изъ цѣльнаго отрубка дуба.

Чтобы въ нихъ не опрокинуться, надо имѣть сноровку, балансируя корпусомъ, держаться прямо и не дѣлать рѣзкихъ движеній.

Игнатовцы, живя вдоль озера, съ дѣтства научаются плавать. а бывали случаи, что люди изъ сосѣднихъ деревень, приходившіе собирать ягоды, тонули, переплывая озеро въ ботникахъ.

Такъ, однажды, въ ботникѣ сѣли чѣтыре женщины, опрокинулись на серединѣ озера, и всѣ потонули.

Игнатовцы любятъ воду, нанимаются матросами на судахъ по Волгѣ и Каспію, многіе служатъ лодчманами, машинистами на пароходахъ и получаютъ хорошія заработокъ.

Въ жару мы повторяли купанье; въ непогоду я сидѣлъ дома и читалъ.

Разъ какъ-то я отправился въ лѣсъ съ Ильей пострѣлять утокъ на Старухѣ.

Озеро это, наибольшее изъ всѣхъ, въ четыре версты длины извивается по лѣсу въ видѣ буквы W и опоясываетъ высокій холмъ, называемый по своему виду „Оселкомъ“.

Плывя въ ботникѣ по заворотамъ озера, мы не замѣтили, какъ надвинулась грозовая туча, и молнія, съ рѣзкими раскатами грома, стала хлестать по озеру. Подъ проливнымъ дождемъ, совершенно измокшіе, мы, напрягая силы, выплыли къ берегу на Зазерскій лугъ и черезъ большой лугъ добрались до села.

По принятому обычаю, въ большія грозы крестьяне съ домо-чадцами выходятъ на улицу и стоятъ подъ навѣсомъ воротъ.

Батюшка безпокоился и сидѣлъ на крыльцѣ. Почти промокшій до костей и все время сопровождаемый ударами грома и молніи, я, наконецъ, добрался до дому.

До той поры я совсѣмъ не боялся грозы, но послѣ этой прогулки не могу сказать, чтобы былъ совершенно равнодушенъ къ грозѣ, когда нахожусь въ полѣ.

Живописная мѣстность долины рѣки Пьяны и жизнь въ селѣ

приводили меня въ настроеніе и вызывали воспоминанія далекаго прошлаго русской исторіи. Въ двадцати верстахъ отъ нашего имѣнія, ниже по Пьянѣ, стоитъ базарное село Пожарки съ торгомъ, пожалованнымъ князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. И до сихъ поръ, несмотря на сосѣдство города Сергача, базаръ продолжаетъ существовать въ Пожаркахъ. Вверхъ по рѣкѣ лежитъ село Пьянскій перевозъ, гдѣ одержалъ побѣду надъ татарами нижегородскій князь Дмитрій тугой лулъ, но затѣмъ на радости изволилъ бражничать съ воинами, снова подвергся неожиданному нападенію татаръ и погибъ вмѣстѣ съ опьянѣвшимъ своимъ отрядомъ.

Далѣе, въ тридцати верстахъ два села: Григорово и Вельдеманово. Григорово составляло съ Игнатовымъ въ бывшее время одну вотчину князей Долгорукихъ.

Въ Григоровѣ родился протопошъ Аввакумъ, непримиримѣйшій врагъ патріарха Никона, который происходилъ родомъ изъ сосѣдняго, лежавшаго въ семи верстахъ отъ Григорова, села Вельдеманова.

Среди Игнатовскихъ крестьянъ было нѣсколько очень старыхъ домохозяевъ, и въ ихъ числѣ нѣкто Самойловъ—столѣтній старецъ, вѣчно полупьяный, который молодымъ ходилъ въ шайкахъ Пугачева и отличался, несмотря на зажиточность, разгульнымъ нравомъ.

Однажды, возвращаясь съ Низовъ съ богатымъ заработкомъ, Самойловъ вообразилъ себя сѣятелемъ и, взойдя на Игнатовскія поля, сталъ разсѣивать серебро изъ своей мошны.

Другой столѣтній старецъ Тюринъ—въ противоположность Самойлову весь вѣкъ велъ строгій образъ жизни; постился, ходилъ на богомолье, посѣтилъ Кіевъ, Соловки и наставлялъ къ умѣренности своихъ односельчанъ, говоря: „не надо излишне навозить своего тѣла“. А это потому, что у насъ земля хотя и требуетъ навоза, но въ мѣру, если же слишкомъ унавозить ее,—хлѣбъ ложится.

Однако разгульный Самойловъ пережилъ Тюрина. Въ послѣдній разъ я видѣлъ его пьянымъ, лежащимъ у нашего амбара.

Дядя Архипъ—церковный староста, славился, какъ кулачный боецъ. — „Архипъ идетъ на конь, всѣ бойцы съ коня вонъ“. „У Архипа въ кулакѣ пудъ!“ говорили о немъ съ гордостью Игнатовцы.

Архипъ при самомъ добродушномъ выраженіи лица напоминалъ своимъ сложеніемъ и длиною рукъ—гориллу.

О немъ рассказывали, что дядя Архипъ не зналъ соперниковъ и рѣдкій боецъ выдерживалъ его удары.

Страдая ревматизмомъ въ лѣвой рукѣ, онъ, однажды, съ похмѣлья отсѣкъ себѣ лѣвую кисть и послѣ того жилъ еще два года и продолжалъ сторожить церковь.

Нашъ садовникъ дядя Троша и его супруга Харитина Степановна напоминали собою Филимона и Бавкиду. Дядя Троша страстно любилъ свое дѣло, и растенія изъ-подъ его рукъ необыкновенно развивались.

На смертномъ одрѣ онъ обратился къ женѣ и говорить; „должно быть, помираю, Харитина Степановна; вотъ и думаю, чѣмъ я буду на томъ свѣтѣ? Вѣрно, все тѣмъ же садовникомъ и буду я выхаживать райскія яблоки. Вотъ тебѣ дамъ яблочко, генералу дамъ, батюшкѣ отцу Михаилу дамъ и Вукозь Петровичу дамъ, а Стручихѣ не дамъ, не дамъ, не дамъ!“

Стручиха была его прежняя помѣщица.

Харитина Степановна, бывшая дворовая дѣвушка, замѣчательно ходила за птицами и обращалась къ индѣйкамъ всегда по-французски: „Mesdames, mesdames, venez dîner“, приглашала она ихъ, разсыпая кормъ.

Лѣтомъ старички въ хорошую погоду всегда кушали на рундучкѣ.

Харитина Степановна накрывала столикъ бѣлою скатертью и ставила обѣдъ или ужинъ. Дядя Троша любилъ выпивать, а старушка его сестра, жена Ивана Моисѣева, родители нашего слуги Ильи Ивановича,—приставала къ нему.

— Что ты пьешь, Трошка, стыдился бы въ твои годы.

— Никакъ, сестра, ты дура! отвѣчалъ дядя Троша,—молоды былъ—не пей! старъ сталъ, тоже не пей! Да когда же пить?

Нашъ управляющій Сергѣй Ивановичъ Федотовъ охотно рассказывалъ о быломъ. Отъ него я услышалъ о Пожаркахъ, Григоровѣ, Вельдемановѣ, о трактѣ, по которому двигались войска и везли продовольствія, когда Грозный Царь по Волгѣ плылъ подъ Казань.

Отъ него я услышалъ названіе нашихъ озеръ и урочищъ: „Волкъ удавился“, „Черторой“, „Лебединое озеро“, „Костыль“, „Старуха“, „Горшокъ“, „Банково болото“. О всѣхъ сказывались преданія, всѣ они населялись и оживали въ воображеніи.

Въ давнее время, по рассказамъ Сергѣя Ивановича, жилъ у насъ въ селѣ знаменитый колдунъ „Чувай“, который въ страхѣ держалъ всю окрестность; умѣлъ килу (опухоль въ разныхъ частяхъ тѣла) напускать, глаза отводить, въ чащу лѣсную заводить; въ особенности его боялись и ублажали, когда онъ приходилъ на свадьбы.

Однажды Чувай явился на одну свадьбу незванный. Стали его угощать и ублажать, а онъ взялъ ковшъ и выплеснулъ брагу на полъ.

Зашумѣла вода изъ подполья, выступила изъ щелей, стала подыматься. Перепугались гости, вскочили на лавки, полѣзли на полаты, а по водѣ играютъ рыбки, плотички, окуньки. Забыли гости страхъ, стали ловить рыбокъ.

Засмѣялся Чувай, и вода пропала.

Глядятъ люди и дивятся: парни держатъ дѣвокъ за косы, дѣвки парней за уши.

Иванъ Михайловичъ Фокинъ былъ замѣчательный пчеловодъ, онъ зналъ всѣ тайны жизни этихъ маленькихъ монархій въ липовыхъ колодахъ.

Пчелы его какъ бы слушались. Посреди его пчельника, расположеннаго полукругомъ рядами — стояла большая царь-колода. Фокинъ говорилъ, что она отъ его отца стоитъ на этомъ мѣстѣ. Колода была двойная, въ ней помѣщались два громаднхъ улья.

Фокинъ любилъ угощать меня свѣжимъ медомъ и медовою сытою и охотно рассказывалъ, „какъ пчела на себя, на людей и на Бога трудится“; какъ она „дѣтей водить, людей питаетъ, дары Богу приносить“.

По праздникамъ его хозяйка приглашала меня полакомиться пирогами съ разными начинками, блинами, коржиками, или кулагою.

Въ избѣ ихъ была замѣчательная чистота, а въ переднемъ углу, подъ образами, всегда теплилась лампадка.

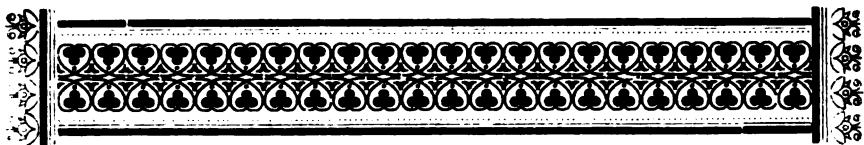
Разказы стариковъ крестьянъ о быломъ и общеніе съ ними меня чрезвычайно увлекало и знакомило съ бытомъ и типами великорусскихъ людей.

Слушая ихъ, разговаривая съ ними и нашими бывшими дворовыми, я мысленно переносился въ старые годы и привязывался сердцемъ къ такимъ великорусскимъ типамъ, какъ дядя Архипъ,

Власть, Сергѣй Федотовъ, старикъ Тюринъ, дядя Троша, и во мнѣ еще больше закрѣплялась горячая любовь ко всему родному русскому, взлелѣанная въ корпусѣ, гдѣ традиціи прежнихъ лѣтъ хранились нами, какъ священные завѣты предковъ, и полюбилъ я Русь привольную, Русь могучую, Русь великую, и умилилась душа моя на Святую Русь.

Дмитрій Скалонъ.

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей 1806—1812 гг. ¹⁾

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Билистрія построена на правомъ берегу Дуная и тянется на 1½ версты вдоль берега этой рѣки; она окружена очень высокимъ и широкимъ землянымъ валомъ, прорѣзаннымъ большими круглыми бастіонами, гдѣ помѣщаются пушки, прикрытыя огромными турами. Эти бастіоны нисколько не фланкировали одинъ другого, но въ нихъ очень трудно было сдѣлать брешь, потому что, какъ я уже говорилъ много разъ, снаряды, углубляясь въ землю этихъ валовъ, скорѣе утрамбовывали ихъ вмѣсто того, чтобы разрушать.

Страшная глубина рвовъ дѣлала приступы трудными и опасными; валы имѣли около 3½ верстъ въ окружности. Крѣпость не имѣла ни прикрытыхъ путей, ни гласиса, ни передовыхъ фортовъ. Это обычная манера турокъ, которые больше любятъ ретраншаменты, чѣмъ правильныя укрѣпленія. Какъ ретраншаменты они довольно хороши, и лучшій, пожалуй даже единственный, способъ для ихъ разрушенія—это подложить мину подъ бастіонъ и, такимъ образомъ, взорвать его; но такой способъ требуетъ много времени, и я вскорѣ убѣдился, что для взятія города можно обойтись и безъ этой трудной работы.

Вдоль Дуная, къ сторонѣ Туртукая, тянется равнина въ версту шириной, а невдалекѣ отъ нея около самаго города, выстроены прекрасный каменный магазинъ, расположенный за ретраншаментомъ, но такъ какъ онъ окруженъ валомъ, то изображаетъ что-то вродѣ передового форта. Городъ окруженъ возвышенностями, кото-

¹⁾ См. „Русская Старина“, октябрь 1908 г.

рыя перерѣзають очень глубокіе овраги; спуски возвышенностей покрыты садами, виноградниками, фруктовыми деревьями, а потому эта мѣстность мало пригодна для дѣйствій кавалеріи.

Та часть города, гдѣ проходитъ Гирсовская дорога, очень низка и вся перерѣзана виноградниками и садами. Если бы турки выстроили на этой узкой равнинѣ хоть два редута, то имъ бы удалось остановить движеніе нашей флотиліи по Дунаю.

Въ городѣ было нѣсколько красивыхъ домовъ, выкрашенныхъ и богато отдѣланныхъ, по-турецки окруженныхъ садами, но большинство домовъ очень низенькіе и выстроенные изъ глины; улицы очень узкія и плохо вымощены; лавки маленькія и темныя; только красивыя мечети возвышались надъ городомъ. Внутри города, на берегу Дуная, сооружено что-то вродѣ замка, или, вѣрнѣе, каменная цитадель, которая едва-ли могла служить защитой при продолжительной оборонѣ, но, въ случаѣ удачнаго приступа, она можетъ быть убѣжищемъ на короткое время для паши и для части гарнизона, пока не состоится капитуляція.

Графъ Каменскій предупредительно заготовилъ около Гирсова много фашиновъ и туровъ, привезенныхъ съ собой въ полковомъ обозѣ. Генераль Шлиттеръ также приготовилъ ихъ достаточное количество въ Каларашѣ; у меня также не было недостатка въ матеріалахъ, чтобы начать осаду города. Я зналъ, что главная защита турецкихъ городовъ состоитъ въ бѣшеной вылазкѣ гарнизона, для чего прилегающая мѣстность, обсаженная деревьями и виноградниками, была очень удобна для стрѣлковъ, болѣе ловкихъ, чѣмъ наши. Чтобы помѣшать этимъ вылазкамъ, я приказалъ генералу Гартингу, вечеромъ, въ день осады, выстроить шесть редутовъ.

Гартингъ сказалъ мнѣ, что я слишкомъ тороплюсь; я отвѣтилъ ему на это, что не люблю терять даромъ время. Пять изъ этихъ редутовъ были выстроены такъ, что турки не замѣтили ихъ, но шестой, противъ отряда генерала Бутлова, намѣченный на равнинѣ, около нашего лѣваго фланга, не могъ быть оконченъ ни въ первую, ни во вторую ночь, такъ какъ турки, замѣтивъ насъ, стали обстрѣливать наши работы. Моя флотилія была собрана за островами, лежащими противъ нашего праваго фланга, а капитанъ-лейтенантъ Попандопуло оставался въ Галацѣ и командовалъ частью флотиліи, которая расположилась въ устьяхъ Дуная у Тульчи.

Флотиліей, отданной въ мое распоряженіе, командовалъ старый Акимовъ; онъ былъ слишкомъ медлителенъ, слишкомъ тяжелъ для меня и постоянно нуждался въ руководствѣ и только

Когда его наталкивали на что-нибудь, онъ дѣйствовалъ хорошо; однимъ изъ главныхъ его достоинствъ было, что онъ не боялся огня.

Въ ночь съ 23—24 дулъ благопріятный вѣтеръ, и я приказалъ двинуть часть флотиліи, подъ начальствомъ лейтенанта Тзенциловича, который нѣкоторое время спустя былъ убитъ. Это былъ единственный офицеръ Императорскаго флота, который изъ всѣхъ остальныхъ, бывшихъ подъ моимъ начальствомъ, въ продолженіе этой войны, выказалъ много рѣшительности, воли, усердія и храбрости.

Турки, во время движенія этой флотиліи, ни разу не стрѣляли, и она совершенно спокойно подошла къ отряду генерала Крушева и преградила Дунай такимъ образомъ, что никакая помощь не могла подойти изъ Рушука.

Когда я потребовалъ сдачи города, то Эмикъ-Оглы, не давъ мнѣ положительнаго отвѣта, началъ стрѣлять изъ всѣхъ своихъ пушекъ противъ моихъ работъ и флотиліи.

Въ ночь съ 24 на 25 я приказалъ открыть траншейныя работы въ двухъ мѣстахъ: въ отрядѣ генерала Попандопуло, гдѣ была моя квартира (это была фальшивая позиція) и въ отрядѣ графа Строганова (настоящая позиція). Эти два пункта были лучшими для атаки.

Но намъ нужно было протянуть работы до валовъ города, гдѣ окружающее его кладбище съ каменными постройками сильно стѣсняло насъ, и мы подвергались опасности схватить тамъ какую-нибудь заразную болѣзнь.

24-го мы узнали, что графъ Николай Каменскій приступомъ взялъ Базарджикъ, и что знаменитый Пегливанъ попалъ въ число плѣнныхъ; мы также узнали, что генералъ Зассъ перешелъ Дунай въ Туртукаѣ. (Ниже увидятъ реляціи объ этихъ двухъ дѣлахъ).

Въ ту же ночь съ 24 на 25 храбрый и неутомимый Шлиттеръ построилъ на лѣвомъ берегу Дуная, противъ города, семь батарей, въ которыхъ онъ поставилъ одиннадцать пяти пудовыхъ мортиръ, четыре коронады и десять осадныхъ пушекъ большого калибра.

26-го я велѣлъ выстроить для фальшивой атаки батарею изъ десяти двѣнадцати фунтовыхъ пушекъ, и двѣ другія—изъ: пятнадцати двѣнадцати фунтовыхъ, четырехъ двадцати четырехъ фунтовыхъ и двухъ—для мортиръ, предназначенныхъ для настоящей атаки.

Въ ночь съ 27-го на 28-е я повелъ летучую сапу для дѣйствительной атаки.

28-го я выстроилъ двѣ батареи изъ двадцати четырехъ фунтовыхъ пушекъ и двѣ—изъ двѣнадцати фунтовыхъ въ 70 футахъ отъ городского вала.

Итакъ, въ общемъ, вмѣстѣ съ флотиліей, у меня было 78 артиллерійскихъ орудій большого калибра, готовыхъ начать бомбардировку.

Ни одна изъ моихъ работъ не была прекращена, и турки не сдѣлали ни одной вылазки.

Генераль Гартунгъ помогалъ мнѣ съ усердіемъ, дѣятельностью и смѣлостью достойными величайшихъ похвалъ; ни онъ, ни другіе генералы не оставляли траншей.

24-го числа Эмикъ-Оглы послалъ мнѣ сказать, что онъ очень удивленъ, что я собираюсь его атаковать, такъ какъ онъ слишкомъ рассчитывалъ на свою дружбу со мной и гр. Каменскимъ и никогда не имѣлъ намѣренія даже выходить изъ города и мѣшать въ чемъ-нибудь нашимъ операціямъ на Шумлу: а что онъ никакъ не предполагалъ, что мы станемъ осаждать Силистрію, служить то, что онъ не собралъ въ городъ всѣхъ вооруженныхъ жителей изъ деревень и нестрѣлялъ по флотиліи, когда она проходила мимо нихъ и, въ концѣ концовъ, онъ просилъ меня отступить. Я ему далъ 10 часовъ для размышленія относительно сдачи, а по истеченіи этого срока я открылъ огонь изъ всѣхъ батарей, послѣдствіемъ чего въ 24 часа въ городѣ было 300 человекъ убитыхъ, взорванъ пороховой погребъ и снесена часть цитадели.

25-го графъ Сергій Каменскій, давшій мнѣ три недѣли для взятія Силистріи, на четвертый день осады уже объявилъ, что ему надобно ждать, и онъ завтра хочетъ попробовать приступъ. Мнѣ стоило необычайнаго труда уговорить его отказаться отъ этой безумной мысли. Я былъ увѣренъ, что не пройдетъ и недѣли, какъ городъ сдастся безъ потерь съ нашей стороны, тогда какъ я далеко не вѣрилъ успѣху приступа, который при благоприятныхъ условіяхъ стоилъ бы намъ три или четыре тысячи человекъ, а при неблагоприятныхъ шесть или семь тысячъ.

Но взятіе Базарджика затуманило его голову, и онъ торопился идти на Шумлу. Ничто не мѣшало ему начать этотъ штурмъ, такъ какъ ни онъ самъ, ни его 20.000 человекъ совсѣмъ не были мнѣ необходимы для взятія Силистріи, ибо у меня было достаточно и своихъ силъ. Его упрямство остаться у Силистріи мнѣ всегда казалось непонятнымъ, и оно имѣло большое вліяніе на остальную часть кампаніи.

Въ ночь съ 25-го на 26-е знаменитый разбойникъ Болгарин Джауръ-Гассанъ ¹⁾, другъ Эмика-Оглы, человѣкъ необычайной жестокости, но смѣлый и дѣятельный, не зная, что городъ уже окруженъ, подошелъ къ Силистріи съ 300-ми своихъ конныхъ товарищей и двумя пушками съ намѣреніемъ войти въ крѣпость. Онъ проскакалъ мимо авангарда Уварова, захватилъ казачій пикетъ, прошелъ около корпуса Левиса и напалъ на обозъ въ лагерѣ генерала Бахметева, гдѣ и произвелъ общій переполохъ. Была уже полночь и на дворѣ совершенная темнота: я былъ въ траншеяхъ и, услыхавъ очень живую перестрѣлку, продолжавшуюся цѣлый часъ, никакъ не могъ понять причину этого огня и думалъ, что вѣроятно наши люди по ошибкѣ стрѣляютъ одинъ въ другого.

Всѣ адъютанты и вѣстовые, которыхъ я разослалъ, заблудились въ темнотѣ и попадали въ ямы и рвы, окружавшіе Силистрію, такъ что я только уже днемъ узналъ, что Гассанъ прорвалъ нашу линію обложенія и вошелъ въ крѣпость.

Этотъ смѣлый разбойникъ, несмотря на то, что нашъ лагерь окружалъ городъ, рѣшилъ, во что бы то ни стало, войти въ крѣпость; всѣ тропинки и дороги были ему прекрасно извѣстны, и онъ прорвалъ нашу цѣпь часовыхъ егерскаго и драгунскаго полковъ, разставленныхъ передъ лагеремъ и, потерявъ всего нѣсколько человѣкъ и двѣ повозки, не взирая на то, что многіе изъ его шайки усакали обратно, все-таки прорвался въ Силистрію съ 60 или 80 головорѣзами.

Графъ Каменскій прислалъ мнѣ еще четыре баталіона изъ корпуса Левиса, которыми я усилилъ отряды Строганова и Хрущева. Кромѣ того, я взялъ два баталіона изъ отряда кн. Вяземскаго (которые графъ Каменскій замѣнилъ двумя баталіонами изъ корпуса Эссена) и три баталіона отъ Шлиттера съ лѣваго берега, чтобы подкрѣпить мой лѣвый флангъ.

Эти войска были мнѣ главнымъ образомъ полезны, не только для защиты противъ турокъ, но и для помощи другимъ полкамъ, заваленнымъ работой.

27-го мая Эмикъ-Оглы прислалъ ко мнѣ начальника своей артиллеріи Сатула-Оглы, разбойника съ свирѣпой фizioноміей, но очень храбраго и хорошаго артиллериста, для веденія перегово-

¹⁾ Джауръ по-турецки значитъ «измѣнникъ». Такъ несправедливо мусульмане называли христіанъ. Собственная мать Гассана дала ему это имя послѣ того, какъ онъ, будучи еще очень молодымъ, однимъ ударомъ топора убилъ одного старика изъ деревни Арно-Кия въ околу Разграда.

ровъ о сдачѣ крѣпости; онъ предложилъ мнѣ невозможныя условія, старался склонить меня на нихъ и, въ случаѣ отказа, угрожалъ мнѣ Пегливаномъ, который явится освобождать городъ. Я очень хладнокровно отвѣчалъ ему, что Пегливанъ уже здѣсь.— „Какъ?“ воскликнулъ онъ. „Да“, продолжалъ я, „и если вы хотите убѣдиться въ этомъ, идите за мной“. Я веду моего турка къ нашему генераль-аншефу, въ палаткѣ котораго и находился только-что привезенный Пегливанъ. Я думаю, что голова Медузы не могла бы произвести на Сагула-Оглы болѣе ужаснаго впечатлѣнія, чѣмъ видъ Пегливана. Онъ сначала остановился, какъ вкопанный, и долго не могъ произнести ни слова; только потъ большими каплями струился по всему его тѣлу; затѣмъ онъ бросился къ ногамъ Пегливана и сталъ цѣловать край его одежды. Поднявшись, наконецъ онъ сказалъ: „Теперь уже ничего не остается и надо сговориться съ вами“. Онъ тотчасъ же уѣхалъ въ Силистрію, а на другой день пріѣхалъ ко мнѣ вмѣстѣ съ депутатами отъ жителей.

Чтобы вести дѣла съ турками надо, быть одареннымъ прямо какимъ-то сверхъестественнымъ терпѣніемъ. Имъ надо прежде всего дать возможность высказать все некасающееся дѣла, а поэтому приходится съ ними вначалѣ долго говорить о самыхъ пустякахъ, иначе же они будутъ возвращаться каждыя четверть часа ко всякому вздору; затѣмъ нужно выкурить съ ними по крайней мѣрѣ 15—20 трубокъ и выпить столько же чашекъ кофе и только тогда уже возможно поднять разговоръ о дѣлѣ, но при этомъ они становятся такъ придирчивы и такъ мелочны, что изъ всякаго незначительнаго слова съ ними приходится спорить.

Понятно, что гр. Каменскій не обладалъ нужнымъ терпѣніемъ для веденія всѣхъ этихъ переговоровъ, и поэтому я былъ принужденъ взять это на себя. Мы просидѣли 15 часовъ для того, чтобы переговорить объ 11-ти вопросахъ. Черезъ каждые полчаса графъ присылалъ ко мнѣ спрашивать, не кончили ли мы? и когда я отвѣчалъ, что не кончили еще, и передавалъ ему требованія турокъ, онъ посылалъ мнѣ сказать: „соглашайтесь на все и кончайте“.

Передъ началомъ кампаніи онъ отдалъ секретное приказаніе всѣмъ генераламъ, не подписывать никакой капитуляціи безъ того, чтобы гарнизоны осажденныхъ городовъ не сдались бы военнопленными.

Въ Петербургѣ были очень недовольны, когда гарнизоны взятыхъ городовъ отправлялись въ армію Великаго Визиря, а уже намъ извѣстно, что лучшіе солдаты всей Турціи были въ Хотинѣ,

Бендерахъ, Аккерманѣ и Браиловѣ. Мы ихъ семь разъ брали въ плѣнъ, затѣмъ отпускали и оставили ихъ у себя только въ концѣ кампаніи, когда ихъ осталось уже очень немного.

Я уже говорилъ, что турецкіе жители сражались только для защиты своихъ очаговъ и рѣдко вступаютъ въ открытый бой. Брать ихъ съ собой и вести въ Россію вмѣстѣ съ ихъ семьями очень трудно; армія уменьшилась бы вслѣдствіе большого наряда въ конвой для нихъ, а страна разорилась бы на ихъ продовольствіе.

Сатуль-Оглы объявилъ мнѣ, что ни Эмикъ-Оглы, ни войска, ни жители, ни за что не согласятся сдаться военно-плѣнными, и что лучше они будутъ ожидать штурма. Гр. Каменскій приказалъ мнѣ дать имъ позволеніе выйти. Я хотѣлъ задержать, по крайней мѣрѣ, солдатъ и офицеровъ, а это стоило бы намъ только лишнихъ дня два или три; но нашъ начальникъ былъ слишкомъ нетерпѣливъ, чтобы согласиться на это промедленіе. Онъ отпустилъ ихъ всѣхъ въ Болгарію и хотѣлъ было отнять отъ нихъ оружіе, но этого нельзя было сдѣлать, разъ уже имъ позволено возвращаться домой, такъ какъ своимъ оружіемъ они дорожатъ такъ же, какъ и своей жизнью. Это оружіе — ихъ собственность, ихъ роскошь, ихъ богатство.

Султанъ не снабжаетъ войска ни ружьями, ни саблями, ни пистолетами, а каждый долженъ имѣть все это свое.

Я уже говорилъ, что каждый турокъ, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, пріобрѣтаетъ себѣ саблю, стоящую не менѣе 50 или 100 дукатовъ, а иногда даже и дороже. Таковы же по взглядамъ были и силистрийскіе турки, и поэтому они бы скорѣе согласились защищаться на 20 дней дольше, чѣмъ рѣшились бы отдать свое оружіе.

Во время переговоровъ они у меня просили разрѣшить имъ взять съ собой 10.000 повозокъ, но я согласился только на 3.500, и изъ-за одного этого пункта мы проморили себя 10 часовъ. Наконецъ все было рѣшено, и наши переговоры окончились только ночью. На другой день, 30 мая, въ 2 часа дня у стѣнъ города произошло свиданіе мое съ Эмикомъ-Оглы. Вопросъ о капитуляціи былъ поднятъ только послѣ двухчасового разговора о походѣ, безчисленнаго уничтоженія этихъ вѣчныхъ трубокъ и неизбѣжнаго кофе, и тогда только онъ подписалъ всѣ условія договора.

Я ему подарилъ прекрасную шубу, часы и табакерку, — вещи, присланныя мнѣ для него гр. Каменскимъ; онъ же мнѣ далъ очень хорошую саблю, и мы разстались друзьями.

Въ 6 часовъ вечера генералъ Попандапуло съ своимъ Колыванскимъ полкомъ торжественно вошелъ въ городъ и занялъ всѣ ворота и два бастиона.

Въ Силистріи мы нашли 200 пушекъ и огромное количество пороху; турки сами не подозрѣвали, что они такъ богаты. Въ погребахъ нашлись цѣлыя бочки, о которыхъ вѣроятно Эмикъ-Оглы не имѣлъ никакого понятія. Въ тотъ же вечеръ въ городѣ устроили базаръ, который продолжался все время, какъ я оставался тамъ. Удивительно, что на этомъ рынкѣ не произошло ни одного столкновенія и ни одной ссоры, хотя здѣсь участвовали и офицеры, и солдаты, и русскіе, и турки, и евреи (сующіеся повсюду), и жители города. Но между всѣми этими людьми, такъ различными по національностямъ, религіи, правамъ, обычаямъ, языку и профессіямъ, царствовала наилучшая гармонія. Турки—это положительно какая-то непостижимая нація, вся состоящая изъ контрастовъ; жестокіе на войнѣ, они лучшіе люди въ мірѣ, какъ только кончаются непріязненные отношенія.

Моя палатка постоянно была полна турками, особенно часто ко мнѣ приходили Сатулъ-Джауръ и Эмикъ-Оглы, или же я заходилъ навѣстить ихъ.

Турецкія бани усиленно посѣщались русскими офицерами. Мы всѣ выразили удивленіе и похвалы Джауру-Гассану за его смѣлость, и онъ, казалось, былъ очень польщенъ этимъ.

Эмикъ-Оглы обратился ко мнѣ съ просьбой возвратить ему городъ по мирному соглашенію, а не отдавать султану; также онъ просилъ меня, что если мы возьмемъ Рушукъ, то отдать его Джауру-Гассану. Удивительно наивные правители!

Турки покупали у насъ и продавали намъ много лошадей; они также цѣнили нашихъ лошадей, какъ мы ихъ, и за большую русскую лошадь они платили все, что бы съ нихъ ни запросили.

Какъ было видно, взятіе Силистріи, гдѣ я потерялъ только 50 человекъ, не стоило мнѣ большого труда, но на войнѣ все счастье и удача военныхъ дѣйствій зависитъ только отъ случая ¹⁾.

¹⁾ 1827 г. Въ прошломъ году я спасъ Валахію, а можетъ быть и армію смѣлой и самой блестящей во всей войнѣ операціей, но объ ней едва упомянули. Въ 1813 году я очень много способствовалъ одержанію побѣды подъ Лейпцигомъ въ четырехдневномъ кровопролитномъ сраженіи, гдѣ я потерялъ третъ людей, бывшихъ у меня; но я едва былъ упомянутъ и очень мало награжденъ. Въ 1814 году приступъ Монмартра, не стоившій мнѣ ни потерь, ни труда, покрылъ меня славой, далъ мнѣ еще новый орденъ. и мое имя прогремѣло по всей Европѣ!

Взятіе Силистріи произвело въ Петербургѣ больше шуму, чѣмъ остальные операціи этой войны. Крѣпость эта считалась неприступной съ тѣхъ поръ, какъ ее не удалось взять князю Багратиону и фельдмаршалу Румянцеву ¹⁾.

Взятіе Базарджика также надѣлало много шуму. Такой съчастливый и блестящій шагъ совсѣмъ отуманилъ гр. Каменскаго. Государь и военный министр Барклай написали ему очень лестныя письма и послали орденъ св. Владиміра 1-й степени. Я же получилъ Александровскую ленту. Мои адъютанты, посланные въ Петербургъ съ реляціей о взятіи Силистріи и со знаменами ²⁾, получили ордена св. Владиміра, а одинъ изъ нихъ даже былъ произведенъ въ чинъ маіора; генералъ-маіоры получили Анну 1-й степени. Въ общемъ очень много офицеровъ были награждены орденами.

Я долженъ былъ быть благодаренъ гр. Каменскому за то, что онъ поручилъ мнѣ осаду Силистріи; этимъ внимательнымъ и деликатнымъ поступкомъ онъ доставилъ мнѣ всю славу взятія города, хотя онъ легко могъ бы принять ее на себя, тѣмъ болѣе, что онъ присутствовалъ тамъ самъ. Выразивъ ему свою благодарность, я предложилъ отправить меня вмѣстѣ съ 10.000 ч. въ Русчукъ, подъ начальство генерала Засса (который былъ моложе меня); этимъ усиленіемъ я могъ способствовать взятію города, чего одинъ Зассъ никакъ не могъ сдѣлать съ своимъ двѣнадцатитысячнымъ корпусомъ.

Боснякъ-Ага, защищающій этотъ городъ съ 22.000 ч. войскъ и вооруженныхъ жителей, былъ совершенно другой человѣкъ, нежели Эмикъ-Оглы.

Я уже сказалъ, что Гартингъ непремѣнно долженъ былъ находиться подъ начальствомъ генерала, который бы руководилъ инженерными операціями, а Зассъ, несмотря на всѣ свои качества хорошаго офицера, не особенно былъ свѣдушъ въ этомъ дѣлѣ, которое я изучалъ спеціально.

Графъ Каменскій хотѣлъ соблюсти при этомъ всѣ права моего стар-

¹⁾ Фельдмаршалъ Румянцевъ былъ даже отбитъ и перенесъ много опасностей, когда былъ вынужденъ быстро снять осаду.

²⁾ У турокъ ихъ безчисленное количество, и они не придаютъ имъ особеннаго значенія; отряды въ 100 человѣкъ уже имѣютъ своей флагъ а часто даже имъ владѣютъ и совсѣмъ маленькія части въ 10 человѣкъ. Я видѣлъ болѣе 150 флаговъ, выброшенныхъ изъ города на валы, но большая часть ихъ была разорвана или употреблена турками же на кушаки. Когда же я потребовалъ у нихъ эти флаги, то получилъ только 40 штукъ и то, какъ я узналъ послѣ, Эмикъ-Оглы, боясь, чтобы я не разсердился, приказалъ сдѣлать ночью 20 совершенно новыхъ флаговъ.

шинства, но я отвѣтилъ ему, что я нисколько не стою за свое старшинство, а только желаю быть полезнымъ и соглашаюсь служить подъ начальствомъ Засса, или командовать вспомогательнымъ корпусомъ для содѣйствія ему; наконецъ, я сказалъ ему, что я отвѣчаю за взятіе города въ три недѣли, если только онъ соберетъ у стѣнъ его 22.000 человѣкъ и всю осадную артиллерию; въ противномъ же случаѣ я его предупредилъ, что Зассъ, имѣя только свои войска, не можетъ взять города.

Графъ поблагодарилъ меня, но на сдѣланное мною ему предложеніе не согласился и сказалъ, что я ему нуженъ въ другомъ мѣстѣ, а что здѣсь долженъ былъ дѣйствовать Зассъ и одинъ взять Рушукъ, какъ я взялъ Силистрію. Однако, онъ не взялъ его, и гр. Каменскому впослѣдствіи пришлось очень раскаяться, что онъ не послѣдовалъ моимъ совѣтамъ, а три мѣсяца спустя я все-таки былъ назначенъ начальникомъ осады послѣ неудачнаго приступа, который онъ самъ произвелъ. Тогда онъ обратился ко мнѣ при всѣхъ и сказалъ, что очень сожалѣетъ, что не согласился тогда на мое благородное предложеніе. Такимъ образомъ, онъ сообщилъ о немъ всей арміи, такъ какъ я не говорилъ объ этомъ никому.

1 іюня, графъ Каменскій вмѣстѣ съ корпусами: Эссена, Левиса и Раевского, двинулся къ Шумлѣ. Основываясь на томъ, что онъ говорилъ мнѣ раньше, я могъ предполагать, что онъ возьметъ и меня съ собой, но каково же было мое удивленіе, когда я получилъ приказаніе отправить въ Шумлу генераловъ Попандопуло и князя Вяземскаго съ Колыванскимъ и Воронежскимъ полками, пятью эскадронами Кинбурнскихъ драгунъ и пятью полками казаковъ Платова, а самому, со всѣми остальными полками, оставаться до тѣхъ поръ, пока всѣ турки не уйдутъ изъ Силистріи. У меня еще оставалось 8.000 человѣкъ, т. е. больше половины всего корпуса и вполне достаточно для выполненія моей задачи. Казалось, графъ Каменскій опасался, какъ бы турки не прогнали меня изъ Силистріи, но онъ ихъ слишкомъ мало зналъ. Во-первыхъ, они всегда свято держатъ данное слово, а во-вторыхъ, разъ 50.000 русскихъ уже двигаются въ Болгарію, какъ можно предполагать, что въ такое время Эмикъ-Оглы рискнулъ бы на такую безчестную измѣну, за которую онъ былъ бы очень скоро и очень строго наказанъ? Это была еще одна новая ошибка со стороны гр. Каменскаго. Я былъ бы болѣе полезенъ въ Рушукѣ, чѣмъ въ Шумлѣ, и онъ мнѣ говорилъ потомъ, что ему пришлось сожалѣть, что онъ не взялъ меня съ собой. Мои 8.000 человѣкъ не могли значительно усилить войска для наступленія на Шумлу. Но такъ какъ

все это случилось иначе, то я долженъ былъ слушаться и исполнять приказанія. Въ этихъ переговорахъ передъ Шумлой было потеряно 16 дней, и никакія похвалы и любезности, посылаемыя мнѣ изъ Бухареста, а также и личные визиты не могли успокоить меня въ потерѣ столь дорогого времени.

Наконецъ, 15-го іюня, я послалъ генералу Зассу Охотскій полкъ, 27-й егерскій, 12 двѣнадцати фунтовыхъ пушекъ, всю осадную артиллерію и флотилію, а самъ, получивъ съ большими затрудненіями отъ Валашскаго Дивана крестьянскія подводы, отправился вмѣстѣ съ Эмикъ-Оглы въ наиболѣе населенную часть Силистріи.

Передъ моимъ отъѣздомъ. Гирсовскій мостъ былъ перенесенъ къ Силистріи; я устроилъ въ этомъ городѣ госпиталь и нѣсколько магазиновъ и оставилъ тамъ гарнизономъ 3 резервныхъ баталіона и сотню казаковъ, для конвоированія тѣхъ послѣднихъ силистрійскихъ турокъ, которые ожидали своихъ повозокъ, собранныхъ только много времени спустя.

Такимъ образомъ, мнѣ выпало на долю не воевать, а сопровождать турокъ изъ Силистріи. Мое движеніе было очень медленно. Можно себѣ представить, сколько затрудненій причиняли мнѣ эти 2.000 челов. турокъ обоего пола и всевозможнаго возраста, а также и ихъ 3.000 повозокъ, изъ которыхъ почти половина пологались въ дорогѣ. Наконецъ ¹⁾ 23-го іюня, я соединился съ графомъ Каменскимъ. Эмикъ-Оглы получилъ отъ него приказаніе собрать и привести съ собой всѣхъ жителей изъ принадлежащихъ ему селеній, а также изъ селеній Джаура Гассана ²⁾.

¹⁾ На половинѣ дороги съ нами произошло полу-комичное, полу-трагичное происшествіе. Жены Эмикъ-Оглы, путешествовавшія вмѣстѣ съ нимъ, ѣхали въ ящикахъ, выкрашенныхъ въ красную краску съ позолотой и поставленныхъ на колеса. (Турки называютъ это экипажемъ). Эти ящики, или вѣрнѣе сундуки, были герметически закрыты, и эти несчастныя женщины должны были терпѣть невыносимыя мученія отъ ужасной жары и недостатка воздуха. Повозки были запряжены, буйволами, также какъ и люди, страдавшими отъ жары. Какъ только эти животныя, по дорогѣ, встрѣчали воду, онѣ тотчасъ же мчались къ ней и ложились, тогда уже ничто не могло заставить ихъ двинуться. Проѣзжая мимо довольно большого озера, мы вдругъ увидали, какъ буйволы ринулись къ водѣ, увлекая за собой весь гаремъ. Начались отчаянные стоны, крики, но тѣмъ не менѣе ни одна изъ этихъ заключенныхъ не подумала выйти изъ своей тюрьмы (таковъ законъ ихъ страны, религія и воспитанія). Въ такомъ положеніи онѣ оставались всю ночь, пока, наконецъ, голодъ не заставилъ буйволовъ на утро вылѣзти изъ озера. Многія изъ этихъ дамъ даже заболѣли отъ страха и жары.

²⁾ Эти деревни были расположены въ одной изъ турецкихъ провинцій, которая считалась принадлежащей султану, и жители ихъ должны были повиноваться этимъ двумъ мятежникамъ.

Всѣхъ жителей явилось такое множество, что небольшое количество конвойныхъ солдатъ, которое было у меня, среди этой вооруженной турецкой толпы казались русскими плѣнниками, сопровождаемыми турками, а не наоборотъ. Такъ что, когда мы прибыли въ лагерь гр. Каменскаго, Эмикъ-Оглы, входя со мной къ нему въ палатку, сказалъ: „это не генералъ привелъ меня сюда, а я привелъ его“. И онъ былъ правъ, потому что, если бы онъ захотѣлъ, онъ имѣлъ полную возможность увести меня въ Константинополь. Я сейчасъ же отправилъ въ Шумлу всѣхъ турокъ, желавшихъ идти туда (новое заблужденіе гр. Каменскаго), а остальные послѣдовали за Эмикъ-Оглы въ Джумаю и Османъ-Базаръ на Балканы, за 30 и 60 верстъ отъ Шумлы, по Тырновской дорогѣ ¹⁾. Эмикъ-Оглы возвратилъ мнѣ довольно аккуратно валашскія подводы, только сорокъ изъ нихъ были потеряны, а также не оказалось нѣсколькихъ погонщиковъ и быковъ. Мы никакъ не могли узнать, добровольно ли остались эти повозки у турокъ ²⁾, или онѣ были захвачены, такъ называемыми, разбойниками. Мы скоро увидимъ, что такое были эти разбойники. Сатуль-Оглы съ своими артиллеристами былъ отправленъ въ Рушукъ водою. Я написалъ тогда генералу Зассу, чтобы онъ не пускалъ ихъ войти въ городъ, и если онъ не можетъ или не смѣетъ употребить въ дѣло силу, то придумалъ бы какой-нибудь благовидный предлогъ, который избавилъ бы его отъ этого нашествія. Но Зассъ не посмѣлъ послушаться приказаній гр. Каменскаго, и потомъ ему самому, также какъ и графу, пришлось сожалѣть объ этомъ. Эти артиллеристы составили главную силу въ защитѣ Рушука.

¹⁾ Эмикъ-Оглы не хотѣлъ совсѣмъ ѣхать въ Шумлу, тѣмъ болѣе, что, какъ онъ мнѣ сообщалъ, великій визирь былъ его личнымъ врагомъ и, разъ зимой онъ прислалъ къ Эмикъ-Оглы своего врача подъ предлогомъ вылѣчить его отъ болѣзни, но будто на самомъ дѣлѣ этотъ врачъ имѣлъ приказаніе отъ визиря отравить его, въ чемъ признался ему самъ врачъ. Все это вполнѣ правдоподобно. Онъ обѣщалъ мнѣ сообщать обо всемъ происходящемъ въ его странѣ и дѣйствительно сдержалъ свое слово. Какое управление! Какая армія! Безпрестанно является случай, заставляющій меня повторять все тѣ же слова.

²⁾ Это очень возможно, такъ какъ имъ приходится переносить гораздо меньше притѣсненій отъ турокъ, нежели отъ бояръ и особенно отъ исправниковъ.

Взятіе Базарджика.

Теперь я перейду къ описанію всего происшедшаго въ Базарджикъ, Шумлъ и Варнѣ. Гр. Николай Каменскій отдалъ положительное приказаніе своему брату Сергѣю взять Базарджикъ 21 мая. Онъ назначилъ ему 32 баталіона, 35 эскадроновъ, 4 полка казаковъ и 84 пушки; въ общемъ это составило больше 20.000 человекъ; почти маленькая армія. Никогда фельдмаршалъ Румянцевъ не имѣлъ такой многочисленной арміи, соединенной на одномъ пунктѣ.

Отъ Карасу до Бетискина почти 30 верстъ, а отъ Бетискина до Базарджика болѣе 50. Этотъ городъ довольно большой и красивый; онъ построенъ въ долинѣ и окруженъ холмами. Какъ всѣ турецкіе города, онъ также окруженъ землянымъ валомъ со рвомъ. Не понимаю, какъ нерадѣніе и небрежность Пегливанъ могли дойти до такой степени, чтобы не исправить во многихъ мѣстахъ прострѣленные валы и не очистить ровъ, вообще не глубокихъ и ¹⁾ частью засыпанныхъ. По всей вѣроятности, Пегливанъ не предполагалъ здѣсь нападенія (чего, впрочемъ, онъ долженъ былъ ожидать) или онъ не хотѣлъ больше оставаться въ городѣ. Однако, если бы онъ велѣлъ углубить рвы подобно тому, какъ въ Рушукъ и Силистріи (что было очень легко сдѣлать), а валы поднять, то городъ не былъ бы взятъ приступомъ, а можетъ не было бы и самаго приступа. Онъ не хотѣлъ проводить зиму въ Шумлъ, такъ какъ былъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ великимъ визиремъ и сомнѣвался въ возможности получить желаемый орденъ, на который онъ имѣлъ право по своимъ заслугамъ. Онъ избралъ себѣ мѣстожителство въ Базарджикѣ, имѣя съ собой около 6.000 человекъ. Большая часть этого войска состояла изъ разбойниковъ и негодяевъ, съ давнихъ поръ связанныхъ съ его судьбой и находившихся вмѣстѣ съ нимъ еще въ Измаилѣ. Въ городѣ не оставалось больше ни одного жителя. Базарджикъ, какъ это и видно, не былъ крѣпостью, а только скверной деревушкой, наскоро укрѣпленной; на его валахъ было только 18 плохихъ пушекъ разнаго калибра.

20-го мая гр. Сергѣй Каменскій, къ которому генералъ Марковъ съ своимъ корпусомъ присоединился наканунѣ, двинулся въ трехъ колоннахъ изъ Бетискина и къ утру, 21-го мая, былъ уже у города. Генералы Марковъ и Войновъ совѣтывали ему въ тотъ

¹⁾ Генералъ Новакъ увѣрялъ меня, что онъ переѣхалъ этотъ ровъ съ запряженными орудіями.

же вечеръ начать атаку, но онъ не согласился на это, надѣясь, что если онъ выставитъ передъ Пегливаномъ всѣ свои войска, то тотъ такъ испугается, что тотчасъ же покинетъ городъ. Въмѣсто того, чтобы окружить городъ, графъ С. Каменскій занялъ возвышенности въ трехъ верстахъ по Карасуйской дорогѣ, по которой онъ и прибылъ, развернулъ въ длиннѣйшую линію свою армію и маневрировалъ такимъ образомъ въ продолженіе двухъ часовъ, оставивъ совершенно свободными Шумлинскую, Варнскую и Разградскую дороги. Но къ его большому огорченію, Пегливанъ не удался изъ города, а напротивъ даже выдвинулъ свою кавалерію, которая весь день и билась съ авангардомъ генерала Войнова. Вечеромъ, графъ Сергѣй, очень недовольный и опечаленный неосторожностью и упорствомъ Пегливана, все еще не рѣшался отдавать приказанія на завтрашній день. Между тѣмъ, Марковъ и Войновъ соединились, что давало возможность или помочь графу Сергѣю или же, если онъ не согласится на приступъ, то взять городъ самимъ.

22-го мая мы окружили городъ; Марковъ, находившійся на лѣвомъ флангѣ, былъ посланъ на правый, и ему стоило не мало трудовъ провести свою артиллерію черезъ долины. Сначала онъ направился къ Варнской дорогѣ, гдѣ оставилъ батарею изъ 18 орудій, въ 480 саженьяхъ отъ города. Потомъ онъ двинулся съ четырьмя баталіонами, подъ командой генерала Репнинскаго, правѣе, за Варнскую дорогу, чтобы ближе подойти къ Войнову, который, въ то же время, направляясь влѣво, находился между дорогами въ Харасанъ, Мангалы и Коварну.

Князь Долгорукій, слѣдовавшій за Марковымъ, двигался тоже вправо и остановился на Шумлинской дорогѣ. Графъ Сергѣй оставался съ отрядомъ генерала Цецирова на возвышенностяхъ по Харасанской дорогѣ; онъ былъ только спокойнымъ зрителемъ приступа и, не принимая въ немъ никакого участія, ограничился только, какъ Моисей, поднятіемъ рукъ къ небу, для моленія объ успѣхѣ другихъ.

Въ 2 часа пополудни городъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Пегливанъ не только не вышелъ изъ города, но даже не пошевелился, въ своей комнатѣ, съ своего дивана.

Хотя турокъ и упрекаютъ вообще въ равнодушіи и лѣни, но апатичность, выказанная Пегливаномъ въ данномъ случаѣ, была уже слишкомъ чрезмерна, также какъ и его покорность судьбѣ и вѣра въ предопредѣленіе. Правда, что въ это время онъ былъ боленъ, но съ другой стороны возможно, что увѣренный, что одно

его имя только можетъ наводить страхъ, воображалъ, что русскіе не осмѣлятся на нападеніе, а только ограничатся одной блокадой, или, если уже они рѣшатся на приступъ, то по своему обыкновению начнутъ его только на разсвѣтѣ, а ночью онъ можетъ легко спастись. Поэтому, онъ приказалъ только стрѣлять въ четыре русскіе отряда, но огонь нашей артиллеріи былъ много сильнѣе его.

Князь Долгорукій, остановившись на Шумлинской дорогѣ, слишкомъ далеко выставилъ впередъ стрѣлковъ 32-го егерскаго полка; этотъ прекрасный полкъ, состоящій весь изъ старыхъ русскихихъ солдатъ, никогда не видалъ огня и мечталъ отличиться. Онъ разсѣлся по кладбищу, а Ливонскій драгунскій полкъ поддержалъ его, и оба потеряли совершенно бесполезно много людей.

Графъ Сергѣй, страшившійся Пегливана гораздо больше, чѣмъ тотъ его, не хотѣлъ и слышать о приступѣ. Онъ приказалъ Войнову не двигаться до тѣхъ поръ, пока не двинется Марковъ, а Маркову—не начинать движенія, пока онъ не дастъ ему приказанія, рѣшивъ, въ то же время, не давать совѣтъ этого приказанія. Но Марковъ не сталъ его дожидаться; посовѣтовавшись еще разъ съ Войновымъ, они рѣшили разгромить городъ. Марковъ послалъ сказать Долгорукову, чтобъ тотъ атаковалъ, какъ только онъ самъ начнетъ атаку, а главное, чтобы онъ прекратилъ бесполезную и безразсудную перестрѣлку, длившуюся уже очень долго.

Наша артиллерія разнесла всѣ валы, на которыхъ турки боялись показаться. Московскій гренадерскій полкъ, подъ начальствомъ полковника Шатилова, первый кинулся на нихъ; генералъ Репнинскій также двинулся съ своимъ Новгородскимъ полкомъ, храбро бросившимся на валы. Но турки тѣмъ не менѣе защищались противъ этихъ двухъ полковъ гораздо упорнѣе, чѣмъ въ прочихъ мѣстахъ, что вынудило Репнинскаго выдвинуть свой резервъ, состоящій изъ Камчатскаго и Куринскаго полковъ. Войновъ имѣлъ передъ собой 3 редута: одинъ передъ правымъ флангомъ, на который гр. Сергѣй и велѣлъ направить сильный и совершенно бесполезный огонь и два—передъ лѣвымъ, которые были снесены полковниками Сень-При, Бальмонтомъ и Воронцовымъ съ Нарвскимъ, 6-мъ и 11-мъ егерскими полками. Эти три полка ворвались въ городъ вмѣстѣ съ турками, выгнанными изъ редутовъ. Полковникъ Паскевичъ, находившійся въ резервѣ съ Витебскимъ полкомъ, видя, что редутъ уже разрушенъ, бросился бѣгомъ въ городъ и вошелъ

туда вмѣстѣ съ прочими полками, и городъ былъ взятъ послѣ страшной рѣзни на улицахъ ¹⁾).

Тѣмъ ни менѣе, ни гр. Каменскій, ни Цецировъ, ни Долгорукій еще не двигались, и Марковъ разсерженный этой медлительностью, послалъ сказать Долгорукову, что если онъ не начнетъ атаки, то заставить смотрѣть на себя какъ на труса.

Долгорукій и былъ имъ въ дѣйствительности, но такъ какъ никто не хочетъ явно обладать этимъ качествомъ, то онъ наконецъ двинулся и вошелъ въ городъ съ Днѣпровскимъ, Тамбовскимъ и 28-мъ егерскимъ полками.

Неподвижный графъ Сергѣй одинъ оставался еще на своемъ мѣстѣ, окруживъ себя всѣми войсками Цецирова. Герой нашъ, все еще трепетавшій какъ за побѣду, такъ и за себя лично, все же рассчитывалъ обрѣсти лавры славы, хотя и находился вдалекѣ. Полковники: Гельфрейхъ—Фанагорійскаго полка, Радецкій—Козловскаго и даже генералы Колюбакинъ и Цецировъ просили его позволить имъ двинуться, но онъ ничего имъ не отвѣчалъ. покуда, наконецъ, гвардеецъ Палицынъ, предложилъ для спасенія отечества самому остаться охранять драгоценную особу главнокомандующаго. Графъ принялъ это предложеніе и, оставивъ около себя этого храбреца, разрѣшилъ остальнымъ двинуться на городъ.

Нѣкоторые утверждаютъ, что будто они видѣли, какъ Козловскій, Смоленскій и Фанагорійскій полки вошли въ городъ церемональнымъ маршемъ. На самомъ же дѣлѣ они вошли туда, не

¹⁾ Молодой Корсаковъ, незаконный сынъ генерала-аншефа Александра Римскаго-Корсакова, офицеръ Семеновскаго полка и волонтеръ въ арміи, отличился ужаснымъ поступкомъ. Послѣ взятія города, въ которомъ онъ участвовалъ, онъ увидалъ нѣсколькихъ казаковъ, ведущихъ плѣнныхъ турокъ къ графу Каменскому; подскочивъ къ одному несчастному и ударомъ сабли отсѣкъ ему голову; тотчасъ послѣ этого, онъ отправился къ генералъ-аншефу и показывая ему окровавленную саблю, хвастался, что онъ одинъ изъ первыхъ вошелъ на валы вмѣстѣ съ Московскимъ полкомъ. Офицеры этого полка, отличившіеся необычайной храбростью и честностью, возмущенные этой наглостью, рѣшили отомстить ему, предавъ гласности его некрасивый поступокъ. Во время нашего пребыванія въ Журжевѣ, этотъ самый Корсаковъ былъ битъ кнутомъ однимъ врачомъ—хирургомъ, изъ моей дивизіи, но тѣмъ не менѣе онъ все-таки добылъ себѣ Георгіевскій крестъ за Зазарджикъ, и я имѣлъ несчастье видѣть его ежедневно обѣдающимъ у генерала Кутузова, очень равнодушнаго ко всѣмъ этимъ вещамъ.

1827. Этотъ Корсаковъ былъ убитъ въ кампаніи 1812 года противъ французовъ.

встрѣти никакого сопротивленія и потеряли нѣсколько человѣкъ только при столкновеніяхъ во время уличнаго грабежа.

Въ одной мечети попробовали было оказать нѣкоторое сопротивленіе, но четыре или пять залповъ заставили защитниковъ покинуть ее.

Городъ былъ взятъ; часть турецкой конницы подъ начальствомъ Гуссейна-Ага, пріемнаго сына Пегливана ¹⁾, спаслась по Шумлинской дорогѣ; осталная же конница напрасно искала возможности спастись по другимъ дорогамъ.

Ольвіопольскіе гусары, Ливонскіе драгуны и всѣ казаки подъ командой генерала Ансельма и полковниковъ Дехтерева, Козловскаго, Рыкова, Гиснева и Андріанова, послѣ нѣ котораго преслѣдованія, догнали ихъ и очень многихъ перебили и только 500-мъ турецкимъ всадникамъ съ трудомъ удалось добраться до Шумлы и Козлуджи; осталная часть гарнизона была перебита и взята въ плѣнъ.

Между тѣмъ, нѣкоторые бѣглецы собрались въ домѣ Пегливана и рѣшили, вмѣстѣ съ его прислугой, вооружиться и защищаться до послѣдней возможности. Домъ его былъ окруженъ каменной стѣной, которая способствовала защитникамъ открыть довольно сильный огонь. Первыми противъ нихъ появились нѣсколько гренадеръ и солдатъ Куринскаго полка.

Поручикъ Московскаго полка Рихтеръ, очень храбрый и умный офицеръ, видя, что каменную стѣну не пробить пулями, приказалъ бросать съ крыши сосѣдняго дома картечь и гранаты, которыя, къ счастью, нашлись у него въ зарядномъ ящикѣ. Турки, испугавшись—сдались; тогда Рихтеръ вошелъ въ комнату Пегливана и засталъ его курящимъ трубку съ своимъ постояннымъ важнымъ видомъ и, такъ свойственной магометанамъ, покорностью. Въ домѣ были повсюду поставлены часовые, и поэтому ничего изъ вещей не было разграблено.

За то во всѣхъ остальныхъ частяхъ города происходилъ страшнѣйшій грабежъ, и добыча дѣйствительно была громадная. Кромѣ вещей, денегъ и оружія было вывезено три подводы, наполненныя золотомъ. Генерала Цецирова обвиняли въ томъ, что будто онъ первый наткнулся на золото, но ничего объ этомъ никому не доложилъ (это впрочемъ очень на него похоже).

¹⁾ Это тотъ самый Гуссейнъ-Ага, о которомъ я уже говорилъ въ журналѣ кампаніи 1807 года; онъ былъ взятъ въ плѣнъ въ Баттинскомъ сраженіи и затѣмъ умеръ въ Каменецѣ, въ Польшѣ.

Болѣе 3.000 турокъ погибло во время приступа и бѣгства конницы. Кромѣ Пегливана былъ также взятъ въ плѣнъ двухбунчукный Паша-Измайлъ ¹⁾ и около 1.700 разбойниковъ; ихъ можно такъ называть, такъ какъ весь гарнизонъ состоялъ только изъ разныхъ воровскихъ шаекъ, которыя въ продолженіе 10 лѣтъ скитались по Болгаріи, опустошая ее. Было взято 34 знамени и 18 пушекъ. Наши потери заключались въ 700 человекъ убитыхъ и раненыхъ. Московскій полкъ, отличившійся въ этомъ дѣлѣ, пострадалъ больше всѣхъ.

Этому поразительному успѣху мы исключительно обязаны Войнову и Маркову. Первый былъ всѣми любимъ и уважаемъ, второй же не внушалъ къ себѣ этихъ чувствъ, но надо отдать ему справедливость, что въ этомъ дѣлѣ онъ велъ себя превосходно. Графъ Сергѣй, все еще неувѣренный въ успѣхѣ, вошелъ въ городъ послѣднимъ, вмѣстѣ съ своимъ капитаномъ гвардіи Палицынымъ и Орловскимъ полкомъ.

Взятіе этого, едва укрѣпленнаго и плохо защищаемаго мѣстечка надѣлало много шума въ Россіи и въ Европѣ и заставило о себѣ говорить почти такъ же, какъ взятіе Измаила въ 1790 году; хотя, конечно, между этими двумя дѣйствіями не было ничего общаго.

Офицеры получили золотыя медали, а солдаты серебряныя. Фанагорійскій полкъ,—полкъ графа Сергѣя, въ награду за произведенный имъ штурмъ, какъ на парадѣ, получилъ Георгіевское знамя. Войновъ былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты, и вся армія радовалась его повышенію. Цецировъ и Долгорукій тоже были представлены къ производству, но, несмотря на свое старшинство, произведены не были, чему также обрадовалась армія. Но вмѣсто повышенія въ чинѣ имъ былъ пожалованъ орденъ Георгія 3-й степени.

¹⁾ Мы уже знаемъ, что онъ былъ взятъ въ плѣнъ въ Кюстенджи, въ 1809 году; его выпустили только вслѣдствіе его обѣщанія никогда не носить оружія. Теперь ему объ этомъ напомнили, объявивъ, чего онъ заслуживаетъ за свой поступокъ. Онъ отвѣчалъ, что съ нимъ могутъ дѣлать, что хотятъ, но что иначе онъ поступить не могъ, такъ какъ турки, не зная этихъ военныхъ законовъ, все равно убили бы его, если бы онъ отказался служить; а онъ предпочиталъ рискованное несчастье—неизбѣжному. Графъ Николай Каменскій простилъ его, и хорошо сдѣлалъ.

Этотъ паша былъ очень остроумный и веселый. Однажды встрѣтившись у графа Каменскаго, куда его отвели, съ молодой полькой, очень кокетливой и свободной, которая, обратившись къ нему, спросила, сколько у него женъ? Паша отвѣчалъ: «А у васъ, сударыня, сколько мужей?»

Полковники графъ Сентъ-При, графъ Воронцовъ, князь Хованскій, Мещериновъ, Башиловъ, Дехтеревъ и Гельфрейхъ—были произведены въ генералъ-маіоры. Генералъ Марковъ получилъ Александровскую ленту, а остальные генералы—ленты и кресты, а графъ Сергѣй Каменскій былъ сдѣланъ генералъ-аншефомъ.

Если бы графъ Сергѣй сѣумѣлъ бы воспользоваться этимъ успѣхомъ и тѣмъ ужасомъ, который всегда овладѣваетъ турками послѣ пораженія, и если бы онъ, въ день приступа на Базарджикъ, двинулся на Шумлу, то возможно, что великій визирь и бѣжалъ бы оттуда. У него самого еще не было собрано большихъ силъ, а про нашу армію онъ могъ думать, что она была тамъ вся; по крайней мѣрѣ такъ ему передавали бѣглецы изъ Базарджика.

Сообщ. Е. Каменскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

По поводу статьи: „Воспоминанія К. П. Каблукова“.

Въ сентябрьской книжѣ „Русской Старины“ были напечатаны „Воспоминанія Каблукова“, писанныя мною съ его, Каблукова, словъ.

Въ заключительныхъ строкахъ этой статьи упомянуто о печальной судьбѣ Софіи Андреевны Гулакъ-Артемовской, сосланной въ Сибирь по громкому дѣлу съ Пастуховымъ.

По имѣющимся нынѣ у меня, изъ непосредственнаго источника, свѣдѣніямъ, не подлежащимъ сомнѣнію, Софія Андреевна Гулакъ-Артемовская, рожденная Бекетова, вдова тайнаго совѣтника, ничего общаго съ ссыльной Гулакъ-Артемовской, рожденной Рудневой, не имѣетъ.

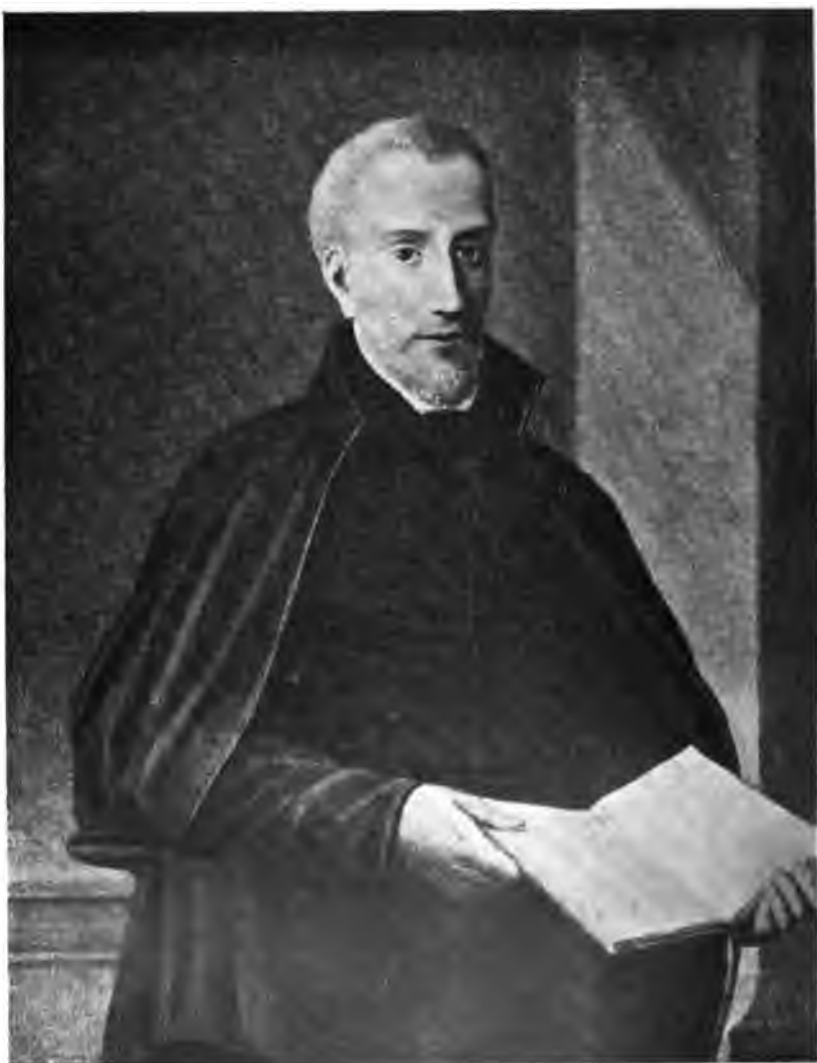
Очевидно, что я былъ введенъ въ заблужденіе покойнымъ К. П. Каблуковымъ, такъ какъ я не имѣю чести быть знакомымъ лично съ С. А. Гулакъ-Артемовской, которой, считаю священнымъ долгомъ, принести мои глубочайшія, сердечныя извиненія въ моей невольной ошибкѣ, тѣмъ болѣе, что клеветать на нее въ печати я не имѣю никакихъ основаній.

Георгій Миллеръ.

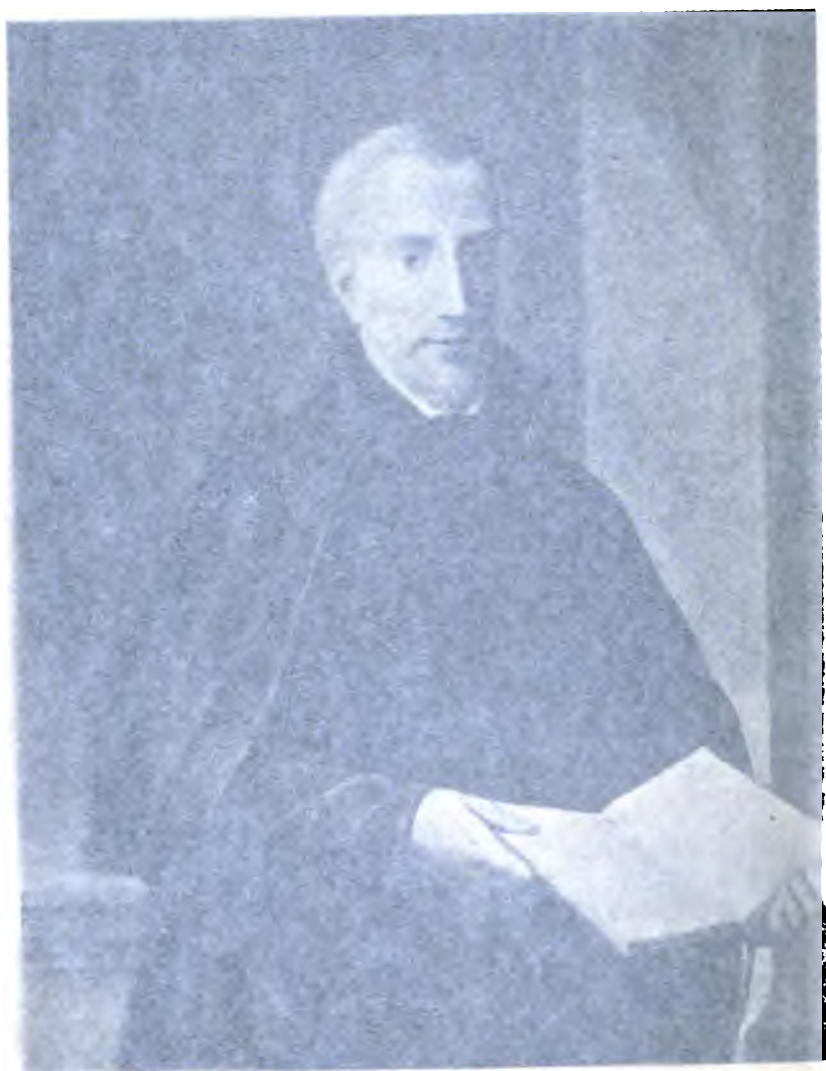

Опечатка: въ сентябрьской книжѣ (т. XXXIX) статья: «Къ біографіи М. Н. Муравьева» — на оберткѣ и въ книжѣ, страница 550, напечатана подпись Сообщилъ А. Я. Вирюковъ, а слѣдуетъ читать Сообщилъ Я. А. Вирюковъ.

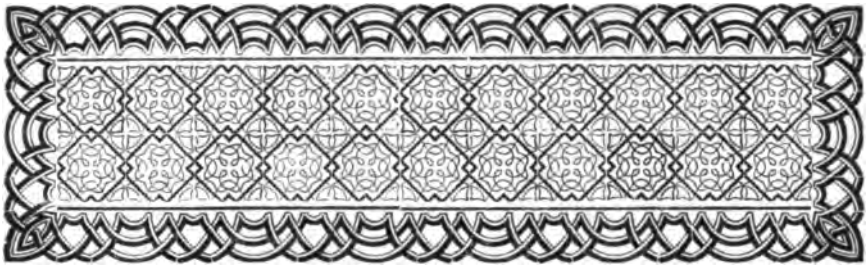
Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

Антоній Поссевинъ.
1534—1611.

Portrait of Robert [illegible]
[illegible]

Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣателя¹

VI,

Изъ судейской службы.

Ночью 25 мая 1879 года въ аптеку Фридендера у Каменнаго моста въ Петербургѣ пришелъ блѣдный и ослабѣвшій отъ потери крови офицеръ и просилъ перевязать глубокую рану на ладони правой руки съ поврежденіемъ артерій. Утромъ 26 мая этотъ офицеръ — прапорщикъ Карлъ Ландсбергъ — заявилъ командиру лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона, что получилъ телеграмму о внезапной болѣзни матери и долженъ немедленно уѣхать въ Шавельскій уѣздъ Ковенской губерніи. 30 мая маляръ, красившій наружную стѣну дома № 14 по Продденскому переулку, замѣтилъ черезъ окно квартиры въ третьемъ этажѣ окровавленный гробъ женщины. Жильцовъ этой квартиры — дворовнаго свѣтника Власова и кухарку Семенидову — послѣдній разъ видѣли 25 мая, а съ утра 26 двѣри квартиры оказались наглухо запертыми, что заставляло предполагать, что Власовъ уѣхалъ на нанятую имъ дачу, а Семенидова отправилась, какъ она давно собиралась, на богомолье. По открытіи квартиры Вла-

¹ См. «Русск. Старъ» февраль, октябрь, декабрь 1907 г., мартъ и ноябрь 1908 г.

совъ и Семенидова найдены зарѣзанными острымъ рѣжущимъ орудіемъ, нанесшимъ глубокія зіяющія раны. Масса круглыхъ кровавыхъ пятенъ на полу, идущихъ по направленію къ разнымъ хранилищамъ денегъ и документовъ у Власова, къ двумъ умывальникамъ и къ выходной двери, указывали, что убійца самъ былъ раненъ, а кровавыя пятна на пустомъ портфелѣ Власова, въ которомъ хранились разныя бумаги и 14.000 рублей процентными бумагами, освѣщали и самый мотивъ убійства.

При слѣдствіи выяснилось, что послѣдній входившій 25 мая въ квартиру Власова былъ прапорщикъ Ландсбергъ. По осмотру, произведенному въ Шавляхъ 6 іюня, у него сверхъ поперечной раны на ладони правой руки, найдены были два свѣжихъ рубца отъ рѣзанныхъ ранъ на лѣвой рукѣ, произошедшіе, по его объясненію, отъ неосторожнаго вставленія сабли въ ножны и отъ оцарапанія кошкой. Но 9 іюня онъ сознался въ предумышленномъ убійствѣ Власова, вызванномъ невозможностью уплатить 25 мая занятыя у послѣдняго, безъ процентовъ, пять тысячъ рублей, при чемъ для того, чтобы безпрепятственно совершить убійство и похитить свою росписку (вмѣстѣ съ которою впоследствии онъ взялъ и пачку процентныхъ бумагъ), онъ послалъ Семенидову за слабительнымъ лимонадомъ и, когда она, вернувшись, стала откупоривать бутылку, зарѣзалъ, подойдя сзади, и ее.

Послѣ допроса у слѣдователя Ландсбергъ представилъ 12 іюня подробную записку съ анализомъ своего душевнаго состоянія и тѣхъ обстоятельствъ, которыя повліяли на его рѣшимость пойти на преступленіе. Задавъ себѣ вопросъ о томъ, дѣйствовалъ ли онъ въ порывѣ отчаянія, вызваннаго безвыходностью положенія, или же, напротивъ, весь строй, ходъ и образъ свѣтской жизни, которую онъ велъ, незамѣтно подготовилъ его къ убѣжденію, что въ сущности въ задуманномъ имъ преступленіи нѣтъ ничего предосудительнаго при той обстановкѣ, въ которой онъ находился,—Ландсбергъ объяснилъ слѣдователю—какъ могло сложиться у него такое убѣжденіе. „Съ перваго дня поступленія на военную службу,—писалъ онъ,—меня каждый день приучали владѣть ружьемъ и револьверомъ и обучали сапернымъ работамъ, т. е. способамъ, пользуясь прикрытіемъ изъ земли, камня и желѣза, уничтожить возможно большее число непріятелей“. Постоянно занимаясь чтеніемъ и изученіемъ военной исторіи, онъ, по его словамъ, увидѣлъ, что одна треть государственнаго бюджета идетъ на поддержаніе военного устройства,—что Наполеонъ III, чувствуя утрату своего обаянія въ глазахъ Европы, придравшись къ удобному случаю, затѣваетъ ужасную войну съ Германіей, въ которой гибнутъ сотни тысячъ людей и которая

стоитъ массѣ семействъ ихъ отцовъ, мужей и братьевъ, а Франціи двухъ провинцій и многихъ милліардовъ денегъ, а Германія эти милліарды опять употребляетъ на увеличеніе вооруженій для новой войны, которая опять уничтожить сотни тысячъ людей. Наказывается это или нѣтъ? Нѣтъ. Заводчикъ Круппъ наживаетъ милліоны на свои издѣлія, офицеры получаютъ „за храбрость“ ордена пенсіи, чины и т. д. Самъ онъ, Ландсбергъ, лично за дѣло при штурмѣ крѣпости Махрама въ Коканскомъ ханствѣ, при чемъ мы порядочно покروшили защищавшихся и за дѣло, въ которомъ, подъ начальствомъ Скобелева, мы истребили спасавшіеся остатки скопищъ Автобачи, былъ награжденъ двумя крестами съ мечами и бантомъ, а впослѣдствіи при возвращеніи съ баталіономъ въ столицу послѣ турецкой войны, въ которой тоже погибли десятки тысячъ людей, его, какъ и другихъ, восторженная толпа награждала лавровыми вѣнками. Англія въ Афганистанѣ и въ странѣ Зулусовъ тоже рѣжетъ и уничтожаетъ массы людей подъ предлогомъ введенія цивилизаціи, которая состоитъ въ возможности основать большое число колоній и торговыхъ домовъ, дающихъ способъ отдѣльнымъ лицамъ наживать милліоны, чтобы довести до роскоши свою жизнь. И это не только не наказуется, но безусловно поощряется... Мы, военные,—продолжалъ далѣе Ландсбергъ,—безустанно повторяемъ слова „врагъ“ и „непріятель“. Но неужели можно допустить, чтобы кто-либо изъ солдатъ воюющихъ сторонъ питалъ хоть малѣйшую ненависть къ людямъ, которыхъ онъ затѣмъ убьетъ съ остервенѣніемъ, будучи при этомъ безусловно убѣжденъ, что онъ не только не дѣлаетъ дурного дѣла, а, напротивъ, совершаетъ прекраснѣйшій изъ поступковъ своей жизни, о которомъ будутъ передавать съ благоговѣніемъ даже въ потомствѣ. „И вотъ мое слово—заклучилъ онъ—ежели только допустить, что убійца можетъ давать „слово“—въ день 25 мая я съ утра все это обдумывалъ, дабы убѣдить себя въ правильности и безупречности задуманнаго преступленія“. Разсказавъ затѣмъ подробно о своей успѣшной службѣ въ Средней Азіи и о знакомствѣ тамъ съ лучшими семейными домами, „ибо холостой жизни не любилъ, ни къ какимъ кутежамъ не принадлежалъ и къ картамъ чувствовалъ отвращеніе“, Ландсбергъ перешелъ къ описанію своего дѣятельнаго участія въ войнѣ съ турками въ 1877 году. Въ Санъ-Стефано съ тоски и унынія онъ сталъ играть въ карты, при чемъ знакомство съ кружкомъ игроковъ обошлось ему около четырехъ тысячъ, въ которыя онъ „всадилъ“ не только всѣ свои сбереженія, но и сдѣланные займы. Вскорѣ по прибытіи въ Петербургъ, благодаря своему общительному характеру, связямъ, воспитанію и по-

ложенію, онъ познакомился съ лучшими домами столицы, гдѣ его принимали очень охотно, какъ человѣка, который не пилъ и не курилъ и для котораго „вышимъ наслажденіемъ были танцы“. Жизнь въ кругу, въ которомъ онъ вращался, влекла за собою большія издержки: нужно было имѣть прилично отдѣланную квартиру, бывать въ первыхъ рядахъ оперы, одѣваться у перваго портного и принимать у себя. На это не хватало небольшихъ средствъ, которыми онъ располагалъ. А между тѣмъ, бывая въ домѣ одного генерала съ высокимъ положеніемъ и историческимъ именемъ, онъ полюбилъ одну изъ его дочерей и, рассчитывая на ея взаимность, сталъ помышлять о бракѣ съ нею. Весьма подробно касаясь домашней жизни этого семейства и установившихся въ немъ отношеній къ искателямъ руки молодыхъ дѣвицъ, Ландсбергъ изображалъ себя жертвою тѣхъ надеждъ, которыя ему было дано питать и вслѣдствіе которыхъ онъ долженъ былъ поддерживать разорительный для себя образъ жизни въ большомъ петербургскомъ свѣтѣ. „Пусть посмотрятъ у меня карточки тѣхъ, кто дѣлалъ и отдавалъ мнѣ визиты!“—восклицаетъ онъ въ своей запискѣ—и, указывая на дамъ, съ которыми удостоивался танцевать, называетъ весьма вѣскія имена. Для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ, въ виду ожидаемаго принятія его предложенія, онъ долженъ былъ сдѣлать крупный заемъ у своего стараго, еще со временъ юнкерства, знакомаго Власова, сильно его, несмотря на свой крутой нравъ и скудость, любившаго и гордившагося имъ, его положеніемъ и успѣхами въ свѣтѣ. Пять тысячъ рублей, полученныя отъ заклада билетовъ, взятыхъ у Власова, были истрачены, а въ то же время вопросъ о возможности принятія предложенія родителями нравившейся Ландсбергу дѣвушки затягивался и осложнялся. Между тѣмъ срокъ возвращенія билетовъ—25 мая—наступалъ. Ландсбергъ, по его словамъ, зналъ, что Власовъ умѣетъ быть добрымъ, ласковымъ и гостепріимнымъ, но что онъ сумѣетъ быть и злымъ, если его довѣріе будетъ обмануто; онъ можетъ поднять шумъ, написать командиру баталіона, и разгласить, что блестящій гвардейскій офицеръ старался казаться богатымъ съ матримоніальными цѣлями. Тогда погибнетъ и служба и надежда на бракъ. И вотъ явилась мысль убить Власова и похитить свою росписку. Наканунѣ убійства, 24 мая вечеромъ, рука сидѣвшаго у Власова Ландсберга не поднялась на него. Но на другой день вечеромъ нужно было снова идти къ Власову и при томъ съ билетами. Ландсбергъ сталъ доказывать себѣ, что если онъ убивалъ въ походѣ людей, которые не сдѣлали ему никакого зла, то какъ же не убить человѣка, существованіе котораго грозитъ всей его жизни!? И онъ пошелъ, взявъ съ собою

складной ножъ и револьверъ, чтобы въ случаѣ „малѣйшаго скандала“ пустить себѣ пулю въ лобъ. Зарѣзавъ Власова и Семенидову и, положивъ послѣдней подъ голову подушку, чтобы въ нижнюю квартиру не просочилась кровь, онъ вынулъ изъ портфеля росписку и пачку банковыхъ билетовъ, которые взялъ себѣ, въ убѣжденіи, что, сдѣлавъ разъ преступленіе, глупо было бы не воспользоваться всѣми его плодами...

Записка эта, пріобщенная къ слѣдственному дѣлу, конечно, ничего существеннаго къ оцѣнкѣ дѣянія Ландсберга не прибавляла. Но надъ своеобразной и мрачной логикой ея нельзя было не призадуматься. Она открывала просвѣтъ въ міръ условныхъ отношеній, жадно искомаго внѣшняго блеска и внутренняго одичанія. Въ ней, за логическими скачками мысли, стремящейся къ самооправданію, не видѣлось ни душевнаго ужаса предъ замышленнымъ и осуществленнымъ, ни хотя бы слабаго предстательства сердца за человѣка, повиннаго лишь въ любящей довѣрчивости. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта записка указывала съ несомнѣнностью на тотъ способъ аргументаціи въ свою защиту, котораго предполагаетъ держаться обвиняемый, выставляя себя жертвой такого положенія вещей и такихъ общественныхъ нравовъ, при которыхъ бракъ съ любимымъ существомъ возможенъ лишь при „оказательствѣ“ матеріальнаго достатка, оправдывающаго жизнь безъ труда и внутренняго содержанія. Такая защита, конечно, не могла измѣнить ни юридическаго состава преступленія, ни глубокой безнравственности мотива къ нему—и съ этой точки зрѣнія она представлялась безплодной. Но вмѣстѣ съ тѣмъ рассказъ объ интимныхъ сторонахъ внутренняго строя жизни цѣлаго семейства, глава котораго былъ озаренъ лучами справедливо заслуженной славы, и постоянное упоминаніе имени молодой дѣвушки должны были возбудить жадное и безпощадное любопытство толпы и различныя злобныя предположенія тѣхъ, кто привыкъ брать краски для обрисовки житейскихъ отношеній въ грязи, почерпнутой со дна своей собственной души. Мнѣ было жаль и всѣми уважаемаго старика, и его ни въ чемъ не повинную дочь — и вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлось допустить въ судоворотеніи „намекы тонкіе на то, чего не вѣдаетъ никто“. Поэтому, когда Ландсбергъ былъ приведенъ въ судъ для врученія ему обвинительнаго акта, я, назначивъ ему защитникомъ весьма умѣлаго и серьезнаго присяжнаго повѣреннаго Войцѣховскаго, приказалъ стражѣ удалиться и, оставшись съ обвиняемымъ вдвоемъ, сказалъ ему: „Ваша записка, приложенная къ слѣдствію, даетъ мнѣ поводъ думать, что вы, быть можетъ, будете держаться изложенныхъ въ ней доводовъ въ своей защитѣ.—Да!—

Я долженъ васъ предупредить, что я не позволю вамъ касаться домашней жизни того семейства, о которомъ вы говорите, и отдавать имя бѣдной дѣвушки на бездушное любопытство публики. Но вы все-таки можете кое-что существенное успѣть сказать прежде, чѣмъ я васъ остановлю.—Что же дѣлать?! Мнѣ это необходимо для защиты.—Это вовсе не необходимо, и вашъ защитникъ вамъ, конечно, объяснить, что какъ бы снисходительно ни отнеслись присяжные засѣдатели къ вашей молодости, они никогда не оправдаютъ васъ *по тѣмъ основаніямъ*, которыя изложены въ вашей запискѣ. Вы совершили жестокое и кровавое дѣло, но я не хочу думать, что въ васъ заглохло то чувство чести, которое должно вамъ подсказать всю неприглядную сторону такой защиты, которая, не будучи для васъ спасительна, въ то же время можетъ внести въ жизнь другихъ людей скорбь и боль неуволнимыхъ и шипящихъ въ темнотѣ обидъ, намековъ и пересудовъ“.—Ландсбергъ задумался, склонивъ голову съ красивыми и тонкими чертами лица, а я сѣлъ за свои бумаги. Прошло нѣсколько минутъ. „Я не буду говорить ни слова объ этой семьѣ и дѣвушкѣ“,—сказалъ онъ рѣшительнымъ тономъ. Я позвалъ стражу, и его увели изъ моего кабинета.

Открытію засѣданія по дѣлу предшествовалъ еще одинъ эпизодъ. Защитникъ обвиняемаго, по истеченіи установленныхъ сроковъ для вызова свидѣтелей, просилъ судъ вызвать временно находившагося въ Петербургѣ туркестанскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Константина Петровича фонъ-Кауфмана, могущаго „разъяснить обстоятельства жизни Ландсберга и бросить свѣтъ на мотивы преступленія“. Судъ, въ случаѣ признанія показаніяотносящимся къ дѣлу, имѣлъ, по закону, право разрѣшить защитнику *представить* свидѣтеля въ засѣданіе по *соглашенію* съ нимъ—или же *вызвать* его официальной повѣсткой *отъ своего имени*. Въ объясненіяхъ со мною по этому поводу, присяжный повѣренный Войцѣховскій указывалъ на крайнюю затруднительность для него перваго изъ этихъ двухъ способовъ вызова. Нужно было просить К. П. Кауфмана отъ имени Ландсберга явиться и дать показаніе, что могло вызвать съ его стороны признаніе своего показанія излишнимъ и не желательнымъ,—справедливое указаніе на свои многосложныя занятія при кратковременномъ пребываніи въ Петербургѣ—и, наконецъ, прямой отказъ предстать предъ судомъ по приглашенію чело-
вѣка, обвиняемаго въ предумышленномъ убійствѣ съ цѣлью ограбленія. Все это устранялось при посылкѣ повѣстки отъ суда, когда вмѣсто *готовности* свидѣтеля явиться для дачи показанія выступала на первый планъ *обязанность* его предстать предъ судомъ.

Однако для выполненія желанія защитника представлялось большое практическое затрудненіе. Судебные уставы 1864 года, водворяя равенство всѣхъ передъ судомъ, не сдѣлали никакихъ различій въ способѣ и условіяхъ допроса тѣхъ или другихъ свидѣтелей. Въ первые годы судебной реформы въ камерахъ мировыхъ судей, у судебныхъ слѣдователей и въ засѣданіяхъ общихъ судовъ нерѣдко появлялись для дачи показаній лица, занимавшія высокое служебное положеніе. Но вскорѣ стали раздаваться изъ оффиціальныхъ сферъ жалобы на отвлеченіе, этими вызовами въ судъ, отъ занятій важными государственными дѣлами, — на тягостное положеніе сановниковъ среди „всякаго сброда“, являющагося свидѣтелями по уголовнымъ дѣламъ, — на необходимость особаго уваженія къ заслугамъ человека, поставленнаго на высокой служебной постѣ и т. д. Жалобы были настойчивы и часты—и черезъ три года послѣ первоначальнаго введенія въ дѣйствіе судебной реформы — особамъ первыхъ двухъ классовъ, министрамъ, членамъ Государственнаго Совѣта, генералъ-губернаторамъ, сенаторамъ, статсъ-секретарямъ, генералъ-адъютантамъ, а также архіереямъ, дано право требовать, по полученіи повѣстки о вызовѣ, о допросѣ ихъ на дому. Такой допросъ, по дѣламъ съ присяжными засѣдателями, представлялъ много затрудненій и возбуждалъ рядъ вопросовъ. Судъ долженъ допрашивать свидѣтеля не только въ полномъ своемъ составѣ, но и въ присутствіи подсудимаго, представителей сторонъ—прокурора, защитника и гражданского истца—и уже допрошенныхъ свидѣтелей, на случай передопроса или очной ставки. Свидѣтелю должны быть, нерѣдко, предъявлены относящіеся къ его показанію вещественныя доказательства, иногда очень обширныя и громоздкія. Затѣмъ, при допросѣ *должны* присутствовать 14 присяжныхъ засѣдателей и *могутъ* пожелать воспользоваться своимъ правомъ присутствовать и всѣ остальные очередные присяжные засѣдатели, не вошедшіе въ составъ, судящій по данному дѣлу. Наконецъ, всякому засѣданію, за исключеніемъ случаевъ, точно указанныхъ въ законѣ, надлежитъ быть публичнымъ—и для публики, а также для представителей печати непременно должно быть оставлено, хотя бы и небольшое, мѣсто. Все это до того усложняло и обставляло всякаго рода неудобствами допросъ на дому, представлявшій, сверхъ того, большую потерю времени и тѣмъ затягивавшій разбирательство, что не только судъ, но и сами управомоченные требовать домашняго допроса, стали стараться, по возможности, избѣгать этого „нашествія иноплеменныхъ“.

Тѣмъ не менѣе такое право существовало и были, впрочемъ

весьма рѣдкіе, случаи пользованія имъ, преимущественно по отношенію къ судебнымъ слѣдователямъ и мировымъ судьямъ. Этимъ правомъ могъ пожелать воспользоваться и генералъ Кауфманъ, чинъ и званіе котораго давало ему тройкое основаніе требовать о допросѣ себя на дому. Излишне говорить, какое нарушеніе порядка и сколько напрасной суеты внесло бы это въ разсмотрѣніе дѣла.

Я объяснилъ все это защитнику, указывая на затруднительность для суда прибѣгать къ вызову генералъ-адъютанта Кауфмана повѣсткою, и онъ просилъ отложить рѣшеніе вопроса, до личнаго его свиданія съ послѣднимъ. 30 іюля онъ заявилъ мнѣ, что генералъ Кауфманъ выразилъ полную готовность явиться въ судъ лично, не считая умѣстнымъ пользоваться своимъ исключительнымъ правомъ, и судъ постановилъ вручить ему повѣстку.

Дѣло слушалось въ жаркій день, 5 іюля. Наплывъ публики, несмотря на глухое лѣтнее время, былъ громадный. Она загрозила собою не только обширную *salle des pas perdus* въ судебномъ зданіи, но и всю лѣстницу и всѣ свободные отъ деревьевъ проходы на дворѣ. Когда старшій предсѣдатель судебной палаты Мордвиновъ попытался кратчайшимъ путемъ изъ своего кабинета чрезъ эту залу проникнуть въ мой предсѣдательскій кабинетъ, его до того стиснули въ толпѣ, что онъ добрался до меня, лишь послѣ отчаянныхъ усилій, съ разорваннымъ лацканомъ вѣщ-мундира и погнутой звѣздой. Жадная до зрѣлищъ и движимая болѣзненнымъ любопытствомъ публика буквально осаждала и по временамъ штурмовала толстые барьеры, отдѣлявшіе проходъ въ залу засѣданія и въ комнату свидѣтелей, отъ общей залы суда. Особенно отличались при этомъ дамы, т. е. та ихъ разновидность, которая была въ то время извѣстна подъ названіемъ „судебныхъ дамъ“, являвшихся на каждый громкій процессъ, съ алчущимъ новыхъ впечатлѣній взоромъ, въ которомъ попеременно свѣтились—то безсердечное любопытство, то истерическая сентиментальность. Одна изъ нихъ дошла до того, что больно укусила за руку судебного пристава, удерживавшаго дверцу барьера, сквозь которую она во что бы то ни стало хотѣла протиснуться. Полиціи пришлось составить нѣсколько протоколовъ о нарушеніи общественной тишины и объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ судебнымъ приставамъ.

По одному изъ такихъ протоколовъ, составленному по моему распоряженію, такъ какъ я былъ свидѣтелемъ возмутительнаго обращенія съ судебнымъ приставомъ, мнѣ пришлось впослѣдствіи предстать предъ мировымъ судьей въ качествѣ свидѣтеля. За мною уже было въ это время много лѣтъ судебной дѣятельности и, нося

званіе столичнаго и уѣзднаго почетнаго мирового судьи, я участвовалъ нерѣдко въ засѣданіяхъ сѣзда, будучи такимъ образомъ товарищемъ по службѣ всѣхъ мировыхъ судей. Но когда я предсталъ предъ судейскимъ столомъ одного изъ нихъ въ его камерѣ и мнѣ были предложены обычныя вопросы о томъ, кто я такой и чѣмъ я занимаюсь?—не состою ли въ родствѣ и свойствѣ съ подсудимыми?—а также сдѣлано было внушеніе, что все показанное мною я долженъ буду подтвердить присягою, я почувствовалъ невольное смущеніе и на собственномъ опытѣ позналъ, въ какомъ особомъ тяжеломъ психологическомъ настроеніи находится свидѣтель при допросѣ въ судебномъ засѣданіи.

Въ мѣстахъ для публики, для представителей печати, для присяжныхъ, не вошедшихъ въ комитетъ и для чиновъ канцеляріи—яблоку негдѣ было упасть; мѣста за стульями тоже всѣ вплотную были заняты лицами, имѣвшими право сидѣть на нихъ, согласно наказу суда. Въ ту минуту, когда я предложилъ членамъ присутствія по дѣлу итти въ залу, чтобы открыть засѣданіе, судебный приставъ доложилъ, что меня настойчиво желаетъ и даже требуетъ видѣть одинъ господинъ, который не принимаетъ отъ него, пристава, никакихъ резоновъ, а домогается личнаго объясненія со мной. Вслѣдъ за тѣмъ явился онъ и самъ. Я узналъ въ немъ довольно извѣстнаго въ то время въ Петербургѣ „акробата благочестія“...—„Я желаю быть помѣщеннымъ въ мѣста за судьями.—Это невозможно: они всѣ заняты, да и по наказу суда, они предназначены исключительно для судебныхъ чиновъ и высшихъ чиновъ разныхъ вѣдомствъ. Но я *долженъ* присутствовать на этомъ процессѣ: я -- считаю себя другомъ генерала Кауфмана! воскликнулъ онъ высокомѣрнымъ тономъ.—Это еще не даетъ вамъ права сидѣть въ мѣстахъ за судьями, да и вообще требовать впуска въ залу, которая уже биткомъ набита. Слѣдовало притти раньше.—Но позвольте! генералъ Кауфманъ явится давать показаніе въ совершенно необычную для него обстановку. Ему надо знать и видѣть, что въ судѣ есть близкое ему лицо,—я никакъ не могу уйти изъ суда, не получивъ мѣста!“—и онъ волновался, мѣнялся въ лицѣ и постоянно измѣнялъ тонъ: то вкрадчиво-любезный, то настойчиво-запальчивый. Оберегая свое спокойствіе, столь нужное для правильнаго веденія дѣла, и видя, что этотъ господинъ насъ задерживаетъ, я рѣшилъ отъ него отдѣлаться, хотя бы путемъ уступокъ, и сказалъ судебному приставу, что—если есть возможность помѣстить этого господина въ мѣстахъ стенографовъ и представителей печати, то чтобы онъ постарался устроить его тамъ. „Очень хорошо-съ, — заявилъ явившійся, иронически расклани-

ваясь, — благодарю васъ; я не забуду вашей любезности“, — и злобная усмѣшка искривила его блѣдное лицо. Открывъ засѣданіе, я видѣлъ, какъ его провели въ указанныя мною мѣста, гдѣ онъ и устроился весьма удобно.

Подсудимый, замѣтно сился подавить въ себѣ волненіе и часто останавливая свой взглядъ на лицѣ Спасителя надъ судейскимъ столомъ, признавъ себя виновнымъ въ убійствѣ, заявилъ, что о подробностяхъ его не отдавалъ въ то время себѣ отчета, а затѣмъ кратко и сжато разсказалъ суду все предшествовавшее своему злодѣянію и послѣдовавшее за нимъ. Затѣмъ, онъ сдѣлался совершенно безучастнымъ ко всему происходившему, не задавалъ никакихъ вопросовъ свидѣтелямъ и сидѣлъ, понутивъ голову. На мое предложеніе дать какія-либо разъясненія по поводу одного изъ показаній, рисовавшаго его въ очень непривлекательномъ видѣ, онъ, безъ всякой рисовки, отвѣчалъ, что жизнь его окончена и защищаться онъ не станетъ. То же повторилъ онъ и въ своемъ *последнемъ словѣ*, прибавивъ, что даже о снисхожденіи онъ присяжныхъ не проситъ. Онъ сдержалъ также и свое обѣщаніе и ни однимъ словомъ не коснулся тѣхъ лицъ и отношеній, упоминанія о которыхъ многіе ждали съ злораднымъ нетерпѣніемъ.

Ровно въ три часа прибылъ въ судъ генераль-адъютантъ Кауфманъ. Дежурный судебный приставъ провелъ его въ кабинетъ предсѣдателя, гдѣ его встрѣтилъ товарищъ предсѣдателя Цухановъ, бесѣдовавшій съ нимъ, покуда стороны оканчивали допросъ дававшаго показаніе свидѣтеля. Появленіе Кауфмана въ залѣ засѣданій произвело большое возбужденіе вниманія въ публикѣ, среди которой большинству были, конечно, извѣстны историческія заслуги предъ Россіей этого скромнаго на видъ, невысокаго чело-вѣка, съ Георгіемъ на шеѣ. Съ достоинствомъ поклонившись суду и мелькомъ взглянувъ на подсудимаго, который при этомъ потупился и низко наклонилъ голову, Кауфманъ остановился у стола вещественныхъ доказательствъ. Мнѣ предстояло предложить ему неизбѣжные, обязательные по закону предъ допросомъ cadaго свидѣтеля, вопросы и привести его къ присягѣ. Почитая его государственную дѣятельность и цѣня отсутствіе въ немъ высокомернаго отношенія къ суду, побудившее его охотно лично явиться въ засѣданіе, я постарался сдѣлать это въ наиболѣе мягкой формѣ.

— Вы туркестанскій генераль-губернаторъ генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ? — Да! — Состоите ли вы въ какихъ-либо отношеніяхъ съ подсудимому, кромѣ служебныхъ? — Нѣтъ! — Потрудитесь принять присягу у православнаго священника; — если вы не православнаго вѣроисповѣданія, я приведу васъ къ присягѣ самъ. — Я

православный.—Когда присяга была окончена, я обязанъ былъ, на основаніи 716 ст. Устава Уголовнаго Судопроизводства, напомнить свидѣтелю объ отвѣтственности за лживыя показанія. „Прошу васъ рассказать суду все, что вамъ извѣстно по настоящему дѣлу;—званія вами носимыя и высокое служебное положеніе, вами занимаемое, освобождаютъ меня отъ обязанности напоминать вамъ объ отвѣтственности за несогласныя съ истинною показанія...“ сказалъ я—и, затѣмъ Кауфманъ далъ показаніе сжатое, но точное въ которомъ всякое слово было взвѣшено и обдуманно. Касаясь исключительно личности подсудимаго, по скольку она выразилась во время службы его въ Туркестанѣ, оно было, по существу, настолько полно, что стороны отказались отъ перекрестнаго допроса и всякихъ дальнѣйшихъ вопросовъ, такъ что черезъ десять минутъ послѣ появленія Кауфмана въ залѣ засѣданій, я уже могъ объявить ему, что онъ свободенъ и предложилъ ему, если онъ пожелаетъ присутствовать при разборѣ дѣла, занять оставленное для него кресло въ мѣстахъ за судьями. „Я долженъ быть въ пятомъ часу въ Царскомъ Селѣ,—отвѣчалъ Кауфманъ—и не могу, поэтому, воспользоваться вашимъ предложеніемъ“ и, снова поклонившись суду, оставилъ залу засѣданія.

Судебныя пренія были довольно безцвѣтны. Незадолго вновь назначенный прокуроръ Окружнаго Суда Н. Н. Сабуровъ,—человѣкъ, умѣвшій всю недолгую свою жизнь вносить истинную доброту и душевное благородство въ свою дѣятельность и въ исполненіе своихъ подчасъ очень тяжелыхъ обязанностей,—былъ весьма посредственный судебный ораторъ. Не смотря на полное признаніе Ландсберга, онъ, въ длинной рѣчи, утомительно ломился въ открытую дверь, чрезвычайноподробно описывая весь ходъ полицейскихъ розысковъ для того, чтобы доказать, что подсудимый дѣйствительно виновенъ въ томъ, что ни для кого не подлежало сомнѣнію. Трудная и неблагоприятная задача защиты, стремившейся установить личность убійства въ запальчивости и раздраженіи, а не съ предумышленіемъ, была исполнена очень добросовѣстно и съ большимъ достоинствомъ. Само собою разумѣется, что и защитникъ ни словомъ не обмолвился о той недостойной системѣ защиты, отъ которой на судѣ молчаливо отказался и самъ подсудимый. Въ виду собственнаго сознанія, даннаго въ той стадіи изслѣдованія, когда еще можно было бороться и затруднять правосудіе, а также вслѣдствіе не показнаго, но несомнѣнно искренняго раскаянія подсудимаго, судъ приговорилъ его къ пятнадцати годамъ каторги съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, чиновъ и знаковъ отличія, среди которыхъ были ордена святого Станислава и св. Анны съ мечами и бантами

Дня черезъ два по окончаніи процесса, при свиданіи моемъ съ К. П. Кауфманомъ, онъ сказалъ мнѣ, что судебное засѣданіе, въ которомъ ему пришлось давать показаніе, и отношеніе къ нему суда произвели самое благопріятное на него впечатлѣніе, о чемъ онъ упомянулъ въ бесѣдѣ съ Государемъ послѣ обѣда въ Царскомъ Селѣ. Я отвѣтилъ ему, что мы въ свою очередь цѣнимъ то, что онъ не пожелалъ воспользоваться своимъ высокимъ служебнымъ положеніемъ и исключительнымъ правомъ требовать прибытія суда для допроса къ нему на домъ. Во время нашего разговора Константинъ Петровичъ разсказалъ мнѣ между прочимъ нѣсколько характеристическихъ подробностей, рисующихъ служебные приемы Ландсберга, о которыхъ, какъ не относящихся непосредственно къ дѣлу и въ то же время могущихъ бросить лишній камень въ подсудимаго, ему не хотѣлось говорить на судѣ. Онъ поднялъ также, очень его интересовавшій вопросъ о преобразованіи существовавшихъ въ Туркестанѣ мѣстныхъ судебныхъ учрежденій стараго образца, и мы довольно долго разсуждали о томъ, съ какими наименьшими измѣненіями могъ бы быть введенъ новый судъ въ недавно завоеванномъ краѣ съ мусульманскимъ населеніемъ, съ муллами и казіями, судящими по *шариату* и *адату*. При этомъ Кауфманъ обѣщалъ прислать мнѣ тѣ предположенія о судебномъ преобразованіи, которыя будутъ выработаны у него на мѣстѣ, и просилъ написать ему по поводу ихъ свое заключеніе.

Въ газетахъ помѣщался подробный отчетъ объ этомъ процессѣ, при чемъ въ одной изъ нихъ талантливый хроникеръ не только передавалъ сущность свидѣтельскихъ показаній, но весьма развязно описывалъ самую наружность свидѣтелей, ихъ манеру выражаться и то, какъ они держали себя на судѣ, глумясь надъ нѣкоторыми изъ нихъ и подчеркивая ихъ инородческое происхожденіе. Такъ одинъ изъ свидѣтелей Ф. представлялся ему „толстымъ, коренастымъ, съ несимпатическимъ и далеко не привлекательнымъ лицомъ“,—свидѣтельница Г. по его мнѣнію походила „на особу въ жанрѣ петербургской кухарки двадцать четвертой руки“, а свидѣтель III. былъ изображенъ, какъ „армянская, издалечка, тучный франтъ средняго роста, съ восточнымъ носомъ“, и т. д. Во время службы моей въ одномъ изъ провинціальныхъ городовъ, онъ—тогда, еще совершенно чуждый журналистикѣ—былъ героемъ, довольно печальнаго дѣла. Удалившись изъ дому, однимъ изъ мѣстныхъ богатыхъ помѣщиковъ, имѣвшимъ основаніе ревновать къ нему свою жену, мать двоихъ дѣтей, — онъ былъ однажды застигнутъ оскорбленнымъ мужемъ въ спальнѣ жены, подъ кроватью, куда онъ спрятался, и извлеченный оттуда, добытый рукояткой

револьвера и при этомъ, легко раненный въ ладонь руки, былъ вытолкнутъ на улицу въ холодную ноябрьскую ночь въ костюмѣ, носимомъ дикарями съ архипелаговъ Тихаго океана. Испуганная жена бѣжала къ сосѣдямъ и, поднявъ чрезвычайную тревогу, требовала призыва полиціи, рассказывая, что мужъ убилъ неосмотрительнаго Донъ-Жуана во время ссоры за картами. Вслѣдствіе этого возникло дѣло о покушеніи ея мужа на убійство. Нѣкоторые эпизоды этого слѣдствія отличались трагикомическимъ характеромъ. Злополучный мужъ никакъ не могъ понять, за что его же и обвиняютъ, и очень волновался. Блестящая красавица—жена, съ ангельскимъ выраженіемъ лица и бѣлокурыми пышными волосами, осыпанными бриллиантною пудрой, доказывала, что покушеніе на убійство было заранѣе предумышлено, такъ какъ поводъ къ нему вовсе не былъ неожиданностью для мужа, ибо онъ имѣлъ случай неоднократно убѣдиться въ ея невѣрности *en flagrant dѣlit*, при чемъ съ особенною и упорною настойчивостью стремилась подтвердить свои доводы фактическими указаніями, которыхъ никто отъ нея не требовалъ. О своемъ безконечно добромъ и слабохарактерномъ мужѣ, выведенномъ, наконецъ, изъ терпѣнія, она выражалась съ торжествующею ненавистью—и на замѣчаніе о томъ, что ей слѣдуетъ помнить, что она говоритъ объ отцѣ своихъ дѣтей, которому можетъ грозить тяжкое наказаніе—каторжныя работы—отвѣчала вызывающимъ тономъ: „да развѣ у насъ есть каторжныя работы?! тамъ конверты клеить,—какая же это каторга“? А самъ „виновникъ торжества“ при первомъ допросѣ поразилъ судебного слѣдователя просьбой отдать ему „на память“ вынутую изъ руки пулю для ношенія ея въ видѣ брелока.

Приговоръ по дѣлу Ландсберга былъ встрѣченъ „Московскими Вѣдомостями“ съ большимъ негодованіемъ. Пятнадцатилѣтняя каторга съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и поселеніемъ въ Сибири навсегда признавалась въ передовой статьѣ этой газеты наказаніемъ непозволительнымъ по его слабости. Газета дважды указывала на „непостижимую снисходительность суда къ двойному убійцѣ Ландсбергу, который какъ бы самъ засвидѣтельствовалъ, что раскаяніе, обнаруженное имъ на судѣ, не было искреннимъ, такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ телеграфъ сообщилъ, что онъ, повидимому, не совсемъ тяготится жизнью, которая, по словамъ его, для него кончена, и подалъ кассационную жалобу на приговоръ, по которому его постигло самое низшее изъ возможныхъ по закону наказаній, очевидно, не теряя надежды, что другой составъ присяжныхъ можетъ его и вовсе помиловать“. Заявляя затѣмъ, что нѣтъ ни одной цивилизованной страны въ мірѣ, въ которой Ландсбергу не

грозила бы смертная казнь, газета горько жаловалась на оскорбляющую чувство справедливости снисходительность судебной власти и доказывала, что Ландсбергъ долженъ подлежать военному суду. Эти строки, въ которыхъ судъ сводился къ роли мертваго механизма, а присужденному къ тяжкому наказанію ставилось въ укоръ принадлежащее ему по закону право кассационнаго обжалованія, были продолженіемъ страстныхъ, ослѣпленныхъ и озлобленныхъ выходовъ противъ новыхъ судебныхъ учреждений,—выходовъ, шедшихъ глубоко въ разрѣзъ съ тѣми привѣтствіями и поддержкой, которыми встрѣтилъ Катковъ осуществленіе судебной реформы.

Но порицаніемъ приговора со стороны вліятельнаго органа печати дѣло не кончилось. Еще большому осужденію подвергся предсѣдатель окружного суда, уже больше года, послѣ надѣлавшаго много шума процесса,—въ которомъ онъ лишь старался слѣдовать точнымъ требованіямъ судебныхъ уставовъ и быть слугою, а не лакеемъ правосудію,—служившій мишенью для стрѣлъ московскаго громовержца и его сотрудниковъ.

По окончаніи дѣла Ландсберга я рѣшилъ воспользоваться отпускомъ и уѣхать за границу, но наканунѣ моего отъѣзда ко мнѣ на квартиру рано утромъ пришелъ совершенно разстроенный, присяжный повѣренный Войцѣховскій и показалъ мнѣ только-что вышедшій номеръ газеты съ отчетомъ о процессѣ, въ которомъ вышеупомянутый хроникеръ выражалъ свое негодованіе по поводу того, что защита не пощадила скромности бѣдной дѣвушки и чувствъ ея высоко заслуженнаго отца, а развернула предъ присяжными интимную картину жизни этого семейства и ея значенія въ жизни подсудимаго. „Такое отношеніе защитника — писалъ хроникеръ—къ доброй, чистой и ни въ чемъ неповинной дѣвушкѣ—совершенно безобразно, отвратительно и безчеловѣчно“. Вполнѣ соглашаясь съ защитникомъ въ томъ, что онъ ничего подобнаго не говорилъ и вообще тщательно избѣгалъ касаться этой стороны объясненій Ландсберга на предварительномъ слѣдствіи, повліявъ въ этомъ смыслѣ и на послѣднато, я увидѣлъ изъ дальнѣйшей бесѣды съ Войцѣховскимъ, что для авторитетнаго возстановленія истины, столь искаженной во вредъ его безупречной адвокатской репутаціи, ему желательно и даже необходимо видѣть печатное опроверженіе словъ хроникера съ моей стороны. Признавая всю справедливость подобнаго желанія, я написалъ въ газету письмо, въ которомъ заявлялъ о томъ, что для негодованія хроникера,—могущаго быть приписаннымъ дурному акустическому устройству залы засѣданій или довѣрію его къ невѣрной передачѣ слуховъ,—нѣтъ основанія, такъ какъ защитникъ ни о чемъ, приписываемомъ ему, ни слова не говорилъ.

иначе былъ бы приглашенъ мною не касаться этого предмета. Письмо было напечатано и я уѣхалъ въ тихое и дѣльное Шварцвальдское мѣстечко Тейнахъ, гдѣ меня поджидалъ со своимъ семействомъ мой товарищъ по университету и по службѣ князь Александръ Ивановичъ Урусовъ. Но, какъ извѣстно, друзья и близкіе существуютъ между прочимъ и для того, чтобы специально мѣшать необходимому для души успокоенію и сообщать непріятныя извѣстія. Такъ случилось и со мною. Одинъ изъ моихъ друзей, запасшись моимъ заграничнымъ адресомъ, счелъ нужнымъ нарушить спокойствіе моего дѣлительнаго уединенія и прислать мнѣ номеръ „Московскихъ Вѣдомостей“ со статью, которая начиналась такъ: „Мы давно уже обращали вниманіе нашихъ читателей на то, что въ Петербургскомъ Окружномъ судѣ съ тѣхъ поръ, какъ предсѣдателемъ его состоитъ г. К., для отправленія уголовнаго правосудія имѣется двое вѣсовъ, при чемъ обращеніе съ лицами высокопоставленными и пользующимися особымъ уваженіемъ общества и вниманіемъ правительства, гораздо рѣзче, чтобы не сказать грубѣе, чѣмъ обращеніе даже съ подсудимыми, которыхъ предсѣдатель любезно предупреждаетъ о томъ, что они имѣютъ право не отвѣчать на предлагаемые имъ вопросы и дѣлать замѣчанія по поводу каждаго дѣйствія на судѣ, какъ будто они сами этого не должны знать, въ виду того, что у насъ невѣдѣніемъ закона никто не можетъ отговариваться. Яркую иллюстрацію въ этомъ отношеніи представляетъ отчетъ о процессѣ Ландсберга, въ которомъ составитель его говоритъ: „мы напечатали опроверженіе Предсѣдателя суда на наше замѣчаніе о возмутившихъ насъ приѣмахъ защитника. Для полного безпристрастія мы считаемъ нужнымъ указать на допросъ предсѣдателемъ К. П. Кауфмана. Вотъ онъ: *Предсѣдатель*—введите Кауфмана. Кто вы такой?—чѣмъ занимаетесь? не состоите ли въ родствѣ и дружбѣ съ подсудимымъ?—вы конечно лютеранинъ. А! (язвительно улыбаясь и откидываясь на спинку кресла) православный?!—примите присягу, но предупреждаю васъ, что если вы станете давать ложныя показанія, то будете преданы суду и подвергнетесь строгой ответственности... Приличіе и учтивость,—такъ заканчиваетъ свой отчетъ хроникеръ,—не вездѣ обязательны, но нельзя не указать на незаконность самой формы допроса, дѣлаемаго извѣстному и высокопоставленному лицу и т. д.“.

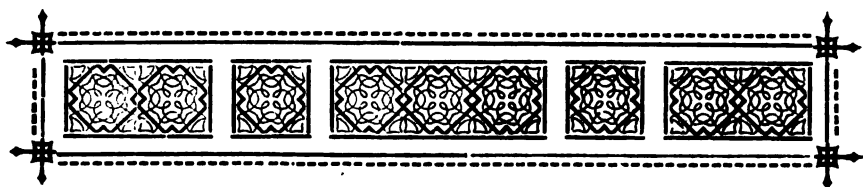
Возмущенный этой статьей и упомянутымъ въ ней отчетомъ, А. И. Урусовъ, все время присутствовавшій на процессѣ Ландсберга, написалъ отъ своего лица пылкое и остроумно-язвительное опроверженіе. Но я упрямилъ его не отсылать этого въ Петербургъ.

Мысль о какой бы ни было полемикѣ съ хроникеромъ, забывшимъ завѣтъ Гоголя о томъ, что со словомъ слѣдуетъ обращаться честно, была мнѣ до крайности противна.

Когда я осенью вернулся въ Петербургъ, при первомъ свиданіи съ министромъ юстиціи Набоковымъ мы коснулись дѣла Ландсберга и онъ, узнавъ отъ меня, какъ я былъ возмущенъ живымъ отчетомъ газеты о характерѣ допроса Кауфмана, рассказалъ мнѣ, что еще болѣе былъ возмущенъ этимъ самъ Кауфманъ, находившій, что извращенное изложеніе происходившаго оскорбительно лично для него. По словамъ Набокова К. П. Кауфманъ, заявляя ему объ искренномъ уваженіи къ суду, вынесенномъ имъ изъ засѣданія, спрашивалъ совѣта министра юстиціи о томъ, не слѣдуетъ ли и возможно ли возбудить преслѣдованіе противъ лица, виновнаго въ оскорбительномъ для него искаженіи истины въ газетномъ отчетѣ. По собраннымъ по этому поводу свѣдѣніямъ оказалось, что хроникеръ передалъ не свои личныя впечатлѣнія, а рассказъ якобы возмущеннаго всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ недостовѣрнаго „друга генерала Кауфмана“, столь настойчиво требовавшаго не принадлежавшаго ему мѣста въ засѣданіи... Конечно, мысль о судебномъ преслѣдованіи была, по совѣту Набокова, оставлена и этому можно лишь порадоваться: трудно и почти невозможно было бы установить составъ преступленія, да и нечистоплотные литературные нравы исправляются не судебными приговорами!..

А. Ө. Кони.

Дневникъ академика В. П. Безобразова ¹⁾. 1886.

11 февраля. Самое примѣчательное въ эти дни—былъ спектакль въ Мраморномъ дворцѣ. Я былъ на 3 репетиціяхъ и на спектаклѣ. Выдающихся исполнителей не было, хотя всѣ восторгались, въ особенности игрой Великихъ Князей ²⁾. Всей Имп. фамиліи это очень понравилось. Государь очень веселился: В. Князьямъ было очень пріятно выходить въ публику (впрочемъ очень избранную) и быть нѣсколько часовъ не Великими Князьями. Играютъ Вел. Князья и великосвѣтскія барыни буржуазныя роли, о которыхъ и о нравахъ этой среды они не имѣютъ понятія: Пьеса пустая, но доступная пониманію этой среды и всѣмъ пріятно. Хотя пріятно особенно публикѣ, что находятся въ избранномъ кружкѣ и трутся около Имп. фамиліи. Вообще же было страшно скучно, какъ всегда на подобныхъ собраніяхъ.

13 февраля. Вчера былъ экономическій обѣдъ ³⁾, хотѣли было принять рѣшительныя мѣры (почти рѣшалось закрыть экон. обѣды и устроить новые въ новомъ составѣ членовъ) къ охраненію нашихъ собраній отъ скандаловъ въ газетахъ, но отложили все до возвращенія Грейга (президента). Я заявилъ о моемъ желаніи уйти. Очень мнѣ надоѣли эти обѣды, хотя грустно, что безъ

¹⁾ См. „Русская Старина“, октябрь 1908 г.

²⁾ Вклеены приглашеніе, вырѣзка изъ «Прав. В.» и афиша «Лакомый Ку-сочекъ».

³⁾ Внесена повѣстка. Предметомъ бесѣды назначенъ вопросъ: можно ли ожидать пользы для государственной казны, для народнаго хозяйства и для сокращенія пьянства отъ монополевой казенной продажи спиртныхъ напитковъ (въ томъ или другомъ видѣ устроенной)?

меня они погибнуть. Они нужны. Но вотъ въ какое время мы живемъ. Пасквилянты въ газетахъ насъ хотятъ заставить закрыться. И эти пасквили сочиняють сами нѣкоторые члены. Вотъ россияне, всегда другъ друга поѣдающіе. Мое положеніе во всемъ этомъ самое нестерпимое. Быть постоянно у всѣхъ на языкѣ по поводу гастрономіи (?). Мнѣ надоѣло, какъ бы я ни былъ равнодушенъ къ печати.

Вопросъ на эконо. обѣдѣ вчера былъ о проектируемой монополіи питейной торговли. Гротъ говорилъ очень хорошо. Кромѣ Д. Воейкова, всячески старающагося втянуться въ модный духъ времени, всѣ говорили противъ монополіи, а духъ нашего общества остается невредимъ 27 лѣтъ. Потому оно и дорого. Вчерашній вопросъ интересенъ тѣмъ, что и въ этомъ, какъ во всемъ, правительство стремится вернуться къ дореформенному времени. Ничего изъ этого не выйдетъ, но прогрессъ отъ этого въ Россіи медленъ: сдѣлавъ два шага впередъ, а потомъ шагъ назадъ—отвратительно.

14 февраля. Вчера былъ концертный балъ. Всѣ члены Императорской фамиліи были со мной очень любезны. Государь подошелъ ко мнѣ (когда я говорилъ съ В. К. Дмитріемъ Константиновичемъ) и очень мило почти по-домашнему обошелся: „Вы всегда съ нимъ вмѣстѣ, какъ нетанцующіе“. Я сказалъ шутя: „Я не виновать, Ваше Величество, что онъ не танцуетъ, это не входило въ мои обязанности учить В. Князя.“—„Нѣтъ, вы не виноваты, это уже у него прирожденное“. Весь разговоръ шутливый.

17 февраля. 14 февраля былъ на вечерѣ у Скалона (редактора бывшаго „Земства“); была вся компанія „Рус. Вѣд.“ и вообще партія либеральная; на нее взводятъ „Моск. Вѣд.“ доносъ, какъ на революціонеровъ, хотя эти господа, какъ вообще молодые, гораздо меня прогрессивнѣе и, можетъ быть, демократичнѣе, но въ общихъ принципахъ я съ ними согласенъ, и они мнѣ симпатичны. Со мной они очень хороши и мнѣ нѣтъ причины отъ нихъ отдалиться, когда не нахожу въ Россіи теперь никакой группы, мнѣ болѣе близкой. Они совершенно чужды (напр., такіе почтенные люди, какъ проф. А. И. Чупровъ) революціоннымъ идеямъ, которыя за ними подозрѣваютъ—развѣ я очень ошибаюсь, и они очень меня обманываютъ. Они весьма раздражены противъ правительства за стѣсненія печати и за стѣсненія лично противъ нихъ, по указаніямъ Каткова. Они были бы еще болѣе умѣренны, если бы не было этихъ стѣсненій.

15 февраля—суббота. По обыкновенію былъ въ Мраморномъ дворцѣ.

Сегодня обѣдалъ у В. Кн. Сергѣя Александровича съ отцомъ

В. К. Елизаветы Теодоровны, в. герцогомъ Гессенъ-Дармштатскимъ и незамужней его дочерью Иреной, пріѣхавшими сюда погостить. Чрезвычайно *gemüthlich* у Сергѣя Александровича. Я себя, кажется, поставилъ у него въ нормальное положеніе лучше, чѣмъ кто-либо. Со мной ни о чемъ не совѣтуются, но я къ этому равнодушенъ.

19 февраля. Я записываю только положительно мнѣ извѣстные факты, характеризующіе нашу жизнь, а не слухи и сплетни. Такихъ фактовъ всегда мало. Я всякую минуту убѣждаюсь, сколько лжи выдается у насъ за истину. Сейчас у меня былъ М.

Изъ послѣдней огромной ссуды, выданной казной на обороты этого предпріятія, М. долженъ былъ дать 300.000 руб. какому-то дѣльцу (забылъ фамилію) армянину-маклеру-сводчику (очень извѣстному), который выхлопоталъ эту ссуду въ мин. фин. Это огласилось. Мин. фин. (Бунге) сердитъ за этотъ подкупъ на М. но кто же виноватъ, что не дѣлаютъ иначе дѣлъ, какъ за, деньги. Очевидно, этотъ маклеръ долженъ былъ платить тѣмъ, которые бы прямо отъ М. не взяли. Министръ фин., несомнѣнно безукоризненно честенъ, директора не имѣютъ дурной репутаціи. Между тѣмъ, М., когда высокопоставленныя лица упрекали его за эту взятку, сказалъ имъ: „что же мнѣ дѣлать! Когда я всѣхъ просилъ честно и открыто, я не получилъ ничего, а когда обратился къ этому человѣку, такъ сейчасъ получилъ“.

Такіе сводчики имѣются во всѣхъ вѣдомствахъ (по военному министерству при Милютинѣ, честномъ человѣкѣ — М.). Это цѣлая подпольная организація; грабежъ въ высшихъ мѣстахъ управленія въ родѣ подпольной. Кромѣ нравственнаго зла, онъ разстраиваетъ и въ умственномъ отношеніи госуд. управленіе. Карьеру дѣлаютъ только или дураки, или умные мошенники,—въ виду исключенія честные слабые попустители. Людей умныхъ и честныхъ гонять и всячески на нихъ клеветуютъ (напр. обвиняютъ въ революціонныхъ идеяхъ). Эта система очень развилась, но не вижу, чтобъ принимались противъ нея серьезныя мѣры, хотя Государь несомнѣнно желаетъ поставить безкорыстіе главнымъ своимъ замысломъ.

Когда я вижу всѣ эти факты, то понимаю, за что меня преслѣдовали въ мин. ф. (при Рейтернѣ) и удалили отъ дѣлъ. Откуда же возьмутся госуд. люди, когда способныхъ и честныхъ гонять?

20 февраля. Вчера былъ балъ у В. К. Сергѣя Александровича—первый у него. У меня было пріятное чувство видѣть у него первый большой пріемъ. Все было великолѣпно. Со мною высшіе были любезны, но ничего особеннаго.

2 марта. Третьяго дня было интересное общее собраніе Сената—главный интересъ вопроса о правѣ губернаторовъ не утверждать городскихъ головъ (въ уѣзд. гор.), безъ объясненія причинъ, по своему усмотрѣнію. Этого права не существуетъ въ законахъ. I деп. не могъ не отказать министру в. д., желающему, чтобы это право было предоставлено губернаторамъ. Въ общемъ собраніи, къ изумленію моему, 12 голосовъ было за мин. в. д., 10 противъ (въ томъ числѣ и я), когда было доказано, какъ $2 \times 2 = 4$, что желаніе м. в. д. незаконно. Можно сказать, что въ тяжкія времена, въ какія мы живемъ, даже и то удивительно, что нашлось десять голосовъ, которые рѣшились оппонировать гр. Толстому. Для меня, конечно, какъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, не было ни малѣйшей тревоги въ этомъ дѣлѣ, хотя и очень неудобно въ этотъ моментъ (по моимъ личнымъ дѣламъ) дѣлать неприятное Толстому. Но *fais ce que dois etc.* Я тревожусь только, когда не знаю, гдѣ мой долгъ.

Странное и скверное время мы переживаемъ. Единственная *émotion*—непозволительная травля Каткова на министра финансовъ.

3 марта. Сейчасъ въ общемъ собраніи академіи говорилъ съ гр. Толстымъ о цензурѣ и положеніи печати. Рѣшившись въ первый разъ затронуть съ нимъ государственный вопросъ, я былъ увѣренъ, что это ни къ чему не поведетъ. Онъ довольно уменъ, чтобы знать, что онъ дѣлаетъ. Могу ли я въ чемъ-нибудь его убѣдить. Но я доволенъ, что сдѣлалъ этотъ опытъ и исполнилъ свой долгъ; теперь моя совѣсть облегчена. Я говорилъ о ненормальномъ положеніи печати—о крайнихъ стѣсненіяхъ, которыя терпятъ самыя умѣренные органы не Катковского направленія, о привилегированномъ положеніи Каткова, который съ *quasi* консервативной точки зрѣнія дѣйствуетъ революціонно, возбуждая страсти и забрасывая грязью всѣ высшія государственныя учрежденія. Толстой сказалъ: „Да онъ себѣ много позволяетъ, но и другіе тоже“. Затѣмъ отдѣлывался шуточками. Я защищалъ „Рус. Вѣд.“, которыя въ чемъ-то заподозрѣны. Между прочимъ общими обвиненіями въ радикализмѣ Т. говоритъ, что „Рус. Вѣд.“ защищаютъ министра финансовъ!? Хорошо обвиненіе! Въ глазахъ министра преступленіе защищать другого министра. Когда я сказалъ, что, кажется, меня нельзя подозревать, если не въ радикализмѣ (вотъ время!), то хотя въ недостаткѣ лояльности.—„А вотъ я на-дняхъ читалъ записку, въ которой говорятъ, что вы самый опасный человѣкъ!“—„Это навѣрно въ дѣлахъ III отд.“, сказалъ я: „когда Мезенцевъ доносилъ покойному Государю, что я самый опасный скрытый революціонеръ. Въ то время я началъ давать уроки В. К. Сергію Александровичу. Но я сказалъ

Толстому: „Мезенцевъ получилъ отпоръ тогда въ Зимнемъ дворцѣ“. Вообще Т. старался отдѣлаться отъ меня шуточками.

Передъ этимъ онъ мнѣ сказалъ: „Ваше приказаніе, какъ всегда, мной исполнено—Лоренцъ Штейнъ получилъ Станислава 1 ст.“ Т. желаетъ сохранить со мною хорошія отношенія ради моего положенія въ академіи.

14 марта. Опять было нѣсколько дней суматохи, въ которые не успѣлъ записывать, а было кое-что интересное. Бесѣда съ Терт. Ив. Филипповымъ и С. А. Грейгомъ: у послѣдняго о положеніи дѣлъ Филиппова, который бы долженъ былъ быть близокъ Каткову по своимъ убѣжденіямъ, но чрезвычайно противъ него вооруженъ. Вообще онъ нисколько не приверженъ господствующей компаніи Толстого, Островскаго, Побѣдоносцева etc. Все это нельзя понять. Онъ говоритъ (а онъ, находясь въ центрѣ, все знаетъ), что Т. недоволенъ Катковымъ, но долженъ держаться его, ибо его значеніе во время болѣзни ослабло въ сравненіи съ вышеупомянутыми лицами, что онъ будто бы долженъ пасовать передъ Катковымъ. Въ этомъ нельзя разобраться: члены партіи интригуютъ другъ противъ друга; дѣйствуютъ, какъ партія, а личные интересы надъ всѣмъ господствуютъ.

Вчера была репетиція спектакля у В. К. Сергія Александровича. Я былъ. Великіе Князья опять со мною чрезвычайно нѣжны. Однако на самый спектакль сегодня для Государя я не былъ приглашенъ.

16 марта. Вчера былъ, наконецъ, на обычномъ собраніи Великихъ Князей у Дмитрія Константиновича, на которомъ давно отсутствовалъ. Надо было быть, чтобы не ссориться.

17 марта. Сегодня обѣдалъ у В. К. Дмитрія Константиновича. Долженъ былъ обѣдать В. К. Павелъ Александровичъ (для котораго собственно все и было устроено), но онъ вдругъ сдѣлался боленъ, и я у него завтракалъ, получивъ о томъ отъ него письмо.

Дмитрій Константиновичъ рассказывалъ, какъ я не былъ въ Аничковскомъ дворцѣ за ужиномъ. Государь вспомнилъ обо мнѣ, не видя меня подлѣ Дмитрія Константиновича. „А, у тебя нѣтъ сегодня твоей дамы, Безобразова“.

Дмитрій Константиновичъ находитъ (это совершенно согласно съ ихъ мировоззрѣніемъ), что я долженъ быть счастливъ такому вниманію ко мнѣ Государя. А я размышляю, что или я, или другіе такъ пусты и ничтожны (говорю чистосердечно „или я“), что обо мнѣ вспоминаютъ только при подобныхъ пустыхъ случаяхъ. Пишу эти слова безъ малѣйшей горечи: моя судьба совсѣмъ особая, и въ ней, конечно, никто не виноватъ, кромѣ меня самого.

Но я не могу не чувствовать, что могъ бы послужить Госу-

дарю и государству лучше многихъ нынѣшнихъ прислужниковъ, могъ бы быть пригоднѣе для чего-либо другого „кромѣ сюжета для праздныхъ шутокъ“. Все это только размышленіе и больше ничего.

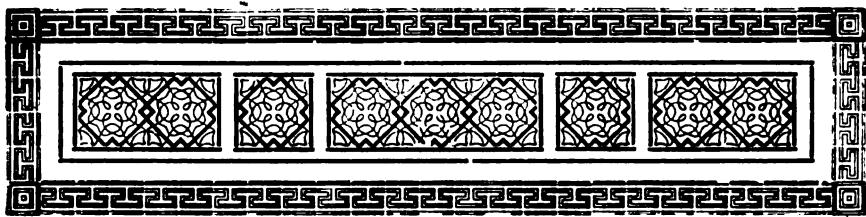
Ни малѣйшей досады и горечи. Я не промѣняю мое положеніе ни на чье, мнѣ извѣстное. Да будетъ воля Господня, во всемъ ей повинуюсь и вѣрю въ его предопредѣленіе.

19 марта. Сейчасъ простился съ В. К. Павломъ Александровичемъ. Онъ ѣдетъ сегодня съ Государемъ въ Крымъ, въ которомъ часу не знаетъ. Таково положеніе. Ради охраны, даже ему дадутъ знать только въ послѣднюю минуту, когда ѣдутъ. ѣдутъ сперва по Варшавской линіи.

Сообщ. М. В. Безобразова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ минувшаго.

(Воспоминанія и впечатлѣнія литератора. 1865—1897 г.) ¹⁾.

XIV.

Литературные обѣды.

Общественные обѣды, какъ средство общенія и умственного обмѣна.—Литературные обѣды.—Вопросъ о предѣлахъ полемики.—Мнѣніе Д. И. Менделѣева.—Неудачная коммиссія.—Чествованіе И. С. Тургенева и столкновеніе его съ Ѳ. М. Достоевскимъ.—Юбилейные обѣды.—Попытки помѣнить законъ 1865 г. о свободѣ печати.—Чествованіе Д. В. Григоровича, А. Н. Плещеева и А. М. Скабичевскаго.

къ числу нашихъ общественныхъ, бытовыхъ, отчасти даже политическихъ учрежденій, принадлежать обѣды. Въ составъ многихъ торжествъ, не исключая церковныхъ и придворныхъ, обязательно входитъ болѣе или менѣе людная и обильная трапеза. Такъ ведется издавна. Крестины, свадьбы и похороны не обходятся безъ обязательныхъ угощеній во всѣхъ слояхъ народа. Князя Владиміра иначе не изображаютъ въ былинахъ и пѣсняхъ, какъ среди широкаго гостепріимнаго пира.

Народныя сказки кончаются присказкой. „И я тамъ былъ, пиво, медъ пилъ“... Главнѣйшіе религіозные праздники отличаются особыми яствами. На Спаса освящаются яблоки и медъ. Подъ Рождество, какъ засіяютъ звѣзды, подаются постные пироги, кутья и взваръ изъ сушеныхъ плодовъ. Свѣтлый праздникъ знаменуется розговинами, краснымъ яичкомъ, куличами.

Свѣтлое воскресенье даже именуется Пасхой. Обряды коронованія не обходятся безъ торжественнаго обѣда и здравецъ. Тяжеловѣсный пирогъ входитъ въ чествованіе именинниковъ. Блины ѣдятъ не только въ дни масленицы, но и въ память покойниковъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1908 г.

Военные праздники, начиная съ георгіевской годовщины и кончая полковыми, послѣ молебна и парада, завершаются обѣдами, за которыми не одна чарочка осушается. Древніе, громадныя кубки и сохранившіеся до сихъ поръ братины свидѣтельствуютъ о дружествѣ и сердечныхъ изліяніяхъ за пиршествомъ, когда отъ избытка чувствъ уста глаголятъ. Угостить бѣдныхъ въ поминальные дни считалось обязательнымъ. Всѣ юбилейныя чествованія въ рѣдкихъ случаяхъ обходятся безъ параднаго обѣда и искристаго вина. Въ-ковое радушіе всегда выражалось въ особой заботливости хозяевъ, чтобы родные и гости были угощены какъ можно лучше. Что въ печи, все на столъ мечи!

Чиновникамъ давали „на гуся“. Сквозники-Дмухановскіе сами брали потребный для нихъ „черносливъ“ или сахаръ, о чемъ и теперь можно справиться въ „Ревизорѣ“. Обѣды были нашими митингами. Когда они устраивались въ честь начальства, на нихъ льстили и обманывали, но въ другихъ случаяхъ, они давали просторъ мнѣніямъ; за ѣдой и тостами развязывались языки, нарушалось установленное для обывателей молчаніе. *In vino veritas!*. Истина на днѣ стакана. Недаромъ, устроители и хранители нашихъ „свободъ“ насторожились противъ обѣденныхъ собраній.

Изъ всѣхъ общественныхъ обѣдовъ, получившихъ болѣе или менѣе постоянное устройство (во второй половинѣ прошлаго вѣка) можно назвать обѣды университетскіе, экономическіе и литературные. Изъ первыхъ образовались общества вспомошествованія бывшимъ студентамъ; вторые привели къ учрежденію „Собранія экономистовъ“, гдѣ, кажется, болѣе играютъ въ карты, нежели занимаются экономикой. О литературныхъ обѣдахъ было уже упомянуто въ этихъ „Воспоминаніяхъ“, по поводу славянскаго движенія.

Основной задачей большихъ литературныхъ обѣдовъ, помимо обсужденія тѣхъ или другихъ политическихъ вопросовъ, служила потребность въ сближеніи издателей, редакторовъ и писателей, ради улучшенія взаимныхъ отношеній и поднятія нравственнаго и умственнаго уровня печати. Многіе враждовали, не имѣя понятія другъ о другѣ; нныя замыкались въ узкіе, редакціонныя кружки, не имѣвшіе ничего общаго съ политической или соціальной партійностью; обособлялись и самоопредѣлялись просто на почвѣ низменнаго соперничества и издательской наживы. Журнальная перебранка заходила иной разъ за предѣлы самыхъ обыденныхъ приличій, не говоря уже о булгаринскихъ пріемахъ, клеветѣ и доносахъ, прямая цѣль которыхъ заключалась въ желаніи вызвать запрещеніе соперничающаго изданія.

Послѣ „освободительной войны“ и съ развитіемъ реакціи уси-

лился спросъ на доносы и обвиненія во всяческихъ измѣнахъ, потрясеніяхъ и неблагонадежностяхъ. Неприличная, безстыдная полемика, пропитанная самой наглою ложью и извѣтами, обратилась въ спеціальность иныхъ газетъ. На одномъ изъ большихъ обѣдовъ естественно возникъ вопросъ „о предѣлахъ литературной полемики“. Пренія не только были поставлены на этическую почву, но и касались тѣхъ государственныхъ и общественныхъ интересовъ, которымъ служить печать. Очень хорошо помню, что въ обсужденіи этого вопроса принималъ горячее участіе профессоръ Д. И. Менделѣевъ. Я тогда впервые увидѣлъ этого замѣчательнаго чловѣка. Наружность его привлекала и разомъ запечатлѣвалась въ памяти. Въ немъ было что-то, напоминавшее средневѣковыхъ астрологовъ или алхимиковъ, добывавшихъ жизненный эликсиръ. Открытый, умный лобъ, пронизательные глаза и крепированныя, свѣтлыя кудри до плечъ, какъ сіянье, придававшія головѣ поэтический обликъ. Съ понятнымъ вниманіемъ, всѣ прислушивались къ мнѣнію знаменитаго химика, стяжавшаго себѣ всемірную славу. Д. И. Менделѣевъ заявилъ, что горячее, увлекательное, даже рѣзкое слово вполне уместно въ журналистикѣ, особенно въ ежедневной, летучей газетѣ, гдѣ пишется наскоро, подъ первымъ впечатлѣніемъ. Спорять до слезъ и даже бранятся иногда въ ученыхъ изданіяхъ и обществахъ; кипятятся и ожесточаются въ парламентахъ, хотя это и не считается „парламентарнымъ“.

Во имя свободы обсужденія и правды, нельзя налагать узду на полемическое слово въ политической печати.

Газеты не изрекаютъ и не могутъ вѣщать только непреложныя истины и безповоротныя рѣшенія. Журналистика представляетъ лишь широкое поле для выясненія дѣйствительности, установленія истины и для выработки здравыхъ мнѣній и справедливыхъ рѣшеній. Во время этого гласнаго процесса весьма естественно возникаютъ сомнѣнія, ошибки, увлеченія, тѣ или другія односторонности.

Читатели, общество, правящія сферы должны свыкаться съ процессомъ выработки общественнаго мнѣнія и понимать условность и всѣ трудности печатнаго слова. Самыя точныя изысканія науки оказываются очень часто временными выводами и затѣмъ дополняются или вполне перерабатываются. Сама философія создаетъ одну систему за другой; проходятъ вѣка, а чловѣчество все еще допытывается: „что есть истина?“ Все это понятно и вполне свойственно нашему знанію, при всемъ его развитіи. Тѣмъ болѣе необходимо терпѣть тѣ или другія несовершенства печати, во имя той пользы, которую она приноситъ, расширяя наше зрѣ-

ніе и слухъ, поддерживая умственную жизнь, проникая къ нашему сердцу. Полемики, споровъ избѣжать нельзя и не слѣдуетъ.

Изъ этихъ столкновеній рождается истина, и создается всякое дѣло. Но вотъ что вредно, возмутительно... Досадно, когда возьмешь газету и изо-дня въ день не видишь въ ней ничего, кромѣ лжи, брани и клеветы, безъ всякаго намека даже, для чего выливаются ушаты этихъ помоевъ... Позорно, отвратительно, когда за перебранкой не видно сколько-нибудь уважительнаго повода или вопроса, а вся эта грязь и гаерство сводятся къ лакейству, къ ремесленности, къ издательской наживѣ, путемъ скандала и угодливости самымъ низменнымъ страстямъ уличной черни.

Такія соображенія высказалъ Д. И. Менделѣевъ и его мнѣніе произвело тѣмъ большее впечатлѣніе, что въ то время знаменитый химикъ не снисходилъ еще до услужливости крайностямъ протекціоннаго тарифа.

Такъ или иначе, но было единодушно рѣшено избрать комиссію для разработки вопроса о предѣлахъ литературной полемики, съ цѣлью устранить ея излишества, подрывающія задачи и призваніе печати, уваженіе къ ней общества. Такъ какъ были случаи вызова на дуэль и даже кулачныхъ расправъ, то комиссіи было поручено выработать правила „суда чести“, для предупрежденія подобныхъ явленій, а равно и „судебныхъ волокитъ“, прибѣгать къ которымъ, вообще, считалось неприличнымъ для литературной среды.

Въ комиссію эту были избраны: профессоръ В. И. Модестовъ, П. Д. Боборыкинъ, М. И. Загуляевъ и я. Быть можетъ, еще кто-нибудь попалъ въ нее, но я теперь не помню.

Обсужденіе вопроса о предѣлахъ полемики и избраніе комиссіи вызвало цѣлую бурю среди тѣхъ газетъ, которыя такъ удачно были опредѣлены Д. И. Менделѣевымъ. Узнавшія себя газеты вообразили, что дѣло идетъ не объ общихъ интересахъ печати, а специально направлено противъ нихъ, противъ ихъ шумнаго, уличнаго успѣха. Онѣ боялись, что не станетъ основы ихъ существованія, если ложь, брань, клевета и доносы будутъ изгнаны изъ печати. Весь этотъ вопросъ онѣ превратили въ покушеніе на свободу печати, которую онѣ отрицали для всѣхъ либеральныхъ направленій, но признавали для своихъ пресмыкательныхъ надобностей. Литературные обѣды выставялись въ видѣ незаконныхъ и злоумышленныхъ сборищъ, а избранную комиссію и ея членовъ стали обзывать „литературными будочниками“. Разнузданные Бул-гарины дѣйствовали на два фронта.

Передъ правительствомъ обѣды обрисовывались въ видѣ опасныхъ „сообществъ“, на которыхъ затѣваются „заговоры“ противъ узаконенной журналистики, истинно-русской, патріотической и всецѣло преданной престолу и отечеству; а передъ читателями неблагонадежные „заговорщики“ превратились въ „будочниковъ“, въ враговъ свободы печати!

Цѣль была достигнута. Общія обѣды стали разстраиваться. Одни опасались на нихъ бывать, чтобъ не прослыть „заговорщиками“, другіе не желали встрѣчаться съ тѣми господами, которые завтра васъ оклеветаютъ, извратятъ ваши слова или даже негласно донесутъ, куда слѣдуетъ, о вашемъ яко бы „превратномъ образѣ мыслей“. Комиссія ни разу не собиралась. Отчасти это надо объяснить нѣкоторой робостью, нежеланіемъ прослыть врагами свободы слова; но, главнымъ образомъ, этотъ отрицательный исходъ благихъ намѣреній слѣдуетъ приписать сознанию бесплодности предстоявшей работы. Если вся реакціонная и уличная пресса отвиливаетъ, уклоняется отъ „суда чести“ и не понимаетъ умѣстности предѣловъ полемики, то для кого и для чего разрѣшать этотъ вопросъ? Лѣвая и вообще сколько нибудь порядочная часть печати не выходила изъ этическихъ границъ, не доносила, не подвергалась избіеніямъ и всегда готова была подчинять возможные недоразумѣнія третейскому суду. Въ упорядоченіи тутъ не было надобности; а „правая“, часть журналистики не могла отрѣшиться отъ своего жизненнаго ремесла и видѣла свой насущный кусокъ хлѣба какъ разъ въ томъ, что желательно было устранить, ради достоинства печати и важнѣйшихъ интересовъ государства и народа.

Такой же отрицательной участи подвергся въ 70-хъ годахъ и вопросъ объ улучшеніи отношеній между издателями и сотрудниками. П. Д. Боборыкинъ явился сторонникомъ письменныхъ договоровъ и нормальныхъ условій; но если подобные договоры сплошь и рядомъ нарушаются въ чисто матеріальныхъ отношеніяхъ между капиталистами и рабочими, между домовладѣльцами и квартирантами, между землевладѣльцами и земледѣльцами, — то можно ли полагаться на нихъ въ такой свободной профессіи, какъ литературная? Нельзя закабалить свой умственный трудъ и опредѣлять литературное творчество какими-нибудь цифрами. Самый выгодный договоръ можетъ превратиться въ такую нравственную пытку, при которой все бросишь, все потеряешь, лишь бы избавиться отъ непріятныхъ, невыносимыхъ сношеній. Людямъ приходится разставаться, даже не утрачивая уваженія другъ къ другу; никакой договоръ не удержится тамъ, гдѣ на дѣлѣ господствуетъ полный нравственный и умственный разрывъ.

Сколько я помню, послѣдній большой литературный обѣдъ въ Петербургѣ состоялся осенью 1880 года, съ спеціальной цѣлью — чествовать И. С. Тургенева. Но и на этомъ обѣдѣ произошло при- скорбное столкновение съ Ѳ. М. Достоевскимъ; когда онъ сталъ до- пытывать у Тургенева, чтѣ тотъ хотѣлъ выразить своей отвѣтной рѣчью? Всѣ поняли, что Тургеневъ, въ согласіи съ общественнымъ настроеніемъ (послѣ пушкинскаго праздника), намекалъ на необхо- димость конституціи; прекрасно понималъ это и Достоевскій; но по- тому-то онъ и набросился на Тургенева, какъ на своего литера- турнаго и политическаго врага. Кое-какъ удалось замѣть это при- скорбное столкновение между двумя великими писателями; но на другой день вся эта исторія, съ обычными прикрасами, была под- хвачена въ „благонадежной“ газетѣ и литературному обѣду было придано значеніе покушенія на существующій порядокъ и искон- ные „основы Россіи“. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Достоевскаго не стало; а чрезъ три года скончался и Тургеневъ, среди такой реак- ціи, которая быть можетъ могла бы примирить обоихъ писателей въ желаніи такъ или иначе избавиться отъ ея пагубныхъ послѣд- ствій.

Со времени эпизода на Тургеневскомъ обѣдѣ, еще болѣе убыв- ло число приверженцевъ литературныхъ обѣдовъ. Они не прекраща- лись, но приняли инныя формы и получили особое развитіе въ 90-хъ годахъ.

Вмѣсто общихъ обѣдовъ, образовались редакціонныя. Надо было, хотя разъ въ мѣсяцъ, оторваться отъ обычной работы, освѣжиться въ общей бесѣдѣ, подышать нѣкоторой свободой, поднять свой духъ, среди сѣрыхъ, безнадежныхъ будней застоя и хмураго про- зябанія. На редакціонныя обѣды „Новостей“ приглашались не одни участники этой газеты, но и другія лица, которыя болѣе или ме- нѣе были объективны, не засосались реакціей и не боялись со- прикосновения съ остатками задавленнаго либерализма. Въ числѣ участниковъ этихъ ежемѣсячныхъ собраній можно назвать В. Д. Спасовича, Н. С. Таганцева, В. И. Модестова, И. Е. Андреевскаго (бывшаго ректора СПб. университета), М. И. Семевского, С. Н. Шубинскаго, В. А. Полетику, Э. И. Пильца (редактора польской газеты „Край“); извѣстныхъ педагоговъ — Я. Г. Гуревича, В. П. Острогорскаго, В. Сиповскаго; артистовъ: И. Ѳ. Горбунова, В. П. Далматова, М. И. Писарева и др. Большинство изъ нихъ давно уже оставили насъ, не дождавшись новаго „освободительнаго дви- женія“; но за то они избавились отъ тѣхъ бѣдъ, до которыхъ до- вела насъ многолѣтняя реакція. Устраивались и другіе редакціон- ныя обѣды, но они были болѣе замкнуты и на нихъ нельзя или

неудобно было попасть „чужому“. Умственной пищей означенныхъ обѣдовъ, обыкновенно, служили текущія событія, о которыхъ нельзя было открыто или свободно говорить въ печати.

Для примѣра, можно указать катастрофу въ Боркахъ и религиозныя преслѣдованія въ С.-З. краѣ, разрывъ съ Болгаріей, смерть императора Вильгельма I и тѣ надежды на либеральное направленіе въ Германіи, которыя были связаны съ кратковременнымъ царствованіемъ Фридриха. Бывали и самые невинные предметы для бесѣдъ, по поводу тѣхъ или другихъ картинъ на художественной выставкѣ или какой-нибудь новой пьесы. На тѣхъ же обѣдахъ мнѣ удалось возродить мысль о литературной взаимопомощи и завербовать нѣсколько десятковъ первыхъ участниковъ новаго учрежденія.

Въ 1890 году, 6 апрѣля, наступила 25-ая годовщина изданія закона о печати, уничтожившаго предварительную цензуру для нѣкоторыхъ книгъ и части столичной журналистики. Возникла мысль о чествованіи этого событія. Желательно было напомнить, съ какими радужными ожиданіями привѣтствовалась свобода печати, какія восторженные статьи помѣстили тогда И. С. Аксаковъ и даже М. Н. Катковъ. Освобожденная печать вызвала у Некрасова цѣлый циклъ прелестнѣйшихъ, колкихъ стихотвореній, ярко изображавшихъ невзгоды и страданія подцензурныхъ временъ и тѣ холопскія и крѣпостническія опасенія, которыя были созданы обличительнымъ направленіемъ и нѣсколько приподнятымъ тономъ „свободной прессы“.

— Васта ходить по цензурѣ!
Ослобонилась печать,
Авторы наши въ натурѣ
Стали статейки пушать.
Къ нимъ да къ редактору нынѣ
Только и носимъ статьи...
Словно повысились въ чинѣ,
Ожили дѣтки мои!

Но и ту жалкую долю свободы, которая установлена была закономъ 1865 года, подорвала реакція, уничтожили „временныя правила“ и произволь разныхъ Побѣдоносцевыхъ и ихъ ставленниковъ. Напоминаніе того, что было и что случилось съ свободой мысли и слова, указаніе на число загубленныхъ изданій служили бы явнымъ укоромъ для тѣхъ „торжествующихъ“, которые весело и откровенно содѣйствовали разгрому либеральной печати. Возгорѣлась полемика, среди которой многихъ поразило неожиданное появленіе письма Н. К. Михайловскаго. Онъ печатно отказывался отъ участія въ юбилейной комиссіи, заявляя, что положеніе печати въ такой степени *печально*, что не можетъ быть и рѣчи о

празднествѣ. Печаль Н. К. Михайловскаго, конечно, была весьма „радикальная“; но она сильно подкрѣпила реакціонное „противленіе“ юбилею. Скоро это противленіе нашло еще одного союзника. Послѣдовало распоряженіе о запрещеніи предполагаемаго чествованія свободы печати. Въ провинціальныхъ газетахъ и губернскихъ вѣдомостяхъ, по всей Руси Великой, въ теченіе многихъ мѣсяцевъ печатался циркуляръ о недопущеніи празднованія юбилея печати, если бѣ избранныя въ Петербургѣ лица вздумали прибыть въ тѣ или другія захолустья и взбудоражить мѣстное населеніе столь превратной мыслью. День 6-го апрѣля 1890 года прошелъ сѣро, незамѣтно; печать осталась при прежнемъ „пиковомъ интересѣ“, а Н. К. Михайловскій, при всей своей грусти, могъ еще болѣе опечалиться, что его отказъ нашелъ столь вліятельную поддержку и въ реакціонной журналистикѣ, и въ полицейскомъ запрещеніи. Крайности сошлись и въ данномъ случаѣ. „Русское Богатство“, впрочемъ, не принадлежало къ „свободной печати“ и издавалось подъ цензурой... Журналъ Н. К. Михайловскаго могъ и не спѣшить къ той свободѣ, которая такъ дорого обходилась другимъ изданіямъ.

Весь этотъ эпизодъ, совмѣстно съ смѣхотворнымъ страхомъ, обнаруженнымъ въ указанномъ циркулярѣ, заслуживаетъ виднаго мѣста въ исторіи нашей цензуры и печати. Надо ли пояснять, что никто и не думалъ посылать по Россіи какихъ-то странствующихъ подстрекателей къ чествованію закона 6-го апрѣля 1865 года. Полицейское запрещеніе представляло обычное полицейское переусердіе, равносильное бездѣйствію и неумѣлости въ сколько-нибудь важныхъ случаяхъ огражденія общественной безопасности.

Вообще характерно, что съ нарастаніемъ реакціи, общія литературныя чествованія всегда встрѣчали противодѣйствіе съ крайнихъ фланговъ. Въ январѣ 1887 года, не безъ труда и полемики удалось устроить поминки Пушкина, по случаю пятидесятилѣтія его кончины. Была панихида въ Казанскомъ соборѣ; другую, по почину земства, отслужили на мѣстѣ дуэли великаго поэта. Вечеромъ состоялся обѣдъ; но для Петербурга не особенно многолюдный. Многие были сбиты съ толку дикой полемикой. Послѣ обѣда, впервые мы слышали „мелодекламацію“ молодого, талантливаго композитора Лишина, вскорѣ унесеннаго смертью; но его „мелодекламація“ очень прижилась и расширилась съ тѣхъ поръ.

Еще бѣднѣе прошла 50-лѣтняя годовщина смерти М. Ю. Лермонтова, 15 іюля 1901 г. Духовенство Казанскаго собора не хотѣло служить панихиды. Я ѣздилъ въ лавру, и митрополитъ Исидоръ,—выслушавъ мое объясненіе,—далъ словесное разрѣшеніе.

Паннихида была отслужена; но лѣтнее время, пустота столицы не содѣйствовали многолюдству этихъ поминокъ. Любители всякихъ скандаловъ и разладицъ пустили въ ходъ нелѣпный доводъ, будто и не пригоже „праздновать“ такія печальныя событія, какъ смерть великихъ людей. Празднуя дни рожденія, эти почитатели, какъ видно, забываютъ о томъ, что чествуемыхъ уже нѣтъ и что рожденіе ведетъ къ кончинѣ, а смерть для великихъ людей является началомъ безсмертія, вѣчности. Не младенцевъ же, а дѣятельность и заслуги взрослыхъ чествуютъ.

Юбилейныя чествованія живыхъ представителей литературы не встрѣчали подобныхъ опасеній и препонъ. Во всякомъ случаѣ, ихъ обходили. Несмотря на „печали“, вызываемыя тягостнымъ положеніемъ печати, въ 80—90 годахъ были отпразднованы болѣе или менѣе широко и удачно юбилеи: А. Н. Плещеева, В. П. Острогорскаго, П. И. Вейнберга, А. А. Потѣхина, Д. В. Григоровича, А. И. Поповицкаго, Д. Я. Мордовцева, П. Д. Боборыкина, А. М. Скабичевскаго и К. М. Станюковича. Всѣ эти юбилеи были свѣтлыми явленіями послѣднихъ двухъ десятилѣтій минувшаго вѣка. Нѣкоторые изъ нихъ были самыми сердечными; другіе носили нѣсколько сухой, оффиціозный характеръ. Около однихъ юбиларовъ собирався довольно тѣсный кружокъ почитателей, тогда какъ другіе были многолюднѣе и привлекали пестрый составъ участниковъ; но все же пріятно было на нихъ встрѣтиться даже и съ партійными врагами, во имя тѣхъ умственныхъ и художественныхъ вкладовъ, которые каждый изъ юбиляровъ внесъ въ русскую литературу.

Д. В. Григоровичъ во время юбилейнаго обѣда сидѣлъ въ пожалованной ему лентѣ Станислава, рядомъ съ С. Ю. Витте. Онъ пережилъ свою литературную извѣстность и въ послѣдніе годы своей жизни не отличался устойчивостью взглядовъ. У него были друзья справа и почитатели прошлой дѣятельности слѣва. Бюрократія награждала его, какъ устроителя художественно-промышленнаго музея; литературная же среда помнила въ немъ друга Тургенева и человѣколюбиваго писателя. Д. В. Григоровичъ былъ занимательнымъ собесѣдникомъ; онъ не любилъ спорить и очень часто соглашался съ самыми противоположными мнѣніями. Къ этимъ противорѣчіямъ всѣ привыкли. Во всякомъ случаѣ, если Григоровичъ и не страдалъ отъ общей литературной невзгоды, то и не запятналъ себя раболопствомъ передъ Побѣдоносцевымъ и ему подобными „столпами“ реакціи.

Самое лучшее впечатлѣніе оставилъ юбилей А. Н. Плещеева. Отчасти и онъ былъ уже изъ „бывшихъ“; творчество его принад-

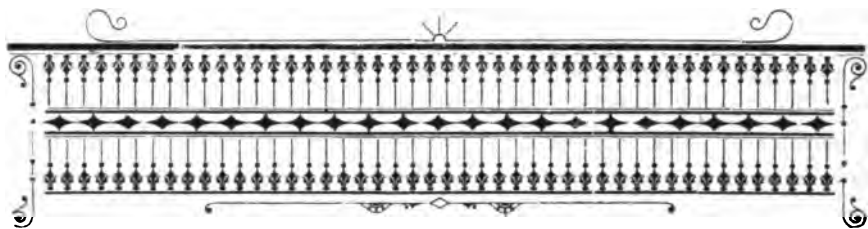
лежало прошлому; но въ немъ чествовали одного изъ пострадавшихъ въ сороковые годы, непремѣннаго участника благотворительныхъ чтеній и добрейшаго покровителя всѣхъ молодыхъ талантовъ. Кажется, ни на одномъ юбилей не участвовало столько дамъ, сколько было ихъ на обѣдѣ въ честь А. Н. Плещеева. Женское сердце чутко отнеслось къ маститому поэту, отличавшемуся необычайнымъ добродушіемъ и звавшему „впередъ“... Остальные юбилей, изъ числа поименованныхъ, носили болѣе частный и партійный характеръ. Особой оживленностью и искренностью отличался юбилей А. М. Скабичевского. Въ немъ чествовали идейнаго, стойкаго, прогрессивнаго критика. На этомъ юбилей мы имѣли удовольствіе видѣть Г. И. Успенскаго, во время временнаго улучшения его ужаснаго недуга. До сихъ поръ не могу забыть его добрыхъ, какъ-бы умоляющихъ глазъ и сильнаго, почти судорожнаго пожатія руки... Больше никогда уже не видѣли среди общественнаго собранія знаменитаго писателя-народника. Мрачная завѣса опять опустилась надъ нимъ. Лучше смерть, нежели этотъ ужасный недугъ!

Весной 1897 года, на одномъ изъ очередныхъ обѣдовъ, В. Д. Спасовичъ, В. П. Острогорскій и я подписали заявленіе въ комитетъ „Литературнаго Фонда“ объ образованіи подготовительной комиссіи для возможно болѣе торжественнаго чествованія пятидесятой годовщины безсмертной славы В. Г. Бѣлинскаго (въ маѣ 1898 года) и перехода его сочиненій въ общее достояніе. Мнѣ не пришлось уже участвовать въ этомъ чествованіи... И меня сразилъ, выбилъ изъ жизни злой недугъ.

Г. Градовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Восточная идея Поссевина.

Въ концѣ XVI-го вѣка, поблѣкшій въ битвѣ при Лепанто оттоманскій флагъ уже гордо развѣвался на водахъ Эгейскаго и Ионическаго моря. Неукротимый и не разъ побѣдоносный врагъ христіанства снова угрожалъ венгерской границѣ, и во всемъ западномъ мірѣ распространилась тревога и чуялась опасность. Не удивительно, что не только правящіе круги, по своей прямой обязанности, но и общественные дѣятели, въ виду важности дѣла, задавались вопросомъ, какъ избавиться отъ нападеній падишаха и сокрушить его могущество? Вслѣдъ за другими, надъ тѣмъ же предметомъ часто и глубоко задумывался Поссевинъ. Развитие его мысли можно, до нѣкоторой степени, прослѣдить въ его письмахъ и рѣчахъ. Сперва онъ увлекался международнымъ союзомъ всего запада и даже Персіи противъ турокъ. Но впослѣдствіи, при частыхъ разговорахъ съ Баторіемъ, восточный вопросъ усложнился московскимъ предпріятіемъ. Появились другія вѣянія, раскрытіе которыхъ, по мнѣнью возможно, не лишено интереса.

Раннія политическія воззрѣнія Поссевина сложились безъ сомнѣнія подъ вліяніемъ знаменитаго рода Гонзаговъ, съ которымъ онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ. Будучи самъ мантуанскимъ уроженцемъ, онъ до конца жизни горячо любилъ и родной городъ, и его верховныхъ властелиновъ. Стоитъ взглянуть на великолѣпные, окруженные садами, мантуанскіе дворцы, гдѣ нѣкогда блистала очаровательная Isabella d'Este, гдѣ Torquato Tasso воспѣвалъ своихъ героевъ; полюбоваться фресками такихъ могучихъ масте-

ровъ, какъ Andrea Mantegna и Giulio Romano, вдуматься въ чудное при дворѣ развитіе наукъ и искусствъ, чтобы понять, какія неразрывныя узы связывали образованнаго обывателя съ выдающимся очагомъ культуры, съ виновниками его процвѣтанія, Гонзагами, которые не безуспѣшно соперничали и съ Medici во Флоренціи, и съ Este въ Моденѣ.

Въ княжеской семьѣ Поссевинъ былъ свой человѣкъ. Онъ былъ секретаремъ у кардинала Есcole Гонзага, и ему вскорѣ поручили воспитаніе и высшее образованіе двухъ молодыхъ людей изъ того же рода. Дѣло пошло такъ удачно, что умный преподаватель безъ труда завоевалъ особое уваженіе и самихъ юношей и всѣхъ ихъ приближенныхъ.

Такая обстановка не могла остаться безъ воздѣйствія на весь строй его жизни и на теченія его мыслей. Въ Мантуѣ хранилось преданіе о созванномъ тамъ собраніи въ 1459 году. Оно состоялось стараніями кардинала Виссаріона, неутомимаго дѣятеля въ пользу Византіи. На немъ присутствовалъ Исидоръ Кіевскій.

Въ напыщенныхъ, по тогдашнему обычаю, выраженіяхъ, папа Пій II-й лично созывалъ христіанскіе народы на битву противъ турокъ и самъ вызывался быть предводителемъ этого новаго крестоваго похода. Но смѣло задуманное предпріятіе, со вскорѣ послѣдующею смертію папы, кануло въ воду. Осталось только убѣжденіе, переходившее изъ рода въ родъ, что другого спасенія нѣтъ отъ грознаго и многочисленнаго врага, кромѣ соединенія въ одно могучее ополченіе всѣхъ западныхъ христіанъ. Поссевинъ вѣроятно съ раннихъ лѣтъ свыкъся съ этимъ, тогда господствующимъ, взглядомъ.

То же настроеніе, даже въ усиленныхъ размѣрахъ, онъ нашелъ въ Римѣ, гдѣ, будучи уже іезуитомъ, принималъ участіе въ приготовленіяхъ турецкаго похода, и, по порученію Пія V-го, снабдилъ папскихъ солдатъ духовнымъ руководствомъ своего сочиненія. Блестящая побѣда 7-го октября 1571-го года надъ турками упрочила на долго ходячее мнѣніе о побѣдоспособности христіанскаго союза.

Его всецѣло воспринялъ Григорій XIII-й и, вопреки неудачамъ, никогда отъ него не отступалъ. Онъ же внушилъ Поссевину дѣйствовать въ одинаковомъ направленіи и открылъ ему обширное поле дѣятельности.

Первая такого рода попытка относится къ 1581-му году. Сопровождая царскаго гонца Истому Шевригина и отправляясь въ таинственную Московію, Поссевинъ остановился въ Венеціи. Въ этомъ центрѣ политической жизни, куда стекались извѣстія изъ всего міра, было съ кѣмъ разговаривать. Между высшими сановниками

Поссевинъ насчитывалъ того, другого преданнаго друга. Въ качествѣ папскаго уполномоченнаго, ему предоставили возможность высказаться въ сенатѣ и въ совѣтѣ, при чемъ онъ и упомянулъ о союзѣ противъ турокъ. Престарѣлый дожъ Николай da Ponte былъ въ восхищеніи: пусть гибнуть турки, Венеція заранѣе привѣтствуетъ ихъ побѣдителей, но самой участвовать въ войнѣ ей не удобно. Пользуясь намеками Поссевина, онъ далъ ему такой отвѣтъ: примирите Польшу съ Москвою, займитесь ихъ союзомъ: обѣ вмѣстѣ, безъ посторонней помощи, онѣ могутъ справиться съ турками. Предлагая такую задачу, врядъ-ли самъ дожъ воображалъ, что Баторій и Грозный когда-либо встрѣтятся у стѣнъ Константинополя и дружно пойдутъ на осаду города. Съ такими напутствованіями Поссевинъ и уѣхалъ.

Въ слѣдующемъ 1582-мъ году, на обратномъ пути въ Римъ, онъ могъ сообщить дожу, что данное ему порученіе хоть отчасти исполнено: десятилѣтнее перемиріе заключено между Польшею и Москвою. Такой, по правдѣ сказать, неожиданный успѣхъ давалъ ему право заговорить погромче и рассчитывать на большее вниманіе. Вмѣсто бѣглаго намека на восточный вопросъ, какъ въ прошломъ году, онъ теперь, въ сенатѣ и въ совѣтѣ, подробно излагаетъ состояніе Европы, взвѣшиваетъ препятствія противъ международнаго союза, указываетъ на удобства и выгоды, предупредивъ своихъ слушателей, что съ разныхъ сторонъ ему сообщили драгоцѣнныя свѣдѣнія.

На самомъ дѣлѣ, въ Москвѣ и Краковѣ, въ Вѣнѣ и Прагѣ, повсюду онъ тщательно справлялся о расположеніяхъ руководящихъ круговъ на счетъ турокъ. Не скрылъ онъ отъ венеціанцевъ, что поляки и русскіе сами не начнутъ войны, но вѣроятно не откажутся участвовать въ общемъ походѣ, если таковой состоится съ подходящими для нихъ условіями. Здѣсь уже замѣтно преобладающее вліяніе Баторія, такъ старательно Поссевинъ его выдѣляетъ передъ другими и расхваливаетъ, намекая мимоходомъ, что, будь у польскаго короля миллионъ дукатовъ въ рукахъ, онъ пожалуй овладѣлъ бы Константинополемъ. Но это покуда только смѣлая выходка. Личное убѣжденіе Поссевина сводилось къ тому, что благоприятное время для полнаго сокрушенія полумѣсяца еще не настало. За то, онъ тѣмъ сильнѣе настаивалъ на всесторонней и безусловно тайной подготовкѣ къ войнѣ.

Исходя изъ того начала, что необходимо имѣть наготовѣ, если не все войско, то, по крайней мѣрѣ, его главный зародышъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ данную минуту, располагать обильными денежными

средствами, онъ предлагалъ устроить „военныя семинаріи“, какъ онъ ихъ называлъ, и завести всеобщую, международную казну.

Военныя семинаріи—это была заветная мысль Поссевина. Убѣдительный примѣръ носился передъ его глазами. Въ силу распоряженій Триентскаго собора, во многихъ епархіяхъ возникали духовныя семинаріи въ томъ видѣ, въ которомъ онѣ существуютъ до сихъ поръ; изъ нихъ выходили священники, отлично подготовленные для своего высокаго призванія, ихъ воздѣйствіе на окружающую среду было замѣтно и благотворно. Этимъ путемъ Григорій XIII надѣялся обновить зараженные невѣріемъ христіанскіе народы. По образцу такихъ-то заведеній, Поссевинъ мечталъ устроить военныя семинаріи, гдѣ преподаваніе и воспитаніе были бы проникнуты духомъ, вѣющимъ у автора руководства: *Il Soldato cristiano* ¹⁾. Обстоятельный планъ былъ у него давно обдуманъ и заслужилъ одобреніе сперва Баторія, а потомъ и такого знатока военнаго дѣла, какимъ былъ въ Венеціи *Giulio Savorgnano*.

Другое предложеніе о всеобщей казнѣ заронили въ его умъ германскіе принцы. Въ дѣлахъ взаимной обороны, нѣкоторые изъ нихъ сдѣлали складчину, которая постоянно возобновлялась. Опѣнивъ по достоинству этотъ пріемъ, Поссевинъ предлагалъ, чтобы соединившіяся противъ турокъ правительства откладывали ежегодно извѣстную сумму на военныя издержки. Образовавшуюся такимъ путемъ казну хранили бы довѣренныя лица, а вносящіе свои деньги имѣли бы право провѣрки. Мало-по-малу накопились бы значительные капиталы, и въ случаѣ войны необходимыя средства были бы немедленно подъ рукой.

Выдвигая матеріальную обстановку, Поссевинъ полагался однако же гораздо больше на силу и мощь религіознаго духа. Глубоковѣрующій человѣкъ, усвоивъ себѣ міровоззрѣніе блаженнаго Августина ²⁾, онъ преклонялся предъ Божиимъ промысломъ и стремился къ выполненію высшихъ человѣческихъ задачъ, потому онъ и другимъ совѣтовалъ прежде всего заручиться помощью Всемогущаго и дѣйствовать заодно съ папою, какъ представителемъ сверхъестественнаго міра. Въ XVI-мъ вѣкѣ венеціанскіе сенаторы не чуждались такихъ рѣчей и почтительно относились къ христіанскимъ убѣжденіямъ. Поссевину былъ данъ одобрительный отвѣтъ, ему изъявили на словахъ полное сочувствіе, и дважды поднесли подарокъ въ 500 дукатовъ, отъ котораго онъ рѣшительно

¹⁾ Это руководство было именно то, которое Поссевинъ составилъ накануне битвы при Лепанто.

²⁾ Изложенное въ книгахъ *De Civitate Dei*.

отказался. Повидимому, ему вполне доверяли, но вскоре, зорко слѣдившій за Поссевиномъ венеціанскій посолъ въ Римѣ, Leonardo Donado, упрекнулъ его, и не безъ основанія, въ чрезмѣрномъ оптимизмѣ.

Дѣйствительно, такое настроеніе папскаго посредника, вернушагося между тѣмъ въ Римъ, бросается въ глаза. Оно безъ сомнѣнія отразилось на его докладахъ Григорію XIII-му и папскому секретарю, кардиналу Коменскому. Доклады дѣлались извѣстно, но предположеніе наше оправдывается посланіями, врученными Поссевину при новомъ отъѣздѣ въ октябрѣ 1582 года. Во всякомъ случаѣ достовѣрно, что онъ оставилъ въ Римѣ обширную записку съ своими соображеніями о союзѣ противъ турокъ. Самое же заглавіе „Libro militare“ указываетъ на то, что авторъ становится на точку зрѣнія военную. Подлиннаго текста мы не имѣемъ.

Во всеоружіи римскихъ порученій, Поссевинъ снова отправился въ Польшу и Германію. Это было, какъ выше уже сказано, въ октябрѣ 1582 года. Много дѣлъ было у него на рукахъ: завѣдываніе папскими семинаріями, улаженіе распри между Рудольфомъ II-мъ и Баторіемъ, разнородныя римскія порученія, да еще огромная переписка и частыя перемѣшенія. Тѣмъ не менѣе восточный вопросъ оставался у него постоянно на очереди. О немъ онъ толковалъ преимущественно съ Баторіемъ. Императоръ не соблазнялся дальновидными соображеніями и заботился только о полученіи субсидій. Не то польскій король. Онъ также нуждался въ деньгахъ, но это не мѣшало ему вдумываться въ международную политику, подробно и всесторонне ее обсуждать и задаваться вопросомъ о турецкой войнѣ. Съ Поссевиномъ онъ былъ, можно сказать, въ дружескихъ отношеніяхъ и не скрывалъ отъ него своихъ затаенныхъ мыслей. Это сближеніе состоялось послѣ перемирія въ Киверовой Горѣ. Баторій былъ такъ доволенъ дѣйствіями папскаго посредника, что, превознося его заслуги, изъявилъ ему горячую благодарность, отличилъ его своимъ довѣріемъ, и до самой смерти пребывалъ къ нему неизмѣнно благосклоннымъ. Впервые онъ выразилъ письменно эти чувства въ посланіяхъ, данныхъ въ Ригѣ, 28 апрѣля 1582 года, на имя Григорія XIII-го, королевы Анны, кардинала Фарнезе, Замойскаго, своего племянника Андрея и другихъ.

Поссевинъ воспользовался этими расположеніями, чтобы настаивать на опасности, грозившую со стороны Востока. Такимъ образомъ онъ отвлекалъ Баторія отъ борьбы съ императоромъ, которая могла вспыхнуть изъ-за личныхъ между ними счетовъ, и

вмѣстѣ съ тѣмъ подготовлялъ рѣшеніе вѣкового, для всего христіанскаго міра важнѣйшаго, вопроса о торжествѣ креста надъ полумѣсяцемъ. Въ этихъ разговорахъ проводились цѣлые вечера въ Краковѣ, Гроднѣ, Люблинѣ. Поссевинъ былъ неисчерпаемъ. Онъ восходилъ до крестовыхъ походовъ и кончалъ современными событіями, указывая на Готфрида Бульонскаго и его безсмертную славу, на герцога Баварскаго, Вильгельма III, желавшаго устроить военную семинарію и, напрягая всѣ свои усилія, чтобы развить въ своемъ собесѣдникѣ геройскій духъ и вызвать его на міровые христіанскіе подвиги. На такія блестящія предпріятія Баторій былъ чрезвычайно падохъ. Глубоко коренилось въ его душѣ желаніе отличиться на службѣ Церкви и освободить любимую Трансильванію отъ турецкаго ига. Съ искреннимъ усердіемъ онъ предлагалъ свои услуги, посвящалъ себя и свой мечъ на великое дѣло, не жалѣя ни покоя, ни жизни. Конечно, лучшаго и болѣе преданнаго полководца трудно было бы найти въ то время для намѣченной войны. Уже одно его имя ручалось, если не за побѣду, то за неустанное и добросовѣстное стремленіе къ ней. Но дошло ли до насъ на письмѣ все, что тогда изустно излагалось? Есть основаніе предполагать, что наши увѣдомленія не полны. Поссевинъ однажды проговорился: Баторію, писалъ онъ, пожалуй, суждено быть болѣе, чѣмъ королемъ. Эти слова, если принять во вниманіе весь ходъ состоявшихся разсужденій, наводятъ на догадку, что оба собесѣдника, не довольствуясь сокрушеніемъ турокъ, мечтали о чемъ-то вродѣ славяно-византійской имперіи, съ гегемонією, конечно, Польши. Можетъ быть, къ этимъ мечтаніямъ примыкаетъ и то, что въ маѣ 1583 года Поссевинъ хотѣлъ было затѣять съ венеціанцами. Онъ написалъ посланія дожу и его совѣтникамъ и, сознавая ихъ важность, сообщилъ ихъ предварительно кардиналу Коменскому. Но вмѣсто ожидаемаго одобренія ему рѣзко посовѣтовали отказаться отъ своего намѣренія и впредь не вмѣшиваться въ подобныя дѣла. Что именно предлагалъ Поссевинъ, остается неизвѣстнымъ, такъ какъ его венеціанскія письма пропали безслѣдно. Однако же позволительно, кажется, предполагать, что и здѣсь восточный вопросъ занималъ главное мѣсто. Послѣ установленныхъ, въ концѣ 1582 года, дипломатическихъ сношеній между обоими государствами, Польша не имѣла другихъ дѣлъ съ венеціанцами кромѣ общаго союза противъ мусульманства, при чемъ Баторій, какъ сейчасъ увидимъ, постоянно разсчитывалъ на ихъ денежную помощь.

Совершенно новое направленіе замѣчается у Поссевина въ 1584-мъ году, на этотъ разъ уже въ полной зависимости отъ Ба-

торія¹⁾. По смерти Ивана Грознаго, при слабомъ его наслѣдникѣ, польскій король задумалъ походъ противъ Москвы, и, въ случаѣ неодобренія со стороны сейма, хотѣлъ снарядить его на собственное изживеніе. Но откуда достать необходимыя средства? Ради преуспѣянія Польши никто бы конечно не раскошелится, необходимо было дать этому предпріятію международную окраску. И вотъ Баторій выступаетъ съ такимъ планомъ: въ три года онъ справится съ Москвою, потомъ соединится съ Персією и съ кавказскими народами, и, окруживъ турокъ со всѣхъ сторонъ, водрузитъ христіанское знамя на стѣнахъ Константинополя. При такой постановкѣ уже можно было смѣло просить субсидіи въ Римѣ, Венеціи и Флоренціи, имѣлся по крайней мѣрѣ благовидный предлогъ. Это ходатайство возложено было на Поссевина. Съ нимъ король объяснялся свободно, а обращаться прямо къ краковскому нунцію Bolognetti онъ не желалъ, чтобы не казаться нищимъ.

Такое порученіе ставило Поссевина въ затруднительное положеніе. Въ Римѣ увлекались союзомъ Польши съ Москвою противъ турокъ, а теперь приходилось считаться съ войною. Правда, Баторій толковалъ это такъ, что Москва незаконно владѣетъ польскимъ достояніемъ, и что турки завладѣютъ Кремлемъ, если поляки не появятся во-время, и не спасутъ его отъ гибели. Хотя вооруженная защита и смѣлыя требованія здѣсь искусно перемѣшивались, однако нельзя было не сознавать, что при такихъ условіяхъ восточный вопросъ обращался въ московскій и что невозможно было удовлетворить поляковъ, не обижая Москвы. Поссевинъ однакожъ не отчаивался и надѣялся вырваться изъ этихъ тисковъ, отдѣливъ политику отъ войны и предоставивъ Риму возможность завладѣть направленіемъ предпріятія, защищая Москву противъ Баторія и помогая Баторію противъ турокъ. Все это страдало искусственностью и даже противорѣчіемъ.

А между тѣмъ король требовалъ, чтобы Поссевинъ спѣшио отправился въ Италію, готовилъ для него полномочія и посланія. Такъ какъ эта поѣздка не могла состояться безъ согласія папы, то Поссевинъ обратился къ кардиналу Коменскому, изложилъ ему суть дѣла и указалъ на необходимость изустныхъ дополненій.

Это совершенно неожиданное и ошеломляющее сообщеніе разразилось въ Ватиканѣ какъ громовой ударъ. Оно выходило изъ ряду вонъ. Григорій XIII-й все еще полагался на содѣйствіе Филиппа II-го, короля испанскаго, и имѣлъ въ виду подавленіе ере-

¹⁾ Здѣсь приводится только общій ходъ событій, подробности можно найти во II-мъ томѣ *La Russie et le Saint-Siège*.

тичества въ Англіи, чтобы ускорить соединеніе западныхъ народовъ противъ турокъ. При томъ онъ уже былъ въ преклонныхъ лѣтахъ и, несмотря на его безденежье, со всѣхъ сторонъ у него выпрашивали субсидіи. Понятно, какъ эти новыя просьбы и громадныя планы казались обременительны и несвоевременны. Согласиться на нихъ было немислимо, желательно было только избѣгнуть раздраженія Баторія. Въ виду этого остановились на слѣдующихъ мѣрахъ: Поссевину рѣшительно воспретили путешествіе въ Италію, Баторію предоставили полную свободу дѣйствій, не полсказывая ему никакого рѣшенія, а на счетъ субсидій папа обѣщалъ ихъ только въ томъ случаѣ, если сперва Венеція и Флоренція окажутъ денежное содѣйствіе. Такое обѣщаніе равнялось отказу, ибо легко было предвидѣть, что оба итальянскія государства не рѣшатся на какое-либо подаяніе. А чтобы совершенно прекратить дальнѣйшіе переговоры, Поссевина не замедлили удалить изъ Кракова въ Браунсбергъ съ порученіемъ заниматься устройствомъ семинарій и книжнымъ дѣломъ. Восточный вопросъ предоставлялся нунцію Bolognetti. Вскорѣ за тѣмъ послѣдовавшая смерть Григорія XIII-го (10 апрѣля 1585 года) приостановила на нѣкоторое время развитіе польскихъ замысловъ.

Со вступленіемъ на ватиканскій престолъ Сикста V-го, римская и польская политика опять расходятся. Новоизбранный папа извѣщаетъ о своемъ возвышеніи царя Ѳедора Ивановича и предлагаетъ ему возобновить бывшія съ его отцомъ дружескія отношенія, Баторій обращается къ папѣ съ своими назрѣвшими военными планами.

Какъ измѣнилось направленіе въ Римѣ, и какъ возникъ вопросъ о Москвѣ—дѣло довольно темное. Нѣкоторое духовное родство незамѣтно сближало Сикста V съ Баторіемъ. И тотъ, и другой—выдающаяся, своеобразная личность. Оба преданы сильною волею, ясно сознаютъ свою задачу, неуклонно стремятся къ намѣченной цѣли, и, полагаясь на свою власть, безстрашно прибѣгаютъ къ смѣлымъ и крутымъ мѣрамъ. Въ частности, о международной лигѣ Сикстъ V, наперекоръ своимъ предшественникамъ, отзывался такъ, что она ни къ чему не поведетъ. Побѣду при Лепанто онъ приписывалъ никому иному, какъ Пію V-му, его молитвамъ и благословенію. Самъ онъ намѣревался идти другимъ путемъ: отыскать доблестнаго полководца, келейно сговориться съ нимъ и снабдить его обильными средствами для пораженія турокъ.

Случилось такъ, что до него дошли слухи о московскихъ мечтаніяхъ Баторія, онъ изъявилъ одобреніе и пожелалъ ближе ознакомиться съ переговорами объ этомъ предметѣ, бывшими при Гри-

горѣ XIII-мъ. Этого было достаточно, чтобы возбудить горячую дѣятельность польскаго короля. Немедленно онъ поручилъ Поссе-вину доставить въ Ватиканъ всю переписку о московскомъ походѣ. Съ изустными объясненіями отправился въ Римъ королевскій племянникъ, кардиналъ Андрей, въ сопровожденіи Станислава Reszka. Наконецъ самъ Поссевинъ долженъ былъ лично изложить папѣ сокровенные планы Баторія. Они сводились опять на устраненіе турокъ отъ Москвы, а потомъ на сокрушеніе самихъ турокъ.

Замѣчателенъ отчетъ Станислава Reszka объ аудіенціи, данной ему въ Ватиканѣ 16-го іюля 1586 года ¹⁾. О туркахъ и помину не было. Рѣчь шла только о Москвѣ. Полякъ заявилъ, что многіе изъ русскихъ желаютъ выбрать Баторія на царство, а такому выбору послѣдовало бы конечно введеніе католической вѣры. Предвидѣлась однако же возможность вооруженнаго сопротивленія, для укрощенія котораго потребовалось бы въ крайнемъ случаѣ три года, а пожалуй только одинъ годъ. Эти несообразности не поразили Сикста V-го. Другія заботы отвлекали его вниманіе. Онъ справился, будутъ ли, при выборномъ началѣ, преемники Баторія, также католики? И самъ Баторій, вступая на московскій престолъ, не утвердитъ ли какія-либо *Pacta conventa* въ ущербъ истинной вѣры? Застигнутый врасплохъ, Reszka наговорилъ очень много и довольно безтолково. Выходило такъ, что, разъ соединившись съ Польшею, Москва ужъ не отдѣлится отъ нея, и потому цари будутъ во всякомъ случаѣ католики. На счетъ усердія и преданности Баторія въ нихъ сомнѣваться нельзя. Стоитъ только припомнить, что онъ сдѣлалъ въ Трансильваніи и Ливоніи, а въ Москвѣ ему предстоитъ задача менѣе тяжелая. Народъ тамъ грубый и невѣжественный, слѣпо довѣряетъ своимъ владыкамъ, которые будутъ мало по малу или сами обращаться въ католичество или замѣняться другими. Впрочемъ, Reszka не упустилъ случая замѣтить, что понудительныя мѣры мало примѣнимы. Ему показалось, что Сикстъ V-й остался доволенъ этими объясненіями. Обсуждались потомъ другіе вопросы о размѣрѣ требуемыхъ субсидій и о способахъ пересылки денегъ въ Польшу.

Здѣсь не слѣдуетъ забывать, что Reszka только подготовлялъ почву для дальнѣйшихъ мѣропріятій. Онъ могъ довольствоваться частными вопросами. Главнымъ довѣреннымъ короля былъ Поссевинъ, который очень заботился, чтобы для окончательнаго рѣшенія дождались его прибытія въ Римъ. Отъѣздъ его былъ отсроченъ,

¹⁾ Отчетъ Станислава Reszka напечатанъ проф. Вержбовскимъ, *Materyaly do dziejów Piśmiennictwa Polskiego*, I, стр. 264.

потому что орденскій генералъ Asquaviva не желалъ его участія въ этомъ дѣлѣ, но, по просьбѣ Баторія, послѣдовало внушеніе папы, и Поссевинъ отправился въ Италію.

Еще передъ отъѣздомъ онъ писалъ кардиналу Azzolino, замѣнившему кардинала Коменскаго, что всего лучше придерживаться безпристрастной умѣренности: не ссориться съ Москвою и не обижать Баторія. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, по обыкновенію, расширилъ во всѣ стороны поднятый вопросъ, включая въ него разнородныя задачи. 28-го марта 1586-го года король прислалъ ему записочку съ заключеніемъ: etc., etc., etc. Въ этихъ словахъ Поссевинъ усматриваетъ таинственный намекъ, и цѣлый рядъ смѣлыхъ предприятий мелькаетъ передъ его глазами.

Въ Римѣ переговоры велись изустно, кажется, безусловно предполагалось, что въ силу обстоятельствъ москвичамъ не удержаться въ Кремлѣ, а быть тамъ или туркамъ, или полякамъ, что значило или гибель Европы или ея спасеніе. Въ такомъ же духѣ написаны посланія Сикста V къ царю Ѳеодору и Стефану Баторію отъ 8-го ноября 1586-го года. Они исходятъ изъ факта, что польскій король требуетъ обратно все польско-литовское достояніе, которымъ владѣетъ Москва, а такимъ почитались Смоленскъ, Новгородъ и Псковъ. При этомъ папа выступаетъ какъ бы посредникомъ, уговариваетъ Ѳеодора согласиться, пойти на уступки, избѣжать опасное соперничество. Такое черезчуръ странное предложеніе отзывается или полнымъ незнаніемъ отношеній между Польшею и Москвою, или слѣпымъ увлеченіемъ и предвзятыми мнѣніями. Турецкій походъ здѣсь также повліялъ. Онъ такъ мерещился въ римскихъ глазахъ, что впослѣдствіи, когда Сигизмундъ III-й, ссылаясь на Сикста V-го, просилъ денегъ на московскую войну, ему отвѣтили, что субсидіи были даны Баторію противъ турокъ, а не противъ Москвы.

Какъ ни какъ, но если Поссевинъ проводилъ выше изложенныя мысли, то онъ же за это и поплатился. Дальнѣйшее веденіе этого дѣла свалили на него, и ему поручили отправиться въ Москву и дѣйствовать во имя папы. Узнавъ объ этомъ назначеніи, онъ ужаснулся. Въ преклонныхъ лѣтахъ исчезала прежняя отвага, ему не хватало здоровья и силъ для такого подвига. Онъ умолялъ, чтобы его пощадили, но Сикстъ V-й остался непреклоннымъ.

Но задуманному плану не суждено было осуществиться. Поссевинъ отправился въ дальній путь вмѣстѣ съ новымъ польскимъ нунціемъ Annibale di Carua, который долженъ былъ вручить Баторію первую долю папскихъ субсидій. Дорогой, не доѣзжая до Кракова, его настигла печальная вѣсть о неожиданной кончинѣ польскаго короля, послѣдовавшей въ Гроднѣ 12 декабря 1586 года.

Съ нимъ угасла путеводительная звѣзда, манившая поляковъ въ глубину Россіи. Его преемникъ въ ту пору еще не смѣлъ подобрать упавшій изъ рукъ Баторія тяжелый мечъ. Сикстъ V-й искренно оплакивалъ умершаго героя и объявилъ кардиналамъ, что съ его помощью можно было надѣяться добраться чрезъ Московію до самаго Константинополя.

Подводя итоги всему сказанному, въ настроеніи Поссевина отмѣчаются два теченія. Сперва, въ духѣ господствующаго стремленія, онъ мечтаетъ о новомъ крестовомъ походѣ подъ предводительствомъ польскаго короля. И Баторій какъ будто поддается его внушеніямъ. Въ 1584 году, происходитъ рѣзкая перемѣна, и въ свою очередь Поссевинъ поддается внушеніямъ Баторія, но съ надеждой и задней мыслью вывести его на другой путь, и направить противъ турокъ соперника Москвы. Такимъ образомъ свѣтлая въ началѣ восточная идея Поссевина затмилась. Славяно-византійское государство на польской подкладкѣ осталось въ области блестящихъ, но пустыхъ призраковъ.

Пирлингъ.

Два письма Екатерины II къ Я. Е. Сиверсу.

Извѣстный дѣятель временъ императрицы Екатерины II Яковъ Ефимовичъ Сиверсъ р. 19 авг. 1731 г., въ Везенбергѣ, находился въ военной службѣ, съ 1764 г. назначенъ былъ губернаторомъ Новгорода и принималъ участіе въ составленіи наказа и учрежденій о губерніяхъ. Въ 1778 г. онъ уже въ качествѣ генералъ-губернатора открывалъ намѣстничества въ Твери, Псковѣ и Новгородѣ. Сложивъ съ себя эту должность въ 1781 г., Сиверсъ удался въ свое имѣніе въ Лифляндію, гдѣ и проживалъ до 1792 г., когда былъ назначенъ чрезвычайнымъ посломъ въ Варшаву. При немъ совершился новый раздѣлъ Польши, послѣ котораго, получивъ обширное имѣніе въ Минской губ., онъ возвратился опять въ свою деревню, только по кончинѣ императрицы Екатерины II, Сиверсъ былъ снова призванъ къ государственной дѣятельности и возведенъ въ 1798 г. въ графское достоинство. Но въ 1800 г. онъ снова вышелъ въ отставку и поселился въ Лифляндіи, гдѣ и умеръ 11 іюля 1808 года. Онъ былъ женатъ довольно неудачно, на своей двоюродной сестрѣ Елизаветѣ Карловнѣ Сиверсъ (дочери оберъ-гофмаршала графа Карла Ефимовича Сиверсъ) и имѣлъ нѣсколько дочерей, при чемъ одна изъ нихъ вступила при его жизни въ бракъ съ барономъ Икскуль, владѣтелемъ одного изъ старѣйшихъ и обширнѣйшихъ маіоратныхъ имѣній въ Эстляндіи, называемомъ Альтъ-Фиккель, верстахъ въ 80 отъ г. Ревеля по шоссе на старомъ Перновскому тракту. Въ этомъ прекрасномъ имѣніи находится довольно значительный семейный архивъ, которымъ пользовались извѣстный публицистъ Ширренъ, также Лозіусъ, составляя инте-

ресную монографію *Drei Bilder aus den livländischen Adels leben*. 1875 Leipzig и Блумъ,—написавшій біографію самого Сиверса подъ заглавіемъ: *Ein russisches Staatsmanns des Grafen Iakov Iohan Sievers Denkwürdigkeiten*, 1875, въ 4 томахъ. Мнѣ также удалось ознакомиться съ этимъ архивомъ, изъ котораго извлечены помѣщаемыя ниже письма.

Первое письмо отъ 31 сентября 1776 года послѣ открытія намѣстничествъ.

Господинъ генераль-порутчикъ!

Я предовольна всѣми извѣстіями, которыя въ послѣднемъ отправленіи вашемъ читала о дѣлахъ въ теченіе приводимыхъ столь благопоспѣшнымъ вашимъ раченіемъ. Я весьма радуюсь, что признательность общая къ моимъ учрежденіямъ отвѣчаетъ моему желанію, которое я имѣла, писавъ оныя, произвести и распространить спокойствіе и пользу, нужную для каждаго гражданина. Присылку ко мнѣ депутацій я отдаю на волю хотящихъ. Симъ образомъ изъ-являемое усердіе, конечно, мнѣ пріятно, но исполненіе мною предписаннаго и существительное дѣйствіе закона стократнѣ вызоветъ мое удовольствіе. Сего ожидая, пребываю Вамъ благожелательная. Екатерина“.

Заключительныя строки сего письма не утратили значенія и въ настоящее время.

Второе письмо отъ 16 февраля того же 1776 года.

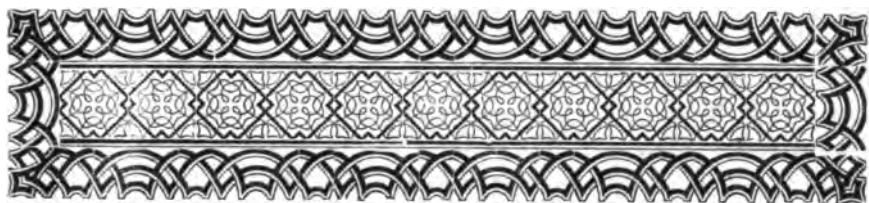
Господинъ генераль-порутчикъ!

Принявъ депутатовъ Тверского намѣстничества, была я довольна какъ общимъ усердіемъ, чрезъ нихъ засвидѣтельствованнымъ, такъ еще и тою пріятностью, что узнала тутъ лично людей, избранныхъ въ своемъ обществѣ. Итакъ, когда уже трудами вашими дѣла начало приняли, то и я охотно въ лицѣ вашемъ благодарю всѣхъ во благо дѣйствующихъ. Я видѣла, что вы разсудили назначить де-

ревни для губернаторовъ изъ экономическихъ и требуете, чтобъ наградить сію убыль изъ дворцовыхъ. Ни то, ни другое не встрѣчаетъ моей воли, а я хочу положенное число душъ купить и вы постарайтесь найти продавцовъ, а въ случаѣ немѣнія лучше уже деньгами опредѣлить по вычету доходовъ, что приносятъ шестьсотъ душъ въ тѣхъ мѣстахъ.

Сообщ. П. Майковъ.

Присяга Наполеону и моление за него въ Могилевской епархіи въ 1812 г. ¹⁾

20 декабря 1805 г. извѣстный проповѣдникъ тогдашняго времени, могилевскій архіепископъ Анастасій Братановскій-Романенко, по разстроенному здоровью, былъ переведенъ въ Астрахань ²⁾ и въ тотъ же день, на освободившуюся каѳедру, былъ назначенъ волынскій епископъ Варлаамъ Шишацкій.

Преосвященный Варлаамъ, сынъ казака, родился въ 1751 году въ м. Шишъ, Полтавской губерніи. Въ 1776 году онъ былъ префектомъ, а вскорѣ ректоромъ Переяславской семинаріи, игуменомъ Переяславскаго Мошногогорскаго монастыря, а потомъ Перея-

¹⁾ Дѣло архива Св. Правит. Синода 1812 г. № 972.

²⁾ По присоединеніи Вѣлоруссіи къ Россіи, въ 1772 году, 14 декабря, была открыта епархія Могилевская, Мстиславская и Оршанская; съ 1795 г. ея архіереи стали именоваться Могилевскими и Полоцкими, съ 1797 г.—Бѣлорусскими и Могилевскими, а съ 1832 года, съ возстановленіемъ древней епархій Полоцкой и Витебской, именуются Могилевскими и Мстиславскими.

Анастасій Братановскій-Романенко, въ мѣрѣ Андрей Семеновичъ, сынъ протоіерея села Барышевки, въ Полтавской губерніи, родился 16 октября 1761 г. Учился въ Переяславской семинаріи и былъ учителемъ въ Сѣвской, Вологодской и Александро-Невской семинаріяхъ, а потомъ законоучителемъ С.-Петербургскаго кадетскаго корпуса. Въ 1794 году былъ избранъ членомъ академіи наукъ и назначенъ членомъ Синода. Съ 1797 г. епископъ Бѣлорусскій, съ 1801 года—архіепископъ. Съ 1803 г. сталъ именоваться Могилевскимъ и Мстиславскимъ. Въ 1805 г. переведенъ въ Астрахань и вскорѣ умеръ (1806 года, 9-го декабря) 45 лѣтъ отъ роду.

славскаго Михайловскаго. Черезъ пять лѣтъ игуменъ Варлаамъ снова былъ призванъ къ дѣятельности по образованію юношества и назначенъ ректоромъ Новгородъ-Сѣверской семинаріи. Въ 1787 г. его отправили въ Вильну для управленія Свято-Духовскимъ монастыремъ, который считался тогда оплотомъ православія въ предѣлахъ Польскаго королевства. Во время происшедшаго въ Польшѣ возмущенія, Варлаамъ уѣхалъ изъ Вильны въ Россію и въ 1791 г. былъ возведенъ съ санъ архимандрита и назначенъ настоятелемъ Новгородскаго Вязскаго монастыря. Въ 1792 году архимандрита Варлаама снова призвали къ учебной дѣятельности: онъ былъ назначенъ префектомъ Новгородской семинаріи, а въ слѣдующемъ году, по Высочайшему повелѣнію, отправленъ въ Минскъ на помощь тамошнему епископу Виктору Садковскому въ дѣлѣ обращенія въ православіе уніатовъ ¹⁾. Наконецъ въ 1795 г. Варлаамъ былъ возведенъ въ санъ епископа житомирскаго, викарія Минской епархіи и черезъ четыре года былъ сдѣланъ самостоятельнымъ епископомъ волынскимъ и житомирскимъ; въ 1805 году онъ былъ назначенъ епископомъ бѣлорусскимъ и могилевскимъ, а въ 1808 г. возведенъ въ санъ архіепископа.

5 декабря 1812 года Синодомъ былъ полученъ слѣдующій Высочайшій указъ:

„По дошедшимъ свѣдѣніямъ находя нужнымъ удалить отъ управленія епархіей могилевскаго архіепископа Варлаама, повелѣваемъ произвести на мѣстѣ чрезъ Синодальнаго члена, архіепископа рязанскаго, вѣрнѣйшее изслѣдованіе о поступкахъ архіепископа Варлаама во время нашествія врага и съ мнѣніемъ Синода представить мнѣ“.

Во исполненіе этого, Синодъ постановилъ:

Послать указъ преосвященному архіепископу рязанскому Тео-

¹⁾ Викторъ Садковскій, архимандритъ Слуцкаго монастыря въ 1785 г., былъ назначенъ епископомъ переяславскимъ, викаріемъ Кіевской митрополіи. Каедрѣ епископа переяславскаго, согласно трактатамъ Россіи съ Польшей въ 1768 году, была въ Варшавѣ. Находясь въ Варшавѣ, епископъ Викторъ, съ согласія Екатерины II, принялъ присягу польскому королю. Во время войны, онъ былъ посаженъ польскимъ правительствомъ въ тюрьму и только черезъ 4 года вернулся въ Россію. Въ 1793 онъ былъ назначенъ епископомъ минскимъ, викаріемъ только-что учрежденнаго при Кіевской митрополіи Минскаго викаріатства. Въ 1799 году онъ былъ сдѣланъ самостоятельнымъ епископомъ минскимъ и литовскимъ. Въ 1809 г. скончался въ санѣ архіепископа черниговскаго.

филакту¹⁾), чтобы онъ: 1) немедленно отправился въ Могилевъ и, объявивъ Высочайшее повелѣніе архіепископу Варлааму, разсмотрѣлъ поступки какъ самого архіепископа, такъ и другихъ духовныхъ лицъ Могилевской епархіи и если таковыя лица окажутся виновными, удалилъ бы ихъ отъ должности, опредѣлявъ на ихъ мѣста другихъ и по подробномъ изслѣдованіи дѣла представилъ свое мнѣніе Св. Синоду.

2) Возстановилъ въ Могилевѣ духовную консисторію, а если секретарь этой консисторіи Осипъ Демьяновичъ окажется виновнымъ въ тѣхъ же поступкахъ, что и преосвященный Варлаамъ, то удалилъ бы Демьяновича отъ должности, назначивъ на его мѣсто достойнаго. Точно такъ же поступилъ бы и съ членами консисторіи и канцелярскими чиновниками.

Въ то же самое время управление Могилевской епархіей Синодъ поручилъ смоленскому епископу Иринею (Фальковскому).

Въ чемъ же состояла вина могилевского архіепископа Варлаама, духовенства и консисторіи этой епархіи и чѣмъ вызвано было Высочайшее повелѣніе объ удаленіи преосвященнаго Варлаама отъ управленія епархіей? Эта причина высказана въ предложеніи, съ которымъ вошелъ въ Синодъ тогдашній его оберъ-прокуроръ, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ.

„Могилевскій гражданскій губернаторъ, — говоритъ оберъ-прокуроръ въ своемъ предложеніи, — сообщилъ мнѣ одно изъ циркулярныхъ повѣщеній со стороны архіепископа могилевского Варлаама на счетъ того, чтобы духовенство, ему вѣренное, учинило присягу на вѣрность Императору Наполеону и чтобы при Богослуженіяхъ и благодарственныхъ молебствіяхъ, вмѣсто нашего Всевысшшаго монарха и царствующей въ Россіи фамиліи, поминало французскаго императора и италійскаго короля Наполеона, а также и о томъ, что циркуляръ этотъ былъ разосланъ по церквамъ и монастырямъ Могилевской епархіи. Въ Могилевскомъ кафедральномъ соборѣ, — продолжаетъ оберъ-прокуроръ въ своемъ предложеніи Синоду, — архіепископъ Варлаамъ совершилъ Божественную литургію и за учиненіемъ всѣмъ духовенствомъ и народомъ присяги и по отпѣтіи благодарственного молебствія, разослалъ по епархіи предписаніе и присяжные листы, которые за подписью имѣли быть потомъ доставлены свѣтскому чиновнику“.

¹⁾ Теофилактъ (Русановъ) былъ потомъ экзархомъ Грузіи и скончался въ 1821 г.

Когда Могилевская губернія была занята французскими войсками, для управленія, гражданскою частью ея, по повелѣнію „Его Высочества, маршала Великой арміи войскъ французскихъ и соединенныхъ“ была учреждена особая временная коммиссія, которая увѣдомила архіепископа Варлаама, что по приказанію г. маршала, онъ, архіепископъ, 26 іюля (по новому календарю), въ 9 часовъ утра, въ Греко-Россійской соборной церкви, долженъ вмѣстѣ со всѣмъ духовенствомъ города, дворянами и прочихъ состояній гражданами греческаго исповѣданія, учинить присягу на вѣрность французскому императору и италійскому королю Великому Наполеону, по окончаніи которой долженъ лично „какъ первенствующій архипастырь Могилевской епархіи“ совершить литургію, помяная отнынѣ, а равно и на благодарственномъ молебствіи, вмѣсто императора Александра I-го, французскаго императора и италійскаго короля Великаго Наполеона. и чтобы все это было исполнено имъ, архипастыремъ Греко-Россійской церкви, съ приличнымъ торжествомъ не только въ Могилевѣ, но и во всѣхъ приходяхъ епархіи, а потому и долженъ онъ послать отъ себя повѣстки по г. Могилеву и по епархіи и о послѣдующемъ увѣдомить временную коммиссію“.

При этомъ отношеніи временной коммиссіей былъ приложенъ образецъ присяги такого содержанія:

„Я, нижепоименованный, клянусь Всемогущимъ Богомъ въ томъ, что установленному правительству отъ Его Императорскаго Величества Французскаго Императора и Италійскаго Короля Наполеона имѣю быть вѣрнымъ и всѣ повелѣнія его исполнять и дабы исполнены были — стараться буду“.

Вслѣдъ за этимъ архіепископъ Варлаамъ получилъ отношеніе отъ могилевскаго полицеймейстера о празднованіи 3-го августа дня тезоименитства (по старому стилю) Императора Наполеона, и о вечернемъ освѣщеніи (иллюминаціи), въ знакъ особаго торжества, церквей и домовъ города. Вслѣдствіе резолюціи архіепископа Варлаама, консисторія опредѣлила дать знать духовенству всей епархіи о торжественномъ празднованіи 3-го августа и назначила для наблюденія за выполненіемъ этого распоряженія особыхъ надзирателей: могилевскаго благочиннаго, протоіерея Вонсевича, и состоящаго при архіерейскомъ домѣ іеромонаха Ореста.

11-го августа, вслѣдствіе требованія временной коммиссіи, архіепископъ Варлаамъ издалъ распоряженіе, чтобы въ могилевскихъ церквахъ не звонили въ колокола отъ захода до восхода солнца, а къ литургіи звонили бы тихо и непродолжительно.

Выше указанное предложеніе оберъ-прокурора Синодъ распорядился отослать, вмѣстѣ съ приложеннымъ образцомъ присяги, архіепископу Теофилактѣ, который 1-го января 1813 года отправилъ Синоду секретное донесеніе, въ которомъ говоритъ, что, находясь проѣздомъ въ Смоленскѣ, онъ собралъ тамъ всѣ нужныя ему свѣдѣнія, касающіяся Смоленской епархіи, и 27 декабря выѣхалъ изъ Смоленска въ Могилевъ, куда и прибылъ въ ночь съ 28-го на 29-е число. Рано утромъ 29-го числа, явившись въ консисторію, онъ забралъ тамъ всѣ бумаги, касающіяся поступка архіепископа Варлаама во время нашествія врага и, разсмотрѣвъ тѣхъ, всѣхъ членовъ консисторіи, кромѣ архимандрита Могилевскаго Братскаго монастыря Іоасафа и протоіерея Стротоновича, а также секретаря консисторіи и всѣхъ служащихъ, отрѣшилъ отъ должности и въ то же самое время счелъ нужнымъ затребовать нѣкоторыя свѣдѣнія отъ архіепископа Варлаама и членовъ консисторіи.

„Консисторія,—продолжаетъ архіепископъ Теофилактъ въ своемъ донесеніи,—отвѣтила довольно скоро на всѣ предложенные вопросы, но архіепископъ Варлаамъ никакого отзыва, даже при многократномъ ему напоминаніи, не далъ. Изъ отобранныхъ мною, говоритъ архіепископъ Теофилактъ,—документовъ, находящихся въ консисторіи, видно, что большая часть духовенства Могилевской епархіи присягнула на вѣрность императору Наполеону, а архіепископъ Варлаамъ, секретарь консисторіи и члены ея не только сами учинили присягу, но настаивали дубликатами и трипликатами что бы и всѣ прочіе послѣдовали ихъ примѣру. Навѣрное можно сказать, что $\frac{2}{3}$ духовенства Могилевской епархіи учинило такую присягу, а Могилевское градское духовенство все безъ исключенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, архіепископъ Теофилактъ доноситъ, что онъ назначилъ новыхъ членовъ консисторіи, которымъ вмѣнилъ въ обязанность наблюдать, между прочимъ, за особою преосвященнаго Варлаама.

Въ числѣ отвѣтовъ на предложенные подсудимымъ архіепископомъ Теофилактомъ вопросы, настоятель Могилевскаго Братскаго и Буйницкаго монастыря, архимандритъ Іоасафъ, пишетъ, что во время нашествія врага онъ, 8-го іюля, хотѣлъ уйти изъ монастыря куда-нибудь въ безопасное мѣсто, но встрѣтилъ на пути неприятелей, которые избили его и заставили вернуться въ монастырь. Послѣ этого, спустя нѣсколько дней, ему принесли повѣстку

о явкѣ къ владыкѣ для принесенія присяги императору Наполеону, но онъ не могъ явиться на призывъ, такъ какъ „съ перепугу заболѣлъ и бросилъ кровь“ и послалъ вмѣсто себя игумена Захарію, не совѣтуя ему чинить присяги такими словами: „гдѣ же наша вѣрность и вѣра“, за что и былъ онъ отъ игумена Захаріи награжденъ ругательными словами. Также и братію для присяги онъ не отпустилъ.

Утромъ, 15 іюля, архимандритъ Іоасафъ получилъ уже изъ консисторіи присяжный листъ и указъ—принести присягу императору Наполеону и поминать его при богослуженіи; вмѣстѣ съ тѣмъ консисторія предписывала привести къ присягѣ и братію монастырей въ присутствіи свѣтскаго чиновника, который для этой цѣли будетъ присланъ изъ временной комиссіи. Присяги архимандритъ Іоасафъ не принялъ и, какъ указалъ въ своемъ отвѣтѣ архіепископу Теофилакту, намѣренъ былъ, по выздоровленіи, куда-нибудь скрыться, но 23 іюля изъ консисторіи было прислано вторичное распоряженіе о принятіи присяги съ требованіемъ немедленно исполнить этотъ обрядъ и объ исполненіи донести консисторіи. Іоасафъ хотѣлъ послать рапортъ о томъ, что онъ отказывается отъ присяги и не можетъ допустить къ ней и братію, но буйницкіе монахи не пожелали подписаться на рапортъ „страха ради архипастырскаго“, а потому и второе предписаніе консисторіи было оставлено имъ безъ всякаго отвѣта и исполненія. 2 августа, онъ, полубольной, отправился изъ Братскаго монастыря въ Буйницкій, чтобы лично уговорить братію подписаться на рапортъ, но снова получилъ отказъ. Вслѣдъ за этимъ онъ снова заболѣлъ и лежалъ больной два мѣсяца. Послѣ того, говоритъ Іоасафъ въ своемъ отвѣтѣ архіепископу Теофилакту, еще два раза было предписаніе изъ консисторіи о принятіи присяги, хотя бы и безъ чиновника, такъ какъ такового почему-то нельзя было командировать; тогда, „не находя средствъ, по причинѣ болѣзни, избѣгнуть отправки рапорта въ консисторію и видя, что и безъ свѣтскаго чиновника дозволено учинить присягу, я, не обременяя свою совѣсть клятвopеcтyплeніeмъ, принужденъ былъ безъ учиненія формальной присяги, однимъ подписомъ присяжнаго листа, выполнить требуемое; такое подписаніе и учинилъ вмѣстѣ съ монастырской братіей, имѣя мысль быть всегда вѣрнымъ своему законному государю. Присяжные листы были подписаны 15 августа и въ тотъ же день отправлены въ консисторію. А что касается до поминовенія, то я всегда поминалъ нашего законнаго государя и его августѣйшую фамилію, а за врага никогда не молился и молебновъ за него не служилъ“.

Могилевская духовная консисторія, на запросъ архіепископа Теофилакта, 31 декабря отвѣтила, что члены ея, секретарь, канцелярскіе чиновники и служащіе приняли присягу императору Наполеону 14 іюля 1812 г., во время архіерейскаго служенія въ каедральномъ соборѣ, что и самъ преосвященный Варлаамъ въ этотъ же самый день учинилъ присягу, которую читалъ губернский секретарь Санковский въ присутствіи члена временной комиссіи, маршала Могилевского повѣта Маковецкаго.

Членъ консисторіи, каедральный протоіерей, въ своемъ показаніи говоритъ, что 3 и 13 августа (по старому стилю), т. е. въ день рожденія Императора Наполеона и Императрицы Жозефины во время архіерейскаго служенія въ каедральномъ соборѣ, онъ произнесъ двѣ проповѣди по приказанію могилевского архипастыря. Содержаніе проповѣди, сказанной 3 августа, было общее о промыслѣ Божіемъ, но въ концѣ проповѣди, сколько онъ, протоіерей, помнитъ, было имъ сказано обращеніе къ Императору французовъ въ такихъ словахъ: „На комъ же болѣе всего видѣнъ промыселъ Всевышняго, какъ не на Великомъ Императорѣ французовъ: его предпріятія и подвиги велики, дѣла его преславныя; его намѣренія приводятъ въ удивленіе всю вселенную“.

Что касается до второй проповѣди, то онъ самъ ея не составлялъ, а получилъ ее изъ рукъ архіепископа Варлаама, во время пріѣзда его въ соборъ, 13 августа. Стоя во время богослуженія на клиросѣ, онъ не успѣлъ ее просмотрѣть и произнесъ ее, передъ молебномъ, съ амвона, не ознакомившись съ ней заранѣе.

Наконецъ, 12 января 1813 года архіепископъ Варлаамъ доставилъ свой отзывъ.

Въ этомъ отзывѣ архіепископъ Варлаамъ указываетъ:

1) Что онъ, 14 іюля, вмѣстѣ съ духовенствомъ, членами временной комиссіи, членами консисторіи, секретаремъ ея и чиновниками, а также со всѣмъ народомъ и на ту пору посѣтившимъ его, исповѣданія нашего, генераль-маіоромъ Хоментовскимъ, принялъ присягу, совершалъ литургію и молебенъ, поминая императора Наполеона.

2) Что это было сдѣлано имъ вслѣдствіе отношенія къ нему временной комиссіи отъ 13 іюля.

3) Подлинное отношеніе временной комиссіи онъ не можетъ отыскать, потому, что въ архіерейскомъ домѣ были поставлены непріятельскіе посты и при частой переноскѣ различныхъ вещей и бумагъ отыскать подлинное отношеніе нѣтъ возможности, а потому при отзывѣ онъ посылаетъ копію.

4) Что касается до проповѣдей, произнесенныхъ въ кафедральномъ соборѣ 3 и 19 августа, то таковыя онъ приказалъ изготovitъ соборному протоіерею и ключарю, но такъ какъ они, за краткостью времени, это не успѣли сдѣлать, то онъ велѣлъ, опасаясь истязаній непріятеля, поспѣшно списать проповѣдь съ печатныхъ книгъ, съ измѣненіемъ нѣкоторыхъ словъ и съ включеніемъ имени Наполеона и его супруги.

Послѣ произнесенія, онъ приказалъ уничтожить эти проповѣди, чтобы не осталось и слѣдовъ того, чѣмъ принуждено было духовенство украшать праздники супостатовъ“.

Въ заключеніе, архіепископъ Варлаамъ говоритъ, что, не взирая на плѣнъ, отъ коего гражданское могилевское начальство не захотѣло предохранить своего мѣстнаго архіерея, и на тѣ страхи, которые тогда меня, стараго человѣка, ни на минуту не оставляли, я нашелъ бы силы отринуть жестокое мучительской власти повелѣніе. „Акты канцеляріи Св. Синода могутъ засвидѣтельствовать, что я при подобныхъ напастяхъ отличался непоколебимою вѣрностью Всероссійскому престолу, когда въ 1789 году былъ въ Польшѣ настоятелемъ Свято-Духовскаго Виленскаго монастыря ¹⁾. то дать польскому королю и Рѣчи Посполитой присягу торжественно отказался и съ опасностью для жизни убѣжалъ въ Россію. Но нынѣшнее состояніе мое не такое. Местъ раздраженнаго врага конечно излилась бы на меня и на мою паству и я бы невольно сдѣлался причиною злословія для тѣхъ, за коихъ долженъ душу свою положить, а потому-то и рѣшился я обязательства вѣроподданнаго наружно только нарушить, дабы въ самомъ дѣлѣ паче ихъ выполнить, сохраняя въ спокойствіи и тишинѣ врученную мнѣ отъ монарха моего церковь; что я въ мнѣніи моемъ не обманулся, то доказываютъ: Божіи храмы, къ которымъ вражеская рука не прикоснулась, и весь православный народъ съ его духовенствомъ, которымъ за вѣру никто ни отъ кого оскорбленъ не былъ“.

17 февраля 1813 года въ экстренномъ засѣданіи Синода слушалось дѣло архіепископа Варлаама, изложенное по докладу Синодальнаго члена, архіепископа рязанскаго Теофилакта. Синодъ постановилъ поднести на Высочайшее усмотрѣніе слѣдующій его докладъ.

„Разсмотрѣвъ въ подробности всѣ обстоятельства дѣла могилев-

¹⁾ Принѣманскій край приобрѣтенъ Россіей отъ Польши только въ 1795 году.

скаго архієпископа Варлаама, Синодъ находить его виновнымъ въ томъ, что, будучи извѣстенъ о приближеніи непріятеля къ Могилеву, онъ не настоялъ требованіемъ своимъ къ гражданскому начальству о способахъ къ удаленію своему, вмѣстѣ съ подчиненнымъ ему духовенствомъ, изъ предѣловъ епархіи, и когда духовенство на таковое удаленіе просило у него неоднократно дозволенія, онъ приказывалъ имъ оставаться съ собою въ Могилевѣ. Хотя въ объясненіи своемъ архієпископъ Варлаамъ и старается оправдать себя, ссылаясь на то, что страхи не оставляли его ни на минуту, что месть врага могла бы излиться и на всю паству могилевскую, и что присяга была принесена имъ только по наружности и этимъ сохранилась тишина и спокойствіе вѣрной ему церкви, вмѣстѣ съ духовенствомъ и прихожанами, но изъ дѣла не видно, чтобы къ присягѣ было какое-нибудь принужденіе со стороны французскаго правительства, или употреблено насиліе, да если бы и это было, то слѣдовало ему, архипастырю, поступить по долгу своего сана и учиненной имъ присяги Всероссійскому Императору. Не сдѣлавъ этого, онъ не показалъ паствѣ примѣра непоколебимой вѣрности своему законному государю и этимъ вовлекъ многихъ подчиненныхъ въ то же преступленіе; хотя многіе изъ нихъ и не пожелали впасть въ это, но доведены были до него многими его предписаніями“.

„Синодъ, пріемля во вниманіе правила Св. Апостоловъ и государственныя законоположенія, полагаетъ:

1) Его, яко оказавшагося явнымъ клятвопреступникомъ и не терпимымъ въ его санѣ, лишить архипастырства и священства, отобрать знаки ордена Св. Анны 1-й степени, оставить только въ монашескомъ чинѣ и отправить въ первоклассный Новгородъ-Сѣверскій монастырь на содержаніе, какое благоугодно будетъ ему назначить.

2) Священниковъ и церковно-служителей, пріемля во вниманіе, что они приняли присягу врагу по примѣру своего архипастыря, оставить въ прежнихъ должностяхъ, но для очищенія ихъ совѣсти сдѣлать сообразное распоряженіе“.

Государь императоръ Высочайше утвердилъ это постановленіе Синода.

Исполняя Высочайшую волю, Синодъ предписалъ черниговскому архієпископу Михаилу ¹⁾ привести въ исполненіе постановленіе Синода о снятіи съ архієпископа Варлаама сана, а оберъ-проку-

¹⁾ Черниговскій архієпископъ Михаилъ (Деснецкій) въ 1818 г. былъ назначенъ митрополитомъ с.-петербургскимъ и скончался въ 1821 г., 24 марта.

поръ Синода, въ то же время, сообщилъ могилевскому губернатору о доставленіи архіепископа Варлаама въ Черниговъ, подъ наблюденіемъ особо приставленныхъ къ нему чиновниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ оберъ-прокуроръ указалъ, чтобы въ распоряженіе Варлаама былъ командированъ, на случай надобности, духовникъ, но не изъ лицъ, присягнувшихъ Наполеону. По минованіи надобности, духовнику приказано было вернуться въ Могилевъ.

По инструкціи, данной черниговскому владыкѣ, онъ долженъ былъ, снесаясь съ черниговскимъ губернаторомъ, назначить день для печальной церемоніи—снятія архіерейскаго сана и, въ избранный день, собрать въ кафедральномъ соборѣ настоятелей монастырей и городское духовенство, затѣмъ ввести въ храмъ архіепископа Варлаама въ полномъ облаченіи и поставить его посреди церкви. Черезъ секретаря консисторіи Варлааму долженъ былъ быть прочитанъ Высочайше конфирмированный докладъ Синода, послѣ чего соборный ключарь и протодьяконъ должны были снять съ него архіерейское облаченіе и орденъ Св. Анны 1-й степени, возложивъ простое монашеское одѣяніе. Послѣ этой церемоніи, съ Варлаама должна была быть взята подписка въ томъ, что онъ не будетъ называть себя не только архіереємъ, но даже іеромонахомъ, никогда и никого не будетъ благословлять рукою, а иначе „подвергнуть будетъ строжайшему наказанію“.

Варлаама, по распоряженію Синода, приказано было содержать, какъ и всѣхъ прочихъ монаховъ, просто и безъ всякихъ излишествъ, имѣть за нимъ строжайшее наблюденіе, чтобы онъ не причинилъ себѣ какого-либо вреда и съ сторонними людьми не имѣлъ бы никакихъ сношеній, а тѣмъ болѣе переписки.

Что касается до священниковъ и церковнослужителей, принимавшихъ присягу императору Наполеону, то они, какъ уже сказано, были оставлены, по распоряженію Синода, въ прежнихъ должностяхъ, но должны были очистить свою совѣсть при посредствѣ ихъ духовныхъ отцовъ, но такихъ только, которые не участвовали съ ними въ противозаконной присягѣ. Затѣмъ, они должны были 6 воскресныхъ дней, при народѣ, сейчасъ же послѣ окончанія литургіи, полагать передъ мѣстными иконами по 50 земныхъ поклоновъ.

Секретарь и прочіе чиновники консисторіи, принимавшіе незаконную присягу, были отосланы въ Могилевское губернское правленіе для поступленія съ ними на точномъ основаніи законовъ.

Снятіе сана съ архіепископа Варлаама происходило въ Черниговскомъ кафедральномъ соборѣ, 29 іюня 1813 года, по церемониалу, изложенному въ инструкціи Синода черниговскому архіепископу Михаилу.

Варлаамъ былъ введенъ въ кафедральный соборъ, въ полномъ облаченіи, „со славою“, при колокольномъ трезвонѣ, и поставленъ на возвышеніе по срединѣ храма, гдѣ обыкновенно облачаются архіереи. Секретарь консисторіи прочиталъ Высочайше подтвержденный докладъ Синода, и послѣ этого соборные священники сняли съ Варлаама знаки его архіерейскаго сана: панагію, митру, сакось и другія части облаченія, а также знаки ордена Св. Анны 1-й степени и одѣли его въ простыя монашескія одежды. Послѣ того съ него взяли подписку въ томъ, что онъ не будетъ называться архіереемъ и даже іеромонахомъ и никого не будетъ благословлять рукою, и отвели въ келію, находящуюся въ главномъ корпусѣ монастыря.

Во время церемоніи снятія сана, Варлаамъ, по преданію, горько плакалъ. Въ своей кельѣ онъ прожилъ почти 7 лѣтъ и скончался 23 іюля 1820 года. Отъ постоянныхъ слезъ, онъ, еще задолго до смерти, ослѣпъ и, держась за веревку, протянутую отъ монастырскаго корпуса, гдѣ находилась его келья, къ церкви, ходилъ къ богослуженію, становясь гдѣ-нибудь въ уголкѣ храма.

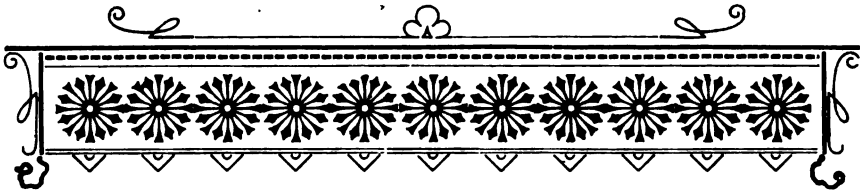
Онъ былъ похороненъ въ оградѣ Спасскаго монастыря. Здѣсь, близъ церкви, находятся четыре могилы, но въ которой изъ нихъ былъ положенъ бывший могилевскій владыка,—неизвѣстно, такъ какъ ни на одной изъ четырехъ могильныхъ плитъ не сохранилось надписей.

Что же заставило могилевскаго архипастыря принять присягу Наполеону и, какъ видно изъ дѣла, даже не старавшагося уклониться отъ нея? Является одно только предположеніе, близкое къ правдѣ. Всѣ были увѣрены въ непобѣдимости Наполеона, а въ томъ числѣ, вѣроятно, и архіепископъ Варлаамъ. Онъ рассчитывалъ, что, побѣдивъ Россію, Наполеонъ увеличитъ свои владѣнія

приобрѣтеніемъ ея западныхъ губерній, въ которыхъ, кромѣ католическаго и униатскаго населенія, было и очень значительное число православныхъ. Для нихъ, могъ предполагать Варлаамъ, французское правительство создать особую митрополію, и его, какъ православнаго архипастыря, уже принявшаго присягу на вѣрность подданства Наполеону, по всей вѣроятности, назначить западно-рускимъ митрополитомъ. Но повторяемъ, что это одно только предположеніе...

А. Н. Сергѣевъ.

Сношенія Россіи съ папскимъ престоломъ въ исходѣ 17 и первой половинѣ 18 вѣка

По изслѣдованіямъ П. О. Пирлинга.

XIV ¹⁾.

Жакъ Жюба.—Его знакомство съ княгиней Долгоруковой.—Переходъ княгини въ католичество.—Жюба отправляется съ Долгоруковыми въ Россію.—Покровительство, оказанное ему испанскимъ посланникомъ.—Переписка съ заграницей и секретный шифръ.—Домовая церковь.—Отношеніе къ капуцинамъ.—Дѣятельность Жюба.—Участіе императрицы австрійской.—Тайныя совѣщанія.—Пропаганда среди духовенства.

(Окончаніе).

Князь Василій Долгорукій предлагалъ, какъ мы уже знаемъ, докторамъ Сорбонны устроить въ Россіи собесѣдованія для обсужденія вопроса о церковной уніи. Янсеныты ухватились за эту мысль, брошенную мимоходомъ, и рѣшили послать въ Россію одного изъ своихъ патеровъ. Выборъ палъ на нѣкоего Жака Жюба, называвшаго себя впоследствии de la Cour (придворнымъ).

Это былъ человѣкъ твердаго характера, пробившій себѣ дорогу собственнымъ трудомъ. Сынъ прачки, рано потерявъ отца, онъ испыталъ въ дѣтствѣ немало лишеній. Окончивъ, несмотря на это, блестяще семинарію, онъ получилъ мѣсто приходскаго священника. Все свободное время онъ посвящалъ серьезнымъ занятіямъ, увлекался ученіемъ янсенистовъ и въ своихъ письменныхъ трудахъ проводилъ ихъ взгляды, чѣмъ возстановилъ противъ себя французскихъ властей и долженъ былъ покинуть Францію. Поселившись въ Голландію, онъ познакомился тамъ съ княгиней Ириной Петровной Долгоруковой, рожденной Голицыной,

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1908 г. ноябрь.

мужъ которой Сергѣй, князь Долгоруковъ, былъ посланникомъ въ Голландіи.

Когда онъ былъ отозванъ въ Россію, княгиня осталась съ дѣтьми въ Гаагѣ. Это обстоятельство имѣло огромное вліяніе на ея дальнѣйшую судьбу.

Патеръ Даленнууръ, въ приходѣ котораго она жила, часто посѣщалъ княгиню, бесѣдовалъ съ нею о религіи и склонялъ ее къ переходу въ католическую вѣру; во время серьезной болѣзни, отъ которой княгиня едва не умерла, она пожелала причаститься Св. Тайнъ и такъ какъ православнаго священника въ Гаагѣ не было, то она исповѣдывалась у патера Даленнуура и изъ его рукъ приняла причастіе. Выздоровѣвъ, Ирина Петровна продолжала посѣщать католическую церковь, а въ 1727 г. вмѣстѣ съ дѣтьми приняла окончательно католическую вѣру.

Когда княгинѣ Долгоруковой пришлось возвратиться въ Россію, она выразила желаніе, чтобы ее сопровождалъ яansenитскій патеръ, который могъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ быть наставникомъ ея дѣтей. Желаніе княгини соотвѣтствовало видамъ яansenитовъ, которые обрадовались случаю послать въ Россію одного изъ своихъ сочленовъ и рекомендовали ей Жюба, который и отправился съ ея семьей въ Россію.

Послѣ долгаго и утомительнаго путешествія сначала въ экипажѣ, а потомъ въ саняхъ, они прибыли въ Москву. Въ Россіи царствовалъ Петръ II. При дворѣ и въ правящихъ сферахъ играли главную роль Долгорукіе, и княгиня Ирина Петровна, какъ ихъ близкая родственница, могла оказать покровительство пріѣхавшему съ ней миссіонеру.

Въ то время отношеніе русскаго правительства къ иновѣрцамъ значительно измѣнилось; католики и протестанты, пользовавшіеся въ предыдущія два царствованія свободой вѣроисповѣданія, подвергались преслѣдованію и появленіе извѣстной книги Стефана Яворскаго: „Камень вѣры“, направленной противъ протестантизма, которую Петръ I не разрѣшилъ печатать и которая была теперь издана по повелѣнію Верховнаго тайнаго совѣта и заслужила одобренія Теофилакта Лопатинскаго, какъ книга „весьма полезная для утвержденія людей въ догматахъ православной вѣры“, — было несомнѣннымъ доказательствомъ того, что правительство рѣшило вести энергичную борьбу съ еретическими принципами, распространенными въ русскомъ обществѣ.

При этихъ обстоятельствахъ, Жюба счелъ нужнымъ найти себѣ, помимо Долгоруковыхъ, какого-нибудь вліятельнаго покровителя. Съ этой цѣлью онъ обратился къ испанскому посланнику, герцогу де

Лиріа, который пользовался расположеніемъ царскаго любимца Ивана Долгорукова и сумѣлъ снискать дружбу Остермана.

Легкомысленный и преданный удовольствіямъ, какъ всѣ его современники, герцогъ де Лиріа былъ въ то же время искренно преданъ католической вѣрѣ и готовъ всѣми силами содѣйствовать ея распространенію; онъ отнесся сочувственно къ просьбѣ Жюба и, чтобы оформить его пребываніе въ Петербургѣ, не задумываясь выдалъ ему бумагу, коей удостовѣрялъ, что „Жюба состоитъ при немъ милостыннымъ священникомъ и духовникомъ и поэтому вызванъ имъ въ Россію“ и „получилъ отъ него позволеніе заняться воспитаніемъ дѣтей князя Сергѣя Долгорукова“. „Въ удостовѣреніе чего, говорилось въ документѣ, и дано мною настоящее свидѣтельство, за собственноручною моею подписью, съ приложеніемъ моей печати“.

Изъ вышесказаннаго можно составить себѣ понятіе о томъ, въ какомъ положеніи очутился Жюба по пріѣздѣ въ Москву. Со стороны официальныхъ сферъ онъ не могъ рассчитывать на дружеское отношеніе, но, благодаря княгинѣ Иринѣ Петровнѣ, онъ могъ получить доступъ къ лицамъ, стоявшимъ у власти; изъ числа же духовныхъ лицъ всѣ тѣ, кои относились враждебно къ Теофану Прокоповичу и къ преобразованиямъ Петра Великаго, естественно должны были сблизиться съ нимъ. Наконецъ, въ лицѣ герцога де Лиріа и о. Рибера, посольскаго священника, онъ встрѣтилъ людей, хотя и не раздѣлявшихъ воззрѣній ясенитовъ, но на содѣйствіе которыхъ можно было положиться, когда дѣло шло о религіи.

Цѣль, которой задался Жюба, пріѣхавъ въ Россію, состояла въ томъ, чтобы въ частныхъ бесѣдахъ склонить къ католицизму наиболѣе образованныхъ людей и завязать съ епископами и съ прочими духовными лицами переговоры, которые имѣли бы болѣе или менѣе официальное значеніе.

Чтобы не возбудить подозрѣній и избѣгнуть преслѣдованія, онъ прибѣгнулъ къ слѣдующему средству: въ своей перепискѣ съ ясенитами, жившими въ Голландіи, онъ называлъ многіе предметы вымышленными именами; такъ напр. католическую вѣру онъ называлъ „бульваромъ“, миссіонеровъ—„книгами“, русскихъ епископовъ „позолотой“, княгиню Долгорукую „шубой“. Онъ собирался даже писать по-французски сирійскимъ или арабскимъ шрифтомъ, но затѣмъ отказался отъ этой мысли; чтобы слѣдить за событіями, совершавшимися въ Европѣ, ему приходилось брать для прочтенія заграничныя газеты у своихъ друзей, дипломатовъ; по этому поводу онъ замѣчаетъ, что „въ Москвѣ говорятъ только о Китаѣ, о

Персін, Турціи и Польшѣ—вообще о странахъ азіатскихъ и славянскихъ“ и болѣе ничѣмъ не интересуются.

Въ домѣ Долгоруковыхъ Жюбэ устроилъ маленькую домовую церковь, куда собиралась по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ его маленькая паства. Это держалось въ строгой тайнѣ, тѣмъ болѣе, что княгиня Ирина Петровна не посѣщала православной церкви—въ этомъ отношеніи Жюбэ былъ строгъ и требователенъ. Священническая дѣятельность его волей-неволей ограничилась домовою церковью Долгоруковыхъ, такъ какъ въ приходской церкви совершали богослуженіе капуцины, которые смотрѣли на него какъ на самозванца и не допускали его общенія со своей паствою; когда онъ предложилъ имъ, однажды, устроить въ ихъ церкви собесѣдованія, они отклонили это предложеніе. За то онъ усердно раздавалъ желающимъ книги духовнаго содержанія, молитвенники, извѣстное сочиненіе „Подражаніе Христу“ и главнымъ образомъ записку, поданную докторами Сорбонны въ 1717 г. Петру I. Кн. Куракинъ, по его примѣру выписывалъ изъ-за границы книги и раздавалъ ихъ священникамъ.

Благодаря своимъ личнымъ свойствамъ, Жюбэ приобрѣлъ въ Россіи друзей, въ числѣ коихъ былъ молодой князь Антіохъ Кантемиръ, переводившій по его указанію довольно объемистыя сочиненія и въ которомъ Жюбэ предугадалъ будущаго писателя.

„Князь,—сообщалъ Жюбэ своимъ друзьямъ,—человѣкъ высокоталантливый; онъ владѣетъ латинскимъ и греческимъ языками, переводитъ въ совершенствѣ и съ большой легкостью съ французскаго на русскій языкъ“.

Чтобы достигнуть главной цѣли своей миссіи—завязать официальные сношенія съ русскими епископами, Жюбэ занялся изученіемъ вопроса о состояніи русской церкви и написалъ, по русскимъ источникамъ, двѣ книги: „Іерархія и церковныя книги Московіи“ и „Способъ работать надъ присоединеніемъ грековъ къ латинской церкви“. Въ этихъ занятіяхъ ему много помогалъ герцогъ де Лирія и патеръ Рибера, который самъ написалъ на латинскомъ языкѣ трактатъ, озаглавленный *Catechetica confessio*, въ которомъ онъ доказывалъ, что латинская церковь есть истинная церковь, основанная Іисусомъ Христомъ, и что папа есть истинный ея глава, установленный Богомъ.

Рибера послалъ первыя главы этого труда Теофану Прокоповичу при письмѣ, въ которомъ, развивая мысль о необходимости единенія церквей и отзываясь въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ объ умѣ и знаніяхъ Прокоповича, онъ просилъ его просмотрѣть и, если окажется нужнымъ, исправить его сочиненіе. Прокоповичъ

не отвѣтилъ ему ни слова; предпочитая вѣроятно устную бесѣду, къ чему случай представлялся нерѣдко, такъ какъ Рибера, краснорѣчивый ораторъ, постоянно искалъ бесѣды съ духовными лицами.

Парижскіе яansenиты опасались, что русское правительство, узнавъ о переходѣ княгини Ирины Петровны Долгорукой въ католичество, станетъ преслѣдовать ее и жившаго въ ея домѣ патера Жюба; поэтому они обратились за поддержкою къ австрійской императрицѣ Елизаветѣ-Христинѣ, католичкѣ, принимавшей горячее участіе въ судьбѣ своихъ единовѣрцевъ въ Россіи.

Императрица общала имъ свое содѣйствіе и въ свою очередь обратилась къ герцогу де Лиріа, который проѣздомъ черезъ Вѣну обратилъ на себя ея вниманіе и снискалъ ея довѣріе. Она переслала ему черезъ испанскаго посланника въ Вѣнѣ записку яansenитовъ, къ которой была приложена шифрованная депеша отъ 30 марта 1727 года; въ этой депешѣ посланникъ молилъ герцога, отъ имени императрицы, принять участіе въ судьбѣ княгини Долгорукой, если бы она подверглась преслѣдованію за переходъ въ католичество. Въ другомъ письмѣ, того же числа, отправленномъ съ надежной оказіей, говорилось, что императоръ раздѣляетъ во всѣхъ отношеніяхъ чувства своей супруги и совѣтуетъ княгинѣ Долгорукой соблюдать величайшую тайну.

Подобнаго рода сообщенія должны были пріятно изумить герцога де Лиріа, тѣмъ болѣе, что они были изложены въ лестной для него формѣ. 15 мая онъ отвѣчалъ посланнику, что „католики-иностранцы пользуются въ Россіи полной свободой; у нихъ есть въ Москвѣ своя церковь, въ которой служатъ капуцины; они безпрепятственно расхаживаютъ по городу въ своей монашеской одеждѣ; въ этомъ отношеніи положеніе завоевано прочно, остается только удержать его. Что касается княгини Долгорукой, то дѣло обстоитъ значительно труднѣе. Измѣна православію считается въ Россіи большимъ преступленіемъ; и никто не могъ бы защитить ее отъ законной кары, если бы правительство узнало объ ея отпаденіи отъ православія.

„Княгинѣ, какъ и всѣмъ ея соотечественникамъ, переходящимъ въ католичество, угрожаетъ строгое наказаніе; но она будетъ соблюдать величайшую тайну и въ случаѣ надобности можетъ рассчитывать на покровительство князя Дмитрія Голицына, своего родственника и члена Верховнаго Совѣта.

„Обезпечить русскимъ подданнымъ право переходить въ католичество—вещь совершенно невозможная, писалъ герцогъ.

„Я не раздѣляю взгляда, будто царь Петръ I имѣлъ намѣреніе

осуществить унію или не хотѣлъ препятствовать ей. Онъ склонился скорѣе къ лютеранству. Онъ впиталъ ядъ этой религіи въ Голландіи. Имѣя на глазахъ тотъ зловерный примѣръ, онъ всегда превозносилъ протестантскую вѣру. Вдобавокъ, гордость не позволяла ему склонять голову передъ папой. Онъ всегда стремился сдѣлаться самъ главою церкви, на подобіе короля англійскаго. Яркимъ доказательствомъ тому служитъ уничтоженіе патріаршаго званія и учрежденіе Синода, подчиненнаго Его Величеству. Каждый изъ его членовъ, вступая въ должность, даетъ присягу признавать е. в. главою церкви“.

„Соединеніе церквей невозможно до тѣхъ поръ, пока во главѣ Синода стоитъ архіепископъ новгородскій, Теофанъ Прокоповичъ“. „Это человѣкъ, всецѣло преданный лютеранству, и врагъ католичества, хотя онъ пробылъ нѣсколько лѣтъ въ Римѣ, гдѣ онъ учился.“

„Его власть на русское духовенство почти неограничена. Онъ пользовался особымъ довѣріемъ Петра I и ему было поручено составить отвѣтъ Сорбоннѣ, изъ котораго ясно видно, что русскіе епископы не имѣютъ ни малѣйшаго желанія обсуждать вопросъ объ уніи; это видно по самому тону письма. Конечно, не всѣ духовныя лица подобны архіепископу новгородскому; иные изъ нихъ не только проявляютъ склонность къ католической вѣрѣ, но ихъ подозрѣваютъ даже въ тайномъ переходѣ въ католичество“.

Чтобы приступить къ переговорамъ, по мнѣнію Лиріа, необходимо было добиться прежде всего увольненія Прокоповича и замѣщенія его человѣкомъ болѣе сговорчивымъ; затѣмъ слѣдовало войти въ сношеніе съ боярами, имѣть при русскомъ дворѣ образованнаго и ловкаго представителя папы, заручиться содѣйствіемъ Остермана, а главное, позаботиться о томъ, чтобы супруга царя, если бы онъ вступилъ въ бракъ съ иностранной принцессой, была католичка, а не протестантка, ибо лютеранка или кальвинистка отнеслась бы враждебно къ католикамъ.

Вскорѣ послѣ того какъ началась переписка съ Австріей, въ подмосковномъ имѣніи, принадлежавшемъ родственнику Ирины Петровны, стали собираться аббатъ Жюба, герцогъ Лиріа и нѣкоторые другія лица, для обсужденія вопроса о соединеніи церквей. Жюба составилъ записку, которая послужила программой для совѣщаній. Полный текстъ ея, къ сожалѣнію, утраченъ; сохранилось всего три пункта. Во-первыхъ, предполагалось возстановить патріаршее званіе—какъ протестъ противъ церковныхъ реформъ Петра I и возвращеніе къ порядку вещей, у котораго еще было не мало сторонниковъ; но такъ какъ приходилось все-таки считаться съ

духомъ времени, то, во избѣжаніе столкновеній между свѣтской и духовной властью, предполагалось ограничить права и прерогативы патріарха, чтобы между нимъ и царемъ могъ царствовать миръ. На это высокое мѣсто, о которомъ мечтали видныя духовныя лица, предназначался тридцатилѣтній племянникъ князя Василія Долгорукова, князь Яковъ, воспитывавшійся въ Парижѣ, въ іезуитской коллегіи.

Жюбэ тщательно скрывалъ всѣ эти планы и происки отъ Теофана Прокоповича и барона Остермана, но, несмотря на предостереженіе княгини Ирины Петровны рѣшилъ посвятить въ тайну князя Василія Долгорукова, и такъ счумѣлъ повліять на него, что тотъ общалъ содѣйствовать его плану. Подобное общаніе со стороны челоуѣка, имѣвшаго огромное вліяніе на дѣла, было залогомъ успѣха.

Одобренный этимъ, Жюбэ обратился къ нѣкоторымъ вліательнымъ духовнымъ лицамъ, сочувствовавшимъ уніи. Подробности этихъ переговоровъ неизвѣстны; мы знаемъ только, что они велись съ архіепископомъ рязанскимъ Бужинскимъ, съ архіепископомъ тверскимъ Лопатинскимъ и съ архимандритомъ Колетти. Что касается новгородскаго архіепископа Теофана Прокоповича, отъ котораго скрывали эти планы, то хотя онъ и былъ ярымъ противникомъ уніи, однако Жюбэ полагалъ, что онъ интересовался вопросомъ соединенія церквей, такъ какъ онъ выписывалъ изъ-за границы книги по богословію и, не будучи знакомъ съ французскимъ языкомъ, читалъ ихъ въ латинскомъ переводѣ.

Когда духовныя лица, бесѣдуя съ Жюбэ о его планахъ, заявляли, что имъ трудно было бы признать авторитетъ папы, то онъ указывалъ на янсенистовъ и говорилъ, что они прекрасно умѣли отстаивать свои права, признавая въ то же время папу главою церкви.

И такъ, цѣль, которую преслѣдовалъ Жюбэ, сводилась, въ концѣ концовъ, къ тому, чтобы оторвать Россію отъ восточной церкви и, не связывая ее окончательно съ римско-католической церковью, преобразовать ее въ галликанскій патріархатъ.

XV.

Положеніе католиковъ при Аннѣ Іоанновнѣ.—Жюбэ не прекращаетъ своей дѣятельности.—Его вынужденный отъѣздъ изъ Россіи.—Вѣдствія, обрушившіяся на семейство Долгорукихъ.—Ихъ высылаютъ изъ столицы.—Письмо маркиза де ла Шетарди.—Пенсія, ассигнованная княгинѣ Долгорукой французскимъ правительствомъ.—Ея переходъ въ православіе.—Репрессивныя мѣры противъ пропаганды.—Надежды пропаганды на поддержку короля польскаго не оправдываются.—Ходатайство Екатерины II за патера Антонія.—Перерывъ сношеній съ папскимъ престоломъ.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1730 года, при дворѣ и въ семьѣ Долгоруковыхъ шла лихорадочная дѣятельность: спѣшно дѣлались приготовления къ роскошнымъ празднествамъ, коими должно было сопровождаться бракосочетаніе Петра II съ княжной Долгоруковой, какъ вдругъ юный императоръ заболѣлъ оспою, которая свела его въ могилу.

Наслѣдовавшая ему, вѣтренная и преданная удовольствіямъ герцогиня Курляндская, придавала огромное значеніе наружному благочестію: посѣщать церкви, соблюдать праздники, устраивать крестные ходы, обращать въ православіе раскольниковъ, поститься и молиться, чтобы избѣгнуть на томъ свѣтѣ наказанія, вотъ что предписывалось подданнымъ. Снова увеличилось вліяніе Θεοφана Прокоповича; энергичный защитникъ самодержавія, онъ превозносилъ императрицу Анну Іоанновну въ стихахъ и въ прозѣ. При дворѣ и въ дѣлахъ управленія господствующее вліяніе приобрѣли нѣмцы. Одинъ католическій священникъ писалъ въ 1736 году, что „императрица исповѣдуетъ православную вѣру, но покровительствуетъ лютеранамъ. Въ Россіи первую роль играютъ протестанты, т. е. собственно одинъ изъ нихъ“.

Вполнѣ понятно, что положеніе католиковъ при этихъ обстоятельствахъ сдѣлалось весьма тягостнымъ и ненадежнымъ. Ихъ не стѣсняли въ исполненіи ихъ религіозныхъ обрядовъ, но все, что походило на пропаганду, вызывало со стороны правительства строгое преслѣдованіе.

Жюбэ вскорѣ испыталъ это на себѣ. Уже въ мартѣ мѣсяцѣ 1730 г. онъ отказался отъ своей корреспонденціи и писалъ племяннику, который долженъ былъ пріѣхать въ Россію въ качествѣ преподавателя, чтобы онъ повременилъ пріѣздомъ. Аббатъ чувствовалъ, что его положеніе пошатнулось, и что его покровители исчезли одинъ за другимъ.

Паденіе Долгоруковыхъ было неизбѣжно. Всемогушіе въ царствованіе Петра II, они возбудили слишкомъ много зависти, и ихъ постарались низвергнуть при первой возможности. Любимецъ мо-

лодого царя, осыпанный его милостями, Иванъ Долгорукій, Василій Лукичъ, на котораго Сорбонна и Жюбэ возлагали свои надежды, и другіе видные члены семейства Долгоруковыхъ отпѣрались въ ссылку. Это было только началомъ ожидавшихъ ихъ испытаній. Княгини Ирины Петровны также коснулась немилость, постигшая ея родныхъ. Анна Іоанновна еще въ Митавѣ узнала о ея переходѣ въ католичество. Жюбэ передаетъ въ своей секретной корреспонденціи слѣдующимъ образомъ одну сцену, происшедшую между императрицей и княгиней Долгорукой: „Мѣхъ (императрица) сказала, что бульваръ (католическая вѣра) дьявольское навожденіе, что она беретъ понемногу отъ каждой религіи. Мѣхъ говорилъ на-дняхъ шубѣ (княгинѣ Иринѣ), что она получаетъ, вѣроятно, письма отъ г-жи Изоры (княгини Овернѣ), которая говорила ей, что онѣ были въ близкихъ отношеніяхъ. „Вы ждете!“ воскликнула императрица на отвѣтъ ея, что она не получала отъ нея писемъ съ барки (Риги)“.

Въ исходѣ 1730 г. изъ Петербурга уѣхалъ герцогъ де Лиріа: Жюбэ лишился въ немъ не только покровителя, но и друга, который помогалъ ему въ осуществленіи его плановъ, открылъ ему доступъ во многіе дома, сообщалъ ему политическіи новости и давалъ для прочтенія заграничныя журналы.

Надобно отдать справедливость Жюбэ, говорить Пирлингъ, онъ продолжалъ свою дѣятельность, не смущаясь, несмотря на то, что почва ускользала изъ-подъ его ногъ. Онъ по-прежнему энергично раздавалъ книги для пропаганды католичества. „Вы не повѣрите, писалъ онъ 29 ноября 1730 г., какую массу добра можно бы сдѣлать, раздавая Новый Завѣтъ малаго, карманнаго формата или хотя бы въ 12 долю листа, въ странѣ, гдѣ не знаютъ, что это за сокровище, но гдѣ въ настоящее время, благодаря Бога, жаждетъ его множество лицъ; весьма полезны были бы также маленькіе молитвенники съ объясненіями или что-либо въ этомъ родѣ. Огромное количество книгъ, выписанныхъ мною для раздачи со-всѣмъ замучило меня“.

„Было бы очень важно, писалъ онъ другой разъ, чтобы кто-нибудь взялся написать хорошую статью о происхожденіи св. Духа отъ Отца и Сына въ примирительномъ духѣ. Могу васъ увѣрить, что это единственный пунктъ, который останавливаетъ людей, наиболѣе склонныхъ къ воспріятію латинской вѣры“.

9 мая 1731 г. Жюбэ писалъ своимъ заграничнымъ друзьямъ, что въ Вѣнѣ печатается на латинскомъ языкѣ книга о догматахъ русской православной церкви, въ цѣляхъ единенія. „Она написана въ духѣ о. Рибера, испанскаго доминиканца, священника герцога

де Липіа. Постарайтесь выслать мнѣ эту книгу возможно скоро и если вы пожелаете сдѣлать къ ней поправки, которыя послужатъ къ благу здѣшней церкви, то я включу ихъ въ русское изданіе. Я хотѣлъ бы, чтобы вы видѣли книгу, которой онъ пользовался при составленіи своего сочиненія; она написана протестантомъ шведомъ въ 1722 г. и озаглавлена: *Exercitatio historia—theologica de statu Ecclesiae et Religionis Moscoviticae*, въ 2-хъ частяхъ, при коихъ одна историческая, а другая богословская. Несмотря на многочисленныя ошибки, она даетъ понятіе о положеніи церкви. Мнѣ удалось достать ее“. Изъ этого видно, что Жюбэ собирался продолжать пропаганду, несмотря на угрожавшія ему опасности.

Но это не могло продолжаться долго. Новыя лица, ставшія у власти, смотрѣли неодобрительно на то, что католическій патеръ жилъ среди русскаго общества, въ семьѣ, принадлежавшей къ высшей аристократіи. Какъ ни строга была тайна, съ какою велись переговоры объ уніи, она не могла быть безусловной, и этого было исполнѣ достаточно, чтобы вызвать преслѣдованія. Теофанъ Прокоповичъ давно уже смотрѣлъ косо на католиковъ; монахи и епископы, заподозрѣнные въ сочувствіи къ латинской вѣрѣ, подвергались преслѣдованію. Къ самому Жюбэ, по доносамъ его слугъ, были предъявлены такія серьезныя обвиненія, что въ августѣ 1731 г. ему было повелѣно выѣхать изъ Россіи. Никто изъ его друзей дипломатовъ, кромѣ французскаго консула Виллардо, не имѣлъ мужества заступиться за него и предложить ему у себя временный пріютъ. Княгиня Ирина Петровна и ея дѣти были до того огорчены высылкою ихъ любимаго патера, что Жюбэ, видя ихъ волненія и слезы, рѣшилъ не трогаться съ мѣста. Ему удалось прожить у Долгорукихъ до начала слѣдующаго года: только тогда, видя, что его присутствіе сильно компрометируетъ ихъ, онъ подчинился требованію правительства.

Прибывъ 31 марта 1732 г. въ Варшаву, онъ писалъ оттуда своимъ друзьямъ: „Можно сказать вообще, что предпріятіе это (т. е. унія) совершенно несбыточное; въ виду столь частыхъ переговоровъ и строгой самодержавной власти въ этой странѣ, гдѣ князья представляютъ собою лишь сановныхъ рабовъ, какъ и весь остальной народъ, тутъ ничего не можетъ быть сдѣлано; одному Богу обязаны мы тѣмъ, что мы остались живы; онъ одинъ поддержалъ насъ среди остальныхъ опасностей“. Это было искреннее признаніе въ полной неудачѣ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Жюбэ, семейство князя Сергѣя Долгорукова должно было оставить Москву. Надъ нимъ не тяготѣло обви-

неніе въ политическихъ преступленіяхъ, поэтому онъ и его близкіе избѣгли смертной казни; ихъ преслѣдовали лишь за отпаденіе отъ православной вѣры.

Въ 1732 г. насталъ чередъ княгини Ирины Петровны. Къ ней явился генералъ Ушаковъ и по повелѣнію императрицы предложилъ ей вопросъ: „почему у нея нѣтъ духовника“ и потребовалъ, чтобы она исповѣдывалась и приобщилась св. Тайнъ, заявивъ, что „ея величество пришлетъ ей священника“. Дѣйствительно, въ тотъ же день къ княгинѣ явился Лука Коначевичъ, іеромонахъ и преподаватель кадетскаго корпуса, другъ Θεοφана Прокоповича, но княгиня отказалась принять причастіе изъ его рукъ. Іеромонахъ донесъ императрицѣ, что она перешла въ католическую вѣру; какъ на смягчающее вину обстоятельство онъ указалъ на то, что это произошло въ Голландіи, во время опасной болѣзни, и что тамъ не было русскаго священника.

Ирина Петровна имѣла мужество не уступить настояніямъ императрицы и стала собираться въ путь, такъ какъ ей приказано было немедленно выѣхать изъ Москвы; „передъ ея отъѣздомъ“, рассказываетъ въ своихъ запискахъ князь Петръ Долгоруковъ, императрица Анна послала за моею прабабушкой, чтобы укорить ее за ея переходъ въ католичество. Она приняла ее въ комнатѣ своихъ фрейлинъ, смежной съ императорскимъ кабинетомъ. Когда моя прабабушка, согласно съ этикетомъ, наклонилась, чтобы поцѣловать императрицѣ руку, государыня дала ей здоровую пощечину, осыпала ее ругательствами и кончила аудіенцію словами, „пошла вонъ, мерзавка“.

Эти непріятности усугублялись денежною нуждою. Князю Сергѣю пришлось продать свои помѣстья, чтобы развязаться съ долгами. Въ 1731 г. у него осталось одно имѣніе, гдѣ высланная изъ Москвы семья нашла убѣжище. Въ этихъ прискорбныхъ обстоятельствахъ Жюба выказалъ себя вѣрнымъ и преданнымъ другомъ Долгоруковыхъ. Онъ не только помогалъ имъ денежно, но между прочимъ обратился за нравственной поддержкой къ императрицѣ австрійской, которая принимала, какъ ему было извѣстно, участіе въ княгинѣ Иринѣ Петровнѣ, и просилъ ее помочь „новообращеннымъ“, которые перестали посѣщать русскія церкви, а совершали богослуженіе въ своихъ домовыхъ церквахъ и тѣмъ вызвали противъ себя неудовольствіе ея величества“.

Долгоруковы прожили въ своемъ подмосковномъ имѣніи до кончины Анны Іоанновны. Съ воцареніемъ Елисаветы Петровны они были помилованы и возвратились въ столицу, гдѣ они чрезвычайно нуждались. Въ мемуарахъ князя Петра Долгорукова, ихъ

бѣдственное положеніе объясняется тѣмъ, что ихъ обирали иезуиты и аббаты. О. Пирлингъ съ этимъ не согласенъ и говоритъ, что это обвиненіе отпадаетъ само собою, такъ какъ „ни одинъ иезуитъ никогда не былъ въ сношеніи съ Долгоруковыми, а что касается аббата Жюба, то, напротивъ, онъ самъ помогалъ имъ въ то время, когда они жили въ имѣніи; если бы онъ нажился на ихъ счетъ, то онъ не умеръ бы въ нищетѣ“. Крайне стѣсненное матеріальное положеніе Долгоруковыхъ объясняется другими причинами; кромѣ тѣхъ послѣдствій, какія влечетъ обыкновенно за собою опала, кромѣ издержекъ по переѣзду изъ Москвы и устройству въ имѣніи, причиною разоренія Долгоруковыхъ было вѣроятно дурное поведеніе князя Сергѣя, на что намекаютъ французскіе дипломаты.

Какъ бы то ни было, семья Долгоруковыхъ терпѣла большую нужду—это фактъ неоспоримый. Это обстоятельство, въ связи съ положеніемъ, которое княгиня Ирина Петровна занимала въ обществѣ, было причиною, что французскій посланникъ счелъ возможнымъ сдѣлать ей весьма недвусмысленныя предложенія. Тогдашніе политическіе нравы допускали, чтобы высокопоставленныя дамы получали, за извѣстныя услуги, пенсіи отъ иностранныхъ монарховъ, за что онѣ брали на себя роль шпионокъ.

Представителемъ Франціи въ Россіи былъ въ то время маркизъ де ла Шетарди, принимавшій дѣятельное участіе въ переворотѣ, возведшемъ на престолъ Елисавету. Его секретарь, Дальонъ, былъ человѣкъ энергичный и ловкій. Желая быть въ курсѣ придворныхъ интригъ, они обратили вниманіе на Ирину Петровну. Она вращалась во всѣхъ салонахъ и по своему положенію была выше всякихъ подозрѣній; ея сынъ готовился быть дипломатомъ и, главное, она нуждалась въ деньгахъ. Изъ депеши де ла Шетарди къ его начальнику Амело видно, какъ онъ изловилъ княгиню въ свои сѣти.

„Я уже давно знаю, писалъ отъ 14 октября 1741 г., что княгиня Долгорукова, находящаяся здѣсь со всѣми въ общеніи, благодаря самой себѣ и своему мужу, была, какъ говорится, готова идти хоть въ огонь за французовъ. Я убѣдился въ этомъ планѣ съ большимъ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе что, какъ мнѣ было не безъизвѣстно, ея характеръ и возрастъ дѣлали ее еще болѣе почтенной. чѣмъ ея происхожденіе, для всѣхъ, кто ее зналъ; бѣдность, въ какую она впала, несчастія Долгоруковыхъ и дурное поведеніе ея мужа навели меня на мысль привлечь ее къ дѣлу, хотя я никогда не вижу ее у себя дома; я поручилъ Дальону разслѣдовать тайкомъ почву и, узнавъ изъ его отвѣтовъ, что не будетъ никакого неудобства ей открыться, я сказалъ ему, чтобы онъ это сдѣлалъ. Княгиня Долгорукова не измѣнила чувствамъ, питаемымъ ею къ Франціи, но

выказала тревогу по поводу сдѣланнаго предложенія и слишкомъ тяжелыхъ послѣдствій, какія бы это могло здѣсь на нее навлечь; Дальонъ же ее успокоилъ, давъ ей понять, что она будетъ находиться въ сношеніяхъ со мною лишь постольку, поскольку должна заботиться о дѣтяхъ, на воспитаніе которыхъ, какъ ей извѣстно, она не можетъ дать средствъ безъ помощи своихъ родственниковъ, къ которымъ она всегда необходимо должна прибѣгать; вѣдь для нея гораздо болѣе лестно будетъ оказаться обязанной въ этомъ отношеніи добротѣ могущественнаго государя, къ которому она чувствуетъ естественную склонность и извѣстную всѣмъ преданность. Княгиня Долгорукова согласилась на все и заявила мнѣ въ среду, насколько она была и будетъ тронута милостями, какія его величество пожелаетъ ей оказывать: я полагаю, что ежегодный пенсіонъ въ 4 или 5 тысячъ франковъ достойнымъ образомъ выполнить эту цѣль, если только король одобритъ то, что было мнѣ внушено моимъ рвеніемъ; отсюда возникнетъ еще то преимущество, что черезъ нее можно будетъ со временемъ, пожалуй, привлечь къ себѣ, при помощи какого-нибудь вознагражденія и того родственника Бестужева, о которомъ я вамъ уже говорилъ, какъ о человѣкѣ, склонномъ къ интригѣ; также, вѣроятно, можно будетъ привлечь и князя Голицына, астраханскаго губернатора, который недавно былъ назначенъ сенаторомъ; онъ, говорятъ, обладаетъ многими достоинствами, а княгиня Долгорукова имѣетъ на него большое вліяніе: онъ принадлежитъ съ ней къ одному роду, такъ какъ приходится ей роднымъ дядей.

„Въ заключеніе прибавлю, что, исходя изъ того же принципа, всѣ иностранные министры не безъ основанія старались создать здѣсь цѣлыя поколѣнія приверженцевъ своимъ государямъ и всѣ ежедневно привлекали и привлекаютъ къ себѣ сторонниковъ; служба короля могла бы потерпѣть ущербъ, если бъ еще долѣе пренебрегать, какъ и теперь, такъ и впредь, пріобрѣтеніемъ здѣсь тайныхъ сторонниковъ Франціи. Какимъ бы превратностямъ ни былъ подверженъ здѣшній дворъ, такіа средства надежныѣ ведутъ къ раскрытію истины и къ составленію вѣрныхъ плановъ“.

Пенсія въ четыре тысячи франковъ была назначена княгинѣ, но Амело сомнѣвался въ томъ, принесетъ ли она ожидаемую пользу, и Дальонъ, стараясь разсѣять эти сомнѣнія, писалъ министру 26 января 1743 г.:

„Хотя мы и не извлекли изъ переворота тѣхъ выгодъ, какихъ слѣдовало ожидать, но несомнѣнно, что княгиня Долгорукая, хотя и не была освѣдомлена объ интригѣ, однако, намъ очень полезна своими совѣтами. Она питаетъ рѣшительную склонность къ Фран-

ціи; католическая вѣра, которую она и ея дѣти исповѣдуютъ почти публично, придаетъ этому еще болѣе значенія; тѣмъ болѣе, что ея ближайшіе родственники служатъ въ Сенатѣ; кромѣ того у нея много хорошихъ знакомствъ; она имѣетъ возможность знать весьма многое, и я долженъ отдать ей справедливость; она не отказывается ни отъ чего, что ей предлагаютъ сдѣлать для пользы службы короля“.

Лишившись, съ отъѣздомъ за границу Жюба, нравственной поддержки своего духовнаго отца, княгиня Долгорукова не устояла, въ концѣ концовъ, передъ настоятельными требованіями императрицы Елизаветы Петровны, и 15 августа 1745 г. она, ея сынъ Николай и дочь Анна перешли снова въ православіе; обрядъ присоединенія былъ совершенъ торжественно въ Зимнемъ дворцѣ, въ присутствіи императрицы и двора.

Въ душѣ, княгиня оставалась однако вѣрной католичеству и, чтобы не насиловать своей совѣсти, хотѣла уѣхать за границу, но ей было отказано въ выдачѣ паспорта. Тогда она рѣшила уѣхать тайкомъ, но смерть застала ее среди приготовленій къ отъѣзду.

Она скончалась въ 1751 г., на 52 году жизни, и погребена въ Богоявленскомъ монастырѣ, въ Москвѣ.

Преданнаго ей аббата Жюба уже шесть лѣтъ не было на свѣтѣ; онъ скончался въ 1745 г. въ Парижѣ, въ госпиталѣ, въ большой нищетѣ. Многіе изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, съ которыми онъ былъ въ сношеніяхъ въ бытность своею въ Россіи, и съ которыми поддерживалъ переписку, по отъѣздѣ за границу, подверглись со стороны правительства строгимъ преслѣдованіямъ. Какъ примѣръ тѣхъ строгостей, какія принимались противъ лицъ, принадлежавшихъ къ латинской вѣрѣ, приведемъ нѣкоторыя правила, изданныя для пограничной съ Литвою и Польшею области.

„Находящимся на границѣ караульнымъ офицерамъ и драгунамъ, читаемъ въ этихъ правилахъ, подтвердить съ жестокимъ прещеніемъ, чтобы изъ Польши и Литвы не допускали выѣзжать въ Россію римскихъ ксендзовъ, а смоленскую шляхту—выѣзжать за границу безъ указа и паспортовъ. Если какой-нибудь ксендзъ пріѣдетъ по своимъ дѣламъ, о такомъ объявлять губернатору, а губернаторъ дастъ знать архіерею, ксендзу назначается время, въ какое онъ долженъ исправить всѣ свои дѣла, и берется съ него письменное обязательство, чтобъ онъ русскихъ людей по римской вѣрѣ не исповѣдывалъ и не причащалъ, никакими вымыслами къ своей вѣрѣ не склонялъ, въ дома ихъ для того ни тайно, ни явно не ходилъ и не носилъ другого платья, кромѣ того, какое носятъ ксендзы.

„У всѣхъ смоленскихъ шляхтичей взять сказки подъ жестокимъ истязаніемъ, чтобъ они нигдѣ съ римскими ксендзами ни тайно, ни явно сообщенія не имѣли, въ дома къ себѣ ихъ не пускали, для исповѣди къ нимъ не ходили и никакихъ наговоровъ отъ нихъ не слушали. Ослушниковъ ксендзовъ и шляхтичей брать и, сковавъ, присылать въ Синодъ немедленно, Сенатъ разспрашиваетъ ихъ и доносить немедленно же въ Верховный Тайный Совѣтъ, и послабленія въ томъ никому никакого не дѣлаетъ.

„Смоленской шляхтѣ дѣтей своей для науки за границу въ Литву и никуда отнюдъ не отдавать.—отдавать въ смоленскія, московскія и кievскія школы. Если кто по обученіи въ русскихъ школахъ захочетъ ѣхать въ другія государства, тѣхъ отпускать подъ присягою и брать поруки, что отъѣзжающій за границею не останется, вѣры греческаго исповѣданія не перемѣнитъ и противъ Россійской имперіи въ службу нигдѣ ни къ кому не вступить. Смоленской шляхтѣ въ домахъ своихъ для обученія дѣтей и родственниковъ отнюдъ не держать римскихъ учителей и инспекторовъ, а имѣть инспекторовъ изъ русскихъ подданныхъ и вѣры греческаго исповѣданія; если же такихъ сыскать не могутъ, то по нуждѣ могутъ брать изъ-за границы только православной вѣры греческаго исповѣданія и со свидѣтельствомъ архіерейскимъ, а когда русскихъ инспекторовъ будетъ довольно, тогда изъ-за границы не брать никого, чтобъ подъ видомъ православныхъ не было римской вѣры ксендзовъ.

„Если изъ-за польскаго рубежа римской вѣры дѣвицы и вдовы захотятъ выйти замужъ за смоленскихъ шляхтичей, то имъ это позволить, когда онѣ примутъ православную вѣру греческаго исповѣданія, а смоленской шляхтѣ дочерей и родственницъ за-границу замужъ не выдавать за католиковъ и уніатовъ.

„Изъ смоленской шляхты желающихъ поступить въ монахи въ указныя лѣта, а возвратившихся изъ-за-границы шляхтичей, которые стали тамъ ксендзами и захотятъ быть въ греческой вѣрѣ монахами или бѣльцами, принимать и писать о томъ въ Синодъ. Школы въ Смоленскѣ завести и быть имъ въ городѣ при монастырѣ, учителей брать изъ кievскихъ монастырей и изъ московскихъ школъ, по указамъ изъ Синода; учить латинскому, французскому и нѣмецкому языкамъ, и которые захотятъ быть въ священникахъ,—тѣхъ учить и греческому языку“.

Хотя вышеприведенныя репрессивныя мѣры, изданныя, для пограничной области, имѣли, до извѣстной степени, мѣстный характеръ и были вызваны случайнымъ фактомъ — переходомъ въ католичество нѣсколькихъ жителей Смоленска и бѣгствомъ одного

изъ нихъ въ Польшу, гдѣ онъ хотѣлъ быть посвященнымъ въ ксендзы, тѣмъ не менѣ эти правила рисуютъ какъ нельзя лучше отношеніе правительства къ вновь обращеннымъ. До свободы совѣсти было очень далеко.

Преслѣдуя совращеніе въ католичество, правительство не мѣшало въ то же время дѣятельности Пропанды, насколько она касалась иностранцевъ, и Пропанда посылала въ Россію по своему усмотрѣнію миссіонеровъ различныхъ національностей, назначала и смѣшала патеровъ, а въ царствованіе Анны Іоанновны рѣшила даже, своей собственной властью, весьма важный вопросъ административнаго характера: до тѣхъ поръ въ Россіи не было ни католическихъ епископовъ, ни епархій; всѣми католиками управлялъ простой миссіонеръ, назначаемый Римомъ. Но когда число католиковъ значительно увеличилось; московская миссія была отдѣлена отъ петербургской: онѣ стали вполнѣ независимы другъ отъ друга. Это было первымъ шагомъ на пути той сложной іерархіи, которая установилась при Екатеринѣ II.

Въ царствованіе Елисаветы Петровны въ Россіи имѣлъ значительное вліяніе францисканскій патеръ Карло, изъ Лукки. Онъ находился во главѣ католической миссіи въ теченіе шести лѣтъ и когда Пропанда хотѣла его отозвать, то императрица, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, пожелала, во что бы то ни стало, удержать его и прибѣгала для этого къ содѣйствію дипломатическаго корпуса. По ея желанію, французскій посланникъ, де ла Шетарди, и австрійскій посланникъ Ботта, поддержали ея просьбу передъ папскимъ престоломъ. Самъ Лестокъ писалъ префекту Пропанды о желаніи императрицы, которое, разумѣется, было исполнено. Карло остался въ Петербургѣ, гдѣ онъ и скончался.

Пропанда воспользовалась происходившей при этомъ перепиской, чтобы сдѣлать еще разъ попытку добиться подтвержденія указовъ, данныхъ Петромъ I въ пользу капуциновъ; въ Римѣ рассчитывали на успѣхъ, такъ какъ Елисавета Петровна шла по стопамъ своего отца и выражала готовность продолжать всѣ его начинанія.

Прибывшій въ 1742 г. въ Римъ, изъ Россіи, капуцинъ патеръ Феликсъ, который прожилъ десять лѣтъ въ Москвѣ и на берегу Каспійскаго моря, обнадеживалъ Пропанду въ успѣхѣ, предлагалъ увеличить число миссіонеровъ, расширить сферу ихъ дѣятельности, а главное открыть школы, на что, по его мнѣнію, можно было испросить субсидію у императрицы, которая не откажетъ въ ней, такъ какъ она дала таковую лютеранамъ.

Пропаганда увлеклась этимъ проектомъ, въ архивахъ были разысканы указы Петра Великаго, и патеры обратились къ королю польскому съ просьбой поддержать ихъ ходатайство.

Августъ III отвѣтилъ полной готовностью помочь московскимъ католикамъ, но выразилъ опасеніе, что обстоятельства не настолько благопріятствовали этому, какъ полагали въ Римѣ, со словъ миссіонеровъ. И дѣйствительно, посредничество короля не увѣнчалось успѣхомъ, и Пропаганда убѣдилась въ томъ, что католикамъ нечего было ожидать отъ Елисаветы Петровны. Она была любезна и предупредительна съ миссіонерами, но далѣе этого дѣло не шло.

По странному совпаденію, въ 1758 г., великая княгиня Екатерина Алексѣевна такъ же энергично и настойчиво, какъ и Елисавета Петровна, отстояла одного патера реформатской церкви, о. Антоніо изъ Турина, когда его хотѣли отозвать изъ Петербурга. Онъ исполнялъ для великой княгини переводы, и она не хотѣла лишиться услугъ нужнаго ей человѣка; поэтому, когда ему было приказано вернуться въ Италію, она пустила въ ходъ всю свою настойчивость, всѣ свои дипломатическія способности, чтобы удержать патера въ Петербургѣ.

Ея ходатайство, къ которому присоединился этотъ разъ и ея супругъ, в. кн. Петръ Ѳеодоровичъ, рѣдко вмѣшивавшійся въ дѣла своей супруги, было поддержано французскимъ и австрійскимъ посланниками, и Пропаганда должна была уступить.

Но это были все мелкіе факты, не имѣвшіе государственнаго значенія. Вызываемыя ими сношенія ограничивались обмѣномъ нѣсколькихъ любезныхъ, но незначительныхъ писемъ, а въ общемъ, съ кончины Петра I и до перваго раздѣла Польши, когда императрица Екатерина II, волей неволей, должна была войти въ сношенія съ папою — духовнымъ главою ея новыхъ подданныхъ — официальные сношенія между Россіей и папскимъ престоломъ прекратились совершенно, и петербургскіе дипломаты обмѣнивались съ Ватиканомъ лишь случайными, не имѣвшими серьезнаго значенія письмами, касавшимися частныхъ дѣлъ и ходатайствъ.

Сообщ. В. Т.

Дворянинъ-помѣщикъ въ камилавкѣ.

(Изъ записокъ стараго помѣщика).

До конца 30-хъ годовъ девятнадцатаго столѣтія Саратовская губернія не имѣла еще у себя особаго архіерея и принадлежала сначала къ Астраханской, а потомъ къ Пензенской епархіи, почему въ сношеніяхъ саратовскаго духовенства съ архіереями этихъ отдаленныхъ губерній происходили нерѣдко недоразумѣнія, а иногда даже и крупныя ошибки, къ числу которыхъ принадлежитъ представленіе В. Попова къ камилавкѣ.

Василій Владиміровичъ Поповъ, принадлежа къ крупнымъ помѣщикамъ Саратовской губерніи, довольно долго находился на военной службѣ, но послѣ смерти родителей вышелъ въ отставку и поселился въ своихъ вотчинахъ, которыя управлялись бурмистромъ изъ мѣстныхъ крестьянъ и, находясь безъ главнаго надзора, оказались зараженными расколомъ.

Помѣщикамъ стараго времени не трудно было наставлять своихъ крѣпостныхъ на путь истинный, что Поповъ вскорѣ и постарался сдѣлать и, увѣдомля саратовскаго губернатора о возвращеніи крестьянъ въ православіе, приписалъ главный успѣхъ этого дѣла назначенному въ его вотчины новому священнику, котораго и просилъ не оставить безъ поощренія, о чемъ губернаторъ и сообщилъ подлежащему архіерею.

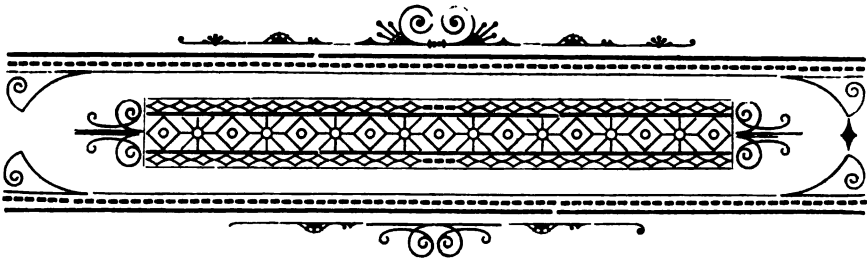
По поводу этого началась у духовенства переписка, окончившаяся представленіемъ въ Синодъ какъ священника, такъ и помѣщика къ наградамъ, и изъ нихъ священникъ получилъ орденъ, а помѣщикъ Поповъ—камилавку.

Недоразумѣніе относительно награжденія Попова камилавкой оставалось нѣсколько мѣсяцевъ не выясненнымъ, вслѣдствіе его о томъ молчаніи, и когда Поповъ въ томъ же году явился въ очередное губернское собраніе въ дворянскомъ мундирѣ, при шпагѣ и въ камилавкѣ, то былъ встрѣченъ шумными аплодисментами, безпрестанно повторявшимися во все время выборовъ, въ продолженіе которыхъ онъ не снималъ съ своей головы этого лиловаго бархатнаго кивера.

Когда же затѣмъ, по донесенію губернатора, было доложено объ этомъ недоразумѣніи Государю, то Императоръ Николай Павловичъ, видимо увѣдомленный жандармеріей объ инцидентѣ въ собраніи, повелѣлъ объявить Попову, что однажды пожалованныя награды отнимаются лишь за проступки и преступленія.

Сообщ. В. А. Шомпулевъ.

Прототипъ Загорѣцкаго.

Высокое типическое значеніе героевъ безсмертной комедіи Грибоѣдова было сразу признано еще его современниками, среди которыхъ „Горе отъ ума“, довольно долго не имѣвшее возможности появиться въ печати, ходило въ сотняхъ списковъ. Но это не мѣшало прямо указывать на тѣхъ или иныхъ представителей столичнаго большого свѣта, которыми могъ воспользоваться поэтъ; въ герояхъ „Горя отъ ума“ узнавали или, по крайней мѣрѣ, старались узнать портреты опредѣленныхъ лицъ, возведенные Грибоѣдовымъ на высоту типическаго обобщенія. Такъ, въ Чацкомъ узнавали, впрочемъ довольно неудачно, П. Я. Чаадаева; говорили, что Фамусова авторъ списалъ съ родного дядюшки; что образцомъ для старухи Хлестовой послужила московская барыня Офросимова. Герценъ считалъ своего двоюроднаго брата грибоѣдовскимъ „химикомъ и ботаникомъ“. Въ Москвѣ до сихъ поръ показываютъ домъ, близъ Тверской, въ которомъ будто бы произошла исторія, пригодившаяся Грибоѣдову въ качествѣ фабулы „Горя отъ ума“. Были перебраны всѣ дѣйствующія лица комедіи, вплоть до самыхъ незначительныхъ, и чуть не для всѣхъ молва постаралась найти соотвѣтствующіе оригиналы въ свѣтскомъ обществѣ обихъ столицъ.

Не былъ, конечно, забытъ при этомъ и Загорѣцкій, такъ мало дѣйствующій въ комедіи, такъ мало говорящій, но, тѣмъ не менѣе, носящій „черты истинно комическаго гения“ своего автора, какъ отзывался Пушкинъ. И Загорѣцкаго узнавали кое въ комъ. Вотъ

что говорить по этому поводу редакторъ одного изъ лучшихъ изданій „Горя отъ ума“ И. Д. Гарусовъ ¹⁾, сохранившій единственное въ грибоѣдовской литературѣ упоминаніе о прототипѣ Загорѣцкаго: „весьма трудно сказать въ настоящее время, кто былъ прототипомъ Загорѣцкаго. Даже московскіе сторожилы во мнѣніяхъ и указаніяхъ расходятся. Одни признавали въ немъ только-что начавшаго свою карьеру, ловко втиравшагося въ знать, небрезгавшаго никакими средствами для наживы, московскаго и ярославскаго откупщика А—ва, въ 30-хъ годахъ уже имѣвшаго громадный капиталъ, другіе видѣли въ немъ тоже откупщика, но московскаго, *—ва, впоследствии ставшаго крупнымъ капиталистомъ. Третьи думали, что выведенъ въ Загорѣцкомъ одинъ изъ содержателей игорныхъ домовъ, шуллеръ, обыгрывавшій всѣхъ навѣрняка, такъ какъ въ 20-хъ годахъ въ Москвѣ было не мало такихъ домовъ, гдѣ велись азартныя игры, противъ которыхъ уже въ то время возбуждалось преслѣдованіе. Мы полагаемъ,—замѣчаетъ Гарусовъ,—что безъ всякаго прототипа въ Загорѣцкомъ авторъ вывелъ ту породу зловредныхъ и злокачественныхъ лицъ, которыхъ всѣ знаютъ какъ негодяевъ, но которыхъ въ то же время повсюду принимаютъ, какъ ходячую новость, живую газету, какъ готовыхъ на услуги, на которыя не многіе бы рѣшились. Безъ такой язвы не обходилось прежде, не обходится и нынѣ ни одно общество, такъ какъ Загорѣцкіе для всѣхъ и каждого—необходимые дѣльцы, готовые называть чернымъ то, что за минуту признавали бѣлымъ и не погрѣшительнымъ. Непрошеною услугою онъ начинаетъ дебютъ свой въ комедіи“.

Изъ того, что Грибоѣдовъ могъ обойтись и безъ опредѣленнаго дѣйствительнаго лица для того, чтобы создать Загорѣцкаго, еще не слѣдуетъ, что такого лица не было. Далеко не всегда находить авторъ въ окружающей его жизни полное воплощеніе типа, и ему часто приходится собирать разбросанныя во многихъ людяхъ черты, дополняя, измѣняя и скрѣпляя ихъ творческимъ воображеніемъ. Такъ, Левъ Толстой кое-что въ обликѣ Анны Карениной списалъ со старшей дочери Пушкина, М. А. Гартонгъ ²⁾. Указанія Гарусова на московскихъ откупщиковъ и на игрока малоавторитетны, потому что основаны на очень запоздалыхъ слухахъ.

Есть еще одно указаніе на лицо, которое могло дать великому сатирику нѣкоторыя черты для образа Загорѣцкаго. Это указаніе

¹⁾ 1875 г., стр. 371—372.

²⁾ П. Вирюковъ, «Л. Н. Толстой. Біографія». Т. II, М. 1908 г., стр. 206.

нашли мы въ журналѣ 1830 г. „Сѣверный Меркурій“. Журналъ этотъ, издававшійся литераторомъ болгаринскаго типа Михаиломъ Алексѣвичемъ Бестужевымъ-Рюминымъ, въ свое время извѣстнымъ (онъ былъ къ тому же пьяница) подъ прозвищемъ Безстыжева-Рюмкина ¹⁾, не забытъ только благодаря своему участию въ знаменитой полемикѣ Пушкина съ Булгаринымъ, на сторонѣ котораго дѣйствовалъ Бестужевъ-Рюминъ. Бестужевъ-Рюминъ былъ яркимъ представителемъ того журнализма, который въ наши дни размножился и процвѣлъ и приобрѣлъ имена бутерброднаго журнализма, револьверной прессы и т. д.; съ перваго же номера своего журнала Бестужевъ-Рюминъ началъ походъ противъ цѣлаго ряда лицъ, большинство которыхъ теперь трудно узнать, но которые, судя по интимности и грубости намековъ, конечно, должны были и сами себя узнать, и быть узанными другими. Эта статья—„Новый годъ“, подписанная *Θ.* и помѣщенная въ первыхъ четырехъ номерахъ „Сѣвернаго Меркурія“, груба, тяжела и неостроумна,—но въ ней ²⁾ останавливаетъ вниманіе упоминаніе о Грибоѣдовѣ и Загорѣцкомъ. Разговариваютъ два собесѣдника. Одинъ спрашиваетъ:

— „Это кто: *L. Cane*?“

— „Не ужели ты его не знаешь?“ — спросилъ я Славскаго, почти удивленный его вопросомъ. — „Если ты не имѣлъ случая встрѣтиться съ нимъ гдѣ-нибудь, то долженъ знать его по слуху. Отъ Триумфальныхъ воротъ до Выборгской заставы, онъ почти въ каждомъ домѣ извѣстенъ. На него стоитъ только взглянуть, чтобы отгадать его родопроисхожденіе. Не ужели никогда не случалось тебѣ видѣть средняго роста человѣка, довольно хорошо одѣтаго, въ очкахъ, сутуловатаго, съ плутовскими глазами, съ черными, какъ ворона крыло, волосами, и такими же огромными бакенбардами, уподобляющими его Орангъ-Утангу? Разумѣется, я слишкомъ холоденъ съ нимъ въ обращеніи, и часто очень ясно намекаю, что не желалъ бы чести знать его,—но онъ, увѣренный въ томъ, что княгиня Чванская, у которой онъ пользуется череденнымъ обѣдомъ, жалуетъ меня,—всячески старается, чтобы я былъ къ нему снисходительнѣе, и усердною готовностью своею во всемъ мнѣ угождать, обезоруживаетъ меня въ намѣреніи рѣшительно отказать ему въ посѣщеніяхъ его. Покойный Княжнинъ для комедіи: *Хвастунъ*, и Лафонтенъ нашъ, Крыловъ, для басни: *Лжеецъ*,—могли бы позаимствоваться отъ сего человѣчка еще многими чер-

¹⁾ «Русск. Архивъ» 1908 г., III, 262; Пушкинъ вывелъ его въ своихъ сценахъ «Альманашикъ» подъ именемъ Вевстыдина.

²⁾ № 3, 6 января, стр. 10—11.

тами для изображенія характера своихъ героевъ: едва-ли въ цѣломъ Петербургѣ найдется кто другой, могущій превзойти его въ этихъ двухъ свойствахъ. Но какъ ложь и хвастовство не поставляются въ наше время пороками, особенно въ такихъ людяхъ, которыхъ считаютъ пріятными въ обществѣ,—то и Л. Сапе былъ бы еще сносенъ, если бъ не имѣлъ многихъ другихъ худшихъ качествъ. Покойный Грибоѣдовъ удачно срисовалъ съ него многія черты для своего Загорьцаго, о которомъ сказалъ Чацкій:

При немъ остерегись—переносить гораздъ;

И въ карты не садись—продастъ!

Впрочемъ, если ты хочешь покороче съ нимъ познакомиться, то прочти въ *Сиріусъ* статью подъ названіемъ: „*Человѣкъ со вкусомъ*“.

Въ скверномъ и скучномъ альманахѣ „Сиріусъ“, изданномъ въ 1826 году тѣмъ же Бестужевымъ-Рюминымъ, находимъ указанную статью, принадлежащую самому издателю и такого же пасквильнаго содержанія и тона. „У меня есть“—пишетъ Бестужевъ-Рюминъ ¹⁾—„молодой знакомецъ Н. — *человѣкъ со вкусомъ*. Онъ знаетъ довольно много, но каждого весьма понемногу. Начиная съ повареннаго искусства до Астрономіи ему все извѣстно, по его словамъ, также хорошо, какъ таблица умноженія Магистру Математическихъ наукъ. Для поддержанія ученой о себѣ славы и мнимой образованности своей, онъ порицаетъ все безъ исключенія. Руководствуясь симъ правиломъ, полезнымъ для просвѣщенныхъ самозванцевъ, опаасающихся, при похвалѣ дурному, обличиться въ своемъ невѣжествѣ, онъ наблюдаетъ только то, дабы брань его не была по чему-либо непріятна для тѣхъ лицъ, которыми онъ дорожитъ. Въ семъ отношеніи онъ весьма остороженъ. Онъ, по моему мнѣнію, одаренъ отличнымъ вкусомъ *въ обществѣ*, полезнымъ ему только одному. Онъ пользуется сытными обѣдами и ужинами, бываетъ часто въ театрахъ, концертахъ, маскарадахъ, и платитъ за все это вовсе особенною монетою, то есть знаетъ, гдѣ похвалить, гдѣ похулить, гдѣ показать себя вѣжливымъ и услужливымъ. Ложь и хвастовство суть отличительныя свойства, на которыхъ основанъ существенный его характеръ: стыдъ знакомъ ему только по слуху. Онъ весьма пылокъ предъ хладнокровными, а предъ пылкими менѣе нежели хладнокровенъ. Онъ приходитъ въ домъ

¹⁾ «Сиріусъ», собраніе сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ. Издавъ М. А. Бестужевымъ-Рюминымъ. Книга первая. СПб., 1826, стран. 106—109.

къ Г* Б*, и какъ будто не слыша лаконическаго отвѣта лакея: *дома нѣтъ*, входитъ въ залъ, заставляетъ хозяина дома *дѣйствительно* уѣхать со двора, а самъ остается ожидать его возвращенія, зная, что Г* Б* расположенъ въ тотъ день непременно обѣдать дома. Онъ весьма разборчивъ въ обращеніи, ибо съ особами, заслуживающими уваженія по сану и достоинствамъ своимъ, но на знакомство съ которыми опытный вкусъ его въ *обществѣ* не имѣетъ особеннаго вліянія, онъ старается обращаться сколь можно короче, по-пріятельски жметъ имъ руку, хотя самъ не выше, кажется, четырнадцатаго класса; съ людьми же, благосклонностью которыхъ онъ имѣетъ причины дорожить, обращается такъ какъ сія послѣдніе ему позволяютъ и, при случаѣ, готовъ у нихъ, изъ особенной вѣжливости, замѣнить собою даже камердинера. Наконецъ и отецъ его былъ также, по видимому, *человѣкъ со вкусомъ*, ибо разсудилъ, что непріятно принадлежать къ племени, пользующемуся въ свѣтѣ не весьма выгоднымъ для себя мнѣніемъ, и... изъ Еврея сдѣлался Французомъ!¹

Въ „Сѣверномъ Меркуріи“ Бестужевъ-Рюминъ прямо раскрываетъ имя этого челоѣка, пользуясь очень прозрачною „шарадой“. „L. Саше“ было нѣкто Эльканъ, въ свое время хорошо извѣстный всему Петербургу. Всезнающій и всѣмъ знакомый, онъ знавалъ, между прочимъ, Пушкина и его родныхъ. Вотъ что рассказывала о немъ сестра поэта Ольга Сергѣевна своему сыну¹).

„Эльканъ—по происхожденію іерусалимскій гражданинъ, но выдававшій себя потомкомъ татарскаго или арабскаго владыки—навѣрное не знаю—Эль-хана, во время обычной своей прогулки по Невскому проспекту, остановленъ былъ пріѣхавшей изъ провинціи какой-то любительницей отечественной литературы—такъ называемымъ синимъ чулкомъ.

Принимая Элькана по нѣкоторому сходству за Александра Сергѣевича, синій чулокъ бросился къ нему съ слѣдующимъ привѣтствіемъ:

— „Боже мой! какъ я рада наконецъ встрѣтить васъ, мусье Пушкинъ! Какъ давно стремлюсь познакомиться съ вами, прочесть вамъ стихи мои, но никто не можетъ меня вамъ представить, и вотъ сама представляюсь“.

— Вы не ошибились,—отвѣтилъ Эльканъ,—точно такъ, я Пушкинъ; завтра утромъ буду васъ ждать у себя.

При этомъ Эльканъ сообщаетъ синему чулку адресъ Пушкина,

¹) Л. Павлищевъ. „Изъ семейной хроники. Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ“. М., 1890, стр. 107—108.

указывая и на часъ пріема—онъ и объ этомъ по своему всевѣдѣнію тоже зналъ, хотя съ Пушкинымъ встрѣчался только въ клубѣ.

Дама, разсыпаясь въ выраженіяхъ благодарности, проситъ, въ припадкѣ овладѣвшаго ею литературнаго восторга, позволенія тутъ же, на улицѣ, облобызать руку творца „Евгенія Онѣгина“, на что мнимый Пушкинъ изъясняетъ свое разрѣшеніе.

Можно судить, до какой степени была поражена дама, когда пожаловала на другой день къ настоящему Пушкину въ гости!

Картина.

— „Знаю, чьи эти штуки,—догадался Александръ Сергѣевичъ,—сильно Эльканомъ пахнетъ, но это ему даромъ не пройдетъ“.

Чѣмъ кончилась дальнѣйшая бесѣда съ злополучной дамой, я не знаю, — пишетъ Л. Н. Павлищевъ,—но Ольга Сергѣевна говорила, что братъ ея, встрѣтивъ Элькана на Невскомъ же проспектѣ, отпустилъ ему комплиментъ такого рода:

— *Escoutez Ell-Khhan*,—сказалъ онъ полушутя, напирая на якобы мусульманское произношеніе фамиліи шутника,—*si vous vous avisez dorénavant à jouer mon rôle, ce bâton-là* (онъ указалъ на свою палку) *jouera le sien sur vos épaules, en tout bien tout honneur*.

(Послушайте, Эль-Хханъ, если еще осмѣлитесь разыграть мою роль, то вотъ эта самая палка, по чести, разыграетъ на вашихъ плечахъ свою собственную).

Эльканъ, сознаваясь въ содѣянномъ грѣхѣ, обозвалъ приставшую къ нему даму шутихой, съ которой иначе де и поступить было нельзя, и при этомъ кстати разсказалъ Александру Сергѣевичу отрогательномъ обрядѣ цѣлованья руки на улицѣ.

Александръ Сергѣевичъ, захлебываясь отъ смѣха, разумѣется, переложилъ гнѣвъ на милость!

Въ началѣ 1836 г. Ольга Сергѣевна писала мужу ¹⁾: „встрѣтила Элькана. Такой же, какъ былъ. По-прежнему подражаетъ Александру въ костюмѣ, бакенбардахъ, даже въ походкѣ... Онъ очень уменъ и любезенъ“... Дѣйствительно продѣлка Элькана съ провинціальной поклонницей Пушкина совсѣмъ не глупа.

Кто былъ Эльканъ, неизвѣстно. Быть можетъ, сынъ того Л. Л. Элькана ²⁾, питомца Кенигсбергскаго университета, который былъ въ началѣ XIX столѣтія домашнимъ учителемъ въ Петербургѣ,

¹⁾ Тамъ же, стр. 410.

²⁾ Н. Ленцъ, „Учебно-воспитательныя заведенія, изъ которыхъ образовался Ришельевскій Лицей“, Одесса, 1903 г., стр. 108—109, 279—282, 2 85, 349 384—385.

затѣмъ служилъ по цензурному вѣдомству въ Ригѣ; потомъ былъ учителемъ въ Харьковской гимназіи, а потомъ преподавалъ въ Одесской коммерческой гимназіи и одно время исправлялъ должность ея директора; онъ былъ также въ числѣ издателей первой одесской газеты 1820 г., „*Messenger de la Russie Méridionale ou feuille commerciale*“ ¹⁾.

О петербургскомъ Эльканѣ мы не имѣемъ болѣе никакихъ свѣдѣній, кромѣ мимолетнаго упоминанія въ одной статьѣ К. А. Скальковскаго ²⁾, который знавалъ его въ шестидесятыхъ годахъ. „Въ благородномъ собраніи я познакомился съ популярнымъ тогда Эльканомъ, который звался вѣчнымъ жидомъ. Онъ былъ дѣйствительно по наружности жидъ, а лѣтъ ему не было счета, ибо о 12-мъ годѣ онъ говорилъ какъ о событіи вчерашняго дня. Подозрѣвали, что онъ агентъ III отдѣленія“.

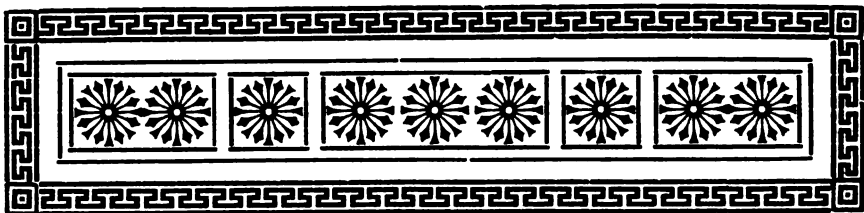
Дѣйствительно, въ Эльканѣ есть нѣкоторыя черты Загорьцкаго. Онъ неглухъ, услужливъ, вкрадчивъ, не страдаетъ избыткомъ самолюбія. Репутацію небезопаснаго человѣка, который „переносить гораздъ“, онъ сохранилъ отъ временъ Пушкина до шестидесятыхъ годовъ. Конечно, можетъ быть, Бестужевъ-Рюминъ, далеко не образецъ честнаго публициста, просто выдумалъ, что Грибоѣдовъ срисовалъ съ него многія черты Загорьцкаго, но, съ другой стороны, весьма возможно, что оно такъ и было, что Грибоѣдовъ зналъ Элькана, и эта своеобразная фигура, въ самомъ дѣлѣ похожая на Загорьцкаго, кое-что дала автору „Горя отъ ума“. Во всякомъ случаѣ, версія Бестужева-Рюмина, наиболѣе доказательная и принадлежащая современнику Грибоѣдова, гораздо правдоподобнѣе слуховъ, о которыхъ писалъ Гарусовъ.

Н. Л.

¹⁾ Н. Лернеръ. „Первая одесская газета“, Од., 1901, стр. 5—6.

²⁾ „По морю житейскому“—„Новое Время“ 1905 г., № 10448.

Русскій памфлетъ 1812 года.

(Къ библиографіи отечеств. войны).

Въ началѣ 1813 года появилась въ Москвѣ книжка неизвѣстнаго автора подъ заглавіемъ: *„Походъ Наполеона въ Россію и бѣгство его изъ оной. Собрано изъ достоверныхъ источниковъ. Москва 1813 г. Въ типографіи К. С. Всеволожскаго, 2 части“. 31+71 стр. 8 д. л.* Это патріотическій памфлетъ, имѣвшій цѣль агитационную, въ смыслѣ укрѣпленія въ русскомъ читателѣ ненависти къ „дерзкому корсиканцу“ и „звѣроподобнымъ галламъ“. Такой взглядъ неизвѣстнаго автора подтверждается почти на каждомъ шагѣ, ибо онъ повидимому не можетъ удержаться отъ полемическихъ выпадовъ, полныхъ самаго ядовитаго сарказма. Приведа напр. извѣстное „письмо Императора французовъ къ Прусскому королю“, въ которомъ Наполеонъ пишетъ: „краткость времени не позволяла мнѣ извѣстить Васъ о послѣдовавшемъ занятіи Вашихъ областей“—авторъ ставитъ подстрочное примѣчаніе: „Много на сіе надобно времени!“. Изъ „рѣчи“ Наполеона „къ князьямъ Рейнскаго союза“—подъ фразой: „Я поражу древнихъ тирановъ Европы“—примѣчаніе: „Увидимъ! Но какихъ тирановъ Европы? Русскіе никогда оными не бывали!“

Но шедевромъ въ смыслѣ памфлета является приложение въ концѣ книги подъ заглавіемъ: *„Наполеонъ, его родственники и исполнители его воли“*. Это приложение мы приводимъ цѣликомъ ¹⁾,

¹⁾ Съ сохраненіемъ ореографіи и оригинальнаго слога подлинника.

тѣмъ болѣе, что книга эта представляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость. Здѣсь патріотическое негодованіе по адресу Наполеона и близкихъ ему лицъ не знаетъ мѣры: всѣ мужчины—убійцы, грабители, воры и мошенники; всѣ женщины—особы „дурного поведенія“. Выраженія: „неистовой человѣкъ“, „величайшій злодѣй“, „воръ“, „женщина какой во всемъ свѣтѣ нѣтъ“ и т. п. являются эпитетами, неразрывно связанными съ главнѣйшими дѣятелями первой имперіи. Эти краткія, но сильныя характеристики слѣдуютъ непосредственно за біографіей каждого Наполеонскаго родственника, министра, маршала или генерала.

Не смотря однако на свою пристрастность и наивный тонъ, книга эта служитъ хорошимъ показателемъ настроенія, парившаго въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, тѣмъ болѣе, что издана она по частному почину, и вѣроятно на собственные средства автора или издателя, у котораго, какъ это видно изъ приложеннаго къ книгѣ каталога, былъ цѣлый складъ подобныхъ патріотическихъ произведеній.

Въ неизвѣстномъ авторѣ насъ подкупаетъ горячность чувствъ и несомнѣнная ихъ искренность,—явленія крайне важныя въ моменты народныхъ бѣдствій и большихъ войнъ; явленія къ несчастію не часто повторявшіяся въ послѣдующія эпохи. Въ 1812 году патріотическій пульсъ горячо бился во всѣхъ слояхъ русскаго общества и каждый, по силѣ своего разумѣнія и положенія, старался подѣлиться съ другими порывомъ своихъ гражданскихъ чувствъ. Великій, незабвенный годъ, когда Царь и подданный, господинъ и рабъ, объединились одною любовью къ родинѣ, одною ненавистью къ врагу!

К. Военскій.

Наполеонъ, его родственники и исполнители воли его.

Наполеонъ Бонапарте—похититель Престола, называемой Императоръ Французовъ, Король Итальянской, примиритель Швейцаріи и Протекторъ Рейнскаго союза—второй сынъ Карла Бонапарта, публичнаго нотаріуса города Аяччіо. Настоящимъ его отцомъ, по достовѣрнымъ извѣстіямъ, былъ Графъ Марбефъ Губернаторъ Корсики.

Наивеличайшій убійца; въ неистовствѣ, въ злодѣйствѣ, въ хитрой ядовитости, въ адскомъ мщеніи, въ непочитаніи священныхъ правъ, сей всемирный бичъ превосходитъ всѣхъ извѣстныхъ изверговъ Древней и Новой исторіи. По справедливому удостовѣренію Генерала Дюпона, первое смертоубійство сдѣлалъ онъ на шестнадцатомъ году, отравивъ ядомъ въ городѣ Бриеннѣ одну молодую дѣвицу, имъ обольщенную.

Іосифъ Бонапарте, Король Гиспанскій, произведенный Наполеономъ, какъ и многія другія, въ сіе достоинство, старшій сынъ Карла Бонапарта, былъ писаремъ у публичнаго нотаріуса въ Марсели, женатъ на дѣвицѣ Кларѣ ¹⁾, дочери Марсельскаго купца, торгующаго сукнами. Человѣкъ застѣчивой и нерѣшительнаго нрава.

Луціанъ Бонапарте, третій сынъ Карла Бонапарта, рожденъ также отъ Марбефа, совершенное имѣетъ сходство съ Наполеономъ, какъ по наружному виду, такъ и по душевнымъ свойствамъ. Былъ учительскимъ помощникомъ въ одной небольшой школѣ въ Марсели; жена его была дочь одного трактирщика въ Марсели, которую, думаютъ, что онъ отравилъ ядомъ. Потомъ женился на госпожѣ ле-Бертенъ, вдовѣ биржеваго маклера; сія женидба была причиною ссоры его съ Наполеономъ, почему и долженъ былъ онъ прибѣгнуть подъ покровительство Англіи.

Людвигъ Бонапарте, бывшій Король Голландскій, четвертый сынъ Карла Бонапарта, почему-то пришелъ въ немилость у Наполеона и—отставленъ. Женатъ на Гортензіи Богарне, дочери Іозефины, имѣетъ отъ нее двухъ сыновей, изъ коихъ одинъ—какъ говорятъ—прижитъ до брака съ Наполеономъ.

Геронимъ Бонапарте, Король Вестфальскій, пятый сынъ Карла Бонапарта, *человѣкъ молодой съ худымъ поведеніемъ.* Же-

¹⁾ Дезидеріи Кларѣ.

нать былъ на двѣицѣ Петерсонъ, изъ города Балтимора; но Наполеономъ разведенъ съ нею для политическихъ видовъ.

Летиція Раніоли, мать ¹⁾ Бонапартовой фамиліи, *женщина, какихъ мало*. На пятнадцатомъ году имѣла непозволенную связь съ однимъ католическимъ монахомъ. Будучи замужемъ за Карломъ Бонапартомъ, жила—для компаніи—у Графа Марбефа, съ коимъ прижила Наполеона и Луціана, а напослѣдокъ имъ брошена и содержала публичной... домъ въ Марсели.

Элиза Бонапарте, Великая Герцогиня Флорентинская, старшая сестра Наполеона, прежде была въ Марсели въ ученьи у Госпожи Рамбо, модной торговки, потомъ поступила въ публичной... домъ, послѣ того—по милости своего брата вышла замужъ за Генерала Бочиоки—который былъ маркеромъ въ одномъ трактирѣ, а нынѣ—Генералъ-Губернаторомъ Великаго Герцогства Флорентинскаго.

Паулина Бонапарте, Принцесса Боргезе, вторая изъ сестеръ Наполеона и одна изъ его любовницъ. На четырнадцатомъ году бѣжала съ однимъ капраломъ, по имени Червони, изъ дому матери своей; а въ 1796 году въ публичномъ... домѣ въ Парижѣ. Въ первомъ замужествѣ была за Генераломъ Леклеркомъ, который умеръ въ Сент-Домингѣ, потомъ выдана замужъ за Римскаго Князя Боргезе.

Каролина Бонапарте, Королева Неаполитанская, младшая сестра Наполеона, также одна изъ его любовницъ, какъ и сестра ее Паулина, и сверхъ того жившая съ братомъ своимъ Луціаномъ, отъ коего имѣла дитя. Подобной женщины вѣрно во всемъ свѣтѣ нѣтъ. Она была въ школѣ у Госпожи Рамбо въ Марсели.

Фешъ, Кардиналъ и Архіепископъ Ліонскій, дядя Бонапарта, воспитывался быть священникомъ, *но совратился и сдѣлался якобинцемъ и мошенникомъ*, за что выгнанъ изъ города Базеля. Потомъ былъ въ арміи фурьеромъ, послѣ военнымъ комиссаромъ, жилъ въ Парижѣ игрою и всякаго рода непристойностями, до того времени, какъ благочестивый племянникъ его принудилъ сего нещастнаго паки обратиться къ церкви и произвелъ Архіепископомъ Ліонскимъ и Кардиналомъ.

Евгеній Богарне, Вице-Король Италіанскій, сынъ Іозефины, человекъ довольно сноснаго нрава.

Гортензія Богарне, бывшая Королева Голландская, дочь Іозефины, женщина порядочная, замужемъ за Людвигомъ Бонапарте, впрочемъ до замужества имѣла связь съ Наполеономъ.

1) Летиція Рамолино род.. 1750†1836.

Іоахимъ Мюрать, Король Неаполитанскій, *величайшій и кровожаднѣйшій злодѣй*, сынъ трактирщика въ городѣ Кагоръ въ Провансѣ. Да и чего хорошаго можно ожидать отъ трактирщика—Короля? Первоначально онъ жилъ у извозчиковъ погонщикомъ, потомъ былъ при кухнѣ у Принца Конде въ Шантильи поваренкомъ: женатъ на Каролинѣ Бонапарте.

Государственные чиновники.

Камбассересъ, Герцогъ Пармской, Архиканцлеръ Имперіи, отличившейся республиканецъ, и тотъ самый, который послѣ несчастной кончины Людовика XVI, первой предложилъ присягу въ вѣчной ненависти къ Королевской власти. Человѣкъ съ посредственнымъ умомъ и черною душою.

Лебрюнъ, Герцогъ Піаченскій, Архиказначей Имперіи, отличившійся республиканецъ и самой злой человѣкъ.

Тайлеранъ - Перигоръ, Принцъ Боневентскій, Вице-Архиканцлеръ Государственный, прежде былъ Епископъ Отенскій происходитъ отъ старой дворянской фамиліи; человѣкъ съ довольнымъ умомъ, но безъ души; приобрѣтя чрезмѣрное богатство беззаконными путями, сдѣлался чрезвычайно скупъ.

Фуше, Герцогъ Отрантскій, Губернаторъ Римской, бывшій Министръ Полиціи, человѣкъ съ способностями, но съ развращеннымъ сердцемъ, недавно пришелъ въ немилость у Наполеона, за неисполненіе нѣкоторыхъ безразсудныхъ и неистовыхъ его приказаній, особливо въ разсужденіи арестованія генерала Серазена.

Шанпаньи, Герцогъ Кадорскій, Министръ внутреннихъ дѣлъ, прежде былъ Лейтенантомъ во флотѣ, человѣкъ съ малыми познаніями.

Маретъ, Герцогъ Бассанскій, Государственный Секретарь, аптекарской сынъ, *самобѣднѣйшей аптеки* человѣкъ посредственныхъ дарованій и знаній.

Коленкуръ, Герцогъ Виценцскій, Оберъ-Шталмейстеръ. Происходитъ отъ старинной дворянской фамиліи. Достойный исполнитель воли своего Властелина съ рабскимъ поведеніемъ.

Дюрокъ, Герцогъ Фріульскій, Оберъ-Гоф-Маршалъ, человѣкъ сносной, хотя никакихъ дарованій не имѣетъ; собою довольно красивъ и въ великой милости былъ у Іозефины...

Савари, Герцогъ де-Ровиго... Министръ Полиціи, *величайшій*

злой и известный бунтъ; онъ захватилъ и насильственнымъ образомъ увезъ Гишпанскую Королевскую фамилію. Бонапарте употребляетъ его во всѣхъ тайныхъ смертоубійствахъ, какъ-то: въ лишеніи жизни герцога Энгіенскаго, Генерала Пишегрю, Капитана Райта и проч.

Маршалъ Бессьеръ, Герцогъ Истрійскій, начальникъ Наполеоновой Гвардіи, происходитъ отъ французской старинной фамиліи, и до Гишпанской войны былъ человѣкомъ хорошихъ свойствъ, а теперь соображается съ характеромъ Бонапарте.

Маршалъ Викторъ, Герцогъ Беллунскій, прежде былъ барабанщикомъ въ старой французской службѣ, и для злота Корсиканца *готовъ на всякія злодѣянія.*

Маршалъ де-Февръ, Герцогъ Данцигскій, прежде былъ солдатъ старой французской службы, потомъ—извѣстнымъ разбойникомъ; *человѣкъ весьма подлаго и самое грубаго обхожденія.* Герцогиня до сего была прачкою въ солдатскихъ казармахъ въ Стразбургѣ, *идъ ее за благосклонность многіе хвалили.*

Маршалъ Келлерманъ, Герцогъ де-Вольней ¹⁾, прежде былъ офицеръ старой французской службы, почитается за посредственного вонна и человѣкъ обыкновенной.

Маршалъ Мармонтъ, Герцогъ Рагузскій, дворянинъ весьма старой фамиліи, женатъ на дочери Господина Периго, знаменитаго Парижскаго Банкира.

Маршалъ Удино, Герцогъ Реджіо, первоначально былъ у отца свсего арлекиномъ при площадномъ театрѣ на бульварѣ въ Парижѣ; *человѣкъ неистовый* и самый жестокосердый.

Маршалъ Макдональдъ ²⁾, родомъ Шотландецъ, до революціи служилъ Офицеромъ въ Ирландскомъ Легіонѣ.

Маршалъ Периньонъ, дворянинъ старинной фамиліи, былъ Генераломъ въ старой Французской службѣ.

Брюнъ, бывшій Министръ Французскій, первоначально былъ поденщикомъ въ типографіи; *неистовой человѣкъ*, тотъ самый, которой въ 1792 году въ Парижѣ, носилъ по улицамъ и показывалъ голову и сердце Герцогини Ламбальской; у Корсиканца пришелъ въ немилость и заключенъ въ темницу; по всѣмъ вѣроятностямъ полагать можно, что онъ давно умерщвленъ ³⁾.

¹⁾ Герцогъ Вальми.

²⁾ Герцогъ Тарентскій. К. В.

³⁾ Предположеніе автора книги дѣйствительно сбылось, хотя и позже, такъ какъ 2 августа 1815 г. маршалъ Брюнъ былъ дѣйствительно умерщвленъ чернью въ Авиньонѣ и тѣло его брошено въ Рону. К. В.

Журданъ, бывшій французскій Маршалъ, недавно пришелъ въ немилость у Бонапарта и выключенъ изъ списка Маршаловъ французскихъ.

Генералъ Жюно, Герцогъ Абрантесскій, первоначально былъ лакей, потомъ гренадеръ Французской Гвардіи; *самый провожаждущій, жестокосердный и неистовый человекъ.*

Генералъ Себастіани, Графъ Имперіи, родомъ Корсиканецъ, родня Наполеоновой Фамиліи, одинъ изъ вѣрнѣйшихъ любимцевъ Бонапарта, *человекъ провожаждущій и злой.* Обыкновенно употребляемъ бываетъ въ тайныхъ смертоубійствахъ.

Генералъ Гуленъ, Графъ Имперіи, Губернаторъ въ Парижѣ, во время революціи во всѣхъ убійствахъ въ ономъ городѣ былъ онъ начальникомъ; *не однократно бывалъ уличенъ въ мошенничества, въ дѣланіи фальшивой монеты и разныхъ злоупотребленіяхъ.*

Генералъ Барагай д'Иліеръ (Baraguai-d'Hillier), Графъ Имперіи, родомъ изъ дворянъ, но *человекъ негодный*; Роберспьеромъ и Бонапартомъ употребляемъ былъ шпиономъ и потому въ великой милости у Корсиканца.

Генералъ Луазонъ, Графъ Имперіи, Губернаторъ въ Бонапартовомъ дворцѣ, *сынъ подлая, маловажнаго человека, до революціи уличенъ былъ въ смертоубійствахъ и разбояхъ; права самую инуснаго.*

Генералъ Рапъ, Графъ Имперіи, первый адъютантъ Наполеона, первоначально *былъ лакей, а потомъ солдатъ*; человекъ посредственнаго ума.

Генералъ Андреоси, Графъ Имперіи, происходитъ отъ старинной фамиліи, человекъ съ обыкновенными дарованіями.

Военные чиновники.

Маршалъ Бертъе, Принцъ Нефшательскій и Ваграмскій, Вице-Конетабль Франціи, Генералъ прежней Французской службы, родомъ дворянинъ, человекъ съ порядочными воинскими дарованіями; всегда былъ главною опорою Бонапарта, кому всѣ побѣды и грабительства Корсиканца приписаны быть могутъ.

Маршалъ Массена, Принцъ Есмингенскій, Герцогъ Ривольскій, первоначально былъ сержантъ въ арміи Короля Сардинскаго, отъ котораго бѣжалъ, за что и былъ наказанъ; *нрава и расположенія не добраго, великой охри и чрезвычайной грабитель.*

Маршалъ д'Аву, Принцъ Екмюльскій и Герцогъ Ауерштедскій, *человѣкъ свойствъ самыхъ дурныхъ; величайшій варваръ, кровожаденъ, сребролюбивъ и чрезвычайно неустовъ*, словомъ сказать: походить на своего повѣлителя.

Маршалъ Ожеро, Герцогъ Кастиліоне, *человѣкъ свойствъ самыхъ нуснѣйшихъ*, былъ два раза публично сѣченъ, заклеименъ на спинѣ отъ Французской Полиціи въ родѣ атестата—и сосланъ на галеры, *какъ извѣстный воръ и разбойникъ*; бѣгалъ почти изъ всѣхъ армій въ Европѣ, гдѣ ни служилъ, чрезвычайно богатъ и почитается изъ всѣхъ Маршаловъ Французскихъ—хотя они и всѣ таковы - грабителемъ величайшимъ.

Маршалъ Монсей, Герцогъ Коннеліано, прежде былъ лакеемъ, *за многія шалости наказанъ*, человѣкъ обыкновенный и никакихъ воинскихъ талантовъ не имѣеть.

Маршалъ Сультъ, Герцогъ Далматскій, почитается въ числѣ посредственныхъ офицеровъ французской службы. Прежде *былъ извѣстный воръ*, потомъ простой солдатъ; *неустовый и жестокосердый человѣкъ*. Герцогиня Далматская была женщиною дурнаго поведенія. Родилась въ Вестфалии.

Маршалъ Мортъе, Герцогъ Тревизскій, былъ прикащикомъ у купца въ Дюнкеркѣ, во время революціи, произведенъ сержантомъ Національной Гвардіи, военныхъ способностей никакихъ не имѣеть, но *по удивительной своей злости чрезвычайно раззорилъ Ганноверъ*. Жена его Герцогиня Тревизская была трактирщикова дочь.

Маршалъ Ней, Герцогъ Эльхингенскій, первоначально былъ конюхъ въ публичной конюшнѣ въ Парижѣ, изъ коей бѣжалъ, укравъ двухъ лошадей, и теперь *ни что иное, какъ совершенный разбойникъ*. Жена его Герцогиня Эльхингенская была любовницею Луціана Бонапарта, и нынѣ ведетъ жизнь непорядочную.

Генералъ Вандамъ, Графъ Имперіи, Комендантъ въ Булони, *неустовой, кровожаждающій злодѣй*. За разбойничество въ Касселѣ (мѣсто его рожденія), сосланъ былъ на галеры, но бѣжалъ съ оныхъ. Выключенъ изъ службы Генераломъ Моро за дурные поступки, но принятъ въ оную Корсиканцемъ.

Генералъ Дюпонъ, въ Бріеннѣ учился въ школѣ вмѣстѣ съ Бонапартомъ, но нынѣ разжалованъ и заключенъ въ темницу, за то, что отдался Гншпанцамъ при городѣ Байланѣ въ 1809 году, въ Маѣ мѣсяцѣ.

Въ томъ же 1813 году, въ Германіи, въ ряду безчисленныхъ памфлетовъ на Бонапарта, ходилъ по рукамъ слѣдующій акростихъ имени Наполеона:

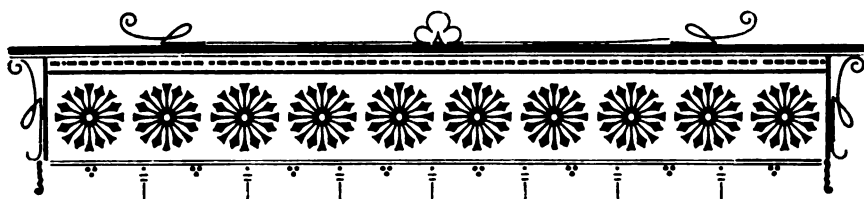
Nemo fuit
Augustus evenit
Populos spoliavit
Orbem turbavit
Libertatem oppressit
Ecclesiam destruxit
Omnis esse voluit
Nemo erit ¹⁾.

Сообщилъ К. Военскій.

¹⁾ Былъ никто. Сталъ Августѣйшимъ (императоромъ). Народъ раззорилъ. Міръ смутилъ. Свободу подавилъ. Церковь разрушилъ. Хотѣлъ быть всѣмъ. Будетъ ничто.

К. В.

Бытовые очерки прошлого.

По архивным документамъ.

Самовластіе галичскаго воеводы и отпоръ духовенства въ 1676 г. ¹⁾.

Бытъ русскаго духовенства старой Руси до эпохи преобразований и учрежденія Св. Синода, не какъ института, стойко державшаго въ странѣ въ теченіе почти тысячелѣтія православіе, передававшаго его изъ поколѣнья въ поколѣнье и вызвавшаго многія цѣнныя изслѣдованія по исторіи церкви, а изученіе его внутренней жизни, отношенія къ другимъ сословіямъ и начальствующимъ лицамъ, подробности правъ, которыя духовенство имѣло, и обязанностей, которыя оно должно отправлять и дѣйствительно выноляло,—всѣ эти стороны очень мало извѣстны въ исторической литературѣ.

Предлагаемый очеркъ, извлеченный изъ дѣлопроизводства Приказнаго стола Разряда, освѣщаетъ нѣкоторыя бытовые черты изъ жизни духовенства въ то сложное для него время, въ тотъ „переломъ“, который начался въ русскомъ обществѣ отъ исправленія патріархомъ Никономъ богослужебныхъ книгъ и въ суровыхъ формахъ продолжался до конца XVIII. Документъ интересенъ еще тѣмъ, что даетъ разговорный языкъ послѣдней четверти XVII в. и, порою, тѣ своеобразныя выраженія, которыми тогда обмѣнивались между собою современники.

¹⁾ Моск. Архивъ Мин. Юст. Столбецъ Приказнаго стола Разряда № 447, склейки 1—310. Собственныя и географическія имена и все содержаніе очерка является обработкой документа, передавая безъ прикрасть то, что было.

I.

Въ 1675—1676 годахъ въ городѣ Галичѣ, довольно видномъ административномъ центрѣ, воеводствовалъ Порфирій Ѳеодоровичъ Рахманиновъ. Ладилъ онъ съ мѣстными помѣщиками, уѣздными разнаго чина людьми, не ссорился и съ посадскими, хотя послѣдніе по причинамъ, которыя будутъ видны ниже, и не долюбивали воеводу. Не могъ только ужиться Порфирій Ѳеодоровичъ съ мѣстнымъ духовенствомъ. Потому ли, что Рахманиновъ, служившій ранѣе въ Малороссіи и тамъ учившійся, считая себя „просвѣщеннымъ ученіемъ“, глядѣлъ на галичское духовенство свысока, а оно, занимавшееся обученіемъ обывателей, въ свою очередь не особенно признавало воеводу за носителя просвѣщенія, только отношенія были между ними натянутыя. Начались они тотчасъ же по опредѣленіи Рахманинова воеводою и по прибытіи въ Галичъ.

За нѣсколько дней до его пріѣзда, еще при прежнемъ воеводѣ Мусинѣ-Пушкинѣ, произошло событіе, взволновавшее весь Галичъ. Къ церкви Василя Великаго былъ опредѣленъ „попъ“ ¹⁾ Логинъ Ивановъ, сынъ мѣстнаго посадскаго человѣка. Много разъ служилъ онъ въ церкви и, стоя въ алтарѣ, часто глядѣлъ онъ на образъ Знаменія и ему казалось, что икона эта „была въ забвеніи многое время“. 1 ноября, въ день празднованія Безсребнниковъ Космы и Даміана, онъ также служилъ обѣдню и думалъ, что скоро приближается праздникъ Знаменія. Въ самомъ концѣ службы, послѣ заключительной молитвы, едва онъ вошелъ въ алтарь, какъ ему послышалось, что отъ образа Знаменія „было стenanіе и въ глазахъ явились слезы“. Внѣ себя Логинъ Ивановъ выбѣжалъ изъ церкви, поднялся на колокольню и началъ благовѣстить „вспокошнымъ звономъ“.

Сбѣжались архимандриты, священники и всякихъ чиновъ люди.

— Чудо, чудо!—восклидалъ имъ Логинъ, увлекая всѣхъ въ алтарь.

Весь трясаясь, подвелъ онъ присутствовавшихъ къ иконѣ Знаменія.

— Слышите! видите!—продолжалъ восклицать онъ.

Бывшіе отвѣтили отрицательно. Тогда Логинъ сказалъ, что

¹⁾ Въ документѣ въ единств. числѣ вездѣ употреблено „попъ“, тогда какъ во множественномъ—„священники“.

слышать отъ иконы „стенаніе и видитъ слезы и сейчасъ“, сталъ спрашивать въ отдѣльности каждаго и получалъ такой же отрицательный отвѣтъ. Его кое-какъ успокоили, но долгое время порой ему казалось чудо, порой нѣтъ.

О случаѣ этомъ донесли патріарху, нмѣ было сдѣлано распоряженіе освидѣтельствовать дѣло; а послѣ того, по донесеніи изъ Галича подробностей, приказано было „старостѣ поповскому усовѣщевать“ Логина, внушать ему, что чуда нѣтъ.

Окончаніе этого дѣла и совпало съ пріѣздомъ въ Галичъ новаго воеводы Порфирія Ѳедоровича Рахманинова. Едва стало ему извѣство объ исторіи съ чудомъ отца Логина, какъ онъ, въ присутствіи многихъ лицъ, въ томъ числѣ и „старосты посадскаго“, съ гнѣвомъ закричалъ:

— Попы—плуты! они равны борзымъ собакамъ! Если бы я сидѣлъ на здѣшнемъ патріаршемъ десятильничѣ дворѣ, то бы попа Логина на цѣпь посадилъ.

Ему никто ничего не отвѣтилъ, но въ тотъ же день его слова стали извѣстны почти всему городу, и новый воевода сразу нажилъ себѣ непріятелей въ средѣ мѣстнаго духовенства и посадскихъ.

II.

Года два спустя послѣ дѣла Логина Иванова, къ Порфирію Рахманинову стали поступать грамоты изъ Москвы о понужденіи помѣщиковъ Великосельской волости къ доставкѣ положеннаго стрѣleckаго хлѣба. Срокъ былъ уже пропущенъ, но великосельцы обязались подпиской приготовить хлѣбъ къ новому сроку; въ поручителяхъ за помѣщиковъ, а частью и вслѣдствіе ихъ неграмотности подписались на подпискѣ той же волости Ильинскій, попъ Фролъ и его сынъ Иванъ. Воевода же Рахманиновъ, не дождавшись дня новаго срока, послалъ команду въ Великосельскую волость за названными попомъ и его сыномъ и велѣлъ въ Галичъ посадить ихъ въ приказной избѣ на цѣпь.

— Отпусти ихъ, Порфирій Ѳедоровичъ, вѣдь вины ихъ нѣтъ!— просилъ за заключенныхъ поповскій староста „попъ“ Артемій.

— Садись самъ на ихъ мѣсто на цѣпь—тогда свободу,—отвѣчалъ воевода.

Стрѣлецкій хлѣбъ къ второму сроку помѣщиками былъ уже

доставленъ, Рахманинову ими было сообщено о томъ, но онъ продолжалъ Фрола съ сыномъ держать на цѣпи.

— Придетъ съ Москвы изъ приказа грамота, что хлѣбъ изъ Галича полученъ, тогда выпущу,—говорилъ Порфирій Ѳеодоровичъ и слово свое сдержалъ; но между духовенствомъ въ городѣ и въ уѣздѣ поднялся на него сильный ропотъ.

Одной изъ самыхъ тяжелыхъ обязанностей воеводы считалась такъ называемая „ямская гонба“, или нарядъ лошадей для исполненія разныхъ государевыхъ дѣлъ. Въ 1672 г. Порфирію Рахманинову было спѣшно предписано переправить изъ Сибири въ Москву прибывшую „мягкую рухлядь“, т. е. мѣха, но когда „рухлядь“ доставили къ Рахманинову, большинство галичскихъ ямщиковъ разбѣжалось, и воевода къ сроку рухляди послать въ Москву не могъ, потому что „подводъ не было“, за это нерадѣніе ему въ отпискѣ князя Жирового-Засѣкина былъ объявленъ „государевъ“ гнѣвъ изъ Москвы.

Поэтому, когда воевода на именинахъ у „своего друга“¹⁾, какъ сказано въ документѣ, у Царя—Константиновскаго „попа“ Петра встрѣтился съ двумя „попами“ Николаевскимъ Яковомъ и Варварскимъ Порфирьемъ, братья которыхъ были ямщиками, то не выдержалъ и съ досадой имъ сказалъ:

— Стали вы, Яковъ и Порфирій, въ попы, утая свою прежнюю службу въ ямщикахъ; а по указу святѣйшаго патріарха, такихъ людей сыскивая, снимаютъ съ нихъ скуфы и отдаютъ въ старый чинъ.

— Вѣдомо тебѣ, Порфирій Ѳеодоровичъ,—спѣшили возразить одинъ за другимъ Яковъ и Порфирій, что отецъ нашъ и братья и нынѣ въ ямщикахъ, но сами мы ими не бывали, а къ церквамъ поставлены по челобитнымъ приходскихъ людей, а ямщиковыми ли дѣтьми мы написаны въ той челобитной, про то не знаемъ.

— А про васъ слухъ шелъ, съ усмѣшкой замѣтилъ воевода,—что при вашемъ прошеніи въ „попы“ митрополитъ Сарскій и Подонскій Павелъ, узнавъ, что вы ямщиковы дѣти, выгналъ васъ изъ крестовой вонъ.

— То явная неправда!—воскликнули братья. Всѣмъ вѣдомо, что мы ставлены въ попы блаженные памяти великимъ господиномъ, святѣйшимъ Іоасафомъ патріархомъ Московскимъ и всеа

¹⁾ Единственнаго священника изъ всего галичскаго духовенства, добродетельно относившагося къ воеводѣ.

Россіи, и мы тебѣ, Порфирій Ѳеодоровичъ, можемъ объявить ставленную и переходящую грамоты.

Воевода замолчалъ; на этомъ пока дѣло и остановилось, но его неудовольствіе на „поповъ“ братьевъ вскорѣ разгорѣлось съ новою силою.

Въ Галичѣ при городскихъ воротахъ сторожемъ, или, какъ указано въ документѣ, „воротникомъ“ находился нѣкто Любимъ Шущинъ. Извѣстенъ онъ былъ не столько, какъ надежный стражъ при вратахъ, сколько—какъ отчаянный „бражникъ“. Не проходило ни одного праздника или мало мальски выдающагося событія, чтобы „Любимко“, какъ называли его въ городѣ, не нашелъ случая напиться. Человѣкъ онъ былъ еще не старый и жилъ у матери, вдовы также бывшаго воротника.

Вотъ этотъ-то Шущинъ, по примѣру предшествовавшихъ лѣтъ, на первой недѣлѣ Великаго поста въ понедѣльникъ съ мѣшкомъ на спинѣ, въ которомъ наложены были коренья рѣдки и хрѣну, началъ обходить дома знакомыхъ галичскихъ обывателей, поздравляя ихъ съ „чистымъ понедѣльникомъ“ и лукаво поднося при этомъ хрѣнъ и рѣдку. Вездѣ его за то подчивали виномъ. Конечно, первый его „подносъ“ былъ воеводѣ Рахманинову, и отъ него онъ также не остался безъ угощенія.

Но ночью того же дня, когда „Любимка“ „привезли“ домой мать его замѣтила, что съ сыномъ творится недоброе: онъ метался на постели, лицо его побагровѣло, глаза налились кровью.

Утромъ же къ Николаевскому „попу“ Якову, у котораго отецъ былъ ямщикъ, и въ приходѣ котораго жилъ „Любимко“ Шущинъ, явился малый съ просьбою отъ матери причастить воротника.

Когда „попъ“ Яковъ пришелъ въ помѣщеніе Шущина, то увидѣлъ, что дядя Любимкинъ отливаетъ его на постели полураздѣтаго изъ ковша водою, а мать воротника „льетъ ему попеременно въ ротъ деготь и деревянное масло“.

— Что вы дѣлаете!—вскрикнулъ Яковъ, онъ отъ вина весь сгорѣлъ; дайте ему покой, онъ отходить. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ „Любимко“ умеръ.

Для черезъ два, когда воевода Рахманиновъ только-что вошелъ въ приказную избу, къ нему повалилась въ ноги мать Любима Шущина.

— Защити, батюшка, Порфирій Ѳеодоровичъ, отъ попа Якова: не хочетъ онъ моего Любимка хоронить; знатно, ждетъ отъ меня десяти рублей!—вопила она передъ воеводою.

*

— Ступай домой!—сказалъ ей воевода,—я его заставляю отпѣть Любимка.

Черезъ часъ въ приказной избѣ передъ воеводою стоялъ Николаевскій попъ Яковъ, вызванный приставомъ.

— Отчего ты не хочешь погresti тѣло Любимково!—закричалъ на него воевода,—посулу десять рублей просишь?

— Для такихъ людей, какъ Любимка, сгорѣвшихъ отъ вина, намъ приказъ былъ: не хоронить безъ похоронной памяти патріарша въ Галичѣ намѣстника—архимандрита Сильвестра.

— Онъ такой же плутъ, какъ и вы всѣ попы,—а я тебѣ приказываю тотчасъ же его отпѣть.

— Если доставишь архимандричью похоронную память, то я готовъ отпѣть Любимка хоть сегодня,—спокойно отвѣтилъ ему „попъ“ Яковъ, кланяясь и идя изъ приказной избы.

— Подождите, вотъ я вамъ задамъ „архимандрита!“—злобно въ слѣдъ Якову кричалъ Рахманиновъ.

Въ тотъ же день, едва Яковъ окончилъ вечерню, какъ къ нему въ церковь вошли пристава 5 человекъ во главѣ съ Калинкой Лютовымъ и, выталкивая его изъ церкви, повели къ приказной избѣ „съ безчестьемъ“.

Услышавъ шумъ на улицѣ, изъ дома „попа“ Якова выскочила его жена и дѣти.

— Убирайтесь во дворъ, змѣинино отродье!—пригрозилъ имъ кулакомъ Калина Лютовъ,—не то и васъ всѣхъ заберемъ.

Семья о. Якова въ страхѣ бросилась домой.

Въ приказной избѣ „за карауломъ“ стоялъ уже братъ Якова „попъ“ Порфирій, когда взятаго изъ церкви привели сюда.

— Не единожды посылалъ я къ вамъ обоимъ объ уплатѣ „полонянничныхъ денегъ“,—велю силой теперь доправить!—съ гнѣвомъ кричалъ воевода.

— Тебѣ, Порфирій Ѳедоровичъ, вѣдомо, что мы государевой руги за полгода не получали, ты намъ ее не выдавалъ; мы уже тебѣ сказывали, что изъ нашей руги уплатимъ и полонянничныя деньги,—отвѣтилъ „попъ“ Яковъ.

— Вамъ только пить да бряжничать, а не о государевыхъ сборахъ заботиться!—вновь кричалъ Рахманиновъ.—Посади ихъ, Калина, на цѣпь на три дня да покрѣпче, а на четвертый въ эту пору отправь ихъ съ моею отпискою подъ началъ въ Паисинъ монастырь.

— Богъ тебѣ судья! Онъ нашъ защитникъ,—со вздохомъ отвѣтилъ воеводѣ одинъ изъ братьевъ.

Цѣлые три дня они просидѣли на цѣпи въ приказной избѣ. Потомъ съ подьячимъ Саввою Сыдавнымъ, подъ карауломъ, были отправлены, какъ говорилъ воевода, въ монастырь, но съ дороги ихъ вернули назадъ. Оказалось, что за братьевъ вступился архимандритъ Сильвестръ: церкви три дня стояли безъ службы, и онъ съ прихожанами явился къ воеводѣ и убѣдилъ его „для преосвященныя литургіи“ отпустить на свои мѣста Якова и Порфирія. Оказалось также, что государева руга на все духовенство Галича была давно уже прислана, но Рахманиновъ раздачею ея не торопился...

III.

Въ Галичскомъ уѣздѣ въ имѣніи Ивана Воронова въ деревнѣ Бачмановой оказалась „чреватой“ вдова крестьянка Авдотьица Ильина; на „очной ставкѣ“ былъ обнаруженъ и ея соблазнитель крестьянинъ той же деревни, еще молодой парень Васька Панфиловъ, приходившійся шуриномъ священнику Григорію отъ церкви Василія Великаго въ Галичѣ. Женка была взята въ Галичъ на „патріаршъ десятильничъ дворъ“ и сюда же былъ присланъ ея возлюбленный Панфиловъ. Отцу Григорію, какъ родственнику послѣдняго, было поручено отъ десятильнича двора „усовѣщевать“ ихъ обоихъ. Около мѣсяца сидѣла на патріаршѣ дворѣ вдова Авдотьица, часто приходилъ къ ней о. Григорій вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Петромъ, призывалъ къ себѣ Василія Панфилова, приносилъ имъ ѣды и даже вина и склонялъ вдову и Панфилова къ браку. Какимъ-то образомъ объ этомъ кормѣ стало извѣстно воеводѣ Рахманинову. Онъ тотчасъ же послалъ къ архимандриту Сильвестру отписку, „по указамъ которыя женки породятъ младенцевъ не въ бракѣ, и тѣмъ чинить наказанье кнутомъ и батогами“. Указывая, что вдовѣ Авдотьицѣ „чинится во всемъ противъ указовъ ослабленіе“, Рахманиновъ предлагалъ Авдотьицу заковать въ желѣза, угрожая въ противномъ случаѣ отобрать ее къ себѣ въ приказную избу.

Прошла недѣля. 25 мая вечеромъ у вдовы Авдотьицы вновь были отецъ Григорій съ сыномъ, былъ и Панфиловъ, „пили всѣ пиво и тайно между собою говорили“, какъ показалъ сторожъ десятильнича двора Стенька Ивановъ. Послѣ ухода Панфилова и о.

Григорія съ сыномъ, сторожъ заглянулъ въ пазбу: Авдотьицы не было, онъ сталъ ее звать — никто не откликнулся, выбѣжалъ на дворъ — и здѣсь ея не оказалось. Тогда онъ вышелъ на улицу и ему показалось, что тѣнь Авдотьицы была видна бѣжавшею къ Галичскому озеру. Сторожъ былъ очень старъ; походилъ еще кое-гдѣ и вернулся домой. Утромъ же о побѣгѣ Авдотьицы донесъ архимандриту.

Еще черезъ недѣлю изъ Галичскаго озера вытащили утопленницу, скованую въ желѣзахъ. Лицо ея вздулось и посинѣло, носторожъ Ивановъ по лицу и по онучамъ, въ которыхъ ушла съ десятильничя двора вдова Авдотьица, узналъ въ утопленницѣ свою бывшую сидѣлку, убѣжавшую вечеромъ 25 мая.

Что заставило бѣдную беременную женщину покончить съ собою: угроза ли Рахманинова, разладъ ли съ своимъ возлюбленнымъ, изъ дѣла не видно; на чьей совѣсти остались двѣ погубленные человѣческія жизни, не выяснено, но галичское духовенство послѣ случая съ Авдотьицей стало говорить, что „воевода въ ихъ дѣла вступается самовольно“.

IV.

8 іюня 1676 г., въ день празднованія ангела государя — Теодора Студита, послѣ литургіи и молебна въ соборной церкви, воевода Порфирій Теодоровичъ Рахманиновъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ двухъ архимандритовъ: Паисія монастыря — Сильверста, „которому велѣно вѣдать всякія духовныя дѣла въ Галичѣ и въ уѣздѣ“, и Городецкаго монастыря — Іосифа; были приглашены также многіе помѣщики, нѣсколько священниковъ, болѣе видные посадскіе люди съ своимъ старостой Ильей Херовымъ, всего, по выраженію документа, „гостей, друзей и хлѣбоядцевъ до 50 чело-вѣкъ“.

Хмѣльные напитки во время обѣда подавались въ изобиліи; на столахъ, кромѣ другихъ кушаній, стояли „блюда съ студнями“. Въ срединѣ обѣда, „въ полъ-стола“, какъ сказано въ документѣ, въ горницу вошелъ 16-ти лѣтній сынъ помѣщика Френева Максимъ, жившій у Рахманинова и „носившій его платье“. Онъ учился грамотѣ у дьякона церкви Царя Константина Якова, также присутствовавшаго на обѣдѣ.

— Что жъ ты выучилъ ли, Максимъ: буки-азъ-ба, буки-икъ-би, глаголь-икъ-ги?—обратился воевода къ вошедшему:—всю ли азбуку выучилъ?

— Нѣтъ, только половину—отвѣтилъ Максимъ.

— Ходилъ съ января по май—и только половину!—съ усмѣшкой произнесъ воевода:—а у насъ на Украинѣ также учатъ „буки-икъ-би“, и моего сына деревенскій попъ въ четыре мѣсяца совсѣмъ выучилъ; а вамъ, надо быть, только бражничать! рѣзко крикнулъ Рахманиновъ, поглядывая на дьякона Якова.

Архимандритъ Сильверстъ поднялся было съ лавки, но потомъ, покачавъ головою, сѣлъ молча на свое мѣсто, и обѣдъ пошелъ своимъ чередомъ.

По окончаніи же обѣда, когда „попъ“ Ермолай и воеводинъ другъ „попъ“ Петръ, по отпускѣ, стали возглашать: „Слава Отцу и Сыну и Святому Духу!“—Рахманиновъ, качаясь на ногахъ, обратился къ нимъ и громко сказалъ:

— Всѣмъ вы этотъ стихъ, кому и не нужно, говорите!

— Перестань, Порфирій Ѳеодоровичъ, ты говоришь худо,—замѣтилъ ему „попъ“ Петръ.

— А я опять скажу: говорите-де вы тотъ стихъ всѣмъ, того не разумѣючи!—съ гнѣвомъ крикнулъ воевода, топнувъ ногою.

При этихъ словахъ „соборный попъ Логинъ, разсердившись на воеводу, сталъ ходить по горницѣ и плевать“.

— Пойдемъ, отецъ Іосифъ,—обратился Сильвестръ къ другому архимандриту: что принадлежитъ Богу, здѣсь стали примѣнять къ естеству. И, взявши за руку, потащилъ его изъ комнаты.

— Ступай, ступай: попамъ потатчикъ!—крикнулъ имъ Рахманиновъ въ слѣдъ такъ, что всѣ присутствовавшіе слышали.

Воевода качаясь направился къ себѣ въ спальню, а черезъ нѣсколько минутъ разошлись и его „гости“.

V.

Въ числѣ братіи Паисина монастыря, гдѣ архимандритомъ былъ главный поповскій староста Сильвестръ, находился іеромонахъ Іосифъ.

Отецъ этого іеромонаха былъ въ Галичѣ воротникомъ, а самъ онъ въ 30-лѣтнемъ возрастѣ, женившись, „по заручной мірской

челобитной“ поставленъ былъ въ священники церкви Кузьмы и Даміана въ Равдикъ стану Галичскаго уѣзда; черезъ нѣсколько лѣтъ перешелъ въ священники въ Москву въ Георгіевскій дѣвичій монастырь, потомъ къ церкви Николая Чудотворца, „что у Таган-ныхъ воротъ“. Здѣсь онъ выдалъ дочь свою замужъ за подьячаго Пушкарскаго прихода Юрья Меркурьева. Овдовѣвъ, передалъ домъ свой зятю и ушелъ въ Троицкій Сергіевъ монастырь, гдѣ постригся. Узнавъ, что зять выгналъ его дочь изъ дома, вернулся въ Москву, побилъ зятя и послѣ долгой волокиты въ судахъ помирился съ зятемъ и вернулся въ Сергіевъ монастырь. Отсюда перешелъ на родину въ Галичскій Паисинъ монастырь и уже лѣтъ съ 6 состоялъ въ числѣ старшей братіи, будучи очень любимъ своимъ архимандритомъ Сильверстомъ.

Сына своего Ивана Іосифъ опредѣлилъ дьякономъ въ соборную церковь, женивъ на дочери священника отъ церкви Михаила Архангела Гура Андреева. Но сынъ его, очевидно, не ладилъ съ женою, потому что какъ-то ночью, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1676 г., она, забравъ многіе пожитки мужа и его отца, а ея свекра, указаннаго іеромонаха Іосифа, находившіеся у нихъ на храненіи, убѣжала къ отцу Гуру Андрееву. Когда къ послѣднему явился Іосифъ, онъ не только не отдалъ ему вещей сына, но и его собственныхъ. Іосифъ, бывъ отъ природы сильнымъ человѣкомъ, „жестоко“ побилъ и свою невѣстку и ея отца. Тотъ пожаловался на него архимандриту Сильвестру и, наконецъ послѣ долгихъ уговоровъ той и другой стороны, они заключили „мировую челобитную“, и іеромонахъ Іосифъ, послѣ ея подачи 10 іюля, послѣ вечерень возвращался съ „Галичскаго патріаршаго десятильничьяго двора“.

Но едва Іосифъ появился на улицѣ, какъ пошелъ дождь. Старецъ остановился и, переждавъ его, двинулся дальше; однако нашла новая туча, опять полилъ дождь, и Іосифъ вновь остановился „близъ Успенской башни на лугу, не доходя Кузнецкой улицы“. Тутъ только онъ замѣтилъ, что за нимъ слѣдятъ два галичскихъ пристава, одного изъ которыхъ Оедьку Капина старецъ встрѣчалъ.

— Вонъ стоитъ недругъ воеводинъ, старецъ, онъ идетъ отъ женки; пойдемъ поймаетъ его, — услышалъ Іосифъ слова Оедьки.

Іеромонахъ не сталъ долѣ дожидаться и опрометью, несмотря на дождь, побѣжалъ черезъ лугъ. Пристава бросились за нимъ, и Оедька Капинъ, нагнавъ, схватилъ его за руку.

— Безъ указа патріарха насъ имать не велѣно! — крикнулъ ему Іосифъ и съ такою силою толкнулъ пристава, что тотъ свалился на лугъ.

Старецъ вновь бросился бѣжать, преслѣдуемый вторымъ приставомъ. Близъ „Козьи слободки и винокурнаго двора“ послѣдній схватилъ старца за подолъ мантии, но Іосифъ рванулся впередъ, и большой лоскутъ матеріи остался въ рукахъ пристава.

— Лови, лови его! — крикнулъ тогда приставъ стоявшимъ у „бражнаго двора“ стражникамъ. Трое изъ нихъ преградили путь Іосифу и задержали его. Подбѣжали оба пристава, и всѣ впятеромъ принялись бить несчастнаго монаха. „Увѣчили меня долго и за волосы таскали“, показалъ онъ въ послѣдствіи.

Почти стемнѣло, когда избитаго Іосифа привели къ Съѣзжей избѣ. Едва очутившись въ избѣ, онъ очень изумился, когда въ слѣдъ за нимъ сюда же втокнули какую-то неизвѣстную ему женщину и оставили ихъ вдвоемъ на всю ночь.

На другой день утромъ въ Съѣзжую избу явился воевода. Онъ какъ-то лукаво поглядывалъ на монаха и „женку“.

— Ты ночами бражничаешь, у женокъ бываешь, тебя съ личнымъ поймали! — крикнулъ онъ на монаха, — а архимандритъ тебя въ непорочномъ житіи славить.

— Того никогда не бывало: я эту женщину въ первый разъ вижу, — отвѣтилъ Іосифъ.

— Знаешь ли ты, чернецъ, что я сниму съ тебя чернецкое платье и опять въ воротники поставлю! — со злобою сказалъ воевода.

— Хорошо ты, Порфирій Ѳедоровичъ, вѣдаешь, что я въ воротникахъ никогда не былъ; а что мой отецъ имъ состоялъ, въ томъ мнѣ не порокъ.

— Я старца этого также не вѣдаю: онъ правду молвилъ, — заговорила женщина. — Чаю только, что пристава меня взяли, что вчера на улицѣ съ сосѣдкой сказала о палачѣ Ивашкѣ Вагинѣ, что слышала, какъ у моего двора трое битыхъ имъ кнутомъ похвалялись убить его до смерти за то, что больно онъ наказываетъ. А чьи они дѣти, того не вѣдаю, а примѣты ихъ помню.

— А тебя называютъ „гулящей женкой“ Ѳедоркой! — съ усмѣшкой замѣтилъ Рахманиновъ.

— Того не скрою, что называютъ, только старца не вѣдаю, — сказала женщина.

— Твой сыскъ будетъ послѣ. А тебя,—обратился онъ къ монаху,—я пошлю въ Городецкій монастырь.

— Безъ указа святѣйшаго патріарха того дѣлать не можешь!—рѣзко произнесъ Іосифъ.

— То увидишь!—отвѣтилъ воевода.—Тебѣ небось желательно было, чтобы я вернулъ тебя къ вашему „потатчику“ Сильвестру: какъ бы не такъ!

Часа черезъ два Іосифа въ рваной мантии въ сопровожденіи 4-хъ разсылщиковъ пѣшкомъ вели уже въ Городецкій монастырь. Въ отпискѣ Рахманиновъ игумну писалъ, чтобы „посылаемаго монаха, изыманнаго ночью порою съ женкою, оставить въ монастырѣ впредь до указа“.

За обиженнаго вступился архимандритъ Сильвестръ, о его задержаніи воеводою донесъ патріарху, а недѣли черезъ двѣ Рахманиновъ получилъ приказъ „іеромонаха Іосифа свобода, вернуть въ Паисинъ монастырь по-прежнему“. Архимандриту же Сильвестру предписывалось о дѣйствіяхъ воеводы изслѣдовать и донести.

VI.

Въ концѣ того же іюля мѣсяца, въ воскресенье, архимандритъ Паисина монастыря Сильвестръ въ соборной церкви служилъ литургію со многими священниками, въ числѣ которыхъ находился Боголюбленскій „попъ“ Евдокимъ. За обѣдной стоялъ и воевода. Когда литургія кончилась, Рахманиновъ у главныхъ дверей сталъ поджидать архимандрита, но послѣдній повернулъ въ лѣвыя двери. Воевода бросился вонъ изъ церкви и уже на „монастырѣ“ настигъ Сильвестра.

— Слышалъ я, —заговорилъ воевода,—что ты обо мнѣ сыскъ производишь, а за своими попами не смотришь, какъ служатъ—ино по новому, а ино по старому, все тотъ же Евдокимъ, о которомъ я тебѣ не разъ сказывалъ, служить не равно и въ своей церкви не такъ, какъ сегодня...

— Онъ уже давно исправился и свою вину принесъ; перестань зло носить, — спокойно отвѣтилъ архимандритъ.

— Не онъ, такъ другіе плуты и пьяницы, на десятильничѣ дворѣ посулы имутъ, а ты имъ потакаешь!—возвышая голосъ, произнесъ воевода.

— Что ты ихъ въ томъ упрекаешь: и мы съ тобою пьемъ. А я вотъ тебѣ что скажу: кто въ домахъ своихъ пьетъ, тотъ и вездѣ пьетъ, а кто дома не пьетъ, тотъ и нигдѣ не пьетъ.

— Дорогой ты человѣкъ, что и говорить! — закричалъ Рахманиновъ.—Зналъ я тебя, каковъ былъ ты на Рязани, — все возвышавшая голосъ, кричалъ воевода:—горшечниковъ сынъ,—вотъ ты кто! проговорилъ онъ, блѣднѣя въ лицѣ.

— И ты также, дорогой человѣкъ, — громко и съ усмѣшкой произнесъ архимандритъ,—на Рязани обычный дворянинъ былъ, послѣдній сынъ боярскій, битъ батоги вмѣсто кнута, да сыскать то про тебя некому!—выходя изъ себя, также съ гнѣвомъ произнесъ архимандритъ...—Да и говорить-то мнѣ съ тобою нельзя,—уже болѣе спокойно замѣтилъ онъ, потому что я служилъ литургію Божію и словъ не хочу плодить болѣе.

— Дорога твоя литургія, что служилъ:—подобна она коровью помету!—внѣ себя закричалъ Рахманиновъ въ слѣдъ уходившему архимандриту.

Тотъ ничего не отвѣтилъ и, выйдя изъ церковной ограды, сѣлъ въ телѣгу и поѣхалъ къ себѣ въ монастырь.

Крики и шумъ привлекли любопытныхъ: служившихъ священниковъ, помѣщиковъ и посадскихъ. Воевода тотчасъ же по уходѣ архимандрита „являлъ“ ихъ всѣхъ, т. е. переписалъ, что они были и слышали при его ссорѣ съ уѣхавшимъ. И только, исполнивъ здѣсь же у церкви „сыскъ“, отправился домой.

Къ церкви Богоявленія, въ которой священникомъ состоялъ названный воеводою Евдокимъ Ивановъ, принадлежалъ самый значительный приходъ Галича. Кромѣ него здѣсь же былъ еще другой священникъ Савинъ, братъ родной Евдокима, діаконъ Тихонъ и пономарь Иванъ Титовъ.

Въ священники къ церкви Богоявленія Евдокимъ былъ поставленъ въ 1662 г. вятскимъ епископомъ Александромъ. Въ это время уже произошло исправленіе богослужебныхъ книгъ патріархомъ Никономъ, и Евдокимъ ѣздилъ въ Москву, учился служить „по ново-исправленнымъ служебникамъ“; но когда онъ вернулся въ Галичъ, другой священникъ при церкви Богоявленія, его родной дядя Василій служилъ все по старому служебнику; потому ли, что въ первое время послѣ реформы патріарха Никона и прихожане и священники не проявляли еще такъ рѣзко разницы въ обрядахъ богослуженія, подѣйствовали ли на молодого священника убѣжденія дяди, „чтобы розни между ними не было“, но и Евдокимъ сталъ служить также по старымъ книгамъ, продолжалъ даже и

тогда, когда дядя его умеръ, вплоть до 1672 г. Въ это время къ нему въ церковь былъ опредѣленъ діаконъ Артемій, совѣтовавшій Евдокиму служить „по новому“.

На всѣ церкви города Галича существовала одна просвирия вдова Василиса, отъ нея бралъ просфоры и Евдокимъ, служа обѣдню на семи просфорахъ, при этомъ Василиса только для одного Евдокима держала старую печать — „знамя Креста съ Адамлевою головой“, всѣ же прочія церкви брали у Василисы просфоры съ новымъ знаменемъ.

Но очевидно служба Евдокима была по душѣ его прихожанамъ, потому что въ теченіе десяти лѣтъ съ 1662 по 1672 годъ они были имъ довольны, и никто до поступленія въ приказъ діакона Артемья о его службѣ духовному начальству не доносилъ.

Года два продолжались несогласія у Евдокима съ діаконѣмъ Артеміемъ; воеводою сталъ уже въ Галичѣ Рахманиновъ, которому Артемій и не преминулъ сообщить о службахъ Евдокима, а воевода въ свою очередь „непрестанно“ сталъ говорить о Евдокимѣ архимандриту Сильвестру и „поповскимъ старостамъ“. Но и тутъ прихожане поддержали своего священника: „по заручной челобитной они отказали діакону Артемью“, который вскорѣ былъ поставленъ священникомъ въ уѣздѣ къ церкви Козьмы и Даміана, а къ Евдокиму въ діаконы поставили его родного брата Тихона Иванова. Тогда воевода о службѣ Евдокима „по старому“ донесъ прямо патріарху, а послѣдній предписалъ взыскать „за вину“ съ Евдокима пени 5 рублей.

Однако же и самъ Евдокимъ понялъ, что такъ дѣло идти не можетъ, и въ началѣ 1676 года принесъ повинную патріарху Іоакиму.

— Служилъ я,—писалъ онъ въ челобитной,—до сего времени по старымъ служебникамъ отъ невѣдѣнія и въ томъ тебѣ Великому господину вину свою приношу и въ томъ прощенія прошая. А нынѣ я многогрѣшный Благодатію Божіею работаю Ему Господеви со страхомъ и съ трепетомъ, по новоисправленнымъ служебникамъ и надъ пятью просфорами, что отцу архимандриту и поповскимъ старостамъ вѣдомо. Смилуйся, великій господинъ! вели меня въ тѣхъ пенныхъ деньгахъ свободить!“

Патріархомъ было поручено архимандриту Сильвестру наблюсти за поведеніемъ попа Евдокима, и недѣли черезъ двѣ архимандритъ донесъ въ Москву, что Евдокимъ „служить по новымъ книгамъ безъ сумнѣнія, и раскола за нимъ нѣтъ“.

О такомъ донесеніи архимандрита воевода Рахманиновъ узналъ уже послѣ ссоры своей съ Сильвестромъ у соборной церкви. Онъ „раскипѣлся гнѣвомъ“, какъ сказано въ документѣ, что архимандритъ прикрываетъ „попа“ и сталъ затѣвать „вражду на нихъ обоихъ“.

Такъ какъ Евдокимъ обладалъ чрезвычайной физической силой, былъ „человѣкъ мощный“, по выраженію документа, одинъ справившись однажды съ тремя напавшими на него разбойниками, и такъ какъ личная расправа съ нимъ представляла затрудненія и опасности, то воевода прибѣгнулъ къ другому средству.

Въ первое воскресенье послѣ Успеньева дня „попъ“ Евдокимъ вмѣстѣ съ женою отправились на свадьбу къ помѣщику Коровину. Въ домѣ остались его десятилѣтняя дочь дѣвочка Татьяна и свойственница Евдокима Анна Лукина, которая у него, какъ сказано въ документѣ, „домовничала“. Къ вечеру, во время отсутствія Евдокима, къ нему въ домъ „внезапно явились пристава“, связали Анну, дѣвочку посадили въ чуланъ, „разбили всѣ сундуки и заголовки, разметали по полу богослужебныя книги и платья и взявъ отъ церкви пономаря Ивашка Титова, отвели его и Анну въ приказную избу, посадивъ на цѣпь. Двое же другихъ приставовъ одновременно пришли къ просвирицѣ Василисѣ и отобрали у нея „старую печать съ Адамлевой головой“.

А на утро воевода донесъ патріарху, что онъ произвелъ обыскъ въ домѣ попа Евдокима и хотя „старослужебниковъ не обыскалъ, но архимандритъ и поповскіе старосты очищаютъ его напрасно, потакая ему; старая же просфорная печать до сего дня находилась у просвирицы, отобравъ которую онъ, воевода, посылаетъ на усмотрѣніе патріарха“.

Когда же попъ Евдокимъ вернулся съ женою со свадьбы, то усмотрѣлъ, что въ домѣ его „разбито точно отъ погрома непріятельскаго“.

Утромъ онъ направился къ воеводѣ Рахманинову, и тотъ ему сказалъ, что „Анна Лукина взята въ похвальныхъ непристойныхъ словахъ къ обыску, а пономарь Ивашка — въ записательствѣ по доносу на него Евдокима“.

Несмотря на просьбы и угрозы Евдокима, Анна и пономарь 2 недѣли просидѣли въ приказной избѣ на цѣпяхъ и, какъ послѣ оказалось, безвинно.

VII.

Случай съ Евдокимомъ переполнилъ чашу терпѣнія галичскаго духовенства, при томъ Евдокимъ оказался не только „мощнымъ“, но и очень энергичнымъ человѣкомъ: онъ обошелъ въ городѣ всѣхъ священниковъ и діаконѣвъ, многихъ уговаривалъ, со многими совѣтовался и наконецъ достигъ цѣли.

Все галичское духовенство, во главѣ съ двумя архимандритами, подало челобитныя, за собственноручными подписями, какъ царю Ѳеодору Алексѣевичу, такъ и патріарху Іоакиму, на воеводу Порфирья Рахманинова въ „обидахъ, въ налогахъ и въ разореніи и что онъ въ ихъ духовныя дѣла вступается“; въ челобитной указали всѣ случаи его „своеволія“, которые разсказаны выше.

Черезъ нѣсколько дней о челобитныхъ на него галичскаго духовенства Рахманиновъ уже зналъ; онъ призвалъ близкихъ ему помѣщиковъ Трифона Шишкина и Василя Сипягина на совѣтъ, какъ помочь бѣдѣ. Шишкинъ и Сипягинъ вмѣстѣ съ Рахманиновымъ рѣшили составить также челобитную въ защиту воеводы. Нашли отставного подъячаго, чтобы не было подозрѣнія на воеводскихъ, и написали челобитную на имя государя „отъ помѣщиковъ, уѣздныхъ и прочихъ галичскихъ людей“, слѣдующаго содержания:

„Воевода Порфирій Рахманиновъ, не такъ, какъ другіе бывшіе воеводы, городу Галичу и уѣзду добродѣтель многую учинилъ, всякія государева дѣла дѣлалъ вправду, безволокитно и безкорыстно“... и т. д.

Такую челобитную Шишкинъ съ Сипягинымъ стали возить подписывать знакомымъ, и подписей набралось уже достаточно. Но въ Галичѣ оставался еще значительный классъ людей, которые къ подписямъ совсѣмъ не шли: то были посадскіе ¹⁾).

Тогда Рахманиновъ вызвалъ къ себѣ посадскаго старосту Илюшку Херова и въ присутствіи Шишкина и Сипягина, прочтя ему предложенную челобитную, сказалъ:

— Тебѣ бы, Илья, вѣдая про меня истину, написать та-

¹⁾ Изъ документа видно, что большинство галичскихъ священниковъ и діаконѣвъ происходило изъ мѣстныхъ посадскихъ; ставились по заручнымъ челобитнымъ, часто у нихъ въ домахъ жили ихъ отцы и братья; связь съ духовенствомъ была крѣпкая.

кову же челобитную за своею подписью и подписями посадских людей?

— Того сдѣлать не могу,—отвѣтилъ Херовъ,—посадскіе люди на тебя, Порфирій Ѳедоровичъ, въ обидѣ, что ты, слышно, всякіе сборы отдать хочешь на откупъ уѣзднымъ людямъ.

— Коли особую челобитную не пошлете, подпишитесь на этой?—сказалъ Рахманиновъ

— У насъ шли толки,—возразилъ Херовъ,—что если я похочу подписать, то меня отъ старожества отставить.—А каковъ сыскъ будетъ, покажемъ „вправду“, о чемъ спросятъ,—отвѣтилъ староста.

„И какъ ни угрожалъ“,—по выраженію документа,—Рахманиновъ посадскимъ людямъ, послѣдніе остались при своемъ и не подписали челобитной.

Но своей защитительной челобитной Рахманинову послать не пришлось. Очевидно, въ Москвѣ имъ были уже сильно недовольны, потому что 28 августа 1686 года онъ получилъ слѣдующую грамоту отъ царя Ѳедора Алексѣевича.

„По нашему указу велѣно быть въ Галичѣ на твое мѣсто стольнику нашему и воеводѣ Воину Аѳанасьевичу Ордину-Нащокину¹⁾. А переимѣнить ему велѣно тебя безсрочно, а тебѣ велѣно быть въ Галичѣ для очныхъ ставокъ по сказкамъ галичскихъ монастырей властей, а для сыска посланъ сыщикъ изъ Патріарша приказа архимандритъ Антоній. И будетъ по сыску и по очнымъ ставкамъ оправдаешься, и тебѣ ѣхать къ Москвѣ, а будетъ въ томъ дѣлѣ не оправдаешься, и тебѣ бы быть въ Галичѣ за поруками. А въ сыское время велѣно тебя выслать въ Галичскій пригородъ, куда ближе и пристойнѣе“. Дальше предписывается сдать весь городъ и нарядъ и ключи новому воеводѣ.

Такого же содержанія о смѣнѣ Рахманинова и о сыскѣ по челобитной галичскаго духовенства посылается грамота Ордину-Нащокину, бывшему воеводой въ Ярославлѣ.

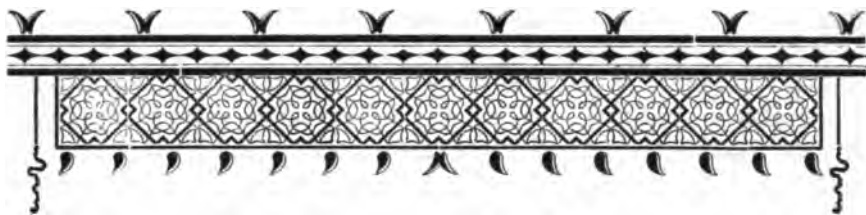
Дней черезъ пять въ Галичъ пріѣхалъ Нащокинъ, смѣнилъ Рахманинова и вмѣстѣ съ архимандритомъ Антоніемъ въ продолженіе болѣе чѣмъ трехъ мѣсяцевъ производилъ допросы и очныя ставки бывшему воеводѣ и галичскому духовенству.

¹⁾ Изъ этого назначенія видно, что сынъ „государственныхъ и посольскихъ дѣлъ оберегателя“, нѣкогда бѣжавшій за границу, былъ прощенъ вполнѣ и состоялъ воеводою въ разныхъ городахъ. Сравни „Исторія Россіи“, Соловьева, т. II, стр. 173—174.

Собранныя дѣломъ данныя были не въ пользу Рахманинова; посадскіе, кромѣ приведенныхъ уже случаевъ, указали еще на много мелкихъ злоупотребленій въ его дѣятельности. На этомъ дѣло и оканчивается; вѣроятно, Рахманиновъ или вскорѣ умеръ или „обвиненъ“, потому что послѣ „сыска“ имя его въ числѣ воеводъ, по архивнымъ документамъ, уже не встрѣчается.

И. С. Бѣляевъ.

Письма и ордера Державина разнымъ лицамъ.

I.

Графу Григорію Александровичу Потемкину ¹⁾.

Сіятельныйшій Графъ
Милостивый Государь!

Въ кончинѣ Его Высокопревосходительства Александра Ильича ²⁾ скончался мой покровитель. Ежели есть для меня надежда, то она въ главномъ моемъ начальникѣ—и это въ Вашемъ Сіятельствѣ.

Исполняя мой долгъ, когда бы я произвелъ и наибольшія отечеству услуги, то и тогда бы ничего въ награду себѣ просить не отважился. Но ежели были со мной въ одной Комиссіи ³⁾ Мав-

¹⁾ Это интересное письмо, извѣстное Гроту только въ копіи, хранится въ виленской публичной библіотекѣ. Писано все рукою Державина. Мѣста отправленія—Москвы—нѣтъ. Шероховатость слога можно объяснить душевнымъ состояніемъ корреспондента. Объ этомъ письмѣ Державинъ говоритъ въ „Запискахъ“. Письмо Потемкину, помимо всего другого, интересно еще тѣмъ, что отношенія между Державинымъ и Потемкинымъ были тогда натянуты. Авторъ въ тотъ же день 11 іюля, когда писалъ Потемкину, лично подалъ письмо фавориту, тогда еще графу и подполковнику. Подъ его начальствомъ служилъ Державинъ. Письмо успѣха не имѣло. Письмо Потемкину напечатано Гротомъ въ V томѣ большого Академическаго изданія сочиненій Державина, стр. 269—270.

²⁾ Вибикова, скончавшагося 9 апрѣля 1774 г. въ селѣ Вугульмѣ.

³⁾ Секретной, образованной въ концѣ 1773 года и отданной подъ начальство Бибикова. Въ Секретную Комиссію, составленную изъ гвардейскихъ офицеровъ, входили, по выбору Бибикова, между прочимъ, слѣдующія лица: прапорщикъ Семеновскаго полка кн. Николай Ивановичъ Горчаковъ, капитанъ-поручикъ того же полка, позже—генералъ-провіантмейстеръ—Савва Ивановичъ Мавринъ, съ которымъ Державинъ былъ на пріятельской ногѣ, и подпоручикъ Измайловскаго полка Василій Николаевичъ Собакинъ (1744—1798), позже перешедшій на гражданскую службу. Всѣ они въ награду получили деревни.

ринъ, Собакинъ и Горчаковъ и получили нынѣ за труды свои Высочайшую милость, то я нахожу себя передъ ними обиженнымъ. Я еще смѣю себя наиболѣе поставитъ имъ въ сравненіе потому, что я въ трудахъ своихъ не имѣлъ себѣ ни одного помощника, и, чрезъ цѣлой почти годъ, бывши въ гнѣздѣ бунтовщиковъ, былъ одинъ, безъ защищенія, въ опасностяхъ: доставилъ нужныхъ людей Секретной Комиссіи, сдѣлалъ диверсію отъ пролитія изъ Уралу злодѣямъ къ Волгѣ, отвратилъ набѣгъ калмыкъ отъ селеніевъ иргизскихъ ¹⁾, прикрылъ ²⁾ колоніи ³⁾ отъ расхищенія киргизцовъ и, разбивши ихъ, отнявъ у нихъ плѣну—исключая русскихъ—около тысячи человекъ однихъ колонистовъ, съ одними собранными мною мужиками, (и) первой далъ всѣмъ ⁴⁾ извѣстіе о поимкѣ Пугачева ⁵⁾. Отъ всѣхъ генераловъ, бывшихъ сначала въ сей экспедиціи ⁶⁾, за всѣ мои дѣла имѣю похвальные ордера. Сверхъ сего, въ Казани и въ Оренбургскомъ уѣздѣ лишился всего своего имѣнія; даже

¹⁾ Въ маѣ 1774 г. ставропольскіе калмыки пытались прорвать „самарскую линію“, желая пробраться въ Башкирію, но были разбиты. Тогда большинство ихъ бросилось въ Иргизу. Вдоль этой рѣки были русскія колоніи, состоявшія изъ переселенцевъ весьма ненадежныхъ въ политическомъ отношеніи.

²⁾ Въ оригиналѣ, опиской: прикрылъ.

³⁾ Осенью 1774 г. нѣмецкія колоніи стали подвергаться нападеніямъ киргизъ-кайсаковъ, которые разоряли поселенія до основанія. Усмиривъ бунтъ въ селѣ Малыковѣ (н. Вольскѣ), Державинъ набралъ изъ крестьянъ отрядъ для защиты колоній, а самъ съ 500 человекъ крестьянъ и солдатъ съ одною пушкою двинулся противъ кочевниковъ. Въ долину близъ рѣки Каромана русскіе встрѣтили непріятельское скопище, тысячъ около двухъ человекъ. Киргизы не выдержали удара и дрогнули, 50 человекъ изъ нихъ осталось на мѣстѣ, 5 человекъ попало въ плѣнъ. Въ «Запискахъ» Державинъ говоритъ, что отбито у киргизовъ 800 человекъ нѣмецкихъ колонистовъ обоего пола и около 700 русскихъ плѣнныхъ, не считая нѣсколькихъ тысячъ головъ скота. Въ нашемъ письмѣ цифра отбитыхъ колонистовъ значительно преувеличена.

⁴⁾ Въ подлинникѣ неясно. Читаемъ по догадкѣ. У Грота: всюды.

⁵⁾ Во всеподданнѣйшемъ прошеніи императрицы, приводимомъ Державинымъ въ «Запискахъ», читаемъ: „Въ самой же поимкѣ самозванца ежеліи я не имѣлъ чрезъ посланныхъ моихъ людей счастья, то и никто не можетъ тѣмъ похвалиться; но первое извѣстіе, что онъ пойманъ, я первый всюду далъ знать, за что многіе получили чины“. Эта «ревность къ службѣ» поссорила Державина съ Панинымъ, который, думая, что первому далъ знать о поимкѣ Пугачева Державинъ Потемкину, родственнику фаворита, счелъ, что «тѣмъ главное его достоинство презрѣно».

⁶⁾ Т. е. Вибикова, князя Щербатова, князя Голицына и Павла Потемкина.

мать моя была въ полону ¹⁾. Я два раза чуть не былъ въ рукахъ Пугачева ²⁾. Все потерялъ—и пользоваться Монаршею милостію, взять изъ новоучрежденныхъ банковъ денегъ не могу, потому что я подь деревни мои долженъ въ Банкъ!

Вотъ обстоятельства подь командою Вашего Сіятельства служащаго офицера. Для чего обиженъ я передъ равными мнѣ? Дайте руку помощи и дайте прославленіе имени своему.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь!

Вашего Сіятельства

всепокорнѣйшій слуга

Гавріиль Державинъ.

Іюля 11 дня

1775 года.

II.

Матѣю Дмитріевичу Булдакову ³⁾.

Высокоблагородный и высокопочтенный г. полковникъ, тамбовской комендантъ и кавалеръ.

¹⁾ О плѣнѣ Ѳеклы Андреевны († въ 1784 г.) Державинъ говоритъ въ «Запискахъ» слѣдующее: „Итакъ, немедля, на своемъ пепелищѣ, — ибо домъ его въ Казани и деревни до основанія были разорены—простаясь съ престарѣлою и сокрушенною печальми матерью своею, которая при нападеніи (Пугачева) на сей городъ (Казань), яко жертва, уже на смерть приготовленная, претерпѣла мучительный плѣнъ, пустился въ свой путь (въ Москву)*. Въ Оренбургской губерніи Державину принадлежало с. Богородское, или Державино (позже Смоленское).

²⁾ Оба случая относятся къ августу 1774 г. Вблизи Петровска Державинъ наткнулся на самого Пугачева. Послѣдній съ нѣсколькими товарищами бросился преслѣдовать Державина на добрыхъ коняхъ, но, увидя его вооруженнымъ пистолетами, не рѣшился напасть. Проскакавъ нѣсколько верстъ, преслѣдователи отстали. Въ томъ же августѣ одинъ изъ пугачевцевъ, бывшій конфедератъ-полякъ, взялся поймать Державина и доставить Пугачеву за 10.000 рублей. Пугачевцы были всего въ пяти верстахъ отъ колоніи Шафгаузенъ, гдѣ жилъ Державинъ. Онъ вскочилъ на лошадь, проскакалъ 90 верстъ и пріѣхалъ въ Сызрань. По дорогѣ, крестьяне хотѣли выдать его Пугачеву, но онъ спасся только благодаря присутствію духа, благополучно переиравившись черезъ Волгу и ушелъ. См. письмо Державина П. С. Потемкину отъ 5 октября 1774 г. (Гротъ. Сочиненія Державина, V, стр. 168—169).

³⁾ Архивъ тамбовскаго губернскаго правленія. Только подписано Державинимъ.

Милостивый Государь мой!

Благоволите Ваше Высокоблагородіе, вслѣдствіе предписанія Его Высокопревосходительства, правящаго генераль-губернаторскую должность г. генераль-поручика и кавалера, Ивана Васильевича Гудовича ¹⁾, приказать выдать наряженному отъ Казенной Палаты, для рытья рововъ подъ всѣ казенныя строенія и кладки буту съ замазкою подъ лопатку, мастеру Воробьеву, которой будетъ класть фундаментъ подъ строящийся чрезъ Студенецъ каменной мостъ ²⁾, въ число договорной цѣны, по заключенному съ Казенною Палатою контракту, на первой случай сто рублей, изъ суммы экономической, оставшейся отъ неполнаго комплекта конвойной и штатной командъ, съ роспискою, и меня увѣдомьте.

№ 787.

Пребываю съ почтеніемъ
Вашего Высокоблагородія,
Милостиваго Государя моего,
покорнѣйшій слуга
Гавріиль Державинъ.

Іюля 14 дня
1786 года.

Его Высокоблагородію Булдакову,
Высокоблагородному и высокопочтенному г. полковнику, тамбовскому коменданту и кавалеру,

Милостивому Государю моему.

№ 787-ой.

III.

*Ордеръ
правлящему въ Козловѣ городническую должность 1. секундъ-
маіору Третьякову.*

Когда будетъ требовать отъ Васъ пособія посланной отъ меня въ Козловъ губернской роты подпоручикъ Зенковичъ, то рекомендую

¹⁾ Гудовичъ былъ намѣстникомъ рязанскимъ и тамбовскимъ съ апрѣля 1786 г. по первый мѣсяцъ 1789 г. Ордеръ Вулдакову относится къ первому времени губернаторства Державина въ Тамбовѣ.

²⁾ Этотъ мостъ черезъ рѣку Студенецъ до сихъ поръ еще продолжаетъ исправно нести службу. Онъ находится въ концѣ Дворцовой улицы, неподалеку отъ новаго зданія Казенной Палаты. Архитектура довольно красивая.

исполнить все безъ малѣйшаго замедленія, что даннымъ ему, Зенковичу, отъ меня ордеромъ предписано ¹⁾).

Гавриилъ Державинъ.

№ 814.

Маія 18 дня

1787 года.

IV.

Николаю Николаевичу Кормилицыну ²⁾.

Милостивый Государь мой
Николай Николаевичъ!

Пріятнѣйшее Ваше письмо отъ 30 октября получилъ.

Вы меня спрашиваете о моихъ обстоятельствахъ. На сіе Вамъ донесу. По разсмотрѣніи доклада Сената 6-го департамента, все-милостивѣйшая Государыня нашла меня ни въ чемъ не виновнымъ ³⁾).

Изволила оказать мнѣ Свое благоволеніе,—имѣлъ счастье къ Ней быть допущенъ и изъясниться наединѣ. Обнадеженъ Ея Высочайшею милостію, что мнѣ дано будетъ, по избранію Ею, лучшее

¹⁾ Архивъ тамбовскаго губернскаго правленія. Только подписано Державиннымъ.

²⁾ Музей тамбовской Ученой Архивной Комиссіи. Витрина подъ стекломъ Все рукой Державина. Кормилицынъ — полковникъ, пріятель Державина племянникъ Сатина, съ которымъ у Державина было извѣстное столкновение.

³⁾ Отношенія Державина къ намѣстнику Гудовичу, въ началѣ дружескія, потомъ въ конецъ испортились, вслѣдствіе рѣзкости подчиненнаго и завистливости и умственной ограниченности начальника, соединенной съ бѣшенымъ характеромъ. Гудовичъ нѣсколько разъ жаловался на Державина въ Сенатъ. Последний сдѣлалъ докладъ о Державинѣ императрицѣ, но Государыня не дала ему хода. Гудовичъ обратился съ новой жалобой, уже къ Безбородкѣ. Въ результатъ, указомъ 18 декабря 1788 г., Державина было приказано убрать изъ Тамбова и снять съ него показанія, которыя отправить на разсмотрѣніе въ 6-й департаментъ Сената, въ Москвѣ. По пріѣздѣ въ Москву. Державинъ цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ „шатался праздно“, такъ какъ противники откладывали разсмотрѣніе его дѣла. Наконецъ, Сенатъ вынесъ Державину оправдательный приговоръ, но въ должности не возстановилъ. Тогда Державинъ обратился со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ и поднесъ чрезъ Храповицкаго „Фелицу“. Императрица приказала отвѣтить, что „трудно обвинить автора оды „къ Фелицѣ“. Затѣмъ авторъ былъ представленъ Государынѣ и приглашенъ къ Высочайшему столу. 1 августа 1789 г. императрица приняла Державина въ частной аудіенціи, о которой сказала Храповицкому: Il ne doit pas être trop content de Ma conversation. Какъ бы то ни было, Державину было приказано выдать неполученное имъ жалованье, и производить его впредь, до опредѣленія Державина на мѣсто.

мѣсто, почему и состоялся 4 августа указъ выдать ¹⁾ мнѣ удержанное и впредь производить полное губернаторское жалованье, до опредѣленія къ мѣсту. Но (какъ) еще по сіе время, кромѣ безпрестанныхъ милостивыхъ отзывовъ, никуда не опредѣленъ ²⁾, то безъ Высочайшей воли никуда отлучиться не смѣю, между тѣмъ есть еще нѣкоторыя по губерніи дѣла, которыхъ окончанія дожидаться нужно.

Касательно до пересылки изъ оренбургской моей деревни денегъ, то я уже писалъ къ приказчику, чтобъ прислалъ сюда. Управителя сего скоро отсель къ Вамъ отправлю. Въ прочемъ за приложенные Вами труды и попеченія по деревнямъ моимъ покорнѣйше Васъ благодарю и увѣренъ, что Вы ³⁾ въ пріязни Вашей ко мнѣ никогда не перемѣнились и не перемѣнитесь.

При семъ имѣю честь Вамъ препроводить одинъ экземпляръ моего сочиненія, которое принято при Дворѣ весьма милостиво ⁴⁾.

Въ прочемъ, свидѣтельствуя мое и Катерины Яковлевны ⁵⁾ почтеніе Милостивой Государынѣ Елизаветѣ Андреевнѣ, пребываю съ извѣстной Вамъ моею преданностію,

Вашъ, Милостиваго Государя моего,

покорный слуга

Гавріиль Державинъ.

22 ноября 1789.

С.-Петербургъ.

¹⁾ Въ этомъ мѣстѣ текстъ испорченъ.

²⁾ Причина ясна изъ «Дневника» Храповицкаго. Милостиво принявъ «Фелицу», императрица сказала Храповицкому, намекая на автора: *On peut lui trouver une place*. Но послѣ частной аудіенціи 1 августа мнѣніе Государыни о Державинѣ измѣнилось, и Храповицкій отмѣчаетъ слѣдующій отзывъ о немъ Екатерины: «Я ему сказала, что чинъ чина почитается. Въ третьемъ мѣстѣ не могъ ужиться; надобно искать причину въ самомъ себѣ. Онъ горячился и при Мнѣ. Пусть пишетъ стихи». Только 12 декабря 1791 г. Державинъ былъ назначенъ статсъ-секретаремъ.

³⁾ Дальше стояло слово „никогда“, потомъ зачеркнуто

⁴⁾ Рѣчь идетъ объ «Изображеніи Фелицы», самомъ обширномъ изъ лирическихъ стихотвореній Державина. Напечатано первоначально въ «Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» въ 1789 г., ноябрь, безъ имени автора. Государынѣ поднесъ эту пьесу Эмпиѣ. Екатерина приказала Зубову пригласить на другой день автора къ нему на ужинъ.

⁵⁾ Первая жена поэта, рожденная Бастидонъ, воспѣтая имъ подъ именемъ Плѣныры. Она скончалась молодой 15 іюля 1794 года, а 31 января слѣдующаго года Державинъ уже женился на Дарьѣ Алексѣевнѣ Дьяковой.

V.

Василію Степановичу Зяброву ¹⁾.Милостивый Государь мой
Василій Степановичъ ²⁾.

По дошедшей къ Ея Императорскому Величеству жалобѣ отъ совѣтника Гражданской Палаты, Филонова, прошу Вашего Превосходительства собрать немедленно справки изъ дѣла въ тамошней Уголовной Палатѣ производимаго, по свидѣтельству Денежной Казны, въ 1788-мъ году, а равно и по всѣмъ прочимъ дѣламъ, до него, Филонова, касающимся, по бытности еще его въ Намѣстническомъ Правленіи и по перемѣщеніи уже въ Гражданскую Палату, и, для доклада Ея Величеству, доставить ко мнѣ обстоятельный изъ всего того экстрактъ, съ означеніемъ, которыя дѣла кончены и которыя за чѣмъ-либо понынѣ не окончены.

Пребываю въ прочемъ съ моимъ почтеніемъ

Вашего Превосходительства,

Милостиваго Государя моего,

покорнѣйшій слуга

Гавріиль Державинъ.

Марта 11 дня

1792 года.

С.-Петербургъ.

VI.

Димитрію Прокофьевичу Трошинскому ³⁾.Милостивый Государь мой
Дмитрій Прокофьевичъ ⁴⁾.

Вслѣдствіе изъясненнаго въ письмѣ Вашемъ сего октября отъ 16-го числа Ея Императорскаго Величества Высочайшаго соизво-

¹⁾ Архивъ тамбовскаго губернскаго правленія. Только подписанъ Державиннымъ.

²⁾ Тогдашній тамбовскій губернаторъ.

³⁾ Изъ нашего собранія автографовъ. Державину принадлежитъ только подпись.

⁴⁾ Трошинскій (1754—1829)—извѣстный государственный дѣятель, министръ юстиціи при Александрѣ I. Въ 1793 г. онъ, по протекціи Безбородки, получилъ мѣсто статсъ-секретаря, остававшееся свободнымъ послѣ удаленія Державина. Послѣдній былъ 2 сентября 1793 г. пожалованъ сенаторомъ межевого департамента, съ производствомъ въ тайные совѣтники.

ленія, два дѣла г. Экермана съ Криднеромъ къ Вамъ честь имѣю препроводить, возвращая притомъ и доставленное отъ Васъ прошеніе г. Экермана ¹⁾).

Поелику-жъ почти всѣ находящіяся у меня дѣла изготовлены ужъ къ докладу, но не доложены были только за извѣстными Ея Императорскому Величеству заслушанными дѣлами, то за симъ понинѣ они и умедлились, о чемъ покорнѣйше прошу Васъ Ея Величеству доложить.

Впрочемъ я за нужное почелъ при подлинныхъ дѣлахъ приложить и изготовленные у меня экстракты ²⁾).

Изъ нихъ усмотрѣть изволите, что первое дѣло, объ арендномъ содержаніи, именнымъ Высочайшимъ указомъ (1786-го года декабря 2-го, уже рѣшено. Второе, о поставкѣ винной, наиболѣе состоитъ въ пропущеніи Экерманомъ апелляціоннаго срока, о возобновленіи котораго и самъ Криднеръ послѣднимъ своимъ письмомъ Ея Величество просить.

Пребываю съ особливымъ почтеніемъ и преданностію

Вамъ, Милостивому Государю моему,

покорнѣйшій слуга

Гавріиль Державинъ.

Октября 1-го дня.

1793 года.

С.-Петербургъ.

VII.

Петру Петровичу Коновницину ³⁾.

Милостивый Государь мой

Петръ Петровичъ ⁴⁾).

Увѣдомляютъ меня изъ Архангельска партикулярными письмами, что въ тамошней таможнѣ вкрались великія злоупотребленія, умаленіемъ въ сборѣ пошлинъ съ привозимыхъ изъ-за моря товаровъ,

¹⁾ Его при нашемъ письмѣ не оказалось.

²⁾ Ихъ также нѣтъ при письмѣ.

³⁾ Архангельскій губернскій архивъ. Дѣла генералъ-губернаторовъ и военныхъ губернаторовъ № 5.226. Только подписано Державиннымъ.

⁴⁾ Тогдашній гражданскій губернаторъ и генералъ-губернаторъ архангельскій и олонекскій, съ 1793 по 1796 г., отецъ героя Отечественной войны. Довозъ на Коновницина оказался справедливымъ, и въ письмѣ Платону Зубову отъ 14 мая 1794 г. Державинъ говорить: «По письму моему къ г. Коновницину зашевелились».

особенно же съ двойной французской водки, съ которой будто бы пошлина взимаема была какъ съ ординарной. Будто въ 1790-мъ году такой двойной водки вывезено великое число и совсѣмъ безъ пошлинъ, а въ 1793-мъ—поймано будто бы было помянутой водки немалое количество; но что таможенные чины вылили оную, безъ казенной пользы, каковыя злоупотребленія остались однако безъ всякаго изслѣдованія.

Извѣщаютъ меня также о запрещенномъ выпускѣ казеннаго лѣса, подъ видомъ владѣльческаго, котораго будто съ 1786-го года и понинѣ отпускается великое множество въ чужіе края, къ великому ущербу пользы государственной, а въ корысть иностранцовъ, нѣкоторыхъ архангельскихъ купцовъ и таможенныхъ служителей, на что яко бы прочіе тамошніе жители жалуются, потому что состоитъ великая дороговизна въ строевыхъ матеріалахъ, по случаю теперешняго строенія города ¹⁾).

Я почитаю себя обязаннымъ обо всемъ томъ извѣстить Ваше Превосходительство, покорнѣйше прося обратить особенное примѣчаніе Ваше на таможенію и буде подлинно изволите найти какіе-либо вкравшіеся безпорядки и злоупотребленія отъ таможенныхъ служителей, то, по самоличному Вашему тамъ пребыванію, яко главный хозяинъ, принять законныя мѣры къ пресѣченію всего несоотвѣтственнаго пользѣ торговли и Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества интересамъ.

Пребываю съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію

Вашего Превосходительства,

Милостиваго Государя моего,

покорнѣйшій слуга

Гавріилъ Державинъ.

Марта 29 дня
1794 года.
С.-Петербургъ.

VIII.

*Петру Семеновичу * * * ¹⁾.*

Милостивый Государь мой

Петръ Семеновичъ.

По именному Его Императорскаго Величества повелѣнію, послѣдовавшему сего (1)799-го года октября въ 29-ый день, опредѣ-

¹⁾ Городъ началъ отстраиваться послѣ страшнаго пожара 26 іюня 1793 г., когда огонь истребилъ болѣе 800 домовъ и нѣсколько церквей.

²⁾ Архивъ тамбовскаго губернскаго правленія. Только подписано Державинымъ.

ленъ я попечителемъ надъ имѣніемъ шталмейстера князя Ивана Алексѣевича Гагарина ¹⁾, о чемъ въ скорости и указъ въ тамбовское Губернское Правленіе отъ Правительствующаго Сената присланъ будетъ. А какъ увѣдомился я, что по спорному у него дѣлу съ госпожами Карташовою и Кокошкиною взята имъ на рѣшеніе Тамбовской Палаты Суда и Расправы апелляція во 2-ой Сената департаментъ и такъ какъ со стороны его, князя Гагарина, всѣ сроки не упущены, то изъ онаго департамента въ іюнѣ мѣсяцѣ и указъ о невыполненіи Палатнаго рѣшенія въ оную посланъ. Но какъ публика ²⁾ въ газетахъ, неизвѣстно почему, — въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ — сдѣлана 4-го декабря 1798-го, а въ здѣшнихъ — сего года 29-го марта, то соперницы его пожелали сямъ воспользоваться, подали въ 6-ой Сената департаментъ просьбу о предписаніи Тамбовской Палатѣ Суда и Расправы вспомнить ея рѣшеніе, сокрывъ время здѣшней публики газетъ и умолча о посланномъ уже изъ 2-го Сената департамента указѣ, почему 6-ой Сената департаментъ, не снесясь со 2-мъ и будучи о семъ въ неизвѣстности, въ минувшемъ ноябрѣ мѣсяцѣ предписалъ Палатѣ сдѣлать по рѣшенію ея исполненіе, а потому Палата, имѣя два сенатскіе указа, одинъ другому противорѣчащіе, неизвѣстно, какъ въ семъ случаѣ поступить, почему я всепокорнѣйше Васъ, Милостивый Государь мой, прошу не оставить войти въ сіе дѣло и тѣмъ отвратить непосредственную уловку госпожъ соперницъ князя Гагарина, поправить неосторожность 6-го Сената департамента и избавить меня, въ противномъ случаѣ, отъ утружденія Его Величества всеподданнѣйшею о семъ просьбою и тѣмъ обязать пребывающаго къ Вамъ съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію.

Вашего Превосходительства,

Милостиваго Государя моего,

покорнѣйшій слуга

Гавріилъ Державинъ.

Декабря 16 дня

1799 года.

С.-Петербургъ.

¹⁾ Гротъ (Сочиненія Державина, т. VI, стр. 875, большого изданія) не вѣрно называетъ князя Ивана Алексѣевича Гагарина (1771—1832) княземъ Павломъ Гавриловичемъ. Гагаринъ былъ шталмейстеромъ Двора Вел. Княгини Екатерины Павловны.

²⁾ Въ старину это слово значило то же, что «публикація».

IX.

Ивану Семеновичу Литвинову ¹⁾.

Милостивой Государь мой

Иванъ Семеновичъ!

Письмо Вашего Превосходительства отъ 24-го числа генваря и съ приложеніемъ я честь имѣлъ получить исправно. Я покорнѣйше благодарю Васъ, Милостивый Государь мой, за скорое по начальству Вашему изысканіе справедливости въ сохраненіи со стороны князь Ивана Алексѣевича Гагарина апелляціоннаго срока на неисполненіе Палатнаго рѣшенія по дѣлу его съ госпожами Кокошкиною и Карташовою, такъ, какъ и за пріостановленіе по тому случаю самаго исполненія. А теперь остается мнѣ, по долгу моему, хлопотать въ разсужденія представленія Вашего здѣсь по Сенату, и всѣмъ тѣмъ Вы меня чувствительно обязать изволили.

Пребывая въ прочемъ съ истиннымъ почтеніемъ моимъ и таковою же преданностію,

Вашего Превосходительства,

Милостиваго Государя моего,

*покорнѣйшій слуга**Гавріиль Державинъ.*

Февраля 5 дня

1800 года.

С.-Петербургъ.

Его Превосходительству Литвинову.

X.

Ему же ²⁾.

Находясь, по Высочайшему Его Императорскаго Величества указу, попечителемъ надъ дѣлами и имѣніемъ г. тайнаго совѣтника и кавалера, графа Григорья Ивановича Чернышова ³⁾, неод-

¹⁾ Архивъ тамбовскаго губернскаго правленія. Державину принадлежитъ только подпись. Иванъ Семеновичъ Литвиновъ—тамбовскій гражданскій губернаторъ.

²⁾ Архивъ тамбовскаго губернскаго правленія. Только подписано Державиннымъ.

³⁾ Гр. Григорій Ивановичъ Чернышовъ († 1830 г.)—сынъ извѣстнаго вице-президента адмиралтействъ-коллегіи, гр. Ивана Григорьевича, послѣдній представитель своего рода. Расточительный Чернышевъ успѣлъ намотать болѣе трехъ милліоновъ долгу, когда ему назначили въ опекуны Державина. Многіе изъ долговъ были дутые, въ томъ числѣ долгъ казнѣ. Тогда Державинъ обратился со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ къ императору

нократно доходятъ до меня жалобы по виннымъ поставкамъ Его Сіятельства въ города Тамбовъ, Козловъ, Моршанскъ и Нижній Домовъ, въ разныхъ оказываемыхъ чиновниками притѣсненіяхъ и напрасныхъ проволочкахъ, а именно: на винныхъ смотрителей—въ медлительномъ пріемѣ вина, на казначеевъ—въ невыдачѣ за вино денегъ, тогда какъ другимъ поставщикамъ оныя выдаются, несмотря что отдача вина ими была гораздо послѣ.

Сего ради, по начальническому хозяйству въ губерніи Вашего Превосходительства, покорнѣйше прошу Васъ, Милостивой Государь мой, оказать со стороны Вашей покровительство къ прекращенію означенныхъ притѣснительныхъ безпорядковъ, безъ дальнѣйшей огласки, дабы не вышло изъ того формальныхъ и хлопотливыхъ дѣлъ, чѣмъ меня чувствительно обязать изволите.

Въ прочемъ пребываю съ истиннымъ почтеніемъ моимъ и таковою же преданностью

Вашего Превосходительства,

Милостиваго Государя моего,

покорныйшій слуга

Гавріилъ Державинъ.

Марта 5-го дня

1800-го года.

С.-Петербургъ.

Г. тамбовскому гражданскому губернатору
Литвинову.

XI.

Димитрію Александровичу Бахметьеву ¹⁾.

Милостивый Государь мой

Дмитрій Александровичъ.

Состоя, по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, надѣ дѣлами и имѣніемъ князь Ивана Алексѣевича Гагарина попечителемъ, честь имѣю рекомендовать Вамъ, Милостивый

Павлу о сложеніи этого долга, но получилъ приказъ о разсрочкѣ его. Хотя состоянія Чернышева далеко не хватало на уплату обязательствъ, Державинъ успѣлъ получить болѣе милліона рублей наличными. Опекѣ продолжалась по 1806 годъ. О ней подробно говоритъ Державинъ въ своихъ «Запискахъ». Освободившись отъ опеки, Чернышевъ въ короткое время надѣлалъ долговъ не меньше прежняго.

¹⁾ Архивъ тамбовскаго губернскаго правленія. Державину принадлежить одна подпись.

Государь мой, принявшаго управленіе тамбовскими Его Сіятельства деревнями г. коллежскаго ассесора Петра Ивановича Баннера, будучи увѣренъ, что онъ, при хорошихъ своихъ правилахъ, конечно, не нанесетъ Вамъ не дѣльныхъ отягощеній. А потому покорнѣйше прошу Вашего Превосходительства сдѣлать милость—въ законныхъ нуждахъ не оставить его Вашимъ вспомоществованіемъ и начальничьимъ покровительствомъ въ справедливыхъ его прошеніяхъ, чѣмъ крайне меня обязать изволите.

Пребываю въ прочемъ съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и таковою же преданностію

Вашего Превосходительства,

Милостиваго Государя моего,

покорнѣйшій слуга

Гавріилъ Державинъ.

Мая 5 дня
1800 года.
С.-Петербургъ.

XII.

Ему же ¹⁾.

Извѣстился я, что шацкій нижній земскій судъ, по просьбѣ госпожъ Кокошкиной и Карташовой, настоятельно требуетъ отъ находящагося при вотчинахъ князь Ивана Алексѣевича Гагарина управителя подписки о нерубкѣ въ дачахъ его, состоящихъ за рѣкою Цною, лѣса. А какъ на тѣхъ дачахъ изъ давнихъ лѣтъ поселены его, Гагарина, разныя деревни и построенъ винокуренный заводъ, которые, какъ у предковъ его, такъ нынѣ и у него, состоятъ въ дѣйствительномъ нахожденіи, то таковой подписки, яко несобственныхъ дачи, и требовать земскому суду нѣтъ ни малѣйшаго резону. Хотя же онъ, Кокошкина и Карташова, и отыскиваютъ себѣ въ тѣхъ дачахъ участіе, о чемъ и дѣло производилось въ бывшемъ елатомскомъ уѣздномъ судѣ, рѣшеніемъ коего отъ того неправильнаго иска имъ отказано, послѣ чего тамбовская Палата Суда и Расправы рѣшеніемъ своимъ хотя и предоставила имъ имѣть нѣкоторое участіе, но на оное подписано отъ него, Гагарина, неудовольствіе и въ постановленный законами срокъ подана Правительствующаго Сената во 2-й департаментъ апелляціонная жалоба,

¹⁾ Архивъ тамбовскаго губернскаго правленія. Только подписано Державинимъ.

о чемъ въ ономъ департаментѣ и дѣло производится. Слѣдовательно, до рѣшенія дѣла, по однимъ только ихъ заведеннымъ спорамъ, никакого участія имѣть онѣ не могутъ, а потому и воспрещенія того въ собственности князя Гагарина дѣлать нимаю не слѣдуетъ, ибо отъ того можетъ приключиться въ дѣлахъ мнѣ отъ Его Императорскаго Величества порученныхъ крайняя разстройка и напрасные убытки, тѣмъ болѣе, что и сама Палата о нерубкѣ лѣса, въ рѣшеніи ея, ни словомъ заключенія не дѣлала, чего для Васъ, Милостивый Государь мой, по долгу моему, покорнѣйше и прошу шацкому нижнему земскому суду приказать требованіемъ означенной подписки до рѣшенія дѣла удержаться, чѣмъ меня чувствительно и обязать изволите.

Пребываю въ прочемъ съ истиннымъ почтеніемъ моимъ и таковою же преданностію,

Вашего Превосходительства

Милостиваго Государя моего,

покорнѣйшій слуга

Гавріилъ Державинъ.

Маія 5-го дня
1800 года.
С.-Петербургъ.

XIII ¹⁾.

Ему же.

Въ разосланныхъ изъ Правительствующаго Сената отъ 26 числа ноября мѣсяца указахъ о поселенцахъ, въ полуденной край Сибири посылаемыхъ, въ разсужденіи отставныхъ солдатъ, женъ ихъ и дѣтей, на поселеніе отправляемыхъ, на какомъ основаніи снабждать ихъ всѣмъ для пути потребнымъ, учинено постановленіе, по которому велѣно нужное на то число денегъ употреблять изъ казны.

А какъ таковыя распоряженія о снабженіи поселенцовъ всѣмъ необходимымъ зависѣть имѣютъ отъ губернскихъ начальствъ и гг. губернаторовъ, къ которымъ отъ воинской инспекціи и солдаты присылаемы будутъ, то предписано отъ меня тамбовской Казенной Палатѣ, дабы она, сколько когда на отправленіе отставныхъ солдатъ, женъ ихъ и дѣтей и на прочее ихъ снабженіе, по постановленію въ указѣ Правительствующаго Сената отъ 26 ноября, отъ

¹⁾ Архивъ тамбовскаго губернскаго правленія. Державину принадлежитъ лишь подпись.

тамбовскаго Губернскаго Правленія денегъ требуемо будетъ, оныя немедленно выдавала и вела у себя всему тому обстоятельный счетъ, о чемъ поставлено долгомъ увѣдомить и Васъ, Милостиваго Государя моего, для потребнаго свѣдѣнія и исполненія что до Васъ принадлежать будетъ.

Пребываю въ прочемъ съ истиннымъ и непремѣннымъ почтеніемъ всегда

Вашего Превосходительства

Милостиваго Государя моего,

покорный слуга

Гавриилъ Державинъ.

Декабря 3 дня

1800 года.

Его Превосходительству Бахметьеву.

XIV.

Ему-же ¹⁾.

Изъ отношенія тамбовской Казенной Палаты отъ 30 сентября сего года усмотрѣно мною, что, по силѣ именного Его Императорскаго Величества 1798 года февраля 25го дня Высочайшаго указа, въ наполненіе недостающей на указную пропорцію земли въ деревняхъ тайнаго совѣтника и оберъ-церемониймейстера Валуева ²⁾, отдано ему въ вѣчное и потомственное владѣніе изъ лежащихъ въ липецкомъ Тамбовской губерніи уѣздѣ земель Всемилоствѣйше

¹⁾ Архивъ тамбовскаго губернскаго правленія. Только подписано Державиннымъ.

²⁾ Петръ Степановичъ Валуевъ (1743—1814) приходился роднымъ дѣдомъ извѣстному министру гр. Петру Александровичу Валуеву. Имъ издано описаніе Московской Оружейной Палаты и Коломенскаго дворца. Въ началѣ XIX вѣка Валуевъ занималъ должность начальника дворцоваго вѣдомства въ Москвѣ. Горячій блюститель порядка и чистоты, онъ свирѣпствовалъ въ Кремлѣ, разрушая памятники старины. Такъ по его настоянію были снесены не только нѣкоторыя кремлевскія башни, нарушавшія, по его мнѣнію, симметрію, но и церкви и соборы. Изъ послѣднихъ былъ разобранъ Срѣтенскій соборъ и церковь Троицкаго подворья. Не пощадилъ Валуевъ и знаменитаго Цареборисовскаго Годуновскаго двора. Дворъ продали по приказанію Валуева съ аукціона, а на его мѣстѣ выстроили... казармы. Удивительные контрасты встрѣчаются въ нѣкоторыхъ русскихъ людяхъ!

пожалованное количество 10.689 десятинъ 1.140 сажень да сверхъ того неудобной 446 десятинъ 1.100 сажень, совокупно-жь съ удобною 11.085 десятинъ 2.240 сажень, и, за сею отдачею, показываетъ Палата оставшихся въ вѣдомствѣ казенныхъ земель 6.238 десятинъ 260 сажень. Въ упомянутомъ же уѣздѣ, по приложенной при ономъ Высочайшемъ указѣ росписи, значится лежащихъ земель при разныхъ урочищахъ 19.185 десятинъ 750 сажень, изъ которыхъ исключая вышеуказанныя отданныя г. Валуеву земли, должно затѣмъ остаться 8.729 десятинъ 910 сажень. Противу сего количества показано Палатою 2.491 десятина 650 сажень меньше. О недостаткѣ семъ она Палата, на учиненной къ ней вопросъ, отзывается только тѣмъ, что вся вышеуказанная земля положеніемъ своимъ разбита на три части, изъ нихъ самая большая лежитъ въ настоящемъ ея мѣстномъ названіи, т. е. въ усманскомъ уѣздѣ, другая—въ бобровскомъ Воронежской губерніи, а третья—въ тамбовскомъ, и во всѣхъ сихъ трехъ частяхъ, по увѣдомленію тамбовскаго уѣзднаго землемѣра Кузьмина, доставленному отъ него въ ту Палату, отъ 29 ноября 1799 года, заключается только 17.324 десятины 100 сажень, менѣе чѣмъ самымъ числомъ, какое выше сего показано. Въ разсужденіи сего и почелъ я за нужное отнестись о семъ къ Вашему Превосходительству. Покорнѣйше Васъ прошу, дабы Вы, Милостивый Государь мой, приказавъ кому слѣдуетъ сдѣлать обще съ губернскимъ землемѣромъ означенной землѣ провѣрку, что по оной окажется, не оставили бѣ меня о томъ безъ увѣдомленія.

Пребывая въ прочемъ съ непремѣннымъ почтеніемъ,

Милостивый Государь мой,

Вашего Превосходительства,

покорнѣйшій слуга

Гавріилъ Державинъ.

№ 31.

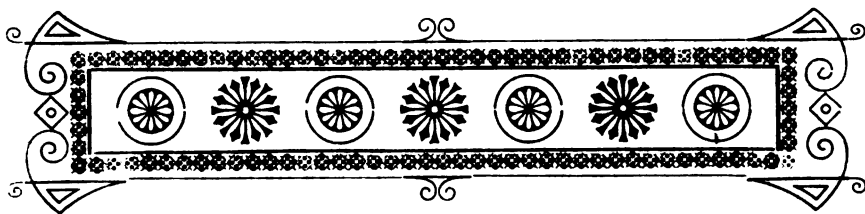
Декабря 6 дня.

1800 года.

Его Превосходительству Бахметьеву.

Сообщилъ В. А. Алексѣевъ.

Маріенбургскій узникъ ¹⁾.

(Историческій очеркъ).

VI.

(Окончаніе).

Въ концѣ февраля 1619 года, тѣ же московскіе послы, которые подписывали перемиріе, выѣхали изъ Москвы, для приѣма плѣнныхъ въ обмѣнъ. 13-го марта прибылъ въ столицу польскій гонецъ съ оповѣщеніемъ, что польскіе паны доставятъ плѣнныхъ на границу въ назначенный срокъ. Этотъ же гонецъ, нѣмецъ, Андрей Рейгеръ, сообщилъ, что митрополитъ Филаретъ уже въ дорогѣ и находится въ Гроднѣ, куда онъ прибылъ 7-го февраля, а затѣмъ выѣхалъ въ Оршу ²⁾; что касается князя Василя Голицына, товарища Филарета въ посольствѣ подъ Смоленскъ, а затѣмъ и въ неволѣ, новоприбывшій сообщилъ печальную вѣсть, что Голицынъ, не дождавшись возвращенія въ свое отечество, умеръ по дорогѣ князь Маріенбурга въ городѣ Вильнѣ 25 января, гдѣ и погребенъ временно въ церкви Св. Духа. Въ виду этого, его тѣло должно было быть выданнымъ при обмѣнѣ плѣнныхъ противной сторонѣ, какъ наличность и доказательство его смерти.

Вообще, очевидно, на Литвѣ считались съ извѣстнымъ оттѣнкомъ характера узниковъ и дѣлали моральную разницу между одной и другой группой, какъ это само собою вытекало изъ обстоятельствъ. Поэтому канцлеръ литовскій, Левъ Сапѣга, стоявшій за

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1908 г. ноябрь.

²⁾ По преданію, Филаретъ, во время неоднократныхъ посѣщеній Варшавы, содержался въ башнѣ св. Анны.

права королевича на царскую корону и шедшій противъ Михаила Теодоровича и Филарета,—пишетъ въ Вильно къ Евстафію Волтовичу, епископу виленскому, отъ 9-го февраля 1619 года:

„Что касается обмѣна плѣнныхъ, то они двоякаго рода: одни—*bello asserti*, другіе же съ послами Филаретомъ и Голицынымъ, не есть тебѣ (настоящіе) узники. Тѣхъ бы, что *bello* есть *asserti*, одѣвъ въ суконныя одежды, отправить, а задержанныхъ съ лошадьми и всякими достатками, *pro honore et Majestate* Его Величества и народа нашего, слѣдовало бы отпустить болѣе опрятно, возвративъ имъ лошадей, или давъ другихъ, и одежды не суконныя, а голубыя подѣлать. Здѣсь еще не слышно объ отправкѣ Филарета и время очень коротко, къ 25-му *Februarii* общали мы доставить его на границу, надо бы, чтобы онъ, по крайности, написалъ къ своимъ, что онъ уже въ дорогѣ. Тѣло покойнаго Голицына похоронено здѣсь въ церкви Св. Духа, и я боюсь, чтобы за него не удержали какого-либо нашего важнаго плѣннаго. Если бы захотѣли возвратить это тѣло, то я не могу запрашивать“¹⁾...

Видно, кн. Василій Голицынъ отправленъ былъ изъ Мариенбурга раньше другихъ вслѣдствіе того, что онъ былъ очень боленъ. Какъ извѣстно, кромѣ поименованныхъ нами и ихъ свитѣ, на Литвѣ находились еще—Иванъ Шуйскій, Юрій Трубецкой²⁾ и Салтыковы; но всѣ они рѣшительно объявили, что, несмотря на свободу и льготы, указанныя въ актѣ перемирія, въ Москву не возвратятся. Впрочемъ, за исключеніемъ Ивана Шуйскаго, который потомъ передумалъ и возвратился въ отечество, остальные остались вѣрными Вазамъ.

Рейгеръ, получивъ въ Москвѣ дальнѣйшія извѣстія изъ-за границы, донесъ, что Филаретъ доѣхалъ 6-го мая до Смоленска, послѣ чего прибылъ еще другой гонецъ отъ польскихъ пановъ, Андрей Сулимерскій, съ цѣлю опредѣленія послѣдняго дня и мѣста обмѣна плѣнныхъ. Многіе очень ошиблись бы, предположивъ, что обмѣнъ таковыхъ, какъ и военной добычи, могъ состояться очень легко и быстро. Прежде всего приходилось долго спорить, говорить и ссориться изъ-за мѣста сѣзда: бояре не соглашались сѣзжаться между Дорогобужемъ и Вязьмой, какъ хотѣли поляки, поэтому началась переписка между обѣими сторонами. Польскіе комиссары послали 22-го мая Яна Оборскаго, а потомъ Яна Куновскаго съ предложеніемъ встрѣчи неподалеку отъ Поляновскаго монастыря.

¹⁾ Архивъ дома Радзивилловъ. Краковъ. 1885 г., стр. 262.

²⁾ Баятышъ-Каменскій, „Чтеніе въ Имп. Общ. Ист. древн., гл. IV“. „Переписка между Росс. и Польшей“. часть III.

куда легко было стянуть всѣхъ плѣнныхъ, задержанныхъ въ настоящее время въ Дорогобужѣ. Кончилось однако тѣмъ, что пограничнымъ пунктомъ признана рѣчка Поляновка, на которую должны были прибыть делегаты обѣихъ сторонъ, съ эскортомъ до пятисотъ человѣкъ. Съ Московской стороны пріѣхали: Путило, Рязановъ, Неустрой Кувшиновъ, Первой Нероновъ; а отъ поляковъ: ротмистръ М. Воронежъ, Янъ Пасекъ и Андрей Оборскій...

На сѣздѣ этомъ опять представились затрудненія. При обмѣнѣ и провѣркѣ списковъ плѣнныхъ оказалась недостача нѣкоторыхъ поляковъ и литвиновъ изъ числа тѣхъ, которые были взяты семь лѣтъ тому назадъ, вслѣдствіе чего поляки потребовали внести въ договорный актъ еще нѣсколько пунктовъ, на которые москвичи, въ концѣ концовъ, и согласились. Дѣло шло о недостающихъ солдатахъ Яна Сапѣги или Струся. Польскіе плѣнные, сосланные въ отдаленныя мѣста Сибири, еще не успѣли прибыть: ихъ приходилось еще разыскивать и доставить на границу къ Двинѣ, въ устьѣ рѣки Марковки, къ 10—20 сентября, гдѣ и вручить ихъ королевскимъ посламъ. Только теперь и можно было сдѣлать различныя поправки въ договорномъ актѣ, по выдачѣ же московскихъ людей было бы ужъ поздно.

Такимъ образомъ, долженъ былъ разыскаться и быть доставленнымъ на сѣздъ Андрей Корсаковъ, при чемъ ему предоставлялось право остаться въ Москвѣ или вернуться въ Польшу. Между прочимъ, должно было схватить въ Торопцѣ жену Ивана Мещеринова и выдать ее мужу, старостѣ невелискому, отъ котораго она вѣрно бѣжала, не желая перемѣнять вѣру. Подобные супружескіе споры на религіозной почвѣ въ тогдашнихъ отношеніяхъ,—когда унія искала прозелитовъ,—были не рѣдки. Наконецъ, слѣдовало назначить день, когда могутъ сѣхаться пограничные судьи съ цѣлю опредѣленія границъ и окончанія редакціи вышепомянутыхъ пунктовъ трактата. Что касается сѣзда пограничныхъ комиссаровъ, то этотъ послѣдній былъ назначенъ, согласно шестому параграфу мирнаго договора, на 10—20 сентября; но, въ виду непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, сѣздъ могъ быть отсроченъ до 10—20 октября того же года. Исходя изъ этого, прежде чѣмъ гг. судьи не пришли къ соглашенію, никто не могъ занимать спорныя пограничныя мѣстности: въ то же время, до сказаннаго послѣдняго срока, должны были возвращены Литвѣ вывезенные въ послѣдніе мѣсяцы, вопреки договору, всѣ крестьяне изъ городовъ Невеля, Себежа и др. вмѣстѣ съ взятыми въ городахъ пушками, аммуниціей и церковными колоколами...

Остальные параграфы договоров касались титуловъ, какими монархи должны были титуловаться, какъ равно пословъ, посланниковъ, гонцовъ, купцовъ и проч., о чемъ здѣсь нѣтъ нужды распространяться.

Между тѣмъ узники короля Сигизмунда и тѣло покойнаго кн. Василя Голицына, погребеннаго уже въ церкви Св. Духа, ожидали на границѣ въ Дорогобужѣ. Надъ гробомъ послѣдняго православный архимандритъ, Леонтій Карповичъ сказалъ по-польски почувствованную надгробную рѣчь.

До этого еще, московскіе уполномоченные, узнавъ, что Филаретъ приближается къ новымъ границамъ, послали къ нему гонца Андрея Усова съ слѣдующей инструкціей: Если литвины позволяютъ ему видѣться съ митрополитомъ безъ свидѣтелей, тогда онъ долженъ спросить его, можно ли разсчитывать на скорый обмѣнъ плѣнныхъ, не слѣдуетъ ли опасаться какой-либо провоочки и нѣтъ ли у литвиновъ какихъ-нибудь тайныхъ замысловъ и намѣреній?

Очевидно, существовало до послѣдней минуты обоюдное недовѣріе, подозрительность и опасеніе обмана, а можетъ быть даже употребленіе послѣднихъ усилій отправки экспедиціи подъ стѣны Москвы. Собственно, недовѣріе это было бы болѣе объяснимо съ литовской стороны, если вспомнить многократные опыты, пріобрѣтенные въ рядѣ кампаній Стефана Баторія и Сигизмунда, и традиціонную тактику непріятеля; съ другой же стороны, нельзя забывать, что между литвинами находился Александръ Гонсѣвскій, который въ теченіе многихъ лѣтъ проникся извѣстнымъ методомъ, пользовался имъ за кордономъ, дѣлался все болѣе докучливымъ и можетъ быть зналъ лучше другихъ своихъ противниковъ. Правда, Усову удалось увидѣться съ митрополитомъ, тайно разговориться съ нимъ и услышать увѣреніе, что поляки искренно желаютъ исполнить условія, но это нисколько не помѣшало Гонсѣвскому грозно налечь въ послѣднія минуты на русскихъ и потребовать точнаго исполненія данныхъ обязательствъ. Благодаря этому, староста велижскій внесъ тогда на стѣздѣ:

„Бояре не сдерживаютъ условій; не всѣхъ литовскихъ плѣнныхъ доставили на условное мѣсто; въ Москвѣ, по боярскимъ домамъ и подземельямъ, сидитъ еще много посаженныхъ насиліемъ въ казематы; нѣкоторыхъ же бояре поразсылали въ свои имѣнія въ разныя стороны!.. Словомъ, бояре совершаютъ такое безправіе, какія не совершаются ни въ одномъ христіанскомъ государствѣ: однихъ плѣнныхъ они пораздарили татарамъ, другихъ продали въ Персію или уступили ногайцамъ... Такъ ли поступаютъ христіане?

Христіанъ выдали идолопоклонникамъ; держать по полтора ста чело-
вѣкъ въ одной тюрьмѣ вмѣстѣ; принуждаютъ перейти въ пра-
вославіе и присягнуть царю! Взятыхъ же въ плѣнъ королевскихъ
людей военныхъ: нѣмцевъ, французовъ, англичанъ, испанцевъ, гол-
ландцевъ и др. не хотятъ отдать въ обмѣнъ. Поэтому все должно
считаться нарушеніемъ польскаго договора“...

Само собою разумѣется, что упреки старосты велижскаго вы-
звали горячіе протесты и жалобы на неzasлуженныя заѣмки.
Былъ разговоръ о назначеніи сѣзда на 27-е мая, но москвичи
отказались, потому что количество военныхъ эскортеровъ, сопро-
вождающихъ пословъ, не было съ точностью опредѣлено. Даже самъ
Филаретъ возмущенъ замедленіемъ и поэтому жаловался дворя-
намъ, присланнымъ второй разъ отъ уполномоченныхъ, что сѣздъ
отложенъ изъ-за такой незначительной причины до 30-го мая.

Въ виду этого произошли новые споры подъ Дорогобужемъ.
Гонсѣвскій опять внесъ на сѣздѣ свои претензіи:

„Многихъ польскихъ и литовскихъ людей бояре превратили въ
холоповъ, силою перекрестили ихъ и даже поженили, а теперь
держатъ въ неволѣ. Напримѣръ, бояринъ, князь Пожарскій мно-
гихъ изъ этихъ людей разослалъ по своимъ имѣніямъ и держать
ихъ,—какъ доносятъ о томъ въ Смоленскъ,—закованныхъ въ цѣ-
пяхъ; отпущенные же были отосланы въ Москву, а оттуда — на
границу въ самые сильные морозы, нагіе, босые и голодомъ по-
моренные!“...

Весьма правдоподобно, что такъ въ дѣйствительности и было,
хотя бояре энергично опровергали упреки старосты и гово-
рили:

„Все, что ты говоришь—неправда; здѣсь же мы скажемъ истину
христіанскую: ничего подобнаго не случилось!“...

Послѣ этого литовскіе послы опять предложили новыя усло-
вія, чтобы дороги, какъ по сушѣ, такъ и по водѣ были свободны
около Брянска для польскихъ купцовъ съ пограничныхъ городовъ,
присоединенныхъ теперь къ Литвѣ. Казалось, что вновь предъ-
явленные условія должны были нарушить договоръ и отсрочить
обмѣнъ плѣнныхъ. Уполномоченные: Ѳеодоръ Ивановичъ Шере-
метевъ и его товарищи, Данило Ивановичъ Мезецкій и Артемій
Васильевичъ Измайловъ послали даже въ польскій обозъ чело-
вѣка объяснить Филарету, что, вслѣдствіе измѣнившася поло-
женія, его освобожденіе встрѣчаетъ затрудненія. Они спрашивали,
какъ прикажетъ поступить въ данномъ случаѣ отецъ государя:
вымѣнять ли его на Николая Струся и нѣкоторыхъ его товарищей,
а потомъ уже стараться объ освобожденіи остальныхъ?

— Только бы Господь дозволилъ мнѣ узрѣть сына моего, великаго царя и всѣхъ православныхъ христіанъ Московскаго государства!— произнесъ Филаретъ, но на вопросъ не отвѣтилъ, быть можетъ вслѣдствіе того, что при аудіенціи въ палаткѣ присутствовало нѣсколько человѣкъ литвиновъ. Онъ только спросилъ:—Имѣютъ ли бояре отъ моего сына какую-либо посылку?.. Если у нихъ есть соболѣи мѣха, то пусть мнѣ сегодня же пришлютъ, ибо я долженъ наградить тѣхъ поляковъ, которые берегли мое здоровье“.

Присутствовавшій при этой сценѣ союзникъ, Томило Луговскій, подошелъ къ гонцу и сказалъ:

— Если бояре пришлютъ соболѣи мѣха, то пусть напишутъ на нихъ цѣну, наполовину меньшую правительственной, а мы ужъ здѣсь знаемъ, для чего они такъ должны поступить.

Цѣны на соболѣи мѣха были всегда преувеличены и служили, такъ сказать, предлогомъ для горячаго торга; но въ Польшѣ онѣ значительно понижались, поэтому подарокъ съ максимальной цѣной считался обманомъ; но въ Польшѣ ужъ привыкли къ тому, какъ это видно изъ замѣтокъ, найденныхъ нами въ разныхъ современныхъ запискахъ, такъ какъ соболѣи „сороки“ были обычнымъ польскимъ даромъ, сколько бы разъ ни появлялись послы изъ Москвы.

Бояре удовлетворили желаніе митрополита, выбрали семнадцать „сороковъ“, то есть, по сорокъ шкурокъ въ связкѣ, уменьшили цѣну наполовину и отослали Филарету.

Литовскіе комиссары, съ цѣлью достиженія вышеупомянутыхъ условій, послали къ московскимъ одного изъ своихъ людей съ угрозой, что если всѣ ихъ требованія не будутъ исполнены, то они не пойдутъ на конгрессъ и вернутся домой съ Филаретомъ. Послѣ этого, конечно, ничего не оставалось, какъ объявить новую войну. Но московскіе комиссары отвѣтили слѣдующее:

„Вы пріѣхали съ угрозами и насильно принуждаете насъ къ заключенію новыхъ условій! Но мы, вслѣдствіе царскаго приказа, ничего не можемъ сдѣлать и угрозъ не боимся! Войскъ у насъ достаточно, и они стоятъ ближе, чѣмъ ваши!“...

Однако же упрямство царскихъ пословъ имѣло свою слабую сторону, такъ какъ они получили приказъ не возвращаться въ Москву безъ Филарета, благодаря чему, послѣ нѣкоторыхъ пререканій, они уступили, обѣщая согласиться на нѣкоторые пункты условій. Конные посланцы переносили изъ стана въ станъ вопросы и отвѣты, ибо только такимъ путемъ послы могли корреспондировать между собою, и не безъ основаній; такъ какъ столкновение

обѣихъ партій служило обыкновеннымъ предлогомъ къ новымъ недоразумѣніямъ; даже при такомъ родѣ корреспонденціи необходимо безъ колкостей... Въ сущности безъ нихъ и нельзя себѣ представить тогдашнихъ переговоровъ.

Въ свою очередь, Михайлъ Борисовичъ Шейнъ, извѣстный по оборонѣ Смоленска, увѣдомилъ Шереметева, чтобы онъ прислалъ къ нему вѣрнаго человѣка или родственника, Салтыкова или Морозова. Уполномоченные исполнили желаніе Шейна и послали въ обозъ литовскихъ пословъ подданнаго Морозовыхъ, нѣкоего Поздѣева-Вунка. Шейнъ приказалъ послѣднему объяснить комиссарамъ не медлить обмѣномъ плѣнныхъ; въ противномъ случаѣ, — приготовиться къ нарушенію всѣхъ договоровъ литовскими послами, а въ то же время быть осторожными и готовыми въ своемъ обозѣ къ войнѣ.

Какая была причина для этого предостереженія плѣннымъ — трудно объяснить; но, благодаря ему, комиссары испугались и согласились удовлетворить всѣ требованія поляковъ. Только такимъ образомъ дошли до обмѣна плѣнныхъ. Для этого была избрана пустынная мѣстность Ресочна, въ двухъ верстахъ отъ большого дорогубужскаго тракта, пересѣкаемая рѣчкой Поляновкой, и въ семнадцать верстахъ отъ г. Вязьмы.

Именно эта мѣстность и послужила обмѣмъ сторонамъ для совершенія скорѣйшаго обмѣна плѣнными, такъ какъ формальности для него продолжались уже почти три мѣсяца. Съ этою цѣлью чрезъ рѣчку Поляновку перекинули два мостика, по которымъ должны были переходить: съ одной стороны москвичи, а съ другой поляки. 1/10 іюня новаго стиля митрополитъ былъ доставленъ изъ обоза къ Поляновкѣ въ экипажѣ, за которымъ шли пѣшкомъ: Шейнъ, Луговскій, кн. Черкасскій-Барятинскій, дворяне и вся свита бывшаго посольства. По одному изъ мостовъ долженъ былъ пройти Филаретъ съ товарищами, а по другому—Струсъ со своими. Но митрополитъ, пріѣхавъ къ рѣчкѣ, послалъ къ комиссарамъ М. Воронца съ порученіемъ сказать имъ, чтобы пустить прежде него Н. Струся, безъ опасенія, оставшіеся же плѣнные должны быть пропускаемы согласно наказу.

И въ самомъ дѣлѣ поляки боялись, чтобы москвичи, получивъ царскаго отца, объ освобожденіи котораго больше всего хлопотали, не задержали польскаго ясыра, не подвели и не измѣнили. Въ этомъ отношеніи они были очень осторожны. Очевидно, того же боялись и царскіе комиссары и поэтому отвѣтили Воронцу:

— Никимъ образомъ мы не можемъ пустить Струся передъ великимъ государемъ Филаретомъ, а пересматривать по наказному списку, всѣ ли ваши люди на мѣстѣ, намъ нѣтъ времени... Уже смер-

кается, и скоро съ обѣихъ сторонъ начнемъ переправу. И безъ того дѣло затянется до поздней ночи. Мы вѣримъ вашимъ спискамъ; а если кого неостанетъ, то сейчасъ пришлемъ въ вашъ обозъ.

Филаретъ второй разъ прислалъ сказать делегатамъ, чтобы они впередъ пустили Струся. Благодаря его настоянію они пропустили его, а въ то же время стали поджидать, вмѣстѣ съ стольниками, стряпчими и дворянами, маріенбургскаго узника.

Такимъ образомъ очутился первымъ на мосту герой Москвы и Кремля, и когда перешелъ его и сталъ на польскомъ берегу, тотчасъ пустили ¹⁾ экипажъ съ Филаретомъ. Какъ только Шейнъ, Луговскій, Барятинскій и др. показались на своемъ мосту, бояре приказали Будиллѣ и другимъ переходить черезъ второй. Перевезли также и тѣло Голицына...

Переѣхавъ мостъ, митрополитъ вышелъ изъ экипажа; Шереметевъ привѣтствовалъ его отъ имени царя и супруги митрополита. Спросивъ о здоровьи помянутыхъ лицъ, Филаретъ благословилъ Шереметева, послѣ котораго сказалъ свою рѣчь Мезецкій; Шейна же привѣтствовалъ комиссаръ Измайловъ, спрашивая о его здоровьи отъ имени монарха: остальныхъ же привѣтствовали дьяки.

Нельзя сказать, чтобы обоюдный возвратъ плѣнныхъ закончилъ споры, связанные съ спорными границами и обострившимися политическими отношеніями, потому что вопросъ о правѣ королевича Владислава на царскую корону и связанныхъ съ этимъ привилегіяхъ титулованья по праву молодого царя Михаила Феодоровича—остался открытымъ. Это было только временное облегченіе. Въ виду только временнаго перемирія, вопросъ возбужденія жалобъ и возмездій былъ вопросомъ времени, и такъ несомнѣнно понимали обѣ стороны. Польша не могла разсчитывать на дружбу чловека, продержаннаго семь лѣтъ въ неволѣ, который являлся представителемъ государственной идеи, за которую и страдалъ, совершенно правильно считаеый однимъ изъ столповъ государства. Его ожидалъ не занятый престолъ патріаршій въ Москвѣ, ибо по смерти Гермогена (во время осады польскаго гарнизона) посаженъ былъ, по рекомендаціи Гонсѣвскаго и дружественныхъ Сигизмунду бояръ, патріархъ Игнатій; но послѣдній долженъ былъ уйти въ Польшу, въ которой пребывалъ въ безопасности и не думалъ возвращаться въ Москву, да и не могъ.

Въ Вязьмѣ готовилась торжественная встрѣча достойнѣйшему духовнику. Тамъ ожидали его прибытія стольникъ Левъ Долматовъ-Карповъ и Иванъ Вилкинъ. Собственно было три встрѣчи, по

¹⁾ Слова поляка—ред.

придворному церемоніалу, то есть: въ Можайскѣ, Вязьмѣ и Звенигородѣ. Въ царскомъ манифестѣ ясно говорится, какъ отецъ государя былъ провожаемъ литвинами до границы: „съ почести и уваженіемъ великимъ“¹⁾. Самая же торжественная встрѣча состоялась въ Москвѣ:

„Самъ государь встрѣтилъ его, выѣхавъ за пять верстъ за городъ и, сойдя съ коня, склонилъ главу свою къ его ногамъ. Такъ же и онъ до земли поклонился, и оба, лежа на землѣ, слезы радости проливали. Митрополитъ былъ встрѣченъ народомъ, какъ не встрѣчался до сего времени ни одинъ изъ патріарховъ, и въѣхалъ въ городъ величественно“...

Одновременно съ симъ царь Михайлъ объявилъ, что „Шереметевъ и Мезецкій, присягнувъ 10-го декабря (1618 г.), заключили миръ съ польскими и литовскими послами на 14 лѣтъ и 4 мѣсяца, пошли на Литву и плѣнныхъ отдали“...

Затѣмъ было объявлено о вступленіи на патріаршій всероссійскій престолъ Филарета и возведеніе его въ санъ патріархомъ Іерусалимскимъ Теофаномъ, пребывавшимъ въ это время въ Москвѣ и титуловавшимся: „патріархомъ Іерусалима и всея Палестины“...

Не забыли также и товарищей по плѣну. Михайлъ Борисовичъ Шеннъ получилъ отъ царя, въ знакъ особаго къ нему благоволенія, шубу и кубокъ; гордый дьякъ Луговскій—тоже шубу и такой же кубокъ; Борисъ Пушкинъ—шубу и кубокъ съ крышкой; то же самое получилъ и Богданъ Глѣбовъ; Андрей Баскаковъ—кубокъ, но безъ крышки; такіе же получили также Иванъ Коробинъ, Борисъ Бартеневъ, Антонъ Загосткинъ, Фома Квашнинъ и наконецъ Василій Павловъ.

Между договаривавшимися комиссарами находился также и кн. Данило Мезецкій, бывшій узникъ Сигизмунда, который, вмѣсто экстрадиціи, дождался того, что получалъ и принималъ своихъ товарищей по плѣну. Этотъ Мезецкій бѣжалъ изъ обоза въ послѣднюю кампанію Сигизмунда, одновременно съ дьякомъ Иваномъ Грамотиннымъ.

V.

Филаретъ, сдѣлавшись патріархомъ, остался имъ до конца жизни, т. е. до 1633 года. Онъ пользовался преимущественнымъ вліяніемъ по управленію государствомъ, не только по дѣламъ духовнымъ, но и политическимъ, что и было естественнымъ съ точки зрѣнія

¹⁾ «Собр. Госуд. Грамотъ», т. III, стр. 184.

родства съ молодымъ монархомъ. Новый патріархъ былъ энергичнымъ человѣкомъ, отличавшимся не столько высшимъ образованіемъ, котораго не получилъ и получить не могъ, сколько практическимъ умомъ. Сѣвъ на Кремль, онъ сдѣлался сразу представителемъ тѣснаго, традиціоннаго, замкнутаго въ себѣ народнаго направленія, основаннаго на религіозной цивилизаціи, суроваго и усердно очищающаго все то, что налетало съ Запада. Одной изъ главныхъ жертвъ его системы и взглядовъ сдѣлался князь Иванъ Хворостинъ, умный, свободомыслящій и одинъ изъ тѣхъ, которые инстинктивно стремились къ Западу, охваченному вѣяніемъ реформаціи. Хворостинъ былъ даже склоненъ обратиться къ Риму, такъ какъ чувствовалъ себя обезкураженнымъ и недовольнымъ всѣмъ, что его окружало. Еще до Филарета, царь Василій Шуйскій присудилъ его къ изгнанію, потому что князь читалъ еретическія книги, то есть, латинскія или нѣмецкія, не признавалъ постовъ, насмѣхался надъ монастырскими аскетами, ѣлъ мясное на Страстной недѣлѣ и проч. Онъ часто отзывался такъ: „Въ Москвѣ нѣтъ людей и не съ кѣмъ разговаривать“, собирался на Литву или въ Римъ. За все это Филаретъ опять наказалъ его и послалъ въ Кирилловскій монастырь, не позволивъ выходить изъ своей кельи, и поручилъ надзирателямъ давать ему лишь духовныя греческія книги и принуждать къ молитвѣ.

Такимъ образомъ Хворостинъ просидѣлъ девять лѣтъ и только въ 1632 году былъ освобожденъ послѣ присяги, что онъ будетъ исполнять всѣ предписанія греческой церкви и не станетъ читать „еретическихъ“ книгъ.

Въ царствованіе Іоанна Грознаго, рядомъ съ старинными, византійско-московскими, понятіями, сопутствующими съ момента введенія христіанства, удерживаемаго вслѣдствіе постоянныхъ сношеній съ Константинополемъ и Греціей, мы встрѣчаемся въ Москвѣ съ новѣйшими теченіями, навѣянными неважѣнно съ Запада и начинавшими выпирать византизмъ. Кто рѣшить, не слѣдуетъ ли отнести эту борьбу ко временамъ Софьи Палеологъ, сидѣвшей на кремлевскомъ престолѣ? Позже, итальянское вліяніе вытѣснялось нѣмецко-реформаторскими идеями, просачивавшимися со стороны Литвы. Иванъ Грозный посылалъ московскихъ людей для изученія еѳеологіи въ Царьградъ и въ Аѳины, а Борисъ Годуновъ позволялъ имъ учиться на Западѣ. Бояре убѣжали за границу, ибо многіе считали ихъ еретиками и негодяями; о полякахъ же говорили: „Пусть только наши побудутъ съ ними одинъ годъ на службѣ, такъ на слѣдующій годъ къ нимъ убѣжить добрая половина нашихъ, а изъ бѣдныхъ—ни одинъ не останется“... Поэтому

то въ письмахъ Хворостина было „много неприличныхъ и оскорбительныхъ словъ для православной вѣры, о святыхъ мученикахъ и о людяхъ московскихъ“. Хворостинъ говорилъ: „Москвичи сѣютъ жито, живутъ ложью, государь русскій—деспотъ“... Впрочемъ, народъ находился подъ вліяніемъ низшаго темнаго духовенства, о чемъ говоритъ и А. Трачевскій въ своемъ „Учебникъ Россійской исторіи“. Хворостинъ опровергалъ нужды церковныхъ обрядностей, существованіе жизни вѣчной святыхъ и запретилъ своимъ слугамъ ходить въ церкви. Очевидно, не католическіе ксендзы были его учителями...

Поэтому, первымъ распоряженіемъ Филарета было запретить опаснаго пропагандиста „новшествъ“ и держать его взаперти до тѣхъ поръ, пока онъ сдѣлается безопаснымъ.

Правдоподобно также, что, принимая во вниманіе исключительное и небывалое положеніе новаго патріарха, границы его правъ и привилегіи само собою расширились: Филаретъ получилъ титулъ „Великаго Господаря“ и считался регентомъ,—чѣмъ, въ сущности и былъ, въ полномъ значеніи слова,—принималъ участіе въ засѣданіяхъ царскаго совѣта и присутствовалъ на аудіенціяхъ, назначаемыхъ иностраннымъ посламъ. Его дворъ и все окружающее равнялось тому величію и роскоши, какими любилъ окружать себя молодой царь, согласно церемоніалу, даже пользовался приказомъ, въ силу котораго лица, находившіяся подъ властью патріарха, освобождались отъ всякихъ государственныхъ повинностей; у него была даже отдѣльная патріаршая юрисдикція по церковнымъ дѣламъ.

Продолжительное, вынужденное пребываніе въ Польшѣ могло только раздуть непріязнь, какую Филаретъ питалъ къ полякамъ и всему Западу, и доставилъ ему даже нѣкоторую опытность въ лелѣяніи мысли о возмездіи, которое служило какъ бы осью позднѣйшей политики въ Кремлѣ. Онъ, отказывавшійся отъ патріаршества, вслѣдствіе нездоровья и безсилія, велъ въ теченіе почти пятнадцати лѣтъ государственнымъ дѣломъ съ энергіей и рѣшительностью, съ закаленностью, вызванною бурной колеей жизни и преслѣдованіемъ его врагами!

Собственно, Филаретъ Никитичъ, по современнымъ даннымъ, не отличался ееологической эрудиціей, такъ какъ сдѣлался монахомъ по принужденію (обычное радикальное средство сдѣлать претендента безопаснымъ, ибо въ этомъ состояніи онъ терялъ возможность вступить на престолъ); тѣмъ не менѣе онъ былъ выдающимся представителемъ идеи, враждебной латинизму, чему впрочемъ онъ далъ явные доказательства въ 1610 году, какъ членъ духовенства

и какъ патриотъ, смотря на латинизмъ, какъ на ересь. По его смерти, въ его библіотекѣ нашлась рукописная копія (въ 12 листовъ) съ трактата кн. Василія Острожскаго противъ „Римскихъ еретиковъ“. Сколько можно понять изъ краткой записки, это вѣрно диссертация кн. Василія Острожскаго, почившаго въ началѣ XVII вѣка послѣ уніи, къ которой временно присоединился. Вліяніе патриарха обнаруживается и въ приказахъ, данныхъ съ высоты Кремля въ церковномъ стилѣ, украшавшемъ часто предметы политическаго характера.

Въ 1619 году начинаются татарскія дѣла, когда, какъ извѣстно, оба государства, Москва и Польша, покупая „поганцевъ“, травятъ ихъ взаимно другъ на друга, и когда татары хитро и по-купчески эксплуатируютъ антагонизмъ обоихъ государствъ. Москва скрываетъ передъ татарами заключенный съ поляками договоръ, и они узнаютъ о немъ позже. Михайлъ Ѳеодоровичъ прежде всего посылаетъ въ Крымъ съ предложеніемъ союза противъ Рѣчи Посполитой. Филаретъ же ведетъ переговоры съ Крымомъ, когда дѣло доходитъ до направленія татаръ на Сизимунда; даетъ отчетъ обо всемъ своему сыну; вскрываетъ письма въ отсутствіе царя; читаетъ ихъ и, запечатавъ своею печатью, отсылаетъ Михайлу въ какой-либо монастырь, въ которомъ государь временно пребываетъ. Съ своей стороны, молодой монархъ совѣтуется съ отцомъ, когда дѣло касается пограничныхъ споровъ или когда комиссары жалуются на Александра и Николая Гонсѣвскихъ, Михаила Униховскаго и Мартина Карлинскаго...

Въ 1621 году царь Михайлъ совѣтуется съ патриархомъ по поводу отказа ему поляками титула; на границахъ происходятъ битвы; литвины занимаютъ земли; строятъ семьдесятъ деревень и селъ въ Путивльскомъ, Брянскомъ, Луцкомъ и Торопецкомъ уѣздахъ: Какъ только Турція послала своего дипломата въ Москву съ цѣлью двинуть ее на Польшу, Филаретъ принимаетъ посла и съ удовольствіемъ ждетъ момента возмездія и, вѣроятно, особенной частной мести.

Такъ, напримѣръ, Филаретъ Никитичъ пишетъ своему сыну въ 1619 году, чтобы онъ позволилъ купцамъ литовскимъ, согласно съ актомъ перемирія, торговать въ Путивлѣ и другихъ Сѣверскихъ городахъ; но чтобы эти купцы располагались за городомъ и за чертою съ тѣмъ, „чтобы имъ построить особенные дворы и въ городъ не впускать“. Въ Москву тогда купцы еще не могли въѣзжать и только по заключеніи поляновскаго перемирія они получили эту привилегію. Затѣмъ онъ опять принимаетъ участіе въ щекотливомъ вопросѣ относительно титула королевича Владислава;

совѣтуеть, чтобы въ пограничныхъ мѣстечкахъ не принимать писемъ отъ пограничныхъ старостъ литовскихъ, если Владиславъ титулуется на нихъ царемъ. Принимаетъ также участіе въ обсужденіи вопроса о проведеніи новой границы ¹⁾).

У насъ имѣется документъ изъ этой эпохи, когда онъ въ полной силѣ своей власти и патріаршаго величія правилъ въ Кремлѣ, защищалъ свою вѣру и цивилизацію отъ постороннихъ вліяній и отъ уніи, подобно тому, какъ цари и патріархи XVI вѣка защищали границы отъ католицизма и реформацин. Кирилль Ставровецкій, архимандритъ черниговскій, находясь подъ скипетромъ Рѣчи Посполитой, перешелъ въ унію, или какъ прежде называли на официальномъ языкѣ,—въ латинскую ересь, вводилъ ее въ церковныя книги, печатанныя на Литвѣ. Книги эти, несмотря на строгое запрещеніе, привозили тайно изъ-за границы въ Путивль кіевскіе и другіе купцы и продавали ихъ разнымъ людямъ. Въ продажѣ встрѣчались также и рукописные трактаты религіознаго содержанія. Поэтому-то, когда случалось, что прибывшіе изъ-за границы и порубежныхъ городовъ купцы, какъ напр. изъ Смоленска, провозили ихъ цѣлыми кипами и, несмотря на запретительныя объявленія, начинали ихъ продавать, въ Торопцѣ, тотчасъ наряжалось слѣдство, купцовъ отставляли назадъ на другую сторону города, а книги сжигали и запрещали пріѣзжать съ такимъ товаромъ, „ибо и такъ достаточно книгъ въ Московскомъ государствѣ, московской печати“ ²⁾).

Затѣмъ, въ 1628 году, по приказу патріарха Филарета, въ Торопцѣ сдѣланъ былъ обыскъ и просмотръ Евангелій того же архимандрита Ставровецкаго, въ которыхъ найдено много ереси, противорѣчій съ древними евангельскими поученіями и новыми московскими книгами святыхъ отцовъ. Въ виду этого, всѣ онѣ были конфискованы, забраны съ другими дѣлами Кирилла и преданы огню, „дабы ересь больше не распространялась“. Одновременно же торопецкій воевода приказалъ оповѣстить всѣхъ жителей города, чтобы они не смѣли держать у себя подобныхъ книгъ и не употребляли иныхъ молитвенниковъ, кромѣ московской печати, какъ равно и не ѣздили на Литву покупать ихъ. Если же кто утаитъ такія книги въ своемъ домѣ, не принесетъ ихъ самъ властямъ или если таковыя нашлись бы у купцовъ, преступники будутъ жестоко наказуемы, да еще дважды: разъ—свѣтской властью, а второй—духовной, здѣсь же и тамъ по приказу патріарха.

¹⁾ «Письма Русскихъ Государей». 1848 г., стр. 40.

²⁾ «Акты Москов. Госуд.», т. I, стр. 224.

Обереганіе отъ католицизма, реформаціи или, въ позднѣйшее время, отъ распространявшейся на литовскихъ границахъ униі, какъ напр., въ черниговщинѣ, сѣверщинѣ и Смоленскѣ,—началось уже въ концѣ XV вѣка, когда въ Европѣ пробудилось религіозное движеніе. Въ Москву проникали купцы и ремесленники, ищущіе заработка, между которыми были кальвины и люди латинской вѣры. Въ 1570 году на дворѣ Іоанна Грознаго является въ польскомъ посольствѣ Рокита, чешскій пасторъ, съ которымъ царь диспутируетъ о необходимости исполненія добрыхъ дѣлъ ради спасенія души, какъ равно и объ обрядовой сторонѣ религіи, отвергая теорію спасенія только въ одной вѣрѣ. Въ другой разъ царь диспутируетъ съ пасторомъ Бокомъ о значеніи лютерализма. Несмотря на это, во второй половинѣ XVI вѣка, нѣмцы-протестанты, пребывавшіе въ Москвѣ, исходатайствовали разрѣшеніе открытыхъ собраній, чего, какъ извѣстно, не могъ добиться ни католическій ксендзъ Поссевинъ, папскій легатъ, ни Рѣчь Посполитая для католиковъ, такъ какъ послѣднихъ боялись какъ защитниковъ политическаго вліянія папства и закоренѣлыхъ враговъ византійской церкви. Нѣмцы, главнымъ образомъ, наплывали изъ Лифляндіи. Несомнѣнно, протестанты или кальвинисты имѣли преимущество вслѣдствіе того, что находились въ оппозиціи съ Римомъ.

Зато съ Константинополемъ, то есть, съ его греческимъ духовенствомъ, отношенія были тѣсныя и прочныя, несмотря на турецкія притѣсненія надъ Босфоромъ и на то, что церковь Св. Софіи была превращена въ мечеть, и даже на враждебное настроеніе къ мусульманамъ.

Тотчасъ по принятіи духовной власти Филаретомъ, царь отозвался торжественнымъ манифестомъ, изданнымъ въ 1619 году:

„Пословъ царскихъ Филарета и Голицына Сигизмунтъ зѣло обижалъ и, какъ узниковъ, отправилъ на Литву, гдѣ Филаретъ много страдалъ. Яко подстрекатель, онъ былъ пересылаемъ съ мѣста на мѣсто и запираемъ одиноко, ибо у него всѣхъ слугъ отняли (?). Тогда святой мужъ сдался на Бога: стоя на землѣ, онъ духомъ обрѣтался въ небѣ. Но когда Михаила избрали на престолъ и онъ постоянно думалъ объ освобожденіи отца, а равно, когда былъ заключенъ миръ между обоими государствами, Филаретъ вернулся въ Москву, а тѣ же поляки и литвины, которые его обижали, проводили его съ почетомъ до границы, упрекая себя за оскорбленія, какія испытывалъ святой мужъ. Филаретъ прибылъ въ Москву, а Михаилъ выѣхалъ ему навстрѣчу и т. д.“...

Въ манифестѣ описывается пріемъ, которымъ былъ почтенъ выс-

пій изъ духовниковъ, увѣдомляется народъ о возведеніи его въ санъ патріарха и даже говорится:

„Въ тотъ часъ прибылъ патріархъ іерусалимскій, Теофанъ, ушедшій передъ гоненіемъ турокъ, котораго царь принялъ съ подобающимъ благочестіемъ. Патріархъ же, видя, что православная церковь остается безъ верховнаго пастыря, созвалъ на совѣтъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ со всѣмъ синклитомъ духовнымъ, и они стали просить Филарета принять правленіе патріарха. Филаретъ, хотя былъ достойнымъ сего сана, объяснилъ, что онъ чувствуетъ себя неспособнымъ вслѣдствіе состоянія здоровья, истерзаннаго гоненіями Бориса и его враговъ. И только когда сынъ и все духовенство начали просить его принять выборъ, его провозгласили патріархомъ и т. д.“

Само собою разумѣется, что патріархъ Теофанъ уѣхалъ изъ Москвы въ Іерусалимъ богато награжденный, увозя съ собою письма новаго сановника церкви къ тремъ патріархамъ: константинопольскому, александрійскому и антиохійскому, которые принадлежали къ греческой церкви. Согласно обычая, новый патріархъ обязывалъ столицу на ослѣ.

Вліяніе регента было такъ велико и могущественно, что если кто осмѣливался противиться ему, то долженъ былъ уходить предъ его гнѣвомъ. Дьякъ Иванъ Грамотинъ, извѣстный намъ по отношеніямъ къ Сигизмунду, былъ изгнанъ имъ и вернулся въ Москву лишь по смерти патріарха, хотя былъ заслуженный человекъ и имѣлъ большое вліяніе на царскомъ дворѣ.

Филаретъ оставилъ сухую и неясную хронику своего времени, подъ названіемъ: „Рукопись Филарета“, изд. Мухановымъ, хотя нѣкоторые критики не признаютъ патріарха ея авторомъ, усматривая въ ней скорѣе простую, заурядную лѣтопись, списанную на основаніи разказовъ кн. Котырева.

Не кто иной, какъ только Филаретъ сослалъ князей Салтыковыхъ, родныхъ извѣстнаго эмигранта на Литвѣ, Михаила Глѣбовича Салтыкова, и замѣнилъ ихъ новыми людьми. Единственной причиной этой кары были придворныя интриги, съ цѣлью недопущенія до брака Государя съ боярыней Анастасіей Хлоповой, послѣ чего царь Михаилъ женился на Маріи Долгоруковой.

VI.

Когда князья Салтыковы, оставшіеся въ Москвѣ, потеряли свое значеніе въ правленіи государствомъ, на Литвѣ, въ Смоленскомъ воеводствѣ, поселяется извѣстный намъ кн. Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ съ сыновьями и всей семьей. Въ одномъ изъ пожалованныхъ имъ имѣній, Бизюковѣ, находящемся въ девяти верстахъ отъ Дорогобужа, они построили монастырь во имя Воздвиженія Честнаго Креста. Часть этихъ Салтыковыхъ вернулась подъ московскій скипетръ по отнятіи Смоленска у поляковъ, а другая—осталась въ Польшѣ, приняла католичество и дала начало семьѣ Солтыковъ. Такъ какъ Салтыковы послѣ эмиграціи на Бѣлорусь, вслѣдствіе войны, лишились въ Москвѣ своего имущества, а на сѣверщинѣ—всѣхъ доходовъ, какими они пользовались на пограничьи, то король Сигизмундъ счелъ своею обязанностью заняться ихъ судьбою. Гетманъ И. К. Ходкевичъ пишетъ изъ Быхова въ ноябрѣ 1618 года письмо къ королю, въ которомъ поручалъ ему Салтыковыхъ, вѣрныхъ сторонниковъ Вазы, и проситъ для нихъ вспомошествованія:

„Посылаю Вашей королевской милости Солтыка (Салтыкова), дошедшаго до крайней нужды. Онъ уѣхалъ изъ Смоленска вслѣдствіе того, что Гонсѣвскій не находилъ возможнымъ держать въ крѣпости много москвичей. Довольно было времени для измѣны, если бъ его не поддерживала добродѣтель и вѣрность; но я не замѣтилъ въ немъ никакой измѣны. Онъ потерялъ все и, оставивъ своихъ сыновей въ Смоленскѣ, отдался подъ вашу опеку съ просьбою дать ему насущный кусокъ хлѣба и уголокъ для жизни, въ которомъ бы онъ могъ кончить свое жалкое существованіе. Если же онъ не заслуживаетъ никакой награды, то справедливость требуетъ не дать ему умереть съ голоду, не столько изъ сожалѣнія къ нему, сколько ради того, что онъ предоставилъ себя покровительству вашей королевской милости. Не меньшее горе угнетаетъ стараго Солтыка вмѣстѣ съ Трубецкимъ, вслѣдствіе постоянного грабежа ихъ имѣній разными людьми. Я охраняю ихъ, сколько могу, но кто можетъ уберечься въ настоящее время отъ постоянно повторяющихся нападеній на деревни? Требуютъ податей по восемь золотыхъ съ волоки, а это для нихъ представляется невозможнымъ, вслѣдствіе окончательнаго обѣднѣнія крестьянъ ¹⁾“...

¹⁾ «Сборникъ Муханова», стр. 185.

Благодаря этому письму, новое отечество приютило Салтыковыхъ, такъ что они сдѣлались не послѣдними его гражданами; но о нихъ мы не станемъ здѣсь распространяться, такъ какъ они представляютъ богатый матеріалъ для отдѣльнаго очерка, и упомянули о нихъ лишь потому, что они имѣли связь съ дѣятельностью патріарха Филарета, который, страдая подагрой, умеръ во время пограничныхъ переговоровъ, кажется, 11 октября 1633 года, не доживъ до поляновскаго соглашенія, противнаго его политикѣ. Дата его смерти впрочемъ точно не установлена, и русскіе историки опредѣляютъ ее различно, вслѣдствіе чего мы взяли ее изъ „Актвъ, собранныхъ Археологической комиссіей“... Спб. 1836 г.

Если бы патріархъ жилъ дольше, то несомнѣнно глубоко почувствовалъ бы пораженіе, какое встрѣтили его многолѣтніе труды и старанія. Можетъ быть онъ былъ бы не въ состояніи пережить триумфа вступающаго на польскій престолъ давнишняго претендента на царскую корону, сына Сигизмунда III-го...

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ присланы въ Московскую оружейную палату иконы и портреты изъ стараго митрополичьаго двора въ Коломнѣ, находящейся въ ста верстахъ отъ стольнаго града Москвы. Забытыя издревле полотна естественно находились въ плачевномъ состояніи, вродѣ портретовъ I-го самозванца и Маріи Мнишекъ, которыхъ нашли въ мусорѣ на чердакѣ висневскаго замка. Изъ портретовъ, доставленныхъ изъ Коломны, было рѣшено реставрировать лишь тѣ, которые имѣютъ большое историческое значеніе и цѣнность. Между многими портретами найденъ портретъ и патріарха Филарета, извѣстнѣйшаго лица не только въ дѣяніяхъ Московскаго государства, но и Польши, и воспоминаемаго неоднократно современными бытописателями Рѣчи Посполитой. Филаретъ представленъ въ первосвященнической одеждѣ, съ крестомъ на груди и правой рукой на поясѣ. По лѣвой стороны на столикѣ лежитъ княжеская митра. Когда съ портрета сняли первый слой пыли и грязи, то оказалось, что портретъ былъ уже когда то реставрированъ и наклеенъ на холстъ большихъ размѣровъ, благодаря чему вокругъ образовалась кайма въ нѣсколько вершковъ. Результатомъ дальнѣйшей очистки рѣдкаго изображенія представителя нынѣшней династіи Дома Романовыхъ явилось открытіе, что новыя краски сошли и изъ-подъ нихъ выглянула кисть не какого-либо ничтожнаго мѣстнаго живописца XVIII столѣтія, а художественная работа артиста XVII вѣка. Въ виду этого было рѣшено добыть первоначальный портретъ и снять его съ полотна, на которое онъ, видно, былъ наклеенъ. Такимъ образомъ удалось

получить изображеніе Филарета въ первобытномъ его состояніи ¹⁾).

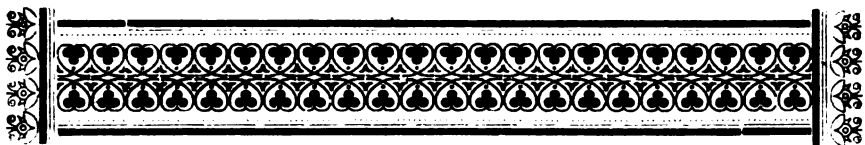
Въ „Исторіи Россіи“ С. Соловьева имѣется упоминаніе, что въ Польшѣ, по смерти патріарха, заказаны были царемъ Микханломъ копіи портретовъ Филарета и др. лицъ; поэтому весьма возможно, что сказанное изображеніе его написано въ Варшавѣ или въ Вильнѣ. На немъ представленъ Ѳеодоръ Никитичъ не въ первосвященническихъ одеждахъ, а въ царскомъ кафтанѣ, опоясанномъ дорогимъ поясомъ, въ драгоцѣнномъ плащѣ, наброшенномъ на кафтанъ и обшитомъ горностаями. Волосы на головѣ и бородѣ подстрижены, какъ въ то время носили свѣтскіе люди; въ правой рукѣ — жезлъ; внизу портрета открыта подпись: „Царь Ѳеодоръ Никитичъ“, чѣмъ и доказывается подлинность портрета.

Кажется, есть еще другой портретъ маріенбургскаго узника въ Чудовскомъ монастырѣ. Поверхность его невзрачная и непривлекательная. Черты лица его не отличаются ничѣмъ выдающимся и не обнаруживаютъ духовной силы или силы воли, которыхъ у него однако же было, какъ извѣстно, въ теченіе всей его беспокойной жизни, болѣе чѣмъ достаточно.

Ф. В. Домбровский.

¹⁾ «Русскій Архивъ» 1863 года, стр. 348.

Послѣ повстанья.

(Изъ воспоминаній).

Во мнѣ случилось быть засланнымъ судьбою на службу въ Польшу года черезъ три-четыре послѣ остраго броженія 1863 года, тотъ ясно видѣлъ, что оно на долго обратилось въ хроническое; наружно какъ будто бы все пришло въ нормальное состояніе, но въ сердцахъ жителей несомнѣнно оставалось что-то;—многое ихъ мutilо; населеніе, видимо, еще продолжало „доживать пережитое“.

Это сказывалось въ мелочахъ жизни и во взаимныхъ отношеніяхъ, не только оставалось между русскими и поляками, но также между поляками,—неизмѣнно искавшими мира, и поляками,—желавшими, во что бы то ни стало, мутить край.

* * *

Выпущенный въ офицеры полевой конной артиллеріи въ 1866 году, я попалъ въ городъ Радзынъ Люблинской губерніи. Съ 1-го января 1867 года Люблинская губ. была раздѣлена на двѣ; гор. Сѣдльце обращенъ въ губернский городъ, Радзынъ попалъ въ Сѣдлецкую губернію и получилъ переименованіе на русскій ладъ—„Радинъ“. Населенія въ этомъ городѣ было неполныхъ три тысячи, поляки въ меньшинствѣ, евреи въ большинствѣ.

Представители военного вѣдомства, — чины конной батареи, мѣстной гарнизонной команды, и гражданскаго—начальствовавшіе и служившіе въ мѣстной уѣздной администраціи, — вотъ все, что создало въ городишкѣ нѣкоторое подобіе русскаго общества.

Преобразованія, совершившіяся въ тотъ годъ и въ слѣдующій, нѣсколько увеличили число русскихъ, такъ какъ появились въ уѣздѣ комиссары по крестьянскимъ дѣламъ и акцизные чиновники. (Между ними появился Лыкошинъ, женатый на сестрѣ основателя „Русск Стар.“ М. И. Семеvскаго).

х

Офицеры батареи, группируясь около своего командира и его семьи, жили тѣснымъ кружкомъ, а съ остальными членами русскаго общества были хорошо знакомы.

Къ окраинѣ города, почти на выѣздѣ въ сторону Бреста, примыкалъ громадный паркъ съ величественнымъ средневѣковой постройки замкомъ.

Городъ Радзынъ издавна принадлежалъ одной изъ отраслей Чарторижскихъ; старожилы рассказываютъ, что владѣвшій до 30-го года этимъ обширнымъ имѣніемъ, состоявшимъ изъ города и массы прилегавшихъ къ нему фольварковъ,—князь Янъ Чарторижскій былъ очень сильно замѣшанъ въ возстаніи того года; когда правительство рѣшило конфисковать его богатства, то многія изъ нихъ, по документамъ, оказались принадлежавшими его старому „жонцѣ“ (по-польски значить управляющій) Шлюбовскому. Власти поняли, что въ этомъ дѣлѣ учинена фиктивная сдѣлка, но оставили имѣніе въ рукахъ фиктивного владѣльца, предупредивъ Чарторижскаго, что за дальнѣйшимъ переходомъ этихъ имѣній въ другія руки будетъ установлено строгое наблюденіе.

Поставленный въ невозможность передать имѣніе тѣмъ или инымъ путемъ въ руки Чарторижскихъ, Шлюбовскій остался владѣльцемъ; по другимъ свѣдѣніямъ, онъ, ставъ въ такое положеніе, соблазнился и прямо задался цѣлью оставить себя крупнымъ владѣльцемъ. Продолжая управлять имѣніемъ, онъ увеличилъ свое состояніе на столько, что сынъ его получилъ вдвое больше противъ значившагося по фальшивой сдѣлкѣ. Сынъ этотъ еще гораздо раньше былъ отправленъ имъ въ Италію; тамъ онъ учился и въ очень раннемъ возрастѣ женился; а по смерти отца остался тамъ жить, съ тѣмъ, чтобы въ Россію лишь наѣзжать, при чемъ, благодаря своимъ богатствамъ, купилъ, черезъ посредство приближенныхъ къ папѣ лицъ, графское достоинство. Скончавшись въ молодыхъ лѣтахъ, онъ оставилъ вдову и малолѣтняго графа, который въ 1866-мъ году пріѣхалъ въ Радинъ на короткое время, уже молодымъ человекомъ лѣтъ тридцати.

* * *

Въ Радинѣ оставались очень живыя воспоминанія объ извѣстной ночи на 11-ое января 1863 года. Внезапное ночное нападеніе, предполагавшее сжечь повзгореніемъ ночи 1794 года,—во многихъ мѣстахъ Царства Польскаго было предупреждено, въ другихъ окончилось для измѣнниковъ неудачей вслѣдствіе во-время даннаго отпора; городъ же Радинъ оказался въ числѣ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ оно кончилось для насъ крайне

плачевно: какъ войсковыя команды, такъ военное начальство и мѣстные власти были застигнуты рѣшительно въ расплохъ, а потому здѣсь, какъ и во всѣхъ такихъ мѣстахъ, эта памятная, предательская ночь дала много жертвъ.

Въ то время тамъ стояли части 5-й артиллерійской бригады и Костромскаго пѣхотнаго полка; командиру бригады генералъ-маіору Филиппу Ивановичу Каннабиху было поручено исполненіе должности начальника Радзынскаго военного отдѣла;—на такіе отдѣлы было тогда раздѣлено все Царство Польское.

Съ вечера 10 января къ нему собрались добрые знакомые и, когда, послѣ обычнаго препровожденія времени, все собравшееся у гостепріимнаго хозяина общество мирно сидѣло за ужиномъ,—ворвалась шайка людей, вооруженныхъ, какъ потомъ оказалось, пистолетами, ножами, кинжалами, кастетами, топориками и даже косами. У входной двери нѣсколько человѣкъ гостей пали жертвами нападенія; пока злодѣи, стрѣляя изъ старыхъ пистолетовъ, пробирались на другой конецъ зала къ генералу Каннабиху, онъ, не имѣя оружія подъ рукою, схватилъ большой стулъ и имъ началъ отбиваться, полагаясь только на свою физическую силу; положивъ двухъ-трехъ предателей на мѣстѣ, онъ, при помощи другихъ лицъ, оттѣснилъ толпу на улицу, но здѣсь палъ сраженный пулей и ножомъ въ голову; въ ту самую минуту, когда нападавшіе готовились добить лежавшаго на сѣгѣ, истекавшаго кровью богатыря-генерала,—на улицѣ показалось орудіе со взводомъ Костромскаго полка, подъ начальствомъ маіора Антушевича; мятежники разбѣжались, оставивъ на мѣстѣ и по дорогѣ къ костелу нѣсколькихъ человѣкъ убитыми и ранеными; на стѣнѣ костела остались пули, засѣвшія въ него послѣ выстрѣла, даннаго картечью изъ орудія.

Генералъ Каннабихъ, проболевъ нѣсколько мѣсяцевъ, остался послѣ относительнаго выздоровленія навсегда калѣкой и совершенно оглохъ; службу свою въ строю этотъ боевой генералъ принужденъ былъ оставить и только, благодаря широко дѣйствовавшимъ въ тѣ времена правиламъ,—возможнаго призрѣнія заслуженныхъ боевыхъ чиновъ,—онъ провелъ послѣдніе годы своей жизни на службѣ же въ должности коменданта—сначала въ Замостьи Люблинской губерніи, а потомъ въ Бендерахъ Бессарабской области.

* * *

Въ то время въ Раднѣ слышны были толки о томъ, что въ организаціи нападенія и въ самомъ нападеніи принимали участіе нѣкоторые изъ чиновниковъ мѣстныхъ уѣздныхъ правительственныхъ учреждений; послѣ предательской ночи три та-

кихъ чиновника будто бы исчезли навсегда безслѣдно, а на двухъ изъ нихъ, оставшихся въ службѣ, открыто указывали, какъ на участниковъ, при чемъ добавляли, будто бы они продолжали служить и не подверглись жестокой карѣ лишь благодаря тому, что имъ удалось откупиться большими кушами уплаченными тогдашнему уѣздному начальнику А. Толки объ этомъ не прекращались и врядъ ли когда-либо прекратились. Легко понять, какъ русскіе возмущались этими слухами, открыто распространявшимися и, особенно старательно воспроизводившимися, въ еврейской средѣ.

Мы,—юные офицеры, не хотѣли и не могли вѣрить въ возможность чего-либо подобнаго, тѣмъ болѣе, что А., оставившій къ тому времени постъ уѣзднаго начальника, состоялъ наравнѣ съ незапятнанными, доблестными офицерами на службѣ въ строю, гдѣ занималъ должность баталіоннаго командира, или младшаго штаб-офицера, въ одномъ изъ пѣхотныхъ полковъ, въ Царствѣ Польскомъ расположенныхъ.

Отъ времени до времени въ Радинѣ, изъ своего имѣнія, находившагося верстахъ въ 30 отъ города на границѣ Влодавскаго уѣзда, наѣзжалъ мѣстный помѣщикъ, — отставной артиллерійскій штабсъ-капитанъ Р—с—кій; онъ много рассказывалъ объ всемъ этомъ эпизодѣ и особенно налегалъ на то, что многіе изъ поляковъ возмущались этимъ происшествіемъ, и постоянно высказывали осужденіе по поводу этого дѣла.

Служа въ началѣ 1863 года въ 5 артиллерійской бригадѣ и находясь въ роковую ночь въ числѣ гостей у Каннабиха, Р—с—кій былъ застигнутъ врасплохъ вмѣстѣ съ другими; раненый въ голову, какъ онъ говорилъ, косою, онъ свалился однимъ изъ первыхъ, истекалъ кровью, но впослѣдствіи, сравнительно скоро, оправился отъ раны.

Веселый, добродушный, общительный, офицеръ этотъ вошелъ скоро въ кружокъ Радинскаго русскаго общества. Рассказывая о прошломъ, онъ, между прочимъ, коснулся извѣстнаго происшествія, случившагося въ 1862 году: въ одномъ изъ стрѣлковыхъ батальоновъ, офицеры, не только поляки, но и русскіе, увлеклись повстанскими идеями; они попали на замѣчаніе, послѣ того, какъ стали ходить темные слухи о томъ, что они служили панихиду по казненнымъ повстанцамъ, признавая ихъ мучениками; вскорѣ это стало положительно извѣстно, а также и то, что они не только собирались идти въ банды, но увлекали молодыхъ офицеровъ и даже нижнихъ чиновъ слѣдовать за ними; тогда человекъ пять были арестованы и осуждены, при чемъ двое,—Сливицкій и Арнольдъ, были подвергнуты смертной казни въ Новогеоргиевскѣ.

Вскорѣ правительство, кажется по поводу этого случая, а можетъ

быть независимо отъ того, отдадо распоряженіе, которымъ офицеры—поляки и католики,—нежелавшіе принимать участія въ боевыхъ дѣйствіяхъ противъ своихъ земляковъ и единовѣрцевъ, получили разрѣшеніе переводиться въ соотвѣтственныя части въ Россію; Р—с—кій, какъ полякъ, воспользовался этимъ правомъ. Впослѣдствіи, необходимость приведенія въ порядокъ разстроившихся дѣлъ по имѣнію заставила его переѣхать обратно въ Польшу; но, т. к. 5-ая бригада, къ тому времени была двинута въ Черниговскую губернію,—онъ предпочелъ выйти въ отставку; тѣмъ болѣе, что здоровье его, вслѣдствіе раны, очень разстроилось.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ обрусѣвшихъ въ стѣнахъ нашихъ военно-учебныхъ заведеній поляковъ, которыхъ немало разсѣяно на Руси и которые не разъ показали способность, желаніе и умѣніе быть вѣрными слугами Царя. Онъ всегда говорилъ, что ему недостаетъ офицерской среды, поэтому онъ сжилъ съ нами и относился къ нашему кружку совершенно доброжелательно, несмотря на косые взгляды и колкости со стороны многихъ изъ его земляковъ. Никогда ни въ чемъ относительно нихъ онъ не дѣйствовалъ подпольно; всегда во всемъ шелъ открыто.

* * *

Первый годъ нашей службы въ Раднѣ прошелъ тихо. Съ осени 1867—8 г. небольшой, объединенный кружокъ русскихъ какъ-то оживился; стали устраиваться вечера то у батарейнаго командира, то у кого-либо другого. Р—с—кій былъ душой всего этого; онъ воспользовался пріѣздомъ молодого графа Шлюбовскаго, — внука узурпатора и, безъ всякихъ затрудненій, выхлопоталъ у него разрѣшеніе русскимъ пользоваться апартаментами его замка для спектаклей.

Графъ пріѣхалъ тогда изъ Италіи, кажется въ третій разъ, а послѣ повстанья осматривалъ свои владѣнія впервые.

Это былъ очень образованный, воспитанный, крайне корректный и въ высшей степени симпатичный молодой человѣкъ.

Мать его настойчиво требовала пребыванія единственнаго своего сына въ Италіи, да онъ и самъ едва-ли особенно тяготѣлъ къ своимъ владѣніямъ, считая,—правильно или нѣтъ, своимъ отечествомъ въ равной мѣрѣ и Царство Польское и Италію.

Разсказывали, будто бы онъ отпустилъ изъ своихъ средствъ огромную сумму, которая понадобилась для выдачи уѣздному начальнику за огражденіе чиновниковъ, участвовавшихъ въ гнусномъ, измѣнническомъ нападеніи, совершенномъ въ ночь на 11 января.

Мало кто вѣрилъ этому; кто и могъ полагать, что онъ, болѣе сочувствуя полякамъ, охотно поддерживалъ бы польское дѣло, тотъ не видѣлъ подтвержденія этому въ поведеніи умнаго, молодого чело-

вѣка; съ другой стороны, каждый понималъ, что графъ не захотѣлъ бы рисковать своими обширными владѣніями изъ-за измѣнниковъ, тѣмъ болѣе, что, будучи итальянскимъ полякомъ, онъ не менѣе того считалъ себя итальянцемъ хотя и польскимъ.—Могло случиться, что съ его имѣнія польскимъ, жондомъ были взысканы суммы, которыя въ числѣ прочихъ, собранныхъ такимъ путемъ средствъ, пошли на нужды повстанцевъ; но самъ Шлюбовскій прямо, открыто всегда высказывалъ порицаніе, какъ онъ выражался, „нелѣпому революту 1863 года“.

Дороже всего было то, что онъ, свободно, по первому слову того же Р—скаго, не взирая на явное противодѣйствіе мѣстныхъ ксендзовъ,—не покидавшихъ его ни на минуту, предоставилъ обширный вестибюль своего замка для совершенія въ немъ православныхъ богослуженій, которыя, отъ времени до времени, а въ особенности въ теченіе предстоявшаго великаго поста, долженъ былъ отправлять полковой священникъ, командированный для этого въ Радинъ изъ Сѣдлеца.—Благодаря такому одолженію со стороны лица близкаго къ папѣ и къ кардиналамъ, русскіе радинцы въ тотъ годъ имѣли возможность молиться и отговѣтъ въ просторномъ, тепломъ помѣщеніи.

Не мало получилъ Шлюбовскій анонимныхъ угрозъ за такое преступное угодничество москалямъ. Мало того, ему не разъ угрожали лично при встрѣчахъ, а раза три подкупленная молодежь устроила ночью, подъ его окнами, кошачій концертъ. Видно было, что не одни ксендзы злобствовали на него за все его ненавистное имъ поведеніе.

По рассказамъ Р—с—каго и другихъ поляковъ вообще, хотя повстанье шестидесятихъ годовъ вспыхнуло какъ будто дружно, но оно далеко не встрѣчало такой массы сочувствія, какъ мятежъ тридцатаго года. Р—с—скій не разъ приводилъ свѣдѣніе о томъ, что извѣстный диктаторъ Лангевичъ въ своихъ приказахъ укорялъ населеніе за равнодушіе къ общему дѣлу.—Извѣстны случаи, говорилъ Р—с—скій, казни Лангевичемъ многихъ состоятельныхъ лицъ, отказывавшихся подавать помощь или лично участвовать въ общемъ повстанскомъ дѣлѣ.

* * *

Шумно и весело прошелъ въ маленькомъ глухомъ городкѣ сезонъ 1867—8 г.г.; знакомые съѣзжались на балы и привозили своихъ знакомыхъ изъ окрестныхъ городовъ—Бѣлы (тамъ стояла другая конная батарея), Межирѣчья, Влодавы, Лукова, Сѣдлеца и даже изъ Брестъ-Литовска; нигдѣ, кромѣ развѣ Бреста, не было такихъ роскошныхъ, удобныхъ, просторныхъ залъ для устройства баловъ.

Кромѣ баловъ были въ ходу зимнія катанья въ санихъ, для

чего организовались, давно невиданныя въ тѣхъ краяхъ, тройки. — Подъ конецъ стали прорываться пріѣзды польскихъ помѣщиковъ на балы, правда, больше благодаря тому, что оставшіеся въ Радинѣ итальянскій графъ-землякъ неизмѣнно, во время баловъ, выходилъ изъ своихъ покоевъ и оставался часъ-другой среди танцовавшихъ.

Привезенный Р—с—кимъ на наши балы еще передъ масленицей, сосѣдъ его Р—д—кій, сдѣлалъ русскимъ визиты и бывалъ у Штоссовъ съ женой; въ исходѣ поста онъ съ нею же пріѣхалъ въ Радинъ пригласить батарейнаго командира, его семью и офицеровъ къ себѣ въ имѣніе за тридцать верстъ.

Мы рѣшили воспользоваться случаемъ и поѣхали къ Р—д—кому, тѣмъ болѣе, что репутація этого магната была совершенно безукоризненная — онъ и жена его стояли внѣ партійныхъ злобъ.

— Что мнѣ,—что ему, говорилъ Р—с—кій,—намъ обоимъ не одобровать бы у Лангевича.

Жена Р—д—каго,—очень высокая, стройная, съ густыми золотыми волосами и съ черными глазами, симпатичная дама, обыкновенно большую часть года проживала въ Парижѣ; она славилась своей дружбой съ императрицей Евгеніей и съ Наполеономъ. Познакомившись съ ней на балахъ, одинъ изъ комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ В—нъ, во время танцевъ, въ шуточной формѣ высказалъ ей о неудовольствіи, которое испытываютъ русскіе по поводу того, что Наполеонъ втравилъ Польшу въ кровавую борьбу съ ея законнымъ правительствомъ; на это она сказала: да, это было единственной черной кошкой, которая пробѣжала между нами за все время нашего добраго знакомства; я прямо сказала Наполеону, что это ему не простится; Евгенія согласилась со мной въ томъ, что не для чего было мѣшаться и нарушать добрыя отношенія между русскими и поляками, тѣмъ болѣе, что,—какъ и надо было ожидать, непрошенное покровительство ничего не принесло, въ концѣ концовъ, польскому народу кромѣ массы бѣдствій.

Проезжая по обширнымъ лѣсамъ и лугамъ, принадлежавшимъ Р—д—кому, Штоссъ надумалъ попытаться нанять у него луга для батареи. Р—д—кій, никогда не знавшій ничего подобнаго, долго не соглашался, но убѣжденный Р—с—кимъ сдался. Въ этотъ вечеръ, совершенно неожиданно, состоялась сдѣлка о наймѣ тѣхъ луговъ для травяного довольствія батареинныхъ лошадей въ теченіе первой половины предстоявшаго лѣта. Это была первая въ этой округѣ, послѣ повстанья, отправка батареи въ деревню „на траву“.

* * *

Намъ былъ отведенъ помѣщичій домъ Р—д—каго въ трехъ верстахъ отъ его дворца. Мы бывали у владѣльца; онъ и жена его

были до тонкости гостепріимны, встрѣчали насъ съ полнымъ радушіемъ и только сѣтовали за то, что мы скупились на частыя посѣщенія.

Почти всегда можно было тамъ встрѣтить высокаго, статнаго, уже не первой молодости, кавалера—пана Кр—зе; онъ былъ очень веселаго нрава, всегда сыпалъ нѣмецкими вицами; нерѣдко отъ него можно было слышать разсказъ о томъ, какъ во время службы въ прусской гвардіи, занимая по своему громаднаго росту, мѣсто правофланговаго въ первой ротѣ перваго гвардейскаго бранденбургскаго полка, рядомъ съ прусскимъ наслѣднымъ принцемъ Фридрихомъ, онъ сошелся съ нимъ и сохранилъ навсегда самыя тѣсныя, дружескія отношенія.

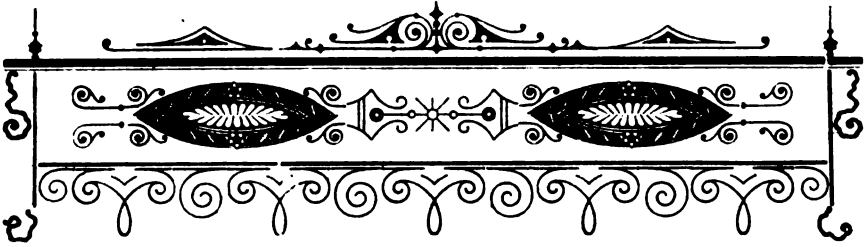
Какъ-то разъ послѣ обѣда дамы уѣхали кататься; нѣкоторые изъ мужчинъ засѣли на балконѣ за пульку въ преферансъ; мы собирались ѣхать къ себѣ и въ ожиданіи верховыхъ коней своихъ, бесѣдовали въ гостиной. Одинъ изъ сосѣдей помѣщиковъ сыгралъ кое-что на фортепіано. Когда онъ кончилъ, К—зе, занявъ его мѣсто, совершенно неожиданно сыгралъ извѣстное революціонное моленіе—„Боже пужь польска“, а затѣмъ, аккомпанируя самому себѣ, живо запѣлъ: „Еще польска не згинела, поки мы жиѣмы“... Фортепіано стояло такъ, что К—зе сидѣлъ спиной къ окну, выходившему на дворъ. Услышавъ звуки лихой пѣсни, одинъ изъ насъ приблизился къ окну и громко произнесъ: что это, господа, какимъ образомъ здѣсь могли появиться жандармы?

К—зе, поблѣднѣвъ, какъ полотно, вскочилъ и, увидѣвъ во дворѣ какіе-то синіе мундиры, задрожалъ; по, по такого, для чѣго, что, по, гдѣе, зачѣмъ, безсвязно бормоталъ онъ дрожащимъ голосомъ... Дружный взрывъ хохота заставилъ его опомниться, тѣмъ болѣе, что онъ разобралъ, какіе это были мундиры:—въ тѣ времена рабочіе изъ Австріи наводняли Царство Польское; вмѣстѣ съ ними являлись на полевые работы и австрійскіе солдаты.

— А мнѣ-то наницъ ваша жандаржерія, сказалъ К—зе съ наглою развязностью; однако, смущенный этимъ мелкимъ событіемъ, онъ скоро собрался и уѣхалъ...

• А. Е. К.

Изъ доносовъ на масонство.

Законъ русскихъ масоновъ повелѣвали любить всѣхъ людей какъ братьевъ, слѣдуя заповѣди Христа, и не противиться злу силой, но мракъ разсѣивать свѣтомъ, злобу утишать кротостью; даже въ своихъ пѣсняхъ масоны не забыли указать на то, что за гоненіе и клевету они не будутъ мстить; въ одной пѣснѣ помѣчается какъ бы прямое оправданіе въ отвѣтъ на обвиненіе масоновъ въ мести:

„во вѣкъ не думали мы мстить,
старались мы въ сердцахъ твердить,
мы будемъ, мы будемъ всѣхъ любить“.

И все же, несмотря на всяческія увѣренія и въ прозѣ, и въ стихахъ о своемъ миролюбіи, именно мстительность врагамъ, при томъ мстительность, доведенная до крайности, до смерти, ставилась масонамъ въ вину. Уже въ виршахъ XVIII вѣка, осмѣивавшихъ вольныхъ каменщиковъ, указывалось невозможность измѣнить разданнымъ масонскимъ обѣтамъ. Масоны, обладая чудесной силой, убивали заочно. Въ ложахъ долженъ былъ оставаться портретъ каждаго брата, и вотъ, гласятъ вирши, когда желательна смерть измѣнника, то лишь портретъ

„... поранятъ пулей изъ пистолета,
въ тотъ часъ увянетъ и лишится свѣта“.

Въ могуществѣ братьевъ-каменщиковъ не извѣрились и въ XIX вѣкѣ, когда если и не считали мсть непремѣнно какою то сверхъестественною, то все же упорно продолжали обвинять ма-

соновъ въ мѣсти всѣмъ измѣнникамъ, т. е. лицамъ, сперва вступившимъ въ орденъ и проникшимъ его тайны, а затѣмъ ему помѣннившимъ; въ такихъ случаяхъ масоны якобы бывали безпощадны. Въ доносахъ на масонство, конечно, указывалась такая самовольная расправа съ врагами, указывался ихъ самосудъ.

Въ помѣщаемомъ ниже доносѣ на имя князя П. М. Волконскаго отъ 1820 г. выставляется причиной доноса подобный случай мѣсти.

Въ доносѣ обращаютъ на себя вниманіе три обстоятельства: 1) открытіе ксендза-масона передъ своею смертію сыну своему, что онъ погибаетъ яко бы отъ рукъ масоновъ; 2) осмотръ масонами, тотчасъ послѣ смерти ксендза, его вещей и выемка изъ нихъ масонскихъ бумагъ; 3) оставленіе масонами его осиротѣвшей семьи безъ матеріальной поддержки.

Кромѣ общей ходячей молвы о мстительности братьевъ измѣннику, могъ ли ксендзъ, какъ посвященный, имѣть какія-либо другія причины, болѣе обоснованныя, для своего предположенія? Да, могъ. Въ ритуалѣ принятія въ ложу, при развязываніи глазъ посвящаемый видѣлъ устремленные на него мечи братьевъ и выслушивалъ объясненіе, что эти мечи его защитятъ, пока онъ останется вѣрнымъ братству, но тѣ же мечи обратятся противъ него, если онъ измѣнитъ орденскимъ клятвамъ. При вступленіи и повышеніи въ высшія степени отбирались клятвы, иногда замѣнявшіяся честнымъ словомъ; текстъ древнѣйшихъ клятвъ, напримѣръ англійскаго масонства, при вступленіи въ орденъ обрекалъ вступающаго, въ случаѣ измѣны, смертельной мести братьевъ. Обрядъ смѣшенія крови вступающаго съ кровью старыхъ братьевъ, обрядъ бывшій въ силѣ еще въ 1815 г., символизировалъ кровность союза и указывалъ, по объясненію масона Титова, на то, что союзъ можетъ быть нарушенъ только смертью. Наконецъ, присяга розенкрейцеровъ подписывалась иногда кровью изъ нарочно вскрытой для этой цѣли жилы брата. Всѣ клятвы обязывали къ безусловному молчанію. Зная все вышеприведенное, ксендзъ-масонъ, по своей интеллигентности не ограничившійся, вѣроятно, только ученической степенью, невольно чувствовалъ страхъ за свое отступленіе и опасался неизбежной мести. Это-то опасеніе превратилось съ теченіемъ времени въ увѣренность. Кромѣ того, всякаго масона, готоваго отпасть отъ ордена, масоны всегда старались уговаривать, убѣждать о сохраненіи имъ масонства. Для этой цѣли выбирались сильные въ каменщицествѣ братья. На этихъ-то братьевъ, вѣроятно, и указывалъ ксендзъ. Если же ксендзъ принадлежалъ къ иллюминатству, то въ его воображеніи могли принять устра-

шающій оттѣнокъ не разъ слышанныя имъ слова о цѣли, оправдывающей средства, слова, которыя могли быть на дѣлѣ примѣнены къ нему: вѣдь онъ зналъ, что онъ былъ вслѣдствіе своего отступничества вреднымъ членомъ для братства, болѣе вреднымъ, нежели профаны; ему былъ явленъ свѣтъ, а онъ предпочелъ тьму.

Второе обстоятельство въ доносѣ, обыскъ въ его вещахъ, не можетъ встрѣтить никакихъ сомнѣній въ своей достовѣрности. По масонскимъ законамъ, каждый братъ долженъ былъ возвращать ордену всѣ свои документы, относившіеся къ масонству, какъ только онъ чувствовалъ приближеніе смерти или находился въ опасной болѣзни. Въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ сдѣлать распоряженіе о доставленіи „начальникамъ“, въ запечатанномъ видѣ, всѣхъ своихъ масонскихъ знаковъ, патентовъ, дипломовъ и бумагъ. Въ противномъ случаѣ эти вещественныя доказательства масонства отбирались самими масонами тотчасъ послѣ его смерти.

Наконецъ, обвиненіе въ оставленіи масонами безъ матеріальной поддержки семьи умершаго ксендза можетъ быть объяснено именно его отступленіемъ отъ братства. Вообще же филантропіей масоны занимались весьма ревностно, и протокольные записи масонскихъ ложъ въ изобиліи переполнены свидѣтельствами о благотворительной помощи, которую оказывали масоны осиротѣлымъ семьямъ скончавшихся братьевъ и которая бывала иногда весьма щедрой.

Тира Соколовская.

**Письмо А. Б. Корвинъ-Красинскаго къ кн. П. М. Волконскому о
масонахъ.**

По секрету.

Сіятельнѣйшій князь,
высокомилостивый государь!

Дозвольте, да предстанетъ предъ васъ человекъ чуждъ всѣхъ видовъ, въ сѣни домашней при старости лѣтъ своихъ живущій, и скажетъ нѣчто о устрашающихъ его затѣяхъ многихъ неблагонамѣренныхъ людей, стремящихся скрытными способами подкопать основанія религіи и всѣхъ связей, онаго держимыхъ.

Я разумѣю подъ симъ именемъ масоновъ (*francs-maçons*), премногоумножающихся, паче въ губерніяхъ отъ Польши приобрѣтенныхъ. Они ложы свои вездѣ заводятъ и, такъ сказать, неусыпно гнѣзды вьютъ. Рѣдко—городъ или мѣстечко значущее, гдѣ бы они таковыхъ ложей не заводили.

Можетъ быть, мѣстныя губернскія начальства не мнятъ нужнымъ доводить сіе до свѣдѣнія правительства. Я же, горя усердіемъ ко всему, что съ неоцѣненными благами религіи сопряжено, и съ восхищеніемъ видя, что вы, сіятельнѣйшій князь, неутомимо грядете на подвиги, охраняющіе святость благочестія и истиннаго просвѣщенія, воспріялъ и осмѣлился адресъ мой о семъ поднести вамъ.

Паче, читая ежечасно о неисчетныхъ съумасбродствахъ, которыми наводнены всѣ европейскія земли, о тайныхъ связяхъ и клубахъ, къ разрушенію спокойствія сооружаемыхъ, есть чего бояться, дабы праздные люди и въ нашемъ любезномъ отечествѣ не перенимали таковыхъ же наглыхъ совѣщаній. Что можетъ добраго быть предметомъ ихъ совѣщаній и братскихъ ложей, къ коимъ толпятся люди видимо по модѣ, безъ различія вѣроисповѣданія и состоянія? Можно сказать о семъ словами царя Давида: „повѣдоша ли законопреступницы глумленіе, но не яко законъ твой, Господи!“

Засимъ, не ограничивая письма моего самыми токмо о масонахъ негодованіями, честь имѣю донести вашему сіятельству казусъ, недавно происшедшій, въ трепетъ меня приведшій, въ проѣздѣ моемъ сей веснѣ Минской губерніи черезъ городъ Слуцкъ. Есть и тамъ ложа масоновъ. Во оную два года тому назадъ вовлеченъ былъ подговорами ихъ тамошняго евангелическаго училища учителя евангелицкій же священникъ Богуславъ Курпатовскій. Семейство его крушилось не однажды подъ симъ его поступкомъ.

Онъ, видя сіе, увѣрилъ свою жену, что онъ тѣмъ благо дѣтей своихъ основываетъ и общаетъ себѣ отъ того много добра. Слылъ онъ долго поборникомъ въ семъ мистическомъ обществѣ, ѣздилъ прилежно на ночныя ихъ засѣданія и былъ ихъ ораторомъ; въ концѣ, видимо, не поладили: примѣтно сталъ онъ, ксендзъ Курнатовскій, быть недоволенъ самъ собою, впалъ въ уныніе, предался пьянству: послѣ же, два или три дня ночью заболѣвъ и лежа въ горячкѣ, умеръ 17 февраля текущаго года. Молва общая въ Слуцкѣ о семъ несется, что онъ отъ сильныхъ побоевъ въ ложѣ претерпѣнныхъ померъ; иные же твердятъ, что отравленъ ядомъ. Той или другой догадкѣ можно вѣрить, ибо масоны, видя его раскаивающагося, могли счесть его вреднымъ себѣ членомъ и, яко такового, пожертвовали политикѣ своей. Самъ же онъ, Курнатовскій, въ дни краткой болѣзни своей, не въ бреду, а здраво говоря, сказалъ старшему сыну своему Виктору: „я оставляю свѣтъ сей отъ руки такихъ-то (и тутъ поименовалъ онъ имена двухъ лицъ, одного Домбковскаго, а о другомъ я позабылъ, извѣстныхъ тамошней логи масоновъ), но не мсти имъ, сынъ мой, хотя, прийдя въ возрастъ, и увѣдаешь о семъ“. Семейство покойника составляетъ жена, четыре невзрослыхъ сына и мать жены. Пребываютъ въ бѣдности и ничуть рукопомощи отъ масоновъ не имѣютъ.

Все сіе слышалъ я отъ утопающихъ въ слезахъ жены и матери покойника, у которыхъ на квартирѣ я въ пріѣздъ мой приставалъ. Онѣ добавили еще, что многіе масоны, домъ ихъ прежде посѣщавшіе, да и лѣкарь уѣздный, при покойномъ бывшій (масонъ же) посѣтили тѣло усопшаго до погребенія еще и тамъ, въ кабинетѣ, его всѣ ларчики и бюро порыли и, что нашли изъ черновыхъ его бумагъ, имъ по матеріи ихъ извѣстныхъ, съ собою забрали. Женѣ покойнаго и матери ея не до того было тогда воспрепятъ имъ, нынѣ же нечѣмъ и не для чего оныхъ уличать въ томъ.

Вотъ жалкая картина многомогущества общества мракомъ облеченнаго. И кто же противу онаго изъ частныхъ людей возможетъ? Никто же, когда въ сонмѣ ихъ предсѣдаетъ тайное мщеніе, достигающее всякаго, коснувшася противу онаго.

Я вознамѣрился довести сіе до свѣдѣнія вашего, сіятельнѣйшій князь, не въ видѣ донощика и за такового не желаю быть выставленнымъ, но яко истинный сынъ отечества, по сущей совѣсти моей, рѣшился на сіе донесеніе. Въ ономъ нельзя было мнѣ не выставить имени моего, ибо къ высокой особѣ вашей и въ важности матеріи анонимы мѣста имѣть не могутъ. Болѣе еще о себѣ скажу (буде надобность встрѣтится знать собственное мое

поведеніе и правила), что я вблизи мѣстечка Гомеля живу, достойнѣйшему владѣльцу онаго графу Николаю Петровичу Румянцеву не съ худой стороны есть извѣстенъ.

Въ подробностяхъ описанія моего не участвуетъ тоже никакая личность моя. То семейство евангелицкаго священника Курнатовскаго, въ городѣ Слуцкѣ умершаго, окромѣ человѣчества, болѣе меня ни по какимъ-либо связямъ не интересуется. Привести же сей казусъ разсудилъ я, какъ выше сказано, потому, чтобы не ограничивать письма моего самыми въ общихъ выраженіяхъ на масоновъ негодованіями.

Повѣрьте, сіятельнѣйшій князь, мощный поборникъ благихъ царскихъ намѣреній, что хотѣвши захватить акты и бумаги въ такихъ-то ложахъ и узнать занятія ихъ, нельзя достигнуть сего обыкновеннымъ ходомъ дѣлъ. Тутъ, кажется, изъ среды воинства, онаго то христолюбиваго воинства довѣренныя люди могли бы скорѣе выполнить порученіе, требующее скорой развязки и нѣкимъ образомъ вогнаніе въ страхъ людей, присѣдающихъ въ мракѣ.

Въ окончаніе письма сего остается мнѣ испросить снисхожденія вашего. Простите, сіятельнѣйшій князь, пространство письма, нескладность слога и прочіе недостатки. Намѣреніе мое, вѣрно-подданинческою къ монарху моему преданностію водимое, да оправдаетъ меня (и родъ изступленія моего на семь пунктовъ) предъ вашимъ сіятельствомъ.

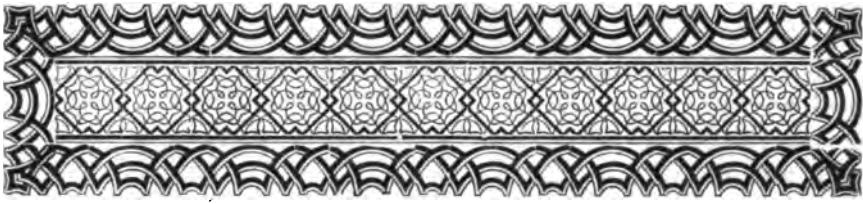
Есть во все теченіе жизни моей съ высокопочитаніемъ и безпредѣльною приверженностію моею,

высокомиловитивый государь,
вашему сіятельству
всепокорнѣйшій слуга Александръ Богдановъ сынъ
Корвинъ-Красинскій,
Вѣлицк. Библейск. сотоварищъ членъ,
надв. совѣтн. и орд. св. Владиміра 4 степ. кавалеръ.

Могилевской губ.
Вѣлицкаго уѣзда,
село Бремино.
Мая 31 дня
1820 г.

Сообщ. Тира Соколовская.

Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ.

Скобелевъ.

V ¹⁾.

(Окончаніе).

Осенью, по возвращеніи офицеровъ со съемки, прошли слухи не въ пользу Скобелева. Говорили, что онъ, вмѣстѣ съ другимъ моимъ однополчаниномъ М. З—мъ,—жили довольно роскошно и имѣли камердинеровъ, сопровождавшихъ ихъ во время работъ по съемкѣ. Слуги эти оказались настолько полезными, что сами сдѣлали съемки вмѣсто господъ своихъ и сдѣлали ихъ прекрасно. Но начальство взглянуло на талантливыхъ камердинеровъ довольно косо, и, удостовѣрясь, что у М. З. въ образѣ прислуги оказался топографъ, отчислило М. З. отъ Академіи.

М. З. былъ очень способнымъ человѣкомъ, шедшимъ въ Академіи лучше Скобелева; при томъ это былъ человѣкъ смѣлый, рѣшительный; но, хотя я и пробовалъ говорить о снисхожденіи, было признано, и конечно справедливо, что данный поступокъ не совмѣстимъ съ желательной репутаціей офицера Генеральнаго Штаба—знамя, которое мы старались держать очень высоко.

Не знаю какъ, но Скобелеву удалось остаться только „въ подозрѣніи“.

¹⁾ См. «Русская Старина» 1908 г., май.

Про то же лѣто рассказывалъ мнѣ Михаилъ Алексѣевичъ Домонтовичъ ¹⁾, доброжелатель Скобелева, что разъ встрѣчаетъ онъ его быстро несущимся на рысакѣ, въ статскомъ платьѣ и шотландской шапочкѣ.

Что съ нимъ было дѣлать? говорилъ Домонтовичъ. Слѣдовало бы отправить на недѣлю подъ арестъ. Но какъ оторвать отъ работы? Рѣшилъ позвать къ себѣ, распекъ, какъ только могъ за шалость и этимъ ограничился.

Наступили экзамены.

Огорченный отчисленіемъ М. З—го (занимающаго нынѣ высокій постъ), я внимательно слѣдилъ за экзаменами Скобелева, опасаясь, что и другой мой однополчанинъ провалится. Экзамены шли такъ себѣ — ни шатко, ни валко — по второму разряду.

Наступилъ экзаменъ военной исторіи и стратегіи. Экзаменаторами были: мой пріятель Аѳанасій Евлампіевичъ Станкевичъ и я. Скобелеву достался Римникскій бой.

Я никогда не находилъ ничего поучительнаго въ этомъ сраженіи, гдѣ Суворовъ, съ горстью войскъ, разбилъ непріятеля въ десять разъ сильнѣйшаго. Непріятель былъ — турки, хотя славные своими былыми побѣдами, но войны безтолковые, чѣмъ и объясняется побѣда дисциплинированной, беззавѣтно преданной вождю, горсти русскихъ.

Скобелевъ началъ. Я отнесся къ отвѣту сначала довольно невнимательно, но вдругъ почувствовалъ, что слышу что-то новое. Невольно поднялъ голову и вижу, что также внимательно слушаетъ сосѣдъ мой. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе увеличивалось мое удивленіе. Скобелевъ сумѣлъ дать такую живую, красочную картину боя, такъ талантливо передалъ его перипетіи, самъ, очевидно, такъ увлекся своимъ изложеніемъ, такъ захватилъ насъ обоихъ, что сосѣдъ невольно толкнулъ меня и прошепталъ: „это профессорская лекція“.

— И профессора талантливаго, замѣтилъ я.

Когда мы вернулись въ профессорскую и выразили наше удивленіе, намъ просто не повѣрили.

— Сколько же вы ставите ему, неужели двѣнадцать? (въ Академіи была двѣнадцати-балльная система).

Я отвѣчалъ къ всеобщему удивленію, что, „если бы можно было — мы поставили бы четырнадцать“.

Думаю, это не будетъ увлеченіемъ, если скажу, что, хотя въ Академіи не разъ слышалъ отъ офицеровъ прекрасные отвѣты на

¹⁾ Служившій тогда въ Академіи, штабъ-офицеромъ т. е. наблюдающимъ за молодежью, впоследствии членъ Военнаго Совѣта.

экзаменахъ, но такого *талантливаго, увлекательнаго* изложенія положительно не слыхалъ. Видно было, что бой, самый механизмъ его, его поэзія, близки сердцу молодого воина, будущаго героя.

Скобелевъ кончилъ курсъ Академіи по второму разряду.

Въ экзаменномъ спискѣ, полученномъ мною изъ Академическаго архива, въ графѣ, отвѣчающей фамиліи „Скобелевъ“, значатся слѣдующіе баллы:

Тактика 10, 7 ¹⁾.
 Стратегія 12.
 Военная исторія 12.
 Военная администрація 9.
 Военная статистика 8.
 Геодезія 6, 5.
 Съёмка 8.
 Русскій языкъ 11.
 Артиллерія 9.
 Фортификація 11.
 Иностранные языки 12.
 Политическая исторія. 10.

Списокъ подписанъ слѣдующими лицами:

Генералъ-лейтенантъ Леонтьевъ (начальникъ Академіи).
 Генералъ-маіоръ Макшеевъ.
 Генералъ-маіоръ Беренсъ.
 Генералъ-маіоръ Драгомировъ.
 Полковникъ Вилькъ ²⁾.
 Полковникъ Держинскій ²⁾.
 Полковникъ Циклинскій ²⁾.
 Полковникъ Домонтовичъ ²⁾.
 Полковникъ Рехневскій.
 Полковникъ Лееръ.
 Полковникъ Максимовскій.
 Полковникъ Штубендорфъ.
 Полковникъ Витмеръ.
 Подполковникъ Лобко.
 Дѣйствительный статскій совѣтникъ Галаховъ.
 Правитель дѣлъ, полковникъ Глиноецкій.

¹⁾ Дробь получилась потому, что экзамены производились комиссіей, при чемъ каждый членъ комиссіи ставилъ свой баллъ.

²⁾ Штабъ-офицеры, завѣдывавшіе обучающими офицерами.

Представляетъ несомнѣнный интересъ и „экзаменный списокъ офицеровъ практическаго класса Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба за 1868 годъ“. Въ немъ значатся слѣдующіе офицеры, расположенные по старшинству балловъ:

Кончившіе по первому разряду:

Костровъ.
Кантакузенъ.
Шауманъ.
Энкель.
Каульбарсъ.
Аминовъ.
Поль.

Кончившіе по второму разряду:

Николаевъ.
Свѣтлицкій.
Малама.
Таль.
Скобелевъ.
Завадскій.
Дюбюкъ.
Ильинскій.
Штрикъ.
Сосновскій.
Гродековъ.
Гребенщиковъ.
Квитницкій.
Ласкинъ.
Свѣчинъ.
Шпицбергъ.
Циклауровъ.
Медгеръ.

VI.

По выходѣ изъ Академіи, Скобелевъ не могъ, конечно, ни оставаться въ Петербургѣ, ни ѣхать въ центральныя губерніи. Его тянуло на окраины, манила возможность приключеній, вѣроятность военныхъ дѣйствій: онъ поѣхалъ въ Среднюю Азію и на Кавказъ.

Слухи съ Кавказа были, нечего скрывать, не благопріятные. Скобелева тамъ не полюбили, и, когда я встрѣтился съ нимъ

вскорѣ, у Казанскаго моста, онъ показался мнѣ нѣсколько сконфуженнымъ, особенно, когда я началъ разспрашивать про Кавказъ и про его службу.

Изъ Средней Азіи сообщали о его приключеніяхъ, о дуэляхъ, о томъ, какъ онъ штурмовалъ Хиву, когда защитники уже отворили ворота и, наконецъ, о его знаменитой рекогносцировкѣ въ Туркменскую степь — рекогносцировкѣ полной необычайной отваги, когда онъ, переодѣтый туркменомъ, съ проводниками, только какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ и привезъ очень важныя свѣдѣнія относительно колодцевъ и доступности степи по направленію къ Каспійскому морю.

Рекогносцировка эта покрыла все, что было, по слухамъ, не вполне корректнаго въ поведеніи этой кипучей натуры, за время службы Скобелева въ степяхъ Средней Азіи.

Но еще за годъ до Хивинскаго похода, капитаномъ генеральнаго штаба, онъ въ 1872 году пріѣхалъ въ Петербургъ и, сколько помню, прикомандировался къ войскамъ Петербургскаго военного округа. По крайней мѣрѣ онъ, въ 1872 г., участвовалъ въ маневрахъ близъ Таицъ, въ отрядѣ, которымъ командовалъ свѣтлѣйшій князь Голицынъ. Начальникомъ штаба этого отряда былъ извѣстный Казиміръ Васильевичъ Левицкій, или просто Казиміръ, какъ его всѣ называли. И вотъ здѣсь, въ Таицахъ, произошелъ эпизодъ, въ которомъ мнѣ пришлось сыграть такую роль, что я горжусь ею и смѣло утверждаю, что, если бы не мое посредничество и рѣшительность — Скобелевъ былъ бы солдатомъ. Но столкновение въ Таицахъ между Скобелевымъ и Левицкимъ такъ связано съ личностью послѣдняго, и эта личность представляетъ, въ свою очередь, такой своеобразный интересъ, что я расскажу о сказанномъ эпизодѣ въ моихъ воспоминаніяхъ о „Казиміръ“, игравшемъ въ турецкую войну, какъ извѣстно, весьма видную роль.

Года черезъ три, въ концѣ 1875 года, больной, на костыляхъ, въ Амстердамѣ, прочелъ я о завоеваніи Скобелевымъ Ферганы и о быстромъ ходѣ его карьеры. Очень меня это обрадовало, и я послалъ ему телеграмму.

— Не говорите мнѣ, пожалуйста, о вашемъ Скобелевѣ, отвѣчалъ мнѣ Сержпутовскій, нашъ консулъ въ Амстердамѣ, когда я рисовалъ ему Скобелева, какъ недюжинную личность.

— А что?

— Да знаю я его хорошо. Когда я былъ консуломъ въ Рештѣ ¹⁾, Скобелевъ, еще капитаномъ, пріѣхалъ ко мнѣ. Ну, натурально —

¹⁾ На южномъ берегу Каспійскаго моря.

восточное гостепріимство: квартира, столъ, погребъ—къ его услугамъ. Самъ я пью мало, а на Востокъ мы дѣлаемъ запасъ вина на цѣлый годъ, для гостей. Такъ онъ у меня одинъ, въ двѣ недѣли, весь годовой запасъ выпилъ.

Помня этотъ разсказъ, я черезъ годъ, или полтора, спросилъ Троцкого, бывшаго въ это время начальникомъ штаба Туркестанскихъ войскъ и пріѣхавшаго не надолго въ Петербургъ.

— Ну, а какъ теперь Скобелевъ „на счетъ напитокку“?

— Почти не пьетъ, отвѣчалъ Троцкій.

— Неужели? А вотъ что разсказывалъ мнѣ Сержпутовскій, да и другіе говорили.

— Да, было прежде, замѣтилъ Троцкій. Но Скобелевъ—человѣкъ съ характеромъ. Онъ знаетъ, что Константинъ Петровичъ ¹⁾ терпѣть не можетъ пьянства,—ну и бросилъ.

Затѣмъ я видѣлъ Скобелева близко и разговаривалъ съ нимъ одинъ только разъ. Дѣло было такъ.

Зашелъ какъ-то въ Главный Штабъ. Начиналась турецкая война 1877 года. Вдругъ сталкиваюсь со Скобелевымъ. Въ мундиръ генерала Свиты Его Величества онъ показался мнѣ похудѣвшимъ. Какъ теперь вижу очень длинный, сшитый не по мѣркѣ воротникъ его свитскаго мундира. Очевидно, воротникъ былъ или посланъ въ Фергану, или заказанъ наскоро по пріѣздѣ изъ Ферганы въ Петербургъ.

Я ужасно обрадовался и горячо пожалъ его руку, поздравляя съ быстрой карьерой (я оставался еще полковникомъ, хотя также довольно быстро подвигался по службѣ и былъ генераломъ на 39 году отъ роду).

Вдругъ вижу человѣка, крайне сконфуженно отвѣчающаго на мои привѣтствія и вопросы.

Когда мы разстались, мнѣ пояснили, что онъ пріѣхалъ въ штабъ прямо изъ дворца, что, оклеветанный фазанами, прилетавшими изъ Петербурга въ Среднюю Азію за крестами, онъ былъ крайне сурово принятъ Государемъ.

И слухъ этотъ вѣроятно былъ справедливъ. По крайней мѣрѣ генералу Свиты Его Величества, кавалеру орд. Св. Георгія 4-й и 3-й степеней, герою Средней Азіи и покорителю Ферганы, успѣвшему уже составить себѣ европейское имя и прилетѣвшему съ далекой окраины, чтобы принять участіе въ серьезной войнѣ, не было дано никакого назначенія, и ему пришлось добиваться

¹⁾ Кауфманъ, тогдашній начальникъ Туркестанскаго округа.

скромной роли начальника штаба казачьей дивизіи, которою командовалъ его отецъ—роли, исполняемой обыкновенно молодыми полковниками и даже подполковниками.

Но духъ инициативы, свойственный Скобелеву и побудившій его добиваться даже такого скромнаго назначенія, быстро выдѣлилъ его изъ среды бездарностей, рутинеровъ и людей, хотя честныхъ, храбрыхъ, но безъ живого почина, безъ энергіи, безъ духа предпріимчивости, безъ твердой рѣшимости, побуждающей человѣка беззавѣтно ставить въ извѣстную минуту на карту все, чтобы склонить въ свою пользу суроваго бога войны.

VII.

Скобелевъ вернулся народнымъ героемъ.

Я видѣлъ его такимъ только разъ, на Морской. Онъ быстро проѣхалъ мимо, никого не замѣчая. Я едва успѣлъ приложить руку къ козырьку и, провожая глазами, видѣлъ только его красивую фигуру и великолѣпныя свѣтлыя бакенбарды, развѣвавшіяся по воздуху.

Нельзя было не залюбоваться имъ, и мнѣ неудержимо захотѣлось пожать ему руку, поговорить съ нимъ. Поговорить было о чемъ...

Но я подумалъ: съ чѣмъ я явлюсь къ нему? У него столько теперь почитателей, искреннихъ и по расчету, столько льстецовъ, что неужели и мнѣ стать въ ряды ихъ? И какой интересъ для него могу я представить собою? Вѣдь если я и убѣжденъ, что мнѣ пришлось два раза сыграть видную роль въ его судьбѣ, то прошлое забывается легко, а близки мы никогда не были.

Я уѣхалъ въ Крымъ. Здоровье мое возстановилось, и я рѣшилъ съѣздить изъ Ялты на нѣсколько дней въ глубь степей, на охоту. Пріѣхалъ въ Симферополь 27 іюня 1882 года; разсѣянно взялъ газету, просматриваю телеграммы, и вдругъ: „Скобелевъ скончался отъ разрыва вены“.

Такой молодой, блестящій, полный силъ!—Ноги мои точно подкосило что-то, и я невольно опустился на стулъ... Но, опомнившись, минутъ черезъ десять, я, не скрываю, перекрестился широкимъ крестомъ: великое благо для Россіи, мелькнуло въ моей головѣ, что сошелъ со сцены этотъ талантливый честолюбецъ, возводившій

войну въ божественный культъ! Задача наша—мирное обновленіе, а онъ непремѣнно втянулъ бы насъ въ войну, и доказательство послѣдняго было у меня на лицо. Вотъ оно.

Извѣстна воинственная рѣчь, сказанная Скобелевымъ въ Парижѣ сербскимъ студентамъ (въ 1881 году, приблизительно). Государь (Александръ III), преслѣдовавшій миролюбивую политику, былъ страшно недоволенъ Скобелевымъ за эту рѣчь, вызвалъ его изъ Парижа и, когда доложили о его пріѣздѣ, очень сердито приказалъ позвать пріѣхавшаго въ кабинетъ.

Скобелевъ вошелъ туда крайне сконфуженнымъ и... по прошествіи двухъ часовъ, вышелъ веселымъ и довольнымъ.

Не трудно сообразить, что если суровый Императоръ, не любившій шутить, принялъ Скобелева недружелюбно, то не могъ же онъ распекать цѣлыхъ два часа. Очевидно, талантливый честолюбецъ успѣлъ заразить миролюбиваго Государя своими взглядами на нашу политику въ отношеніи Германіи и другихъ сосѣдей.

Мнѣ это передавалъ Казиміръ Левицкій, въ качествѣ свитскаго генерала, смѣнившій дежурнаго Свиты, который докладывалъ Государю о Скобелевѣ и видѣлъ его выходящимъ изъ кабинета. Фамилію этого генерала забылъ, но, быть можетъ, онъ живъ еще, или живы тѣ, которымъ онъ рассказывалъ о пріемѣ Скобелева Императоромъ.

Итакъ, сознаюсь, я перекрестился широкимъ крестомъ, а 22 года спустя, сколько разъ приходилось говорить: Господи, если бы былъ Скобелевъ!

Если бы былъ Скобелевъ, возможенъ ли былъ Тюренченъ, куда Куропаткину не угодно было даже пожаловать, чтобы хотя взглянуть на японцевъ, цѣлыхъ 6 дней употребившихъ на переправу, тогда какъ Скобелевъ, подъ Геокъ-Теле, бросилъ отрядъ свой для безумно смѣлой рекогносцировки, чтобы только посмотреть на незнакомаго врага.

Если бы былъ Скобелевъ, развѣ мыслимъ былъ Вафангоу, куда также не удостоилъ пріѣхать командующій арміей.

А безпрепятственныя высадки японцевъ?

А Ляоянь? Если бы былъ Скобелевъ, развѣ не была бы уничтожена армія Куроки до послѣдняго человѣка?

А!... Если бы, если бы!

Да, узнавъ о смерти Скобелева, я, горячій патріотъ, желающій не военной славы, а блага своему отечеству — не опечалился за Россію, подумалъ даже — „смерть эта ко благу родины“. Но кто же тогда могъ думать о ничтожной, островной странѣ дальняго востока и о томъ, что наша политика сумѣетъ къ сонму недоброжелателей и враговъ Запада прибавить и создать могучаго противника на Дальнемъ Востока?

VIII.

По поводу нашихъ несчастій и той роли, какую Скобелевъ могъ бы сыграть въ Японской войнѣ, мнѣ не разъ задавали вопросъ: унесла ли смерть въ Скобелевѣ только блестящаго, молодого героя, или Россія потеряла въ немъ серьезнаго главнокомандующаго, такого человѣка, который, вмѣсто позора, далъ бы намъ въ Манчжуріи рядъ блестящихъ побѣдъ?

Отвѣтить на этотъ вопросъ не легко.

Роль главнокомандующаго такъ трудна, требуетъ такого гармоническаго сочетанія въ одномъ лицѣ совершенно исключительныхъ свойствъ ума и характера, что вся всемірная исторія насчитываетъ не болѣе десяти великихъ полководцевъ: Александръ Македонскій, Аннибалъ, Юлій Цезарь, Густавъ Адольфъ, Фридрихъ Великій, наконецъ Наполеонъ — вотъ имена безспорныя; къ нимъ мы, русскіе, прибавляемъ Петра Великаго и Суворова, да вѣмпы, по праву, дополняютъ краткій списокъ именемъ Мольтке. Вотъ и все.

Трудно, конечно, утверждать, чтобы Скобелевъ могъ занять свое мѣсто среди этихъ почетныхъ именъ, и если Академія Генеральнаго Штаба положила на гробъ безвременно погибшаго героя вѣнокъ съ надписью: „Суворову равному“, то, конечно, это надо приписать впечатлѣнію неожиданной смерти и нервности воспріимчивой натуры Драгомирова, бывшаго тогда начальникомъ Академіи. Однако, несомнѣнно, въ Скобелевѣ были данныя, необходимыя для роли серьезнаго военачальника.

О храбрости и говорить не приходится — этого не занимать стать на землѣ русской, и Куропаткинъ, безъ сомнѣнія, не уступалъ въ этомъ Скобелеву; но, помимо большого ума, Скобелевъ обладалъ характеромъ рѣшительнымъ, способнымъ принимать самыя смѣлыя, даже черезчуръ смѣлыя рѣшенія, какъ, напримѣръ, рекогносцировка подъ Геокъ-Тепе.

Онъ былъ *талантливъ*—въ немъ была *искра Божія*, безъ которой великія дѣла невозможны. Благодаря этой искрѣ, онъ умѣлъ привлекать къ себѣ людей, дѣйствовать обаятельно на массы.

Но и всего этого, при нынѣшнихъ многочисленныхъ арміяхъ и средствахъ пораженія, ведущихъ къ необъятному для одного человека удлинению позицій—недостаточно: необходимо желаніе и умѣнье выбирать себѣ помощниковъ.

Какъ ни странно, но эту простую истину понимаютъ далеко не многіе. Люди мелкіе, обыкновенно, либо боятся даровитыхъ людей изъ опасенія потускнѣть отъ ихъ блеска, либо руководятся желаніемъ сдѣлать угодное тому или другому вліятельному лицу, либо увлекаются лестью и угодливостью, расточаемыми по ихъ адресу, либо просто не умѣютъ разобраться въ достоинствахъ и свойствахъ человека, принимая, напримѣръ, Георгіевскій крестъ, или храбрость солдата—за наличность способностей руководить дѣйствіями корпуса, иногда даже арміи.

Такимъ, къ отчаянію своихъ почитателей, къ числу которыхъ принадлежалъ и я, показалъ себя Куропаткинъ.

Блестящимъ примѣромъ противоположнаго можетъ служить старій Вильгельмъ.

Человѣкъ способностей заурядныхъ, но хорошаго здраваго смысла и пламенный патріотъ, руководимый интересами блага родины, а не тщеславіемъ, не мелкими, ничтожными интересами личнаго „я“—онъ не побоялся довѣриться такимъ людямъ, какъ Бисмаркъ и Мольтке, не поколебался вручить имъ полную мощь и ступеваться самому въ лучахъ ихъ славы. За то онъ совершилъ великія дѣла для блага отчизны, какъ онъ его понималъ по крайней мѣрѣ, и исторія отведетъ ему, конечно, самое почетное мѣсто на своихъ страницахъ.

Какимъ бы показалъ себя въ этомъ смыслѣ Скобелевъ?

Здравый, обширный умъ, прекрасное знаніе военнаго дѣла и военной исторіи, основательному изученію которой онъ посвящалъ послѣ Академіи всѣ свои досуги, пониманіе людей, чуткость натуры, вмѣстѣ съ огромной самоувѣренностью, вѣрой въ свои силы, въ свое превосходство—качества, несомнѣнно присущія Скобелеву—все это, взятое вмѣстѣ, позволяетъ думать, что, при выборѣ помощниковъ, онъ руководился бы единственнымъ побужденіемъ—ихъ пригодностью для дѣла, и что выборъ ихъ былъ бы, поэтому, удачнымъ.

Онъ доказалъ это на томъ довѣріи, съ которымъ относился къ дарованіямъ Куропаткина—превосходнаго начальника штаба кор-

пуса, интенданта и даже командира корпуса, *входящаго въ составъ арміи.*

Точно также рѣшительность Скобелева, удалившаго умнаго и благороднаго, но вялаго, безъ малѣйшей искры, Гудиму-Левковича, которому самъ же онъ предложилъ мѣсто начальника штаба Геок-Тепинскаго отряда, но который оказался для него не подходящимъ; рѣшимость, съ какою онъ, несмотря на прекрасныя связи Гудимы-Левковича при дворѣ, не задумываясь удалилъ его ¹⁾ и замѣнилъ человѣкомъ безъ всякихъ связей, но смѣлымъ и энергичнымъ, наиболѣе пригоднымъ изъ всѣхъ, бывшихъ подъ рукою— все это, взятое вмѣстѣ, указываетъ на то, что и въ качествѣ главнокомандующаго Скобелевъ сумѣлъ бы разобраться при выборѣ людей.

И можно съ увѣренностью сказать, что онъ не оставлялъ бы командовать крупными частями лицъ, позорно зарекомендовавшихъ себя съ самаго начала войны, какъ это было въ Манчжуріи, не оставилъ бы потому, что войны теперь не часты и не могутъ быть продолжительны, вслѣдствіе громадности затратъ, сопряженныхъ съ ними. Не только 30-ти, или 7-ми-лѣтней, но и 3-хъ-лѣтней войны не выдержать ни одно государство. Современные, рѣдкія и краткосрочныя войны не даютъ возможности выдвигать людей годами, поэтому талантливый полковникъ, если онъ показалъ себя дѣйствительно талантомъ, долженъ черезъ три-четыре мѣсяца стоять уже во главѣ корпуса, а не подвигаться черепашинымъ шагомъ, потому что, видите ли, неловко обидѣть, или выгнать бездарность, или даже труса.

Можно утверждать, что при Скобелевѣ даровитые люди не оставались бы въ тѣни, какъ это было, напримѣръ, съ Самсоновымъ, и не получали бы назначеній, не свойственныхъ ихъ дарованіямъ, какъ это было съ генераломъ Мищенко. Талантъ и твердость этого генерала несомнѣнно дали бы арміи превосходнаго корпуснаго командира, тогда какъ ему пришлось фигурировать въ роли начальника кавалеріи, къ которой, надо сознаться, онъ оказался не подготовленнымъ своей прошлой службой и несоответствующимъ вообще по своему характеру, тогда какъ прекрасный кавалерійскій начальникъ былъ на лицо — генералъ Ренненкампфъ, или тотъ же даровитый и безупречный Самсоновъ.

Вотъ данныя, говорящія за то, что, если бы въ Манчжуріи, во

¹⁾ Хотя, по опыту Ферганы, онъ зналъ, какъ опасно не угодить лицамъ, имѣющимъ придворныя связи.

главъ нашей арміи стоялъ Скобелевъ, война имѣла бы иной результатъ.

Съ другой стороны, если мы обратимся къ карьерѣ Скобелева, то увидимъ, что она протекала необычайно счастливо не только въ смыслѣ быстрого возвышенія, но и въ отношенія формированія характера и свойствъ, необходимыхъ для *крупнаго* военнаго дѣятеля.

Весь пылъ молодости, всю страстность кипучей натуры Скобелевъ израсходовалъ въ партизанской войнѣ, да въ степяхъ Средней Азіи. Въ турецкую войну онъ уже является серьезно подготовленнымъ и ведетъ, на примѣръ, бой подъ Ловчей, предварительно склонивъ на свою сторону всѣ шансы успѣха.

Но особенную выдержку, выказавшую самые серьезныя задатки крупнаго военачальника, проявилъ онъ въ бою подъ Шейновымъ, за который ему слали столько упрековъ.

Еще большую выдержку проявилъ онъ въ экспедицію Геокъ-Тепе. Положеніе наше было крайне трудное: престижъ непобѣдимости русскихъ, въ который вѣрила Средняя Азія, былъ подорванъ; противъ насъ были природныя войны, не знавшіе соперниковъ въ рукопашномъ бою, войны, заставившіе трепетать передъ собою всѣхъ сосѣдей, и мы видимъ, что Скобелевъ, пылкій, неукротимый Скобелевъ, проявляетъ крайнюю осмотрительность, какъ въ подготовкѣ къ экспедиціи, такъ и въ нанесеніи послѣдняго рѣшительнаго удара—штурма. Здѣсь именно было проявлено свойство, отличавшее всѣхъ великихъ полководцевъ,—соединеніе рѣшительности съ осторожностью.

IX.

Я упомянулъ объ упрекахъ, которымъ подвергался Скобелевъ за бой подъ Шейновымъ.

Его упрекали за то, что онъ якобы намѣренно не атаковалъ турокъ 27 декабря—день, назначенный по диспозиціи для атаки, что онъ изъ личнаго честолюбія хотѣлъ, чтобы отрядъ Мирскаго былъ разбитъ, чтобы вся слава успѣха была приписана ему. Скобелеву, единолично ¹⁾.

¹⁾ Для незнакомыхъ съ сраженіемъ Иметли-Шейново, считаю нужнымъ сдѣлать слѣдующія поясненія: въ концѣ декабря 1877 г. русскими рѣшено было взять Шипку, обороняемую арміей Вессель-Паши. Для достиженія этой цѣли, при невозможности атаковать непріятеля по узкому ущелью въ лобъ, предложено было обойти его съ обоихъ фланговъ двумя колоннами, двигнувъ ихъ черезъ горы, покрытыя глубокимъ снѣгомъ. Противъ праваго

Мнѣ всегда казалось, что говорить такъ значитъ предполагать въ Скобелевѣ полное невниманіе къ урокамъ исторіи, совершенное незнакомство съ нею, а извѣстно, какъ упорно, какъ постоянно изучалъ онъ послѣ Академіи великіе образцы исторіи.

Но даже въ Академіи указывалось на сраженіе при Риволи, въ которомъ, благодаря именно раздѣленію силъ австрійцевъ и одновременности атакъ колоннами, шедшими по горнымъ дорогамъ, Наполеонъ успѣлъ наголову разбить непріятеля. И Скобелевъ, конечно, понималъ, что если Мирскій будетъ разбитъ 27-го, онъ можетъ, подобно австрійцамъ при Риволи, подвергнуться отдѣльному пораженію подъ ударами всей свободной отъ Мирскаго арміи Весселя-Паши.

Точно также онъ, даже изъ Академіи, могъ вынести положительный примѣръ образа дѣйствій въ подобныхъ случаяхъ. Это—дѣйствія Макъ-Магона въ сраженіи подъ Мажентой (1859 г.), когда маршалъ, несмотря на семь приказаній, посланныхъ императоромъ, о немедленной атакѣ праваго фланга австрійцевъ, повелъ свой корпусъ въ атаку только тогда, когда послѣдній батальонъ перешелъ черезъ рѣку и выстроился въ боевой порядокъ. Благодаря этому послушанію, положеніе французовъ на фронтѣ сдѣлалось тяжелымъ до послѣдней степени: но за то Макъ-Магонъ съ цѣлымъ корпусомъ, не въ разбродъ, а въ полномъ составѣ, какъ лавина, обрушился на правый флангъ непріятеля и рѣшилъ этимъ побѣду. И поведение Макъ-Магона не только не подвергалось упрекамъ, но приводилось, какъ примѣръ выдержки и здраваго отношенія къ военному дѣлу. И даже послушаніе приказаній, исходившихъ отъ самого императора, ставилось ему, и ставилось справедливо, какъ современниками, такъ и исторіей—въ доблесть высокаго достоинства.

Какъ примѣръ отрицательный, противоположный выдержкѣ Макъ-Магона подъ Мажентой, приводилось сраженіе подъ Люценомъ (1813 г.), гдѣ наша неудача произошла именно отъ того, что мы атаковали корпусъ Нея, служившій заслономъ для арміи Наполе-

фланга была направлена колонна Мирскаго; для обхода лѣваго—Скобелева. Совмѣстная атака назначена была на 27 декабря. Колонна Скобелева встрѣтила огромныя затрудненія при переходѣ черезъ горы и 27-го, только къ вечеру, частями, начала выходить на равнину въ то время, когда Мирскій дрался уже цѣлый день. Скобелевъ рѣшилъ отложить атаку до сосредоточенія всего отряда, до 10 часовъ утра 28-го, чтѣ ставило Мирскаго, временно, въ крайне тяжелое положеніе, но имѣло за то послѣдствіемъ плѣненіе всей турецкой арміи.

она, не собравъ для этого достаточныхъ силъ, а по мѣрѣ того, какъ батальоны подходили къ полю битвы, пускали ихъ въ атаку.

На то же, конечно, могъ разсчитывать и Скобелевъ, если бы атаковалъ вечеромъ 27-го головой своей колонны, съ тѣми только батальонами, которые успѣли выйти изъ ущелій. Надо добавить, что онъ не зналъ еще тогда о пораженіи турокъ арміей Гурко и, поэтому, долженъ былъ принимать въ разсчетъ опасность со стороны своего праваго фланга, могъ, и даже долженъ былъ разсчитывать на опасность попасть между двухъ огней.

Я далекъ, конечно, отъ мысли утверждать, что Скобелевъ дѣйствовалъ подѣ Шейновымъ, руководясь приведенными указаніями, полученными въ академіи—такой талантъ, какъ Скобелевъ, не могъ, безъ сомнѣнія, руководиться только школьными указками—но говорю, что даже въ академіи указывалось на опасность атакъ силами, не успѣвшими еще сосредоточиться, почему съ убѣжденіемъ утверждаю, что Скобелевъ поступилъ въ высокой степени основательно, не атакуя турокъ 27-го декабря по частямъ, не подвергая пораженію по частямъ своихъ батальоновъ, а, лишь собравъ весь свой отрядъ, обрушился 28-го декабря, на армію Весселя-Паши, результатомъ чего было плѣненіе этой арміи.

Такимъ образомъ, съ полнымъ убѣжденіемъ и искренностью можно сказать, что за бой подѣ Шейновымъ Скобелевъ не только не заслуживаетъ упрека, но что въ немъ онъ выказалъ себя уже не безумно смѣлымъ храбрецомъ, а серьезнымъ военачальникомъ, способнымъ здраво рѣшать труднѣйшія задачи, представляемыя многообразными перипетіями войны.

Въ многочисленныхъ спорахъ по поводу указаннаго сраженія подѣ Иметли-Шейновымъ я всегда горячо защищалъ Скобелева, руководясь приведенными данными, а въ 1903 г. мнѣ удалось услышать и подробное описаніе этого сраженія отъ графа Келлера, бывшаго, съ 27 декабря, послѣ раны Куропаткина, начальникомъ штаба Скобелевскаго отряда.

Графъ Келлеръ былъ тогда, въ 1903 году, губернаторомъ въ Екатеринославѣ.

Я заѣхалъ къ нему, какъ къ бывшему ученику по академіи, и провелъ у него два вечера до поздняго часа. Разумѣется, заставилъ его не только разсказать во всѣхъ подробностяхъ „Шейново“, но даже начертить планъ мѣстности. Замѣчу, что графъ Келлеръ, погибшій черезъ годъ на поляхъ Манчжуріи, былъ рыцаремъ въ полномъ смыслѣ слова: благородный, блестяще храбрый, прямой, безхитростный, обаятельно симпатичный.

Келлеръ передавалъ мнѣ весь эпизодъ съ величайшимъ оду-

шевленіемъ и утверждалъ, что Скобелевъ, по пылкости натуры, непремѣнно хотѣлъ атаковать 27-го, и что онъ, графъ Келлеръ, настоялъ на томъ, чтобы атака была отложена до 28-го.

Графъ Келлеръ передалъ мнѣ даже весь разговоръ его со Скобелевымъ, на французскомъ языкѣ.

Скобелевъ страшно волновался.

„Нѣтъ, нѣтъ, говорилъ онъ, необходимо атаковать сегодня же (т. е. 27-го), а то, увидишь ¹⁾, меня будутъ упрекать, что я не исполнилъ диспозиціи и этимъ подвергнулъ Мирскаго отдѣльному пораженію. Увидишь, что меня будутъ обвинять“.

— Ты, значитъ, отвѣчалъ Келлеръ, ставишь собственный интересъ выше интереса дѣла. Извини, но я считаю, что, руководясь личнымъ интересомъ, ты поступишь просто нечестно. Ты не имѣешь права изъ личныхъ побужденій рисковать успѣхомъ большого дѣла

„Только этимъ доводомъ, говорилъ мнѣ Келлеръ, мнѣ удалось убѣдить Скобелева отложить атаку до 28-го, до сбора всего отряда. Такимъ образомъ, если кто упрекаетъ Скобелева, я беру этотъ упрекъ всецѣло на себя“.

Зная Келлера за благороднѣйшаго человѣка, я ни мало не сомнѣваюсь въ истинѣ его словъ, и, тѣмъ не менѣе, отдавая должную справедливость основательности совѣта, — честь рѣшимости отложить атаку до 28-го всецѣло должна быть приписана Скобелеву: мало ли сколько разнообразнѣйшихъ совѣтовъ приходится выслушивать военачальнику. Совѣтовать не трудно. Трудно разобраться въ совѣтахъ, а, главное, — рѣшиться принять тотъ или другой совѣтъ и взять на себя отвѣтственность передъ войсками, родиной и исторіей за принятое рѣшеніе, отъ котораго зависятъ иногда не только тысячи жизней, но участь сраженія, исходъ цѣлой войны...

Въ данномъ же случаѣ представлялась слѣдующая задача, разрѣшить которую было не легко: атаковать немедленно, 27-го, тѣми частями, которыя успѣли спуститься съ горъ — значило подвергнуться опасности быть разбитымъ по частямъ; но, съ другой стороны, если не атаковать 27-го, то турки, свободные съ этой стороны, могли всѣми силами обрушиться на колонну Мирскаго, могли разбить его, заставить отступить и на другой день, освободясь отъ Мирскаго, опять таки всѣми силами ударить на Скобелева и въ свою очередь подвергнуть его колонну отдѣльному пораженію.

¹⁾ Гр. Келлеръ, какъ и Скобелевъ, началъ службу въ Кавалергардскомъ полку, и они были «на ты».

Разобраться здѣсь было, повторяю, крайне трудно, и честь рѣшенія Скобелева, понадѣявшагося на то, что Мирскій выдержитъ до начала его атаки—безусловно должна быть приписана ему, Скобелеву, одному Скобелеву.

Самъ собою напрашивается вопросъ: отчего это Скобелевъ подвергался нареканіямъ (да еще какимъ!) за образъ дѣйствій, какъ я старался доказать и надѣюсь доказалъ, вполне цѣлесообразный?

Отвѣтъ надо искать, помимо зависти—неразлучной спутницы успѣха, въ личныхъ свойствахъ характера Скобелева.

Его безграничное честолюбіе не позволяло ему, какъ и всѣмъ великимъ честолюбцамъ, начиная съ Цезаря и кончая Наполеономъ, быть особенно строгимъ при выборѣ средствъ.

Про Скобелева говорили, и быть можетъ не безъ основанія, что онъ готовъ положить тысячи, лишь бы гремѣло имя Скобелева, и указывали въ доказательство на безцѣльные бои при Зеленыхъ горахъ (подъ Плевной).

Про другого героя той же войны, Гурко, отзывались, что онъ также, не моргнувъ глазомъ, положить десятки тысячъ людей: но положить ихъ только тогда, когда это нужно для дѣла. Для своего же „я“ не пожертвуетъ жизнью ни одного человѣка.

И между тѣмъ, суроваго Гурку войска не особенно любили, Скобелева же, блестящаго бѣлаго генерала, обожали и весело, за привѣтъ да ласку, да за эффектную внѣшность, отдавали ему свою жизнь. Такова психика войны.

Правда, что Гурко—железный характеръ, безупречная честность—далеко не могъ соперничать со Скобелевымъ по даровитости, знанію и пониманію военного дѣла; но заботливость о солдатѣ оба проявляли одинаковую.

Х.

Я упомянулъ о „бѣломъ генералѣ“, какъ солдаты звали Скобелева, постоянно выѣзжавшемъ безбоязненно на бѣломъ конѣ, представившемъ непріятелю прекрасную цѣль.

Вопросъ: зачѣмъ такъ бравировалъ умный, расчетливый Скобелевъ?

Чтобы дѣйствовать на войска, импонировать имъ своимъ безстрашіемъ? Очень можетъ быть. Изъ-за популярности среди людей, которыхъ ведешь на смерть, рисковать стоитъ; но достаточно разъ,

два выказать передъ войсками свое безстрашіе, а не представлять изъ себя постоянно замѣтной цѣли. Не было ли здѣсь и другого рода соображенія?

Среди множества храбрецовъ непрерывнаго цикла Наполеоновскихъ войнъ два человѣка выдѣлялись своимъ исключительнымъ, картиннымъ безстрашіемъ. Это были—Мюратъ и Милорадовичъ. И тотъ и другой гарцовали впереди цѣлей: Мюратъ въ фантастическомъ, бросавшемся въ глаза костюмѣ, Милорадовичъ въ щегольской парадной формѣ съ разноцвѣтными перьями на шляпѣ. И тотъ и другой выдѣлялись изъ окружавшей ихъ свиты. И того и другого лучшіе стрѣлки не разъ пытались ссадить съ коня. И между тѣмъ оба, точно заговоренные, оставались невредимыми, тогда какъ окружающіе падали и падали. Падали въ такомъ количествѣ, что Ермоловъ говорилъ: „чтобы быть ординарцемъ у Милорадовича, надо имѣть не одну жизнь, а двѣ“.

Во время лекцій своихъ въ Академіи, говоря объ обязанностяхъ офицера генеральнаго штаба, я особенно рекомендовалъ рекогносцировки непріятельскихъ позицій съ возможно близкихъ разстояній, потому что отъ вѣрной рекогносцировки, или отъ „рекогносцировочки“ издали, съ разстояній безопасныхъ, зависитъ часто исходъ сраженія въ ту, или другую сторону, участь тысячъ людей, иногда результатъ всей кампаніи.

„Вотъ почетная сфера дѣйствій, говорилось мною, въ которой офицеръ генеральнаго штаба долженъ рисковать собою, а не ограничиваться наблюденіями издали“.

„Впрочемъ и рискъ здѣсь не такъ великъ, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда“, и я приводилъ въ примѣръ Мюрата и Милорадовича, въ которыхъ цѣлилось столько стрѣлковъ, и которые оставались невредимы. И хотя ихъ считали заговоренными, но здѣсь не было ничего чудеснаго; напротивъ того, причина была совершенно естественная. „Чтобы понять ее—взгляните на мишень, послѣ продолжительной стрѣльбы“, пояснялъ я. „Вы увидите, что мишень вся испещрена пулями, а самое яблоко, та точка, куда всѣ мѣтили, въ которую всякій старался попасть—осталась нетронутой. Такое яблоко во время боя, когда дистанція опредѣлена неточно, и стрѣлокъ лишенъ хладнокровія, представляетъ собою человѣкъ, котораго стараются снять съ сѣдла. Пули жужжатъ вокругъ него, а самъ онъ остается невредимымъ. Вотъ почему и Мюратъ и Милорадовичъ оставались точно заговоренные, и почему ординарцамъ Милорадовича! надо было имѣть не одну жизнь, а двѣ“.

„Поэтому-то и рекомендую вамъ, господа, дѣлать рекогносци-

ровки съ самыхъ близкихъ разстояній не только во имя долга, но и потому, что это совсѣмъ не такъ опасно, какъ кажется съ перваго взгляда; но рекомендую вамъ при этомъ, по указанной причинѣ, оставлять конвой въ безопасномъ мѣстѣ, за приторкомъ, на примѣръ, и ѣхать одному или съ однимъ вѣстовымъ, котораго держать отнюдь не рядомъ съ собою ¹⁾“.

Я говорилъ это съ полнымъ убѣжденіемъ въ практичности своего совѣта, потому что самъ, въ дѣлѣ подъ Сендзювице (1863 г. 14 августа), гдѣ изъ 42 человекъ насъ осталось только четверо, я одинъ случайно былъ въ бѣломъ кителѣ и этому бросавшемуся въ глаза костюму приписываю отчасти свое спасеніе. По крайней мѣрѣ, два мѣсяца спустя, три польскихъ помѣщика, бывшихъ свидѣтелями, какъ они говорили, а вѣроятно участниками дѣла при Сендзювице, и пріѣхавшихъ въ Варшаву нарочно, чтобы познакомиться со мной (такъ они говорили, являсь ко мнѣ) передавали, что ихъ „наипершій стршелець“ (лучшій стрѣлокъ) нѣсколько разъ „визировалъ пана“, какъ выдававшегося въ бѣломъ кителѣ, изъ всей группы, но снять съ коня не могъ. Я потерялъ только коня.

Конечно, я далекъ отъ того, чтобы утверждать, но, быть можетъ, слышанное отъ меня о Мюратѣ и Милорадовичѣ запало въ умную голову и безстрашное сердце Скобелева, и онъ не задумался примѣнить на дѣлѣ слышанную теорію о степени вѣроятности попаданія пули по намѣченной цѣли, тѣмъ болѣе, что своей картинной неустрашимостью онъ производилъ впечатлѣніе на войска.

Какъ бы то ни было, но нуженъ огромный характеръ и полное презрѣніе опасности, чтобы сознательно сдѣлать себя мишенью для непріятельскихъ пуль.

По крайней мѣрѣ, одинъ изъ моихъ учениковъ, нынѣ покойный М., также способный и честолюбивый, поѣхавшій въ Сербію (въ 1876 г.) добровольцемъ въ чинѣ ротмистра гвардіи, сразу получилъ тамъ въ командованіе самостоятельный отрядъ. Безмѣрно честолюбивый, онъ рѣшилъ въ первомъ же бою показать себя и отдалъ диспозицію для атаки, въ которой объявилъ, что „направленіе для атаки — моя бѣлая фуражка“. А когда пули начали жужжать, какъ пчелы, — бѣлая фуражка исчезла и замѣнена была обыкновенной, черной. И

¹⁾ Такимъ именно способомъ производилъ въ Турецкую войну свои блестящія по смѣлости рекогносцировки капитанъ генеральнаго штаба, нынѣ членъ Военнаго Совѣта, Константинъ Николаевичъ Ставровский. Это, мнѣ передавалъ строевой офицеръ, сопровождавшій съ конвоемъ капитана Ставровскаго.

это былъ далеко не трусъ. Напротивъ того, онъ, черезъ годъ, прекрасно заявилъ себя на Кавказѣ въ качествѣ начальника штаба кавалерійской дивизіи извѣстнаго храбреца Амилахвари и по праву заслужилъ Георгіевскій крестъ.

Скобелевъ же, по расчету или нѣтъ — все равно, не задумался сдѣлать себя мишенью для стрѣлковъ непріятеля и заслужить этимъ безграничное довѣріе и любовь солдата.

Теперь, конечно, при мѣткости артиллерійской стрѣлбы и обстрѣлѣ шрапнелями цѣлыхъ площадей, теорія моя не выдержитъ испытанія, что доказала и смерть безбоязненнаго гр. Келлера, пренебрегавшаго огнемъ шрапнели и убитаго ею.

ХІ.

Кстати: интересна судьба величайшихъ храбрецовъ прошлаго, воинственнаго вѣка, которыхъ такъ бережно щадили вражескія пули, которыхъ боги войны и счастья взяли, казалось, подъ особое свое покровительство.

Мюратъ, изъ конюха при гостиницѣ своего отца сдѣлавшійся, благодаря только храбрости и красотѣ, королемъ, лишь въ ранней молодости получилъ нѣсколько сабельныхъ ударовъ.

Безстрашный Ней, „храбрѣйшій изъ храбрыхъ“, этотъ таранъ, котораго направлялъ Наполеонъ для пробитія бреши въ несокрушимой стѣнѣ войскъ противника,—не получилъ ни одной раны за всю свою долгую военную карьеру.

Милорадовичъ не былъ ни разу раненъ, хотя насчитывалъ 200 сраженій и перестрѣлокъ за время своей службы, начиная съ Суворовскихъ войнъ.

Наконецъ Скобелевъ, блестящій и искавшій опасности, получилъ только нѣсколько ничтожныхъ ранъ холоднымъ оружіемъ во время Хивинскаго похода, да легкую контузію подъ Плевной.

И какъ они кончили?

Мюратъ, великолѣпный Мюратъ, былъ разстрѣлянъ послѣ неприглядной роли, сыгранной имъ въ злословіяхъ его благодѣтеля—Наполеона.

— Soldats! frappez ici. Respectez le visage ¹⁾, сказалъ развѣнчанный красавецъ, указывая на сердце. Il dit et ne fut plus ²⁾, говорить его біографъ.

¹⁾ Солдаты, стрѣляйте въ сердце. Къ лицу отнеситесь съ уваженіемъ.

²⁾ Сказалъ и перешелъ въ вѣчность

Ней палъ жертвою бѣлаго террора—разстрѣлянный своими же французами, которыхъ столько разъ водилъ къ побѣдамъ. Онъ палъ отъ своихъ же пуль, отстраняя отъ опасности рукой, въ самый моментъ смерти, бросившюся къ нему любимую собаку. Такъ, по крайней мѣрѣ, гласитъ легенда и довольно рѣдкая гравюра, изображающая смерть неустрашимого Ней.

Милорадовичъ, 14 декабря, когда выѣхалъ къ войскамъ на Сенатскую площадь, призывая ихъ къ долгу, былъ застрѣленъ русскою пулею и, передъ смертью, когда вынули пулю изъ раны, имѣлъ только утѣшеніе убѣдиться, что пуля была не солдатская.

А Скобелевъ! Этотъ страстный, кипучій, безбоязненный, даровитый, обаятельный человѣкъ!

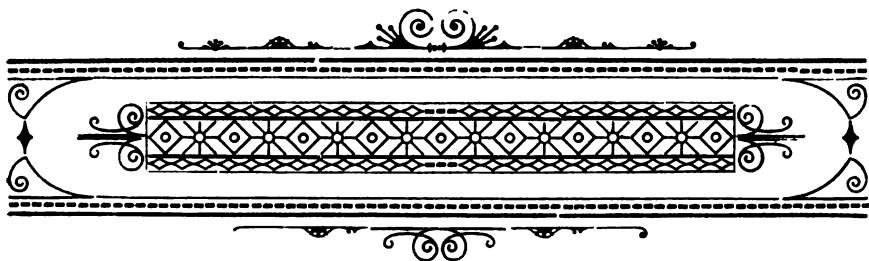
Какъ порвалась нить его бурной жизни, жизни полной приключеній и невѣроятнаго военнаго счастья!

Миръ его грѣшной душѣ! Миръ благородному праху героя!

Александръ Витмеръ.

Ялта.

Письма королю Сигизмунду III о Самозванцѣ ¹⁾.

6. Отъ епископа плочкаго Барановскаго, 6 марта 1604 г. Въ первой половинѣ—Инфлянтскія дѣла.

Новость эта—появленіе Московскаго князька—мнѣ подозрительна. Въ этой исторіи объ немъ многое, сдается мнѣ, мало вѣроятно. Во-первыхъ—развѣ мать не могла узнать собственного

¹⁾ См. „Русская Старина“, май 1908 г.

6. To nowe zyawienie Kniazika Moskiewskiego u mnie jest podeirzane. I w tey historiej o nim zdadzą mi się rzeczy kilka do wiarej malo podobne. Iedna aby wasna Matka Syna zabitego poznac nie miala; Druga zeby trzydziesti Dzieci miano zabic, a to mialo bydz utaiono przed nieboszczykiem Wielgim Kniaziem Fiedorem; trzecia zeby tego Dimitra Czerniec w Monasterze poznac mial po chodzie y spanialych obyczaiach, który iesli ukryti mlodo, a iako chod y obyczaię yego mialy bydz wiadome ylie Czerncowi Nienowina na Swiecie Merdkom, zmysliac się tym czym niesą. Czynią to w successiach rownych dobr y tu w Polsce i miedzy sliachtą; Czyniali tak wielie ych dochodzie chcanc Hospodarstwa Woloskiego. I niedawnego czasu przed zesciem s tego swiata godny pamieci Krola Hiszpanskiego Philippa zyawil się byl co się mienil bydz kroleм Portugalskiem Sebastianem, który cum classe na Wojnie z Maurami zginął. Mial snadz swiadki co mu to prziznawali; Byl zatrzymany przez Venetj. Upominal sie go krol Philip przez Legatie abj mu byl wydany, Liecz przecie otrzymac tede nie mogl. Tego tilko nie wiem yaki koniec wziął. To constat ze się do Portugalskiego krolestwa nie wrocil, znac, ze Impostor byl. I temu takze cante wierzye radzę. Gdysz iako jest u Medroa w Przypowiesciach, Qui cito credit, levis est corde. A co wie dziec nienaprawali tesz to czyta; Umieyą ludzie

убитаго сына; во-вторыхъ, если могли убить тридцать дѣтей, какъ его скрыли отъ покойнаго великаго князя Ѳедора; въ третьихъ—будто этого Дмитрія узналъ въ монастырѣ чернецъ по походкѣ и барскимъ привычкамъ: если онъ былъ укрытъ въ молодости, то походка и привычки были бы у него монашескія.

Не новость на свѣтѣ—выдавать себя за тѣхъ, кѣмъ они не суть на самомъ дѣлѣ. Такъ поступаютъ въ вопросахъ о наследствѣ и здѣсь въ Польшѣ, между шляхтой. Поступали такъ и тѣ, кто желалъ добиться Волошскаго господства. Недавно, передъ кончиной блаженной памяти короля испанскаго Филиппа, объявился нѣкто, именовавшій себя королемъ португальскимъ Севастьяномъ, который погибъ съ флотомъ въ войнѣ съ маврами. Должно быть, у него были свидѣтели, которые это признавали. Венеціанцы захватили его, и король Филиппъ черезъ пословъ просилъ выдать ему его, но получить его все-таки не могъ. Одного не знаю, чѣмъ все это кончилось, constat только, что въ Португалію онъ не вернулся, видно—былъ самозванцемъ. И нашему также слѣдуетъ вѣрить caute. Какъ это въ мудрыхъ поговоркахъ: Qui cito credit, levis est corde. А—что именно узнать, о томъ не стараются и вѣрять. Умѣютъ люди, не узнавъ дѣла, дѣлать указанія монархамъ, а истину—утаивать. Тутъ дѣло идетъ о всѣхъ: о Васѣ и о насъ. овцахъ, порученныхъ Вашему Королевскому Величеству, о statu, или сохрани Боже—о ruinѣ. Поэтому осторожно и осмотрительно слѣдуетъ поступать въ этомъ дѣлѣ. Указанія шпіоновъ и одного инфлянтца для меня большаго значенія не имѣютъ. Я считаю, что этого самаго

rzeczy niepewne Monarchom pokazowac, A pewnych onych zbawic. Idzie tu o wszystkich rzeczy i W. K. M. i nas Owiec W. K. M. powierzonych. albo statum, albo, strzesz Boze, o ruinam. A takby i ostroznie i powoli w tej sprawie postempowac. Znamaznie Szpiegow y Infliaczyska yednego u mnie wagi tak wielkiej nie yest. Rozumialbym, zoby samego tego Dimitra potrzeba miec na Inquisitiei pilnej i subtelny przes Urzedniki albo Senatory roestropne dopytywac się na nim prawdy, ktora yesliby byla po nim nieodmiennabj pewnie byla Tym dalej tym wiencyby się confirmowala; inaczey zmysliona rzecania Mille medos kterymi się wyda sama: Czegobym rozumial dopytywac się, posyłam tego z osobną terminatę. In summa zdanie nie yest nie pirwej dawac temu wiary aszby się rekoma prawie domacac prawdy roznymi okolicznosciami. A tym czasem lubo by byl ten Dimitr Kniasikiem własnym lubo zmyslionym. trzeba go miec na pilney pieczy, strzeganc, aby do Nizowcow niezbiegl, albo się yndzie nie udal. Powoli moze W. K. M. z nim uczynic co z lepszym bendzie. Gdysz i teras choeby teez i to certe certius constaret, ze to tak yest yako się ten Dimitr udawa, nie mając konca aus Carolusem, ani z Brandemburczyki, niebyloby consultum ani tutum przyczyniac niebezpieczestwa i trudnosci z drugiej strony Coronie tey, mając i takzy nad klotnidosc. W Poborach nie pewnych szkoda

Дмитрія надо подвергнуть тщательной и тонкой инквизиціи черезъ урядниковъ или сенаторовъ, и допытаться правды, которая, если бы за нимъ стояла, то, конечно, какъ непреложная, чѣмъ дальше, тѣмъ больше себя бы конфирмовала. Иначе вымышленная исторія выдастъ сама себя mille modos. Чего бы я хотѣлъ допытаться, объ томъ посылаю я особую *terminata* ¹⁾. In summa—не надо прежде всего придавать ему вѣры, но доискаться истины разными путями. А тѣмъ временемъ, будь этотъ Дмитрій князькомъ владѣтельнымъ или самозваннымъ, нужно держать его подъ тщательнымъ надзоромъ, чтобы не убѣжалъ къ Низовцамъ или куда-нибудь въ другое мѣсто. Можетъ быть Вы, Государь, учините съ нимъ, что будетъ всего лучше. Если бы даже и теперь *certo certius constaret*, что все—правда, о чемъ рассказываетъ Дмитрій, то, не окончивъ дѣла ни съ Карломъ, ни съ бранденбургцами, было бы ни *consultum* ниже *tutum* причинять всяческія затрудненія коронѣ еще съ другой стороны, имѣя неурядицы повсюду. На неизвѣстныя подати возлагать надежды опасно; это дѣло можетъ потребовать большаго напряже-

¹⁾ Очень можетъ быть, что эта *terminata* и была та самая, которую напечаталъ я, и которую П. Пирлингъ считаетъ принадлежащей Барановскому. Только тотъ листокъ, съ котораго я печаталъ, по формату и по почерку отнюдь не походитъ на настоящее письмо еп. Барановскаго. Это обстоятельство и заставило меня усмотрѣть въ той *terminata interrogatoria* особый документъ. Но догадка П. Пирлинга, во всякомъ случаѣ, вѣроятна.

nadzieye pokladać, Potrzebowala by ta sprawa poteznosci wietszej y zaudania ratunku u Oycy S^o y skąd y nąd pomocy. Co ya dalszemu uwazeniu y zdaniu poruczayanc Ioh Mei PP. Senatorow, tych zwlaszeza ktorych fides et prudentia jest doswiadczona a wprzod resankowi W. K. M.

(IX. № 55, f. 87).

Najasznieyszy Mczywy Krolu Panie, Panie moy mezywy.

7. Sluszy swe nanisze poddane W. K. Mezi, Panu swemu meczemu zaleczam. Sdrowia dobrego y szczesliwego, a dlugiego Panowania zienie uprzejmie. Dostalem dwoyga pisanja od W. K. Mezi, swego Mczego Pana. Ile napirwsze — rzecz wprawdzie nie mala y uwazenia godna. Iednak tho mi sie zda napotrzebnieysza wiedziecz pewnie y dowodnie. Iesli tha osoba, ktora sie za tho udawa, jest власным sinem y legitime splodzonym kniazia wielkiego moskiewskiego, y iesli tak bylo, zeby dokazal zabiez, musziela by bydz do tego taka wielka y znaczna przyczina. Tu u nasz wprawdzie, ile ia wiedziecz mogę, o thym nie bylo slichacz. Jesli by thedy pokazalo sie tho dostateczne, mial by wasza K. Mez. slusną przieczinę promowowacz go, bo on mial by y prawa y sprawiedliwosc za sobą, iako

нія; придется ждать какъ пособія у Святого Отца, такъ и помощи откуда-нибудь еще. Это я поручаю дальнѣйшему разсмотрѣнію господъ сенаторовъ, особенно тѣхъ, *fides et prudentia* которыхъ извѣстны, а всего болѣе—разумнѣю Вашего Королевскаго Величества.

7. Отъ Николая Окуловскаго изъ Братяна, 8 марта 1604.

Всепресвѣтлѣйшій, всемилостивый король, государь мой милостивый. Всеподданнѣйшую службу мою повергаю стопамъ В. К. В., государя моего всемилостиваго. Искренне желаю добраго здоровья и счастливаго и долгаго царствованія. Получилъ оба письма Ваши, В. К. В. Прежде всего это—дѣло, дѣйствительно, важное, требующее вниманія. Но вотъ что думается мнѣ самое необходимое, чтобы вѣрнѣй узнать и убѣдиться. Если эта особа, которая выдаетъ себя за то, о чемъ говорить, является, дѣйствительно, законнымъ сыномъ великаго князя московскаго и если убійство (другого) можетъ быть доказано, то для рѣшенія вопроса это—большія и вѣскія причины. На самомъ же дѣлѣ, у насъ здѣсь, насколько я знаю, о немъ ничего не было слышно. Если бы это достаточно выяснилось, Вы, государь, имѣли бы полное основаніе провозгласить его, потому что за нимъ были бы право и справедливость, какъ за подлиннымъ наслѣдникомъ, и теперешній властелинъ не имѣлъ бы никакихъ правъ, какъ человѣкъ, занявшій тронъ весьма сомнительно. Но съ нимъ, правда, заключенъ миръ, и не только съ нимъ, но и съ Московскимъ государствомъ. Миръ, однако, можетъ быть сохраненъ и съ перемѣной государя. Если же нѣтъ увѣренности,

własny dziedzicz, ow zaszie czo teras iest, niemial by y prawa y sprawiedliwosci, iako then, ktory snacz ledwa nie mocza tho occupowal. Wprawdziez iest przimierze z nim, ale tesz nie tylko z nim, ale y s samym xiestwem Moskiewskiem, ktore iednak choczyby za odmiana. Pana moglo by bydz zachowane. Jesli by thesz nie bylepownosczci Strony tego Dimitra, radzil bycz aby sie W. K. Mcz w tho aperte niewdawal. Niech by sam swego szczeszia sukal, bocz wprawdzie y theoz by nam na reku zeby sie sami s sobą pogomonily. Radni bych byl widzial dla prziesin niektorych zeby go W. K. Mecz byl do siebie niewziwal. Ale tak z dala o nim y o wzitkiem przez pewne ossoby wiadomosc wzial. Cze sie tiez drugy sprawy, kazdy tho baczies moze iake wiele Correnie thy y nam wazytkiem nal-zi na Jflandaky ziemi y sacziagną wazi rzeczi tak daleko, zesmy i usz zaszie ziemie thy wielką czeszcz do rąk swych prziwiedli, wielka by tho nizezemnoscz y skoda nasza byla, abychmy themu nie zabiegli, iacobychmy thego w ręku swych dotrzymaly y nieprsiaczielowj nie daly pocziechi. Presthe y sposob then do tego od W. K. Mczi podany podobami się y rad do tego pozwalam, y Panowie starostowie quorum interest zdani się zeby sie tego slusnie nie miely wzabraniacz, y W. K. Mecz moze wynalescz y sposob takf ze bedą securi. To meie male zdanie krotcze W. K. Mczi Panu swemu mcz-

что онъ, дѣйствительно, Дмитрій, то я совѣтовалъ бы Вамъ, Государь, не вмѣшиваться въ это дѣло *aperte*. Пусть самъ ищетъ своего счастья, если онъ—въ правдѣ, и намъ на руку, если всѣ они сами съ собою не поладятъ. Я бы посовѣтовалъ, по нѣкоторымъ основаніямъ, чтобы Вы, В. К. В., его къ себѣ не вызывали, но разузнали стороной о немъ и обо всемъ отъ нѣкоторыхъ лицъ. Что касается другого вопроса, то каждый можетъ видѣть, насколько касается Короны и всѣхъ насъ Инфлянтская земля, и дѣло зашло такъ далеко, что мы уже захватили большую часть этихъ земель, и наша негодность и ущербъ были бы очень велики, если бы мы не предусмотрѣли того, чтобы прибрать къ рукамъ остальное и не дать непріятелю потѣшиться. Сего ради я весьма одобряю и тотъ способъ, который Вы излагаете, Государь; таковъ и мой совѣтъ, и господа старосты, *quorum interest*, по моему мнѣнію, надлежащимъ образомъ должны способствовать этому, и Ваше Королевское Величество можете изыскать такой способъ, которымъ они будутъ *securi*. Это мое сильное мнѣніе я и повергаю Вашему Королевскому Величеству, милости котораго себя поручаю.

8. Отъ Андрея (?), изъ Берестечка. 11 марта 1604. Инфлянскія дѣла.

Что касается того москвитянина, который называетъ себя сыномъ Ивана, то всякій, кто бы ни обратилъ на это вниманіе, долженъ признать, что это—испытаніе, посылаемое Господомъ Богомъ Вамъ и Рѣчи Посполитой. И я признаю все то, что Вы, Ваше Королев-

mu oddawam. Do ktorego laskj pilnie sie z unizenie zalecam. Dan z Bratiana d. 8 Martij Rakn Pan. 1604. W. K. M, panu swego naniszy sluga.

(IX, 53, f. 10).

8. Co się tycze tego Moskwicina, który się Synem Iwanowym mianuje. kto kolwiek patrzy w rzeczy, musi przyznac, że to meleda, co Pan Bog W. K. M. y Rptay naszej ukazuje y podawa, y przyznam to wszystko, co W. K. M. w tey mierze upatrzyc raczysz. Ale te trzy rzeczy, że dalszysz nie wspomnię, mnie turbują; iedna że to, — ieszcze nie iest compertum, iesli on iest tym, czym się mianuje, a bywaię in talibus wielkie ossukania. Druga, że zaszło przymierze z terasnieyszym Kniaziem, ktore iako dlugo i est y quibus conditionibus, aez się do tego przyznam, że nie wiem, ale utcumque iuramento stwierdzone, a fides in talibus etiam inimicis servanda, y kto inaczezy postempował nigdy się to nienadawalo. Trzecia, iez te rzeczy nervum belli potrzebią, a u nas oto trudno. Wielkac to w prawdzie, iesli then eo modo Pana swego potomstwo zgladziwazy panem zostal, ale tho swym zdaniem nie W. K. M. y nie naszemu rozsądkowi podleglo. Tych te tam ludzi wraz, y oni będą wiedzieli iako sie za tho wiąc y przyznaięli tego Panem swym dziedzicznym, pewnie będą wiedzieli,

ское Величество, рѣшили усмотрѣть въ этомъ дѣлѣ. Но слѣдующія три обстоятельства, если больше не припомню, приводятъ меня въ сомнѣніе: Во-первыхъ — еще не есть *comperitum*, тотъ ли онъ, кѣмъ себя именуешь, а *in talibus* бываютъ всякіе обманы. Во-вторыхъ — что съ теперешнимъ княземъ заключено перемиріе, долго ли и *quibus conditionibus*, признаюсь, не знаю, равно и — *utcumque iuramento* подтвержденное, а — *fides in talibus etiam inimicis servanda*, и кто поступаетъ иначе, никогда пользы отъ этого не бываетъ. Въ третьихъ — эти обстоятельства потребуютъ *periculum belli*, а для насъ это затруднительно. Сказать по правдѣ, что даже если онъ, ео modo уничтоживши потомство своего государя, самъ войдетъ на престолъ, то все-таки это ничуть насъ всѣхъ не касается, а только тамошнихъ людей. И они увидятъ, какъ и за что признали его государемъ своимъ наслѣднымъ, и сами разберутъ, какъ поступать въ этомъ случаѣ и заслужить у Вашего Королевскаго Величества. А если онъ *consciens*? Безъ сомнѣнія, онъ уступить такъ преступно пріобрѣтенную власть, когда и то *certum*, что этотъ народъ подчинялся и вѣрилъ своимъ государямъ, хотя и тираннамъ. Но пока они тамъ не угомонятся, до тѣхъ поръ, конечно, не безопасно Вамъ начинать что-либо, а особенно — *contra foedus secus esset*, если бъ онъ былъ отправленъ, хоть съ конъюнкціей Вашего Королевскаго Величества и какими-либо трактатами къ казакамъ, людямъ своевольнымъ. Но когда, какъ мнѣ извѣстно, онъ ужъ присланъ къ Вамъ и того не состоялось, то желательно было бы хотя бы на побѣгъ его положиться. Тогда бы

iako sobie w tym postąpić, y u W. K. M. staranie czynić: y on iesli consciens? bez wątpienia z tak źle nabytego Państwa ustąpi, gdyż to certum, że ten naród Pańy swe, chocia tyranny, obserwowal y wiary im dodgiersiwał. Ale poki się tham oni nie uymą, za tho statecznie poty nie iest bezpieczne W. K. M. nie w tym zaczynac, a osobiwie contra foedus. Secus esset, gdyby był, chocia za coniunctią W. K. M. y iakimi tractaty przez kozaki, ludzie swowolne, wprowadzon. Ale gdy iuz do W. K. M. iest, iako mam wiadomosc, postany iuz y tho tym uplynęło, bo chociaby się na iego zbiezienie złożyć chciało, tedy by y tho, iakąs cointelligentią znaczyło y zwymą reputatij o opatrznosci takich esob bylo. A co nie mnieysza by dobrze był własny potomek y iego wsadzenie pa państwo nie bylo przeciwko conditioni przymierza, tedy potrzeba weyrzac w getowosc onego, a w naszą niepoteznosc, y w tho, że sine consensu Ordinum nie mogło by się w they mierze nic concludowac, gdyż to pro bello offensiuo musialo by być rozumiano, o ktorym sine statibus trudno co concludowac. Tak bych tedy radził, aby był na pewne miejsce od Dworu W. K. M. remotus y w przysteynym dostatkui nie iako więzien, ale przecie pod taką strażą, żeby nie uszedł, co seymu chowan był, pozwoliwszy, mau po rozumiewania z Moskwa, a swoim tez znikomym pogranicznym kazawszy się dalej o tym pytać; a inte-

и это показало нѣкую коинтелигенцію и выставило бы на видъ, что съ такими особами обходятся осторожно. И не менѣе важно то, чтобы на престолѣ былъ наслѣдный потомокъ и чтобы его вступленіе на престолъ не было противъ *conditionis* союза. Итакъ, надо вѣрять въ его готовность, а въ наше безсиліе, и въ то, что *sine consensu ordinum* нельзя ничего конклюдовать въ этомъ отношеніи, такъ какъ это должно считаться *pro bello offensive*, о чемъ *sine statibus* что-либо конклюдовать трудно. Я бы такъ посовѣтовалъ, удалить его отъ Вашего двора въ какое-нибудь мѣсто, содержать пристойно, не какъ узника, но подъ присмотромъ такой стражи, чтобы онъ не ушелъ. Такъ держать его до сейма, позволивъ ему сноситься съ Москвою, въ то же время своимъ знакомымъ пограничникамъ указать, чтобы они объ немъ больше разужнавали. А *interim* сама Москва можетъ что-нибудь *constituere* и о теперешнемъ своемъ князѣ и объ немъ, если его горячо желаютъ. А въ это время онъ здѣсь могъ бы за deliberaціей сейма учинить дальнѣйшее движеніе этому дѣлу *in consensu ordinum*. Хотя это, Государь, и мое мнѣніе по этому дѣлу, которое я предлагаю Вамъ, и между монархами бывали *strata gemmata* о разрывѣ союзовъ, но Господь Богъ, если Онъ своей святой волей рѣшилъ умножить славу Вашу и Рѣчи Посполитой, самъ укажетъ способъ, которымъ все придетъ къ благоприятному концу.

9. Отъ Михаила Дзялынскаго, воеводы. 18 марта 1604. Инфлянтскія дѣла.

rim moga sami Moskwa co y o teraznieyszym kniazin swym, y o tym, iesli go pragna constituere. A tu by inz za deliberatia seymowa dalszy proces w tey mierze in Consensu Ordinum uczynic się mogl. A choć iest Najasnieyszy Mcziwy Krola w tey sprawie zdanie meie, ktore upatruie y tho ze tym podobno strata gemmata do rezerwania przymierza miedzy Monarchami bywały, W. K. M. dawam i Pan Bog Sam, iesli z woli swey świętey y tym sposobem slawie W. K. M. y Accessiey Rptey naszej dogodzie będzie raczył, naydzie sam sposoby, ktorymi tho laeno do dobrego skutku przywieść będzie raczył.

(IX, № 53, f. 214).

9. Co się dotyczy Dymitra kniazyka Moskiewskiego. Mozebyć baloby s pozytkiem y s slawa Coroney, podobno y s Chrzescyanskiey Powinnosci wielkiem wykonaniem iego na Panstwo wladzenie. Jeno niegotowosc naszą, przeszkoda do rzeczy wielkich bacząc, nieradzę W. K. M. Panu swemu Mmu, telke zeby bel pod straza zat rzymany, acznie aby do Seymu, w tem y czas sam pokaze, co z niem czynic y Rady dostateczniejszey za obaczeniem się liepi kazdego zasieć Wasz. Krol-pan moy Mwy bendsiez raczel.

(IX, № 55, f. 30 ob.).

Что касается Дмитрія, московскаго князька, то можетъ быть было бы выгодно и славнѣе для Короны, равно какъ и высокимъ исполненіемъ христіанскаго долга—посадить его на царство, но, принимая во вниманіе нашу неподготовленность, служащую преградой для такого важнаго дѣла, я не совѣтую Вамъ этого, В. К. В. Одно только—заклѣчить его подъ надзоръ, хотя бы до сейма, тогда и само время покажетъ, что съ нимъ дѣлать, и Вы, В. К. В., узнаете мнѣніе каждаго, лучше, чѣмъ кто-либо, рѣшите.

10. Отъ Влодека, изъ Галича, 20 марта 1604.

Всепресвѣтлѣйшій, всемилостивѣйшій король, государь мой всемилостивый. Всеподданиѣше вручаю службу мою милости В. К. В., государя моего всемилостиваго.

Узнавъ о неурядицахъ въ землѣ Инфлянтской изъ писемъ В. К. В., государя моего всемилостиваго, а также изъ другихъ источниковъ, вижу, что онѣ—велики и требуютъ немедленной помощи, а что деньги можно добыть только податями, но онѣ не поспѣютъ къ сейму, при томъ условіи развѣ, если бы была внесена раньше срока и немедленно кварта. Я согласенъ и готовъ отослать ее господину подскарбію съ указаніемъ причинъ и условій, ибо скорѣйшаго средства не вижу. Изволите, государь, писать, чтобы я высказалъ Вамъ свое мнѣніе относительно Дмитрія московскаго, сына Ивана Васильевича. Мнѣ кажется то же, что В. К. В. пишете въ письмѣ своемъ, именно что Сѣверская земля вполне можетъ оказать помощь коронѣ на страхъ сосѣдямъ Вашего Коро-

Najiasnieyszy Mcziwy Kroliu Panie Panie mnie Mciwy. Sluzby moje unisone zalecam wlasne Wasz. Kro. Mci pana mego Mciwego.

10. Wiedzac o tych niebezpieczenstwach inflantskich z listow Was. Kro. Mcy pana mego Mciwego, iako i z inszych stron baczę bycz wielkie i ratunku predkiego potrzebnie, isz pieniadze iedno z poborow na tho bywaią, ktore tak predko by doyszcz i Seymu nie mogly na them podaniu od Was. Kro. Mci pana mego Mciwego, aby bela quarta oddana przed czasem, a predko przestaię i gotowem ią le. Mci panu Podskarbiemu odeslac za obwieszczeniem i za warunkiem bo zynąd pedszego nie baczę. Pisac Was. Kro. Mcz. moi Mciwy pan raczisz, abim zdanie swe Wasz. Kro. Mci panu memu oznaimil strony Moskiewskiego Dmitra, syna Iwana Wassilowicza, tosz mi sie zda, czo Wasz. Kro. Mcz pisac w liscie swym raczisz, ze y Siewierska ziemia snadnie by sie do korony i pomocy s strachem sąsiadem Was. Kro. Moi. pana mego Mciwego, byczby mogly. Czo isz Was. Kro. Mcz, pan moi Mciwy, dobrze patrzywacz raczisz, zyszelbym, aby i koncycz th Wasz. Kro. Mcz raczel, ale isz i na tho nakladu trzeba, asz x szeymu tho zyczac by mi sie zdalo. Tho zdanie moje.

(IX, № 54, f. 75).

левскаго Величества. То, что Вы, государь, изволите такъ хорошо предвидѣть, я желалъ бы, чтобы Вы рѣшили и исполнить. А если же на это потребуются расходы, то, думаю, слѣдовало бы начать съ собранія сейма. Таково мое мнѣніе.

11. Отъ Януша Острожскаго, изъ Заславля. 31 мая 1604.

Всепресвѣтлѣйшій, всемилостивѣйшій король, государь мой всемилостивый.

Обязанность моя понуждаетъ меня, чтобы я поставилъ на видъ Вашему Королевскому Величеству то, что является опаснымъ для Рѣчи Посполитой, и предостеречь Васъ. До вѣдома моего, дѣйстви-тельно, дошло, что князь Дмитрій, именующій себя сыномъ великаго князя Московскаго, желалъ пробраться къ московской границѣ изъ коронныхъ земель Вашего Королевскаго Величества, и что изъ-за этого—великая заворуха въ Москвѣ и страшное волненіе среди людей, стремящихся къ войнѣ. При такихъ обстоятельствахъ много усилій потребуется и для Рѣчи Посполитой и для Великаго Княжества Литовскаго для удержанія мира съ Москвою, особенно въ такое время, когда лишь бы довести до конца не только не готовое, но едва начатое дѣло успокоенія Инфлянтовъ. Благодаря военнымъ приготовленіемъ тѣхъ государствъ, Сѣверская земля (храни Богъ) не въ силахъ будетъ выдержать непріятельскаго натиска. А вольница—рада случаю соединиться съ Низовцами и постараться узнать что-либо такое, что потомъ (чего не дай Богъ) можетъ хорошо пригодиться Великому Княжеству Московскому (чему

Najasnieszy Miloscywy Krolu Panie, panie moy Mylowy.

11. Powinnosc moja ciagnie mie do tego, abym tho, co baczę bydz Rzeczy Poepolitey niebezpiecznego, oznaimil w. Kr. Moscy, Panu memu Miloseiwemu, y przestrzegł. Doszło mię wiedziec ystotnie, ysz knias Dinitr, który się bydz powiada Synem kniazia Wielkiego Moskiewskiego, ku Granicom Moskiewskim, s panstw W. Kr. Mey Coronnych, chciał by się podemknąc, iakosz okolo tego nielada iaka wizawa iest w Moskwie y gotowosc sna niemala, ludzy do Woyny nalezających, isz thedy Rzeczy Pospo. Coronney y Xżęstwa Wielkiego Littewskiego wiele na zatrzymaniu pokoju z Moskwą należy, zwłaszcza pod taki czas, kiedy ani telka gotowosc, aby się y zaczęthy zaciąg okolo uspokolenia Ziemie Inflanackey skonczycz mogli y munitię tu thych Panstw W. Kr. M. Ziemie Siwierskiej (nie day Baze) niepodolali by wytrzymac impetowi Nieprzyacielskiemu. Zas ludzie swowolni. ktorzy się z Nizowcami radzy więc łączą thą occasią y zbieraniem się co wiedziec do czego by się dobrego potym (czego Boze nie day) Panstwu W. K. M. (iako thego przeszłych niedawno czasow doznało się) przygódzie mogli. Iest wiele niebezpieczeństw ktorych nietykam w pisanu mym do W. Kr. M. pana mego Miloseiwego tho samo przemierze s kniazem teraz-

въ недалекомъ прошломъ мы были свидѣтелями). Много вообще неурядицъ, которыхъ не касаюсь въ моемъ письмѣ къ Вамъ. Какъ бы только не нарушить силою (сохрани Богъ) это перемиріе съ теперешнимъ московскимъ княземъ, которое скрѣплено присягой. Мой долгъ, какъ находящагося въ курсѣ дѣла, увѣдомить Васъ, чтобы Вы, В. К. В., во-время распорядились пресѣчь и запретить это, въ чемъ я отнюдь не сомнѣваюсь.

12. Отъ Шагольскаго (?) 10 октября 1604.

Еще сейму надлежитъ заняться слѣдующимъ: предупредить, дабы никто въ Коронѣ, *autoritate privata*, не смѣлъ поднимать знамени собирать войска и нападать на сосѣднія государства, съ которыми В. К. В. рѣшили состоять въ союзѣ. Между тѣмъ этомъ царекъ изъ Москвы только-что собралъ значительное число людей, почти *in centro Regni*, съ великимъ принужденіемъ для шляхты и людей посполитыхъ, подданныхъ Вашихъ. Сомнѣваюсь въ его успѣхѣ, потому что не видалъ ничего подобнаго. Имѣя между тѣмъ войско, приготовленное по нашему же почину, опасаясь, какъ бы онъ не напалъ и не произвелъ ощутительнаго вреда во владѣніяхъ В. К. В. Хотя этого и не случится, но по крайней мѣрѣ будутъ приняты мѣры, потому что собраніе вольницы можетъ вызвать такую же вспышку, какая имѣла мѣсто при Лободѣ и Наливайкѣ, а она дорого стоила Рѣчи Посполитой и Вамъ. О томъ надо подумать на сеймѣ, какъ бы разсѣять это собраніе вольницы, если разумъ прямо не придетъ къ тому выводу, что нужно будетъ начать регу-

niejszym Moskiewskim poprzysiężone (strzeżę Boże), aby się wielowac miało Moja powinność aby bliźni będąc tych wiadomości oznaimil o tym W. Kr. M. Pann memu Mleimu, com u uczynil W. Kr. M., ysz themu w czas zabieść y tho zabronić, wskazać będziesz raczył namniej w tym nie wątpię.

(IX, № 54, f. 85).

12. Więć i to Sejmowi należąca sprawa. Zabezec temu, aby Zaden w Coronie: *autoritate privata*, chorągwie nie smiał podnosie, Woysk zbirac i na sąsiednie państwa, z ktorymi Wasza Kro. Mc poprzysiężone przymierze miec raczysz, nie smiał sie porowac. I teraz swiezo ten Carzyk Moskwyin zebrał kupę ludzi nie-malą, prawie in Centro Regni z wielkim uciskiem narodu slacheckiego i ludzi pospolitych, poddaanych Waszey Kro. Mei, Wątpie, aby dopiał, bo niemasz Zadnego podobienstwa do przedsięwzięcia jego. A tamten mając Woyska po go-towi za naszą zaczepką, obawam się, aby nie wtargnął i znaczący szkody w państwach Waszey Kr. nie uczynil. A choc to nie stanie się, tedy przynamniej to wszystko zostawie. Iz to zebranie ludzi swawolnych taką pewnie swawolą urosł, iaka była za Lobody i za Nalewajka, która znosząc wielki sumpę Rpta i Wa. Kr. Mc. podić raczyłes. Trzeba o tym na Seymie radzić, iakoby ta kupę ludzi swawolnych rozprowadzić. Cze iesli rozum temu nie z prostą

лярную войну. А это, право, будетъ *civile bellum*, потому что въ той вольницѣ—три четверти шляхты. Думаю, что въ этомъ нѣтъ пользы для Рѣчи Посполитой. А Вамъ, В. К. В., и предстоящему сейму напоминаю, что въ Вашей пропозиціи, посланной на сеймики, между прочимъ говорилось и объ этомъ обстоятельстве.

С. Шамбинаго.

пewnie przydzie do tego, że Woyną zelnirzem znosic sie to musi, a będzie to prawie *civile bellum*. Bo tam w tej kupie trzy części jest narodu słacheckiego ludzi to, co rozumiem Rptey szkodliwego, w Waszey Kro. Mci y Seymowi należacego zwiny moiey przeciwko waszey Kro. Mci przywodzę na pamięć, aby w propositley Waszey Mci, która będzie na seymiki odestana, między inszymi rzeczami y to przypominano było.

(IX, № 55, f. 103).

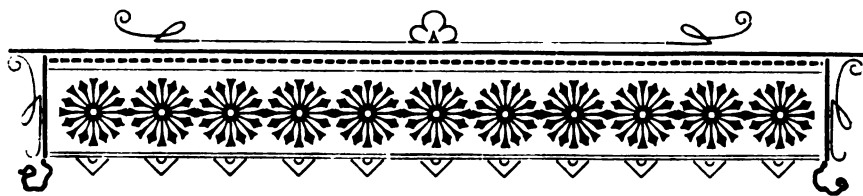
Отзывъ Цесаревича Константина Павловича объ его отцѣ, Императорѣ Павлѣ.

Mon père avait déclaré la guerre au bon sens, avec la ferme intention de ne jamais conclure la paix ¹⁾).

Сообщ. П. Паренсовъ.

¹⁾ Мой отецъ объявилъ войну здравому смыслу съ твердымъ рѣшеніемъ никогда не заключать мира.

Учебныя воспоминашя ¹⁾.

(Окончаніе).

Н такъ повторю вопросъ: что же вынесли мы изъ университета?—Вынесли если не „живую воду“ Гёте, то извѣстное количество знаній, болѣе или менѣе прочно усвоенныхъ (что зависѣло впрочемъ уже отъ насъ самихъ), вынесли болѣе широкій умственный кругозоръ, нѣкоторую степень научнаго и моральнаго развитія, повышать которую было уже дѣломъ нашей самостоятельности, нашего стремленія къ самоусовершенствованію.

Извѣстно, что касается научныхъ знаній, что тѣ науки, въ примѣненіи которыхъ рѣже встрѣчается надобность въ практической жизни, иногда довольно прочно позабываются. Но общее развитіе, въ которомъ небезучастны и эти науки, остается при человѣкѣ и облегчаетъ ему усвоеніе и того, чего въ университетѣ онъ даже не изучалъ,—если только, въ несчастію своему, онъ не погрязнетъ въ мелочахъ жизни или въ тинѣ порока, а напротивъ сохранить въ себѣ „душу живу“...

Разумѣется, приводя себѣ на память ту сумму знаній, съ какою мы вышли изъ университета, знаній, полученныхъ притомъ болѣею частію по „утвержденнымъ высшимъ начальствомъ программамъ“, надо сознаться, что знанія эти были не Богъ вѣсть какія большія; такъ что любой изъ насъ могъ добросовѣстно повторить слова философа: *id scio, quod nihil scio*“... Но если великій философъ только къ концу жизни пришелъ къ этому убѣжденію, то намъ-то уже и совсѣмъ было позволительно сознаться въ этомъ при самомъ вступленіи нашемъ въ общественную жизнь... Наука,

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1908 г.

знаніе безконечны; они движутся неустанно впередъ, дѣлаютъ все новыя завоеванія; университетъ только приподнимаетъ завѣсу, скрывающую тайны и работу науки, указываетъ пути для дальнѣйшей работы, вѣдряетъ желаніе знать больше и больше. По мѣрѣ своихъ силъ и практической возможности и Казанскій университетъ влагалъ и влагаетъ это стремленіе въ своихъ питомцевъ.

Вотъ за это-то, за ту умственную и нравственную высоту, на которую университетское образованіе поднимаетъ человѣка, даже и немѣющаго въ виду вполне посвятить себя наукѣ, и должны быть признательны университету всѣ, имѣвшіе счастье въ немъ побывать, въ качествѣ, конечно, ищущихъ высшаго образованія, а не однихъ дипломовъ.

Не даромъ же, изъ поколѣнія въ поколѣніе, воспоминаніе объ университетскихъ годахъ принадлежитъ у всѣхъ бывшихъ студентовъ къ лучшимъ воспоминаніямъ жизни; и ненарасно университеты издавна получили отъ своихъ питомцевъ прозвище „alma mater“... — мать-питательница. Не одна же вольная, безшабашная иногда жизнь студенческая заставляетъ съ любовью вспоминать объ этихъ годахъ! И есть же что-то такое, даже пожалуй трудно объяснимое, словно какое-то внутреннее, какъ бы невольное чувство, которое повсюду заставляетъ бывшихъ питомцевъ университетовъ, изъ года въ годъ, собираться для товарищескаго празднованія годовщины своей „almae matris“!

И бывшіе казанскіе студенты, разбросанные по разнымъ угламъ своего обширнаго отечества, не забываютъ дня 5 ноября; они шлютъ своему родному университету привѣтственные телеграммы а гдѣ ихъ наберется нѣсколько человѣкъ, они составляютъ „сходку“, „митингъ“, но не съ цѣлью отыскиванія какихъ-либо новыхъ началъ общественнаго строя или обсужденія политическихъ вопросовъ, а просто для празднованія товарищескимъ „безъ чиновъ“ обѣдомъ годовщины своего университета, причемъ въ дружеской бесѣдѣ представители разныхъ поколѣній дѣлятся своими воспоминаніями о быломъ. Въ Петербургѣ имѣется довольно много бывшихъ казанцевъ, не забывающихъ объ этихъ обѣдахъ, охотно принимающихъ участіе въ нихъ, какъ и въ послѣобѣденной бесѣдѣ и въ пѣніи „пѣсень казанскихъ студентовъ“. Тутъ собираются въ общій дружественный кружокъ убѣжденные сѣдинами сановники въ перемежку съ только-что оперившимися птенцами родного гнѣзда—Казанскаго университета ¹⁾.

¹⁾ Долгое время на обѣдахъ этихъ предсѣдательствовали старѣйшіе изъ бывшихъ казанцевъ: сенаторъ Н. П. Смирновъ (скончавшійся осенью

Заканчивая мой историко-культурно-биографическій очеркъ, считаю нужнымъ дать еще отвѣтъ на вопросъ: достигали ли камеральныя отдѣленія поставленной имъ цѣли, давали ли они правительству и обществу желаемыхъ и дѣльныхъ спеціалистовъ? Но тутъ еще навязывается вопросъ: да нуждались ли въ этихъ спеціалистахъ?—Что касается до общества, то оно въ лицѣ предпринимателей, фабрикантовъ, заводчиковъ, не очень, повидимому, гонялось за знающими спеціалистами, а обходилось кое-какъ, „своими средствами“, пользуясь услугами людей и безъ всякаго образованія, лишь бы подешевле. Правительство, создавшее эти отдѣленія, казалось бы, главнымъ образомъ въ интересахъ своей службы, тоже почти не старалось пользоваться услугами ихъ питомцевъ: если бы оно точно желало ими пользоваться, то конечно старалось бы привлекать этихъ молодыхъ людей на службу по вѣдомству министерства финансовъ, государственныхъ имуществъ, удѣловъ, т. е. вообще по всѣмъ тѣмъ родамъ государственной службы, гдѣ дѣло касается вопросовъ народнаго хозяйства и благосостоянія. Слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, установить, чтобы университеты, выпуская камералистовъ, сообщали бы этимъ вѣдомствамъ хотя бы о лучшихъ изъ нихъ, для замѣщенія открывающихся вакансій. Могло бы быть даже даваемо этимъ аспирантамъ маленькое содержаніе, впредь до опредѣленія къ должностямъ, какъ дается лицеистамъ и правовѣдамъ... Впрочемъ, оговорюсь, можетъ быть и существовали какія-либо распоряженія на счетъ этихъ молодыхъ людей; но намъ-то, учащимся, они не были извѣстны, кромѣ только того, что успѣшно изучавшіе сельское хозяйство могли получать отъ университета особыя удостовѣренія, дававшія предпочтительное право на службу по министерству государственныхъ имуществъ; но такъ какъ объ имѣющихся вакансіяхъ университетамъ не сообщалось, то не думаю, чтобы многимъ удалось воспользоваться этимъ правомъ. Просто на просто окончившіе курсъ каме-

1905 г.) и профессоръ—знаменитый китаецъ В. П. Васильевъ († 1900); дѣятельнымъ участникомъ былъ до кончины своей (1886 г.) А. М. Бутлеровъ: съ его кончиной обѣды наши лишились и другого постоянного участника Н. П. Вагнера († 1907), отказавшагося ихъ посѣщать подъ влияніемъ скорби о другѣ своемъ А. М. Бутлеровѣ. Подъ ударами всеокрушающаго времени все больше рѣдѣетъ наша кучка старыхъ студентовъ; къ сожалѣнію, поадвѣйшіе питомцы нашего университета менѣе усердно поддерживаютъ традицію казанскихъ обѣдовъ.

*

ралисты разбрасывались по лицу земли російской, кому куда удавалось пристроиться ¹⁾).

Самъ я, имѣя влеченіе къ общественнымъ наукамъ, пытался было поступить въ Статистическій Комитетъ, имѣя для этого рекомендацію проф. Бабста; но дѣло не выгорѣло. Управлявшій тогда этимъ комитетомъ Троицкий, несмотря на то, что ему лично отрекомендовалъ меня товарищъ Министра Вн. Дѣлъ, А. И. Левшинъ (бывшій казанецъ), прямо отговорилъ меня поступить къ нему на службу, объяснивъ, что порядочнаго содержанія предложить мнѣ не можетъ. Но я, имѣя степень кандидата и золотыя медали отъ университета и отъ гимназіи, мнилъ себя стоющимъ дороже. А въ концѣ концовъ, подъ вліяніемъ окружающихъ, сокрушавшихся, что-де молодой человѣкъ все еще не служитъ, пришлось поступить канцелярскимъ чиновникомъ на мизерный окладъ (210 р., а сперва даже 147 р.) въ департаментъ полиціи исполнительной, служба въ которомъ окончилась полученіемъ не повышенія, хотя бы въ помощники столоначальника, а — катарра желудка, заставившаго меня оставить ее послѣ 1½ годового писанія разныхъ отношеній, препровожденій и другихъ не менѣе „интересныхъ“ бумагъ. Не случись этой болѣзни, вынудившей меня выйти въ отставку, чтобы серьезно лечиться, я, быть можетъ, дослужился бы до чиновъ высокихъ все въ томъ же министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. А какъ нѣтъ худа безъ добра, то, благодаря болѣзни состоя въ отставкѣ, я получилъ возможность серьезнѣе взяться за книги, чтобы готовиться на магистра, чему служба была значительной помѣхой. Тутъ судьба видимо приняла во мнѣ участіе: здоровье мое поправилось и не успѣлъ еще я окончательно протудировать курсъ политической

¹⁾ Такъ одинъ изъ моихъ товарищей-однокурсниковъ сдѣлался рыбопромышленникомъ, былъ потомъ предводителемъ дворянства и наконецъ сдѣлался членомъ преобразованнаго Государственнаго Совѣта. Другой, послѣ университета прослушавши курсъ лѣснаго института, сдѣлался завѣдующимъ имѣніями одного графскаго семейства. Третій былъ сначала домашнимъ учителемъ, потомъ учителемъ гимназіи, губерскимъ прокуроромъ, членомъ окружнаго суда и умеръ въ званіи члена судебной палаты. Мнѣ, имѣвшему упомянутое свидѣтельство объ успѣшномъ изученіи сельскаго хозяйства, не привелось однако поступить въ министерство государственныхъ имуществъ; за то товарищъ юристъ былъ долгое время вице-директоромъ департамента земледѣлія. Изъ другихъ моихъ современниковъ — камералистовъ только двое, кажется, попали на службу въ министерство финансовъ, двое другихъ, какъ и я первоначально, попали въ министерство внутреннихъ дѣлъ; еще одинъ очень много вращался въ Петербургѣ среди артистическаго міра и исчезъ куда-то... Такъ-то вертится людьми судьба! Мечтается одно, а на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ иное!

экономіи и международнаго права (входившаго тогда вмѣстѣ съ новѣйшей исторіей въ число наукъ, требуемыхъ для степени магистра политической экономіи), какъ получилъ, благодаря Е. Г. Осокину, командировку за границу, и дальнѣйшая моя карьера обрисовалась уже совсѣмъ въ иномъ видѣ.

Безразличное отношеніе разныхъ начальствъ къ изучавшимся студентами спеціальностямъ, при опредѣленіи въ должностяхъ, остается въ значительной степени и донинѣ. Это безразличіе для службы и было, вѣроятно, одною изъ причинъ, побудившихъ университеты Петербургскій и Казанскій превратить свои камеральныя отдѣленія въ отдѣленіе—административныхъ наукъ въ первомъ и—государственныхъ во второмъ,—а впослѣдствіи упразднить и эти отдѣленія, яко бы излишнія. Хочется сказать объ этомъ нѣсколько словъ.

Въ Петербургскомъ университетѣ разрядъ камеральныхъ наукъ, существовавшій съ 1844 г., былъ въ 1860 г. преобразованъ въ разрядъ административный, съ устраненіемъ всего естественно-научнаго отдѣла. Мысль объ этомъ преобразованіи была, повидимому, подана профессоромъ Кавелинымъ въ особой его запискѣ, гдѣ пояснялось, что основою дѣленія юридическаго факультета на разряды—юридическій и административный должно быть то, что предметы главные одного отдѣленія должны являться дополнительными для другого, т. е. читаться, соотвѣтственно разряду, въ меньшемъ объемѣ, при чемъ нѣкоторые предметы (энциклопедія права, государственное право и международное) остаются общими для обоихъ разрядовъ.

Такимъ образомъ главными предметами для административнаго разряда были поставлены: политическая экономія, статистика, финансовое право, полицейское и торговое. А права: римское, гражданское, уголовное и исторія законодательствъ остались главными предметами юридическаго разряда.

При этомъ предполагалось имѣть двойной комплектъ преподавателей для чтенія факультетскихъ предметовъ въ большемъ или меньшемъ объемѣ, см. по разряду. Но, за невозможностью добыть нужное число преподавателей, дѣло свелось къ тому, что почти всѣ предметы читались общимъ разрядамъ одними и тѣми же преподавателями, отчасти совмѣстно, отчасти порознь. Главнымъ же признакомъ различія отдѣленій было то, что юристы были освобождены отъ изученія статистики, а администраторы—римскаго права. Но за то для этихъ послѣднихъ были учреждены практическія занятія и спеціальныя чтенія по политической экономіи, статистикѣ, полицейскому и финансовому праву. Дѣло шло, казалось бы, очень хорошо; однако, послѣ слишкомъ 20-ти лѣтняго опыта нашъ петербургскій юридическій факультетъ не нашелъ оправданія дальнѣйшему суще-

ствованію административнаго разряда и упразднилъ его въ 1882 г., при чемъ римское право и статистика сдѣланы обязательными для всѣхъ слушателей юридическаго факультета.

Для меня поводы къ этому упраздненію остались неясными: неимѣніе двойного комплекта преподавателей—на что указывалъ факультетъ въ своей бумагѣ—доводъ довольно слабый въ сравненіи съ пользою, которой можно было ожидать отъ болѣе подробнаго изученія наукъ административныхъ нѣкоторою частію студентовъ. Съ недочеткой же въ числѣ преподавателей мы и при наличномъ нашемъ числѣ справлялись очень удачно. Я, напримѣръ, читалъ финансовое право совмѣстно 3-му и 4-му курсамъ администраторовъ въ теченіе 2 учебныхъ годовъ, по 3 ч. въ недѣлю, а юристамъ сокращенный курсъ по 2—3 лекціи, въ одинъ учебный годъ. Въ этомъ родѣ шло дѣло и съ прочими предметами, не имѣвшими двухъ преподавателей. При этомъ соблюдалось правило, что предметы дополнительные должны быть прослушаны на первыхъ двухъ курсахъ, чтобы на высшихъ слушатели могли бы сосредоточиться вполне уже на главныхъ предметахъ своихъ разрядовъ. Позже, съ введеніемъ устава 1884 г., этотъ порядокъ зачѣмъ-то былъ измѣненъ: нѣкоторые изъ предметовъ дополнительныхъ передвинуты на 3-й курсъ, а взаимѣ ихъ нѣкоторые изъ главныхъ—изъ 3-го во 2-й. Были ли тутъ какія-либо гонорарныя соображенія ввиду большаго числа слушателей на первыхъ курсахъ—рѣшить не берусь.

Въ Казанскомъ университетѣ камеральный разрядъ, существовавшій тоже съ 1840-хъ годовъ, преобразованъ былъ съ 1865—66 учебного года въ разрядъ наукъ государственныхъ, съ предоставленіемъ наличнымъ камералистамъ докончить свой циклъ наукъ. Такъ-ли же сдѣлано было въ Петербургскомъ университетѣ при преобразованіи камеральнаго разряда въ административный, я не нашелъ справки въ нашемъ архивѣ.

Въ Казани при этой реформѣ къ общимъ предметамъ факультета отнесены были: энциклопедія права, государственное право общее и русское, теорія политической экономіи (sic!), теорія финансовъ (sic!); а къ спеціальнымъ предметамъ государственнаго разряда—политическая экономія, статистика, права: государственное европейскихъ державъ, финансовое и полицейское. Дополнительными же здѣсь признаны: права гражданское и уголовное, съ ихъ судоустройствомъ и судопроизводствомъ, и каноническое право,—все предметы главные для юридическаго отдѣленія вмѣстѣ съ римскимъ правомъ и его исторіей и исторіей славянскихъ законодательствъ.

Съ 1878—79 учебного года юридическій факультетъ въ Казани

кастрированъ подобно петербургскому:— оба его разряда слиты въ „одинъ нераздѣльный факультетъ юридическихъ и государственныхъ наукъ“, какъ не безъ пафоса сказано въ университетскомъ отчетѣ 1879 года. О томъ, какъ отразилась эта нераздѣльность на успѣшности занятій студентовъ, смотря по склонности къ той или другой специальности, не высказались отчеты казанскіе, точно такъ же, какъ и петербургскіе.

По моему мнѣнію, если и было нѣкоторое основаніе устранить изъ юридическаго образованія предметы естественно-научной группы, то никакого уже основанія не было ослабить значеніе для юристовъ наукъ государственныхъ и общественныхъ, какъ это сдѣлали, поставивъ ихъ на задній планъ, тогда какъ жизнь все больше выдвигаетъ это значеніе на первый. Если въ началѣ 60-хъ гг. это можно еще было оправдать усилившимся, съ судебною реформою, спросомъ на лицъ съ чисто юридическимъ образованіемъ, то теперь дѣло стоитъ иначе: знаніе наукъ соціальныхъ и государственныхъ съ каждымъ днемъ становится нужнѣе, не только вообще образованному человѣку, но и юристу чистой воды, такъ какъ въ судебныхъ процессахъ нынѣшняго времени то и дѣло приходится наталкиваться на вопросы политическаго и соціальнаго характера.

Въ результатѣ злосчастнаго преобразованія оказалось, что желающій всецѣло отдаться изученію наукъ государственныхъ и соціальныхъ, вынужденъ терять не мало времени и на такіе предметы, къ которымъ его душа не лежитъ, да еще зубрить ихъ съ большимъ напряженіемъ, такъ какъ уставомъ 1884 года государственный науки отодвинуты совсѣмъ на задній планъ, а впереди поставлено римское право съ огромнымъ числомъ лекцій (котораго не удалось осуществить только по неимѣнію достаточнаго числа преподавателей), затѣмъ—гражданское и уголовное. На этихъ трехъ кнѣтахъ зиждется все наше нынѣшнее юридическое образованіе и потому, не получившій изъ нихъ на экзаменѣ хорошихъ отмѣтокъ, хотя бы онъ великолѣпно зналъ науки государственныя, не имѣетъ права даже мечтать получить дипломъ. Если онъ провалился хотя на одномъ изъ этихъ главныхъ предметовъ, ему комиссія не позволяетъ даже продолжать экзаменоваться; тогда какъ, если по „маловажнымъ“ предметамъ (каковыми считаются напр. финансовое право, полицейское и др.), отвѣты плохи, комиссія какъ-нибудь да натянетъ полученіе диплома, если не первой, то второй степени, лишь бы по главнымъ тремъ, а особенно по римскому праву стояло „удовлетворительно“ или „весьма“.

Но неужели же важнѣе получающему высшее университетское

образованіе—знать, имѣетъ ли овца право на свою шерсть (есть говорить, въ римскомъ правѣ и такой вопросъ!), чѣмъ знать, при какихъ условіяхъ, какими способами создается экономическое благосостояніе народа, общественное и финансовое благоденствіе страны и т. д. или каковы, напр., права русскаго гражданина въ области экономической жизни, каковы его обязанности по отношенію къ государственной власти и пр. Все это, правда, сообщается студентамъ, но гораздо кратче, чѣмъ бы слѣдовало. Что же нужнѣе въ наше время: знаніе тонкостей и контрroversъ римскаго права, вовсе потомъ ненужнаго въ жизни большинству, или порядочное, толковое хотя бы,—не говорю уже—основательное—знаніе государственныхъ и общественныхъ наукъ, которое конечно сильно подорвало бы кредитъ ученій, столь соблазнительныхъ при поверхностномъ знакомствѣ съ ними, легко воспринимаемыхъ людьми увлекающимися, а въ особенности недоучившеюся молодежью, неспособною еще относиться критически къ тому, что ей преподносится усердіемъ „развивателей“ въ разныхъ брошюрахъ ad hoc.

Очень пріятно мнѣ было найти подтвержденіе этихъ моихъ соображеній у молодого товарища по наукъ—профессора И. Х. Озерова (Очерки экономической и финансовой жизни Россіи и Запада, 1904). Онъ напоминаетъ о пользѣ юристу знать кое-что и внѣ чисто-юридической области. Напр., говоритъ онъ, нѣтъ сомнѣнія, что „податному инспектору гораздо важнѣе знакомство съ экономической жизнью страны, съ экономической и финансовой политикой, чѣмъ съ кодексомъ Юстиніана“. А я прибавлю—да нужно ли и все то римское право даже нашимъ профессиональнымъ юристамъ? Часто ли и многіе ли изъ нихъ справляются съ нимъ, чтобъ освѣжать и укрѣплять свое юридическое мышленіе ради правильнаго пониманія и толкованія нашихъ законовъ?

„Студенты наши, продолжаетъ пр. Озеровъ, окончивъ курсъ, остаются, большею частію, только съ кое-какими обрывками свѣдѣній въ области экономическихъ и финансовыхъ вопросовъ. Люди съ порядочными познаніями по этой части очень нужны и м—ву финансовъ, и земствамъ, и городамъ, а ихъ со свѣчей поискать!“.

Положимъ, способный молодой человѣкъ, прошедшій черезъ университетъ серьезно, а не только какъ черезъ загородку, за которой таится болѣе или менѣе теплое мѣстечко,—интересовавшійся наукой въ полномъ ея объемѣ, а не одними конспектами, имѣетъ уже нѣкоторую способность довольно скоро освоиться и съ незнакомымъ ему дѣломъ; но все-таки ему приходится нѣкоторое время блуждать въ потемкахъ, дѣлать ошибки, иногда и небезвредныя

для дѣла. Но не лучше ли и для него, и для тѣхъ учрежденій, гдѣ онъ будетъ работать, если онъ приступить къ дѣлу не какъ къ чему-то почти незнакому? Если же, какъ теперь дѣлается на нашихъ юридическихъ факультетахъ, принуждаютъ изучать предметы, къ которымъ не лежитъ сердце, то задача высшаго образованія не достигается: многіе относятся къ ученію формально, лишь бы сдать экзамены; работать самостоятельно не научаются, такъ что и пристроившись къ какому-либо дѣлу по окончаніи курса, относятся и къ нему только формально, не влагая въ него души своей. Иначе стояло бы дѣло, если бы университеты предоставляли избирать тотъ или другой кругъ наукъ, не выдвигая впередъ чисто-юридическихъ наукъ въ ущербъ государственнымъ и общественнымъ и предлагая учащимся въ большомъ объемѣ и съ чрезмѣрными требованіями такіе предметы, которые или почти совсѣмъ не будутъ нужны имъ въ намѣчаемой ими себѣ области дѣятельности.

Эти соображенія и приводятъ проф. Озерова, какъ давно уже привели меня, къ мысли о необходимости и пользѣ введенія во всѣхъ университетахъ дѣленія юридическаго факультета на отдѣлы— чисто-юридическій и экономическо-финансовый. При этомъ проф. Озеровъ, признавая бесполезными для этого послѣдняго права римское, церковное, международное, судебную медицину, гражданское и уголовное судопроизводства, ставитъ общими предметами для обоихъ отдѣленій: энциклопедію и философію права, полицейское, финансовое, торговое права, торговое судопроизводство и вексельное право; а спеціально для экономическо-финансоваго отдѣленія: исторію всеобщую и русскую (я предложилъ бы только новѣйшую, преимущественно XIX столѣтія, въ которомъ наибольшее обиліе экономическихъ и финансовыхъ фактовъ), экономію, промышленности и сельскаго хозяйства (съ политической экономіей вообще конечно?), статистику и популяціонистику, съ промышленной и сельско-хозяйственной статистикой; и, какъ пособие для статистики, теорію вѣроятностей (къ которой я прибавилъ бы всю область финансовыхъ вычисленій въ родѣ того, что въ старое время называлось политической ариеметикой). Конечно же финансовое и полицейское право (въ смыслѣ административнаго права) должны быть главнѣйшими предметами экономическо-финансоваго отдѣленія на-ряду съ ихъ главной руководительницей политической экономіей. Торговое и вексельное право я оставилъ бы въ качествѣ необязательныхъ предметовъ, для желающихъ; но ввелъ бы, въ качествѣ обязательнаго дополнительнаго предмета нѣкоторые отдѣлы технологии, нужные для уразумѣнія соответствующихъ частей финансоваго права и, для той же надобности, краткіе курсы товаровѣдѣнія и счетоводства.

Если подобное дѣленіе юридическихъ факультетовъ осуществится,—то университеты наши начнутъ давать обществу, сверхъ чистыхъ юристовъ, также и людей, достаточно подготовленныхъ къ нѣкоторымъ специальнымъ отраслямъ общественнаго служенія.

Когда-то знаменитый Фихте внушалъ своимъ соотечественникамъ, что для достиженія свободы и національной самостоятельности они должны „заботиться о школахъ, о воспитаніи, о развитіи наукъ, что успѣхи въ наукахъ политическихъ, философскихъ и историческихъ, порождаютъ критическое отношеніе къ началамъ, движущимъ судьбами человѣчества, и способствуютъ развитію политическаго роста народа и его самосознанія“...

А гдѣ у насъ эти успѣхи, гдѣ у насъ это научно-критическое отношеніе? Такъ ли велась у насъ доселѣ высшая школа и подготовительная къ ней средняя, чтобы могли онѣ способствовать тому развитію, о которомъ говоритъ философъ? Даютъ ли наши гимназій такую молодежь, которая благоговѣла бы передъ университетскою наукою? Правда, критическаго отношенія у нея сколько угодно; она „все произошла“, такъ сказать, до такой степени, что поговариваетъ даже объ университетѣ безъ профессоровъ: сами-де будемъ учиться и профессорствовать въ то же время... Но это самое достаточно уже показываетъ, насколько она невѣжественна, при всѣхъ своихъ аттестатахъ „зрѣлости“, даже и неподдѣльныхъ. А вѣдь въ новѣйшее время, къ стыду ея, появились и поддѣльные!

Судя же по тому, что большинство студентовъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній уже нѣсколько лѣтъ пренебрегаетъ ученіемъ, предпочитая ему заниматься сходками и политическими вопросами и полагая своимъ отказомъ учиться насолить правительству, можно думать, что они дѣйствительно вовсе не дорожатъ приобрѣтеніемъ знаній, а смотрятъ на науку, какъ на нѣчто лишнее; если же нѣкоторые и учатся, то единственно ради полученія „правъ“. Если бы не это легкомысленное отношеніе къ наукѣ, то студенты не бросали бы такъ легко свои занятія ради предъявленія разныхъ „требованій“, которыя собственно и предъявлять-то можно только при достаточной научной компетентности, въ качествѣ уже полноправныхъ гражданъ, а не учениковъ, хотя бы и „великовозрастныхъ“.

Я упомянулъ о „правахъ“; но съ недавняго времени стали у насъ усиленно твердить, что университеты должны только предлагать желающимъ науку, не общая за ея изученіе никакихъ правъ

служебныхъ и т. п. Это и будетъ, кажется, проведено въ новомъ университетскомъ уставѣ... Но, если это осуществится, то очень вѣроятно, что университеты наши значительно опустѣютъ, къ удовольствію своихъ враговъ. Зато можно будетъ ожидать переполненія специальныхъ и техническихъ заведеній. Вѣдь въ нашемъ, все еще малокультурномъ обществѣ, влеченіе къ наукѣ и сознаніе приносимой ею пользы далеко еще не такъ сильны, чтобы толкать молодежь въ университеты изъ-за платонической любви къ наукѣ. Развѣ что для допущенія къ предполагаемымъ административнымъ экзаменамъ по специальностямъ, будетъ обязательно требоваться прохожденіе черезъ университетъ.

Возникающіе же теперь вольные университеты, думаю, будутъ привлекать только, пока они вновь и въ модѣ; но влеченіе къ нимъ вѣроятно очень ослабѣетъ, когда слушатели убѣдятся, что нѣтъ надежды на „права“, хотя бы со временемъ. А если будущіе государственные „безправные“ университеты будутъ наполняться, то несомнѣнно не столько ради высшаго университетскаго образованія, сколько для полученія свидѣтельствъ о прохожденіи университетскаго курса, если оныя будутъ требоваться для экзаменовъ.

Если экзамены для специальныхъ родовъ службы будутъ не вродѣ нынѣшнихъ государственныхъ, а серьезные; то, пожалуй, тогда же появятся „натаскиватели“, какъ въ Германіи, берущіеся готовить къ этимъ экзаменамъ. Теперь у насъ это зло существуетъ только для подготовки къ поступленію въ специальные учебныя заведенія. А тогда это „промышленное“ подготовленіе разовьется во всю ширь, съ язвами, рекламами, заманиваніемъ дешевизной и успѣхами „натаскиванія“, съ намеками на знакомство съ экзаменаторами и т. д.

Конечно, если для приступа къ специальному испытанію будетъ требоваться удостовѣреніе объ окончаніи университетскаго курса, то это будетъ уже насильственное прохожденіе черезъ университетъ, вродѣ отбыванія повинности; а главная надежда будетъ возлагаться все-таки на подготовителей. Правда, быть можетъ, ихъ услуги будутъ стоить дороже, чѣмъ ученіе въ университетѣ; но за то они прямо въ ротъ кладутъ все нужное, тогда какъ университетъ требуетъ самостоятельнаго труда, отъ каковаго нынѣшняя молодежь совсѣмъ отвыкла. Конечно, каждый профессоръ охотно дастъ всѣ нужныя указанія; но ему, въ большинствѣ случаевъ, вѣроятно предпочтутъ лицъ, дающихъ не только совѣты, но прямо начиняющихъ мозги требуемыми свѣдѣніями. Это дороже, но ближе къ цѣли: хорошо заплатившій „натаскивателю“ всегда можетъ надѣяться, что его всѣми

неправдами „заставятъ“ успѣшно сдать экзаменъ на любой родъ службы...

Слышатся жалобы, что и ученіе въ университетѣ обходится дорого: эти жалобы находятъ сочувствіе и въ печати, и среди профессоровъ. Но если отнестись безпристрастно, то окажется, что расходъ-то вовсе не великъ, всего около 100 р. въ годъ, изъ коихъ 50 р. идутъ въ спеціальныя средства на пользу студентовъ же главнымъ образомъ, и около 50 р. въ гонораръ профессорамъ.

Первоначальная плата за ученіе была 25 р. въ столичныхъ и 20 р. въ провинціальныхъ университетахъ; съ 1845 года она была удвоена по представленію министра графа Уварова „для устраненія прилива студентовъ изъ низшихъ слоевъ общества“, для которыхъ-де „высшее образованіе бесполезно, какъ высшая роскошь“. Уставомъ 1884 года сборъ въ пользу университетовъ пониженъ былъ до 10 рублей въ полугодіе; но вскорѣ это умаленіе доходовъ привело университеты къ большімъ финансовымъ затрудненіямъ, и въ 1887 году пришлось повысить плату до 50 рублей; хотя и странно, что былъ приведенъ въ оправданіе тотъ же уваровскій мотивъ. Замѣчательно однако, что повышеніе расхода на оплату университетскаго образованія вовсе не остановило прилива студентовъ: ихъ съ каждымъ годомъ прибываетъ во всѣхъ университетахъ...

Замѣчу еще, что многими у насъ осуждается система профессорскаго гонорара. Въ Петербургскомъ университетѣ была даже образована особая совѣтская комиссія, которая категорически высказалась противъ него. Но мнѣ кажется, что гонораръ потому уже не заслуживаетъ осужденія, что, какъ выплачиваемый изъ личныхъ средствъ и заработковъ учащихся или ихъ родителей, онъ не ложится бременемъ на всю податную массу, чѣмъ едва-ли нарушается правило, что кто чѣмъ пользуется, тотъ самъ за это и плати, а не сваливай уплату на другого, вовсе, въ нашемъ случаѣ, не повиннаго въ томъ, что такому-то хочется поучиться или просто поболтаться въ университетѣ. Съ предположеннымъ упраздненіемъ гонорара придется значительно повысить содержаніе профессоровъ (для многихъ изъ которыхъ гонораръ составляетъ теперь очень существенную прибавку къ ихъ скудному жалованью) на счетъ общихъ государственныхъ средствъ, т. е. изъ кармана того же мужика, о которомъ теперь такъ много у насъ печальниковъ. Развѣ что плата будетъ увеличена напр. до 100 руб., съ тѣмъ, чтобы половина шла на прибавки къ профессорскимъ окладамъ по числу часовъ занятій, замѣняя собой нынѣшніе гоно-

рары, разчитываемыя по числу нѣскольکو часовъ, но и слушателей, въ результатѣ чего одни получаютъ тысячи, а другіе единицы рублей.

Если откроются еще новыя университеты въ исполненіе желанія нѣкоторыхъ губернскихъ городовъ, возмечтавшихъ вдругъ обладать, каждый, своимъ университетомъ, хотя бы то и рядомъ съ другими университетскими городами, то вопросъ о средствахъ ихъ содержанія, при стѣсненномъ положеніи нашего бюджета, станетъ ребромъ и, можетъ быть, придется даже очень увеличить учебную плату. Въ случаѣ же открытія университетовъ по сосѣдству съ другими, несомнѣнно, пострадаютъ эти послѣдніе, наприм. Казанскій потеряетъ часть своихъ слушателей съ низовьевъ Поволжья съ возникновеніемъ университета въ Саратовѣ.

Дробленіе молодежи между большимъ числомъ университетовъ, конечно, облегчитъ трудъ преподаванія; но съ умноженіемъ числа заведеній встанетъ ребромъ трудный вопросъ: гдѣ набрать нужное число профессоровъ, когда и теперь многія кафедрѣ пустуютъ или замѣщаются неполноправными преподавателями? Какъ бы не пришлось обратиться „за море, къ варягамъ“, по прежнимъ примѣрамъ достаточно памятнымъ, между прочимъ, и казанскому университету.

В. Лебедевъ.

Іюнь 1907 года.

Письмо И. А. Гончарова.

Нижеприводимое письмо писано Иваномъ Александровичемъ Гончаровымъ Филиппу Архиповичу Романченко, въ то время дѣйствительному статскому совѣтнику и секретарю министра внутреннихъ дѣлъ графа Дмитрія Андреевича Толстого.

Подлинникъ находится въ семейныхъ бумагахъ члена Императорскаго Археологическаго общества Н. Ф. Романченко и приводится съ его любезнаго разрѣшенія.

Милостивой Государь

Филиппъ Архиповичъ.

Ко мнѣ сегодня явился какой-то совершенно неизвѣстный мнѣ г. Марченко, служившій адъютантомъ при жандармскомъ управленіи въ Астрахани и потерявшій мѣсто, по его словамъ, вслѣдствіе какихъ-то интригъ.

Онъ пришелъ ко мнѣ, предположивъ, что у меня *„по моимъ сочиненіямъ есть сердце“*, и потому просилъ меня замолвить за него кому-нибудь доброе слово, такъ какъ ему, съ взрослою дочерью, кончившей курсъ въ какомъ-то заведеніи, нечѣмъ жить.

Онъ не сообразилъ, что я его совсѣмъ не знаю и слѣдовательно и просить за него не могу. Узнавъ вчера отъ прислуги, что я уѣхалъ въ Гатчино, онъ сталъ спрашивать, не знаю ли я такого-то генерала, такого-то князя и т. п., наконецъ даже министра внутреннихъ дѣлъ или жандармское начальство.

Одна только вѣжливость мѣшала мнѣ послать его ко всѣмъ чертямъ.

Я предложилъ ему обратиться въ то вѣдомство, гдѣ онъ служилъ, и сказалъ, что я тамъ никого не знаю, кромѣ Васъ (тутъ я случайно назвалъ Ваше имя).

Онъ обрадовался и просилъ позволенія обратиться съ своими просьбами къ Вамъ и упомянуть между прочимъ мое имя.

Я запретить онаго ему не могъ и поспѣшилъ уволить его отъ себя.

Въ то же время я не лишнимъ счелъ предупредить Васъ, на случай если онъ къ Вамъ явится, что я никакими просьбами о немъ беспокоить Васъ не могу и не желаю.

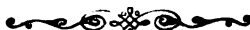
Я замѣтилъ только, что онъ очень не глупъ, хорошо говорить и, можетъ быть, дѣйствительно находится въ крайности. Но я самъ лично сдѣлать для него ничего не могу и еще менѣе считаю себя въ правѣ утруждать другихъ, между прочимъ Васъ, ходатайствомъ о совершенно неизвѣстной мнѣ личности.

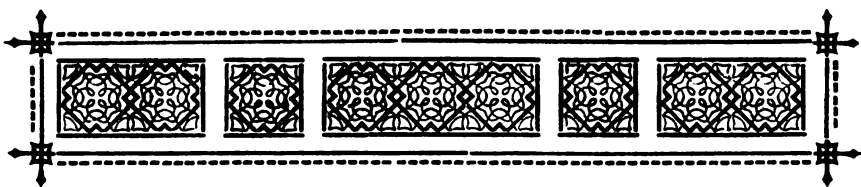
Вмѣстѣ съ этимъ предупрежденіемъ прошу Ваше Превосходительство принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

И. Гончаровъ.

23 ноября 1883 г.

Сообщилъ М. С.

Изъ воспоминаній княгини Витгенштейнъ ¹⁾.

Русская по происхожденію, княгиня Сайнъ-Витгенштейнъ-Берлебургъ, рожденная княжна Варягинская, сестра фельдмаршала А. И. Варягинскаго, вышедши замужъ за медиатированнаго нѣмецкаго владѣтельнаго князя, провела большую часть жизни за границей.

Первое историческое воспоминаніе княгини относится къ 1825 г. Это было вскорѣ послѣ смерти ея отца.

„Наша семья жила въ Ивановскомъ, нашемъ имѣніи Курской губерніи“, пишетъ княгиня, „когда матерью моею было получено извѣстіе, что ее вскорѣ посѣтитъ императоръ Александръ I проездомъ на югъ Россіи“. Это извѣстіе быстро облетѣло всю окрестность и сдѣлалось событіемъ дня.

„Моя мать встрѣтила императора на лѣстницѣ, а своихъ семейныхъ дѣтей выстроила въ шеренгу у входа въ залу, по возрасту: старшему было одиннадцать лѣтъ, а младшему два года“.

„Она представила насъ государю, который привѣтливо спросилъ каждого его имя и сколько ему лѣтъ. Онъ показался намъ великолѣпнымъ. Онъ былъ высокаго роста, красавецъ собою и очаровалъ насъ своей привѣтливостью и добродушіемъ.“

„Государю былъ предложенъ завтракъ въ благоухавшей цвѣтами оранжереѣ, откуда выходило въ залу большое широкое окно.“

„Насъ поставили въ залу, передъ этимъ окномъ, откуда мы могли любоваться монархомъ, а его забавляло передавать намъ въ окно плоды и сласти.“

„Его сопровождали два генерала: князь Волконскій и графъ

¹⁾ *Princesse de Sayn-Wittgenstein. Souvenirs (1825—1907). Paris. 1908. 2-e ed.*

Сайнъ-Витгенштейнъ-Берлебургъ, дядя моей матери, отличившійся въ Наполеоновскихъ войнахъ. Какъ далека была я отъ мысли, что я выйду со временемъ замужъ за его старшаго сына; также точно никто изъ присутствовавшихъ не думалъ тогда, что это путешествіе монарха было послѣднимъ въ его жизни“.

„Вскорѣ послѣ его отъѣзда, нашъ домъ посѣтила его супруга, императрица Елисавета Алексѣевна, ѣхавшая вслѣдъ за нимъ на югъ.

„Когда мнѣ минуло шестнадцать лѣтъ, моя мать оставила Ивановское и поселилась въ Петербургъ. Я была представлена ко двору.

„Императрица Александра Θεодоровна выказала мнѣ особое расположеніе: я всей душой привязалась къ ней, и эта привязанность осталась неизмѣнной до конца“.

При дворѣ жизнь текла въ то время весело и шумно; великолѣпныя празднества слѣдовали одно за другимъ, въ особенности на масленицѣ, когда „устроивались катанья въ санихъ, катанье съ горъ, балы, обѣды и т. п.“. Не разъ моимъ подругамъ и мнѣ приходилось смѣнять, во время бала, износившіеся бѣлые атласные башмаки и надѣвать другіе, взятые про запасъ.

„Весною 1834 года я присутствовала при освященіи Александровской колонны. Съ утра на площади передъ Зимнимъ дворцомъ выстроилось множество войска; выстрѣлъ изъ пушки возвѣстивъ начало церемоніи; всѣ окна ближайшихъ зданій были заполнены зрителями.

„Но вотъ появился императоръ Николай верхомъ на великолѣпномъ конѣ. Его горделивая истинно царственная осанка говорила о присущей ему силѣ и могуществѣ. Императрица, въ парадномъ одѣяніи, медленно шла пѣшкомъ съ юными великими княжнами, сопровождаемая статсъ-дамами и фрейлинами.

„Обойдя вокругъ колонны, этотъ великолѣпный кортежъ тѣмъ же порядкомъ возвратился во дворецъ“.

Княжна Барятинская пользовалась всѣми удовольствіями свѣтской жизни въ Петербургѣ всего одинъ годъ. Уже 18 лѣтъ она вышла замужъ и съ тѣхъ поръ болѣзни, частыя отлучки изъ Петербурга и разныя семейныя обстоятельства отвлекали ее отъ свѣта, но она „продолжала видѣться съ императрицей на ея интимныхъ вечерахъ или на водахъ, гдѣ пользовалась слабая здоровьемъ императрица Александра Θεодоровна“. „Не разъ я встрѣчала ей навстрѣчу на границу, когда она возвращалась изъ путешествія, „говорить княгиня“; въ особенности памятна мнѣ одна встрѣча съ нею въ 1845 году, въ городѣ Ковно, гдѣ она назначила

мнѣ свиданіе, по пути въ Петербургъ, куда она вернула молодую принцессу Марію Гессенскую, невѣсту своего сына, великаго князя Александра Николаевича, и мнѣ хочется рассказать одну мелочь, которая произвела на меня въ то время большое впечатлѣніе и которая свидѣтельствовала о деликатности чувствъ императрицы. Она пожелала показать мнѣ помѣщеніе, приготовленное для нея наскоро на этой станціи, гдѣ она отдыхала нѣсколько часовъ, и повела меня въ свою спальную. Каково было мое удивленіе, когда я увидѣла три походныя кровати, поставленныя одна противъ другой. По срединѣ стояла кровать государыни, а двѣ другія, по бокамъ, предназначались для молодой принцессы и для великой княжны Ольги Николаевны.

Очевидно, императрица хотѣла этимъ показать принцессѣ, что она смотрѣла уже на нее какъ на свою дочь, какъ на члена своей семьи“.

„Императрица пользовалась всеобщей любовью, но нѣкоторые осуждали ее за ея любовь къ удовольствіямъ, къ нарядамъ и къ разнымъ мелочамъ“.

Что касается меня, то я находила, напротивъ того, что она исполняла обязанности, сопряженныя съ ея саномъ, нерѣдко черезъ силу и даже въ ущербъ своему здоровью. Поэтому я видѣла въ ней трогательный типъ супруги и матери и часто задавала себѣ вопросъ, многія ли могли бы съ такой кротостью и самоотверженіемъ исполнять тяжелыя обязанности, выпавшія на ея долю, тяжелыя въ особенности для нея, которая такъ заботилась о счастіи своихъ близкихъ и не имѣла возможности вмѣшиваться въ дѣла своего самодержавнаго супруга.

Великія княжны были замѣчательно хороши собою. Старшая, великая княжна Марія Николаевна, рѣзвая, остроумная, отличалась рѣдкимъ обаяніемъ; бѣлокурая Ольга Николаевна, съ правильными чертами необыкновенно нѣжнаго лица, походила на ангела; младшая, Александра, была также во всѣхъ отношеніяхъ прелестна.

Я имѣла возможность изучить ихъ характеръ и склонности на интимныхъ вечерахъ у императрицы, на которыхъ бывало не болѣе пяти-шести постороннихъ лицъ; тутъ онѣ держали себя свободно, безъ малѣйшаго стѣсненія, въ особенности когда играли въ *petits jeux*. Трогательно было видѣть, съ какимъ восторгомъ любовалась ими государыня, радуясь тѣсной дружбѣ, существовавшей между нею и ея дѣтьми.

Эта семейная картина оживлялась подъ конецъ вечера присутствіемъ императора, который, пользуясь свободными минутами отъ серьезныхъ занятій, приходилъ отдохнуть среди своей семьи. Онъ подходилъ сперва къ императрицѣ и горячо обнималъ ее; за-

тѣмъ принималъ участіе въ общемъ разговорѣ, смотря по тому, былъ ли онъ болѣе или менѣе утомленъ, что замѣтно отражалось на его лицѣ. Мнѣ часто казалось, что онъ дѣлалъ усилія, чтобы преодолѣть заботу и быть при постороннихъ веселымъ и любезнымъ.

„Послѣ чая всѣ расходились; всѣ знали, что императоръ садился снова за работу и просиживалъ за ней до часа ночи“.

„Однажды я присутствовала при интересномъ разговорѣ между императоромъ и однимъ изъ приближенныхъ. Послѣдній вспоминалъ декабрьскіе дни 1825 года и геройскій поступокъ Николая Павловича, вѣхавшаго безъ свиты и охраны въ мятежную толпу.“

Но тутъ императоръ перебилъ своего собесѣдника и сказалъ: „Вы ошибаетесь; я былъ не такъ храбръ, какъ вы думаете. Но чувство долга заставило меня побороть себя“—и онъ сейчасъ же перемѣнилъ разговоръ.

Государя считали суровымъ и даже жестокимъ.

Я скажу, что онъ былъ сострадательнымъ и великодушнымъ. Въ домашнемъ кругу онъ былъ вѣжливъ, предупредителенъ, но любилъ иногда двусмысленныя шутки.

Такъ, однажды гуляя въ Царскосельскомъ паркѣ, съ императрицей, великими княжнами и нѣсколькими лицами свиты, онъ вздумалъ показать намъ одинъ изъ павильоновъ. Подробно осмотрѣвъ его, мы уже собирались уйти, какъ вдругъ государь, бывшій въ тотъ день въ прекрасномъ настроеніи духа, замѣтивъ сторожа, подозвалъ его и когда тотъ остановился, вытянувъ руки по швамъ:

— „Ты женатъ?“—спросилъ его императоръ.

— „Женатъ, ваше величество!“

— „Имѣешь дѣтей?“

— „Никакъ нѣтъ, ваше величество!“

— „Такъ слушай же. Я буду крестнымъ отцомъ твоего первенца. И такъ, до свиданья, до крестинъ, въ будущемъ году, непременно“.

И, оставивъ сторожа въ полномъ недумѣніи, императоръ расхотался, и мы сѣли въ экипажъ“.

Много говорили о добротѣ Николая I. Между прочимъ рассказывали объ одной знатной дамѣ полькѣ такой случай: государь узналъ, что она была очень больна и не могла явиться къ нему съ просьбою относительно устройства своихъ дѣлъ, такъ какъ она была разбита параличемъ. Узнавъ о ея безвыходномъ положеніи, онъ успокоилъ ее, обѣщавъ ей лично заняться ея дѣлами, и предложилъ ей переѣхать въ Зимній дворецъ; рассказывали, что онъ самъ вносилъ ее иногда по лѣстницѣ въ ея комнату, куда ей было трудно подняться. Повторяю, все это онъ дѣлалъ только изъ состраданія“.

„Однажды вечеромъ, я была у императрицы; мы бесѣдовали наединѣ, какъ вдругъ вошелъ императоръ и сѣлъ на полъ у нашихъ ногъ; это очень насмѣшило императрицу. Она обратила его вниманіе на мой туалетъ. Государь принялся разсматривать его, при чемъ поцѣловалъ мнѣ руку, разъ-другой, потомъ поцѣловалъ локоть и хотѣлъ идти еще выше, но императрица остановила его. „Оставь ее,—сказала она,— не мучь ее болѣе“. Онъ повиновался, но просилъ меня отвѣтить откровенно на одинъ его вопросъ и, наклонившись ко мнѣ и подставляя ухо, сказалъ: „Вы находите, что я дурно воспитанъ“?

„Немного“, отвѣтила я.

Императрица отъ души смѣялась.

Нѣсколько дней спустя, я была снова у императрицы и застала ее въ какомъ-то неопредѣленномъ настроеніи не то печальномъ, не то радостномъ.

Она рассказала мнѣ о костюмированномъ балѣ, бывшемъ наканунѣ у великой княгини Елены Павловны, на которомъ ея дочь великая княжна Марія Николаевна имѣла изумительный успѣхъ своей несравненной красотой. Мнѣ казалось, что въ то время, какъ государыня говорила это, въ ея сердцѣ происходила борьба: она какъ-будто гордилась красотой своей дочери и въ то же время волновалась за ея судьбу.

Помолчавъ съ минуту, она продолжала:

„Представьте себѣ, она съ такимъ нетерпѣніемъ ожидала шествія, въ которомъ она должна была участвовать, что не выдержала и побѣжала ему навстрѣчу. Въ костюмѣ сильфиды, закутанная легкимъ газомъ, она скорѣе облетѣла, нежели обошла залы, наполненныя публикою. Можете себѣ представить, сколько жертвъ осталось на ея пути“. И нѣжная мать, закрывъ глаза рукою, повторяла: „Она была поразительно хороша“.

Императрица скончалась въ 1860 г.

4/16 ноября 1860 г. великая княгиня Марія Николаевна описывала слѣдующимъ образомъ ея послѣднія минуты въ письмѣ къ княгинѣ Витгенштейнъ: „Было бы безчеловѣчно не сожалѣть о своей матери, но ея кончина была такъ прекрасна, мы такъ увѣрены въ томъ, что она теперь счастлива, она такъ желала соединиться съ моимъ отцомъ, такъ желала, чтобы ея жизнь, которую она несла только по обязанности, пресѣклась, что наше горе походить болѣе на тихую грусть. Вспоминая нашу мать, объ утратѣ которой мы будемъ скорбѣть всю жизнь, мы чувствуемъ, какъ сердце наше сжимается отъ боли, но насъ утѣшаетъ вѣра въ то,

что она теперь счастлива, и мы припоминаемъ ея слова: „Объщайте мнѣ, что вы не будете слишкомъ плакать обо мнѣ, а, напротивъ, будете довольны за меня, когда я васъ покину и отоюду на небо“.

„Со времени моего возвращенія въ Россію, 9 (21) сентября, нашъ ангелъ, наша мать уже не была здорова, и я чувствовала, что часть нашей разлуки близокъ. Она не страдала, но ея слабость увеличивалась съ каждымъ днемъ. Однако за пять дней до кончины, она еще встала съ постели какъ обыкновенно по вечерамъ и просила читать ей вслухъ.“

„Ей два раза предложили приобщиться св. Тайнъ; оба раза она согласилась на это съ дѣтскою покорностью.“

„Въ первый разъ, это было въ пятницу 14 (26) числа, она сказала мнѣ: „Я не думаю, что я серьезно больна; я чувствую себя только очень непріятно“.

„Во вторникъ, 18 (30), она благословила насъ всѣхъ вмѣстѣ молча, осѣнивъ насъ крестнымъ знаменіемъ.“

„Но въ среду, 19 (31), когда мы съ императоромъ сидѣли подлѣ нея, она взяла вдругъ голову моего брата въ руки и благословила сначала его, затѣмъ меня, а затѣмъ и всѣхъ остальныхъ, сказавъ каждому какое-нибудь памятное слово. Къ сожалѣнію, голосъ ея былъ слабъ, и мы многое не разслышали. „Добрая дочь“, сказала она мнѣ. Съ ангельскимъ терпѣніемъ она дозволила всѣмъ бывшимъ во дворцѣ поцѣловать ея руку. Спокойствіе, кротость, терпѣніе не покидали ее. Когда мы остались одни, я спросила ее: „Мама, довольны ли вы?“ Понявъ мой вопросъ, она отвѣтила: „очень довольна“, и тихо улыбнулась. Она подчинилась смерти такъ же просто, какъ просто она принимала все въ жизни. Вы знаете ее, вы поймете, что я хочу сказать этимъ.“

„Къ счастью Михаилъ и Оля пріѣхали въ время. Она имѣла удовольствіе обнять ихъ и пробыть съ ними еще вторникъ и среду. Она просила, чтобы бывшіе подлѣ нея разговаривали.“

„Затѣмъ, взглянувъ на насъ, она промолвила: „всѣ, всѣ сюда!“ и подняла руку, чтобы благословить всѣхъ насъ. Ее окружало шестеро дѣтей, восемнадцать внуковъ, три невестки и зять. Она нѣжно благословила Григорія, взявъ его руки въ свои, и произнесла два раза: „отъ всего моего сердца“. Она попросила посадить себя на плечо маленькую Анастасію (дочь Михайла Николаевича) и благословила ее съ трогательною нѣжностью. Какая умилительная сцена: этотъ дивно прекрасный ребенокъ, лежавшій на плечѣ умирающей бабушки! это была одна изъ тѣхъ сценъ, которыя не забываются!“

II.

Всегдашней мечтой княгини Витгенштейнъ было путешествовать. Ея мужъ сходилъ съ ней въ этомъ, и вскорѣ послѣ свадьбы они отправились въ путь; ѣхали на почтовыхъ лошадяхъ, въ своихъ экипажахъ, какъ всѣ путешествовали въ то время и оставались, гдѣ и на сколько вздумается.

Прежде всего они посѣтили Берлинъ, гдѣ и прожили нѣсколько лѣтъ.

Берлинъ былъ въ то время грязнымъ городомъ, съ узкими улицами и канавами, наполненными вонючей водою и помоями, по которымъ бѣгали мыши и крысы; хорошихъ магазиновъ было немного, все было неизящно, изъ частныхъ домовъ выдѣлялся одинъ только дворецъ князей Радзивилловъ. По поводу его княгиня Витгенштейнъ припоминаетъ слѣдующій комическій эпизодъ.

Надъ входными дверями дома была надпись: „Hôtel des Radziwill“, и вотъ однажды, какой-то англійскій туристъ, незнакомый съ тонкостями французскаго языка, принялъ его за гостиницу для пріѣзжающихъ и съ чисто британскою безцеремонностью, потребовалъ у выбѣжавшихъ лакеевъ номеръ и сталъ распоряжаться на счетъ своего багажа. Растерявшіеся люди доложили князю Радзивиллу, и тотъ, понявъ происшедшее недоразумѣніе, приказалъ отвести путешественнику лучшую комнату въ его домѣ. Дѣло разъяснилось только тогда, когда англичанинъ потребовалъ счетъ.

Во время пребыванія въ Берлинѣ княгини Витгенштейнъ, въ 1840 г. скончался король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ III, окруженный своимъ многочисленнымъ семействомъ; его дочь, императрица Александра Ѳеодоровна поспѣшила къ постели умирающаго отца при первомъ извѣстіи о его болѣзни.

Вскорѣ послѣ этого событія Витгенштейны уѣхали въ Парижъ, гдѣ они прожили много лѣтъ, и гдѣ имъ довелось быть свидѣтелями революціи 1848 года.

„Мы жили на улицѣ Риволи, рассказываетъ княгиня, и я, со своего балкона, какъ изъ ложи бель-этажа, слѣдила за всѣми перипетіями драмы, разыгрывавшейся въ Тюильри, видѣла, какъ часовые, стоявшіе у рѣшетки сада, сбросили съ себя мундиры, кинули ружья и бѣжали, слышала обычное трехкратное увѣщаніе и послѣдовавшіе за этимъ выстрѣлы, но особенно я была поражена, увидавъ, какъ королевское семейство поспѣшно прошло, пѣшкомъ черезъ садъ на площадь Согласія, гдѣ ихъ ожидали простые извозчики, повезшіе ихъ въ изгнаніе.

„Я видѣла разграбленіе дворца, видѣла, какъ неистовствовали парижскія женщины, съ крикомъ и ругательствами носившіяся по крышѣ Тюильри, видѣла, какъ изъ оконъ дворца выбрасывали и рвали бумаги.

Одинъ изъ нашихъ друзей, графъ Николай Паленъ, боясь за насъ, такъ какъ мы были въ центрѣ волненія, любезно предложилъ намъ гостепріимство у себя, въ домѣ русскаго посольства, гдѣ онъ жилъ, хотя и не принадлежалъ къ посольству. Мы приняли его предложеніе съ благодарностью; хотя идти было недалеко, но этотъ путь былъ сопряженъ съ опасностью. Наконецъ мы добрались до посольства, гдѣ провели весь день вполне спокойно, рѣшивъ уѣхать на завтра изъ Парижа“.

Но революція преслѣдовала ихъ въ Кельнѣ и въ Берлинѣ, гдѣ они искали спасенія отъ нея.

Однажды случилось даже, что князь Витгенштейнъ, выѣхавъ изъ дому въ экипажѣ, вернулся пѣшкомъ: у него отняли его коляску, чтобы сложить изъ нея первую баррикаду. И тутъ княгиня пришлось быть свидѣтельницей тяжелаго зрѣлища, когда короля заставляли выходить на балконы, чтобы почтить память убитыхъ борцовъ за свободу, тѣла которыхъ проносили мимо для погребенія.

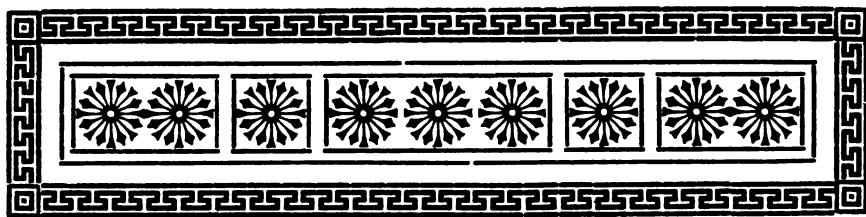
Когда утихла революціонная буря, Витгенштейны поселились въ своемъ помѣстьѣ Сайнъ на берегу Рейна; зиму они проводили по большей части въ Римѣ, гдѣ княгиня часто навѣщала папу Пія IX.

Надобно сказать, что княгиня еще въ бытность въ Парижѣ перешла въ католическую вѣру и сдѣлалась ея ревностной послѣдовательницей; переменна вѣры была фактомъ глубоко знаменательнымъ въ ея жизни, и въ своихъ воспоминаніяхъ она много и подробно говоритъ о папѣ, о католическихъ епископахъ и о догматахъ католической церкви. На этой почвѣ она сблизилась съ покойной императрицей Августой и намекаетъ на то, что императрица перешла бы въ лоно католической церкви, если бы этому не препятствовало ея высокое официальное положеніе.

На склонѣ жизни, княгиня Витгенштейнъ приобрѣла себѣ прелестную виллу въ Швейцаріи, въ Уши, на берегу Леманскаго озера, названную ею „Mon abri“, гдѣ она спокойно доживаетъ свой долгій вѣкъ, вспоминая прошлое, и гдѣ ее навѣщаютъ ея друзья, въ числѣ которыхъ она упоминаетъ особенно тепло о русскихъ католикахъ—иезуитахъ кн. Гагаринѣ и Балабинѣ.

Сообщ. В. Т.

Откуда ведетъ начало наша былина о Садкѣ — богатомъ гостѣ.

Всеволодъ Миллеръ въ своемъ трудѣ „Очерки русской народной словесности: Былины“, въ главѣ „Къ былинамъ о Садкѣ“ говоритъ, что восточные славяне, прийдя въ соприкосновеніе съ финнами, переняли отъ нихъ нѣкоторыя вѣрованія и въ томъ числѣ изъ сказаній финновъ о водяномъ царѣ и дивномъ музыкантѣ взяли „матеріалъ для эпическихкихъ личностей морского царя и гусяра Садка, въ болѣе же позднія времена карела усвоила многія русскія былины и въ томъ числѣ былинну о Садкѣ“. Усвоеніе карелами въ болѣе позднія времена русскихъ былинъ и сказокъ несомнѣнно и легко выясняется, трудно лишь съ положительностью опредѣлить источники заимствованія русскими нѣкоторыхъ матеріаловъ былиннаго эпоса отъ западныхъ финновъ, какъ изъ-за сравнительной давности этого заимствованія, такъ и изъ-за иного географическаго распредѣленія западно-финскихъ племенъ въ первое время соприкосновенія съ ними восточныхъ славянъ.

Точно также трудно въ настоящее время выдѣлить въ карельскихъ сказкахъ собственно карельскій элементъ, растворившійся въ массѣ русскаго эпического матеріала, заимствованнаго карелами. Между тѣмъ этотъ собственно карельскій элементъ очень интересенъ въ разъясненіи вопроса о томъ, что за царство представляла собою Біармія, самую главную роль въ которой, судя по многимъ даннымъ, играли именно карелы. Кое-какія указанія по только-что затронутымъ вопросамъ можно найти въ карельскихъ сказкахъ,

записанныхъ Арвидомъ Генетцомъ въ его „Tutkimus Wenáján Karjalán Kielesta: Hels 1880“. (изслѣдованія языка русской Кареліи) и его же „Tutkimus Aunuksen Kielesta. Hels. 1885“. (изслѣдованіе Олонецкаго языка). Въ отношеніи заимствованія карелами матеріала изъ русскаго эпоса доказательства въ этихъ сказкахъ налицо и никакому сомнѣнію подвергнуты быть не могутъ. Такъ почти на первомъ мѣстѣ въ первомъ изъ названныхъ изслѣдованій вы видите сказку „Илля Мудровіанъ“, представляющую собою переводъ на карельскій языкъ нашей былины объ Ильѣ Муромцѣ и именно той части былины, гдѣ говорится о полученіи Ильею силы отъ каликъ переходящихъ и борьбѣ его съ Идолищемъ поганымъ. Что же касается собственно карельскаго элемента, даваго, по нашему мнѣнію, матеріалъ для нѣкоторыхъ былинь русскаго эпоса, то, для выясненія его, мы предварительно приведемъ сказку „Три совѣта“, записанную Генетцомъ въ Янгозерѣ Олонецкой губерніи.

Т р и с о вѣ т а.

„Давно въ неизвѣстномъ царствѣ былъ парень. Царская дочь влюбилась въ него и захотѣла выйти за него замужъ. Но онъ былъ бѣденъ, и царь не хотѣлъ выдавать дочери за него замужъ. Тогда царская дочь самовольно вышла за него замужъ. Ни ѣсть, ни пить у нихъ ничего не было потому, что царь въ досадѣ на то, что дочь вышла замужъ за бѣдняка, не далъ дочери никакого приданого. Поэтому царская дочь посылаетъ мужа въ городъ купить пряжи. Онъ купилъ, жена спряла пряжу и послала мужа продавать наряденное, велѣвъ взять за наряденное сто рублей, иначе же не продавать. Цѣлый день до вечера ходилъ мужъ, продавая наряденное; вечеромъ встрѣчаетъ онъ стараго старика. Старикъ спрашиваетъ: продажная ли пряжа?—Продажная!—Сколько возьмешь? спрашиваетъ старикъ.—Сто рублей!—Не лучше ли выслушать за нее совѣтъ?—Мужъ царевны подумалъ и говоритъ: хорошо ли будетъ выслушать совѣтъ. Старикъ отвѣчаетъ: хорошо будетъ молодому запомнить совѣтъ стараго человѣка. И старикъ даетъ ему совѣтъ: „иди и не бойся“. Старикъ получалъ пряжу.

Вернулся парень домой къ женѣ-царевнѣ, и спрашиваетъ его жена: продалъ ли онъ пряжу?—Продалъ, да денегъ не взялъ.—Что же ты взялъ, если денегъ не бралъ?—Я выслушалъ совѣтъ.—Худа не будетъ отъ совѣта стараго человѣка,—говоритъ жена.

На другой день жена опять посылаетъ мужа въ городъ купить пряжи, и онъ приноситъ опять пряжу женѣ. Жена прядетъ другую мѣру и посылаетъ на слѣдующій день мужа опять продавать наряденное за двѣсти рублей. Онъ ходитъ день, покупателей нѣтъ

до вечера. Вечеромъ навстрѣчу идетъ тотъ самый старикъ, который купилъ у него пряжу въ первый день.—Продаешь, знакомый человѣкъ, пряжу? сколько возьмешь?—Двѣсти рублей!—А не лучше ли выслушать вмѣсто двухсотъ рублей совѣтъ стараго человѣка?—И парень выслушиваетъ другой совѣтъ: безъ приговора голова не пропадетъ. Пошелъ опять домой. Жена спрашиваетъ: продалъ пряжу или не продалъ?—Продалъ, но денегъ не взялъ, а выслушалъ совѣтъ.—Какой совѣтъ?—Безъ приговора голова не пропадетъ.—Худа не будетъ отъ совѣтовъ старыхъ людей,—говоритъ жена.

Посылаетъ въ третій разъ царевна мужа купить пряжи и продать третью мѣру. На третій день посылаетъ продавать напряденное и велитъ просить триста рублей.

День ходитъ парень по городу, нѣтъ покупателя. Вечеромъ опять тотъ же старикъ идетъ навстрѣчу.—Продаешь, молодой человѣкъ, опять пряжу?—Продаю.—Сколько возьмешь?—Триста рублей!—Не лучше ли выслушать совѣтъ вмѣсто трехсотъ рублей?—Хорошо будетъ и совѣтъ выслушать!—Старикъ говоритъ: подними руку, но не опускай! Иди теперь домой, а завтра уходи изъ дому и наймись бурлакомъ на корабль!

Такъ и отправился на корабль бѣдный зять царя. Долго ли, коротко ли ѣдутъ по морю на кораблѣ, смотря: стоятъ на одномъ мѣстѣ много кораблей. И ихъ корабль пришелъ на то же мѣсто, остановился и не можетъ никуда попасть. Двадцать девять кораблей остановилось, ихъ корабль тридцатый. Стоятъ корабли, никуда не могутъ попасть. Тогда выискивается одинъ человѣкъ, готовый добровольно опуститься на дно морское, и говоритъ: если дадите мнѣ въ собственность одинъ корабль съ рабочими и со всѣмъ имуществомъ, я пойду на дно морское. Онъ какъ разъ припомнилъ совѣты: иди да не бойся, безъ приговора голова не пропадетъ. Заключили условіе дать ему корабль, взяли его, перевязали веревкою поперекъ и пустили въ море.

Тамъ онъ увидѣлъ каменный домъ. Въ немъ водяной царь играетъ съ женою за столомъ въ карты. Оба они стали смѣяться надъ нимъ: охо-хо! никогда мы не видѣли русскаго человѣка, теперь онъ передъ нашими глазами. Можешь насъ разсудить? спрашиваютъ его: что дороже—мѣдь или олово? Парень отвѣчаетъ: бываетъ дороже мѣдь, бываетъ и олово, смотря по тому, когда чего меньше.—Оба опять засмѣялись: хорошо насъ разсудилъ ты, а если бы ты не смогъ насъ хорошо разсудить, то у одного изъ насъ надо было отрубить голову. Они спросили его: чего ты хочешь въ награду за хорошій судъ?—Что дадите, то и возьму!—Ему нанесли

золота и серебра: бери, что угодно!—Онъ взялъ, сколько хотѣлъ, простился съ ними, на прощаньѣ они сказали: пока не отдадутъ тебѣ корабля, никто не можетъ двинуться съ мѣста. Парень поднялся со дна морского. Дѣйствительно, другіе не хотѣли дать ему корабля, стали спорить. Поэтому не одинъ годъ простояли на мѣстѣ. Пораздумали: никуда не могутъ попасть, надо дать корабль, и дали корабль ему въ собственность. Тогда парень приказываетъ поднять паруса. И всѣ пошли, кому куда было нужно. Тотъ парень, что опускался на дно, отправился со своимъ кораблемъ—последнимъ.

Ѣдетъ онъ по морю, неизвѣстно сколько времени, и видитъ: плаваетъ по морю бочка, двухдонная, закупоренная бочка, онъ и поднялъ изъ воды бочку. Открылъ онъ бочку, а тамъ крупный жемчугъ. Ѣдетъ онъ дальше, неизвѣстно сколько времени, смотритъ: опять бочка плыветъ по морю. Поднимаетъ онъ бочку на корабль, открываетъ, чтобы посмотрѣть, что внутри, а тамъ все камни самоцвѣтные.

Пріѣзжаютъ, неизвѣстно черезъ сколько лѣтъ въ другую страну и попадаютъ къ пристани царя этой другой страны. А у царя пиръ и надо отнести на пиръ даръ народу этой другой страны. Тотъ парень, который опускался на дно морское, беретъ три самоцвѣтныхъ камня и идетъ въ царскій домъ. Эти камни онъ даетъ мальчику—сыну царя. Мальчикъ бросилъ камни на полъ, и вдругъ весь домъ заблестѣлъ и сталъ красивымъ. Прибѣжалъ самъ царь узнать, что за чудо случилось. А сынъ говоритъ: вотъ этотъ дядя принесъ гостинцы. Царь посадилъ его за столъ выше всѣхъ. Всѣ бывшіе за столомъ стали ѣсть и пить. Поѣли, попили, и стали тѣ корабельщики, которые стояли вмѣстѣ съ нимъ на морѣ, злобиться на парня и заспорили съ нимъ. Онъ и говоритъ: заключимъ условіе такое, что хотя у васъ двадцать девять кораблей, а у меня одинъ корабль, однако оцѣнимъ, у кого дороже товаръ. Если у васъ товару на меньшую стоимость, то я васъ хозяевъ сдѣлаю рабочими, рабочихъ—приказчиками; если же у меня товаръ будетъ меньшей стоимости, снимите съ меня голову и возьмите себѣ обратно мой корабль. Заключили условіе и пошли оцѣнивать товары, и корабли, и все. Сперва оцѣнили стоимость двадцати девяти кораблей, потомъ стали оцѣнивать его корабль. Парень и указалъ бочку съ жемчугомъ, цѣна бочекъ оказалась уже равною цѣнѣ другихъ кораблей. Взялъ парень другую бочку и показалъ самоцвѣтные камни, а имъ и цѣны не могутъ дать. И испугались судохозяева, что у парня товары дороже, чѣмъ у нихъ. Парень и сдѣлалъ судохозяевъ рабочими, а рабочихъ приказчиками. Царь пожаловалъ его и отправилъ на родину на тридцати корабляхъ.

Прибываетъ онъ къ своему царю и останавливаетъ корабли въ морѣ, самъ на маленькой лодкѣ отправляется въ городъ. Приходить въ свой домъ, смотритъ, а жена спитъ съ двумя парнями, однимъ—съ одной стороны, другимъ—съ другой. Беретъ онъ саблю и хочетъ отрубить всѣмъ тремъ головы. И припомнилъ онъ совѣтъ старика: подними руку, но не опускай. Не опустилъ онъ руки и разбудилъ свою жену. Жена не узнаетъ его, кто онъ такой. Онъ называетъ себя ея мужемъ и спрашиваетъ, кто это спитъ возлѣ нея? не дружки ли ея?—Это мои сыновья, я осталась отъ тебя беременною, когда ушелъ ты въ бурлаки; родила двухъ сыновей, кормила, поила и вырастила ихъ. Извѣстили объ этомъ царя; пришелъ царь къ нему и спрашиваетъ, что ты за человѣкъ? не призналъ вишь своего зятя. Онъ говоритъ: я твой зять,—разсказалъ все, что было, откуда добылъ богатства, и тогда царь призналъ его своимъ зятемъ“.

Сказка эта настолько близка къ нашей былинѣ о Садкѣ—богатомъ гостѣ, что можно бы предположить заимствование карелами матеріала для этой сказки изъ былины о Садкѣ. И дѣйствительно кое-какія мелочи позаимствованы въ нее изъ русскаго эпоса. При болѣе же внимательномъ разсмотрѣніи содержанія этой сказки приходится допустить въ отношеніи содержанія скорѣе обратное явленіе, т. е. что русскіе, придя въ соприкосновеніе съ западными финнами, заимствовали матеріалъ для былины о Садкѣ изъ первообраза этой сказки, которая представляетъ собою изукрашенный съ теченіемъ времени фантазією рассказъ о способѣ веденія морской торговли карелами Біармійскаго царства. Что основной сюжетъ этого рассказа относится къ временамъ процвѣтанія Біармійскаго царства, доказывается вопросомъ, предложеннымъ морскимъ царемъ парню о сравнительной стоимости мѣди и олова, т. е. о сравнительной стоимости составныхъ элементовъ бронзы, служившей во времена существованія Біармійскаго царства матеріаломъ для изготовления различныхъ предметовъ домашняго быта и вытѣсненной потомъ желѣзомъ. Условія быта въ бронзовомъ вѣкѣ и могутъ сдѣлать понятнымъ вопросъ о томъ, что дороже: мѣдь или олово. Нуждаясь въ бронзѣ для различныхъ своихъ подѣлокъ, жители Біарміи, сами не добывавшіе ни мѣди, ни олова, цѣнили и мѣдь и олово въ зависимости отъ подвоза къ нимъ того и другого матеріала. Картина же морской торговли біармійцевъ по этой сказкѣ такова. Каждое торговое судно шло на парусахъ, держась берега до какого-либо поворотнаго пункта на этомъ берегу. Дойдя до поворотнаго пункта, судно должно было остановиться потому, что тотъ вѣтеръ, который привелъ судно сюда, въ дальнѣйшемъ дви-

женія судна отъ этого поворотнаго пункта уже переставалъ быть попутнымъ. Судно опускало свои паруса, должно было ждать новаго вѣтра и именно такого, который бы былъ попутнымъ съ этого поворотнаго пункта. Какъ только начиналъ дуть такой попутный вѣтеръ, суда поднимали паруса и пускались въ дальнѣйшее плаваніе, какъ это и видно изъ приведенной сказки. За время ожиданія попутнаго вѣтра въ поворотномъ пунктѣ, могло скопиться нѣсколько судовъ. Для того, чтобы желаемый вѣтеръ поскорѣ задулъ, біармійцы - карелы въ этомъ пунктѣ приносили богу морей жертвы. Еще въ серединѣ XIX вѣка, по утвержденію Швинда (см. его книжку „Kansantaruja Laatokan luoteis—rannikolta Kesällä 1879“), карелы, плывя по Ладожскому озеру, мимо южной части острова Хейнисенмаа, „приносили въ жертву деньги, табакъ и пр., для того, чтобы получить хорошую погоду“. Въ древнія времена, вѣроятно для этой же цѣли приносили и человѣческую жертву. Часть матросовъ на торговыхъ судахъ карель - біармійцевъ, по всей вѣроятности, состояла изъ рабовъ, на что въ данной сказкѣ указываетъ соглашеніе между судохозяевами и парнемъ, согласнымъ идти на дно морское, относительно передачи ему корабля съ товарами и рабочими. Одинъ изъ судохозяевъ назначалъ въ жертву богу морей, кого-либо изъ своихъ рабовъ. Другіе судохозяева платили въ такомъ случаѣ пожертвовавшему рабомъ соотвѣтственную часть стоимости раба. Не всегда, конечно, обреченнаго въ жертву бросали въ море. Если у такого поворотнаго пункта на берегу была священная роща съ идоломъ бога, то раба жертвовали идолу, или лучше сказать, жрецу, завѣдывавшему священнымъ мѣстомъ, подобнымъ тому, о которомъ разсказываютъ, напр., норманны: Отеръ и Тореръ Хундъ въ своихъ повѣствованіяхъ о путешествіи въ Біармію, первый, въ IX в., второй въ XI-мъ вѣкѣ. За какую-либо услугу жрецу такой обреченный въ жертву богу могъ получить свободу и дать этимъ основу для разсказа объ избавленіи отъ морского царя.

Купцы-біармійцы, прибывъ въ какую-либо страну, приносили даръ правителю страны, который въ зависимости отъ цѣнности дара держалъ въ большемъ или меньшемъ почетѣ купцовъ. Въ опредѣленіи цѣнности товара могли происходить споры между судохозяевами, разрѣшаемые правителемъ мѣстности. При такихъ плаваніяхъ, которыя могли длиться годами, члены семьи домохозяина, оставшіеся на родинѣ, могли настолько измѣниться, что отецъ, вернувшійся домой послѣ нѣсколькихъ лѣтъ странствованій, могъ не узнать своихъ семейныхъ.

Такимъ образомъ подробности въ изложеніи этой карельской

сказки въ значительной мѣрѣ теряютъ характеръ вымысла и объясняются вполне реальными явленіями быта карель-бѣармійцевъ, плававшихъ съ торговыми цѣлями по берегамъ Бѣлаго моря и доходившихъ по воднымъ путямъ въ Финляндіи до береговъ Ботническаго залива въ устьяхъ рѣки Улео и до береговъ Финскаго залива въ устьяхъ Невы. При переходѣ же въ нашу былинѣ о Садкѣ, эти подробности обратились ужъ въ чистѣйшій вымыселъ, какъ, напр., корабли Садка съ поднятыми парусами, во время бури, стоятъ на мѣстѣ, пребываніе Садка у морского царя заканчивается пробужденіемъ его въ Новгородѣ.

При созданіи нашимъ народомъ личности самого гуслера Садка, по словамъ Всеволода Миллера, оказалъ большое вліяніе финскій музыкантъ и пѣвецъ Вейнемейненъ (стр. 294), котораго любитъ слушать морской царь Ахто (292). Въ карельской сказкѣ, приводимой Генетцомъ въ „*Tutkimus Aunuksen Kielestä*“ (Изслѣдованіе Олонецкаго языка) и озаглавленной „Ветейненъ и мюллеринъ вяю“ (Водяной и зять мельника), водяной представляется любителемъ музыки и охотникомъ поплясать.

„Жилъ прежде мужикъ. Тридцать лѣтъ онъ не могъ пускать въ ходъ мельницу на ночь, днемъ же можно было работать: водяной хозяинъ по ночамъ хаживалъ сидѣть на мельничномъ колесѣ. Всякаго, кто приходилъ ночью на мельницу, онъ сѣдалъ. Пришелъ одинъ парень къ мельнику и попросился къ ночи. Мужикъ говорить: мы пустимъ къ ночи, если ты согласишься переночевать на мельницѣ.—Парень согласенъ: отчего же не переночевать? приготовьте только кляпцы.—Мужикъ идетъ въ кузницу, приготовляетъ кляпцы и приноситъ парню.—Теперь, говоритъ парень, дай кантеле!—Мужикъ далъ и кантеле.

Парень идетъ на мельницу, прикрѣпляетъ кляпцы къ стѣнѣ, приноситъ со двора рябиновый колъ и, поставивъ его у стѣны, начинаетъ играть на кантеле. Играетъ немного времени, и вотъ является водяной хозяинъ и начинаетъ плясать. Парень еще живѣе заигралъ.—Дай-ка мнѣ поиграть, говоритъ водяной хозяинъ.—Да ты не можешь играть: у тебя пальцы толстые!—А какъ ихъ сдѣлать тоньше?—Всунь лишь пальцы вотъ въ эти кляпцы!—Водяной хозяинъ и всовываетъ пальцы въ кляпцы, и парень сжимаетъ кляпцы такъ, что водяной завылъ благимъ матомъ. Парень же взялъ колъ, да давай колотить имъ водяного, пока не усталъ.—Не приду больше на мельницу, пусти! взмолился водяной. Парень пустилъ его, водяной пошелъ и уходя говорить: погоди! вотъ какъ зайдешь за четырнадцатую версту, тутъ и духъ испустишь!

Парень утромъ вышелъ изъ мельницы, вошелъ въ избу и говорить: теперь онъ не придетъ болѣе. День пробыли въ избѣ, на ночь идутъ въ мельницу, мельница болѣе не остановилась. У мельника была дочь, и мельникъ взялъ парня зятемъ въ домъ.

Мельница работала и никогда болѣе не останавливалась. Работаютъ десять лѣтъ, а парень не смѣетъ никуда выйти далѣе четырнадцати верстъ. Жена и начинаетъ просить его въ гости за тридцать верстъ; онъ изъ боязни не рѣшается; если пойдешь пѣшкомъ, то я, пожалуй, пойду.—Есть же у насъ хорошая лошадь, поѣдемъ на лошади!—Не поѣду; если же пойдешь пѣшкомъ, то пойду.—Пойдемъ, наконецъ говорить жена, хоть пѣшкомъ!

Отправляются. На половинѣ дороги мужъ и говоритъ женѣ: когда мы пройдемъ четырнадцатую версту, то водяной хозяинъ придетъ меня ѣсть: ты же, пройдя четырнадцатую версту и ступивъ шагъ за нее и ложись. Такимъ образомъ я избавлюсь отъ бѣды. Проходятъ четырнадцатую версту, жена переступаетъ шагъ за нее, какъ откуда ни возмись водяной хозяинъ: Ага! и попалъ мнѣ на сѣденье! Жена хлопнулась на спину, а мужъ и говоритъ: вотъ возьми и ѣшь!—Водяной хозяинъ плюнулъ и говоритъ: избавился, злодѣй, отъ сѣденія!—Мужъ съ женой пошли дальше“.

Здѣсь, по всей вѣроятности, первоначальный рассказъ о любви морского царя къ игрѣ на кантеле съ теченіемъ времени обратился въ шуточный рассказъ о посрамленіи водяного находчивымъ парнемъ. Измѣненія первоначальнаго рассказа должны были произойти не только изъ-за времени, но и изъ-за мѣста: рассказъ записанъ Генетцомъ въ Сямозерѣ Олонецкой губерніи, гдѣ по отдаленности отъ обширныхъ водныхъ пространствъ представленіе о морскомъ царѣ должно было сѣзуться въ представленіе о водяномъ хозяинѣ.

Нѣкоторыя карельскія сказки изъ записанныхъ Арвидомъ Генетцомъ обоснованы на международныхъ бродячихъ мотивахъ, одинаково встрѣчающихся какъ въ нашемъ эпосѣ, такъ и въ эпосѣ другихъ народовъ. Такъ въ сказкѣ „Соломенный царь“ развивается мотивъ обнаруженія царскаго сына, который, будучи подмѣненъ при рожденіи сыномъ кузнеца, до девятилѣтняго возраста воспитывается кузнецомъ. Во время же игры со сверстниками онъ, выбранный въ судьи, присуждаетъ вора къ повѣшенію потому, что „укравшій у другого лошадь или жену или обокравшій перковь убивается на мѣстѣ преступленія“. Отецъ повѣшеннаго жалуется царю, и царь при разборѣ дѣла признаетъ своего сына, хотя и не сразу беретъ его къ себѣ, а лишь послѣ рѣшенія послѣднимъ загадки, заданной царемъ. Помогая въ управленіи своему отцу, онъ по мудрости

своей напоминаетъ царя Соломона. Такъ одна женщина жалуется царю на вѣтеръ, который развѣялъ всю муку у нея съ тарелки, когда она несла тарелку съ мукой изъ амбара въ домъ. Царевичъ вывѣдываетъ у окружающихъ, не прибыли ли около этого времени какіе корабельщики въ ихъ городъ. Оказалось, что, дѣйствительно, корабельщики прибыли, и передъ прибытіемъ они молились о дарованіи имъ попутнаго вѣтра. Царевичъ, раскрывъ такимъ образомъ виновниковъ несчастья женщины, приказываетъ корабельщикамъ вознаградить женщину. Царевичъ женится на дѣвушкѣ, не любившей его. Поэтому вскорѣ послѣ женитьбы его, сосѣдній король похищаетъ у него жену. Царевичъ въ это время уже сдѣлался царемъ, по прозвищу соломеннымъ, но соломеннымъ не въ нашемъ смыслѣ, а потому, что по рожденіи своемъ онъ былъ скрытъ въ снопу соломы. Соломенный царь и въ то же время соломенный мужъ идетъ съ войскомъ отыскивать свою жену. Подойдя къ городу короля, похитившаго его жену, онъ одинъ направляется въ городъ, давъ приказаніе своему войску по первому сигналу быть готовымъ ринуться на защиту его, по второму—броситься въ городъ, по третьему—явиться на помощь къ нему. Предпріятіе закончилось полною удачею.

Можно предположить, что въ основѣ данной сказки лежалъ какой-нибудь рассказъ о томъ, какъ корабельщики обязаны были возмѣстить убытокъ, причиненный прибрежнымъ жителямъ вѣтромъ, приведшимъ корабельщиковъ къ этому берегу. Иными словами, здѣсь проявляется древняя вѣра карель-біармійцевъ въ зависимость вѣтра отъ жертвоприношеній корабельщиковъ.

Въ сказкѣ „Иванъ-Ихалане, Тухкей-мууричча, сильмавойдіенъ туойя“ (Иванъ-Весельчакъ (?),... добыватель глазной мази) выступаетъ слѣпой отецъ-старикъ, имѣющій трехъ сыновей: старшаго Самсона, младшаго Петра и средняго Ивана-Ихалане, Тухкей-мууриччу. Старикъ посылаетъ за главною мазью младшаго сына. Тотъ, отправившись, пріѣзжаетъ къ розстанью, откуда шли три дороги: въ одну ѣхать—лошадь потеряешь, въ другую—самому погибнуть, въ третью—ни сыту, ни голодну быть. Сынъ старика направляется въ послѣднюю дорогу и встрѣчаетъ хорошій домъ, куда приглашаетъ его дѣвица спать съ собою. Сынъ старика ложится по предложенію дѣвицы на кровать и проваливается. Старикъ, обождавъ время, посылаетъ средняго сына, который отправляется на бѣлой лошади и ѣдетъ въ ту же дорогу, по которой направился и младшій братъ его, но не соблазняется на приглашеніи дѣвицы, а проѣзжаетъ мимо ея дома. Въ слѣдующей избѣ встрѣчаетъ его баба, думавшая было его сперва съѣсть, но послѣ

того какъ она узнала, кто ѣдетъ, даетъ ему чудеснаго коня, часы и бутылку и совѣтуетъ, по приѣздѣ къ городу, заставить коня перепрыгнуть городскую стѣну послѣ двѣнадцати часовъ на тринадцатомъ. Иванъ поступаетъ согласно съ совѣтомъ. Въ городѣ онъ находитъ дворецъ, а въ третьемъ этажѣ дворца находитъ въ одной изъ комнатъ трехъ спящихъ на отдѣльныхъ кроватяхъ дѣвицъ. У дѣвицы въ сѣверовосточномъ углу въ изголовьѣ было 12 бутылокъ. Иванъ изъ каждой бутылки отливаетъ понемногу въ свою бутылку, заглядывается на дѣвицу и соблазняется. По выходѣ изъ дворца онъ пускается въ обратный путь, но конь его не могъ перепрыгнуть стѣны прежде, чѣмъ онъ не смылъ съ себя грѣхи на рѣчкѣ. Конь перепрыгивая задѣваетъ ногою струну съ колокольчикомъ, чѣмъ пробуждены дѣвицы. Дѣвицы пускаются въ погоню. Нагнать Ивана удается той дѣвицѣ, у которой въ изголовьѣ были бутылки. Она спрашиваетъ Ивана, когда онъ возьметъ ее къ себѣ. Тотъ говоритъ, что тогда, когда захочетъ. Затѣмъ онъ освобождаетъ изъ ямы младшаго брата съ одиннадцатью другими сотоварищами его по заключенію. Младшій братъ проситъ Ивана дать ему для передачи глазную мазь. Иванъ согласенъ лишь подъ условіемъ снять со спины брата ремень, а съ мягкой части пряжку. Получивъ отъ брата за глазную мазь просимое, онъ ѣдетъ домой и, никому не рассказывая о случившемся, 18 лѣтъ лежитъ на печи, пока не прибыло въ ихъ заливъ три корабля. Съ кораблей перекидываютъ мостики на берегъ и зовутъ на корабли добывателя глазной мази. Пошелъ было младшій братъ, но его прогнали два сына хозяйки кораблей. Идетъ Иванъ и принять съ почетомъ хозяйкою кораблей, оказавшеюся той дѣвицею, отъ которой Иванъ взялъ мазь. Отецъ Ивана узнаетъ, что мазь была добыта не младшимъ его сыномъ, а Иваномъ, доказавшимъ правду ремнемъ и пряжкой со спины своего брата. Отецъ разсердился на младшаго сына и рѣшилъ уѣхать съ Иваномъ въ страну, откуда была добыта глазная мазь. Младшій сынъ остается жить на отцовскомъ мѣстѣ. Иванъ съ отцомъ, женою и сыновьями, взявъ свое имущество и деньги, отправляется за шесть морей въ страну своей жены.

Ознакомленіе съ исторіею карелъ позволяетъ и въ данной сказкѣ видѣть намеки на отдаленное прошлое жизни карелъ-біармійцевъ. Вся нынѣшняя Финляндія за исключеніемъ береговъ Ботническаго и Финскаго заливовъ, была прежде занимаема лапландцами. Карелы-біармійцы, какъ торговый народъ, путешествовали съ торговыми цѣлями отъ Бѣлаго моря по рѣкѣ Кемь и рѣкѣ Улео къ Ботническому заливу, отъ озера Улео по рѣкамъ, сближающимъ Улео съ Саймою, и по озеру Саймѣ путешествовали къ

Ладожскому озеру. У живущихъ по этому пути лапландцевъ они вымѣнивали продукты охоты и рыболовства, или просто отнимали эти продукты; а такъ какъ лапландцы къ тому же славились своимъ искусствомъ колдовства, то перенимали и это искусство. Ознакомленіе карелъ, благодаря такимъ путешествіямъ, съ берегами Ладожскаго озера повело за собою переселеніе части карелъ къ берегамъ Ладожскаго озера.

Былинный рассказъ объ измѣнѣ Святогору его жены входитъ отдѣльнымъ эпизодомъ въ карельскую сказку „Царскій и купеческій сыновья бѣгутъ отъ своихъ женъ“. У царя былъ красивый сынъ, у купца же сынъ былъ еще красивѣе. Отцы порѣшили, чтобъ ихъ сыновья жили вмѣстѣ, какъ братья. Купеческій сынъ отправляется къ царю, но, забывъ дома шейный крестъ, съ дороги вернулся домой и засталъ жену съ милымъ дружкомъ. Въ сильномъ горѣ онъ прибылъ къ царю и случайно былъ свидѣтелемъ того, какъ жена царевича миловалась съ солдатомъ. Это его утѣшило, онъ сошелся съ царевичемъ. Дружба ихъ усилилась еще болѣе, послѣ того, какъ царевичъ узналъ о невѣрности своей жены. Царевичъ и купеческій сынъ рѣшили бѣжать отъ своихъ невѣрныхъ женъ, выпросили у своихъ отцовъ по кораблю съ товарами и отплыли въ невѣдомыя страны. Приплываютъ къ неизвѣстному городку и не смѣютъ сойти на берегъ, опасаясь возможнаго разбойничьяго нападенія жителей. Населеніе же городка въ свою очередь боится ихъ, какъ морскихъ разбойниковъ. Наконецъ жители городка спрашиваютъ ихъ, кто они—разбойники или купцы. Послѣ отвѣта ихъ, что они—купцы, имъ предоставляютъ право торговать въ городкѣ. Товары были свезены на берегъ, царевичъ съ купеческимъ сыномъ ведутъ торгъ.

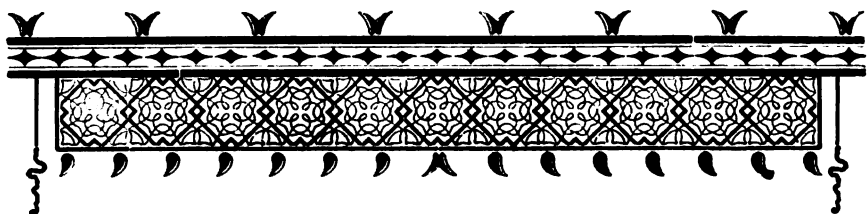
Въ этой сказкѣ можно отмѣтить упоминаемый и въ одной финской пѣснѣ древній обычай торговыхъ людей, зимующихъ въ какой-либо мѣстности, брать на зиму себѣ женъ, хотя бы на родинѣ у нихъ также были жены. Затѣмъ нельзя не отмѣтить указанія на предосторожности, съ которыми пришлые кунцы и туземные жители вступали другъ съ другомъ въ торговыя сношенія; сперва обѣ стороны старались убѣдиться, неимѣютъ ли дѣла съ разбойниками.

Въ заключеніе отмѣтимъ еще разъ часто встрѣчающееся въ карельскихъ сказкахъ указаніе на торговые морскія предпріятія героевъ сказокъ и припомнимъ, что до самаго послѣдняго времени карелы-коробейники съ успѣхомъ торговали по всей Финляндіи. Во времена же біармійскаго царства карелы могли заниматься торговлею, лишь развѣзжая на судахъ и лодкахъ отъ береговъ

Бѣлаго моря до береговъ Ботническаго и Финскаго заливовъ. Отсюда-то и является вполнѣ естественнымъ частое указаніе на морскія предпріятія героевъ карельскихъ сказокъ; и изъ рассказовъ же о такихъ морскихъ предпріятіяхъ, при столкновеніи славянъ съ западными финнами, славянами и взятъ между прочимъ матеріалъ для былины о Садкѣ.

В. П. Крохинъ.

Изъ писемъ Е. А. Боратынскаго.

Письма къ Н. М. Коншину.

Посредственный поэтъ, романтикъ пушкинской эпохи, Н. М. Коншинъ (1793—1859 г.) въ настоящее время почти забытъ. Изъ всѣхъ его произведеній до сихъ поръ живетъ благодаря музыкѣ А. Л. Гурилева только одна пѣсня: „Вѣкъ юный, прелестный“... съ извѣстнымъ припѣвомъ:

Лови, лови
Часы любви —
Пока огонь горитъ въ крови...

„Онъ заурядный стихотворецъ и романистъ“—говоритъ авторъ единственной статьи о Коншинѣ А. И. Кирпичниковъ ¹⁾—„главныя произведенія его встрѣчались похвалами друзей, болѣе или менѣе колкими порицаніями литературныхъ враговъ и холоднымъ равнодушіемъ немногихъ безпристрастныхъ критиковъ; всѣ они читались или просматривались публикой, но ни одно не потребовало второго изданія. Но онъ задушевный другъ Боратынскаго, близкій пріятель Дельвига и хорошій знакомый Пушкина... Онъ, стало быть, одинъ изъ тѣхъ любителей отечественной словесности, въ кружкѣ которыхъ росъ и крѣпъ геній Пушкина“...

Съ Боратынскимъ Коншинъ познакомился въ 1819 г., когда служилъ въ Нейшлотскомъ полку, куда въ 1820 г. былъ переведенъ изъ л.-гв. егерскаго полка унтеръ-офицеромъ Боратынскій. Разница въ служебномъ положеніи (Коншинъ въ 1819 г. былъ про-

¹⁾ «Русс. Мысль» 1897 г., май, отд. II-й, 144-170; ниже мы будемъ ссылаться на эту статью, обозначая ее сокращеніемъ— «Кирп.».

изведенъ въ штабсъ-капитаны, въ 1821 г. — въ капитаны) не помѣшала имъ сойтись тѣсно. Старшій другъ писалъ о младшемъ: „небо послало мнѣ товарища, добраго Боратынскаго. Первый разъ въ жизни я встрѣтился еще съ человѣкомъ, который характеромъ и сердцемъ столько походилъ на меня“. Это ошибка Коншина, далеко не похожаго на Боратынскаго, но онъ вѣрно одѣнилъ своего друга, говоря: „благородная свобода, примѣта души возвышенной и генія, сама собою поставила его выше толпы, его окружающей“¹⁾... Въ 1820 г. Коншинъ написалъ Боратынскому довольно слабое посланіе. Къ тому же году и къ слѣдующему принадлежать три посланія Боратынскаго къ Коншину. Въ первомъ („Повѣрь, мой милый другъ“...) Боратынскій изливаетъ дружеское чувство:

Счастливы мнимые, способны ль вы понять
Участія нѣжнаго сердечную услугу?
Способны ль чувствовать, какъ сладко повѣрять
Печаль души своей внимательному другу?
Способны ль чувствовать, какъ дорогъ вѣрный другъ?..

Печатаемая нами пять писемъ Боратынскаго даютъ кое-что для біографіи обоихъ друзей²⁾; кое-какіе отрывки изъ нихъ привелъ въ своемъ очеркѣ А. И. Кирпичниковъ³⁾.

I.

Получилъ я письмо твое, милой Коншинъ: оно дышетъ счастьемъ и я сердечно радъ, что хоть кто-нибудь изъ нашихъ нашолъ исполненіе сердечныхъ надеждъ своихъ. Я одного съ тобою мнѣнія о милой спутницѣ твоей жизни, какое-то чувство, чувство никогда ни тебя, ни меня не обманывавшее, говоритъ мнѣ и говорило прежде, что она доставитъ тебѣ всю отраду возможную. Дай Богъ, что бы дни послѣдующіе были подобны первымъ, и почему не надѣяться!

Мы недавно танцовали на серебряной свадьбѣ у Нортмана, очень было весело: были пріѣзжіе изъ Ф—гама, между прочимъ твоя Амалия. Лутковской съ маленькою злостію рассказывалъ при ней о счастливой твоей женидбѣ, о твоихъ доходахъ, простираю-

¹⁾ Кирп., 148.

²⁾ Они хранятся въ принадлежащемъ Императорской Публичной Библіотекѣ собраніи автографовъ (См. ея Отчетъ за 1876 г., стр. 169.

³⁾ Кирп., 156—157, примѣч.

щихся до 20 тысячъ, о надеждахъ твоихъ получать со временемъ до 50 (ты узнаешь нашего Егора). Бѣдняжка не знала, куда дѣвать глаза и то блѣднѣла, то краснѣла. По дѣломъ ей.

Почти всѣ здѣшніе тебѣ кланяются, узнавъ, что я получилъ отъ тебя письмо и собираюсь отвѣчать, Наталья же Нортманъ очень усердно.

Я живу по маленьку—ни веселья, ни скученья. Волочусь отъ бездѣлья за Анетой, обыкновенно по воскресеньямъ у Лутковского. Дома пишу стихи и лечусь отъ раны, которую мнѣ нанесла любовь; но эта рана не сердечная.

Степановъ произведенъ въ генералы. Мы ѣли у него превосходительный пирогъ. Наши дамы жалуются на А. И. гордость: прежде она жаловалась на ихнюю. Такъ-то вертится колесо фортуны.

Пріѣхате къ тебѣ—одинъ изъ тѣхъ воздушныхъ замковъ, которыхъ считаешь такими, но все-таки строишь для своего удовольствія. Сердечно хотѣлъ бы посмотреть на твое житье-бытье и полюбоваться твоимъ щастіемъ, но это врядъ ли когда случится. Я въ себѣ несвободенъ и богъ вѣсть буду-ль свободнымъ заживо.

Ты мнѣ говоришь о нашихъ счотахъ. Ежели можешь, то пришли сколько-нибудь: я въ Петербургѣ начисто промотался.

Клеркеръ живетъ тоже щастливо. Я былъ у него и прочелъ въ глазахъ его, которые никогда не лгутъ, что онъ доволенъ своею судьбою. Дистерло уѣхалъ въ Лифляндію на воды—я одинъ остался изъ старой братіи нашей.

Прощай, желаю тебѣ продолжительно теплой жизни въ твоемъ семействѣ, простоты въ чувствахъ, всегдашней довѣренности, основы супружескаго щастья. Мнѣ кажется, что это щастіе всегда должно держать нѣсколько на діэтѣ, и что всякая неумѣренность для него неудобна. Забавно, что я, холостой, преподаю совѣты тебѣ, женатому, но это отъ доброй души и по старой привычкѣ философствовать. Прощай, вспоминай, когда вспомнится.

Боратынской.

Милостивой Государынѣ Авдотѣ Яковлевнѣ мое усерднѣйшее почтеніе.

Письмо не датировано. Относится оно къ осени или зимѣ 1824 г.; 3 сентября этого года Коншинъ женился на Авдотѣ Яковлевнѣ Васильевой, за которой ухаживалъ болѣе двухъ лѣтъ, посвящая Боратынскаго во всѣ перипетіи своего романа ¹⁾. Ей Бора-

¹⁾ Кирп., 150—151, 156.

тынскій посвятилъ пьесу „Невѣстѣ“ (альманахъ „Царское Село“, 1830 г., стр. 234). Амалия—предметъ прежней, неудачной любви Коншина ¹⁾. Лутковскій—командиръ Нейшлотскаго полка ²⁾; Боратынскій посвятилъ ему посланіе: „Влюбился я, полковникъ мой, въ твои военные рассказы“... (1824 г.). Баронъ К. Г. Клеркеръ—пріятель и сослуживецъ Коншина и Боратынскаго; Коншинъ посвятилъ ему стихотвореніе: „Барону К****“ (1821 г.) и „Двѣ повѣсти“ (1833 г.).

II.

26 февраля.

Виновать, неизвинительно виновать передъ тобою, милой Коншинъ; но ей Богу заботы моей Гельзингфорской жизни были отчасти причиною, что я не отвѣчалъ на письмо твое. Сначала по обыкновенію моему откладывалъ съ почты до почты, а потомъ узналъ по газетамъ, что ты пріѣхалъ въ Петербургъ, но, не зная твоего адреса, не могъ писать тебѣ туда. Что скажу тебѣ? Я все тотъ же вѣтренникъ и брюзга какъ и прежде, но за то ты во мнѣ найдешь и прежняго товарища финляндской жизни. Спасибо тебѣ за деньги, они пришли кстати. Я не понялъ первой половины письма твоего—догадываюсь, что ты не доволенъ тѣмъ, что не нашолъ въ моемъ письмѣ такого восторга, какой дышитъ въ твоемъ первомъ: этого ты и не могъ отъ меня требовать. Нравы наши довольно не сходны. Ты во всемъ охотно видишь хорошую сторону; а я охотно дурную. Впрочемъ, кажется, я не старался тебя разочаровывать и надѣюсь, что ты никогда не разочаруешься, ибо щастіе твое основано не на мечтахъ, а на первыхъ началахъ природы человѣческой. Не спрашиваю тебя о твоемъ житьѣ-бытьѣ, ибо знаю, что женатые рѣдко отвѣчаютъ искренно на вопросъ такого рода. Мы имѣемъ съ тобою общимъ только прошедшее, а настоящее и будущее принадлежитъ уже одному тебѣ и спутницѣ твоей жизни. Такъ и должно быть. Мы на лѣто идемъ въ Петербургъ, надѣюсь я желаю съ тобою увидѣться; поговоримъ про старое время и обнимемся какъ старые знакомые. Прощай. Преданный тебѣ

Боратынскій.

Милостивой Государынѣ Авдотѣ Яковлевнѣ мое усерднѣйшее почтеніе.

¹⁾ Тамъ же, 147, 153.

²⁾ „Сочиненія Е. А. Боратынскаго“, изд. 4-ое, Казань, 1884, стр. 479: 517, примѣч. Н. В. Путяты.

Письмо не датировано годомъ, но, судя по связи съ предыдущимъ, относится къ 1825 г. Очевидно, Коншинъ остался не совсемъ доволенъ тономъ письма Боратынскаго, которое показалось ему холоднымъ и менторскимъ. Въ томъ же февралѣ Боратынскій писалъ Н. В. Путятѣ, вспоминая о веселомъ времени, проведенномъ недавно въ Гельсингфорсѣ: „что сказать тебѣ о моей жизни? Гельсингфорскія воспоминанія наполняютъ пустоту ея“¹⁾. Вскорѣ Боратынскій былъ произведенъ въ офицеры, но служба его томилась, и онъ писалъ Путятѣ: „не рожденъ я для службы царской. Когда подумаю о Петербургѣ, меня трясетъ лихорадка“²⁾. Коншинъ въ семейной жизни очень былъ счастливъ, по словамъ его собственныхъ записокъ³⁾.

III.

19 Декабря 1826.

Какъ неожиданное письмо твое меня обрадовало, милый Коншинъ! Я было потерялъ тебя изъ виду, но все тебя помнилъ: нельзя забыть столько лѣтъ, проведенныхъ вмѣстѣ, столько необыкновенныхъ происшествій, столько истиннаго товарищества! Такъ, мой милый: вашего полку прибыло: я женатъ и счастливъ. Ты знаешь, что сердце мое всегда рвалось къ тихой и нравственной жизни. Прежде мое существованіе, беспорядочное и своевольное, всегда противорѣчило и свойствамъ моимъ, и мнѣніямъ. Наконецъ я дышу воздухомъ мнѣ потребнымъ; но я не стану приписывать счастья моего моимъ философическимъ правиламъ, нѣтъ, мой милый, главное дѣло въ томъ, что Богъ мнѣ далъ добрую жену, что я желалъ счастья и нашелъ его. Я былъ подобенъ больному, который, желая навѣстить прекрасный отдаленный край, знаетъ лучшую къ нему дорогу, но не можетъ подняться съ постели. Пришелъ врачъ, возвратилъ ему здоровье, онъ сѣлъ и поѣхалъ. Отдаленный край—счастье; дорога—философія; врачъ—моя Настинька. Какова аллегорія? И не узнаешь ли ты въ страсти къ метафизикѣ твоего финляндскаго знакольца? Мы точно будемъ съ тобою въ родствѣ. Саратовскій губернаторъ братъ мужа родной моей тетки. Въ вашу сторону я не буду; но въ Москвѣ проживу по крайней мѣрѣ еще годъ. Ежели ты исполнишь милое твое намѣреніе навѣстить стараго товарища, то онъ нальетъ тебѣ суповую чашку шампанскаго и напишетъ Оду. Пре-

¹⁾ Тамъ же, 519.

²⁾ Тамъ же, 524.

³⁾ Кирп., 156.

поручаю жену мою доброму расположенію твоей. Поклонись отъ меня батюшкѣ и скажи ему, что я живо помню его финляндское гостепріимство. Гдѣ Петръ Андреевичъ? Пиши ко мнѣ прямо на мое имя въ Москву, у прихода Рождества Столешникова въ домъ Профессора Малова. Прощай, мой милой, обнимаю тебя отъ всей души и благодарю за воспоминаніе, которое мнѣ доставило истинную радость. Твой Боратынской.

Въ іюнѣ 1826 года Боратынскій женился на Настасѣ Львовнѣ Энгельгардтѣ. Его стремленіе къ семейной жизни не было новостью для Коншина, въ посланіи къ которому: „Пора покинуть, милый другъ“... (1821 г.) поэтъ говорилъ:

Пресытись буйнымъ наслажденіемъ,
Пресытись ласками Цирцей,
Шепчу я часто съ умиленіемъ
Въ тоскѣ задумчивой моей:
Нельзя ль найти любви надежной?
Нельзя ль найти подруги нѣжной,
Съ кѣмъ могъ бы, въ счастливой глуши,
Предаться нѣгѣ безмятежной
И чистымъ радостямъ души;
Въ чье неизмѣнное участіе
Безпечно вѣровалъ бы я,
Случится ль ведро или ненастье
На перепутьѣ бытія?
Гдѣ жь обреченная судьбою?
На чьей груди я успокою
Свою усталую главу?

„Я живу потихоньку, какъ слѣдуетъ женатому человѣку“—писалъ онъ Путятѣ,—„но очень радъ, что промѣнялъ безпокойные сны страстей на тихій сонъ тихаго счастья: изъ дѣйствующаго лица я сдѣлался зрителемъ и, укрытый отъ ненастья въ моемъ углу, иногда посматриваю, какова погода въ свѣтѣ“¹⁾.

¹⁾ Сочин. Боратынскаго, цитир. изд., 530.

IV.

Спасибо тебѣ за твое письмо, милый Коншинъ, тѣмъ болѣе что я жестоко виноватъ передъ тобою. Но я вижу, что ты знаешь стараго своего товарища и прощаешь ему многое за доброе сердце тебѣ преданное. Стиховъ тебѣ пришлю, душа моя, но не прогнѣвайся, пришлю немного. Нынѣшній годъ за разными семейными заботами я писалъ особенно мало, но чѣмъ богать тѣмъ и радъ, братски подѣлюсь между тобой и Дельвигомъ. Радъ, что ты при добромъ мѣстѣ. Эта добрая вѣсть успокаиваетъ мнѣ душу. Трудности твоей жизни никогда не выходили изъ моей памяти. Поздравляю тебя съ твоею семейственною радостію. Знаю по себѣ, какъ велика радость быть отцомъ. У меня, братъ, уже порядочная семейка: сынъ и дочь, да я еще потерялъ одну малютку. Я и жена очень благодаримъ за дружеское ваше привѣтствіе, отвѣчаемъ ему препоручая себя и впередъ вашему вниманію. Какъ жаль, что мы такъ издалека другъ съ другомъ перекликаемся. Скажи мое почтеніе барону Розену: мы познакомились съ нимъ очень мелко у Полевого, и я весьма жалѣю, что я не успѣлъ утвердить съ нимъ пріятельской связи. Стихи его показываютъ человѣка не только съ дарованіемъ, но и съ сердцемъ, и такіе люди мнѣ очень по душѣ. Я черезъ два дни оставляю Москву и ѣду въ деревню къ моей матери. Ты знаешь старинной адресъ: Тамбовской губерніи въ городъ Кирсановъ. Письмо твое меня застало посреди походныхъ сборовъ. Извини, что не сей же часъ посылаю тебѣ стиховъ. Къ 1-му Ноября пришлю непременно. Прощай, милый Коншинъ, обнимаю тебя. Напомни обо мнѣ милой супругѣ своей какъ о старомъ знакомцѣ. Не забудь меня увѣдомить, что тебѣ Богъ даетъ. Я въ моей татарской глуши выпью за здоровье твоего потомства. Твой

Е. Воратынскій.

Письмо не датировано; на немъ помѣты Коншина: „получено 25 Сентября 1829, отвѣчалъ 12 Октября“. Коншинъ тогда собиралъ матеріалы для затѣяннаго имъ, вмѣстѣ съ барономъ Е. Ѳ. Розеномъ, альманаха „Царское Село“. Для этого альманаха и Пушкинъ далъ три свои стихотворенія, уступленные Коншину Дельвигомъ, издававшимъ свой альманахъ—„Сѣверные Цвѣты“.

Послѣ многочисленныхъ перемѣнъ мѣстъ и новыхъ поисковъ Коншинъ съ 1 марта 1829 г. опредѣлился правителемъ канцеляріи главноуправляющаго Царскимъ Селомъ и дворцовымъ управленіемъ ¹⁾.

V.

Посылаю тебѣ, милый Коншинъ, обѣщанные стихи. Ты извинишь ихъ неполновѣсность и повѣришь, что вкладъ мой маловаженъ не отъ скупости, а отъ бѣдности. Я получилъ письмо твое, адресованное въ Кирсановъ. Отъ души поздравляю тебя отцомъ, а милой твоей Олинкѣ желаю все что ты ей желаешь. Воображаю твою радость и очень, очень бы желалъ вмѣстѣ съ Дельвигомъ быть у тебя на крестинахъ. Когда-то сведетъ насъ Богъ: Моя жизнь, кажется, всегда будетъ дѣлиться между Москвою и Тамбовомъ; ты основался въ Царскомъ Селѣ, но кому извѣстно будущее! Можетъ быть свидимся: дай только Богъ, чтобы не тяжелыми переворотами мы были выведены изъ теперешняго круга. Жена моя усердно благодаритъ милую Авдотью Яковлевну за ее доброе расположеніе и ей было бы очень грустно, ежели-бъ вы ее считали себѣ чужою. Прощай, милый Коншинъ, обнимаю тебя отъ всей души. Спасибо тебѣ за извѣстіе о Лутковскомъ: я давно о немъ не имѣю ни слуха, ни духа. Куда онъ отправился? и дали ли ему какую-нибудь команду. Я нѣсколько знаю его родныхъ и не могу постигнуть, отъ какого дяди досталось ему нѣсладство.

Е. Боратынскій.

Р. S. подъ стихотвореніемъ моимъ *Фей* выставленъ годъ: не забудь его напечатать въ твоемъ альманахѣ, это мнѣ нужно.

Письмо не датировано. Оно относится, вѣроятно, къ ноябрю 1829 г. Въ альманахѣ „Царское Село“ появились четыре стихотворенія Боратынскаго. Подъ „Феей“ выставленъ 1824-й годъ.

Письмо П. В. Нащокина къ Н. М. Коншину о смерти Боратынскаго.

Истинно добрый и почтенный Николай Михайловичъ, прежде чѣмъ Тебя благодарить за Твое ко мнѣ участіе и дружеское вниманіе, погорюемъ о Боратынскомъ—и его не стало. Когда извѣстіе

¹⁾ Кирп., 157.

о смерти Барона Дельвига пришло въ Москву, тогда мы были вмѣстѣ съ Пушкинымъ, и онъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: „Ну, Воиннычъ, держись: въ наши ряды пострѣливать стали“. Многихъ изъ товарищей твоихъ и общихъ нашихъ уже нѣтъ на свѣтѣ, о которыхъ не говорить и говорить не будутъ; *слава же, извѣстность и Некрологія* не умолкнуть повторять именъ Пушкина, Дельвига и Воратынскаго въ дальнѣйшее время потомства; но много ли людей осталось, которые бы могли помянуть ихъ какъ товарищей и друзей по сердцу и по душѣ: всѣ трое были намъ близки; но Ты былъ ближе всѣхъ къ Воратынскому, и можно сказать въ единственную интереснѣйшую эпоху его жизни. И такъ, любезный другъ Кошнинъ, оставимъ журналистамъ, газетчикамъ и лексиконистамъ славить, или поминать ихъ лихомъ, если имъ угодно, а мы съ тобою помянемъ ихъ, во-первыхъ, какъ христіане: даи имъ Богъ прщенье и оставленіе грѣховъ, и мѣсто въ Царствіи Твоемъ небесномъ, о Боже милостивый; а во-вторыхъ, помянемъ ихъ, какъ друзей и товарищей нашей безпечной и добросовѣстной молодости: спасибо имъ, что прожили съ нами и любили насъ. — Станемъ, любезный Николай Михайловичъ, доживать вѣкъ нашъ въ суетахъ и заботахъ, и помогать другъ другу; забудь на время прошедшее и не думай о будущемъ, а обратись къ настоящему, къ брeнному и ничтожному, т. е. ко мнѣ и къ моимъ дѣламъ ¹⁾...

Истинно-преданный Другъ Твой

П. Нащокинъ.

21 Августа, 1884 г.

Павелъ Воиновичъ Нащокинъ достаточно извѣстенъ своей дружбой съ Пушкинымъ, который любилъ его тепло и нѣжно, „преимущественно передъ другими“, какъ писалъ Гоголь. Вотъ какъ характеризуетъ его Гоголь въ письмѣ къ нему же самому, предлагая ему занять мѣсто воспитателя сына милліонера Бенардаки:— „вы умѣли вынести съ высокимъ христіанскимъ терпѣніемъ испытанія, умѣли благословлять свои несчастія и несете свой крестъ съ тою покорностью и вѣрою, какая не является нынѣ... Испытанный несчастіями и крушеніями, вы можете одни сообщить твердость душѣ, которой не въ силахъ сообщить ни одинъ, не извѣдавшій самъ горя. Вы болѣе, нежели кто другой, можете водрузить въ душу непоколебимую вѣру въ Бога, потому что получили сами ее

¹⁾ Далѣе Нащокинъ говорить объ одномъ частномъ дѣлѣ, въ которомъ онъ просилъ Кошнина принять участіе.

не внушеніями отъ другихъ, но нашли ее сами въ глубинѣ души своей, среди горнила бѣдствій. Вы можете скоро заставить полюбить себя... Вы въ простыхъ разговорахъ можете доставить то, чего не доставить ученый педантъ, потому что отъ него сокрыта тайна быть интереснымъ для людей всѣхъ возрастовъ“ ¹⁾. Это былъ человѣкъ изъ тѣхъ, которыхъ въ обществѣ называютъ безхарактерными, но съ золотымъ сердцемъ и свѣтлымъ умомъ, которые такъ благодарно цѣнили Пушкинъ. Узнавъ о смерти Дельвига, Пушкинъ писалъ П. А. Плетневу: „вчера провелъ я день съ Нащокинымъ, который сильно пораженъ его смертію—говорили о немъ, называя его покойникъ Дельвигъ, и этотъ эпитетъ былъ столь же страшенъ, какъ и страшень. Нечего дѣлать! согласимся. Покойникъ Дельвигъ. Быть такъ“.

Сообщ. Н. Лернеръ.

¹⁾ Письмо Н. В. Гоголя, ред. В. И. Шенрока, т. II, стр. 190—191.—Прекрасный очеркъ посвятилъ Нащокину М. О. Гершензонъ («Другъ Пушкина П. В. Нащокинъ»—«Рус. Мысль» 1904 г., апрѣль).

По поводу статьи „Воспоминанія о Димитріѣ (Муретовѣ), архіепископѣ одесскомъ“.

Въ статьѣ: „Воспоминанія о Димитріи (Муретовѣ), архіепископѣ одесскомъ“, напечатанной въ майской книгѣ „Русской Старины“ (1908 г.), между прочимъ, сказано, что до сихъ поръ неумолкаетъ молва о томъ, что ученикъ архіепископа Димитрія — Булгаковъ, впоследствии Макарій, митрополитъ московскій († 9 іюня 1882 г.), воспользовался лекціями своего профессора, записывая за нимъ, и издалъ ихъ, немного обработавъ, и что архіепископъ Димитрій, по своей снисходительности и скромности, никогда и никому не говорилъ объ этомъ. Митрополитъ Макарій составилъ себѣ громкое имя въ богословской литературѣ и получилъ ученую степень доктора богословія.

Но подобное мнѣніе о трудахъ покойнаго митрополита Макарія, доктора богословія, еще въ концѣ прошлаго столѣтія, извѣстными профессорами Кіевской академіи — Ястребовымъ и Титовымъ, авторомъ біографіи митрополита Макарія, а также и указаніями пресвитера придворнаго собора при Зимнемъ дворцѣ — Смирнова, написавшаго біографію архіепископа Димитрія — основательно опровергнуто ¹⁾.

Вслѣдствіе вышеуказанныхъ трудовъ молва о томъ, что высокоуважаемый современниками митрополитъ Макарій воспользовался лекціями своего знаменитаго учителя, архіепископа Димитрія должна быть окончательно отвергнута. Безъ сомнѣнія, вліяніе архіепископа Димитрія на своего ученика Булгакова было велико, но труды послѣдняго, какъ доказывается выше названными учеными, представляютъ совершенно самостоятельную разработку богословскихъ наукъ.

А. Н. Сергѣевъ.

¹⁾ Статья профессора Ястребова, помѣщенная въ Трудахъ Кіевской Духовной академіи 1887 г. т. 2, стр. 241; см. также пр. Титовъ: „Макарій (Булгаковъ), митрополитъ Московскій и «Коломенскій», т. I, стр. 257—268. Протоіерей Смирновъ: «Димитрій (Муретовъ), архіепископъ Херсонскій и Одесскій», стр. 111—116.

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1908 г.

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

ОКТАБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и воспоминанія.

	СТРАН.
I. Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ и военно-учебныя заведенія. (Изъ воспоминаній) А. Е. К.	83—54. 357—372
II. Изъ минувшаго. (Воспоминанія и впечатлѣнія литератора. 1865—1897 г.). Г. К. Градовскаго	57—74, 558—562
III. Дѣла давно минувшихъ лѣтъ. (Записки сенатора Николая Яковлевича Трегубова) . . .	97—108, 311—328
IV. Сандепу и Мукденъ. (Воспоминанія запаснаго). Н—а	129—151
V. На службѣ въ лейбъ-уланахъ, 1859—1864 г., и польское возстаніе 1863 г. Дм. Скалонъ .	181—196, 499—510
VI. Учебныя воспоминанія. В. Лебедева. . . .	245—264, 447—468, 721—733
VII. Записки гр. Ланжерона. Война съ Турціей, 1806—1812 г.г. Сообщ. Е. Каменскій . .	267—288, 511—529
VIII. Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣателя. А. Ѳ. Кони	288—302, 531—546
IX. Отъ Сингапура до Владивостока. (Изъ воспо-	

минаній моряка о плаванні на крейсерѣ „Африка“. В. Руднева	415—428
X. Послѣ повстанья. (Изъ воспоминаній). А. Е. К.	675—682
XI. Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ.—Скобе- левъ. А. Витмера	689—708
XII. Изъ воспоминаній княгини Витгенштейнъ. В. Т.	735—742

**Исслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Пере-
писки. — Разказы. — Матеріалы и замѣтки.**

I. Тимофеей Акундиновъ въ Римѣ 1648. Пир- линга	4—6
II. Изъ дипломатической переписки сэра Джемса Гарриса—графа Мальмсбюри 1777—1782 гг. В. Т.	7—26
III. Дневникъ академика В. П. Безобразова. Сообщ. М. В. Безобразова: . . . , 27—82, 304—310, 547—552	
IV. Н. Н. Обручевъ. Сообщ. П. Паренсовъ. . .	55—56
V. Два письма Цесаревича Константина Павло- вича къ П. И. Линдестрему. (1812 г.). Сооб. Мих. Соколовскій	75—77
VI. Вруны. В. А. Шомпулева	78—80
VII. Два портрета Императора Павла I съ масон- скими эмблемами. Тиры Соколовской . . .	81—95
VIII. Два секретаря Спб. Цензурнаго Комитета въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петроп. крѣ- пости. Сообщ. К. Военскій	96
IX. Изъ неизданныхъ матеріаловъ для біографіи Пушкина. Сообщ. Н. Лернеръ.	109—118
X. Изъ прошлаго. Эпизодъ изъ жизни „Военнаго Сборника“. Сообщ. П. Паренсовъ	119—128, 485—441
XI. Письма А. Г. Венеціанова. Сообщ. В. А. Алексѣевъ	152—154
XII. Сношенія Россіи съ папскимъ престоломъ въ исходѣ 17 и первой половинѣ 18 вѣка. Сообщ. В. Т.	155—180, 373—387, 589—605
XIII. Изъ автобіографіи маленькаго человѣка. С. Лаврентьевой	197—214, 339—356

XIV. Забытая писательница и ея заслуги. А. И. Фаресова.	215—226, 397—414
XV. Австрія и Россія послѣ Крымской войны. С. Горяинова	227—244
XVI. Прошеніе въ стихахъ на имя Екатерины II. Сообщ. Н. Л.	265—266
XVII. Памяти Н. А. Римскаго-Корсакова. В. В.	303
XVIII. Петръ Великій и Людовикъ XIV. 1682—1717.	329—338
XIX. Запечатанная церковь. (Изъ жизни нашего духовенства). А. Н. Сергѣева	388—390
XX. Изъ афоризмовъ масона графа М. Ю. Віельгорскаго о масонствѣ. Сообщ. Тира Соколовская	391—396
XXI. „Ермолафія“ А. М. Тургенева. Н. Л.	429—433
XXII. Императоръ Николай Павловичъ передъ портретомъ Императора Павла I. (Записано со словъ Н. К. Шильдера). Сообщ. П. Паренсовъ	434
XXIII. О происшествіи по московской дирекціи 19-го іюня. Сообщ. В. А. Алексѣевъ	442
XXIV. Матеріалы для біографіи А. Θ. Воейкова. Сообщ. Мих. Соколовскій	443—446
XXV. О первой постановкѣ на сценѣ „Демона“ Сообщ. Е. Петерсенъ	469—473, 657—674
XXVI. „Опасная“ машинка. Сообщ. Д. Успенскій	474
XXVII. Мариенбургскій узникъ. (Историческій очеркъ). Ф. В. Домбровскаго	475—490, 657—674
XXVIII. Дѣйствительный прототипъ Пушкинской Татьяны. Сообщ. Н. Ф. Быковскій	491—492
XXIX. Замѣтки стараго кавказца. В. А. Шомпулева	493—498
XXX. По поводу статьи „Воспоминанія К. П. Каблукова“. Г. Миллера	530
XXXI. Восточная идея Поссевины. Пирлинга	563—573
XXXII. Два письма Екатерины II къ Я. Е. Сиверсу. Сообщ. П. Майковъ.	574—576
XXXIII. Присяга Наполеону и моленіе за него въ Могилевской епархіи въ 1812 г. А. Н. Сергѣева.	577—588
XXXIV. Дворянинъ-помѣщикъ въ камнлавкѣ Сообщ. В. А. Шомпулевъ.	606

XXXV.	Прототипъ Загорѣцкаго. Н. Л.	607—613
XXXVI.	Русскій памфлетъ 1812 года. (Къ библиографіи Отечеств. войны). Сообщ. К. Военскій.	614—622
XXXVII.	Бытовые очерки прошлаго. По архивнымъ документамъ. И. С. Бѣляева	623—640
XXXVIII.	Письма и ордера Державина разнымъ лицамъ. Сообщ. В. А. Алексѣевъ	641—656
XXXIX.	Изъ доносовъ на масонство. Тиръ Соколовской	683—688
XL.	Письма королю Сигизмунду III о Самозванцѣ. С. Шамбинаго	709—719
XLI.	Отзывъ Цесаревича Константина Павловича объ его отцѣ Императорѣ Павлѣ. Сообщ. П. Паренсовъ.	720
XLII.	Письмо И. А. Гончарова. Сообщ. М. С.	734
XLIII.	Откуда ведетъ начало наша былина о Садкѣ-богатомъ гостѣ	743—754
XLIV.	Изъ писемъ Е. А. Боратынскаго. Сообщ. Н. Лернеръ.	755—764
XLV.	По поводу статьи „Воспоминанія о Димитріѣ (Муретовѣ), архіепископѣ одесскомъ“ А. Н. Сергѣева.	765

Портреты.

- I. Два портрета Императора Павла I съ масонскими атрибутами (при 10-й книгѣ).
- II. Портретъ Н. Я. Трегубова (тамъ же).
- III. Портретъ Н. А. Римскаго-Корсакова (при 11-й книгѣ).
- IV. Портретъ Антонія Поссевина (при 12-й книгѣ).

Библиографическій листокъ.

1. А. И. Яцимирскій. Новѣйшая польская литература. Томы I и II. Спб. 1908. Н. Л. (на оберткѣ октябрьской книги).
2. Л. Ф. Пантелѣевъ. Изъ воспоминаній прошлаго. Книга вторая. Сбп. 1908 г. Н. Л. (тамъ же).

3. Матеріалы Военно-Ученаго Архива Генеральнаго Штаба. Отечественная война 1812 года. Томы VII, VIII и IX. Спб. 1907—1908 гг. (тамъ же).

4. Труды Саратовской ученой архивной комиссіи. Выпускъ XXIV. 1908 г. (на оберткѣ ноябрьской книги).

5. Новочеркасцы на двурогой сопкѣ. И. Побѣдоносцевъ. Спб. 1908 г. (тамъ же).

6. Очеркъ похода 1829 г. въ Европейской Турціи. I—III ч. Спб. 1907. Н. Епанчинъ (тамъ же).

7. Мих. Соколовскій. Наша военная старина. 1908 г. (тамъ же).

8. Н. Фалѣевъ. Дуэли. Разказы. Издалъ В. Березовскій. Спб. 1908 г. 575 стр. Ц. 3 руб. (тамъ же).

9. Д. Парскій. Что нужно нашей арміи. 1908 г. П. В. (на оберткѣ декабрьской книги).

10. Великій Князь Николай Михайловичъ. Московскій Некрополь. Томъ III. (Р. Θ.) СПб. 1908. Н. Л. (тамъ же).

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ 183, 184, 185 и 186 томахъ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1908 года.

А

Абдулинъ, полковн., команд. Алексон. полка, 1809 г., т. СХХХIV, июнь, 663.
Августинъ, преосвящ., 1812 г., т. СХХХV, июль, 88.
Авилонъ, ген., 1871 г., т. СХХХV, сент., 508, 529, 529.
Аврамовъ, артистъ (по сценѣ Аграмовъ), т. СХХХIII, мартъ, 708.
Адеркасъ, ген.-маіоръ, 1809 г., т. СХХХIV, июнь, 676, т. СХХХV, авг. 407, 426.
Адеркасъ, Б. А., псковск. губернат., 1824 г., т. СХХХVI, окт., 111—118.
Азаревичъ, актеръ, 1800 г. т. СХХХV, июль, 146.
Айвазова, Наталья, актр., т. СХХХV, июль, 144.
Айналовъ, Д. В., профес., 1903 г., т. СХХХVI, окт., 250.
Акимова, С. М., артистка московск. театра, 1842 г., т. СХХХIV, май, 377.
Аксакова, см. Тютчева.
Аксаковъ, Ив. Серг., писат., р. 1823 † 1886 г., т. СХХХIII, янв., 62, 79, 84, 86, т. СХХХIV, апр., 17—19, т. СХХХVI, дек., 569.
Аксаковъ, Константинъ Сергѣев., р. 1817 † 1860 г., т. СХХХIII, янв., 62, февр. 289, т. СХХХIV, июнь, 578, т. СХХХVI, нояб., 354.
Аксаковъ, Серг. Тим., писат., р. 1791 † 1859 г., т. СХХХIII, янв., 62.
Акундинъ, Тимофей, самованецъ,

мним. сынъ царя Василія Шуйскаго, т. СХХХVI, окт., 3—4.
Акчуринъ, Серг. Вас., оберъ-прокур., 1779 г., т. СХХХV, сент., 574.
Александра Юсифовна, вел. княг., т. СХХХV, авг., 260, т. СХХХVI, окт., 28, 29, 31, нояб., 306.
Александра Николаевна, велик. княг., въ супруж. принцесса Гессенъ-Кассельская, р. 1825 † 1844 г., т. СХХХIV, май, 254, 256, т. СХХХVI, дек. 737.
Александра Павловна, велик. княг., палатина венгерск., р. 1783 † 1801 г., т. СХХХIII, мартъ, 621.
Александра Петровна, велик. княг., т. СХХХIV, апр., 34.
Александра Феодоровна, им-ца, р. 1798 † 1860 г., т. СХХХIII, янв., 30, т. СХХХVI, окт., 190, дек. 736.
Александровскій, пензенск. губернат., 1865 г., т. СХХХV, июль, 130.
Александровъ, Пав. Конст., ген.-ад., р. 1808 г., т. СХХХVI, окт., 75—77.
Александровъ, Оома Александр., педаг., 1847 г., т. СХХХV, авг., 380.
Александръ I, императоръ, р. 1777 † 1825 г., т. СХХХIII, янв., 44—52, 73, 74, 79, 118, 171—191, 239, 240, фев. 307—322, 418, мартъ, 523, 619, 621, 691, 709, т. СХХХIV, апр., 113, май, 426, 427, июнь, 542, 568, т. СХХХV, сент., 547, 548, т. СХХХVI, нояб., 474, дек., 580.
Александръ II, императоръ, р. 1818 † 1881 г., т. СХХХIII, янв., 57, 66, 79, 96, 236, февр., 343—346, 470, мартъ,

- 571, 703, т. СХХХIV апр., 16, 33, 34, 70, 71, 74, май, 257, 274, 277, 279, 285, 288, 289, 303, 307—310, 324, 343, 346, 347, 376, 397, 411, 427, июнь, 471—473, 479, 481, 606, 607, 646, т. СХХХV, июль, 7, 10, 12, 26, 123, авг., 223, 227, 371, сент., 601 541, 657, т. СХХХVI, окт., 28, 37, 57, 66, 189, 227, 237—240, нояб., 297, 326, 463, 464, 497, дек., 694.
- Александръ III**, императоръ, р. 1845 † 1894 г., т. СХХХIII, янв., 65, 95, февр., 263, 264, 471, 477, мартъ, 552, 704, т. СХХХIV, апр., 23, 31, 35, 46, 119, май, 264, 265, 277—280, 310, 313, 423, 427, июнь, 473, 606, 607, т. СХХХV, июль, 7, 11, 134, 140, авг., 227, 429, сент., 534, т. СХХХVI, дек., 696.
- Александръ Николаевичъ**, великій кн., т. СХХХVI, дек., 737.
- Александръ**, Батенбергъ, кн. Болгарскій, 1880 г., т. СХХХIII, февр., 259, 260, т. СХХХIV, апр., 18, 19, май, 260, 262, 271, 272, 277—280.
- Александръ**, принцъ Гессенскій, 1875 г., т. СХХХIII, февр., 343, т. СХХХVI, окт., 227.
- Алексѣевъ**, В. А., сообщ. «Письмо Фета М. И. Пыляеву», т. СХХХIII, февр., 256, «письмо С. Н. Терпигорева—Атавы М. Ив. Пыляеву», мартъ, 618, «Письма А. Г. Венецианова» 1840 г., т. СХХХVI, окт., 152—154; «О проществеіи по московской дирекціи 19 июня 1846 г.», нояб., 442, «Письма и ордера Державина разнымъ лицамъ», дек., 641—656.
- Алексѣй Александровичъ**, великій князь, † 1908 г., т. СХХХIII, янв., 148, СХХХVI, нояб., 304.
- Алексѣй Михайловичъ**, царь, р. 1629 † 1676 г., т. СХХХIII, янв., 73, февр., 350, т. СХХХIV, мартъ, 537, апр., 8.
- Алексѣй Петровичъ**, царевичъ, т. СХХХVI, окт., 167, нояб., 375.
- Алексѣй (Ржаницынъ)** ректоръ М. дух. акад., 1849 г., т. СХХХIII, янв., 58, февр., 367.
- Алиская**, Александра, артистка 1846 г., т. СХХХVI, нояб., 442.
- Альбединскій**, Петръ Пав., варшав. ген. губерн., р. 1825 † 1883 г., т. СХХХIV, апр., 122, 127.
- Аальберъ**, педагог., 1854 г., т. СХХХIII, мартъ, 692.
- Альбрехтъ**, Петръ Карлов., артистъ, т. СХХХVI, нояб., 504.
- Альфонскій**, Аркад. Александров. хирургъ, р. 1796 † 1869 г., т. СХХХIII, февр., 271.
- Амбразанцевъ**, ген.-лейт., 1800 г., т. СХХХIV, май, 317, 321, 322, 323.
- Амвросій**, (Подобѣдовъ), епс. митроп., съ 1808—1818 г., р. 1742 † 1818 г., т. СХХХIII, мартъ, 631.
- Амвросій**, (Протасовъ), архіеписк. казанск., 1785 г., т. СХХХIII, мартъ, 544.
- Амминовъ**, оф. ген. штаба, 1868 г., т. СХХХVI, дек., 692.
- Анастасій**, еписк. бѣлорус. и могилевск., 1799 г., т. СХХХIII, мартъ, 663.
- Анастасія Михайловна**, великая княж., т. СХХХVI, дек., 740.
- Андреевскій**, Е., сообщ.: «Къ воспоминаніямъ о высокопреосвященномъ Іустинѣ, бывшемъ архіепископѣ херсонскомъ и одесскимъ, т. СХХХIII, янв., 161—178, «Особые взгляды. (Изъ воспоминаній о Павлѣ Павл. Косаговскомъ), мартъ, 547—552.
- Андреевскій**, Ив. Еф., профес., † 1891 г., т. СХХХVI, окт., 31, дек., 558.
- Андреевъ**, Вл., сообщ. «К. И. Невоструевъ. (Біографическій очеркъ)», т. СХХХIII, янв., 97—110, февр., 367—392.
- Андреевъ**, В. А., студентъ, т. СХХХIII, янв., 58, 69, 70.
- Андрей** (Квашинъ-Золотой), смоленск. еписк., 1632 г., т. СХХХIV, май, 402.
- Аникіевъ**, П. А., инспект. семинар., педагог., 1878 г., т. СХХХV, сент., 536.
- Аничковъ**, редакт. «Русскій Инвалидъ», 1858 г., т. СХХХIV, май, 285.
- Анна Иоанновна**, императрица, герцогиня Курляндская, р. 1693 † 1740 г., т. СХХХIII, мартъ, 708, т. СХХХIV, апр., 101, июнь, 539, т. СХХХV, июль, 40, т. СХХХVI, окт., 40, дек., 596, 599.
- Анна Леопольдовна**, правительница, р. 1718 † 1740 г., т. СХХХIV, апр., 100—108.
- Анненковъ**, Васил., поруч., т. СХХХVI, окт., 265, 266.
- Анненковъ**, Пав. Вас., писат., р. 1812 † 1887 г., т. СХХХIII, февр., 423, мартъ, 654, 655, 661, т. СХХХIV, апр., 197, т. СХХХV, авг., 229, 235—239, т. СХХХVI, окт., 116, 117.
- Анофріевъ**, Мих., свящ., 1812 г., т. СХХХV, июль, 88.
- Аносельмъ-де-Жибори**, кн.-ген. 1810 г., т. СХХХVI, окт., 269.
- Антоній**, архимандр. Спасск. монастыря, 1773 г., т. СХХХV, сент., 564.
- Антушевскій**, майоръ, 1867 г., т. СХХХVI, дек., 677.
- Анучинъ**, ген., 1877 г., т. СХХХV, авг., 318, 323.

- Апухтинъ**, подполк. Уфимскаго полка, т. СХХХIV, апр., 126—129, 136.
- Аракчеевъ**, Алексѣй Андреевичъ, р. 1769 † 1834 г., т. СХХХIII, янв., 43, 51, т. СХХХIV, апр., 113, май, 316—323, июнь, 696, т. СХХХV, авг., 426.
- Арашильскій**, Никита, протоп., 1764 г., т. СХХХIII, мартъ, 616.
- Арефьевъ**, Вас. Ѳед., семинаристъ, 1764 г., т. СХХХIII, мартъ, 609—616.
- Арефьевъ**, Ѳед., свящ., 1764 г., т. СХХХIII, мартъ, 610—617.
- Аристархова**, Домна, актр., т. СХХХV, июль, 144.
- Арсеньевъ**, Конст. Ив., историкъ, проф., воспит. Александра II, р. 1789 † 1865 г., т. СХХХIII, февр., 246, т. СХХХIV, июнь, 639, т. СХХХV, июль, 109.
- Арсеньевъ**, Конст. Конст., юристъ, р. 1837 г., т. СХХХIII, февр., 245—256, т. СХХХIV, май, 296.
- Артёмьевъ**, А. И., профес., 1857 г., т. СХХХV, сент., 592.
- Архаровъ**, П. И., 1876 г., т. СХХХV, авг., 262.
- Арцу-Чермоевъ**, полковн., 1856 г., т. СХХХIII, мартъ, 701.
- Аршеневскій**, кад., 1856 г., т. СХХХIII, мартъ, 702.
- Аскоченскій**, В., оберъ-аудит., 1865 г., т. СХХХV, июль, 130.
- Аскоченскій**, рект. журнала «Домашняя Бесѣда», 1863 г., т. СХХХV, июль, 130.
- Асланбеговъ**, контръ-адм., т. СХХХVI, нояб., 424.
- Астафьевъ**, педаг., 1854 г., т. СХХХIII, мартъ, 693.
- Асташевъ**, В. М., 1863 г., т. СХХХVI, нояб., 504.
- Афанасьевъ**, В., сообщ.: «Высочайшій рескриптъ графу Ѳ. В. Ростопчину по возвращеніи его въ Москву въ 1812 г.», т. СХХХIII, февр., 418, «Письмо министра юстиціи И. И. Дмитріева къ графу Ѳ. В. Ростопчину въ 1812 г.», т. СХХХIV, июнь, 520, «Отношеніе главноначальствующаго кремлевскою экспедиціею П. С. Валуева къ преосвященному Августину, 20 ноября 1812 г.», т. СХХХV, июль, 88.
- Афанасьевъ**, майоръ, 1809 г., т. СХХХIII, мартъ, 725, 726.
- Ахшарумовъ**, т. СХХХIII, февр., 301.
- Ангъ**, подполковн. 1809 г., т. СХХХIII, мартъ, 725.
- т. СХХХVI, окт., 50, 253, 255, 262, нояб., 454, дек., 724.
- Багратионъ**, рожд. Скавронская, впослѣд. графиня Липта, 1827 г., т. СХХХIV, июнь, 673.
- Багратионъ**, кн., Петръ Ив., ген. отъ инф., 1761 † 1812 г., т. СХХХIV, апр., 229, июнь, 671—696, т. СХХХV, июль, 160—167, 184—199, 207—209, авг., 401—427, сент., 661—672, т. СХХХVI, окт., 268—282.
- Баженковъ**, Василій, архитектор. 1772 г., т. СХХХVI, окт., 92, 94.
- Базенъ**, ген., 1854 г., т. СХХХV, июль, 125—127.
- Бакунина**, Варвара Алек., т. СХХХIII, янв., 146.
- Бакунина**, Татьяна, 1858 г., т. СХХХIV, май, 465.
- Бакунинъ**, М. П., 1852 г., т. СХХХIV, май, 465.
- Бакунинъ**, Мих. Александр., р. 1824 † 1876 г., т. СХХХIV, пр., 197.
- Балабинъ**, майоръ, 1809 г., т. СХХХIV, июнь, 683, т. СХХХV, авг., 402.
- Балабинъ**, дипломатъ 1859 г. т. СХХХVI, окт., 228, 229, 231.
- Балакиревъ**, Милій Алексѣев., композиторъ т. СХХХVI, нояб., 303.
- Балла**, ген., 1809 г., т. СХХХV, июль, 165.
- Балугьянскій**, Мих. Андр., профес., рект. спб. унив., † 1817 г., т. СХХХIV, июнь, 641.
- Баннеръ**, Петръ Ив., кол. ас. 1800 г., т. СХХХVI, дек., 653.
- Бантышъ-Каменскій**, Ив., 1763 г., т. СХХХV, июль, 44.
- Бантышъ**, 1819 г., т. СХХХIII, янв., 41.
- Баранова**, Екатерина, артистка, 1791 г., т. СХХХV, июль, 152.
- Баранова**, графиня, 1869 г., т. СХХХIV, май, 335.
- Барановскій**, профес., т. СХХХV, авг., 268.
- Барановскій**, плоцкій епископъ, 1605 г., т. СХХХIV, апрѣль, 7, май, 440, т. СХХХVI, дек., 709, 711.
- Барановъ**, Дм. Осип., 1828 г., т. СХХХIII, янв., 235.
- Барановъ**, гр., Пав., тверск. губерн., т. СХХХIV, май, 335.
- Баранцевъ**, гр., Александръ Алексѣев., ген.-ад., р. 1810 † 1882 г., т. СХХХIII, февр., 405, т. СХХХV, авг., 262, т. СХХХVI, нояб., 365.
- Баратынская**, см. Энгельгардтъ.
- Баратынская**, Ант. Давид., т. СХХХVI, окт., 252.
- Баратынскій**, Евг. Абрам., писат., р. 1800 † 1844 г., т. СХХХIII, февр., 272, 431, т. СХХХIV, июнь, 650, 651,

Б

Бабетъ, Ив. Кондратьев., профес., 1863 г., т. СХХХIV, май, 378, т. СХХХV, сент., 583, 591, 592,

- т. СХХХV, июль, 91, 118, 119, авг., 298.
т. СХХХVI, дек., 756—764.
- Барклай-де-Толли**, кн., Мих. Богд., фельдмаршалъ, р. 1761 † 1818 г., т. СХХХIII, мартъ, 529, т. СХХХIV, июнь, 565, 672, т. СХХХVI, окт., 267, нояб., 321, 519.
- Барсовъ**, Ельпидиоръ Вас., этнографъ, писат., т. СХХХIII, янв., 60, 99, 100.
- Барсуковъ**, А. П., т. СХХХV, июль, 145.
- Бартеньева**, Н., фрейлина, 1873 г., т. СХХХVI, нояб., 471, 473.
- Бартеневъ**, Борисъ, 1619 г., т. СХХХVI, нояб., 481, дек., 665.
- Барятинская**, княжна, О., 1873 г., т. СХХХVI, нояб., 471.
- Барятинская**, см. Витгенштейнъ.
- Барятинскій**, кн., Александръ Иван., фельдмарш., р. 1814 † 1879 г., т. СХХХIII, февр., 472, т. СХХХV, июль, 11, т. СХХХVI, дек., 335.
- Барятинскій**, кн., полковн., команд. Кабардинск. полки, т. СХХХV, июль, 61, 62.
- Баскаковъ**, Андр. Ив., 1619 г., т. СХХХVI, нояб., 481, дек., 665.
- Басаргинъ**, 1905 г., т. СХХХIII, февр., 437, 441, 443, мартъ, 669, 671, 678, 681, 686, 686.
- Басмановъ**, Петръ Ѳед., 1604 г., т. СХХХIII, янв., 217.
- Бастидъ**, см. Державина.
- Баумгартенъ**, комиссаръ, 1863 г., т. СХХХIV, май, 341, 342.
- Батсатулъ**, ген., 1864 г., т. СХХХV, июль, 129, 130.
- Баторій**, Стефанъ, кор. польск., † 1586 г. т. СХХХVI, дек., 567—573, 660.
- Батюшковъ**, Конст. Никол., писат., р. 1787 † 1855 г., т. СХХХIV, июнь, 649, т. СХХХV, июль, 99, 101, 117.
- Бахметевъ**, Алексѣй Никол., ген.-отъ-инф., 1812 г., т. СХХХIV, июнь, 692, 693, т. СХХХV, авг., 408, 409, 425, т. СХХХVI, окт., 287, нояб., 515.
- Бахметевъ**, Дм. Алексд., 1800 г., т. СХХХVI, дек., 652.
- Бахтинъ**, Никол. Ив., ст.-секр., р. 1796 † 1864 г., т. СХХХIII, мартъ, 666, 657.
- Башиловъ**, полк., 1810 г., т. СХХХV, сент., 661, т. СХХХVI, нояб., 529.
- Безагъ**, генер., 1809 г., т. СХХХIII, мартъ, 716, т. СХХХIV, июнь, 673, 674, т. СХХХV, сент., 668, 669.
- Безагъ**, директ. почтъ, т. СХХХVI, окт., 222.
- Безбородко**, кн., Алексѣй Андр., канцл., р. 1747 † 1799 г., т. СХХХV, сент., 442.
- Безгинъ**, Александръ, ген.-маюръ, сообщ.: «Походъ во Францію 1814 г. (По не-
- изданнымъ запискамъ прапорщика лейбъ-гвард. Семеновскаго полка **Ивана Михайловича Казакова**.) т. СХХХIII, мартъ, 522—541, т. СХХХIV, май, 351—368.
- Безобразова**, М. В., сообщ.: «Дневникъ академика В. П. Безобразова (1886),» т. СХХХIII, янв., 146—160, т. СХХХVI, окт., 27—32, нояб., 304—310, дек., 547—552.
- Безобразова**, см. Маслова.
- Безобразовъ**, Влад. Павл., акад., сенат., его дневникъ, р. 1828 † 1889 г., т. СХХХIII, янв., 146—160, т. СХХХVI, окт., 27—32, нояб., 304—310, дек., 547—552, упом. янв., 77.
- Безобразовъ**, Пав. Николаев., управл. удѣльн. контор., т. СХХХIII, янв. 146.
- Бейдеманъ**, худож., 1860 г., т. СХХХVI, окт., 212, 213.
- Бекетова**, Елисавет. Андреев., т. СХХХV, сент., 606.
- Бекетова**, Клавд. Андреев., въ замуж. Каблукова, т. СХХХV, сент., 603, 610.
- Бекетова**, Пелагея Пахом., т. СХХХV, сент., 610—613.
- Бекетова**, Софія Андреев., въ зам. Каблукова т. СХХХV, сент., 606, 608, 610, 613—633.
- Бекетовъ**, Андр. Васильев., помѣщ. 1866 г., т. СХХХV, сент., 605—613.
- Бекетовъ**, Андр. Николаев., профес., хирургъ, 1862 г., т. СХХХIV, май, 285, т. СХХХVI, окт., 262, нояб., 458.
- Беккеръ**, Романъ, артистъ, 1800 г., т. СХХХV, июль, 145.
- Беккеръ**, офиц. ген.-штаба, 1876 г., т. СХХХIV, апр., 74.
- Беклемишевъ**, полковн., 1865 г., т. СХХХIII, мартъ, 500—506.
- Беклешовъ**, кн., Александръ Андр., ген.-прокур., р. 1745 † 1808 г., т. СХХХV, сент., 549, 550.
- Белинггаузенъ**, команд. Кронштадтск. порта, 1806 г., т. СХХХIV, июнь, 560.
- Бемъ**, Елис. Меркурьев., художникъ 1907 г., т. СХХХVI, окт., 198, нояб., 351, 352, 353.
- Бенксендорфъ**, гр., Александръ Христ., шефъ жандарм., ген.-ад., р. 1783 † 1844 г., т. СХХХIII, янв., 50, 53, февр., 279, 280, 284, мартъ, 660, т. СХХХV, авг., 278, т. СХХХVI, окт., 58.
- Бенингсенъ**, гр., Леонт. Леонт., ген.-отъ-кавалер., р. 1745 † 1826 г., т. СХХХIV, июнь, 672.
- Бергманъ**, Петръ Ѳед., ген.-лейт., т. СХХХVI, нояб., 315.
- Бергштрессеръ**, ниж. путей сообщ., т. СХХХIII, февр., 266.

- Бергъ**, гр., Оед. Оед., фельдмарш., на-
мѣстн. Цар. Польск., р. 1793 † 1874 г.,
т. СХХХІІІ, февр., 472 т. СХХХІV,
май, 336, 342, 343.
- Фонъ-Бергъ**, полковн., 1866 г., т.
СХХХІІІ, февр., 405.
- Бергъ**, 1854 г., т. СХХХІІІ, мартъ,
696.
- Беренсъ**, ген.-м., 1868 г., т. СХХХVІ,
дек., 691.
- Беренъ**, полковн., 1809 г., т. СХХХV,
авг., 408.
- Березинъ**, Илья, Никол., профес.,
1872 г., т. СХХХVІ, окт. 250,
262.
- Бернатовичъ**, офицеръ, 1857 г.,
т. СХХХІІІ, мартъ, 708.
- Бехманъ**, педаг., т. СХХХV, авг., 368.
- Бестужевъ**, Александръ Александр.,
(Марлинскій) р. 1797 † 1837 г., т.
СХХХІІІ, янв., 52, февр., 422.
- Бестужевъ**, гр., Алексій Петров.,
канцлеръ, р. 1693 † 1766 г., т.
СХХХІV, апр., 106.
- Бестужевъ-Рюминъ**, Конст. Николаев.,
профес., † 1907 г., т. СХХХV, сент.,
589.
- Бестужевъ-Рюминъ**, Мих. Алексѣев.,
писат., т. СХХХVІ, дек., 609—613.
- Бехтеръ**, Н. А., начальн. спб. жен-
скихъ гимназій, 1878 г., т. СХХХV.
сент., 535, 536.
- Бехтеревъ**, Влад. Мих., профес. 1893 г.,
т. СХХХVІ, окт., 250.
- Беций**, Ив. Ив., р. 1704 † 1795 г., т.
СХХХІV, июнь, 627, т. СХХХV,
сент., 464.
- Библикова**, Софія Дмит., 1865 г., т.
СХХХІV, май, 346.
- Библиковъ**, Алексд. Ильичъ, † 1774 г.
т. СХХХVІ, дек., 641, 642.
- Библиковъ**, Дм. Гав., ген.-отъ-инфант.,
киевск. ген.-губерн., вполн. мн-ръ
внут. дѣлъ, † 1870 г., т. СХХХІV,
май, 345, 346.
- Бильбасовъ**, Вас. Алексѣев., проф.,
руковод. газетой «Голось», † 1904 г.,
т. СХХХІІІ, мартъ, 638, 640, т.
СХХХVІ, окт., 66, 67.
- Бирилевъ**, адм., 1905 г., т. СХХХІV,
апр., 86.
- Биронъ**, Густавъ, ген.-аншефъ, † 1746 г.
т. СХХХІV, апр., 107.
- Биронъ**, Іоганъ-Эрнестъ, герцогъ-кур-
ляндскій, р. 1690 † 1772 г., т.
СХХХІV, апр., 100, 101, июнь, 539.
- Бирюковъ**, Н., сообщ.: «Отвращеніе
отъ школьнаго ученія», т. СХХХІІІ,
мартъ, 605—617.
- Бирюковъ**, Я. А., сообщ.: «Къ біогра-
фіи М. Н. Муравьева», т. СХХХV,
сент., 547—550.
- Бирюковъ**, Я. А., т. СХХХVІ, нояб.,
530.
- Бистромъ**, бар., ген.-ад., 1876 г., т.
СХХХV, авг., 227, 228.
- Благовидовъ**, А. М., инспект. симбирск.
семинаріи, 1840 г., т. СХХХІІІ, янв.,
105.
- Благовѣщенскій**, Никол. Мих., проф.
1852 г., т. СХХХVІ, окт., 250.
- Блудова**, графиня, Антон. Дм., фрейл.,
р. 1812 † 1891 г., т. СХХХІІІ, янв.,
96, т. СХХХІV, апр., 74, июнь, 473.
- Блумеръ**, ген., 1830 г., т. СХХХV,
сент., 486.
- Блюхеръ**, фельдмарш., † 1819 г., т.
СХХХІІІ, мартъ, 530—532.
- Боборыкинъ**, Петръ Дмитр., писат.,
р. 1836 г., т. СХХХІІІ, февр., 300,
301, т. СХХХV, авг., 249, сент., 600,
т. СХХХVІ, дек., 556, 557, 561.
- Бобриковъ**, Георгій, кадетъ, 1856 г.,
т. СХХХІІІ, мартъ, 702.
- Бобриковъ**, Ник. Ив., финляндск. ген.-
губерн., т. СХХХІV, апр., 36, июнь,
473, т. СХХХV, июль, 132, авг., 259.
- Бобринскій**, гр. В., 1873 г., т. СХХХVІ,
нояб., 471, 472.
- Бобынинъ**, В. В., т. СХХХІІІ, янв.,
63, 64.
- Богдановичъ**, Модестъ Ив., ген.-лейт.,
воен. историкъ, напис. «Восточная
война», т. СХХХІІІ, мартъ, 641.
- Богдановичъ**, кадетъ, 1857 г., т.
СХХХІІІ, мартъ, 706.
- Боголюбовъ**, оф. ген. штаба, 1875 г.,
т. СХХХVІ, нояб., 363, 364.
- Боголѣповъ**, Николай Пявлов., ректоръ
москов. унив., 1883 г., т. СХХХІІІ,
янв., 61.
- Бодуэнъ-де-Куртенъ**, профес., 1900 г.,
т. СХХХVІ, окт., 250.
- Бойсманъ**, капит., 1858 г., т. СХХХІV,
апр., 90, 191.
- Болдыревъ**, цензоръ, 1836 г., т.
СХХХІІІ, февр., 284.
- Бонапарты**, т. СХХХVІ, дек. 616, 617.
- Бонтемо**, ген., 1830 г., т. СХХХV,
сент., 490.
- Борисова**, Марія, актриса, т. СХХХV,
июль, 144.
- Борисполець**, Плат. Тимоѣ., художн.
любитель, р. 1794 † 1880 г., т.
СХХХІV, май, 460.
- Боратынскій**, Е. А. см. Баратынскій.
- Боровскій**, Касперъ, еписк. плоцкій,
р. 1802 † 1885 г., т. СХХХІV, май,
422, 428.
- Бородинъ**, А. П., композит., т. СХХХVІ,
нояб., 303.
- Борхъ**, М., графиня, т. СХХХVІ, нояб.,
471, 472.
- Борщовъ**, фл.-ад. 1787 г., т. СХХХVІ,
ноябрь, 318.

- Ботвинкинъ**, подп., 1809 г., т. СХХХIV, июнь, 667.
- Боткинъ**, Вас. Петр., писат., р. 1811 † 1869 г., т. СХХХIV, апр., 197.
- Браверъ**, штабс-капитанъ, 1867 г., т. СХХХIII, мартъ, 706, 709.
- Братановскій-Романенко**, Анастасій, въ мѣрѣ Андрей Семенов. арх. могил., р. 1761 † 1806 г., т. СХХХVI, дек., 577.
- Братковъ**, есаулъ, т. СХХХIV, апр., 212.
- Бревертъ**, М. И., ген.-маіоръ, команд. гв. конной арт. бригады, 1873 г., т. СХХХIV, май, 397, 398.
- Бринкманъ**, Алексд. Германов., ротн. ком. Алекс. воен. учил., вполн. самарск. вице-губернатор., т. СХХХVI, окт., 45.
- Бромбергъ**, полковникъ, 1809 г., т. СХХХIII, мартъ, 717.
- Броновская**, Анна Яковлевна, рожд. Гарденина, т. СХХХIV, июнь, 538.
- Броновская**, Екатерина Мих., по первому браку Елагина, по второму гр.-ня де-Папоротне, т. СХХХIV, июнь, 538.
- Броновская**, Марія, т. СХХХIV, июнь, 538.
- Броновская**, Сераф. Алексѣевна, рожд. Левшина, т. СХХХIV, июнь, 538.
- Броновскій**, флотск. офицеръ, его воспоминанія, р. 1794 г., т. СХХХIV, июнь, 537—576.
- Броновскій**, Александръ Богдановичъ, 1808 г., т. СХХХIV, июнь, 552.
- Броновскій**, Алексѣй Богдан., 1808 г., т. СХХХIV, июнь, 552.
- Броновскій**, Богданъ Мих., ассесоръ въ Тверск. губерніи, т. СХХХIV, июнь, 538.
- Броновскій**, Влад. Богдан., военный писат., † 1835 г., т. СХХХIV, июнь, 561.
- Броновскій**, Дмитрій, т. СХХХIV, июнь, 538.
- Броновскій**, Ив. Мих., т. СХХХIV, июнь, 539.
- Броновскій**, Мих. Богданов., 1794 г., т. СХХХIV, июнь, 543, 544, 552.
- Броновскій**, Мих., Мих., прапорщ., т. СХХХIV, июнь, 538.
- Броновскій**, Николай Богд., 1794 г., т. СХХХIV, июнь, 543.
- Броновскій**, Петръ Мих., прапорщ., т. СХХХIV, июнь, 538.
- Броновскій**, Сем. Богд., ген.-губ. Вост. Сибири, † 1858 г., т. СХХХIV, июнь, 543.
- Броновскій**, Семенъ Мих., градонач. въ Θεοδοσίи, т. СХХХIV, июнь, 538, 539, 543, 544, 559.
- Броновскій**, Яковъ, т. СХХХIV, июнь, 538.
- Броновскій**, бригадиръ, т. СХХХIV, июнь, 539.
- Брунновъ**, Филиппъ Ив., дипломатъ, † 1875 г., т. СХХХVI, окт., 228—244.
- Брюллоу**, Карлъ Павлов., художн., р. 1799 † 1852 г., т. СХХХIV, май, 254, 256, июнь, 494.
- Брюстъ-Лисенцынъ**, спортсменъ, 1866 г., т. СХХХV, авг., 261.
- Брюсъ**, графиня, 1777 г., т. СХХХIV, июнь, 620, 621, 627.
- Брюховецкій**, Ив., гетманъ, 1667 г., т. СХХХIV, май, 403.
- Бубновъ**, 1873 г., т. СХХХVI, ноябр., 471.
- Буддеусъ**, піанистъ, 1854 г., т. СХХХVI, нояб., 458.
- Будило**, Іосифъ, хорунжій, 1614 г., т. СХХХVI, нояб., 488.
- Будбергъ**, бар., послан. 1860 г., т. СХХХVI, окт., 228—241.
- де-Будри**, Давидъ Ив., проф. лицея съ 1811—1821 г., т. СХХХIII, мартъ, 625, 630.
- Бунге**, Фред. Фред. ген., р. 1750 † 1811 г., т. СХХХIII, февр., 452.
- Булатовъ**, ген., 1809 г., т. СХХХIV, июнь, 674—677, т. СХХХV, июль, 164, авг., 406, 408, 412.
- Булгаринъ**, Фед. Венедикт., писат., р. 1789 † 1860 г., т. СХХХIII, янв., 113—119, 457, февр., 425, 553, т. СХХХIV, апр., 161, 162, т. СХХХV, авг., 281, 282, сент., 469, 470, т. СХХХVI, дек., 609.
- Будлаковъ**, Матв. Дм., полковн. 1786 г., т. СХХХVI, дек., 643, 644.
- Булять**, Никол. Никол., проф., 1853 г., т. СХХХV, июль, 22, т. СХХХVI, окт., 262.
- Булыгинъ**, А. Г., мн-ръ внут. дѣлъ, т. СХХХIV, июнь, 612.
- Булыгинъ**, ген.-маіоръ гвард. артил. батал., 1800 г., т. СХХХIV, май, 317, 318.
- Булычевъ**, оф. 1847 г., т. СХХХV, авг., 370, 374.
- Бунге**, Никол. Христіан., проф., мн-ръ финанс., р. 1823 † 1895 г., т. СХХХIII, мартъ, 638, т. СХХХIV, май, 300, 301, т. СХХХV, авг., 225, т. СХХХVI, нояб., 307, 309, дек., 549.
- Буренинъ**, В. П., т. СХХХIV, апр., 148, 149.
- Бурцовъ**, т. СХХХIII, февр., 419.
- Буслаевъ**, Фед. Ив., акад., профес.-т. СХХХIII, янв., 55—70, февр. 298—306.
- Буткевичъ**, актеръ, 1800 г., т. СХХХV, июль, 145.
- Бутлеровъ**, Александръ Мих., проф., т. СХХХVI, окт., † 1886 г., т.

- СХХХV, сент., 583, 598, 599, 600, т. СХХХVI, окт., 250, дек., 723.
- Бутурлинъ**, Дм. Петров., фл.-ад., воен. писат., предсѣд. центрального комитета, р. 1790 † 1849 г., т. СХХХIII, янв. 71.
- Бутурлинъ**, адъют., 1830 г., т. СХХХV, сент., 486.
- Бутырскій**, профес., т. СХХХV, авг., 266.
- Бутягинъ**, дипломатъ, 1814 г., т. СХХХIII, янв., 188.
- Бучинскій**, Станиславъ, 1606 г., т. СХХХIV, апр., 4.
- Бушуевъ**, полковн., 1810 г., т. СХХХV, сент., 661.
- Быковский**, Н. Ф., сообщ.: «Дѣйствительный прототипъ Пушкинской Татьяны», т. СХХХVI, нояб., 491—492.
- Бычковъ**, Федоръ Аван., 1886 г., т. СХХХIII, февр., 428, 430.
- Бѣлинскій**, Виссар. Григ., писат., р. 1810 † 1848 г., т. СХХХIII, янв., 62, 115, февр., 245, 289, 296, 300, 433, мартъ, 572, 574, т. СХХХIV, апр., 193—210, т. СХХХV, 220, 221, авг., 280, 283, 286, 313, т. СХХХVI, дек., 562.
- Бѣломоръ**, А., сообщ.: «Портъ-Артурская эскадра наканунѣ гибели», т. СХХХIV, апр., 77—96.
- Бѣлоха**, педагог., 1854 г., т. СХХХIII, мартъ, 692.
- Бѣлуха**, ген. 1810 г., т. СХХХVI, окт., 279.
- Бѣльскій**, Богданъ, бояринъ, 1604 г., т. СХХХIII, янв., 220, 221.
- Бѣляевъ**, Джузеппе Осипъ Вас., бѣглый дворовый, 1873 г., т. СХХХIII, янв., 19—32.
- Бѣляевъ**, И. С., сообщ.: «Бытовые очерки прошлаго (по архивнымъ документамъ) Кто больше виноватъ?» т. СХХХIV, июнь, 511—519, «Самовластіе галлицкаго воеводы и отпоръ духовенства въ 1676 г.», т. СХХХVI, дек., 623—640.
- Бѣръ**, Митавскій предводит. дворян. 1886 г., т. СХХХVI, нояб., 307.

В

- Вагнеръ**, Никол. Петров. («Котъ Мурлыка»), профес. 1907 г., т. СХХХV, сент., 598, т. СХХХVI, окт., 250, дек., 723.
- Валерія**, игуменья Московск. Страстн. монаст., 1873 г., т. СХХХIII, мартъ, 492.
- Валицкій**, гр., участ. возст. 1830 г., т. СХХХVI, окт., 199.
- Валишевскій**, писатель, т. СХХХIV, апр., 6.
- Валуевъ**, Петръ Алекс., мн-ръ вн. дѣлъ, мн-ръ госуд. имущ., р. 1815 † 1890 г., т. СХХХIII, янв., 82, мартъ, 639, т. СХХХIV, апр., 150, 151, май, 346, т. СХХХVI, дек., 655.
- Валуевъ**, Петръ Степ., Главнонач. Кремлев. Экспедиц., р. 1743 † 1814 г., т. СХХХV, июль, 88, т. СХХХVI, дек., 655, 656.
- фонъ-Валь**, Викт. Вас., ген.-майоръ, курск. губерн., товар. мн-ра внут. дѣлъ, 1892 г., т. СХХХIII, янв., 168, мартъ, 550, 552.
- Вальберховъ**, Ив., танцовщ., 1792 г., т. СХХХV, июль, 152.
- Вальвиль**, 1812 г., т. СХХХIII, мартъ, 625.
- Ванновскій**, Петръ Семен., воен. мн-ръ, † 1904 г., т. СХХХIII, февр., 434, т. СХХХIV, апр., 37, 38, май, 274, т. СХХХVI, нояб., 369.
- Варлаамъ**, Шишацкій, еписк. волынск., р. 1751 † 1820 г., т. СХХХVI, дек., 577—588.
- Варлаамъ**, тобольск. еписк., 1775 г., т. СХХХIV, апр., 170.
- Варламовъ**, офиц., 1864 г., т. СХХХIV, май, 379.
- Варяихъ**, Гуго Иванов., музыкантъ, т. СХХХV, авг., 257.
- Варнеке**, Б. В., сообщ.: «Изъ исторіи русскаго театра въ XVIII вѣкѣ», т. СХХХV, июль, 135—158.
- Варсонофій**, архим., 1758 г. т. СХХХV, июль, 43.
- Варооломей**, архимандр. знаменскаго монаст., 1766 г., т. СХХХIII, мартъ, 731.
- Василевскій**, И. Θ., сотруди. «Молвы», т. СХХХIII, мартъ, 641.
- Василій**, Шуйскій, царь, т. СХХХVI, окт., 3—4.
- Васильева**, Авдотья Яков. въ зам. Коншина, 1824 г., т. СХХХVI, дек., 757.
- Васильева**, Екат. Никол., артистка московск. театра, 1856 г., т. СХХХIV, май, 377.
- Васильевъ**, Васил. Павл., профес. 1855 г., † 1900 г., т. СХХХVI, окт., 250, 262; дек., 723.
- Васильчиковъ**, кн., Александ. Иллар., писат., р. 1818 † 1881 г., т. СХХХVI, окт., 73.
- Васильчиковъ**, кн., Иллар. Вас., предсѣдат. госуд. совѣта и комитета минист., р. 1777 † 1847 г., т. СХХХIII, янв., 44, 48—50.
- Варенцовъ**, Мих. Петров., полковн., 1860 г., т. СХХХVI, окт., 185, 193.
- Ватсонъ**, Э. К., сотруди., «Молвы» кандидатъ-филолог. факульт. Московск. унив., т. СХХХIII, мартъ, 641, т. СХХХIV, апр., 149.

- фонъ-дербъ-Вейде**, Мих. Яковл., ротм. командиръ, 1854 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 692, 702, 708.
- Веймаръ**, А., 1873 г., т. СХХХХІ, нояб., 471, 472.
- Вейнбергъ**, П. И., т. СХХХХІ, дек., 561.
- Вейсъ**, А. С., полковн., т. СХХХХІ, окт., 75.
- Вейсъ**, офиц. нижегородск., полка, 1864 г., т. СХХХІV, май, 244, 245.
- Велевицкій**, 1605 г., т. СХХХІV, апр., 3.
- Венгеровъ**, Сем. Аванас., писат., т. СХХХV, июль, 220.
- Вендрихъ**, А. Г., товар. мн-ра путей сообщ. 1906 г., т. СХХХІV, май, 374.
- Венецановъ**, Алексѣй Гаврилов., художн., р. 1780 г., † 1847 г., т. СХХХVІ, окт., 152—154.
- Веніаминъ** (въ мірѣ Василий) Пупекъ-Григоровичъ, митрополитъ казанскій, † 1785 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 542—546, т. СХХХV, сент., 560.
- Веревкинъ**, лейт., 1814 г., т. СХХХІV, май, 363.
- Веревкинъ**, ген., 1877 г. т. СХХХV, авг., 323.
- Веригинъ**, А. И., редакт. «Русскаго Инвалида», 1847—1851 гг., т. СХХХІV, май, 284.
- Веселитская**, Л., писательница, т. СХХХVІ, нояб., 411.
- Веселовскій**, Александръ Николаев., профес., р. 1838 г., т. СХХХІІІ, янв., 68.
- Вессель**, Н. Х., педаг., † 1906 г., т. СХХХV, сент., 506, 509, 511, 519.
- Вигель**, Фил. Филипп., директ. департ. иностр. исповѣд. р. 1786 † 1856 г., т. СХХХІІІ, февр., 283, 288, 426.
- Викторія**, англійская королева, т. СХХХІІІ, мартъ, 587—604.
- Викторовъ**, А. Е., т. СХХХІІІ, февр., 298.
- Викторовъ**, 1860 г., т. СХХХV, авг., 235.
- Викторъ** (Садковскій), арх. Черниг., † 1809 г., т. СХХХVІ, дек., 578.
- Виламовъ**, ген.-лейт., начальн. артил. окр., 1866 г., т. СХХХІІІ, февр., 406.
- Вилкинъ**, Ив., 1619 г., т. СХХХVІ, дек., 664.
- Вилькъ**, полковн., 1868 г., т. СХХХVІ, дек., 691.
- Вилліе**, бар., Яковъ Вас., лейбъ-медикъ, † 1854 г., т. СХХХІV, май, 361, июнь, 572.
- Вильбуа**, Конст. Петров., композит., † 1881 г., т. СХХХІV, май, 460.
- Вилькентъ**, Александръ Христіановичъ, капит., 1854 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 693, 696—701, 708.
- Виницкая**, А. А., писательница, т. СХХХVІ, нояб., 411.
- Вингровскій**, Эрастъ Алексѣевичъ, поруч., 1846 г., т. СХХХVІ, нояб., 442.
- Виноградовъ**, Пав. Гавр., профес. р. 1854 г., т. СХХХІІІ, янв., 69.
- Винтеръ**, профес., 1860 г., т. СХХХVІ, окт., 261.
- Вирень**, контръ-адмиралъ, 1904 г., т. СХХХІV, апр., 93—95.
- Винцингероде**, бар. Фердин. Оед., ген.-отъ-кав., р. 1770 † 1818 г., т. СХХХІV, июнь, 564.
- Висковатовъ - Висковатый**, Павелъ Александр., проф., р. 1842 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 638.
- Витгенштейнъ**, кн., т. СХХХІІІ, мартъ, 687, т. СХХХІV, апр., 114, т. СХХХVІ, нояб., 472.
- Витгенштейнъ**, рожд. княжна Барятинская, изъ ея записокъ, т. СХХХVІ, дек., 735—742.
- Виттефъ**, контръ-адм., 1904 г., т. СХХХVІ, апр. 79—81, 89, 90.
- Витмеръ**, А., сообщ.: «Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ. Скобелевъ», т. СХХХІV, май, 241—253, т. СХХХVІ, дек., 689—708.
- Витте**, гр. Сергѣй Юльев. мн-ръ финанс., т. СХХХІІІ, янв., 95, т. СХХХVІ, дек., 651.
- Вицынъ**, А. И., профес., 1850 г. т. СХХХVІ, окт., 250.
- Вишневецкій**, кн., Адамъ, † 1641 г., т. СХХХІV, апр., 6, 7.
- Вишняковъ**, ген.-м., 1847 г., т. СХХХV, авг., 371, 377—380.
- Віельгорскій**, гр., Мих. Юрьев., масонъ, р. 1787 † 1856 г., т. СХХХVІ, нояб., 391—396.
- Владимірескій**, Александръ Поликарпов., священ., 1854 г., т. СХХХV, сент., 583.
- Владиміръ Александровичъ**, вел. кн., т. СХХХV, авг., 429.
- Владиміръцевъ**, Ив. Петр., начальн. таможи въ Нарвѣ, 1858 г., т. СХХХІV, апр., 188, 189.
- Владиславъ IV**, кор. польск., † 1648 г., т. СХХХVІ, нояб., 479, 485, 486, дек., 664, 665.
- Власовъ**, над. сов., 1879 г., т. СХХХVІ, дек., 531—535.
- Водаръ**, кадетъ, 1856 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 702.
- Воейкова**, Авдотья Алексѣевна, 1794 г., т. СХХХІV, июнь 543.
- Воейковъ**, Александръ Оед., писатель, р. 1773 † 1839 г., т. СХХХІІІ, янв., 232—236, февр., 452—457, мартъ, 687—691, т. СХХХІV, апр., 160—163, 200, май, 284, т. СХХХV, июль, 93, т. СХХХVІ, нояб., 443—446.

- Военскій, К.**, сообщ.: «Царскосельскій лицей въ 1812 г.», т. СХХХІІІ, мартъ, 619—632, «Два секретаря спб. пензур. комитета въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавл. крѣпости», т. СХХХХІ, окт., 96, «Русскій памфлетъ 1812 г.» т. СХХХХІ, дек., 614—622.
- Войновъ, ген.-м.**, 1809 г., т. СХХХІV, іюнь, 664, 677, 678, т. СХХХХV, іюль, 164, 165, т. СХХХХІ, нояб., 526, 524, 525, 528.
- Войцѣховскій** присяж. пов., 1879 г., 1879 г., т. СХХХХV, дек., 536, 544.
- Волковъ, добров.** въ Сербіи, 1876 г., т. СХХХІV, май, 311.
- Волковъ, Петръ Никол.**, команд. л.-гв. Уланск. полка, 1859 г., т. СХХХХІ, окт., 182.
- Волковъ, Яковъ Никол.**, оф., 1860 г., т. СХХХХІ, окт., 190.
- Волконская, княгиня**, см. Казначеева.
- Волконскій, кн.**, Григ. Петр., полечит. спб. округа, 1846 г., т. СХХХХV, авг., 290.
- Волконскій, князь, Петръ Мих.**, ген.-фельдмаршалъ, мн-ръ Импер. двора и удѣл., р. 1776 † 1852 г., т. СХХХІІІ, янв., 49—51, т. СХХХХІ, окт., 153, 154, дек. 735.
- Волконскій, кн.**, подполк., 1760 т., т. СХХХІІІ, мартъ, 652, т. СХХХІV, апр., 178.
- де-Волланъ, Григ.**, дѣлопроизв. азіатск. департ., 1876 г., т. СХХХІV, іюнь, 471.
- Воробьева, Авдотья**, актриса, 1799 г., т. СХХХ, іюль, 150.
- Воробьевская, Матрена Семенов.**, актр., 1799 г., т. СХХХХV, іюль, 144.
- Воробьевъ, А. Г.**, сообщ.: «Въ неволѣ у японцевъ», т. СХХХІV, іюнь, 531—536.
- Воробьевъ, Г. А.**, дополнение къ его статьѣ: «Веніаминъ Пуцекъ-Григоровичъ, митроп. казанскій», т. СХХХІІІ, мартъ, 542—546.
- Воробьевъ, актеръ**, 1793 г., т. СХХХХV, іюль, 149, 150.
- Воробьевъ, кадетъ**, 1857 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 702, 706.
- Вороненъ, М.**, польск. делегатъ, 1619 г., т. СХХХХІ, дек., 659, 663.
- Вороновъ, Ив.**, сообщ.: «Занятіе Керчи непріятелемъ въ крымскую кампанію», т. СХХХІV, май, 415—421, «Овлажденіе непріятелемъ крѣпостью Княбурнъ во время крымской войны», т. СХХХХV, іюль, 124—128.
- Воронцовъ, гр.**, полковн. 1810 г., т. СХХХХІ, нояб., 529.
- Воронцовъ, гр. Мих. Илл.**, канцлеръ, р. 1714 † 1767 г., т. СХХХІV, іюнь, 620.
- Воронцовъ, кн.**, Мих. Сем., Новорос. ген.-губ., вполн. намѣстн. Кавказ., р. 1782 † 1856 г., т. СХХХХІ, окт., 110, 111, нояб., 495, 498.
- Воронцовъ, гр.**, Сем. Романов., полномоч. мн-ръ въ Лондонѣ, р. 1744 † 1832 г., т. СХХХІІІ, янв., 75.
- Воропоновъ, 1865 г.**, т. СХХХІІІ, мартъ, 638.
- Вота, Карлъ**, іезуитъ, 1684 г., т. СХХХІІІ, февр., 356—359.
- Врангель, ген.**, 1853 г., т. СХХХІV, май, 416, 417.
- Вревскій, Александр. Борисов.**, туркест. ген.-губ., т. СХХХХІ, нояб., 491.
- Вревскій, Борисъ Алексд.**, т. СХХХХІ, нояб., 491.
- Вуликъ, З. Б.**, педаг., 1878 г., т. СХХХХV, сент., 535, 536.
- Вульфъ, Алексд. Никол.**, т. СХХХХІ, нояб., 491.
- Вульфъ, Алексѣй Николаев.**, поэтъ, р. 1805 † 1881 г., т. СХХХІІІ, февр., 423.
- Вульфъ, Прасковья, Александр.** по перв. мужу Вульфъ, т. СХХХХІ, нояб., 491, 492.
- Вульфъ, Алексѣй Никол.**, т. СХХХХІ, нояб., 491.
- Вульфъ, Анна Никол.**, т. СХХХХІ, нояб., 491.
- Вульфъ, Прасковья Алекс.**, см. Осипова.
- Вульфъ, Евпраксія Николаевна**, въ зам. баронесса Вревская (прототипъ «Татьяны»), т. СХХХХІ, нояб., 491, 492.
- Вырубавъ, адъют. ген. Свистунова**, т. СХХХІV, апр., 213.
- Вышнеградскій, Ив. Алексѣев.**, педаг., 1858 г., т. СХХХІV, апр., 192, 193.
- Вяземскій, кн.**, Вас., ген.-маіоръ, 1809г., т. СХХХІV, апр., 233, 234, іюнь, 680, т. СХХХХV, авг., 418, 419.
- Вяземскій, кн.**, Александръ Алексѣев., ген.-прокуроръ, † 1793 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 728, т. СХХХІV, апр., 166.
- Вяземскій, кн.**, Мих., ген. 1810 г., т. СХХХХІ, окт., 287, 288, нояб., 513.
- Вяземскій, кн.**, Петръ Анд., писат., р. 1792 † 1878 г., т. СХХХІІІ, янв., 43, 46, 113—119, 233, февр., 293, 423—430, мартъ, 657—659, 662, т. СХХХІV, іюнь, 650—657, т. СХХХХV, іюль, 93, 116, авг., 282, сент., 472.

Г

Гавріилъ, архіепископъ вологодскій, 1693 г., т. СХХХХV, авг., 366.

Гавриловъ, бахмутск. уѣздн. предвод.,

- 1865 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 500, 501, 504.
- Гавріилъ**, еписк. тверск., 1765 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 728, 730.
- Гавріилъ**, наѣвѣст. седмизерн. монаст., 1899 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 545.
- Гаварина**, княжна, С., т. СХХХХІ, нояб., 471, 472.
- Гагаринъ**, кн., Гавр. Петров., масонъ 1779 г., т. СХХХХІ, окт., 91.
- Гагаринъ**, кн., Григ. Григ., археолог., художн., вице-презид. акад. худож. съ 1859—1872 г. т. СХХХХІ, нояб., 469—473.
- Гагаринъ**, князь, Ив. Алексѣевичъ, шталмейст. 1799 г., т. СХХХХІ, дек., 650—654.
- Гагаринъ**, кн., Ив. Серг., католикъ, іезуитъ, р. 1814 † 1882 г., т. СХХХІІІ, янв., 53, февр., 292.
- Гадолкинъ**, Аксель Вильгельм., ген.-майоръ, педагогъ 1860 г., т. СХХХІІІ, февр., 406, т. СХХХХІV, апр., 192, т. СХХХХІ, окт., 48, 181.
- Гадебушъ**, К. Ф., т. СХХХХІV, апр., 103.
- Гаевскій**, Викт. Павл., юристъ, 1852 г., т. СХХХХІV, июнь, 485.
- Газенкампфъ**, М. А., 1878 г., т. СХХХХІV, июнь, 608.
- Галаховъ**, дѣйст. стат. сов., 1868 г., т. СХХХХІ, дек., 691.
- Галинковскій**, Я. Ѳ., т. СХХХХV, июль, 95.
- Галъ**, вице-адм., команд. Севастопольскаго порта, 1806 г., т. СХХХХІV, июнь, 558, 559.
- Гамалѣй**, г-жа, 1873 г., т. СХХХХІ, нояб., 471, 472.
- Гамалѣй**, Елисей Яковлевичъ, ротный команд., т. СХХХХІV, июнь, 545.
- Гамалѣй**, Платонъ Яковл., инспект., 1808 г., т. СХХХХV, июнь, 553.
- Гамбуровъ**, актеръ, 1793 г., т. СХХХХV, июль, 149.
- Гамперъ**, инж. ген., 1809 г. т. СХХХХV, июль, 165, т. СХХХХІ, окт., 287, 288.
- Гангардтъ**, кадетъ, 1856 г., т. СХХХХІІІ, мартъ, 703.
- Ганецкій**, Ив. Степ., ген.-ад., ген.-лейт., т. СХХХХІV, апр., 61—67, июнь, 604—610.
- Ганецкій**, Н. С., команд. войск. Варш. округа, т. СХХХХІV, апр., 127.
- Ганецкій**, Степ. Степ., ген.-ад., 1878 г., т. СХХХХІV, апр. 61—67, июнь, 604—610.
- Гарденина**, см. Броневская.
- Гаррисъ**, Джемсъ, англійскій послан. въ Петербургъ, р. 1746 † 1820 г., т. СХХХХІV, апр., 217—224, июнь, 613—632, т. СХХХХV, сент., 437—465, т. СХХХХV, окт., 5—26.
- Гартигъ**, ген. 1810 г., т. СХХХХІІІ, мартъ, 716—719, т. СХХХХІV, апр., 220, 229, 231, июнь, 675—682, т. СХХХХV, авг., 416, 419, сент., 667, т. СХХХХХІ, нояб., 514.
- Гартонгъ**, М. А., рожд. Пушкина, т. СХХХХІ, дек., 608.
- Гарусовъ**, И. Д., педагогъ, т. СХХХХХІ, дек., 608, 613.
- Гауеншильдъ**, проф. Царск. лицея, 1812 г., т. СХХХХІІІ, мартъ, 625.
- Гаузе**, ген., воен. ин-ръ, 1830 г., т. СХХХХV, сент., 486.
- Гаузе**, подпоруч., 1830 г., т. СХХХХV, сент., 482.
- Гайринъ**, ген., педаг., 1871 г., т. СХХХХV, сент., 508, 528, 529.
- Гвоздевъ**, И. М., профес., † 1896 г., т. СХХХХІ, окт., 250.
- Гейденъ**, гр., Ѳ. Л., начальн. главн. штаба, 1880 г., т. СХХХХІV, апр. 32.
- Гейманъ**, ген.-лейт., 1877 г., т. СХХХХV, сент., 649, 650.
- Геймбургъ**, полк., 1741 г., т. СХХХХІV, апр., 103—106.
- Гельфрейхъ**, полк., 1810 г., т. СХХХХХІ, нояб., 526, 529.
- Георгій Александровичъ**, велик. князь, 1877 г., т. СХХХХV, сент., 503.
- Георгій Михайловичъ**, т. СХХХХХІ, нояб., 304.
- Георгіевскій**, Ив., 1846 г., т. СХХХХІV, июнь, 636—638, 642, т. СХХХХV, июль, 95.
- Геннадій** (Левинскій), еписк. Сумскій, р. 1818 † 10 февр. 1893 г., т. СХХХХІV, май, 413.
- Герасимовъ**, судебн. слѣдов., 1865 г., т. СХХХХІІІ, мартъ, 503.
- Гераковъ**, капит., 1857 г., т. СХХХХІІІ, мартъ, 707, 708.
- Герасимъ**, артистъ, 1800 г., т. СХХХХV, июль, 145.
- Гербель**, фл.-ад., 1860 г., т. СХХХХХІ, окт., 189.
- Германъ**, полковн., педаг., 1854 г., т. СХХХХІІІ, мартъ, 694.
- Гермогенъ**, патриархъ, 1619 г., т. СХХХХХІ, нояб., 479, дек. 664.
- Гернетъ**, капит., 1809 г., т. СХХХХІІІ, мартъ, 726.
- Герценъ**, Александръ Ив., писатель, р. 1812 † 1870 г., т. СХХХХІІІ, янв., 33, 34, 62, февр., 276, 286—289, 292—295, 419, 426, мартъ, 584—586, т. СХХХХІV, апр., 197., т. СХХХХХІ, дек., 607.
- Герье**, Влад. Ив., проф. моск. универ., т. СХХХХІІІ, янв., 61, 69.
- Гизетти**, А. Г., т. СХХХХІІІ, янв., 167.
- Гильдебрандъ**, Платонъ Ив., офиц., т. СХХХХІV, апр., 37.

- Гильдебрандъ**, юнкеръ, т. 1881 г., СХХХIV, апр., 37.
- Гильфердингъ**, предс. славянск. комит., 1870 г., т. СХХХVI, окт., 63, 71.
- Гиларовскій-Платоновъ**, священникъ, 1866 г., т. СХХХIII, февр., 406.
- Гиларовъ-Платоновъ**, Никита Петр., писат., р. 1826 † 1887 г., т. СХХХIII, янв. 100.
- Гиларовъ**, Фед. А., 1888 г. т. СХХХIII, янв., 60, 67.
- Гинтовтъ**, еписк., 1882 г., т. СХХХIV, май, 422, 423.
- Гинцъ**, Петръ Ив., ротн. ком. 1847 г., т. СХХХV, авг., 367, 369.
- Гиргеевъ**, офиц., т. СХХХV, июль, 68—71.
- Гирсъ**, Никол. Карл., мн-ръ иностран. дѣлъ, р. 1820 † 1895 г., т. СХХХIII, янв. 96, февр., 263, мартъ, 564, 570, т. СХХХIV, апр., 27, 46, 47, 71, май, 262, 308, июнь, 478—482.
- Главатъ**, Войтъхъ Ив., композ., дирижеръ, 1880 г., т. СХХХV, авг. 257.
- Гладгеймъ**, офиц., 1857 г., т. СХХХIII, мартъ, 708.
- Глинка**, Мих. Ив., композ., р. 1804 † 1857 г., т. СХХХIV, май, 445, 462, 466—469, июнь, 485, 486, 497, т. СХХХVI, нояб., 303.
- Глинка**, Сергій Николаев., писатель, р. 1774 † 1847 г., т. СХХХIV, апр., 162, т. СХХХV, сент., 466—472.
- Глинка**, Фед. кад., 1866 г., т. СХХХIII, мартъ, 702.
- Глинка**, Фед. Никол., писат., † 1880 г., т. СХХХIII, янв., 232—236, февр., 452—457, мартъ, 688, 689, т. СХХХIV, июнь, 657, т. СХХХVI, нояб., 446.
- Глинка-Мавринъ**, ген.-ад., командиръ войск. округ., 1866 г., т. СХХХV, июль, 132.
- Глиноецкій**, Николай Павл., правитель дѣлъ акад. генер. штаба, 1866 г., т. СХХХIV, мая, 246, т. СХХХVI, дек., 691.
- Гловацкій**, П., сообщ.: «Царская милость, (изъ воспоминаній восточной войны)», т. СХХХV, июль, 133—134.
- Глѣбовъ**, Богданъ Матвѣев., 1619 г., т. СХХХVI, нояб., 481., дек., 665.
- Глѣбовъ**, маіоръ, 1809 г., т. СХХХIII, мартъ, 725.
- Глѣбичъ**, Ник. Ив., писат., р. 1784 † 1833 г., т. СХХХIII, мартъ, 688, т. СХХХIV, июнь, 650, 653, т. СХХХV, июль, 91, 92, 101, 110.
- Гоголь**, Никол. Вас., писат., р. 1809 † 1852 г., т. СХХХIII, февр., 293, 300, 420, 430, 432, мартъ, 692, т. СХХХIV, июнь, 495, 650, 656, т. СХХХV, июль, 109, авг., 221, 222, 265, 280, 298—307, 310, 313, 370, т. СХХХVI, нояб., 399, дек., 763.
- Годуновъ**, Борисъ, царь, т. СХХХIII, янв., 221, т. СХХХIV, май, 448, т. СХХХVI, нояб., 478, 479, дек., 666.
- Голевъ**, Сергій, актеръ, 1792 г., т. СХХХV, июль, 144.
- Голицына**, см. кн-ня Долгорукова.
- Голицына**, М., княжна, 1873 г., т. СХХХIV, нояб., 471, 472, 473.
- Голицынъ**, кн., Александръ Мих., ген.-фельдмарш., р. 1718 † 1783 г., т. СХХХV, сент., 464.
- Голицынъ**, кн., Алексд. Мих., об.-камергеръ, 1780 г., т. СХХХVI, окт., 107.
- Голицынъ**, кн., Александръ Никол., мн-ръ дух. дѣлъ и просв., р. 1773 † 1844 г., т. СХХХIII, янв., 41, 117, 118, мартъ, 524, 631, 659, 660, т. СХХХVI, дек., 579.
- Голицынъ**, кн., Дм. Влад., ген.-отъ-кавал., моск. ген.-губерн., р. 1771 † 1844 г., СХХХIII, февр., 286.
- Голицынъ**, кн., Вас. Вас., бояринъ, † 1714 г., т. СХХХIII, февр., 355—369, т. СХХХVI, нояб., 476—488.
- Голицынъ**, кн., Вас., † 1619 г., т. СХХХVI, дек., 657—670.
- Голицынъ**, кн., Д. В., москов. ген.-губ., р. 1771 † 1844 г., т. СХХХVI, окт., 152—154.
- Голицынъ**, кн., М., 1873 г., т. СХХХVI, нояб., 471, 472.
- Голицынъ**, кн., Н. А., 1764 г., т. СХХХV, июль, 153.
- Голицынъ**, кн., Н. С., редакт. «Русскаго Инвалида», т. СХХХIV, май, 286, 287.
- Голицынъ**, кн., Петръ, посолъ въ Вѣнѣ 1701 г., т. СХХХVI, окт., 161—164.
- Голицынъ**, кн., Серг., ген., 1809 г., т. СХХХV, сент., 663.
- Голицынъ**, кн., С. М., попечит. моск., унив., цензоръ, 1830 г., т. СХХХV, сент., 472.
- Голицынъ**, кн., 1809 г., т. СХХХIV, апр., 231.
- Головинъ**, графъ, оберъ-шенкъ, т. СХХХVI, ноя., 323.
- Головинъ**, Гавр. Ив., канцл., † 1734 г., т. СХХХVI, нояб., 337, 378, 386.
- Головинъ**, Алексд. Вас., мин. нар. просв. † 1886 г., т. СХХХV, сент., 596.
- Головцынъ**, ген., арханг. губернат., 1775 г., т. СХХХIV, апр., 168, 169.
- Голощановъ**, капитанъ, 1876 г., т. СХХХV, авг., 262.
- Голтей**, подполк., 1760 г., т. СХХХIV, апр., 178.

- Голубинскій, О. А.**, прот., 1840 г., т. СХХХІІІ, янв., 103.
- Гольштейнъ, профессоръ музыки**, т. СХХХV, авг., 257.
- Гонсѣвскій, Александръ**, 1619 г., т. СХХХVІ, дек., 660, 661, 664, 668.
- Гонсѣвскій, Николай**, 1619 г., т. СХХХVІ, дек., 668.
- Гончаровъ, Ив. Александров.**, писат., р. 1812 г. † 1891 г., т. СХХХІІІ, янв., 9, февр., 299, т. СХХХІV, апр., 197, т. СХХХV, июль, 221, т. СХХХVІ, дек., 734.
- Горбаненко, лейт.**, 1812 г., т. СХХХІV, июнь, 565.
- Горбуновъ, Иванъ Оед.**, артистъ, т. СХХХІV, апр., 147, май, 330, июнь, 483, т. СХХХVІ, окт., 185, 186, дек., 559.
- Гордонъ, Патрикъ**, сподвижникъ Петра Великаго, 1684 г., т. СХХХІV, апр. 110.
- Горковенко, Маркъ Филип.**, педаг., т. СХХХІV, июнь, 554, 555.
- Горловъ, И. Я.**, профес., 1860 г., т. СХХХVІ, окт. 250.
- Горскій, Александръ Вас.**, профес., 1839 г., ректоръ московск. духов. акад., т. СХХХІІІ, янв., 103, 106, 107 февр., 367—392.
- Гортензія, голландская корол.**, 1814 г., т. СХХХІІІ, янв., 179—191, февр., 307—322.
- Горчаковъ, кн., Александръ Мих.**, канцлеръ, р. 1798 † 1883 г., т. СХХХІІІ, янв., 40, 88—92, февр., 341—349, мартъ, 569, 621, т. СХХХІV, апр., 70, май, 279, 303, 305, июнь, 471—477, 481, т. СХХХV, июль, 4—8, т. СХХХVІ, окт., 227—240.
- Горчаковъ, кн., Д.**, 1873 г., т. СХХХVІ, нояб., 471, 472.
- Горчаковъ, кн., воен. мин.**, т. СХХХVІ, нояб., 327.
- Горчаковъ, кн., Никол. Ив.**, прапорщ. Семенов. пол., 1773 г., т. СХХХVІ, дек., 641, 642.
- Горяиновъ, С. М.**, сообщ.: «Австрія и Россія послѣ крымск. войны», СХХХVІ, окт., 227—244, упом., янв., 179, июль, 4, 5.
- Градовскій, Алсд. Дм.**, 1841 † 1889 г., т. СХХХІІІ, янв., 77.
- Градовскій, Григ. Конст.**, сообщ.: «Изъ минувшаго. (Воспоминанія и впечатлѣнія литератора. 1865—1897 г., т. СХХХІІІ, янв., 77, 86), февр., 323—330, мартъ, 637—644, т. СХХХІV, апр., 148—157, май, 293—302, т. СХХХVІ, окт., 57—74, дек., 553—562.
- Грамматчиковъ, капит. 1-го ранга**, 1904 г., т. СХХХІV, апр., 89, дек., 665, 671.
- Грамотинъ, Ив.**, дьякъ, 1619 г., т. СХХХVІ, нояб., 481, дек., 665, 671.
- Грановскій, Тимоѳ. Никол.**, профес., р. 1813 г. † 1855 г., т. СХХХІІІ, янв., 62, 66, т. СХХХV, авг., 313.
- Грахе, адъюнк. проф. по химіи**, 1860 г., т. СХХХV, сент., 599.
- Грачевъ, владѣлецъ типографіи**, 1860 г., т. СХХХV, авг., 234.
- Гребенщиковъ, оф. ген.-штаба**, 1868 г., т. СХХХVІ, дек., 692.
- Грейгъ, С. А.**, презид. об-ва экономистовъ, 1886 г., т. СХХХVІ, дек., 547, 551.
- Грекова, Марія, танцовщ.**, 1792 г., т. СХХХV, июль, 152.
- Грессеръ, Петръ Апол.**, спб. градонач., 1888 г., т. СХХХІV, май, 300, т. СХХХV, авг., 337, сент., 480, 486.
- Грефе, педаг.**, 1817 г., т. СХХХІV, июнь, 641.
- Гречъ, Никол., Ив.**, писат., р. 1787 † 1867 г., т. СХХХІІІ, янв., 114, февр., 423, 453, 457, т. СХХХІV, апр., 161, 162, июнь, 657, т. СХХХV, июль, 95, авг., 281, 282.
- Грибовскій, полицейскій агентъ**, 1820 г., т. СХХХІІІ, янв., 50, 51.
- Грибодовъ, Александръ Серг.**, писат., р. 1795 † 1829 г., СХХХІІІ, янв., 38, февр., 300, 422, 426, мартъ, 574, СХХХVІ, дек., 607, 608—613.
- Григорій XIII, папа римскій**, 1582 г., т. СХХХVІ, дек., 567—571.
- Григоровичъ, Викт. Ив.**, профес., славистъ, р. 1815 г. † 1876 г., т. СХХХVІ, окт., 262.
- Григоровичъ, Дм. Васил.**, писатель, т. СХХХVІ, окт., 199, нояб., 342, 343, 352, 356, дек., 561, 562.
- Григоровичъ, контръ-адм.**, 1904 г., т. СХХХІV, апр., 88, 90.
- Григоровичъ, драгоманъ**, т. СХХХІІІ, мартъ, 578—582.
- Григоровичъ, докторъ**, 1854 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 696.
- Григоровичъ, полковникъ**, 1810 г., т. СХХХV, сент., 661.
- Григорьевъ, Апол. Александр.**, писат., р. 1822 † 1864 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 574, апр. 197.
- Григорьевъ, В. В.**, начальн. главн. управл. по дѣламъ печати, 1878 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 640.
- Григорьевъ, Илья**, 1812 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 627.
- Григорьевъ, П. Б.**, гепер., похѣщ., т. СХХХV, авг., 249.

Григорьевъ, С. С., завѣд. технич. училищами мн-ства народн. просвѣщ., т. СХХХV, сент., 536.

Гризи, пѣвица, 1851 г., т. СХХХIV, май, 463, 464.

Грижимъ, Э. Д., профес. 1901 г., т. СХХХVI, окт., 250.

Гродековъ, оф. ген. штаба, 1868 г., т. СХХХVI, дек., 692.

Гротъ, Яковъ Карл., акад., р. 1812 + 1893 г., т. СХХХIII, февр., 429, т. СХХХIV, июнь, 633—647, т. СХХХV июль, 80—95, 109, 118, авг., 268—297, 302—311, т. СХХХVI, окт., 64, дек. 641, 650.

Груздовъ, Оед. Вас., педаг., 1810 г., т. СХХХIV, июнь, 554.

Губаревичъ-Радобильская, Валентина Константинов., т. СХХХVI, нояб., 409—411.

Гудимъ - Левковичъ, начальн. шт. Геок. Тепинск. отряда, т. СХХХVI, дек., 699.

Гудковъ, граверъ, 1865 г., т. СХХХIII, мартъ, 500—504.

Гудовичъ, Ив. Вас., намѣстн. рязанск., т. СХХХVI, дек., 644, 646.

Гулакъ - Артемовская, рожд. Руднева, т. СХХХVI, нояб., 530.

Гулакъ-Артемовская, Софія Андреев., рожд. Бекетова, т. СХХХVI, нояб., 530.

Гулакъ-Артемовскій, Іосифъ Петров., 1862 г., т. СХХХV, сент., 614—633.

Гумилевскій, Филаретъ, рект. духовн. акад. 1835—1841 г., т. СХХХIII, янв. 103, февр., 379.

Гуммель, секрет. цензурн. комитета 1807 г., т. СХХХVI, окт., 96.

Гуревичъ, Я. Г., педаг., т. СХХХVI, дек. 558.

Гурилевъ, А. Л., композит., т. СХХХVI, дек., 755.

Гурій, іеромонахъ, сообщ.: «Къ статьѣ Г. А. Воробьева «Веніаминъ Пуцекъ-Григоровичъ, митрополитъ казанскій», т. СХХХIII, мартъ, 542—546.

Гурко, Іосифъ Влад., ген., варшавск. ген.-губернат., фельдмарш., р. 1828 + 1886 г., т. СХХХIII, февр., 471, т. СХХХIV, май, 274, 277, 279, июнь, 605—608, т. СХХХVI, дек., 704.

Гурко, полковн., 1812 г., т. СХХХIII, мартъ, 525.

Гурьевъ, акад., 1808 г., т. СХХХIV, июнь, 553.

Гутьяръ, Н., сообщ. «Къ біографіи И. С. Тургенева», т. СХХХV, авг., 229—240.

Д

Давыдовъ, Александръ Петров., дипломат. агентъ въ Болгаріи 1880 г., т. СХХХIII, февр., 260, 263—265, т. СХХХIV, май, 262, 263, 272—276.

Давыдовъ, Денисъ Вас., ген.-лейт., поэтъ-партизанъ, р. 1781 + 1839 г., т. СХХХIII, янв., 33, февр., 285, 286, 419.

Далматовъ, В. П., артистъ, т. СХХХVI, дек., 559.

Даль, Влад. Ив., лексикографъ, р. 1801 + 1872 г., т. СХХХV, сент., 586.

Дандевиль, ген., 1866 г., т. СХХХIV, май, 309.

Данилевскій, Григ. Петр., писат., р. 1829 + 1890 г., т. СХХХIII, мартъ, 504.

Даниловичъ, Григ. Григ., ген.-ад., воспитат. имп. Николая II, р. 1825 + 1906 г., т. СХХХV, сент., 501, 502.

Даниловъ, В. В., сообщ. «М. Т. Каченовскій и С. Н. Глинка подъ Иваномъ Великимъ», т. СХХХV, сент., 466—472.

Даніилъ, архимандр. Спасо-Камен. монасты., 1670 г., т. СХХХIV, май, 350.

Даровскій, А., польскій историкъ, 1908 г., т. СХХХVI, нояб., 475—490.

Даргомыжскій, Александръ Серг., композит., р. 1813 + 1869 г., т. СХХХIV май, 454—460, 467.

Дарскій, педаг., 1847 г., т. СХХХV, авг., 368.

Дашкевичъ, Николай Павл., профес. кiev. унив., р. 1852 г., т. СХХХIII, янв., 68.

Двигубскій, Иванъ Алексѣев., проф. р. 1771 + 1839 г., т. СХХХIII, мартъ, 584, 585.

Дегтянниковъ, прапорщ., 1877 г., т. СХХХV, сент., 653, 654.

Дельвингъ, бар. Антоновъ Антонов., писат., р. 1798 + 1831 г., т. СХХХIII, февр., 432, 433, мартъ, 621, т. СХХХIV, июнь, 648—653, 658, т. СХХХV, июль, 91, 118, 119, т. СХХХVI, дек., 755, 763, 764.

Деляновъ, гр., Ив. Давыдов., мн-ръ народн. просв., + 1898 г., т. СХХХIII, февр., 302, мартъ, 549, 550, т. СХХХIV май, 296—300.

Дембровскій, подполковн. 1796 г., т. СХХХVI, нояб., 327.

Дементьевъ, В. И., педаг., 1859 г., т. СХХХIV, апр., 151.

Демидовъ, оберъ-пейхмейст., 1760 г., т. СХХХIII, мартъ, 646, 647, 651—653, т. СХХХIV, апр., 178, 180.

Демидовъ, ген. 1808 г., т. СХХХV, сент., 601.

- Демьяновъ, подполк. 1810 г., т. СХХХV, сент., 661.
- Денисовъ, Адрианъ Карпов., ген.-лейт., р. 1763 + 1841 г., т. СХХХIV, июнь, 681—693, т. СХХХV, июль, 161, 162.
- Державина, рожд. Бастидонъ, + 1794 г., т. СХХХVI, дек., 646.
- Державина, см. Дьякова.
- Державина, Ѳекла Андреев., + 1784 г., т. СХХХVI, дек., 643.
- Державинъ, Гавр. Романов., поэтъ, р. 1743 + 1816 г., т. СХХХIII, янв., 74, т. СХХХV, июль, 104, 116, сент., 573, 576, т. СХХХVI, дек., 641—656.
- Дорожнинскій, полковн., шт.-офиц., 1868 г., т. СХХХVI, дек., 691.
- Фортъ-Дертенъ, полковн., 1760 г., т. СХХХIV, апр., 178.
- Дерфельденъ, 1830 г., т. СХХХV, сен., 473, 487.
- Дехтеревъ, полковн. 1810 г., т. СХХХVI, нояб., 529.
- Дзалинскій, Мих., 1604 г., т. СХХХVI, дек., 716.
- Дибичъ-Забалканскій, гр., Ив. Ив., фельдмарш., р. 1785 + 1831 г., т. СХХХIII, мартъ, 530, 534, т. СХХХIV, июнь, 563, т. СХХХVI, окт., 114, 117, 118.
- Димитрій Самозванецъ, т. СХХХIII, ян., 217—223, т. СХХХIV, апр., 1—10, май, 401, т. СХХХVI, нояб., 479, дек., 673, 709—819.
- Димитрій Константиновичъ, вел., князь, т. СХХХVI, окт., 29, нояб., 304, дек., 548, 551.
- Димитрій (Муретовъ), въ мирѣ Климентъ Ивановичъ, архіеп. херсонск., в одесск., р. 1811 + 1883 г., т. СХХХIV, май, 408—413, т. СХХХVI, дек., 765.
- Димитрій (Пѣвницкій) архіеписк., проф. Кіевск. акад., + 1883 г., т. СХХХIV, май, 408.
- Димитрій, новгородск. митроп., 1765 г., т. СХХХIII, мартъ, 728, 730.
- Диринъ, капит., 1813 г., т. СХХХIII, мартъ, 527.
- Дмитровскій, профес., т. СХХХV, июль, 22.
- Дмитріевскій, актеръ, 1847 г., т. СХХХIV, май, 377.
- Дмитріевъ, Ив. Ив., мн-ръ юстиціи, писат., р. 1760 + 1837 г., т. СХХХIII, февр., 430, т. СХХХIV, июнь, 520.
- Добровольскій, К., сообщ.: «Спиритическіе сеансы», т. СХХХIII, янв., 212—214.
- Добровольскій, профес., 1858 г., т. СХХХIV, апр., 190—192.
- Догель, А. С., профес., 1889 г., т. СХХХVI, окт., 250.
- де-Додтъ, Юстъ, капит. 2-го ранга, команд., 1806 г., т. СХХХIV, июнь, 557, 558, 561, 571.
- Докторовъ, офиц., 1808 г., т. СХХХIV, июнь, 550.
- Докучаевъ, педагог., 1878 г., т. СХХХV, сент., 536.
- Долгорукій, кн., Вас., т. СХХХVI, дек., 589, 595, 597.
- Долгорукій, кн., Ив., т. СХХХVI, дек., 591, 597.
- Долгорукій, кн., Мих., 1830 г., т. СХХХV, авг., 399.
- Долгорукій, кн., Петръ, т. СХХХVI, дек., 599.
- Долгорукій, кн., Серг., т. СХХХVI, дек., 590—599.
- Долгорукій, кн., эмигрантъ, 1860 г., т. СХХХV, авг., 234, 235.
- Долгорукова, княг., Ирина Петров., рожд. Голицына + 1751 г., т. СХХХVI, дек., 589—602.
- Долгорукова, Марія, т. СХХХVI, дек., 671.
- Долгоруковъ, кн., Василій, послан. въ Польшу 1710 г., т. СХХХVI, нояб., 374, 376, 380.
- Долгоруковъ, кн., Васил., ген.-маіоръ, 1810 г., т. СХХХV, сент., 662.
- Долгоруковъ, кн., Юрій Влад., 1786 г., т. СХХХVI, нояб., 316, 317.
- Долгоруковъ, Яковъ, посолъ 1689 г., т. СХХХVI, нояб., 330, 332, 337.
- Долгоруковъ, кн., ген.-адъют. 1885 г., т. СХХХIV, 265—268.
- Долматовъ-Карповъ, Левъ, стольникъ, 1619 г., т. СХХХVI, дек., 664.
- Домбровский, Ф. В., сообщ.: «Маріенбургскій узникъ», т. СХХХVI, нояб., 475—490.
- Домонтовичъ, А., полковн., сообщ.: «Воспоминаніе о пребываніи первой Русской военной миссіи въ Персію», т. СХХХIII, февр., 331—340, мартъ, 575—583, т. СХХХIV, апр., 211—216.
- Домонтовичъ, Мих. Алексѣев., директ. канц. имп. комиссара въ Болгарію 1881 г., т. СХХХIV, апр., 41—46.
- Домонтовичъ, Мих. Алексѣев., полк., шт.-офиц., 1868 г., в послѣд. чл. Воен. Совѣта, т. СХХХVI, дек., 690, 691.
- Дондуковъ-Корсаковъ, кн., Алексд. Мих., кievск. ген.-губ. въ 1869 г., рус.-комиссаръ въ Болгарію 1878 г., главнонач. на Кавказѣ 1882—1890 г., + 1893 г., т. СХХХIII, янв., 80, т. СХХХIV, апр., 42, май, 259, 273—279, т. СХХХV, авг., 337, т. СХХХVI, нояб., 493—498.
- Дорошенка, Петръ Дорошеев., гетманъ, 1667 г., т. СХХХIV, май, 403.
- Достоевскій, Фед. Мих., писат., р. 1821 + 1881 г., т. СХХХIII, фев., 299, мартъ, 638, т. СХХХIV, апр.,

197, т. СХХХV, июль, 221, авг., 222, сент., 639, 640, т. СХХХVІ, окт., 69, 70, нояб., 354, дек. 558.

Доктуровъ, доброволецъ въ Сербіи, 1876 г., т. СХХХIV, май, 311.

Доктуровъ, Мих., Никол., оф. 1860 г., т. СХХХVІ, окт., 188, 189.

Драговичъ, Мирко, писат., т. СХХХІІІ, янв., 239.

Драгомирова, Соф. Абрамов., рожд. Григоровичъ, т. СХХХVІ, окт., 35.

Драгомировъ, Мих. Ив., ген.-ад., р. 1830 † 1905 г., его переписка съ А. Дрыгальскимъ, т. СХХХІІІ, мартъ, 633—636, уп. янв., 167, 238, т. СХХХIV, апр., 124, май, 287, т. СХХХVІ, окт., 33—54, нояб., 357—372, дек., 691, 697.

Драже, Л., сообщ. «Изъ давно прошедшаго», т. СХХХV, июль, 129—132, авг., 429—436; «Къ 150 лѣтн. годовщинѣ сраженія при Цорндорфѣ 14 авг. 1758 г.», авг. 338, 340, «Къ 200 лѣт. годовщинѣ сраженія при д. Лѣсной», сент. 495—499; «Къ 100 лѣтн. годовщинѣ сраженія при Оровайскѣ», сент., 601, 602.

Дрентельнъ, Алекс. Романов., ген.-ад., одесск. ген.-губ., 1880 г., т. СХХХІІІ, февр., 471, т. СХХХIV, апр., 123, 124, т. СХХХVІ, окт., 35.

Дрыгальскій, А., 1880 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 633—636.

Дубасовъ, И. И., т., СХХХV, июль, 40, 48, 52, 54.

Дубельтъ, Леонтій Вас., ген.-лейт., нач. штаб. корп. жандар., р. 1792 † 1862 г., т. СХХХІІІ, февр., 454.

Дубровина, Ек. О., писательница, т. СХХХVІ, нояб., 411.

Дубровинъ, Никол. Фед., ген.-лейт., акад., писат., † 1904 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 641, т. СХХХIV, май, 287.

Дупинъ, А., сообщ. «Путивль», т. СХХХІІІ, янв., 215—224, февр., 463—468.

Дурасовъ, ген.-лейт., 1828 г., т. СХХХV сент., 467.

Дурново, Александръ Дмитр., Курск. предвод. дворянства, 1877 г., т. СХХХІІІ, февр., 473, 475, мартъ, 547—552.

Дьякова, Дарья Алексѣевн., въ зам. Державина, т. СХХХVІ, дек., 646.

Дюбуа, ген.-м., команд. л.-в. Егерск. пол. 1863 г., т. СХХХVІ, 499—501.

Дюбюкъ, оф. ген.-штаба, 1868 г., т. СХХХVІ, дек., 692.

Дювернуа, Александръ Львов., проф., р. 1840 † 1886 г., т. СХХХІІІ, янв., 58.

Дюгамель, Левъ Осип., инспект., 1847 г., т. СХХХV, авг., 377.

Дюгамель, О. О., ген., 1824 г., т. СХХХVІ, окт., 115.

Дютшъ, Оттонъ Ив., композиторъ, 1862 г., т. СХХХIV, мая, 453, т. СХХХV, авг., 257.

Дягилева, Анна Павл., см. Философова.

Дягилева, см. Рокотова.

Дягилевъ, Пав. Ив., 1858 г., т. СХХХIV, апр., 186, 187.

Е

Евсеевъ (Орлинскій), ректоръ спб. дух. Акад., 1841 г., еписк. Винницкій и архіеписк. Могилевск., т. СХХХІІІ, янв., 104.

Евстафій, Волтовичъ, еписк. виленскій, 1619 г., т. СХХХVІ, дек., 658.

Евфимій, еписк. енисейск. и краснояр., 1900 г., т. СХХХІІІ, янв., 171.

Евтушевскій, В. А., педагогъ, 1871 г., т. СХХХV, сент., 509, 519, 536.

Екатерина I, императрица, р. 1679 † 1727 г., т. СХХХІІІ, февр., 353.

Екатерина II, императрица, р. 1729 † 1796 г., т. СХХХІІІ, янв., 36, 71, 96, мартъ, 645—648, 697, 700, 727—730, 736, т. СХХХIV, апр., 104—106, 166—169, 182, 183, 217—219, 223, май, 406, июнь, 472, 517, 539, 614, 616, т. СХХХV, июль, 108, 138, 139, 141—145, 148, 150, 151, 157, авг., 227, сент., 437, 440, 564, 567, 574, т. СХХХVІ, окт., 5—26, 90—99, 100, 107, 265—266, нояб., 315, 317, 326, дек., 574—576, 604, 606, 646.

Екатерина Михайловна, великая княгиня, т. СХХХІІІ, февр., 406.

Елагина, см. Броневская.

Елагинъ, Ив. П., историкъ, масонъ, р. 1725 † 1794 г., т. СХХХV, июль, 139, 144, т. СХХХVІ, окт., 89—92.

Елачичъ, Х. О., хирургъ, т. СХХХVІ, окт., 262.

Елена Павловна, принцесса Виртембергская, вел. княгиня, р. 1806 † 1873 г., т. СХХХIV, июнь, 646, т. СХХХVІ, окт., 30, дек., 789.

Елисавета Алексѣевна, императрица, р. 1779 † 1826 г., т. СХХХІІІ, янв., 182, 183, мартъ, 523, т. СХХХVІ, дек., 736.

Елизавета Михайловна, вел. кн., 1845 г., т. СХХХIV, июнь, 646.

Елисавета Петровна, императрица, р. 1709 † 1761 г., т. СХХХІІІ, янв., 226, февр., 461, мартъ, 647, 730, т. СХХХIV, апр., 102, 103, 106, 107, 181, июнь, 517, т. СХХХV, июль, 41, т. СХХХVІ, дек., 599—605.

Елисавета Феодоровна, вел. княгиня, 1908 г., т. СХХХVІ, нояб., 306, 307, дек., 549.

Елмановъ, капит., 1760 г., т. СХХХIV, апр., 177, 178.
Ельницкій, К. В., т. СХХХV, сент., 515.
Епанчинъ, Мих. Павл., морякъ, педаг., 1864 г., т. СХХХIII, мартъ, 694.
Ермоловъ, Алексѣй Петров., генер.-отъ-инфант., р. 1772 † 1861 г., т. СХХХIII, мартъ, 531—538, т. СХХХVI, окт., 273, дек., 706.
Ероевъ, майоръ, 1809 г., т. СХХХIII, мартъ, 715, 721.
Ефимовъ, писат., т. СХХХV, июль, 156.
Ефремовъ, Петръ Александр., библиогр., р. 1830 † 1907 г., т. СХХХIII, мартъ, 572—574, 655, 659.
Ефремовъ, полковникъ, 1809 г., т. СХХХIV, июнь, 683, 694, т. СХХХV, авг., 402, 404.
Ешеская, Елис. Васильев., въ зам. Бестужева-Рюмина, † 1908 г., т. СХХХV, сент., 589.
Ешескій, Васил. Васил., т. СХХХV, сент., 589.
Ешескій, Степ. Васильев., профес., † 1865 г., т. СХХХV, сент., 589.

Ж

Жадовскій, Всев. Никандр., тайн. сов., т. СХХХVI, нояб., 327.
Жандръ, ген., 1830 г., т. СХХХV, авг., 384, сент., 484.
Ждановъ, И. Н., профес., т. СХХХV, сент., 538.
Жеденѣевъ, майоръ, 1809 г., т. СХХХIII, мартъ, 723.
Желтухинъ, полковникъ, 1809 г., т. СХХХIII, мартъ, 725.
Желтухинъ, ген., директ. 1-го Москов. корп., т. СХХХVI, окт., 42, 43.
Желѣзновъ, академикъ, 1845 г., т. СХХХIV, май, 254.
Желябускій, Фед. Григ., посолъ 1615 г., т. СХХХVI, нояб., 483, 485, 486.
Жемчужниковъ, А., артистъ, 1873 г., т. СХХХVI, нояб., 470, 472.
Жерковъ, Александръ Вас., ген.-майоръ, командиръ л.-гв. Преображенскаго полка, 1843 г., т. СХХХIV, май, 255.
Живоксинъ, Вас. Игнат., артистъ, р. 1807 † 1874 г., т. СХХХIV, май, 377.
Жилинскій, ген.-майоръ, 1809 г., т. СХХХIV, июнь, 667.
Жилинскій, флиг.-ад., 1797 г., т. СХХХVI, нояб., 327.
Жиревичъ, А., сообщ.: «Генераль Залѣсовъ (Воспоминанія)», т. СХХХIV, апр., 117—147, май, 383—396, июнь, 521—530, т. СХХХV, июль, 13—20.
Жихаревъ, Степ. Петров., писат., р. 1787 † 1860 г., т. СХХХIII, февр., 277, 287, 294.

Жолиѣвская, супруга гетмана, 1619 г., т. СХХХVI, нояб., 482.
Жомини, бар. Алекск. Генрихов., дипломатъ, р. 1814 † 1888 г., т. СХХХIII, февр., 346, 349, т. СХХХIV, апр., 70.
Жоховъ, т. СХХХIV апр., 148, 149.
Жукова, Варвара, въ зам. Полтева, 1799 г., т. СХХХIII, янв., 255, 228, февр., 458—462, мартъ, 727—737 т. СХХХIV, апр., 164—170.
Жуковъ, Александръ, воевода, † 1765 г., т. СХХХIII, янв., 226, 227, 230, мартъ, 727.
Жуковъ, Алексѣй Александр., † 1776 г., т. СХХХIII, янв., 225—231, февр., 458—462, мартъ, 727—737, т. СХХХIV, апр., 164—170.
Жуковъ, Петръ, адъют. графа Виттенштейна, 1765 г., т. СХХХIII, мартъ, 727, т. СХХХIV, апр., 164, 165.
Жуковъ, Степ., ассесоръ, т. СХХХIV, апр., 164.
Жуковский, Васил. Андреев., писат., р. 1783 г., † 1862 г. т. СХХХIII, янв., 65, февр., 295, 429, 432, 453, 454, мартъ, 574, 657, 687, 691, т. СХХХIV, апр., 160, июнь, 646—649, 653—656, т. СХХХV, июль, 99—101, 111—117, авг., 304—313, сент., 470, 472, т. СХХХVI, нояб., 429, 430.
Жюба, Жакъ, янсенитскій патеръ, † 1745 г., т. СХХХVI, дек., 589—602.

З

Завадскій, Владиславъ Ромулов., кандидатъ правъ моск. унив., т. СХХХIV, май, 378.
Завадскій, оф. ген.-штаба, 1868 г., т. СХХХХVI, дек., 692.
Загоскина, Елизавета Яковлевна, въ зам. Косаговская, т. СХХХIII, февр., 471.
Загоскинъ, ген., 1812 г., т. СХХХIII, февр., 471.
Загоскинъ, Антонъ, 1619 г., т. СХХХVI, дек., 665.
Загуляевъ, М. И., профес., т. СХХХVI, дек., 556.
Зайончковская, Надежда Дм. (Всев. Крестовской), пис.-ца, т. СХХХVI, нояб., 407.
Закревскій, гр., Арсеній Андреев., финлянд. ген. губ. 1826 г., мин. вн. дѣлъ 1828 г., москов. ген.-губ. 1848 г., † 1865 г., т. СХХХIII, янв., 97, т. СХХХV, авг., 388, т. СХХХVI, окт., 270.
Залѣсовъ, Никол. Гавр., ген. отъ инф., р. 1828 г., † 1896 г., его воспоминанія, т. СХХХIV, апр., 117—147, май, 383—396, июнь, 521—530, т. СХХХV, июль, 13—20.

Зальца, бар., капит. 1877 г., т. СХХХV, сент., 652.
Замойскій, адъют., 1830 г., т. СХХХV, сент., 489.
Залозьскій, Н. Н., педаг., 1871 г., т. СХХХV, сент., 526.
Заремба, Никол. Ив., директ. спб. консерват., 1862 г., † 1879 г., т. СХХХIV, май, 451.
Зарудный, А. С., юрист, т. СХХХIII, февр., 252, 253.
Зарудный, Серг. Иван., сенат., р. 1821 † 1887 г., т. СХХХIII, февр., 252, 254.
Зарянка, Сергѣй Конст., художн., † 1870 г., т. СХХХVI, окт., 154.
Засъ, Андр. Павл., ген., р. 1753 г., † 1815 г., т. СХХХIV, апр., 230, 231, 237, июнь, 676, 678, 685, июнь, 570, т. СХХХV, июль, 164—167, 206, авг., 404, 406, 414—427, т. СХХХVI, окт., 273, 281, 285, нояб., 519—521.
Засъ, жена ген.-лейт., 1812 г., т. СХХХIV, июнь, 570.
Засулицъ, Вѣра, 1878 г., т. СХХХIII, мартъ, 639.
Засядка, ген., началн. Михайл. артил. учил., т. СХХХIV, апр., 163.
Затворницкій, Н., сообщ.: «Ю 2-й Кольбергской экспед.», т. СХХХIII, мартъ, 645—653, т. СХХХIV, апр., 177—184.
Звѣревъ, Вас. Степановичъ, 1792 г., т. 1792 г., т. СХХХVI, дек., 647.
Здекауеръ, Никол. Фед., врачъ, проф., 1893 г., т. СХХХVI, окт., 32.
Зебе, граверъ, 1865 г., т. СХХХIII, мартъ, 500, 501, 504.
Зедершмедтъ, И. И., врачъ, профес., т. СХХХVI, окт., 262.
Зейнъ, Мих. Яков., шт.-кап., 1847 г., т. СХХХV, авг., 367.
Зейфертъ, Ив. Ив., т. СХХХVI, нояб., 504.
Зеленый, Александръ Алексѣев. мн-ръ госуд. имущ., ген.-ад., р. 1814 † 1880 г., т. СХХХIII, янв., 57.
Зенковичъ, подпоруч., 1787 г., т. СХХХVI, дек., 544, 545.
Зерновъ, Александръ, пом. воспит., Царскос. лица 1812 г., т. СХХХIII, мартъ, 627.
Зикке, профес. музыки, т. СХХХV, авг., 257.
Зининъ, Н. Н., профес., 1848 г., т. СХХХVI, окт., 250.
Зиновьевъ, В. В. гофмаршалъ, т. СХХХIV, апр., 70.
Зиновьевъ, Ив. Алексѣев., послан. въ Персін, т. СХХХIII, мартъ, 577—580.
Золотаревъ, Матвѣй, помощн. надвират.

по хозяйст. части царскосельск. лица 1812 г., т. СХХХIII, мартъ, 622, 627.
Зоммеръ, субъ-инспект. Казанск. унив., 1857 г., т. СХХХV, авг., 253.
Зоричъ, С. Г., фаворитъ, р. 1743 † 1799 г., т. СХХХIV, июнь, 613—615, т. СХХХV, июль, 145, 146, сент., 440, т. СХХХVI, нояб., 326, 327.
Зотовъ, Пав. Дм., р. 1824 † 1879 г., т. СХХХV, июль, 132.
Зубова, Татьяна Алексѣев., рожд. Трегубова, т. СХХХVI, окт., 99.
Зубовъ, гр., Алексд. Николаев., об.-прокур. сената, † 1795 г., т. СХХХVI, окт., 107.
Зубовъ, гр., Валер. Алексд., р. 1771 † 1804 г., т. СХХХIV, июнь, 538, т. СХХХVI, окт., 282.
Зубовъ, Никол. Васильев., т. СХХХVI, окт., 99.
Зуевъ, Петръ Харит., ротный команд., 1808 г., т. СХХХIV, июнь, 549.
Зубовъ, кн., Платонъ Алексд., Новосіскій ген.-губ., † 1822 г., т. СХХХVI, окт., 99, дек., 646, 648.
Зыковъ, Серг. Павл., ген.-лейт., ред. «Русскій Инвалидъ», 1865 г., т. СХХХIV, май, 285.
Зѣлинскій, Конст., архіеп. львовскій, † 1709 г., т. СХХХVI, нояб., 383.

И

Ивановъ, Ив. Ив., профес., т. СХХХV, июль, 22, авг., 244, 245, 253.
Иванова, Елизавета, артистка, т. СХХХV, июль, 146, 147, 150.
Ивановъ, Никол. Алексѣев., профес., † 1869 г., т. СХХХV, авг., 254, т. СХХХV, сент., 587—589, т. СХХХVI, нояб., 454.
Ивашкевичъ, шт.-капит., 1857 г., т. СХХХIII, мартъ, 706, 707, т. СХХХVI, апр., 191.
Иващенко, Порфирій Алексѣев., шт.-кап., 1847 г., т. СХХХV, авг., 369.
Ивковичъ, Симеонъ, черногорск. архим., т. СХХХIII, янв., 239—242.
Игнатій, еписк. тамбовск., т. СХХХV, июль, 38.
Игнатій, патриархъ, 1619 г., т. СХХХVI, дек., 664.
Игнатъева, Аграеена, танцовщ., 1767 г., т. СХХХV, июль, 144.
Иванцовъ - Платоновъ, Александръ Васил., проф. богослов., 1865 г., т. СХХХIV, май, 379, т. СХХХVI, окт., 50.
Игнатъевъ, гр., Алексѣй Павловичъ, кievск. ген.-губерн., 1892 г., т. СХХХIII, янв., 176.

Игнатъевъ, Никол. Павл., дипломатъ, т. СХХХІІІ, янв., 88—92, февр., 342—348, мартъ, 563—569, т. СХХХІV, апр., 33, 72—75, май, 259, 308—315, июнь, 476—480, т. СХХХV, июль, 6—10, т. СХХХVІ, окт., 64.

Измайловъ, Александръ Ефимовичъ, баснописецъ, р. 1779 † 1831 г., т. СХХХІV, июнь, 657.

Измайловъ, Артемій Вас., 1619 г., т. СХХХVІ, дек., 661, 664.

Измайловъ, Левъ Васильев., послан. въ Китаѣ 1719 г., т. СХХХVІ, нояб., 384.

Иконниковъ, Алексѣй, гуверн. Царск. лица, 1812 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 627.

Икономовъ, болгар. мн-ръ внутр. дѣлъ, 1880 г., т., СХХХІV, апр. 20.

Икскуль, бар., офиц. генеральн. штаба, 1809 г., т. СХХХІV, апр., 234, 237.

Иловайскій, Пав., ген-маіоръ, 1809 г., т. СХХХІV, июнь, 679, 690—693, т. СХХХV, авг., 402, 408, 410, т. СХХХVІ, окт., 286.

Ильинскій, ген-маіоръ, 1809 г., т. СХХХV, авг., 418.

Ильинскій, оф. ген. штаба, 1868 г., т. СХХХVІ, дек., 692.

Имеретинскій, кн., Александръ Конст., ген.-отъ-инф., р. 1837 г., т. СХХХІV, апр. 21, 35, мая, 274.

Изювъ, Ив. Никитичъ, ген.-отъ-инф., р. 1768 † 1845 г., т. СХХХІІІ, янв., 44, т. СХХХVІ, окт., 110.

Иннокентій (Борисовъ), въ мѣрѣ Ив. Алексѣев., архіеп. херсонск., р. 1800 † 1857 г., т. СХХХІV, мая, 409, 410.

Иннокентій въ мѣрѣ Ив. Евсѣев. Веніаміновъ, митроп. москов., р. 1797 1879 г., 1873 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 496.

Иннокентій, еписк. псковск., 1765 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 728, 730.

Ириной (Фальковский), еписк. смолен., 1812 г., т. СХХХVІ, дек., 579.

Исаевъ, ген.-м., 1809 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 712, 721—726, т. СХХХV, авг., 418, т. СХХХVІ, окт., 271, 274.

Исаковъ, Никол. Васильев., попечит. моск. окр., 1859 г., гл. нач. средн. учеб. завед., 1863 г., † 1891 г., т. СХХХV, сент., 483, 486, 541, т. СХХХVІ, нояб., 369, 371.

Исидоръ, митропол. спб. 1901 г., т. СХХХVІ, дек., 561.

Исленьевъ, Петръ Алексѣевичъ, ген.-м., 1786 г., т. СХХХVІ, нояб., 316, 319.

Ишимова, Александра Осиповна, писат., 1837 г., т. СХХХV, авг., 285, 286.

I

Иасонъ, іеромонахъ, 1764 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 609.

Иеронимъ, архимандр., рект. семинар., 1820 г., т. СХХХІІІ, февр., 409.

Иоакимъ, патр., 1676 г., т. СХХХVІ, дек., 636, 638.

Иоанникій, архимандр. царев.-констант. монаст., 1779 г., т. СХХХV, сент., 573—576.

Иоанникій, кievск. митроп., 1896 г., т. СХХХІІІ, янв., 170, т. СХХХV, июль, 212, 213.

Иоаннъ VI Антоновичъ, императоръ, р. 1740 † 1764 г., т. СХХХІV, апр., 107, 108.

Иоаннъ IV, Грозный, царь, р. 1530 г., † 1584 г., т. СХХХІІІ, февр., 423, т. СХХХVІ, апр., 6, 7, 110, май, 432, т. СХХХVІ, дек., 569, 666, 670.

Иоаннъ Кронштадтскій, свящ., 1892 г., т. СХХХІІІ, янв., 176, 176.

Иоасафъ, патриархъ московск., 1672 г., т. СХХХVІ, дек., 626.

Иоасафъ, архим. могилевск. Братск. монаст. 1812 г., т. СХХХVІ, дек., 581, 582.

Иовъ, патриархъ, 1605 г., т. СХХХІІІ, янв., 221.

Иовъ, казнач. тюменск. монаст. 1759 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 607.

Иоселіани, полк., 1877 г., т. СХХХІІІ, сент., 662.

Иосифъ, архим., 1676 г., т. СХХХVІ, дек., 630—634.

Иустинъ, въ мѣрѣ Иванъ Охотинъ, архіеп. херсонск. и одесск., р. 1828 † 1907 г., т. СХХХІІІ, янв., 161—178.

II

Каблуковъ, Констант. Петров., его воспоминанія, т. СХХХV, сент., 603—633, т. СХХХVІ, нояб., 530.

Каблуковъ, Петръ Александр., помѣщ., 1866 г., т. СХХХV, сент., 603—633.

Кавалеровъ, актеръ, 1800 г., т. СХХХV, июль, 145.

Кавелинъ, Конст. Дм., проф., р. 1818 † 1885 г., т. СХХХІІІ, янв., 56, 77, т. СХХХІV, апр., 155, 197, 198, т. СХХХVІ, дек., 725.

Казадаевъ, Петръ Александр., ген.-м., р. 1799 † 1885 г., т. СХХХІV, апр., 16, май, 397, 398, июнь, 659—660.

Казакевичъ, Анна Дм., 1880 г., т. СХХХІV, май, 370.

Казакевичъ, Петръ, Вас., вице-адм., главн. команд. Кронштадск. порта, 1880 г., т. СХХХІV, май, 370.

Казаковъ, Анд., 1812 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 526.

- Казановъ, Ив. Мих.**, прап. л.-гв., Семенов. пол., 1814 г., р. 1797 † 1883 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 522—541, т. СХХХІV, май, 351—368.
- Казембекъ, Алексд. Касимов.**, профес., † 1870 г., т. СХХХVІ, окт., 250.
- Казначеева, В. Д.**, рожд. княжна Волконская, т. СХХХІІІ, мартъ, 688.
- Кайдановъ, Ив. Кузьм.**, педагог., писат., † 1843 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 621, 625.
- Калиграфова, Надежда**, 1785 г., т. СХХХV, июль, 144.
- Калининъ, Игнатій**, секрет., 1779 г., т. СХХХV, сент., 575.
- Калиничъ, учитель**, 1812 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 625.
- Калугинъ, кадетъ**, 1856 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 702.
- Камбекъ, художникъ**, 1854 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 693, 708.
- Камбекъ, проф.**, 1854 г., т. СХХХV, сент., 581.
- Каменевъ, ген.**, 1828 г., т. СХХХІІІ, янв., 235.
- Каменецкій, подполк.**, 1879 г., т. СХХХІV, май, 276.
- Каменская, М. Ѳ.**, 1826 г., т. СХХХІІІ, февр., 425.
- Каменскій, Антонъ Ив.**, командиръ Саратовскаго полка, т. СХХХІV, июнь, 524—528, т. СХХХV, июль, 13.
- Каменскій, Е.**, сообщ.: «Записки графа Ланжерона», т. СХХХІІІ, февр., 477—489, мартъ, 711—726, т. СХХХІV, апр., 225—240, «Записки графа Ланжерона. Война съ Турціей 1806—1812 гг.», июнь, 661—696, т. СХХХV, июль, 159—209, авг., 401—428, сент., 661—772, т. СХХХVІ, окт., 267—288, нояб., 511—529.
- Каменскій, гр., Николай Мих.**, ген.-отъ-инфан., р. 1778 † 1811 г., т. СХХХV, сент., 601, 602, 670—672, т. СХХХVІ, нояб., 513—529.
- Каменскій, гр., Сергій Мих.**, ген.-отъ-инфант., † 1835 г., т. СХХХІV, апр., 227, 229, 233, июнь, 675, 676, 685, т. СХХХV, июль, 164, 167, 191, 194, авг., 404, 414, 427, 428, т. СХХХVІ, окт., 267—288, нояб., 512, 529.
- Кампобелль, полковн.**, 1708 г., т. СХХХV, сент., 498.
- Канерина, О.**, графиня, 1873 г., т. СХХХVІ, нояб., 471, 472.
- Канкринъ, гр., Егоръ Франц.**, ми-ръ финанс., съ 1823—1844 г.; р. 1774 † 1845 г., т. СХХХV, сент., 475.
- Каннабихъ, Филиппъ Ив.**, ген.-маіоръ, коменд. 5-й артил. бригады, 1867 г., т. СХХХVІ, дек., 677, 678.
- Кантакузентъ, оф. ген. штаба**, 1868 г., СХХХVІ, дек., 692.
- Кантемиръ, кн.**, Антиохъ Дм., писат., † 1744 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 574, т. СХХХVІ, дек., 592.
- Капнистъ, Вас. Васил.**, писат., р. 1757 † 1823 г., т. СХХХV, июль, 157, 158.
- Каподистрія, гр., Ив. Антон.**, ст. сек., ми-ръ ин. дѣль, р. 1776 † 1831 г., т. СХХХІІІ, февр., 320.
- Капустинъ, Мих. Никол.**, попечит. Дерпт. учебн. окр. съ 1883 по 1891 г., т. СХХХІV, май, 379, т. СХХХVІ, окт., 50.
- Карабановъ, офицеръ**, 1857 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 708.
- Каравеловъ, Петръ**, болгарск. госуд. дѣят., р. 1840 г., т. СХХХІV, май, 265, 270.
- Каразинъ, Вас. Назар.**, писат., основат. Харьковск. унив., р. 1773 † 1842 г., т. СХХХІІІ, янв., 74.
- Каразинъ, Николай Мих.**, историкъ, р. 1766 † 1826 г., т. СХХХІІІ, янв., 42, 44, т. СХХХІV, июнь, 650, 655, т. СХХХV, июль, 95—98, 108, 117, авг., 306, 313.
- Каратыгинъ, артистъ**, т. СХХХVІ, окт., 209.
- Карлинскій, Мартынъ**, 1619 г., т. СХХХVІ, дек., 668.
- Карминъ, Валеріанъ Вас.**, адъют. 1-ой артил. бригады, 1877 г., т. СХХХV, авг., 258—263.
- Карповичъ, Леонтіи**, архим. 1619 г., т. СХХХVІ, дек., 660.
- Карповъ, полковн.**, 1809 г., т. СХХХІV, июнь, 694.
- Карповъ, помѣщ.**, 1865 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 500.
- Карташева, г-жа**, 1799 г., т. СХХХVІ, дек., 650—653.
- Карцевъ, см. Карповъ.**
- Карцова, рожд. Порталисъ**, 1875 г., т. СХХХІІІ, янв., 89.
- Карцовъ, Андр. Никол.**, дипломатъ, р. 1835 † 1906 г., т. СХХХІІІ, янв., 87—89, февр., 342—349, мартъ, 563—510, т. СХХХІV, апр., 70—75, май, 303—314, июнь, 471—438.
- Карцовъ, Ю. С.**, сообщ.: «За кулисами дипломатіи», т. СХХХІІІ, янв., 87—96, февр., 341—349, мартъ, 563—571, т. СХХХІV, апр., 69—76, май, 303—315, июнь, 471—484, т. СХХХV, июль, 3—12.
- Карцовъ, педагог.**, 1812 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 621, 625.
- Карповъ, ген. - маіоръ**, 1857 г., т. СХХХV, авг., 259.
- Карѣвъ, Н. П.**, профес., т. СХХХІІІ, янв., 63, 64, 69, 70.
- Касаткинъ-Ростовскій, кн., Николай**

- Оед., членъ Госуд. Совѣта, † 1908 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 552.
- Касторій**, игум., 1786, г., т. СХХХІІІ, мартъ, 544.
- Касторскій**, Мих. Ив., проф. р. 1809 † 1866 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 692.
- Катенинъ**, Пав. Александр., писат., р. 1792 † 1853 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 655, 656, 657.
- Катковъ**, Мих. Никифор., публиц., р. 1818 † 1887 г., т. СХХХІІІ, янв., 58, 63, 77—86, февр., 325, 328—330, мартъ, 638, т. СХХХІV, апр., 150, 197, май, 273, 300, т. СХХХVІ, дек., 544, 550, 559.
- Каульбарсъ**, бар., Ник. В., ген., комиссаръ въ Болгаріи, 1876 г., т. СХХХІV, июнь, 475, т. СХХХ, дек., 544, 550, 559.
- Каульбарсъ**, оф., ген.-штаба, 1868 г., т. СХХХVІ, дек., 692.
- Кауфманъ**, Конст. Петр., Туркестанск. ген.-губерн., 1879 г., т. СХХХVІ, дек., 536—546, 694.
- Каченовскій**, Мих. Трофим., проф., р. 1775 г. † 1842 г., т. СХХХІІІ, февр., 423, мартъ, 584, 585, т. СХХХІV, апр., 162, т. СХХХV, сент., 466—472.
- Кашперова**, писательница, 1873 г., т. СХХХVІ, нояб., 345.
- Квашинъ**, Ѳома, 1619 г., т. СХХХVІ, нояб., 481, дек., 695.
- Квистъ**, Александръ Ильичъ, военный инженер., проф., р. 1820 † 1878 г., т. СХХХІV, май, 251, 252, т. СХХХVІ, окт., 51, нояб., 359—361.
- Квитка**, Григ. Оед. (псевд. Основьяненко) писат., р. 1778 † 1843 г., т. СХХХV, авг., 285, 286.
- Квитницкій**, оф., ген. штаба, 1868 г., т. СХХХVІ, дек., 692.
- Келлеръ**, гр., 1903 г., т. СХХХVІ, дек., 702—707.
- Келлеръ**, гр., добров. въ Сербіи, гвард., 1876 г., т. СХХХІV, май, 311.
- де-Кержаго**, франц. дипломат. агентъ въ Бѣлградѣ, 1876 г., т. СХХХІV, июнь, 471.
- Кетчеръ**, Никол. Христоф., перевод. Шекспира, 1852 г., врачъ, р. 1809 † 1886 г., т. СХХХІІІ, янв., 62, т. СХХХІV, апр., 197, т. СХХХV, авг., 229, 230.
- Кидяевъ**, шт.-капит., т. СХХХV, июль, 71, 72.
- Киль**, Константинъ Ив., 1830 г., т. СХХХV, сент., 491, 494.
- Кингстонъ**, герпогиня Елизавета, рожд. Чудлей, р. 1720 † 1788 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 697, 700.
- Кириковъ**, русск. консулъ въ Бухарестѣ, 1809 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 714, 716.
- Кириллъ** (Дмитровскій), еписк., архимандр., рект. Академ., 1820 г., т. СХХХІІІ, февр., 413, 415.
- Киричниковъ**, А. И., профес., т. СХХХІІІ, янв., 50, 57, 67, 68, февр., 271, 278, 300, т. СХХХVІ, дек., 756, 756.
- Кириевскій**, Ив. Вас., славяноф., писат., р. 1806 † 1856 г., т. СХХХІІІ, февр., 279, 280, 289, 292, 293, 296, т. СХХХV, сент., 469, 470.
- Кириевскій**, Петръ Вас., собират. народн. пѣсенъ, р. 1808 † 1856 г., т. СХХХІІІ, февр., 284.
- Киселевъ**, гр. Пав. Дм., мин. гос. им., р. 1788 † 1872 г., т. СХХХІV, апр., 114, т. СХХХVІ, окт., 228—234.
- Киселевъ**, С. Д., т. СХХХІІІ, февр., 426.
- Китары**, Модестъ Яковл., проф., † 1880 г., т. СХХХV, июль, 22, сент., 583, т. СХХХVІ, окт., 245—248, нояб., 454, 459.
- Кладо**, Н., нач. штаба команд. Тихоокеанск. эскадры, 1904 г., т. СХХХІV, апр., 83.
- Кладницевъ**, полковн., 1863 г., т. СХХХVІ, нояб., 502.
- Клейгельсъ**, Ник. Вас., градонач., 1900 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 550.
- Клеймихель**, графиня, Е. Н., т. СХХХІІІ, янв., 167.
- Клеймихель**, гр. К. П., т. СХХХІІІ, янв., 167.
- Клеркеръ**, бар., К. Г., т. СХХХVІ, дек., 757, 758.
- Климентъ**, епископъ въ Болгаріи, 1880 г., т. СХХХІІІ, февр., 269, 270, т. СХХХІV, апр., 20, 28.
- Климентъ XI**, папа римскій, 1699 г., т. СХХХVІ, окт., 160, 161, 177, нояб., 374, 386, 387.
- Клинбушъ**, подполковн., 1763 г., т. СХХХІV, апр., 183.
- Клушинъ**, Александръ, инспект. театра, 1800 г., т. СХХХV, июль, 156, 158.
- Книшперъ**, полковн., 1809 г., т. СХХХІV, июль, 678.
- Киоррингъ**, Бог. Оед., ген.-отъ-инфант., р. 1746 † 1825 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 691, т. СХХХІV, июль, 564.
- Киоррингъ**, ген., команд. войск. Казанск. воен. округа, 1864 г., т. СХХХV, июль, 129.
- Киорингъ**, ген., 1830 г., т. СХХХV, сент., 487.
- Князевъ**, Сергій Онисимов., бригадиръ, т. СХХХІV, июль, 540, 541.
- Кобеко**, Дм. Ѳомищъ, историкъ, 1890 г., т. СХХХІV, май, 298, 299.
- Ковалевскій**, Александръ Онуфріев., профес., 1891 г., т. СХХХVІ, окт., 250.
- Ковалевскій**, проф., Юсифъ Мих., рек-

- торъ казанск. ун. 1853 г., т. СХХХV, июль, 22, авг., 251, 254.
- Ковальскій, М. В.**, астрономъ, т. СХХХVI, окт., 262.
- Коваленко, В. П.**, директ. Саратов.-Тамбов. ж.-дор., т. СХХХV, авг., 225, 226.
- Кожениковъ, Саратовск. губерн.**, 1845 г., т. СХХХV, июль, 122, т. СХХХVI, нояб., 494.
- Козелковъ, полковн.** 1877 г., т. СХХХV, сент., 652, 653.
- Козловская, княжна, Θεοδοσία Николаев.**, въ зам. баронесса фонъ Менгденъ, т. СХХХIV, апр., 111.
- Козловскій, Викент. Мих.**, кавказ, генер. р. 1796 † 1873 г., т. СХХХVI, нояб., 493—497.
- Козловъ, Алексд. Иллр.**, врачъ, проф., 1858 г., т. СХХХVI, окт., 262.
- Козловъ, изд. «Новости Литературы»**, 1824 г., т. СХХХIII, мартъ, 690.
- Козловъ, офиц.**, 1857 г., т. СХХХIII, мартъ, 708.
- Кокоткина, г-жа, т. СХХХVI, дек.**, 650—653.
- Колзаковъ, капитанъ, 1826 г., т. СХХХIII, янв.**, 53.
- Кознакова, Е.**, г-жа, т. СХХХVI, нояб., 471, 472.
- Колеминъ, штабсъ-ротм.**, 1874 г., т. СХХХVI, нояб., 294—299.
- Колетти, архимандр.**, т. СХХХVI, дек., 595.
- Кологривовъ, 1710 г., т. СХХХVI, нояб.**, 385, 386.
- Колонерь, полковникъ, 1809 г., т. СХХХV, авг.**, 409.
- Колюбакинъ, ген.-маюръ, 1809 г., т. СХХХIV, апр.**, 231, 237, июнь, 679, т. СХХХV, авг., 418, 420, т. СХХХVI, нояб., 526.
- Комаровъ, В.**, сообщ.: «Архангельскій отрядъ. Воспоминанія о войнѣ 1877—1878 г.г.», т. СХХХV, сент., 649—660.
- Комаровъ, В. В.**, началън. шт., 1876 г., т. СХХХIV, май, 311, 313.
- Кондаковъ, Никодимъ Павлов.**, проф., р. 1846 г., т. СХХХIII, янв., 68.
- Кондратенко, Романъ Исидоровичъ, инженеръ, ген.-маюръ 1904 г., т. СХХХIV, апр.**, 91.
- Кондратьевъ, подполковн.**, 1809 г., т. СХХХIII, мартъ, 724.
- Кони, Анат. Фед.**, сенат., сообщ.: «Житейскія встрѣчи», т. СХХХIII янв., 19—32, «Конст. Конст. Арсеньевъ». (По пов. 50 л. его дѣят.), февр., 245—255, «Воспоминанія судебного слѣдователя», мартъ, 491—608, т. СХХХVI, нояб., 289—302, упом.
- мартъ, 642, май, 465, 466, сент., 603, т. СХХХVI, дек., 531—546.
- Коновницынъ, Петръ Петр.**, ген., 1812 г., т. СХХХIII, мартъ, 687, т. СХХХVI, дек., 648.
- Константиновъ, Трофимъ, актеръ, 1794 г., т. СХХХV, июль, 144, 148.**
- Контекскій, Антонъ, пианистъ, т. СХХХVI, нояб.**, 459.
- Контекскій, Аполлинарій, скрипачъ, † 1879 г., т. СХХХVI, нояб.**, 458.
- Константиныъ Константиновичъ, вел. кн., т. СХХХIII, янв.**, 5, 6, 148 т. СХХХVI, нояб., 304.
- Константиныъ Николаевичъ, великій князь, р. 1827 † 1892 г., т. СХХХIII, янв.**, 6, т. СХХХIV, июнь, 496, 606, т. СХХХVI, нояб., 305, 437.
- Константиныъ Павловичъ, великій князь, цесаревичъ, р. 1779 † 1831 г., т. СХХХIII, янв.**, 54, мартъ, 621, т. СХХХV, сент., 475, 477, 490, 547, 548, т. СХХХVI, окт., 75—77, дек., 720.
- Конюховскій, Конст.**, 1653 г., т. СХХХVI, окт., 3—4.
- Коншина, см. Васильева.**
- Копшинъ, Н. М.**, правит. канц. главноуправл. Царскимъ Селомъ и дворцов. управленіемъ, 1829 г., писатель, р. 1793 † 1859 г., т. СХХХVI, дек., 755—764.
- Копыловъ, В.**, педаг., 1760 г., т. СХХХIII, мартъ, 609, 610, 613.
- Корвинъ-Красинскій, Алексд.**, 1820 г., т. СХХХVI, дек., 686—688.
- Корвинъ-Круковский, надеть, 1856 г., т. СХХХIII, мартъ, 703.**
- Кормилицынъ, Никол. Никол.**, полк., 1789 г., т. СХХХVI, дек., 645.
- Корниловъ, Ив. Петров.**, попечитель виленскаго округа, впосл. предсѣд. славянск. комит. 1876 г., т. СХХХVI, окт., 71, 72, 73.
- Корниловъ, полковн.**, 1810 г., т. СХХХV, сент., 661.
- Корнухъ-Троцкій, проф.** 1854 г., т. СХХХVI, нояб., 454.
- Коробинъ, Ив. Гаврилов.**, 1619 г., т. СХХХVI, дек., 481, дек., 665.
- Короленко, Влад. Галактионов.**, писат., т. СХХХIII, февр., 300.
- Корольковъ, М.**, сообщ.: «Матереубійцы (процессъ Жуковыхъ. Эпизодъ изъ судебной хроники XIII столѣтія)», т. СХХХIII, янв., 225—231, февр., 458—462, мартъ, 727—737, т. СХХХIV, апр., 164—170.
- Коротковъ, мѣщанинъ, 1865 г., т. мартъ, 500.**
- Корсаковъ, Андрей, 1619 годъ, т. СХХХVI, дек.**, 659.

- Корсаковъ**, Васил. Дм., ген.-отъ-артил., 1800 г., т. СХХХIV, май, 321.
- Корсаковъ**, Никита Вас., гл. нач. воен. учеб. заведен., 1868 г., т. СХХХVI, окт., 38.
- Корсаковъ**, Петръ Александр., цензоръ, писат., р. 1790 † 1844 г. СХХХIV, апр., 200.
- Корсаковъ**, оф. семенов. пол., † 1812 г., т. СХХХVI, нояб., 526.
- Корсаковъ**, фаворитъ 1877 г., т. СХХХIV, июнь, 614—627.
- Корфъ**, Оед. Оед., редакт. «Русскаго Инвалида», † 1853 г., т. СХХХIV, май, 284.
- Корфъ**, бар., офиц., 1814 г., т. СХХХIII, мартъ, 534.
- Корфъ**, 1744 г., т. СХХХIV, апр., 108.
- Коршъ**, Вален. Оед., редакт. «Спб. Вѣдом.», т. СХХХIII, февр., 329, мартъ, 638, т. СХХХIV, апр., 148—151, т. СХХХVI, окт., 70.
- Косаговецкая**, см. Загоскина.
- Косаговскій**, Пав. Павлов., Полтавск., губернат., 1889 г., его воспоминанія, т. СХХХIII, февр., 469—476, мартъ, 547—552.
- Костомаровъ**, Никол. Ив., р. 1817 † 1886 г., т. СХХХIII, янв., 222, т. СХХХVI, окт., 250.
- Костровъ**, оф. ген. штаба, 1868 г., т. СХХХVI, дек., 692.
- Костырко**, М., сообщ.: «Очеркъ гражданской дѣятельности нашей въ Болгаріи въ 1877—1878 годахъ», т. СХХХV, авг., 317—337.
- Котельниковъ**, Петръ Ив., проф. мат. казанск. унив., р. 1809 † 1879 г., т. СХХХХV, июль, 22, авг., 244, т. СХХХVI, окт., 262.
- Котляревскій**, 1821 г., т. СХХХV, июль, 217.
- Кохановъ**, И. С., вилensk. ген.-губерн., 1864 г., т. СХХХIV, май, 337, 337, т. СХХХV, авг., 260.
- Кохъ**, Адольфъ, пасторъ, 1879 г., т. СХХХIV, май, 271—278.
- Коцебу**, гр., Пав. Евстафьев., Варшав. ген.-губ., р. 1801 † 1884 г., т. СХХХIV, май, 343.
- Кочетовъ**, спб. об.-полицеймейстеръ, 1754 г., т. СХХХIII, февр., 461.
- Кочневъ**, Максимъ, учен. Тобольск. семинар., 1759 г., т. СХХХIII, мартъ, 608.
- Кочневъ**, протопопъ, 1759 г., т. мартъ, 608.
- Кочубей**, Аркадій Вас., 1824 г., т. СХХХIII, янв., 73, 118, 119.
- Кочубей**, Е., г-жа, 1873 г., т. СХХХVI, нояб., 472.
- Кочубей**, Н., 1873 г., т. СХХХVI, нояб., 471.
- Кошанскій**, Никол. Оед., проф., писат., † 1831 г., т. СХХХIII, мартъ, 624, 625.
- Кошелевъ**, Александръ Ив., публиц., р. 1806 † 1883 г., т. СХХХIII, февр., 272, т. СХХХIV, май, 410.
- Кошелевъ**, ген., 1813 г., т. СХХХIII, мартъ, 527.
- Краевскій**, Андрей Александр., изд. «Голоса», р. 1810 † 1889 г., т. СХХХIV, апр., 41, 200, май, 284, июнь, 494, 579, т. СХХХV, авг., 288, 291, т. СХХХVI, окт., 71.
- Крамской**, Ив. Ив., художн. р. 1837 † 1887 г., т. СХХХVI, окт., 213.
- Красильниковъ**, Симеонъ, профес., 1820 г., т. СХХХIII, февр., 409.
- Красинскій**, ген., 1830 г., т. СХХХV, сент., 490.
- Красовская**, артистка, т. СХХХV, авг., 257.
- Красовскій**, ген.-майоръ, 1815 г., т. СХХХIII, мартъ, 691.
- Краузе**, педагог., 1847 г., т. СХХХV, авг., 368.
- Крауцъ**, капит., педагог., 1854 г., т. СХХХIII, мартъ, 693.
- Крафтъ**, акад., 1810 г., т. СХХХIV, июнь, 553.
- Кребель**, генеральн. консултъ съ Персін, 1878 г., т. СХХХIII, февр., 336—338.
- Крейтеръ**, В. П., оф., 1860 г., т. СХХХVI, окт., 188.
- Кремлевъ**, Николай Александр., проф., р., 1832 г., т. СХХХV, сент., 591, т. СХХХVI, окт., 250, 252, нояб., 467.
- Крестовскій**, Всеволодъ Влад., писатель, р. 1840 † 1895 г., т. СХХХVI, окт., 185.
- Криденеръ**, бар. Вас. Миронов., нариский коменд., 1856 г., т. СХХХIII, мартъ, 698, т. СХХХIV, апр., 188, 189.
- Криденеръ**, Никол. Павл., помощн. командующ. войск. Варшавск. окр., т. СХХХIV, апр., 63.
- Криденеръ**, Николай, кадетъ, 1854 г., т. СХХХIII, мартъ, 695.
- Криденеръ**, Пав. Пав., 1854 г., т. СХХХIII, мартъ, 695.
- Криденеръ**, Оед., кадетъ, 1856 г., т. СХХХIII, мартъ, 702.
- Криденеръ**, Эдуардъ Влад., кадетъ, СХХХIII, мартъ, 697, т. СХХХIV, апр., 190.
- Криденеръ**, рижскій полицейм., 1812 г., т. СХХХVI, нояб., 443, 444.
- Криденеры**, 1856 г., т. СХХХIII, мартъ, 697.
- Кричевскій**, кап.-лейт., 1813 г., т. СХХХIV, июнь, 572.

- Кросновскій**, коморникъ, 1604 г., т. СХХХIV, май, 443.
- Кроссъ**, Густавъ Густав., таможен. чиновн., 1858 г., т. СХХХIV, апр., 189, т. СХХХVI, окт., 181.
- Крохинъ**, В., сообщ.: «Исторія карель», т. СХХХIV, июнь, 581—596, т. СХХХV, июль, 75—87; „Откуда ведетъ начало наша былина о Садкѣ—богатырь гостѣ“, т. СХХХVI, дек., 743—754.
- Круковский**, Адр., сообщ.: «Святлая личность западно-русскаго прошлаго, (къ 300-лѣтней годовщинѣ смерти князя Константина Острожскаго)», т. СХХХIV, апр., 11—15.
- Крутицкій**, инспект. театра, 1800 г., т. СХХХV, июль, 148, 150.
- Крушевъ**, ген.-м., 1810 г., т. СХХХV, сент., 661, т. СХХХVI, нояб., 513.
- Крушовскій**, сообщ.: «С.-Петербургско-музыкально-драматическій кружокъ любителей», т. СХХХV, авг., 257—264.
- Крыжановскій**, Ник. Андр., ген., нач.-члн. Михайл. артил. уч., оренб. ген.-губерн., † 1888 г., т. СХХХIII, февр., 404, т. СХХХV, авг., 225.
- Крыловъ**, Евг. Тимофеев., команд. уланск. пол. 1863 г., т. СХХХVI, нояб., 504.
- Крыловъ**, камеръ фурьеръ, 1811 г., т. СХХХIII, мартъ, 523.
- Крыловъ**, Ив. Андр., баснописецъ, р. 1768 † 1844 г., т. СХХХIV, июнь, 639, 640, 650, т. СХХХV, июль, 108, авг. 305—308.
- Ксенія Александровна**, великая княгиня, т. СХХХIII, янв., 170, т. т. СХХХV, сент., 503.
- Кузьминъ**, тамбовск. уѣздн. землебѣръ, 1800 г., т. СХХХVI, дек., 656.
- Куколевскій**, капитанъ, 1847 г., т. СХХХV, авг., 369.
- Куломзинъ**, управл. дѣлами комитета мн-ровъ, 1888 г., т. СХХХIV, май, 300.
- Кульневъ**, Яковъ Петр., ген. † 1812 г., т. СХХХVI, окт., 269.
- Кульчицкій**, М. Т., писатель, псевд. (Ремизовъ и Говорилинъ), † 1846 г., т. СХХХIV, апр., 197—200.
- Кулябка**, Конст. Федор., сообщ.: «Воспоминанія стараго орловца», т. СХХХV, авг., 367—381.
- Кумани**, Александръ Мих., дипломат. агентъ въ Болгаріи 1880 г., т. СХХХIII, февр., 265—269, т. СХХХIV, апр., 38, 46, 47 май, 263.
- Куницынъ**, адъюктъ-проф., Царск. лицей 1812 г., т. СХХХIII, янв., 50, мартъ, 621, 625.
- Куновскій**, Янъ, польск. гонецъ, 1619 г., т. СХХХVI, дек., 668.
- Кунъ**, педагог., 1854 г., т. СХХХIII, мартъ, 692, т. СХХХIV апр., 193.
- Купреяновъ**, премьеръ-маіоръ, губ., 1773 г., т. СХХХV, сент., 564.
- Куракинъ**, кн., Алексд. Борис., вице-канцлеръ, посолъ въ Парижѣ, р. 1752 † 1818 г., т. СХХХVI, окт., 89—91, 94.
- Курбатовъ**, Алексѣй, 1698 г., т. СХХХIV, май, 431—435.
- Курносъ**, капит., 1787 г. т. СХХХVI, нояб., 318.
- Курпатовскій**, генераль, 1880 г., т. т. СХХХV, сент., 490.
- Куропаткинъ**, Алексѣй Николаев., ген.-отъ-инфант., воен. мн-ръ, 1904 г., т. СХХХIV, апр., 93; т. СХХХVI, дек., 696, 698, 702.
- Курочкинъ**, Вас. Степ., писатель, р. 1831 † 1875 г., т. СХХХIII, мартъ, 573.
- Куртъ**, полковн., 1809 г., т. СХХХIII, мартъ, 725.
- Курута**, гр., Дм. Дм., † 1833 г., т. СХХХV, авг., 384, 397, 480.
- Кусаковъ**, артистъ, 1800 г., т. СХХХV, июль, 145.
- Кутейниковъ**, казакъ ген., 1809 г., т. СХХХIV, апр., 238, 239, т. СХХХIV, июнь, 683, т. СХХХV, авг., 402.
- Кутневичъ**, Вас., протопр., 1820 г., т. СХХХIII, февр., 409.
- Кутузовъ**, Л. И., адм., 1830 г., т. СХХХV, авг., 397.
- Кутузовъ-Смоленскій**, князь, Мих. Илларионъ, фельдм., р. 1745 † 1813 г., т. СХХХIII, мартъ, 687, 712, 716, т. СХХХIV, апр., 227, 231—233, 236, 237, июнь, 665, 666, 671, 672, 675, 677, т. СХХХVI, нояб., 526.
- Кухаренко**, хорунжій, т. СХХХIV, апр., 212, 213.
- Кучниковъ**, сенат., 1810 г., т. СХХХV, сент., 665.
- Кушакевичъ**, Александръ Яковлевичъ, инспект. воен.-учебн. завед., 1854 г., т. СХХХIII мартъ, 693.
- Кушелевъ-Безбородко**, гр., Г. А., писат., т. СХХХIV, июнь, 579.
- Кухельбекеръ**, Мих. Карл., декабр., † 1857 г., т. СХХХIII, янв., 50, мартъ, 621, т. СХХХIV, июнь, 644, 648, 649.
- Кюстинъ**, маркизъ, Адольфъ, литерат., † 1857 г., т. СХХХIII, февр., 283.

Л

Лавицкій, свящ., 1605 г., т. СХХХIV, апр., 6, 7.

- Лаврентьевъ, Александръ** Ив., ген.-отъ-инфант., редакт. «Военнаго Сборника», и «Русскаго Инвалида», 1872 г., р. 1831 † 1894 г., т. СХХХIV, май, 286.
- Лаврентьева, С.**, сообщ.: «Изъ автобиографіи маленькаго чловѣка», т. СХХХVI, окт., 197—214, нояб., 339—356.
- Лавровская, Елизавета Андреевна**, пѣвица, т. СХХХV, авг., 257.
- Лавровъ, Аркадій Мих.**, офиц., 1860 г., т. СХХХVI, окт., 190, 191.
- Лавровъ, Никол. Алексѣев.**, писат., 1880 г., т. СХХХIII, янв., 56.
- Лавровъ, Нилъ Степанов.**, полковн., 1847 г., т. СХХХV, авг., 377.
- Лавровъ, Степ. Нилон.**, директ. Варшавск. кадетск., корпуса, 1908 г., т. СХХХV, авг., 377.
- Лагаръ, Фредерикъ-Сезарь**, воспит., Александра I, р. 1754 † 1838 г., т. СХХХIII, янв., 73, т. СХХХV, сен., 547, 548.
- Лагостинъ, Антонъ**, 1619 г., т. СХХХVI, нояб., 481.
- Лазаревъ, офиц.**, 1808 г., т. СХХХIV, июнь, 550.
- Лазарь, іеромонахъ** Верхотурск. монаст., 1763 г., т. СХХХIII, мартъ, 612.
- Ламанскій, В. И.**, проф., славистъ, т. СХХХVI, окт., 72.
- Ламбертъ, гр., Карлъ Осипов.**, ген., † 1843 г., т. СХХХV, сент., 661, 662.
- Ланге, инспект. Казанск. унив.** † 1867 г., т. СХХХV, авг., 245 — 251, т. СХХХVI, нояб., 463.
- Лангевичъ, диктаторъ**, 1863 г., т. СХХХVI, дек., 680.
- Лангеръ, Валеріанъ Плат.**, цензоръ, 1837 г., т. СХХХV, авг., 285.
- Лангеръ, полковн.**, 1809 г., т. СХХХV, июль, 165.
- Ландебергъ, Карлъ**, прапорщ. л.-гв. саперн. батал., 1879 г., т. СХХХVI, 1879 г., т. СХХХVI, дек., 531—545.
- Ланжеронъ, гр., Александръ** Фед. ген.-отъ-инфант., р. 1763 † 1831 г., его записки, т. СХХХIII, февр., 477—489, мартъ, 711—726, т. СХХХIV, апр., 225—240, июнь, уп. 572, 575, 661—696, т. СХХХV, июль, 159—209, авг., 401—428, сент., 661—672, т. СХХХVI, окт., 267—288, нояб., 511—529, упом. окт., 274.
- Ланской, гр., Александръ** Дм., фаворитъ, р. 1754 † 1784 г., т. СХХХIV, июнь, 627, т. СХХХV, сент., 463, 465.
- Ланской, полковн.**, 1809 г., т. СХХХV, авг., 410.
- Лаптевъ, полковн.**, 1809 г., т. СХХХIII, мартъ, 723, т. СХХХV, июль, 163, авг., 409.
- Ласкинъ, оф. ген. штаба**, 1868 г., т. СХХХVI, дек., 692.
- Ласковскій, адъютантъ главнокоман.**, 1878 г., т. СХХХIV, июнь, 606.
- Ласимовичевъ, актеръ**, 1800 г., т. СХХХV, июль, 145.
- Лачиновъ, Н. А.**, ген.-маіоръ, редакт. «Военнаго Сборника» и «Русскаго Инвалида», 1893 г., т. СХХХIV, май, 286.
- Лебедевъ, В. А.**, сообщ.: «Изъ жизни Федора Ивановича Буслаева», т. СХХХIII, янв., 55—70, февр., 298—306, «Учебныя воспоминанія», т. СХХХV, июль, 21—36, авг., 241—255, сент., 581—600, т. СХХХVI, окт., 245 — 264, нояб., 448 — 468, дек., 721—733.
- Лебедевъ, Д. П.**, т. СХХХIII, февр., 298.
- Лебедевъ, П. С.**, редакт. «Русскаго Инвалида», т. СХХХIV, май, 285.
- Лебедевъ, кадетъ**, 1856 г., т. СХХХIII, мартъ, 703.
- Лебедевъ, купецъ**, 1873 г., т. СХХХIII, мартъ, 491—496.
- Левашевъ, Н. Н.**, 1886 г., т. СХХХVI, нояб., 306.
- Левашовъ, полк.**, 1877 г., т. СХХХV, сент., 653.
- Левенталь, ген.**, 1845 г., т. СХХХVI, нояб., 495.
- Левисъ, ген.-лейт.**, 1810 г., т. СХХХV, сент., 662, т. СХХХVI, окт., 277, 287.
- Левинскій, Казиміръ** Вас., ген., 1879 г., т. СХХХIV, май, 279, т. СХХХV, июль, 11, т. СХХХVI, дек., 696.
- Левинскій, Серг. Львов.**, фотографъ, 1881 г., т. СХХХIV, апр., 41.
- Левинскій, комендантъ**, 1830 г., т. СХХХV, авг., 393, 394, сент., 488.
- Левшина, см. Броневская.**
- Левшинъ, А. М.**, тов. мин. вн. дѣлъ, т. СХХХVI, дек., 724.
- Левшинъ, Ардалионъ** Никол., подполк., 1812 г., т. СХХХIV, июнь, 571.
- Левшинъ, Никита** Алексѣев., маіоръ, т. СХХХIV, июнь, 539.
- Левшинъ, Петръ** Алексѣев., т. СХХХIV, июнь, 540.
- Лееръ, Генрихъ** Антонов., ген., воен. писат., 1890 г., т. СХХХIV, апр., 191, 192, май, 287, т. СХХХVI, дек., 561.
- Лейбницъ, философъ**, т. СХХХVI, нояб., 375.
- Лемке, М. К.**, писат., т. СХХХIII, мартъ, 584.
- Леонова, Дарья** Мих., пѣвица, р. 1835 † 1854 г., т. СХХХIV, май, 466.
- Леонтиѣ, еписк. тамбовск.**, т. СХХХV, июль, 37.
- Леонтьева, В., г-жа**, 1873 г., т. СХХХVI, нояб., 471, 472.

- Леонтьевъ**, ген., начальн. акад. ген. штаба, 1868 г., т. СХХХVI, дек., 691.
- Леонтьевъ**, Пав. Мих., филологъ, педагогъ, р. 1822 + 1874 г., т. СХХХIII, янв., 58, 66, 69, 81—85.
- Лермантовъ**, Мих., вице-адм., команд. свеаборгск. порта, 1808 г., т. СХХХIV, июнь, 551.
- Лермонтовъ**, Всевол. Никол., ген.-м., директ. 1-го москов. корп., 1862 г., т. СХХХVI, окт., 41.
- Лермонтовъ**, Мих. Юрьев., писатель, р. 1814 + 1841 г., т. СХХХIII, февр. 300, мартъ, 574, т. СХХХIV, апр., 191, т. СХХХV, июль, 218, 222, авг., 282, 283, 313, т. СХХХVI, нояб., 469—473.
- Лернеръ**, Н. Л., сообщ.: «Замѣтки о Пушкинѣ», т. СХХХIII, янв., 113—119, «Съ кого Пушкинъ списалъ Загребцаго», февр., 419—427, «Изъ неизданныхъ матеріаловъ для біографіи Пушкина (воспоминанія Н. И. Тарасенко-Отрѣшкова)», февр., 428—433, «Замѣтки о Пушкинѣ», мартъ, 654—662, «Эпизодъ изъ жизни Бѣлинскаго», т. СХХХIV, апр., 197—210, «Замѣтки о Н. Ѳ. Шербинѣ», июнь, 577—580, «Прощеніе въ стихахъ на имя Екатерины II», т. СХХХVI, окт., 265—266, «Изъ неизданныхъ матеріаловъ для біографіи Пушкина. Дѣло о высланномъ изъ столицы кол. секр. Пушкинѣ, 1824 г.», т. СХХХVI, окт., 109—118; «Прототипъ Загребцаго», 607—613, «Изъ писемъ Е. А. Баратынскаго», 755—764.
- Лерхе**, секрет. цензурн. котит., 1807 г., т. СХХХVI, окт., 96.
- Лесгафтъ**, П. Ф., профес. 1878 г., т. СХХХVI, окт., 250.
- Лесовскій**, Степ. Степанов., вице-ад., 1880 г., т. СХХХIV, май, 369, т. СХХХVI, нояб., 423, 424.
- Лестоковъ**, гр., Іоаннъ-Германъ, лейбъ-мед., Елизаветы Петровны, р. 1692 + 1767 г., т. СХХХIV, апр., 101, 105, 106.
- Лефорть**, Францъ Яковл., сподвижн. Петра Великаго, + 1699 г., т. СХХХIV, май, 437, т. СХХХVI, окт., 155, нояб., 382.
- Лещовъ**, А. Н., кѣлецк. губернаторъ, т. СХХХVI, окт., 261.
- Лещовъ**, Н. Н., 1908 г., т. СХХХVI, нояб., 467.
- Ливентъ**, вр., ген.-ад., 1800 г., т. СХХХIV, май, 317.
- Ливентъ**, кн., капит. 2-го ранга, 1904 г., т. СХХХIV, апр., 90.
- Линарь**, графиня, Христина-Фредерика-Георгіетта, рожд. графиня Флемингъ, + 1780 г., т. СХХХIV, апр., 101.
- Линарь**, гр., посл., 1763 г., т. СХХХIV, апр. 101—105.
- Линдегрень**, И. Г., врачъ, профес., т. СХХХVI, окт., 262.
- Линдеиъ**, Конст. Алексд., ген., директ. корп. въ Омскѣ, 1861 г., т. СХХХIII, мартъ, 693, т. СХХХIV, апр., 192.
- Линдестремъ**, Петръ Ив., лейбъ-мед., 1812 г., т. СХХХVI окт., 75—77.
- Липранди**, Ив. Петр., ген., историкъ, р. 1790 + 1880 г., т. СХХХIII, февр., 425.
- де-Лирія**, герцогъ, испанск. послан., т. СХХХVI, дек., 591—598.
- Литвиновъ**, Ив. Семенов., тамбовск. губернат., 1800 г., т. СХХХVI, дек., 651, 652.
- Литта**, гр-ня, см. Багратіонъ.
- Лихонинъ**, Орестъ Семен., полковн., директ. Александр. корп., 1857 г., т. СХХХIII, мартъ, 705—708.
- Лихинъ**, композиторъ, 1900 г., т. СХХХVI, дек., 561.
- Лобачевскій**, Никол. Ив., проф., математикъ, р. 1793 + 1856 г., т. СХХХV, июль, 22, авг., 254, т. СХХХVI, нояб., 463.
- Лобачевскій**, офиц., 1857 г., т. СХХХV, авг., 251.
- Лобко**, подполк., 1868 г., т. СХХХVI, дек., 691.
- Ловичъ**, графиня, Жанета Антонов., (Іоанна Грудзинская), супруга цес. Константина Павловича, р. 1796 + 1831 г., т. СХХХV, сент., 488.
- Лодеръ**, лейбъ-медикъ, 1830 г., т. СХХХV, сент., 476.
- Лодіи**, арт.-гѣвель, т. СХХХV, авг., 257.
- Лодыженскій**, Н. Н., 1876 г., т. СХХХIV, май, 313, июнь, 480.
- Логиновъ**, Петръ Петров., полковн., начальникъ Софійскаго гарнизона, 1880 г., т. СХХХIII, февр., 262, 263.
- Лодомирскій**, казначей, 1814 г., т. СХХХIII, мартъ, 538.
- Ломанъ**, вице-адм., 1808 г., т. СХХХIV, июнь, 548.
- Лонгиновъ**, Михайлъ Никол., орловск. губернт., бібліографъ, 1823 + 1875 г., т. СХХХIII, февр., 297, 423.
- Лонгиновъ**, профес., т. СХХХV, авг., 268.
- Лопатинскій**, Теофилактъ, т. СХХХVI, дек., 590, 595.
- Лопухинъ**, Абрамъ Степ., ген.-поруч., + 1799 г., т. СХХХVI, окт., 100.
- Лопухинъ**, кн., Петръ Вас., мн-ръ юстиціи, + 1827 г., т. СХХХIII, мартъ, 658, 690.
- Лопухинъ**, Степ. Абрамов., камергеръ, т. СХХХVI, окт., 100.

Полухинъ, полковникъ, 1809 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 720.

Порисъ-Меликовъ, графъ, Михаилъ Таріелов., ген.-ад., р. 1825 † 1888 г., т. СХХХІІІ, янв., 163—165, февр., 329, мартъ, 641, т. СХХХІV, апр., 161.

Посковский, проф., 1866 т. СХХХVІ, окт., 50.

Лохвицкій, А. В., проф., т. СХХХVІ, окт., 250.

Лощинскій, контръ-адм., 1904 г., т. СХХХІV, апр., 88, 90.

Луговскій, Томило, дякъ, 1619 г., т. СХХХVІ, дек., 662—665.

Лукинъ, т. СХХХІІІ, мартъ, 574.

Лундинъ, кап.-лейт., 1760 г., т. СХХХІV, апр., 177, 178.

Лѣвовъ, И. М., полковникъ, начальн. болгарск. артил., 1880 г., т. СХХХІV, апр., 31.

Людовикъ, XIV, король французскій, т. СХХХVІ, нояб., 328—338.

Любовицкій, вице-президентъ, 1830 г., т. СХХХV, авг., 384, сент., 484—487.

Любецкій, кн., Ф. К., мн-ръ финанс. Ц. Польскаго, 1830 г., т. СХХХV, сент., 489.

Люценко, Ефимъ, секрет. Царскос. лицей, 1812 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 622, 623, 627.

Львовъ, Серг. Лаврентьев., ген. 1789 г., т. СХХХІV, нояб., 321.

М

Мавринъ, Савва Ив., капит.-поруч., 1773 г., т. СХХХVІ, дек., 641, 642.

Магденко, майоръ, 1809 г., т. СХХХV, июль, 160.

Магнитскій, Як., 1820 г., т. СХХХІІІ, февр., 409.

Магницкій, Мих. Леонтьев., попечит. Казан. уч. окр., † 1856 г., т. СХХХІV, июнь, 641, т. СХХХV, авг., 250.

Мадатовъ, кн., 1809 г., т. СХХХV, июль, 163.

Мазепа, Ив. Степан., малорос. гетманъ, † 1709 г., т. СХХХІV, май, 404.

Майдель, баронъ, ген.-ад., комендантъ Петропавл. крѣпости, † 1881 г., т. СХХХІV, апр., 65.

Майковъ, Апол. Никол., поэтъ, р. 1821 † 1897 г., т. СХХХІІІ, янв. 7, 8, 11, т. СХХХІV, июнь, 578.

Майковъ, В. И., т. СХХХІІІ, мартъ, 574.

Майковъ, Леонидъ Ник., акад. 1889 г., т. СХХХІІІ, февр., 425, т. СХХХV, авг., 282.

Майковъ, П., сообщ.: «Императоръ Николай I и преображенцы», т. СХХІV, май, 254—256. «Два письма Екатерины II къ гр. Я. Е. Сиверсу», т. СХХХІV, дек., 574—576.

Макарий, въ мѣрѣ Мих. Петр. Булгаковъ, церковный историкъ, митроп. Московск., 1879 г., р. 1816 † 1882 г., т. СХХХІІІ, февр., 385, т. СХХХІV, май, 409, т. СХХХVІ, дек., 765.

Макаровъ, А. Н., дирет. Педагогич. музея, т. СХХХV, сент., 537.

Макаровъ, Степ. Осип., вице-адм., р. 1848 † 1904 г., т. СХХХІV, апр., 80, 81.

Маклаковъ, купецъ, т. СХХХІІІ, февр., 467.

Маковъ, Влад. Павл., педаг., 1858 г., т. СХХХІV, апр. 191.

Максимовичъ, М. А., проф. моск. унив., 1843 г., т. СХХХV, июль, 190, сент., 468.

Максимовскій, полковн. 1868 г., т. СХХХVІ, дек., 691.

Максимовъ, полковникъ, т. СХХХІV, апр., 126, т. СХХХV, июль, 13, 17.

Максимовъ, артистъ, т. СХХХVІ, окт., 209.

Макшеевъ, П. М., ген.-майоръ, директ. Педагогич. Музея, 1907 г., т. СХХХV, сент., 538.

Макшеевъ, Ѳ. А., ген.-майоръ, профес. Акад. Генер. Штаба, главный редакт. «Военнаго Сборника», и «Русскаго Инвалида», 1904 г., т. СХХХІV, май, 287, упом. т. СХХХVІ, дек., 691.

Малама, оф. ген.-штаба, 1868 г., т. СХХХVІ, дек., 692.

Малаховъ, Мих. Викторов., антропологъ, 1883 г., т. СХХХV, сент., 644, т. СХХХІ, окт., 215—226, нояб., 399.

Малевичъ, Влад. Степ., полковн. 1854 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 694, т. СХХХІV, апр., 193.

Малетски, ген., 1830 г., т. СХХХV, сент., 490.

Малиновскій, Карлъ Николаев., 1856 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 693, 702.

Малиновскій, директ. Царскосельск. лицея, 1812 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 620—629.

Маловъ, Алексѣй Ив., свящ., 1825 г., т. СХХХІІІ, янв., 234.

Мальцева, г-жа, т. СХХХІІІ, янв., 96.

Мамонтовъ, ротм., 1842 г., т. СХХХІV, июнь, 599, 600, 601, 602.

Мамонтовъ, кад., 1857 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 706.

Манасенинъ, Никол. Авксентьев., мн. юстиц., 1886 г., т. СХХХVІ, нояб., 305.

Мандельштамъ, І. Е., педаг., 1878 г., т. СХХХV, сент., 536.

Мандрыка, офиц., 1847 г., т. СХХХV, авг., 370.

Мантейфель, гр., ген.-майоръ, 1809 г., т. СХХХV, авг., 408.

Манштейнъ, Христофоръ, авт. мемуаровъ, † 1757 г., т. СХХХIV, апр., 100.

Манькинъ-Невоструевъ, Александръ Ив., ген., 1878 г., т. СХХХIV, июнь, 606—608.

Марія Александровна, императрица, р. 1824 † 1880 г., т. СХХХIII, янв., 88—90, 95, 96, февр., 343, 471, т. СХХХIV, апр., 32, июнь, 472, 473, 481, т. СХХХVI, окт., 59, 227, нояб., 469, дек., 737.

Марія Николаевна, вел. княг., въ зам. герцог. Лейхтенбергская, р. 1819 † 1879 г., т. СХХХIII, февр., 453, т. СХХХIV, июнь, 646, т. СХХХV, авг., 279, т. СХХХVI, нояб., 469, дек., 739.

Марія Павловна, великая княгиня, въ зам. вел. герцогини Саксен-Веймар., † 1859 г., СХХХVI, дек., 737.

Марія Теодоровна, импер., р. 1759 † 1828 г., т. СХХХIV, июнь, 643, 646, т. СХХХVI, окт., 17, 26.

Маржеретъ, англ. истор., т. СХХХIII, янв., 221.

Мариновичъ, сербск. уполном., 1876 г., т. СХХХIV, июнь, 471, 474, 481.

Маринъ, Алексѣй, премьеръ-маіоръ, 1760 г., т. СХХХIII, мартъ, 647, 653, т. СХХХIV, апр., 180, 181.

Маріо, пѣвецъ, 1852 г., т. СХХХIV, май, 464.

Маркель, архіеп. Вологодск. и Бѣлоозер., 1659 г., т. СХХХV, июль, 74.

Марія Михайловна, вел. княгиня, 1845 г., т. СХХХIV, июнь, 646.

Марковъ, Евг. Ив., ген., 1809 г., т. СХХХIV, апр., 227, июнь, 678—689, т. СХХХV, июль, 161—163, авг., 402—427, т. СХХХVI, окт., 276, 285, нояб., 521—528.

Марковъ, Н. В., полковн., 1883 г., т. СХХХIV, апр., 120, 126, 138.

Марковъ, гр., 1876 г., т. СХХХIV, июнь, 480.

Марковъ, тов. прокур., 1874 г., т. СХХХVI, окт., 295, 296.

Мартесонъ, педагог., 1847 г., т. СХХХV, авг., 377.

Мархоцкій, гр., участн. вост. 1830 г., т. СХХХVI, окт., 200.

Марса Ивановна, супруга Филарета, т. СХХХVI, нояб., 480, 484.

Масалевскій, Яковъ, 1812 годъ, т. СХХХIII, мартъ, 627.

Масленниковъ, К. И., прокур. окружн. суда, 1874 г., т. СХХХVI, нояб., 293.

Масловскій, Дмитр. Федор., ген.-маіоръ, воен. историкъ, р. 1848 † 1894 г., т. СХХХV, авг., 338, 339.

Масловскій, полковн., 1763 г., т. СХХХIII, мартъ, 648.

Маслова, Елизавет. Дм., въ зам. Безобразова, 1852 г., т. СХХХIII, янв., 146.

Масловъ, Ив., 1833 г., т. СХХХIII, мартъ, 584, 585.

Масловъ, Александръ Сименов., помощ. инспект. классовъ, 1847 г., т. СХХХV, авг., 377.

Матвѣевъ, С. Е., т. СХХХIII, мартъ, 689.

Матусевичъ, контръ-адм., 1904 г., т. СХХХIV, апр., 90, 91.

Фонъ-Мевесъ, унтеръ-офиц., 1847 г., т. СХХХV, авг., 369.

Медеръ, педагог., 1878 г., т. СХХХV, сент., 536.

Медвѣдова, артистка моск., театр., т. СХХХIV, май, 377.

Медвѣдовскій, рус. добров. въ Сербіи, гвард., 1876 г., т. СХХХIV, май, 311.

Медынцева, 1873 г., т. СХХХIII, мартъ, 493, 495.

Мезенцевъ, шефъ жандарм., † 1878 г., т. СХХХIII, мартъ, 640, т. СХХХVI, дек., 551.

Мезерницкій, П., сообщ.: «Стародубъ», т. СХХХIV, май, 399—407.

Мезепцій, Данило, 1619 г., т. СХХХVI, нояб., 480, дек., 661, 664, 665.

Мейеръ, Д. И., проф. Казанск. унив., 1855 г., т. СХХХV, авг., 243, 245, 254, сент., 581, т. СХХХVI, окт., 250, 262.

Мейндорфъ, бар., ген., 1809 г., т. СХХХIII, мартъ, 720, т. СХХХV, июль, 164, 165.

Мелентостойковичъ, офиц., 1809 г., т. СХХХIII, мартъ, 722.

Мелесино, П. И., ген.-поруч., 1764 г., т. СХХХV, июль, 153.

Меллеръ-Закомельскій, ген., начальн. дивизии, 1863 г., т. СХХХIV, май, 339, июнь, 597—603.

Меллеръ-Закомельскій, бар., ген.-отъ-артил., 1790 г., т. СХХХVI, нояб., 323.

Мельниковъ, А. А., вице-директ. азиатск. департам., т. СХХХIII, февр., 346.

Мельниковъ, полковн., 1809 г., т. СХХХIV, апр., 239, июнь, 683, т. СХХХV, июль, 161, 162.

Фонъ-Менгенъ, см. Кословская.

Фонъ-Менгенъ, бар., Александръ Александровичъ, † 1799 г., т. СХХХIV, апр., 112.

Менгенъ, Александръ Михайлов., министр-резидентъ въ Дреденѣ, † 1903 г., т. СХХХIV, апр., 114.

Фонъ-Менгенъ, бар., Александръ Пет., полковн., 1794 г., т. СХХХIV, апр., 111.

- фонъ-Менгденъ** (Фамендинъ), бар., Алексѣй Аристовъ, первый изъ рода Менгденъ принявшій православіе, стольн. при Петрѣ Великомъ, 1687 г., т. СХХХIV, апр., 110.
- Менгденъ**, Амалия Георгіевна, рожд. Фелькерзамъ, т. СХХХIV, апр., 99, 114.
- Менгденъ**, баронесса, Анна, въ зам. графиня Минихъ, фрейлина при дворѣ импер. Анны Іоанновны, т. СХХХIV, апр., 100.
- Менгденъ**, Владиміръ Мих., чл. Государст. Совѣта, т. СХХХIV, апр., 114.
- фонъ-Менгденъ**, бар., Іоан. Алексѣевъ, полковн., астраханск. губерн., 1725 г., умеръ въ чинѣ тайн. совѣтника, т. СХХХIV, апр., 110.
- Менгденъ**, бар., Іоаннъ-Альбрехтъ, т. СХХХIV, апр., 100.
- Менгденъ**, Карлъ-Людвигъ, тайн. совѣтн. и президентъ коммерц-коллегіи, † 1760 г., т. СХХХIV, апр., 100.
- Менгденъ**, баронъ, Магнусъ-Густавъ, † 1709 г., т. СХХХIV, апр., 100.
- Менгденъ**, баронесса, Марія-Аврора, въ зам. графиня Лестокъ, † 1808 г., т. СХХХIV, апр., 100, 101, 106.
- Менгденъ**, Марія Михайловна, въ зам. графиня Толстая, † 1902 г., т. СХХХIV, апр., 115, 116.
- Менгденъ**, Мих. Александровичъ, т. СХХХIV, апр., 111, 112, 114.
- фонъ-Менгденъ**, бар., Николай Александровичъ, поруч., т. СХХХIV, апр., 111, 112.
- Менгденъ**, баронъ, Николай Мих., † 1884 г., т. СХХХIV, апр., 114, 115.
- фонъ-Менгденъ**, бар., Петръ Іоанов., секундъ-ротмистръ, † 1775 г., т. СХХХIV, апр., 111.
- Менгденъ**, баронесса, Софія, сообщ.: «Отрывки семейной хроники», т. СХХХIV, апр., 97—116, май, 325—348.
- Менгденъ**, баронесса, Юлія, фрейлина правительницы Анны Леопольдовны, род. 22 мая 1719 г., † 21 окт. 1786 г., т. СХХХIV, апр., 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108.
- Менгденъ**, баронесса, Якобина, фрейлина императрицы Анны Іоанновны, † 21 августа 1773 г., т. СХХХIV, апр., 103, 107—109.
- фонъ-Менгденъ**, Эрнстъ, (Аристъ Аристовичъ), 1577 г., т. СХХХIV, апр., 110.
- Менделѣевъ**, Дм. Ів., проф. т. СХХХV, сент., 600, т. СХХХVI, дек., 553, 556.
- Меншиковъ**, Алексд., Данил., сподвиж. Петра I, т. СХХХVI, окт., 174.
- Меншиковъ**, кн., Александръ Серг., адм., ген.-ад., начальн. морск. штаба, р. 1787 † 1869 г., т. СХХХIII, февр., 266, мартъ, 588, 699, 700.
- Меньшовъ**, Петръ Кононовичъ, ген.-майоръ, редакт. «Военнаго Сборника», 1859 г., воен. писат., р. 1814 † 1875 г., т. СХХХIV, май, 285, 288.
- Мердереъ**, Карлъ Карлов., генер.-ад., воспитат. Александра II, † 1834 г., т. СХХХIII, янв., 236.
- Мердереъ**, Н. И., писательница, т. СХХХVI, нояб., 411.
- Мецгеръ**, оф. ген. штаба, 1868 г. т. СХХХVI, дек., 692.
- Мещеринцовъ**, Ів., 1619 г., т. СХХХVI, дек., 659.
- Мещеринцовъ**, полковн., 1810 г., т. СХХХV, сент., 661, т. СХХХVI, нояб., 529.
- Мещерская**, кн., Софія Сергѣевна, т. СХХХIII, февр., 292.
- Мещерскій**, кн., В. П., издат. «Гражданина», т. СХХХIII, февр., 329, мартъ, 638, т. СХХХIV, май, 308.
- Мещерскій**, кн., Платонъ Ст., губерн., 1775 г., т. СХХХV, сент., 666.
- Мещерскій**, кн., предводит. дворянства, т. СХХХIII, янв., 64.
- Михайлицъ**, Фердинандъ Осипов., педагог., 1847 г., т. СХХХV, авг., 377.
- Миланъ**, король сербскій, 1885 г., т. СХХХIV, май, 305—313, июль, 473—480.
- Миланевичъ**, сенат., 1810 г., СХХХV, сент., 665.
- Милевская**, Анна, актриса, 1799 г., т. СХХХV, июль, 150.
- Миллеръ**, Всеволодъ Ѳед., этнографъ, писат., 1895 г., т. СХХХIII, янв., 69, т. СХХХVI, дек., 743.
- Миллеръ**, Георгій, сообщ.: «Воспоминанія К. П. Каблукова», т. СХХХV, сент., 603—633, «По поводу статьи. Воспоминанія К. П. Каблукова», т. СХХХVI, нояб., 530.
- Миллеръ**, Орестъ Ѳед., проф., р. 1833 † 1889 г., т. СХХХIII, февр., 382, т. СХХХIV, май, 294, т. СХХХVI, окт., 67.
- Миллеръ**, Ѳед., кадетъ, 1856 г., т. СХХХIII, мартъ, 702.
- Миллеръ**, гусаръ, т. СХХХIV, июнь, 612.
- Миллеръ**, капит., т. СХХХIV, апр., 107, 108.
- Милоновъ**, М. В., писат., 1822 г., т. СХХХV, июль, 98, 99.
- Милорадовичъ**, Мих. Андр., ген.-лейт., 1809 г., кievск. ген.-губ. 1811 г., спб. ген.-губ., † 1825 г., т. СХХХIII, янв., 44, 119, мартъ, 687, 712—724, т. СХХХIV, июнь, 685—687, 690—696, т. СХХХV, июль, 172—183, 192—195,

- 198, 201, 206, 209, авг., 401, 419, 426, 427, сент., 664, 665, т. СХХХVI, дек., 705—708.
- Милютинъ**, графъ, Алексѣй Дм., т. СХХХIII, янв., 169, 176.
- Милютинъ**, гр., Дм. Алексѣев., воен. мн-ръ, ген.-ад., р. 1816 г., т. СХХХIII, янв., 167, т. СХХХIV, апр., 20—23, 27, 32, 37, 44, 46, 64, 65, май, 262, 273, 274, 277, июнь, 479, 481, т. СХХХV, июль, 11, 132, авг., 262, сент., 519, 530, 541, т. СХХХVI, окт., 37—39, 43, 74, нояб., 297, 369—371.
- Милютинъ**, кн. Николай Алексѣев. тов. мн-ра вн. дѣлъ, дир. хозяйст. департ. минист., р. 1818 + 1872 г., т. СХХХIV, апр., 98, май, 343.
- Минаевъ**, Д. Д., сотруди. «Молвы», т. СХХХIII, мартъ, 641.
- Минихъ**, см. баронесса Менгденъ.
- Минихъ**, гр., Иоаннъ-Эрнестъ, дѣйств. тайн. совѣтн., сынъ фельмарш., авторъ записокъ издан. въ Спб. 1877 г., т. СХХХIV, апр., 100.
- Мирскій**, кн., ген.-ад., 1877 г., т. СХХХV, сент., 657, дек., 703, 704.
- Мистаки**, проф., 1839 г., т. СХХХVI, окт., 261.
- Миткевичъ**, Мих., архимандр., 1714 г., т. СХХХIII, мартъ, 616.
- Митрофанія** (баронесса Прасковья Григорьевна Розенъ), игуменья Владычнѣ-Покровскаго монаст. въ Серпуховѣ, 1873 г., т. СХХХIII, мартъ, 491—499.
- Митрофановъ**, П. И., двор., 1883 г., т. СХХХV, авг., 223.
- Михайлова**, Екатерина Васильевна, актриса, 1799 г., т. СХХХV, июль, 150.
- Михайловскій - Данилевскій**, Алексн. Ив., г.-лейт., воен. историкъ, † 1843 г., т. СХХХIII, февр., 477, т. СХХХVI, нояб., 443—446.
- Михайловскій**, Н. К., 1900 г., т. СХХХVI, дек., 560.
- Михайловъ**, А. К. (Шеллеръ), писат., т. СХХХVI, окт., 220, 221.
- Михайловъ**, Г. К., худож., т. СХХХVI, окт., 154.
- Михаилъ**, митроп., 1876 г., т. СХХХIV, май, 313.
- Михаилъ** (Деснецкій), чернигов. архіеп., въ 1818 г. назначенъ слб. митропол., † 1821 г., т. СХХХVI, дек., 585, 587.
- Михаилъ Николаевичъ**, велик. князь, кавказск. намістникъ, р. 1832 г., т. СХХХIII, февр., 332, 333, т. СХХХV, июль, 11, авг., 262, 342, 373, сент., 660, т. СХХХVI, окт., 87, 38, 184, нояб., 370, дек., 740.
- Михаилъ Павловичъ**, великій князь, р. 1798 + 1849 г., т. СХХХIII, февр. 404—406, 454, 470, мартъ, 658, т. СХХХV, июль, 65.
- Михаилъ Федоровичъ**, царь, 1619 г., т. СХХХVI, нояб., 475—490, дек., 658, 664, 665, 668, 671, 674.
- Михельсонъ**, Ив. Ив., ген.-отъ-кавал., р. 1740 + 1807 г., т. СХХХIV, апр., 229, 232, июнь, 675, 682, т. СХХХV, июль, 172, 173.
- Мишо**, гр., г.-лейт. 1827 г., т. СХХХIV, июнь, 568, т. СХХХV, июль, 165, 166.
- Мишуковъ**, адм., 1760 г., т. СХХХIII, мартъ, 646—649, т. СХХХIV, апр., 177—179.
- Мищенко**, ген., 1903 г., т. СХХХVI, дек., 699.
- Міончинскій**, фельдфеб., 1857 г., т. СХХХIII, мартъ, 708.
- Минишкѣ**, Марина, жена перваго самозванца, † 1614 г., т. СХХХIII, янв., 218, т. СХХХIV, апр., 6.
- Минишкѣ**, Марія, т. СХХХVI, дек., 673.
- Минишкѣ**, воевода сендомірска., 1606 г., т. СХХХIII, янв., 223, т. СХХХIV, апр. 3.
- Модестовъ**, В. И., профес., 1878 г., т. СХХХVI, окт., 250, дек., 556, 558.
- Модестъ**, архимандр. москов. Спасо-Андрон. монаст., 1873 г., т. СХХХIII, мартъ, 495.
- Модзалевскій**, педагогъ, 1871 г., т. СХХХV, сент., 519.
- Моисей**, іеромонахъ, 1822 г., т. СХХХIII, февр., 410.
- Моисейеръ**, д. стат. сов., 1812 г. т. СХХХVI, нояб., 443.
- Моллеръ**, контръ-адм., 1808 г., т. СХХХIV, июнь, 547.
- Молоствовъ**, В. П., ген., попечит. казанскаго учебнаго окр., 1857 г. т. СХХХV, авг., 251, 254.
- Молчановъ**, Петръ Степ., ст.-секрет., р. 1760 + 1837 г., т. СХХХV, июль, 118.
- Монферранъ**, Августъ, архитекторъ, р. 1786 г., † 1858 г., т. СХХХIII, янв., 118.
- Мордвиновъ**, Сем. Ив., адм., р. 1701 + 1777 г., т. СХХХIII, мартъ, 647—650, 653, т. СХХХIV, апр., 178—180.
- Мордвиновъ**, Никол. Семенов., адмир., 1786 г., т. СХХХVI, нояб., 317.
- Мордвиновъ**, предсѣдат. судебн. палаты, 1879 г., т. СХХХVI, дек., 538.
- Мордвиновъ**, фаворитъ, 1781 г., т. СХХХV, сент., 463.
- Мордовцовъ**, Д. Л., т. СХХХVI, дек., 561.
- Морозовъ**, П. О., издат. соч. Пушкина, т. СХХХIII, янв., 114, мартъ, 655.
- Морозъ**, Д. М., сенат., т. СХХХIII, мартъ, 658.
- Музовскій**, свящ., Царское. лицей, 1812 г., т. СХХХIII, мартъ, 625.
- Муравьевъ**, Александръ Мих., декабр.,

р. 1802 † 1863 г., т. СХХХІІІ, янв., 52.

Муравьевъ, Мих. Никитичъ, препод. Александра І, писатель, р. 1757 † 1807 г., т. СХХХV, сент., 547—550.

Муравьевъ, гр., Мих. Никол., мн-ръ гос. имущ., ген.-губ. Сѣв.-Зап. края, р. 1796 † 1866 г., т. СХХХІV, апр., 149, июнь, 482, т. СХХХVІ, нояб., 499, 530.

Муравьевъ, Апостолъ, Сергѣй Иванов., декабр., р. 1796 † 1827 г., т. СХХХІІІ, янв., 52.

Муравьевъ, 1873 г., т. СХХХVІ, нояб., 471.

Мусинъ-Пушкинъ, Мих. Николаевичъ, попочит. спб. учеб. окр., р. 1796 † 1862 г., т. СХХХV, авг., 292.

Мусинъ-Пушкинъ, гр., А. С., масонъ, посланникъ въ Лондонъ 1776 г., т. СХХХІV, июнь, 622, т. СХХХVІ, окт., 91, нояб., 471, 472.

Мусинъ-Пушкинъ, гр., ген.-адъют., команд. войсками одесскаго воен. округа, 1903 г., т. СХХХІІІ, янв., 176.

Мусинъ-Пушкинъ, воевода, 1675 г., т. СХХХVІ, дек., 624.

Мусоргскій, Модестъ Петров., р. 1839 † 1881 г., т. СХХХVІ, нояб., 308.

Мухановъ, Серг. Никол., полковникъ, 1830 г., т. СХХХІІІ, февр., 454.

Мышецкій, кн., Яковъ, посолъ, 1689 г., т. СХХХVІ, нояб., 330, 332.

Матвеевъ, Ив. Петровичъ, писатель, † 1844 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 668.

Мясковский, педаг. Тульск.-Александр. кадетск. корпуса, 1847 г., т. СХХХV, авг., 368.

И

Набокова, Лидія, т. СХХХІV, июнь, 611, 612.

Набоковъ, Дм. Никол., ст.-секрет., мн-ръ юстиціи, р. 1827 г., т. СХХХVІ, дек., 546.

Набоковъ, саратов. губери., 1870 г., т. СХХХІV, июнь, 612.

Навроцкій, Алексд. Алексд., издат. журн. «Русская Рѣчь», 1880 г., т. СХХХVІ, нояб., 345, 346.

Навроцкій, Михаилъ Тимов., профес., 1855 г., т. СХХХVІ, окт., 250.

Нагловскій, Дм. Станисл., ген., нач. штаба одесскаго воен. окр., † 1890 г., т. СХХХІV, май, 279, июнь, 607.

Надеждинъ, Николай Иван., проф., р. 1804 † 1856 г., т. СХХХІІІ, февр., 280—284, 407—417.

Надсонъ, С. Я., писатель, поэтъ, т. СХХХІV, май, 294, т. СХХХVІ, нояб., 401—402.

Назарьева, К. В., писательница, т. СХХХVІ, нояб., 411.

Назимовъ, ген., 1809 г., т. СХХХV, июль, 165, т. СХХХVІ, окт., 273.

Наполеонъ І, императоръ, т. СХХХІІІ, янв., 179, 180, февр., 309, 316, мартъ, 529—531, 537, 539, 619, 712, 719, дек., 577—588, 614—616, 622.

Направникъ, Эдуар. Францов., дириж., композит., т. СХХХVІ, окт., 185, 186.

Нарышкина, Марія Антоновна, 1814 г., т. СХХХІІІ, янв., 191.

Нарышкинъ, Александръ Львов., главн. директ., 1799 г., т. СХХХV, июль, 142—145, 157.

Нарышкинъ, Кирилль Мих., совѣтн., 1876 г., т. СХХХІV, июнь, 483.

Нарышкинъ, М., 1873 г., т. СХХХVІ, нояб., 471.

Нарышкинъ, шталмейстр., 1777 г., т. СХХХV, сент., 445.

Наумовъ, бешетристъ, т. СХХХV, сент., 644.

Наумовъ, Апполосъ, оберъ-секрет., 1779 г., т. СХХХV, сент., 575.

Нащокинъ, Пав. Вас., 1884 г., т. СХХХVІ, дек., 762—764.

Небогатовъ, адмиралъ 1904 года, т. СХХХІV, апр., 88, 89.

Невельскій, лейт., 1808 г., т. СХХХІV, июнь, 550, 551.

Невоструевъ, Александръ Ив., настоят. Московск.-Казанск. собора 1832 г., † 1872 г., т. СХХХІІІ, янв., 99, 101.

Невоструевъ, Капитонъ Ив., проф., археол., р. 1815 † 1873 г., т. СХХХІІІ, янв., 97—110, февр., 367—392.

Нейгардтъ, одесскій градоп., 1903 г., т. СХХХІІІ, янв., 176.

Некрасовъ, Никол. Алексѣев., писат., р. 1821 † 1877 г., т. СХХХІІІ, февр., 249, 464, т. СХХХІV, апр., 163, 197, 199, июль, 579, т. СХХХV, июль, 221, авг., 271, 313, т. СХХХVІ, дек., 559.

Нелидовъ, Александръ Ив., посолъ въ Констант., р. 1835 г., т. СХХХІІІ, янв., 91, т. СХХХV, июль, 11.

Нелидовъ, Н. К., проф., т. СХХХV, сент., 591.

Нелидовъ, капитанъ-лейтен., 1808 г., т. СХХХІV, июнь, 547.

Неплюевъ, Д., 1800 г., т. СХХХІV, май, 316.

Неплюевъ, Ив. Никол., минск. губери., впосл. чл. совѣта 1824 г., т. СХХХVІ, нояб., 326.

Непокойчицкій, Артуръ Адамов., ген., р. 1803 † 1881 г., т. СХХХІV, май, 279, июнь, 606—609, т. СХХХV, июль, 11.

Нессельроде, Карлъ Вас., канцл., р. 1780 † 1862 г., т. СХХХІІІ, янв., 180, 188.

- т. СХХХІІІ, мартъ, 596, т. СХХХVІ, окт., 109—118.
- Нессельроде**, гр., камеръ-юнк., 1876 г., т. СХХХV, авг., 263.
- Нестеровъ**, офиц., 1857 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 708.
- Нечаевъ**, Александръ, сообщ.: «Очерки изъ исторіи Тамбовской церкви», т. СХХХV, июль, 37—56, сент., 559—578.
- Нейловъ**, Серг. Алексѣев., р. 1779 † 1852 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 658, 659.
- Никитенко**, Алекс. Васильев., писатель, † 1877 г., т. СХХХІV, июнь, 644, т. т. СХХХV, июль, 119, авг. 266, 267, 272, 281, 285, 291—293, 303—306.
- Никитинъ**, Андрей Афанасьев., 1820 г., т. СХХХІV, нояб., 445.
- Никитинъ**, офиц., 1842 г., т. СХХХІV, июнь, 600—602.
- Никитинъ**, ген.-лейт., воен. комиссаръ въ Бѣлградѣ, 1876 г., т. СХХХІV, май, 304, 306, июнь, 472—476, 528.
- Николаевъ**, оф., ген. штаба, 1868 г., т. СХХХVІ, дек., 692.
- Николай І**, императоръ, р. 1796 † 1855 г., т. СХХХІІІ, янв. 29—31, 59, 88, февр., 266, 280—285, 325, 407, мартъ, 588—603, 659, 694, 709, т. СХХХІV, апр., 19, 196, май, 254—256, 427, июнь, 609, 610, т. СХХХV, июль, 57, 65, авг., 221, 227, 361, 372—382, сент., 470, 489, т. СХХХVІ, окт., 37, 58, 59, 79, 80, нояб. 456, 763, 796, дек., 606, 736, 738.
- Николай ІІ**, императоръ, т. СХХХІІІ, мартъ, 704, т. СХХV, апр. 16, июнь, 482, т. СХХХV, сент., 501, 503.
- Николай Константиновичъ**, великій князь, т. СХХХІІІ, янв., 148.
- Николай Николаевичъ**, великій князь, р. 1831 † 1891 г., т. СХХХV, апр. 21, 23, 34, 63, 64, 120, 185, май, 274, 279, июнь, 604—609, 472, 474, т. СХХХV, июль, 11, 12, авг., 227, 342, 373, т. СХХХVІ, окт., 182, 184, 192, нояб., 372.
- Николай Николаевичъ**, вел. князь, р. 1866 г. т. СХХХVІ, нояб., 307, 310.
- Николевъ**, полковн., губернс. воинск. начальн., 1865 г., т. СХХХV, авг. 434.
- Никонъ**, патриархъ, 1676 г., т. СХХХVІ, дек., 623.
- Никулина-Косицкая**, Надежда Алексѣевна, артистка, 1866 г., т. СХХХІV, май, 377.
- Новакъ**, ген., 1810 г., т. СХХХVІ, нояб., 523.
- Новикова**, Барвара, актриса, т. СХХХV, июль, 155.
- Новиковъ**, Евг. Петр., посолъ въ Вѣнѣ 1890 г., т. СХХХІІІ, янв., 92—94.
- февр., 342, 345—347, мартъ, 564—569, т. СХХХІV, апр., 71, 75, май, 310, июнь, 471, 477, т. СХХХV, июль, 4, 7, т. СХХХVІ, окт., 237.
- Новиковъ**, Никол. Ив., писат., р. 1744 † 1818 г., т. СХХХІІІ, мартъ 574, т. СХХХV, июль, 98, 108, сент., 569, т. СХХХVІ, окт., 93, 94.
- Новицкій**, ген., 1830 г., т. СХХХV, сент., 486.
- Новогребельскій**, полковн., т. СХХХV, июль, 15.
- Новоселовъ**, ген., 1876 г., т. СХХХІV, май, 311.
- Новосильцевъ**, Никол. Никол., предс. гос. сов., р. 1761 † 1836 г., т. СХХХІІІ, янв., 73.
- Нордштремъ**, Анна Христіановна, рожд. Михаэлис, 1858 г., т. СХХХІV, апр., 187.
- Нордштремъ**, Ив. Андреев., 1858 г., т. СХХХІV, апр., 187.
- Нордштремъ**, Христіанъ Андр., докт., 1858 г., т. СХХХVІ, нояб., 503.
- Норовъ**, А. С., мин. нар. просв. 1856 г., т. СХХХVІ, нояб. 463.
- Носоновъ**, Вас. Ив., казакъ, 1905 г., т. СХХХІІІ, янв., 201, 205—210, февр., 437—441, мартъ, 669, 671.
- Нѣгошъ**, Петръ Петровъ, черногорскій митрополитъ, † 1851 г., т. СХХХІІІ, янв., 238—242.

- Оболенскій**, Л., ред. журн. «Русское Богатство», т. СХХХVІ, нояб., 346.
- Оболенскій**, кн., офиц., 1857 г., т. СХХХV, авг., 251.
- Оболенскій**, кн., кадетъ, 1857 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 706.
- Оборскій**, Андрей, польск. делегатъ, 1619 г., т. СХХХVІ, дек., 659.
- Оборскій**, Янъ, польскій гонецъ, 1619 г., т. СХХХVІ, дек., 658.
- Обручевъ**, Никол. Николаев., нач. главн. штаба, ген.-ад., т. СХХХІV, апр., 35, 36, май, 285—288, июнь, 605, т. СХХХІV, июль, 6, 7, т. СХХХІV, окт., 55—56.
- Огаревъ**, Никол. Плат., писат., р. 1813 † 1877 г., т. СХХХІІІ, мартъ. 586.
- Одоевскій**, кн., Вл. Оед., писат., р. 1803 † 1869 г., т. СХХХІІІ, февр., 282, 283, т. СХХХV, июль, 109.
- Озеровъ**, Влад. Александр., драмат. писат., р. 1769 † 1816 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 702.
- Озеровъ**, И. Х., проф., т. СХХХVІ, дек., 728, 729.
- Озеровъ**, Оед., унт.-лейт., 1760 г., т. СХХХІV, апр., 177, 180, 181.

- Овербломъ**, полковн., редакт. журнала «Военнаго Сборника», 1858 г., т. СХХХIV, май, 288.
- Озуловскій**, Николай, 1604 г., т. СХХХVI, дек., 712.
- Оленингъ**, Алексѣй Никол., дѣйств. тайн. сов., директ. публич. биб., презид. акад. худ., р. 1763 † 1843 г., т. СХХХIII, янв., 146.
- Олсуфьева**, О., г-жа, 1873 г., т. СХХХVI, нояб., 471, 473.
- Олсуфьевъ**, А. В., предсѣд. комит. для управл. зрѣлищами и музыкой 1783 г., т. СХХХV, июль, 139, 141, 151, т. СХХХVI, нояб., 471, 472.
- Олсуфьевъ**, гр., Макарь, ген.-лейт., 1814 г., т. СХХХIII, мартъ, 530, т. СХХХIV, апр., 237, 233, июнь, 667, 680, т. СХХХV, авг., 418, 420, т. СХХХVI, окт., 278.
- Олферьевъ**, синдикъ казанск. унив., 1854 г., т. СХХХVI, нояб., 458.
- Ольга Александровна**, вел. княгиня, т. СХХХV, сент., 503.
- Ольга Николаевна**, 1828 г., т. СХХХIV, июнь, 646, 647, т. СХХХV, авг., 274, т. СХХХVI, дек., 737, 740.
- Оомъ**, Фед. Адольфов., секретарь имп. Маріи Ѳеодоровны, почетный опекунъ, р. 1826 г., т. СХХХIII, янв., 64.
- Ординъ-Нащокинъ**, Воинъ Аванас., воевода, 1676г., т. СХХХVI, дек., 639.
- Орлова**, Анна, графиня, 1819 г., т. СХХХIII, янв., 41.
- Орлова**, артистка, 1860 г., т. СХХХVI, окт., 209.
- Орловъ**, гр., Алексѣй Григ., р. 1735 † 1807 г., т. СХХХIII, янв., 41, т. СХХХIV, апр., 218, 223.
- Орловъ**, гр., Алексѣй Фед., шефъ жанд., р. 1787 † 1862 г., т. СХХХIII, февр., 276, 295, 295, т. СХХХIV, июнь, 615—620.
- Орловъ**, кн., Григорій Григ., р. 1734 † 1783 г., т. СХХХVI, окт., 23, 24, 101.
- Орловъ**, Васил. Петров., полковн., 1787 г., т. СХХХVI, нояб., 319.
- Орловъ**, кн., Мих. Фед., ген.-м., фл. ад., р. 1788 † 1842 г., т. СХХХIII, февр., 276, 277.
- Орловъ**, кн., Николай Алексѣев., диплом., р. 1827 † 1886 г., т. СХХХIII, февр., 267, мартъ, 596.
- Осипова**, Ек. Ив., см. Фокъ.
- Осипова**, Марія Ив., т. СХХХVI, нояб., 491.
- Основскій**, Нилъ Андр., издат. «Москов. Вѣстника», 1860 г., т. СХХХV, авг., 229—239.
- Осокинъ**, Евгр. Григ. проф., 1854 г., 1855 г., т. СХХХV, сент., 581, 583—594, 595, 596, т. СХХХVI, окт., 255, нояб., 454, дек., 725.
- Остервальдъ**, Т. И., преподав. Павла I, масонъ, т. СХХХVI, окт., 91.
- Остерманъ**, гр., Андр. Ив., мн-ръ иностр., дѣль, р. 1686 † 1747 г., т. СХХХIV, май, 266.
- Остерманъ-Толстой**, гр., Александръ Ив., ген.-отъ-инфант., р. 1770 † 1857 г., т. СХХХIII, мартъ, 687.
- Остерманъ-Толстой**, гр., Ив. Андр., вице-канцлеръ, р. 1725 † 1804 г., т. СХХХIII, янв., 72, т. СХХХV сент., 442, дек., 595.
- Островскій**, Александръ Никол., писат., р. 1823 † 1886 г., т. СХХХIII, февр., 300, т. СХХХV, июль, 221, авг., 307.
- Острогорскій**, Алексѣй Ник., педагогъ, т. СХХХV, сент., 536, т. СХХХVI, нояб., 342.
- Острогорскій**, Викт. Петров., педагогъ писат., † 1908 г., т. СХХХVI, окт., 199, нояб., 344, дек., 559—562.
- Остроградскій**, Мих. Вас., акад. матем., р. 1801 † 1851 г., т. СХХХIV, апр., 193.
- Острожскій**, кн., Вас., 1619 г., т. СХХХVI, дек., 668.
- Острожскій**, кн., Конст., 1604 г., т. СХХХIV, апр., 11—15, май, 446.
- Острожскій**, Янушъ, 1604 г., т. СХХХIV, май, 442, т. СХХХVI, дек., 717.
- Остромысленскій**, Ефимъ, протоіерей, 1847 г., т. СХХХV, авг., 375, 376.
- Офенбергъ**, г-жа, Е., т. СХХХVI, нояб., 471—473.

II

- Павелъ I**, императоръ, р. 1754 † 1801 г., т. СХХХIII, янв., 71, 72, 235, мартъ, 663—664, 709, т. СХХХIV, июль, 615, 695, т. СХХХV, июль, 142, 143, 157, сент., 466, 550, т. СХХХVI, окт., 11, 17, 26, 85—95, 101, 106, нояб., 326 дек., 652, 740.
- Павелъ Александровичъ**, вел. князь, т. СХХХVI, окт., 32, нояб., 304—308, дек., 551, 552.
- Павелъ**, Конюшковичъ, митроп. тобольскій, съ 1758—1768 г., т. СХХХIII, мартъ, 607, 608.
- Павличевъ**, Л. Н., т. СХХХVI, дек., 612.
- Павловъ**, Вас., 1619 г., т. СХХХVI, нояб., 481, дек., 565.
- Павловъ**, Ив. Вас., (псевд. Л. Опухтинъ), писат., р. 1823 † 1904 г., т. СХХХV, авг., 229—238.
- Павловъ**, ген., начальн. штаба тифлисс. округа, 1878 г., т. СХХХIII, февр., 332, 333.

- Фонъ-дербъ-Паленъ**, гр., Пав. Петров., 1812 г., т. СХХХIV, июнь, 566.
- Паленъ**, гр., Карлъ Магнусъ (по рус. Матвей Ив.), прибалт. ген.-губерн., р. 1779 † 1863 г., т. СХХХIII, янв., 72.
- Паленъ**, гр., Конст. Ив., мин. юстици, 1878 г. т. СХХХIII, мартъ, 492.
- Паленъ**, гр., К. П., т. СХХХIV, апр., 150.
- Паленъ**, гр., сынъ, т. СХХХVI, нояб., 434.
- Палеологъ**, Софья, супруга вел. кн., Иоанна Васильевича, т. СХХХVI, дек., 666.
- Палочекъ**, Осипъ Осипов., арт.-пѣвецъ, т. СХХХV, авг., 257.
- Палицынъ**, ген., 1809 г., т. СХХХIII, мартъ, 717, 723. т. СХХХIV, июнь, 689, т. СХХХV, июль, 161.
- Паладій**, (въ мѣрѣ Пав. Ив. Раевъ), митр. слоб., р. 1827 г., т. СХХХIII, янв., 166.
- Памфиловъ**, Ив. Ив., духовникъ императрицы Екатерины II, т. СХХХV, сент., 567, 571.
- Панаева-Карцева**, артистка, т. СХХХV, авг., 257.
- Панаевъ**, Ив. Ив., писат., р. 1812 † 1862 г., т. СХХХIV, апр., 197, 199, т. СХХХV, авг., 292.
- Панафидинъ**, лейтен., 1814 г., т. СХХХIV, май, 363.
- Панафидинъ**, чиновн. посольства, т. СХХХIII, мартъ, 577, 578.
- Панинъ**, Никита Ив., канцл. воспит. вел. кн. Павла Петров., р. 1718 † 1783 г., т. СХХХIII, мартъ, 647, т. СХХХIV, апр., 218—224, июнь, 615—631, т. СХХХV, сент., 437—463, т. СХХХVI, окт., 9—26, 89—92.
- Панинъ**, П. И., вел. наместный мастеръ масон. ложи въ ц. Екатерины II, т. СХХХVI, окт., 90.
- Панинъ**, Петръ Ив., ген.-аншефъ, сенат., чл. совѣта, р. 1721 † 1789 г., т. СХХХV, сент., 566, 574.
- Панова**, Елизавета Дмитр., рожден. Улыбашева, 1827 г., т. СХХХIII, февр., 274—276.
- Пантинъ**, драмат. артистъ, т. СХХХV, авг., 257.
- Панютинъ**, Фед. Сергѣев., адъют., 1814 г., т. СХХХIII, мартъ, 528, 538.
- Панютинъ**, полковн., команд. Углицк. полка, 1878 г., т. СХХХV, сент., 500.
- де-Палорне**, гр.-ня, см. Броневская, т. СХХХIV, июнь, 538.
- Паренцова**, Юлія Павловн., 1880 г., т. СХХХIV, апр., 23.
- Паренцовъ**, П. Д., сообщ.: «Изъ прошлаго. (Воспоминанія офицера генеральнаго штаба), т. СХХХIII, февр., 257—270, т. СХХХIV, апр., 17—47, май, 257—282. «Изъ прошлаго, эпизодъ изъ жизни «Военнаго сборника», 288—292, «Изъ прошлаго. Эпизодъ изъ жизни «Военнаго сборника». Объясненіе на докладъ о вредномъ направленіи всей рус. литературы вообще и Воен. Сборн. въ особенности, составленный воен. цензор. полк. Штормеръ», т. СХХХVI, окт., 119—128, «Н. Н. Обручевъ», т. СХХХVI, окт., 55—56, «Императоръ Николай Павловичъ передъ портретомъ имп. Павла I», нояб., 434. «Изъ прошлаго», 435—441, упом. июнь, 607, 608, «Отъѣзъ цесаревича Константина Павловича объ его отцѣ, Императорѣ Павлѣ», т. СХХХVI, дек., 720.
- Пасковичъ**,—Эриванскій, кн. Варшавскій, Ив. Фед., ген. фельдмаршалъ, р. 1782 † 1856 г., т. СХХХIII, февр., 343, мартъ, 691.
- Паскевичъ**, капит., флиг.-адъют., 1809 г., т. СХХХIII, мартъ, 712, 713, т. СХХХV, июль, 163.
- Пассекъ**, Вадимъ Вас., этнографъ, р. 1807 † 1842 г., т. СХХХVI, нояб., 350.
- Пассекъ**, Татьяна Петров., писат.-ца, т. СХХХVI, окт., 198, нояб., 347, 352.
- Пассекъ**, Янъ, польск. делегатъ, 1619 г., т. СХХХVI, дек., 659.
- Паулуччи**, маркизъ, Филипп. Осипов., прибалт. ген.-губ., 1824 г., т. СХХХVI, окт., 109—118.
- Пафутій**, архимандр. Чудова монаст., 1606 г., т. СХХХIII, янв., 222.
- Пахманъ**, Сементъ Викентьев., проф. казанск. унив., 1857 г. сенат., 1908 г., т. СХХХV, авг., 251, сент., 581—591, т. СХХХVI, окт., 248—250, нояб., 459.
- Пахомій** (Симанскій), тамбовск. еписк. † 1789 г., т. СХХХV, июль, 41—56, сент., 559, 561.
- Пашкова**, К., г-жа, 1873 г., т. СХХХVI, нояб., 471, 472.
- Пашковскій**, К. А., 1908 годъ, т. СХХХVI, нояб., 467.
- Пашутинъ**, В. В., профес., 1879 г., т. СХХХVI, окт., 250.
- Пегливанъ**, предвод. турецк. отрядовъ, 1806 г., т. СХХХIV, июнь, 661—682, т. СХХХV, июль, 159, авг., 403—416, т. СХХХVI, нояб., 513—529.
- Пезароніусъ**, Павелъ Павл., издат. «Инвалида», р. 1776 † 1847 г., т. СХХХIII, янв., 236, т. СХХХIV, май, 283, 284.

- Поэль, Петръ, Андреев., проф.,** † 1861 г., т. СХХХV, сент., 597, 598.
- Пенхержевскій, генераль,** 1830 г., т. СХХХV, сент., 492, 493.
- Перевощиковъ, Дм. Матвѣев., проф.,** астрон., р. 1788 † 1880 г., т. СХХХIV, апр., 163.
- Перовскій, Б.,** 1873 г., т. СХХХVI, нояб., 471, 472.
- Перовскій, гр., Левъ Алексѣев.,** мн-ръ внутр. дѣлъ, р. 1792 † 1856 г., т. СХХХIII, февр., 453, т. СХХХIV, апр., 112.
- Перфильевъ, Семенъ Павл.,** дворян., т. СХХХIII, мартъ, 509—521.
- Песковъ, Г. Н.,** педагогъ, 1871 г., т. СХХХV, сент., 529.
- Пестель, Пав. Ив.,** декабр., р. 1792 † 1826 г., т. СХХХIII, янв., 52, мартъ, 660, т. СХХХIV, апр., 114.
- Петерсенъ, Е.,** сообщ.: «О первой постанов. на сценѣ Демона», т. СХХХVI, нояб., 469—473.
- Петровъ, Осипъ Аванас.,** пѣвецъ, † 1878 г., т. СХХХIV, май, 454, 458.
- Петровъ, Андр. Никол.,** ген., воен. писат., р. 1762 † 1834 г., т. СХХХIII, февр., 477.
- Петрусовичъ, полковн.,** т. СХХХIV, апр., 213.
- Петрушевскій, Александръ Фомичъ,** ген.-лейт., р. 1826 † 1904 г., «Изъ его воспомин. (Въ отпуску)», т. СХХХIII, мартъ, 509—521, т. СХХХIV, апр., 49—60.
- Петръ I, императоръ р.,** 1672 † 1725 г., т. СХХХIII, янв., 36, 223, 224, 353, мартъ, 605, 612, 724, т. СХХХIV, апр., 110, 182, 225, май, 404, 406, 429—437, т. СХХХV, июль, 38, 40, 75, авг., 366, сент., 497—499, т. СХХХVI, окт., 40, 155—180, нояб., 329—338, 373—387, дек., 593, 594, 604, 605, 697.
- Петръ II, императоръ, р. 1715 † 1730 г.,** т. СХХХIII, февр., 353, дек., 590, 596, 605.
- Петръ III, императоръ, р. 1728 † 1762 г.,** т. СХХХIV, апр., 106, 109, т. СХХХV, сент., 564.
- Петръ Могила, митропол. кievскій,** † 1647 г., т. СХХХIV, апр., 12.
- Пешель, Францъ, докт.,** 1812 г., т. СХХХIII, мартъ, 627.
- Пещуровъ, опочек. предвод. двор.** 1824 г., т. СХХХIV, окт., 114.
- Пивницкій, докт.,** 1812 г., т. СХХХIV, июль, 565.
- Пилецкій-Урбановичъ, Илья, гуверн.** Царскос. Лицея 1812 г., т. СХХХIII, мартъ, 627.
- Пилецкій-Урбановичъ, Мартынъ, чл.** Правл. Надир. по учебн. части въ Царскос. Лицея 1812 г., т. СХХХIII, мартъ, 627.
- Пилларъ, баронесса, Нина Карловна,** т. СХХХIII, янв., 96.
- Пильцъ, Э. И.,** редкт. газеты «Край», т. СХХХVI, дек., 558.
- Пирлингъ, П.,** сообщ.: „Названный Димитрій и польскіе ариане“, т. СХХХIV, т. СХХХIV, апр., 1—10, май, 439, 440, „Тимофей Акундиновъ въ Римѣ 1648 г.“, т. СХХХVI, окт., 3—4, упом., февр. 353, «Восточная идея Поссевиана», т. СХХХVI, дек., 563—573, упом. 600, 711.
- Писаревскій, Н. Г.,** полковн., издатель „Русскаго Инвалида“, 1861 г., т. СХХХIV, май, 285.
- Писаревъ, генераль-маюръ,** 1815 г., т. СХХХIII, мартъ, 691.
- Писаревъ, М. И.,** артистъ, т. СХХХVI, дек., 569.
- Писаревъ, прокур. судебн. палаты,** 1865 г., т. СХХХIII, мартъ, 506.
- Писемскій, Алексѣй Теофилакт.,** писат., р. 1820 † 1881 г., т. СХХХV, авг., 221, 307.
- Питиримъ (въ мѣрѣ Пав. Вас. Окновъ),** еписк. тульскій, 1899 г., т. СХХХIII, янв., 171.
- Питиримъ, еписк. тамбовск. т. СХХХV,** июль, 37, 38.
- Плавильщиковъ, актеръ, т. СХХХV,** июль, 156.
- Пласинъ, Вас. Тимоеев., педагогъ,** 1858 г., т. СХХХIV, апр., 191, 192.
- Платовъ, Алекс. Степ., проф. артил.,** писат. по артил., р. 1817 † 1891 г., т. СХХХIII, февр., 406, т. СХХХVI, окт., 48, нояб., 357, 361.
- Платовъ, гр., Матв. Ив., ген.-лейт.,** наказн. атам. войска Донск., р. 1751 † 1818 г., т. СХХХIV, апр., 238, июль, 668, 671—695, т. СХХХV, июль, 159, 163, 164, авг., 402—427, сент., 669, т. СХХХVI, нояб., 327, 520.
- Платонъ, Городецкій, въ мѣрѣ Николай Ив., митроп. кievск.,** † 1891 г., т. СХХХIV, май, 412.
- Платонъ (Левшинъ), митроп. моск.,** р. 1737 † 1812 г., т. СХХХIV, апр., 166, т. СХХХV, июль, 52.
- Платонъ, архимандр., инспект. семинар.,** 1822 г., т. СХХХIII, февр., 411, 415.
- Платинъ, ген.-адъют. команд. отдѣльнымъ гвард. корпус.,** 1858 г., т. СХХХIV, май, 288, 289, 292.
- Плевако, юристъ, 1873 г., т. СХХХIII,** мартъ, 496.
- Плеве, Пав. Адамов., подполк., тов. воен.** мн-ра въ Болгаріи, 1880 г., т. СХХХIV, апр., 28, май, 276.

- Плесси**, драмат. артистъ, 1851 г., т. СХХХIV, май, 453.
- Плетнева**, см. Раевская.
- Плетнева**, Ольга Петровна, т. СХХХV, июль, 118.
- Плетнева**, рожд. княжна Шетинина, 1849 г., т. СХХХV, авг., 307.
- Плетневъ**, Петръ Александров, акад., рект. спб. унив., р. 1792 † 1865 г., т. СХХХIII, янв., 114, февр., 423, 424, 429, 453, мартъ, 688, т. СХХХIV, июнь, 80, 89 — 119, авг., 265 — 316, дек., 764.
- Плецъ**, кадетъ, 1857 г., т. СХХХIII, мартъ, 707, 709.
- Плещеевъ**, Алексѣй Никол., писатель, р. 1825 † 1893 г., т. СХХХIII, янв., 223, мартъ, 641, т. СХХХV, авг., 229—236, 239, т. СХХХVI, дек., 561, 562.
- Плещеевъ**, Сергѣй Иван., масонъ, т. СХХХVI, окт., 89, 92.
- Плышевскій**, С., сообщ.: «Поминки достойнѣшаго человѣка и начальника», т. СХХХIII, февр., 434—435.
- Побѣдоносцевъ**, Конст. Петров., об-прокуроръ синода, р. 1827 † 1907 г., т. СХХХIII, янв., 95, 164—166, 225, февр., 302, т. СХХХVI, дек., 562.
- Погичъ-Загорскій**, гр., далматскій путешественникъ, т. СХХХIII, февр., 296.
- Погодинъ**, Мих. Петр., акад., профес., р. 1800 † 1875 г., т. СХХХIII, янв., 52, февр., 288, 367.
- Пожарскій**, кн., Дм. Мих., дѣятель смутн. времени, † 1641 г., т. СХХХVI, нояб., 507, дек., 661.
- Поздѣвъ**, І. А., масонъ, 1797 г., т. СХХХVI, нояб., 391.
- Поздѣвъ-Вунъ**, посоль польск. 1619 г., т. СХХХVI, дек., 663.
- Покатиловъ**, кад., 1856 г., т. СХХХIII, мартъ, 702.
- Полевой**, Николай Алексѣев., писат., р. 1796 † 1846 г., т. СХХХIII, янв., 117, февр., 455, 456, т. СХХХV, сент., 468, 470.
- Полевой**, П. Н., издат. «Живописнаго Обзорнія», т. СХХХVI, нояб., 402, 403.
- Полежаевъ**, Александръ Ив., поэтъ, † 1838 г., т. СХХХIII, мартъ, 574.
- Полетика**, Вас. Апол., изд. газ. «Молва», 1878 г., т. СХХХIII, мартъ, 640, 641, т. СХХХVI, дек., 558.
- Полетыкъ**, танцовщ., 1800 г., т. СХХХV, июль, 145.
- Ползиковъ**, адъют. князя Болгарскаго, 1881 г., т. СХХХIV, май, 272, 276.
- Поливановъ**, А. А., полковн., редакт. «Военнаго Сборника» и «Русскаго Инвалида», 1899 г., т. СХХХIV, май, 287.
- Поливановъ**, коменд. главн. квартиры, 1878 г., т. СХХХVI, окт., 190.
- Половцовъ**, Валеріанъ Александров., прокур. судебной палаты, 1871 г., т. СХХХIII, февр., 254.
- Полонскій**, Яковъ Петровичъ, поэтъ, р. 1820 г., т. СХХХIII, янв., 7.
- Полотебневъ**, Георгій, протоіерей, инспекторъ, семин., профес. Богословія, 1820 г., т. СХХХIII, февр., 409.
- Полтова**, см. Жукова.
- Полторацкая**, Елизавета Павловна, т. СХХХIII, янв., 146.
- Полуектовъ**, 1815 г., т. СХХХIII, мартъ, 691.
- Поль**, оф. генер.-штаба, 1868 г., т. СХХХVI, дек., 692.
- Пономаревъ**, Александръ, актеръ, т. СХХХV, июль, 144.
- Пландоупо**, капит.-лейт., 1809 г., т. СХХХIV, июнь, 677, 680—682, т. СХХХVI, окт., 287, нояб., 518, 520.
- Поповицкій**, Александръ Ив., издат. «Церковно-обществен. Вѣстника», т. СХХХV, сент., 636, т. СХХХVI, дек., 561.
- Поповъ**, А. В., профес., 1885 г., т. СХХХVI, окт., 250, нояб., 454.
- Поповъ**, Алексд. Васил., проф. казанск. унив., р. 1808 † 1880 г., т. СХХХV, авг., 244, 245.
- Поповъ**, А. Ѳ., профес. математ., р. 1815 † 1879 г., т. СХХХVI, окт., 262.
- Поповъ**, Вас. Влад., помѣщ., 1830 г., т. СХХХVI, дек., 606.
- Поповъ**, М. М., т. СХХХIII, мартъ, 658.
- Поповъ**, Н. А., сообщ.: «Дуаль Эраси съ Мелперомъ-Закомельскимъ». (Изъ воспоминаній стараго гусара), т. СХХХIV, июнь, 597—603.
- Порталисъ**, см. Карцова.
- Порфирій**, епископъ черниговск., т. СХХХIII, янв., 120.
- Поссевицъ**, Антоній, іезуитъ, р. 1534 † 1611 г., т. СХХХVI, дек., 563—573, 670.
- Постяковъ**, И. З., 1894 г. т. СХХХIV, апр., 98.
- Посниковъ**, протоіер., настоят. церкви Св. Николая Голстунскаго, 1766 г., т. СХХХIII, мартъ, 733.
- Потанинъ**, этнографъ, т. СХХХV, сент., 644.
- Потаповъ**, Александръ Львов., ген.-адъют. вилensk. ген.-губерн., р. 1818 † 1886 г., т. СХХХIV, апр., 150.
- Потаповъ**, губерн. воронежск., 1775 г., т. СХХХV, сент., 566.
- Потемкинъ-Таврическій**, кн., Григ. Алексд., р. 1738 † 1791 г., т. СХХХIV, апр., 217, 218, июнь, 614—631, 673,

- 683, т. СХХХV, июль, 145, сент., 437—465, т. СХХХVI, дек., 641.
- Потемкинъ**, гр., Пав. Сергѣевичъ, ген., 1789 г., т. СХХХVI, окт., 5—26, 102, 103, нояб., 320—324.
- Потемкинъ**, ген., Як. Алексѣев., т. 1814 г., т. СХХХIV, май, 361.
- Потемкинъ**, ген.-майоръ, полковой ком., 1814 г., т. СХХХIII, мартъ, 537—539.
- Потоцкая**, гр-ня, 1864 г., т. СХХХIV, май, 336.
- Потто**, В., участн. «Военнаго Сборника», т. СХХХIV, май, 287.
- Потѣхинъ**, А. А., т. СХХХVI, дек., 561.
- Потѣхинъ**, Никол. Антипов., пасат.-драмат., р. 1834 † 1896 г., т. СХХХV, авг., 257.
- Похитоновъ**, чиновн. посольст., т. СХХХIII, мартъ, 577, 578.
- Поццо-ди-Борго**, диплом., † 1842 г., т. СХХХIII, февр., 316.
- Пригаръ**, капит. 11-го Егерскаго полка, 1809 г., т. СХХХV, июль, 166.
- Прозоровскій**, кн., Алексд. Алексд., ген.-фельдм., р. 1732 † 1809 г., т. СХХХIII, мартъ, 711—725, т. СХХХIV, апр., 225—239, июнь, 662—679, 684, 689, т. СХХХV, июль, 179, 182—184, 191.
- Прозоровскій**, кн., ген. 1810 г., т. СХХХV, сент., 667.
- Прокоповичъ**, Н. Я., педаг., 1854 г., т. СХХХIII, мартъ, 692, 693.
- Прокоповичъ**, Θεοφανъ, архіеп. новг., р. 1681 † 1736 г., т. СХХХIV, апр., 12.
- Прокопьевъ**, М., сообщ.: «Памяти Григорія Григорьевича, какъ выдающагося педагога. (Личныя воспоминанія и замѣтки бывшаго кандидата-педагога)», т. СХХХV, сент., 501—546.
- Протасова**, А. А., т. СХХХIV, апр., 161.
- Протасова**, графиня, т. СХХХIII, янв., 96.
- Протопоповъ**, профес., т. СХХХV, июль, 22.
- Прутченко**, капит., 1857 г., т. СХХХIII, мартъ, 707, 708.
- Пузыревскій**, Александръ Казиміров., начальн. шт. Варшав. воен. окр., р. 1846 г., т. СХХХIV, май, 287.
- Пугачевъ**, Емельянъ Ив., † 1775 г., т. СХХХIII, мартъ, 542, 543, т. СХХХV, сент., 565, 573, т. СХХХVI, дек., 642, 643.
- Путилинъ**, И. Д., нач. смысн. полиц., 1874 г., т. СХХХVI, окт., 186, нояб., 294.
- Путило**, 1619 г., т. СХХХVI, дек., 659.
- Путята**, Д. В., нач. шт., т. СХХХVI, окт., 38.
- Путята**, Н. В., 1825 г., т. СХХХVI, дек., 759.
- Пуццалло**, М. К., т. СХХХIII, янв., 64.
- Пушкина**, гр-ня А., 1873 г., т. СХХХVI, нояб., 471.
- Пушкина**, см. Гартонъ.
- Пушкина**, Ольга Сергѣев., т. СХХХVI, дек., 611, 612.
- Пушкинъ**, Александръ Серг., поэтъ, р. 1799 † 1837 г., т. СХХХIII, янв., 10, 38—48, 113—119, 238, февр., 277, 279, 282, 285—288, 300, 419—433, мартъ, 574, 621, 641, 654—662, 689, т. СХХХIV, апр., 61, июнь, 643—645, 648—456, т. СХХХV, июль, 91—94, 98, 101, 113—119, авг., 217—222, 278—283, 290, 294, 304, 308, 309, 313, сент., 471, т. СХХХVI, окт., 109—118, нояб., 491, 492, дек., 608—612, 755, 763, 765.
- Пушкинъ**, Борисъ Ив., 1619 г., т. СХХХVI, нояб., 481, т. СХХХVI, т. дек. 666.
- Пушкинъ**, Левъ Серг., 1824 г., т. СХХХIV, июнь, 648, 649.
- Пушкинъ**, Серг. Львов., т. СХХХVI, окт., 114.
- Пушкинъ**, Александръ Никол., акад., писат., р. 1833 г., т. СХХХIII, янв., 56, т. СХХХVI, окт., 250.
- Пыляевъ**, Мих. Ив., писат., знатокъ спб. старин., р. 1842 † 1899 г., т. СХХХIII, февр., 256, мартъ, 618.
- Пѣшкова-Толмѣцова**, А. Н., издат. журн. «Игрушечка», 1907 г., т. СХХХVI, окт., 198.
- Пясецкій**, Вас. Ив., штабс-капит., инспект. Тульск. Александр. кадетск. корпуса, 1847 г., т. СХХХV, авг., 367.

Р

- Раденъ**, бар., капит. 2-го ранга, 1906 г., т. СХХХIII, янв., 193, 194.
- Радецкий**, Фед. Фед., ген.-отъ-инфант., р. 1820 † 1890 г., т. СХХХIII, февр., 268, т. СХХХIV, май, 282, июнь, 606, 609, т. СХХХVI, окт., 35, нояб., 367.
- Радецкий**, полковн. 1810 г., т. СХХХVI, нояб., 527.
- Радищевъ**, Александръ Николаев., писатель, р. 1799 † 1802 г., т. СХХХIII, мартъ, 574.
- Раевская**, Степанида Александровна, въ зам. Плетнева, т. СХХХV, июль, 118.
- Раевскій**, Мих. Фед., протоіер., р. 1811 † 1884 г., т. СХХХIII, янв., 93.
- Раевскій**, Ник. Ник. ген., † 1829 г., т. СХХХIII, мартъ, 687, т. СХХХVI, окт., 287.

- Раевскій, С.**, сообщ.: «Ксендзъ Касперъ Боровскій, епископъ плоцкій». 1802 † 1885 г., т. СХХХIV, май, 422—428.
- Разгильдѣевъ, Петръ** Имподистовичъ, помощ. командовавш. войск. Варшавск. военного округа, 1847 г., т. СХХХV, авг., 369.
- Разумовскій, гр., Алексѣй** Кирил., мн-ръ народ. просв., р. 1748 † 1822 г., т. СХХХIII, мартъ, 620—624, 630, 632.
- Разумовскій, гр., Андрей**, послан. въ Вѣнѣ 1810 г., т. СХХХV, сент., 664.
- Раковскій, В. Ѳ.**, предсѣд. суда, т. СХХХIII, янв., 167.
- Раковичъ, педагогъ** 1854 г., т. СХХХV, сент., 583.
- Ракѣевъ, ген.**, т. СХХХV, сент., 624—629.
- Рангони, варшавск. нунцій**, 1605 г., т. СХХХIV, апр., 3, 6, 7.
- Растопчинъ, гр., Ѳед. Вас.**, москов. главнок., р. 1763 † 1826 г., т. СХХХIII, февр., 418, т. СХХХIV, апр., 112.
- Рахманиновъ, Порфирій Ѳед.**, воевода, 1675 г., т. СХХХVI, дек., 624—640.
- Рашевскій, И. Ѳ.**, педаг., 1871 г., т. СХХХV, сент., 506, 509, 512, 517, 519, 527—531, 536, 538.
- Ребиндеръ, рожден. Измайлова**, т. СХХХV, сент., 636.
- Ребиндеръ, гр., Робертъ** Ив., ст. секр. Финляндіи, р. 1777 † 1841 г., т. СХХХV, авг., 278.
- Ребиндеръ, Христофоръ**, 1838 г., т. СХХХV, сент., 636.
- Редигеръ, Ѳед. ген.**, 1834 г., т. СХХХVI, окт., 40, 41.
- Рейгеръ, Андрей**, 1619 г., т. СХХХVI, дек., 657, 658.
- Рейтеръ, Мих. Христоф.**, мн-ръ финанс., р. 1820 † 1890 г., т. СХХХIII, янв., 146, т. СХХХIV, июнь, 473.
- Рекъ, ген.-м.** 1787 г., т. СХХХVI, нояб., 318, 319.
- Решинская, Викторія** Антон., 1812 г., т. СХХХIV, июнь, 570.
- Решинскій, ген.**, 1810 г., т. СХХХVI, нояб., 524, 525.
- Решинъ, кн., Ник. Вас.**, ген.-фельдм., р. 1734 † 1801 г., т. СХХХIV, апр., 230, июнь, 666, 668, т. СХХХVI, окт., 11, 12, 15, 91, нояб., 324.
- Рехневскій, полковн.** 1868 г., т. СХХХVI, дек., 691.
- Рибоньеръ, Т.**, г-жа, 1873 г., т. СХХХVI, нояб., 472.
- Рейценштейнъ, контр-адм.**, 1904 г., т. СХХХIV, апр., 82, 83, 90.
- Ренненкампфъ, ген.**, 1903 г., т. СХХХVI, дек., 699.
- Ренненкампфъ, Н. К.**, 1865 г., т. СХХХIII, мартъ, 638.
- Ренненкампфъ, бар.**, преподават. Царскос. лицей, 1812 г., т. СХХХIII, мартъ, 625, 630.
- де Рибера, священ.** испан. посольства въ Россіи, 1727 г., т. СХХХVI, дек., 591.
- Ридейзель, бар.**, гофмарш. болгарск. князя 1880 г., т. СХХХIII, февр., 260.
- Римскій-Корсаковъ, Александръ**, ген.-аншефъ, 1810 г., т. СХХХV, нояб., 526.
- Римскій-Корсаковъ, Никол. Андреев.**, композит., † 1908 г., т. СХХХVI, нояб., 303.
- Ристичъ, 1876 г.**, т. СХХХIV, май, 313.
- Рихтеръ, Александръ** Андр., докторъ, 1812 г., т. СХХХIV, июнь, 570, 571.
- Рихтеръ, А. А.**, чиновн. министерства финанс., 1876 г., т. СХХХIV, май, 304, 305, июнь, 472, 473.
- Рихтеръ, маіоръ**, 1809 г., т. СХХХIII, мартъ, 718.
- Рихтеръ, ген.-лейт.**, 1830 г., т. СХХХV, сент., 486.
- Рихтеръ, поруч.** москов. пол., 1810 г., т. СХХХVI, нояб., 527.
- Ришелье, герц.** ген.-лейт., ген.-губерн. Новороссійскаго края, 1809 г., т. СХХХVI, июнь, 669.
- де-Роберти, кад.**, 1856 г., т. СХХХIII, мартъ, 703.
- Ровинскій, Пав. Аполлонов.**, завѣд. колоніей малолѣт. преступн., 1876 г., т. СХХХV, сент., 587.
- Рогановъ, маіоръ**, 1809 г., т. СХХХIII, мартъ, 726.
- Родионовъ, М. А.**, полковн., 1830 г., т. СХХХV, авг., 382.
- Рожественскій, З. П.**, вице-адмир., 1905 г., т. СХХХIII, янв., 194, т. СХХХIV, апр., 88, 93, 94.
- Рожнецкій, ген.**, начальн. тайной полиц., 1830 г., т. СХХХV, авг., 390, 394, сент., 473, 474, 477, 490.
- Розенбахъ, ген.-ад.**, начальн. шт. спб. округа, 1881 г., т. СХХХIV, апр., 35—38.
- Розенбергъ, херсон. воен. губернат.**, † 1814 г., т. СХХХVI, нояб., 315.
- Рокотова, въ зам. Дятлева**, 1858 г., т. СХХХIV, апр., 187.
- Рокотовъ, кол. совѣтн.**, 1824 г., т. СХХХVI, окт., 113.
- Роллеръ, Андр. Адамов.**, гл. декораторъ Большаго театра въ Спб., 1856 г., т. СХХХVI, нояб., 470.
- Романовскій, Дм. Ильичъ**, ген.-лейт., писат., † 1881 г., т. СХХХIV, май, 285, т. СХХХV, июль, 130.
- Романенко, рус. консулъ въ Галацѣ**, 1877 г., т. СХХХV, авг., 318.
- Романченко, Филиппъ** Архип., чиновн.

Мин. Вн. Дѣль 1883 г., т. СХХХVI, дек., 734.
 Ромеръ, Ѳ., 1865 г., т. СХХХIII, мартъ, 638.
 Ронкони, артистъ, 1851 г., т. СХХХIV, май, 451.
 Ронигъ, одесскій ген.-губерн., 1881 г., т. СХХХIII, февр., 471.
 Рославецъ, стародубск. полковникъ, т. СХХХIV, май, 404.
 Ростовцева, Надежда Аванас., рожд. Сатина, 1853 г., т. СХХХIII, мартъ, 692, 708.
 Ростовцевъ, Як. Ив., нач. шт. учебн.-зав., председатель редакц. комис., р. 1803 † 1860 г., т. СХХХIII, февр., 470, мартъ, 692, 704, т. СХХХIV, апр., 194, 195, т. СХХХIV, авг., 372, 379, т. СХХХVI, окт., 37, 38, 182.
 Ростопчина, Е. П., графиня, поэтесса, т. СХХХIV, июнь, 577.
 Ростопчинъ, гр., Ѳед. Вас., р. 1765 † 1826 г., т. СХХХIII, мартъ, 658, т. СХХХIV, июнь, 520, т. СХХХVI, окт., 91.
 Ротгофъ, ген.-лейт., 1809 г., т. СХХХV, авг., 416.
 Рошннъ, П. А., профес., 1868 г., т. СХХХVI, нояб., 362.
 Ртищевъ, Николай, ген.-лейт., 1809 г., т. СХХХIV, апр., 227.
 Рубинштейнъ, Антонъ Григ., композиторъ, р. 1830 † 1894 г., т. СХХХIII, янв., 9, т. СХХХIV, апр., 186, июнь, 486.
 Рудавскій, поруч., 1767 г., т. СХХХV, июль, 144.
 Рудневъ, Всеволодъ Ѳед., сообщ.: Изъ воспоминаній о плаваніи на крейсерахъ «Африка», т. СХХХIV, май, 369—375, «Отъ Сингапура до Владивостока», т. СХХХVI, нояб., 415—428.
 Румянцевъ, гр., Никол. Петр., канцлеръ, р. 1754 † 1826 г., т. СХХХIII, янв., 75, т. СХХХV, июль, 108.
 Румянцевъ-Задунайскій, гр. Петръ Александр., фельдм., р. 1725 † 1796 г., т. СХХХIV, апр., 232, июнь, 684, т. СХХХV, июль, 161, сент., 670, т. СХХХVI, нояб., 321, 519, 523.
 Руничъ, Дм. Павл., попеч. спб. учебн. окр., † 1860 г., т. СХХХIII, февр., 246.
 Руничъ, Пав., 1800 г., т. СХХХIII, мартъ, 664.
 Русановичъ, Вас., протоп., 1764 г., т. СХХХIII, мартъ, 616.
 Русновъ, судебн. слѣдов., 1873 г., т. СХХХIII, мартъ, 492, 496—498.
 Руссо, кашнт., 1809 г., СХХХIII, мартъ, 720.
 Рутковский, полковникъ, 1810 годъ, т. СХХХV, сент., 661.

Рыкаловъ, Вас., актеръ, т. СХХХV, июль, 144.
 Рыльцевъ, Кондр. Ѳед., поэтъ, декабр., р. 1795 † 1826 г., т. СХХХIII, мартъ, 574, 660, т. СХХХV, июль, 119, сент., 469.
 Рышковъ, владѣлецъ типограф., 1860 г., т. СХХХV, авг., 234.
 Рѣзаво, ген., 1809 г., т. СХХХIV, июнь, 688, т. СХХХV, авг., 416.
 Рѣпинскій, Серг., ген.-маіоръ, 1809 г., т. СХХХIV, апр., 233—236, июнь, 692, 693, т. СХХХV, авг., 408.
 Рѣшетковъ, офиц., 1854 г., т. СХХХIII, мартъ, 693, 708.
 Рябининъ, Констант. Трофим., ген., 1880 г., т. СХХХIV, апр., 30.
 Рябчикова, Пелагея Андр., актриса, 1800 г., т. СХХХV, июль, 150.
 Рязановъ, 1619 г., т. СХХХVI, дек., 659.

С

Сабанѣевъ, ген., 1810 г., т. СХХХVI, окт., 269.
 Саблуковъ, Ѳед. Степан., полковн., 1905 г., т. СХХХIII, мартъ, 670, 671, 679, 685.
 Сабуровъ, Н. Н., прокуроръ 1879 г., т. СХХХVI, дек. 541.
 Сабуровъ, П. А., 1876 г., т. СХХХIV, июнь, 480.
 Савина, Марія Гаврия., артистка, т. СХХХV, авг., 257.
 Савинновъ, Ив., актеръ, 1791 г., т. СХХХV, июль, 149.
 Савицкій, свящ., 1605 г., т. СХХХIV, апр., 3.
 Савичъ, помѣщ. Славяносербск. уѣзда, 1865 г., т. СХХХIII, мартъ, 500.
 Савельевъ, А. С., проф., физикъ, т. СХХХVI, окт., 262, т. СХХХIV, апр., 192.
 Садовскій, Провъ Мих., артистъ, р. 1818 † 1872 г., т. СХХХIV, май, 377.
 Сажъ, придворная франц. актриса, т. СХХХV, июль, 146.
 Сазоновъ, Н. Ф., артистъ, т. СХХХV, авг., 257, т. СХХХVI, окт., 69.
 Савенъ, гр. Фабіанъ Вильгельм., фельдм., р. 1752 † 1837 г., 1814 г., т. СХХХIII, мартъ, 530—534, 539, 540.
 Саковскій, Гавриилъ, 1758 г., т. СХХХV, июль, 43.
 Салаевъ, 1860 г., т. СХХХV, авг., 232.
 Салаговъ, кн. С. И., ген.-аудиторъ, 1800 г., т. СХХХIV, май, 316, 323.
 Салацкій, ген., 1877 г., т. СХХХV, авг., 324, 325.
 Салморанъ, артистка, т. СХХХV, июль, 146.
 Салтыкова, Екатер. Александр., въ зам.

- Тининская, р. 1776 г., т. СХХХVI, окт., 100.
- Салтыковъ, Александръ Васильевичъ, тайн. сов., т. СХХХVI, окт., 100, нояб., 315.
- Салтыковъ, гр., Ив. Петр., ген.-фельдм., москов. воен. губерн., р. 1730 + 1805 г., т. СХХХIII, мартъ, 619, 646, 660, т. СХХХVI, нояб., 474.
- Салтыковъ, Мих. Александр., попечит. казанск. унив., т. СХХХVI, нояб., 322.
- Салтыковъ, Мих. Евгр., см. Щедринъ.
- Салтыковъ, Мих. Глббов., 1619 г., т. СХХХVI, дек., 671, 672.
- Салтыковъ, т. СХХХVI, дек., 658.
- Салтыковъ, гр., Петръ Семен., ген.-фельдм., † 1772 г., т. СХХХIII, мартъ, 729, 731, т. СХХХIV, апр., 164, 165, т. СХХХV, авг., 339.
- Самаринъ, Юрій Ѳед., славяноф., пис., р. 1819 + 1876 г., т. СХХХIII, февр., 290, т. СХХХIV, май, 377, т. СХХХVI, окт., 64.
- Самборскій, Андр. Аван., протоіерей, 1812 г., т. СХХХIII, мартъ, 621, 631, 632.
- Самойлова, Вѣра Вас., артистка, т. СХХХVI, окт., 209.
- Самойлова, Надежда Вас., т. СХХХVI, окт., 209.
- Самойловичъ, Ив., гетманъ, 1674 г., т. СХХХVI, май, 404.
- Самойловъ, гр., Александръ Николаев., тайн. сов., † 1815 г., т. СХХХVI, окт., 101.
- Самойловъ, гр., А. П., 1796 г., т. СХХХVI, окт., 94.
- Самойловъ, Вас. Вас., артистъ, р. 1813 + 1887 г., т. СХХХIII, мартъ, 702, т. СХХХIV, май, 256, 380—382, т. СХХХV, авг., 257—262, т. СХХХVI, окт., 209.
- Самойловъ, гр., гвард. офиц., † 1810 г., т. СХХХIV, апр., 234.
- Самохваловъ, начальн. Александровск. учил., т. СХХХIII, янв., 62.
- Самсоновъ, ген. 1903 г., т. СХХХVI, дек., 699.
- Самусъ, проф. спб. консерв., т. СХХХV, авг., 257.
- Сандуновъ, Сила, актеръ, т. СХХХV, июль, 144.
- Саннинъ, сообщ.: «О серебряныхъ рудѣхъ—въ Чердынскомъ уѣздѣ (1663 г.). т. СХХХIII, февр., 350—352.
- Санковскій, Стеф., ст. совѣтн. 1806 г., т. СХХХIII, янв., 240, 241.
- Сапѣга, Левъ, литовск. канцл., р. 1557 + 1633 г., т. СХХХIV, апр., 9, т. СХХХVI, нояб., 482—486, дек., 657.
- Сапѣга, Янъ, 1619 г., т. СХХХVI, дек., 659—663.
- Саратовъ, учитель, 1847 г., т. СХХХV, авг., 368.
- Сатина, см. Ростовцева.
- Сафоновъ, профес. музыки, т. СХХХV, авг., 257.
- Сахарова, А. Г., писат-ца, т. СХХХVI, окт., 222.
- Сахаровъ, В. В., ген.-ад., воен. мн-ръ, 1864 г., т. СХХХIV, май, 380.
- Сбоевъ, педагог., 1840 г., т. СХХХIII, янв., 106.
- Фонъ-Сваненберхъ, бригадиръ, 1760 г., т. СХХХIV, апр., 178, 179.
- Свербѣевъ, Дм. Никол., авт. записокъ, т. СХХХIII, февр., 277, 282.
- Свистуновъ, (ген., атаманъ Терскаго войска, т. СХХХIV, апр. 213.
- Свѣтлицкій, оф. ген. штаба, 1868 г., т. СХХХVI, дек., 692.
- Свѣтчинъ, оф. ген. штаба, 1868 г., т. СХХХVI, дек., 692.
- Свѣтчиковскій, 1777 г., т. СХХХIV, июнь, 620.
- Свѣшниковъ, книжн. магазинъ, 1860 г., т. СХХХV, авг., 234.
- Святополкъ-Мирскій, ген., 1877 г., т. СХХХIV, июнь, 609, т. СХХХV, июль, 66.
- Северицинъ, Ефимъ, лейт., 1760 г., т. СХХХIII, мартъ, 647, т. СХХХIV, апр., 177, 180, 181.
- Седергольмъ, инженер. поруч., 1854 г., т. СХХХV, июль, 127, 128.
- Семовскій, Мнх. Ив., основат. журн. «Рус. Старины», р. 1837 + 1892 г., т. СХХХIII, февр., 423, мартъ, 642, т. СХХХIV, апр., 200, т. СХХХVI, дек., 558, 675.
- Семенова, Екат. Сем., въ зам. княг. Гагарина, артистка, р. 1786 + 1849 г., т. СХХХV, июль, 109, 110.
- Семенова, пѣвица, 1852 г., т. СХХХIV, май, 466.
- Семеновъ, Д. Д., педагог., т. СХХХV, сент. 541.
- Семеновъ, П. П., предсѣд. географич. об.-ва, т. СХХХVI, окт., 30.
- Семьякинъ, ген., Константинъ Роман., команд. войск. Казанск. воен. округа, † 1866 г., т. СХХХV, июль, 129, 132.
- Семьянатовскій, ген., 1830 г., т. СХХХV, сент., 483, 486.
- Сентъ-Илеръ, К. К., педагогъ, 1871 г., т. СХХХV, сент., 509, 519.
- Сентъ-При, графъ. полковн. 1810 г., т. СХХХVI, нояб., 529.
- Сенявинъ, адм., 1806 г., т. СХХХIV, июль, 557.
- Сергіи, архимандр., 1758 г., т. СХХХV, июль, 43.
- Сергѣевъ, А. Н. сообщ.: «Запечатанная церковь», т. СХХХIV, т. СХХХIV, нояб., 388—390, «Присяга Наполеону

- и моление за него въ Могилевской епархіи въ 1812 г., т. СХХХVI, дек., 577—588, «По поводу статьи Воспоминанія о Дмитріѣ (Муретовѣ), архіепископѣ Одесскомъ», т. СХХХVI, дек., 765.
- Сергій Александровичъ**, вел. князь, т. СХХХVI, окт., 26, 29, нояб.; 304—309, дек. 548—551.
- Серебряковъ**, бригадиръ, † 1762 г., т. СХХХIV, апр., 180.
- Серебряковъ**, полковн., 1760 г., т. СХХХIII, мартъ, 646.
- Серафимъ** (въ міръ Стеф. Вас. Глаголевскій), спб. митропол., р. 1763 † 1843 г., т. СХХХIII, февр., 283, 284.
- Сергіевскій**, Н. А., 1856 г., т. СХХХIII, февр., 297.
- Сергій** (Ляпидевскій), въ міръ Николай, митроп. моск., р. 1820 † 1896 г., т. СХХХIV, май, 413.
- Сергѣевичъ**, В., И., предсѣдат. «Лит. фонда», 1839 г., т. СХХХIV, май, 295, 296.
- Сергѣевъ**, А. Н., сообщ.: «Оригинальная резолюція епископа черниговскаго Порфирія», т. СХХХIII, янв., 120, «Оригинальная резолюція архіепископа Смарагда.» (Изъ жизни нашего духовенства), февр., 450—451, «Изъ жизни нашего духовенства. Воспоминаніе о Дмитріи (Муретовѣ); архіеписк одесскомъ», т. СХХХIV, май, 408—414, «Запечатанная церковь». (Изъ жизни нашего духовенства), т. СХХХVI, нояб., 388—390.
- Сергѣевъ**, Вас., свящ., т. СХХХIII, февр., 459.
- Сергій Александровичъ**, великій кн., т. СХХХIII, янв., 148.
- Сергпутовскій**, консулъ 1885 г., т. СХХХVI, дек., 694, 698.
- Сиверсъ**, графиня, Анна Егоров., т. СХХХVI, нояб., 504.
- Сиверсъ**, гр. Елис. Карл., СХХХVI, дек., 574.
- Сиверсъ**, гр., Карлъ Ефим., об. гофмарш., т. СХХХVI, дек., 574.
- Сиверсъ**, гр., Яковъ Ефимов., новгор. ген.-губерн. † 1808 г., т. СХХХV, сент., 463, т. СХХХVI, дек., 574—576.
- Сиверсъ**, гр., инж. ген.-м., 1810 г., т. СХХХV, сент., 668.
- Сига**, Алексд. Алексѣев., секретарь япон. миссіи въ спб., т. СХХХVI, нояб., 422, 423.
- Сигизмундъ III**, король польскій, † 1632 г., т. СХХХIV, апр., 6, 7, 8, май, 439—450, т. СХХХVI, нояб., 475, 476, 485—489, дек., 664—673, 709—719.
- Сильвестръ**, архимандр., 1676 г., т. СХХХVI, дек., 629—637.
- Симбирскій**, Θεодотій, архіеп., 1840 г., т. СХХХIII, янв., 105, 109.
- Симонова-Хохрякова**, Людмила Христоф., писат-ца р. 1838 † 1906 г., т. СХХХV, сент. 637—648, т. СХХХVI, окт., 215—226, нояб., 397—414.
- Симоновъ**, И. М., рект., Казанск. унив. † 1853 г., т. СХХХV, июль, 26, т. СХХХVI, нояб., 463.
- Симоновъ**, чиновн. мин-ва гос. имущ., 1857 г., т. СХХХV, сент., 636.
- Симонъ**, архіеп. Вологодск. и Бѣлозерскій, 1676 г., т. СХХХIV, апр., 158, 169, т. СХХХV, июль, 210.
- Симпсонъ**, ген., 1855 г., т. СХХХIII, мартъ, 602.
- Синявинъ**, адм., 1806 г., т. СХХХIII, янв., 241.
- Сиповскій**, Вас., педагогъ, т. СХХХVI, дек., 559.
- Сипягинъ**, Вас., помѣщ., 1676 г., т. СХХХVI, дек., 638.
- Ситновъ**, субъ-инспект. Казанск. унив., 1857 г., т. СХХХV, авг., 253.
- Скабичевскій**, Алексд. Мих., писат., т. СХХХIV, июнь, 636, т. СХХХV, авг., 265, 271, т. СХХХVI, дек., 561, 562.
- Скавронская**, см. Багратіонъ.
- Скалонъ**, Алексд. Антонов., оф. 1859 г., т. СХХХVI, окт., 183.
- Скалонъ**, Антонъ Антонов., ген.-майоръ, генеральн. штаба, 1858 г., т. СХХХIV, апр., 186.
- Скалонъ**, Дм. Антон., его воспоминанія, т. СХХХIII, мартъ, 692—709, т. СХХХIV, апр., 185—195, «Письмо М. Д. Скобелева Д. А. Скалону», т. СХХХV, авг., 256, «Донесеніе ген. Скобелева начальнику штаба дѣйстви. арміи», сент., 500, «На службѣ въ лейбъ-уланамъ. 1859, 1864 г., и польское возстаніе 1863 г.», т. СХХХVI, окт., 181—196, нояб., 499—510.
- Скалонъ**, Евстафій Никол., кадѣтъ, 1856 г., т. СХХХIII, мартъ, 697.
- Скалонъ**, Каролина Антоновна, 1858 г., т. СХХХIV, апр., 188.
- Скалонъ**, Николай Антонов., кадѣтъ, 1856 г., т. СХХХIII, мартъ, 697.
- Скалонъ**, Ольга Антоновна, 1858 г., т. СХХХIV, апр., 188, 189.
- Скалонъ**, Петръ Александр., 1856 г., т. СХХХIII, мартъ, 696.
- Скалонъ**, Софія Антонов., 1856 г., т. СХХХIII, мартъ, 696, 700, т. СХХХIV, апр., 188.
- Скалонъ**, Юлія Егоровна, 1858 г., т. СХХХIV, апр., 189.
- Скальковский**, Конст. Апол., горн., инж., писат. 1890 г., т. СХХХIII, янв.,

- 148, т. СХХХIV, апр., 148, т. СХХХVI, окт., 248, дек., 613.
- Скворцовъ, Ив. Вас.,** ред., изд. «Еже-нед. газеты» 1873 г., т. СХХХVI, нояб., 346, 404, 413.
- Скобелевъ, Дм. Ив.,** ген.-лейт., р. 1821 + 1880 г., т. СХХХIV, июнь, 659, т. СХХХVI, нояб., 471, 472.
- Скобелевъ, Ив. Никитичъ,** ген.-отъ-инф., воен. писат., коменд. спб. крѣп., р. 1778 + 1849 г., т. СХХХIV, июнь, 659—660, т. СХХХVI, окт., 79.
- Скобелевъ, Мих. Дм.,** ген.-адъют., р. 1843 + 1882 г., т. СХХХIV, май, 241—253, 274, 279, июнь, 609, 659, т. СХХХV, авг., 256, сент., 500, т. СХХХVI, дек., 689—708, 692.
- Скоробогатый, балетн. артистъ** 1800 г., т. СХХХV, июль, 145.
- Скоронадскій, Ив.,** полковн., стародубск. гетманъ, 1706 г., т. СХХХIV, май, 404.
- Скугаревскій, А. П.,** вполн. начальн., шт. гвард. корп., 1864 г., т. СХХХIV, май, 379.
- Славянский, К. Ѳ.,** профес., 1877 г., т. СХХХVI, окт., 250.
- Слѣпцовъ, Ник. Павл.,** ген., т. СХХХVI, нояб., 493—498.
- Слудскій, Серг. Александр.,** инспект. 1-й москов., корп., т. СХХХVI, окт., 45.
- Смарагдъ, въ мѣрѣ Александръ Крыж-новскій,** рект. спб. акад. съ 1858 г., архіеп., въѣзнокъ + 1863 г., т. СХХХIII, февр., 450, 451, т. СХХХV, авг., 373.
- Смирнова, Александр. Осипов.,** рожд. Россетъ, писательница, р. 1810 + 1882 г., т. СХХХIV, июль, 645.
- Смирнова, С. И.,** въ зам. Сазонова, пис-ца, т. СХХХVI, окт., 69, нояб., 493.
- Смирновъ, свящ.,** т. СХХХVI, дек., 765.
- Смирновъ, Н. П.,** сенат., т. СХХХVI, окт., 261.
- Смирновъ, П.,** сенат., + 1906 г., т. СХХХVI, дек., 722.
- Смирновъ, 1825 г.,** т. СХХХIV, июль, 652.
- Сибсаревъ, полковн.,** 1876 г., т. СХХХIV, июль, 473, 476.
- Собакинъ, Вас. Николаев.,** подпоруч. Имайлов. пол., т. 1744 + 1798 г., т. СХХХVI, дек., 641, 642.
- Собузовъ, полковн.,** 1905 г., т. СХХХIII, февр., 439.
- Соболевскій, Сергѣй Александр.,** библио-графъ, р. 1804 + 1870 г., т. СХХХIII, февр., 426, мартъ, 658.
- Соболевскій, проф.,** т. СХХХIII, янв., 68.
- Совѣтовъ, А. Вас.,** профес., т. СХХХVI, окт., 250.
- Соколовская, Тира Оттон.,** сообщ.: «Два портрета имп. Павла I съ масон-скими эмблемами», т. СХХХVI, окт., 85—95, «Изъ афоризмовъ масона гр. М. Ю. Вѣльгорскаго о масонствѣ», нояб., 391—396. «Изъ доносовъ на масонство», т. СХХХVI, дек., 683—688.
- Соколовскій, Мих. К.,** сообщ.: «Отзвукъ процесса Петрашевскаго во флотъ», т. СХХХIII, янв., 111—112, «Мате-риалы для біографіи А. Ѳ. Воейкова», 232—236, февр., 452—457, мартъ, 687—691, т. СХХХIV, апр., 160—163, «Аракчеевъ подъ слѣдствіемъ (1800 г.)», май, 316—323, «Два письма цесаре-вича Константина Павловича къ Н. Н. Линдстрему 1812 г.», т. СХХХVI, окт. 75—77, «Материалы для біографіи А. Ѳ. Воейкова», нояб., 443—446.
- Соколовъ, А. В.,** проф., т. СХХХV, сен., 591.
- Соколовъ, Ив.,** актеръ, 1791 г., т. СХХХV, июль, 149.
- Соколовъ, Николай Ив.,** инж.-поруч. 1858 г., т. СХХХIV, апр., 189.
- Соколовъ, проф.** 1854 г., т. СХХХV, сент., 581.
- Соллогубъ, графиня,** 1825 г., т. СХХХV, июль, 115.
- Соллогубъ, гр., Влад. Александр.,** писат., р. 1814 + 1882 г., т. СХХХV, июль, 109.
- Соллогубъ, гр., камеръ-юнкеръ,** 1876 г., т. СХХХV, авг., 263.
- Соловьевъ, И. Е.,** проф. консерваторіи, 1874 г., т. СХХХV, авг., 257, 261, 262.
- Соловьевъ, М. П.,** начальн. главн. управл. по дѣламъ печати, т. СХХХIII, янв., 82.
- Соловьевъ, Сергѣй Мих.,** проф., исто-рикъ, р. 1829 + 1879 г., т. СХХХIII, янв., 69, т. СХХХVI, окт., 60, дек. 674.
- Солодовниковъ, 1873 г.,** т. СХХХIII, мартъ, 493—495.
- Сонинъ, Н. Д.,** профес., 1859 г., т. СХХХVI, окт., 250.
- Сонинъ, актеръ,** 1800 г., т. СХХХV, июль, 145.
- Сонцевъ, вѣдомскій предвод.,** дворян., 1865 г., т. СХХХIII, мартъ, 500.
- Сосновскій, оф. ген. штаба,** 1868 г., т. СХХХVI, дек., 692.
- Софія Алексѣевна, царевна,** прави-тельница, + 1704 г., т. СХХХIII, янв., 223, т. СХХХIV, май, 405, т. СХХХVI, нояб., 330, 332.
- Софроній, архим.,** 1759 г., т. СХХХIII, мартъ, 607.
- Соханская (Кохановская),** писательн., 1831 г., т. СХХХIV, июль, 656, 657.
- Спасовичъ, Влад. Данил.,** адвокатъ, р. 1829 г., т. СХХХIII, февр., 254,

- т. СХХХIV, апр., 192, т. СХХХVI, окт., 250, дек., 558, 562.
- Сперанскій**, Михаилъ Мих., р. 1772 † 1839 г., т. СХХХIII, янв., 74, 75, т. СХХХIV, апр., 113, 196.
- Спесивцевъ** мѣш. 1865 г., т. СХХХIII, мартъ, 500.
- Срезневскій**, Изм. Ив., акад., проф., р. 1812 † 1880 г., т. СХХХIII, февр., 380, 382.
- Стааль**, Е., г-жа, т. СХХХVI, нояб., 471, 472.
- Ставицкій**, генераль-маіоръ, 1809 г., т. СХХХIII, мартъ, 717, 719.
- Ставровецкій**, Кириллъ, архим. 1628 г., т. СХХХVI, дек., 669.
- Ставроковъ**, маіоръ, 1809 годъ, т. СХХХIV, июнь, 694.
- Стамбуловъ**, Стефанъ, болгарск., полнт. дѣят., р. 1854 † 1895 г., т. СХХХIV, май, 265, 266, 270, 280.
- Станиславскій**, профессоръ, 1853 г., т. СХХХV, сент., 590.
- Станкевичъ**, Аван. Евламп., т. СХХХVI, дек., 690.
- Станюковичъ**, Конст. Мих., сотруди. «Молвы», писатель, р. 1844 г., т. СХХХIII, мартъ, 641, т. СХХХVI, дек., 561.
- Стасова**, Над. Вас., обществ. дѣятельн., р. 1822 † 1895 г., т. СХХХVI, нояб., 340.
- Стасовъ**, Влад., Вас., сообщ. «Петр. Яковл. Чаадаевъ», т. СХХХIII, янв., 33 — 54,, февр., 271 — 297, «Письма Александра Николаевича Оврова къ Владимиру Васильевичу Стасову», т. СХХХIV, май, 451—470, «Письма Александра Николаевича Оврова къ Владимиру Васильевичу Стасову», июнь, 485—510.
- Стасюлевичъ**, Мих. Матв., историкъ, проф., р. 1826 г., т. СХХХIII, февр., 302, мартъ, 642.
- Стаховичъ**, А. А., т. СХХХIII, февр., 426.
- Стенбокъ**, гр., гофъ-марш., 1885 г., т. СХХХVI, окт., 27.
- Степановъ**, Н. А., т. СХХХIII, мартъ, 573.
- Степановъ**, ген.-маіоръ, 1809 г., т. СХХХIV, июнь, 678.
- Степановъ**, докторъ, т. СХХХIV, июнь, 611, 612.
- Стессель**, ген., 1904 г., т. СХХХIV, апр., 91—94.
- Столѣтовъ**, ген., 1877 г., т. СХХХIV, июнь, 609.
- Стомловъ**, болгарск. дѣят., т. СХХХIV, май, 266.
- Стороженъ**, Ив., актеръ, т. СХХХV, июль, 144, 145, 149.
- Страховъ**, 1777 г., т. СХХХIV, июнь, 616, 620.
- Стремоуховъ**, М. Г., инж., т. СХХХIII, янв., 62.
- Стремоуховъ**, П. Н., директ. Азиатск. департ., 1875 г., т. СХХХIII, янв., 92, февр., 346.
- Строгановъ**, гр., Александръ Сергѣев., презид. акад. худож., р. 1738 † 1811 г., т. СХХХIII, янв., 72—74.
- Строгановъ**, гр., Пав., ген.-маіоръ, 1809 г., т. СХХХIV, июнь, 674, 681, 690—693, т. СХХХV, авг., 402.
- Строгановъ**, гр., Серг. Гринг., попеч. москов. учебн. окр., т. СХХХIII, янв., 56.
- Строгановичъ**, протоіер., 1812 г., т., СХХХVI, дек., 581.
- Струве**, К. В., послан. въ Токію, т. СХХХVI, нояб., 423.
- Струве**, губерн. въ Перми, 1865 г., т. СХХХV, авг., 434.
- Струковъ**, Г. М., 1878 г., т. СХХХV, сент., 500.
- Струсь**, Николай, 1619 г., т. СХХХVI, нояб., 487.
- Стрѣлковскій**, Пав., кадетъ, 1856 г., СХХХIII, мартъ, 702.
- Суворинъ**, А. С., т. СХХХIII, февр., 301, т. СХХХIV, апр., 148, 149.
- Суворовъ-Рыминскій**, князь, Алекс. Вас., фельдм., р. 1729 † 1800 г., т. СХХХIII, янв., 235, т. СХХХIV, апр., 232, 236, июнь, 672, т. СХХХVI, нояб., 318—322, дек., 690, 697.
- Суворовъ**, И., сообщ.: «Къ исторіи винной монополіи 1676 г.», т. СХХХIV, апр., 158 159, т. СХХХV, июль, 74, «Къ исторіи винной монополіи 1670 г.», июль, 210, «Къ путешествію Петра Великаго въ Архангельскъ въ 1694 г.», т. СХХХV, авг., 366. «Къ исторіи Спасо-Каменнаго монаст.», т. СХХХIV, май, 349, 350. «Къ исторіи монастыр.» 1671 г., т. СХХХV, сент., 634.
- Суворовъ**, Н. И., 1873 г., т. СХХХIV, апр., 159.
- Сукнинъ**, коменд. Петропавл. крѣпости, 1807 г., т. СХХХVI, окт., 96.
- Сукманъ**, Ив. Вас., правит. канц. курск. губер., 1881 г., т. СХХХIII, мартъ, 550.
- Сулима**, кап.-лейт., 1812 г., т. СХХХIV, июнь, 571.
- Сумароковъ**, Александръ Петровичъ, писат., р. 1718 † 1777 г., т. СХХХIII, мартъ, 702, т. СХХХV, июль, 136.
- Сумароковъ-Эльстонъ**, гр., 1876 г., т. СХХХIV, июнь, 477.
- Суриновъ**, М. В., чл. кievск. судебн. палаты, † 1903 г., т. СХХХV, сент., 595, т. СХХХVI, нояб., 467.
- Суттофъ**, полковн., 1809 г., т. СХХХV, авг., 408.

Сухозанетъ, Ник. Онуфр., ген.-отъ-арт., ген.-адъют., воен. ин.-ръ, чл. Госуд. Совѣта, † 1871 г., т. СХХХIV, май, 288.

Сухозанетъ, т. СХХХIII, мартъ, 709.

Сухомлиновъ, Влад. Александровичъ, т. СХХХIV, май, 251.

Сухотинъ, Н. Н., чл. Государ. Совѣта, ген.-отъ-кавал., т. СХХХIV, июнь, 606.

Сухтеленъ, гр., Петръ Корнил., инж.-ген., р. 1751 † 1836 г., т. СХХХIII, февр., 452.

Сущковъ, Николай Вас., драматургъ, поэтъ, р. 1796 † 1871 г., т. СХХХIII, янв. 33, февр., 296, т. СХХХIV, июнь, 577.

Сысоева, Е. А., писат-ца, 1873 г., т. СХХХVI, нояб., 347.

Сысоевъ, казакъ, 1809 г., т. СХХХIV, июнь, 686.

Сѣлецкій-Джурдаъ, Антонъ, 1812 г., т. СХХХIII, мартъ, 627.

Сѣмашко, Иосифъ, литовск. митр., р. 1798 † 1868 г., т. СХХХIV, апр., 12.

Сѣровъ, Алексд. Николаев., композит., его письма, т. СХХХIV, май, 451—470, июнь, 486—510.

Сѣряковъ, Лаврент. Авксент., художн.-граверъ, † 1881 г., т. СХХХVI, нояб., 339—344.

Т

Таганцевъ, Н. С., т. СХХХVI, дек., 538.

Талкинъ, офиц., 1857 г., т. СХХХIII, мартъ, 708.

Талыгинъ, Петръ Ѳед., полк., 1772 г., т. СХХХVI, нояб., 312.

Таль, оф. ген.-шт., 1868 г., т. СХХХVI, дек., 692.

Тарасенко-Орѣшковъ, Наркизъ Ив., т. СХХХIII, февр., 428—433.

Татищева, Е. И., 1865 г., т. СХХХIV, май, 348.

Татищевъ, Алексѣй Данилов., ген.-ад., ген.-полицеймейст., т. СХХХIII, янв., 230, 231, февр., 459—461.

Татищевъ, А. Н., диплом., т. СХХХIII, янв., 93.

Татищевъ, Серг. Спиридон., диплом., т. СХХХIII, янв., 93, 96, мартъ, 568.

Таубе, полковн., 1814 г., т. СХХХIII, мартъ, 534.

Твардохлѣбовъ, Матвѣй, арианскій проповѣдн., 1606 г., т. СХХХIV, апр., 2—4.

Тебенъевъ, поручикъ, 1874 г., т. СХХХVI, окт., 294, 296.

Телесницкая, Варвара Николаев., см. Трегубова.

Телесницкій, Алексѣй Влад., тайн. сов., † 1906 г., т. СХХХVI, окт., 97—108, нояб., 311—328.

Телесницкій, Влад. Ник., шт.-ротм. Уланск. пол., т. СХХХVI, нояб., 325.

Теплова, Серафима, писат., 1830 г., т. СХХХV, сент., 468—471.

Тепловъ, стат.-секрет., т. СХХХIV, апр., 165.

Терентьевъ, Мих., 1812 г., т. СХХХIII, мартъ, 627.

Терновскій, секр., 1820 г., т. СХХХIII, февр., 415.

Терпигоровъ, Сергѣй Никол., (псевдонимъ Атава), беллетристъ, р. 1841 † 1895 г., т. СХХХIII, мартъ, 618.

Тетенбергъ, бар., А., 1873 г., т. СХХХVI, нояб., 471.

Тетеревниковъ, ген., команд. 37 артил. дивизіи, 1865 г., т. СХХХV, июль, 130.

Тетеринъ, офиц., 1847 г., т. СХХХV, авг., 369, 370.

Тетинборнъ, бар., А., 1873 г., т. СХХХVI, нояб., 472.

Тизенгаузенъ, графиня, т. СХХХIII, янв., 96.

Тимашева, К., г-жа, 1873 г., т. СХХХVI, нояб., 471, 472.

Тимашевъ, Александръ Егор., ин.-ръ внут. дѣлъ, ген.-ад., р. 1818 † 1893 г., т. СХХХIV, апр., 150.

Тимлеръ, Алексд. Карлов., полковн., 1880 г., т. СХХХIII, февр., 260—265, апр., 20—44, май, 273—279.

Тимлеръ, А., сообщ.: «Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ. Скобелевъ», т. СХХХIV, май, 241—253.

Тимошукъ, Вѣра Вас., сообщ.: «Александръ I и королева Гортензія», янв., 179—191, февр., 307—322, «Сношенія Россіи съ папскими престоломъ въ 18 вѣкѣ», 353—366, май, 439—438, окт., 155—180, нояб., 373—387, декабрь, 589—606; «Къ исторіи Крымской кампаніи», мартъ, 587—604; «Изъ дипломатической переписки сэра Гжемса Гарриса, графа Мальмсбюри, 1782 г.», апр., 217—224, июнь, 613—632, сент., 437—165; «Петръ Великій и Людовикъ XIV», нояб., 329—338, «Изъ воспоминаній Витгенштейна», дек., 735—742.

Тиньковъ, Сергѣй Ник., ген.-майоръ, директ. корпуса, 1847 г., т. СХХХV, авг., 367, 371, 372, 378.

Титовъ, проф. Кіевск. дух. акад., т. СХХХVI, дек., 765.

Титовъ, Влад. Павлов., 1857 г., т. СХХХV, авг., 310.

Тихонравовъ, Николай Саввичъ, проф., писат., р. 1832 † 1893 г., т. СХХХIII, янв., 55—61, 66, 67.

Тихонъ, нижнеомовск. архим., 1758 г., т. СХХХV, июль, 43.

- Тихонъ**, еписк. воронежск., 1773 г., т. СХХХV, сент., 564.
- Тишинскій**, Никол. Фед., ген.-м., т. СХХХVI, окт., 100.
- Тодорскій**, П. П., сообщ.: «Докладъ М. М. Сперанскаго, представленный Его Императорскому Величеству Императору Николаю Павловичу 24 января 1835 г.», т. СХХХIV, апр., 196.
- Токаревъ**, тайн. совѣтн., 1876 г., т. СХХХIV, июнь, 472.
- Толбухинъ**, полковникъ, 1809 г., т. СХХХIII, мартъ, 717.
- Толль**, подполковн. генер. штаба, 1809 г., т. СХХХIV, апр., 232, июнь, 676.
- Толмачевъ**, проф., т. СХХХV, авг., 266.
- Толстая**, графиня. см. Менгденъ.
- Толстой**, гр., Алексѣй Константи., писатель, т. СХХХIII, янв., 77, 86, 86, т. СХХХVI, окт., 59.
- Толстой**, гр., Андрей Ив., 1774 г., т. СХХХVI, нояб., 315.
- Толстой**, гр., Василий Андреевичъ, т. СХХХVI, окт., 104.
- Толстой**, гр., В. В., 1824 г., т. СХХХIII, янв., 119.
- Толстой**, гр., Дм. Анд., мн-ръ народн. просв., внутр. дѣль, р. 1823 + 1889 г., т. СХХХIII, янв., 77, 82, 84, 163, мартъ, 551, 552, т. СХХХIV, апр., 151, май, 300, 346, 411, 412, 423, 427, т. СХХХV, сент., 504, 510, т. СХХХVI, нояб., 309, дек., 550, 551, 734.
- Толстой**, гр., Дм. Іаннуаровичъ, т. СХХХIV, апр., 115.
- Толстой**, гр., Левъ Николаев., писат., т. СХХХIII, янв., 77, февр., 298, 300, т. СХХХIV, май, 308, т. СХХХV, авг., 215—222, т. СХХХVI, нояб., 397—399.
- Толстой**, гр., Фед. Ив., 1822 г., т. СХХХIII, февр., 422—427.
- Толстомятовъ**, Анат. Мих., сообщ.: «Въ плѣну у японцевъ», т. СХХХIII, январь, 193—211, февр., 436—449, мартъ, 665—686.
- Толстомятовъ**, Ф. И., проф., т. СХХХIII, янв., 61, 62.
- Топчиевъ**, полицейм., 1881 г., т. СХХХIII, мартъ, 550.
- Тормасовъ**, 1812 г., т. СХХХIV, июнь, 563.
- Тотлебенъ**, графиня, 1886 г., т. СХХХIV, апр., 146.
- Тотлебенъ**, гр., Эдуардъ Ив., воен., инж., виленск., ген.-губ., † 1884 г., т. СХХХIII, февр., 471, т. СХХХIV, окр., 146.
- де-Траверсе**, маркизъ, Ив. Ив., адм., морск. мн-ръ, р. 1754 + 1830 г., т. СХХХIV, июнь, 670.
- Трачевскій**, А., 1619 г., т. СХХХVI, дек., 667.
- Трегубова**, Варвара Никол., въ зам. Телесницкая, первая нач-ца Керченскаго института, † 1851 г., СХХХVI, нояб., 325.
- Трегубова**, Екат. Алексѣев. рожд. Рылванская, р. 1759 г. † 1803 г., т. СХХХVI, нояб., 322, 323.
- Трегубова**, Екат. Алексѣев., рожд. княжна Юсупова, † 1787 г., т. СХХХVI, окт., 100, 108.
- Трегубова**, Екат. Ник., въ зам. Жадовская, † 1887 г. т. СХХХIV, нояб., 327.
- Трегубова**, Екат. Яковл., въ зам. гр. Толстая, т. СХХХIV, окт., 104.
- Трегубова**, Татьяна Алексѣев., см. Зубова.
- Трегубовъ**, Алексѣй Максимов., капит., т. СХХХVI, окт., 99.
- Трегубовъ**, Алексѣй Яковлев., полковн. † 1785 г., т. СХХХVI, окт., 100, 103, 104, нояб., 311—316.
- Трегубовъ**, Никол. Яковлев., сенат., р. 1756 г. † 1845 г. его записки: «Дѣла давно минувшихъ лѣтъ», т. СХХХVI, окт., 97—108, нояб., 311—328.
- Трегубовъ**, Яковъ Алексѣев., р. 1723 + 1791 г., т. СХХХVI, окт. 99, 100, 107.
- Трегубовъ**, Фед. Яковлев., бригадиръ, т. СХХХIV, окт., 104, нояб., 311.
- Трегубъ**, султанъ кабардинск., родонач. сем. Трегубовыхъ, т. СХХХIV, окт., 98.
- Трегубовы**, т. СХХХVI, окт., 97—108.
- Трембицкій**, ген., 1830 г., т. СХХХV, сент., 486, 487, 490.
- Треновъ**, Фед. Фед., спб. градонач., 1876 г., т. СХХХV, авг., 263, т. СХХХVI, окт., 73.
- Третьяковъ**, секундъ-маіоръ, 1787 г., т. СХХХVI, дек., 664.
- Троицкій**, Матв. Мих., проф. философ., † 1899 г., т. СХХХIII, янв., 60.
- Тройницкій**, управл., статист. комит., т. СХХХVI, дек., 724.
- Троцкий**, начальн. штаба Туркестанск. войскъ, 1876 г., т. СХХХVI, дек., 694.
- Троцинскій**, Дм. Прокоф., мн-ръ вст. сенат., р. 1754 + 1829 г., т. СХХХV, июль, 120, СХХХVI дек., 647.
- Трубецкая**, княжна, А., 1873 г., т. СХХХVI, нояб., 471.
- Трубецкой**, кн., Василий, ген.-адъют. 1809 г., т. СХХХIII, мартъ, 725, т. СХХХIV, июнь, 671, т. СХХХV, июль, 163, авг., 409, 410, 423.
- Трубецкой**, кн., Сергѣй Петров., декабристъ, р. 1790 + 1860 г., т. СХХХIII, мартъ, 660.

Трубенской, Юрій, 1619 г., т. СХХХVI, дек., 658.

Тумановъ, кишиневск. полиціймейст. 1809 г., т. СХХХV, авг., 425.

Тургеневъ, Александръ Ив., писат., дир. деп. духов. дѣль, † 1845 г., т. СХХХIII, февр., 280, 281, 287, 289, 293, 299—302, мартъ, 688.

Тургеневъ, Александръ Мих., р. 1772 † 1862 г., т. СХХХVI, нолб., 429.

Тургеневъ, Ив. Серг., писат., р. 1818 † 1883 г., т. СХХХIII, янв., 67, 77, февр., 330, т. СХХХIV, апр., 197, 198, т. СХХХV, авг., 229—240, 266, т. СХХХVI, нояб., 352, 355, дек., 558.

Тургеневъ, Ник. Ив., писат., р. 1789 † 1871 г., т. СХХХIII, янв., 50, т. СХХХV, июль, 221.

Турно, полковн., 1830 г., т. СХХХV, сент., 483.

Туруновъ, Я. Н., редакт. «Русскаго Инвалида», т. СХХХIV, май, 285.

Турчаниновъ, полковн., 1809 г., т. СХХХIII, мартъ, 725.

Тучковъ, ген., 1812 г., т. СХХХIV, июнь, 564, 665, 671, т. СХХХV, июль, 164, авг., 418.

Тырановъ, художн., т. СХХХVI, окт., 154.

Тышкевичъ, ген., 1809 г., т. СХХХIV, апр., 239.

Тьеръ, историкъ, 1870 г., т. СХХХIII, февр., 324—327.

Тюфява, А. Н., издат-ца «Игрушечки», т. СХХХVI, нояб., 350.

Тютчева, Анна Фед., въ зам. Аксакова, воспитат. великой княжны Маріи Александровны, т. СХХХIII, янв., 96.

Тютчева, Дарья Фед., т. СХХХIII, янв., 96.

Тютчева, Екатерина Фед., т. СХХХIII, янв., 96.

Тютчевъ, Никол. Никол., чиновн. департ. удѣловъ, 1845 г.; р. 1815 † 1878 г., т. СХХХIV, апр., 197, 198.

Тютчевъ, Фед., Ив., поэтъ, р. 1803 † 1873 г., т. СХХХIII, янв., 16, 96.

У

Уваровъ, гр., Серг. Сем., мн-ръ народн. проsv., † 1855 г., т. СХХХIII, февр., 284, т. СХХХV, июль, 95, 108, авг., 246, 250, 266.

Уваровъ, ген.-ад., † 1827 г., т. СХХХVI, окт., 282.

Уваровъ, ген., 1810 г., т. СХХХVI, окт., 272.

Улыбашева, см. Панова.

Улыбашевъ, Александръ Дмитр., музыкальный писат., 1827 г., т. СХХХIII,

февр., 274, т. СХХХIV, июнь, 485, 486, 490, 498, 506, 510.

Уманецъ, полковн., 1809 г., т. СХХХIV, июнь, 692.

Умновъ, студ., 1857 г., т. СХХХV, авг., 251.

Ундольскій, В. М., 1849 г. т. СХХХIII, февр., 367, 379.

Унгернъ-Штернбергъ, ин.-м., 1810 г., т. СХХХVI, окт., 280.

Унгернъ-Штернбергъ, бар., провинц. вел. мастеръ рижскихъ ложъ 1800 г., т. СХХХVI, окт., 94, 95.

Униховскій, Мих., 1619 г., т. СХХХVI, дек., 668.

Урусовъ, кн., Александръ Ив., 1879 г., т. СХХХVI, дек., 545.

Усовскій, Семень Ив., офиц., 1857 г., т. СХХХIII, 708.

Усовъ, Сергій Алексѣевичъ, р. 1827 † 1886 г., т. СХХХIII, янв., 60.

Успенскій, Глѣбъ Иван., писатель, т. СХХХVI, нояб., 400, дек., 599.

Успенскій, Д., сообщ.: «Два благодарственныхъ письма Императ. Павлу I», т. СХХХIII, мартъ, 663 — 664, т. СХХХVI, нояб., 474.

Успенскій, М. И., т. СХХХIII, мартъ, 584.

Успенскій, капит., 1-го ранга, 1908 г., т. СХХХIV, апр., 90.

Устиновъ, М. А., помѣщ., т. СХХХIV, июнь, 612.

Ухтомскій, кн., флагманъ, 1904 г., т. СХХХIV, апр., 81, 82, 87, 88.

Ушаковъ, Яковъ, кадетъ, 1856 г., т. СХХХIII, мартъ, 702.

Ушаковъ, ген. - майоръ, 1809 годъ т. СХХХIII, мартъ, 717.

Ушаковъ, гр., Андр. Ив., † 1747 г., нач. тайн. канц., т. СХХХVI, дек., 599.

Ушинскій, Конст. Дмит., педагогъ, 1871 г., т. СХХХV, сент., 506, 511—514, 519.

Ф

Фадѣевъ, полковн., 1876 г. т. СХХХIV, июнь, 479.

Фалеевъ, ген., 1788 г., т. СХХХVI, нояб., 321.

Фалеевъ, бригад., 1791 г., т. СХХХVI, окт., 103.

Фальковский, судебн. слѣдов., 1865 г., т. СХХХIII, мартъ, 501, 502.

Фаменидинъ, см. фонъ-Менгденъ.

Фанъ-деръ-Флитъ, Тимоѳ. Ефремов., псковск. губерн., т. СХХХIII, янв., 235.

Фанъ-Юнгъ, изд. «Кіевск. Телеграфа», т. СХХХIII, мартъ, 638.

Фаресовъ, Анатолій Ив., сообщ.: «За-

- бытая писательница и ея заслуги», т. СХХХV, сент., 637 — 648, т. СХХХVI, окт., 215 — 226, нояб. 397—414.
- Федоровъ** П. С., 1876 г., т. СХХХV, авг., 263.
- Фельдерамъ**, см. Мюнгденъ.
- Феноменовъ**, Никол. Никол., профес. гинекологъ, 1899 г., т. СХХХVI, окт., 250.
- Ферзенъ**, гр., генер.-лейтен., 1789 г., т. СХХХVI, нояб., 320, 321.
- Ферморъ**, гр., ген., 1760 г. т. СХХХIII, мартъ, 650, т. СХХХV, авг., 338, 339.
- Фетъ**, (Шеншинъ) Аванасій Аванасьев., поэтъ, р. 1820 † 1892 г., т. СХХХIII, янв., 7, 8, февр., 256, т. СХХХV, авг., 229—239.
- Филаретъ** (Вас. Михаил. Дроздовъ), митроп. моск., р. 1782 † 1867 г., т. СХХХIII, янв., 65, 92, февр., 367, 368, 373, 410, 411, т. СХХХV, авг., 395, т. СХХХVI, окт., 42.
- Филаретъ**, Θεодоръ Никитичъ Романовъ, патріархъ † 1633 г., т. СХХХVI, нояб., 475—490, дек., 657—674.
- Филипповъ**, Тертіѳъ Ив., госуд. контролеръ, † 1899 г., т. СХХХIII, февр., 323, т. СХХХVI, окт., 62, 63, дек., 551.
- Философова**, Анна Павловна, рожд. Дятлева, т. СХХХIV, апр., 187, 188, т. СХХХVI, окт., 198.
- Фирсовъ**, казакъ, 1905 г., т. СХХХIII, февр., 437—445, мартъ, 669—686.
- Фишеръ**, субъ-инспект. Казанск. унив., 1857 г., авг., 253.
- Флеммингъ**, графиня, см. Лянаръ.
- Фленъ**, педагогъ, 1857 г., т. СХХХV, авг., 258.
- Флугъ**, генер., 1708 г., т. СХХХV, сент., 498.
- Фогель**, Густавъ, Львов., проф., 1855 г., т. СХХХV, сент., 581, т. СХХХVI, окт., 251, 252.
- Фокъ**, Алесд. Викторов., генер.-лейт., 1904 г., т. СХХХIII, янв., 238, т. СХХХVI, нояб., 491.
- Фокъ**, Екатерина Ив., рожд. Осипова, 1908 г., т. СХХХVI, нояб., 491.
- Фонвизинъ**, Денисъ Ив., писатель, † 1792 г., т. СХХХIII, мартъ, 574.
- Фонвизинъ**, Мих. Алесд., декабристъ, 1825 г., т. СХХХIII, мартъ, 660.
- Формесъ**, артистъ, 1851 г., т. СХХХIV, май, 451, 452, 464.
- Фортунаговъ**, А. М., профес., 1891 г., т. СХХХVI, окт., 250.
- Фотій** (Петръ Никитичъ Спасскій), архимандр. Новгород. Монастыя, р. 1792 † 1838 г., т. СХХХIII, янв., 41.
- Францевъ**, В. А., сообщ.: «Къ исторіи нашихъ сношеній съ Черной Горой въ началъ XIX столѣтія», т. СХХХIII, янв., 239—242.
- Фрезе**, Александръ Александр., ген., 1878 г., СХХХIV, апр., 63, 64, июнь, 606, 607.
- Фриде**, Алекс. Як., полковн., 1866 г., т. СХХХIII, февр., 405, т. СХХХVI, окт., 49, 50.
- Фридездорфъ**, маіоръ, 1760 годъ, т. СХХХIV, апр., 178.
- Фридрихъ**, Жозефина, въ зам. Вейсъ, т. СХХХVI, окт., 75—77.
- Фридериче**, полковн. ген. штаба 1810 г., т. СХХХVI, окт., 269.
- Фроловъ**, Алексій Федор., шт.-капит., 1857 г., т. СХХХIII, мартъ, 707.
- Фурино**, полковн., 1830 г., т. СХХХV, сент., 490.
- Фустъ**, акад., 1810 г., т. СХХХIV, июнь, 553.

X

- Ханенко**, Александръ Александровичъ, черниговск. городск. голова, † 1901 г., т. СХХХV, июль, 211.
- Ханенко**, Александръ Ив., археологъ, литерат., т. СХХХV, июль, 211—213.
- Ханыковъ**, адм., 1808 г., т. СХХХIV, июнь, 546, 550.
- Харитоновъ**, сенаторъ, 1886 г., т. СХХХVI, нояб., 305.
- Харламовъ**, подполковн., т. СХХХV, июль, 145.
- Хастатовъ**, генер.-адъютантъ, 1787 г., т. СХХХVI, нояб., 318.
- Хворостинъ**, кн., Ив., 1619 г., т. СХХХVI, дек., 666, 667.
- Хвостовъ**, гр., Дм. Ив., поэтъ, † 1835 г., т. СХХХIII, янв., 41, т. СХХХIV, июнь, 657, т. СХХХVI, нояб., 445.
- Хвоцинская**, Елена Юрьев., рожд. княжна Голицына, писат., т. СХХХIV, май, 294.
- Херасковъ**, масонъ, СХХХVI, окт., 94.
- Хитрово**, Георгій, свящ., 1861 г., т. СХХХV, июль, 52.
- Хитрово**, Мих. Александр., генералъ-консулъ въ Константи., 1878 г., т. СХХХIII, янв., 92, т. СХХХIV, апр., 46, 47, май, 263, 273, 277.
- Хитрово**, Мих., ген.-маіоръ, команд. Нижегород. полка, 1809 г., т. СХХХIV, апр., 233—236.
- Хитрово**, Николай Захаров., полковн., фл.-адъют., 1809 г., т. СХХХIV, июнь, 665.
- Хлоницкій**, Іосифъ, польск. ген., 1830 г., т. СХХХV, сент., 488, 490.
- Хлопова**, Анастасія, боярыня, 1619 г., т. СХХХVI, дек., 671.

Хлѣбниковъ, Х. Н., членъ Гос. Сов. † 1908 г., т. СХХХVI, нояб., 467.
Хмельницкій, Богд., гетманъ, 1651 г., т. СХХХIV, май, 402.
Хованскій, кн., полковн., 1810 г., т. СХХХV, сент., 661, нояб., 529.
Ходковичъ, И. К., гетманъ, 1614 г., т. СХХХVI, нояб., 488, дек., 672.
Хоментовскій, ген. 1813 г., т. СХХХIII, мартъ, 721, т. СХХХIV, июнь, 669, т. СХХХVI, дек., 583.
Хомяковъ, Алексѣй Степ., проф. моск. универ., писат., р. 1804 † 1860 г., т. СХХХIII, янв., 62, февр., 272, 288, 290, 293, т. СХХХIV, май, 410.
Хомятовъ, поруч., т. СХХХV, июль, 71—73.
Хорватъ, уѣздн. предводит., 1881 г., т. СХХХIII, мартъ, 549, 550.
Хохряковъ, т. СХХХV, сент., 636.
Храповицкій, 1787 г., т. СХХХVI, дек., 645, 646.
Христиановичъ, Серг. Филип., слѣдователь, 1860 г., т. СХХХVI, окт., 185, 186, нояб., 504.
Хросцицкій, А. К., сообщ.; «Воспоминанія слѣдователя конца пятидесятихъ годовъ о весьма характерномъ дѣлѣ изъ его практики», т. СХХХIV, апр., 171—176.
Хрущовъ, Борисъ, мичманъ, 1812 г., т. СХХХIV, июнь, 572.
Хрущовъ, прапор., 1772 г., т. СХХХVI, нояб., 312.

Ц

Цеймеръ, Никол. Максимов., астрахан. губерн., 1885 г., т. СХХХIII, февр., 472, 474.
Центиловичъ, лейтен., 1809 г., т. СХХХIV, июнь, 686.
Цигнеусъ, поэтъ, т. СХХХV, авг. 277.
Циклауровъ, оф., ген.-штаба, 1868 г., т. СХХХVI, дек., 692.
Циклинскій, полковн., шт. - офиц., 1868 г., т. СХХХVI, дек., 691.
Цинскій, моск. об.-полицеймейст. 1837 г., т. СХХХIII, февр., 276.
Цицировъ, ген., 1810 г., т. СХХХVI, нояб., 524, 526, 527.
Цукато, гр., ген., 1809 г., т. СХХХIII, мартъ, 718, 719, 723, т. СХХХIV, июнь, 692—694.

Ч

Чаадаевъ, Мих. Яковл., т. СХХХIII, янв., 36, февр., 285.
Чаадаевъ, Петръ Яковл., писат., р. 1793 † 1856 г., т. СХХХIII, янв., 33—54, февр., 271—297, 423, 424, т. СХХХVI, дек., 607.

Чавчавадзе, Арчила, кн., полковн., 1877 г., т. СХХХV, сент., 652, 654.
Чайковский, Петръ Ильичъ, композит., † 1893 г., т. СХХХVI, окт., 185.
Чариковскій, Ф., 1604 г., т. СХХХIV, май, 444.
Чарторыйскій, кн., Адамъ, р. 1734 † 1823 г., т. СХХХIII, янв., 73, 240—242.
Чарторыйскій, кн., Янъ, т. СХХХVI, дек., 676.
Чебышевъ-Дмитріевъ, А. М., проф., 1864 г., т. СХХХVI, окт., 250, 252.
Чевакина, балетн.-артистка, 1800 г., т. СХХХV, июль, 145.
Чевкинъ, ген., 1810 г., т. СХХХV, сент., 665.
Челищевъ, Николай, полковн. команд. 4-го резервнаго баталіона Подольск. полка, 1845 г., т. СХХХVI, май, 254.
Челищевъ, Петръ, сообщ.: «Акростихъ, поднесенный Д. П. Троицкому», т. СХХХV, июль, 120.
Ченгери, ген., команд. 37 артил. див., 1866 г., т. СХХХV, июль, 130.
Черемисинова, г-жа, 1858 г., т. СХХХIV, апр., 187.
Черкасскій, Влад. Александр., мин. внутр. дѣлъ Царства Польск., завѣд. гражд. управл. въ Болгаріи, 1859 † 1878 г., т. СХХХIV, апр., 97, май, 279, 334—338, 343, июнь, 472, т. СХХХV, авг., 317, 318.
Черкасскій-Барятинскій, кн., 1619 г., т. СХХХVI, дек., 663, 664.
Чермоевъ, Идерисъ, кадетъ, 1856 г., СХХХIII, мартъ, 693, 697, 701, 702.
Черникова, Прасковья, актриса, 1799 г., СХХХV, июль, 150.
Черницкій, кад., 1857 г., т. СХХХIII, мартъ, 705.
Чернышевскій, Никол. Гавр., писат., р. 1828 † 1889 г., т. СХХХIII, янв., 56, февр., 300, т. СХХХIV, май, 285, 288.
Чернышевъ, гр. Александръ Ив., ген.-ад., воен. мин-ръ, р. 1785 † 1852 г., т. СХХХIII, янв., 180, т. СХХХIV, июнь, 623, т. СХХХVI, нояб., 496.
Чернышевъ, гр., Григ. Ив., тайн. сов., 1800 г., † 1830 г., т. СХХХVI, дек., 651.
Чернышевъ, гр., Ив. Григ., вице-президентъ адм.-коллегии, т. СХХХVI, дек., 651.
Черняевъ, Мих. Григ., ген., 1880 г., т. СХХХIV, апр., 69—71, май, 304, 307—312, июнь, 474, 480, т. СХХХVI, окт., 74.
Чернявинъ, капитанъ, 1808 г., т. СХХХIV, июнь, 550.
Чертовъ, лейт., 1760 г., т. СХХХIV, апр., 177.

Чеховъ, т. СХХХІІІ, февр., 300.
Чижевѣтъ, капит., 1857 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 693, 706, 708.
Чижевскій, свящ., 1606 г., т. СХХХІV, апр., 3—5.
Чингизъ, ген., 1875 г., т. СХХХV, июль, 7.
Чириковъ, Г. С., писатель, т. СХХХІІІ, янв., 113, мартъ, 669.
Чириковъ, Сергѣй, гуверн. Царское. лицея, 1812 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 625, 627.
Чистяковъ, Вас., сообщ.: «Новые материалы о Н. И. Надеждинѣ. (Къ біографіи)». т. СХХХІІІ, февр., 407—417.
Читау 1-я, артистка, т. СХХХV, окт., 209.
Читау, Марія Мих., арт., т. СХХХVІ, окт. 209.
Чичаговъ, морск. мн-ръ, т. СХХХІV, июнь, 548, 561, 565, 566.
Чудлей, полковн., т. СХХХІІІ, мартъ, 697, 700.
Чупровъ, А. И., профес., т. СХХХІІІ, янв., 65.
Чутиковъ, балетн. артистъ, 1800 г., т. СХХХV, июль, 145.

III

Шабанова, Анна Николаевна, врачъ, предсѣд. женск. взаимно-благотворит. об-ва, 1907 г., т. СХХХVІ, окт., 198.
Шагольскій, 1604 г., т. СХХХVІ, дек., 718.
Шайкевичъ, Самуилъ Соломоновичъ, присяжный повѣренный, 1873 г. т. СХХХІІІ, мартъ, 497.
Шалфѣевъ, дядька Тульск. - Алекс. кадетск. корпуса, 1847 г., т. СХХХV, авг., 368.
Шамбинаго, С., сообщ.: «Письма королю Сигизмунду ІІІ о Самозванцѣ», т. СХХХІV, май, 439—450, т. СХХХVІ, дек., 709—719.
Шамбровскій, балетн. артистъ, 1800 г., т. СХХХV, июль, 145.
Шаниръ, Ол., писательн., т. СХХХVІ, нояб., 411.
Шатиловъ, полковникъ, 1810 г., т. СХХХVІ, нояб., 525.
Шатохинъ, консулъ, 1885 г., т. СХХХІV, май, 266—268.
Шауманъ, оф. ген.-шт., 1868 г., т. СХХХVІ, дек., 692.
Шауфусъ, Николай Конст., мн-ръ путей сообщ., 1908 г., т. СХХХІV, май, 379.
Шафировъ, бар., дипломатъ, 1710 г., т. СХХХVІ, нояб., 337, 376, 385, 386.
Шаховскій, кн., Александръ Александровичъ, драм. писатель, р. 1777 † 1846 г., т. СХХХІІІ, февр., 423.

Шахматовъ, А. А., прокуроръ, судебн. палаты, 1865 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 501.
Шаховской, К., 1822 г., т. СХХХІІІ, февр., 423.
Шаховъ, Александръ, Александр., проф., † 1877 г., т. СХХХІІІ, янв., 68.
Шванебахъ, Борисъ Антонов., ген.-маіоръ, инженеръ, 1864 г., т. СХХХІV, май, 374, 380, т. СХХХVІ, окт., 45—53.
Шварценбергъ гр., фельдмарш., 1814 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 528, 530, 538.
Шварцъ, команд. Семеновск. полка, 1820 г., т. СХХХІІІ, янв., 48, мартъ, 522.
Шварцъ, Влад. Максим., ген.-ад., 1857 г., т. СХХХV, авг., 259.
Шварцъ, масонъ, т. СХХХVІ, окт., 92.
Шведеръ, Николай Борис., капит., командиръ перв. дивиз. Михайл. артил. учил. 1865 г., т. СХХХІІІ, февр., 403—406.
Шевичъ, ген.-м. 1787 г., т. СХХХVІ, нояб., 318.
Шевичъ, добров. въ Сербіи, гвард., 1876 г., т. СХХХІV, май, 311.
Шемьковъ, Степ. Петров., проф., р. 1806 † 1864 г., т. СХХХІІІ, февр., 282, 292, т. СХХХV, авг., 293.
Шениъ, Мих., бояр. 1619 г., т. СХХХVІ. нояб., 486, дек., 663—665.
Шелкинтъ, офиц. 1847 г., т. СХХХV, авг., 370, 374.
Шелковниковъ, полковн., команд. полка 1886 г., т. СХХІV, апр., 135, 146.
Шеллеръ-Михайловъ, А. К., писат. т. СХХХVІ, нояб., 402—413.
Шелтинъ, Алексѣй, капит. 1760 г., т. СХХХІV, апр., 177—181.
Шембекъ, ген., 1830 г., т. СХХХV, сент. 489.
Шенишинъ Аван. Аван., см. Фетъ.
Шенишинъ, полковн., † 1808 г., СХХХІV, апр., 236.
Шенелевъ, Александръ Александров., фл.-адъют., полковн., 1880 г., т. СХХХІІІ, фев., 260, 261, т. СХХХІV, май, 262, 263, 273, 277, июнь, 473.
Шенишинъ, бар., фл.-ад., т. СХХХІІІ, янв., 41.
Шервашидзе, кадетъ, 1857 г., СХХХІІІ, мартъ, 705.
Шереметева, Л., 1873 г., т. СХХХVІ, нояб., 471.
Шереметевъ, Борисъ Петров., сподвиж. Петра фельдм., р. 1652 † 1719 г., т. СХХХІV, май, 430—434, т. СХХХV, сент., 496.
Шереметевъ, гр., Н. П., т. СХХХІІІ, янв., 72.
Шереметевъ, гр., Сергѣй Дм., 1881 г., т. СХХХІІІ, янв., 63, 64.

- Шереметевъ**, Фед. Иванов., 1619 г., т. СХХХVI, нояб., 481, дек., 661—665.
- Шершневъ**, кад., 1857 г., т. СХХХIII, мартъ, 706.
- Шестаковъ**, офиц., 1808 г., т. СХХХIV, июнь, 550.
- де-ла-Шетарди**, франц. посл., 1741 г., т. СХХХVI, дек., 600, 604.
- Шигунигъ**, Мих. Мих., техникъ, 1905 г., т. СХХХIII, янв., 201—210, февр., 437—449, мартъ, 667—686.
- Шильдеръ**, Ник. Карл., ген.-лейт., историкъ, р. 1842 † 1902 г., СХХХIV, май, 287.
- Шимаевскій**, педагог., 1847 г., т. СХХХV, авг., 368.
- Ширинскій-Шихматовъ**, кн. Платонъ Александр., мп-рь народн. просв., р. 1790 † 1853 г., т. СХХХV, июль, 25.
- Шипкигъ**, Н. П., генеральн. консулъ въ Бѣлградѣ, 1876 г., т. СХХХIII, янв., 91, февр., 342, т. СХХХIV, июнь, 480.
- Шипкигъ**, Трифонъ, помѣщ., 1676 г., т. СХХХVI, дек., 638.
- Шипкигъ**, мн-рь иностр. дѣлъ, т. СХХХIV, июнь, 482.
- Шлиттеръ**, ген. 1810 г., т. СХХХVI, нояб., 512—520.
- Шлюбовскій**, управл. имѣніемъ кн. Чарторыйскаго, т. СХХХVI, дек., 676, 680.
- Шляпкинъ**, Илья Александр., проф., т. СХХХIII, мартъ, 654, 655.
- Шмальцъ**, Валентинъ, арианск. богословъ, † 1622 г., т. СХХХIV, апр., 1.
- Шмидтъ**, лейт., 1905 г., т. СХХХIV, апр., 87.
- Шомпулева**, Вѣра В., т. СХХХIV, июнь, 611, 612.
- Шомпулевъ**, В. А., сообщ.: «Пикникъ подъ Николинъ день», т. СХХХIV, июнь, 611—612, «Изъ записокъ стараго помѣщика: Быль изъ прошлаго», т. СХХХV, июль, 57—73; Дитя любви, июль, 121—123; «Крахъ земельныхъ банковъ», авг., 223—226; «Начальникъ Соколовой горы», 382; «Рядъ похищений и увлечений», сент., 551—558; «Вруны», т. СХХХVI, окт., 78—80; «Замѣтки стараго Кавказца», нояб., 493—498. «Дворянинъ помѣщикъ въ кампавкѣ», (изъ записокъ стараго помѣщика), т. СХХХVI, дек., 606.
- Шницбергъ**, оф., ген.-шт., 1868 г., т. СХХХVI, дек., 692.
- Шрейеръ**, Юлій, корресп., 1876 г., т. СХХХIV, июнь, 471.
- Штакельбергъ**, бар., О. Р., контр-адм., т. СХХХVI, нояб., 421, 424.
- Штакельбергъ**, гр., послан. 1866 г. т., СХХХVI, окт., 240, 241.
- Шталь - фонъ - Гольштейнъ**, гусаръ, 1830 г., т. СХХХV, сент., 473.
- Шторхъ**, Андр. Карлов., вице-президентъ акад. наукъ, р. 1766 † 1835 г., т. СХХХIV, июнь, 643.
- Штрикъ**, оф. ген.-штаба 1868 г., т. СХХХVI, дек., 692.
- Штубендорфъ**, полковн., 1868 г., т. СХХХVI, дек., 691.
- Штюмеръ**, полковн., воен. цензоръ, 1858 г., т. СХХХIV, май, 288—292, т. СХХХVI, окт., 119—128, нояб., 435—441.
- Шубинскій**, Серг. Никол., писат., т. СХХХVI, окт., 219, дек., 558.
- Шувалова**, С., гр-ня, 1873 г., т. СХХХVI, нояб., 473.
- Шуваловъ**, гр., П., 1873 г., т. СХХХVI, нояб., 471, 472.
- Шуваловъ**, гр., Пав. Андр., команд. гвард. корп. 1879 г., т. СХХХIV, май, 274.
- Шуваловъ**, гр., Петръ Андр., ген.-губ. Остзейск. края, впослѣд. шефъ жанд.; посолъ въ Лондонѣ, р. 1827 † 1889 г., т. СХХХIV, апр., 150.
- Шуйскій**, кн., Вас. Ив., † 1612 г., 1604 г., т. СХХХIII, янв., 218, 221, 222, т. СХХХVI, нояб., 477, 482, дек., 666.
- Шуйскій**, Дмитрій, 1619 г., т. СХХХIV, нояб., 482.
- Шуйскій**, Ив., 1619 г., т. СХХХVI, дек., 658.
- Шуйскій**, офиц., т. СХХХV, июль, 66.
- Шулеповъ**, шт.-капитанъ, 1857 г., т. СХХХIII, мартъ, 706.
- Шульгинъ**, Виталій Яковл., проф., † 1879 г., т. СХХХIII, янв., 80, мартъ, 638, 641, т. СХХХIV, май, 300.
- Шульгинъ**, 1830 г., т. СХХХV, сент., 473.
- Шульговская**, Александра Никол., переводчица, т. СХХХIII, янв., 32.
- Шульжевскій**, 1878 г., т. СХХХIII, фев., 337.
- Шумигорскій**, Евг. Севастіанов., писат., историкъ, сообщ.: «Начало бюрократіи въ Россіи», т. СХХХIII, янв., 71—76.
- Шумскій**, Серг. Вас., артистъ, 1821 г., т. СХХХIV, май, 377.
- Шумскій**, Яковъ, актеръ, 1791 г., т. СХХХV, июль, 148.
- Шушеровъ**, Як., актеръ, 1791 г., т. СХХХV, июль, 144, 149.

III

Щедригъ (Салтыковъ), Мих. Евгр., писат., р. 1826 † 1889 г., т. СХХХIII, янв., 77, февр., 249, т. СХХХVI, нояб., 399.

Щенсновичъ, капит. 1 ранга, 1904 г., т. СХХХIV, апр., 79, 90.
Щепинъ, Дм. Фед., 1774 г., т. СХХХVI, нояб., 315.
Щепкинъ, Мих. Семенов., актеръ, † 1790 г., т. СХХХIII, февр., 300.
Щепчинскій, дворян., 1865 г., т. СХХХIII, мартъ, 500.
Щербатова, Анна Мих., княжна, т. СХХХIII, янв., 36.
Щербатова, княжн. въ зам. Александрова, т. СХХХVI, окт., 75.
Щербатовъ, кн., Дмитрій Михайлов., т. СХХХIII, янв., 36—38.
Щербатовъ, кн., Мих. Мих., писат., историкъ, р. 1733+1790 г., т. СХХХIII, янв., 35—38.
Щербатовъ, кн., ген.-м. 1810 г., т. СХХХV, сент., 661.
Щербина, Никол. Фед., поэтъ, его замѣтки, т. СХХХIV, июнь, 577—580.
Щеглинина, княжна, см. Плетнева.
Щеглевъ, Никол. Дм., капит., 1772 г., т. СХХХVI, нояб., 312.
Шукнинъ, Петръ Ив., т. СХХХVI, окт., 85.

Э

Эбергардъ, педагог., 1856 г., т. СХХХIII, мартъ, 702.
Элиотъ, контръ-адм., 1814 г., т. СХХХIV, май, 363.
Элиотъ, полковн., 1858 г., т. СХХХIV, апр. 194, 195.
Эльманъ, Л. Л., (протопинъ Загорѣцкаго), т. СХХХVI, дек., 611—613.
Эльснеръ, бар., т. СХХХIII, янв., 212.
Эльстонъ, Ф., 1873 г., т. СХХХVI, нояб., 471, 472.
Эминъ, 1789 г., т. СХХХVI, дек., 646.
Эмме, ген., 1812 г., т. СХХХVI, нояб., 443.
Энгельгардтъ, А. С., чиновн., 1876 г. СХХХIV, июнь, 477.
Энгельгардтъ, Александра, въ замуж. кн. Голицына, 1779 г., т. СХХХIV, июнь, 627.
Энгельгардтъ, Анастасія Львовна, въ зам. Баратынская 1826 г., т. СХХХVI, дек., 760.
Энгельманъ, ген., 1830 г., т. СХХХV, сент., 486.
Эндаурова, Любовь Меркурьев., худож., т. СХХХVI, нояб., 351.
Эншель, оф. ген.-штаба, 1868 г., т. СХХХVI, дек., 692.
Эннатскій, Вас. Вас., 1860 г., т. СХХХVI, окт., 245.
Эрасм, поруч. 1842 г., т. СХХХIV, июнь, 597—603.
Эрнротъ, Казиміръ Густавовичъ, ген.-

лейт., 1881 г., т. СХХХIV, апр., 38—46, май, 263, 272—275.
Эртель, ген., 1812 г., т. СХХХIV, июнь, 563, 564, 575.
Эссель, А., 1873 г., т. СХХХVI, нояб., 471.
Эссель, Николай, ген.-лейт., 1809 г., т. СХХХIII, мартъ, 712, 713, т. СХХХIV, апр., 227, 230, 236, июнь, 664, 669, 670, 675, 680, т. СХХХV, авг., 416—423, 428, т. СХХХVI, окт., 276, 287, нояб., 515.
Эссель, рижск. воен. губернатор., 1812 г., т. СХХХVI, нояб., 443, 444.
Эссель, капит. 1-го ранга, 1904 г., т. СХХХIV, апр., 78, 89, 91.

Ю

Юревичъ, П. Д., проф., т. СХХХIII, янв., 58, т. СХХХIV, май, 379.
Юревичъ, проф., 1865 г., т. СХХХVI, окт., 50.
Юсупова, княж., Анна Алексѣев., въ зам. Лопухина, † 1794 г., т. СХХХVI, окт., 100.
Юсуповъ, князь, Н. Б., т. СХХХV, сент., 471.
Юсуповъ, кн., главн. директ. театровъ, 1791 г., т. СХХХV, июль, 142, 143, 148.
Юханцевъ, 1883 г., т. СХХХV, авг., 223.
Юшеновъ, П. Н., директ., Кіевск. кадет. корпус., 1872 г., т. СХХХVI, окт., 45, 47, 53, нояб., 368.

Я

Яворскій, Стефанъ, іерархъ и духовн. писат., † 1722 г., т. СХХХVI, окт., 157, 158, нояб., 380.
Ядринцевъ, Ник. Мих., писат., т. СХХХV, сент., 643—646.
Языковъ, М. А., т. СХХХIV, апр., 197.
Языковъ, Николай Мих., поэтъ, р. 1803 † 1846 г., т. СХХХIII, янв., 33, февр., 289, мартъ, 689.
Языковъ, полковн., директ. Тульск.-Александр. кадетск. корпуса, 1847 г., т. СХХХV, авг., 367.
Якимовъ, капит. 1 ранга, 1809 г., т. СХХХIV, апр., 225, 231, июнь, 675, 677.
Яковлевъ, Алексѣй, актеръ, т. СХХХV, июль, 144.
Якушкинъ, В. Е., т. СХХХIII, мартъ, 655, 657.
Якушкинъ, Иванъ Дм., декабр., т. СХХХIII, янв., 52.
Янжулъ, И. Ив., акад., 1890 г., т. СХХХIV, май, 296.

Янковичъ, Александръ Ефим., 1847 г., т. СХХХV, авг., 374.

Янковичъ, Петръ, Еф., воен., 1847 г., т. СХХХ, авг., 370, 374.

Яновичъ, Леонидъ Александровичъ подпоруч., т. СХХХІІІ, янв., 237, 238.

Янковскій, Евген. Осип., губерн. въ Житом., 1889 г., т. СХХХІІІ, мартъ, 552.

Янковскій, док., 1868 г., т. СХХХVІ, нояб., 367.

Янчевичевъ, акт., 1800 г., т. СХХХV, іюль, 145.

Янышевъ, І. Л., ректоръ, 1871 г., т. СХХХV, сент., 505.

Ястребовъ, профес. Кіевск. акад., т. СХХХVІ, дек., 765.

Ө

Федоровъ, Ник. Павл., шт. - капит., т. СХХХVІ, нояб., 358.

Федотова, Гликерія Николаев., рожд. Повдняякова, артистка, т. СХХХІV, май, 377.

Феодоръ Алексѣевичъ, царь. р. 1661 † 1682 г., т. СХХХVІ, нояб., 330, дек., 638, 639.

Феодоръ Іоанновичъ, царь, р. 1557 г., † 1598 г., т. СХХХІV, апр., 110 дек., 570, 572, 710.

Феодосій (Голосницкій), епископъ Тамбовск., 1773 г., т. СХХХV, сент., 559, 561, 567, 571—573, 576.

Феофистовъ, Евг. Мих., начальн. Главнаго управл. по дѣламъ печати, т. СХХХІІІ, янв., 82.

Феофанъ Прокоповичъ, 1727 г., т. СХХХVІ, нояб., 380, 387, дек., 591, 594—599, 665, 671.

Феофилактъ, (Русановъ), экзархъ Грузіи, † 1821 г., т. СХХХVІ, дек., 579—584.

Феофилъ, тамбовск. еписк., 1764 г., т. СХХХV, іюль, 48.

Фоминъ, А. А., 1845 г., т. СХХХІV, май, 256.

Фотіевъ, Гавріилъ Мартынов., капиталистъ, † 1683 г., т. СХХХІV, апр., 159.

